Годъ сорокъ первый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1903

1.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1903.

ПО ПОВОДУ 25-ЛѢТІЯ СО ДНЯ СМЕРТИ Н. А. НЕКРАСОВА.

Минуло 25 лѣтъ со дня смерти Н. А. Некрасова. Стихла та борьба разныхъ направленій, которая кипѣла вокругъ его имени. Наступило время спокойной оцѣнки его поэзіи. Когда-то И. С. Тургеневъ сказалъ о стихахъ Некрасова, что въ нихъ „ея-то, поэзіи-то, и нѣтъ на грошъ". Это вполнѣ несправедливо. Некрасовъ настоящій и значительный поэтъ. У него самобытный стихъ, свои, ему одному свойственные размѣры и рифмы,—а это, хотя и внѣшній, но вѣрный признакъ истиннаго дарованія. Стихи Некрасова легко узнать безъ подписи съ первыхъ строкъ. Послѣ Пушкина и Лермонтова онъ запѣлъ на особый ладъ, не подражая своимъ учителямъ, что также доступно только большимъ дарованіямъ. Некрасовъ сумѣлъ найти красоту въ такихъ областяхъ, передъ которыми отступали его предшественники. Онъ первый далъ художественное изображеніе деревни. Его сумрачныя картины сѣверной столицы могутъ быть поставлены рядомъ съ лучшими стихами „Мѣднаго Всадника" и „Евгенія Онѣгина". Какъ никто, умѣлъ Некрасовъ пользоваться образами Русскаго сказочнаго міра. Въ описаніяхъ природы иногда онъ почти достигаетъ Тютчевской зоркости.

Первый сборникъ стиховъ Некрасова появился въ 1840 году. Это тѣ извѣстные „Мечты и Звуки", которые онъ послѣ самъ скупалъ и уничтожалъ. Передъ выпускомъ книги Некрасовъ носилъ ее къ В. А. Жуковскому. „Меня принялъ, разсказывалъ Некрасовъ, сѣденькій, согнутый старичекъ... Онъ *похвалилъ одно изъ этихъ стихотвореній, сказалъ, что у меня есть талантъ*, но къ этому прибавилъ: „Вы потомъ пожалѣете, если выпустите эту книгу". Очень примѣчательно, что Жуковскій угадалъ дарованіе въ Некрасовѣ на самой зарѣ его дѣятельности.

„Мечты и Звуки"—тоненькая, плохо напечатанная книга (Спб. въ типографіи Е. Алипанова, цензурное разрѣшеніе 25 Іюля 1835 года). Въ ней 44 стихотворенія. Врядъ ли мы ошибемся, если предположимъ, что похвалилъ въ ней Жуковскій именно *первое* стихотвореніе, „Колизей", безспорно лучшее. Оно слишкомъ длинно, въ немъ много риторики и „широкіе размахи неопытной руки, еще не знающей краю", но въ немъ есть какое-то слабое, но явное вѣянье настоящей поэзіи. Въ началѣ поэтъ отъ своего лица говоритъ о Колизеѣ:

Угрюмое зданье! Вѣка пробѣжали,
Пока къ разрушенью ты сдѣлало шагъ,
Ты крупная буква на темной скрижали
Погибшихъ столѣтій; ты имъ саркофагъ.

Далѣе рѣчь ведетъ самъ Колизей:

Великимъ умомъ я задумано было,
И думу глубокую—множество рукъ
Въ существенность тяжкимъ трудомъ обратило,
Въ красѣ величавой возстало я вдругъ...
Судьба въ разрушенью мнѣ путь указала:
Сперва, какъ старикъ, къ нему тихо я шло;
Потомъ, словно юноша, быстро бѣжало,
А было ужъ старо и сѣдо чело.
Что день, то я новыя знало потери:
Всѣ люди считали меня за свое,
И рвали въ куски, какъ голодные звѣри,
Невѣжды, изящное тѣло мое...

Въ „Мечтахъ и Думахъ" особенно опредѣленно сказывается вліяніе двухъ поэтовъ—Лермонтова и Бенедиктова, хотя есть отголоски Пушкина и Баратынскаго. Лермонтовъ былъ тогда „властителемъ думъ"; а стихи Бенедиктова, вышедшіе въ 1835 году, были еще у всѣхъ на устахъ. Судя по тому, что Некрасовъ иногда почти буквально повторяетъ ихъ образы и выраженія, надо думать, что онъ зачитывался ими. Характерно, что именно Некрасовъ, чья поэзія впослѣдствіи отличалась такой трезвостью, увлекался въ юности и необузданностью

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

1903.

1.

РУССКІЙ АРХИВЪ

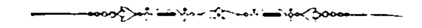
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Хороша наша деревня,
Только улица грязна;
Хороши наши ребята,
Только славушка худа.
Старинная поговорка.

1903.

КНИГА ПЕРВАЯ



МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1903.

ИМПЕРАТОРЪ ІОСИФЪ ВТОРОЙ ВЪ РОССІИ.

(1780).

Письма Іосифа къ Маріи Терезіи изъ Россіи, напечатанныя Арнетомъ въ третьемъ и послѣднемъ томѣ его изданія «Марія Терезія и Іосифъ II» *), касаются одного изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ въ исторіи царствованія Екатерины II, т. е. поворота въ тогдашней политикѣ Россіи—перемѣны Прусскаго союза на Австрійскій. Читая ихъ, мы, такъ сказать, присутствуемъ при самомъ зарожденіи этого союза, который оказался тогда болѣе соотвѣтствующимъ достоинству Россіи и ея выгодамъ, чѣмъ союзъ съ Пруссіей. Но кромѣ этого политическаго значенія, письма Іосифа имѣютъ еще другое: въ нихъ находится немало любопытныхъ, хотя иногда довольно бѣглыхъ и отрывочныхъ, замѣтокъ о разныхъ предметахъ, возбуждавшихъ его вниманіе во время пребыванія въ Россіи, и о такихъ лицахъ, какъ Екатерина, Потемкинъ, Панинъ, великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга. Къ сожалѣнію, въ письмахъ своихъ Іосифъ рѣдко вдается въ подробности, оставляя ихъ для дневника, который, какъ видно изъ тѣхъ же писемъ, онъ велъ очень исправно и, отъ времени до времени, вмѣстѣ съ ними, пересылалъ своей матери. Нельзя не пожелать изданія его въ свѣтъ, если только онъ сохранился въ Вѣнскихъ архивахъ: будучи дополненіемъ къ письмамъ Іосифа, дневникъ этотъ конечно могъ бы служить и поясненіемъ къ нимъ. Чтó касается до послѣднихъ, то для надлежащей оцѣнки ихъ необходимо еще замѣтить, что они носятъ на себѣ двойственный характеръ: тѣ изъ нихъ, которыя посылались въ Вѣну съ Австрійскими курьерами, какъ выборомъ содержанія, такъ и тономъ, замѣтно отличаются отъ тѣхъ, которыя отправлялись (изъ Петербурга) съ быкновенною почтою и, по тогдашнему обычаю *перлюстраціи*, могли быть вскрыты и прочитаны непо-

*) Maria Theresia und Ioseph II. Ihre Correspondenz sammt Briefen Joseph's an seine Bruder Leopold, herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. 3 Bände. Wien. 1867—1868.

священными. Этого не надо терять изъ виду, чтобы не принять за чистую монету всего того, что̀ Іосифъ писалъ въ нихъ. Во всякомъ случаѣ, его письма значительно пополняютъ наши свѣдѣнія объ этомъ первомъ путешествіи его въ Россію, очеркъ котораго мы и постараемся сдѣлать въ настоящей статьѣ. Но напередъ считаемъ нелишнимъ коснуться тѣхъ обстоятельствъ, которыя поставили Іосифа въ необходимость предпринять это путешествіе и облегчили ему путь къ сближенію съ Екатериною.

Прежде всего надо замѣтить, что онъ, задолго еще до первой своей поѣздки своей въ Россію, въ одномъ письмѣ своемъ къ Екатеринѣ, отъ 16 Іюля (нов. ст.) 1774 года *), предлагалъ ей союзъ съ Австріей. «Oui, Madame, писалъ онъ, autant que je puis encore en juger, ses états, ses intérêts sont bien faits pour être éternellement liés du plus parfait accord avec ceux de mon auguste mère. Cette liaison doit faire le bonheur des souverains et de leurs sujets». Интересы Іосифа въ Германіи неотступно требовали тѣснаго сближенія его съ Екатериной. Думая овладѣть Баваріей по пресѣченіи царствовавшей тамъ династіи и ожидая встрѣтить противодѣйствіе своему намѣренію со стороны Пруссіи, Іосифъ долженъ былъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы обезпечить себя союзомъ съ Россіей; потому что одна Россія могла оказать вліяніе на рѣшеніе Баварскаго вопроса: Франція не внушала ему серьезныхъ опасеній. Правда, этой державѣ вовсе не хотѣлось усиленія Австріи; но, не говоря уже о томъ, что еще съ 1756 года оба двора были въ союзѣ между собою и что ихъ соединяла кромѣ того связь родственная, Франція, ослабленная дурнымъ управленіемъ и къ тому же наканунѣ войны, которую она готова была объявить Англіи въ пользу ея Американскихъ колоній, не могла противодѣйствовать Австріи и, въ случаѣ войны ея съ Пруссіей, должна была бы ограничиться невмѣшательствомъ. Въ этомъ Іосифъ могъ убѣдиться во время пребыванія своего въ Парижѣ въ 1777 году (въ Апрѣлѣ и Маѣ).

Но единственнымъ средствомъ привлечь Россію къ поддержкѣ видовъ Іосифа на Баварію было войти въ ея виды по Восточному вопросу. Въ то время между Россіей и Турціей шли въ Константинополѣ горячія пререканія: обѣ державы не могли согласиться между собою въ толкованіи нѣкоторыхъ условій Кучюкъ - кайнарджійскаго договора и, казалось, готовы были рѣшить споръ оружіемъ. Іосифу представлялся отличный случай склонить на свою сторону Россію под-

*) Это самое раннее изъ писемъ его къ Екатеринѣ напечатано въ изданіи Арнета „Joseph II und Katharina von Russland“. Wien. 1869 (стр. 5).

держкою ея въ Константинополѣ. Есть извѣстія, что онъ предпринималъ свою поѣздку въ Парижъ, чтобы привлечь Францію не только къ содѣйствію своимъ видамъ въ Германіи, но и къ задуманному имъ будто бы союзу съ Россіей противъ Турціи. Но еще въ половинѣ Декабря 1777 года Русскій посолъ въ Вѣнѣ князь Голицынъ тщетно убѣждалъ государственнаго канцлера князя Кауница подать совѣтъ Портѣ войти въ соглашеніе съ Россіей, не требовавшей ничего болѣе, кромѣ точнаго исполненія условій послѣдняго мира. Вѣнскій дворъ колебался; но неожиданная смерть курфирста Максимиліана Іосифа (30 Декабря 1777 года), съ которымъ пресѣклась царствовавшая въ Баваріи Виттельсбахская фамилія, заставила Австрію сдѣлать немедленно рѣшительный шагъ къ сближенію съ Россіей. Уже въ началѣ Февраля 1778 года Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, сынъ канцлера князя Кауница, сообщилъ Русскому министерству декларацію, отправленную къ Портѣ Вѣнскимъ дворомъ, въ которой говорилось, что «императорско-королевскій дворъ не только вполнѣ одобряетъ требованія и притязанія Россіи, но и совѣтуетъ Турецкому министерству полюбовно и мирно уладиться съ Россіей, чтобы избѣжать войны, на которую императорско-королевскій дворъ, въ силу дружескихъ связей своихъ съ Россіей, никоимъ образомъ не могъ бы взирать равнодушно». Въ то же время и Франція, по внушенію Пруссіи и изъ опасенія, чтобы Россія не вздумала помогать Англіи въ Сѣвероамериканской войнѣ, выразила готовность совѣтовать Портѣ войти въ соглашеніе съ Россіей.

Екатерина превосходно умѣла воспользоваться случаемъ, представлявшимся ей въ такъ называемой войнѣ за Баварское наслѣдство, чтобы изъ соперничества Нѣмецкихъ державъ извлечь для себя всю возможную выгоду, какъ по отношенію къ Турціи, такъ и по отношенію къ самой Германіи. Въ сей послѣдней ей удалось скоро пріобрѣсти прочное и преобладающее вліяніе, первый путь къ которому проложилъ ей самъ Фридрихъ. Возбужденные имъ противъ «деспотизма» Австріи, захватившей Баварію, Нѣмецкіе князья почти всѣхъ тѣхъ земель, которыя семь лѣтъ спустя вошли въ составъ знаменитаго Княжескаго союза (Fürstenbund), обратились къ Екатеринѣ съ просьбою о поддержкѣ и защитѣ ихъ правъ. Она съ величайшимъ удовольствіемъ приняла это предложеніе, которое такъ льстило ея самолюбію и такъ высоко поднимало ея значеніе въ глазахъ Австріи; но медлила высказываться противъ ея притязаній, не смотря на всѣ убѣжденія къ тому короля Прусскаго. И только въ Октябрѣ, послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ барона Тугута съ Фридрихомъ въ Браунау, она приказала объявить Вѣнскому кабинету, что не одобряетъ видовъ Австріи

и приглашаетъ ее къ миролюбивымъ мѣрамъ. Тогда Австрія обратилась къ посредничеству Россіи и Франціи.

Но и теперь, дѣлая это заявленіе противъ Австріи къ (которому обязывалъ Россію союзъ ея съ Пруссіей), и принимая посредничество въ распрѣ обѣихъ Нѣмецкихъ державъ, Екатерина вовсе не думала объ энергической поддержкѣ Прусской политики. Въ половинѣ Декабря прибылъ въ Бреславль, главную квартиру Прусскаго короля, князь Репнинъ, облеченный званіемъ уполномоченнаго Императрицы для заключенія мира и главнокомандующаго ввѣреннымъ ему вспомогательнымъ корпусомъ. Фридрихъ скоро замѣтилъ, что ему нечего много разсчитывать на военное содѣйствіе князя Репнина. Король предложилъ ему занять Русскимъ корпусомъ слабоохраняемыя Австрійцами Галицію и Лодомирію, откуда, въ случаѣ надобности, можно было бы двинуться и далѣе—въ Седмиградію и Венгрію, гдѣ по всей вѣроятности одного появленія Русскихъ было бы достаточно, чтобы поднять противъ Австріи все православное населеніе этихъ областей ея. Князь Репнинъ отклонилъ это предложеніе. Въ помощь королю Россія давала не болѣе 16 т. человѣкъ, ежегодное содержаніе которыхъ стоило бы ему не менѣе 3½ милліоновъ талеровъ, и кромѣ того, на случай войны ея съ Портою, на него возлагались самыя тяжелыя обязательства. Пользуясь несогласіемъ Нѣмцевъ, посолъ Екатерины могъ теперь въ Германіи повторить ту роль, какую нѣкогда игралъ онъ въ Польшѣ. Своимъ образомъ дѣйствій онъ видимо старался напомнить о томъ. «Князь Репнинъ, по словамъ самого Фридриха, принялъ на себя видъ скорѣе уполномоченнаго, желавшаго предписывать законы Германіи, во имя своей Государыни, чѣмъ генерала, посланнаго съ вспомогательнымъ корпусомъ» [1]).

Прусскій король понялъ, что при такой вялой поддержкѣ со стороны Екатерины ему мало было надежды на счастливый для него исходъ войны и что въ его положеніи лучше всего было бы на безобидныхъ для себя условіяхъ заключить миръ съ Австріей. Объ этомъ хлопотала и Франція; и теперь, чтобы побудить и Россію оказать энергическое содѣйствіе къ умиротворенію обѣихъ державъ, она, старая союзница Турціи, перешла въ Константинополѣ на сторону Россіи! 10 (21) Марта 1779 г. Порта, по настоянію Французскаго посла, графа Сенъ-При [2]), подписала объяснительную къ Кучюкъ-кайнарджій-

[1]) Geschichte des russischen Staates von. Dr. Ernst Hermann, т. VI, стр. 17—19.

[2]) За эту услугу Сенъ-При получилъ отъ Императрицы Андреевскій орденъ съ брилліантами и 20,000 гульденовъ, а его жена перстень стоимостью въ 12,000 р.

скому миру конвенцію, которою были признаны всѣ предъявленныя Россіею требованія.

Достигнувъ такимъ образомъ ближайшей цѣли своей, уладившись на всей своей волѣ съ Портою, оставленною своими естественными союзницами, Австріею и Франціею, Екатерина не замедлила теперь произнести свое рѣшеніе по Баварскому дѣлу. 2 (13) Мая 1779 г. состоялся Тешенскій миръ, прекратившій борьбу обѣихъ Нѣмецкихъ державъ и увѣнчавшій блестящею побѣдою политику Екатерины. Россія могла бы торжествовать его такъ же, какъ недавно торжествовала Кучюкъ-Кайнарджійскій миръ. Открылась широкая дорога Русскому вліянію въ Германіи, дано Россіи право вмѣшательства во внутреннія дѣла этой страны. Екатерина основывала это право на слѣдующемъ соображеніи. Такъ какъ Тешенскій миръ, говорила она, есть подтвержденіе Вестфальскаго, то Россія, гарантируя первый, гарантируетъ и послѣдній, стало быть, и основанное на Вестфальскомъ мирѣ государственное устройство Нѣмецкой имперіи [1]). Въ такомъ же точно смыслѣ разъяснялъ Екатеринѣ значеніе Тешенскаго мира и новыя, возникшія изъ него отношенія Россіи къ Германіи и самъ Фридрихъ; онъ не только не противился Русскому вліянію, но изо всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобы какъ можно болѣе распространить и утвердить его въ Германіи. Возвышая значеніе Россіи въ этой странѣ, Прусскій король работалъ для самого себя: силою Русскаго вліянія онъ хотѣлъ ослабить въ ней опасное для него значеніе Австріи, а всякіе новые ея замыслы насчетъ усиленія ея въ Германіи парализировать страхомъ вмѣшательства своей могущественной союзницы [2]). Подъ ея покровительствомъ онъ думалъ образовать въ Германіи оборонительный союзъ изъ Нѣмецкихъ князей для противодѣйствія «ненасытному честолюбію Вѣнскаго двора».

---

[1]) Здѣсь кстати указать на любопытную брошюру, изданную въ Германіи въ 1794 году подъ заглавіемъ: Versuch eines Beweises, dass die Kaiserin von Russland den Westphälischen Frieden weder garantiren könne, noch dürfe. Nebst einigen Bemerkungen über die neusten Weltbegebenheiten. 1794. Имя автора и мѣсто изданія не означены. Это патріотическій голосъ какого-то Нѣмца противъ *притязаній* Россіи.

[2]) Съ этою цѣлью онъ предложилъ Екатеринѣ увеличить число ея представителей въ Германіи, гдѣ до того ихъ было только четверо: въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ и съ 1773 года, при имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ (баронъ Ассебургъ). Особенно сильно настаивалъ онъ на необходимости для Россіи имѣть своего министра въ средоточіи Нѣмецкой имперіи, во Франкфуртѣ на Майнѣ, разсчитывая, что Екатерина назначитъ на этотъ постъ его доброхота Ассебурга (при содѣйствіи котораго онъ надѣялся составить задуманный имъ противъ Австріи княжескій союзъ) но ошибся въ расчетѣ: вмѣсто Ассебурга, который вслѣдствіе измѣнившагося направленія Русской политики не годился для этого мѣста, именно какъ приверженецъ Пруссіи и былъ оставленъ попрежнему въ Регенсбургѣ, Екатерина въ Сентябрѣ 1781 года назначила своимъ министромъ во Франкфуртѣ Н. П. Румянцова (въ Гамбургъ былъ назначенъ Гроссъ).

Въ самомъ дѣлѣ, Іосифъ не могъ удовольствоваться тѣмъ ничтожнымъ клочкомъ земли въ 34 квадратныхъ мили (Иннская четверть), который былъ отрѣзанъ ему по Тешенскому миру, и не спускалъ глазъ съ Баваріи. Но онъ хорошо понималъ, что теперь, безъ согласія Россіи, невозможны въ Германіи никакія земельныя перемѣны, и что для успѣха своихъ политическихъ замысловъ ему необходимо было сблизиться съ Екатериной. Мы видѣли, что уже шесть лѣтъ тому назадъ онъ письменно дѣлалъ ей предложеніе о союзѣ между Австріей и Россіей; теперь онъ рѣшился отправиться въ Россію, чтобы лично предложить этотъ союзъ Императрицѣ. Для содѣйствія ему въ этомъ дѣлѣ еще въ Декабрѣ 1779 г. посланъ былъ въ Петербургъ графъ Кобенцль, который прибылъ туда въ концѣ Января слѣдующаго года, а въ Апрѣлѣ получилъ отъ своего двора приказаніе «не щадить ни денегъ, ни трудовъ, чтобы, буде возможно, оторвать Россію отъ союза съ Пруссіей и возстановить старинную тѣсную дружбу между обоими императорскими дворами» *).

Между тѣмъ Фридрихъ, этотъ monstre, этотъ vilain roi, какъ честила его Марія Терезія, отнявшій у нея когда-то Силезію и только-что вырвавшій Баварію изъ рукъ у ея сына, забилъ сильную тревогу. Опасаясь (и, какъ мы знаемъ, не напрасно) какихъ-нибудь новыхъ затѣй честолюбія со стороны Императора, онъ повелъ противъ него широкую интригу. «Прусскій король, пишетъ Іосифъ къ брату Леопольду отъ 3 (14) Декабря 1779 г., продолжаетъ повсюду распускать на нашъ счетъ всевозможныя выдумки: мы-де умышляемъ противъ Польши, Порты, Венеціи. Да и чего онъ только не сочиняетъ! Онъ ведетъ переговоры о союзѣ съ Портою, хотѣлъ бы сблизиться съ Франціей, но не оттолкнуть и Россіи. Какъ ему удастся согласить все это—для меня рѣшительно непостижимая тайна». Согласить все это дѣйствительно было мудрено, и Фридрихъ, какъ мы увидимъ, не согласилъ. По поводу тѣхъ же происковъ его Іосифъ писалъ брату отъ 3 (14) Апр. 1780 года: «Намъ надо избѣгать все, что̀ могло бы затруднить наши отношенія къ Франціи. И безъ того уже Прусскій король употребляетъ всевозможныя средства, чтобы насъ поссорить: правда и безстыднѣйшая ложь—для него равно пригодныя орудія. Страхъ предъ Россіей

---

*) Maria Thresia und Ioseph II. Wien 1867 (т. II, стр. 238). Hermann, Geschichte des russischen Staates (т. VI, стр. 28). Графъ Іоганнъ Людвигъ Кобенцль (род. 21 (10) Ноября 1753 г.) до назначенія въ Петербургъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ; въ Петербургѣ пробылъ до 1797 г. Онъ подписалъ мирные договоры въ Кампо-Форміо (1797) и Люневилѣ (1800) и управлялъ Австрійской государственной канцеляріей до 1805 г. Онъ умеръ въ 1809 г.

послѣ сдѣланной ею декларацiи [1]) и въ виду производящихся въ ней вооруженiй внушаетъ Францiи особенное уваженiе къ королю Прусскому, который хвастаетъ тѣмъ, будто бы сдерживаетъ и направляетъ Россiю» [2]). Сильно интриговалъ Фридрихъ противъ Австрiи и при Петербургскомъ дворѣ. Чтобы вѣрнѣе поразить ее здѣсь, онъ внушалъ (осенью 1779 года) Екатеринѣ, что Австрiя старается прiобрѣсть преобладающее влiянiе и въ Польшѣ, думая по смерти короля посадить на престолъ преданнаго своимъ интересамъ человѣка или герцога Саксенъ-Тешенскаго, или князя Адама Чарторыйскаго; не даромъ-де Чарторыйскiе и Любомирскiе такъ льнутъ теперь къ Австрiи».

Нельзя сказать, чтобы Екатерина не давала вѣры этимъ внушенiямъ короля Прусскаго; тѣмъ не менѣе она ясно видѣла, что всѣ его усилiя устремлены на то, чтобы сдѣлать Россiю орудiемъ Прусской политики. До нея, вѣроятно, доходили и похвальбы короля, будто онъ руководитъ всѣми движенiями Россiи. Это не могло благопрiятно дѣйствовать на поддержанiе *сѣвернаго акорда*, о которомъ такъ хлопоталъ Панинъ [3]): Екатерина менѣе всего способна была сдѣлаться орудiемъ чуждой для Россiи политики и была необыкновенно чутка ко всему, что касается достоинства и чести управляемой ею страны. Эгоистическiя стремленiя Фридриха, видимо клонившiяся къ тому чтобъ подчинить его личнымъ цѣлямъ политику Екатерины, не могли не охладить ея къ Прусскому союзу, и его влiянiе при Петербургскомъ дворѣ, не смотря на всю лесть, которою онъ осыпалъ ее, замѣтно стало ослабѣвать. Впрочемъ, охлажденiе это началось въ ней еще со времени первой Турецкой войны, по случаю которой Пруссiя вошла съ Австрiей въ соглашенiе, помѣшавшее Екатеринѣ заключить съ Турцiей миръ на желанныхъ условiяхъ и заставившее ее войти въ виды обѣихъ Нѣмецкихъ державъ относительно Польши. Это соглашенiе ясно показало, что Прусскiй король, преслѣдуя свои личныя выгоды въ сплоченiи и округленiи своего государства, не хотѣлъ знать выгодъ своей союзницы на Востокѣ; а между тѣмъ въ политикѣ Россiи послѣ Кучукъ-кайнарджiйскаго мира, признавшаго независимость Крыма, на первый планъ выдвинулся именно восточный вопросъ. Понятно, какъ мало могла разсчитывать Екатерина на содѣйствiе Пруссiи къ разрѣшенiю его въ пользу Россiи.

---

[1]) О вооруженномъ нейтралитетѣ.

[2]) Maria Theresia und Ioseph II (т. III, стр. 239 и 241)). Wien. 1868.

[3]) Geschichte des russischen Staates von Herrmann (т. VI, стр. 22).

[4]) По его старанiямъ, союзъ съ Пруссiей, начавшiйся съ 1763 г., былъ возобновленъ въ 1776 году. Исторiя паденiя Польши, С. Соловьева. М. 1863 (стр. 158—160).

Всѣми правдами и неправдами усиливаясь самъ, Фридрихъ страшно боялся усиленія Россіи, въ чемъ онъ сознавался Іосифу еще въ Августѣ 1769 г. во время знаменитаго свиданія въ Нейсѣ и эту боязнь старался внушить и своему собесѣднику. «Вся Европа—сказалъ онъ ему однажды— принуждена будетъ подняться, чтобы остановить эту силу (Русскихъ), которая устремится на всѣхъ *)». И вотъ эту миссію Европы относительно Россіи беретъ на себя пока одинъ Фридрихъ, союзникъ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ перваго раздѣла Польши, въ которомъ Россія волей-неволей должна была принять участіе, въ ущербъ своимъ выгодамъ на Востокѣ, политика Пруссіи видимо клонилась къ тому, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію и дѣйствительному усиленію Россіи. Сѣверный аккордъ долженъ былъ рушиться. Въ то время, когда Восточный вопросъ завладѣлъ всѣми мыслями Екатерины, когда необходимость присоединенія Крыма была уже рѣшена въ ея умѣ, Прусскій король является (въ Сентябрѣ 1779 г.) съ предложеніемъ тройного союза противъ Австріи—между Россіей, Пруссіей и *Турціей*! Цѣль союза была очевидна: не столько имѣлась въ виду Австрія, соперница Пруссіи, сколько Россія, ея союзница, у которой надо было отнять всякую свободу дѣйствій по отношенію къ Турціи, которую надо было остановить въ ея естественномъ, обусловленномъ всѣмъ ея прошедшимъ, движеніи къ Черному морю. Если сей союзъ—справедливо разсуждала Императрица по поводу этого страннаго предложенія—предполагается единственно преградою горделивымъ замысламъ Вѣнскаго двора: то не довольно ли опытомъ доказано, что

*) Приводимъ здѣсь это любопытное мѣсто вполнѣ. „Après le dîner—пишетъ Іосифъ въ своемъ дневникѣ подъ 27 Августа—il (le Roi) me serra encore au sujet des Russes et me dit que, pour arrêter cette puissance, toute l'Europe sera obligée de lever le bouclier, parce qu'elle envahira tout. Il assura qu'il croyait qu'après cette guerre (начавшейся тогда первой Турецкой) il s'en ferait une à la Suède, qu'ils voulaient absolument la possession d'Azoff et ne feraient jamais la paix sans cela; pour la Pologne, pourvu que l'honneur de l'Impératrice soit sauvé, qu'elle n'insisterait point trop à la rigueur des choses qu'elle avait exigées. Enfin plus qu'il voulait m'inquiéter sur les Russes, plus j'étais tranquille et je lui dis enfin: „Sire, dans le cas d'un embrasement général vous êtes d'avangarde, par conséquent nous pouvons dormir tranquillement; sûr de notre côté, vous ferez des Russes tout ce que vous voudrez". Il me le nia et m'avoua ingénument qu'il les craint, que son alliance avec eux lui était nécessaire, mais qu'elle lui était rudement incommode, qu'il payait 500.000 écus par an au lieu de son contingent stipulé en hommes, qu'il avait eu le bonheur et l'adresse de s'en esquiver en faisant connaître aux Russes que, s'il y envoyait un corps, nous l'attaquerions, qu'il devrait se défendre et par conséquent ils n'auraient ni troupes ni argent"... (Maria Theresia und Ioseph II. т. I, стр. 304—305). Все это говоритъ союзникъ и другъ Екатерины!

для обузданія онаго достаточно силъ ея императорскаго величества, соединенныхъ съ королемъ Прусскимъ, и особливо послѣ того, когда и Франція, невзирая на разныя свои съ Вѣнскимъ дворомъ обязательства, явила свѣту, сколь удалена она пособствовать дальнѣйшему могуществу Австрійскаго распространенія, и когда по признанію Прусскаго въ дѣлахъ повѣреннаго, изъ отзывовъ посла Французскаго заключаемому, дворъ его поставляетъ себѣ въ тягость союзъ съ Австрійцами? Отъ Турокъ помощь не нужна, и потому союзъ съ ними можетъ быть полезенъ только имъ: огражденные отъ внѣшняго страха, они поправятся и приключатъ Россіи бóльшую заботу, чѣмъ прежде». Предложеніе короля было отклонено «благопристойнымъ образомъ»; но оно жестоко должно было оскорбить Императрицу и облегчить Австріи путь къ сближенію съ Россіей *).

Вслѣдъ за отправленіемъ въ Петербургъ Кобенцля самъ императоръ сталъ готовиться къ своей поѣздкѣ въ Россію. Объ этомъ узнали въ Петербургѣ еще въ Февралѣ 1780 г. Такъ Гаррисъ, Англійскій посолъ при Петербургскомъ дворѣ, донося своему правительству (въ депешѣ отъ 15 (26) Февраля) о томъ, что 4 (15) Февраля прибылъ изъ Вѣны курьеръ отъ Русскаго посла, князя Голицына, писалъ слѣдующее: «За нѣсколько дней до отъѣзда его (курьера) князь Кауницъ во время продолжительнаго разговора съ княземъ Голицынымъ сообщилъ ему, что императоръ, услыхавъ о намѣреніи Императрицы посѣтить весною свой новопріобрѣтенный край (Бѣлоруссію), выразилъ желаніе засвидѣтельствовать ей при этомъ случаѣ свое почтеніе, лично познакомиться съ такою славною Государыней и разсѣять тѣ предубѣжденія (verschiedene ungünstige Vorstellungen), которыя, какъ онъ подозрѣваетъ, могли сложиться въ умѣ ея императорскаго величества

---

*) Исторія паденія Польши у С. Соловьева (стр. 161—162). Германъ говоритъ: „Графъ Панинъ и вице-канцлеръ Остерманъ встрѣтили съ сочувствіемъ предложеніе короля насчетъ этого союза; ибо они были убѣждены, по крайней мѣрѣ высказывали убѣжденіе, что для Россіи было бы очень полезно, если бы такимъ образомъ она сама положила предѣлы своему расширенію. Die Kaiserin aber—продолжаетъ Германъ—sah im Gegentheil in der Zumuthung gegen eine andere Macht die Garantie des damaligen status quo der Türkei zu übernehmen nur den lästigen Versuch, sie selbst zum Werkzeug der Zerstörung des Plans zu machen, den sie nie aufgegeben, den sie von jeher mit Vorliebe gehegt hatte, der das Hauptziel ihres brennenden Ehrgeizes war. Sie lehnte daher die vorgeschlagene Allianz mit der Erklärung ab, *dass die russische Nation aus Religionsvorurtheilen eine solche Verbindung laut tadeln würde.* Uebrigens, fügte sie hinzu, sei sie überzeugt, dass ihr Bündniss mit Preussen hinreichen werde. um allen gefährlichen Vergrösserungsabsichten Oestreichs zu begegnen“ (Gesch. des rus. Staates. т. VI, стр. 27—28).

какъ вообще насчетъ дѣйствій Вѣнскаго двора, такъ и въ особенности насчетъ личныхъ его видовъ. Хотя императоръ отнюдь не думаетъ возбуждать предубѣжденій противъ державъ, съ которыми Россія находится въ союзѣ, однако онъ, Кауницъ, не можетъ скрыть, что его величество король Прусскій слишкомъ уже далеко зашелъ въ своихъ усиліяхъ поселить разладъ между обоими императорсними дворами и что императрица-королева и императоръ, которымъ крайне непріятно видѣть, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ вести такой образъ дѣйствій, искренно желали бъ возстановить существовавшее нѣкогда между ними согласіе. «На другой день послѣ этого свиданія самъ императоръ пригласилъ къ себѣ князя Голицына и отъ слова до слова повторилъ то, что̀ князь Кауницъ говорилъ этому министру. Онъ очень много распространялся насчетъ своего уваженія и дружбы и повторялъ, что былъ бы чрезвычайно доволенъ, если бы послѣдовало соизволеніе на свиданіе, котораго онъ такъ сильно желаетъ».

Легко представить себѣ, какъ обрадовалась Екатерина этому предложенію Іосифа! Въ положеніи совершеннаго одиночества, въ которомъ находилась она тогда по отношенію къ Восточному вопросу, оно являлось какъ нельзя болѣе кстати и предупреждало ея собственное желаніе сближенія съ Австріей. «Императрица покраснѣла отъ радости— говоритъ Гаррисъ—когда ей прочтены были эти депеши: ничто не могло бы полнѣе удовлетворить ея тщеславіе и честолюбіе. Она тотчасъ приказала сообщить самый обязательный и дружескій отвѣтъ и, не мѣшкавъ ни минуты, выразила свое опасеніе насчетъ того, что если она отправится въ путь такъ, какъ первоначально предполагалось, то съ нею будетъ слишкомъ мало свиты для такого высокаго гостя; если же сдѣлать распоряженіе объ увеличеніи свиты и экипажей, то можно возбудить подозрѣніе—и тогда все преждевременно откроется. Ея статсъ-секретарь *), человѣкъ очень ловкій, возразилъ, что это затрудненіе весьма легко устранить: стоитъ только разгласить, что путешествіе ея императорскаго величества, вѣроятно, подастъ поводъ Польскому королю представиться ей для засвидѣтельствованія своего почтенія и что по этой причинѣ сдѣлано распоряженіе объ увеличеніи приготовленій. Это предложеніе было одобрено; отданы были надлежащія повелѣнія, и теперь Императрица заботится лишь о томъ, чтобы соотвѣтственно своему достоинству принять царственнаго гостя. Говорятъ, будетъ проведено нѣсколько новыхъ почтовыхъ дорогъ и построено, если дозволитъ время, нѣсколько станцій; войско будетъ обмундировано заново; за Императрицею послѣдуетъ Итальянская опе-

*) Безбородко.

ра, и князь Потемкинъ уже предназначенъ встрѣтить императора на границѣ».

Англійскій дипломатъ хорошо понялъ все политическое значеніе предложеннаго Іосифомъ свиданія. «Излишне было бы, замѣчаетъ онъ, указывать на послѣдствія, какія можетъ имѣть это свиданіе, или на дѣйствіе, какое можетъ произвести это необыкновенное доказательство вниманія со стороны Вѣнскаго двора въ то самое время, когда Императрица несомнѣнно пресытилась Берлинскими ласкательствами и когда ей наскучила хлопотливая ревность здѣшнихъ приверженцевъ Пруссіи». Стоявшій во главѣ ихъ графъ Панинъ съ своимъ воспитанникомъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ первые должны были почувствовать на себѣ непріятность новаго положенія, въ какомъ теперь очутились. «Я только что узналъ, пишетъ Гаррисъ въ той же депешѣ подъ 12 (23) Февраля, что Императрица сообщила графу Панину о предположенномъ свиданіи, не какъ о дѣлѣ, которое отдается на его рѣшеніе или по которому спрашиваютъ у него совѣта, но какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ. Также разсказывали мнѣ, что она объявила о своемъ намѣреніи и его императорскому высочеству во время обычной утренней (дѣловой, какъ полагаютъ) бесѣды съ великимъ княземъ, будучи вполнѣ увѣрена, что въ противномъ случаѣ онъ узналъ бы объ этомъ отъ ея министра, несмотря на сдѣланное послѣднему внушеніе о секретѣ. Великій князь не могъ скрыть своего неудовольствія и, когда Императрица спросила, что̀ онъ объ этомъ думаетъ, онъ отвѣчалъ: «Dieu veuille, que ce n'est pas un piège». Слова эти глубоко оскорбили Императрицу и, выходя изъ комнаты, она сказала: «Такъ вотъ въ какія руки попадетъ государство послѣ моей смерти! Разорванъ будетъ, вѣроятно, союзъ, заключаемый по самымъ основательнымъ причинамъ, и насъ сдѣлаютъ покорной велѣніямъ Пруссіи провинціей!»

Этими причинами, побуждавшими къ союзу съ Австріей, были, какъ намъ извѣстно, дѣла Россіи на Востокѣ и прежде всего—необходимость присоединенія Крыма, которую такъ хорошо сознавалъ Потемкинъ и на которой такъ сильно настаивалъ. «Повѣрьте, говорилъ онъ Императрицѣ, что вы симъ пріобрѣтеніемъ безсмертную славу получите, и такую, какой ни одинъ государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава проложитъ дорогу еще къ другой и большей славѣ: съ Крымомъ достанется господство и на Черномъ морѣ, отъ васъ зависѣть будетъ запирать ходъ Туркамъ и кормить ихъ или морить съ голоду... Сколько славно пріобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждыхъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ,

она могла, да не хотѣла или упустила» [1]). Ради Крыма, Потемкинъ сильно хлопоталъ о сближеніи Россіи съ Австріею, къ чему открывалась теперь полная возможность, благодаря соперничеству ея съ Пруссіей. Что мысль о союзѣ съ Австріей принадлежала Потемкину, объ этомъ свидѣтельствуетъ сама Екатерина. «Система съ Вѣнскимъ дворомъ—писала она ему впослѣдствіи—есть ваша работа; она и издревле, по полуденнымъ дѣламъ и границѣ, предпочитаема была, ибо существуетъ по локальному положенію тѣхъ странъ и общаго интереса. Самъ Панинъ, когда онъ еще не былъ ослѣпленъ Прусскими ласкательствами, на иныя связи смотрѣлъ, какъ на pis'allé, которое не награждало Австрійскаго союза» [2]) въ разсужденіи общаго врага (то-есть Турокъ).

Теперь вѣсъ Панина и его сторонниковъ, «управлявшихся приказами изъ Потсдама», окончательно упалъ. Но Фридрихъ все еще надѣялся поправить дѣло, поддержать сѣверный аккордъ, продлить для Россіи это pis'allé... Съ этою цѣлью онъ задумалъ отправить въ Петербургъ своего племянника, Фридриха-Вильгельма. Саксонскій посланникъ баронъ Сакенъ писалъ изъ Петербурга, отъ 10 (21) Апрѣля 1780 года: «Это свиданіе, кажется, главнымъ образомъ внушило Прусскому королю мысль послать въ Россію наслѣднаго принца Прусскаго для засвидѣтельствованія почтенія Императрицѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ для дружескаго посѣщенія молодого двора. Восемь дней тому назадъ графъ Гёрцъ получилъ собственноручное письмо отъ короля съ порученіемъ освѣдомиться на этотъ счетъ, при чемъ король выражалъ свое крайнее прискорбіе, что передъ смертію онъ лишенъ счастія, по причинѣ немощей старости, лично познакомиться съ Императрицею, составляющей предметъ удивленія его и всей Европы». Но Императрица хорошо уже знала цѣну «Прусскихъ ласкательствъ» и, по свидѣтельству того же Сакена, не могла скрыть, что ей было непріятно это ожидаемое въ Сентябрѣ посѣщеніе наслѣднаго принца.

При такихъ обстоятельствахъ «оторвать Россію отъ союза съ Пруссіей» далеко было не такъ трудно, какъ казалось Вѣнскому двору. Къ тому же Кобенцль, на котораго возложено было это порученіе, нашелъ себѣ энергическую поддержку въ Англійскомъ послѣ, который, преслѣдуя свои виды, работалъ въ томъ же смыслѣ. Въ депешѣ, на которую мы только что сослались, Сакенъ пишетъ: «Гаррисъ чрезвычайно какъ ухаживаетъ за княземъ Потемкинымъ и

---

[1]) Исторія паденія Польши. С. Соловьева (стр. 156—157).
[2]) Графы Никита и Петръ Панины, П. Лебедева. Спб. 1863 (стр. 242).

за его племянницей камерфрейлиной Энгельгардтъ[1]), и бьется изо всѣхъ силъ, чтобы втянуть Потемкина въ интересы своего двора, измѣнить такимъ образомъ нынѣшнюю систему Россіи и снова связать этотъ дворъ съ императорско-королевскимъ такими же тѣсными узами, какъ это было во время-оно. Говорятъ, что для достиженія своихъ цѣлей онъ предложилъ фрейлинѣ Энгельгардтъ милліонъ рублей наличными деньгами. Гаррисъ и графъ Кобенцль не разлучаются другъ съ другомъ; у нихъ ежедневныя совѣщанія».

Между тѣмъ Императрица готовила великолѣпный пріемъ Іосифу. Въ Апрѣлѣ потянулись изъ Петербурга въ Могилевъ транспорты съ съѣстными припасами; изъ дворцовой конторы отправлялись ящики съ дорогими винами и конфектами въ Кіевъ къ Малороссійскому генералъ-губернатору графу Румянцову, который, вмѣсто Потемкина, назначеннаго состоять въ свитѣ Императрицы въ званіи ея дежурнаго генералъ-адъютанта, долженъ былъ встрѣтить высокаго путешественника на границѣ своего намѣстничества, а Могилевскій губернаторъ Пассекъ на границѣ своей губерніи. Кромѣ Итальянской труппы и музыки, дней за пять до отъѣзда Императрицы отправленъ былъ въ Могилевъ съ статскимъ совѣтникомъ Полторацкимъ отборный хоръ пѣвчихъ. Въ подарокъ императору поведена была дорогая верховая лошадь, вся збруя которой великолѣпно усажена алмазами и другими драгоцѣнными каменьями. Назначены маневры подъ Могилевомъ, гдѣ съ этою цѣлью собранъ былъ корпусъ войскъ изъ лучшихъ полковъ» [2]).

Наконецъ 9-го Мая Императрица, въ сопровожденіи большой и блестящей свиты, выѣхала изъ Царскаго Села въ Могилевъ [3]).

---

[1]) Это была, конечно, Александра Васильевна Энгельгардтъ, впослѣдствіи графиня Браницкая, старшая изъ пяти племянницъ князя Потемкина и особенно имъ любимая (род. въ 1754, ум. въ 1837 году).

[2]) Депеши Гарриса и Сакена въ I приложеніи къ VI тому сочиненія Германа, Geschichte des russischen Staates (стр. 449—453).—Записки Энгельгардта, изд. Русскаго Архива. М. 1868 (стр. 18 и 19).—Сборникъ Русскаго историческаго общества. Спб. 1867 т. I, (стр. 385).

[3]) О поѣздѣ Императрицы можно судить по тому, что на каждой станціи заготовлено было для него по 450 лошадей. О составѣ ея свиты и другихъ обстоятельствахъ ея путешествія сообщаются обстоятельныя данныя въ „Дневной запискѣ путешествія ея императорскаго величества чрезъ Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ, а оттуда обратно чрезъ Смоленскъ и Новгородъ“, оффиціальномъ документѣ, напечатанномъ въ I томѣ „Сборника Русскаго историческаго общества“ (стр. 384—420).

Что же дѣлалъ въ это время Іосифъ? Не менѣе Екатерины онъ былъ занятъ мыслію о предстоявшемъ свиданіи, которое должно было рѣшить всю будущность его политическихъ замысловъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ онъ сообщилъ князю Голицыну о намѣреніи своемъ посѣтить Императрицу въ Могилевѣ, онъ писалъ князю Кауницу отъ 1-го Матра (18-го Февраля): «Вы знаете, князь, какъ строго наблюдалъ я во всѣхъ моихъ путешествіяхъ мое инкогнито (имя графа Фалькенштейна), избавляющее меня отъ всякихъ этикетовъ, церемоніаловъ, празднествъ, провожаній, помѣщеній, почетныхъ карауловъ и тому подобнаго. Во Франціи, Италіи и Германіи меня принимали соотвѣтственно моему званію графа Фалькенштейна, и я былъ доволенъ этимъ. И такъ, я надѣюсь, что ея величество Императрица дозволитъ мнѣ пользоваться тѣми же преимуществами, въ особенности же однимъ, котораго я домогаюсь пуще всѣхъ другихъ, а именно, не быть ей въ тягость. Всѣ мои виды ограничиваются только тѣмъ, чтобы имѣть честь познакомиться съ нею. И такъ, я буду въ большомъ горѣ, если ради меня она останется въ Могилевѣ долѣе, чѣмъ въ другихъ главныхъ городахъ своихъ губерній, и я скорѣе предпочелъ бы имѣть честь проводить ее до Смоленска, если бы это было ей угодно, чѣмъ ради себя продержать ее попустому лишній часъ въ Могилевѣ. Я ни въ какомъ случаѣ, конечно, не нарушу того образа жизни, какой ея величество будетъ вести тамъ; я не помѣшаю ея занятіямъ и попрошу только одного: позволить графу Фалькенштейну замѣшаться въ среду ея придворныхъ и пользоваться тѣми минутами, которыя ей можно или угодно будетъ удѣлить обществу»*).

Увѣреніе Іосифа, будто единственнымъ побужденіемъ къ задуманному имъ путешествію въ Россію было желаніе познакомиться съ Екатериной, при чемъ не имѣлось въ виду ничего болѣе, никого, конечно, не введетъ въ заблужденіе насчетъ дѣйствительныхъ побужденій его къ этой поѣздкѣ. Мы знаемъ, что виды его простирались гораздо дальше той цѣли, какою онъ здѣсь ограничиваетъ ихъ. Съ этимъ согласенъ и Арнетъ, издатель переписки его съ Екатериной: *едва ли* можно сомнѣваться—говоритъ онъ по поводу этого мѣста въ приведенномъ нами письмѣ Іосифа, что императоръ не столько думалъ о личномъ знакомствѣ съ Екатериной, которое, по увѣренію его, было будтобы единственною цѣлью поѣздки, сколько о томъ, чтобы склонить ее къ союзу съ Австріей». Настоящій смыслъ этого увѣренія станетъ понятенъ, если обратить вниманіе на то, что письмо это, какъ легко замѣтить по содержанію и тону его, будучи адресовано къ князю Кауницу, пред-

*) Ioseph II und Katharina von Russland (стр. VI, VII).

назначалось собственно не для него, этого довѣреннаго лица Габсбургской семьи, предъ коимъ императору нечего было скрывать своихъ настоящихъ видовъ, а для Русскаго посла князя Голицына, которому Австрійскій канцлеръ долженъ былъ сообщить его и который, конечно, не преминулъ отправить его въ Петербургъ.

Ясныя указанія на дѣйствительную цѣль предпринимаемой поѣздки мы находимъ въ письмахъ Іосифа къ матери еще до прибытія его въ Россію. 15 (26) Апрѣля онъ выѣхалъ изъ Вѣны на Галицію, гдѣ пробылъ нѣсколько времени, разсчитывая поспѣть въ Могилевъ къ 26 Мая (6 Іюня), наканунѣ пріѣзда туда Императрицы. Вообще говоря, его, какъ человѣка любознательнаго и охотника странствовать, чрезвычайно какъ интересовало предстоящее путешествіе въ страну, преобразованную и возрожденную къ новой жизни геніемъ Петра Великаго [1]). Пріѣхавъ во Львовъ, онъ писалъ матери отъ 8 (19) Мая: «Я ничего еще не могу сказать вашему величеству о дальнѣйшихъ мѣстахъ моего слѣдованія къ Кіеву и Могилеву, не зная ихъ самъ. Ожидаю донесенія Каваллара [2]), который можетъ прибыть въ Броды не раньше завтрашняго». И въ концѣ письма: «Я употреблю всѣ усилія, чтобы *въ этомъ трудномъ предпріятіи* (dans cette délicate entreprise) заслужить ваше одобреніе. Кобенцль, отъ котораго я вчера получилъ письмо, вполнѣ удовлетворившее меня своими интересными подробностями, извѣщаетъ, что въ Петербургѣ думаютъ, будто я располагаю сопровождать Императрицу до Смоленска, а такъ какъ оттуда до Москвы не болѣе трехъ дней пути, то уже прошелъ слухъ, что, можетъ, я и тамъ побываю. Это рѣшать обстоятельства; я могу только сообразоваться съ ними. Мнѣ не должно упускать изъ виду *моей главнѣйшей цѣли*; все же остальное—на второмъ планѣ» [3]).

Изъ Львова императоръ отоправился въ дальнѣйшій путь—чрезъ Волынь, принадлежавшую тогда Польшѣ, на Кіевъ и Черниговъ—въ Могилевъ. Въ изданной Арнетомъ перепискѣ Іосифа съ матерью нѣтъ никакихъ даныхъ объ этой части путешествія императора до самаго пріѣзда его въ Черниговъ; въ ней даже не упоминается о трехдневномъ пребываніи его въ Кіевѣ: но объ немъ есть любопытные документы въ богатомъ собраніи рукописей Рѣшетиловскаго архива. Мы видѣли тамъ подлинное донесеніе графа Румянцова Императрицѣ о

---

[1]) Maria Theresia und Ioseph II (т. III, стр. 241).

[2]) Расходчикъ императора.

[3]) „Il ne faut pas manquer mon but essentiel; tout le reste est accessoire". Maria Theresia und Ioseph II (т. III, стр. 244—245).

прибытiи Iосифа въ Кiевъ. Никакой встрѣчи не было; императоръ остановился въ трактирѣ на Подолѣ, генералъ-губернаторъ какъ бы ненарокомъ, гуляя, зашелъ въ трактиръ и познакомился съ прiѣзжимъ иностранцемъ [1]). Инкогнито императора было уважено вполнѣ. Кромѣ этого донесенiя, въ Рѣшетиловскомъ архивѣ есть очень интересное описанiе пребыванiя Iосифа въ Кiевѣ, принадлежащее современнику-очевидцу, какому-то Якову Ельчанинову. Это письмо его къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому, незадолго предъ тѣмъ (11 Апрѣля 1780 года) какъ хорошо зналъ Ельчаниновъ, назначенному Московскимъ главнокомандующимъ, для котораго, въ виду ожидаемаго прибытiя въ Москву Iосифа, подробности о личности, привычкахъ и образѣ жизни царственнаго путешественника, —должны были имѣть особенный интересъ [2]). Письмо отъ 31-го Мая 1780 года, безъ означенiя мѣста, но несомнѣнно изъ Кiева. «Вѣдая, пишетъ Ельчаниновъ, что вашему сiятельству не неугодно будетъ знать обстоятельства бытности здѣсь знатнаго чужестранца *графа Фалькенштейна*, неизлишнимъ почелъ донести о томъ, что сей гость принятую имъ маску наблюдаетъ во всей точности. Во-первыхъ не согласился взять приготовленной для него во дворцѣ квартиры, но занята оная присланнымъ впередъ свиты его капитаномъ [3]). Въ нижнемъ городѣ, въ партикулярномъ купеческомъ домѣ, спитъ самъ и его свита на соломѣ, за все съѣстное, такъ какъ и за квартиру, платитъ весьма щедро, отъ всей пышности, какъ только можно себѣ представить, удаленъ, ни караулу и никакихъ военныхъ почестей не имѣлъ, ихъ не принялъ, велъ себя сколько кротко, столько жъ ко всѣмъ благосклонно, и однимъ словомъ во всѣхъ случаяхъ доказывалъ характеръ благосклоннаго, умнаго и надъ мѣру снисходительнаго человѣка, награждалъ же все сiе чрезмѣрнымъ любопытствомъ, не пропуская ничего, ни свѣтскаго, ни духовнаго; смотрѣлъ наши разводы и войска съ эволюцiями при бытности генералъ-фельдмаршала въ лагерѣ, входилъ въ познанiе разныхъ подробностей полковыхъ въ томъ числѣ и въ печенье хлѣбовъ, и хотя онъ не имѣлъ обыкновенiя нигдѣ кушать кромѣ своего стола, но солдатскiе

---

[1]) Къ сожалѣнiю, не имѣя этого донесенiя подъ руками, мы не могли воспользоваться имъ такъ, какъ бы слѣдовало и какъ оно заслуживаетъ по своей исторической важности и интересу.

[2]) Впрочемъ письмо Ельчанинова, какъ видно изъ помѣты на немъ В. С. Попова, бывшаго тогда правителемъ канцелярiи кн. Долгорукова, получено было въ Москвѣ 11-го Iюня, наканунѣ выѣзда оттуда Iосифа.

[3]) Въ одномъ Рѣшетиловскомъ документѣ, кажется, въ донесенiи Румянцева, сказано, что это былъ Каваллеръ.

сухари въ лагерѣ отвѣдывалъ и нѣсколько въ карманъ съ собою взялъ, заплатя за каждый сухарь слишкомъ по два червонные. Препроводя такимъ образомъ къ общему всѣхъ здѣшнихъ жителей удовольствію дни три, на четвертый изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, а за нимъ вслѣдъ въ тотъ же день и его сіятельство графъ Петръ Александровичъ» [1]).

Едва прибывъ въ Черниговъ, Іосифъ, какъ видно по первому письму его къ матери отъ 4-го Іюня (24-го Мая) изъ Могилева, получилъ отъ графа Кобенцля эстафету, извѣщавшую его, что Императрица вознамѣрилась сократить сроки своихъ остановокъ въ дорогѣ и ускорить свое путешествіе на четыре дня. Такимъ образомъ Іосифу ничего не оставалось болѣе, какъ немедленно отправляться далѣе и поспѣшить ѣздой, чтобы предупредить Императрицу своимъ прибытіемъ въ Могилевъ. Это ему вполнѣ удалось: проскакавъ два дня и ночь и переночевавъ на предпослѣдней отъ Могилева станціи, онъ прибылъ туда утромъ 22-го Мая (2-го Іюня) и остановился въ домѣ какого-то Польскаго купца. Это было что-нибудь въ родѣ трактира, заранѣе приготовленнаго для императора Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Чернышевымъ. Могилевъ, не смотря на всѣ хлопоты объ украшеніи его къ пріѣзду высокихъ посѣтителей, крѣпко не понравился Іосифу. «Это дрянной городишко, пишетъ онъ матери, съ деревянными домами и грязными улицами». Бѣлоруссія, которую онъ только-что проѣхалъ, произвела на него также невыгодное впечатлѣніе. «Литва, пріобрѣтенная Императрицею отъ Польши, пишетъ онъ, представляетъ страну очень бѣдную (fort vilain), скудно населенную, почти сплошь покрытую лѣсами и болотами, обильную комарами, которые всѣхъ насъ чуть не заѣли, и съ довольно рѣдкимъ относительно пространства населеніемъ» [2]).

---

[1]) Русскій Архивъ 1865 г., стр. 556—557.

[2]) Бѣлоруссія, какъ извѣстно, была самой худшей частью во всемъ Польскомъ королевствѣ, которою Россія принуждена была удовольствоваться въ вознагражденіе за свои издержки въ Турецкую войну: на пространствѣ 2,500 кв. миль она заключала въ себѣ 1,500,000 жителей. Не такова была Галиція, которую отмежевала себѣ Австрія: она составляла лучшую и плодороднѣйшую область Рѣчи Посполитой, на пространствѣ 1,500 кв. миль, заключавшую 2,500,000 жителей. Описывая своей матери этотъ глухой край, le pays de Lithuanie, Іосифъ, только что пріѣхавшій изъ Галиціи, живо долженъ былъ почувствовать всю цѣну пріобрѣтенія Австріи. Но какъ ни бѣденъ былъ Бѣлорусскій край, для Россіи важно было то, что съ нимъ возвращалось къ ней ея древнее достояніе и что такимъ образомъ она спасала родное ей, забитое и загнанное племя отъ окончательнаго окатоличенія и ополяченія.

Въ тотъ же день, вскорѣ послѣ прибытія Іосифа, пріѣхали въ Могилевъ изъ Полоцка графъ Кобенцль и князь Потемкинъ, послѣдній съ собственноручнымъ письмомъ Императрицы къ графу Фалькенштейну, отъ 19 Мая, изъ Полоцка. «Въ эту минуту я испытываю, писала ему Екатерина, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ скрывать чувства радости. Одно ужъ имя ваше, графъ, внушаетъ къ себѣ такое довѣріе, что я надѣюсь не проступиться предъ вами минутнымъ нарушеніемъ слишкомъ тягостнаго для меня молчанія. Признаюсь, узнавъ о благополучномъ прибытіи вашемъ въ мое государство, я не могла удержаться, чтобы не выразить вамъ чувства моей радости и признательности за то счастіе, какое вы мнѣ доставляете. Князь Потемкинъ, которому я поручаю представить вамъ эти строки, можетъ засвидѣтельствовать предъ вами, что чѣмъ болѣе я приближаюсь къ Могилеву, тѣмъ болѣе растетъ во мнѣ нетерпѣніе высказать вамъ тѣ чувства, на которыя вы имѣете столько правъ и которыя я питаю къ вамъ въ моемъ сердцѣ. Но я заключу ихъ въ самой себѣ и постараюсь сообразоваться съ волей того... кого не смѣю назвать».

На это привѣтствіе Императрицы Іосифъ немедленно отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, отъ 2 Іюня (22 Мая): «Государыня! Чѣмъ могъ заслужить я, будучи еще незнаемъ вашему императорскому величеству, такое милостивое и, смѣю сказать, дружеское письмо? Если бы я могъ выразить мою признательность и всѣ тѣ чувства, какія вы возбуждаете во мнѣ, то они не были бы истинны: истинныя чувства живо дѣйствуютъ, но плохо выражаются на письмѣ. Я ихъ заключаю въ моемъ сердцѣ и умолкаю, увѣряя васъ, что глубоко проникнутъ ими. Всю дорогу я ощущалъ дѣйствіе вашихъ милостей и благосклонности ко мнѣ, благодаря которымъ путешествіе мое въ предѣлахъ вашего государства было какъ нельзя пріятнѣе и удобнѣе. Носимое мною титло графа никогда по истинѣ не было мнѣ такъ дорого, какъ въ эту минуту, когда я обязанъ ему счастіемъ черезъ нѣсколько часовъ лично познакомиться съ великой государыней, что̀ составляло предметъ моего пламеннаго желанія въ продолженіе многихъ лѣтъ» *).

Ожидая прибытія Императрицы, которое должно было послѣдовать черезъ два дня, Іосифъ почти никуда не выѣзжалъ въ Могилевѣ; обѣдалъ дома въ обществѣ Кобенцля и своей свиты, у себя не принималъ, а тѣмъ, кто у него записывался, разсылалъ визитныя карточки. Исключеніе было сдѣлано для одного Потемкина: императоръ былъ у него,

*) Впервыя напечатаны оба эти письма въ третьемъ томѣ изданія Арнета „Maria Theresia und Ioseph II“ (стр. 247—248) и потомъ вторично явились въ его же изданіи „Ioseph II und Katharina von Rusland“ (стр. 6—7).

потому что самъ принялъ его визитъ. Князь возилъ его въ православный соборъ, гдѣ полнымъ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ исполненъ былъ какой-то духовный концертъ (un motet). Они очень понравились Іосифу, особенно басовые голоса, и напомнили ему папскую капеллу; для полнѣйшаго сходства не доставало кастратовъ, замѣчаетъ онъ при этомъ. Кромѣ собора, императоръ не хотѣлъ быть нигдѣ болѣе, ни въ лагерѣ, ни на генеральныхъ репетиціяхъ Итальянской оперы.

Потемкинъ былъ очень сдержанъ съ императоромъ. «До сихъ поръ, пишетъ Іосифъ, всѣ наши разговоры съ нимъ ограничивались общими мѣстами: онъ ни одного слова не проронилъ мнѣ о политикѣ; съ своей стороны, я также не хотѣлъ касаться ея. Императрица сообщила мнѣ чрезъ него, что не желала бы встрѣтиться со мной въ толпѣ; какъ вездѣ, такъ и здѣсь она вступитъ въ городъ торжественно, въ предшествіи верхами всего имѣющаго выѣхать ей на встрѣчу дворянства, по обыкновенію прямо отправится въ соборъ и послѣ божественной литургіи поѣдетъ въ большой, построенный для нея деревянный дворецъ. Здѣсь она желала бы наединѣ и запросто (seule et en particulier) имѣть первое свиданіе со мною. Такимъ образомъ послѣ ея въѣзда, который мнѣ удастся увидѣть, я отправлюсь во дворецъ, гдѣ, по прибытіи ея изъ собора, и буду представленъ ей княземъ Потемкинымъ, въ эту недѣлю дежурнымъ генералъ-адъютантомъ; потомъ, я думаю, она выйдетъ ко всѣмъ».

Наконецъ 24-го Мая (4-го Іюня), утромъ, Императрица пріѣхала въ Могилевъ. Въ томъ же письмѣ къ матери, изъ котораго мы заимствовали вышеприведенныя строки, Іосифъ оставилъ намъ описаніе ея торжественнаго вступленія въ городъ и своего представленія ей. «Наконецъ, пишетъ онъ, я возвратился изъ дворца. Около десяти часовъ происходилъ торжественный въѣздъ ея величества, на которомъ я былъ во фракѣ. Это было прекрасное зрѣлище. Все Польское дворянство верхами [1]); гусары [2]), кирасиры [3]); множество генераловъ, окружавшихъ карету; наконецъ она сама въ двумѣстной каретѣ съ камерфрейлиной Энгельгардтъ [4]). За ней тянулся длинный рядъ каретъ. Такъ

[1]) Губернскій предводитель съ дворянствомъ.

[2]) Харьковскаго Гусарскаго полку эскадронъ, предшествовавшій каретѣ Императрицы

[3]) Новотроицкаго Кирасирскаго полку эскадронъ, слѣдовавшій непосредственно за каретой Императрицы.

[4]) См. объ ней выше. Въ слѣдующемъ году она вышла замужъ за графа Ксаверія Браницкаго, называвшагося прежде Бранецкимъ, по происхожденію отъ предковъ Малороссійскаго казака. Въ письмѣ графа Брюса къ князю Долгорукову-Крымскому отъ 2-го Марта 1781 года читаемъ: „Вчера камерфрейлина сговорена за графа Браницкаго; сговоръ происходилъ въ тронной залѣ“ („Русскій Архивъ“ 1865 г., стр. 557).

шествовала она въ православный соборъ (à l'église grecque) для слушанія божественной литургіи [1]). Тѣмъ временемъ я надѣлъ мундиръ, и князь Потемкинъ повезъ меня во дворецъ, гдѣ во внутреннихъ покояхъ (dans les cabinets) ея величества я ожидалъ ея прибытія изъ собора. Оно не замедлило послѣдовать. Императрица вошла и, когда я наклонился, чтобы поцѣловать ей руку, обняла меня. Разговоръ продолжался не болѣе минуты, и она удалилась въ свою комнату. Когда она опять вышла, ей были представлены лица моей свиты (mes messieurs) [2]), и она повела общій разговоръ. Она говорила со мной о предметахъ неважныхъ, но съ большимъ умомъ и любезностью. Потомъ пошли за столъ, накрытый на пятьдесятъ кувертовъ. Я имѣлъ честь сидѣть подлѣ нея; разговоръ шелъ о разныхъ предметахъ. Наконецъ она удалилась, а я возвратился къ себѣ въ шесть часовъ. Ея величество еще выйдетъ, и я ужо побываю у нея, межъ тѣмъ успѣю сдѣлать нѣсколько оффиціальныхъ визитовъ».

Цѣлую недѣлю прожилъ Іосифъ въ Могилевѣ вмѣстѣ съ Екатериной. Мы не намѣрены вдаваться здѣсь въ подробности пребыванія ихъ въ этомъ городѣ: это лежитъ внѣ нашей задачи; къ тому же онѣ уже извѣстны въ нашей печати изъ разсказа Энгельгардта и изъ недавно изданной «Дневной записки» Могилевскаго путешествія Екатерины. Считаемъ не лишнимъ впрочемъ замѣтить при этомъ, что данныя, сообщаемыя Энгельгардтомъ, не представляютъ полной достовѣрности и требуютъ критической провѣрки. Будучи шестидесятилѣтнымъ старикомъ, онъ, многое интересное забылъ, какъ и самъ сознается во вступленіи къ нимъ, а что̀ и вспомнилъ, то уже не совсѣмъ вѣрно. Это общее замѣчаніе какъ разъ оправдывается разсказомъ его о пребываніи Іосифа и Екатерины въ Могилевѣ [3]). Мы остановимся

---

[1]) День прибытія императрицы Екатерины въ Могилевъ былъ Воскресный.

[2]) Между бумагами „Рѣшетиловскаго Архива“ мы видѣли списокъ лицъ свиты графа Фалькенштейна. Кромѣ извѣстнаго уже намъ ротмистра Каваллара, въ немъ показаны генералъ графъ Броунъ, полковникъ фонъ-Цетверъ, полковникъ фонъ-Лангенъ, духовникъ, секретарь, лейбъ-медикъ и курьеръ. Изъ депеши Сакена, отъ 22 Мая (2 Іюня) 1780 года, видно, что стоявшій во главѣ этихъ лицъ генералъ графъ Броунъ былъ сынъ Лифляндскаго генералъ-губернагора, графа Юрія Юрьевича Броуна. „Die Kaiserin, пишетъ Сакенъ, hat den alten General-gouverneur Grafen Brown von Narwa mit sich genommen nach Mohilew. Sie hat ihn mit diesen Worten angeredet: Mien lieber general Brown, Ihr Sohn bringt den Kaiser nach Mohilew, es ist billig, dass Sie mich auch dahin bringen, Ich will Sie mit dem Kaiser bekannt machen“ (Geschichte des russischen Staates von Herrmann, т. IV, стр. 452—453).

[3]) Такъ, напримѣръ, по его разсказу выходитъ, что Іосифъ пріѣхалъ въ Могилевъ

только на тѣхъ новыхъ и не лишенныхъ интереса данныхъ, какія находимъ въ письмахъ Іосифа объ его личныхъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ и о впечатлѣніяхъ этого перваго путешествія его въ Россію *).

Уже изъ «Дневной записки» можно видѣть, что во все время пребыванія своего въ Могилевѣ Іосифъ постоянно находился въ обществѣ Екатерины. Они вмѣстѣ ѣздили по присутственнымъ мѣстамъ, монастырямъ. Такъ 27-го Мая они посѣтили намѣстническое правленіе и палаты, а потомъ Кармелитскій монастырь, гдѣ соборнѣ отправлялъ службу Бѣлорусскій Католическій епископъ Станиславъ Сестренцевичъ, при чемъ вмѣстѣ съ органами составляла хоръ придворная вокальная и инструментальная музыка. 28-го, въ день Вознесенія Господня, они, также вмѣстѣ, были въ Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ на литургіи, которую соборнѣ совершалъ извѣстный епископъ Могилевскій Георгій (Конискій). Ни одного дня не проходило, чтобы графъ Фалькенштейнъ не обѣдалъ у Императрицы; вечера онъ также проводилъ въ ея обществѣ, на балу, въ оперѣ, въ концертѣ, за карточнымъ столомъ. Императрица постоянно оказывала ему самый дру-

---

на другой день по прибытіи Екатерины— „къ обѣду". Есть основаніе сомнѣваться не только въ справедливости разсказа его о смерти въ Могилевѣ Когцейна, бывшаго будто бы „генералъ-адъютантомъ и фаворитомъ" императора, но и въ дѣйствительности существованія такого лица. Во-первыхъ, въ извѣстномъ намъ спискѣ лицъ, составлявшихъ свиту Іосифа, мы не находимъ Когцейна; во-вторыхъ, сообщая матери свѣдѣнія о здоровьи своемъ и лицъ своей свиты, онъ нигдѣ не упоминаетъ о смерти своего „генералъ-адъютанта и фаворита". Разъ какъ-то, по выѣздѣ уже изъ Россіи, въ Вонишкахъ, заболѣлъ его секретарь (концепистъ) Кнехтъ, и онъ сейчасъ же извѣщаетъ объ этомъ свою мать: „J'avais cacheté cette lettre, пишетъ онъ, lorsqu'un accident singulier arrivé à mon employé du bureau Knecht m'engage à la rouvrir pour lui en donner part *en conséquence de l'exactitude avec laquelle je suis habitué à l'informer de tous les détails qui arrivent*" и описанію его болѣзни посвящаетъ цѣлую страницу своего письма. Кнехтъ скоро выздоровѣлъ; заболѣлъ Лангъ (въ вышеупомянутомъ спискѣ лицъ его свиты—полковникъ фонъ-Лангенъ): „Le lieutenant, colonel Lang, пишетъ Іосифъ матери изъ Замостья, a eu un petit accès de fièvre, mais qui ne sera d'aucune conséquence". Увѣдомляя такъ исправно свою мать о малѣйшемъ нездоровьи сопровождавшихъ его лицъ, могъ ли Іосифъ не сообщить ей о смерти одного изъ нихъ, и кого же? своего „генералъ-адъютанта и фаворита"!...

*) Добрынинъ, коего Записки напечатаны въ „Виленскомъ Сборникѣ" (Вильна, 1869), видѣлъ въ Могилевѣ Іосифа и Екатерину, но любопытнаго сообщилъ объ нихъ только то, что „великимъ людямъ потребны великіе замыслы", или: „не разсуждая полнымъ смысломъ о качествѣ и жребіи царей, разсуждалъ я тогда по своему: возможно ли, думалъ я, что, встрѣтясь съ нимъ (Іосифомъ, гулявшимъ инкогнито по Могилеву), можно было замѣтить, что онъ глава 26-ти милліоновъ знатнѣйшаго на земномъ шарѣ Нѣмецкаго народа?" („Вѣстникъ Европы" 1869 г., т. II, стр. 995).

жескій, непринужденный пріемъ. Случаевъ для взаимнаго и свободнаго обмѣна мыслей между ними было немало, хотя послѣ перваго свиданія онъ не могъ улучить ни одной минуты, чтобы побыть наединѣ съ нею. Во второмъ письмѣ изъ Могилева, отъ 8-го Іюня (28-го Мая), Іосифъ передаетъ матери сущность того, что онъ могъ извлечь интереснаго изъ своихъ частыхъ, хотя и отрывочныхъ разговоровъ съ Императрицей, замѣчая мимоходомъ, что между ними было очень много такихъ, которые касались предметовъ неважныхъ, но въ которыхъ однако она обнаружила обширность своихъ познаній и прелесть своего ума.

«Надо думать, пишетъ онъ, что ея величество довольна мною: съ каждымъ днемъ ея рѣчи становятся все естественнѣе и интереснѣе, потому что въ нихъ начинаетъ проявляться нѣкоторое довѣріе». Впрочемъ о политикѣ, которая болѣе всего лежала у него на сердцѣ, онъ могъ говорить съ ней только урывками: Императрица выказывала мало расположенія къ послѣдовательнымъ разговорамъ политическаго свойства. «Только вчера въ оперѣ [1]), продолжаетъ онъ, я могъ заговорить съ ней о тѣхъ злыхъ и ложныхъ слухахъ, которые король Прусскій распускаетъ на мой счетъ. Она отвѣчала мнѣ увѣреніемъ, что все это сплетни съ его стороны; что его обманываютъ мелкія души, что своими ложными вѣстями онъ достигнетъ только того, что подъ-конецъ перестанутъ уже вѣрить и неложнымъ, если только онѣ будутъ идти отъ него; что его дурное расположеніе духа происходитъ отъ уединенія, въ которомъ онъ живетъ и отъ его преклонныхъ лѣтъ». Изъ разговора своего съ Екатериной о бывшей тогда въ полномъ разгарѣ борьбѣ Англіи съ ея Сѣверо-Американскими колоніями, Іосифъ могъ сообщить матери слѣдующее: «Императрица не желаетъ принимать посредничества (о чемъ такъ усиленно просила ее тогда Англія); она очень довольна своею декларацiей, но недовольна Англичанами, которые не хотятъ признать эту декларацію въ томъ видѣ, какъ она явилась въ свѣтъ [2]); она желаетъ, чтобы состоялся миръ и часть колоній получила свободу».

Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто въ письмѣ Іосифа: «Она спросила меня, отчего бы мнѣ, какъ Римскому императору, не предъявить моихъ правъ на Италію, въ особенности же на Папскую область, страну такую прекрасную и благодатную. Я сначала отвѣчалъ шут-

---

[1]) Въ театрѣ, устроенномъ въ домѣ генералъ-губернатора, графа З. Г. Чернышева, во время представленія Итальянской оперы La Frascatura, 27 Мая (7 Іюня).

[2]) Здѣсь разумѣется знаменитая декларація 28-го Февраля 1780 года о вооруженномъ нейтралитетѣ.

кой, но потомъ сказалъ серьезно, что многія державы такъ живо заинтересованы сохраненіемъ *statut quo* Италіи, что если бы даже права мои восходили ко временамъ Августа, то и тогда я не могъ бы ими воспользоваться, но что ей не въ примѣръ было бы легче завоевать свой Римъ, то есть Константинополь. Она извинилась предо мной за этотъ вопросъ, отъ котораго, кажется, сама пришла въ смущеніе, и стала увѣрять меня, что желаетъ только мира и вовсе не думаетъ объ этомъ завоеваніи».

«Вотъ все, заключаетъ Іосифъ, что̀ до сихъ поръ можно было извлечь изъ многихъ разговоровъ моихъ съ Императрицей».

Но уже этого немногаго, что̀ могъ Іосифъ сообщить своей матери, достаточно, чтобы видѣть, какой рѣшительный и удачный шагъ сдѣлалъ онъ въ Могилевѣ къ сближенію съ Екатериной. Изъ разговора съ ней въ оперѣ онъ могъ убѣдиться, что она свободна отъ вліянія короля Прусскаго и что съ этой стороны ему нечего много опасаться. Вслѣдъ затѣмъ онъ воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы разомъ привлечь ее на свою сторону: ловкимъ замѣчаніемъ на счетъ легкости, съ какою она могла бы завоевать *свой Римъ*, онъ выражалъ одобреніе любимой мечтѣ ея, подрывалъ въ конецъ и безъ того уже чуть державшійся аккордъ ея съ королемъ Прусскимъ и полагалъ прочную основу союзу, между обоими императорскими дворами [1]).

Теперь, чтобы закрѣпить эти завязавшіяся въ Могилевѣ нити давно желаннаго союза съ Екатериной, Іосифу необходимо было ѣхать въ Петербургъ, куда Императрица должна была отправиться 30-го Мая. Мы уже знаемъ, что Іосифъ, вызвавшись проводить ее до Смоленска, не прочь былъ бы проѣхать оттуда и далѣе, въ Москву, еслибъ потребовали того обстоятельства; но теперь они такъ сложились, что ему предстояло проѣхать и за Москву, въ Петербургъ. Дѣло устроилось какъ нельзя лучше: сама Императрица обязательно предложила ему посѣтить ея столицу. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ своей матери: «Условія здѣшней жизни, какъ говоритъ сама ея величество, не допускаютъ бо̀льшей простоты обращенія (plus de familiarité). Каждый день она обѣдаетъ со всѣми иностранцами [2]) и лицами своей

---

[1]) Ср. Historische Zeitschrift 1867 г., стр. 453.

[2]) Кто были эти иностранцы? О присутствіи ихъ въ Могилевѣ свидѣтельствуетъ и Энгельгардтъ. „За мѣсяцъ до прибытія Государыни, пишетъ онъ, съѣхались иностранные министры, часть двора, *множество иностранцевъ*, а особливо знатныхъ и богатыхъ вельможныхъ пановъ“ (стр. 18 его Записокъ). „Дневная Записка“ также не разъ упо-

свиты; вечеромъ она также должна видѣться съ ними или за картами, или на балу. Она сильно настаиваетъ на поѣздкѣ моей въ Петербургъ и приводитъ для этого причины поистинѣ важныя. Она говоритъ, что на дачѣ, куда она думаетъ теперь отправиться и гдѣ живетъ какъ частное лицо, я очень удобно могъ бы видѣться съ ней наединѣ, внѣ всякой парадной обстановки; что нигдѣ, кромѣ ея столицы, я не могъ составить себѣ понятія о томъ, что̀ сдѣлано Петромъ Великимъ и ею; что не видать ея столицы, все равно, что ничего не видѣть; что, наконецъ, ей хотѣлось бы показать мнѣ свои три эскадры, уже готовыя къ выходу изъ порта по назначенію и могущія дать понятіе объ ея морскихъ силахъ».

Къ этимъ причинамъ, которыя казались Іосифу довольно основательными сами по себѣ, онъ со своей стороны присоединялъ еще слѣдующія: «Будучи такъ недалеко отъ Петербурга, я очень любопытствую взглянуть на него. Я предвижу, что только тамъ можно будетъ дойти до какого-нибудь прочнаго соглашенія, о чемъ здѣсь, при здѣшнемъ образѣ жизни, нечего и думать *). Это путешествіе будетъ пріятно ея величеству. Будучи предпринято по ея желанію, оно, въ глазахъ короля Прусскаго и другихъ, можетъ послужить доказательствомъ моихъ успѣховъ при Русскомъ дворѣ. Знакомство съ великимъ княземъ, равно какъ съ графомъ Панинымъ, кажется мнѣ предметомъ первой важности: пребываніе мое въ Петербургѣ можетъ способствовать мнѣ въ этомъ знакомствѣ и такимъ образомъ предотвратить то невыгодное для меня впечатлѣніе, какое можетъ произвести на оба эти лица (въ случаѣ, если бы они меня не видали) прибытіе осенью принца Прусскаго. Наконецъ, чтобы судить объ учрежденіяхъ и правительствѣ, равно какъ о разнородныхъ полезныхъ заведеніяхъ, надо непремѣнно ихъ видѣть».

минаетъ объ „иностранныхъ знатныхъ особахъ", приглашавшихся къ столу Императрицы и вообще, кажется, составлявшихъ ея постоянное, хотя и не исключительное общество. Впервыя они представились ей, какъ видно изъ „Дневной Записки", еще въ Полоцкѣ, 19-го Мая, вечеромъ, вмѣстѣ съ княземъ Понятовскимъ и съ императорскимъ королевскимъ полномочнымъ министромъ графомъ Кобенцлемъ (стр. 399). Это была, вѣроятно, Польская знать, наѣхавшая изъ Рѣчи Посполитой привѣтствовать Императрицу. Но изъ иностранныхъ министровъ, вопреки показанію Энгельгардта, въ Могилевѣ, сколько извѣстно, никого не было, кромѣ Кобенцля.

*) „Je prévois que, vu les arrangements de la vie ici, ce ne sera que là qu'on pourra parvenir à consolider quelqu' arrangement" (Maria Theresia und Ioseph II. т. III, стр. 253).

На основаніи всѣхъ этихъ соображеніи, а также по совѣту Кобенцля и своей свиты, Іосифъ рѣшился на поѣздку въ Петербургъ, къ большому, конечно, удовольствію Императрицы и князя Потемкина. О послѣднемъ онъ писалъ: «Князь Потемкинъ самъ думаетъ ѣхать въ Москву, чтобы все мнѣ тамъ показать. Онъ пользуется неограниченнымъ довѣріемъ Императрицы. Ея величество за столомъ, при всѣхъ, назвала его прямымъ ученикомъ своимъ (son vrai élève) и сказала мнѣ, что надо, чтобы у людей былъ одинаковый складъ ума и образъ мыслей и что она никого еще не встрѣчала, кто бы такъ ей нравился своимъ образомъ мыслей, какъ онъ [1]). До сихъ поръ этотъ человѣкъ былъ крайне осторожень въ разговорахъ со мной; но я не сомнѣваюсь, что со временемъ онъ мнѣ выскажется и что, можетъ быть, онъ затѣмъ и ѣдетъ въ Москву. Между тѣмъ я видѣлъ его кирасирскій полкъ: прелесть, а не полкъ и отлично хорошъ на ученьи» [2]).

Любопытно, что мысль о народномъ образованіи въ Россіи, составлявшемъ лѣтъ шесть тому назадъ главнѣйшій предметъ бесѣдъ Екатерины съ Дидро́, который, по ея порученію, написалъ и самый проектъ его организаціи [3]), эта мысль такъ сильно занимала Императрицу, что среди царственныхъ заботъ и разнаго рода развлеченій въ Могилевѣ, на первыхъ же порахъ знакомства своего съ Іосифомъ, она обратилась къ нему съ просьбою о присылкѣ ей Австрійскихъ учебныхъ книгъ. Это видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ письма его къ матери: «Ея величество просила у меня разныхъ учебниковъ, употребляющихся въ нормальныхъ [4]) школахъ. Я уже написалъ

---

[1]) „S. M. à la table publiquement l'a nommé son vrai élève et m'a dit qu'il fallait que les têtes et la façon de penser des hommes se conviennent, et qu'elle n'en avait point trouvé qui lui agréât davantage que la sienne". (Тамъ же, стр. 254—255). Екатерина часто называла Потемкина своимъ ученикомъ. Такъ, дней десять по полученіи извѣстія объ его кончинѣ, она говорила Храповицкому: „Это былъ мой дорогой другъ, *мой ученикъ*, человѣкъ геніальный; онъ дѣлалъ добро своимъ врагамъ и этимъ ихъ обезоруживалъ" (Пам. Зап. Храповицкаго, стр. 254. М. 1862).

[2]) Въ „Дневной Запискѣ", подъ 27 Мая, замѣчено. „Послѣ обѣда, предъ лагеремъ, происходило ученіе кирасирскаго Новотроицкаго полка, въ присутствіи графа Фалькенштейна и другихъ особъ и при множествѣ собравшагося народа" (стр. 407). Служба въ этомъ полку считалась въ то время такимъ же отличіемъ, какъ и служба въ гвардіи; да и самый полкъ считался тогда собственною гвардіей Потемкина, на которую онъ не жалѣлъ никакихъ расходовъ. Мундиры были богатѣйшіе: сверхъ кирасы надѣвался суконный красный супервестъ съ вышитыми на груди и на спинѣ орлами. Лошади были тысячныя, а народъ гиганты („Русскій Архивъ" 1869 г., стр. 159).

[3]) „Осмнадцатый Вѣкъ", т. 1, стр. 296 (М. 1868)

[4]) Т.-е., народныхъ.

объ нихъ къ Brigido [1]); но если у него не окажется ихъ, то вы, любезная матушка, благоволите выслать мнѣ этихъ книгъ, съ первымъ же гонцомъ, по два хорошо переплетенные экземпляра, по всѣмъ предметамъ безъ исключенія». Здѣсь кстати замѣтить, что два года спустя, Іосифъ, также по просьбѣ Екатерины, прислалъ ей и извѣстнаго Ѳедора Янковича [2]) для заведенія въ Россіи народныхъ училищъ.

Въ «Дневной Запискѣ» подъ 30 Мая (послѣднимъ днемъ пребыванія Екатерины въ Могилевѣ) замѣчено: «Ея императорское величество, въ присутствіи графа Фалькенштейна, соизволила быть при основаніи церкви каменной, недалеко отъ дворца заложенной, которую и повелѣла соорудить на иждивеніи ея величества и коя будетъ служить монументомъ знаменитаго свиданія, въ семъ городѣ происшедшаго [3]).

Послѣ обѣда Екатерина, въ сопровожденіи Іосифа, выѣхала изъ Могилева.

Слѣдующее письмо императора уже изъ Смоленска, куда царственные путешественники прибыли 1-го Іюня, въ шесть часовъ вечера. «Я имѣлъ честь, пишетъ Іосифъ отъ 14—3 Іюня въ продолженіе двухъ съ половиною дней сопутствовать Императрицѣ; я сидѣлъ рядомъ съ ней въ шестимѣстной каретѣ; ѣхать было очень покойно, а ея общество доставляло особенное удовольствіе, потому что она какъ нельзя болѣе любезна и образована». Остальныя мѣста въ каретѣ Императрицы занимали: камерфрейльна Энгельгардтъ, князь Потемкинъ, графъ Кобенцль и дѣйствительный камергеръ Ланской [4]).

---

[1]) Іосифъ графъ Brigido—президентъ земскаго управленія и commissarius regens въ Галиціи.

[2]) Онъ прибылъ въ Петербургъ 4 -15-го Сентября 1782 года и черезъ два дня представился императрицѣ съ рекомендательнымъ письмомъ Іосифа, которое помѣщено въ изданіи Арнета „Joseph II und Katharina von Russland" (стр. 141—142).

[3]) Стр. 409. Церковь эта была посвящена имени Св. Іосифа Обручника. Протоіерей Іоаннъ Григоровичъ ошибочно относитъ ея основаніе къ 25 Мая (Собр. сочин. Георгія Конисскаго, изд. протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. Спб. 1835, стр. LXI). Такъ же ошибается и Энгельгардтъ, говоря, что она заложена была въ пятый день (стало быть 28 Мая) пребыванія Екатерины въ Могилевѣ (стр. 24).

[4]) Sacken's Bericht aus Petersburg v. 9—20 Iuni 1780. Изъ этого извѣстія между прочимъ оказывается, что князь Потемкинъ оставался въ Могилевѣ до конца пребыванія въ немъ Императрицы, вопреки увѣренію Энгельгардта, будто онъ, вслѣдствіе непріятности съ графомъ Чернышевымъ, уѣхалъ изъ Могилева еще 27-го Мая (стр. 23); письмо Іосифа отъ 28-го Мая такъ же противорѣчитъ показанію Энгельгардта.—А. Д. Ланской

Благодаря заботливости генералъ-губернатора графа Чернышева, Могилевская губернія могла похвастать превосходными дорогами, какихъ не было тогда нигдѣ въ имперіи: широкія, прямыя, съ канавами по обѣимъ сторонамъ, обсаженныя въ два ряда березками, съ гатями по зыбямъ и болотамъ, онѣ снабжены были прочными мостами, безопасными переправами, хорошими почтовыми станціями. Императоръ замѣчаетъ объ нихъ: «Дороги очень хороши, широки, усажены деревьями, но не шоссированы, убиты единственно землей да пескомъ, и потому при малѣйшемъ дождѣ легко портятся». Смоленская губернія произвела на Іосифа болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ Могилевская. «По мѣрѣ приближенія къ Смоленску, пишетъ онъ, страна становится живописнѣе; къ тому же она лучше обработана, чѣмъ Бѣлоруссія, принадлежавшая нѣкогда Польшѣ». Вообще это путешествіе отъ Могилева до Смоленска онъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Вообразите себѣ, любезная матушка, поѣздъ, состоящій, какъ говорятъ, изъ ста двадцати разнаго рода экипажей, повсюду на пути большія торжества, обѣды на восемьдесятъ кувертовъ, балы, карточную игру при дворѣ, наконецъ представленія, и вы будете имѣть полную картину этого путешествія».

Впрочемъ всѣ эти празднества и парадныя развлеченія мало занимали Іосифа: онъ, какъ извѣстно, не имѣлъ къ нимъ никакого вкуса, и только разговоры съ Императрицей вознаграждали его за то нравственное утомленіе, которое онъ при такой натянутой обстановкѣ долженъ былъ тогда испытывать. Самый интересный изъ нихъ по своему содержанію, конечно, политическаго свойства, онъ передаетъ матери въ томъ же письмѣ изъ Смоленска. Какъ прежде, такъ и теперь, на первомъ планѣ стоялъ здѣсь все тотъ же король Прусскій. При первомъ удобномъ случаѣ Іосифъ снова завелъ объ немъ рѣчь и все по поводу тѣхъ лжей *), которыя распространялись на его счетъ; но Императрица прямо сказала ему и часто потомъ повторяла, что не

былъ тогда дѣйств. камергеромъ и фл.-адъютантомъ; въ свитѣ Императрицы находилась и сестра его, фрейлина Е. Д. Ланская (Мать князя А. И. Чернышева? П. Б.).

*) Гаррисъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ при Петербургскомъ дворѣ, донося своему правительству слѣдующее: „Ich glaube, dass in ihren langen und häufigen Priivatunterhaltungen der Kaiser sich vielmehr bemüth hat, sie (т.-е. Императрицу) in mehreren falschen Vorstellungen zu berichtigen, die ihr, wie er wusste, aus Potsdam beigebracht waren, als sie für neue Systeme zu gewinnen, indem er wohl weiss, dass wenn jene einmal entfernt sind, zugleich auch der Weg für alle von ihm in Zukunft zu machenden Vorschläge gebahnt sein würde“ (Депеша отъ 7—18 Іюля 1780 г. въ I приложеніи къ VI тому Исторіи Русскаго государства Германа (стр. 455).

даетъ имъ никакой вѣры. Тогда онъ заявилъ ей, что Вѣнскій дворъ принялъ твердое рѣшеніе во всѣхъ важныхъ случаяхъ дружески сообщать ей свои мысли и спрашивать у нея совѣта. Такое заявленіе довѣрія къ высокой мудрости и честности Императрицы не могло, конечно, не понравиться ей, и она, съ самыми искренними увѣреніями въ дружбѣ, отвѣчала Іосифу обѣщаніемъ добраго совѣта, «какому сама не преминула бы послѣдовать», во всякомъ дѣлѣ, по коему сочли бы нужнымъ къ ней обратиться.

Но у собесѣдниковъ нашихъ были старые счеты, по которымъ они еще не объяснились, что̀ одинаково тяготило обоихъ. Екатеринѣ не хотѣлось первой поднимать объ нихъ рѣчи, и она ждала этого отъ Іосифа. Однажды изъ нѣсколькихъ словъ ея онъ замѣтилъ, что она желала бы высказаться по этому предмету, но не знаетъ, какъ приступить къ дѣлу, и поспѣшилъ къ ней на помощь: онъ заговорилъ о послѣдней Турецкой войнѣ, о тогдашней конвенціи Австріи съ Портою и наконецъ о деклараціи Императрицы въ пользу короля Прусскаго. «Мнѣ показалось, пишетъ онъ, что у нея камень отвалился отъ сердца. Она не могла отъ меня скрыть того чувства скорби, которое пробуждено было въ ней воспоминаніемъ объ этой конвенціи. Она указала мнѣ на всѣ выгоды, какія могли бы получить и какія она предлагала намъ «независимо отъ какого бы то ни было иного обязательства» (выраженіе, подъ которымъ она подразумѣлала свои отношенія къ королю Прусскому), она увѣряла меня, что ея народъ еще больше, чѣмъ сама она, былъ удивленъ нашимъ отказомъ ей въ помощи; что мы дѣйствовали здѣсь, конечно, подъ вліяніемъ Франціи, которая пуще всякой другой Европейской державы питаетъ пристрастіе къ Туркамъ, что эта великая минута, этотъ прекрасный случай никогда уже, быть можетъ, не возвратится».

«Я счелъ здѣсь умѣстнымъ, продолжаетъ Іосифъ, напомнить ей объ ея союзѣ съ Пруссіей. Она отвѣчала мнѣ, что, при вступленіи ея на престолъ, все было въ такомъ невѣроятномъ разстройствѣ, что ей не оставалось ничего болѣе, какъ заключить миръ. Наконецъ она, казалось, хотѣла открыть мнѣ свои мысли насчетъ того, какимъ образомъ можно было бы поправить это дѣло, но притворилась, будто не придаетъ ему никакой важности и сказала мнѣ только, что у меня у самого нѣтъ еще моей столицы. Эти частыя и на разные лады повторяющіяся рѣчи объ Италіи, заставляютъ меня думать, что она тутъ что-то затѣваетъ, но что̀ именно, я не успѣлъ еще разгадать. Къ этому надо прибавить, что всякій разъ, какъ она заговоритъ о Римѣ, я, смѣясь, говорю ей о Константинополѣ. Однажды,

впрочемъ, она положительно сказала мнѣ, что если бы—даже и завоевала Константинополь, то не удержала бы его за собой, а распорядилась бы имъ иначе. Все это наводитъ на мысль, что она думаетъ еще раздѣлить эту имперію и предоставить восточную половину внуку своему Константину, разумѣется, когда ее завоюетъ» [1]).

Изъ разговоровъ своихъ съ Императрицей Іосифъ узналъ далеко не все, что̀ ему интересно и важно было знать; но онъ надѣялся вывѣдать больше съ одной стороны отъ Потемкина во время предстоявшаго путешествія въ Москву, съ другой—отъ самой Екатерины въ Царскомъ Селѣ. «Между тѣмъ, продолжаетъ онъ, самыя сильныя предубѣжденія, кажется, уже побѣждены. Ея величество оказываетъ мнѣ много ласки и, повидимому, довольна мною. При благопріятныхъ обстоятельствахъ это откроетъ путь къ дальнѣйшимъ предложеніямъ, съ которыми, я думаю, нечего будетъ спѣшить, во-первыхъ, потому, что время еще терпитъ, а во-вторыхъ, потому, что поспѣшностью скорѣе испортишь, чѣмъ сдѣлаешь дѣло, тѣмъ болѣе, что все это, можетъ быть, только хитрости, чтобы расположить меня къ откровенности и потомъ употребить ее во зло. Я никому здѣсь не довѣряю, да кажется и никто здѣсь никому не довѣряетъ».

Іосифъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать той минуты, когда наконецъ онъ будетъ въ состояніи свободно вздохнуть въ Петербургѣ, вдали отъ тѣхъ стѣснительныхъ условій жизни, которымъ онъ волей-неволей долженъ былъ подчиняться и которыя такъ мало были въ его вкусѣ. Но вотъ что любопытно: еще въ Смоленскѣ началъ онъ задумываться надъ тѣмъ положеніемъ, въ какое придется стать ему въ Петербургѣ къ великому князю. «Знакомство съ великимъ княземъ, говоритъ онъ, дѣло поистинѣ важное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и щекотливое (délicat). Я постараюсь при этомъ принять въ соображеніе всѣ отношенія и привести ихъ по возможности во взаимное сочетаніе». Еще другая забота лежала у него тогда на душѣ: въ Сентябрѣ непремѣнно пріѣдетъ въ Петербургъ принцъ Прусскій и, пожалуй, перепортитъ все, что̀ ему удастся сдѣлать тамъ хорошаго.

Съ такими мыслями Іосифъ простился съ Екатериной въ Смоленскѣ, откуда она выѣхала 4 (15) Іюня по дорогѣ въ Петербургъ, а самъ въ сопровожденіи графа Румянцова и князя Потемкина [2]), въ

---

[1]) Великому князю Константину Павловичу шелъ тогда второй годъ (онъ родился 27 Апрѣля 1779 г.).

[2]) Въ депешѣ Сакена изъ Петербурга, отъ 9 (20) Іюня читаемъ: „Aus Smolensk ist der Kaiser nach Moskau gereist und wird von dem Generalfeldmarschall, *Fürsten*

тотъ же день отправился въ Москву, куда и прибылъ 6 (17) Іюня. Отсюда онъ писалъ матери, отъ 8 (19) Іюня: «Третьяго дня я пріѣхалъ въ этотъ огромный городъ, который стóитъ посмотрѣть. Онъ гораздо обширнѣе всѣхъ доселѣ видѣнныхъ мною: по величинѣ съ нимъ не могутъ сравниться ни Парижъ, ни Римъ, ни Неаполь. Правда, внутри его много лачугъ, но рядомъ съ ними за то возвышается и множество прекрасныхъ зданій». 23 Іюня Іосифъ пишетъ своей матери, уже изъ Царскаго Села: «Императрица продолжаетъ обращаться со мною съ рѣдкимъ дружелюбіемъ и сердечностью, насколько это возможно при дворѣ. Мы попрежнему часто и подолгу бесѣдуемъ съ ней, и я при этомъ имѣлъ случай мало-по-малу приложить къ дѣлу почти всѣ пункты инструкціи, такъ хорошо составленной княземъ Кауницемъ [1]). Я не могу передать здѣсь всѣхъ рѣчей Императрицы: онѣ слишкомъ длинны, несвязны и отрывисты, потому что она высказывается только мимоходомъ, къ слову, которое какъ-нибудь забросишь при случаѣ (puisque ce n'est qu'au vol qu'on peut placer son mot [2]); но вотъ что я могъ извлечь изъ всего говореннаго ею: ея величество не сердится болѣе и думаетъ, что своею послѣднею декларацiей, приведшей къ Тешенскому миру, вполнѣ отплатила намъ за ту штуку, которую мы сыграли съ нею, отказавъ ей въ нашей помощи во время войны ея съ Турками [3]).

«Она далеко была бы не прочь отъ того, чтобы войти съ нами почти въ такія же отношенія, въ какихъ стоитъ къ королю Прусскому,

---

Tschernischew und von dem Fürsten Potemkin begleitet". Но графъ Чернышовъ, отпущенный Екатериною въ Могилевъ еще на границѣ Смоленской губерніи, 1-го Іюня, какъ это видно изъ „Дневной Записки" (стр. 410) стоитъ здѣсь, вѣроятно, ошибкою вмѣсто графа Румянцова. Это подтверждается слѣдующею депешою того же Сакена, отъ 19 (30) Іюня: „Unterwegs hat der Kaiser weder mit dem Generalfeldmarschall *Romänzoff* noch mit dem Fürsten Potemkin, sondern beständig ganz allein gespeist".

[1]) „L'Impératrice continue à me traiter ici avec toute l'amitié et la cordialité dont elle et le train de sa cour sont susceptibles. Nos conversations longues et fréquentes continuent; j'y ai eu l'occasion de rappeler peu à peu à peu près tous les maximes, que le prince de Kaunitz avait su si bien rassembler".

[2]) Іосифъ еще въ Могилевѣ замѣтилъ эту осторожность ея въ разговорахъ съ нимъ о политикѣ: „S. M. paraît peu disposée à des discours suivis de politique, et ce n'est que des moments, des occasions qu'il faut saisir et amener pour placer son mot".

[3]) Любопытно это откровенное сознаніе Іосифа въ *штукѣ*, которую имъ удалось сыграть съ Екатериной „(le tour que nous lui avions joué)". Австрія горазда на такія штуки и съ нами не разъ ихъ игрывала. Послѣднею и самою печальною былъ во время Восточной войны отдѣльный трактатъ ея съ Турціей 8 (20) Іюня 1854 года, заставившій князя Горчакова вывести Русскія войска изъ Дунайскихъ княжествъ.

но въ настоящую минуту не намѣрена подавать ему ни малѣйшаго повода къ ссорѣ: ей видимо хочется, чтобы у нея заискивали съ обѣихъ сторонъ наперерывъ».

«Она сожалѣетъ въ душѣ о незавидномъ положеніи, въ какомъ, по ея мнѣнію, находится Англія; ибо она любитъ Англичанъ, но презираетъ короля [1]) за слабость, а министерство [2]) за неспособность, доказанную неоднократными промахами, которые оно дѣлало; она думаетъ, что оно должно пасть въ борьбѣ съ окружающими его затрудненіями и надѣется, что это приведетъ дѣло къ развязкѣ (et elle en attend l'issue)».

«Что̀ касается Франціи и въ особенности Испаніи, то здѣсь совсѣмъ наоборотъ: она одобряетъ образъ дѣйствій Французскаго короля [3]), составъ его министровъ [4]), но не любитъ націи и ихъ происковъ (finasseries).

«Швеціей она, кажется, не совсѣмъ-то довольна, нижѐ королемъ [5]).

«Что̀ касается до Турокъ, то положительно можно сказать, что она сильно ихъ не жалуетъ и что всѣ помыслы ея устремлены къ проекту возстановленія Восточной имперіи. Это сказывается въ каждомъ словѣ ея. Такъ, напримѣръ, она говорила мнѣ, что не понимаетъ, почему Французы считаютъ необходимымъ владычество Мусульманъ въ Константинополѣ и почему утвержденіе въ немъ другой независимой націи было бы не съ руки имъ. Она весьма положительно и притомъ съ жаромъ и энергіей увѣряла меня, что никогда не соединится съ Турками, даже узами коммерческаго трактата (pas même en objet d'un traité de commerce) и замѣтила при этомъ, что Прусскій король, хотя отъ его лѣтъ и нельзя бы ожидать этого, часто поступаетъ въ политикѣ опрометчиво, пытается соединить вещи несоединимыя, даетъ себя обманывать своимъ министрамъ и, думая обмануть другихъ, самъ обманывается, и что всему этому виною то печальное одиночество, въ которомъ онъ проводитъ жизнь и которое порождаетъ въ немъ самыя нелѣпыя идеи (les idées les plus extravagantes [6]). Къ

[1]) Георгъ III (1760—1820).

[2]) Министерство лорда Норта, павшее 20-го Марта 1782 года.

[3]) Людовикъ XVI (1774—1793).

[4]) Это было время перваго министерства Неккера (1777—1781).

[5]) Густавъ III (1771—1792). Онъ былъ въ Петербургѣ въ 1777 году.

[6]) Въ 1779 году Екатерина, отклоняя въ самомъ дѣлѣ нелѣпое предложеніе Прусскаго короля о вышеупомянутомъ тройномъ союзѣ, думала еще, или показывала, что думаетъ, объ утвержденіи связи съ Турціей коммерческимъ трактатомъ. Это видно изъ

этому она присовокупила и неоднократно повторяла съ энергіей, что сама не начнетъ войны, даже и съ Турками, но что если они нападутъ на нее, то она сумѣетъ постоять за себя. Когда я возразилъ, что они не посмѣютъ этого сдѣлать послѣ жестокаго урока, который недавно былъ имъ заданъ, она отвѣчала, что на нихъ никакъ нельзя полагаться и что, при сопредѣльномъ положеніи ея съ ними, каждый пустой случай на границѣ (а ихъ найдется довольно, стоитъ только захотѣть) можетъ подать поводъ къ нападенію на нее [1]).

«Почти всякій разъ, какъ только рѣчь коснется Италіи и особенно Рима, ея величество съ жаромъ повторяетъ мнѣ, что тамъ моя столица, что тамъ откроется передо мной обширное поприще славы и безсмертія и тому подобное; все это я обыкновенно пропускаю мимо ушей, потому что уже прежде отвѣчалъ, что̀ слѣдовало. Что̀ бы это ни было, фантазія или ловушка, но оно крѣпко засѣло у нихъ въ головѣ. Князь Потемкинъ говорилъ объ этомъ Кобенцлю, который, будучи уже предупрежденъ мною на этотъ счетъ, шутки ради отвѣчалъ, что это, пожалуй, дѣло статочное и даже легкое, но не вдавался въ подробности, такъ какъ предметъ разговора не стоилъ того. Все это, можетъ быть, хитрости, штуки, а можетъ быть—и фантазіи; но я ума не приложу, какъ ея величество можетъ подыматься на первыя или увлекаться послѣдними».

Таково было содержаніе политическихъ разговоровъ Іосифа съ Екатериной въ Царскомъ Селѣ, какъ оно изложено имъ въ письмѣ отъ 23-го Іюня. Около того же времени начались и переговоры о желанномъ союзѣ. Конечно, не графъ Панинъ могъ вести ихъ. Его положеніе при дворѣ, съ прибытіемъ въ Петербургъ Іосифа, сдѣлалось крайне неловкимъ. Въ его глазахъ разрывались послѣднія слабыя нити Сѣвернаго аккорда, который уже продолжался шестнадцать лѣтъ [2]), почти все время управленія его Коллегіей Иностранныхъ

слѣдующаго мѣста приведенной уже нами по поводу этого предложенія записки: „Что̀ же касается собственно до Порты, то поколику настоитъ уже нынѣ съ нею трактатъ мира и дружбы, да и ко взаимной торговлѣ положено основаніе, ея величество желаетъ, чтобъ связь сія вяще могла утверждена быть посредствомъ коммерческаго трактата“. (Исторія паденія Польши С. Соловьева, стр. 162).

[1]) Екатерина извѣдала это на опытѣ: въ 1768 году одинъ изъ гайдамацкихъ отрядовъ, подъ начальствомъ сотника Шилье, ограбилъ пограничное мѣстечко Балту, Турція придралась къ этому случаю, обвинила Россію въ нарушеніи границъ и объявила ей войну.

[2]) Съ 1764-го года.

Дѣлъ и еще такъ недавно былъ возобновленъ по его представленію*); въ его глазахъ разрушалось дѣло его жизни, и онъ лишенъ былъ даже утѣшенія оказать ему хоть какую-нибудь поддержку въ послѣднія минуты. Подъ его ногами заколебалась почва, и онъ совсѣмъ потерялся. Онъ не могъ скрыть своего замѣшательства предъ Іосифомъ, на котораго произвелъ очень невыгодное впечатлѣніе. «Графъ Панинъ, пишетъ онъ, съ которымъ я уже говорилъ два раза и который далъ мнѣ живо почувствовать все различіе, существующее между нимъ и княземъ Кауницемъ, по той путаницѣ мыслей и словъ, изъ коей нѣтъ никакой возможности съ нимъ выбраться, сказалъ мнѣ впрочемъ одну путную вещь, именно, что желаетъ открыть мнѣ общій характеръ политической системы Императрицы и ея министерства. Это будетъ пустословіе, но все-таки надо послушать, что̀ онъ скажетъ. Этотъ человѣкъ, кажется, боится, чтобы не обратились къ его противнику, князю Потемкину, а можетъ быть и замѣчаетъ въ чувствахъ ея величества такое направленіе, которое заставляетъ его желать напередъ завѣрить насъ въ своей готовности служить намъ».

Но въ то время какъ Панинъ путалъ, навязывался съ своею исповѣдью на счетъ политической системы Россіи, его противникъ приступилъ уже къ своей «работѣ» надъ перемѣною этой системы. «Князь Потемкинъ, писалъ Іосифъ, продолжаетъ выказывать предъ Кобенцлемъ необыкновенное усердіе къ сближенію между обоими нашими дворами. Три дня тому назадъ онъ рѣшился даже прямо сказать ему, что, хорошо зная образъ мыслей ея величества, онъ полагаетъ, что теперь наступила самая удобная пора, когда легко можно было прекратить господствовавшую доселѣ остуду и возстановить старинное довѣріе и дружбу между обоими дворами, но умолчалъ о средствахъ. Я велѣлъ Кобенцлю сказать ему, но такъ какъ будто это шло лично отъ него, что первымъ шагомъ къ тому, самымъ безобиднымъ и приличествующимъ всѣмъ и каждому, было бы конечно если бы обѣ державы, какъ говорилъ мнѣ князь Кауницъ, гарантировали взаимно свои владѣнія, что это просто былъ бы оборонительный союзъ и что Россія могла бы сдѣлать тоже самое и по отношенію къ королю Прусскому. Но такъ какъ надо ждать случая и не показывать ни малѣйшаго вида поспѣшности, то я не хотѣлъ, чтобы онъ выискивалъ къ тому удобную минуту. Такимъ образомъ не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ дней, я буду имѣть счастіе сообщить вамъ отчетъ по этому дѣлу, а при случаѣ я слегка намекну о немъ и графу Па-

*) Отъ 10-го Октября 1776-го года.

нину. Посмотримъ, что-то они отвѣтятъ. Этотъ первый шагъ поведетъ къ послѣдующимъ, а между тѣмъ онъ ни къ чему насъ не обязываетъ: предлагается вещь сама по себѣ очень обыкновенная, никого не задѣвающая и не болѣе какъ въ видѣ мысли, на которой не настаиваютъ».

Такъ, по разсказу Іосифа, началось это дѣло о взаимной гарантіи, тянувшееся все время пребыванія его въ Петербургѣ и кончившееся въ Маѣ 1781 г. заключеніемъ союза между Россіей и Австріей. Изъ слѣдующихъ писемъ Іосифа мы увидимъ весь ходъ его; теперь же считаемъ нелишнимъ указать на одну неточность въ разсказѣ объ этомъ дѣлѣ, которую мы находимъ въ «Исторіи паденія Польши». «Въ Маѣ 1779 года, говоритъ авторъ этой книги, Іосифъ II обязался за себя и за преемниковъ своихъ гарантировать Россіи всѣ ея владѣнія и всѣ ея договоры съ Портою; въ случаѣ нарушенія договоровъ съ Турецкой стороны объявить Портѣ войну; если во время этой предполагаемой войны на Россію нападетъ какая-нибудь другая держава, то Іосифъ будетъ помогать Россіи всѣми своими силами. Пруссія опоздала съ своими предложеніями, и что же предложила она? Тройной союзъ между Россіей, Пруссіей и Турціей противъ Австріи!» Дѣло, какъ мы знаемъ, было совсѣмъ наоборотъ: предложеніе короля Прусскаго о тройномъ союзѣ, отвергнутое Императрицею 17-го Сентября 1779-го года, предшествовало трактату о взаимной гарантіи владѣній между Австріей и Россіей, заключенному ровно двумя годами позже, чѣмъ говоритъ Соловьевъ *).

Успѣвъ сблизиться съ Екатериной, Іосифъ старался заискать и у молодого двора. Это ему вполнѣ удалось: и великій князь, и великая княгиня отъ души его полюбили; но онъ скоро замѣтилъ, что при тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали между матерью и сыномъ, его положеніе между ними становится крайне щекотливо, и мы думаемъ, что только благодаря особенной ловкости онъ могъ выйти изъ него, не потерявъ расположенія ни той, ни другой стороны. «Великій князь и великая княгиня, пишетъ онъ (они живутъ въ такомъ тѣсномъ союзѣ взаимной любви и дружбы, что ихъ надо считать не иначе, какъ за

*) Стр. 161. Эту ошибку повторилъ и г. Щебальскій въ 6-мъ выпускѣ своего „Чтенія изъ Русской исторіи“ (М. 1868). Но если уже въ 1779 году Іосифъ заключилъ союзъ съ Екатериной, то зачѣмъ же было ему ѣздить въ Россію? „Сдѣлавъ такой крутой поворотъ въ Австрійской политикѣ, молодой императоръ пожелалъ заявить міру о сближеніи своемъ съ Русскою государынею и имѣть съ нею личное свиданіе“, отвѣчаетъ г. Щебальскій (стр. 59)!“

одного человѣка) двѣ личности весьма интересныя. Они умны, образованны и выказываютъ, а можетъ быть и въ душѣ носятъ, этого не берусь рѣшить, чувства высокой честности, прямоты и справедливости, ставя выше всего на свѣтѣ миръ и счастіе человѣчества. Въ обращеніи ихъ съ ея величествомъ, особенно въ обращеніи великаго князя, замѣтна нѣкоторая принужденность и натянутость; нѣтъ той искренности сердца, которая составляетъ насущную потребность моей жизни, дорогая матушка. Что до великой княгини, то она естественнѣе; она имѣетъ рѣшительное вліяніе на своего мужа, принимаетъ въ немъ живое участіе и заправляетъ всѣмъ хозяйствомъ. Эта принцесса можетъ играть со временемъ большую роль. Оба они изъявляютъ мнѣ знаки самаго дружескаго расположенія; но я долженъ быть остороженъ, потому что было бы не кстати входить съ ними въ слишкомъ тѣсныя отношенія. Я уже замѣтилъ кое-что показывающее, что мнѣ слѣдуетъ избѣгать этого [1]). Вчера ея величество чувствовала себя не совсѣмъ здоровою, и я обѣдалъ у великаго князя на его дачѣ, неподалеку отсюда [2]). Вечеромъ по обыкновенію былъ спектакль. Въ Понедѣльникъ [3]) я оставался одинъ въ обществѣ Императрицы, а потомъ былъ приглашенъ на ужинъ къ великому князю. Послѣ обѣда на его дачѣ или, лучше сказать, на дачѣ великой княгини, они стали просить меня положить первый камень въ основаніе храма, который она воздвигаетъ и который будетъ посвященъ дружбѣ. Я не могъ отказать имъ, и все это совершилось очень мило, съ увѣреніями въ ненарушимости ея (avec les assurances de la durée la plus inviolable), въ присутствіи Панина, Потемкина и другихъ».

«До сихъ поръ дѣло, кажется, во всѣхъ отношеніяхъ идетъ очень хорошо. Императрица и даже великій князь стали относиться ко мнѣ съ полной откровенностью. Первая между прочимъ разсказывала мнѣ множество подробностей о переворотѣ, возведшемъ ее на престолъ, о Петрѣ III, его сумасбродствахъ и о мѣрахъ, къ какимъ она должна была прибѣгать; второй говорилъ мнѣ о трудностяхъ своего положенія (de ses gênes) и о побочномъ сынѣ ея величества. Все это свидѣтельствуетъ о довѣріи; но не легко угодить обѣимъ сторонамъ, потому что каждая требуетъ исключительнаго вниманія къ себѣ».

Іосифъ провелъ въ Царскомъ Селѣ дней пять: уже въ томъ же письмѣ отъ 4-го Іюля упоминается о возвращеніи его въ Петербургъ

---

[1]) „J'en ai déjà vu les symptômes dans l'éloignement, et qu'il me convient d'éviter".

[2]) Конечно, въ Павловскѣ, лежащемъ въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села.

[3]) 22-го Іюня (3-го Іюля).

вмѣстѣ съ Императрицею. «Мы только что вернулись въ городъ, пишетъ онъ; я имѣлъ честь сопровождать ея величество; она остановилась въ Лѣтнемъ дворцѣ[1]). Это прекрасное, но деревянное зданіе. При немъ есть большой и прекрасный садъ съ прелестною желѣзною рѣшеткою вдоль набережной. Завтра освящаютъ церковь, и ея величество будетъ присутствовать на этомъ торжествѣ; затѣмъ, такъ какъ въ этотъ же день приходятся именины господина Бецкаго[2]), будетъ маленькій праздникъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ[3]). Послѣ завтра думаютъ еще оставаться въ городѣ, а затѣмъ отправятся въ Петергофъ». 24-го Іюня Іосифъ былъ въ Эрмитажѣ, въ Кадетскомъ корпусѣ и въ Смольномъ монастырѣ. Въ письмѣ отъ 6-го Іюля (25-го Іюня), отправленномъ съ обыкновенною почтою, мы находимъ нѣкоторыя подробности о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ. «Вчера я былъ въ Эрмитажѣ вмѣстѣ съ ея величествомъ. Во всю жизнь мою я не видалъ ничего пріятнѣе этого мѣста[4])... Прекрасный садъ съ оранжереею, которую окружаетъ большая картинная галерея ея величества, съ библіотекою и комнатами, сгрупированы на второмъ этажѣ, имѣя видъ на рѣку и соединяясь посредствомъ крытаго перехода съ покоями ея величества... Я былъ въ Дѣвичьемъ институтѣ и въ Кадетскомъ корпусѣ. Въ первомъ я еще разъ побываю, такъ какъ по случаю праздновавшихся въ тотъ день именинъ господина Бецкаго его нельзя было осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ. Въ обоихъ этихъ заведеніяхъ, по милости ея величества, воспитывается болѣе тысячи дѣтей въ возрастѣ отъ пяти или шести до осмнадцати и двадцати лѣтъ. Со временемъ, конечно, это принесетъ народу великія выгоды».

Чрезъ два дня[5]) Іосифъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Ея величество продолжаетъ обходиться со мной самымъ дружескимъ образомъ: вотъ все, что я могу сказать отсюда. О дѣлахъ упоминается только мимоходомъ. Что̀ касается до взаимной гарантіи, которую, по моему внушенію, долженъ былъ предложить Кобенцль, то онъ уже забросилъ о ней слово князю Потемкину, который одобрилъ эту мысль и обѣщалъ попробовать почву. Отвѣта еще нѣтъ; да я и не хочу, чтобы Кобенцль слишкомъ торопился, ибо надо показать, что это просто дѣло взаимнаго удобства и что въ концѣ концовъ оно не представляетъ для насъ никакой важности».

---

[1]) Нынѣ Инженерная Академія.

[2]) 24-го Іюня—Рождество Іоанна Предтечи.

[3]) Въ Смольномъ.

[4]) Іосифъ просилъ у Императрицы позволенія снять для себя планъ Эрмитажа, чтобы построить на Bell'aria нѣчто въ этомъ родѣ для своей матери.

[5]) Письмо отъ 8-го Іюля (27-го Іюня).

Между тѣмъ Іосифъ послѣдовалъ за Императрицею въ Петергофъ, гдѣ 28-го Іюня отпраздновалось восшествіе на престолъ Екатерины, а 29-го Іюня (10 Іюля), день Петра и Павла, тезоименитство великаго князя. Въ первый день былъ большой балъ (bal paré); во второй, великолѣпная иллюминація въ саду. «Оба эти дня, пишетъ Іосифъ, прошли въ торжествахъ и празднествахъ. Петергофъ представлялъ для нихъ весьма удобное мѣсто, а великолѣпіе двора придало имъ особенный блескъ. Всякій, кто знаетъ Екатерину, кто, подобно мнѣ, видѣлъ, что̀ она совершила и что̀ можетъ еще совершить для блага своихъ подданныхъ и всего человѣчества, не можетъ не раздѣлить съ народомъ его радости въ годовщину дня, спасшаго его отъ гибели и даровавшаго ему такую государыню». Хваля Павла Петровича, Іосифъ замѣчаетъ: «Въ этомъ принцѣ много качествъ весьма почтенныхъ, но послѣ великой государыни не легко быть вторымъ» (Письмо отъ 11 Іюня).

Въ это время Іосифъ былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе желаніемъ Екатерины получить орденъ Золотаго Руна. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ матери въ письмѣ отъ 1 (12) Іюля. «Довольно необыкновенное предложеніе сдѣлалъ Потемкинъ Кобенцлю. Дѣло вотъ въ чемъ: Императрица-де не знаетъ, какъ ей это сдѣлать, но сильно желаетъ получить отъ меня орденъ Руна, въ залогъ нашей дружбы и знакомства; она-де хорошо знаетъ, что это противно статуту, тѣмъ не менѣе очень хотѣла бы имѣть отъ меня этотъ внѣшній знакъ моей дружбы; пусть только въ этомъ случаѣ и для нея одной сдѣлано будетъ исключеніе изъ правила. Я былъ поставленъ въ большое затрудненіе. Я знаю, кажется, Императрицу; единственный ея недостатокъ—тщеславіе; надежда быть первою женщиной, имѣющею этотъ орденъ, доставляетъ ей необыкновенное удовольствіе. Отказать ей, это вѣрное средство сдѣлать ей непріятность. Но зачѣмъ же отказывать? Затѣмъ что этого никогда не бывало? Но что̀ значитъ кусокъ ленты на этотъ только разъ? Потому я и отвѣчалъ, что это дѣло̀ чрезвычайно трудное и почти невозможное; но какъ ея величество уступаетъ въ другомъ дѣлѣ, то она способна и невозможное сдѣлать для себя возможнымъ, какъ напримѣръ относительно пожалованія Руна. Любопытно, скажетъ ли она сама мнѣ объ этомъ. Если она попроситъ, то ужъ никоимъ образомъ нельзя будетъ ей отказать, и тогда надо будетъ препроводить къ ней орденъ съ кѣмъ нибудь изъ настоящихъ кавалеровъ, сдѣлавъ богатое Руно, въ хорошей оправѣ, но не слишкомъ большое, чтобы ея величество могла носить его на платьѣ, какъ въ петлицѣ на красной лентѣ».

«Великій князь, кажется, находитъ большое удовольствіе въ моемъ обществѣ, такъ же и какъ великая княгиня. Что до послѣдней, то чѣмъ болѣе я узнаю ее, тѣмъ болѣе я ее уважаю. Эта принцесса обладаетъ рѣдкимъ характеромъ и умомъ; къ тому же она очень пріятной наружности и высокой нравственности. Если бы десять лѣтъ тому назадъ, я могъ встрѣтить или вообразить себѣ подобную принцессу, я не задумался бы жениться на ней, и она бы соотвѣтствовала и моему званію, и моему положенію. Этимъ, я думаю, сказано все». (Письмо отъ 12 Іюля).

Послѣ Петергофскихъ торжествъ, Іосифъ воротился въ городъ на два дня, которые посвятилъ обзору его достопримѣчательностей, отказавшись отъ знакомства съ столичнымъ обществомъ и довольствуясь дворомъ. 12 Іюля (1 Іюля) онъ осматривалъ магазины для склада корабельнаго лѣса, которые нашелъ очень удобными и единственными въ своемъ родѣ сооруженіями; по крайней мѣрѣ подобныхъ онъ не видалъ ни во Франціи, ни въ Италіи. Въ Горномъ корпусѣ его особенно поразило рудокопное заведеніе въ саду, устроенное для обучающихся въ немъ молодыхъ людей: это, по описанію Іосифа, рудникъ, сдѣланный подъ землею въ естественную величину, содержащій въ себѣ различныя жилы рудъ и металловъ, которые нарочно были тамъ заложены съ цѣлью практическаго изученія металлургіи. Потомъ Іосифъ ѣздилъ на верфь, поразившую его зрѣлищемъ морского могущества Россіи на Балтикѣ: тамъ починивалось сто галеръ, которыя уже готовы были для вооруженія и черезъ пять мѣсяцевъ могли выйти въ море съ 30,000 человѣкъ экипажа, т. е. десантнаго войска.

Въ это, вѣроятно, время Іосифъ посѣтилъ и обѣ Петербургскія академіи. Когда онъ вошелъ въ Академію Наукъ, ему представили собраніе географическихъ картъ, между которыми находилась также гравированная карта его путешествія изъ Вѣны въ Петербургъ. Въ Академіи Художествъ, онъ разсматривалъ собраніе эстамповъ, гдѣ былъ его портретъ съ слѣдующею подписью, взятою изъ Горація и соотвѣтствовавшею его страсти къ путешествіямъ и его характеру:

Multorum providus urbes
Et mores hominum inspexit*).

Сакенъ писалъ изъ Петербурга отъ 3 (14) Іюля: «Этотъ государь уже не разъ присутствовалъ за туалетомъ Императрицы, выговоривъ себѣ условіе, чтобы она не стѣснялась этимъ. Въ это время допускаются и статсъ-секретари и тѣ лица, которые обыкновенно утромъ дѣлаютъ свои доклады и принимаютъ приказы Императрицы. Является

*) Многіе видѣлъ города и наблюдалъ нравы людей.

при этомъ и генералъ-прокуроръ Сената, съ которымъ Императрица толкуетъ о дѣлахъ; въ присутствіи императора, она собственноручно подписала два указа Сенату. Императоръ при этомъ выразилъ свое удивленіе и сказалъ Императрицѣ, что всѣмъ Европейскимъ государямъ слѣдовало бы у Императрицы поучиться искусству правленія; для себя онъ не выбралъ-бы другого учителя и считалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ уподобиться этому оригиналу. Такіе комплименты болѣе идутъ. Между тѣмъ дѣло рѣшенное и вѣрное: между Императрицею и императоромъ завязалась личная дружба и любовь, и прежняя холодность и нерасположеніе молодого двора къ императору теперь исчезли». (Herrmann, VI, 454).

Мы не знаемъ, насколько искренности въ отзывахъ объ Екатеринѣ въ тѣхъ письмахъ Іосифа, которыя посылались по почтѣ; по крайней мѣрѣ всѣ они замѣтно отличаются и содержаніемъ, и тономъ отъ тѣхъ, которыя отправлялись съ курьерами. Въ нихъ видимо желаніе говорить комплименты Екатеринѣ. Такъ въ письмѣ отъ 13 Іюля читаемъ: «Наконецъ Императрица, несмотря на огромныя издержки, находитъ средства для поддержанія дѣятельности всѣхъ органовъ государственнаго тѣла и превосходно понимаетъ тотъ законъ, что обращеніе и употребленіе денегъ внутри страны есть незначительная издержка въ сравненіи съ выгодами для промышленности и населенія, которыя она развиваетъ и поддерживаетъ. Наконецъ это путешествіе столько принесло мнѣ удовольствія и пользы (l'instruction), что я никогда не промѣнялъ бы его на два изъ тѣхъ, которыя я уже совершилъ».

Таковъ же характеръ и слѣдующаго письма, отъ 17-го Іюля (6). «Я уѣзжаю послѣ завтра непремѣнно. Съ грустью разстаюсь съ Императрицею, и только мысль, что я возвращаюсь къ вамъ, уменьшаетъ ее. Я здѣсь осыпанъ знаками довѣрія и дружбы и умѣю быть признательнымъ. Въ продолженіе короткаго пребыванія моего въ этомъ государствѣ, я видѣлъ много великаго, широко задуманнаго и исполненнаго. Нигдѣ не замѣтно ни колебаній, ни полумѣръ, ни той бережливости, которая губитъ и дѣло и цѣну его».

Совсѣмъ другимъ тономъ отличается послѣднее письмо Іосифа изъ Петербурга, отъ 18-го (7) Іюля. Дѣло о взаимной гарантіи ни на шагъ не подвинулось впередъ. Онъ надѣялся, что Императрица заговоритъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ и даже приготовился, что̀ отвѣчать ей; но Императрица не заговаривала. «Я достаточно выказалъ доброй воли касательно гарантіи, но мы не въ такомъ положеніи, чтобы

намъ надо было хлопотать объ ней, или чтобы она была для насъ необходима: теперь ихъ дѣло воспользоваться этимъ первымъ шагомъ». Но *они* не пользовались. Досадно было это Іосифу. Въ дѣлѣ Золотого Руна онъ также сдѣлалъ первый шагъ, вызвавшись и невозможное сдѣлать для Екатерины возможнымъ; но онъ не хотѣлъ предлагать этого ордена Императрицѣ: онъ хотѣлъ, чтобы она лично попросила его у него, но Императрица не просила, хотя сгарала желаніемъ, по выраженію Іосифа, имѣть его. Особенно непріятно было ему, что Императрица постоянно указывала ему на Италію, видимо желая этимъ показать, что она не намѣрена помогать ему усиливаться въ Германіи. «Я слышу все туже пѣсню: хотятъ спасать Германію, и только въ Италіи готовы были бы дать намъ какой-нибудь клочекъ для того, чтобы мы предоставили имъ распорядиться съ Турціей какъ имъ заблагоразсудится». Прямо Іосифу не говорили этого; но таковъ былъ смыслъ всѣхъ ненарокомъ сказанныхъ словъ. «Я не разъ повторялъ, что мы не думаемъ объ увеличеніи территоріи въ Германіи, ни индѣ, но что также не допустимъ и короля Прусскаго дѣлать новые захваты или округлять себя обмѣнами, потому что хищничество его слишкомъ замѣтно во всѣхъ случаяхъ, не говоря уже о томъ, что̀ Тешенскимъ миромъ сдѣлано для него относительно наслѣдства въ маркграфствахъ». Іосифу казалось иногда, будто Императрица хотѣла откровенно высказаться предъ нимъ. Такъ она разсказала ему между прочимъ, что Петръ Великій, разговаривая однажды съ Понятовскимъ, отцомъ Польского короля, замѣтилъ, что они вдвоемъ могутъ сдѣлать больше въ часъ, чѣмъ министры въ мѣсяцъ. «Все это, говоритъ Іосифъ, показываетъ, что ей хотѣлось бы потолковать о дѣлахъ и проектахъ, но что она борется съ самолюбіемъ и не смѣетъ или хитритъ... Лишь только начнешь говорить серьезно, она перемѣнитъ разговоръ».

17 Іюля (6) Іосифъ былъ въ Кронштадтѣ, осматривалъ подробно все, относящееся къ морскому дѣлу, и остался очень доволенъ; особенно понравился ему большой каналъ съ бассейномъ, составляющимъ докъ для восьми кораблей: «Это великолѣпная вещь, какой нигдѣ не увидите».

19 Іюля (8) Іосифъ выѣхалъ изъ Петербурга. Въ послѣдніе дни пребыванія его въ Петербургѣ ему намекали, что Императрица ожидаетъ отъ него предложенія вести переписку; Іосифъ не хотѣлъ дѣлать этого предложенія и крѣпко сомнѣвался, чтобы и она сдѣлала его. Но, прощаясь съ Іосифомъ, Екатерина сдѣлала это предложеніе; онъ принялъ, но только подъ условіемъ осторожности и въ важныхъ

случаяхъ*). «Я былъ глубоко тронутъ разлукой съ Императрицей: такъ нѣжно, чувствительно и дружески она простилась со мной; она обняла меня. Такъ же простились со мной и великій князь и великая княгиня. Глядя на нихъ, весь дворъ обезьянничалъ, и если бы повѣрить этому отродью, то меня сопровождали въ дорогу сожалѣнія всѣхъ и каждаго».

Отъ 14 Іюля (3) сэръ Джемсъ Гаррисъ писалъ: «Императоръ овладѣлъ всѣми мыслями Императрицы. Онъ держитъ себя умно, съ достоинствомъ и любезностью, и онъ оставитъ по себѣ впечатлѣніе, которое не легко будетъ истребить». Отъ 25 Іюля (14): «Императоръ отправился изъ Петергофа въ Среду. Онъ нанесъ такой жестокій ударъ вліянію короля Прусскаго, что послѣдній едва ли отъ него оправится. Прощаясь съ Императрицей, онъ въ самыхъ благородныхъ выраженіяхъ сказалъ ей, что показалъ себя предъ нею такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, что онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ искусственнымъ средствамъ для снисканія ея благосклонности и дружбы, что поэтому она была въ состояніи судить объ его характерѣ и достоинствахъ и что, такъ какъ, по отъѣздѣ его, навѣрное примутся клеветать на него и чернить его, онъ проситъ ее, прежде чѣмъ давать вѣру тому, что́ будутъ говорить ей, обратиться къ своему собственному сужденію. Онъ прибавилъ, что, не будучи льстецомъ, онъ однакожъ не можетъ не сказать ей искренно, что она превосходитъ ту высокую славу, которою пользуется, и что онъ считаетъ нѣсколько недѣль, проведенныхъ съ нею, самыми пріятными и полезными въ своей жизни. Императрица такъ была тронута этими словами, что прослезилась; она обняла его съ живѣйшимъ движеніемъ сердца и когда онъ цѣловалъ ея руку, она поцѣловала также его руку. Это мнѣ разсказывалъ единственный свидѣтель этой странной сцены».

«Не менѣе успѣха имѣлъ императоръ и при молодомъ дворѣ, особенно у великой княгини».

Отказавшись отъ знакомства съ обществомъ, Іосифъ естественно не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Этимъ объясняются донесенія Французскихъ дипломатовъ. Веракъ писалъ отъ 21 Іюля (10): «Пребываніе графа Фалькенштейна произвело незначительное впечатлѣніе на Русскихъ». А Корберонъ писалъ отъ 25 (14) того же мѣсяца: «Съ отъѣздомъ императора перестали даже изъ политики говорить объ его пребываніи. Бывши здѣсь, онъ производилъ такое незначительное впечатлѣніе, что неудивительно, если его такъ легко забыли». (La cour de Russie).

*) И. М. Живаго прекрасно перевелъ по-русски многолѣтнюю переписку Екатерины съ Іосифомъ и помѣстилъ ее въ „Русскомъ Архивѣ“ 1880, кн. 1-я, стр. 210—855.

Гаррисъ писалъ отъ 7—18 Iюля: «Графъ Фалькенштейнъ, осмотрѣвъ здѣсь все, что́ было достойно его любопытства, уѣзжаетъ по Рижской дорогѣ въ Вѣну. Онъ сдѣлалъ богатые подарки большей части придворныхъ сановниковъ, и здѣсь долго будутъ помнить любезность его обращенiи и его поучительную бесѣду. На эту пору онъ ослабилъ влiянiе Пруссiи и если онъ войдетъ въ переписку съ Императрицею, то вѣроятно оно никогда не подымется. Она не только не хочетъ противиться избранiю эрцгерцога Максимилiана, но даже написала всѣмъ своимъ министрамъ въ Нѣмецкой имперiи заявить, что она совершенно согласна на этотъ выборъ. Я думаю, что императоръ, въ продолжительныхъ и частыхъ бесѣдахъ съ Императрицею, скорѣе старался разсѣять множество ложныхъ слуховъ (Vorstellungen), которые доходили до нея, какъ ему было извѣстно, изъ Потсдама, чѣмъ привлечь ее къ новой системѣ; потому что онъ знаетъ, что какъ только они удалены, то тотчасъ же проложена дорога ко всѣмъ предложенiямъ, которыя онъ долженъ впредъ сдѣлать. Работая на себя, онъ поработалъ намъ».

20 Iюля вечеромъ Iосифъ прибылъ въ *Нарву*; чрезъ *Замостье*, онъ надѣялся прибыть въ *Вѣну* 16 Августа.

Изъ Риги отъ 23 Iюля (12) онъ между прочимъ писалъ матери: «Ваше величество шутя говорили мнѣ о женитьбѣ. Что же? Могу увѣрить васъ, что десять лѣтъ тому назадъ, если бы я зналъ принцессу съ такимъ тактомъ, съ такими внѣшними и внутренними достоинствами, какъ Петербургская великая княгиня, то, не колеблясь, я еще разъ вступилъ бы въ бракъ; но теперь, въ мои лѣта, въ моихъ обстоятельствахъ—всѣ качества Венеры, Юноны и Паллады въ одной особѣ не прельстили бы меня» (290).

Изъ Ковна отъ 27 Iюля (16) онъ писалъ: «Въ Ригѣ я осматривалъ значительныя укрѣпленiя, возведенныя на рѣкѣ и даже на морѣ, равно и другiя достопримѣчательности, находящiяся въ этомъ очень богатомъ торговомъ городѣ. Это поистинѣ настоящiй кладъ для Россiи. На обширномъ пространствѣ, ею занимаемомъ, она очень счастливо перерѣзана рѣками и каналами, отчего единственно зависитъ изобилiе ея въ денежныхъ средствахъ, о которыхъ невѣрно судятъ за границею».

М. Ѳ. Шугуровъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

1821-й годъ.

С.-Петербургъ, 14 Мая 1821.

Ну вотъ и маршрутъ Государя. Я не ошибся: 23-го изволитъ прибыть въ Царское Село [2]). Сегодня ночлегъ въ Брестѣ Литовскомъ. Посылаю сейчасъ другаго офицера навстрѣчу, а пока онъ готовится, кончу къ тебѣ отвѣтъ; но уже толку не ожидай въ этомъ письмѣ, ибо поминутно перебиваютъ, пишутъ подъ носомъ инструкцію, отношенія къ губернаторамъ и пр.

Головкину Московскому досталось наслѣдство послѣ матери, умершей въ чужихъ краяхъ [3]). Я это знаю, потому что выписывалъ, по

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1902 года. Намъ предстоитъ знакомить читателей съ выдержками изъ этихъ писемъ еще за четырнадцать лѣтъ. Въ нихъ конечно опускаются обстоятельства вполнѣ личнаго свойства, либо касающіяся дѣлъ и лицъ незначительныхъ; но всякая черта времени по возможности удержана. Подлинники любезно сообщены намъ внучкою Александра Яковлевича Булгакова, Натальею Павловною Всеволожскою. Со временемъ эта переписка можетъ появиться вполнѣ и будетъ исторіографическимъ сокровищемъ, содержа въ себѣ наглядную лѣтопись Русскаго просвѣщеннаго общества за четверть слишкомъ вѣка. Братья Булгаковы тѣмъ самымъ заслужили себѣ благодарность потомства. Младшій изъ нихъ имѣетъ и государственное значеніе своими трудами по расширенію и улучшенію внутреннихъ сношеній, какъ внутри Россіи, такъ и съ другими краями. Личныя достоинства К. Я. Булгакова, его трудолюбіе, умѣнье обращаться съ людьми всѣхъ слоевъ общества, золотое сердце и скромность по отношенію къ почтовой тайнѣ внушали къ нему довѣріе и сочувствіе главныхъ тогдашнихъ дѣятелей. Не даромъ такъ цѣнили его императоръ Александръ Павловичъ и князь М. С. Воронцовъ. П. Б.

[2]) Александръ Павловичъ возвратился изъ чужихъ краевъ 24 Мая 1821 года, выѣхавъ изъ Россіи 9 Іюля 1820 г. и едва не начавъ войну въ помощь Австріи и для обузданія мятежныхъ замысловъ Европейскихъ. „Отъ Царскосельскихъ лицъ до башенъ Гибралтара, все молча ждетъ удара; все пало, всѣ главы склонились подъ ярмо". Такъ писалъ тогда про него Пушкинъ въ своей Кишиневской ссылкѣ. П. Б.

[3]) Это былъ графъ Алексѣй Гавриловичъ, правнукъ государственнаго канцлера. Умершая въ Парижѣ въ 1821 году мать его была гр. Екатерина Александровна Шувалова, единственная дочь того графа Шувалова, который завѣдывалъ Тайною Канцеляріею въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны.

просьбѣ сенатора Митусова, ея брилліанты изъ Берлина и доставилъ ихъ сюда благополучно. Его дѣлами управляетъ Doublet, что̀ былъ гувернеръ сына Тормасова [1]). Эти 2000 душъ, о коихъ ты говоришь, Doublet [2]) и здѣсь искалъ продать, но не нашелъ покупщика.

Колеса у дилижансовъ тонки только на рисункѣ, а въ натурѣ родъ катковъ и будутъ прочныя. Они даже слишко вальяжны для прекраснѣйшей Царскосельской дороги.

*

С.-Петербургъ, 17 Мая 1821.

Кн. Платонъ Алекс. Зубовъ въ Вильнѣ женился на 16 лѣтней бѣдной дѣвушкѣ [3]). У него жила сперва племянница Миллеровой, которую, я думаю, ты помнишь изъ Вильны; онъ, видно, опасаясь, чтобъ она не сдѣлала гвалту, женился въ шесть часовъ утра и тотчасъ уѣхалъ въ деревню. Il vaut mieux tard que jamais.

*

С.-Петербургъ, 18 Мая 1821.

Вчера я часа съ три посидѣлъ съ гр. Нессельродомъ. Мы другъ другу очень обрадовались. О Турецкихъ дѣлахъ вотъ что я отъ него узналъ. Патріарха точно повѣсили. Не помогла ему и прокламація, которою онъ потерялъ вѣроятно уваженіе Порты и у народа Греческаго. *Entre nous*, Ипсиланти писалъ къ Строганову, повинился и требовалъ приказаній, что́ ему дѣлать; между тѣмъ въ Царьградѣ чернь не перестаетъ куралесить, Аглинскаго посланника обругала, жену его ударили; но кто велитъ гулять въ безпокойное время! Фонтоновъ домъ (старика) не разграбили и не сожгли: онъ, зная Турковъ и ихъ сребролюбіе, вынесъ имъ 500 піастровъ и тѣмъ спасся.

Ермоловъ ѣдетъ сюда, остановится недѣли двѣ въ Вѣнѣ и прибудетъ сюда къ половинѣ будущаго мѣсяца. Гр. Стакельбергъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Лондонъ по случаю коронаціи. Галацъ, говорятъ, истребленъ и сожженъ Турками. Нессельродъ далъ мнѣ прекрасный sonetto Итальянской. Слушай или читай:

Pulcinella mal contento,
Desertor dal regimento,
Scrive a mamma a Benevento
Della patria il triste evento:
Movimento, parlamento,
Giuramento, sgiuramento,

---

[1]) Преемника графа Ростопчина на Московскомъ генералъ-губернаторствѣ.

[2]) Ѳеклѣ Игнатьевнѣ Валентиновичъ, Бѣлорусскаго дворянскаго рода. Овдовѣвъ и лишившись единственной дочери, она вышла въ 1826 году замужъ за графа Андрея Петровича Шувалова.

Gran fermente, poco argento,
Armamento; e nel cimento,
Fra spavento e tradimento,
Me repento, me repento,
Siam fuggiti come il vento.
Mamma cara, mamma bella,
Prega Dio per pulcinella [1]).

*

С.-Петербургъ, 20 Мая 1821.

Нашъ добрый гр. Каподистрія потерялъ отца. Ему было уже за 80-тъ лѣтъ. Извѣстіе получилъ онъ въ Лейбахѣ передъ отъѣздомъ и очень былъ огорченъ. Съ его сердцемъ и чувствами не могъ онъ быть дурнымъ сыномъ. Говорятъ, что Али-паша убитъ Греками, которые узнали, что онъ ихъ обманываетъ и сближается съ Турками. Я получилъ письмо отъ Полетики отъ 17 (29) Марта. Онъ здоровъ, но желаетъ нетерпѣливо возвратиться на родину. Я о семъ говорилъ вчера съ графомъ Нессельродомъ. Рѣшено, что весною его отзовутъ [2]), но Государь очень о семъ сожалѣетъ, бывъ имъ весьма доволенъ.

Кн. Александръ Николаевичъ мнѣ писалъ (entre nous), что онъ получилъ отъ Ланжерона извѣстіе, что патріархъ былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ шестью митрополитами, въ день Пасхи, и что тѣло его увезено Греками и привезено въ Одессу. Въ числѣ шести и Ефесской митрополитъ, братъ Каліархія. О смерти Баранова [3]) я тоже слышалъ, но не хотѣлось вѣрить. Жаль его; онъ бы сдѣлалъ себѣ дорогу и началъ очень хорошо въ Крыму. Тургеневъ говоритъ, что его донесенія были основательны.

*

С.-Петербургъ, 24 Мая 1821.

Я разсказывалъ Александру Тургеневу, какъ ты обѣщалъ его матери за заключеніе Сергѣя въ Семибашенный 1000 душъ и прибавилъ, что она кончила вопросомъ: да въ какой, батюшка, губерніи? Онъ

---

[1]) Недовольный пульчинелла, дезертиръ изъ полка, такъ писалъ своей матери въ Беневентъ о бѣдственныхъ событіяхъ родины: возстаніе, переговоры, клятвы, измѣны много волненій, мало денегъ и вооруженія; и во время опасности, между страхомъ и предательствомъ, но потѣшно, но поспѣшно, мы всѣ бѣжали, какъ вѣтеръ. Дорогая матушка прекрасная моя матушка, моли Бога за пульчинеллу.

[2]) Изъ Америки.

[3]) Это былъ даровитый юноша, пріятель Пушкина. Его отецъ Московскій почетный опекунъ Николай Ивановичъ Барановъ, письма къ которому императрицы Маріи Феодоровны напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года. Онъ былъ двоюродный братъ скончавшагося въ прошломъ 1902-мъ году товарища министра иностранныхъ дѣлъ Николая Павловича Шишкина.

очень смѣялся. Онъ получилъ отъ брата письмо отъ 2-го Мая. Въ Царьградѣ становится покойнѣе, а была большая тревога.

Кончили совсѣмъ конвенцію [1]). Теперь надобно будетъ ее перевесть и представить князю на разсмотрѣніе, а тамъ, когда удостоится ратификаціи, такъ и начало свое воспріиметъ. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что Гольдбахъ подастся на то о чемъ въ послѣднюю конференцію спорилъ ужасно; но правда и то, что мнѣ нельзя было уступить; я былъ правъ, такъ вѣроятно онъ одумался. Скажутъ ли спасибо? Богъ знаетъ! Впрочемъ совѣсть моя громко говоритъ мнѣ, что я поступилъ съ нею согласно и что конвенція полезна для насъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Нѣтъ, братъ, кажется, Греческія дѣла скоро кончатся, не смотря на новости Москвы. Идріоты, говорятъ, оставили свой островъ и со всѣмъ своимъ имуществомъ, съ семействами, на своихъ трехъ стахъ судахъ, отправились въ Америку. Какая находка для Соединенныхъ Статовъ! Специоты вѣроятно послѣдуютъ ихъ примѣру; ибо Турки вошли уже въ Морею, взяли одну крѣпость, прерѣзали тысячи двѣ Грековъ и прислали, по обыкновенію, въ Царьградъ мѣшки съ ушами и носами. Теперь комерція Греческая совсѣмъ уничтожена, богатѣйшіе обанкрутились [2]) или объявили себя несостоятельными, дабы не быть ограбленными. Черезъ сто лѣтъ даже, не быть Грекамъ и то что́ они теперь. Галацъ совершенно уничтоженъ, жители умерщвлены, бывшія тамъ войска Ипсилантія перебиты. Не лучше будетъ съ Яссами. Дай только варварамъ ворваться. Вотъ необдуманность Ипсилантія что́ причинила!

*

С.-Петербургъ, 25 Мая 1821.

Государь изволилъ прибыть вчера въ Гатчину къ обѣду, кушалъ одинъ съ Императрицею-матерью, а послѣ обѣда переѣхалъ въ Царское Село. Надѣются, что сегодня прибудетъ на Каменный островъ. Слава Богу, онъ здоровъ и путешествіе свое совершилъ благополучно. Съ нимъ возвратился и Васильчиковъ изъ Порхова, а съ Васильчиковымъ и нашъ Вася [3]).

---

[1]) Съ Пруссіею о почтовыхъ сообщеніяхъ.

[2]) Въ числѣ разорившихся Грековъ былъ и банкиръ Русскаго посольства Костанда, отецъ Апостола Спиридоновича, заслужившаго себѣ почетную извѣстность въ нашихъ войскахъ. Женатый на Гречанкѣ Мурузи графъ С. П. Сумароковъ взялъ его съ дѣтства къ себѣ въ домъ и далъ ему отличное общее и военное образованіе.

[3]) Т. е. князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ, сынъ двоюродной сестры братьевъ Булгаковыхъ.

въ городъ. Вечеромъ былъ я у Нессельрода, видѣлъ отъѣзжающаго Волкова и, проболтавъ до одиннадцати часовъ, отправился пѣшкомъ домой. Съ Государемъ показалась у насъ и прекрасная погода. Сегодня лѣтній день и еще прекрасный. Новаго у насъ только отставка сенатора Стройновскаго. Тѣло патріарха не было привязано къ лошадиному хвосту; но довольно и того, что Жиды его таскали по улицамъ съ поруганіями. Экіе мерзавцы! Строгановъ не выѣзжалъ изъ Царьграда, гдѣ стало смирнѣе, а напротивъ онъ намѣренъ былъ переѣхать опять въ Буюкдере.

*

С.-Петербургъ, 27 Мая 1821.

У Беннера*) обѣдалъ съ нами Александръ Тургеневъ, а завтра будетъ у насъ обѣдать вмѣстѣ съ Вяземскими, кои пріѣдутъ наконецъ.

Вчера утромъ пришли меня увѣдомить, что гр. Каподистрія пріѣхалъ. Я тотчасъ къ нему. Видъ его сдѣлалъ надо мною самое грустное впечатлѣніе. Онъ похудѣлъ, сталъ еще слабѣе, но правда что очень усталъ, ѣхавъ день и ночь. Много мы съ нимъ болтали, много говорили о тебѣ, и не разстался бы я съ нимъ; но ему надобно было скинуть дорожное платье, а мнѣ ѣхать домой ждать обѣдать Вяземскихъ и Тургенева; однакоже часа съ полтора я у него пробылъ. Онъ въ Лейбахѣ три раза былъ боленъ и къ тому еще получилъ горестное извѣстіе о смерти отца; также, я думаю, Турецкія дѣла немало ему причинили огорченія. Все это вмѣстѣ очень подѣйствовало на его тѣло, но духъ все бодръ какъ прежде, а умъ сталъ, кажется, еще обширнѣе. Я слышалъ, что онъ получилъ аренду; забылъ его спросить, но душевно радуюсь. Ему это очень было нужно. Онъ дорогою получилъ изъ Царьграда курьера чрезъ Боснію; подтверждаетъ все что̀ намъ извѣстно. Галацъ былъ взятъ штурмомъ Турками, бывшими въ превосходнѣйшемъ гораздо числѣ противу защищавшихъ городъ Грековъ, оставленныхъ тамъ Ипсилантіемъ съ повелѣніемъ удержать постъ или погибнуть. Ихъ было человѣкъ съ 600. Они исполнили послѣднее: защищались до послѣдней капли крови и всѣ погибли, кромѣ пятнадцати человѣкъ, кои вплавь бросились къ Ренни, т. е. къ нашей границѣ. Паша послалъ къ Инзову требовать ихъ выдачи, но натурально онъ сего не исполнилъ. Все что было въ городѣ, даже женщинъ и дѣтей, все перерѣзано. Такой же участи надобно ожидать и Яссамъ, если не найдутъ Турки на дорогѣ препятствія. Они входятъ тремя колоннами въ Молдавію и Валахію, первая чрезъ Галацъ

*) Беннеръ—живописецъ, издавшій собраніе литографированныхъ портретовъ Русскихъ лицъ.

4*

въ Яссы, другая чрезъ Видинъ въ Малую Валахію, а третья идетъ чрезъ Рущукъ противъ Ипсилантія. Слухъ тамъ носился, что Ипсилантій сію колонну разбилъ. Трудно повѣрить! Въ Царьградѣ между тѣмъ неспокойно. Новый визирь началъ было вводить порядокъ, перестали стрѣлять и рѣзать на улицахъ; но его послѣ нѣсколькихъ дней смѣнили, а при новомъ неистовства опять начались. Чѣмъ все это кончится? Сіи послѣднія извѣстія однакоже требуютъ еще подтвержденія.

Вяземскіе у насъ обѣдали и по обыкновенію пріѣхали поздно, прямо изъ Царскаго Села, съ ними и Тургеневъ. Въ княгинѣ я нашелъ нѣкоторую перемѣну. Не то что̀ была! А онъ все также, ничего не постарѣлъ, только, кажется, одного зуба лишился. Поѣли, поболтали, посмѣялись. Онъ все также милъ и смѣшенъ. Пробудетъ здѣсь дня съ три и потомъ опять на жительство поѣдетъ въ Царское Село. Послѣ обѣда былъ Блудовъ прощаться: онъ сегодня отправляется въ Карлсбадъ. Всѣ почти Лейбахскіе пріѣхали, кромѣ Северина, который остался у Стурдзы. Въ городѣ было говорили, что Васильчиковъ получилъ 1-го Владимира, но это неправда.

Вчера Государь былъ въ городѣ, пріѣхалъ въ 8 часовъ прямо въ Казанскій соборъ, потомъ на Каменномъ острову принималъ членовъ Совѣта, министровъ, гдѣ и обѣдалъ, а вечеромъ отправился опять въ Царское Село. Мнѣ не удалось его видѣть, а хотѣлось посмотрѣть на него хоть издали. Видѣвшіе говорятъ, что онъ здоровъ и веселъ и ничего не перемѣнился. На дорогѣ видѣлъ Семеновскій полкъ, коимъ очень былъ доволенъ.

*

С.-Петербургъ, 28 Мая 1821.

Пущусь обѣдать къ гр. Нессельроду, гдѣ, надѣюсь, будетъ и нашъ добрый Каподистрія. Вчера меня увѣрили, что пожалованная ему аренда должна приносить 25 т. р. серебромъ ежегодно дохода. Дай Богъ; душевно сего желаю, но не очень вѣрю. Неловко его самого спрашивать, но постараюсь дѣло объяснить, чтобы уже путемъ порадоваться и тебя порадовать. Заѣзжалъ я къ нему вечеромъ, не нашелъ его дома; поѣхалъ къ князю Петру Михайловичу, а тотъ только что уѣхалъ въ Царское Село. Каподистрія ѣдитъ туда же сегодня вечеромъ, чтобъ завтра представиться императрицамъ. Гр. Ливенъ, старшій изъ трехъ братьевъ, которому лѣтъ за пятьдесятъ, женится на прекрасной милой дѣвушкѣ Ребиндеръ, которой отецъ былъ въ Гатчинѣ управляющимъ и недавно умеръ. Она получила вензель. Говорятъ, рѣдкая красавица.

Вотъ записка Тургенева. Изъ нея я только разобрать могъ, что Государь запретилъ Вяземскому возвращаться въ Варшаву, но за что, не могъ еще разобрать; кажется, за либеральные споры. Прочти самъ, если умѣешь.

*

С.-Петербургъ, 31 Мая 1821.

Вотъ исторія Вяземскаго, сколько я могъ понять ее. Онъ какъ-то въ Варшавѣ горячо спорилъ въ пользу какихъ-то либеральныхъ правилъ, а можетъ быть одобрялъ поведеніе либералистовъ; только Новосильцовъ ему пишетъ офиціально, что сіе дошло до свѣдѣнія Государя, а равно и то, что онъ оставилъ Варшаву и при отъѣздѣ не испросилъ повелѣнія цесаревича, а потому и воспрещается ему возвращаться туда. Онъ мнѣ сказывалъ, что жена поѣдетъ въ Варшаву за дѣтьми, а онъ между тѣмъ въ Москву отправится, послѣ же поселится въ дальней своей деревнѣ и, накопивъ довольно денегъ, пустится въ чужіе краи. Il fait bonne mine à mauvais jeu; только видно, что ему это весьма чувствительно. Да и есть чѣмъ огорчиться, начавъ свою карьеру такъ хорошо и имѣя все, что́ нужно, чтобы продолжать ее съ успѣхомъ и пользою, видѣть себя вдругъ оставленнымъ и по своей винѣ. Ты отдашь мнѣ справедливость, что я боялся всегда, чтобы онъ своею вѣтренностію не надѣлалъ себѣ бѣды. Съ прекраснымъ сердцемъ, съ необыкновеннымъ умомъ, для остроумной шутки всѣмъ жертвуетъ; пусть сіе въ стихахъ своихъ, но въ политику бы не надобно мѣшаться, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ, онъ совсѣмъ не раздѣлялъ мнѣнія, въ пользу котораго спорилъ, а такъ только хотѣлъ блистать умомъ. Охъ молодость!

Послѣ молодости, мой милый другъ, надобно поговорить о старости. Бѣдный, бѣдный старичокъ Пеллегрини умеръ. Я думаю, ему было около ста лѣтъ. На его мѣсто назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Тріестъ сынъ его Charles, который долго слылъ его племянникомъ.

*

С.-Петербургъ, 1 Іюня 1821.

Мнѣ жальче Львовича*), нежели сестру его, которую мало знаю и которая, будучи водянкой больна, и безъ того уже почти не дышитъ, и для него ударъ большой: онъ ее любитъ сердечно и всегда ею восхищался, въ молодости ея ловкостью и красотой, потомъ въъ зрѣлыхъ лѣтахъ ея умомъ, а подъ конецъ ея сердцемъ. Хорошо, если поѣдетъ

---

*) Т. е. Василья Львовича Пушкина (видно, его такъ звали пріятели). Единоутробная сестра его — дѣвица Анна Львовна.

къ вамъ въ деревню и для себя и для васъ. Его общество пріятно, а сердце невинно, какъ у нашихъ дѣтокъ.

Вяземскому теперь, я чаю, не до стиховъ. Мнѣ его очень жаль, но самъ виноватъ. Тургеневъ сказалъ Пушкину, когда его послали въ Бессарабію: «Ну вотъ что! Языкъ до Кіева доведетъ, а тебя довелъ до Бессарабіи»; такъ-то и Вяземскій обязанъ ему своимъ непріятнымъ положеніемъ.

Вчера былъ у меня Северинъ, еще болѣе похудѣлъ и очень постарѣлъ. Много толковали о Лейбахѣ. Онъ мнѣ *ввѣрилъ*, что въ последней конференціи положено было, что на другой годъ будетъ конгрессъ во Флоренціи. Сказывалъ, какъ Шредеромъ [1]), Полетикою довольны. Стурдза совсѣмъ бѣдный лишился одного глаза, на коемъ бѣльмо.

Въ городѣ только и говорятъ о банкрутствѣ графа Головина. Множество несчастныхъ. Француженки разныя собрали до 150 т., которая будучи мадамою, которая давая уроки, etc. и отдали Головину; теперь въ отчаяніи. Меня было увѣряли, что и у Нессельрода тутъ 200 т., но я не вѣрю. Ужасно! Ну ужъ помянутъ его!

*

С.-Петербургъ, 3 Іюня 1821.

Новый мѣсяцъ зачался посреди дурной погоды, поздравляю живущихъ на дачахъ; поздравляю Татищевыхъ, заплатившихъ 4000 р., чтобы пользоваться чистымъ воздухомъ. Ужъ коли намъ городскимъ жителямъ дожди надоѣли, то каково имъ?

Вчера обѣдали мы у Каподистріи и, какъ обыкновенно, пріятно. Было шесть человѣкъ, между прочимъ Катакази, изъ Царьграда пріѣхавшій и который много разсказывалъ о тамошнихъ происшествіяхъ. Я было послѣ сбирался къ Нессельроду, но такое скверное время было, что я пожалѣлъ себя и лошадей и воротился домой.

Государь будетъ сегодня послѣ обѣда сюда и останется нѣсколько дней на Каменномъ острову.

*

С.-Петербургъ, 4 Іюня 1821.

Ну, мои милые, такъ вы очень рады? Теперь подлинно первый шагъ для службы милаго Кости [2]) сдѣланъ: онъ уже не можетъ вступить въ оную иначе какъ офицеромъ, а это не бездѣлица. Конечно, надобно будетъ подумать о его воспитаніи. Для корпуса онъ слишкомъ молодъ,

---

[1]) Пріятель Булгаковыхъ Шредеръ служилъ при посольствѣ въ Парижѣ.

[2]) Старшій сынъ Александра Яковлевича Булгакова.

могутъ избаловать; дома теперь никому нельзя дать воспитанія, ибо и дорого и, какое бы ни было, никогда не достаточно: пришлось бы все таки доучивать. Московскій Университетскій пансіонъ былъ нѣкогда хорошъ при отцѣ Тургенева, но теперь, говорятъ, уже сталъ не то, а потому я и не вижу (пусть только Наташа на меня не сердится) лучшаго мѣста какъ пансіонъ при лицеѣ Царскосельскомъ. Подумай о семъ на досугѣ, а прочее все предоставь мнѣ устроить, когда придетъ время.

Жуковскаго давно женятъ на Карамзиной, но это не правда. Я думаю, Карамзинъ хоть и самъ сочинитель, но не поэта ищетъ для своей дочери. Вяземскій былъ у меня третьяго дня съ Тургеневымъ, не застали меня дома; вчера былъ одинъ Тургеневъ, только сказалъ о Вяземскомъ, что онъ поутру ѣздилъ въ Царское Село за женою и оттуда прямо въ театръ; сбирается въ Москву, а жена въ Варшаву.

Вчера былъ у меня Меншиковъ, много толковали о Лейбахѣ. Онъ между прочимъ разсказывалъ, какъ Неаполитанскій король оттуда поѣхалъ. Въ шестимѣстной каретѣ сидѣлъ онъ, возлѣ него капуцынъ (кажется его духовникъ), напереди большая собака, и въ корзинкѣ два медвѣженка. Меншиковъ говоритъ: et c'est comme cela qu'il est parti avec son ministre. Уваровъ поѣхалъ въ Римъ.—Я тебѣ, кажется, писалъ о намѣреніи моемъ купить для Почтамта домъ, что̀ возлѣ стараго почтоваго дома, противъ меня, гдѣ еще обширное мѣсто и садъ? Дѣло теперь кончено. Государь на сіе пріобрѣтеніе согласился, чему я очень радъ. Также вышло разрѣшеніе на дилижансы по тракту къ границѣ. Охъ, кабы скорѣе сладить съ штатомъ, такъ бы я былъ совершенно доволенъ, а то все шалятъ маленькіе чиновники. Одинъ недавно вытащилъ векселя изъ письма, хотѣлъ ихъ продать вмѣстѣ съ какимъ-то мѣщаниномъ; но полиція до нихъ добралась, и теперь этотъ мальчишка взятъ туда и вѣроятно погибнетъ, и дѣйствительно виноватъ. У него мать, которую болѣе жаль, нежели его самого. Бѣдность въ Почтамтѣ страшная; нѣтъ дня, чтобы голодные не приходили ко мнѣ просить о прибавкѣ жалованья, или о квартирѣ, или о дровахъ. Даю сколько возможно, но все это далеко еще не достаточно. Авось Богъ милостивъ и удастся, можетъ быть, хоть къ Новому году имѣть новый штатъ. Тогда все возрадуется, и можно будетъ хорошихъ людей имѣть и удержать въ Почтамтѣ, а теперь точно постоялой дворъ: не успѣешь опредѣлить человѣка, какъ онъ уже сыскалъ себѣ выгоднѣйшее мѣсто да и вонъ, такъ что иной недѣли не остается, развѣ ужъ ни въ какое мѣсто не годится. Да и натурально: здѣсь человѣкъ съ малѣйшими способностями тотчасъ найдетъ себѣ мѣсто въ какомъ нибудь ми-

нистерствѣ, гдѣ жалованье не нашимъ чета, а въ Почтамтъ только тѣ опредѣляются, коимъ не остается другого средства къ пропитанію; а я, не имѣя людей, долженъ ихъ принимать. Рушковскій этимъ, да и многимъ, гораздо счастливѣе меня. Здѣсь бы его въ недѣлю съ ума свели.

Крюковъ, тесть Лонгинова, сдѣланъ губернаторомъ въ Тамбовѣ.

*

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1821.

Выходитъ, что у гр. Головина и не 6000, а только 4500 душъ; при семи милліонахъ долга, трудно будетъ управиться. Комиссія точно составляется, но только еще для разсмотрѣнія дѣлъ; а какъ послѣ посудятъ, Богъ знаетъ. Хоть и лотерею сдѣлаютъ на манеръ Вѣнскихъ, то толку мало будетъ; во-первыхъ, болѣе нельзя оцѣнить имѣнія, чѣмъ оно стоитъ, а хоть по 1000 р. душу клади, такъ 4½ милліона, а во-вторыхъ, десять процентовъ вычесть въ Воспитательный Домъ, и останется всего 4 мил. Половину все же потеряютъ кредиторы.

Сегодня былъ парадъ здѣшнему гарнизону въ 7 ч. утра на Марсовомъ полѣ. Я ходилъ смотрѣть. Войска прекрасныя, маршировали славно и, кажется, Государь былъ доволенъ.

Комиссія для разсмотрѣнія дѣлъ гр. Головина уже назначена. Она составлена изъ гр. Гурьева, гр. Кочубея, Лавинскаго, Столыпина и Штиглица.

Газеты говорятъ о болѣзни Наполеона и если имъ вѣрить, то приближается конецъ его жизни. Впрочемъ не думаю, чтобъ сдѣлало какую нибудь сенсацію. Его, кажется, и во Франціи совсѣмъ забыли. Любопытно, оставитъ ли онъ записки и выпустятъ ли ихъ Англичане въ свѣтъ. Кстати о немъ, S-t Florent ожидаетъ ежедневно его переписки и тотчасъ пришлетъ мнѣ экземпляръ.

*

С.-Петербургъ, 8 Іюня 1821.

Кажется, извѣстіе о побѣдѣ Ипсилантія нѣсколько подтверждается; только вмѣсто 5000 плѣнныхъ, говорятъ, взято Турокъ 500 съ пашею. Прибавляютъ, что Греки имѣли 30 т. и очистили всю Молдавію, но что сія болѣе придерживается Турокъ, нежели Грековъ. Изъ Одессы пишутъ отъ 25 Мая, что съ шкиперами получено извѣстіе, что въ Царьградѣ продолжаются убійства подозрѣваемыхъ въ заговорѣ Грековъ, и недавно еще казнили второго Мурузи, бывшаго драгоманомъ арсенала, и Ханджери. Лавки заперты, и торговля прекратилась. Іерусалимскій патріархъ, говорятъ, взятъ также подъ стражу. Въ Ад-

ріанополѣ убили тамошняго митрополита. Церкви разрушаются. Объ Али-пашѣ ничего не слыхать. Жители островов вооружили до 80 большихъ судовъ, и 30 изъ нихъ блокируютъ Дарданелы. Босфорскому пашѣ отрублена голова.

*

С.-Петербургъ, 10 Іюня 1821.

Государь вчера поѣхалъ въ Царское Село. Говорятъ, что оберъ-прокуроръ Вейдемейеръ, оберъ-секретарь департамента, отданъ подъ судъ. Увѣряютъ также, что сенаторы Болотниковъ и Грушевскій тоже, за какое-то дѣло, въ которомъ вышло отъ нихъ два противоположныя рѣшенія. Правда-ли? Не вѣмъ! Въ Парижѣ новое блюдо: котлеты à la Napolitaine. Pourquoi ce nom? C'est qu'elles sont battues avant d'être en feu. Каковы шуты?

Вотъ тебѣ на! По газетамъ султанъ велѣлъ отрубить голову бывшему визирю Bender-Aly за то, что повѣсилъ патріарха!

Графъ Мих. Сем. [1]) пишетъ мнѣ, что жена его благополучно родила дочь 17 (29) Мая. Она наименована Александрою [2]). Онъ въ восхищеніи, тѣмъ болѣе, что опасался по примѣру первыхъ родовъ.

*

С.-Петербургъ, 14 Іюня 1821.

Поѣхалъ къ Нессельроду на дачу, тамъ нашелъ Татищевыхъ, Рибопьеровъ, явился Каподистрія, поболтали до одиннадцати часовъ и отправились домой. Я завезъ Каподистрію въ своей коляскѣ и сожалѣлъ только, что мы верстъ шесть, а не двадцать ѣхали. Съ нимъ время летитъ. Ну, сударь, наконецъ я добился толку о Каподистріевой арендѣ: указъ подписанъ, ему дана аренда въ 8000 р. серебромъ дохода; и это прекрасно. Вызвавшись къ намъ обѣдать въ Воскресенье, я захотѣлъ собрать однихъ только его короткихъ, Ремана, Тургенева, Северина, Матушевича, пріѣхавшаго изъ Царьграда Минчакія и Доболія.

*

С.-Петербургъ, 17 Іюня 1821.

Въ Царьградѣ большую часть лавочниковъ, торгующихъ специями, сахаромъ и пр. изъ Мореи, Турки, собравъ 800 человѣкъ съ женами и дѣтьми, посадили ихъ на судно и съ онымъ потопили въ Мраморномъ морѣ. Это напоминаетъ Фр. революцію, только habillée à la turque, и эти, я думаю, еще перещеголяли жестокостію тѣхъ. Изъ Одессы пишутъ извѣстія, привезенныя шкиперами. Если имъ вѣрить, то Строгановъ прервалъ сношенія съ Портою; что онъ хотѣлъ вывезти

---

[1]) Воронцовъ.

[2]) Въ честь ея бабки, графини Браницкой. Эта старшая дочь графа (князя) Воронцова скончалась отроковицею, въ Вѣнѣ.

изъ Буюкдере нѣсколько своихъ мебелей, но Турки не допустили и самого его тамъ задержали; что онъ окруженъ стражею, и по каналу безпрестанно и во множествѣ разъѣзжаютъ небольшія лодки, составляющія родъ стражи; что будто бы изъ Мореи Греки выступили и идутъ къ Константинополю, что въ Салоникѣ также возмутились что Бѣлградскій паша умертвилъ Сербовъ, призванныхъ для совѣщанія и пр. и пр. Изъ всего этого, кажется, вѣрнаго только утопленіе 800 человѣкъ и возмущеніе въ Салоникѣ, а все прочее требуетъ подтвержденія.

Говорятъ, рѣшено дѣло объ устройствѣ дѣлъ Головина, лотереею. Будетъ 200 т. билетовъ по 50 р., что́ составитъ 10 милліоновъ, а такъ какъ долгу не столько, а милліоновъ семь, то остальные три также раздѣлены будутъ на призы, такъ что можно будетъ выиграть за одинъ билетъ или главное имѣніе, 4000 душъ, или другія маленькія деревни, или деньги. Не знаю, сколько будетъ выигрышныхъ билетовъ; но хорошо бы хоть одинъ выиграть, а особливо главный и попасть, мимо законныхъ, въ наслѣдники его. Много билетовъ взять—глупость, а ни одного не брать также глупость, когда можно выиграть фортуну за 50 р. C'est vous dire que je prendrai aussi un billet.

*

С.-Петербургъ, 18 Іюня 1821.

Прочитай въ Инвалидѣ статью о банкирѣ Данези. Боюсь я, что, не смотря на дѣятельнѣйшее ходатайство и стараніе барона Строганова, не снести ему головы, тѣмъ болѣе, что онъ богатъ. Я его знаю; первое время въ Царьградѣ Порта у него назначила мнѣ квартиру. Человѣкъ хорошій, жаль его.

*

С.-Петербургъ, 21 Іюня 1821.

Муромцова училище est encore en herbe, что-то изъ него выйдетъ; но во всякомъ случаѣ не можетъ оно имѣть для дѣтей тѣхъ же выгодъ, какъ Лицей, для будущей карьеры. Не забудь, что Николушка *) Щербатовъ нѣсколько лѣтъ былъ унтеръ-офицеромъ, а изъ Лицея прямо выходятъ въ офицеры, слѣдовательно попадаютъ въ лучшее общество, чѣмъ тѣ, которые послѣ домашняго воспитанія вступаютъ въ службу. Къ томуже, какъ ты говоришь, Муромцова заведеніе держится однимъ человѣкомъ, а за человѣческую жизнь и на одинъ часъ отвѣчать нельзя. Воспитаніе у Глинки хорошо для казаковъ, но не думаю, чтобы было достаточно для другихъ дѣтей, да къ тому же и непрочно. Лучше всего Лицей, нѣтъ сомнѣнія. Придетъ время, что, Богъ дастъ, мы сами въ этой истинѣ удостовѣримся на самомъ опытѣ, какъ нашъ сынокъ оттуда выйдетъ.

---

*) Князь Николай Александровичъ Щербатовъ. Его мать, Марія Петровна—родная по отцу племянница Якова Ивановича Булгакова.

Уваровъ, генералъ-адъютантъ, изъ Лейбаха поѣхалъ въ Римъ, а поэтъ[1]), т. е. президентъ Академіи, здѣсь остается президентомъ, но уволенъ отъ попечительства надъ здѣшнимъ округомъ. Тургеневъ сказывалъ, что онъ надѣялся, что его сдѣлаютъ сенаторомъ; однакоже нѣтъ, хотя и проблаговѣстилъ весь городъ. Это ему будетъ очень непріятно. Забылъ я спросить, утвержденъ ли Руничъ на его мѣсто. Ну, мой милый другъ, моя конвенція утверждена, т. е. апробована Государемъ. Слава Богу! Князь [2]) мнѣ сказывалъ, что Государь очень мною доволенъ, что онъ слышалъ отъ многихъ, какъ идутъ теперь дѣла (когда князь ему сказывать сталъ о перемѣнахъ моихъ и опять повторилъ, что его мысль была перевесть меня сюда). Вотъ истинная награда! Прочее все можно выпросить, а пользоваться такимъ добрымъ мнѣніемъ—это превыше всего. Князь чрезвычайно ко мнѣ милостивъ и видитъ, что точно я къ службѣ усердствую. Теперь буду ожидать когда Гольдбахъ получитъ соизволеніе своего начальства; тамъ подпишемъ конвенцію, она удостоится ратификаціи, и дѣло кончится. Скажу тебѣ что привилегія на Рижскіе дилижансы подписана и что съ 3-го числа будущаго мѣсяца начнутъ они имѣть свое теченіе. Дай Богъ, чтобы такъ удачно, какъ Московскіе. Эти отправляются три раза въ недѣлю, и всѣ мѣста до 9-го Іюля заняты. Царскосельскіе также прекрасно идутъ. Изъ Одессы сюда почта идетъ недѣли двѣ, что̀ очень непріятно при теперешнихъ обстоятельствахъ. Я предложилъ отправлять оттуда, кромѣ обыкновенной почты, разъ въ недѣлю нарочную эстафету, а отсюда разъ всякія двѣ недѣли; такимъ образомъ черезъ 8 дней будемъ имѣть извѣстія, кои всѣхъ интересуютъ. Ну, видишь ли сколько почтовыхъ новостей! Я выпросилъ маленькій крестъ Аннинской чиновнику, провожавшему Государя отъ Бреста Литовскаго сюда.

Здѣсь умеръ генералъ Удомъ, недавно назначенный командиромъ гвардейскаго полка. Сюда переводится на мѣсто Михаила вашъ Серафимъ. Вотъ рескриптъ къ нему Государя.

*

С.-Петербургъ, 22 Іюня 1821.

Не удивляюсь разстройству въ дѣлахъ Корсаковой[3]). Когда же она жила съ расчетомъ? Наслѣдство, послѣ Высоцкой доставшееся, все поправитъ, а между тѣмъ Орлову[4]) наука не ручаться за Русскихъ

---

[1]) Сергій Семеновичъ, будущій графъ. Его Французскіе стихи не изданы.

[2]) Т. е. начальникъ К. Я. Булгакова, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

[3]) Марья Ивановна Римская-Корсакова (ур. Наумова), теща Московскаго коменданта А. А. Волкова, прожила много денегъ за границею.

[4]) Долго жившему въ чужихъ краяхъ графу Григорію Владиміровичу.

путешественницъ. Князь Куракинъ въ Вѣнѣ своихъ тысячъ полтораста гульденовъ за нихъ заплатилъ, не послушавшись Разумовскаго, который правиломъ себѣ поставилъ ни за кого не ручаться и ему совѣтовалъ тоже.

Ермоловъ пріѣхалъ. Онъ въ Царскомъ Селѣ, нездоровъ: нога болитъ.

*

С.-Петербургъ, 24 Іюня 1821.

Третьяго дня мы славно позавтракали на Пожарскомъ, т. е. бригѣ к. Лобанова, прекраснѣйше убранномъ и изготовленномъ теперь для похода въ Ревель, куда хозяинъ на немъ пускается брать морскія ванны. Онъ вооруженъ, имѣетъ человѣкъ 40 экипажа. Капитанъ изъ отставныхъ флотскихъ и былъ бы въ Адріатикѣ славнымъ корсаромъ. Эта забава стоитъ Лобанову ежегодно (т. е. въ одни лѣтніе мѣсяцы) 10000 р. Есть деньги, такъ почему не тѣшиться! Вчера я принужденъ былъ наряжаться въ мундиръ съ башмаками и ѣздить съ визитомъ къ Французскому послу, который объявилъ печатными листами о представленіи кредитивныхъ писемъ въ семъ новомъ званіи. Въ два дня перебывалъ у него весь городъ, и всѣ въ парадѣ, военные въ бѣлыхъ панталонахъ и шарфахъ.

У Греча жилъ иностранецъ, который занимался въ его типографіи и сбирался ѣхать на время въ чужіе краи. Имя его было уже въ газетахъ. Гречъ, пробывъ дня три на дачѣ, пріѣзжаетъ домой, спрашиваетъ о немъ; говорятъ, что дня съ три какъ его нѣтъ и не знаютъ куда дѣвался. Онъ спрашиваетъ, зачѣмъ ему не дали знать? Люди отвѣчаютъ, что полагали, что онъ гдѣ-нибудь за городомъ у Нѣмцовъ, прощается. Гречъ пошелъ къ нему въ комнату. Заперта. Послалъ за полиціею, отворили дверь и нашли его зарѣзаннаго и голова разбита, платье все въ узлѣ, а деньги 3000 р., данныя ему Гречемъ на дорогу, не нашлись. Полагаютъ, что не самъ онъ, а его зарѣзали и еще тупымъ ножикомъ. Ужасно подумать! Это повтореніе Фуальдесовой исторіи. Бѣдный Гречъ въ отчаяніи. Этотъ несчастный Нѣмецъ ѣхалъ получить наслѣдство, взявъ отъ Греча деньги, можетъ быть, показалъ ихъ кому-нибудь, а того польстилъ лукавый.—Ну, братъ, въ Царьградѣ видно не на шутку идутъ дѣла дурно. Строгановъ объявилъ въ Одесской газетѣ, что онъ совѣтуетъ всѣмъ Русскимъ купцамъ привесть дѣла свои въ порядокъ, предварительно подумать о приведеніи въ безопасность своего имущества, дабы не могли быть взяты врасплохъ правительствомъ, которое въ своемъ поведеніи не соблюдаетъ болѣ никакой мѣры. Чего эти безумцы еще хотятъ! Тургеневъ очень безпокоится насчетъ своего брата; да и подлинно непріятно и опасно

съ эдакимъ народомъ, который и правительства своего не слушаетъ и совершенно остервенились. Вчера опять обѣдали мы на бригѣ Лобанова съ Сенявинымъ, Фонтономъ и Ламздорфомъ. Дождь шелъ проливной цѣлый день, но въ каютѣ намъ прекрасно было.

*

С.-Петербургъ, 28 Іюня 1821.

Я тебѣ разсказывалъ объ убійствѣ наборщика Греча. Вотъ какъ Провидѣніе всегда открываетъ убійцъ, хотя они надѣятся, взявъ всѣ человѣческія предосторожности, укрыться. Разсматривая убитаго, нашли у него въ каждой рукѣ по пуку волосъ, въ одной черные съ просѣдинами, а въ другой бѣлокурые. Видно, что онъ боролся съ убійцами своими. Между тѣмъ, какъ онъ лежалъ три дни въ комнатѣ запертой, такъ что никто и не думалъ, что сей несчастный убитъ, два человѣка нанимаютъ извощика до Гатчины, оттуда другого далѣе, но проѣхавъ верстъ пять и видя, что на дорогѣ никого нѣтъ, бьютъ ножами несчастнаго мужика и видно, что они искали сердца, ибо, всуня ножикъ, вертѣли имъ какъ буравомъ въ ранѣ и, полагая его убитымъ, бросили въ канаву. Наѣзжаетъ земская полиція, находитъ человѣка обагреннаго кровью, но еще дышущаго. Онъ только могъ имъ разсказать, что̀ съ нимъ случилось и когда его привезли въ деревню, въ тотъ же день умеръ. Засѣдатель поскакалъ, догналъ двухъ убійцъ, ѣхавшихъ тихо и спокойно. Сначала они не признавались, но наконецъ объявили, что они убили извощика, желая воспользоваться его лошадьми. Что же вышло? На нихъ такіе же волосы, какіе были найдены въ рукахъ несчастнаго Гречева наборщика, и сіи изверги были его убійцами, узнавъ, что онъ въ тотъ день получилъ 3000 рубл., коими и завладѣли. Подлинно рука Божія ихъ указала!

Вчера получаю письмо отъ какой-то Елисаветы Булгаковой; пріѣхала изъ Уфы для помѣщенія сына въ пансіонъ, никого не знаетъ и проситъ моего покровительства. Кто принесъ? Мальчикъ, пришедшій съ дядькою. Давай его сюда. Выходитъ лѣтъ 12-ти прекрасный мальчушка, говоритъ очень изрядно по-французски. Отецъ его былъ совѣстнымъ судьею, умеръ и оставилъ вдову съ 200 душами, сыномъ и пятью никакъ дочерьми. Мальчикъ мнѣ понравился. Поѣхалъ я къ матери, немолодая женщина, видно добрая мать. Я ей обѣщалъ все сдѣлать, что̀ отъ меня зависѣть будетъ и согласился идти въ дяди къ мальчику. Поздравляю тебя съ племянникомъ! Сегодня я князю объ этомъ говорилъ и надѣюсь помѣстить его въ пансіонъ Лицея. Мать платила гувернеру въ деревнѣ 3000 р., т. е. половину своего дохода, но онъ могъ только учить его по-французски; разсудила, что лучше

привезть его сюда, отдать въ пансіонъ, гдѣ ей дешевле станетъ, услышала, что есть Булгаковъ почтдиректоръ, рѣшилась ему его отдать на руки и привезла въ Петербургъ. Постараюсь оправдать ея довѣренность и радъ буду, если выйдетъ изъ милаго мальчика хорошій человѣкъ. Когда я къ ней пришелъ, ея дома не было. Гдѣ матушка? А она и входитъ. Была въ Казанскомъ соборѣ, возлѣ котораго живетъ, и когда мы съ нею немного дѣло уладили, со слезами мнѣ говоритъ: вымолила я у Божіей Матери, Которую просила, чтобы дала сыну въ васъ отца. Кажется, женщина добрая и неглупая. Показывала мнѣ письма Ланжерона, который проситъ ее помѣстить сына въ Лицей въ Одессу, отдать ему на руки, много говоритъ о дружбѣ своей къ покойному ея мужу. Это все хорошая рекомендація. Она сестра сенаторши Тейльсовой, а кто родомъ не знаю еще, зовутъ Елисавета Алексѣевна, имя ангельской нашей Императрицы. Чтò ты скажешь объ этомъ, что Богъ еще далъ мнѣ сынка?

*

С.-Петербургъ, 2 Іюля 1821.

Тургеневъ получилъ письмо отъ своего брата, которое его немного успокоило, почему? Право не знаю, хотя и читалъ. Онъ дѣлаетъ прежалкую картину Царьграда и Буюкдере. Все пусто, на улицахъ кромѣ шумливыхъ Грековъ никого нѣтъ, дома христіянскіе разорены. Онъ сравниваетъ съ Помпеею. Женщины, принадлежащія къ миссіи, какъ-то Фродилова, Питашева, Домашева жена, уѣхали въ Одессу. Вчера мнѣ сказывали, что славная m-me Дега[1]) отплыла въ Лисабонъ. Отдѣлавшись поутру, пошелъ я къ гр. Каподистріи, а съ нимъ гулять, не смотря на дождь; зашли къ Лебцельтерну[2]), который точно еще болѣе кривляется прежняго, спрашивалъ о тебѣ, велѣлъ тебѣ кланяться, смѣшилъ насъ; но уже было 4 часа, пошли домой. Каподистрія было хотѣлъ, чтобы я у него обѣдалъ; я бы остался охотно, да неловко было обѣдать въ сертукѣ съ Ливеномъ, котораго онъ къ себѣ ждалъ. Вечеромъ былъ у гр. Нессельрода; тутъ были Гурьевъ, Татищевъ, Лебцельтернъ, Блумъ; заболтались, засидѣлся и попалъ домой только въ первомъ часу. Вотъ тебѣ и всѣ мои вчерашнія похожденія. Разбитіе Турецкаго флота у Тенедоса и сожженіе одного стопушечнаго корабля подтверждаются; вообще со стороны острововъ и въ Мореѣ дѣла идутъ лучше для Грековъ, чѣмъ въ Валахіи и въ Молдавіи. Въ Смирнѣ не смирно, большая также была рѣзьба; въ Салоникѣ тоже возстали

[1]) Португалька, впослѣдствіи вторая супруга Цареградскаго посла нашего, графа (тогда барона) Григорія Александровича Строганова.

[2]) Австрійскому послу въ Петербургѣ, вскорѣ женившемуся на графинѣ Лавалъ, которая была дочь богачки Козицкой.

и очень сильно. Султанъ, какъ ни храбрится наружно, mais comme il n'y a pas de braves pour son valet de chambre, я чаю ни одинъ разъ въ день его камердинеръ перемѣняетъ ему широкія шаровары.

Ну, сударь, чтó бы тебѣ еще сказать новаго? Государь и Государыня вчера изволили пріѣхать. Императрицу я встрѣтилъ. Она проѣхала прямо на Каменный островъ. Говорятъ, что должность оберъ-церемоніймейстера совсѣмъ возложена на Кологриваго. Нарышкинъ [1]) что-то напроказилъ; да правду сказать, и не его мѣсто.

Вотъ Одесскія новости, сейчасъ получилъ отъ 19-го Іюня. Греки взяли Салонику и умертвили всѣхъ бывшихъ тамъ Турокъ. Въ Филиппополѣ, родинѣ славнаго Попандопуло [2]), Греки умертвили пашу и перерѣзали Турковъ, овладѣвъ также городомъ. Къ этому прибавляютъ, что султанъ, разсердясь, велѣлъ перерѣзать безъ всякаго уже разбора всѣхъ Грековъ въ Царьградѣ, и убійство должно было начаться 18-го Іюля (хо! хо!) Хочешь, такъ вѣрь!

*

С.-Петербургъ, 6 Іюля 1821.

Каково объявленіе Инвалида? Вчера у меня былъ Пезаровіусъ въ отчаяніи; увѣряетъ, что газета упадетъ совсѣмъ. Я думаю, они не такъ дѣло поняли и напрасно поторопились публиковать, что не будетъ болѣе политическихъ статей. Новое образованіе значитъ, что вѣроятно редакція будетъ подъ наблюденіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а тогда газета будетъ еще интереснѣе и не будетъ повторять вранье иностранныхъ журналовъ. Увидимъ, чтó то скажетъ Каподистрія. Онъ вѣроятно знаетъ причину. Пезаровіусъ также мнѣ сказывалъ, что, не имѣя готовыхъ статей, какія впредь будутъ печататься, онъ долженъ будетъ на нѣсколько дней оставить выдачу газеты.

Беннеръ вчера поѣхалъ въ Москву и далѣе въ Нижній. Онъ получилъ отъ Государя за поднесенную коллекцію живописныхъ портретовъ 12 т. и перстень. Желаю ему успѣха въ продажѣ эстамповъ на ярмаркѣ. Я ему совѣтовалъ продать ихъ гуртомъ такъ, какъ Филистри свои таблицы. Этотъ бѣдный все боленъ и все также скученъ.

*

С.-Петербургъ, 8 Іюля 1821.

Мой Гольдбахъ въ восхищеніи отъ Государя. Его изволилъ принять въ кабинетѣ, много говорилъ о конвенціи, коею чрезвычайно доволенъ, о другомъ нашемъ проектѣ пересылать письма въ Вѣну и от-

[1]) Кириллъ Александровичъ.

[2]) Врачъ Константинъ Анастасьевичъ Попандопуло, женатый на двоюродной сестрѣ (по матери) Булгаковыхъ, Любови Андреевнѣ Мартыновой.

туда через Пруссію, такъ чтобъ они поспѣвали въ $12\frac{1}{2}$ сутокъ и проч., à peu près какъ ѣздятъ Австрійскіе курьеры. Потомъ представлялся императрицамъ и внѣ себя отъ радости. Разсказывалъ мнѣ всѣ подробности съ Нѣмецкою акуратностію, какъ подъѣхалъ, пошелъ на лѣстницу, вошелъ, какъ его ввели, однимъ словомъ, не забылъ даже гдѣ стояли скороходы. Эти представленія вылѣчили его отъ болѣзни: наканунѣ еще онъ былъ въ постелѣ, а тутъ какъ рукой сняло, и аппетитъ возвратился. Кстати объ аппетитѣ, мы препріятно отобѣдали въ Середу у Каподистріи; кромѣ насъ, Закревскаго и Ермолова, были только Северинъ и Фонтонъ, много болтали, смѣялись, курили и не видали, какъ ударило 8 часовъ. Закревскій вечеромъ мнѣ подтвердилъ, что онъ рѣшительно оставляетъ мѣсто и будетъ проситься, коль скоро кончитъ какое-то возложенное на него порученіе. Жаль, очень жаль; онъ точно часто очень боленъ головною болью, а съ этою должностію какъ лѣчиться? Надобно много ходить, а онъ все сидитъ за дѣлами.

Новаго у насъ только что Клейнмихелю дали 2-го Владимира. Государь и Императрица третьяго дня возвратились въ Царское Село. Въ Одессѣ, говорятъ, въ день похоронъ [1]) вышла непріятная исторія. Пронесся слухъ, что будто велѣно бить всѣхъ Жидовъ. Бросились ихъ отыскивать и вездѣ, гдѣ находили, сильно колотили, ломали въ лавкахъ ихъ двери, били окна. Увѣряютъ, что нѣсколько умерло отъ побоевъ и что они большіе понесли убытки. Впрочемъ отчасти сами виноваты: имъ запрещено было три дни, пока совершалась церемонія погребенія, показываться, а они все-таки, съ Жидовскимъ своимъ любопытствомъ и наглостію, выглядывали изъ окошекъ и еще, говорятъ, ругали проходящихъ. Передъ Скулянами дрались Греки очень храбро съ Турками, коихъ 4000 на нихъ напали (изъ числа пришедшихъ въ Яссы) около Прута. Грековъ не болѣе было 1000, дрались отчаянно, но принуждены отступить. Гр. Бальменъ Александръ опять ѣдетъ на островъ Св. Елены. Ему прибавили жалованья, дано денегъ, и онъ очень доволенъ. Онъ женатъ на дочери тамошняго губернатора, такъ ему и кстати. Здѣсь все время онъ никуда не показывался; раза два былъ у меня, говорилъ все, что жить нечѣмъ; ну теперь, надѣюсь, успокоился, лишь бы Наполеонъ, для сохраненія ему хорошаго оклада, долго прожилъ [2]).

*

---

[1]) Прибывшаго изъ Константинополя тѣла патріарха Григорія.

[2]) Въ Петербургѣ тогда еще не знали о кончинѣ Наполеона (†5 Мая н. ст. 1821)!

С.-Петербургъ, 12 Іюля 1821.

Радъ я очень, что ты доволенъ присланною Наполеоновой корреспонденціею. Канкринъ сказывалъ, что изъ Египта есть письма очень любопытныя. Вотъ теперь, я думаю, еще болѣе о немъ печатать будутъ. Не оставилъ ли и онъ самъ какихъ либо записокъ? Боюсь, что Англичане ими завладѣютъ и не выпустятъ въ свѣтъ. Чтобы ему умереть лѣтъ пятнадцать назадъ! Но правда и то, что для нашей національной славы лучше, что мы побывали и въ Парижѣ. Англичанамъ, я думаю, досадно, что умеръ. Они его держали какъ пугалище; впрочемъ, кажется, его вліяніе умерло прежде него. Я увѣренъ, что если бы онъ показался во Франціи, то-бы немного нашелъ партизановъ, развѣ comme moyen de révolution, a ne comme objet.

*

С.-Петербургъ, 15 Іюля 1821.

Плохіе слухи объ Ипсилантіи; говорятъ, Турки его совершенно разбили, и онъ ушелъ въ Австрійскія владѣнія. Газеты даютъ любопытныя подробности о смерти Наполеона. Полагаютъ, что осталось завѣщаніе, которое послано въ Англію. Онъ передъ смертію велѣлъ себя одѣть въ фельдмаршальскій мундиръ; требовалъ, чтобъ тѣло его вскрыли, дабы сынъ его могъ знать, отъ какой болѣзни онъ умеръ.

Вяземскій отправился вчера, Тургеневъ поѣхалъ его провожать до Царскаго Села. Послѣдній мнѣ сказывалъ, что Сперанскій, на время отсутствія кн. Лопухина, сдѣланъ предсѣдательствующимъ Комиссіи о составленіи законовъ. Въ городѣ говорятъ, что онъ будетъ также членомъ Совѣта.

*

С.-Петербургъ, 19 Іюля 1821.

Прилагаю копію съ грамоты, при коей я удостоился получить орденъ св. Владимира 2 степени. Милость великая! Она болѣе еще умножаетъ долгъ мой предъ ангельскимъ нашимъ Государемъ. Моей жизни конечно недостаточно на расплату, но усердіе неограниченно, и всѣ мои усилія всегда устремлены будутъ къ единственной цѣли: вяще и вяще заслужить его благодѣянія, милость и довѣренность.

*

С.-Петербургъ, 22 Іюля 1821.

Я забылъ, мой милый и любезный другъ, сказать тебѣ о радости дѣтей. Гуляя въ Царскомъ Селѣ, они встрѣтили Государя, который очень ихъ обласкалъ, Сашку и Костю поцѣловалъ, у Сони два раза поцѣловалъ ручку. Сашка успѣлъ назвать его папа крестный, а Соня

все присѣдала. Они по сихъ поръ въ восхищеніи. Государь объ нихъ говорилъ князю Александру Николаевичу, который мнѣ сказалъ: l'Empereur a vu vos enfants, il les a trouvé très jolis. Послѣ обѣда въ Царскомъ Селѣ, Государь распрашивалъ Закревскую о Петѣ; хотѣлъ непремѣнно знать, кто онъ, какъ ко мнѣ попался, да за чѣмъ у меня? Не добившись отъ нея всѣхъ подробностей, которыхъ она сама не знала, хотѣлъ меня разспросить, говоря qu'il y avait du louche dans tout cela. Вмѣсто Петергофа, празднуются имянины императрицы Маріи Ѳедоровны въ Царскомъ Селѣ, гдѣ будутъ спектакль сегодня и иллюминація, если дождь не помѣшаетъ.

*

С.-Петербургъ, 23 Іюля 1821.

Броневскаго извѣстіе о взятомъ будто бы Турками нашемъ транспортѣ и объ убіеніи экипажа и здѣсь давно разнеслось, только, по счастію, оказалось несправедливымъ. Строгановъ еще въ Царьградѣ.

Я Ильина мало знаю, но сожалѣю о его сумасшествіи. У меня есть одинъ чиновникъ пресмирный, претихій, только вотъ 6 уже лѣтъ, какъ воображаетъ себѣ, что онъ императоръ Александръ. Разъ въ Казанскомъ соборѣ сталъ на мѣсто, гдѣ обыкновенно Государь становится и какъ стали молиться за него, то закричалъ, что онъ настоящій Александръ. Полиція его тотчасъ взяла и прислала въ Почтамтъ. Когда получаетъ жалованье (рублей 50 въ мѣсяцъ), то иначе не хочетъ расписываться, какъ «Александръ». Теперь его жена оставила; я уже уговорилъ мать, чтобы она къ нему переѣхала; а не то его оставить одного, еще домъ сожжетъ. Жалокъ бѣдный! Кстати о безумныхъ, живъ ли еще Соковнинъ? Вѣрно, мой милый другъ, и знаю, сколько будутъ объ нашемъ Волковѣ*) сожалѣть, и не одни подчиненные, а весь городъ. Такіе люди рѣдки, но видно точно здоровье не позволяло ему долѣе оставаться на такомъ заботливомъ мѣстѣ. Поправя его, можетъ опять попасть на комендантство, но захочетъ ли самъ? Я чаю, ему наскучило.

Какъ скоро ты рѣшился отдать нашъ домъ внаймы, то натурально первая мысль родилась та, что тебѣ надобно будетъ для себя нанять другой, и что за туже цѣну, за которую отдалъ, нанять невозможно; придется прибавить. Сдѣлай же ты мнѣ теперь одолженіе, предоставь мнѣ заплатить сколько нужно прибавить и не гоняйся за какими-*нибудь 800* рублями, лишь бы была квартира въ мѣстѣ для милой Наташи и для тебя пріятномъ и для васъ всѣхъ покойномъ. Не откажи мнѣ въ этой милости. Коль скоро пріищешь домъ, то меня увѣдомь. Отказомъ ты меня оскорбишь, огорчишь и *прогнѣваешь*. Въ

*) Московскомъ комендантѣ, Александрѣ Александровичѣ.

первый разъ въ жизни на тебя разсержусь. Но этому не бывать: ты меня любишь и не захочешь лишить меня удовольствія хоть въ чемъ нибудь да тебѣ помочь, мой милый другъ.

Вчера послѣ обѣда, погода разгулялась, женѣ захотѣлось видѣть иллюминацію въ Царскомъ Селѣ; пожалуй! Запрягъ четверомѣстную карету, взялъ толстого Шеншина, тонкаго Кривошапкина и Серапина, и въ 8 часовъ вечера пустились. Пріѣхали туда въ самую пору. Я осмотрѣлъ гостиницу, почтовый домъ, а тамъ пошли гулять. Александровскій садъ былъ прекрасно иллюминованъ. Между прочимъ сдѣланъ былъ храмъ съ колоннами, надъ нимъ большой вензель М. съ короной; но литера и корона были совершенно отдѣлены и на воздухѣ, ce qui fesait un excellent effet. Аллеи были также освѣщены стаканчиками и все разными рисунками. Въ окошко посмотрѣли мы, какъ дворъ ужиналъ. Народу было въ саду тьма. Погулявши часа два, отправились домой, всѣ уснули и пріѣхали часу въ третьемъ. C'est une équipée pour un homme d'ordre comme moi.

*

С.-Петербургъ, 26 Іюля 1821.

Сомнѣваюсь, чтобы Поццо къ окладу прибавлялъ изъ своего капитала; во-первыхъ, жалованье его достаточно, а во-вторыхъ, онъ таки скупенекъ. Это одинъ порокъ, который я въ немъ нашелъ. И этому не вѣрь, чтобы онъ никогда не говорилъ о прибавкѣ; напротивъ, никто такъ часто не говоритъ о деньгахъ какъ онъ.

Каподистрія опять было занемогъ, пріѣхавши изъ Царскаго Села. Я у него былъ и испугался его лицу, блѣдному, желтому; пульсъ билъ 80 разъ, но безъ наружнаго жару, и слабость такая, что едва говорить могъ, а все занимается дѣломъ. Вчера ему было лучше, сегодня сбирался опять ѣхать съ докладомъ въ Царское Село. Ему подлинно нуженъ покой, иначе не долго онъ выдержитъ. Онъ таетъ, чахнетъ, а голова, кажется, всякой день становится бодрѣе и возвышеннѣе. Я у него нашелъ Ермолова. «Ну посмотри, любезнѣйшій, на этого человѣка, чудесный! Il faut l'aimer beaucoup pour ne pas le détester. Il n'y a que cette grande amitié qu'il vous inspire qui fait que vous lui pardonnez sa grande supériorité sur tout le monde. Il n'y a pas de milieu: il faut ou l'aimer ou le haïr. Je ne conçois pas comment je l'aime et comment je puis amalgamer mon amour-propre avec l'énorme supériorité de son esprit». Я нахожу сужденіе это точно справедливымъ. За комплиментомъ въ карманъ не пойдетъ *), а этотъ совершенно у мѣста.

---

*) А. П. Ермоловъ былъ большой мастеръ слова и на лестное не скупился.

На оберъ-шенковъ черный годъ: умеръ Головинъ, а на сихъ дняхъ и почтенный старичекъ Загряжской. Онъ былъ въ Царскомъ Селѣ на праздникѣ; въ театрѣ было жарко, онъ не нашелъ своего человѣка и поѣхалъ въ одномъ мундирѣ на линейкѣ смотрѣть иллюминацію, простудился, послѣ ужина пріѣхалъ домой, занемогъ, а на другой день умеръ. Ему было около 80 лѣтъ, и сдѣлался ударъ. Императрица, говорятъ, очень объ немъ сожалѣетъ. Онъ былъ изъ числа приближенныхъ. Человѣкъ былъ добрый и умный. Въ 22-е число милостей, кажется, иныхъ не было, кромѣ пожалованія доктору Рюлю 2 Владимира и Плещеева въ камергеры. Дмитрій Павловичъ Татищевъ назначенъ посланникомъ въ Брюссель на мѣсто Фуля, съ сохраненіемъ оклада, который имѣлъ въ Мадритѣ. Не знаю, доволенъ ли онъ симъ мѣстомъ; но говоритъ, что да. Съ нимъ ѣдетъ и Гульяновъ. Тейльсъ пріѣхалъ въ Лисабонъ изъ Бразиліи. Читалъ ли ты подробности коронаціи? Королева было пріѣхала, но, не имѣя билета, ее не впустили; принуждена была съ своимъ лордомъ ѣхать домой, посреди толпы народа, большого свиста и малыхъ восклицаній. Экое нахальство!

*

С.-Петербургъ, 2 Августа 1821.

Въ Воскресенье къ назначенному часу пустился я на Каменный островъ, украсясь въ первый еще разъ Владимирскою звѣздою. Тамъ нашелъ я многихъ дожидающихся представленія, но Государь былъ еще у обѣдни. Между тѣмъ Александръ Львовичъ много наговорилъ намъ смѣшного; я кое съ кѣмъ поболталъ и не видѣлъ, какъ пролетѣлъ часъ. Обѣдня отошла, насъ поставили въ рядъ человѣкъ съ десять; мнѣ случилось стать первому. Государь входитъ съ Императрицею, подошелъ ко мнѣ съ ангельскою своею улыбкою. Я началъ благодарить. Вотъ что онъ мнѣ отвѣчалъ: «C'est à moi à vous remercier; vous avez complétement répondu à ce que j'attendais de vous; l'ordre, la célérité que vous avez établis ont mérité la satisfaction de tout le monde et la mienne. Je suis très content de ce que vous avez fait et je suis bien aise de vous le répéter etc». Это à peu près его слова; но я такъ былъ ими тронутъ, что не зналъ чтó отвѣчать и не все даже могъ слышать; послѣ уже мнѣ пересказывали. Потомъ входилъ въ нѣкоторыя подробности насчетъ конвенціи съ Пруссіею, отъ которой еще скорѣе будетъ ходить иностранная почта. «De deux jour n'est-ce pas?» — J'espère, Sire, de trois et de quatre. Обратясь къ Нарышкину: «C'est incroyable!» и опять ко мнѣ: «Je suis pleinement satisfait. Avez-vous entièrement terminé avec le commissaire Prussien?»—Jusqu'à la signature près. Il attend la confirmation préalable de son gouvernement etc. Потомъ

Государь пошелъ далѣе. Я подошелъ къ рукѣ къ Императрицѣ, которая очень милостиво меня поздравила и знала, чѣмъ подарить. «Avez vous des nouvelles de votre cher frère?» Я отвѣчалъ; изволила прибавить: «Où est-il maintenent»? A une campagne près de Moscou. «Il se porte bien?»

Чрезвычайно мнѣ пріятно было, вышедъ оттуда, принимать поздравленія всѣхъ генер.-адъютантовъ, и всякой изъ нихъ прибавилъ, что это награжденіе тѣмъ драгоцѣннѣе для меня быть должно, что я его совершенно заслужилъ и что въ этомъ всѣ согласны. Вечеромъ былъ я у Татищевыхъ, гдѣ гр. Гурьевъ поздравилъ меня, чрезвычайно обласкалъ и сказалъ: «Il n'y a qu'une voix sur votre compte, et je vous assure que cela fait plaisir lorsqu'on voit récompenser le véritable mérite. Cela m'a fait le plus grand plaisir». Неужели и подлинно я заслужилъ такую похвалу? Но какъ бы то ни было, ежели это и снисходительность съ ихъ стороны, то все она для меня очень лестна, ибо доказываетъ, что мною довольны и меня любятъ, по крайней мѣрѣ, цѣнятъ желаніе мое всѣмъ угодить и содержать въ порядкѣ ввѣренную мнѣ часть. Я, мой милый, расхвастался; но знай, что ты одинъ, которому я все пересказалъ и съ которымъ я раздѣляю удовольствіе, коимъ преисполнено мое сердце.

Когда Государь всѣхъ обошелъ, то опять подошелъ ко мнѣ. «J'ai vu vos enfants, ils sont très jolis».—Sire, ils sont tous heureux du bonheur de vous avoir rencontré et de la bonté avec laquelle vous avez daigné les traiter.—«Vous en avez deux?» Oui Sire. «Et le troisième?» C'est un enfant que j'élève.—Улыбнувшись: Ha! Que vous élévez!» Послѣ того заѣхалъ я къ милому Каподистріи, который очень былъ симъ доволенъ. Отъ него и отъ Закревскаго, признаюсь, не могъ я скрыть ничего; да это бы подлинно было crime de lèse-amitié.

Въ Воскресенье послѣ обѣда, отправивъ жену и дѣтей въ Царское Село, самъ поѣхалъ съ Каподистріею на Крестовый островъ, гдѣ много было обѣщано проказъ, а сбылась только одна: проливной дождь, который большую сдѣлалъ тревогу: хотѣли спустить шаръ съ бараномъ, но онъ сгорѣлъ; обѣщали фейерверкъ, но дождь помѣшалъ. Надобно было видѣть, какъ щеголихи, оставя претензіи, юбки на головы, да бѣжать. Мы скрылись къ Татищеву, гдѣ я пробылъ вечеръ и еще выигралъ у Шулепова 125 р.

*

С.-Петербургъ, 3 Августа 1821.

Государь сегодня въ Кронштадтѣ осматриваетъ два брига, ходившіе кругъ свѣта (одинъ, кажется, Мирный) и пришедшіе теперь изъ Бразиліи. Мои въ Царскомъ Селѣ, дѣти бѣгаютъ, не смотря на дождь, чему я очень радъ: пусть привыкаютъ. Ѣду сегодня обѣдать къ Нессельроду, а завтра подзываетъ Каподистрія съ собою къ Кушелеву. Если успѣю, поѣду. Вышли какія-то комедіи, сочиненныя нашимъ гр. Чернышовымъ для Павловскаго; послалъ къ С. Флорену взять, и если принесутъ, то отправлю къ тебѣ, хотя, говорятъ, неважныя штуки.

*

С.-Петербургъ, 5 Августа 1821.

Вчера мнѣ разсказывали одно происшествіе. Директоръ шпалерной фабрики поѣхалъ въ гости, ему тамъ сдѣлалось дурно, не хотѣлъ остаться и отправился домой, пріѣхавъ тотчасъ умеръ отъ удара; провожавшій его пріятель, очень ему преданный и имъ облагодѣтельствованный, такъ былъ этимъ пораженъ, что ему также сдѣлался ударъ, и онъ тоже умеръ. Прибавляютъ тутъ еще третью смерть, жены одного изъ нихъ; но это неправда.—Третьяго дня ѣли мы черепаховый супъ у гр. Нессельрода. Я нахожу, что fausse tortue лучше, а эта, настоящая точно, ни рыба, ни мясо. Она привезена была живая. Послѣ обѣда за дождемъ гулять было нельзя, сѣли съ нимъ, съ Татищевымъ и Рибопьеромъ играть въ вистъ, и я же выигралъ у послѣдняго 240 р. Сперанскій сдѣланъ членомъ Совѣта и уже присутствовалъ въ первый разъ. Тургеневъ съ нимъ работалъ какъ съ предсѣдательствующимъ надъ Комиссіею о составленіи законовъ.

Къ вамъ поѣхалъ посмотрѣть Москву нѣкто Coesvelt, т. е. Кузвельтъ, Датчанинъ, бывшій товарищъ Гопе, человѣкъ богатѣйшій, умный, пріятный и весьма ученый. Онъ недавно купилъ Рафаелеву картину въ Лондонѣ за 100 т. франковъ, но это еще только доказательство богатства. Сынъ его камергеръ Датской. Я имъ далъ почтальона и письмо къ Рушковскому. Онъ купилъ имѣніе въ Англіи, оставилъ дѣла и тамъ поселился pour y vivre de ses rentes. Государю представлялся въ одинъ день со мною. Кажется, онъ купилъ для нашего двора галлерею картинную. Если встрѣтишься съ нимъ, то совѣтую познакомиться.

*

С.-Петербургъ, 9 Августа 1821.

Утромъ въ семь часовъ, пустился я въ путь въ Царское Село, гдѣ я наряжался въ мундиръ у Закревскаго. Жена гуляла въ саду, дѣти мнѣ чрезвычайно обрадовались, я думалъ, что задушатъ. Скоро пришли жена, Закревскіе, посидѣлъ съ ними, напудрился, надѣлъ мундиръ и

отправился въ Павловское, куда прибылъ въ 11 часовъ. Черезъ полчаса вышла Императрица, но сказали, что представленіе будетъ послѣ обѣдни. Она пошла въ церковь, вскорѣ послѣ того Новосильцовъ пришелъ звать меня тудаже именемъ ея на хоры, гдѣ она была. Я вошелъ, поклонилась очень милостиво; началась обѣдня, и я помолился отъ искренняго сердца за васъ, мои милые. Послѣ обѣдни началось представленіе. Государыня изволила мнѣ сказать: «Je vous bénis et je prie Dieu pour vous régulièrement deux fois la semaine. Grâce à vos soins je reçois de deux et de trois jours plus tôt des lettres de mes enfants, et jugez quel plaisir c'est pour le coeur d'une mère. Je ne puis assez vous remercier et je ne suis pas la seule, car tout le public est enchanté de vous et pénétré de reconnaissance. Tout marche avec un ordre admirable; les lettres de Moscou même nous les reçevons dans trois jours. J'ettends que vous avez su aussi faire venir en dix jours celles d'Odessa dans un moment aussi intéressant; vraiment vous faites des miracles. Je vous félicite, m-r, de la récompense justement méritée que vous venez de reçevoir. J'ai eu le plaisir de voir votre femme, elle monte souvent à cheval». Однимъ словомъ, столько мнѣ сказала лестнаго и благосклоннаго, что я не зналъ, что̀ отвѣчать, однакоже внутренно радовался, что всѣ мною довольны и былъ тронутъ такимъ пріемомъ. Послѣ представленія я было собрался ѣхать, но насъ пригласили обѣдать въ два часа съ половиною. Оставалось полтора часа времени; ѣхать въ Царское Село съ тѣмъ, чтобъ опять воротиться было тяжело, пошли мы внизъ и такъ какъ нельзя было гулять въ мундирахъ, башмакахъ и пудрѣ по саду, то расположились въ залѣ, гдѣ я съ к. Дмитріемъ Ивановичемъ Лобановымъ проговорилъ часа съ полтора. Къ обѣду собралось много, Сперанской, Потоцкой, генералъ-адъютанты, нѣсколько дамъ. Императрица вышла, немного поговорила, и пошли за столъ. Послѣ обѣда пошли въ такъ называемую Греческую залу. Я стоялъ спокойно у колонны. Государыня, не доходя до меня, говоритъ Потоцкому Северину и другимъ, указывая на меня: «Voilà un homme que je bénis très souvent, chaque semaine», и повторила лестнѣйшій на мой счетъ отзывъ, хваля порядокъ, который я завелъ и всѣ полезныя заведенія, какъ то дилижансы, отдѣленія, скорый ходъ всѣхъ почтъ и пр. Изволила меня подозвать (тутъ и Потоцкой), спасибо ему, говоритъ: «Nous sommes tous extrêment reconnaisants à m-r B., il est impossible de faire mieux aller la machine». Ну ужъ осыпали меня похвалами! Императрица долго изволила говорить, и тѣмъ кончилось мое представленіе. Тутъ обѣдала Закревская, которая позвала меня ѣхать съ собою; я ей предложилъ свою карету съ славными ямскими лошадьми, и мы подлинно прилетѣли въ Царское Село,

гдѣ Закревской и мои всѣ меня ждали. Переодѣвшись пошелъ я къ своему князю, но онъ былъ съ докладомъ у Государя. Я зашелъ къ Нессельроду, который два раза за мною присылалъ; посидѣвъ немного у него, пошелъ съ женою, Закревскою, Арсеніемъ и Ермоловымъ гулять, проходили часа съ два по Царскосельскому раю. Пришедъ домой съ Закревскимъ, пошелъ было къ Каподистріи, но его встрѣтили и пошли опять съ нимъ въ Александровскій садъ. Намъ попался Государь верхомъ, остановился, сказалъ мнѣ: «Bonjour, monsieur le directeur des postes, depuis quand ici?»—Sire, j'ai été à Pavlovsky pour remercier l'Impératrice et je profite de quelques instants pour voir le jardin. «Restez vous longtemps ici?»—Je repars ce soir.—«Madame est ici depuis quelques jours?» «Depuis une semaine, elle est venue respirer l'air. Обернувшись къ Каподистріи: «Il a de charmants enfants». Поговорилъ еще, похвалилъ меня и поѣхалъ. Потомъ еще разъ встрѣтили, сказалъ: «encore une fois». Пошелъ дождь, насъ помочило, надобно было скрыться домой. Напились чаю, посидѣлъ я съ дѣтишками. Соня[1]), въ которую влюбленъ Ермоловъ, уснула, и въ 10 часовъ отправились съ Журавлевымъ домой, въ темную ночь, съ дождемъ и съ трубками. Провожая меня домой, мой Сашка такъ расплакался, что унять не могли, а глядя на него и жена и Костя. Не думалъ я, что такъ трагически это кончится. Доѣхали домой благополучно и скоро.

Аглинская королева умерла. Нѣсколько дней послѣ коронаціи короля, была въ театрѣ, ей сдѣлалось дурно. Газеты отъ 3-го говорятъ сперва, что она занемогла, ниже, что она опасно больна, и доктора мало имѣютъ надежды, а кончаютъ увѣдомленіемъ, что по отъѣздѣ покатбота получено извѣстіе, что она умерла. Еслибы годъ ранѣе, такъ избавила бы себя отъ срама, а короля и министровъ отъ большихъ непріятностей. Теперь вѣрно радикалисты скажутъ, что ее отравили[2]). Она, говорятъ, послѣднее время много ѣла опіума, что̀ очень вѣроятно: безъ него бы трудно было ей дѣлать столько дерзостей и быть столь безстыдною. Бѣдный Карлъ Ивановичъ Бистромъ имѣлъ ударъ, его везутъ сюда. Это братъ того, котораго ты видалъ у Закревскаго. Онъ командовалъ егерскимъ гвардейскимъ полкомъ. Жаль, хорошій человѣкъ и прекрасный офицеръ.

Вчера утромъ приходилъ ко мнѣ Андерсонъ, одинъ изъ первѣйшихъ здѣшнихъ Аглинскихъ банкировъ, пріятель Воронцова и чело-

---

[1]) Софья Константиновна, впослѣдствіи графиня Перовская.

[2]) Королева Англійская Каролина, урожд. принцесса Брауншвейгская, сестра принцессы Августы Виртембергской, что̀ была умерщвлена въ замкѣ Лоде.

вѣкъ очень хорошій. Онъ одинъ изъ членовъ комитета о дилижансахъ. «Je viens chez vous pour affaire». Qu'est ce qu'il y a à vos ordres?» La factorie Anglaise d'ici m'a envoyé chez v. e. pour lui demander la permission de lui envoyer une députation qui est déjà choisie, pour lui porter l'hommage de notre sincère reconnaissance pour tout ce que vous avez fait pour le commerce. Vous ne pouvez pas vous imaginer toute l'étendue du bien que vous nous faites. Il suffit de vous dire, que nous reçevons les lettres de Londre en 17 jours et même 16, aulieu de 23, que tout le monde a tout de suite ses lettres; il est inutile de vous dire l'avantage immense qui en résulte pour le commerce, et nous sentons vivement ce que nous vous devons. Nous ne savons que faire pour vous exprimer notre gratitude pour un tel bienfait et nous avons décidé de vous adresser une députation au nom de toute la factorie pour vous exprimer nos sentiments de reconnaissance et la joie avec laquelle nous avons appris la marque de distinction dont l'Empereur vous a honoré. Я его и черезъ него благодарилъ Англійскихъ купцовъ: «Je suis infiniment sensible aux bonnes dispositions que me témoigne la factorie Anglaise. Ce que vous venez me dire comble mes voeux, en me prouvant que mes efforts à lui être de quelqu'utilité ne sont pas restés tout-à-fait sans succès. Ces efforts marcheront de pair avec mon zèle, et vous pouvez compter qu'il ne restera jamais en arrière lorsqu'il s'agit des intérêts du public en général et des négocians en particulier. J'ai encore besoin de beaucoup d'indulgence. Je la réclame, je demande plus et comme preuve de ces dispositions dont vous, messieurs, m'honorent: c'est de m'aider de vos conseils, de m'éclairer sur les améliorations qu'il y aurait encore à faire et surtout de ne me jamais cacher s'il arrive le moindre désordre ou retard. Je ne souffre aucune protection envers personne de la part de mes employés; si cependant ils se le permettent, parlez moi avec confiance, et vous verrez, si je la mérite. Quant à la députation, vous me permettrez de refuser cet honneur; il ne peut pas m'appartenir, mais il m'a été infiniment agréable d'apprendre de vous le contentement de la factorie Anglaise, parce que je tiens à son approbation et je tâcherai de le prouver dans toutes les occasions. Chargez-vous de mes remercîments les plus sincères; leur procédé, leur attention m'ont touché vivement» etc etc. Пожали другъ другу руки и такъ разстались. Онъ взялся имъ все пересказать и кончилъ словами: Nous ajouterons à tous vos mérites celui d'une modestie extrême и пр. За что это такое, что всѣ хвалятъ! Неужели и подлинно чудеса теперь дѣлаются? Однакоже не скрою отъ тебя, мой милый другъ, что мнѣ очень пріятно было слышать благодарность и удовольствіе здѣшняго купечества. Принять депутацію было бы глупо съ моей

стороны и неприлично. Я радъ, что отдѣлался, и конечно ты самъ одобришь меня въ этомъ случаѣ.

*

С.-Петербургъ, 10 Августа 1821.

Жулковскому пишутъ изъ Кіева, что тамъ 22-го прошедшаго мѣсяца многіе, а между прочимъ губернаторъ, получили увѣдомленіе, что 26-го городъ будетъ сожженъ. Ты легко посудишь, въ какое всѣ приведены были смятеніе, особливо послѣ прежнихъ пожаровъ; тотчасъ взяли всѣ мѣры осторожности, вездѣ раставлены были караульные, и ночь прошла благополучно. Теперь не знаютъ, изъ шутки ли кто сдѣлалъ это объявленіе, или есть намѣреніе злое? Изъ Москвы пишутъ, что сенаторъ Санти и архіерей Іона умерли. Здѣсь, слава Богу, всѣ живы. Умеръ также въ Москвѣ Свирловскій *) мой сосѣдъ Демидовъ, старикъ. Гофмейстеру досталось послѣ него милліонъ денегъ и 3000 душъ. Къ деньгамъ деньги!

*

С.-Петербургъ, 13 Августа 1821.

Объ отъѣздѣ Государя на гвардейскій смотръ ничего еще вѣрнаго не знаютъ, но кажется въ этомъ мѣсяцѣ не поѣдетъ. Бистрома привезли сегодня, онъ оправляется; но получа ударъ, надобно рано или поздно ожидать другой, а эта перспектива непріятна.

Знаешь, какой Голицынъ умеръ въ Парижѣ? Князь Александръ Михайловичъ, братъ к. Сергія Михайловича, такъ называемый Ложка. Жаль, хорошій былъ человѣкъ.

*

С.-Петербургъ, 17 Августа 1821.

Воронцовъ мнѣ пишетъ между прочимъ о смерти королевы. Онъ ее видѣлъ за нѣсколько дней въ театрѣ и никакъ не думалъ, что черезъ недѣлю ея на свѣтѣ не будетъ, а хлопотъ-то что съ нею было! Я думаю, и партизаны ея врядъ будутъ ли о ней сожалѣть, ибо поддерживать ее становилось трудно и дорого.

Князь выпросилъ у Государя 50 т. на несчастныхъ Грековъ къ намъ прибѣгнувшихъ, для которыхъ дѣлается подписка. Эти деньги у него оставались не знаю отъ какой-то суммы, назначенной въ пособіе несчастнымъ. Лучше употребить нельзя было. Нашъ князь много дѣлаетъ добра; сердце прекрасное: какъ скоро рѣчь о добромъ дѣлѣ, то никогда не откажетъ своего пособія и содѣйствія.

*

*) Въ Москвѣ, будучи почтдиректоромъ, К. Я. Булгаковъ живалъ лѣтомъ на дачѣ въ Свирловѣ (что близъ Марьиной рощи).

С.-Петербургъ, 23 Августа 1821.

Ѳеофилактъ, экзархъ въ Грузіи, умеръ, о чемъ кн. Голицынъ и Ермоловъ очень сожалѣютъ. Горголій*) давно просился вонъ изъ оберъ-полицмейстеровъ, наконецъ уволенъ. Ему предлагали мѣсто коменданта въ Москвѣ, но онъ не принялъ и будетъ считаться по арміи. На его мѣсто Гладкой, бывшій нѣкогда въ Москвѣ оберъ-полицмейстеромъ во время Тутолмина. Объ Иванѣ Савичѣ всѣ генерально сожалѣютъ. Онъ въ одиннадцатилѣтнее управленіе полиціею снискалъ всеобщее уваженіе и любовь.

*

С.-Петербургъ, 27 Августа 1821.

Ты называешь меня большимъ секретникомъ, въ этомъ я право съ тобою совершенно согласенъ; но если я секретничаю, то, во первыхъ, не по склонности изъ всего дѣлать тайну (есть такіе люди), напротивъ иногда мнѣ стòитъ молчать, но точно по убѣжденію, на опытности основанному, что маленькая нескромность можетъ иногда навлечь много непріятностей. Сколько я знаю этому примѣровъ, сколько самъ я ихъ видалъ! И я повторяю съ умнымъ человѣкомъ: je me suis quelque fois repenti d'avoir parlé, mais jamais de m'être tû. Во-вторыхъ же, эта привычка къ скромности осталась у меня и отъ службы дипломатической. Въ Вѣнѣ при миссіи мнѣ всѣ довѣряли дѣла, а въ оныхъ одно слово иногда открываетъ цѣлую тайну. Разумовскій мени предостерегъ, далъ наставленія, коими всегда самъ руководствовался въ молодости, и я доселѣ ему благодаренъ за нихъ. Впрочемъ, если это достоинство, то не для меня по крайней мѣрѣ; ибо сколько мнѣ пріятно не имѣть никакихъ тайнъ отъ тебя, столько мало чувствую желанія открываться многимъ. Однимъ словомъ, право не одинъ разъ я себѣ говорилъ во многихъ случаяхъ: «хорошо, что не я сказалъ.» Но экъ я какъ разболтался! Будемъ, мой милый, и впредъ такъ.

*

С.-Петербургъ, 31 Августа 1821.

Вчера мы съ Тургеневымъ поѣхали было въ Таврическій дворецъ, но опоздали: нашли уже выѣзжающихъ придворныхъ каретъ. Мы скорѣе побочными улицами ну скакать къ монастырю; пробираясь къ Невскому проспекту, веревка не пускаетъ. Чтò тутъ дѣлать? Мой Тургеневъ ну кричать повелительнымъ образомъ: пропустите, я дежурный камергеръ. Это волшебное слово, услышанное даже новымъ

*) Иванъ Савичъ Горголи, женатый на Рибасъ, внучкѣ И. И. Бецкаго. Тогда распѣвались стихи князя П. А. Вяземскаго, въ которыхъ сказано: „Горголи дамъ отставку, а Соца (цензора) въ Жолтый домъ“.

оберъ-полицмейстеромъ, произвело чудо: всѣ препятствія исчезли, насъ не только пропустили, но еще офицеръ проводилъ верхомъ для очищенія дороги, только чтобъ не опоздать дежурному камергеру, безъ коего бы и церемоніи быть нельзя. Пріѣхали благополучно, въ церкви нашли уже всѣхъ министровъ, сенаторовъ, генераловъ и пр., а черезъ четверть часа и Государь вошелъ съ императрицами. Послѣ обѣдни пошли всѣ къ митрополиту, гдѣ за завтракомъ отличился Тургеневъ. Тутъ былъ также и Государь съ императрицами. Онъ мнѣ очень милостиво поклонился (хотя стоялъ я въ кучѣ назади), проходя комнату, гдѣ мы всѣ были. Тутъ поздравилъ я Кочубея и прочихъ получившихъ милости. Графъ Аракчеевъ, Гурьевъ, Лобановъ, очень благосклонно со мною обошлись. Поговоря съ ними и съ кн. Волконскимъ и многими другими, отправились съ Тургеневымъ домой. Народу была толпа, но и тутъ къ счастію случились моихъ два объѣздныхъ офицера въ мундирахъ, и квартальный, который провожалъ моего дежурнаго камергера; они намъ кое-какъ сдѣлали дорогу, и я пріѣхалъ домой весьма уставши. Вся церемонія въ Невскомъ прекрасная, особливо подлинно трогательно видѣть, когда Государь прикладывается къ мощамъ, послѣ трехъ земныхъ поклоновъ, потомъ оборачиваясь кланяется своей матери, супругѣ и всѣмъ стоящимъ. Тоже повторяютъ и императрицы *).

*

С.-Петербургъ, 14 Сентября 1821.

Блудовъ возвратился отъ водъ. Большого облегченія доселѣ не чувствуетъ. Жуковскій не возвратился съ великимъ княземъ: онъ поѣхалъ походить по Швейцаріи, поплавать по берегамъ Рейна и поѣздить по Германіи. Строганова и Тургенева еще здѣсь нѣтъ, но послѣдняго, кажется, вы прежде увидите. Г. Ливенъ совсѣмъ было собрался въ Гановеръ, но вчера получилъ повелѣніе ѣхать за Государемъ въ Бѣлоруссію и сегодня отправится.

А вѣдь кубка-то нельзя мнѣ будетъ принять. Вышло положеніе въ Комитетѣ Министровъ по сему предмету, по случаю испрашиванія Лавинскимъ, Клокачевымъ и пр., дозволенія принять подобные подарки. Рѣшили прочимъ не принять, а только одному Лавинскому, потому что приношеніе ему сдѣлано послѣ уже выбытія его отъ должности Виленскаго губернатора. Кампенгаузенъ однакоже въ своемъ мнѣніи, къ коему присталъ и министръ юстиціи; положили вообще не дозво-

---

*) Царское посѣщеніе Невской Лавры въ день ея праздника, 30 Августа, продолжалось почти безпрерывно каждый годъ, въ теченіи полутора столѣтія. Мы помнимъ, какъ ждалъ возобновленія онаго митрополитъ Исидоръ въ 1881 году.

лять таковыхъ приношеній безъ изъятія, и Государь изволилъ утвердить ихъ мнѣніе. Пріятно бы мнѣ было сохранить этотъ памятникъ для дѣтей; но письмо у меня останется же, а изъ кубка надѣюсь сдѣлаютъ употребленіе, которое будетъ мнѣ пріятно.

Я слыхалъ о прожекторѣ Гурьевѣ и, кажется, читалъ когда-то и проектъ его несбыточный. Онъ выдумалъ однажды возки съ печьми, повезъ на пробу въ нихъ Козодавлева и Свиньина и уморилъ было всѣхъ отъ чаду. У него всегда куча проектовъ.

Государь видѣлъ Строганова въ Лугѣ и долго говорилъ съ нимъ. Возвращаюсь отъ Тургенева; видѣлъ Сергѣя, который здоровъ и радъ, что вырвался изъ Стамбула, гдѣ точно они очень много рисковали.

Какое ужасное разсказывалъ мнѣ Александръ происшествіе. Щербатова, чтò за Соловымъ (коему принадлежитъ въ Москвѣ домъ, гдѣ жили Чернышовы), вчера ѣхала на дрожкахъ съ Каменнаго острова съ моста и, кажется, отъ Чернышовыхъ къ себѣ на дачу. Лошади понесли, разбили ее и когда ихъ остановили у дачи Французскаго посла, то она уже была мертва. Ужасно подумать! Бѣдный мужъ ѣхалъ за нею въ каретѣ. У нихъ множество дѣтей, жили они прекрасно.

*

С.-Петербургъ, 16 Сентября 1821.

Несчастная Соловая *) въ день своей смерти чувствовала какое-то внутреннее безпокойствіе. Докторъ ея, у нея обѣдавшій, нѣсколько разъ у нея спрашивалъ, чтò съ нею дѣлается; она все отвѣчала: je ne sais pas, je suis extrêmement agitée. Послѣ обѣда входитъ посланный отъ нея лакей съ отвѣтомъ, что можно купить цвѣтовъ на какой-то дачѣ, куда она его посылала. Она обрадовалась, велѣла запрячь дрожки. Мужъ ей совѣтуетъ взять карету ихъ пріятеля, который тутъ же обѣдалъ, но она сказала: лучше я проѣдусь на дрожкахъ, поглотаю свѣжаго воздуха. Идетъ садиться въ дрожки, кучеръ ей говоритъ: «Сударыня, извольте лучше ѣхать въ каретѣ, лошади три дня стояли, что-то не смирны». Но она и ему отвѣчаетъ: «Ничего, тутъ не далеко». Дача ихъ на берегу за Гурьевой. Стала подыматься на мостъ Каменнаго острова, лошадь пристяжная начала шалить, а какъ спустились, то обѣ понесли бить, сбили кучера, дрожки вдребезги, и у самой церкви придворной ее несчастную бросили головой на каменный столбъ, такъ что пробили ее, и мозгъ показался; тутъ и духъ вонъ. Отъ Чернышовыхъ прибѣжали люди, докторъ; пустили кровь, но не пошла. Послали къ мужу, человѣкъ вызываетъ его пріятеля и

*) Мать Ольги Θеодоровны Кошелевой.

говоритъ ему, что барыню разбили лошади, опрокинули и врядъ останется и жива; тотъ говоритъ мужу, жену твою опрокинули, поѣдемъ-ка за нею въ каретѣ, поѣхали и встрѣчаютъ тѣло, которое несутъ домой. Все это не долѣе произошло какъ въ 10 минутъ со времени ея выѣзда изъ домъ. Бѣдный мужъ не могъ выйти изъ кареты, его вынесли безъ чувствъ, и теперь онъ какъ сумасшедшій. Они жили очень хорошо. Остается шесть сиротъ! Ты ее зналъ, ей теперь минуло только 35 лѣтъ.

*

С.-Петербургъ, 20 Сентября 1821.

Нашъ здѣшній знакомецъ не Деболи, а Доболи. Онъ нѣкогда торговалъ, а теперь служитъ въ Азіатскомъ департаментѣ Иностранной Коллегіи. Человѣкъ пречестнѣйшій. У него всѣ денежныя, да и вообще всѣ дѣла домашнія графа Каподистріи на рукахъ. Въ немъ есть также нѣкоторая оригинальность довольно забавная. Онъ всякой день у насъ бываетъ. Мнѣ его рекомендовалъ Каподистрія.

Бѣднымъ Вакареско Государь пожаловалъ аренду въ 2000 рубл. серебромъ. Хотя указъ еще не подписанъ, но это вѣрно. Ихъ положеніе такъ дурно, что и эта помощь совершенное для нихъ благодѣяніе. Бѣдная княгиня вчера была у насъ и со слезами о семъ разсказывала, прося однакоже о семъ помолчать.

*

С.-Петербургъ, 30 Сентября 1821.

Вчера получилъ я письмо отъ Полетики. Онъ узналъ о смерти матери и въ отчаяніи. Пишетъ мнѣ, что имѣлъ предчувствіе и нѣсколько уже времени со страхомъ вскрывалъ наши письма. Получа отъ меня вдругъ три, долго не могъ рѣшиться ихъ прочитать; наконецъ Эллизенъ, къ которому я также писалъ, началъ его приготовлять и сказалъ ему о его несчастіи. Теперь Полетика еще нетерпѣливѣе желаетъ возвратиться сюда. Я радъ, что не долго онъ будетъ дожидаться совершеннаго исполненія сего желанія.

Отъ 9 (21) Іюня онъ мнѣ пишетъ: Que direz vous en apprenaut que mon courrier n'est pas encore arrivé (фельдъегерь отправленный прошлаго года гораздо прежде отъѣзда Государя въ Троппау) et que je n'ai point de lettres du ministère depuis le mois de Septembre de l'année passée. Вотъ какова Америка! Съ сокрушеніемъ говоритъ, что принужденъ былъ разстаться съ своимъ Карломъ, который началъ пить и пошаливать. Куда это больно послѣ двадцатилѣтней службы! Онъ все надѣется его исправить. Почему же нѣтъ? Климъ вотъ уже годъ и болѣе какъ ни разу не былъ пьянъ, не смотря на свадь-

бы и прочія вѣрныя для сего оказіи, а послѣ болѣзни вѣрно еще болѣе будетъ остерегаться. Ему лучше, бродитъ по комнатѣ, но еще съ трудомъ.

Вотъ три дни, что̀ у насъ время прекраснѣйшее, во фракѣ даже жарко, и барометръ все выше да выше подымается. Дай Богъ не сглазить. Государь вчера изволилъ пріѣхать на Каменный островъ, гдѣ пробудетъ до Воскресенья. Каподистрія остался въ Ц. Селѣ. У него красятъ комнаты, и некуда въѣхать.

Графиня Головина [1]) умерла въ Парижѣ отъ рака. Она давно и долго страдала. Между тѣмъ увѣряютъ, что новые еще открылись долги на покойномъ и оттого прибавится число билетовъ. Болѣе нежели на тысячу, говорятъ, записалось охотниковъ, но что это? Ихъ кажется 180 тыс.

*

С.-Петербургъ, 4 Октября 1821.

Закревскій, описывая смерть графини [2]), чрезвычайно тебѣ благодаренъ за неоставленіе ихъ въ эту горестную минуту. Видно, никакой нѣтъ перемѣны въ его планѣ, по крайней мѣрѣ ничего не говоритъ. Можетъ быть, теперь-то и начнутся для него хлопоты; если вступятъ во владѣніе наслѣдства, то я думаю все надобно будетъ устроить иначе какъ было у покойницы. Не будутъ мужики сожалѣть, что попадутъ къ Арсенію. Охъ, не благословилъ его Богъ только дѣтьми; но авось и это будетъ. Гр. Толстой мнѣ сказывалъ, что и Аграфена Ѳедоровна родилась только черезъ семь лѣтъ послѣ брака.

*

С.-Петербургъ, 5 Октября 1821.

Вмѣсто дворца попалъ я въ садъ. За Таврическимъ садомъ, гдѣ обѣщали спустить шаръ въ пользу Грековъ, а выпустили одинъ дымъ, продержавъ насъ около четырехъ часовъ. Женѣ захотѣлось, да признаться и я самъ желалъ видѣть, какъ Русскіе профессора искусны въ шаропусканіяхъ. Пріѣхали въ ту улицу, гдѣ живетъ Полетика; на улицѣ разставлено много стульевъ для публики, и мы сѣли; но полицмейстеръ предложилъ насъ ввести въ садъ; тѣмъ лучше, чѣмъ сидѣть въ грязи, пойдемъ! Познакомились съ хозяиномъ. Чтобъ сказать ему что нибудь, говорю: какой у васъ садъ прекрасный, вы здѣсь живете совершенно въ тишинѣ. Да точно-съ, да и мѣсто-то называется Тишина,

---

[1]) Графиня Варвара Николаевна. Ея Записки, къ сожалѣнію, доселѣ не изданы вполнѣ.

[2]) Т. е. своей тещи, графини Толстой.

и я самъ называюсь Тишинъ. Пришелъ тутъ Дмитрій Львовичъ*), набралась куча дамъ, хозяинъ потчивалъ у себя въ домѣ завтракомъ, но я не пошелъ. Только ждать, ждать, а шаръ плохо подымается. Я собираюсь ѣхать, Дмитрій Львовичъ уговариваетъ остаться; видите, что нашъ профессоръ скоро слово сдержитъ, шаръ надувается. А я такъ увѣряю васъ, что ничего не будетъ, да и быть не можетъ; смотрите, сколько онъ человѣкъ надулъ, нечѣмъ теперь и шаръ надувать. И пошелъ каламбуръ по рядамъ, а мы съ женою изъ рядовъ, да домой; перезябли, да еще надъ нами же посмѣялись. Belle expédition!

*

С.-Петербургъ, 7 Октября 1821.

Вчера былъ у меня Ноинскій, съ которымъ досыта наговорился о добромъ Закревскомъ, о его здоровьѣ и дѣлахъ. Также повторилъ онъ мнѣ почти тѣже подробности, которыя отъ тебя имѣю о праздникѣ и о смерти графини. Богъ съ нею, а таки и напослѣдяхъ помучила нашего Арсенія. Графъ на другой же день ознаменовалъ свою свободу трубкою, которую покойница, яко раскольница, запретила ему курить. Теперь всѣ они будутъ дружно жить и ликовать. Графъ очень благородно поступилъ насчетъ имѣнія; однимъ словомъ, миръ и согласіе, кажется, навсегда теперь водворятся въ этомъ любезномъ семействѣ, чего отъ всего сердца имъ желаю.

*

С.-Петербургъ, 11 Октября 1821.

Въ городѣ только и разговора, что̀ о лотереѣ Головина. Увѣряютъ, что 180 т. билетовъ уже разобраны и что между прочими Штиглицъ взялъ одинъ тысячу; но это спекуляція вѣроятно, чтобъ дороже ихъ продавать, когда начнутъ разыгрывать. Со счастіемъ можно фортуну сдѣлать, но гдѣ взять такое необычайное счастіе?—Вчера умеръ здѣсь старикъ сенаторъ Карлъ Ивановичъ Габлицъ, батюшкѣ былъ хорошій пріятель. Карнѣевъ очень будетъ о немъ сожалѣть. Онъ служилъ подъ его начальствомъ и былъ ему весьма преданъ.

*

С.-Петербургъ, 21 Октября 1821.

Пишу сегодня къ Каменскому, чтобъ увѣдомить его, что Государь приказалъ сочиненія его отца печатать на казенный счетъ подъ руководствомъ особой комиссіи, составленной изъ Дивова, Шулепова и Юдина. Ну, слава Богу, и это дѣло устроено! Вчера я обѣдалъ у Потоцкаго, гдѣ былъ и Александръ Львовичъ, который все также ве-

---

*) Нарышкинъ.

селъ и любезенъ, какъ былъ прежде. Ѣли черепаховый супъ изготовленный въ Остиндіи и присланный мнѣ Воронцовымъ изъ Лондона. Теперь до такой степени совершенства дошли въ разсужденіи кушанья, что готовые обѣды отъ Роберста въ Парижѣ посылаютъ въ Индію, въ какихъ-то жестяныхъ посудахъ новаго изобрѣтенія, гдѣ они сберегаются отъ всякой порчи. Александръ Львовичъ много разсказывалъ о своемъ путешествіи, мѣшая все это съ безпрестанными каламбурами. Между прочимъ во Франціи, въ какомъ-то городѣ просилъ онъ пива. La femme de l'auberge me dit: Nous n'avons pas de bierre pour le moment, mais si vous voulez, je vous *embrasserai.*—Je ne demande pas mieux, et je l'ai embrassé.—Hé bien, monsieur, vous voyez que la bierre n'est pas faite pour les vivans. Онъ сбирается въ свои деревни, гдѣ хлѣба уродилось множество; поѣдетъ черезъ Москву, гдѣ надѣется тебя видѣть. Много о тебѣ спрашивалъ. Обѣдъ былъ очень веселый; тутъ случился Толстой, Пушкинъ *); и отъ этого обѣда родилось нѣсколько новыхъ. Пушкинъ звалъ макароны ѣсть, Потоцкой еще на какое-то новое блюдо. Всѣ они любятъ покушать.

Гр. Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ 11 (23) Октября отправился изъ Лондона въ Парижъ, гдѣ проживетъ зиму съ отцомъ своимъ, а весной пріѣдетъ къ намъ.

*

С.-Петербургъ, 22 Октября 1821.

Тюфякинъ, говорятъ, бѣсится на Французскіе журналы, которые описали его дурное обращеніе съ актерами: c'est au point que souvent il a ajouté le geste à la parole, même avec les actrices. Теперь никого не можетъ завербовать. Можетъ быть, это и правительство подъ рукою велѣло напечатать, чтобъ не лишиться хорошихъ актеровъ.

*

С.-Петербургъ, 1 Ноября 1821.

Третьяго дня шелъ я отъ обѣдни отъ князя по набережной. Недалеко отъ дома гр. Литты встрѣтилъ Государя; онъ остановился, взялъ меня за руку, велѣлъ надѣть шляпу. «On vous rencontre très rarement».—Et sependant, Sire, je suis le conseil que vous avez eu la bonté de me donner: je marche presque tous les jours, seulement plus tard.—«Vous faites bien, sans cela vous pourrez acquérir un embonpoint génant; il faut marcher régulierèment». C'est ce que je tâche de faire, je me promène ordinairement vers les 3 ou 4 heure, excepté les Dimanches, où je sors de meilleure heure.—«Vous êtes très occupé, je le sais, et quels sont les jours où vous avez le plus d'affaires?»—C'est presque la même chose tous les jours; ce n'est pas que j'aye énorme-

*) Т. е. кто-либо изъ графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ.

ment à faire, mais il faut que je sois à la maison.—«Êtes-vous content de votre poste?»—Sire, je ne saurais répondre à cette question avant de savoir si Votre Majesté est contente de moi.—«Parfaitement». En ce cas je n'ai rien au monde à désirer. «Tous le monde est content, vous faites aller les choses à merveille, les lettres de Moscou gagnent plus de deux jours, grâce à la célérité avec laquelle la poste arrive et les lettres se distribuent».—Oui, Sire, mais je suis très mécontent de deux dernières postes étrangères, qui ont tardé de près de 24 heures, cela me fait de la peine.—«Vous êtes déjà trop difficile; les chemins sont détestables, les nuits obscures, c'est tout naturel, comment voulez vous que cela aille comme en été? Il est étonnant qu'elle ne tarde pas d'avantage. Soyez content, puisque tout le monde l'est depuis votre administration. Il ne me parvient que de louanges, et cela me fait plaisir». Я поклонился. «Hé bien, l'automne est superbe, c'est une indemnisation pour l'été détestable que nous avons eu».—Votre Majesté n'a pas pu jouir du délicieux séjour de Царское Село.—«Cependant je marchais beaucoup. Ce temps durera, j'espère. Et après cela nous aurons un hiver très rude, à ce qu'on assure».—Oui, on le dit.—«Comment se porte madame et les enfants?»—Très bien, Sire. Взялъ опять за руку. «Adieu, embrassez vos enfants et faites mes complimens à votre femme». Пошелъ, а я въ свою сторону, и право слезы навернулись отъ благодарности за столько милостей. Я рѣдко вижу и встрѣчаю Государя, но восхищаюсь тѣмъ, что всякой разъ получаю удовольствіе, что онъ мною доволенъ и все столько же ко мнѣ милостивъ какъ былъ прежде. Это укрѣпляетъ духъ мой, и еще какъ-то усерднѣе принимаешься за работу. Я увѣренъ, что и тебя этотъ разговоръ порадуетъ; только по старому условію, *это для тебя только*. Я все право имѣю восхищаться моимъ счастіемъ, но барабанить о немъ было бы непростительно, и здѣсь кромѣ жены я никому не пересказываю, а ей велѣлъ не болтать.

*

С.-Петербургъ, 5 Ноября 1821.

Demande. Monsieur le comte, j'apprends que Soïmonoff a été fait sénateur et qu'il a entiérement quitté votre ministère; c'est le moment de vous faire une question qui m'intéresse infiniment, puisqu'elle concerne mon ami d'enfance. Vous m'avez procuré pour Макеровскій la place de Soïmonoff*). Où en est l'affaire?

Réponse: Oui, oui, oui, votre ami est désigné pour cette place; j'ai déjà donné mes ordres à Мечниковъ. Je ne sais pas s'il ne faudra pas un указъ pour sa nomination, comme c'est une place de chef;

*) Т. е. начальника Горнаго Правленія въ Москвѣ.

mais c'est égal, il est désigné. Мечниковъ aussi en dit beaucoup de bien, et puis vous me le recommandez, et cela suffit. Il aura la place.

D. Je puis donc regarder la chose comme terminée?

R. Oui, comme je vous dis; il faudra peut-etre un указъ; dans ce cas cela prendra un peu de temps, mais je l'ai désigné, et vous pouvez compter qu'il à la place.

D. Puis-je le lui écrire?

R. Oui, certainement.

Hé bien, je vous remercie de tout mon coeur, m-r le c-te. Vous ne savez pas jusqu'à quel point vous m'avez obligé en faisant toute fois une chose bien juste. Demain je donnerai cette bonne nouvelle à mon ami, qui est à Kalouga. Sa femme vient d'accoucher, elle était même bien malade; hé bien, cela ne l'a pas arrêté de la quitter, parce qu'il avait votre ordre à remplir. Je suis enchanté de pouvoir lui donner une consolation, dont il a très besoin.

R. Et moi je suis bien aise de pouvoir faire une chose qui vous est agréable et qui, je ne doute pas, sera utile à service. Вотъ, мой милый другъ, разговоръ мой съ Гурьевымъ. Я былъ у него вчера вечеромъ, игралъ съ нимъ въ вистъ, выигралъ 150 р., да еще получилъ отъ него добрую эту вѣсточку, которая, надѣюсь, и Фаста ободритъ, и добрую его жену утѣшить. Bonne journée! Excellente journée! Слава Богу! Я право счастливъ, что нашъ другъ получитъ желаемое. Неужели и теперь еще будетъ сомнѣваться? Надѣюсь, что нѣтъ. Тебѣ предоставляю сообщить ему и ей пріятный мой разговоръ съ графомъ, но я все еще требую, *чтобъ оба молчали до времени.*

Александръ Львовичъ сказалъ мнѣ вчера, что Кикинъ пожалованъ въ тайные совѣтники. Время все продолжается дурное. Государь возвратился вчера изъ Царскаго Села. Въ Понедѣльникъ звалъ меня к. Долгорукій на балъ. Не знаю еще самъ, поѣду ли. Ламздорфъ опять вчера занемогъ, такъ что не могъ съ нами обѣдать у Лобанова. Вотъ, братъ, трубки-то у него! Голову мнѣ вскружило, штукъ съ 60, одна другой лучше. Тутъ узналъ я чубукъ покойнаго графа Каменскаго и другой Варлама, который онъ сулилъ, а жена его подарила, Трубецкому. Этотъ всѣхъ лучше. Когда пріѣдешь, то будемъ у него обѣдать и курить. Онъ купилъ домъ, въ которомъ такъ долго жила Волкова, на Агл. набережной; теперь вышелъ онъ игрушка. Охъ, хорошее дѣло богатство! У него вещи и библіотека превосходныя, обѣдъ славный; всѣ свои прихоти можетъ удовлетворять.

*

С.-Петербургъ, 8 Ноября 1821.

Портретъ Али-паши постараюсь достать; впрочемъ сдѣлайте какую хотите рожу, такъ пройдетъ за Али-пашу, а для потомства все

равно, длинная ли или круглая была у него рожа. Развѣ въ Адмиралтейской Коллегіи можно будетъ достать капитуляцію изъ записки Полякова[1]). Долгорукіе оба очень любезные молодые люди[2]). Ты ихъ также будешь видѣть у насъ. Каменскаго бы посадили въ комиссію назначенную для печатанія сочиненій его отца; но онъ въ Полтавѣ и не знаю, согласился ли бы онъ сюда переѣхать. И безъ него дѣло сдѣлается.

Нашъ князь возложилъ на почтдиректоровъ прекрасное дѣло, новую организацію о почтахъ, ускореніе оныхъ; однимъ словомъ, предоставлено всякому придумать и представлять все что̀ признаетъ полезнымъ. Я давно этого желалъ, и наконецъ, съ добрымъ Жулковскимъ устроили. Примусь тотчасъ работать. Стыдно, что наши внутреннія почты такъ дурно идутъ и единственно отъ безпорядка. Ну какъ теперь держаться того, что́ при началѣ почтъ было постановлено? Управленіе князя сдѣлаетъ эпоху въ почтовыхъ дѣлахъ. Онъ хочетъ добро и усердно имъ занимается. Съ такимъ начальникомъ много можно и намъ дѣлать. Надѣюсь здѣсь пощеголять. Все движеніе должно начаться и идти отсюда.

Вся Цареградская миссія была щедро награждена, всѣ получили знакъ отличія, вмѣстѣ съ тѣмъ годовые оклады съ курсомъ въ вознагражденіе за убытки и сохраненіе жалованья съ курсомъ. Тургеневъ получилъ Анну 2-го класса съ брилліантами. Старикъ Фонтонъ 1-го класса съ брилліантами. При этомъ значительномъ денежномъ награжденіи это очень хорошо.

На сихъ дняхъ Лаваль, послѣ обѣда у Потоцкаго, со слѣпотою своею, упавъ съ лѣстницы, которая изъ библіотеки вела въ комнаты покойной графини, остался безъ чувствъ. Ему пустили кровь, и теперь, кажется, опасность миновалась, хотя и ушибъ больно голову. Онъ бы могъ на мѣстѣ остаться; несчастный полетѣлъ головою внизъ; хорошо еще, что тутъ былъ коверъ.

С.-Петербургъ, 9 Ноября 1821.

Теперь новую на меня возложили комиссію, переобразованіе хода внутреннихъ нашихъ почтъ. Правда, что пора было объ этомъ подумать, слишкомъ онѣ идутъ дурно, дѣло преполезное, только не безъ заботъ. Дастъ Богъ, управимся!

Что-то съ Обрѣзковымъ все случаются бѣды? Что ему вздумалось нарядиться въ усы? Не для того ли, чтобы не носить по праздникамъ бѣлаго мундира? Когда я сюда ѣхалъ, то онъ меня просилъ похлопо-

[1]) Это все для книги бѣднаго Грека Метаксы, его „Исторіи Греческихъ происшествій", въ изданіи которой А. Я. Булгаковъ принималъ участіе.

[2]) Сыновья князя Ивана Михайловича писателя (Дмитрій и Рафаилъ), поступившіе на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.

тать, чтобы перевели его въ лейбъ-гусарскій полкъ. Неужели вмѣнять ему это въ награжденіе? Ефимовичъ подлинно смѣшонъ. Il joue toujours le grand seigneur. Вчера спрашиваетъ меня о Цирлейнѣ, доволенъ ли я имъ?—«Очень».—Cela me fait plaisir; dans le temps je l'ai pris *chez moi*, et il me semble même que c'est moi qui l'ai inscrit au service. Ну, когда у него было chez soi? Когда могъ онъ записать кого въ службу? Цирлейнъ, я думаю, лѣтъ двадцать въ службѣ и вѣрно всегда былъ старѣе его. Послѣ я его спросилъ: «Avez-vous tout-à-fait quitté le service?»—Oui; est - ce que vous auriez quelque place à me proposer?—«Mon Dieu, non.»—C'est que, voyez vous, je ne servirai plus, je ne veux plus de place décidement, je n'en accepterai pas. Je suis bien aise qu'on me laisse libre. Хотѣлъ я ему сказать: j'espère qu'on ne troublera dès longtemps votre repos. Надобно послушать, какъ онъ о своихъ миссіяхъ разсказываетъ.

*

С.-Петербургъ, 11 Ноября 1821.

Ну, сударь, вчера, какъ обыкновенно, собрались у насъ пріятели, явился и добрый Каподистрія, покалякали, покурили да какъ принялись въ билліардъ играть, такъ до двухъ часовъ. Охъ, не хотѣлось въ 5 вставать, а дѣлать нечего было. Каподистрія заказалъ маленькія кегли къ своему билліарду. Это какая-то Итальянская игра, ты долженъ ее знать. Я точно помню, въ Корфѣ кажется, видѣлъ; а какъ играютъ, не знаю. Завтра у него обѣдаю, assaut въ билліардъ будетъ съ гр. Нессельродомъ.

Павелъ Ивановичъ Сумароковъ сдѣланъ сенаторомъ. Вице-губернаторъ Подольскій гр. Грохольской пожалованъ въ камергеры. Нашего милаго камергера Тургенева я давно не видалъ, а другого, Ванишу, ждутъ сюда на сей недѣлѣ. Гр. Михаилъ Семеновичъ пишетъ мнѣ, что онъ съ отцомъ и женою прибылъ благополучно въ Парижъ, гдѣ проживетъ зиму, а о молодомъ Растопчинѣ*) ни слова; видно не правда, что онъ повѣсился, хотя и повѣса.

*

С.-Петербургъ, 12 Ноября 1821.

Я увѣренъ былъ, мой милый другъ, что встрѣча моя съ Государемъ васъ обоихъ порадуетъ. Ты видишь, что и Закревскій согласенъ со мною въ томъ, что лучше попадаться ему рѣдко, чтобъ не подумалъ, что все шатаюсь! Всякій разъ чтó встрѣчаю, чрезвычайно милостиво со мною обходится и повторяетъ, что много доволенъ. Дай Боже, чтобъ всегда такъ было.

Вчера игралъ я въ вистъ съ княгинею Долгорукою, съ Бѣлосельскою и вашей Голицыною, всѣ три объ тебѣ спрашивали. Между

---

*) Графъ Сергѣй Ѳеодоровичъ.

прочимъ князь сказывалъ, что за обѣдомъ у Государя въ тотъ день была рѣчь о вашей Итальянской труппѣ и что поговаривали, какъ бы на время имѣть ее здѣсь, а вамъ дать Французскую. Куда бы это хорошо было! Князь говорилъ: пожалуй мы ее вамъ совсѣмъ отдадимъ, а себѣ выпишемъ другую. Государь, говорятъ, любитъ Итальянскія оперы. Можетъ-быть, послѣдуютъ и здѣсь вашему примѣру; вотъ тутъ бы и я сталъ часто въ театръ ѣздить, а теперешній меня никакъ не прельщаетъ.

*

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1821.

Александръ Львовичъ все еще дѣлаетъ каламбуры и всякимъ случаемъ всегда воспользуется. Онъ говоритъ: «Le général Wassiltschikoff a quitté le commandement de gardes et Je le remplace». Hé bien? «Je vous dis: et Je le remplace». Что же это такое? Ты знаешь, что Уваровъ говорилъ и прежде je вмѣсто moi и разъ Наполеону отвѣчалъ на вопросъ qui commande les chevaliers-gardes? Je, Sire. Вотъ съ тѣхъ поръ его называютъ Je, а вѣдь надобно же все пріискать. Между тѣмъ назначеніемъ Уварова, говорятъ въ гвардіи очень довольны. Онъ сюда пріѣхалъ на сихъ дняхъ. Въ Субботу обѣдали мы у Каподистріи, послѣ обѣда обыгралъ я въ биліардъ гр. Нессельрода. Немудрено: онъ разучился, рѣдко теперь играетъ.

С.-Петербургъ, 18 Ноября 1821.

Третьяго дня умерла здѣсь молодая графиня Ливенъ отъ злѣйшей чахотки. Три мѣсяца только была замужемъ, за старшимъ изъ братьевъ гр. Ливеновъ. Она урожденная Ребиндеръ. Всѣ очень сожалѣютъ. На сихъ дняхъ видѣлъ я Дубенскаго; очень радъ, что съ нимъ короче познакомился. Это было у гр. Гурьева, куда я ѣздилъ одинъ, игралъ въ вистъ и послѣ проболтали почти до двухъ часовъ съ графомъ, съ неисчерпаемымъ Александромъ Львовичемъ и сенаторомъ Столыпинымъ. Все разсказывали анекдоты о Екатеринѣ, всякій что зналъ, препріятно провелъ время и не видалъ, какъ прошло. О Фастѣ нельзя было спросить, да и безполезно: онъ бы вѣрно самъ могъ сказать, если бъ кончено было дѣло. Обѣдали мы у Потоцкаго въ тотъ день, много было, обѣдъ славный, не Юсупову чета. Я разсматривалъ лѣстницу, съ коей полетѣлъ Лаваль. Чудо, какъ онъ живъ остался. Двадцать средствъ было убиться, одно спасенье, и онъ на это попалъ. Вообрази, что онъ толкнулся о балюстраду, перекувырнулся черезъ нее и аршинъ шесть или семь летѣлъ только внизъ и прямо на ступеньки, на коихъ даже не было ковра. Непонятное дѣло, какъ онъ уцѣлѣлъ!

Только и разговора, что о смерти графини Ливенъ. Старуха *) очень огорчена. На сихъ дняхъ минуло 25 лѣтъ управленію импе-

*) Свекровь умершей, графиня (позднѣе княгиня) Шарлота Карловна Ливенъ.

ратрицы Марiи Θеодоровны Смольнымъ монастыремъ. Она провела тамъ цѣлый день, обѣдала съ воспитанницами, даже сидѣла на ихъ скамейкахъ; много ей было сюрпризовъ, и всѣ были отъ нея въ восхищенiи; а вѣдь Conservateur вѣрно и объ этомъ ничего не скажетъ; развѣ Свиньинъ помѣститъ въ своихъ Отечественныхъ Запискахъ. Этимъ онъ хорошъ: ничего не прозѣваетъ.

*

С.-Петербургъ, 19 Ноября 1821.

Дѣло доброе бывать иногда и на балахъ, особливо гдѣ, какъ говаривалъ Чижикъ, и свѣтло, и тепло, и весело. Глухого Долгорукаго я потому только знаю, что Вяземскiй меня имъ мистифировалъ однажды во дворцѣ. Тотъ къ нему подходитъ, а Вяземскiй мнѣ говоритъ: послушай, что́ я ему наговорю, и ну его ругать очень громко; а я какъ дуракъ его подергиваю за руку и стараюсь остановить. По отвѣтамъ его я догадался, что онъ глухъ; а Вяземскiй, ругая его, все ему кланяется, а тотъ, полагая, что говоритъ ему учтивости, такъ и растилается передъ нимъ.

Въ Вѣнѣ былъ старикъ одинъ Грекъ, надв. сов. Ардутти, тотъ писалъ безпрестанно письма къ Государю. Онъ былъ родъ сумасшедшаго, между прочимъ жаловался на Чарторискаго: Sire, j'ai tant versé de larmes grâce au prince Chartorisky qu'on pourrait y noyer votre ministère tout entier.

*

С.-Петербургъ, 22 Ноября 1821.

Я увѣренъ былъ, мой милый и любезный другъ, что тебя обрадуетъ разговоръ мой съ гр. Гурьевымъ о Фастѣ. До сихъ поръ новаго о немъ ничего не знаю и хотя видѣлъ третьяго дня Гурьева у Нессельрода, гдѣ мы съ ними играли въ вистъ, а вчера у него самого, но не хотѣлъ спросить его, кончилъ ли онъ совсѣмъ дѣло: какъ-то неловко напоминать, особливо онъ этого не любитъ. Когда кончитъ, то я увѣренъ или онъ, или Мечниковъ, тотчасъ увѣдомятъ меня. У меня на сихъ дняхъ былъ горный чиновникъ изъ департамента, между прочимъ разговорились о Московскомъ правленiи. Я говорю: Оно теперь совсѣмъ безъ начальника.—«Да сударь, да кажется не долго останется такъ».—Кого же, вы полагаете, назначатъ?—«У насъ навѣрное полагаютъ теперешняго совѣтника Макеровскаго». Понимаю нетерпѣнiе Фаста, которое еще умножается его недовѣрчивостью. Онъ все сомнѣвается; но надѣюсь, скоро ему докажемъ, что не имѣлъ къ этому никакой причины.

*

С.-Петербургъ, 24 Ноября 1821.

L'homme propose et Dieu dispose. J'ajouterai à cela: et c'est toujours pour le mieux. Вчера намѣренъ я былъ обѣдать дома, не

тутъ-то было: получаю отъ Нессельрода записочку, зоветъ къ себѣ и непремѣнно. Нечего дѣлать, да почему же и нѣтъ? Пустился, нашелъ тамъ Татищевыхъ, Потоцкихъ etc. etc и Гурьевыхъ. Теперь прошу послушать:

Гр. Гурьевъ: «Hé bien, m-r Bulhakow, j'ai une très bonne nouvelle à vous annoncer, l'affaire de votre ami est finie, et l'Empereur a signé hier l'oukase».

Я: (Только что не бросился его обнимать) «Hé bien, m-r le c-te, vous ne savez pas jusqu'a quel point vous me rendez heureux. Jamais ce jour et vos bontés ne s'effaceront de ma mémoire. Vous avez fait une action juste et un bienfait qui vous attache un excellent homme pour la vie. Je vous réponds de ses sentiments; quan taux miens, il suffit de vous dire: j'aime m-r Makeroffsky comme un frère, nous avons été élevés ensemble etc.

Графъ: Je suis vraiment enchanté de vous avoir fait plaisir et d'avoir en même temps appris à connaître un homme dont vous me dites taut de bien et dont, je ne doute nullement, je serai content. J'aime à dire la vérité, et il faut que je vous informe comment la chose s'est passée. Vous savez que j'avais désigné votre ami pour cette place, il fallait cependant un oukase. En le soumettant à l'Empereur, Sa Majesté m'a dit: Il va donc être chef de ce bureau?—Oui, Sire.—Le connaissez vous assez?—Il sert bien, je ne le connais pas personnellement, mais il m'est recommandé par m-r Boulhakow.—Alors tout est dit, et il a signé tout de suite l'oukase. Il ne me reste qu'a désirer qu'il serve comme lui.

Если бъ не темно было въ комнатѣ, то бы графъ видѣлъ, что у меня слезы навернулись на глазахъ. Благодарилъ его. Тутъ подошелъ Нессельродъ. Qu'est-ce que c'est que cette conférence? Графъ и ему тоже пересказалъ, прибавя: «Voyez comme m-r Boulhakow est content; je vous assure, j'en suis enchanté».

Графъ: «D'après le plaisir que vôus fait cette nomination, il est juste que vous soyez le premier à l'annoncer à votre ami. L'oukase va être envoyé au Sénat, les formes prendrout quelques jours, mais annoncez lui de ma part et la conclusion de l'affaire, et ma satisfaction. Попросите его меня полюбить».

Moi: «Un coeur comme le sien sait être reconnaissant. Mon ami vous le prouvera entièrement en justifiant votre confiance et en se rendant digne de votre bonté».

Графъ: «Pour son grade il était difficile de le faire avancer dans ce moment, parce qu'il est conseiller *de collège* et qu'il est soumis à l'examen; mais une fois qu'il a un de nos titres, on pourra plus facilement le faire entrer dans la 5-me classe. Cela se faira».

Я: «Il sera pour le moment déjà très heureux de ce qui lui arrive et il tâchera par son zele de mériter le bien que v. e. veut encore lui faire. Nous avons tous les jours de preuves que le mérite chez vous ne reste pas sans récompense; mon ami, j'espère, augmentera le nombre de ces preuves». Много еще его благодарилъ и видѣлъ, что, право, онъ самъ доволенъ опредѣленіемъ Фаста. Теперь дѣло кончено. Слава Богу! Фастъ будетъ помнить день твоего ангела.

Прошу однакоже о подробностяхъ разговора съ Гурьевымъ *смолчать*, потому что это бы походило на хвастовство, коего я всегда былъ чуждъ; да стали бы еще объ этомъ болтать, прибавлять и послѣ на меня же бы сказали, что я хвастаю. Довольно того, что мнѣ и тебѣ утѣшительно знать, что Государь повѣрилъ и уважилъ мою рекомендацію. Сдѣлай одолженіе, о семъ не говори.

*

С.-Петербургъ, 25 Ноября 1821.

Здѣсь страшно противу Аглицкой набережной ходить по льду, а за Таврическимъ садомъ ѣздятъ на охоту въ шлюпкахъ.—Не хвастайте діадемой Мюратши, я ее знаю. Сюда привозилъ ее Грекъ, котораго мнѣ рекомендовалъ Чумага, мнѣ показывалъ и сказывалъ, что купилъ ее въ Египтѣ и что она принадлежала какому-то бею, а совсѣмъ не Мюратшѣ. Онъ ее цѣнилъ въ 65 т. руб. и поѣхалъ отсюда не продавши. Я ему совѣтовалъ сдѣлать лотерею. Жемчугъ крупенъ, но по большей части уродливъ, обдѣланный въ золото и въ стразы. Дворъ нашъ никогда не предлагалъ 35 т. Императрица Марія Ѳеодоровна видѣла діадему, но ничего за нее не предлагала. Не мудрено, что князь Николай Гагаринъ купилъ почти даромъ имѣніе: l'eau va à la rivière.

*

С.-Петербургъ, 29 Ноября 1821.

Ну, сударь, въ Субботу были мы на обѣдѣ, который напоминаетъ Лондонскіе. Въ пять часовъ мы съ Каподистріемъ туда поѣхали, нашли уже множество народа; вскорѣ послѣ насъ пріѣхали гр. Гурьевъ, Нессельродъ, Рибопьеръ и пр. иностранные министры, старый и новый оберъ-полицмейстеръ; пошли водку пить, а тамъ въ нижнюю залу, гдѣ обѣдали. Во всю длину ея было накрыто четыре стола, каждый кувертовъ на 85, слѣдовательно насъ сидѣло за столами 340 ч. Сѣли въ 6 часовъ, встали въ 8½ ч. Я было радъ былъ, что запасся хорошими сосѣдами, Каподистріею и Ламбертомъ, но что̀ прибыли: музыка и громогласные пѣвчіе попеременно такъ гремѣли, что не дали слова сказать. Обѣдъ натурально не могъ быть иначе, какъ холоденъ; пили много тостовъ, послѣ коихъ кричали ура и били

въ ладоши. Тяжело бы часто быть на подобныхъ обѣдахъ, а разъ любопытно, и Каподистрія, который терпѣть большихъ собраній не можетъ, который ничего не ѣлъ, не сожалѣетъ, что поѣхалъ.

На купеческомъ пиру нашелъ я старика Вейса, который обѣщалъ завтра съ Гинрихсомъ ко мнѣ обѣдать; постараюсь собрать нѣсколько школьниковъ и школьницъ на пиръ. Жена моего помощника будетъ непремѣнно присутствовать.

На сихъ дняхъ нѣкто Speronar, музыкантъ и рестораторъ картинъ, кончилъ свою жизнь. Онъ всякое утро выпивалъ по полуштофу водки, прежде чѣмъ идти давать лекціи на арфѣ. Докторъ ему запретилъ пить, угрожая, что онъ умретъ, если не броситъ дурной привычки. За обѣдомъ гдѣ-то Сперонаръ былъ очень веселъ, а послѣ обѣда, разсказывая о запрещеніи доктора, прибавилъ: puisqu'on me défende de boire, je n'en vais me nager, пошелъ и бросился въ Мойку, гдѣ тѣло его на другой день найдено.

Другой учитель Нѣмецкаго языка вдругъ занемогъ, сдѣлалось ему дурно, жена подала ему стаканъ воды; онъ почувствовалъ къ водѣ отвращеніе, послали за докторомъ, тотъ его допрашивалъ, не укусила ли его собака; нѣтъ. Наконецъ, однакоже вспомнилъ, что однажды, гуляя вечеромъ съ женою и сыномъ по набережной, мѣсяца три тому назадъ, маленькая собачка лаяла и дергала жену за платье, ее отогнали, она стала дергать сына, отцу надоѣла, онъ ее взялъ за шиворотъ и бросилъ среди улицы. Собачка его укусила въ палецъ, но почти нечувствительно, только пошло немного крови, и онъ никакъ не полагаетъ, что она была бѣшена. На другой день подаютъ ему завтракъ; увидя стаканъ воды, онъ болѣе еще почувствовалъ отвращенія и тогда уже, самъ удостовѣрясь въ своей болѣзни, тотчасъ рѣшился растаться съ семействомъ: устроилъ свои дѣла, призвалъ жену, дѣтей, простился съ ними, говоря, что онъ полагаетъ, что для него нѣтъ спасенія, а какъ придетъ въ бѣшенство, то можетъ сдѣлать и ихъ несчастными, почему ихъ и оставляетъ, велѣлъ себѣ привесть извозчика и отправился въ Обуховскую больницу. Переѣзжая черезъ Обуховъ мостъ, сильное почувствовалъ волненіе и страхъ; увидя воду, сошелъ съ извозчика, пошелъ пѣшкомъ и, пришедъ въ больницу, объявилъ о своемъ несчастіи и просилъ, чтобъ его приняли, заперли и остерегались его, ибо онъ чувствуетъ, что начинается въ немъ бѣшенство. Черезъ три дня этотъ несчастный умеръ въ величайшемъ бѣшенствѣ, оставя жену и кучу дѣтей въ величайшей бѣдности. Человѣкъ былъ умный, трудолюбивый и честный. Сколько показалъ духа въ несчастномъ своемъ положеніи! Любя жену, дѣтей безъ памяти, немедленно рѣшается для ихъ спасенія съ ними разстаться.

*

С.-Петербургъ, 9 Декабря 1821.

Вчера въ 12 часовъ представлялись великой княгинѣ Маріи Павловнѣ мужчины, а въ 2 дамы. Всѣ были обласканы и приняты чрезвычайно милостиво; всѣмъ сказано что-нибудь пріятное. Со мною изволила говорить о встрѣчахъ нашихъ въ чужихъ краяхъ. И моя мадамъ рѣшилась также ѣхать во дворецъ съ Голицыною, также представилась.—Дѣло наше въ Сенатѣ идетъ хорошо, о чемъ дали мнѣ чувствовать нѣсколько сенаторовъ. Кн. Хованскій мнѣ подъ секретомъ сказалъ, что твой тесть желаетъ и ищетъ губернаторства въ Москвѣ и писалъ княгинѣ Долгоруковой, чтобы позондировать князя Дмитрія Владимировича. Жаль, что я не зналъ этого: въ Суботу обѣдали мы у Строгановой, гдѣ и онъ былъ; я бы спросилъ о семъ. Видно, хочется еще послужить. Князь Дм. Вл. сказывалъ мнѣ, что, кажется, въ организаціи здѣшняго театра будутъ перемѣны, что онъ будетъ подъ вѣдомствомъ военнаго генералъ-губернатора. О Тюфякинѣ поговариваютъ, что онъ лишится управленія надъ онымъ и что Московскій не будетъ зависѣть отъ Петербургскаго. Теперь говорятъ также въ городѣ, что его въ Парижѣ какой-то актеръ, котораго онъ ангажировалъ для здѣшняго театра, а послѣ контрактъ уничтожилъ, поколотилъ. Трудно сему повѣрить, но это доказываетъ, что его здѣсь не очень жалуютъ. Я говорилъ съ Майковымъ; онъ не признается совершенно въ перемѣнахъ, но также говоритъ, что слышалъ, что будетъ что-то. Увидимъ!

Вчера явился ко мнѣ неожиданный гость Багреевъ [1]), губернаторъ Черниговскій, потолстѣлъ и постарѣлъ. Видно, пріѣхалъ сюда за лентой, которую ему давно хочется. Не знаю, какъ идетъ его губернаторство, но человѣкъ добрый и честный.

Завтра положили мы подписать почтовую конвенцію, но мнѣ хочется 12-мъ числомъ: cela portera bonheur. Изъ Америки пріѣхалъ Ломоносовъ, секретарь посольства, прекрасный малый. Онъ уже раза два былъ у меня, любитъ очень Петра Ивановича [2]). Нашъ Американецъ выѣдетъ оттуда непремѣнно въ началѣ Мая.

Въ Понедѣльникъ, говорятъ, будетъ большой балъ во дворцѣ. День торжественный для всѣхъ Русскихъ. Къ этому числу ожидаютъ сюда великихъ князей. Сегодня долженъ я обѣдать у гр. Нессельрода, а вечеромъ хочу попасть къ своему сосѣду к. Салтыкову, гдѣ давно уже не былъ; но все это зависитъ отъ почтъ, кои во всемъ мнѣ теперь руки связываютъ.

С.-Петербургъ, 13 Декабря 1821.

Вчера утромъ всѣ собрались во дворецъ къ обѣднѣ, а вечеромъ на балъ, который былъ прекрасный. Зала, гдѣ ужинали, была убрана

[1]) Женившійся вскорѣ на дочери Сперанскаго.

[2]) Т. е. Полетику.

большими померанцовыми деревьями, и мы *съ женою* воротились во второмъ часу домой. Ты удивишься, что я говорю съ женою; но оно такъ: наконецъ и она рѣшилась ѣхать. Обѣ императрицы очень милостиво съ нею говорили. Марія Ѳеодоровна два раза подходила. Со мною также вся фамилія чрезвычайно благосклонно обошлась. Слава Богу, всѣ хвалятъ и довольны. Милостей, кажется, не было; слышалъ только, что три полковника произведены въ генералы и одинъ, Германъ, находящійся въ Берлинѣ, въ флигель-адъютанты. Тоалеты дамскія были превосходны, но для меня лучше всѣхъ показалась (исключая фамиліи имп.) княжна Волконская, дочь князя Петра Михайловича. Препріятное лицо, прекрасная фигура и танцуетъ безподобно, особливо Фр. кадриль. Мой Гольдбахъ былъ тоже на балѣ и не могъ надивиться, и подлинно было прекрасно. Каліархи сказывалъ мнѣ вѣсть, которая меня очень огорчила: меньшой Мишо безрукой умеръ. Жаль его, былъ прекрасный человѣкъ и славный офицеръ; жаль семейства и брата его, котораго боюсь, чтобы не убило это извѣстіе. Слава Богу еще, что онъ посреди своей родины въ Пьемонтѣ: легче будетъ перенесть. Государь, узнавъ о смерти бѣднаго Мишо, сказалъ, что онъ вдову и дѣтей беретъ на свое попеченіе. Я думаю, что смерть его есть послѣдствіемъ ужасной его раны. Жаль!

О графѣ Потемкинѣ говорятъ, что онъ совсѣмъ промотался. Здѣсь онъ нанялъ давно Головина домъ, но не ѣдетъ. Анекдотъ о Филаретѣ очень хорошъ и дѣлаетъ ему честь. Онъ очень уменъ, и вѣрно его полюбятъ въ Москвѣ.

Сказали было вчера, что Майкову*) дана лента; но полагаю, что неправда, ибо вѣрно бы онъ съ нею показался во дворцѣ, а его я не видалъ.

*

С.-Петербургъ, 17 Декабря 1821.

Вчера былъ я вечеромъ у Гурьевыхъ, куда явился и Мечниковъ. Такъ какъ мы оба не играли въ карты, то и успѣли наговориться; а у меня съ нимъ только и разговора, что о Фастушкѣ. Я опять благодарилъ Мечникова, а онъ мнѣ дѣлалъ протестаціи, что это дѣло справедливости, что Фастъ служилъ очень хорошо, что ему это слѣдовало и что онъ самъ очень радъ, что такъ дѣло устроилось. «Да неужели вы моего бергъ-инспектора вѣчно продержите въ Калугѣ? Если ему исполнить вашу комиссію, то лучше поселиться тамъ и перевести туда его правленіе, ибо она безконечная».

Мечн.: «Я съ вами согласенъ, что комиссія безконечная, а потому и стараюсь скорѣе его оттуда освободить. Онъ очень хорошо

*) Это отецъ недавно скончавшагося въ Москвѣ писателя и Славяновѣда, Аполлона Александровича.

вникаетъ въ дѣло, и его донесеніе очень основательно. По оному графъ писалъ къ князю Волконскому, что такъ какъ оказалось, что орудія всѣ съ партикулярныхъ заводовъ, а не съ казенныхъ, то Горному Департаменту нечего тутъ и разсматривать. Если же непремѣнно будутъ требовать, чтобы мы пересмотрѣли ихъ, то надобно будетъ г. Макеровскаго возвратить къ мѣсту, которое не можетъ безъ начальника оставаться, а въ Калугу послать кого-нибудь другого. Нѣтъ, я увѣренъ, что вашъ другъ хорошо поведетъ дѣло, судя по пріему его въ теперешней комиссіи, которая была трудна, деликатна и требовала особеннаго разсудка и соображеній, а онъ все это какъ нельзя лучше понялъ и повелъ. Мы очень имъ довольны; надѣюсь, что и всегда такъ будетъ».

Я.: «Онъ мнѣ пишетъ о своей радости, но и о робости; боится какъ нибудь не выполнить на новомъ мѣстѣ ожиданія начальства; не смотря на свое неограниченное усердіе, онъ человѣкъ новый на мѣстѣ начальника, вамъ лично неизвѣстный и пр.; только я нахожу, что его скромность хотя похвальная, но неумѣстна. Онъ дѣло знаетъ и неусыпенъ. Я отвѣчалъ ему, что робѣетъ напрасно, что если чего не будетъ знать, какъ рѣшить, или затрудняться, то всего короче попросить вашего наставленія и совѣта, въ коемъ вы, конечно, ему не откажите».

Мечн.: «Напротивъ, я всегда радъ буду руководствовать его. Пусть не безпокоится, все пойдетъ хорошо; мѣсто его видное, во всѣхъ отношеніяхъ пріятное, на коемъ можетъ получить награды и отличиться предъ глазами начальства».

Я.: «Да что-то ваши награды остановились? Признайтесь, представленія Соймонова лежатъ у васъ?»

Мечн.: «Никакъ! Увѣряю васъ, что давно въ Комитетѣ Министровъ, и я надѣюсь, что скоро выйдутъ. Я васъ тотчасъ увѣдомлю».

Я.: «За это благодарю. Еще у меня просьба до васъ. Когда возвратится мой другъ изъ Калуги и осмотрится на новомъ мѣстѣ, то вы призовите его сюда, дабы могъ онъ съ вами познакомиться и представить вамъ, если найдетъ что нужнымъ по службѣ».

Мечн.: «Я самъ очень желаю лично узнать его и съ охотою соглашаюсь на ваше желаніе. Да и министру его представимъ».

Я.: «Кто назначенъ совѣтниками?»

Мечн:: «Люди, коими онъ вѣрно будетъ доволенъ. Да вообще увидите, что онъ нами будетъ доволенъ, а мы имъ.

С.-Петербургъ, 20 Декабря 1821.

Повидайся-ка съ Малиновскимъ, скажи ему, что его трудами здѣсь восхищаются, что находятъ сочиненіе прекраснымъ и полезнымъ

и во всемъ совершеннымъ. Въ семъ году еще, надѣюсь, представлено будетъ Государю, и полагаю, что желаніе его относительно чиновниковъ исполнится. Писать мнѣ къ нему о семъ неловко, а при свиданіи ты можешь сказать, что я тебя увѣдомилъ, радуясь успѣхами его и Архива.

Конвенцію Государь приказалъ передать гр. Нессельроду для изготовленія ратификаціи, которыя всегда пишутся въ коллегіи; тамъ и государственная печать. У этого я вчера обѣдалъ, онъ обѣщалъ скоро все устроить. Двумъ моимъ вдовамъ Государь пожаловалъ пенсіи; старика Вейрауха, бывшаго нѣкогда почтмейстеромъ въ Ригѣ, дозволилъ опредѣлить въ цензоры, съ сохраненіемъ пенсіи 600 талеровъ. На цензоровъ по штату положено 1500 р., ихъ положено двое; теперь Государь согласился, чтобы П.-Бургскій Почтамтъ имѣлъ ихъ пять человѣкъ, и жалованья имъ всѣмъ 5000 р., которые раздѣлятся по трудамъ каждаго. Ну, сударь, еще скажу тебѣ вѣсточку, но это *еще секретъ*, ибо указы не подписаны. Моему помощнику Гану Государь пожаловалъ аренду и по просьбѣ моей согласился дать мнѣ второго помощника Кривошапкина, съ жалованіемъ по 1500 р. и столько же столовыхъ. Это необходимо было, ибо одному никакъ нельзя было управиться: надобно за отдѣленіями смотрѣть ближе, за школою, когда она заведется, да и въ Почтамтѣ столько дѣла, что будетъ двоимъ заботъ довольно. Ганъ мой отъ всего этого въ восхищеніи, получитъ аренду, получитъ 3-го Владиміра, и еще облегчается его служба.

*

С.-Петербургъ, 23 Декабря 1821.

У Каподистріи умерла сестра его любимая, бывшая монахинею въ Корфѣ. Онъ очень огорченъ; я его не видалъ: знаю, что онъ не любитъ, чтобъ съ нимъ охали. Пойду къ нему завтра.

*

С.-Петербургъ, 24 Декабря 1821.

У васъ землетрясеніе? Хорошо, что всѣ спали; но это не Неаполь, не Мексика и не Лисабонъ, не опасны. Хуже всего, что у васъ, какъ и у насъ, нѣтъ ничему подвоза, вся провизія бросается дорогою, все дорого, и больныхъ много. Вотъ тебѣ на: у васъ гроза и молнія! Жида надобно бросить въ воду съ его корсетами, вѣрно скажутъ вамъ старушки. Тамбовская болѣзнь хуже грозы. Крюковъ можетъ отличиться. Не шутя, теперь такое необыкновенное время: со всѣхъ сторонъ только и слышны болѣзни, слезы, землетрясенія и пр. Всему причиною погода. Дастъ Богъ, съ нею и прекратится.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1840-й годъ*).

Январь. 1. Раннюю обѣдню отслушалъ въ своемъ приходѣ, на дому служили молебенъ Хр. Спасителю съ водосвятіемъ. Съ визитами я былъ у Н. Н. Муравьева, П. Ѳ. Степанова, Д. П. Голохвастова, Д. А. Счаснева, А. Д. Черткова, у Драчев. священника именинника, и И. М. Иракліонова. Въ Успенскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ, у Ризъ Положенія и въ Чудовѣ м. я помолился о благословеніи наступающаго года. У меня были утромъ А. А. Озерецковскій, профессоръ Даниловичъ, К. Т. Спасскій и пр. Послѣ обѣда я былъ у Бронникова и А. Я. Ястребцова на вечеринкѣ.

2. Во снѣ я видѣлъ все небо полное херувимами серебряными, изъ которыхъ шесть или семь я поймалъ и, завернувъ въ бумажку, положилъ себѣ за пазуху. Получилъ письмо отъ Африкана Петр. о введеніи меня во владѣніе Обтухою или Рождественымъ.

3. Въ письмѣ своемъ къ Погодину я сообщилъ отчетъ о своихъ занятіяхъ по описанію Моск. др. Въ Госуд. Архивѣ посидѣлъ часа два за дѣломъ, заѣхалъ къ И. К. Андреевскому, къ княжнѣ М. А. Черкасской и къ С. П. Жихареву, который переѣхалъ съ Прѣсненск. прудовъ на Смол. рынокъ въ домъ Сафонова.

8. Навѣстивъ больного Ираклiонова, я проѣхалъ въ Донской м. на 40 дн. поминовеніе протопресвитера Я. Д. Оттуда съ о. архим. Аполлосомъ, служившимъ тамъ панихиду, проѣхалъ въ домъ покойнаго, гдѣ обѣдали.

9. Рано утромъ пріѣхалъ ко мнѣ о. Аполлинарій съ письмомъ о. а. А. и съ извѣстіемъ, что Орловскій епископъ Никодимъ умеръ 30 Д. прошлаго года.

12. Поутру я былъ у А. С. Ширяева въ лавкѣ, въ церкви св. Георгія на Кр. Горкѣ у праздника и въ засѣданіи Ценз. Комитета.

---

*) За предшествовавшіе годы „Дневникъ“ помѣщенъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1902 года.

Вечеромъ заѣзжалъ о. арх. Аполлосъ. Благословясь я началъ, по просьбѣ Семѐна, описаніе Троицкой Лавры и оканчивалъ введеніе въ Исторію Москов. древностей.

13. Утро я началъ своими дѣлами. Съ Мишею обѣдалъ у А. Д. Черткова, который совѣтовалъ мнѣ написать проспектъ и послать къ кн. Д. В. Г. въ С.-Пб. Андросовъ сказывалъ, что въ Парижѣ издаются les Monuments du Christianisme, гдѣ описанъ въ подробности Софійскій храмъ, образецъ нашихъ храмовъ.

14. На вечернемъ балѣ я былъ и ужиналъ у В. А. Звѣрева, который помолвилъ дочь свою за Толченова; тамъ видѣлся съ П. Воскресенскимъ и слушалъ съ удовольствіемъ пѣніе Флорова, акт.

16. Утромъ занимался ценз. дѣлами. Были у меня Тромонинъ съ своими дѣлами, А. И. Лобковъ съ сыномъ Николаемъ и Григорій Егоровичъ. Потомъ я навѣстилъ больного друга своего И. М. Иракліонова и совѣтовалъ женѣ его пріобщить Св. Таинъ предъ операціей, какую хотѣли ему сдѣлать доктора. Побывавъ въ Ценз. Комитетѣ на дежурствѣ, съ Пассекомъ я заѣхалъ къ Вельтману и потомъ занесъ къ А. Д. Черткову рукоп. его *о посольствѣ 1660 г. Русскихъ во Флоренцію.*

25. У меня обѣдала теща, которая подарила мнѣ послѣ тестя новую медв. шубу, не взирая на мои отговорки.

27. Занимался сочиненіемъ проспекта объ изданіи Моск. древн., который казалъ А. Д. Черткову, одобрившему оный. До обѣда у него я былъ у И. М. Иракліонова, котораго нашелъ лучшимъ при Перевощиковѣ и И. Яковлевѣ.

28. Заутреню я слушалъ въ Драчахъ, а ран. обѣдню у Спаса на Пескахъ, гдѣ заказалъ старостѣ Хлапов. написать образъ св. Димитрія Мирот. и св. великом. Параскевы для церкви св. Николая въ Драчахъ, гдѣ были придѣлы во имя сихъ святыхъ.

31. Я былъ по дѣлу гр. Санти у П. Іовскаго, въ Госуд. Архивѣ, въ Казенной Палатѣ, у И. Кир. Андреевскаго и въ Уѣздномъ Судѣ. Семе́ну отдалъ двѣ тетради о Троицкой лаврѣ для переписки и проспектъ о Моск. древн.

Февраль. 1. Ходилъ пѣшкомъ помолиться къ св. Трифону въ Напрудную, гдѣ отстоялъ водоосвященіе; отправился въ канцелярію попечителя справиться о разсылкѣ моихъ книгъ по гимназіямъ Моск. округа. Ввечеру я писалъ объясненіе поговорки: *стихъ нашелъ.*

2. Ѣздилъ къ Д. П. Голохвастову, которому отдалъ для прочтенія Дашкова книжку *Способъ отвѣчать на критики*, навѣстилъ В. П. Флерова, потерявшаго своего первенца.

5 Поутру я былъ у Ширяева въ лавкѣ, гдѣ встрѣтился съ П. Ивановымъ и Хавскимъ; зашелъ помолиться къ празднику Божіей Матери; Избавленія отъ бѣдъ страждущихъ потомъ занимался въ Архивѣ Госуд.

6. Вечеромъ былъ у меня учит. Моск. Гимназіи. Сем. Ив. Протопоповъ, котораго я рекомендовалъ, по указанію инспектора, своей тещѣ.

7. Поутру былъ монахъ изъ Новоспас. монастыря съ письмомъ отъ о. архимандрита и А. Ѳ. Алмазовъ касательно назначенія для поминовенія друга моего Я. Е. Арс. Я занимался выписками изъ дѣлъ придворнаго архива въ Запасномъ дворцѣ.

8. Поутру ѣздилъ съ свойкомъ А. А. Петр. въ Московскую гимназію для отдачи учителю С. И. Протопопову въ пансіонеры; заплатилъ инспектору П. М. П. 114 к. за три четв. крупы; побесѣдовалъ съ директоромъ М. А. Окуловымъ, у котораго видѣлъ пройдоху крещенаго Жида Стефана, проживавшаго лѣтъ 15 въ разныхъ монастыряхъ и носившаго вериги.

10. Съ тещею и сыномъ я ѣздилъ на полугодичное поминовеніе по Яковѣ Евгр. Арсеньевѣ въ Новоспасскій м., гдѣ служилъ обѣдню и панихиду о. архимандритъ, у котораго мы обѣдали.

12. Съ Тромонинымъ я ѣздилъ въ Успен. соборъ снять Грузин. надпись съ серебр. кувшина, помолился Иверской Богоматери и св. Алексію митр., нынѣ празднуемымъ, и поработалъ въ Госуд. Архивѣ.

14. Въ Госуд. Архивѣ окончилъ разсмотрѣніе дѣлъ патріаршаго приказа. Ввечеру былъ у меня содержатель типографіи Евреиновъ, бывшій мой слушатель.

15. Въ унив. библіотеку возвратилъ книгу, а А. Д. Черткову подписанную мною его рукопись о посольствѣ Русскомъ въ Италію. Послѣ засѣданія Цензурнаго Комитета я заѣхалъ было навѣстить своего духовника протоіерея Николая Алекс., но засталъ его уже умерша суща: онъ кончилъ благочестиво жизнь свою этого дня утромъ рано. Отобѣдавъ у Вельтмана, я заѣхалъ къ И. П. Даниловичу, которому возвратилъ его книги; потомъ къ имениннику П. С. Снѣгиреву на вечеръ, гдѣ нашелъ жену свою.

16. Былъ въ Страстномъ м. у п К. Полевого, къ которому при мнѣ пріѣхалъ изъ С.-Пб. братъ его Николай II.

20. Былъ у меня о. архимандритъ Аполлосъ. Съ М. Ѳ. Пр. я посидѣлъ вечеромъ и пилъ чай у Л. М. Цинскаго - именинника.

21. Съ Ю. С. Г. я послалъ къ Вилламову записку о дѣлѣ по духовной Нарбекова; былъ у Н. Н. Муравьева, потомъ у И. К. Андреевскаго, у котораго и обѣдалъ, и встрѣтился съ набожнымъ поч-

тальон. Гавриломъ Васильевымъ, который подарилъ мнѣ книжечку Тихона Ворон.

22. Поутру я былъ въ городѣ на пожарѣ въ рядахъ и на блинахъ у П. М. Попова, у котораго видѣлся съ М. А. Окуловымъ и познакомился съ Громаномъ, который разсказывалъ о шарлатанствѣ Гегеля и непонятности его философіи.

23. Въ полночь случился въ номерахъ Петрова пожаръ, на который я ходилъ; узналъ о кончинѣ профессора Ловецкаго.

24 По благословенію Божію, пріѣхали изъ моего сельца Обтушки крестьяне мои на 10 возахъ съ мукою на 7 и съ овсомъ на 3. Одинъ возъ муки я послалъ къ А. Ѳ. Алм., 5 продалъ, 1 оставилъ себѣ, 2 воза овса продалъ по 13 р., одинъ себѣ ссыпалъ. Я былъ въ ц. Успенія въ Гончарахъ на отпѣваніи профессора Ловецкаго, котораго проводилъ до Покров. монаст.; навѣстилъ В. А. Павлову и обѣдалъ у кн. М. А. Оболенскаго, у котораго были Н. и К. Полевые и професс. Даниловичъ.

27. Поутру я былъ въ лавкѣ Ширяева, въ Цензурномъ Комитетѣ и въ Госуд. Архивѣ, внесъ подушныя деньги 31 р. въ Казенную Палату. Отъ о. а. А. присланы 3 четв. картофеля, 3 кулька свеклы, кулекъ моркови, кадка капусты бѣлой, рѣдьки мѣшокъ.

28. Поутру я занимался до 12 часу въ архивѣ придворномъ, потомъ слушалъ обѣдню въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ встрѣтился съ княземъ М. А. Оболенскимъ, его женою и сестрою и Н. С. Лебедевымъ; пилъ чай и завтракалъ съ ними у о. архимандрита, у котораго и обѣдалъ, потомъ слушалъ вечерню. Домой пріѣхалъ въ возкѣ о. Аполлоса.

Мартъ. 1. Помолясь Богу, я началъ утро цензурными дѣлами; ылъ за справкою въ канцеляріи попечителя и въ Цензурномъ Комитетѣ; заѣзжалъ къ прот. церкви Успенія на Тверской Терентію Конст., который крестилъ меня, просить его принять насъ себѣ на духъ.

3. Былъ въ Чудовѣ м., гдѣ съ магистромъ и священникомъ Зерчаниновымъ поговорилъ о Моск. древн.; онъ разсказывалъ о достопримѣчательностяхъ церкви Никола Большой Крестъ, постр. гостемъ Филатьевымъ, о колоколахъ ея Голл. съ Латин. надписями.

4. Поутру я былъ въ Госуд. Архивѣ, гдѣ видѣлся съ Хавскимъ Умеръ П. П. Ейнбротъ профессоръ М. у.

5. За справками былъ въ Унив. библіотекѣ и на дежурствѣ въ Цензурномъ Комитетѣ, а ввечеру въ засѣданіи Ист. Общества, гдѣ разсуждали съ А. Д. Ч. объ изданіи первыхъ 2 тетрадей Моск. древн.

7. Поутру были у меня М. Ѳ. Прудниковъ и торговецъ старыми книгами Тихонъ Ѳедор. отъ Погодина. Поработавъ въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, я былъ на отпѣваніи проф. Ейнброта въ Лютер. церкви на Покровкѣ. Я написалъ письмо къ Ѳ. А. Голубинскому при посылкѣ тетрадей о Троицкой лаврѣ.

10. Раннюю обѣдню я слушалъ у Спаса на Пескахъ. Я былъ въ духовн. концертѣ въ пользу бѣдныхъ, гдѣ видѣлъ многихъ знакомыхъ. Слушателей было до 2 т. Пѣли духовные концерты.

11. Побывавъ на дежурствѣ въ Цензурномъ Комитетѣ, я слушалъ обѣдню въ Новосп. монастырѣ и обѣдалъ у о. архимандрита Аполлоса, праздновавшаго свое рожденіе. У него были: Головины, М. А. Окуловъ съ П. М. Поповымъ, П. Н. Титовъ, Г. И. Спасскій, П. В. Побѣдоносцевъ, Д. А. Счасневъ, М. М. Евреиновъ, протоіереи Василій Ив. и Сергій Ив.

13. О. а. А. прислалъ двѣ рыбы въ солъ. Поработавъ въ придворн. архивѣ, я съ А. И. Лобковымъ ѣздилъ въ Новоспасскій м. къ обѣднѣ.

14. Пріѣхалъ изъ деревни моей староста Ѳедоръ съ тремя мужиками по дѣламъ своимъ; на другой день съ письмомъ я отправилъ ихъ.

15. Я былъ въ засѣданіи Ценз. Комитета, гдѣ не присутствовали два члена, Крыловъ и Флеровъ, и секретарь за болѣзнію. Вечеромъ привезъ кн. В. Н. Д. гостинцы изъ С. П. женѣ моей, мнѣ и дѣтямъ.

17. До обѣдни съ Мишею заѣхалъ къ П. М. Строеву, потомъ къ обѣднѣ поспѣлъ въ Новосп. монастырь, гдѣ обѣдалъ у архимандрита-именинника съ Высокопетр. архимандритомъ Гавріиломъ, а вечеромъ, къ чаю, пріѣхалъ къ намъ князь М. А. Оболенскій.

20. Въ самую обѣдню въ 12 часу Богъ далъ мнѣ сына Андрея, порученнаго Его милосердію. Первый крикъ его я встрѣтилъ словами: Благословенъ грядый во имя Господне! Дана молитва.

24. Раннюю обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ, а заутреню въ Драчахъ, гдѣ служилъ молебенъ написанному мною образу св. Димитрія Селунск. и св. Параскевы. Въ 1 часу пополудни совершено крещеніе сына моего Андрея въ приходской церкви протоіереемъ Терентіемъ Конст., который и меня крестилъ. Воспреемниками были князь М. А. Оболенскій и сестра Н. А. Щепотьева съ тещею. Послѣ крестинъ они обѣдали у меня вмѣстѣ съ кн. В. Н. Друцкимъ и И. М. Ираклiоновымъ. У всенощной я былъ на Троицкомъ подворьѣ.

25. Раннюю обѣдню я слушалъ у св. Николая въ Драчахъ, гдѣ пріобщали Св. Таинъ новорожденнаго Андрея и Анету. У поздней я былъ въ Кремлѣ у Благовѣщенія на Житномъ дворѣ, гдѣ получилъ св. просфору.

26. Поутру я былъ въ Цензурномъ Комитетѣ на дежурствѣ и въ Никит. м., гдѣ по случаю сорокоуста духовнику моему протоіерсю Николаю, служилъ обѣдню и панихиду архимандритъ Аполлосъ, который послѣ обѣда ко мнѣ и заѣхалъ чай пить. Г. Гофману я отдалъ 12 цѣлк. за выписываемыя мною книги. Вечеромъ я былъ въ засѣданіи Общества Исторіи и Др. Росс., гдѣ видѣлся съ гражд. Моск. губ. Олсуфьевымъ и А. Тургеневымъ.

29. Я былъ въ лавкѣ у А. С. Ширяева, въ Цензурномъ Комитетѣ и у г. Даниловича, съ которымъ читалъ I тетр. Моск. древн.; потомъ у А. И. Лобкова, у котораго смотрѣлъ старинные образа и книги, экзаменовалъ его сына.

30. Былъ у праздниковъ, у св. Іоанна Списат. Лѣств. на Ивановской колок. и у Похвалы Пресв. Богор. въ главѣ Усп. собора; изъ обѣихъ церквей получилъ по просфорѣ.

Апрѣль. 2. Послѣ дежурства въ Ценз. Комитетѣ я обѣдалъ у именинника Т. А. Каменецкаго, а потомъ зашелъ къ Г. И. Спасскому со счетомъ напечатанія его книги.

3. Я смотрѣлъ въ Иностран. Коллегіи опись монаст. дѣламъ. Вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ изъ Спб. Д. Н. Б.-Каменскій.

7. Раннюю обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ, а позднюю въ Новоспасскомъ м., гдѣ былъ крестный ходъ вокругъ монастыря. О. архимандритъ Аполлосъ довезъ меня до Кам. моста. Съ А. П. Полуденскимъ я былъ на базарѣ въ благ. собраніи и обѣдалъ у отца его.

9. Я былъ въ Цензурномъ Комитетѣ на дежурствѣ, тамъ слышалъ о внезапной смерти профессора Павлова въ банѣ 8-го числа. Въ Иностр. Коллегіи пересматривалъ дворцовыя записки.

11. Богъ сподобилъ меня пріобщиться Св. Таинъ въ своемъ приходѣ. Послѣ того я ѣздилъ на новыхъ лошадяхъ въ Успенскій соборъ, гдѣ было освященіе мνра въ алтарѣ и гдѣ видѣлся съ А. Тургеневымъ и кн. Гагаринымъ.

12. Часы я слушалъ въ Александринскомъ Институтѣ и у св. Антипія; заѣхалъ поздравить съ ангеломъ В. П. Флерова и В. А. Щепотьева. Отслушавъ вечерню у св. Адріана и Наталіи, я былъ въ Римско-катол. церкви, гдѣ сказывалъ проповѣдь аб. Отранъ, и встрѣтился и поговорилъ съ Д. П. Голохвастовымъ.

13. Къ заутрени ходилъ пѣшкомъ въ Успенскій соборъ, гдѣ видѣлъ торжественное и великолѣпное служеніе въ первый разъ; раннюю обѣдню стоялъ у XII апостоловъ. Разговѣвшись дома куличемъ и пасхою, я отправился съ визитами, былъ у Д. П. Голохвастова, кн. Д. В. Голицына, у преосв. викарія, кн. С. М. Голицына, у про-

топресвитера В. И., у М. А. Окулова, П. С. Полуденскаго, кн. М. А. Оболенскаго, В. Н. Шеншина, Д. Н. Дубенскаго, А. А. Озерецковскаго и пр.

23. День моего рожденія. Заутреню я слушалъ у Адріана и Наталіи, раннюю обѣдню у св. Панкратія. Напившись чаю съ своей семьею, я поѣхалъ къ обѣднѣ въ церковь св. Георгія въ Ендовѣ, гдѣ отецъ мой извѣстилъ о моемъ рожденіи бабушку мою А. И., слушавшую заутреню въ этотъ день. Тамъ я отслужилъ молебенъ св. великому Георгію и получилъ отъ попа просфору.

Май. 6. Память кончины матушки моей. Обѣдню и панихиду на Лазар. кладбищѣ служилъ о. архимандритъ Аполлосъ съ двумя священниками. День былъ прекрасный. Потомъ онъ обѣдалъ у насъ вмѣстѣ съ іеродіакономъ, Драчев. священникомъ В. А., Каменецкимъ, Ираклiоновымъ, кн. Друцкимъ, Строевымъ, Н. С. Лебедевымъ, Щепотьевымъ и пр.

18. Послѣ вечерень пріѣхалъ въ Москву м. Филаретъ.

19. Съ Мишею я обѣдалъ у А. Д. Черткова, гдѣ были Н. Павловъ, Андросовъ, П. Ивановъ. Послѣ обѣда я читалъ свое разсужденіе о *началѣ книгопечатанія въ Москвѣ*.

20. Я былъ у м. Филарета, который спрашивалъ меня о занятіяхъ моихъ, о Мишѣ, извинялся, что не отвѣчалъ на письмо мое за недосугами.

22. Съ Тих. Ѳед. Добряковымъ я ѣздилъ въ Преображенское къ Ивану Васил., у котораго видѣлъ икону Владимирскія, Строгановскаго письма, и другія древнія иконы; я съ нимъ поговорилъ насчетъ иконописи. Вечеромъ посидѣлъ у меня Н. Д. Иванчинъ-Писар.; я возвратилъ ему прочтенную мною рукопись его *День въ Троицкой лаврѣ*.

25. Съ Мишею и Тромонинымъ я отправился въ Тр. лавру, заѣхалъ въ Хотьковъ м., гдѣ служилъ панихиду по схимницѣ и далъ м. Маріи 5 р. на поминовеніе. Ко всенощной пріѣхали мы въ Троицкую лавру, гдѣ слушали ее и потомъ зашли къ о. Анастасію.

26. Послѣ ранней обѣдни и молебна преп. Сергію, я зашелъ къ протоіерею Ѳеодору Александр., съ которымъ прочелъ статью свою о *заведеніи первой типографіи*, весьма имъ одобренную. Потомъ онъ сообщилъ мнѣ свои замѣчанія на *описаніе мое Троицкой лавры*. Съ нимъ и Тром. я осматривалъ достопамятности ризницы и библіотеки акад. и нѣкоторыя записалъ. Онъ обѣдалъ у меня и съ о. Анастасіемъ пилъ чай. Потомъ обозрѣвали, кромѣ библіотеки, царскіе чертоги, гдѣ замѣтили лѣпные барельефы на потолкахъ съ надписями, тронную, подлѣ нея залу, родъ кабинета, и почивальню; тамъ есть надпись вверху надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла кроват импер.: «тѣло

мое спитъ, а сердце бдитъ». Простились въ св. воротахъ съ Ѳедоромъ Алекс. и ночевали въ лаврѣ.

27. Помолясь и приложась къ св. мощамъ пр. Сергія, мы отправились въ путь. Время было прекрасное. Дорогою замѣчали достопамятныя мѣста.

30. Обѣдню я слушалъ у св. Іоанна Воина, на убогихъ домахъ, гдѣ служилъ панихиду объ убогихъ, тамъ погребенныхъ, и молебенъ св. Іоанну Воину; отдалъ священнику 10 р. на слѣдующій годъ. Напившись чаю дома, я послалъ письмо г-ну Фуссу въ Спб. о доставленіи мнѣ въ Москву преміи и при запискѣ къ А. И. Лобкову просфору и 20 экз. моей статьи о прологѣ его. По дѣламъ Ценз. Комитета я былъ у Д. П. Голохвастова, потомъ въ Донскомъ м. на полугодичномъ поминовеніи о. протопресвитера Якова Дмитр.; по убѣжденію о. архим. Ѳ. обѣдалъ у него; поговорилъ съ Ризполож. попомъ о церкви св. Николы Гостунскаго, которая, по его словамъ, была сперва обыденная.

Іюнь. 5. Послалъ я письма къ графу Протасову и ак. Френу въ Спб.

8. Написавъ и отославъ письмо къ М. Я. Діеву, я зашелъ къ А. Д. Черткову, потомъ къ А. М. Метлову. Отъ А. И. Л. получилъ куль крупичатой муки, изъ коей полп. дано на просфоры въ Тр. церковь. Всенощную я слушалъ на Троицк. подворьѣ, гдѣ былъ у А. П. Свят. и у больного эконома.

9. Отслушавъ раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ, я съ К. Т. Спасскимъ ѣздилъ къ обѣднѣ и къ о. Аполлосу въ Новосп. мон., посѣтили о. Филарета, который совѣтовалъ хранить свое спокойствіе для соблюденія здоровья, а К. Т. С. пить двѣ недѣли сыворотку и держать діэту, не ѣсть копченаго и соленаго.

11. Утромъ занимался ценз. дѣлами, продолженіемъ описанія Успен. собора и окончаніемъ путев. записки въ Тр. лавру; былъ въ Цензурномъ Комитетѣ на дежурствѣ, гдѣ узналъ о пріѣздѣ министра нар. пр. Уварова. Поработавъ въ Государственномъ Архивѣ, проѣхалъ въ городъ, гдѣ встрѣтился съ графинею, Санти, которая обѣщала мнѣ прислать бумаги, служащія къ моему очищенію, и дала мнѣ руку въ залогъ.

12. Послѣ обѣда былъ съ Мишею у м. Филарета, который въ это время не принималъ. Тетради 4 о древн. Моск. я отдалъ А. П. Свят. для представленія на разсмотрѣніе митрополиту.

14. Поутру я былъ у министра народн. просвѣщенія Уварова, который принялъ меня ласково, спрашивалъ, чѣмъ я занимаюсь. Я

благодарилъ его за покровительство трудамъ моимъ; онъ просилъ меня отыскать писцовъ, для обученія списыванію старыхъ бумагъ. По его порученію я позвалъ къ нему пришедшаго П. М. Строева; я сказалъ о пособіи мнѣ при разборѣ бумагъ Госуд. Архива. Онъ спрашивалъ меня объ описаніи мною Моск. древностей; отъ него проѣхалъ я въ Цензурный Комитетъ. Послѣ обѣда былъ у меня секретарь министра, бывшій мой ученикъ Платонъ Ивановичъ Долголевскій, которому я казалъ замѣчательныя бумаги изъ своего портфеля и съ которымъ поговорилъ о своихъ дѣлахъ. Въ это время пріѣхалъ о. архимандритъ Аполлосъ, съ которымъ мы пили чай. Ночью былъ громъ и дождь.

15. Отнесши священнику св. Іоанна Воина 25 р. на еженедѣльныя панихиды въ круглый годъ по батюшкѣ и матушкѣ, фунтъ свѣчь, бутылку вина красн. и полпуда крупич. муки просвирнѣ, я былъ у Тромонина; слушалъ обѣдню въ Усп. соборѣ и поговорилъ о своихъ дѣлахъ съ г. Солнцовымъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Спб., видѣлъ его рисунки достопамятностей Усп. и Арх. соборовъ, прекрасно сдѣланные. У всеноцной я былъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ видѣлся съ А. Н. Муравьевымъ.

16. Я былъ съ Мишею у обѣдни на Лазар. кладбищѣ, гдѣ служили панихиду по батюшкѣ и гдѣ заказалъ я камень на могилу матушки за 70 р., а 10 р. далъ въ задатокъ мастеру.

20. Къ Семе́ну я отвезъ остальной оригиналъ описанія Троицкой лавры, заѣхалъ поговорить съ Вельтманомъ, поработалъ въ Госуд. Архивѣ. Пообѣдавъ дома, я занимался описаніемъ Виѳаніи, былъ у А. И. Святосл. на счетъ своихъ тетрадей.

22. Утромъ были у меня Тромонинъ по своимъ и по моимъ дѣламъ, потомъ Солнцовъ, который подарилъ мнѣ Оленина литограф. рисунки Русскихъ древностей. Я отвезъ на почту Рѣчи унив. при письмѣ къ Кеппену.

23. Я ходилъ пѣшкомъ въ Срѣтенскій монастырь и въ городъ, гдѣ встрѣтился и поговорилъ о Московской старинѣ съ П. В. Шереметевымъ.

24. Съ Солнцовымъ въ Оружейной Палатѣ, гдѣ осматривали съ нимъ шлемы и четыре связки въ передней залѣ бердышей, изъ Троицкой лавры. Выкупавшись въ Москвѣ-рѣкѣ, я заѣзжалъ поздравить И. И. Давыдова съ именинами.

25. Былъ у меня Ѳ. Г. Солнцовъ, съ которымъ я пошелъ къ А. С. Ширяеву, и казали ему собраніе видовъ и плановъ Москвы, назначаемыя къ описанію Москвы, поговорили объ изданіи.

28. Я написалъ въ отвѣтъ письмо г. Хераскову въ Раненбургъ и при немъ рукопись отправилъ черезъ Цензурный Комитетъ.

29. Изъ Обтушки пришли два мои мужика съ просьбою о помощи въ хлѣбѣ; давъ имъ на дорогу 5 р. 25 к. и хлѣба, я отпустилъ ихъ. Потомъ пріѣзжалъ съ А. Ѳ. А. Африканъ Петр., съ которымъ я поговорилъ насчетъ дѣлъ деревни и обѣщалъ ему на 30 четв. овса дать денегъ; отъ него получилъ копію съ духов. завѣщанія и актъ о введеніи меня во владѣніе Обтушкою.

Іюль. 1. Поутру былъ отъ Погодина ст. Билярскій, который принесъ мнѣ отъ него роспись Ходаковскаго Московскимъ урочищамъ на листѣ, а у меня выпросилъ I т. Француз. Крейцера и Фосса. Ходилъ пѣшкомъ къ А. Ширяеву и К. Полевому, который обѣщалъ поговорить съ Смирдинымъ, касательно покупки для С. О. рукописи Ив.-Писарева о Троицкой лаврѣ. Наша Пелагея принесла изъ Троицк. лавры просфоръ за наше здравіе. Изъ Спб. Академіи Наукъ я получилъ билетъ для полученія Демид. преміи (MMCCCCLXXV).

2. Прочелъ и подписалъ я второй листъ описанія своего Тр. лавры. Помолясь въ церкви Трехъ Радостей Богоматери, я взялъ изъ Почтамта присланную премію, былъ въ Цензурн. Комитетѣ и въ Госуд. Архивѣ. Послѣ обѣда я отпустилъ Африкана Петр., давъ ему на прокормленіе крестьянъ 250 р. и ему 50 р., а женѣ его послалъ платокъ, въ церковь свѣчъ.

6. Съ мѣнял. Родіоновымъ я былъ у министра Уварова, который купилъ у него двѣ мѣд. дощечки съ Греко-Росс. надписью правилъ и нѣсколько Р. медалей сер. Съ Пл. Ив. Долголевскимъ я ходилъ показывать Кремль и патр. ризницу; на Никит. близъ мѣста родины моей, я простился съ ними дружески. Съ корр. 2 листа описанія Троицк. л. я зашелъ къ Семéну.

7. Отслушавъ раннюю обѣдню у Спаса на Пескахъ, я отправился къ А. Н. Муравьеву на Бутырки. Поговоривъ съ его отцемъ о разныхъ предметахъ, потомъ я побесѣдовалъ и съ сыномъ; по возвращеніи его изъ церкви, по просьбѣ его, читалъ ему первую тетр. описанія Москвы, которое онъ весьма хвалилъ. Была рѣчь объ архим. Аполлосѣ и его видахъ; онъ находилъ его на мѣстѣ весьма полезнымъ, а перемѣщеніе для него самого тягостнымъ.

8. Я ѣздилъ въ Госуд. Архивъ, у Сената встрѣтился и поговорилъ съ Пассекомъ и Андросовымъ, который сказалъ, что у Ржевской Богом. на монастырѣ (на Арбатѣ) найденъ гробъ, висящій на желѣзныхъ цѣпяхъ, прикованныхъ къ своду кам. Изъ Архива я про-

ѣхалъ въ Новоспасск. м., гдѣ обѣдалъ у о. архимандрита съ княземъ В. Н. Друцкимъ и Г. И. Спасскимъ.

10. Съ о. архим. Аполлосомъ и Ѳ. Г. Солнцовымъ я ѣздилъ на хуторъ къ А. Муравьеву показать рисунки древностей Моск. и прочесть о XVI вѣкѣ оныхъ и ст. о первомъ типографщикѣ Моск.; ту и другую онъ нашелъ важною и любопытною.

12. Я ѣздилъ къ обѣднѣ на Лазар. кладбище, гдѣ служилъ панихиду по батюшкѣ; оттуда въ Ценз. Комитетъ. Обѣдалъ я дома въ саду съ семьею своею, тещею, П. Снѣгиревымъ съ женою и сестрою. По приглашенію И. Я. Мальцова, я пошелъ къ нему и засталъ ихъ за обѣдомъ въ саду. Я имѣлъ объясненіе съ А. Н. Мур.

13. Пришедши домой отъ ранней обѣдни, я засталъ А. Н. Муравьева, съ которымъ пилъ чай и поговорилъ. Пѣшкомъ ходилъ къ С. П. Шевыреву, который казалъ мнѣ книги, купленныя имъ въ Италіи; я читалъ ему 1 тетр. Др. Моск., обѣдалъ у Геринга.

28. Съ И. И. Даниловичемъ занимался чтеніемъ 2-й тетради Моск. др., которую онъ одобрилъ и сообщилъ мнѣ нѣсколько замѣчаній касательно городской жизни, слободъ или свободъ, соотв. Польск. wola. По приглашенію митрополита Филарета, я былъ у него. Онъ самъ читалъ, съ замѣтками, при мнѣ 1 тетр. М. д. и 2 тетради описанія Моск. Успенскаго собора. Я благодарилъ его за вниманіе къ труду моему; онъ вызвался читать продолженіе. Я просидѣлъ съ нимъ около 4 часовъ.

29. Поутру были у насъ Измайл. священникъ съ зятемъ и о. архимандритъ Аполлосъ.

Августъ. 1. Обѣдню я слушалъ въ Усп. соборѣ и былъ въ крестн. ходу. Дождь продолжалъ идти.

3. Утромъ были у меня Т. И. Сириновъ, кн. Гагаринъ, протопопъ Басм. Василій Ивановичъ и Дубенскій. У всенощной я былъ на Тр. подворьѣ, потомъ у А. П. Св., которому отдалъ 2 тетр. Моск. др. для прочтенія митрополиту.

4. Я отправился съ Мишею въ Новоспасскій м., гдѣ я побесѣдовалъ съ о. Филаретомъ и о. архимандритомъ, оттуда проѣхалъ въ городъ, гдѣ купилъ чаю $^1/_8$ для себя, ананасъ, дыню и арбузъ для о. а. Аполлоса.

6. Съ женою и сыномъ я былъ у обѣдни въ Новоспасск. м., гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ. Предъ началомъ обѣдни, когда стали читать часы, митрополитъ, почувствовавъ дурноту, разоблачился и вышелъ вонъ изъ церкви въ архим. кельи; потомъ опять пришелъ и облачась отслужилъ обѣдню. Зашелъ къ о. архимандриту на чай и на

закуску. Я обѣдалъ у него съ Г. И. Спасскимъ и прочимъ духовенствомъ; слушалъ вечерню съ протоіереемъ Сергіемъ Иван. и архимандритомъ Митрофаномъ.

9. Мы были въ Новоспасскомъ монастырѣ съ А. Ѳ. Кондратьевой на годовщинѣ по Я. Е. Арсеньевѣ. Служилъ самъ о. архимандритъ Аполлосъ. Оттуда я съѣздилъ въ Ценз. Комитетъ и воротился къ обѣду, за которымъ я былъ съ женою и сыномъ, кн. В. Н. Друцкой, Ѳ. Г. Солнцовъ и А. Алмазовъ.

10. Всенощную я слушалъ на Тр. подворьѣ и поговорилъ съ А. П. Св.

11. Съ теткою А. Ѳ. К. и ея дочерью, мы слушали обѣдню на Тр. подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ, у котораго мы всѣ были и чай пили, разговаривали о неурожаѣ хлѣба. Принявъ благословеніе отъ митрополита, обласкавшаго моего Мишу, мы поѣхали обѣдать къ сестрицѣ Надеждѣ Андр. Щепотьевой.

12. Утромъ былъ у меня А. Ѳ. Алмазовъ, съ которымъ я поговорилъ о своихъ дѣлахъ, о поѣздкѣ въ деревню и о покупкѣ сосѣдней.

17. Въ Суботу я отправился съ Мишею и А. Ѳ. Алм. въ Мценскъ. Меня провожали о. архимандритъ Аполлосъ, теща, тетка Ел. Матв. и пр. Ночью мы пріѣхали въ Серпуховъ, гдѣ слушали раннюю обѣдню и, осмотрѣвъ городъ, переправились черезъ Оку.

19. На другой день ночью пріѣхали въ Тулу и на третій день въ Мценскъ. На пути затрудняли насъ горы очень высокія и крутыя въ 7 и 10 верстахъ отъ города.

20. Мы осматривали городъ, лежащій на рѣкахъ Зушѣ и пересохшей *Мецнѣ*, отъ коей и Мценскъ получилъ свое названіе. Видъ прекрасный, какого я рѣдко встрѣчалъ, особенно съ горы, гдѣ соборъ съ чудотворнымъ изваяніемъ Св. Николая и камен. крестомъ Св. Николая изъ дерева, лице Греческ., въ рукѣ держитъ мечъ и храмъ. Подъ соборною горою есть входъ въ тайникъ. Въ XV вѣкѣ Мценскъ просвѣщенъ крещеніемъ, въ память коего построена церковь Пятницы, бывшая близъ собора. На этой горѣ, гдѣ находилась крѣпость, былъ Петропавловскій монастырь, обращенный теперь въ приходскую церковь и перенесенный на другое мѣсто города. На колокольнѣ есть вѣчевой казенный колоколъ, литой при царѣ А. М.; онъ висѣлъ на сторожевой башнѣ, стоявшей на курганѣ. Въ соборѣ я познакомился съ練 рект. и архим. Израилемъ изъ мон. Добраго, Калуж. губ. Изъ Мценска въ 12 часу утра отправились мы въ Подчерное, гдѣ осмотрѣли садъ, Аглинскую рощу и усадьбу. Пообѣдавъ, поѣхали въ Обтушку, куда прибыли вечеромъ мимо полей. Крестьяне мои были рады мнѣ. Я съ Мишею и А. Ѳ. осматривалъ свою усадьбу, напился чаю изъ

Обтушинской ключевой воды. Въ селѣ Сергіевскомъ кн. Гагарина я видѣлъ чрезвычайное множество возовъ хлѣба, коимъ здѣсь торгуютъ. Литовцы до XVI в. владѣли Мценскомъ. На площади цѣлый большой (рядъ) кузницъ, коими славится городъ такъ, какъ хлѣбною торговлею.

21. Поутру я осмотрѣлъ скотный дворъ и свою скотину; въ церкви отслужилъ молебенъ храмовому образу Рождеству Богородицы и панихиду о душѣ Я. Е. Арсеньева и родителей своихъ; священнику далъ за то и другое 3 р. 50 к. да еще за поминовеніе годовое на проскомидіи 10 р., да на колоколъ 25 р. Онъ просилъ великопостныя ризы въ церковь. Съ А. Ѳ. глядѣлъ скирдникъ и ригу, гдѣ молотили снопы, тамъ больнымъ малюткамъ я далъ лѣкарства. Въ первый разъ я парился въ печи вѣникомъ, паръ легкій и пріятный.

22. Предъ посѣвомъ на полѣ служили молебенъ съ водосвятіемъ и окропили ржище св. водой. Миша мой началъ сѣяніе ржи. Послѣ обѣда пріѣзжали къ намъ земскіе изъ Подчернаго и Спасскаго, Егоръ Тимоѳеевъ и Дмитрій Алексѣевъ, съ которыми я поговорилъ о своихъ дѣлахъ. Вечеромъ мы гуляли по селу; приходили на господскій дворъ дѣвки и бабы послѣ работы пѣть пѣсни и величать меня.

22. Напившись чаю, я ходилъ гулять, немного занимался своими дѣлами; далъ лѣкарства больнымъ дѣткамъ, послалъ купить для мужиковъ своихъ вина 1 ведро съ ¼ на 11 р. Вечеромъ всѣ мужики и бабы сошлись ко мнѣ на дворъ, гдѣ ихъ потчевалъ староста. Онѣ до полуночи пѣли пѣсни *уличныя*, *свадебныя* и *скакальныя*, величали меня съ женою и дѣтьми.

25. Обѣдали въ Тулѣ, осмотрѣли Кремль и соборъ, купили пряниковъ.

26. Утромъ пріѣхали въ Серпуховъ, были въ Высоцкомъ мон., основанномъ въ XIV вѣкѣ, поклонились мощамъ св. Аѳанасія подъ спудомъ, замѣтили въ иконостасѣ собора рядъ Цареградскихъ образовъ, осмотрѣли первую церковь, передѣланную съ древнимъ подваломъ; на южной стѣнѣ ея извнѣ вставлены четыре кафеля, на коихъ двуглавые гербы XVI в. Городъ разбросанъ и разнообразенъ; на холмѣ остатки кирп. стѣны Кремля.

27. Въ 3-мъ часу утра до свѣта пріѣхали благополучно въ Москву. Простились съ А. Ѳ. Кондратьевой, которая отъ насъ отправилась въ Кинешму. Я ходилъ навѣстить В. П. Флерова, который переѣхалъ къ намъ въ ближайшее сосѣдство; потомъ къ И. М. Иракліонову, котораго я нашелъ тяжко больнымъ; потомъ у м. Филарета.

Сентябрь. 2. Взялъ въ Казенной Палатѣ третное жалованье (980 р.), занимался въ Госуд. Архивѣ изслѣдованіями матеріаловъ, нашелъ И. П.

Сахарова на Тульскомъ подворьѣ и поговорилъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ. Вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ изъ Нижняго П. И. Кеппенъ, съ которымъ побесѣдовалъ о своихъ занятіяхъ, показалъ ему нѣкоторыя свои рѣдкости литерат.

4. Поутру съ Ѳ. Г. Солнцовымъ я ѣздилъ на Рогожское кладбище, гдѣ осматривали древнія иконы Новогородскія, Московскія разныхъ вѣковъ. Видѣлъ и записалъ шитую икону Іерус. Богоматери съ ликами св. Іоанна Предт. и св. Димитрія Солунскаго и съ надписью, гдѣ значится, что она принесена царемъ И. Вас. и царицею Маріею Ѳеодор. въ Сергіевъ мон. въ память рожденія царевича Димитрія Іюня 30. Смотрѣли и замѣтили виды Троицкаго и Соловецкаго монастырей, изображенія на образѣ князей Владимира, Бориса и Глѣба. Руководителемъ нашимъ былъ Василій Якимовъ, человѣкъ смышленый и начитанный, который насъ угощалъ. Оттуда мы проѣхали къ о. архимандриту Аполлосу. Ночью была молнія, громъ и дождь съ градомъ.

5. Поутру приходилъ ко мнѣ студентъ Воиновичъ изъ Вильны, а митроп. келейникъ А. принесъ ризы свящ. съ стихаремъ для Обтуш. церкви. Съ Мишею я ѣздилъ къ Ѳ. Г. Солнцову, который снималъ съ него портретъ.

8. Обѣдню я слушалъ позднюю въ Благословенной единовѣрческой церкви, гдѣ служилъ и проповѣдывалъ м. Филаретъ; послѣ литургіи былъ крестный ходъ на кладбищѣ, близъ коего освящена закладка церкви по старымъ обрядамъ. Стеченіе народа было чрезвычайное. По приглашенію хозяина и А. И. Лобкова, я обѣдалъ у брата храмоздателя Бабкова, тамъ видѣлся съ Т. А. Каменецкимъ, Юніемъ, митрополитомъ и кн. Шаликовымъ.

9. Вечеромъ посидѣлъ у митрополита, съ которымъ было началъ читать продолженіе описаніе Успен. собора, но помѣшали гости. На прощ. митрополитъ сказалъ: «до слѣдующей конференціи».

10. Поутру я былъ у графа Строганова, который спрашивалъ объ успѣхѣ дѣла описанія Моск. др.; я сказалъ, что двѣ книжки почти готовы и что я продолжаю осмотръ архивовъ для отысканія матеріаловъ. Тутъ же кстати случился Ѳ. Г. Солнцовъ съ рисунками, кои разсматривалъ графъ. Г. С. показался мнѣ худымъ и ненадежнымъ къ жизни: что-то черное и мрачное выглядывало изъ глазъ, предвѣщая въ немъ органическое поврежденіе и начало тлѣнія. Побывавъ въ Цензурномъ Комитетѣ, я навѣстилъ тетушку Е. М. Отобѣдавъ у И. И. Давыдова, я заѣхалъ навѣстить больную В. А. Павлову, которую нашелъ очень плохую. Вечеръ посидѣлъ и поговорилъ съ о. архим. Аполлосомъ, который далъ своихъ лошадей доѣхать домой.

11. Вечеромъ дочиталъ 3 т. объ Успен. соборѣ съ преосв. Филаретомъ, который сообщилъ мнѣ свои замѣчанія, а я свои ему возраженія; потомъ благодарилъ за вниманіе къ трудамъ моимъ. Онъ изъявилъ готовность читать продолженіе.

13. У всенощной я былъ на Тр. подворьѣ и тамъ познакомился съ Маркеловымъ, служащимъ у кн. А. Н. Голицына.

15. Я ѣздилъ въ Новоспасскій м. на освященіе придѣла св. Николая о. архим. Аполлосомъ, которому поднесъ въ церкви новый крестъ св. Владимира 3 степ. Послѣ обѣдалъ у него съ архим. Ѳеофаномъ и Мельхиседекомъ, П. М. Строевымъ и пр. Послѣ обѣда я ходилъ къ вечернѣ съ о. Ѳеофаномъ. Пріѣхали ректоръ М. семинаріи съ префектомъ и пили чай.

17. Поутру я написалъ письма въ отвѣтъ къ Иванчину-Писареву и къ г-жѣ Фуксъ въ Казань, въ Ценз. Комитетѣ, къ г. Даниловичу, къ П. В̇. Киреевскому.

18. Съ П. И. Ивановымъ я отыскивалъ въ вотчинномъ департаментѣ матеріаловъ касательно Успен. собора; поговорилъ о своихъ дѣлахъ съ Ѳ. Г. Солнцовымъ, навѣстилъ А. П. Павлова и поклонился праху его жены, нашей пріятельницы. Вечеромъ ѣздилъ къ архимандриту Аполлосу сказать, по его просьбѣ, объ отъѣздѣ м. Филарета въ епархію.

20. Изъ вотчиннаго Архива, я взялъ на разсмотрѣніе книгу 7191 г. о поправленіи и передѣлкѣ сводовъ, крыши и пр. въ Успенскомъ соборѣ.

21. Ѣздилъ поздравить съ Ангеломъ Д. П. Голохвастова и кн. Д. В. Голицына, который былъ въ Рождественѣ. На вечерѣ былъ у графа С. Г. Строганова, которому, по желанію его, читалъ *описаніе Моск Усп. собора;* говорено о планѣ и времени изданія. Я казалъ приготовленные рисунки и гравюры.

22. Вечеромъ посидѣлъ и поговорилъ со мною проф. Гофманъ, съ которымъ мы разбирали Греч. надпись на ѳиміамникѣ; онъ взялъ у меня на разсмотрѣніе Маттеевъ каталогъ Греч. патр. рукописей.

25. Къ обѣду пришелъ ко мнѣ отъ Погодина странникъ Иванъ Ѳедоровъ, жившій въ пустыняхъ 17 лѣтъ, знакомецъ арх. Макарія миссіонера. Онъ, отобѣдавъ у насъ, разсказывалъ намъ о пустынной жизни и о пустынникахъ, о Мелхиседекѣ 140 л., о Серафимѣ въ Саров. п.

26. Поутру пріѣзжалъ о. архимандритъ Аполлосъ, потомъ С. П. Шевыревъ, съ которымъ я говорилъ о цензурѣ Истор. Общества и о Гегелевой философіи, которая отвергаетъ душу, допуская только тѣло и духъ; не признавая Христа, одобряетъ Его нравоученіе. И такъ, Германія въ другой разъ распинаетъ Христа.

29. По приглашенію старосты А. И. Озерскаго, я былъ съ Мишею на освященіи митр. Филаретомъ придѣла во имя св. Евдокіи у Спаса на Болвановкѣ, гдѣ м. говоримъ поученіе о хожденіи въ церковь. За обѣдомъ Мишу посадилъ м. Ф. подлѣ себя и говорилъ со мною о разныхъ предметахъ, между прочимъ объ иконописи. Съ Авериными и Солнцовымъ я ѣздилъ смотрѣть то мѣсто у Маслянаго двора, гдѣ должно быть Нѣмецкое кладбище старое.

Октябрь. 2. Утромъ были у меня докторъ Дрейеръ за своею Космосоматикою и о. архим. Аполлосъ съ приглашеніемъ на освященіе церкви Всемил. Спаса въ монастырѣ Новоспасскомъ.

6. Былъ у Спаса на Новомъ на освященіи придѣла въ больничной церкви во имя Всемил. Спаса. Освященіе совершалъ м. Филаретъ, проповѣдь говорилъ архимандритъ Аполлосъ. Не смотря на дурную погоду, народу было множество и въ церкви, и на монастырѣ. Митрополитъ обѣдалъ у о. арх. съ викаріемъ, Виталіемъ, архимандритами и протопопами.

9. Вечеромъ былъ у меня ректоръ семинаріи Іосифъ за справками о Заиконосп. м. Для о. архимандрита Аполлоса я написалъ и послалъ статью объ освященіи придѣла Спаса м. Филаретомъ.

Къ Погодину при письмѣ я послалъ 1 корр. листъ описанія Моск. древн.

Ноябрь. 2. Поутру я былъ у П. М. Строева и благословилъ новорожден. его дочь Екатерину зол. образкомъ, поговорилъ съ нимъ о своихъ изслѣдованіяхъ касательно описанія Москвы. Съ нимъ вмѣстѣ ѣздилъ обѣдать къ А. Д. Черткову, которому я отдалъ подпис. мною рукопись о *Святославовѣ походѣ*. Съ А. Д. отправились въ Общество Ист. и Д. Р., гдѣ я читалъ свое о сношеніяхъ Христіана III съ царемъ И. В. касательно заведенія въ Москвѣ типографіи. Погодинъ показывалъ мнѣ Линдево письмо изъ Варшавы, въ коемъ онъ съ похвалою отзывается о моихъ сочиненіяхъ, а Шевыревъ сказывалъ, что въ Blätter der litter. Unterhaltung есть извѣстіе о моихъ трудахъ.

16. Въ этотъ день, по милости Божіей, окончилось мнѣ XII лѣтъ служенія моего въ Цензурномъ Комитетѣ. Я ходилъ въ церковь св. Николая въ Драчахъ благодарить Господа, хранящаго и милующаго меня, и служилъ молебенъ св. апостолу Матвѣю.

17. А. И. Лобковъ прислалъ мнѣ куль крупичатой муки. Спасибо на хлѣбѣ доброму человѣку!

30. Въ морозъ до 29 градусовъ я ѣздилъ въ Донской монастырь на годичное поминовеніе протопресвитера Іакова Дмитріевича; слу-

жилъ обѣдню и панихиду архимандритъ Ѳеофанъ. Оттуда я проѣхалъ въ Даниловъ монастырь на встрѣчу тѣла бывшаго ученика моего родителя и воспитателя императора Николая I, генералъ-лейтенанта П. И. Арсеньева.

Декабрь. 1. Заутреню я слушалъ въ Драчахъ, обѣдню на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ викарій по случаю тезоименитства митрополита Филарета. Т. Ѳ. Большаковъ принесъ мнѣ требникъ и чинъ *дѣйствъ пещнаго дѣйствія* и *страшнаго суда*, бывшихъ въ Москвѣ.

3. Во снѣ я видѣлъ, будто молился въ Успенскомъ соборѣ Спасителю у царскихъ вратъ и когда хотѣлъ приложиться къ рукѣ Его, Онъ мнѣ протянулъ руку, которая какъ бы отдѣлилась отъ образа и, взявъ меня за руку, приподнялъ ее къ лику Богоматери, написанному на образѣ, какъ бы на воздухъ,—съ этимъ я проснулся.

25. Разговѣвшись дома, былъ съ визитами у А. С. Ширяева, графа Строганова, Д. П. Голохвастова, кн. С. М. Голицына, И. И. Давыдова, Н. И. Шеншина, П. С. Полуденскаго и пр.

26. Принималъ и развозилъ визиты.

27. Поздравилъ съ ангеломъ С. П. Шевырева

28. Съ Мишею я обѣдалъ у А. Д. Черткова.

30. Пріѣхали на 16 подводахъ мои мужички изъ Обтушки. Я купилъ 60 пудъ ржаной муки по 3 р. 85 к.

31 По совѣту доктора Пфеля, я припускалъ ad anum 12 піявокъ, потому что чувствовалъ боль въ глазахъ и появленіе muci cum sang.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА.

Странная пришла мнѣ мысль возобновить въ памяти мое прошедшее... Что̀ въ немъ замѣчательнаго? Заслуживаетъ ли оно извлеченія изъ забвенія? Что̀ принесъ я въ пользу человѣчества? Но я существовалъ—слѣдовательно былъ необходимъ; иначе я не долженъ былъ родиться. Я думалъ, наслаждался, страдалъ—стало быть жилъ. Развернемъ же эту книгу, которую называютъ жизнію; заглянемъ въ нее... Много въ ней страницъ ничтожныхъ по содержанію, пустыхъ, скучныхъ, вялыхъ, но тѣмъ не менѣе книга имѣетъ какую-нибудь цѣнность. Возобновить въ памяти всю протекшую жизнь дѣло нелегкое. Если ограничиться одними фактами, то, при бѣдности происшествій, біографія выйдетъ самымъ пошлымъ и краткимъ разсказомъ нѣкоторыхъ неважныхъ случаевъ; но кто умѣлъ подмѣтить свои думы, могъ разгадывать причины многихъ дѣйствій и изучить природу человѣка, тотъ составитъ что-нибудь болѣе полное и удовлетворительное... Для наблюдательнаго духа, часто одинъ день представляетъ матеріалъ для цѣлой книги. Душа человѣка неистощимый запасъ. Сколько ощущеній отъ первой минуты пробужденія до послѣдней несвязной мысли предъ усыпленіемъ! Сколько разнообразія въ дѣйствіяхъ и думахъ человѣка въ теченіе дня! Уловить, удержать въ памяти, развить все это—суждено не всякому. Кто мыслитъ, для того нѣтъ ничего мелочного и движеніе въ инфузоріяхъ также удивительно, какъ и въ солнцахъ.

Утѣшительно оставить нѣкоторые слѣды нашего существованія на землѣ... Къ чему?... Къ тому же, зачѣмъ оставляются фамильные портреты. Сынъ взглянетъ на черты отца, вспомнитъ свое младенчество, пріятныя минуты (если были), когда о немъ заботились съ тою нѣжностію, какую онъ, можетъ быть, болѣе не встрѣтитъ. Онъ призадумается о прошедшемъ, на минуту забудетъ суеты и безпокойства настоящаго. Въ этихъ глазахъ онъ видѣлъ нѣкогда участіе во время болѣзни или въ школьныхъ неудачахъ. Эти уста прикасались къ нему каждое утро, когда онъ приходилъ поздороваться; эти руки трепали его по щекѣ, когда имъ довольны... Невольно вырвется вздохъ; грусть на минуту стѣснитъ его грудь и, можетъ быть, выкатится сле-

за. Но не съ этою цѣлью я рѣшился писать мои воспоминанія. Я просто нахожу въ этомъ удовольствіе; это занимаетъ мои досуги... Когда теперь всѣ житейскіе вопросы уже рѣшены и когда у меня осталось одно скучное настоящее, а будущее такъ ограниченно, что не можетъ уже обѣщать ничего утѣшительнаго: прошедшее, при всей своей незначительности, получаетъ цѣну только *потому, что оно прожито*.

Отецъ мой не оставилъ послѣ себя записокъ, и весьма немногія свѣдѣнія о немъ дошли до меня. Въ немъ было много жизни, онъ любилъ жить весело, принимать, угощать, денегъ не берегъ; его считали весьма пріятнымъ человѣкомъ въ обществѣ. Я зналъ его болѣе какъ больного, утратившаго уже силы; подъ конецъ жизни онъ сдѣлался мрачнымъ, грустнымъ, даже суровымъ. Среди немногихъ бумагъ, оставшихся послѣ него, нашлась тетрадь стихотвореній, большей частью пѣсень, писанныхъ въ духѣ XVIII вѣка. Учился мой отецъ первоначально въ Кіевѣ, гдѣ родился, потомъ въ Московскомъ университетѣ. Публичное воспитаніе было тогда въ младенчествѣ; дворяне учили дѣтей дома кое-какъ, люди побогаче посылали ихъ за границу. Существовалъ одинъ Московскій университетъ, откуда выходили люди, весьма хорошо, по тогдашнему времени, приготовленные на службу; дворяне впрочемъ неохотно поступали въ гражданскую службу, что̀ считалось недостойнымъ ихъ сословія. Коллегіи, канцеляріи и суды наполнены были людьми большею частію изъ семинарій, какъ способными для письменной работы и умѣющими излагать бумаги; но вмѣстѣ съ знаніемъ они вносили съ собою грубость и жесткость характера. Это конечно, было послѣдствіемъ строгости, съ какою ихъ самихъ держали во время ихъ молодости: они отмщали на другихъ что̀ сами претерпѣли. Такой составъ людей не могъ привлекать тѣхъ, которые иначе ведены были.

По выходѣ отца моего изъ Университета, онъ поступилъ на службу къ бывшему С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ графу Брюсу, по военной части; былъ переименованъ въ поручики, произведенъ въ капитаны, имѣлъ порученіе препроводить взятыхъ въ плѣнъ Шведскихъ офицеровъ изъ Петербурга въ разныя губерніи. Въ 1791 г. онъ поступилъ въ С. Петербургскій гренадерскій полкъ и находился въ Польшѣ, откуда присланъ курьеромъ въ столицу и произведенъ въ секундъ-маіоры, съ переводомъ въ Чугуевскій полкъ, гдѣ и получилъ чинъ премьеръ-маіора. Находясь въ этомъ полку, отправленъ на Донъ въ бывшую тамъ комиссію относительно казаковъ, не соглашавшихся на переселеніе ихъ на Кубань. Въ 1796 году съ сво-

имъ полкомъ, былъ въ Персидскомъ походѣ и употребляемъ для переводовъ. На Дону онъ познакомился съ Платовымъ, а въ Персіи сошелся съ графомъ Валеріаномъ Зубовымъ. Въ 1797 году онъ оставилъ военную службу и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ женился.

Въ 1798 году родился я, въ 1800 мой братъ, а годъ спустя третій ребенокъ, который стоилъ жизни моей матери; оставшись послѣ нея двухъ лѣтъ, я ее совсѣмъ не помню. Вскорѣ послѣ смерти матушки, мой отецъ получилъ мѣсто вице-губернатора въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ пробылъ до 1807 года. Нами онъ мало занимался, и мы его боялись. Переселившись въ Петербургъ онъ все хворалъ и вскорѣ умеръ, оставивъ насъ круглыми сиротами.

Послѣ смерти отца насъ отвезли въ домъ Корнилія Антоновича Лубьяновича. Это былъ старинный другъ моего отца, съ которымъ онъ учился въ Кіевской Академіи; онъ занималъ въ Министерствѣ Финансовъ мѣсто управляющаго экспедиціею о государственныхъ доходахъ (что нынѣ Департаментъ Государственнаго Казначейства) и пользовался большимъ довѣріемъ министровъ финансовъ, графовъ Васильева и потомъ Гурьева, а также государственнаго казначея Голубцова. Онъ любилъ нашего отца, по смерти его хотѣлъ помочь дѣтямъ его и, взявъ ихъ подъ свое покровительство, принялъ на себя обязанности опекуна вмѣстѣ съ сенаторомъ Гавріиломъ Герасимовичемъ Политковскимъ, который впрочемъ ни въ какія наши дѣла не вмѣшивался. Все состояніе наше заключалось въ отцовской арендѣ, которою мы могли пользоваться еще въ продолженіе девяти лѣтъ.

Лубьяновичъ былъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ, примѣрной доброты и съ большими свѣдѣніями. Онъ не любилъ входить въ мелочи, и отъ этого домъ его былъ въ большомъ безпорядкѣ. Онъ былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ; жена его была ниже его по воспитанію, но онъ женился на ней изъ благодарности за то, что она когда-то ходила за нимъ во время болѣзни, и очень любилъ ее, говоря, что она съ собой принесла счастье въ домъ. И дѣйствительно ему везло; онъ шелъ счастливо по службѣ, имѣлъ порядочныя средства къ жизни, купилъ себѣ домъ на Итальянской улицѣ, деревянный, довольно просторный, съ садомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ огромный домъ Мюссара. При переѣздѣ въ этотъ домъ Лубьяновича мы нашли у него цѣлый пансіонъ. Внизу жилъ сынъ бывшаго соученика его въ Кіевской Академіи, Владиміръ Михайловичъ Прокоповичъ-Антонскій (впослѣдствіи бывшій за границею въ Кенигсбергѣ для окончанія расчетовъ по войнѣ 1812 года, потомъ Рязанскимъ губернаторомъ, ди-

ректоромъ 1-го Департамента Государственныхъ Имуществъ и сенаторомъ). Два брата Лавриновскихъ, Ермаковскій, Малороссъ Мол-ной*) и Турскій, родственникъ его жены, помѣщались на антресоляхъ. Всѣ эти господа жили безплатно, пользовались столомъ, чаемъ, кофеемъ, освѣщеніемъ и отопленіемъ. Мы присоединились къ антресольнымъ жильцамъ. Трудно отыскать въ послѣдующемъ вѣкѣ человѣка, даже съ большимъ состояніемъ, столь самоотверженнаго, какъ Лубьяновичъ. Доброта его не имѣла границъ. Обо всѣхъ этихъ молодыхъ людяхъ, принятыхъ имъ подъ свое покровительство, онъ заботился, какъ о собственныхъ дѣтяхъ, желая устроить ихъ будущность. Къ сожалѣнію, по понятіямъ своего времени и по особому взгляду его на вещи, наконецъ, по невозможности, при обширныхъ занятіяхъ своихъ, обращать особенное вниманіе на развитіе наше, онъ ограничивалъ попеченіе о насъ заботою о нашемъ существованіи. Товарищи мои по квартирѣ уже служили и каждое утро отправлялись въ свою экспедицію, мы оставались одни. Утро у насъ ничѣмъ не было занято. Спустя нѣкоторое время, приглашенъ былъ къ намъ учитель Ариѳметики и Русскаго языка; онъ ходилъ два раза въ недѣлю. Остальное время мы оставлены были на собственный произволъ.

Для развлеченія мы забавлялись съ дворовыми мальчишками, играли съ ними въ бабки, лазили на голубятню гонять голубей, которыхъ Ермаковскій держалъ во множествѣ; эта забава была въ большомъ ходу между нѣкоторыми охотниками: сила въ томъ, чтобы загнать чужихъ голубей и потомъ ихъ возвратить за хорошій выкупъ. Зимой катались на дворѣ съ небольшой ледяной горы, которую устраивали съ большими хлопотами; наконецъ, прыгали на одной ногѣ по разрисованному мѣломъ полу, выбивая изъ квадратовъ кружокъ, чтобы только не попадать на черту. Все это чрезвычайно развивало мои физическія силы, я былъ очень здоровый мальчикъ, но за то... голова дремала. Скрипку, на которой я въ дѣтствѣ учился, почти бросилъ, и хотя иногда и принимался за нее, но крайне лѣниво. Французскій языкъ, на которомъ раньше говорилъ очень свободно, я вовсе забылъ. Въ домѣ Лубьяновича по-французски не говорили; одно осталось неистребленнымъ, это произношеніе. Я постепенно дичалъ и дѣлался очень робокъ и застѣнчивъ. Общество Лубьяновича составляли люди пожилые, которые по временамъ приходили къ нему играть въ бостонъ, до чего онъ былъ большой охотникъ, не щадя своихъ партнеровъ въ случаѣ ихъ ошибокъ. Къ женѣ его рѣдко кто приходилъ, она не любила и не умѣла принимать гостей; но въ году было нѣсколько опредѣленныхъ штатныхъ дней, когда собиралось большое общество;

*) Такъ въ рукописи. П. Б.

заказывался пышный обѣдъ, иногда даже танцовали. Въ подобныхъ собраніяхъ и мнѣ надобно было присутствовать, что̀ составляло истинное мое мученіе, особенно если заставляли играть на скрипкѣ; тогда я былъ весь какъ въ огнѣ, въ глазахъ дѣлалось мутно, голова кружилась. Хороша была музыка!

Такъ мы прожили до лѣта 1810 года. Въ то время въ Петербургѣ не было учебныхъ заведеній кромѣ одной гимназіи, которая впрочемъ не имѣла никакихъ правъ. Въ 1809 году 6-го Августа послѣдовалъ указъ, которымъ воспрещалось производить въ чины коллежскаго асессора и статскаго совѣтника всѣхъ не получившихъ полнаго университетскаго аттестата. Это произведеніе Сперанскаго поразило служащихъ и всѣхъ тѣхъ, которые не могли воспитывать своихъ сыновей въ университетахъ. Ученіе тогда не было еще въ большомъ ходу... Досадовали на указъ и старики, хотя и достигшіе вождѣлѣнныхъ чиновъ. Они говорили, что они и безъ аттестатовъ вышли въ люди и принесли пользу службѣ, что это все выдумки выскочекъ и что дѣло не въ ученіи, а въ терпѣніи и прилежаніи. Но дѣлать было нечего; надобно было покориться необходимости и перестать записывать на службу юношей, не получившихъ другого воспитанія, кромѣ домашняго, какъ бы оно удовлетворительно ни было (что̀ впрочемъ рѣдко оказывалось).

Это обстоятельство заставило Лубьяновича подумать, какимъ образомъ открыть намъ дорогу по службѣ, чтобъ мы не останавливались въ чинахъ. Онъ нашелъ всего удобнѣе отправить насъ въ Москву, гдѣ былъ Университетъ; но какъ мы для Университета были еще молоды, а при немъ находился тамъ Благородный пансіонъ, гдѣ былъ директоромъ его школьный товарищъ професоръ Университета Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій: то и воспользовался онъ этимъ обстоятельствомъ, чтобъ помѣстить насъ въ этотъ пансіонъ, откуда можемъ посѣщать университетскія лекціи, когда подрастемъ. Было это хорошо и въ томъ отношеніи, что въ Москвѣ служилъ оберъ-секретаремъ въ Сенатѣ братъ директора, Михайло Антоновичъ, отецъ Владимира Михайловича, жившаго, какъ выше сказано, въ домѣ Лубьяновича и пользовавшагося, его вниманіемъ и покровительствомъ. Въ возмездіе за добро, онъ надѣялся, что съ своей стороны и Михайло Антоновичъ будетъ къ намъ добръ и внимателеленъ. Такимъ образомъ рѣшено было, чтобъ мы безъ замедленія ѣхали. Сдѣланы были нужныя приготовленія и отыскали господина, который долженъ былъ насъ отвезти. Горько было разставаться съ мѣстомъ, къ которому уже привыкли, особенно съ свободною нашею жизнію; но мы никого не оставляли въ Петербургѣ, плакать было не о чемъ, мы также не видѣли ничьей слезы. Призрѣн-

ныя изъ милости сироты, мы могли только радоваться, что есть кто-нибудь, кто заботится о насъ и нами распоряжается. Но раннее юношество наименѣе думаетъ о пользѣ; ему настоящая минута всего дороже. На прощаніи обыкновенно выказывается нѣсколько болѣе вниманія. Насъ проводили, перекрестили, поцѣловали, и мы поскакали.

Мы ѣхали въ Москву дней пять. Скорою ѣздою считалось тогда дня четыре, а въ три дня летѣли на курьерскихъ. Въ то время существовала еще знаменитая бревенчатая дорога, тряская до такой степени, что путешественникъ въ экипажѣ не на рессорахъ пріѣзжалъ на мѣсто съ разбитыми членами и долженъ былъ послѣ такого подвига дня два справляться съ силами. Шоссе еще не было; оно устроено гораздо позже. Но и по шоссе пріѣзжали въ Москву на четвертый день.

Насъ привезли прямо въ пансіонъ къ Антонскому. Это было одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Оно не имѣло правъ, да и при учрежденіи его ни о какихъ правахъ и не думали. Туда охотно отдавали дѣтей, привозя ихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Оттуда выходили во всякое время, кому куда угодно: въ военную или въ гражданскую службу. Тѣ которые хорошо учились оставались долго, держали экзаменъ для поступленія въ студенты Университета и, продолжая ученіе въ пансіонѣ, ходили на лекціи въ Университетъ. Директоръ Антонскій пользовался общимъ уваженіемъ, держалъ себя съ достоинствомъ, былъ человѣкъ весьма ловкій, смѣтливый. Какъ профессоръ онъ не имѣлъ большого значенія. Онъ преподавалъ сельское хозяйство. Кажется, эту каѳедру выдумали для него; она вовсе не нужна была для студентовъ. Впрочемъ, полагать надобно, что онъ эту часть зналъ хорошо, самъ занимаясь хозяйствомъ. У него было прекрасное имѣніе верстахъ въ 60 отъ Москвы, недалеко отъ Троицко-Сергіевской Лавры, куда онъ уѣзжалъ на цѣлое лѣто, во время каникулъ. Имѣніе это было отлично устроено. Вообще Антонскій успѣлъ составить себѣ весьма хорошее состояніе, живя чрезвычайно экономно и пользуясь содержаніемъ отъ Пансіона, гдѣ онъ и жилъ. По литературной части онъ извѣстенъ какъ сочинитель книги о воспитаніи, которая въ то время имѣла успѣхъ. Какъ директоръ пансіона, онъ много принесъ пользы юношеству, которое тамъ воспитывалось. Онъ управлялъ заведеніемъ болѣе 25 лѣтъ сряду. Тамъ получили воспитаніе многіе замѣчательные люди, какъ то Жуковскій, Кайсаровы, Магницкій, Озеровъ, Милоновъ и друг. Антонскаго знали во всѣхъ концахъ Россіи; онъ былъ человѣкъ весьма уживчивый въ обществѣ, умѣлъ пользоваться обстоятельствами и, главное, управлять собою. Онъ вынесъ изъ мѣста своего воспитанія нѣкоторую жесткость характера, но могъ тотчасъ совладѣть

съ собою, какъ скоро являлся свидѣтель, и онъ немедленно превращался въ самое кроткое существо. Съ родителями былъ онъ до крайности вѣжливъ и внимателенъ; они были ему признательны и не жалѣли подарковъ. При всемъ недостаткѣ глубокой учености, онъ далеко превосходилъ своихъ товарищей профессоровъ въ знаніи общества и людей. Умъ его былъ гибкій и изворотливый. Его очень боялись въ пансіонѣ. Онъ умѣлъ держать всѣхъ въ должномъ порядкѣ. Бывали минуты, когда онъ позволялъ себѣ весьма жесткое обхожденіе съ подчиненными и воспитанниками и мало въ этомъ случаѣ церемонился: иногда вырывались у него такія выраженія, которыя не обличали въ немъ свѣтскаго человѣка, но осуждать его вполнѣ нельзя. Въ такомъ обширномъ и отвѣтственномъ управленіи нельзя было не увлечься и не выразить негодованія своего въ формахъ, которыя не всегда можно было одобрить; иначе не удержался бы порядокъ. Въ пансіонѣ воспитывалось болѣе 300 юношей, и большая часть оставившихъ заведеніе всегда отзывались о немъ съ чувствомъ и признательностію. Рѣдкій изъ нихъ, проѣзжая Москву, не заходилъ въ пансіонъ повидаться съ Антонскимъ, который всегда встрѣчалъ пріѣзжаго съ особеннымъ радушіемъ. Многіе занимали почетныя должности въ гражданской службѣ; большинство служило въ гвардіи. Это много льстило самолюбію Антонскаго. Онъ себѣ приписывалъ нѣкоторую долю успѣховъ ихъ въ обществѣ и по службѣ. Всѣ эти люди прославляли пансіонъ и тѣмъ привлекали туда другихъ молодыхъ людей.

Пансіонеры платили за себя сперва 400 р. а потомъ 600 р. ассиг.: сумма довольно незначительная, но по дешевизнѣ предметовъ въ то время очень достаточная. Нѣтъ сомнѣнія, что при большомъ числѣ воспитанниковъ была и экономія, и такъ какъ управленіе пансіономъ происходило совершенно на частномъ основаніи и никогда не было подъ университетскимъ контролемъ, хотя пансіонъ и именовался Университетскимъ, то директоръ конечно и могъ распоряжаться суммами по своему произволу. Антонскій, какъ человѣкъ умный, чрезвычайно разсчетливый и въ жизни воздержный, скоро составилъ себѣ очень порядочное состояніе. У него было слишкомъ 700 душъ крестьянъ и много денегъ въ билетахъ Сохранной Казны. Не будучи женатъ, онъ немного тратилъ при всемъ готовомъ содержаніи... Все имѣніе его досталось дѣтямъ брата его Михаила Антоновича.

Въ пансіонѣ было семь классовъ. Поступающій, по экзамену, назначался въ тотъ классъ, который по каждому предмету соотвѣтствовалъ его познаніямъ. Иногда случалось такъ, что въ одномъ предметѣ онъ былъ очень слабъ, и его помѣщали въ самомъ низшемъ

классѣ седьмомъ; въ другомъ же былъ посильнѣе, и его сажали въ высшій классъ, въ шестой, въ пятый, смотря по тому, какой курсъ пригоденъ былъ для его познаній въ предметѣ. Такимъ образомъ, напримѣръ, незнающій языковъ сидѣлъ въ самомъ послѣднемъ классѣ, гдѣ преподавали только начальныя правила языковъ, а по Математикѣ, которую зналъ хорошо, находился иногда въ 4-мъ классѣ, гдѣ занимались уже Геометріею и Алгеброю. Это чрезвычайно способствовало успѣхамъ. Въ новѣйшее время введенъ по гимназіямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ совершенно другой порядокъ. Воспитанникъ вовсе не переводится въ высшій классъ, если успѣшно не выдержалъ экзамена и не имѣлъ опредѣленнаго числа баловъ по всѣмъ предметамъ и остается въ низшемъ классѣ, хотя нѣкоторые изъ преподаваемыхъ тамъ предметовъ ему хорошо знакомы и онъ долженъ будетъ напрасно повторять зады. Въ Московскомъ пансіонѣ этого случиться не могло. Знаніе предметовъ не было обязательно; каждый подвигался въ классѣ по тому предмету, который былъ ему подъ силу. Срока для пребыванія въ пансіона не опредѣлялось: воспитанники могли выходить изъ него, когда вздумаютъ родители. Иные находились по шести и болѣе лѣтъ, другіе оставались недолго. Поступали въ различныхъ возрастахъ; можно было поступить прямо въ высшіе классы, если юноша хорошо былъ приготовленъ, и слѣдовательно оставаться въ пансіонѣ недолго. Воспитанники раздѣлялись на отдѣленія по возрастамъ и успѣхамъ въ наукахъ. Было пять или шесть отдѣленій, и каждое имѣло особое свое помѣщеніе; въ двухъ отдѣленіяхъ сверхъ того помѣщались лучшіе воспитанники: одно изъ нихъ называлось полуотличнымъ, а другое отличнымъ. Попасть въ эти отдѣленія было довольно трудно: требовалось много условій, надобно было и ученіемъ и поведеніемъ обратить на себя особенное вниманіе... Это сильно льстило самолюбію юношей. На отличныхъ смотрѣли съ большимъ уваженіемъ, которымъ воспитанники долго пользовались и по выходѣ изъ заведенія.

Насъ, какъ маленькихъ, помѣстили въ отдѣленіе малолѣтныхъ. Въ каждомъ отдѣленіи были особые надзиратели, которые жили тутъ же за перегородкою. Надзиратели были большею частію иностранцы для разговоровъ съ воспитанниками на иностранныхъ языкахъ; за недостаткомъ Нѣмцевъ и Французовъ были и Русскіе. Надзиратели не всегда отличались примѣрностію своего поведенія; впрочемъ трудно было требовать совершенства отъ людей, которые рѣшались принимать на себя такія хлопотливыя и мало выгодныя въ денежномъ отношеніи должности. Нѣкоторые изъ тѣхъ надзирателей часто подверга-

лись насмѣшкамъ, но они немного ими оскорблялись и терпѣли, не желая потерять своихъ мѣстъ... Особенныхъ скандаловъ было однакожъ мало. Антонскій ловко спускалъ тѣхъ, которые оказывались очень плохими. Всѣ надзиратели состояли подъ ближайшимъ наблюденіемъ инспектора. Въ это время инспекторомъ былъ нѣкто баронъ Швейнфельдъ... По крайней мѣрѣ у насъ его называли барономъ, хотя сомнительно, чтобъ такая фамилія могла пріобрѣсти баронство. Его никто терпѣть не могъ за глупое и грубое обращеніе. Антонскій имѣлъ высшую инспекцію. Онъ не часто показывался воспитанникамъ и очень хорошо дѣлалъ: его за то больше боялись и уважали. Онъ никогда не суетился, шелъ всегда тихо, рѣдко кричалъ; при появленіи его можно было разслышать жужжаніе мухи. Онъ окидывалъ взоромъ классъ или отдѣленіе и спокойно уходилъ назадъ. Въ пансіонѣ наказывали рѣдко. Самое обыкновенное наказаніе было остаться безъ чаю, безъ одного, двухъ или трехъ блюдъ за обѣдомъ или ужиномъ, безъ булки вечеромъ; болѣе сильное наказаніе—стоять во время обѣда у печки, что̀ называлось за ослинымъ столомъ. Я не помню, чтобъ дѣтей сѣкли; если же это и случалось иногда съ нѣкоторыми, то развѣ съ самыми закоренѣлыми упрямцами или лѣнтяями. Антонскій велъ себя осторожно; онъ не хотѣлъ ссориться съ публикою, особенно съ маменьками и тетушками, которыя не принимаютъ въ уваженіе причинъ и всегда находятъ, что ихъ сынки и племянники страдаютъ невинно и, какъ обыкновенно увѣряютъ ихъ, по чьей нибудь злобѣ за правду.

Однимъ изъ важныхъ способовъ къ удержанію юношей въ порядкѣ было слѣдующее распоряженіе. Въ каждомъ отдѣленіи было заведено, что поведеніе воспитанниковъ оцѣнивалось ежедневно и по прошествіи недѣли, т. е. въ Суботу, провинившійся въ чемъ нибудь становился по списку ниже тѣхъ, которые вели себя хорошо. Часто стоявшіе по списку высоко становились за проступокъ послѣдними и не иначе пріобрѣтали прежнія мѣста свои, какъ по прошествіи долгаго времени, когда другіе провинившіеся очищали ихъ потерею своего старшинства. Въ каждомъ отдѣленіи первые очень дорожили своими мѣстами, съ которыми сопряжены были нѣкоторыя преимущества, заключавшіяся въ томъ, что на нихъ обращено было особенное вниманіе директора и надзирателей. Всякая вина отличалась такъ называемымъ штрихомъ; нѣкоторые имѣли по нѣскольку штриховъ въ недѣлю, сидѣли по списку и въ репитиціонныхъ комнатахъ въ числѣ послѣднихъ и мало имѣли надежды повыситься. Это были самые плохіе воспитанники..... Находившіеся все время по спискамъ въ числѣ первыхъ, если притомъ они возвышались въ классахъ и уже достаточно выросли, переводились

въ отдѣленіе полуотличныхъ, а оттуда, въ случаѣ открытія вакансіи, въ отдѣленіе отличныхъ, гдѣ было всего только 9 воспитанниковъ. Это была такая высокая почесть, на которую всѣ смотрѣли съ какимъ-то благоговѣніемъ. Отличные сидѣли во время завтрака, обѣда и ужиномъ за круглымъ столомъ по срединѣ залы, между тѣмъ какъ всѣ прочіе помѣщались за продолговатыми столами по сторонамъ комнаты. Отличные по очереди имѣли обязанность слѣдить за поведеніемъ воспитанниковъ младшихъ отдѣленій, въ отсутствіи надзирателей заступали ихъ мѣста, имѣли право взыскивать съ виновныхъ. Нѣкоторые тяготились этими преимуществами; другіе, напротивъ, ими величались.

Нельзя не отдать справедливости этому устройству. Оно поддерживало порядокъ въ заведеніи, развивало самолюбіе воспитанниковъ, частію облагораживало ихъ; о скандалахъ, которыми отличались новѣйшія заведенія, не было и слышно. Должно однакожъ приписать это самому Московскому обществу, гдѣ не терпѣлось ничего слишкомъ пошлаго и грязнаго. Пансіонъ часто былъ посѣщаемъ Московскою публикою. На актахъ собиралось многочисленное общество лучшихъ городскихъ фамилій; въ пансіонѣ сверхъ того зимою бывали балы, театры и концерты. Всѣ туда ѣздили съ особеннымъ удовольствіемъ. Почти каждый воспитанникъ имѣлъ кого нибудь знакомаго изъ пріѣзжающихъ, а неимѣвшіе ни родныхъ, ни знакомыхъ старались знакомиться и принадлежать къ порядочному кругу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя семейства въ Москвѣ, давая у себя балы, приглашали воспитанниковъ, которые были поразвязанѣе и любезнѣе. Многимъ хотѣлось попасть на эти балы, и они вообще старались держать себя прилично и осторожно.

Каждый годъ происходили въ пансіонѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ экзамены, которые опредѣляли степень способности воспитанника въ каждомъ предметѣ и служили основаніемъ къ переводу въ высшій классъ. Такимъ образомъ случалось, что юноша по одному предмету проходилъ выше, а по другому оставался въ прежнемъ классѣ. Послѣ экзаменовъ, продолжавшихся два или три дня, происходилъ торжественный актъ, на которомъ воспитанники выказывали свои искуства: играли на скрипкѣ, на фортепьянахъ, читали свои стихи, фехтовали. Актъ всегда начинался рѣчью... Подъ конецъ раздавали достойнымъ награды: книги, ноты, картины, разныя учебныя вещи, наконецъ старшимъ медали серебряныя и золотыя безъ имени, и съ именемъ, при похвальныхъ листахъ. Нѣкоторые воспитанники, получившіе уже золотыя медали, оставались послѣ того въ пансіонѣ еще лишній годъ. Тогда, чтобъ наградить ихъ, придумали давать имъ глобусы, въ родѣ черни-

лицы, которая складывалась. Послѣ этой награды вносили имя воспитанника на золотую доску въ память отдаленнаго потомства. Такихъ именъ въ мое время съ конца прошлаго столѣтія накопилось до 30.

Лѣтомъ пансіонъ пустѣлъ... Воспитанники разъѣзжались на каникулы къ роднымъ, которые обыкновенно въ концѣ Іюня присылали за ними людей и лошадей. Изъ 300 чел. оставалось не болѣе 40 и даже меньше. Оставшихся переселяли въ село Всесвятское, въ 6 верстахъ отъ Москвы, гдѣ устраивался для нихъ лагерь. Они располагались въ палаткахъ и учились ружью и воинскимъ маневрамъ. Это придумано было съ цѣлью познакомить юношей съ военною службою, куда многіе поступали по выходѣ изъ пансіона, но главное—доставить имъ развлеченіе и съ пользою занять ихъ. На это время прикомандировался къ намъ ловкій унтеръ-офицеръ для обученія ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. Команда дѣлилась на взводы, и каждый изъ нихъ по очереди содержалъ въ лагерѣ караулъ; часовые стояли на разныхъ пунктахъ днемъ и ночью по два часа... Стоянка ночью была не очень пріятна, особенно на концѣ лагеря. Часовыхъ обходилъ рундъ для наблюденія, въ порядкѣ ли караулъ и не спитъ ли часовой. Это съ нѣкоторыми случалось; у нихъ уносили ружья, и на другой день виновный содержался на гауптвахтѣ подъ арестомъ. Утромъ занимались маршировкою, для чего далеко ходили въ поле. Въ остальное время пользовались совершенною свободою, гуляли, купались въ ручьѣ, который запруживали для возвышенія воды. Время шло для насъ очень пріятно. Антонскій съ нами не бывалъ: онъ уѣзжалъ въ свою подмосковную деревню. Такъ проживали мы до Августа... потомъ перебирались въ городъ, куда со всѣхъ сторонъ начинали стекаться воспитанники предъ начатіемъ ученія. Каникулы оканчивались 15 Августа; съ трудомъ принимались юноши за уроки послѣ разгульной деревенской жизни въ кругу родныхъ.

Я учился изрядно, полюбилъ Математику и Латинскій языкъ и дѣлалъ въ томъ и другомъ порядочные успѣхи. Эти предметы вообще менѣе всего нравятся дѣтямъ, и я какъ будто составлялъ замѣчательное исключеніе. Въ 12 лѣтъ я хорошо зналъ уже Геометрію; на Латинскомъ языкѣ я старался разговаривать и тѣмъ надоѣдалъ товарищамъ. Новѣйшіе языки шли очень плохо. Я не могъ составить по французски ни одной правильной фразы: все перезабылъ въ послѣднее время. Хотя и требовалось, чтобъ дѣти неиначе разговаривали между собою какъ по-французски или по-нѣмецки, но это не исполнялось, не смотря на штрафъ, которому подвергались тѣ, у которыхъ случался билетъ, доставшійся за разговоръ на Русскомъ языкѣ. Нѣ-

мецкаго языка никто терпѣть не могъ; считалось даже унизительнымъ Русскому дворянину говорить на немъ: всѣ колбасники и сапожники говорятъ по-нѣмецки. Помочь этому было трудно; безпрерывный надзоръ былъ невозможенъ, и воспитанники всегда находили возможнымъ уклоняться отъ приказаній, не сознавая въ то время пользы отъ языковъ. Впослѣдствіи, съ лѣтами, когда являлись въ обществѣ и слышали безпрерывно Французскій разговоръ, они старались вознаградить потерянное время, чтобъ какъ-нибудь не осрамиться, особенно передъ дамами, вступая съ ними въ объясненія; но прошедшее трудно воротить. Большая часть воспитанниковъ совсѣмъ не умѣла говорить ни по-французски, ни по-нѣмецки.

Изъ пансіона мы никуда не ѣздили по праздникамъ. Очень рѣдко, въ большіе праздники, Михаилъ Антоновичъ Антонскій присылалъ за нами. Я не охотно къ нему отправлялся... Это былъ суровый господинъ, который своимъ холоднымъ и сухимъ обращеніемъ наводилъ ужасную тоску въ семействѣ. Онъ принадлежалъ къ разряду людей прежняго закала, которые находили унизительнымъ для своего достоинства улыбнуться въ кругу своихъ родныхъ и только рѣдко это себѣ позволяли въ видѣ милости. Онъ былъ женатъ и имѣлъ большое семейство, состоявшее изъ двухъ дочерей и трехъ сыновей. Старшій Владиміръ, служившій въ Петербургѣ у Лубьяновича, кончилъ курсъ въ пансіонѣ у дяди, былъ въ числѣ отличныхъ и внесенъ на золотую доску. Другой сынъ Николай учился съ нами въ пансіонѣ, а третій Дмитрій маленькій. Насъ принимали въ домъ какъ бѣдныхъ сиротъ, на которыхъ не стоитъ обращать много вниманія. Жена Антонскаго вела себя очень важно, едва удостоивала насъ своимъ взглядомъ; мы ея боялись. Въ домѣ царствовала ужасная скука. Никто не смѣлъ громко разговаривать, бѣгать или играть; большею частію сиживали мы въ особой отдаленной комнатѣ и молчали до того времени, когда насъ отвозили обратно въ пансіонъ, гдѣ намъ несравненно было веселѣе... Въ распоряженіи Антонскаго были присылаемыя къ нему Лубьяновичемъ деньги на наши расходы. Это поставляло насъ въ большую зависимость, просить денегъ было истиннымъ наказаніемъ, и мы часто готовы были терпѣть всѣ лишенія, чтобъ только не обращаться съ требованіями. Если намъ и отпускали деньги, то всегда съ замѣчаніями о лишнихъ расходахъ и что можемъ обойтись безъ требуемыхъ вещей. Въ пансіонѣ каждый одѣвался въ свое платье и носилъ что́ хотѣлъ, кромѣ каникулярнаго времени, когда въ лагерѣ должны были одѣваться въ военныя куртки съ киверами. Мы всегда одѣты были почти хуже всѣхъ. Товарищи были богаче, и иные щеголяли. Это унижало

насъ въ глазахъ ихъ. Не мудрено, что нѣкоторые наряды, которые мы себѣ придумывали, могли казаться Антонскимъ излишними, и потому намъ въ нихъ отказывали и совѣтовали обходиться безъ нихъ, хотя часто прежнее платье находилось уже въ дырахъ. Мы не имѣли даже нужныхъ книгъ и пользовались чужими. Я учился на скрипкѣ также на чужомъ инструментѣ. Я не смѣлъ и думать завести свою скрипку... (Въ Петербургѣ я пользовался скрипкою сожителя моего Ермаковскаго, который нѣсколько пилилъ): это была бы такая роскошь, какую мнѣ никогда бы не дозволили... Чему и какъ мы учились въ пансіонѣ, Антонскіе мало интересовались; объ этомъ насъ не распрашивали.

Въ 1811 году весною объявлено мнѣ, что я предназначаюсь для поступленія въ Имп. Царскосельскій Лицей, который только что былъ учрежденъ. Туда потребовали лучшихъ воспитанниковъ младшаго возраста. Всего выбрано было 22 человѣка. Насъ поставили въ рядъ. Кто-то насъ осматривалъ. Я ничего не понималъ, для чего меня туда назначаютъ и почему тамъ лучше, нежели здѣсь; но, видя, что я помѣщенъ въ числѣ хорошихъ воспитанниковъ, догадывался, что вѣрно тамъ будетъ мнѣ не дурно; притомъ меня веселило, что перемѣню мѣсто, увижу кое-что другое, буду ближе къ Петербургу.... Я ожидалъ дальнѣйшей своей участи. Прошло лѣто... Человѣкъ 5, 6 изъ нашихъ уже уѣхали въ Лицей; потомъ отправились еще двое. Обо мнѣ ни слуху, ни духу; отчего я остаюсь, никто мнѣ не объяснялъ. Наконецъ директоръ Антонскій призвалъ меня къ себѣ и, выдавая мнѣ программу, о чемъ въ Лицеѣ на экзаменѣ будутъ спрашивать, приказалъ приготовиться... Мнѣ назначено было ѣхать съ товарищемъ Масловымъ. Прошло послѣ этого недѣли двѣ - три; я вызубрилъ, что̀ слѣдовало. Вдругъ слышу, что Масловъ уѣзжаетъ, а обо мнѣ никто ни слова... Не понимаю, что̀ это значитъ и почему я не отправляюсь съ нимъ. Такимъ образомъ я остался въ пансіонѣ и не попалъ въ Лицей. Вѣроятно обо мнѣ въ свое время никто не позаботился. Сначала потребовали довольно порядочное число воспитанниковъ; потомъ ваканціи быстро наполнялись, и это число было сокращено. Я остался лишнимъ, и это очень жаль: товарищами моими были бы Пушкинъ, баронъ Дельвигъ, князь Горчаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Корниловъ, Вальховскій и многіе другіе, сдѣлавшіеся впослѣдствіи извѣстными и въ литературѣ, и на служебномъ поприщѣ.

Наступилъ 1812 годъ... Въ Іюнѣ начали поговаривать о нашествіи Французовъ; но пока они были еще далеко, т. е. близъ границъ, къ намъ доходили объ этомъ только смутныя свѣдѣнія. По заведенному порядку, съ наступленіемъ каникулъ насъ, воспитанниковъ, переселили въ с. Всесвятское для стоянки тамъ лагеремъ. Мы занимались своимъ дѣломъ и мало принимали участія въ томъ, что̀ въ Россіи

происходило. Насъ оставалось не болѣе 35 человѣкъ, всѣ прочіе разъѣхались по домамъ. Иногда слышали мы объ убитыхъ офицерахъ изъ прежнихъ пансіонскихъ воспитанниковъ или о родственникахъ и знакомыхъ нашихъ наличныхъ пансіонеровъ. Въ числѣ надзирателей находился у насъ Василій Андреевичъ Азбукинъ. О немъ говорили, что онъ былъ братъ Жуковскаго, также Василія Андреевича Протасинскаго, и что Азбукинъ получилъ свою фамилію потому, что плохо учился азбукѣ, Жуковскій, что въ малолѣтствѣ былъ смугловатъ и походилъ на жука, а Протасинскому отецъ далъ свою фамилію. Въ какой степени справедливъ *) этотъ разсказъ, рѣшить не берусь, для этого у меня нѣтъ данныхъ; но странная фантазія отца дать своимъ побочнымъ сыновьямъ одни и тѣже имена, если тутъ есть какая-нибудь доля правды. Этотъ г. Азбукинъ вздумалъ поступить въ ополченіе и, вмѣсто воспитанниковъ пансіона, командовать ратниками. Онъ былъ необыкновенно высокаго роста, имѣлъ очень длинный носъ, въ манерахъ крайне неловокъ. Поступленіе его въ военную службу насъ много занимало. Онъ отличился на войнѣ, получилъ Анну на шею.

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ, стали говорить о военныхъ дѣйствіяхъ гораздо болѣе. Старшіе разсказывали, младшіе слушали; на многихъ лицахъ стало выражаться безпокойство; къ намъ доходили разсказы тревожные, часто преувеличенные. Мы начали бояться; ожидали какого-нибудь происшествія. Ночью иногда къ намъ доходили звуки колоколовъ, мы приписывали это какому-нибудь случившемуся бѣдствію; старались на другой день собрать о томъ свѣдѣнія, и никто не умѣлъ намъ ничего объяснить. Въ Петровскомъ дворцѣ, на серединѣ пути между Москвою и нашимъ лагеремъ, помѣщалась квартира штаба вновь формируемаго казачьяго полка изъ охотниковъ, подъ именемъ Мамоновскаго. Въ одинъ день не оказалось у насъ двухъ или трехъ воспитанниковъ изъ старшаго возраста. Они были завербованы въ тотъ полкъ. Юноши прельстились мундиромъ, который дѣйствительно былъ красивъ, объявили свое согласіе на поступленіе въ полкъ и тамъ остались. Это войско составлялось изъ охотниковъ и, судя по имени полка, вѣроятно, по вызову и насчетъ суммы Мамонова. Начальство пансіона пришло въ волненіе, отправило въ штабъ депутацію, и воспитанники были освобождены. Иногда, собравшись въ кучу, мы пускались въ разсужденія, чтò намъ дѣлать, если Французы вступятъ къ намъ въ лагерь. Мы полагали защищаться до послѣдней капли крови; въ насъ начиналъ развиваться воинственный духъ, но потомъ мы сами смѣялись надъ собою.

*) Не справедливъ уже потому, что эти три лица не родные братья, и только двое изъ нихъ назывались одинаковыми именами. П. Б.

Наконецъ, около 6-го Августа мы перебрались изъ нашего лагеря въ Москву. 15-го числа обыкновенно начинался курсъ, и воспитанники, отправившіеся въ деревни на каникулы, должны были собраться къ этому дню; но никто не пріѣхалъ. Напротивъ уѣзжали и тѣ, которые оставались въ Москвѣ. Классы не начинались; все у насъ мало-по-малу рѣдѣло; мы ничѣмъ не занимались; никто почти за нами не смотрѣлъ. Странное было наше положеніе: мы были оставлены почти на собственный произволъ. Пользуясь этимъ, мы часто расхаживали одни по городу. Народъ волновался; безпрерывно доходили до насъ слухи о народныхъ неистовствахъ. Прогулка по улицамъ становилась небезопасною... Преслѣдовали всѣхъ иностранцевъ; доставалось и Русскимъ, если подслушивали, что они говорятъ на иностранномъ языкѣ. Одинъ изъ нашихъ надзирателей, изъ Русскихъ, также былъ остановленъ на улицѣ, но отдѣлался однимъ страхомъ. Бывшій главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Растопчинъ, самъ подалъ поводъ къ такому самоуправству. Онъ поддерживалъ въ народѣ убѣжденіе, что въ средѣ его скрываются измѣнники. Поступокъ его съ купеческимъ сыномъ Верещагинымъ, достойно оцѣненный впослѣдствіи бывшими очевидцами происшествія, возбудилъ негодованіе людей благомыслящихъ, но народъ смотрѣлъ на вещи иначе: онъ повѣрилъ графу, что Верещагинъ измѣнникъ и растерзалъ его, когда несчастный брошенъ былъ народу съ графскаго балкона. Вся вина этого молодого человѣка заключалась въ томъ, что у него найдена была какая-то прокламація Наполеона. Онъ притомъ былъ знакóмъ съ лицами, которыя не пользовались расположеніемъ графа. Подробности этого дѣла были напечатаны лѣтъ 30 или 40 спустя въ разныхъ журналахъ. Гр. Растопчинъ, чтобъ поддержать духъ въ Московскихъ жителяхъ и не приводить въ уныніе по случаю приближенія къ столицѣ непріятеля, выпускалъ разныя брошюры и воззванія, написанныя простымъ народнымъ языкомъ съ прибаутками, остротами и насмѣшками надъ Французами. Ежедневно являлись карикатуры съ надписями, пословицами и стихами. Нѣкоторыя были очень забавны, и мы ими восхищались. Напримѣръ: Наполеонъ ѣстъ огромный грибъ и т. п. Всѣ эти сочиненія съ жадностію раскупались и читались, поддерживали въ народѣ бодрость и патріотизмъ, усиливали ненависть къ Французамъ, которые представляемы были въ самомъ смѣшномъ и отвратительномъ видѣ, безбожниками, развратными и злодѣями. Сильно досталось самому Наполеону и всему его семейству. Народъ хохоталъ, шутилъ, храбрился и мало думалъ объ опасности. Его безпрерывно увѣряли, что Французу никогда не войти въ Москву, что если онъ сдѣлаетъ къ тому попытку, то его истребятъ, какъ ничтожную пыль. Въ довершеніе всего этого хвастов-

ства гр. Растопчинъ распустилъ по городу слухъ, что на Поклонной горѣ будетъ устроенъ огромный шаръ, начиненный порохомъ: этотъ шаръ долженъ былъ истребить или, по крайней мѣрѣ, сильно разстроить Французскую армію, что подъ Москвою дано будетъ Французамъ рѣшительное сраженіе и въ случаѣ надобности употребятъ и самый народъ. Дѣйствительно, дѣлались какія-то приготовленія на Поклонной горѣ. Народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ дѣйствія шара; говорили, что будетъ проба. Проходили дни, и ничего не было. Толпа собралась около дома гр. Растопчина и громко заявляла свои требованія видѣть обѣщанный шаръ. Въ этотъ самый несчастный день Верещагинъ выданъ былъ народу. Растопчинъ, чтобы занять народъ и заставить его забыть о шарѣ, далъ ему потѣшиться надъ жертвою, а самъ въ это время ускакалъ изъ дому, выйдя заднимъ ходомъ *).

Всѣ эти утѣшительныя прокламаціи и продѣлки главнокомандующаго для поддержанія бодрости въ народѣ и для устраненія всякаго предлога къ внутреннимъ безпорядкамъ (что̀ будто бы дѣлалось по соглашенію съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ) не остановили благоразумныхъ и осторожныхъ людей въ Москвѣ; всѣ знали, что Москва должна быть взята и спѣшили изъ нея выѣхать. Каждый день или, лучше сказать, каждую ночь вывозились сокровища Грановитой Палаты, образа, бумаги, припасы, казенныя принадлежности. Присутственныя мѣста, магазины, лавки были закрыты, дома заколачивались наглухо. Москва видимо рѣдѣла; оставалась въ ней одна безпечная чернь, которой нечего терять и которая, можетъ быть, разсчитывала, напротивъ, въ общей суматохѣ чѣмъ-нибудь попользоваться.

Въ пансіонѣ нашемъ осталось наконецъ только 7 воспитанниковъ; всѣхъ прочихъ разобрали родные и отвезли къ семействамъ. Въ одно утро директоръ Антонскій призвалъ меня къ себѣ и объявилъ, что онъ отправляетъ насъ въ Петербургъ. Онъ приказалъ готовиться въ путь и нанять для того лошадей. Къ вечеру все готово было къ отправленію; пожитковъ было немного, и укладка ихъ въ повозку не потребовала много времени. Уже собирались мы проститься съ Антонскимъ, какъ онъ самъ прислалъ за мною и съ печальнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что отправляться въ дорогу не можемъ, потому что непріятели, по полученнымъ имъ сейчасъ свѣдѣніямъ, подступаютъ уже къ Петербургу, и оттуда всѣ выѣзжаютъ; слѣдовательно, уходя отъ одной опасности, мы наткнемся на другую. Онъ совѣтовалъ покориться необходимости и отпустить лошадей. Антонскій имѣлъ все основаніе удержать насъ въ Москвѣ. Дѣйствительно, нѣкоторое время Петербургъ находился въ опасности попасть въ руки непріятеля. Французскія войска

*) Этотъ разсказъ вполнѣ не вѣренъ. П. Б.

направлялись къ Сѣверу и угрожали столицѣ, но были встрѣчены Витгенштейномъ и должны были отступить и перемѣнить планъ дѣйствія. Пока дѣло не рѣшилось, жители Петербурга были въ большой тревогѣ. Правительство вывозило дѣла, деньги и все, что̀ было подороже. А такъ какъ у страха глаза велики, то вѣсть о приближающейся опасности быстро разлетѣлась по Россіи въ преувеличенномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но Витгенштейнъ своею побѣдою надъ Французами снялъ съ Петербургскихъ жителей большую тягость. Онъ былъ прославляемъ и въ прозѣ, и въ стихахъ; въ театрѣ распѣвали въ честь его куплеты, въ магазинахъ продавались его бюсты и портреты, онъ пользовался славою истиннаго героя. Приказаніе Антонскаго остаться въ Москвѣ много меня огорчило. Дѣлать было нечего; вещи, уложенныя въ повозку, опять снесены на прежнее мѣсто, лошадей отпустили, и стали мы дожидаться своей участи. Я предвидѣлъ что-то непріятное, но не могъ сообразить, что̀ могло бы съ нами случиться. Дѣти имѣютъ полное довѣріе къ старшимъ, которые ими распоряжаются и, не понимая еще жизни и обстоятельствъ, не въ состояніи предугадать несчастія, ихъ ожидающаго. Они впрочемъ легче переносятъ житейскія непріятности и неудачи по недостатку размышленія и умѣнія сравнивать предметы. Дѣтямъ всегда кажется, что иначе не можетъ быть, и они покоряются необходимости, не умѣя еще роптать на судьбу.

Прошло еще нѣсколько дней, непріятель приближался къ Москвѣ, а мы этимъ мало тревожились. Послѣ Бородинскаго сраженія (26-го Августа) въ Москву привезены тысячи раненыхъ; въ числѣ ихъ были старшіе товарищи наши; нѣкоторые изъ нихъ, раненые легко или вовсе нераненые заѣзжали въ пансіонъ и разсказывали намъ объ ужасахъ битвы, о падшихъ въ бою и о безпорядочномъ движеніи командъ послѣ сраженія. Мы слушали съ жаднымъ вниманіемъ. Армія безпрерывно отступала; за нею слѣдовали жители селеній, оставленныхъ непріятелю; народъ волновался, но все еще не унывалъ и вѣрилъ Растопчину, что Французамъ Москвы не взять... Я былъ въ числѣ вѣрующихъ, ободрялъ товарищей, предававшихся унынію. Директоръ Антонскій съ нами простился и уѣхалъ въ свою деревню. Братъ его Михайло Антоновичъ съ семействомъ еще прежде того отправился куда-то, вѣроятно за Сенатомъ (впослѣдствіи онъ жилъ въ Казани). Пансіонъ совсѣмъ опустѣлъ; изъ надзирателей никого не осталось. 30-го Августа мы бѣгали по городу и ужаснулись пустотѣ; мы пользовались свободою съ дѣтскою безпечностію. При насъ оставался одинъ экономъ пансіона Болотовъ, которому поручено отвезти насъ во Владиміръ. Ему было не до насъ; въ это время у него своихъ хлопотъ

было довольно. Вечеромъ того же дня мы слышали пушечную пальбу; но никто не умѣлъ объяснить намъ, что̀ это такое. Мы полагали, что это обѣщанное генеральное сраженіе подъ Москвою и съ нетерпѣніемъ ожидали его результатовъ. Всю ночь на 31-е число мы провели въ самомъ грустномъ положеніи, совершенно одни, безъ всякаго начальства. Никто почти не спалъ; трусливые плакали; я былъ исполненъ негодованія противъ Французовъ и придумывалъ, какъ бы насолить Наполеону. Мнѣ пришла мысль написать на дверяхъ какого-нибудь чулана оскорбительное насчетъ его выраженіе; но я разсудилъ, что если Наполеонъ прочтетъ подобную фразу, то съ досады велитъ наказать кого-нибудь изъ оставшихся въ домѣ, и можетъ быть даже разстрѣляетъ. Я никого не хотѣлъ вводить въ бѣду, и злостное мое намѣреніе было оставлено.

1-го Сентября (въ Воскресенье) намъ объявлено было, что мы отправляемся изъ Москвы. У насъ не было ни лошадей, ни экипажей. Надобно было все это достать. Непонятно, почему прежде о томъ не распорядились. Трудно объяснить это странное обстоятельство. Конечно, больше всѣхъ виноватъ въ этомъ экономъ Болотовъ; онъ по свойственному Русскому человѣку *авось* надѣялся устроиться хорошо и въ свое время, но захлопотался другимъ дѣломъ и не успѣлъ заготовить повозокъ и лошадей для отправленія насъ въ предназначенный путь какъ слѣдуетъ; можетъ быть, были у него тутъ и другіе расчеты. Однако нельзя оправдать и Антонскаго. Онъ поспѣшилъ уѣхать въ деревню за нѣсколько дней до нашего отправленія, вѣроятно понадѣявшись на Болотова, что онъ устроится, какъ должно съ нами, тогда какъ ему слѣдовало отправить насъ при себѣ и потомъ уже уѣхать. Тѣмъ болѣе это было непростительно съ его стороны, что мы были ввѣрены его попеченію, и онъ не въ правѣ былъ бросать насъ на произволъ судьбы и поручать насъ наемнику, человѣку простого званія и притомъ не вполнѣ надежному, какъ увидимъ ниже. Безъ сомнѣнія этотъ Болотовъ пользовался полнымъ довѣріемъ Антонскаго, такъ что позволялъ себѣ не исполнять его приказаній (если только они ему положительно были даны насчетъ нашъ) а руководствовался собственными своими соображеніями. Болотовъ объявилъ намъ, что лошадей у него для отправленія нашего нѣтъ и поручилъ намъ самимъ похлопотать о нихъ. Поздно онъ за это хватился!... Всѣ лошади, какія только годились, забраны были уѣзжавшими изъ Москвы, а также проходившими командами и торгующимъ людомъ. Нигдѣ нельзя было ихъ достать даже за большія деньги. Всѣ бѣгали по городу искать лошадей; мы заходили во всѣ дворы узнать, нѣтъ ли гдѣ продажныхъ хотя бы клячъ, разспрашивали каждаго встрѣчнаго. Почти поздня мы такимъ образомъ

пробѣгали. Наконецъ, наткнулись на мужичка, сидѣвшаго спокойно на улицѣ. Не знаешь ли, любезнѣйшій, гдѣ бы достать намъ парочку лошадей?... Онъ добродушно посмотрѣлъ на насъ-дѣтей и указалъ на одинъ домъ, невдалекѣ, прибавивъ: тамъ, кажется, найдете продажныхъ лошадей. И въ самомъ дѣлѣ, оказались тамъ двѣ незавидныя лошадки, которыя тотчасъ мы сторговали за цѣну, довольно выгодную по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и именно за 80 рубл. Послѣ того пріискана была телѣга. Съ большимъ торжествомъ приведены были лошади на пансіонскій дворъ. Началась укладка вещей. На телѣгу взвалили все, что́ могло уложиться. Большую часть нашихъ вещей какъ то перины, подушки, книги, нѣкоторое платье пришлось оставить въ Москвѣ въ добычу Французамъ. При насъ былъ дядька, нашъ крѣпостной человѣкъ; онъ успѣлъ захватить съ собою почти все наше бѣлье, какое только было. Прочіе товарищи, у которыхъ дядекъ не было, ничего съ собою не взяли, такъ что впослѣдствіи мы должны были подѣлиться съ ними рубашками. Экономъ главнѣйше заботился о казенномъ имуществѣ и клалъ на возъ также свои вещи. Большая часть казеннаго серебра была задѣлана въ стѣну на глухо, замазана глиною и забѣлена; но, говорятъ, во время пребыванія въ Москвѣ Французовъ была похищена, только неизвѣстно кѣмъ, непріятелями или своими, которые знали, гдѣ серебро. Къ 6-ти часамъ вечера мы были готовы въ путь и тронулись съ мѣста.... Всѣ мы дѣти и бывшіе съ нами люди пошли пѣшкомъ; на возъ никому сѣсть нельзя было: онъ такъ былъ нагруженъ вещами. Всего насъ было 10 человѣкъ. Изъ воспитанниковъ: два брата Гудимы-Левковичи, (Кіевляне) Милорадовичъ (изъ Кременчуга, Полтавской губерніи), Гулевичъ изъ Пензенской губерніи, Подьяковъ изъ Вологодской губ. и насъ двое. Прочихъ трое: экономъ, наемный слуга Нѣмецъ и нашъ человѣкъ Осипъ. Куда насъ вели, никто ничего не зналъ, но мы не слишкомъ скучали. Это разнообразіе въ жизни, перемѣна предметовъ, отсутствіе строгаго надзора, нѣкоторая самостоятельность въ дѣйствіяхъ— все это на первыхъ порахъ насъ утѣшало и занимало. О будущемъ въ голову ничего не приходило; политикою мы не занимались, и намъ было все равно, что́ бы ни дѣлалось на свѣтѣ. Объ одномъ только думали, какъ бы поѣсть... Когда мы подошли къ заставѣ на Рязанской дорогѣ, было уже темно; мы шли еще около часа... Безчисленное множество обозовъ и экипажей разнаго рода тянулось по этой дорогѣ; пѣшеходы шли тысячами. Наконецъ совсѣмъ смерклось; надобно было подумать о ночлегѣ; но гдѣ его найти? Въ ближайшемъ отъ Москвы селеніи, гдѣ мы думали переночевать, всѣ избы были заняты проѣзжающими и проходящими. Для нашего каравана недостаточно было од-

ной избы, если бы и отыскалась свободная. Положено было провести ночь въ открытомъ полѣ. Достали съ воза ковры, рогожи, простыни, одѣяла, разложили все это на травѣ, купили въ деревнѣ молока, поужинали, помолились и улеглись, кое-какъ укутавшись въ шинели; но уснуть было трудно: сырость и холодъ проникали до костей. Сверхъ того, новость положенія, нѣкоторое безпокойство духа и неизвѣстность, чѣмъ кончится наше путешествіе, отнимали всякій сонъ. Часу въ 12-мъ ночи я увидѣлъ зарево Москвы. Горѣло въ трехъ мѣстахъ, Французовъ въ Москвѣ еще не было, и это надобно было отнести къ случайнымъ пожарамъ, если только не было намѣренныхъ поджоговъ съ извѣстною цѣлью. Часовъ въ 5-ть утра насъ подняли; вскорѣ взошло солнце; погода была довольно теплая; мы вскочили, протерли глаза; намъ дали что-то поѣсть, и мы пустились дальше въ хорошемъ расположеніи духа. Нѣкоторые изъ насъ очень уставали и съ трудомъ тащились; тогда такихъ вскидывали на возъ; одинъ отдохнувши уступалъ мѣсто другому. Сидѣвшій на возу обыкновенно и правилъ лошадьми. Это насъ очень забавляло. Я никогда не садился на возъ: достаточно было силы идти все время пѣшкомъ. Обыкновенно я дорогою читалъ взявшись рукою за возъ и бредя за нимъ медленнымъ шагомъ. Со мною были Труды Общества Любителей Россійской Словесности, которые Антонскій далъ мнѣ для передачи Лубьяновичу при предстоявшей поѣздкѣ въ Петербургъ, такъ неожиданно не состоявшейся. (Антонскій былъ предсѣдателемъ этого общества).....

На другой день, т. е. 2 Сентября, мы прошли такимъ образомъ около 20 верстъ. Мы стали привыкать къ нашему положенію. Въ Среду, 4 числа, когда мы были уже верстахъ въ 70 отъ Москвы, мы увидѣли огромное зарево. Она пылала во всей силѣ..... Подходя къ Коломнѣ, мы сильно были перепуганы пьяными солдатами, скакавшими намъ на встрѣчу. Они кричали, что непріятель подходитъ къ Коломнѣ. Отъ страху мы не знали, что́ дѣлать; назадъ идти худо, подвигаться впередъ тоже не хорошо... Я упрашивалъ направиться въ сторону, указывая на какую-то деревеньку. Составили совѣтъ; съ нами было много пѣшеходовъ, слѣдовавшихъ по той же дорогѣ; между проѣзжими былъ какой-то провіантскій чиновникъ. Мы разсуждали, что непріятель никакъ не могъ такъ скоро обойти Москву и пройти такъ, чтобъ показаться впереди насъ, и заключили, что безумные солдаты вѣрно шутя кѣмъ нибудь были напуганы. Мы рѣшили идти впередъ... Другіе попадавшіеся проѣзжіе насъ окончательно успокоили... Недалеко отъ Коломны попался намъ мужикъ на телѣгѣ въ одну лошадь; мы разговорились... Между прочимъ зашла рѣчь о томъ, не продастъ ли онъ намъ лошадь съ телѣгою. Мужикъ согла-

сился; въ цѣнѣ сладили, и мы пріобрѣли экипажъ, куда тотчасъ и забрались. Одинъ изъ насъ правилъ лошадью, и мы пустились рысью къ Коломнѣ, оставя далеко за собою нашъ возъ съ багажемъ. Надобно было видѣть радость нашу, когда мы неслись на нашей лошаденкѣ, съ какимъ наслажденіемъ отдохнули отъ длиннаго странствованія пѣшкомъ! Въ Коломнѣ мы переночевали. Здѣсь Болотовъ придумалъ отправить двухъ братьевъ Гудимъ-Левковичей на родину и нанялъ имъ извощика за 270 р. асс.; почему распоряженіе его остановилось на нихъ только, а не на другихъ изъ насъ, объяснить не умѣю. Гуд. Левковичи были также очень молоды и распоряжаться собою еще не могли; за всѣмъ тѣмъ Болотовъ нашелъ возможнымъ ихъ отправить однихъ безъ человѣка, на произволъ одного извощика. При разставаніи съ товарищами я искренно плакалъ... Общее несчастіе связало насъ тѣсною дружбою *).

Насъ осталось пятеро.... Мы шли еще два дня и на шестой со времени отправленія изъ Москвы прибыли въ деревню Митягину, Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда, принадлежавшую Бестужевымъ-Рюминымъ. Здѣсь мы остановились. Какимъ образомъ сюда попали? Экономъ Болотовъ вмѣсто г. Владимира, куда поручено ему было насъ доставить, разсудилъ пріютить насъ въ деревнѣ, откуда онъ былъ родомъ и гдѣ укрылъ онъ свое семейство. Имѣлъ ли онъ на то право и дозволеніе, сомнительно; но съ другой стороны странно допустить, чтобы онъ поступилъ въ этомъ случаѣ самовольно. Поступокъ его можно объяснить только тѣмъ, что онъ хотѣлъ свидѣться съ своимъ семействомъ и потомъ отправиться далѣе, но сообразивъ обстоятельства и способы, рѣшился остаться здѣсь и ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ Антонскаго по перепискѣ съ нимъ. Однакожъ и такое объясненіе было бы довольно забавно. Если ему крайне хотѣлось видѣться съ семействомъ, то могъ бы уѣхать къ нему тотчасъ по доставленіи насъ во Владимиръ, или куда ему приказано; на это не могло потребоваться много времени, но тащить съ собою въ Рязанскую деревню чужихъ дѣтей и держать ихъ при себѣ болѣе мѣсяца слишкомъ странно. Вообще трудно объяснить дѣйствія и Антонскаго, и Болотова; ни тотъ, ни другой не выполнили своихъ обязанностей какъ слѣдуетъ. Болотову выданы были деньги на наше содержаніе... Отдалъ ли

*) Гудимы служили потомъ въ гвардіи; старшій Константинъ въ кавалергардскомъ полку, гдѣ дослужился до полковниковъ, былъ одинъ изъ красивыхъ и молодцоватыхъ офицеровъ, одѣвался щегольски. Вышелъ въ отставку съ настоящимъ чиномъ. Меньшій Иванъ въ л.-егерьскомъ полку, прослужилъ недолго и вышелъ въ отставку поручикомъ. Онъ былъ болѣзненъ.

онъ въ нихъ отчетъ и въ какомъ родѣ, мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ Болотовъ былъ человѣкъ добрый, и мы не имѣли никакихъ причинъ на него жаловаться.

*

Деревня Митягина сдѣлалась надолго постояннымъ нашимъ мѣстопребываніемъ. Надобно было расположиться сколько можно удобнѣе. Семейство Болотова состояло изъ двухъ замужнихъ дочерей съ дѣтьми. Оба зятя его находились гдѣ-то на казенной службѣ. Самъ Болотовъ помѣстился съ одною изъ дочерей и внучками въ особой чистой избѣ, принадлежавшей къ господской усадьбѣ; намъ отвели господскій домъ, старое, пришедшее въ ветхость зданіе, безъ стеколъ въ окнахъ, съ разрушавшеюся крышею. Въ одной изъ комнатъ этого дома, которую по возможности постарались сдѣлать жилою, исправивъ и залѣпивъ окна и двери, навалили намъ на полу сѣна и разложили на немъ простыни, подушки и одѣяла. Въ этой же комнатѣ устроилась и другая дочь Боботова на кровати... Къ ней приходила спать сестра прикащика, съ которою она была въ большой дружбѣ. Въ углу той же комнаты спалъ и человѣкъ нашъ Осипъ. Часовъ около 10-ти вечера мы всѣ собирались въ наши хоромы и укладывались спать, потомъ ложились и наши барыни; но онѣ не скоро засыпали, много между собою болтали и часто о такихъ вещахъ, которыя намъ дѣтямъ еще мало были знакомы, но которыя мы слушали съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, отчего скоро засыпать не могли. Утромъ часу въ 9-мъ мы вставали, умывались и отправлялись въ избу къ Болотову пить чай, послѣ того каждый изъ насъ уходилъ, куда вздумаетъ. Въ другую погоду оставались въ избѣ, читали что̀ было подъ рукою, болтали, играли въ карты... Въ 2 часа обѣдали; вечеръ проводили какъ случится, большею частію вмѣстѣ. На дворѣ рано становилось темно, и далеко нельзя было уходить. Мы были здоровы, скуки не замѣчали; съ нами обходились ласково. Къ концу Сентября сдѣлалось чувствительно холоднѣе. Въ нашемъ барскомъ домѣ нельзя было уже спать отъ холода и сырости; всѣ предосторожности были безполезны; со всѣхъ сторонъ дуло; двойныхъ оконъ не было, полъ сгнилъ, двери не запирались, печь не могла топиться... Нодобно было подумать о другомъ пристанищѣ. По недостатку теплой избы съ дымной трубою, насъ перевели въ черную избу. Тутъ также расположились мы на полу.... Ночью было тепло, но непріятно было вставать. Въ избѣ рано начинали топить печь; дымъ не имѣя другого выхода, какъ въ растворенную дверь растилался по избѣ. Насъ будили; мы вскакивали, проворно одѣвались и убѣгали на чистый воздухъ, гдѣ оканчивали нашъ туалетъ, умывшись въ первомъ ручьѣ. Холодъ пробиралъ насъ до костей;

мы бѣгали, чтобъ согрѣться въ ожиданіи той блаженной минуты, когда отворятъ для насъ дверь избы Болотова и дадутъ намъ чаю, что̀ иногда случалось довольно поздно.... Несмотря на такое бѣдственное наше положеніе, мы не жаловались. Мы видѣли, что иначе быть нельзя и умѣли покориться необходимости. Съ переходомъ въ курную избу мы разстались съ нашими ночными дамами. Дочь Болотова, хотя и съ трудомъ, помѣстилась въ избѣ отца. Мы этому были очень рады. Она страдала сильными истерическими припадками, о которыхъ я прежде не имѣлъ никакого понятія. Иногда она съ визгомъ падала посреди насъ, и мы отъ страха разбѣгались во всѣ стороны.

Во время нашего пребыванія въ Митягинѣ было одно только важное происшествіе. Это крестины у прикащика. Болотовъ и семейство его были приглашены въ гости, но насъ не просили. Крестины начались обѣдомъ и продолжались до поздняго, вечера. Цѣлый день мы оставались одни. Когда уже совсѣмъ стемнѣло одна изъ женщинъ наткнулась на меня и сказала: я давно васъ ищу; ступайте къ прикащику въ гости. Я очень обрадовался приглашенію и не заставилъ себя дожидаться. Войдя въ теплую избу прикащика, гдѣ было много народа, я думалъ, что попалъ въ рай. Мнѣ дали пирога, жаренаго, потомъ чаю, и я былъ вполнѣ счастливъ.

Между тѣмъ наступилъ Октябрь. Средства Болотова, повидимому, истощались. Онъ начиналъ жаловаться на недостатки и думалъ, какъ бы сбыть насъ съ рукъ. О доставленіи насъ во Владимиръ онъ и не помышлялъ. Опять приходитъ на мысль, какимъ образомъ Болотовъ могъ завезти насъ въ свою Рязанскую глушь и потомъ принять на себя распоряженіе разослать насъ къ роднымъ. Трудно допустить, чтобъ Антонскій это ему предоставилъ, да онъ и не имѣлъ права этого дѣлать, потому что мы отданы были на руки Антонскому, и онъ за насъ отвѣчалъ передъ родными, передъ обществомъ и передъ правительствомъ. Антонскому слѣдовало, передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву, или увезти насъ къ себѣ въ (деревню семь воспитанниковъ не могли бы сдѣлать ему большого стѣсненія) или поручить кому нибудь изъ надежныхъ надзирателей, даже инспектору или университетскому чиновнику отвезти насъ въ безопасное мѣсто, во Владимиръ, въ Нижній-Новгородъ, или куда лучше и сдать извѣстному лицу, которое заступало бы для насъ мѣсто директора пансіона. Ничего этого Антонскій не сдѣлалъ, и это очень странно; потому что онъ человѣкъ былъ умный, тонкій и пользовавшійся расположеніемъ и уваженіемъ публики. Это была большая съ его стороны неосторож-

ность. Не менѣе того виноватъ собственно передъ нами и передъ опекуномъ нашимъ Лубьяновичемъ и братъ его Михаилъ Антоновичъ, который ускакалъ изъ Москвы, не взявши насъ съ собою. Онъ могъ бы переслать насъ въ удобное время въ Петербургъ. Расходы, которые были бы произведены имъ по этому случаю, могли быть пополнены по представленіи счета Лубьяновичу. Подобныя дѣйствія Антонскихъ заслуживаютъ полнаго нареканія. Болотовъ изыскивалъ средства отправить насъ въ тѣ мѣста, откуда мы были родомъ. Французы были еще въ Москвѣ, и никто не зналъ, какая будетъ развязка; въ деревню къ намъ мало доходило свѣдѣній о военныхъ и политическихъ дѣлахъ. Писемъ никто не получалъ, сношеній съ городомъ не было; по крайней мѣрѣ не помню, чтобъ Болотовъ, когда-нибудь отлучался изъ деревни; можетъ быть, ѣздилъ приказчикъ. Наконецъ, Болотовъ рѣшился разстаться съ нами. Прежде другихъ онъ распорядился съ Милорадовичемъ, котораго отправилъ въ Кременчугъ, нанявъ ему извозчика (за какую цѣну, мнѣ неизвѣстно). Потомъ уѣхалъ Гулевичъ въ Пензу вмѣстѣ съ наемнымъ человѣкомъ - Нѣмцомъ. Наконецъ, въ началѣ Октября снарядили и насъ съ Подъяковымъ, которому надобно было ѣхать въ Великій-Устюгъ. Извозчики взялись везти насъ за 500 р., а Подъякова за 400 р. ассиг., а сверхъ того дорогою кормить. Цѣна огромная, но извозчики запросили столько по уваженію смутныхъ обстоятельствъ и опасностей, которымъ, какъ полагали они, подвергаются. Чтобъ провезти насъ благополучно и не попасться въ руки непріятелю, надобно было сдѣлать большой объѣздъ. На дорогу Болотовъ выдалъ намъ двумъ съ человѣкомъ 15 р., а Подъякову 5 р. ассиг. Съ этими деньгами, разумѣется, мы далеко доѣхать не могли. Мы распростились съ Болотовымъ и его семействомъ 5 Октября и пустились въ путь. Мы ѣхали вмѣстѣ съ Подъяковымъ до Троице-Сергіевской лавры и тутъ разстались. Онъ поѣхалъ на Ярославль, а мы должны были съ Московской дороги свернуть вправо, и потомъ объѣздомъ выѣхать на Тверскую дорогу. Грустно намъ было разлучаться. На прощаніи Подъяковъ пролакомилъ дочиста свои 5 р. Мы давно такъ не пировали. Онъ зналъ, что въ пути его прокормитъ извозчикъ и о будущемъ мало безпокоился *).

Французы еще не выступали изъ Москвы. Ихъ мародеры доходили до Троицкой лавры, но въ монастырь войти не могли: онъ былъ

*) Куда дѣвался Милорадовичъ, неизвѣстно. Подъяковъ умеръ въ молодости. Гулевичъ былъ въ военной службѣ, дослужился до генералъ-маіорскаго чина, потомъ каммергеромъ, пріобрѣлъ хорошее состояніе, купилъ имѣніе въ Трубчевскомъ уѣздѣ, гдѣ послѣднее время находился уѣзднымъ предводителемъ.

хорошо укрѣпленъ и могъ держаться противъ небольшой и неустроенной команды. Странно, какъ не отрядили туда значительнаго числа войска; тамъ можно было непріятелю хорошо поживиться. Съ должнымъ уваженіемъ осматривалъ я достопримѣчательности монастыря. Я долго стоялъ задумавшись, надъ могилою Бориса Годунова, котораго исторія мнѣ уже была извѣстна. Тутъ же могилы и членовъ его семейства.

Мы кружились около Москвы въ разстояніи 60 верстъ и болѣе, чтобъ не наткнуться на непріятельскіе разъѣзды. Французы заходили иногда далеко для фуражировки, доходили до Дмитрова и до Богородска. Мы были въ томъ и другомъ городѣ послѣ набѣга непріятельскаго. Мы осматривали опустошенныя Французами церкви; образа валялись еще по угламъ безъ окладовъ, проткнуты саблями; на полу разсыпанное сѣно и овесъ; здѣсь ставили лошадей. Народъ разсказывалъ о безчинствѣ непріятеля съ большимъ негодованіемъ. Дорогою не случилось съ нами ничего необыкновеннаго, мы ѣхали верстъ по 35 и 40 въ день; ночью отдыхали. Извозчики расплачивались за насъ на постоялыхъ дворахъ; мы впрочемъ не въ правѣ были много требовать. Щей, молока и хлѣба. Этого было для насъ достаточно. Наконецъ, пробывъ въ дорогѣ 18 дней, мы пріѣхали въ Петербургъ 23 Октября.

Какъ описать радость нашего добраго Лубьяновича, когда онъ насъ увидѣлъ! Мы явились къ нему неожиданно, совершенно одни, какъ будто съ неба упали. Онъ воображалъ, что мы призрѣны Антонскими, гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ. Поручивъ насъ ихъ покровительству, онъ не имѣлъ основаній тревожиться о насъ и былъ совершенно покоенъ насчетъ нашей участи. Появленіе наше въ Петербургѣ крайне его удивило. Какимъ образомъ мы могли здѣсь очутиться? Никто ему не писалъ, что мы сюда были отправлены. Въ короткихъ словахъ мы разсказали нашу исторію. Онъ вышелъ изъ себя отъ негодованія и излился жестокою бранью на Антонскихъ. Я въ это время осмѣлился попросить его послать какой-нибудь подарокъ Болотову за его заботливость о насъ во время нашего съ нимъ странствованія. Я обѣщалъ это Болотову при разставаніи и совѣстливо выполнилъ обѣщаніе. Лубьяновичъ продолжалъ бранить Антонскихъ и все пансіонское управленіе и не хотѣлъ меня слушать. Онъ щедро наградилъ только нашего извозчика, которому сверхъ условленныхъ денегъ далъ еще 25 рубл. Лубьяновичъ имѣлъ всѣ причины негодовать на Антонскихъ, такъ дурно оправдавшихъ довѣріе къ нимъ, и особенно на Михаила Антоновича, котораго сынъ жилъ въ домѣ Лубьяновича и даромъ пользовался столомъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Антонскіе

не уважили и того, что мы были дѣти прежняго ихъ товарища по школѣ. Во время пріѣзда нашего въ Петербургъ, Владимиръ Михайловичъ былъ въ отпуску; кажется, онъ уѣзжалъ къ роднымъ. Лубьяновичъ въ чрезвычайномъ гнѣвѣ своемъ кричалъ людямъ, что если Влад. Михайл. возвратится, то его не пускать въ домъ. Недѣли черезъ двѣ или три Лубьяновичъ получилъ письмо отъ Михаила Антоновича, что мы находимся во Владимирѣ, совершенно счастливы и довольны и подъ надзоромъ благонадежныхъ людей! Этого было слишкомъ достаточно, чтобъ снова привеси въ ярость Лубьяновича. Онъ всѣмъ давалъ читать это письмо. Любопытно бы знать, что́ онъ отвѣчалъ Антонскому. Время мало-по-малу утишило гнѣвъ его. Онъ пересталъ сердиться. Владимиръ Михайловичъ по пріѣздѣ изъ отпуска снова жилъ у него въ домѣ. Лубьяновичъ былъ необыкновенно горячъ и вспыльчивъ, но когда вспыльчивость проходила, онъ становился снова кроткимъ и добрымъ. По величію духа онъ не способенъ былъ къ мстительности.

Мы снова пріютились въ домѣ, который сдѣлался намъ роднымъ. Чтобъ мы не болтались безъ занятій, насъ отдали въ частный пансіонъ священника Владимирской церки, на Петербургской Сторонѣ, Михаила Борисовича Каменскаго, пользовавшагося репутаціей человѣка умнаго, тонкаго и ловкаго. Пансіонъ его былъ изъ числа лучшихъ въ городѣ; тамъ преподавали весьма хорошіе учители и вообще учениками занимались совѣстливо и съ должною заботою. Годъ проведенный мною въ этомъ пансіонѣ не былъ для меня потеряннымъ. Я успѣлъ въ математикѣ и познакомился съ древнею исторіею. По Субботамъ насъ брали домой, присылая за нами лошадей; но иногда случалось, что мы оставались въ Воскресенье въ пансіонѣ. Очень помню эти грустные часы. Я страдалъ отъ огорченія, что о насъ не вспомнили и оставили скучать въ школѣ. Но зачѣмъ мы стремились домой? Что́ могли мы найти тамъ, гдѣ не встрѣчала насъ ни одна родственная улыбка, гдѣ, конечно, насъ призрѣли, но безъ той родительской заботливости, которая съ удивительною смѣтливостію замѣчаетъ все, что́ можетъ радовать или огорчать дитя. Лубьяновичъ вообще мало нами занимался, жена его еще менѣе. Съ ними мы видѣлись только за обѣдомъ; остальное время мы скрывались на дворѣ, гдѣ играли съ мальчиками въ разныя игры. Этотъ родъ жизни, безъ сомнѣнія, имѣлъ для насъ свою прелесть, и мы вовсе не добивались вниманія къ намъ; напротивъ были очень довольны тѣмъ, что не видимъ за собою никакого надзора.

Такъ прошло болѣе полугода. Въ одинъ Понедѣльникъ, вмѣсто того, чтобъ отправить насъ въ пансіонъ, велѣно было намъ готовиться ѣхать въ гимназію. Тогда въ Петербургѣ была только одна гимназія, на Большой Мѣщанской, что нынѣ 2-ая. Я спросилъ, съ какою цѣлью? На это Лубьяновичъ отвѣчалъ мнѣ: для полученія аттестата, дающаго право на производство въ коллежскіе ассесоры и въ статскіе совѣтники по указу 6 Августа 1809 года. Я никогда не слыхалъ, чтобъ гимназія имѣла право выдавать подобные аттестаты и осмѣлился объ этомъ замѣтить Лубьяновичу. Онъ не хотѣлъ меня слушать и сказалъ, что я ничего не знаю. Спорить нельзя было. Насъ отвезли въ гимназію, внесли впередъ за полгода деньги; меня слегка проэкзаменовали, посадили въ 4 классъ. Наступилъ часъ обѣда; насъ накормили и потомъ отправили въ классъ. Въ 7 часовъ слышу меня кто-то спрашиваетъ. Выхожу въ пріемную и вижу Владимира Михайловича Антонскаго, который мнѣ объявилъ, что насъ берутъ изъ гимназіи и мы должны сейчасъ отправиться домой. Это крайне меня удивило и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовало. Я не знаю, почему мнѣ не хотѣлось оставаться въ гимназіи; казалось все равно, гдѣ бы ни учиться, даже въ гимназіи лучше и ближе къ дому, но мы привыкли уже къ пансіону священника. Онъ былъ къ намъ внимателенъ, даже вѣжливъ, не смотря на то, что былъ характера нѣсколько жесткаго. Жена его также насъ иногда ласкала. Видно было, что онъ желалъ подслужиться Лубьяновичу, который за него просилъ у начальства и ему выхлопоталъ *какую-то награду*. Въ гимназіи же мы никого не знали; надобно было привыкать къ мѣсту и къ людямъ. Все тамъ отзывалось какою-то служебною сухостію и суровостію, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось. Владимиръ Михайловичъ отправился къ директору, объяснилъ ему намѣреніе взять насъ назадъ и получить внесенныя деньги обратно. Желаніе его было исполнено. Мы сѣли въ коляску и пріѣхали домой. Лубьяновичъ, увидя меня сознался, что въ гимназіи не выдаютъ аттестатовъ на производство въ чины и что онъ въ этомъ случаѣ повѣрилъ Политковскому; поразспросивъ однакожъ людей, знающихъ и удостовѣрившись въ своей ошибкѣ, онъ поспѣшилъ взять насъ изъ гимназіи. Все это доказываетъ, до какой степени онъ заботился объ устройствѣ нашей будущности: онъ не оставилъ безъ вниманія замѣчанія мальчика, хотя и не могъ дать ему большой важности, въ тотъ же день онъ сталъ собирать свѣдѣнія для повѣрки этого замѣчанія и увѣрился, что оно было справедливо. Если бы онъ этого не сдѣлалъ, то мы бы остались въ гимназіи и вѣроятно произошла бы какая-нибудь перемѣна въ послѣдствіяхъ касательно дальнѣйшаго нашего образованія. Къ лучшему или худшему, трудно сказать. На дру-

гой день, во Вторникъ, мы снова были отвезены въ пансіонъ къ священнику.

Въ Январѣ 1814 года меня взяли изъ пансіона. Лубьяновичъ предположилъ отправить меня въ Москву въ тамошній Университетъ, который только что былъ открытъ послѣ нашествія Французовъ. Мнѣ минуло 15 лѣтъ. Въ эти годы еще рано слушать университетскія лекціи, и притомъ я слишкомъ слабо былъ для этого приготовленъ; но тогда не такъ строго разбирали. Притомъ Университетъ охотно принималъ всѣхъ, кто являлся и имѣлъ кое-какія познанія. Желающихъ было еще немного, а начать преподаваніе непремѣнно нужно было. Въ Февралѣ меня снарядили и отправили съ какимъ-то попутчикомъ. комиссіонеромъ. Онъ оказался человѣкомъ весьма нетрезвымъ. Дорогою онъ пользовался всѣми случаями выпить. Однажды, недалеко отъ станціи Зайцовой, онъ сильно хлебнулъ и будучи недоволенъ медленною ѣздою ямщика, вздумалъ сѣсть на козлы, чтобъ погонять лошадей, а человѣка посадилъ вмѣсто себя въ кибитку. Къ несчастію намъ запрягли бойкихъ лошадей, которыя съ мѣста поскакали въ сильный галопъ; долго несли онѣ; случилась выбоина, кибитку тряхнуло, и бѣдный мой товарищъ слетѣлъ съ козелъ. Съ трудомъ ямщикъ остановилъ лошадей; повернули ихъ назадъ и подъѣхали къ комиссіонеру, который лежалъ безъ чувствъ на снѣгу. Пока мы съ нимъ возились лошади заупрямились, дернули, ямщикъ не могъ ихъ сдержать, упалъ и выпустилъ возжи. Лошади понеслись по дорогѣ и исчезли изъ виду. Попутчикъ между тѣмъ пришелъ въ чувство; мы провели его пѣшкомъ до ближней деревни и оставили на попеченіе бабъ, а я сталъ уговаривать крестьянъ помочь мнѣ догнать лошадей. Я боялся, чтобъ не пропала шкатулка съ деньгами и прочія вещи. Одинъ изъ плутоватыхъ мужичковъ подвернулся съ своими услугами и предложилъ мнѣ ѣхать съ собою за лошадьми. Я согласился; немедленно подвелъ онъ тройку лошадей запряженныхъ въ телѣгу; мы усѣлись и понеслись во всю прыть за лошадьми, но не успѣли мы проѣхать версты полторы, какъ увидѣли, что нашихъ лошадей съ кибиткою ведутъ намъ навстрѣчу. Они были остановлены проѣзжими. Я чрезвычайно обрадовался, пересѣлъ въ кибитку и пріѣхалъ къ несчастному товарищу моему, который къ этому времени успѣлъ совсѣмъ протрезвиться. Ему очень совѣстно было предъ мною-мальчикомъ, что не онъ за мною, а я за нимъ ухаживаю. Онъ боялся, что я напишу объ этомъ къ своимъ и ему за это достанется. Въ порывѣ благодарности я далъ услужливому мужику за $1\frac{1}{2}$ верстную прогулку 15 р. асс.—сумму въ

то время для меня огромную. Онъ ловко умѣлъ у меня ее выманить. Остальный путь мы совершили безъ особенныхъ приключеній.

Въ Москвѣ меня привезли прямо къ Антону Антон. Антонскому, въ домъ брата его Михайла Антон. подъ Донскимъ, гдѣ онъ въ отсутствіи брата жилъ. Онъ принялъ меня очень ласково и на третій день поздравилъ меня студентомъ Университета. Я никакого экзамена не держалъ. Во время Французовъ университетскій домъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ музеумомъ. Для университета нанятъ былъ частный домъ, кажется, въ Заиковомъ переулкѣ; небольшое строеніе, но достаточное для открытія классовъ и помѣщенія слушателей и казенныхъ студентовъ. Изъ университетскихъ зданій остался цѣлъ, хотя и сильно поврежденъ, одинъ флигель, гдѣ помѣщались нѣкоторыя лица, принадлежавшія къ Университету, между прочимъ экономъ Грѣшищевъ. Меня помѣстили къ нему на пансіонъ за особую плату. Я началъ посѣщать университетскія лекціи.

ФРАНЦУЗЪ-ХОДАТАЙ ЗА РУССКИХЪ ПРОСТОЛЮДИНОВЪ.

Въ „Разсказахъ очевидцевъ о 1812-мъ годѣ“ собранныхъ Е. В. Новосильцевой [1]) приведенъ разсказъ Василія Ермолаева, который былъ крѣпостнымъ человѣкомъ А. Н. Соймонова; затѣмъ, въ шестой тетради „Русскаго Архива“ 1871 г.) помѣщенъ за подписью Е. А. С. (Екатерины Александровны Соймоновой) другой разсказъ, записанный ею со словъ бывшей ея крѣпостной женщины; наконецъ, помнится мнѣ, что въ „Русскомъ Архивѣ“ упоминалось о графѣ Мильо (Milhaud), носившемъ званіе Московскаго коменданта во время занятія Наполеономъ Москвы. Нынѣ въ старыхъ Соймоновскихъ бумагахъ, доставшихся женѣ моей, я напалъ на любопытный документъ, имѣющій непосредственную связь съ приведенными разсказами. Соймоновы, предъ вступленіемъ въ Москву непріятеля, выѣхали во Владимирскую губернію, оставивъ въ своемъ Московскомъ домѣ [2]) 25 человѣкъ прислуги и Француза Перянь (Perin) жившаго у нихъ дядькою. Это ходатайство упомянутаго Perin, обращенное къ Московскому коменданту графу Мильо относительно пропуска Соймоновскихъ людей изъ Москвы въ Соймоновскую же подмосковную село Теплое и приказъ о томъ Коменданта.

9 Декабря 1902.

А. Булыгинъ.

A monsieur le comte Milhaud commandant de la place de Moscou.

Charles Perin, Français, natif de Lunéville, dép-t de La Meurthe, supplie monsieur le général, commandant de la place, de vouloir bien faire obtenir un passeport pour retourner dans leurs foyers à 25 individus Russes, hommes, femmes, enfants et viellards, appartenant à la maison incendiée qu'habitait le d(it) Perin. Ces malheureux, périssant de misère sur les décombres de la maison de leur maître, désirent se retirer dans une campagne nommée Téplo, à 80 verstes de Moscou entre la route de Smolensk d'une part et celle de Zvinigorod, d'autre, c'est-à-dire tout-à-fait à l'opposée des armées. Le suppliant Perin répond de la moralité et des intentions paisibles de ces infortunés. Charles Perin, ancien jurisconsulte et notaire.

Conformément aux ordres de s. e. m. le maréchal duc duc de Tréise, les chefs de postes et patrouilles taisseront librement passer les ving-cing individus ci-dessus, porteurs du présent, lesquels retourneut dans leurs foyerssur les derrières de l'armée.

Moscou, le 25 7-bre 1812 Le général de division, commandant de la place de Moscou le comte de Milhaud. (Мѣсто печати).

---

[1]) Подъ псевдонимомъ *Толычовой*. П. Б.

[2]) На Малой Дмитровкѣ, нынѣ Кузнецовѣ. П. Б.

О ДЕКАБРИСТѢ ГРАФѢ З. Г. ЧЕРНЫШОВѢ.

На дняхъ мнѣ случайно пришлось прочесть въ Январской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1901 годъ „Сибирскіе Разсказы“. Въ разсказѣ „Послѣдній лучъ“ помѣщена легенда о Декабристѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышовѣ, которая отъ начала до конца (вымышлена или старикъ, ее передававшій назвалъ Чернышовымъ какое-нибудь другое лицо). Такъ какъ авторъ выражаетъ желаніе узнать подробнѣе о З. Г. Чернышовѣ и нигдѣ не нашелъ о немъ свѣдѣній, то я прошу его дополнить разсказъ тѣми свѣдѣніями, которыя я, родная племянница и крестница З. Г. Чернышова, могу о немъ сообщить.

Графъ З. Г. Чернышовъ родился 14 Декабря 1797 или 1796 года. Въ заговорѣ 1825 года онъ былъ весьма мало замѣшанъ. По этому, какъ и по усиленному ходатайству его родныхъ, онъ, пробывъ пять лѣтъ въ Петровскомъ Заводѣ, былъ переведенъ рядовымъ на Кавказъ. Тамъ онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ кампаніяхъ, получилъ офицерскій чинъ и, будучи раненъ въ грудь пулею навылетъ, по просьбѣ его старшей сестры графини Софьи Григорьевны Чернышовой-Кругликовой получилъ отставку. Не имѣя возможности возвратить ему маіоратъ, который съ титуломъ перешелъ къ его старшей сестрѣ, его сестры (онъ былъ единственный братъ) передали ему родовое имѣніе въ Орловской губерніи [1]). Въ 1834 году онъ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Тепловой и въ 1840 году поселился въ вышеозначенномъ имѣніи, селѣ Тагинѣ, которое смежно съ имѣніемъ его младшей сестры, а моей матери княгини Надежды Алексѣевны Долгорукой, гдѣ я его часто видѣла и живала впослѣдствіи у него подолгу. Такъ какъ жена его была очень слабаго здоровья и зимовать въ деревнѣ не могла, то ему былъ разрѣшенъ въѣздъ въ Москву, гдѣ онъ и провелъ нѣсколько зимъ. При общей амнистіи въ 1856 г. ему были возвращены титулъ съ правомъ свободнаго въѣзда въ столицы и выѣзда за границу, чѣмъ онъ и воспользовался и послѣдніе годы жизни провелъ съ женою въ Италіи, преимущественно въ Римѣ, тамъ они оба и похоронены [2]). Скончался онъ въ Маѣ 1862 года. Это былъ дѣйствительно человѣкъ рѣдкой скромности и дѣтскій незлобивый. Образованіе онъ имѣлъ блестящее и весьма обширное, въ обществѣ всегда былъ веселъ и одинаково со всѣми любезенъ и привѣтливъ. Въ семьѣ былъ горяче любимъ и память о немъ живетъ въ насъ свѣтлая и ласковая.

Надежда Малиновская.

---

[1]) Вторая сестра его Александра Григорьевна была замужемъ за Декабристомъ Н. М. Муравьевымъ, послѣдовала за мужемъ на каторгу и скончалась въ Читѣ, гдѣ и похоронена.

[2]) На иностранномъ кладбищѣ Monte Testacio.

А. И. ТУРГЕНЕВЪ О КОНЧИНѢ ПУШКИНА [1]).

Ты получишь, милый другъ, копіи съ 4-хъ писемъ, писанныхъ мною къ сестрѣ Ал. Ильин. [2]) вчера и третьяго дня. Я просилъ Булгакова [3]) прислать ихъ къ тебѣ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ и пакетомъ; ибо проведя день и ночь у умиравшаго поэта Пушкина, я не могъ особо писать ко всѣмъ. Вчера въ 2 ³/₄ мы его лишились, лишилась его Россія и Европа. Онъ умиралъ въ памяти до послѣдней минуты съ необыкновенною твердостію. Я видѣлъ послѣдній вздохъ его. Лицо его прояснилось; съ него сняли маску. Государь назначаетъ пенсію женѣ его, беретъ двухъ сыновей въ Пажескій корпусъ; вѣроятно, не оставитъ со временемъ и двухъ дочерей его. Пушкинъ получалъ 6000 жалованья; но послѣ него въ домѣ осталось 300 рублей, и онъ своею рукою подписалъ имена кому и сколько долженъ: тысячъ до 25. Вчера въ 8 часовъ вечера отслужили мы панихиду, въ Понедѣльникъ будутъ отпѣвать; но еще не знаемъ, здѣсь ли похоронятъ его или повезутъ въ деревню Псковскую. Послѣднее время мы часто видались съ нимъ и очень сблизились; онъ какъ-то болѣе полюбилъ меня, а я находилъ въ немъ сокровища таланта, наблюденій и начитанности о Россіи, особенно о Петрѣ и Екатеринѣ, рѣдкія, единственныя. Сколько пропало въ немъ для Россіи, для потомства, знаютъ немногіе; но потеря конечно незамѣнимая. Никто такъ хорошо не судилъ Русскую новѣйшую исторію: онъ созрѣвалъ для нея и зналъ и отыскалъ въ извѣстность многое, чего другіе не замѣтили. Разговоръ его былъ полонъ жизни и любопытныхъ указаній на примѣчательные пункты и на характеристическія черты нашей исторіи. Ему оставалось дополнить и передать бумагѣ свои свѣдѣнія. Великая потеря!

1837. Генваря 30. С.-Петербургъ.

---

[1]) Съ подлинника, сообщеннаго въ „Русскій Архивъ" Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ (братомъ драматурга). Письмо это написано къ Симбирскому помѣщику Ивану Семеновичу Аржевитинову, родственнику А. И. Тургенева (родная тетка его по отцу, Харитина Петровна Тургенева, была за однимъ изъ Аржевитиновыхъ).

[2]) Александра Ильинична Нефедьева, жившая въ Москвѣ родственница А. И. Тургенева (онъ и скончался въ 1845 году въ ея домѣ, въ приходѣ Власія).

[3]) Александра Яковлевича, Московскаго почтдиректора.

За нѣсколько дней, 16 Генваря, прочелъ онъ мнѣ наизусть много стиховъ, коихъ я не зналъ, ибо они не были напечатаны. Одни болѣе другихъ мнѣ понравились и тѣмъ уже, что написаны давно по случаю распространившагося слуха, что будто братъ Н. выданъ Англичанами; стихи адресованы къ другому поэту [1]), который написалъ стихи: *Къ морю* и славилъ его. Пушкинъ говоритъ поэту:

„Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой;
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ....
Не славь его: въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ земли союзникъ:
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ
Тиранъ, предатель или узникъ...

Эти стихи прочти развѣ только Борису [2]). Вчера же получилъ я милое письмо твое отъ 19 Генваря и, не смотря на грозныя минуты, въ кои приближалась смерть къ другу-поэту, оно нѣсколько развеселило меня.—Посылаю тебѣ книгу Глинки; не смотря на форму и на безграмотность автора, въ ней есть много любопытнаго, родного, что̀ Русскому пріятно вспомнить или узнать. Я только началъ читать ее. Посылаю 1-й № Литерат. Прибавленій и 5-й сейчасъ вышедшій (въ немъ уже и о Пушкинѣ).—Бестужевъ здѣсь, Нащокинъ видѣлъ его.

Послѣдовало высочайшее повелѣніе судить Пушкина, и Гекерна и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, военнымъ судомъ; но Пушкинъ уже предъ судомъ Божіимъ! Данзасу ничего не будетъ.

---

[1]) Къ князю П. А. Вяземскому, лѣтомъ 1826 года, когда Николай Ивановичъ Тургенева находился въ Англіи, и молодому князю А. М. Горчакову (впослѣдствіи канцлеру) было поручено убѣждать его къ возвращенію въ Россію.

[2]) Борисъ Петровичъ Тургеневъ—двоюродный братъ Александра Ивановича.

ДНЕВНИКЪ
БЕРХГОЛЬЦА.

ДНЕВНИКЪ

КАМЕРЪ-ЮНКЕРА

Ф. В. БЕРХГОЛЬЦА,

ВЕДЕННЫЙ ИМЪ ВЪ РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, СЪ 1721-го ПО 1725-й ГОДЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

И. Ѳ. Аммона.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1723-й годъ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1903.

ДНЕВНИКЪ КАМЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА.

1723-й годъ.

Январь. 1. Рано утромъ я долженъ былъ ѣхать въ Измайлово съ поздравленіями отъ имени его высочества. Какъ вдовствующая царица, такъ и герцогиня Мекленбургская и принцесса Прасковія приняли меня очень милостиво и заставили каждая выпить по стакану вина. Царицу я нашелъ въ постели, герцогиню почти совсѣмъ одѣтую, а принцессу только что собравшуюся чесать себѣ волосы и притомъ въ одной рубашкѣ. Она поспѣшно сорвала съ одной изъ своихъ дамъ мантилью и прикрылась ею; однакожъ все-таки протянула мнѣ руку для обычнаго цѣлованія. Маленькая дочь герцогини преспокойно еще спала въ своей колыбели. Когда я возвратился домой, богослуженіе уже началось. До проповѣди многіе Русскіе пріѣзжали къ намъ поздравлять съ Новымъ годомъ; являлись также (даже и послѣ проповѣди) въ страшномъ множествѣ литаврщики, трубачи, пѣвчіе, гобоисты и барабанщики, которые повыманили изъ кошелька у герцога по крайней мѣрѣ сто рублей. Часовъ въ 9 его высочество съ Измайловымъ и съ своею свитою поѣхалъ въ саняхъ къ тому мѣсту, гдѣ въ прошломъ году былъ большой фейерверкъ по случаю празднованія мира, и нашелъ тамъ его величество императора съ нѣкоторыми изъ его фаворитовъ. Государь пріѣхалъ туда, чтобы принять поздравленія съ Новымъ годомъ отъ иностранныхъ министровъ; но господа эти, хоть и предувѣдомили ихъ о томъ, не являлись такъ долго, что онъ, не дождавшись ихъ, отправился въ церковь. Только когда его уже не было, они одинъ за другимъ съѣхались. Его высочество, поэтому, немало радовался, что выѣхалъ такъ рано и еще засталъ императора. Его величество былъ въ этотъ день въ гвардейскомъ мундирѣ, и всѣ гвардейскіе офицеры, которые не явились въ мундирахъ, должны были въ наказаніе пить водку. Въ число такихъ попалъ и нашъ Измайловъ. Около 12-ти часовъ, когда кончилась Русская обѣдня, ихъ величества, въ сопровожденіи всѣхъ вельможъ, возвратились назадъ и вскорѣ сѣли за столъ. Хотя очень боялись, что сегодня будутъ силь-

но пить, потому что гвардейскіе офицеры исправляли должность маршаловъ и передъ всѣми дверьми внутри и внѣ комнатъ стояли гвардейскіе солдаты; однакожъ все обошлось весьма умѣренно: большіе стаканы вовсе не являлись на сцену, и всякій могъ пить сколько хотѣлъ. Императоръ провозгласилъ только два тоста, и то въ рюмкахъ, а именно—за здоровье его высочества, нашего герцога, и за семейство Ивана Михайловича. Его величество сидѣлъ за необыкновенно-длиннымъ столомъ, человѣкъ на 80, и имѣлъ подлѣ себя, съ лѣвой стороны—герцога, а съ правой—кн. Меншикова. За обѣдомъ онъ очень много говорилъ съ его высочествомъ и былъ съ нимъ чрезвычайно милостивъ, но сильно уговаривалъ его не пить Рейнъ и Мозельвейнъ (которыхъ герцогъ почти исключительно придерживается), увѣряя, что оба эти сорта нездоровы. Послѣ стола его высочество пошелъ опять къ императрицѣ, которой представлялся еще до обѣда. Какъ скоро императоръ откушалъ, народу былъ отданъ жареный и наполненный всякаго рода дичью быкъ, лежавшій на высокихъ подмосткахъ; но немногимъ удалось добраться до него, за исключеніемъ солдатъ, которые храбро принялись за дѣло. Съ наступленіемъ сумерекъ зажженъ былъ фейерверкъ, состоявшій изъ ракетъ, швермеровъ, воздушныхъ шаровъ, огненныхъ колесъ, пирамидъ изъ бѣлаго огня и большого девиза изъ голубого огня, относившагося къ покоренію Дербента. По окончаніи всего императрица тотчасъ уѣхала со всѣми дамами, и его высочество проводилъ ее до кареты; но императоръ остался еще на нѣсколько времени, герцогъ также.

2. Его высочество кушалъ открыто и имѣлъ у себя въ гостяхъ гр. Ферзена, бар. Штрёмфельда, молодого Джона фонъ-Остена (брата полковницы Ягужинской) и статсъ-комиссара Принценштіерна (который, какъ говорятъ, сватается за вдову Ягужинскую). До и послѣ обѣда пили довольно сильно. Около 4-хъ часовъ герцогъ поѣхалъ на концертъ, гдѣ собрались графиня Поссе, супруга посланника Цедеркрёйца, кое-кто изъ иностранныхъ и нѣкоторые другіе. Узнавъ случайно, что въ этотъ день соберется *игрушка* (Igriuschka), т. е. общество молодыхъ дѣвушекъ, у mademoiselle Койе, его высочество послалъ туда впередъ бригадира Платена, Ферзена и Штрёмфельда, чтобы посмотрѣть, изъ кого оно будетъ состоять, и, если составъ его окажется хорошимъ, предварительно завладѣть имъ; потомъ потихоньку отправился за ними и самъ. Мы нашли тамъ, кромѣ упомянутыхъ депутатовъ нашихъ (которые притворились очень удивленными нашимъ пріѣздомъ), двухъ дамъ и семь молодыхъ дѣвушекъ, съ которыми сначала сѣли и начали игру въ фанты, называемую тихою музыкою. Но скоро намъ помѣшала громкая и сильная музыка, потому что его вы-

сочество велѣлъ прійти туда всему своему оркестру, который за дверью вдругъ началъ играть, вошелъ и заглушилъ тихую музыку. Хотя общество было сначала немного озадачено такимъ неожиданнымъ появленіемъ большой музыки въ домъ вдовы, однакожъ дѣвушки всѣ до одной съ удовольствіемъ приняли предложеніе танцовать. Въ 12 часовъ ужинали, и его высочество за столомъ много шутилъ съ Ферзеномъ и Брюммеромъ, которые ужасно шалили и болтали по-русски всякій вздоръ. Танцы продолжались съ 9-ти часовъ вечера до 5-ти утра.

3. Герцогъ до обѣда оставался въ своей комнатѣ.

4. Поутру, я долженъ былъ ѣхать въ Измайлово, чтобы предувѣдомить, что его высочество послѣ обѣда намѣренъ пріѣхать туда съ поздравленіями по случаю Новаго года. Онъ отправился тотчасъ послѣ обѣда, потому что хотѣлъ пораньше возвратиться, чтобъ вечеромъ успѣть еще побывать въ Русской комедіи, которая назначена была въ гошпиталѣ. Когда мы пріѣхали въ Измайлово, тамъ находились старый гр. Салтыковъ, гвардіи маіоръ Салтыковъ, ген.-м. Мамоновъ и многіе другіе. Его высочество пошелъ сперва къ герцогинѣ, а потомъ вмѣстѣ съ нею и сестрою ея, принцессою Прасковіею, къ старой царицѣ, которая опять лежала на постели. Послѣ того какъ онъ посидѣлъ и поговорилъ здѣсь нѣсколько времени, герцогиня предложила ему, не хочетъ ли онъ немного потанцовать съ нею, присовокупивъ, что музыканты у нея готовы. Отказаться было неловко, почему его высочество согласился; но танцовалъ однакожъ не болѣе часу, извинившись тѣмъ, что ея величество императрицу ожидаютъ въ Русской комедіи, на которую онъ также уже далъ обѣщаніе пріѣхать. Такимъ образомъ онъ освободился, хотя и очень хорошо зналъ, что императрица не будетъ на комедіи. Когда мы пріѣхали въ домъ, гдѣ назначался спектакль, насъ провели въ какую-то конуру, не просторнѣе и не лучше балагана маріонетокъ въ Германіи; тамъ было только нѣсколько дамъ-иностранокъ и весьма немного порядочныхъ кавалеровъ. Комедію представляли молодые люди, которые учатся въ гошпиталѣ хирургіи и анатоміи у доктора Бидлоо и которые, конечно, никогда не видали настоящей комедіи. Они разыгрывали въ лицахъ «Исторію царя Александра и царя Дарія», раздѣленную ими на 18 дѣйствій, изъ которыхъ 9 давались въ первый день, а 9 на слѣдующій. Послѣ каждаго дѣйствія слѣдовала веселая интермедія. Но всѣ эти интермедіи были изъ рукъ вонъ плохи и всегда оканчивались потасовкою. Комедія, сама по себѣ хоть и серьёзная, разыгрывалась также какъ нельзя хуже; однимъ словомъ, все было дурно. Его высо-

чество далъ молодымъ людямъ 20 рублей, а императоръ, какъ говорили, пожаловалъ имъ намедни 30.

5. Его высочество кушалъ въ своей комнатѣ, а съ нами обѣдалъ плѣнный Шведскій корнетъ, по фамиліи Баллье, одинъ изъ прибывшихъ сюда (въ первый день Рождества) изъ Сибири 120-ти офицеровъ, которые всѣ были одарены его высочествомъ. Это были все офицеры ниже капитанскаго чина, и между ними находился одинъ полковой пасторъ.

6. Въ день Св. Крещенія, г. Измайловъ рано явился ко двору, и его просили узнать, будутъ ли императоръ и императрица на водосвятіи. Проповѣдь у насъ началась съ 8 часовъ въ комнатѣ гр. Бонде. Въ 9 часовъ Измайловъ возвратился съ отвѣтомъ, что ни императоръ, ни императрица не пріѣдутъ на церемонію, почему и его высочество остался дома. Послѣ обѣда къ герцогу пріѣзжалъ к.-ю. Балкъ съ поклономъ отъ императрицы, которая изъявляла сожалѣніе, что въ этотъ день не можетъ имѣть удовольствія видѣть его высочество, потому что князь-папа со всею своею свитою обѣдаетъ съ императоромъ въ Старопреображенскомъ и на вечеръ опять пріѣдетъ туда. Каммеръ-юнкеръ увѣрялъ, что предстоящій маскерадъ начнется не позже какъ черезъ двѣ недѣли, хотя объ немъ никому еще не дано знать. Императоръ пировалъ въ Слободѣ у своей *матушки* (matschka) и старой знакомой, жены почтмейстера Фаденбрехта, которую очень уважаетъ и къ которой, при каждомъ своемъ посѣщеніи, посылаетъ вина и кушанья. Отъ нея онъ со всею свитою отправился опять въ Преображенское, и императрица смотрѣла тамъ на весь этотъ поѣздъ. Въ 10 часовъ они снова возвратились въ Слободу и заѣхали къ доктору Бидлоо, у котораго остались до 2-хъ часовъ ночи. Прочіе Нѣмцы, которымъ были объявлены визиты государя и его общества, какъто Тамсенъ, Конау, молодой Мейеръ и аптекарь Грегори, прождали по пустому и понесли немалый убытокъ, потому что понапрасну приготовили угощенья на 300 или 400 человѣкъ и черезъ недѣлю должны будутъ готовить опять столько же.

7. Его высочество кушалъ въ своей комнатѣ. Послѣ обѣда бригадира Плате посылали въ Преображенское освѣдомиться о здоровьи императрицы. Не найдя тамъ никого изъ каммеръ-юнкеровъ, онъ обращался къ г-жѣ Вильбуа, которая и доставила ему, черезъ своего мужа, отвѣтъ ея величества.

8. Герцогъ кушалъ опять въ своей комнатѣ, а свита его обѣдала въ разныхъ мѣстахъ.

9. Былъ страшный холодъ. Его высочество назвался въ гости къ mademoiselle Аммонъ, которой въ этотъ день исполнилось 15 лѣтъ. У

нея собралось многочисленное общество иностранокъ, и онъ съ своею свитою протанцовалъ съ ними почти до 5-ти часовъ утра, потому что танцы—преобладающая страсть здѣшнихъ дамъ.

10. Холодъ все еще продолжается, и очень многіе отмораживаютъ себѣ лица, руки и ноги; иные даже, не пройдя и нѣсколькихъ сотъ шаговъ, чувствуютъ уже, что отморозили носъ, уши, щеки или подбородокъ; поэтому всѣ, кому нѣтъ крайней необходимости выходить со двора, сидятъ дома.

11. Въ этотъ день утромъ въ городѣ была большая казнь: двумъ дѣлателямъ фальшивой монеты опять лили въ горло свинецъ, и потомъ навязали ихъ на колеса. Мы получили также извѣстіе, что императоръ наканунѣ началъ въ Старопреображенскомъ военный судъ надъ бар. Шафировымъ и об.-прок. Писаревымъ, въ которомъ самъ председательствовалъ и въ который членами назначилъ генералъ-фельдцейхмейстера Брюса, нѣкоторыхъ другихъ сенаторовъ и нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ. Брюсъ сказалъ будто бы, что если дѣло пойдетъ такъ, какъ его начали и сегодня продолжали, оно скоро будетъ приведено къ концу. Между тѣмъ оберъ-прокурора до окончанія слѣдствія отставили отъ службы въ Сенатѣ, и должность его исправляетъ покамѣстъ одинъ капитанъ гвардіи, по фамиліи Бибиковъ, офицеръ очень образованный, тотъ самый, который провожалъ сюда изъ Риги герцогиню Мекленбургскую. Говорятъ, что дѣлами въ Сенатѣ все это время будетъ завѣдывать кн. Меншиковъ одинъ съ великимъ канцлеромъ Головкинымъ и остальными сенаторами, не участвующими въ вышеупомянутомъ военномъ судѣ. Опасаются немало, что Писареву придется плохо, потому что на него, какъ разсказываютъ, поступило очень много жалобъ.

12. Поутру, я еще въ постели получилъ печальное извѣстіе, что домъ въ саду Коха, гдѣ мы прошедшею осенью такъ долго жили и гдѣ его высочество намѣревался сегодня устроить комедію, на разсвѣтѣ сгорѣлъ. Холодъ все еще продолжался, однакожъ не въ такой степени, какъ дня за два.

13. Утромъ, до проповѣди, у герцога были каммергеръ Нарышкинъ и тайн. кабин.-секретарь Макаровъ, въ первый разъ по возвращеніи ихъ изъ Астрахани, и его в—ство принялъ ихъ какъ нельзя лучше. Ко двору пріѣзжалъ также въ этотъ день извѣстный бар. Беръ.

14. У его высочества обѣдали гр. Ферзенъ, бар. Штрёмфельдъ и молодой Кантакузинъ, и за столомъ пили довольно сильно. Герцогу очень хотѣлось устроить балъ въ честь гр. Ферзена, который уѣзжалъ изъ Москвы дня черезъ два или черезъ три; поэтому онъ составилъ списокъ всѣхъ долженствовавшихъ принять въ немъ участіе, и танцы назначены были на послѣ-завтра.

15. Вечеромъ было большое общество у бар. Штрёмфельда, куда прiѣзжалъ также и его высочество.

16. Вечеромъ балъ начался у Брюммера, какъ скоро прiѣхалъ Ферзенъ. Музыка состояла изъ оркестра кн. Меншикова. Всего собралось около 15-ти кавалеровъ и 15-ти дамъ, которые протанцовали до 7-ми часовъ утра. Мущины возвратились домой всѣ пьяные. Въ этотъ день послѣ обѣда объявляли барабаннымъ боемъ по всему городу, что завтра у князя-кесаря Ромодановскаго опять начнутся зимнiя ассамблеи, и всякiй долженъ былъ принимать это къ свѣдѣнiю. Такъ ассамблеи всегда объявляются въ первый разъ; но послѣ полицеймейстеръ на каждой изъ нихъ даетъ знать, когда и у кого собираться въ слѣдующiй разъ.

17. Послѣ обѣда прiѣхалъ г. Измайловъ и доложилъ герцогу, что вечеромъ будетъ общество у Ромодановскаго, при чемъ спросилъ, не угодно ли и ему быть тамъ. Его высочество далъ обѣщанiе прiѣхать, особенно когда узналъ, что императоръ и императрица также будутъ у князя; но прежде нежели отправиться, принималъ еще гр. Ферзена, который являлся къ нему на прощальную аудiенцiю. Когда мы прiѣхали къ князю-кесарю, императрица была уже тамъ, но императора еще не было; впрочемъ и онъ скоро прiѣхалъ. Его величество былъ въ отличномъ расположенiи духа и долго разговаривалъ съ его высочествомъ, котораго посадилъ возлѣ себя. Въ комнатѣ, гдѣ они находились, сидѣло за разными столами множество мущинъ, изъ которыхъ одни курили табакъ или пили, другiе разговаривали, третьи занимались игрою въ шахматы. Съ государемъ сидѣли только старый Головкинъ, т. е. Остерманъ, ген.-маiоръ Лефортъ, кн. Ромодановскiй и нѣсколько маiоровъ гвардiи. До прибытiи императора его высочество, по желанiю, былъ проведенъ княземъ-кесаремъ къ императрицѣ. Они прошли черезъ двѣ комнаты, наполненныя множествомъ дамъ. Съ императрицею были герцогиня Мекленбургская, сестра ея и знатнѣйшiя дамы. Ея величество, увидѣвъ герцога, тотчасъ встала и приняла его очень милостиво. Поговоривъ съ нимъ немного, она опять сѣла съ герцогинею и принцессою Прасковiею; но вскорѣ послѣ того прошла въ другую комнату, гдѣ кушала кофе или чай. Его высочество въ это время потихоньку удалился въ комнату мущинъ. Императоръ заходилъ также на нѣсколько минутъ къ императрицѣ и потомъ скоро уѣхалъ домой. Герцогъ въ этотъ вечеръ посѣтилъ еще гр. Ферзена, чтобъ окончательно проститься съ нимъ.

18. Императоръ пировалъ у купца Тамсена.

19. Кухмистеръ императрицы, Гансъ Юргенъ-Пактанъ, привезъ герцогу въ подарокъ отъ ея величества разнаго рода припасовъ, при-

сланныхъ изъ Архангельска, какъ то телятъ и барановъ (которые здѣсь цѣнятся очень дорого и бываютъ такъ жирны, какъ нигдѣ на свѣтѣ), копченыхъ и свѣжихъ лососей и т. п. Этотъ кухмистеръ увѣрялъ, что отсюда дѣйствительно отправленъ въ Петербургъ курьеръ съ приказаніемъ на счетъ пріѣзда съ Москву принцессъ, о чемъ я, впрочемъ, уже прежде отъ кого-то слышалъ.

20. Прибывшій сюда изъ Сибири съ послѣдними Шведскими офицерами полковой пасторъ говорилъ утромъ при дворѣ проповѣдь на Шведскомъ языкѣ, и болѣе сорока этихъ офицеровъ присутствовало при томъ. Десять изъ нихъ остались съ нами обѣдать. Его высочество охотно пригласилъ бы къ столу и всѣхъ, еслибъ мы напередъ распорядились и знали, что они явятся. Императоръ обѣдалъ въ этотъ день у брата вдовствующей царицы, графа Салтыкова, и отъ него проѣхалъ въ Измайлово, гдѣ пировалъ съ своею свитой. Послѣ онъ явился еще въ Слободу, чтобы продолжать пированье у аптекаря Грегори, у котораго, впрочемъ, остался не болѣе четверти часа, потому что прежде много пилъ, да и пріѣхалъ уже около 9-ти часовъ. Вечеромъ здѣшній купецъ Тамсенъ разсказывалъ намъ, что его величество былъ вчера у него и при этомъ случаѣ, по всѣмъ правиламъ и своими собственными инструментами, выдернулъ зубъ его долговязой Голландской дѣвкѣ, потому что считаетъ себя хорошимъ зубнымъ врачемъ и всегда охотно берется вырвать кому-нибудь зубъ. Онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ (услышавъ, что дѣвка жалуется на зубную боль) обѣщалъ ей пріѣхать сегодня и избавить ее отъ страданія.

21. Получено наконецъ опять письмо отъ т. с. Бассевича (отъ 7-го числа этого мѣсяца), въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что проѣхалъ 7 миль за Або и что до этого мѣста долженъ былъ большею частію пробираться на волахъ. Онъ желалъ, чтобъ вода, покрытая льдомъ, поскорѣе очистилась отъ него и позволила ему ускорить путешествіе, присовокупляя, что, въ противномъ случаѣ, принужденъ будетъ рѣшиться отправиться по льду пѣшкомъ. Его высочество въ тотъ же день вечеромъ совѣщался объ этихъ письмахъ съ т. с. Геспеномъ.

22. Герцогъ кушалъ въ своей комнатѣ. Послѣ обѣда кухмистеръ императрицы привезъ ему въ подарокъ рыбу, извѣстную здѣсь подъ названіемъ *бѣлуги*, однакожъ далеко не такую большую, какъ та, которую мы получили въ прошломъ году. Около 5-ти часовъ явился Измайловъ, и его высочество вскорѣ послѣ того поѣхалъ съ нимъ къ кн. Меншикову, у котораго въ этотъ день было собраніе. Мы нашли тамъ большое общество лицъ обоего пола. Иностранные министры на сей разъ также рѣшились пріѣхать: на первую ассамблею они не хотѣли явиться, потому что ихъ не извѣстили объ ней какъ слѣдуетъ;

слушаться же барабана имъ казалось неприличнымъ. Ни императора, ни императрицы не было на этомъ собраніи. Кн. Меншиковъ (который до сихъ поръ все хворалъ) сначала былъ совсѣмъ одѣтъ; но мы застали его опять въ халатѣ, потому что ему передъ нашимъ пріѣздомъ сдѣлалось дурно, и онъ принужденъ былъ лечь на нѣсколько времени въ постель. Здѣсь объявили гостямъ во всеуслышаніе, что въ слѣдующее Воскресенье общество имѣетъ быть у императора въ Старопреображенскомъ и что всѣ дамы старѣе 10-ти лѣтъ должны явиться туда, если не хотятъ подвергнуться тяжкому наказанію. Разсказывали также, что поутру князю уже сообщили о приказѣ, полученномъ всѣми коллегіями, которымъ предписано въ теченіе мѣсяца изготовиться къ отъѣзду въ Петербургъ. Поэтому изъ пріѣзда сюда принцессъ, кажется, ничего не выйдетъ. Такъ какъ у князя не танцовали и все шло очень тихо, то его высочество, которому, слѣдовательно, ничего было тамъ дѣлать, скоро отправился опять назадъ въ Слободу.

23. Поутру былъ у меня Нѣмецкій служитель герцогини и объявилъ, что она нездорова.

24. У его высочества болѣла голова, и онъ посылалъ извиниться, что не можетъ пріѣхать на ассамблею, которая въ этотъ день была у великаго канцлера Головкина. Его величество императоръ пріѣзжалъ туда и былъ очень веселъ; но императрицы на сей разъ тамъ не было.

25. До обѣда, его высочество, черезъ особыхъ похоронныхъ депутатовъ (Leichenbitter), былъ приглашенъ со всею своею свитою на завтра въ 2 часа пополудни на погребеніе умершаго Англійскаго купца Персона. Послѣ обѣда я ѣздилъ верхомъ въ Измайлово, чтобы освѣдомиться, отъ имени его высочества, о здоровьи тамошнихъ больныхъ (какъ царица, такъ и герцогиня съ принцессою были съ нѣкотораго времени несовсѣмъ здоровы). Я нашелъ у нихъ Василья Петровича, денщика и фаворита императорскаго, съ Салтыковымъ, братомъ старой царицы, которые тамъ обѣдали и были уже совершенно пьяны. Находившіяся тутъ же дамы также сильно пили. Герцогиня лежала въ постели и такъ охрипла, что едва могла говорить; однакожъ дѣлала надъ собою усилія и разговаривала со мною, стоявшимъ у ея кровати, болѣе двухъ часовъ. Такъ какъ въ числѣ дамъ была и старая Ромодановская, которая противъ воли, по настоянію Василья Петровича, тоже выпила лишнюю рюмочку, то больная все подтрунивала надъ нею и немало дразнила ее графомъ Бонде. Мы говорили между прочимъ и о предстоявшемъ скоро отъѣздѣ въ Петербургъ, и герцогиня сказала мнѣ въ шутку, будто слышала, что его высочество не хочетъ туда ѣхать, а думаетъ остаться въ Москвѣ.

26. Въ 9 часовъ утра къ его высочеству пришелъ г. Измайловъ съ докладомъ о томъ, что въѣздъ Турецкаго посланника назначенъ въ 10 часовъ. Въ 11 мы вышли на улицу и оттуда смотрѣли на всю эту церемонію. Впереди всѣхъ ѣхалъ эскадронъ вновь сформированныхъ всадниковъ, состоявшій изъ 100 человѣкъ и имѣвшій во главѣ литавры и трубы кн. Меншикова. Затѣмъ слѣдовало 9 каретъ, въ 6 лошадей каждая, частію со свитою посланника, частію пустыя. Далѣе ѣхали два офицера гвардіи съ 24-мя молодыми гвардейскими унтеръ-офицерами, одѣтыми хотя по обыкновенной ихъ формѣ, но очень щеголевато, на превосходныхъ и богато убранныхъ коняхъ. Это были все князья и дворяне. Они ѣхали по три въ рядъ, съ обнаженными шпагами, имѣя впереди одного изъ своихъ офицеровъ. За ними слѣдовала императорская карета, въ которой сидѣлъ посланникъ. Передъ нею ѣхали верхомъ 6 передовыхъ императрицы, въ парадныхъ ливреяхъ, и одинъ изъ Турокъ, а по сторонамъ шли вооруженные Турки. Посланникъ сидѣлъ по правую сторону и имѣлъ подлѣ себя пріѣхавшаго недавно изъ Турціи, теперешняго здѣшняго оберъ-почтъ-директора Дашкова, съ шляпою на головѣ; но передъ ними сидѣлъ еще кто-то въ Нѣмецкомъ костюмѣ и безъ шляпы,—вѣроятно, Турецкій или здѣшній переводчикъ. Въ одной изъ вышеупомянутыхъ каретъ ѣхалъ какой-то старый Турокъ, присланный, какъ говорили, отъ великаго визиря къ здѣшнему великому канцлеру Головкину; возлѣ него, съ лѣвой стороны, сидѣлъ одинъ изъ здѣшнихъ маіоровъ, также съ шляпою на головѣ. По сторонамъ этой кареты тоже шло нѣсколько Турокъ, но безъ оружія. Недалеко позади кареты посланника ѣхали его свита и багажъ, состоявшій, впрочемъ, только изъ немногихъ Русскихъ дорожныхъ и багажныхъ саней. Посмотрѣвъ на этотъ поѣздъ, его высочество отправился назадъ съ г. Измайловымъ, котораго оставилъ у себя обѣдать. По возвращеніи домой, мы нашли въ передней герцога незнакомаго офицера, который сказалъ швейцару, что его высочество приказалъ ему явиться къ намъ въ этотъ день. Его высочество однакожъ велѣлъ предварительно узнать, кто онъ такой; оказалось, что онъ состоялъ прежде капитаномъ въ Шведской службѣ, но выдавалъ себя за маіора, и что фамилія его—Морвилль. Такъ какъ герцогу, по наслышкѣ, было извѣстно имя этого господина, принадлежавшаго къ числу тѣхъ милыхъ особъ, которыя проживали въ Данцигѣ для перехватыванія его писемъ, то онъ на сей разъ не былъ принятъ; его подъ благовиднымъ предлогомъ выпроводили и притомъ дали ему понять, что если онъ ищетъ чего-нибудь, то можетъ обратиться къ т. с. Геспену. Узнавъ, что ни кн. Меншиковъ, ни Брюсъ, ни прочіе господа не пріѣдутъ на погребеніе Персона, его высочество рѣшился также остаться дома, и

поручилъ тайному совѣтнику отправиться въ домъ покойнаго съ извиненіями. Въ 5 часовъ послѣ обѣда погребальная процессія въ слѣдующемъ порядкѣ прошла мимо моей квартиры. Сперва шли 6 пасторовъ, именно нашъ, три здѣшнихъ Лютеранскихъ, Голландскій и Англійскій; за ними четыре распорядителя (Umbitter); потомъ везли тѣло на открытыхъ, въ двѣ лошади, саняхъ, по сторонамъ которыхъ шло двѣнадцать купцовъ въ качествѣ носильщиковъ (Träger). За гробомъ шло около ста человѣкъ, всѣ въ длинныхъ мантіяхъ. Т. с. Геспенъ и конференціи-совѣтникъ Альфельдъ вели впереди *траурнаго* (Traermann)—родного брата Персона; всѣ прочіе, по три въ рядъ, слѣдовали за ними, какъ кому пришлось. Въ этомъ порядкѣ процессія дошла до Англійскаго кладбища, откуда бо́льшая часть участвовавшихъ въ ней тотчасъ разъѣхалась; но нѣкоторые возвратились опять въ домъ умершаго, гдѣ ихъ угощали разнымъ кушаньемъ, сластями, пуншемъ и виномъ. Всѣ присутствовавшіе при выносѣ или, правильнѣе сказать, передъ выносомъ тѣла, получили каждый отъ распорядителей вещей, равнявшихся по цѣнѣ $5\frac{1}{2}$ рублямъ, именно по кольцу въ 4 рубля (на которомъ внутри было вырѣзано имя и время рожденія и смерти покойнаго, а снаружи придѣлана мертвая голова изъ эмали; такихъ колецъ, говорятъ, было заказано до двухъ сотъ пятидесяти), по длинному куску флёра, по парѣ бѣлыхъ перчатокъ и по маленькому букету какой-нибудь зелени. Разсказывали, что эти похороны вообще стоили до 3000 рублей. Въ этотъ же день въ моемъ домѣ было большое смятеніе: рано поутру умеръ хозяинъ графа Ферзена, маклеръ Сурбургъ, за котораго покойный мужъ моей хозяйки и еще трое поручились въ 19000 рубляхъ, а онъ, какъ кажется, не оставилъ и 19000 шиллинговъ.

27. Послѣ обѣда пріѣхалъ г. Кампредонъ въ глубочайшемъ траурѣ и передалъ его королевскому высочеству два письма, въ которыхъ извѣщалось о смерти матери регента Франціи. По этому случаю трауръ при императорскомъ дворѣ будетъ наложенъ уже завтра, а при нашемъ послѣзавтра. Послѣ 5-ти часовъ его королевское высочество, съ Измайловымъ и со всею своею свитою, въ величайшемъ парадѣ, отправился въ Старо-Преображенское, гдѣ назначено было праздновать день рожденія старшей императорской принцессы Анны. Мы нашли тамъ императрицу, герцогиню Мекленбургскую, сестру ея принцессу Прасковію и всѣхъ находящихся въ Москвѣ знатныхъ дамъ, начиная съ 10-ти лѣтняго возраста, также множество мущинъ. Всѣ они уже заняты были танцами, продолжавшимися до 11-ти часовъ, когда пріѣхалъ императоръ, который передъ тѣмъ пировалъ въ нашей Слободѣ сперва у купца Конау, потомъ у молодого купца Мейера. Императрица въ этотъ разъ много говорила съ его королевскимъ высочествомъ,

нашимъ герцогомъ, равно какъ и императоръ, разговаривавшій, впрочемъ, въ продолженіе короткаго времени, проведеннаго имъ съ нами, бо́льшею частію съ пріѣхавшимъ наканунѣ изъ Франціи посломъ Долгорукимъ [1]). Въ то время какъ герцогъ, въ ожиданіи его величества, прохаживался въ передней, мы увидѣли тамъ дочь несчастнаго Писарева [2]) до того закутанную и убитую горестью, что ее почти нельзя было узнать. Она говорила съ капитаномъ, который исправлялъ теперь должность оберъ-прокурора, и намѣревалась, если будетъ удобный случай, пасть къ ногамъ императрицы и просить за своего несчастнаго отца. Между тѣмъ намъ сообщили за вѣрное, что у Шафирова уже вчера Брюсъ отобралъ голубую ленту, а Мамоновъ шпагу; также что послѣдній запечаталъ всѣ Шафировскія и Писаревскія вещи и изъ первыхъ уже нѣсколько сундуковъ отвезъ въ Преображенское. Прежде чѣмъ общество разошлось, полиціймейстеръ всѣмъ объявилъ, что послѣ завтра собранію назначено быть у его высочества, нашего герцога, и что гости обязаны явиться туда въ черномъ платьѣ. Обо всемъ этомъ мы ничего не знали до тѣхъ поръ, пока г. Измайловъ, незадолго до означенной повѣстки, не сказалъ его высочеству, что императоръ приказалъ, чтобы ассамблея тотчасъ послѣ него была у насъ. Надобно было согласиться, не смотря на всю краткость срока.

28. Въ день тезоименитства его королевскаго высочества, посланники и многіе другіе были у насъ съ поздравленіями. Въ часъ пополудни герцогъ поѣхалъ къ т. с. Геспену, который въ этотъ день угощалъ всѣхъ иностранныхъ министровъ и его высочество со всѣмъ его дворомъ. У него было приготовлено два стола, и за одинъ изъ нихъ сѣли: его высочество, Мардефельдъ, Вестфаленъ, Кампредонъ, Цедеркрёйцъ, Лефортъ, Остерманъ, Гогенгольцъ, ген.-маіоръ Лефортъ, капитанъ Измайловъ, Лёвольдъ, Книперкрона, Штрёмфельдъ, Альфельдъ, Платe и Штамке; также одинъ незваный и весьма непріятный гость, именно здѣшній придворный шутъ Ла-Кости, занявшій мѣсто т. с. Остермана, который обѣщалъ пріѣхать, но не пріѣхалъ. За другимъ столомъ, накрытымъ на 10 приборовъ, помѣстились мы, остальные, которымъ за большимъ недостало мѣста. На послѣдній ставили два раза по 18-ти блюдъ. Какъ во время самаго обѣда, такъ и послѣ постоянно играла музыка и очень сильно пили.

29. Намъ цѣлое утро немало было хлопотъ, чтобы все привести при дворѣ въ порядокъ. Мы въ этотъ день облеклись въ полутраууръ (т. е. надѣли черное исподнее платье), но при здѣшнемъ император-

[1]) Извѣстнымъ княземъ Васильемъ Лукичемъ.

[2]) Генералъ-маіора и оберъ-прокурора Григорія Григорьевича Скорнякова-Писарева, судимаго по дѣлу его о ссорѣ съ барономъ Шафировымъ.

скомъ дворѣ наложенъ былъ уже полный. Въ 2 часа пополудни къ намъ явился полиціймейстеръ, чтобы посмотрѣть, все ли готово и довольно ли у насъ мѣста для всѣхъ гостей. Онъ привелъ съ собою 5 писарей, которые должны были записывать всякаго, кто пріѣдетъ, и разставилъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ они каждаго пріѣзжаго спрашивали, какъ его фамилія. Въ 3 часа начали уже съѣзжаться дамы и кавалеры. Всѣхъ дамъ собралось до 70-ти; но изъ нихъ около 10-ти принуждены были уѣхать назадъ, потому что, или по невѣдѣнію, или за неимѣніемъ траурнаго платья (вещи весьма здѣсь рѣдкой), явились въ пестрыхъ нарядахъ. Брилліантовъ, золота и серебра въ этотъ день также никто не могъ имѣть на себѣ, кромѣ императрицы, почему нѣкоторыя дамы, не знавшія объ этомъ, сняли уже у насъ всѣ свои украшенія. Императоръ пріѣхалъ около 6-ти часовъ, а императрица въ половинѣ седьмого. Когда его высочество, думая, что пріѣхала она, вышелъ на встрѣчу государю, его величество началъ смѣяться и сказалъ: еу, dat is nit permittert (э, это не позволяется). Дѣйствительно, это было противъ правила, потому что хозяинъ долженъ встрѣчать и провожать только императрицу. Императоръ тотчасъ по прибытіи отправился въ комнаты мущинъ; однакожъ потомъ ходилъ нѣсколько разъ и къ дамамъ. Въ залѣ весь нашъ оркестръ стоялъ наготовѣ, но мы, по причинѣ траура, не смѣли заставить его играть до тѣхъ поръ, пока не послѣдовало на то разрѣшенія государя, который, послѣ нѣсколькихъ концертовъ, дозволилъ и танцы. Его королевское высочество открылъ ихъ Польскимъ съ императрицею, при чемъ вмѣстѣ съ ними танцовали также герцогиня и принцесса. Ея величество императрица оставалась на нашей ассамблеѣ до 10-ти часовъ; но императоръ, который постоянно ходилъ взадъ и впередъ то въ комнатѣ государыни, то въ комнатѣ мущинъ, пробылъ до половины двѣнадцатаго. Какъ ихъ величества, такъ и всѣ прочіе присутствовавшіе были очень веселы; а его высочество и мы употребляли всевозможное стараніе, чтобъ угодить нашимъ гостямъ, такъ что все шло какъ нельзя лучше. Дамамъ мы подавали чай, кофе, оршадъ, мёдъ и сласти, а кавалеровъ угощали пивомъ и всякаго рода винами, при чемъ они курили табакъ и играли въ карты и шахматы. Такъ какъ императоръ, черезъ полицейскаго маіора (Policeymajor), приказалъ дамамъ остаться еще съ часъ послѣ императрицы, то онѣ очень охотно принялись снова за танцы, которые и продолжались такимъ образомъ до двѣнадцатаго часу. Герцогъ императрицѣ, герцогинѣ Мекленбургской и ея сестрѣ, когда онѣ пріѣхали, поднесъ прекрасные букеты изъ натуральныхъ цвѣтовъ. Государь и государыня были чрезвычайно милостивы и добры съ его высочествомъ; всѣ прочіе гости казались также очень веселыми и довольны-

ми, а потому онъ немало радовался, тѣмъ болѣе еще, что все у насъ шло необыкновенно порядочно и хорошо.

30. При нашемъ дворѣ наложенъ былъ трауръ.

31. Его высочество послѣ обѣда поѣхалъ къ полковнику Витверу, у котораго были крестины, и нашелъ тамъ герцогиню, кн. Меншикову съ сестрою, г-жу Балкъ, великаго канцлера Головкина и Салтыкова. Около 5-ти часовъ пріѣхалъ также и императоръ. Герцогиня была воспріемницею младенца отъ купели. По окончаніи церемоніи, государь, герцогъ и прочіе кавалеры сѣли за одинъ столъ, а дамы за другой. Его величество пробылъ здѣсь часа полтора, и когда онъ уѣхалъ, его королевское высочество отправился на ассамблею, бывшую въ этотъ день у Долгорукова, куда потомъ пожаловалъ и государь.

Февраль. 2. О торжественной аудіенціи, которую въ этотъ день имѣлъ у императора Турецкій посланникъ, г. фонъ-Альфельдъ, находившійся при ней, разсказывалъ слѣдующее. Въ Кремлевскомъ дворцѣ поставлены были внизу баталіонъ, а вверху рота гвардейскихъ гренадеръ. Посланникъ явился съ своею свитою въ трехъ каретахъ, каждая въ 6 лошадей, и былъ введенъ генералъ-почтъ-директоромъ Дашковымъ въ большую аудіенцъ-залу, гдѣ на тронѣ о трехъ ступеняхъ, подъ большимъ балдахиномъ, стоялъ у кресла императоръ, окруженный справа и слѣва здѣшними своими министрами и другими знатными сановниками. Какъ самъ Государь, такъ и весь дворъ были въ черномъ, по случаю траура. Его величество имѣлъ на головѣ бѣлокурый парикъ и держалъ подъ мышкою шляпу; но обѣими этими вещами онъ запасся уже въ залѣ, и по окончаніи аудіенціи тотчасъ опять отдалъ ихъ, потому что пріѣхалъ въ шапкѣ, въ которой послѣ и отправился назадъ. Войдя въ аудіенцъ-залу, Турецкій посланникъ со многими поклонами подошелъ къ трону и сѣлъ на нижней его ступени. Кредитивную грамоту, которая была несена имъ обѣими руками на большой парчевой подушкѣ, онъ поцѣловалъ три раза, потомъ прикоснулся къ ней головою и уже затѣмъ передалъ великому канцлеру Головкину, который положилъ ее на стоявшій вправо отъ Государя столъ. Посланникъ сказалъ также краткую рѣчь, переведенную тутъ же его толмачемъ съ Турецкаго языка на Русскій, и великій канцлеръ отвѣчалъ на нее въ немногихъ словахъ. Потомъ онъ взялъ у одного изъ сопровождавшихъ его Турокъ письмо великаго визиря, поцѣловалъ его одинъ разъ и также передалъ; но оно было принято только Дашковымъ, который, отдавъ его кому-то стоявшему за нимъ, сдѣлалъ посланнику знакъ, что аудіенція кончена, послѣ чего послѣдній тотчасъ же отретировался, даже безъ всякаго реверанса. Дашковъ на сей разъ и не провожалъ

его, такъ что онъ вышелъ одинъ со своею свитою. Императоръ же былъ очень радъ, когда все кончилось, потому что терпѣть не можетъ подобныхъ церемоній.

3. Его высочество, въ 3 часа послѣ обѣда, поѣхалъ со всѣмъ своимъ дворомъ въ Старопреображенское, гдѣ праздновалось тезоименитство старшей императорской принцессы, Анны. Около 5-ти часовъ прибыла туда императрица съ прочими членами императорской фамиліи, а спустя полчаса пріѣхалъ и императоръ. Онъ прошелъ сперва на короткое время къ государынѣ и къ дамамъ, но потомъ отправился съ герцогомъ въ смежную комнату къ столу, гдѣ его высочество сѣлъ возлѣ него съ правой стороны, а старый Бутурлинъ съ лѣвой. Тосты провозглашалъ оберъ-шенкъ Апраксинъ, братъ генералъ-адмирала, при чемъ не было забыто и здоровье семейства Ивана Михайловича (подъ которымъ разумѣется весь Русскій флотъ): его положено пить на всѣхъ празднествахъ, въ особенности въ присутствіи шута (lustige Rath) Ла-Косты, который, въ противномъ случаѣ, имѣетъ право требовать съ императора 1000 рублей *), и который здѣсь говорилъ длинную рѣчь на Русскомъ языкѣ. Послѣ обѣда начались танцы, продолжавшіеся до 10-ти часовъ, и въ заключеніе былъ сожженъ небольшой фейерверкъ. Когда на это празднество явился и кн. Меншиковъ, недавно оправившійся отъ своей болѣзни, императоръ не только разцѣловался съ нимъ, но и вообще принялъ его очень милостиво. Время покажетъ, было ли то притворство или нѣтъ, потому что нѣкоторые говорятъ, что Шафировское дѣло еще не забыто.

4. Въ этотъ день извѣщали съ барабаннымъ боемъ, чтобы всѣ, кому оказана какая-нибудь несправедливость въ Преображенскомъ Приказѣ, давали о себѣ знать подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Иностраннымъ купцамъ разосланы были также повѣстки, чтобы они около 12-го числа приготовились къ маскераду.

5. Поутру снова объявляли съ барабаннымъ боемъ, чтобы всѣ тѣ, которые въ продолженіе извѣстныхъ лѣтъ вели счеты съ Шафировымъ, или имѣли въ рукахъ что-либо изъ его имущества, немедленно, подъ смертною казнью, извѣщали о себѣ. Около 5 часовъ вечера его высочество поѣхалъ къ великому адмиралу Апраксину, у котораго въ этотъ день было собраніе. Онъ нашелъ тамъ большое общество дамъ и кавалеровъ; танцевъ однакожъ не было, и императоръ пріѣхалъ только въ 7 часовъ, когда большая часть гостей уже разъѣхалась и когда иностранные министры также уже собирались домой. Но сіи послѣдніе послѣ того остались еще нѣсколько времени.

*) Въ другомъ мѣстѣ Берхгольцъ говоритъ, что Ла-Коста могъ въ такомъ случаѣ требовать 100,000 рублей (Дневникъ 1721 года); но это, вѣроятно, опечатка.

6. У насъ при дворѣ обѣдалъ молодой Апраксинъ, которымъ его в—во очень занимается. Онъ былъ въ караулѣ въ качествѣ сержанта.

7. Въ этотъ день вечеромъ собраніе было у г.-м. Чернышова, и императоръ хотя также пріѣзжалъ туда, однакожъ не танцовали.

8. У насъ обѣдали два молодыхъ кн. Голицына, которые были въ числѣ рядовыхъ, пришедшихъ въ караулъ къ его высочеству. Послѣ обѣда три коммиссара, назначенные для освидѣтельствованія наслѣдства, оставленнаго герцогскимъ камердинеромъ Дау (которое одними наличными деньгами состояло изъ 500 червонныхъ), собирались въ его квартирѣ для составленія надлежащей описи. Покойный все свое имущество отказалъ частью своей невѣстѣ, въ Голштиніи, частью своему товарищу, каммердинеру Миддельбургу.

9. Сегодня меня увѣряли, что какой-то иностранный купецъ уже донесъ, что имѣетъ въ рукахъ, для приращенія процентами, 10,000 р., принадлежащихъ барону Шафирову; говорили также, что Нѣмецкій секретарь послѣдняго, Кёнигъ, вслѣдствіе извѣстнаго дѣла[1]), былъ наказанъ кнутомъ[2]).

10. На сегодняшней прогулкѣ мы два раза встрѣтили императрицу; императоръ же въ этотъ день вечеромъ пировалъ у купца Тамсена, къ которому пріѣхалъ отъ стараго Мейера. Мнѣ разсказывали нынче за вѣрное, что арестованный оберъ-фискалъ[3]) признался императору, что заслужилъ смертную казнь, но будто бы при этомъ просилъ, чтобъ ему дали время для обнаруженія другихъ, еще бóльшихъ обманщиковъ; говорятъ, онъ ужъ и приступилъ къ тому, начавъ съ Преображенскаго или собственнаго его величества Приказа, гдѣ многихъ обвинилъ.

11. Тотчасъ послѣ обѣда его в—во простился съ графинею Поссе, которая намѣревалась на другой день ѣхать впередъ въ Петербургъ.

12. Поутру флотскій капитанъ Лопухинъ и поручикъ гвардіи Мамоновъ пріѣзжали ко двору приглашать герцога на послѣ-завтра на свадьбу молодого барона Строганова, но не могли видѣться и говорить съ его высочествомъ. Собраніе въ этотъ день было у гр. Толстого; но его высочество послалъ къ нему съ извиненіемъ, что не можетъ быть, т. с. Геспена, который изъ императорской фамиліи нашелъ тамъ только самого императора. Съ нынѣшнею почтою мы получили отъ т. с. Бассевича письма изъ Кумлинги (Kumlinga), чтò въ 14 миляхъ за Або.

---

[1]) Въ Судномъ дѣлѣ надъ Шафировымъ и Писаревымъ, напеч. въ Журн. Мин. Юстиціи, Сентябрь 1859, объ этомъ секретарѣ нигдѣ не упоминается.

[2]) Т.-е. пытанъ.

[3]) Нестеровъ, казненный въ Январѣ 1724 года.

13. Около 5 часовъ оба названные вчера шафера опять пріѣзжали и приглашали его высочество на завтрашнюю свадьбу *).

14. Въ часъ пополудни его высочество отправился на свадьбу въ домъ Строганова, который очень далеко отъ Слободы. Но мы не нашли тамъ еще никого изъ гостей; даже не всѣ шаферы были на лицо; однакожъ свадебный маршалъ прибылъ въ одно время съ нами. Впрочемъ, мы нисколько не жалѣли, что, по ошибкѣ шаферовъ, пріѣхали слишкомъ рано, потому что очень пріятно провели время, наслаждаясь превосходнымъ видомъ изъ этого дома. Императоръ пріѣхалъ только около 4 часовъ, и маршалъ не прежде какъ чрезъ полчаса послѣ того былъ посланъ съ своими 12-ю шаферами за невѣстою (урожденною Шереметевою), которую, поэтому, привезли уже въ сумерки. Вмѣстѣ съ нею пріѣхала и императрица, которая однакожъ не пошла въ церковь, куда отправилась вся прочая свадебная родня. По окончаніи обряда вѣнчанія, молодые со всѣми провожатыми возвратились изъ церкви, находящейся очень близко отъ дома, пѣшкомъ, подъ предводительствомъ маршала, предъ которымъ шли его шаферы. Послѣ того тотчасъ сѣли за столъ, и всѣ обыкновенныя свадебныя церемоніи были въ точности исполнены; пили однакожъ на сей разъ вовсе немного. Послѣ обѣда часа два танцовали, и затѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ отправились въ спальню невѣсты. Въ этотъ день объявляли съ барабаннымъ боемъ, что завтра будетъ совершена въ Кремлѣ казнь бывшаго государственнаго министра и вицеканцлера барона Шафирова, котораго приговорили къ отсѣченію головы.

15. Около 7 часовъ утра я поѣхалъ верхомъ въ Кремль посмотрѣть на объявленную наканунѣ казнь бар. Шафирова. Вокругъ эшафота стояло безчисленное множество народа, самое же мѣсто казни окружали солдаты. Когда виновнаго, на простыхъ саняхъ и подъ карауломъ, привезли изъ Преображенскаго Приказа, ему прочли его приговоръ и преступленія. Послѣднія заключались преимущественно въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ и состояли: 1) въ томъ, что онъ воспользовался многими драгоцѣнными вещами и деньгами, принадлежавшими несчастному Гагарину (сынъ котораго женатъ на дочери Шафирова) и найденными у него въ домѣ; что 2) велѣлъ одному писцу подделать въ сенатскомъ протоколѣ подписи сенаторовъ, съ цѣлью увеличить жалованье своего брата; 3) что не сознавался въ этомъ поступкѣ, почему писецъ два раза невинно былъ истязаемъ кнутомъ; 4) что въ бытность свою генералъ-почтмейстеромъ по собственному произволу возвысилъ почтовыя таксы и употреблялъ ихъ во зло. Въ

*) Баронъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ женился на Доминикѣ Васильевнѣ Шереметевой. Эта была первая его жена. П. Б.

заключеніе приведено было еще пункта два съ изложеніемъ другихъ проступковъ, за которыми слѣдовало объявленіе приговора, присуждавшаго его къ отсѣченію головы посредствомъ топора. Послѣ того съ него сняли парикъ и старую шубу и взвели его на возвышенный эшафотъ, гдѣ онъ, по Русскому обычаю, обратился лицомъ къ церкви и нѣсколько разъ перекрестился, потомъ сталъ на колѣна и положилъ голову на плаху; но прислужники палача вытянули его ноги, такъ что ему пришлось лежать на своемъ толстомъ брюхѣ. Затѣмъ палачъ поднялъ вверхъ большой топоръ, но ударилъ имъ возлѣ, по плахѣ,— и тутъ Макаровъ, отъ имени императора, объявилъ, что преступнику, во уваженіе его заслугъ, даруется жизнь, но съ тѣмъ, чтобы онъ навсегда оставался въ заключеніи и былъ сосланъ въ Сибирь [1]). Тогда Шафировъ поднялся опять на ноги и сошелъ съ эшафота со слезами на глазахъ. Его повели въ зданіе Сената, гдѣ сенаторы подавали ему руки и поздравляли его съ помилованіемъ. Когда тамъ же, по причинѣ испытаннаго имъ сильнаго потрясенія, императорскій лейбъ-хирургъ Хови пустилъ ему кровь, онъ сказалъ будто бы, что лучше бы уже открыть большую жилу, чтобъ разомъ избавить его отъ мученія. Многіе, въ особенности нашъ дворъ и всѣ иностранные министры, искренно сожалѣютъ объ немъ, потому что онъ честный человѣкъ. Какъ скоро его увели, писцу, который, по приказанію Шафирова, поддѣлывалъ подписи сенаторовъ въ сенатскомъ протоколѣ, дано было, внизу у эшафота, 14 ударовъ кнутомъ и сказана ссылка на галеры [2]). Въ верхнихъ комнатахъ Сената оберъ-прокуроръ и маіоръ гвардіи Писаревъ былъ разжалованъ въ мушкетеры, а сенатскій оберъ-секретарь [3]) въ копіисты. Съ послѣдняго, сверхъ того, присуждено было взыскать 300 рублей въ пользу бѣдныхъ. Говорили также, что въ этотъ день сенаторамъ кн. Долгорукову и бывшему каммеръ-президенту [4]), вслѣдствіе того же дѣла, объявлено запрещеніе ѣздить въ Сенатъ, а нѣкоторые даже утверждали, что они и взяты подъ арестъ; однакожъ я видѣлъ, какъ они одни, безъ всякаго караула, вышли изъ Сената и уѣхали. Его высочество кушалъ одинъ въ своей комнатѣ и былъ очень огорченъ сегодняшнею казнью, потому что терялъ въ Шафировѣ искренняго и преданнаго друга. Иностранные министры нескоро до-

---

[1]) Бар. Шафирова, по лишеніи чиновъ и имущества, опредѣлено было сослать въ Сибирь, *на Лену*; но Петръ вскорѣ отмѣнилъ это опредѣленіе и приказалъ содержать его въ Новгородѣ. См. „Судное дѣло", въ Сентябрьской книжкѣ Журн. Мин. Юст. за 1859 г., стр. 49—50.—[2]) Это былъ не писецъ, а секретарь Сената Кирѣевъ. — [3]) Оберъ-секретарь этотъ былъ - Позняковъ. — [4]) Т.-е. президенту Каммеръ-Коллегіи, кн. Дмитрію Михайловичу Голицыну и кн. Григорію Ѳедоровичу Долгорукову. За пристрастіе къ Шафирову оба они были присуждены къ денежному штрафу, лишенію чиновъ и домовому аресту; но Петръ скоро ихъ простилъ. См. тамъ же, стр. 53—55.

ждутся опять вице-канцлера, которымъ будутъ такъ довольны, какъ были имъ. Правда, онъ былъ немного горячъ, но все же легко принималъ дѣлаемыя ему представленія, и на его слово можно было вполнѣ положиться, а это уже много для государственнаго министра. Около 4 часовъ герцогъ опять отправился съ своею свитою къ бар. Строганову, гдѣ праздновался другой день свадьбы; но изъ императорской фамиліи никого тамъ не было.

16. Объявляли съ барабаннымъ боемъ, что на другой день начнется маскарадъ и что всѣмъ маскамъ назначено собраться въ 7 час. утра въ Тверской-Ямской; почему намъ въ тоже время прислали и нумеръ, который каждая группа должна была прикрѣплять спереди на своемъ суднѣ или большихъ саняхъ. Въ этотъ день у его высочества обѣдали генералъ Минихъ и Шведскій капитанъ Гекель.

17. Поутру, въ половинѣ седьмаго, мы, въ маскахъ, собрались ко двору и потомъ, въ 8 часовъ, отправились въ своихъ большихъ прошлогоднихъ саняхъ на назначенное наканунѣ сборное мѣсто; однакожъ маскарадный поѣздъ начался не прежде 2 часовъ пополудни (времени, когда пріѣхала туда императрица). Онъ направился сперва въ Кремль, а оттуда потянулся къ нашему прошлогоднему гульбищу (Tourplatz à la mode), гдѣ мы сдѣлали нѣсколько круговъ и разсматривали другъ друга, при чемъ я замѣтилъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ масокъ, все было устроено точь-въ-точь какъ въ прошломъ году. Сдѣлавъ тамъ нѣсколько круговъ, мы поѣхали къ Краснымъ воротамъ, у которыхъ на короткое время выходили съ императоромъ изъ экипажей, но затѣмъ были распущены съ приказаніемъ снова собраться туда на слѣдующій день къ 12 часамъ утра.

18. Мы хотя и собрались ко двору около 11-ти часовъ, однакожъ отправились на сборное мѣсто не прежде 2-хъ пополудни, потому что сперва пообѣдали; впрочемъ поспѣли туда еще во́ время. Вскорѣ послѣ насъ пріѣхалъ императоръ (который кушалъ у генерала Ягужинскаго), и мы поѣхали, въ надлежащемъ порядкѣ, опять на мѣсто, назначенное для нашихъ прогулокъ, гдѣ сдѣлали круговъ пять или шесть для удобнѣйшаго обозрѣнія всѣхъ масокъ. Какъ императоръ, такъ и императрица были въ этотъ день необыкновенно ласковы съ герцогомъ; его величество, когда проѣзжалъ мимо насъ, пилъ за его здоровье, при чемъ приказалъ остановиться и палить съ корабля изъ всѣхъ своихъ маленькихъ пушекъ, которымъ великій адмиралъ немедленно отвѣчалъ пальбою съ своей галеры. Его королевское высочество, съ своей стороны, при звукахъ трубъ (Rundeblasen) и троекратномъ *ура*, пилъ за здоровье государя, послѣ чего поѣздъ опять тронулся съ мѣста. Когда мы поровнялись съ императрицей, она также приказала

остановиться и пила здоровье его высочества, который опять отвѣчалъ точно также, какъ его величеству, императору. Такъ какъ вскорѣ послѣ того послѣдовалъ сигналъ разъѣзжаться всѣмъ по домамъ, то герцогъ, на обратномъ пути, имѣлъ еще удовольствіе отдавать реверансы ихъ величествамъ: увидѣвъ, что императоръ вышелъ изъ своего корабля въ то время, какъ мы ѣхали позади императрицы (непосредственно слѣдовавшей за нимъ) его королевское высочество со всею своею свитою также вышелъ изъ саней, приблизился къ баркѣ ея величества и сдѣлалъ реверансъ; въ эту минуту подошелъ туда и государь, который нѣжно обнялъ его, потомъ тутъ же выпилъ съ нимъ стаканъ Венгерскаго вина и началъ шутить съ какими-то полусумасшедшими супругами. Изъ нихъ жена жаловалась на очень дурное обращеніе съ ней мужа, на что̀ его величество отвѣчалъ ей, чтобъ она сама хорошенько отколотила его; но такъ какъ та отказывалась отъ этого, то онъ схватилъ ея руку и славно ударилъ ею мужа по уху; однакожъ послѣ того, для шутки, велѣлъ и ему бить жену; почтенный супругъ не поцеремонился и влѣпилъ ей пару такихъ жестокихъ оплеухъ, что императрица, движимая состраданіемъ, сильно разбранила его и не шутя требовала, чтобъ онъ впередъ лучше обращался съ женою. Немного спустя, императоръ простился и уѣхалъ въ маленькихъ саняхъ, императрица же отправилась домой въ своей баркѣ. Возвратившись также домой, мы увидѣли у себя одного изъ служителей герцогини Мекленбургской, который объявилъ бригадиру Плате и мнѣ, что герцогиня въ Слободѣ и очень желаетъ насъ видѣть. Его высочество, услышавъ объ этомъ, вздумалъ самъ отправиться къ ней со всею своею маскерадною свитою. Мы нашли ее у одного Англійскаго купца, въ нашемъ сосѣдствѣ, гдѣ съ нею не было никого, кромѣ ея сестры и молодого денщика Бутурлина. Пробывъ здѣсь часа съ полтора, герцогъ прошелъ съ своею группой въ домъ насупротивъ, къ купцу Розену, у котораго объявляли всѣмъ о распоряженіяхъ относительно маскерада на слѣдующій день.

19. Въ 11 часовъ мы собрались ко двору, но на обыкновенное наше сборное мѣсто отправились только около часа пополудни. Тамъ мы нашли герцогиню съ ея сестрою и маленькою принцессою, также многихъ другихъ знатныхъ масокъ, и ждали до 5-ти часовъ императора, который въ этотъ день кушалъ у купца Марли. Императрица вовсе не пріѣзжала на сборное мѣсто. Такъ какъ 19-го Февраля празднуется и день бракосочетанія ихъ величествъ, то мы отъ Тріумфальныхъ воротъ поѣхали прямо въ *Сарсколоу* (Sarskalou) *),—мѣсто, гдѣ

---

*) Что̀ это за мѣсто, мы, не смотря на всѣ наши догадки, не могли опредѣлить.

въ прошедшемъ году былъ большой фейерверкъ и гдѣ положено было отпраздновать нынѣшній день. Мы тотчасъ вошли въ покои императрицы, которая пріѣхала еще до насъ. На ея величествѣ былъ великолѣпный Амазонскій костюмъ, и всѣ ея дамы имѣли также Амазонскія платья одинаковаго цвѣта и изъ одинаковой матеріи. Когда его королевское высочество вошелъ въ комнату государыни, у ногъ ея величества лежалъ бывшій каммеръ-президентъ и теперешній сенаторъ, кн. Голицынъ, который нѣсколько разъ прикоснулся головою къ полу и всенижайше благодарилъ ее за заступничество предъ государемъ: по дѣлу Шафирова онъ, вмѣстѣ съ кн. Долгорукимъ, былъ приговоренъ къ шестимѣсячному аресту и уже нѣсколько дней сидѣлъ; но въ этотъ день, по просьбѣ государыни, получилъ прощеніе. По этому случаю императоръ приказывалъ всѣмъ сенаторамъ собраться послѣ 12-ти часовъ въ Сенатъ, и потому такъ поздно пріѣхалъ на сборное мѣсто. Кн. Долгорукій благодарилъ императрицу еще до нашего пріѣзда. Его королевское высочество, поздравивъ государыню съ нынѣшнимъ днемъ, отправился на половину императора, гдѣ тотчасъ же сѣлъ за столъ. Столы, какъ для кавалеровъ, такъ и для дамъ, были уставлены сластями и убраны, по здѣшнему, очень мило. У императрицы съ правой стороны сидѣла герцогиня Мекленбургская, а съ лѣвой принцесса Прасковія; у императора же съ правой былъ его королевское высочество, а съ лѣвой князь Меншиковъ; прочіе размѣстились какъ пришлось. Къ величайшей нашей радости, на сей разъ, по случаю предстоявшаго фейерверка, пили вовсе немного. Императоръ половину обѣда просидѣлъ за столомъ духовныхъ и все разговаривалъ съ ними. По окончаніи обѣда начался фейерверкъ, который былъ очень хорошъ и продолжался часа полтора. Состоялъ онъ изъ слѣдующаго: сперва горѣлъ большой девизъ изъ голубого и бѣлаго огня, изображавшій имена ихъ величествъ соединенными буквами, изъ которыхъ, для различія, относившіяся къ имени императора были изъ голубого, а относившіяся къ имени императрицы изъ бѣлаго огня; онѣ стояли въ горящемъ сердцѣ, и лучи отъ него проходили въ висѣвшую сверху корону, надъ которою возвышалась звѣзда съ именемъ Іеговы, По обѣимъ сторонамъ этого девиза стояли двѣ большія пирамиды, убранныя на сей разъ множествомъ маленькихъ разноцвѣтныхъ фонариковъ. Передъ пирамидами, на обѣ стороны, проведена была галерея вышиною локтя въ два, освѣщенная и изукрашенная также небольшими фонариками. Она вся состояла изъ различныхъ девизовъ на Русскомъ языкѣ. Какъ пирамиды, такъ и эта галерея были зажжены уже до нашего пріѣзда, но все еще горѣли, когда мы начали разъѣзжаться по домамъ. Остальное фейерверка состояло изъ множества огненныхъ

колесъ, ракетъ, швермеровъ, огненныхъ и воздушныхъ шаровъ и другихъ любопытныхъ штукъ и перемѣнъ. Упомянутый большой девизъ съ именами ихъ величествъ былъ весь вдругъ освѣщенъ летѣвшимъ къ нему изъ дома Купидономъ, при чемъ императоръ, какъ и въ день новаго года, самъ зажегъ эту летучую машину. По окончанiи всего императрица пробыла здѣсь еще съ часъ, и когда она уѣзжала, его королевское высочество проводилъ ее до кареты, точно такъ же, какъ за полчаса передъ тѣмъ провожалъ герцогиню Мекленбургскую. Императоръ вскорѣ послѣ того также уѣхалъ, а потому и герцогъ вслѣдъ за нимъ отправился домой. Говорили, что въ этотъ день у князя Меншикова были отобраны всѣ крестьяне (которыхъ онъ имѣлъ въ Украйнѣ огромное количество) и домъ его въ здѣшней Нѣмецкой Слободѣ; что, кромѣ того, онъ обязанъ будетъ заплатить еще 40,000 рублей, и хотя останется при своихъ чинахъ, однакожъ впредъ не будетъ присутствовать ни въ Сенатѣ, ни въ Военной Коллегiи, и лишится командованiя армiею. Но такъ какъ императоръ, уважая многолѣтнiя его заслуги, все еще очень дорожитъ имъ, да уже и прежде присуждалъ его къ подобному наказанiю, а потомъ все-таки прощалъ, то думаютъ, что князь и на сей разъ отдѣлается страхомъ и уплатою денежнаго штрафа.

20. Мы собрались ко двору около полудня, отправились однакожъ не прежде 2-хъ часовъ къ Краснымъ воротамъ, гдѣ должны были ждать императора до 5-ти; но императрица прiѣхала уже въ половинѣ четвертаго. Герцогиня Мекленбургская и ея сестра прiѣхали туда еще до нашего прибытiя. Вскорѣ послѣ прiѣзда императора мы собрались въ путь и отправились въ Тверскую-Ямскую, гдѣ со всѣмъ поѣздомъ сдѣлали нѣсколько круговъ и затѣмъ были распущены съ приказанiемъ на другой день въ 2 часа пополудни снова явиться на обыкновенное сборное мѣсто.

21. Мы, во исполненiе вчерашняго приказанiя, явились ко двору около полудня; но его высочество поѣхалъ съ нами къ Краснымъ воротамъ не прежде 3-хъ часовъ. Всѣ маскерадныя сани были поставлены въ рядъ на обширной площади противъ большой аптеки, и всѣ мужскiя маски должны были выйти изъ своихъ экипажей, чтобы смотрѣть на опытъ, который императоръ хотѣлъ сдѣлать надъ изобрѣтенною въ Голландiи огнегасительною машиною или водяною бочкою (Wassertonne), устроенною здѣсь по присланному оттуда описанiю. Герцогъ пошелъ сперва къ ихъ величествамъ и сдѣлалъ имъ реверансъ, при чемъ удостоился принять изъ рукъ государыни стаканъ вина, потомъ долго говорилъ о чемъ-то съ императоромъ и съ ген. Ягужинскимъ. Послѣ того его величество приказалъ поджигать, одно

за другимъ, поставленныя среди площади три небольшія деревянныя строенія и вкатывать въ нихъ черезъ окна бочки, которыя, разрываясь, должны были разомъ гасить огонь. Первая оказалась лучшею, но все-таки удалась не совсѣмъ какъ ожидали, такъ что признано было необходимымъ, для достиженія вполнѣ удовлетворительнаго результата, подумать о дальнѣйшемъ усовершенствованіи снаряда. Такія бочки могутъ приносить величайшую пользу, когда огонь не распространился еще далѣе одной комнаты, потому что дѣйствуютъ только на одномъ опредѣленномъ пунктѣ. Къ нимъ придѣлывается длинная бомбовая трубка, которую зажигаютъ прежде вкатыванья самой бочки и которая продолжаетъ горѣть до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не будетъ направлена туда, гдѣ должна произвести взрывъ. Въ то время какъ горѣли названныя строенія и дѣлались эти опыты, герцогъ постоянно ходилъ съ императоромъ, который все объяснялъ ему очень отчетливо; но послѣ, когда они кончились, его высочество подошелъ на нѣсколько минутъ къ герцогинѣ Мекленбургской. Затѣмъ вскорѣ послѣдовалъ приказъ садиться въ экипажи, и мы снова отправились въ порядкѣ въ Тверскую-Ямскую, откуда императоръ, оставивъ свой корабль, поѣхалъ съ *безпокойною братіею* (mit dem unruhigen Kloster) въ городъ; впрочемъ скоро опять возвратился въ обыкновенныхъ маленькихъ санкахъ. Мы сдѣлали тамъ еще два круга, но уже въ сумеркахъ, такъ что на этомъ обыкновенномъ нашемъ гуляньи подъ конецъ почти не могли узнавать другъ друга. Наконецъ мы были распущены и получили приказаніе явиться на всегдашнее наше сборное мѣсто на другой день въ 2 часа пополудни. Въ этотъ день намъ сообщилъ капитанъ Гекель, что въ Стокгольмѣ въ ландмаршалы выбранъ ландсгёфдингъ Лагербергъ, который, какъ полагаютъ, не изъ числа нашихъ друзей, а скорѣе принадлежитъ къ партіи короля.

22. Около 2-хъ часовъ пополудни мы отправились съ его королевскимъ высочествомъ опять къ Краснымъ Воротамъ, куда скоро пріѣхали и ихъ величества. Императоръ имѣлъ здѣсь съ герцогомъ и съ генер. Ягужинскимъ опять продолжительный разговоръ, послѣ котораго его высочество казался очень довольнымъ. Отсюда мы, по обыкновенію, поѣхали въ свое время въ Тверскую-Ямскую, гдѣ сдѣлали отъ четырехъ до пяти круговъ и затѣмъ были распущены по домамъ, съ приказаніемъ снова явиться на сборное мѣсто послѣ завтра въ 12 часовъ утра, потому что на другой день назначался роздыхъ, которому мы и были какъ нельзя болѣе рады. Во время катанья ея величество императрица приказала кам.-юн. Балку подъѣхать къ санямъ герцога и сказать, что она пьетъ за здоровье его высочества, послѣ чего, немного спустя, когда наши сани встрѣтились, я былъ посланъ къ импе-

ратрицѣ съ докладомъ, что его высочество также хочетъ имѣть счастіе пить за ея здоровье. Государыня благодарила очень милостиво, и герцогъ, поровнявшись съ ея санями, просилъ остановиться и, при полной музыкѣ, со всею своею свитою, стоя пилъ за здоровье ея величества. Въ этотъ день мы получили извѣстіе, что пришли письма, въ которыхъ говорится о пріѣздѣ въ Швецію министра съ большою свитою. Подъ послѣднею, конечно, разумѣлась свита т. с. гр. Бассевича. Здѣсь хотя и распространили слухъ, что графа будто бы арестовали на Шведской границѣ, однакожъ императоръ, говорятъ, увѣрилъ его высочество, что это ничего не значитъ, еслибъ и дѣйствительно такъ было, потому что министръ его при Шведскомъ дворѣ снабженъ на такой случай достаточно серьёзными инструкціями.

23. Хотя и былъ роздыхъ, но не для насъ; потому что его королевскому высочеству, послѣ цѣлаго ряда непріятныхъ маскерадныхъ дней, захотѣлось опять повеселиться, и онъ велѣлъ пригласить слободскихъ дамъ на концертъ къ т. с. Геспену. Въ 5 часовъ послѣ обѣда мы всѣ, т. е. герцогъ и вся его свита, отправились въ домъ тайнаго совѣтника съ факелами, въ маскерадныхъ костюмахъ и въ большихъ саняхъ, въ который было запряжено 8 бѣлыхъ лошадей, и нашли тамъ около 20-ти дамъ, также кое-кого изъ господъ министровъ и другихъ иностранцевъ, которыхъ послѣ концерта оставили у себя ужинать, какъ напр. бар. Мардефельда, г.-л. Миниха и доктора Бидлоо. Концертъ продолжался до 6-ти часовъ, и по окончаніи его мы тотчасъ принялись за танцы, которые длились безпрерывно до 5-ти часовъ утра, потому что пока одна половина гостей ужинала, другая не переставала танцовать. Сперва сѣли за столъ только одни замужнія, потомъ всѣ дѣвицы; но его высочество кушалъ и съ тѣми, и съ другими, при чемъ въ сосѣдки выбиралъ себѣ ужъ конечно не изъ невзрачныхъ. Пили въ этотъ разъ также довольно сильно, въ особенности когда опять явился незваный гость, каммеръ-пажъ Гольштейнъ, отъ котораго мы не иначе могли освободиться, какъ споивши его окончательно. Онъ разсказывалъ нѣкоторымъ изъ нашихъ, будто императрица недавно говорила за столомъ, что на свадьбѣ Строганова въ шутку спросила его высочество, какъ онъ можетъ быть посаженымъ отцомъ, не будучи еще женатымъ? На это герцогъ будто бы отвѣчалъ, что только отъ ея величества зависитъ дать ему жену, чему императоръ отъ души смѣялся, а императрица послѣ того начала пить за здоровье его высочества, какъ будущаго своего зятя. Но дѣло въ томъ, что слова этого Гольштейна не всегда принимаются за непреложную истину.

24. Въ послѣдній день маскерада, мы въ часъ пополудни собрались у большихъ Тріумфальныхъ воротъ, куда скоро пріѣхали какъ

императоръ, такъ и императрица. Поѣздъ отправился отсюда опять въ Тверскую-Ямскую; но мы не катались тамъ какъ обыкновенно, а тотчасъ же поѣхали оттуда другою дорогою къ Преображенское, гдѣ всѣ выстроились въ ряды на большой площади, передъ домомъ императора, и до дальнѣйшаго приказанія оставались въ своихъ экипажахъ. Императрица прислала герцогу съ Балкомъ нѣсколько бутылокъ превосходнаго Венгерскаго вина и приказала сказать, чтобъ его высочество согрѣлся имъ, потому что ему, можетъ быть, придется еще немного померзнуть. Вскорѣ послѣ того дамъ пригласили выйти изъ экипажей и слѣдовать за государынею въ старый домъ, въ которомъ прежде жилъ императоръ и который опять поставили на этой площади (откуда онъ былъ уже давно снесенъ на другое мѣсто, потому что переносить такимъ образомъ здѣшніе деревянные дома не стóитъ почти никакого труда). Домъ этотъ назначено было сегодня сжечь, и дамы должны были выпить въ немъ по большой Англійской рюмкѣ Венгерскаго вина, которое на многихъ изъ нихъ такъ подѣйствовало, что онѣ послѣ едва могли ходить. Когда всѣ дамы перешли въ настоящее жилище императрицы, его королевское высочество и прочихъ масокъ также пригласили войти въ старый домъ, гдѣ каждый получилъ изъ собственныхъ рукъ императора по большому кубку Венгерскаго. Герцогу, впрочемъ, налили его гораздо меньше, чѣмъ другимъ, а большая часть нашихъ потихоньку скрылась, чтобъ вовсе избавиться отъ такого угощенія. По совершенномъ наступленіи сумерекъ, старый домъ этотъ, построенный въ 1690 году, былъ зажженъ слѣдующимъ образомъ: на всѣхъ сторонахъ крыши и по стѣнамъ засвѣтили голубой огонь, какъ въ девизахъ при иллюминаціяхъ; самъ императоръ собственноручно поджегъ прилаженные для этого голубые фитили, и весь домъ чудно обрисовался въ темнотѣ; а когда эти фитили догорѣли, онъ вдругъ весь вспыхнулъ и горѣлъ до тѣхъ поръ, пока отъ него не осталось ничего. Во все это время императоръ съ нѣкоторыми вельможами и нарочно для того назначенными барабанщиками, въ шутку, постоянно билъ въ набатъ. Такъ какъ въ городѣ звонили также во всѣ колокола, и пылавшій домъ ярко освѣщалъ небо, то мы думали, что звонятъ по той же причинѣ или по приказанію, или по невѣдѣнію, что пожаръ этотъ потѣшный, тѣмъ болѣе, что къ намъ сбѣжалось множество народа; однакожъ послѣ узнали, что въ тоже самое время въ городѣ былъ настоящій пожаръ, обратившій въ пепелъ нѣсколько домовъ, при чемъ бѣднымъ людямъ, конечно, не было такъ весело, какъ намъ, веселившимся на славу и преспокойно попивавшимъ Венгерское. Его королевское высочество при этой потѣхѣ стоялъ возлѣ императора, и его величество сказалъ ему, что потому

захотѣлъ сжечь свой старый домъ, что въ немъ рѣшилъ вопросъ относительно войны, которая теперь, слава Богу, кончилась миромъ, почему и этотъ домъ долженъ уничтожиться и исчезнуть съ глазъ долой. Когда послѣдній почти уже совсѣмъ сгорѣлъ, пущено было нѣсколько сотъ ракетъ, швермеровъ, воздушныхъ шаровъ и другихъ подобныхъ вещей. Императоръ смотрѣлъ на этотъ фейерверкъ изъ комнаты императрицы вмѣстѣ съ его высочествомъ и другими знатными господами. Тамъ же собрались и всѣ дамы; но между ними было много печальныхъ и сонныхъ лицъ, на которыхъ отражалось еще дѣйствіе Англійской рюмки, выпитой въ старомъ домѣ. Въ добавокъ, музыка, которою въ продолженіе фейерверка императоръ угощалъ ихъ съ своими генералами, переодѣтыми въ барабанщиковъ, въ такихъ низенькихъ комнатахъ, еще болѣе кружила имъ голову. Такъ какъ императоръ, по слухамъ, собирался въ ночь выѣхать отсюда въ С.-Петербургъ, то его королевское высочество, по окончаніи фейерверка, простился съ нимъ; но съ императрицею, которая предполагала остаться здѣсь еще нѣсколько дней, не прощался, потому, что надѣялся имѣть честь видѣться съ нею еще разъ до ея отъѣзда. Государь былъ въ этотъ день очень милостивъ съ герцогомъ и между прочимъ спросилъ его, не думаетъ ли и онъ скоро ѣхать? На это его высочество отвѣчалъ, что надѣется въ непродолжительномъ времени послѣдовать за его величествомъ. Когда все кончилось, мы отправились прямо домой и были всѣ сердечно рады, что прошелъ и этотъ маскерадъ, отъ котораго весьма немногіе не получили сильнаго кашля или насморка, хотя въ продолженіе его вовсе не было большихъ морозовъ, напротивъ, постоянно держалась оттепель, такъ что едва можно было ѣздить на саняхъ. Не знаю, какъ еще уладится наше путешествіе въ Петербургъ, если погода не перемѣнится и немного не подморозитъ, потому что въ настоящую минуту зимній путь совершенно изчезъ. Между тѣмъ объ отъѣздѣ нашемъ не слышно еще ничего положительнаго, да и герцогъ до сихъ поръ не получалъ по этому предмету никакого сообщенія отъ императорскаго двора. Полагаютъ однакожъ, что его королевское высочество поѣдетъ вслѣдъ за императрицею, какъ и въ минувшее путешествіе; впрочемъ, теперь все это скоро разрѣшится.

25. Мы опять надѣли свой трауръ. Въ этотъ день у Русскихъ начался собственно великій постъ. Герцогъ послалъ т. с. Геспену росписаніе, сколькими партіями намъ отправляться отсюда въ Петербургъ и кому именно тотчасъ слѣдовать за нимъ. Его высочество еще поутру получилъ отъ Платена (котораго посылалъ въ Преображенское узнать, когда императрицѣ угодно будетъ принять его передъ своимъ отъѣздомъ) извѣстіе, что императоръ еще не уѣхалъ; и дѣйствительно,

онъ въ этотъ день послѣ обѣда былъ еще у Тамсена и у Бидлоо. Его королевское высочество, полагая, что государь, можетъ быть, пожалуетъ и къ нему, остался дома часа два долѣе обыкновеннаго, и уѣхалъ со двора уже въ сумерки, когда его величество отправился назадъ въ Преображенское. Въ 10 часовъ вечера онъ, при пушечной пальбѣ, выѣхалъ отсюда въ Петербургъ, и императрица, какъ говорятъ, послѣдуетъ за нимъ въ будущій Четвергъ.

26. Между 3-хъ и 4-хъ часовъ послѣ обѣда, при пальбѣ изъ всѣхъ пушекъ, императрица совершенно неожиданно выѣхала отсюда въ С.-Петербургъ; вѣроятно ее побудили къ тому до крайности дурныя дороги, потому что сначала она вовсе не предполагала такъ скоро ѣхать.

27. Поутру, я отправился верхомъ въ Измайлово, куда герцогиня наканунѣ приказала просить меня, и имѣлъ честь представляться какъ ей самой, такъ и принцессѣ Прасковьѣ; узналъ тамъ также, что герцогиня намѣревается выѣхать въ слѣдующій Понедѣльникъ. Насъ это не можетъ стѣснить, потому что она будетъ получать лошадей только отъ одного города до другого. Г. Измайловъ тотчасъ послѣ обѣда приходилъ къ бригадиру фонъ-Платену и увѣрялъ, что лошади для путешествія его королевскаго высочества готовы и могутъ быть представлены по востребованію, но прибавилъ при этомъ, что дороги такъ дурны, что почти невозможно ѣхать въ зимнихъ экипажахъ.—Хотя въ послѣднее время не разъ увѣряли, что Шафировъ уже отправленъ въ ссылку, однакожъ положительно вѣрно, что онъ еще здѣсь, и полагаютъ, что мѣсто его заключенія будетъ не въ Сибири, какъ говорили, а ближе. Это было бы для него хорошимъ предзнаменованіемъ. Домъ, который онъ имѣлъ здѣсь, уже подаренъ гр. Толстому.—Изъ дома Шведскаго посольства мы получили радостное извѣстіе, что т. с. Бассевичъ прибылъ наконецъ благополучно въ Швецію, но вовсе не подъ конвоемъ солдатъ и драгунъ, какъ здѣсь распустили слухъ. Кромѣ того, намъ въ этотъ день сообщили, что кам.-юн. императрицы, фонъ-Балкъ, объявленъ женихомъ: онъ выбралъ себѣ будто бы дѣвушку очень богатую, но весьма посредственной красоты и низкаго происхожденія; смотрѣлъ, слѣдовательно, больше на деньги, чѣмъ на лицо.

28. Въ этотъ день т. с. Геспенъ угощалъ у себя въ домѣ т. с. Остермана, ген. Миниха, всѣхъ находящихся здѣсь чужестранныхъ министровъ и другихъ иностранцевъ.—Тотчасъ послѣ обѣда нашъ гофъ-юнкеръ Тихъ, въ сопровожденіи одного изъ герцогскихъ лакеевъ, отправился съ 18-ю лошадьми впередъ въ С.-Петербургъ.

Мартъ 1. Его королевское высочесто продолжалъ дѣлать свои прощальные визиты.

2. Послѣ обѣда, т. с. Геспенъ и его свита выѣхали впередъ въ Петербургъ на 90 лошадяхъ.

3. Его высочество рѣшился только наканунѣ ѣхать въ зимнихъ экипажахъ, и потому намъ немало стоило труда добыть себѣ ихъ. Такъ какъ придворный проповѣдникъ за день передъ тѣмъ уѣхалъ впередъ вмѣстѣ съ другими, то проповѣдь у насъ говорилъ одинъ кандидатъ, по фамиліи Вальтеръ, которымъ его высочество былъ очень доволенъ и котораго приказалъ оставить съ нами обѣдать. Онъ же завтра, въ 5 часовъ утра, будетъ читать и молитву. Послѣ обѣда прибылъ нарочный отъ т. с. Геспена, который просилъ похлопотать, чтобъ ему на станціяхъ давали свѣжихъ лошадей, безъ чего нѣтъ возможности продолжать путь; потому что лошади, по причинѣ дурныхъ дорогъ, не выдерживаютъ отъ одного города до другого. Но ничего нельзя было сдѣлать.

4. Получивъ еще вчера вечеромъ назначенныхъ для нашей свиты сто почтовыхъ лошадей и узнавъ, что все готово къ отъѣзду, герцогъ въ 10 часовъ утра выѣхалъ въ С.-Петербургъ. Передъ тѣмъ кандидатъ, говорившій вчера проповѣдь, прочелъ молитву, по окончаніи которой множество купцовъ и другихъ лицъ, на прощаньи, цѣловали его высочеству руки. Мы поѣхали по отвратительной дорогѣ изъ Москвы въ Всесвятское (Seswetzka), куда насъ провожали всѣ остававшіеся еще въ Москвѣ кавалеры и слуги, чтобы еще разъ проститься съ нами. На этихъ первыхъ семи верстахъ сломались уже многіе изъ нашихъ экипажей; однакожь чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ лучше становилась дорога; но не смотря на то, въ этотъ первый день намъ все таки не удалось уѣхать далѣе Черкизова, находящаго въ 3-хъ верстахъ за первой станціей Новой Деревней и, слѣдовательно, всего въ 24-хъ отъ Москвы.

5. Миновавъ рано поутру вторую станцію—Солнечную гору (Solnuschnodora), до которой отъ Новой Деревни считается 37 верстъ, мы проѣхали еще 23 версты, до города Клина, третьей станціи, гдѣ опять ночевали. Здѣсь мы нашли 23 человѣка плѣнныхъ, приведенныхъ по приказанію императора изъ Астрахани. То были частію Персіяне, частію Донскіе козаки, которые, такъ отчаянно защищались *). Въ числѣ ихъ находились два князя, изъ которыхъ у одного дорóгой

*) Какихъ тутъ именно казаковъ, отчаяано защищавшихся и гдѣ защищавшихся, разумѣетъ авторъ Дневника—сказать трудно; вѣроятно это были какіе-нибудь бѣглецы, взятые въ Дербентѣ или Гилянѣ.

умеръ отецъ. Всѣ они были люди очень красивые, а Персіяне имѣли еще и видъ весьма почтенный. Послѣ того какъ его высочество видѣлъ и одарилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, намъ, прочимъ, также любопытно было взглянуть на обоихъ князей, и мы отправились къ нимъ; но такъ какъ тамъ не было никого, кто бы могъ говорить съ ними, а ихъ переводчикъ уѣхалъ въ Москву, то намъ пришлось объясняться только жестами; впрочемъ, они успѣли уже выучить нѣсколько Русскихъ словъ. Помѣщались они въ двухъ жалкихъ конурахъ и были подъ крѣпкой стражей, даже не смѣли выходить безъ конвоя. Князья, имѣвшіе каждый свою особую комнату, въ знакъ привѣта подали намъ руки и просили насъ садиться. Младшій изъ нихъ, большой любитель табаку, велѣлъ принести мѣдную Персидскую трубку и подалъ намъ ее зажженною, при чемъ однакожъ жестами старался показать, что табакъ очень плохъ. Всѣ мы, по Персидскому обычаю, одинъ за другимъ, покурили изъ этой трубки (Персіяне только нѣсколько разъ втягиваютъ дымъ, чтобъ совершенно наполнить имъ ротъ, потомъ передаютъ трубку сосѣду, и такъ идетъ далѣе, пока она вся не выкурится). При этомъ случаѣ я подарилъ князю немного Англійскаго табаку, чему онъ немало обрадовался; но радость его была еще больше, когда бригадиръ Плате далъ ему на пробу Турецкаго табаку и обѣщалъ прислать для него небольшой запасъ его. Онъ и послалъ съ нами одного изъ своихъ людей, чтобы получить обѣщанное. Плате приказывалъ Персіянамъ отдать половину табаку другому князю (который употреблялъ только Турецкій табакъ и, за недостаткомъ его, уже давно долженъ былъ оставить куреніе); и Русская стража увѣряла, что эти люди такъ честны, что никого не захотятъ обидѣть. Младшій князь думалъ было сначала идти къ его высочеству и потому одѣлся съ величайшею поспѣшностью, но передъ тѣмъ совершилъ свою молитву, а именно: сталъ въ одномъ изъ угловъ комнаты на колѣна, чтобы молиться, и нѣсколько разъ, съ необыкновенною ловкостью и быстротою, наклонялся лицомъ къ землѣ, держась при этомъ только на рукахъ и на пальцахъ ногъ. Однимъ словомъ, эти Персіяне были такъ прекрасно вѣжливы, какъ только могутъ быть люди на свѣтѣ; притомъ они были чрезвычайно веселы и ловки въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Между ними былъ одинъ, вѣроятно кто-нибудь изъ духовныхъ, передъ которымъ другіе постоянно кланялись въ землю.

6. Рано утромъ, мы отправились изъ города Клина и ѣхали до четвертой станціи, Завидова, 27 верстъ, а оттуда до пятой, села Городня (Sologerodnä), опять 27 верстъ. На этой дорогѣ надобно было переѣзжать на большихъ лодкахъ черезъ рѣку Шошу (Sossetrom), и много прошло времени, пока мы всѣ переправились; потому что тамъ

нашлось только одно судно, подвигавшееся необыкновенно медленно. У переправы мы нагнали свиту тайнаго совѣтника Геспена, отправившуюся изъ Москвы за два дня до насъ. Изъ нея только немногіе успѣли перебраться на ту сторону рѣки; остальные должны были ждать покуда не перевезли насъ всѣхъ. Т. с. Геспенъ, съ Штамке, Негелейномъ и Ремаріусомъ, остановился въ одной деревнѣ по сю сторону, въ ожиданіи своего багажа. Когда мы тамъ проѣзжали, онъ стоялъ у воротъ съ намѣреніемъ пригласить герцога къ себѣ. Его высочество, хотя и приказалъ остановиться на минуту, чтобъ поговорить съ тайнымъ совѣтникомъ, однакожь никакъ не соглашался зайти къ нему, не смотря на то, что мы въ этотъ день еще ничего не ѣли и не могли надѣяться скоро поѣсть чего нибудь. Его высочество, къ сожалѣнію, въ дорогѣ очень мало заботится объ ѣдѣ. Въ село Городень (принадлежащее кн. Меншикову, который выстроилъ тамъ у воды, на очень веселомъ мѣстѣ, новый деревянный домъ, лучшій и самый большой по всей дорогѣ) мы хоть и пріѣхали, но безъ повозокъ, въ которыхъ находились наши кухня и погребъ, а потому его высочество тотчасъ же отправился дальше и ѣхалъ еще 31 версту, до города Твери, шестой станціи, гдѣ мы остановились и ночевали. Здѣсь надобно было опять переправляться чрезъ рѣку Премеру (Premera), впадающую въ Волгу, которая долго видна съ правой стороны. Мы посылали фурьера впередъ въ Тверь для заготовленія квартиры, и насъ провели, поэтому, въ домъ на площади, въ которомъ обыкновенно останавливается императоръ. Весь онъ былъ иллюминованъ. Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ явились воевода, коммендантъ и члены городоваго совѣта (der Rath von der Stadt), съ обычными подарками, и приняли насъ такъ, какъ бы принимали самого императора. Такъ какъ они принесли между прочимъ превосходныхъ живыхъ стерлядей и другихъ рыбъ, то всѣ мы, до крайности проголодавшіеся, немало скорбѣли, что съ нами не было повара или вообще кого-нибудь, кто бы намъ могъ сварить ихъ, тѣмъ болѣе, что его высочеству очень хотѣлось покушать чего нибудь теплаго. Но поваръ Шлапколь пріѣхалъ наконецъ и поспѣшно приготовилъ для насъ нѣсколько рыбъ.—Кавалеры наши и остальные люди прибыли только на другой день утромъ; почему его высочество не прежде какъ съ разсвѣтомъ,

7. Выѣхалъ изъ Твери. Тотчасъ за городомъ нужно было опять на большихъ лодкахъ переѣзжать черезъ Волгу, на которой ледъ уже прошелъ. Мы отправились впередъ на седьмую станцію, Мѣдное (Mädna), гдѣ снова должны были переправляться на большихъ поромахъ черезъ другую рѣку, *Твенску* (Twenska), и настигли нашего гофъ-юнкера Тиха, ѣхавшаго съ лошадьми. Его высочество заходилъ къ нему и

вмѣстѣ съ нимъ закусывалъ. Потомъ мы проѣхали еще 33 версты до городка Торжка, гдѣ была восьмая станція и гдѣ насъ, тотчасъ по пріѣздѣ, магистратъ привѣтствовалъ всякаго рода приношеніями. какъ-то: хлѣбомъ, пирогами, курами, сахаромъ, виномъ, медомъ, пивомъ и тому под., что̀ все было подарено его высочествомъ гофъ-юнкеру Тиху. Еще до пріѣзда въ Торжокъ намъ надобно было въ этотъ день въ третій разъ переѣхать какую-то рѣчку, чрезъ которую, впрочемъ, велъ пловучій мостъ. Въ этотъ же день, въ 17-ти верстахъ за Тверью, мы пересѣкли новую широкую дорогу, которую, по приказанію императора, проводятъ черезъ лѣсъ и которая будетъ идти совершенно прямою линіею отъ Петербурга до Москвы, такъ что противъ теперешней дороги, сократится на 150 или на 200 верстъ.

8. Рано утромъ, мы поѣхали изъ Торжка на девятую станцію, Выдропускъ (Wedrofsky), который отъ него въ 37-ми верстахъ. Тамъ намъ дали такихъ плохихъ лошадей, какихъ не давали нигдѣ во всю дорогу, да къ тому еще и недовольно. Отъ Выдропуска мы проѣхали еще 33 версты до десятой станціи, города Вышняго - Волочка, того самаго мѣста, гдѣ одно время гнѣздилось такое множество разбойниковъ, которые теперь, впрочемъ, всѣ были переловлены командой, стоявшей тамъ нѣсколько лѣтъ. Передъ городомъ всюду виднѣлись повѣшенные за ребра и навязанные на колеса. Его высочество, въ первый свой проѣздъ былъ отлично принятъ здѣсь однимъ Калмыкомъ *), и потому хотѣлъ опять у него остановиться; но такъ какъ послѣдній жилъ уже не въ городѣ, а за три версты отъ него, то пришлось снова занять императорскій домъ (императоръ, для удобства проѣзжающихъ, приказалъ на всѣхъ станціяхъ выстроить особые дома). Вслѣдствіе того, что кавалеры наши, по причинѣ дурныхъ лошадей, отстали отъ насъ и прибыли не прежде поздняго вечера, а между тѣмъ къ герцогу, тотчасъ послѣ его пріѣзда, явились какъ маіоръ, начальникъ тамошняго гарнизона, и граждане съ своимъ приношеніемъ, такъ и Калмыкъ и многіе другіе, я долженъ былъ заступить при его высочествѣ мѣсто переводчика и нѣсколько часовъ занимать маіора и бывшаго съ нимъ поручика, пока кушанье не было готово. Его высочество пригласилъ ихъ къ себѣ ужинать, потому что маіоръ прислалъ къ нему почетный караулъ изъ одного унтеръ-офицера и 10-ти или 12-ти драгунъ и извинялся, что не могъ прислать болѣе, такъ какъ почти всѣ его люди находились въ командировкахъ и у него вообще было не болѣе 50-ти человѣкъ. Герцогъ удержалъ къ ужину и Калмыка, который

*) Извѣстнымъ Михайломъ Ивановичемъ Сердюковымъ, который, какъ говоритъ Бантышъ-Каменскій, былъ не Калмыкъ, а Мунгалъ. См. Словарь достопамят. людей Русской земли, ч. V., 1836, стр. 30—32.

заботился о заготовленіи всѣхъ припасовъ и угощалъ насъ превосходными винами. Когда ужъ всѣ сѣли за столъ, прибыли и остальные наши кавалеры; но г. Измайловъ пріѣхалъ только поздно ночью. Въ этотъ день мы опять два раза переѣхали черезъ новую дорогу, изъ чего можно было заключить, какими извилинами шла старая; встрѣтили также около 30-ти разбойниковъ съ вырѣзанными ноздрями, отправленныхъ изъ Москвы въ Петербургъ на галеры. Въ Вышнемъ-Волочкѣ мы видѣли и новый каналъ, длиною въ одну версту, проведенный богатымъ Калмыкомъ и соединяющій двѣ рѣки [1]). Въ 10-ти верстахъ отъ него по пути стоитъ красивый монастырь [2]), близъ котораго черезъ какую-то рѣку устроенъ мостъ, какого лучше я не видалъ въ Россіи.

9. Поутру бар. Штрёмфельдъ получилъ приказаніе смѣнить меня и ѣхать въ дормёзѣ вмѣстѣ съ его высочествомъ, чѣмъ я нисколько не огорчился, потому что въ тѣ два дня, въ которые ѣхалъ съ герцогомъ, долженъ былъ не только скверно помѣщаться, но и очень голодать. Съ разсвѣтомъ мы оставили Вышній-Волочекъ и проѣхали 37 верстъ до одиннадцатой станціи, Хотилова (Gotilliotsky), гдѣ нашли генеральшу Брюсъ и видѣли архіепископа новгородскаго, который проѣхалъ мимо на носилкахъ, державшихся на двухъ лошадяхъ. Отсюмы отправились далѣе и ѣхали 37 верстъ до двѣнадцатой станціи, Едрова (Jidrowa), гдѣ ужинали сперва его высочество съ Штрёмфельдомъ и Альфельдомъ, потомъ, когда герцогъ уѣхалъ, всѣ прочіе наши. Намъ, съ нашими экипажами, и по круглякамъ, невозможно было слѣдовать за нимъ, а между тѣмъ хотѣлось постоянно быть всѣмъ вмѣстѣ, чтобы не оставлять никого въ затруднительномъ положеніи. Изъ Едрова мы поѣхали въ сумерки и сдѣлали еще 23 версты до тринадцатой станціи, Зимогорскаго Яма (Simagoraskijam), куда однакожъ прибыли только поздно ночью.

10. Мы отдыхали въ Зимогорскомъ Ямѣ, потому что его высочество не пускается въ дорогу по воскресеньямъ; да и кромѣ того экипажи наши, проѣхавъ слишкомъ сорокъ верстъ по горамъ, такъ пострадали, что намъ немало стоило труда добраться и до этого мѣста. Пришлось весьма кстати, что въ 3-хъ верстахъ оттуда находилось большое село Валдай, гдѣ живетъ очень много кузнецовъ мы тѣмъ скорѣе могли велѣть все опять исправить. Архіепископъ Новгородскій также остановился недалеко отъ насъ, въ сосѣднемъ,

---

[1]) Тверцу и Цну.

[2]) Это вѣроятно, Николостолповская пустынь, находящаяся близъ Вышняго-Волочка.

чрезвычайно красивомъ монастырѣ *), принадлежащемъ къ его епархіи, и прислалъ оттуда его высочеству всякаго рода съѣстныхъ припасовъ, прося его въ тоже время посѣтить монастырь. Но приглашеніе его не было принято. Изъ мѣстечка Валдая (всѣмъ извѣстнаго по живущимъ въ немъ сердобольнымъ и веселымъ дѣвамъ) къ герцогу также приходили люди съ своими подарками. Его высочество, не смотря на то, что находился въ дорогѣ, все таки держалъ свой постъ, и намъ до 4-хъ часовъ ничего не давали ѣсть.

11. Изъ Зимогорскаго Яма мы поднялись съ разсвѣтомъ и проѣхали черезъ Валдай 23 версты до четырнадцатой станціи, Яжелбицъ (Jaschelbitz); потомъ отправились на пятнадцатую, Крестцы (Krestz), которая въ 40 верстахъ отъ Яжелбицъ, а отсюда на шестнадцатую (36 верстъ), *Политови* (Poltitowi), куда герцогъ прибылъ вечеромъ, а мы только на другой день утромъ, когда все опять ужъ было готово къ отъѣзду. Его высочество на слѣдующій день,

12. Немедленно поѣхалъ бы изъ *Политови*, еслибы не пришла къ нему отъ императора эстафета съ письмами изъ Швеціи, для прочтенія которыхъ онъ долженъ былъ остаться на этой станціи до послѣ-обѣда, удержавъ, впрочемъ, при себѣ только Штрёмфельда и меня; другимъ было приказано тотчасъ же ѣхать впередъ. Я однакожъ не остался здѣсь такъ долго, какъ герцогъ, потому что его высочество хотѣлъ сначала и меня заставить разбирать шифрованныя письма, но потомъ справился съ ними одинъ. Такъ какъ гвардейскій солдатъ, отправленный съ этими депешами изъ Кабинета, имѣлъ приказаніе ѣхать въ Москву съ письмами къ Макарову: то его высочество, имѣя необходимость послать весьма нужное письмо къ т. с. Геспену (которому и безъ того хотѣлъ приказать, какъ можно скорѣе поспѣшить одному въ Петербургъ), просилъ этого курьера взять его съ собою и отдать по принадлежности. Червонцы, данные его высочествомъ солдату за трудъ, сдѣлали его чрезвычайно услужливымъ, и онъ увѣрялъ, что ужъ будетъ смотрѣть, чтобъ тайный совѣтникъ не проѣхалъ мимо. Изъ *Политови* мы отправились на семнадцатую станцію, Бронницы (Bronitz), гдѣ, по приказанію, должны были ждать; слѣдовательно во весь этотъ день сдѣлали не болѣе 27-ми верстъ, хотя поутру и надѣялись еще къ вечеру быть въ Новгородѣ. Его королевское высочество окончилъ разборъ писемъ изъ Швеціи уже поздно послѣ обѣда и отъ того пріѣхалъ сюда не прежде вечера, что̀ намъ пришлось вовсе не понутру, потому что надобно было до тѣхъ поръ сидѣть

---

*) Валдайскій Иверскій монастырь, называющійся также *Святозерскимъ*, находится на одномъ изъ острововъ Валдайскаго озера.

не ѣвши. Герцогъ хотя и остановился въ обыкновенномъ императорскомъ (станціонномъ) домѣ, но комнаты въ немъ были въ такомъ запущеніи, что мы всѣ помѣщались крайне неудобно; спать же тамъ могъ только его высочество.

13. Мы поднялись очень рано утромъ и, переѣхавъ въ Бронницахъ черезъ рѣку Мсту (покрытую еще съ обѣихъ сторонъ льдомъ, который прорубали только для прохода большихъ судовъ), остановились на ночь въ 10-ти черстахъ отъ Новгорода; слѣдовательно проѣхали въ этотъ день всего 27 верстъ. Дорога была отвратительная по причинѣ кругляковъ (Knüppelbrücken) и ямъ. Мы должны были и еще разъ переправляться черезъ какую-то рѣку, на которой, впрочемъ, былъ пловучій мостъ. Причина, почему герцогъ не доѣхалъ до Новгорода и остался здѣсь въ Хутынскомъ (Gubina) *) монастырѣ, была та, что онъ узналъ, что гораздо ближе будетъ, не заѣзжая туда, отправиться водою прямо въ *Бризду* (Brisda). Кромѣ того, его королевскому высочеству хотѣлось ускорить свое путешествіе, и онъ рѣшился оставить Новгородъ въ сторонѣ, чтобы переправиться прямо въ Бризду. Такъ какъ еще третьяго дня въ Новгородъ отправленъ былъ впередъ гренадеръ просить коммеңданта (генералъ-маіора и маіора гвардіи, по фамиліи Волкова) распорядиться о заготовленіи къ нашему пріѣзду барокъ, нужныхъ для переѣзда въ Бризду, то послѣдній успѣлъ уже сдѣлать всѣ распоряженія, приказалъ привести къ Хутынскому монастырю четыре барки и самъ пріѣхалъ туда, чтобы принять его высочество, когда узналъ, что ему не угодно быть въ Новгородѣ. Онъ былъ чрезвычайно услужливъ и позаботился обо всемъ. Архіепископъ Новгородскій, который уже дня за два просилъ о чести видѣть герцога у себя въ Новгородѣ, прислалъ оттуда свою барку, чтобы перевести на ней его высочество черезъ широкую рѣку, отдѣлявшую насъ отъ Хутынскаго монастыря. Его высочество, пріѣхавъ къ рѣкѣ нѣсколькими часами прежде насъ и переправясь на ту сторону, прислалъ барку опять назадъ, чтобы и мы, отставшіе, т. е. Измайловъ, Брюммеръ и я, переправились, когда пріѣдемъ. Багажъ перевезли на большихъ лодкахъ. Мы съ ген. Брюммеромъ хотя и могли еще днемъ быть въ монастырѣ, однакожъ рѣшились въ деревушкѣ, лежащей у самой воды, подождать Измайлова. Но онъ явился только на слѣдующее утро, т. е.

14. Числа, потому что у него отъ дурной дороги сломалось нѣсколько колесъ, да и долго бы еще не пріѣхалъ, еслп бъ мы не послали ему на встрѣчу колесо и не дали такимъ образомъ возможности

*) Хутынскій Преображенскій Варлаамієвъ монастырь на Волховѣ, близъ Новгорода.

продолжать путь. По пріѣздѣ нашемъ въ Хутынскій монастырь, близъ котораго его высочество почивалъ въ одной изъ монастырскихъ деревень, начали перетаскивать экипажи на корабли (Schiffe) *), и такъ какъ у насъ ихъ было четыре, а бо̀льшая часть экипажей находилась еще по ту сторону рѣки, то самый большой изъ нихъ, въ которомъ могло помѣститься повозокъ двадцать, былъ отправленъ туда, чтобы забрать ихъ; остальные же три назначили для нашихъ кавалеровъ и прислуги. Покамѣстъ все это исполнялось, его высочество поѣхалъ съ нами въ монастырь, куда его убѣдительно приглашали. Архіепископъ Новгородскій даже присылалъ туда знатное духовное лицо, хорошо говорившее по-латини, чтобы занять его высочество; въ монастырѣ, вѣроятно, не нашлось никого, кто бы зналъ Латинскій языкъ, да и вообще въ здѣшнихъ монастыряхъ такихъ бываетъ очень мало. Этотъ духовный, съ почетнѣйшими монахами, встрѣтилъ его высочество передъ монастырскими воротами и повелъ насъ прежде всего въ церковь, которая, по здѣшнему, необыкновенно красива и въ которой онъ показывалъ намъ руку покоящагося тамъ святого. Изъ церкви мы прошли въ какія-то комнаты, гдѣ его высочество угощали виномъ и водкою. Нѣкоторыя изъ винъ хотя и носили названіе Венгерскихъ, но ихъ, какъ и другія, почти невозможно было пить. Архіепископъ Новгородскій самъ архимандритомъ этого монастыря, чѣмъ послѣдній немало гордится, потому что здѣсь въ Россіи его считаютъ умнѣйшимъ изъ всего духовенства, хоть онъ и не очень ученъ. Пробывъ тутъ нѣсколько времени, герцогъ простился и отправился опять на свою квартиру, куда еще разъ принесли всякаго рода съѣстныхъ припасовъ какъ коммендантъ, такъ и Новгородскіе граждане. Но вина ихъ были такъ же плохи, какъ и монастырскія, или тѣ, которыя нашъ фурьеръ купилъ въ городѣ. Это отъ того, что послѣ проѣзда нашего черезъ Новгородъ, именно съ годъ тому назадъ, онъ почти весь выгорѣлъ, такъ что тамъ, какъ говорили, ничего нельзя было достать, да и все мѣсто походило болѣе на деревню, чѣмъ на городъ. Между тѣмъ въ прежнія времена, какъ гласитъ исторія, Новгородъ былъ такъ великъ и могущественъ, что не только оставался столицею Россіи, но и породилъ у Русскихъ извѣстную поговорку: *кто противъ Бога и Великаго Новгорода?* Но теперь въ знаменитѣйшемъ торговомъ городѣ государства не могли найти и простой крестьянской телѣги, сколько ни обыскивалъ коммендантъ всѣ дома. Мы терпѣли большой недостатокъ въ телѣгахъ и очень хорошо знали, что дальше нигдѣ не получимъ ни одной. Въ самомъ дѣлѣ, намъ пришлось бы до крайности плохо, если бъ ком-

*) т. е. на барки или баркасы.

мендантъ наконецъ не помогъ намъ нѣсколькими багажными колесами, взятыми изъ полковъ, и не переслалъ ихъ въ Бризду. Около полудня мы отправились водою изъ Хутыни и на другой день,

15. По-утру благополучно прибыли въ Бризду, гдѣ отъ Москвы, 18-я станція. Ночью мы нѣсколько часовъ отдыхали въ одной деревнѣ, находящейся на берегу. По всему пути, на обоихъ берегахъ, расположено множество деревень, которыя оказываютъ большую услугу проѣзжающимъ въ Москву или Новгородъ, когда нѣтъ попутнаго вѣтра: суда въ такомъ случаѣ подвигаются очень медленно, потому что должны плыть противъ теченія, и надобно бываетъ или тащить ихъ лошадьми, или помогать имъ веслами. Для насъ это было пріятное путешествіе, такъ какъ на суднѣ мы имѣли всѣ удобства, плыли по теченію и иногда, вдобавокъ, шли частію подъ парусами, частію на веслахъ. Если ѣхать сухимъ путемъ изъ Новгорода въ Бризду, то прогоны считаются и уплачиваются за 60 верстъ. Въ Бриздѣ мы застали молодого князя Трубецкаго съ его женою, дочерью великаго канцлера, и нашли четвероместную карету, высланую на встрѣчу герцогу императрицею, которая, кромѣ того, приказывала сказать, что на послѣднихъ станціяхъ передъ Петербургомъ стоятъ также и нѣкоторыя изъ ея лошадей, назначенныя для его высочества. Герцогъ, поэтому, тотчасъ поѣхалъ отсюда впередъ въ каретѣ императрицы, поручивъ намъ слѣдовать за нимъ такъ скоро, какъ только будетъ возможно. Но какъ ни пріятенъ былъ видъ проспекта или новой дороги, по которой мы наконецъ отсюда поѣхали, однакожъ до невѣроятности изрытая на ней земля и полумертвыя почтовыя лошади не позволили намъ въ этотъ день уѣхать далѣе деревни Зудовой, которая всего въ восьми верстахъ отъ Бризды, гдѣ мы вышли на берегъ и откуда, около полудня, отправились тотчасъ послѣ его высочества.

16. Мы поднялись до разсвѣта, въ надеждѣ добраться въ этотъ день до 19(для насъ собственно 20) станціи; но не успѣли проѣхать и двухъ верстъ, какъ многія лошади начали уставать. Поэтому мы благодарили Бога, что доѣхали хоть до Бабиной, въ которой его в—во провелъ прошлую ночь и которая всего въ 17-ти в. отъ нашего ночлега въ Зудовой.

17. Поутру мы оставили Бабину и наконецъ кое-какъ проползли остальныя 15 верстъ до станціи, такъ что могли быть тамъ около полудня.

18. Мы отправились съ 20 станціи на 21-ю,гдѣ получили хорошихъ лошадей, и возымѣли надежду продолжать путь успѣшнѣе, чѣмъ въ послѣдніе дни.

19. Утромъ, мы пустились дальше и, добравшись заблаговременно до 22-й и послѣдней станціи, запаслись тамъ тотчасъ новыми лошадьми, съ которыми проѣхали еще 5 верстъ, изъ опасенія, что иначе онѣ завтра не дотащатъ насъ до Петербурга. Мѣсто, гдѣ мы ночевали, называлось Славянкой (Schlawianeka).

20. Мы собрались ранехонько и проѣхали остальныя 25 верстъ до С.-Петербурга, куда однакожъ прибыли не прежде вечера. Осмотрѣвъ свою квартиру, я отправился ко двору, гдѣ, вмѣсто обыкновеннаго гвардейскаго караула, нашелъ 30 человѣкъ гренадеръ и рядовыхъ Ингерманландскаго полка съ однимъ поручикомъ, четырьмя унтеръ-офицерами и однимъ барабанщикомъ, потому что гвардія, по теперешней малочисленности своей, не можетъ замѣщать всѣхъ карауловъ. Когда я подъѣхалъ, герцогъ постучалъ въ окно, чтобы позвать меня къ себѣ, и я долженъ былъ остаться у него слишкомъ часъ. Онъ разсказалъ мнѣ все, чтò происходило здѣсь со времени его пріѣзда, а именно: что въ Воскресенье, въ 3 часа утра, благополучно прибылъ въ Петербургъ, встрѣченный пальбою изъ всѣхъ пушекъ, и въ тотъ же день, послѣ обѣда, имѣлъ счастіе видѣться и говорить съ императоромъ, императрицею и обѣими принцессами; что всѣ они приняли его необыкновенно милостиво, и что императрица между прочимъ разсказывала, какъ императоръ въ эту ночь внезапно былъ разбуженъ пушечными выстрѣлами и спрашивалъ, чтò значитъ такая ночная пальба; но потомъ, узнавъ, что это для его высочества, успокоился и опять легъ спать. Его высочество вчера былъ также на обыкновенной ассамблеѣ у маршала Олсуфьева, гдѣ однакожъ общества собралось гораздо меньше, чѣмъ бывало въ Москвѣ, а императоръ пробылъ только нѣсколько минутъ; императрица же вовсе не пріѣзжала туда. По случаю недавней кончины сестры императора, царевны Маріи Алексѣевны, которую 12-го числа этого мѣсяца, вечеромъ, въ присутствіи самого государя, шедшаго за гробомъ, и при факелахъ, торжественно похоронили въ церкви Петропавловской крѣпости, при дворѣ опять наложенъ былъ новый трауръ на 6 недѣль. Эта царевна принимала участіе въ проискахъ пресловутой сестры своей Софіи, и потому содержалась, какъ бы подъ почетнымъ арестомъ, въ особомъ домѣ, откуда не смѣла выходить; во всемъ остальномъ, впрочемъ, пользовалась совершенной свободой. Императоръ засталъ ее еще въ живыхъ и нашелъ у нея цѣлую толпу поповъ, которые, по старому Русскому обычаю, принесли ей яствъ и напитковъ и спрашивали, не нужно ли ей чего нибудь, и всего ли она имѣла вдоволь? Его величество всѣхъ ихъ выгналъ вонъ, потому что рѣшительно не хочетъ, чтобъ повторялись подобныя вещи.

21. У полиціймейстера Антона Мануиловича [1]) было послѣднее зимнее собраніе; но гостей съѣхалось опять очень мало. Императоръ оставался у него недолго, а императрица и совсѣмъ не была тамъ.

22. Поутру раздались три пушечные выстрѣла, возвѣстившіе, что рѣка вскрылась и что ледъ начиналъ идти. Уже съ 19-го числа запрещено было ходить по немъ, и за этимъ строго смотрѣлъ кухмистеръ Гансъ Юргенъ, который заступилъ мѣсто *виташаго* и носитъ точно такой же костюмъ, какой былъ у того, но очень недоволенъ, что принужденъ исправлять эту должность. Онъ говорилъ намъ, когда приходилъ ко двору съ разнаго рода провизіей (императрица для кухни и погреба его высочества прислала уже хорошій запасъ венгерскихъ и другихъ винъ вмѣстѣ съ другими вещами), что въ вознагражденіе за свою двадцати-лѣтнюю службу долженъ теперь, какъ дуракъ, бѣгать вездѣ въ этомъ нарядѣ. Не смотря на то, что рѣка только-что вскрылась и постоянно еще запруживалась множествомъ льда, императоръ плавалъ уже по ней взадъ и впередъ и, какъ говорили, несказанно радовался, что вода открылась въ этотъ годъ такъ рано, какъ никто не запомнитъ, потому что обыкновенно ледъ проходитъ здѣсь цѣлымъ мѣсяцемъ позже.—Въ этотъ день пріѣхали въ Петербургъ оба Гессенъ-гомбургскіе принца съ подполковникомъ Лёвольдомъ, который сопровождалъ ихъ. Младшему, говорятъ, 16, а старшему 17 лѣтъ. Они остановились очень далеко отъ насъ и неизвѣстно еще, какъ велика состоящая при нихъ свита. Въ полдень императоръ и императрица кушали въ садовой бесѣдкѣ умершей недавно царевны Маріи.

23. Сегодня уѣхалъ бар. Штрёмфельдъ. Его вызвали въ Лифляндію для того, чтобъ онъ представилъ донесеніе объ успѣхѣ возложеннаго на него порученія собранію выборныхъ отъ сословій, которое уже двѣ недѣли его ждало.

24. Около 11-ти часовъ были у его высочества съ визитомъ состоящій въ здѣшней службѣ Англійскій вице-адмиралъ Гордонъ [2]) и одинъ знатный Якобитъ [3]) лордъ Дюффусъ (Doffus), бывшій флотскій капитанъ, который ищетъ здѣсь мѣста морского интенданта. Когда у насъ съ вице-адмираломъ зашла рѣчь о вооруженіи здѣшняго флота, онъ сообщилъ, что вооружаются 28 линейныхъ кораблей, 12 фрегатовъ и 100 галеръ съ провіантомъ на 6 мѣсяцевъ, что самъ императоръ

---

[1]) Девьера.

[2]) Томасъ Гордонъ, родной племянникъ извѣстнаго генерала Патрика Гордона, бывшій впослѣдствіи адмираломъ и умершій въ 1741 г.

[3]) Т. е. приверженецъ короля Іакова II Стюарта. Онъ вступилъ въ этомъ году въ Русскую службу контръ-адмираломъ. См. „Жизнеописанія первыхъ Росс. адмираловъ, или опытъ исторіи Росс. флота", Берха, С.-П.-Б., 1832 г. ч. I, стр. 329—340.

намѣренъ принять начальство надъ этой эскадрой, и что главное дѣло тутъ только въ обученіи людей, которые на морѣ его величеству стоятъ не больше, чѣмъ на суши. Послѣ того разговоръ перешелъ на численность всего Англійскаго флота, и вице-адмиралъ сказалъ намъ, что у нихъ 200 однихъ линейныхъ кораблей, не считая другихъ меньшихъ судовъ, но галеръ вовсе нѣтъ, что хотя и не разъ предлагали завести ихъ, однакожъ Парламентъ никогда не соглашался на то; да и Англичане, какъ свободные люди, не хотятъ слышать о нихъ, нисколько, впрочемъ, не потому, чтобъ въ ихъ отечествѣ не было преступниковъ, достойныхъ ссылки на галеры. Изъ словъ его легко можно было замѣтить, что онъ смотрѣлъ неблагопріятно на этотъ родъ морскихъ судовъ и не принадлежалъ къ числу друзей вице-адмирала Измаевича *), завѣдывающаго здѣсь начальствомъ надъ галерами. Когда мы начали также говорить о красотѣ Англійскаго флота, онъ увѣрялъ насъ, что между здѣшними кораблями есть точно такіе же красивые, какъ и между Англійскими, о чемъ я уже и прежде слышалъ отъ многихъ безпристрастныхъ людей. Въ то время, какъ были при дворѣ эти иностранцы, пришло неожиданное и непріятное извѣстіе, что тайный совѣтникъ Геспенъ, верстъ за 300 отсюда, опасно заболѣлъ чѣмъ-то въ родѣ спячки. Его высочество очень огорчился этимъ и тотчасъ же отправилъ фурьера съ письмами къ нему и къ т. с. Штамке. Послѣ обѣда бригадиръ Плате ѣздилъ къ императорскому двору съ поклономъ отъ имени его высочества; тамъ онъ узналъ, что императрица нѣсколько дней была нездорова, но ужъ чувствовала себя немного лучше. Въ 4 часа пополудни императоръ отплылъ на большомъ суднѣ изъ Почтоваго дома въ Александровскій монастырь, гдѣ на другой день хотѣлъ праздновать Благовѣщеніе Богородицы. При отплытіи отъ Почтоваго дома онъ выпалилъ изъ трехъ маленькихъ пушекъ, и въ крѣпости отвѣчали ему семью выстрѣлами.

25. Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы трауръ при дворѣ былъ снятъ, потому что этотъ праздникъ у Русскихъ одинъ изъ самыхъ большихъ. Около полудня императоръ, при пальбѣ съ крѣпости изъ пушекъ разнаго калибра, возвратился назадъ, имѣя на своемъ суднѣ нѣсколько трубачей, которые трубили. Въ этотъ день къ его величеству присланъ былъ курьеръ изъ Персіи съ радостнымъ извѣстіемъ, что прекрасная провинція Гилянъ добровольно поддалась Россіи. По этому случаю въ Петропавловскомъ соборѣ совершено было благодарственное молебствіе, и въ крѣпости трижды палили изъ

---

*) Змаевичъ, Матвѣй Измайловичъ, родомъ Далматъ, вступилъ въ Русскую службу въ 1710, умеръ въ 1735 г. См. тамъ же, ч. II, стр. 1—48.

всѣхъ пушекъ; простой народъ угощали пивомъ и водкой, а знать сильно пила въ кофейномъ домѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Четырехъ Фрегатовъ». Его высочество обо всемъ этомъ ничего не зналъ, полагая, что пальба происходитъ по случаю сегодняшняго большого праздника; но вечеромъ ему объяснили причину бывшаго торжества.

26 Бригадира Плате очень рано утромъ посылали къ оберъ-гофмейстеру Олсуфьеву узнать, можетъ ли его высочество имѣть въ этотъ день счастіе посѣтить императора? Тотъ отвѣчалъ г-ну Плате, что государь сказалъ императрицѣ, что самъ собирается сегодня къ герцогу, и былъ бы у него уже вчера, если бъ не выпилъ слишкомъ много. До обѣда однакожъ его высочество прождалъ его напрасно: онъ пріѣхалъ только около 7-ми часовъ вечера въ сопровожденіи лишь одного поручика и двухъ денщиковъ, именно молодаго Бутурлина и Татищева, и былъ въ отличномъ расположеніи духа. Такъ какъ мы держали на готовѣ столъ съ холоднымъ кушаньемъ для 7-ми или 8-ми человѣкъ, то его тотчасъ внесли и, по собственному желанію государя, поставили передъ самымъ каминомъ. Сѣли за него: императоръ, герцогъ, поручикъ, Измайловъ, Альфельдъ и Плате. Его величество не вставалъ съ мѣста почти три часа и говорилъ о многихъ предметахъ, въ особенности о разныхъ морскихъ и сухопутныхъ сраженіяхъ. Онъ высказалъ при этомъ, что пѣхотѣ отдаетъ преимущество передъ кавалеріей, и увѣрялъ, что въ продолженіе всей войны, какъ съ Русской, такъ и съ Шведской стороны, самое главное дѣлалось первою. Когда рѣчь зашла о союзныхъ войскахъ, онъ сказалъ, что всегда лучше хотѣлъ бы имѣть подъ своимъ начальствомъ нѣсколько сотенъ собственнаго войска, чѣмъ тысячу союзниковъ, потому что у послѣднихъ много совѣтуются и разсуждаютъ, а дѣла обыкновенно дѣлаютъ очень мало. Замѣтно было также, что его величество вовсе не питалъ расположенія къ ген. Флеммингу *) которому, какъ самъ разсказывалъ, сдѣлалъ однажды славное возраженіе. Гдѣ-то Русскія войска стояли вмѣстѣ съ Саксонскими, и когда царь расположилъ свои отряды немного вокругъ послѣднихъ, съ приказаніемъ зорко смотрѣть за ними, ген. Флеммингъ спросилъ его, ужъ не боится ли онъ, что Саксонцы побѣгутъ? Его величество отвѣчалъ на это: «Ick will dat eben nit seggen, mar ick wet ock nit, wo see gestanden hefft» (не скажу этого, но не знаю также, гдѣ бы они и стояли). Разговоръ перешелъ потомъ на прекрасные корабли, строящіеся въ настоящее время въ Адмиралтействѣ, и государь сообщилъ, что на штапелѣ стоятъ теперь три корабля 60-ти (съ чѣмъ-то) пушечныхъ, три 54-пушечныхъ и три фрегата, надъ которыми работается со всею

*) Извѣстному Саксонскому фельдмаршалу и фавориту Польскаго короля Августа II.

дѣятельностію. (Его величество не пропускаетъ ни одного дня, не побывавши въ Адмиралтействѣ въ 4 или въ 5 часовъ утра). Далѣе, когда упомянули, что императоръ перемѣнилъ корабль, который обыкновенно употреблялъ во флотѣ, т. е. вмѣсто прежняго, «Ингерманландіи», выбралъ себѣ корабль «Екатерину», онъ сказалъ: Ick heff dat nit gedahn darüm, dit Ingermanland sult nit mehr tugen, off so got als Cathrina syn, denn dat is ewen so gut en gar nit verdorffen, sondern dat soll tom ewigen Gedachtnisz bewahret warden, un nit mehr ut den Hawen kamen, up dat et nit mit de Tied in de See verdorffen ward, wilen ick 4 Flotten darup commandert heff» (я сдѣлалъ это не потому, что «Ингерманландія» не годится болѣе, или хуже «Екатерины», она такъ же хороша и вовсе не испорчена, а потому, что желаю сохранить ее для вѣчнаго воспоминанія и не выводить болѣе изъ гавани, чтобъ она со временемъ не пострадала какъ-нибудь на морѣ; я командовалъ на этомъ кораблѣ четырьмя флотами). То были флоты: Русскій, Датскій, Англійскій и Голландскій [1]). При разговорѣ о новой дорогѣ въ Москву и о недавно-совершенномъ переѣздѣ сюда, императоръ говорилъ, что эта новая дорога будетъ на цѣлыя 200 верстъ короче старой и разсказывалъ, что во время послѣдняго своего путешествія изъ Москвы пробирался впередъ то на саняхъ, то въ каретѣ, то верхомъ, а иногда даже и пѣшкомъ. Въ комнатѣ его высочества лежала на столѣ отгравированная здѣсь карта Астрахани и части Персіи; когда рѣчь коснулась пріобрѣтенія провинціи Гилянь, государь приказалъ подать ее и самъ показывалъ герцогу, гдѣ находилась и какъ далеко простиралась эта провинція. Просидѣвъ такимъ образомъ около трехъ часовъ, императоръ всталъ и, по обыкновенію своему, тотчасъ же уѣхалъ. Герцогъ провожалъ его до кабріолета и очень радовался, что его величество былъ такъ веселъ и милостивъ.

27. Его высочество кушалъ внѣ своей комнаты, что̀ было также и 28-го числа.

29. Онъ страдалъ сильною головною болью, сопровождавшеюся жестокою рвотою. И то, и другое было, конечно, послѣдствіемъ неумѣренности, которой его высочество предавался въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, совершилъ въ этотъ день большую прогулку. Сперва мы осматривали на берегу Невы великолѣпный рядъ домовъ, выстроенныхъ послѣ нашего отъѣзда въ Москву; изъ нихъ домъ великаго адмирала [2]) лучшій и самый роскошный во всемъ городѣ. Потомъ пошли въ Адмиралтейство, гдѣ застали

[1]) Это было въ 1716 году (Авг. 16), когда Русскій флотъ находился въ виду Копенгагена и шли переговоры съ королемъ Датскимъ о высадкѣ въ Сванію.

[2]) На мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца. П. Б.

вице-адмирала Гордона, который принялъ насъ очень вѣжливо и вездѣ водилъ. Первое, что намъ здѣсь показали, были корабли и фрегаты (числомъ около 10-ти), стоявшіе на штапелѣ одинъ подлѣ другого. Три изъ нихъ были уже въ такомъ видѣ, что недѣль черезъ шесть могли быть спущены и нынѣшнимъ же лѣтомъ присоединены къ флоту. Въ числѣ этихъ кораблей находился и купленный за нѣсколько лѣтъ Французскій корабль «Le Ferme», который былъ вытащенъ изъ воды для починки недавно умершимъ здѣсь маленькимъ корабельщикомъ [1]). Императоръ за нѣсколько дней заложилъ еще одинъ большой корабль, на которомъ будетъ отъ 96 до 100 пушекъ. Его величество (самъ сдѣлавшій планъ и всѣ размѣры, которые показывалъ герцогу въ Ревелѣ) хочетъ одинъ выстроить и отдѣлать его, чтобы, въ качествѣ ученаго корабельщика, имѣя возможность представить образецъ своей работы. Послѣ того мы осматривали мѣсто, гдѣ приготовляются самыя большія мачты; нѣкоторыя изъ нихъ были поразительной величины. Отсюда вице-адмиралъ повелъ насъ на канатные дворы (Reperbahn), находящіеся внѣ Адмиралтейства. Тамъ выстроены рядомъ, въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, три дома, изъ которыхъ каждый тянется ровно на полверсты, имѣя 750 локтей въ длину и 20 въ ширину. Изъ всѣхъ трехъ съ одной стороны проведены вкось галереи, соединяющіяся съ другимъ, находящимся насупротивъ, мазанковымъ строеніемъ, гдѣ смолятъ якорные канаты и скатываютъ или плетутъ ихъ, проводя черезъ упомянутыя галереи. Якорные канаты дѣлаются здѣсь очень хорошо и охраняются отъ всякой мокроты крышами, устроенными надъ дворами. Возлѣ третьяго двора, кромѣ того, выстроено еще три дома, которые всѣ вмѣстѣ, длиною равняются прежде названнымъ, и въ которыхъ хранятся пенька и ленъ. Въ настоящее время на концѣ канатныхъ дворовъ возводится еще нѣсколько магазиновъ. Все это мѣсто окружено каналомъ и плетенымъ заборомъ [2]).

30. Его высочество обѣдалъ въ своей комнатѣ, а Измайловъ, Плате, Брюммеръ и я втайнѣ праздновали имянины прекрасной княгини Черкасской. Герцогъ не любитъ ея и постоянно, когда рѣчь зайдетъ объ ней, споритъ съ нами четырьмя о ея красотѣ, между тѣмъ какъ почти всѣ считаютъ ее красивѣйшею женщиною во всей Россіи. Послѣ обѣда г.-л. Штакельбергъ пріѣхалъ изъ Лифляндіи и былъ съ визитомъ у его высочества.

---

[1]) См. Дневн. Берхгольца, ч. 1. стр. 120 и 121 (изд. 2-е).

[2]) См. „Историч., географич. и топографич. описаніе С. Петербурга", Рубана, Спб., 1779, стр. 68, гдѣ исчисляются всѣ принадлежавшія къ Адмиралтейству строенія и упоминаются между прочимъ и эти канатные дворы.

31. Сегодня наконецъ прибылъ благополучно ст. с. Штамке вмѣстѣ съ Мекленбургскимъ Остерманомъ. Около 4-хъ часовъ т. с. Остерманъ посѣтилъ герцога и приглашалъ его къ себѣ на другой день на крестины, но не въ крестные отцы, потому что воспринимали отъ купели императоръ и старшая принцесса; а какъ церковный законъ прямо запрещаетъ кумовство между женихомъ и невѣстою, то его высочество, по здѣшнему обычаю, и нельзя было просить въ воспріемники.—Герцогъ катался въ этотъ день по рѣкѣ, и когда проѣзжалъ мимо дома Голландскаго резидента, послѣдній кричалъ ему, что желаетъ, чтобъ онъ удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ, что̀ и было исполнено. Его высочество нашелъ у него большое смѣшанное общество, въ которомъ почти всѣ были порядочно пьяны. Въ числѣ гостей находился и молодой Шумахеръ, опредѣленный для надзора за Кунсткамерой и недавно только возвратившійся изъ Германіи и Франціи, гдѣ накупилъ для императора всякаго рода рѣдкостей. Тутъ же была и невѣста его, мамзель Фельтенъ, дѣвушка очень милая и живая. Она и Голландская резидентша съ своею сестрою пили съ его высочествомъ чай. Послѣдняя только весьма недавно пріѣхала сюда и была, какъ говорятъ, передъ тѣмъ прачкой въ Голландіи; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что резидентша низкаго происхожденія.

Апрѣль 1. Новорожденное дитя т. с. Остермана, въ присутствіи императора, старшей принцессы Анны и супруги великаго канцлера, крестили, въ комнатѣ родильницы, такъ что его высочество и мы, прочіе, не могли находиться при томъ. Я спрашивалъ, какой вѣры г. Остерманъ, и какъ крестятъ его дѣтей, и мнѣ отвѣчали, что всѣхъ его дѣтей крестятъ по Русскому обряду; но какого онъ самъ исповѣданія—этого никто не могъ мнѣ сказать, потому что онъ не принадлежитъ здѣсь ни къ какой церкви и постовъ, которые соблюдаетъ его жена, какъ архирусская, съ нею не держитъ [1]). Тотчасъ послѣ обряда крещенія императоръ сѣлъ за столъ, и его высочество помѣстился возлѣ него съ лѣвой стороны; съ правой никому не пришлось сидѣть, потому что его величестго занялъ мѣсто почти на концѣ стола. Противъ него сѣли четыре кавалера [2]), именно великій адмиралъ, великій канцлеръ, кн. Голицынъ и Толстой; затѣмъ прочіе вельможи, иностранные министры, наши кавалеры и разные морскіе капитаны размѣстились какъ пришлось; но ген. Ягужинскій, который почти никогда не

[1]) Самъ Остерманъ былъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія, но дѣти его, по матери, принадлежали къ Греко-россійской церкви. *Примѣч. Бюшинга.*

[2]) т. е. андреевскихъ.

садится за одинъ столъ съ императоромъ, сѣлъ съ остальными кавалерами и съ фаворитами въ другой комнатѣ. Императорская принцесса, съ супругою великаго канцлера и своими дамами, также съ оберъ-гофмейстеромъ Олсуфьевымъ, осталась въ комнатѣ родильницы; но, посидѣвъ тамъ за столомъ не болѣе получаса, встала и простилась съ императоромъ. Его высочество опять проводилъ ее до экипажа, у котораго прежде встрѣтилъ. Она со дня на день хорошѣетъ. Причиною, почему сюда не пріѣхало больше дамъ, было, вѣроятно, то, что императрица приказала всѣмъ дамамъ собраться въ этотъ день послѣ обѣда въ садъ императора и оттуда, когда всѣ съѣхались, отправилась съ ними къ кн. Ромодановской, чтобы поздравить ее съ пріѣздомъ. За столомъ провозглашено было очень много тостовъ (но вина наливалось столько, сколько каждый самъ желалъ), а именно сперва за здоровье кумовей, потомъ за здоровье ея высочества принцессы; затѣмъ—обыкновенный Русскій тостъ въ *возблагодареніе милости Божіей* (Blagadari Milosti Bogi); далѣе, тосты за здоровье всѣхъ флагмановъ, семейства Ивана Михайловича и наконецъ—генералитета. Это разсердило немного ген. Голицына, и онъ сказалъ, что если императоръ хорошій флагманъ, то онъ въ тоже время и храбрый генералъ. Остерманъ отвѣчалъ ему на то, что не преминулъ бы пить сперва за здоровье генералитета, если бъ былъ на лицо генералъ-фельдмаршалъ, но что такъ какъ здѣсь только великій адмиралъ, то онъ и счелъ своею обязанностію начать съ адмиралитета. Когда императоръ, вставъ изъ за стола и уходя, провозгласилъ еще тостъ и приказалъ, чтобъ никто не уѣзжалъ прежде нежели выпьетъ свой стаканъ, его высочество, желая угодить хозяину, сталъ къ дверямъ и никого не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не исполнили должнаго, а потомъ самъ выпилъ еще стаканъ въ спальнѣ родильницы. Послѣ того онъ отправился черезъ дворъ великаго канцлера къ шлюпкѣ и взялъ съ собою флотскаго капитана Бредаля, который, отвозя насъ, самъ правилъ рулемъ. Онъ хотя и Норвежецъ, но большой врагъ Датчанъ; вообще же очень образованный офицеръ.

2. На разсвѣтѣ, фурьеръ Любкенъ возвратился назадъ и донесъ, что оставилъ т. с. Геспена въ весьма плохомъ состояніи; что вмѣстѣ съ находящимися при немъ не думаетъ, чтобъ онъ оправился, что сонъ все еще постоянно продолжается, что больной не можетъ выговорить и трехъ словъ, не впадая снова въ забытье, и что онъ притомъ до крайности слабъ, весь въ пролежняхъ и ужъ не всегда бываетъ въ полной памяти. Поэтому почти всѣ отправленныя къ нему письма были возвращены нераспечатанными. При всемъ этомъ у тайнаго совѣтника будто бы страшный аппетитъ, и онъ ничѣмъ не мо-

жетъ насытиться, хотя и малѣйшая пища разстроиваетъ ему желудокъ, который ужъ ничего не перевариваетъ; въ особенности, говорятъ, онъ ѣстъ при случаѣ очень много яицъ, но позволяетъ варить и подавать ихъ себѣ только своему кучеру, не смотря на то, что съ нимъ ѣдетъ хорошій поваръ бар. Мардефельда. Люди его, по словамъ фурьера, немало съ ними выносятъ, потому что онъ нетерпѣливъ, хотя въ последнее время и рѣшился готовиться къ смерти, о который сначала и слышать не хотѣлъ, полагаясь на хорошую свою натуру. Его высочество и весь нашъ дворъ были очень огорчены этимъ печальнымъ извѣстіемъ; всѣ отъ чистаго сердца сожалѣли о тайномъ совѣтникѣ, не исключая и императора, который вчера, лишь только увидѣлъ герцога, тотчасъ началъ освѣдомляться о больномъ.

3. Сегодня у его высочества обѣдали прибывшій недавно изъ Лифляндіи Шведскій полковникъ Розенталь, молодой Тизенгаузенъ и капитанъ Гекель. Послѣ обѣда ко двору, къ Измайлову пріѣхалъ шталмейстеръ императрицы и сказалъ, что ея величество, узнавъ, что герцогъ нѣсколько разъ ходилъ пѣшкомъ, поручила ему, шталмейстеру, освѣдомиться, не являлись ли, можетъ быть, экипажи позднѣе, чѣмъ ихъ требовали, и не было ли какого-нибудь безпорядка въ конюшнѣ, или его высочество дѣлалъ это по собственному желанію? Измайловъ отвѣчалъ ему, что его высочество ходилъ пѣшкомъ единственно для моціона.

4. Послѣ обѣда Измайлова и Штамке посылали на ту сторону рѣки, чтобы просить Остермана и великаго канцлера о новыхъ подводахъ для остававшагося въ Бриздѣ багажа его высочества; но они не застали никого дома.

5. По утру пальба изъ всѣхъ пушекъ, какъ въ крѣпости, такъ и въ Адмиралтействѣ, дала намъ знать, что въ этотъ день долженъ быть какой-нибудь праздникъ. Я тотчасъ же справился въ моемъ календарѣ и дневникѣ; но, не найдя ничего ни въ томъ, ни въ другомъ, не могъ объяснить себѣ причины этой пальбы. Его высочество уже позднѣе узналъ, что былъ день рожденія императрицы, которой пошелъ 35-й годъ, и потому немедленно послалъ ко двору г. Измайлова поздравить императора, императрицу и принцессъ, приказавъ ему въ тоже время освѣдомиться, какъ оно будетъ праздноваться, и не снимется ли тамъ на этотъ день трауръ? Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что рожденіе государыни будетъ отпраздновано тихо, безъ особенныхъ церемоній, но что трауръ снятъ; вслѣдствіе чего герцогъ велѣлъ объявить и намъ всѣмъ, чтобъ мы явились ко двору въ цвѣтныхъ костюмахъ. У его высочества обѣдалъ флотскій капитанъ Бредаль, и за столомъ былъ распитъ не одинъ добрый стаканъ вина, какъ въ

фантазіи Бенедиктова, и мрачнымъ разочарованіемъ Лермонтова. Характерно также, что Некрасовъ, любившій писать только о томъ, что онъ самъ наблюдалъ и пережилъ, въ первой своей книгѣ, напротивъ, постоянно пытался „воспѣвать“ предметы ему совершенно неизвѣстные—Турчанокъ, Колизей, Кавказъ и т. д.

Но среди вялыхъ и подражательныхъ стиховъ тамъ и сямъ мелькаютъ неожиданныя выраженія, эпитеты, сравненія, которыя уже предвѣщаютъ будущаго Некрасова. Среди безличныхъ стиховъ попадаются стихи съ „необщимъ выраженьемъ“ (какъ говорилъ Баратынскій). Ихъ-то, вѣроятно, и подмѣтилъ Жуковскій, когда говорилъ Некрасову, что у него *есть талантъ*.

Если и не хорошо, то своеобразно и смѣло стихотвореніе „Воронъ“:

Не шумъ домовыхъ на полночномъ пиру,
Не рати воинственной топотъ,
То слышенъ глухой въ непробудномъ бору
Голоднаго ворона ропотъ...
Носился туда онъ, гдѣ люди безъ слезъ
Лежатъ послѣ хладной кончины;
Тамъ жертву оспорилъ вампиръ-кровососъ
И не далъ ему мертвечины...

Совершенно уже въ Некрасовскомъ духѣ слѣдующія строки:

Мало на долю мою безталанную
Радости сладкой дано;
Холодомъ сердце, какъ въ бурю туманную,
Ночью и днемъ стѣснено...

Или эти:

Мнѣ плакать хочется, а плакать въ мірѣ стыдно,
Увидятъ люди,—осмѣютъ.

Предвѣстникомъ будущихъ сказочныхъ балладъ Некрасова являются его стихи „Пиръ вѣдьмы“ (написанные, конечно, не безъ вліянія Пушкинскаго „Гусара“).

Тёмно въ хатѣ, душно въ хатѣ;
Пляшутъ ложки на столѣ.
Скачетъ вѣдьма на ухватѣ,
Ѣдетъ чертъ на помелѣ....
Обниманья, сплетни, говоръ,
Всякій хочетъ угодить:
Черный ужъ, колдуньинъ поваръ,
Сталъ межъ тѣмъ уху варить.
И покуда мылъ онъ плошки,
Всѣ безъ скрипки, безъ смычка,
Подъ напѣвъ голодной кошки
Принялись за трепака.

Еще въ годъ смерти Некрасова, Н. Н. Страховъ, который далеко не былъ поклонникомъ его поэзіи, высказывалъ пожеланіе, чтобы было издано „Полное собраніе“ его сочиненій. Между тѣмъ лица, имѣющія право на изданіе сочиненій Некрасова, до сихъ поръ предлагаютъ читателямъ только „выборку“ изъ его произведеній, составленную далеко не безпристрастно. Чрезъ это образъ Некрасова является передъ читателями въ одностороннемъ освѣщеніи. Не говоря уже о томъ, что въ новыхъ изданіяхъ Некрасова пропущены всѣ его юношескіе стихи (съ 1838 по 1845 годъ т. е. за семь лѣтъ) и вся его проза, въ нихъ нѣтъ еще варіантовъ, (иногда очень значительныхъ) къ позднѣйшимъ стихотвореніямъ, а иногда и цѣлыхъ стихотвореній (напр., къ Н. Н. Муравьеву). Объясняется, это конечно тѣмъ, что издатели Некрасова не умѣютъ видѣть въ немъ поэта, а до сихъ поръ хотятъ считать его за проповѣдника и учителя. „Гражданское служеніе“ было для поэзіи Некрасова дважды губительно. Вопервыхъ оно мѣшало свободнымъ порывамъ его творчества, заставляло насиловать свое дарованіе, побудило написать немало такихъ стиховъ, о которыхъ въ день юбилея лучше умолчать. Во-вторыхъ, эти „гражданскіе подвиги“ Некрасова отстранили отъ него истинныхъ читателей и истинныхъ критиковъ и на много, повидимому, лѣтъ замедлили правильную оцѣнку его поэзіи. В. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1903 года.

(Годъ 41-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1903 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886**—**1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890**—**1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898**—**1902** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

Годъ сорокъ первый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1903

2.

Стр.

Приложеніе.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1903.

Матеріалы для Академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ Спб. 1902. 8° 2 нум. (предисловіе В. И. Саитова) IV и 274 стр.

Еслибы собрать все *новое*, что впервые обнародовано въ I томѣ Академическаго изданія сочиненій Пушкина и въ только-что изданныхъ „Матеріалахъ", то составился бы цѣлый томикъ. Новый томикъ подлинныхъ Пушкина стиховъ! Надо умѣть цѣнить такое сокровище. Не будемъ останавливаться на поправкахъ отдѣльныхъ словъ и на новыхъ разночтеніяхъ отдѣльныхъ стиховъ, но приведемъ только наиболѣе значительные отрывки.

Въ стихотвореніи 1818 года „Мечтателю" Пушкинъ говоритъ о „страшномъ безуміи любви". Матеріалы извлекаютъ изъ рукописи дополнительный набросокъ къ этимъ стихамъ.

Скажи: въ забвеньи чувствъ, любовью упоенный,
Ты падалъ ли къ ногамъ любовницы во(з)мущенной,
Гремѣлъ ли рѣчью передъ ней,
Срывалъ ли ты запоръ со замкнутыхъ дверей?

Въ посланіи къ Дельвигу первоначально было:

Къ невѣрной славѣ я хладѣю
И по привычкѣ лишь одной
Лѣниво волочусь за нею,
Какъ мужъ за гордою женой.
Я позабылъ ея обѣты,
Одна свобода—мой кумиръ;
Но все люблю, мои поэты,
Счастливый голосъ вашихъ лиръ.

Въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ" имѣемъ нынѣ новую строфу:

И вновь какъ на тризну стремишься на брань,
И вновь вознесенъ и прославленъ,
Твой мечъ собираетъ кровавую дань,
Твой недругъ во прахѣ раздавленъ,
Незримый хранитель могущему данъ,
А ты подъ бронею не вѣдаешь ранъ.

Къ „Прозерпинѣ" начало:

Плещутъ волны Флегетона,
И брега его дрожатъ.
Кони грознаго Плутона
Оставляютъ мрачный Адъ.
Вдоль туманнаго залива
Ѣхалъ онъ путемъ глухимъ.
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Втайнѣ шла путемъ одним.

Вотъ какъ первоначально кончалось стихотвореніе „Къ сожженному письму".

Легкій дымъ
Летитъ и стелется съ веселіемъ моимъ...
Ужъ перстня вѣрнаго теряя впечатлѣнье,
Кипитъ сургучъ... Увы! печальное видѣнье!..
И гаснетъ. Потемнѣвъ, свернулися листы,
Ихъ пепелъ сохранилъ чуть видныя черты;
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милой,
Отрада бѣдная судьбы моей унылой,
Приди на грудь мою, на пламенную грудь,
Близъ сердца моего останься! Не забудь
Слова завѣтныя, слова души прекрасной..

Совершенно было переработано и стихотвореніе „Узникъ".

И тихо, и грустно въ темницѣ глухой
Плѣненъ, обезкрыленъ орелъ молодой,
Единый товарищъ въ изгнаньи моемъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
И вымолвить хочетъ мнѣ слово одно:
„Мой вѣрный (товарищъ, давай) улетимъ".
Зоветъ меня взоромъ и крикомъ своимъ.
„Давай, встрепенемся! Пора намъ, пора!
Острогъ намъ не ближній, тюрьма не сестра;
Мы вольныя птицы, ты—братъ мой, а я—
Гдѣ соколъ летаетъ, тамъ наша семья".

Слова въ 7-мъ стихѣ, поставленныя въ скобки, возстановлены нами по догадкѣ.

Значительныя разночтенія и дополненія имѣются для стихотвореній: „Отвѣтъ на вызовъ написать стихи", „Кокеткѣ", „Гробъ юноши", „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный", „Горишь ли ты лампада наша" (Я. Н. Толстому), „Ты правъ, мой другъ".

А.

Съ 1903 года начинается изданіемъ въ С.-Петербургѣ

новый ежемѣсячный журналъ

Новый Путь

ЗАДАЧА ЖУРНАЛА: Дать возможность выразиться, въ какой бы то ни было литературной формѣ—въ повѣствованіи, въ стихахъ, въ философскомъ разсужденіи, въ научной статьѣ, или въ бѣглой замѣткѣ,—тѣмъ новымъ теченіямъ, которыя возникли въ нашемъ обществѣ, съ пробужденіемъ религіозно-философской мысли. Прежнее утилитарно-позитивное міросозерцаніе, не включавшее въ себя ни искусства, ни философіи, ни даже науки, во всей возможной ихъ сложности, уже безсильно отвѣтить на запросы современнаго сознанія и на нашихъ глазахъ смѣняется иными исканіями. Идти навстрѣчу духовной работѣ общества, вызываемой этимъ знаменательнымъ переломомъ,— такова цѣль новаго журнала. Журналъ держится принципа полной терпимости ко всякому серьезному убѣжденію.

Содержаніе первой книжки (ниже помѣщаемое) дастъ читателю понятіе объ общемъ характерѣ изданія.

Между прочимъ, къ помѣщенію въ журналѣ предполагаются записки петербургскихъ Религіозно-Философскихъ Собраній, начавшихся съ осени 1901-го года и привлекшихъ живое вниманіе общества.

Разрѣшенная программа журнала:

1) Беллетристика — оригинальная и переводная (романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, путевые очерки, стихотворенія и проч.). 2) Критика, публицистика и библіографія. 3) Статьи по вопросамъ религіозно-философскимъ и этическимъ. 4) Научный отдѣлъ. 5) Статьи по вопросамъ исторіи и культуры. 6) Обзоръ отечественной и иностранной жизни. 7) Художественная хроника. Театръ и музыка. Отчеты о выставкахъ. 8) Отчеты о дѣятельности обществъ: научныхъ, философскихъ, художественныхъ и друг. 9) Судебный отдѣлъ. 10) Общій отдѣлъ (корреспонденціи, письма, разныя извѣстія, мелкія литературныя замѣтки). 11) Портреты, иллюстраціи, планы и чертежи. 12) Объявленія.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно**, около 15-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 20 печатныхъ листовъ, въ форматѣ заграничныхъ ежемѣсячниковъ.

Первая книжка (1903 года) выйдетъ около 15-го декабря.

Содержаніе: *П. Перцовъ.* Новый путь.— *Н. М. Минскій.* О свободѣ религіозной совѣсти.—*И. Е. Рѣпинъ.* Мысли объ искусствѣ.—*„Гоголь и о. Матвѣй“* (оригинальный рисунокъ И. Е. Рѣпина).—*Д. С. Мережковскій.* Судьба Гоголя.— *Стихи* К. Случевскаго, З. Гиппіусъ, Ѳ. Сологуба и К. Бальмонта. — *Allegro.* „Племянница“, разсказъ. — *Вилье-де-Лиль Аданъ.* „Небесныя объявленія“, разсказъ (съ франц.).—*Фр. Ницше.* Изъ рѣчей Заратустры (*новые* отрывки).— *А. Денисовъ.* „Вымыселъ“, вечерній разсказъ.—Письма *гр Л. Н. Толстого.* — *В. В. Розановъ.* Въ своемъ углу (постоянныя статьи). — *Частная переписка* по вопросамъ литературнымъ, философскимъ, религіознымъ и друг. — *Дневники:* Политика. Литература. Искусство. Театръ. Общественная и культурная жизнь въ Россіи и за-границей.

Записки Религіозно-Философскихъ Собраній въ С.-Петербургѣ. — Засѣданія I и II: докладъ В. Тернавцева. „Русская церковь и русская интеллигенція“ и пренія по докладу при участіи свѣтскихъ и духовныхъ лицъ.

Редакція и контора: **С.-Петербургъ, Невскій, 88.**

Цѣна: на годъ **7** руб. съ доставкой и пересылкой; безъ дост. 6 руб. 50 к. По полугодіямъ: первое 4 руб., второе 3 руб. За границу 10 руб. Отдѣльныя книжки не продаются.

Подписка, кромѣ конторы журнала, принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ—„Новаго времени“, Карбасникова, Вольфа и др.

Контора открыта ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч. (по воскресеньямъ отъ 1 ч. дня до 5 час. веч.). — **Редакторъ** принимаетъ по вторникамъ и субботамъ отъ 5 до 6 ч. веч.

Редакторъ-издатель ***П. Перцовъ.***

Дозволено цензурою. Спб. 28 ноября 1902 г. Тип. А. Е. Колпинскаго. Конная, 3—5.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА *).

Профессоры почти всѣ уже собрались въ Москву и начали преподаванія свои. Въ то время ректоромъ университета былъ Ив. Анд. Геймъ, весьма почтенный и ученый Нѣмецъ, извѣстный изданіемъ своихъ прекрасныхъ лексиконовъ. Онъ преподавалъ Статистику и Геральдику; послѣднюю повидимому очень любилъ, читалъ живо и съ одушевленіемъ, хотя и дурно выражался по-русски. Онъ умѣлъ возбудить охоту въ слушателяхъ, и я слушалъ его съ удовольствіемъ. Не знаю, съ какою цѣлью преподавалась Геральдика и кому она была нужна. Русскую Словесность читалъ извѣстный поэтъ Мерзляковъ (Ал-ѣй Өедор.); онъ увлекалъ своихъ слушателей, говорилъ съ жаромъ и вовсе не держался того сухого ученія, которое кружилось около риторикъ и извѣстной схоластики. У него не было опредѣленной системы, и онъ говорилъ на каѳедрѣ, что̀ приходилось ему по вкусу. Иногда цѣлая лекція посвящена была разбору какого-нибудь сочиненія, иногда разбиралъ извѣстную литературную эпоху, иногда читалъ стихотворенія замѣчательнаго поэта. Слушателей онъ никогда не спрашивалъ. Онъ вообще пользовался въ университетѣ уваженіемъ. Очень жаль, что онъ, какъ поэтъ, любилъ часто возбуждать свое воображеніе виномъ, и это много способствовало къ сокращенію его жизни. Русскую Исторію читалъ Каченовскій, весьма замѣчательный ученый, издававшій единственный тогда литературный журналъ: Вѣстникъ Европы, помѣщая тамъ свои критическія статьи, по большей части весьма дѣльныя, но часто злыя, за что на него сильно нападали. Манера чтенія его была не хороша, онъ тянулъ слова и безпрерывно поправлялся; но видно было, что онъ хорошо знако̀мъ съ предметомъ. Римское право преподавалъ Цвѣтаевъ, сухой и непріятный профессоръ, говорившій вяло и наводившій на слушателей сонъ, тѣмъ болѣе, что лекціи его происходили послѣ обѣда. Онъ издалъ хорошую книгу по своему предмету. Латинскій языкъ и Римскія древности преподавалъ

---

*) См. выше, стр. 112.

Тимковскій, человѣкъ весьма ученый. Я его не слушалъ. Физику—Двигубскій, издавшій книгу по этой наукѣ. Онъ читалъ недурно, но слишкомъ безцеремонно. Высшую Математику—Мягковъ, отлично знавшій свой предметъ. Славянскій языкъ—Снѣгиревъ, весьма забавный профессоръ, съ манерами до того странными, что порождали множество на него карикатуръ и разныхъ сатирическихъ произведеній. Прочіе профессоры тянули гужевую, т. е. читали кое-какъ, безъ всякой энергіи, лишь бы просидѣть свои часы. Студентовъ было еще немного. Въ первый годъ ихъ собралось не болѣе 40 человѣкъ. Это были юноши, Московскіе уроженцы. Изъ губерній же пріѣхавшихъ было еще мало. Вотъ почему я такъ легко попалъ въ студенты. Надобно было наполнить аудиторіи; иначе, то-есть, при строгихъ экзаменахъ, Университетъ могъ бы остаться безъ слушателей.

Вмѣстѣ со мною въ одной комнатѣ жилъ также на пенсіонѣ студентъ Лымовъ, большой охотникъ погулять и поиграть въ карты. Общество его мнѣ крайне не нравилось; что-то внутренное говорило мнѣ, что я долженъ убѣгать отъ него. Но какъ это сдѣлать, живя вмѣстѣ? Онъ научилъ меня играть въ банкъ. Къ нему очень часто являлись такіе же какъ и онъ молодцы и принимались за игру. Между прочими посѣщалъ насъ почти ежедневно нѣкто Зонъ, оставшійся на всю жизнь записнымъ игрокомъ и котораго впослѣдствіи я не разъ встрѣчалъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ клубахъ. Онъ, кажется, даже нигдѣ не служилъ. Поневолѣ я игралъ съ ними и былъ въ игрѣ такъ счастливъ, что въ короткое время выигралъ у Лымова и Зона рублей 200, но денегъ большею частію они мнѣ не платили; они постоянно были у меня въ долгу. Имъ сильно хотѣлось отыграться, и потому безпрерывно заманивали они меня на игру до того, что мѣшали мнѣ слушать лекціи. Одинъ разъ въ аудиторію вошелъ сторожъ и сказалъ мнѣ, что какой-то проѣзжій меня спрашиваетъ и ему сейчасъ надобно видѣть меня. Я вышелъ изъ класса и нашелъ въ передней Лымова, Зона и другихъ, которые схватили меня подъ руки и, не смотря на мои сопротивленія, потащили домой, чтобъ играть въ карты. Когда я проигралъ имъ всѣ деньги, которыя они были мнѣ должны, они оставили меня въ покоѣ. Я пересталъ вовсе играть.

Обѣдалъ я всякій день въ семействѣ Грешищева. Это былъ человѣкъ простой, безъ всякаго образованія; жена его, толстая барыня, походила на него въ этомъ отношеніи. У нихъ была племянница, не слишкомъ красивая дѣвица съ постоянно краснымъ лицомъ. Вообще мы не жили дружно, но привычка видѣть ежедневно другъ друга насъ потомъ сблизила. Я находилъ даже, что она не дурна, сдѣлался посмѣлѣе съ нею, и она начинала быть ко мнѣ внимательною. Вечера

проводилъ я въ уединеніи; у меня не было никакихъ знакомыхъ въ Москвѣ; иногда только гулялъ по городу, который представлялъ еще развалины. Хотя прошло уже больше года по выступленіи Французовъ, но къ постройкамъ и исправленіямъ домовъ еще никто почти не приступалъ; выгорѣли цѣлыя улицы; виднѣлись однѣ трубы и печи. Подобныя прогулки не представляли много пріятнаго и утѣшительнаго. На самыхъ улицахъ замѣчалась пустота: народонаселеніе еще не успѣло дойти и до четвертой части того числа жителей, какое было до вступленія непріятеля. Оно сравнялось не прежде какъ лѣтъ черезъ 50. Такъ сильно потрясено было благосостояніе Москвы. Отъ скуки я игралъ на гитарѣ, къ которой начиналъ пристращаться. Умѣя нѣсколько играть на скрипкѣ, я легко выучился на гитарѣ; пальцы были уже подготовлены, но успѣхи не соотвѣтствовали моимъ желаніямъ: самоучкою не далеко уйдешь. Страсть мою къ этому инструменту поддерживалъ жившій въ одномъ со мною коридорѣ, студентъ Захаровъ, служившій потомъ въ правленіи Университета. Онъ часто заходилъ ко мнѣ, мы вмѣстѣ учились и другъ другу помогали. Свободою моею располагать собою я вовсе не пользовался, велъ себя очень скромно, дурныхъ знакомствъ не заводилъ. Другой на моемъ мѣстѣ давно бы увлекся молодцоватымъ товариществомъ; я удержался, постоянно избѣгая всего, что̀ было неприличнымъ и вреднымъ. Конечно у меня не было денегъ, страсти мои еще не развернулись, но мнѣ недоставало нужной смѣлости и находчивости... Я всего боялся... Все это было причиною моей скромной жизни у Грешищевыхъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ Антонскій открылъ свой благородный пансіонъ... Домъ, гдѣ прежде помѣщался пансіонъ, во время Французовъ сгорѣлъ, а теперь заново отстроивался; но, до окончательной отдѣлки его, нанятъ частный домъ, куда и поступали новые воспитанники; ихъ набралось до тридцати человѣкъ; слѣдовательно можно было открыть классы. Антонскій приказалъ и мнѣ перебираться въ пансіонъ. Грустно мнѣ было разставаться съ прежнею моею свободою, хотя я и не дѣлалъ изъ нея важнаго употребленія. Я чувствовалъ, что мнѣ должно будетъ подчиниться пансіонской дисциплинѣ; зависимость, какъ бы она легка ни была, всегда тягостна; но къ грусти моей о свободѣ примѣшивалось непріятное чувство, что оставляю племянницу Грешищевыхъ, которая въ послѣднее время оказывала мнѣ много вниманія, особенно когда узнала, тто я скоро долженъ буду отъ нихъ переѣхать. Спускаясь съ лѣстницы въ послѣдній день пребыванія моего у нихъ, я встрѣтился съ нею внизу. Мы остановились. Прощайте, сказалъ я ей съ чувствомъ; можетъ быть, больше не увидимся.... Мнѣ жаль что вы отъ насъ отходите, отвѣчала она.... Я взялъ ее за руку... Но тѣмъ

и кончилось наше разставанье; я больше ничего не смѣлъ себѣ позволить. Она вѣрно посмѣялась надо мною, неопытнымъ ребенкомъ, который съ такою робостію рѣшился объяснить ей свои чувства. Нѣкоторая бо̀льшая съ моей стороны смѣлость конечно не могла бы разсердить ее. Мнѣ сказывали потомъ, что она не пугалась и совершеннолѣтнихъ. Съ товарищемъ моимъ Лымовымъ я простился безъ сожалѣнія. Я постоянно избѣгалъ его общества, можетъ быть, не столько изъ опасенія подвергнуться дурнымъ вліяніямъ отъ его знакомства, сколько потому, что онъ былъ богаче меня, и я не могъ за нимъ тянуться. Онъ тоже не хотѣлъ со мною сближаться, не находя во мнѣ достойнаго сотрудника въ своихъ подвигахъ. Онъ рѣдко сидѣлъ дома, что̀ меня очень радовало. Мы другъ другу не мѣшали. Хотя пансіонъ былъ весьма недалеко отъ Грешищевыхъ, но я никогда болѣе съ ними не встрѣчался. Мнѣ и въ мысль не приходило повидаться съ ними; впрочемъ едва ли бы это и позволили.

*

Съ переселеніемъ въ пансіонъ начался у меня совершенно другой родъ жизни. Изъ студента, вполнѣ располагавшаго своею свободою, временемъ и занятіями, я сдѣлался школьникомъ и долженъ былъ подчиниться всѣмъ мелкимъ пансіонскимъ установленіямъ: поутру вставать въ 7 часовъ, ложиться спать въ 9 ч., и все это по звонку, отправляться къ завтраку, къ обѣду, къ ужину попарно, со двора никуда не выходить. Съ умноженіемъ числа воспитанниковъ образовались разряды или отдѣленія, какъ это было прежде, до нашествія Французовъ. Каждое отдѣленіе имѣло свою комнату. Я, какъ одинъ изъ старшихъ и притомъ студентъ, поступилъ въ отличное отдѣленіе, но сталъ третьимъ. Въ пансіонъ вступили два прежніе воспитанника: Чуриковъ и Поповъ, которые были старше меня, хотя и не были еще студентами; они уже послѣ зачислены были въ это званіе. Первымъ назначенъ Чуриковъ, юноша съ большими способностями, писавшій хорошо стихи, но характера самаго непріятнаго. Его никто не любилъ, и всякій избѣгалъ короткихъ съ нимъ сношеній [1]). Вторымъ, Поповъ, весьма уживчивый воспитанникъ, ласковый, не слишкомъ большихъ способностей, но прилежный и трудолюбивый [2]). Четвертымъ Созано-

---

[1]) Чуриковъ служилъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ, дослужился только до чина кол. ассесора, принадлежалъ всегда къ дурному кругу общества, съ казацкими офицерами и проч. началъ пить, вскорѣ вышелъ въ отставку и, имѣя порядочное состояніе, удалился въ деревню, гдѣ и умеръ моложе 40 лѣтъ. Онъ мало былъ знако̀мъ въ Петербургѣ съ прежними своими товарищами.

[2]) Поповъ поступилъ на службу къ князю Александру Ник. Голицыну по почтовому

вичъ, кроткій и добродушный, съ хорошими способностями [1]). Пятымъ Николай Антонскій, племянникъ директора, очень ограниченныхъ способностей [2]). Шестымъ Булдаковъ, буйный юноша, дурно учился, но не безъ ума [3]). Седьмымъ Рюминъ, смирный и старательный [4]). Восьмымъ Колошинъ и девятымъ Познанскій, оба очень порядочные [5]).

Такимъ образомъ въ отличномъ отдѣленіи было всего девять воспитанниковъ. Инспекторомъ пансіона былъ докторъ словесныхъ наукъ, а потомъ профессоръ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, человѣкъ необыкновенныхъ способностей, знакомый почти со всѣми предметами, философъ, литераторъ, математикъ, даже музыкантъ, нѣсколько педантъ, острый на языкъ, чрезвычайно увлекательный, не вѣрившій впрочемъ въ истину, которую доказывалъ, готовый предать всякаго, кто не соотвѣтствовалъ его видамъ, большой льстецъ и вообще въ дѣлахъ очень ловкій [6]). Мы старшіе были постоянно съ нимъ; онъ сидѣлъ во время обѣда и ужина за нашимъ столомъ; въ теченіе дня часто съ нимъ разсуждали, спорили.

Въ пансіонѣ, вскорѣ послѣ его учрежденія, въ концѣ минувшаго столѣтія, составилось литературное общество изъ 9-ти членовъ старшихъ воспитанниковъ, вѣроятно по числу Музъ. Это общество собиралось одинъ разъ въ недѣлю по Середамъ вечеромъ. Кромѣ дѣйствительныхъ членовъ были еще и почетные; это послѣднее званіе носили выбывшіе воспитанники, которые были членами общества.

вѣдомству, пользовался особеннымъ покровительствомъ князя, который употреблялъ его по своимъ особеннымъ дѣламъ, много выигралъ по службѣ, былъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря Госуд. Совѣта и потомъ почетнымъ опекуномъ въ Петербургѣ.

[1]) Сазановичъ не дѣлалъ быстрыхъ успѣховъ по службѣ. Послѣднее время былъ предсѣдателемъ коммерческаго суда въ Москвѣ.

[2]) Антонскій былъ адъютантомъ въ гвардейскомъ штабѣ; былъ женатъ на сестрѣ Даргомыжскаго. Умеръ въ молодости, за нимъ вскорѣ послѣдовала и жена его съ ребенкомъ.

[3]) Булдаковъ нигдѣ порядочно не служилъ, но какъ-то умѣлъ понравиться графу Перовскому, который назначилъ его въ Симбирскъ губернаторомъ, онъ въ этой должности и умеръ. Онъ женился на женѣ графа Клейнмихеля послѣ развода съ нею мужа.

[4]) Рюминъ былъ сынъ извѣстнаго богача-откупщика. Служилъ вмѣстѣ со мною въ Министерствѣ Финансовъ, былъ очень скупъ и въ раннихъ лѣтахъ умеръ отъ горячки.

[5]) Колошинъ и Познанскій служили въ генеральномъ штабѣ, большаго успѣха въ службѣ не сдѣлали.

[6]) Давыдовъ былъ директоромъ упраздненнаго Педагогическаго Института. Умеръ сенаторомъ въ Москвѣ. Онъ издалъ книгу: Начальныя основанія логики, которая возбудила сильное преслѣдованіе со стороны Магницкаго, который нашелъ ее пропитанною богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга.

Они всегда являлись въ собраніе, когда пріѣзжали въ Москву. Занятія собранія заключались въ слѣдующемъ. Одинъ изъ членовъ по очереди читалъ свое сочиненіе на какой ему угодно предметъ, литературный, историческій или философскій. Начинались послѣ этого разсужденія; съ сочинителемъ вступали въ споръ; его опровергали, онъ защищался. Потомъ секретарь Поповъ читалъ протоколъ предыдущаго засѣданія; послѣ того одинъ изъ членовъ также по очереди предлагалъ на обсужденіе собранія какой-нибудь вопросъ изъ области знанія, другой членъ передавалъ собранію какую-нибудь мысль вычитанную имъ въ книгѣ и съ которою онъ былъ несогласенъ. Онъ долженъ былъ обстоятельно объяснить, почему онъ несогласенъ и спросить мнѣнія собранія. Это была одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ для члена. Онъ долженъ былъ для етого перечитать множество книгъ, чтобъ напасть на такую мысль. Поиски его часто были безуспѣшны: Середа подходила, а у него не было готовой мысли; онъ обращался къ товарищамъ, но каждый дорожилъ своею находкою и рѣдко уступалъ ее другому. Часто ограничивались какою-нибудь легонькою мыслію, чтобъ только выполнить обязанность. Наконецъ, разбирали сочиненія извѣстныхъ авторовъ, а также сочиненія самихъ членовъ. Въ спорахъ и сужденіяхъ принимали всегда участіе Антонскій и Давыдовъ, а иногда почетные члены и даже посѣтители, которыхъ Антонскій приглашалъ въ собраніе, такъ напримѣръ бывали у насъ Жуковскій, Мерзляковъ и другіе. Эти собранія были очень оживленны; они пріучили насъ мыслить, обсуживать предметы и хорошо говорить. Я былъ не изъ молчаливыхъ членовъ, и разсужденія меня интересовали. Собранія принесли мнѣ много пользы. Оно издавало ежегодно альманахъ подъ именемъ Утренняя Заря или Калліопа.

Какъ студентъ, я ходилъ на лекціи въ Университетъ утромъ и послѣ обѣда; но потомъ приказано мнѣ было ходить только утромъ, а послѣ обѣда заниматься въ пансіонѣ языками. Это стѣсняло еще болѣе мою свободу, но было чрезвычайно для меня полезно. Языки я зналъ очень плохо и съ крайнимъ трудомъ объяснялся по-французски. Правда, и при этомъ распоряженіи успѣхи мои были не велики, но по крайней мѣрѣ я повторялъ то, что̀ прежде зналъ и понемногу знакомился съ правилами языка. Скоро я полюбилъ чтеніе Французскихъ книгъ и прочелъ почти всѣхъ классиковъ: Расина, Корнеля, Вольтера, Буало и множество другихъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Многое было не по моему вкусу, многое находилъ утомительно скучнымъ; но я задалъ себѣ задачею узнать всѣ эти увражи, чтобъ имѣть о нихъ понятіе и по возможности достигъ этой цѣли. Въ прежнее время совѣстно было образованному человѣку сказать, что онъ не читалъ

того или другого извѣстнаго сочиненія: надобно было непремѣнно познакомиться со всѣми классическими твореніями; иначе назовутъ невѣждою. Теперь ихъ не читаютъ, и выходитъ столько замѣчательныхъ книгъ, что не прочесть чего-нибудь изъ нихъ не считается грѣхомъ.

Я не пропускалъ не одной лекціи въ Университетѣ, не смотря на то, что за мною никто не присматривалъ. Происходило ли то отъ опасенія взысканія или отъ развитія собственнаго совѣстливаго чувства, объяснить не берусь. Я слушалъ лекціи съ всевозможнымъ вниманіемъ; многія мнѣ очень не нравились; я худо ихъ понималъ; нѣкоторые профессоры не имѣли дара слова и не умѣли возбудить охоты въ слушателяхъ. Особенныхъ познаній въ Университетѣ я не пріобрѣлъ, зналъ всего понемногу самымъ поверхностнымъ образомъ, но вкусъ къ ученью былъ развитъ. Я читалъ все что подъ руку попадалось; за этимъ некому было смотрѣть. Послѣдствіемъ было то, что сужденіе мое выработалось. Я любилъ погружаться въ размышленія. Явился скептицизмъ, этотъ предвѣстникъ просвѣщенія, не допускающій принять безусловно на вѣру все, чтó выдумываютъ предразсудки, невѣжество и разныя корыстныя цѣли, возбуждающій пытливость ума и уничтожающій рабство духа... Въ особенности содѣйствовали образованію мыслительныхъ моихъ способностей сочиненія энциклопедистовъ и другихъ авторовъ XVIII-го вѣка. Безъ сомнѣнія они поколебали мои религіозныя вѣрованія, которыя старалась сильно вкоренить во мнѣ прежняя моя пансіонская обстановка *), но отъ этого нравственность ничего не проиграла. Я могъ быть порядочнымъ человѣкомъ не потому, что такъ въ книгахъ приказывалось, а по собственному убѣжденію. Много способствовалъ развитію нашему Давыдовъ, который любилъ самъ съ нами бесѣдовать. Въ немъ не было ничего учительскаго, онъ не важничалъ своимъ званіемъ, не преслѣдовалъ воспитанниковъ за ошибки или поведеніе; мы сталкивались съ нимъ иногда въ кондитерскихъ и кофейныхъ, и это не имѣло для насъ никакихъ непріятныхъ послѣдствій. Однимъ словомъ, Давыдовъ былъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для пансіона.

---

*) Въ бытность Государя Александра Павловича въ 1816 году въ Москвѣ, онъ вздумалъ посѣтить Университетъ. Его принимали въ пансіонѣ (домъ университета еще не былъ отстроенъ). Государя сопровождали Аракчеевъ и ген.-ад. гр. Ожаровскій. Попечитель Пав. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ, представивъ профессоровъ, повелъ его въ залу, гдѣ мы обѣдали. Кутузовъ тутъ началъ разсказывать Государю систему нашего воспитанія; черезъ нѣсколько дней явилась у насъ на стѣнѣ доска, и на ней надпись золотыми буквами: „Истинное просвѣщеніе основано на религіи и Евангеліи“, слова (якобы) произнесенныя Государемъ Императоромъ въ бытность въ пансіонѣ тогда-то и проч.

Я принялся снова учиться на скрипкѣ, которую почти забросилъ по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Жоліо, скрипичный учитель, много со мною занимался, какъ съ единственнымъ почти воспитанникомъ, умѣвшимъ уже порядочно играть. Я дѣлалъ быстрые успѣхи; сначала мы играли «Квартеты Роде», а потомъ принялись и за концерты. Въ пансіонѣ зимою бывали балы и концерты; на послѣднихъ я нѣсколько разъ отличался передъ многочисленною публикою. Выходя на эстраду, обыкновенно я очень робѣлъ, но потомъ справлялся и выходилъ съ торжествомъ изъ бѣды. Охота къ музыкѣ развивалась во мнѣ сильнѣе и сильнѣе. Въ пансіонѣ были музыкальные учители на всѣхъ инструментахъ, и воспитанники ничего лишняго за это не платили. Можно было учиться играть на чемъ хочешь... Я пользовался этимъ и сталъ брать уроки на фортепьяно и даже на флейтѣ. Къ фортепьянамъ я получилъ особенную страсть и ловилъ минуты, какъ бы поиграть на этомъ инструментѣ; мнѣ чрезвычайно нравилось это разнообразіе гармоническихъ звуковъ, которые я извлекалъ изъ него; я совершенно увлекался въ пріискиваніи аккордовъ и радовался какъ дитя, когда удавалось напасть на аккордъ новый, небывалый; потомъ я повторялъ его во всѣхъ тонахъ. Къ сожалѣнію я слишкомъ мало занимался механическою частію фортепьянъ и оттого очень немного успѣлъ. Флейту я скоро бросилъ: мнѣ казалось, что у меня начинала болѣть грудь. Скрипка осталась моимъ первенствующимъ инструментомъ. Я притомъ долженъ былъ часто готовиться къ публичнымъ концертамъ въ пансіонѣ и разучивать съ большимъ стараніемъ довольно трудныя пьесы. Если я не сдѣлался хорошимъ артистомъ, то конечно въ этомъ не моя вина: нельзя было исключительно заниматься одною музыкою. Я на столько пріобрѣлъ искусства что могъ по крайней мѣрѣ годиться для квартетовъ, что́ мнѣ впослѣдствіи доставило въ Петербургѣ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ съ домами, гдѣ любили музыку и гдѣ я нашелъ много другихъ удовольствій, кромѣ музыки.

Московская публика очень любила нашъ пансіонъ. Когда бывали у насъ балы и концерты, то пріѣзжало столько гостей, что съ трудомъ можно было двигаться въ залѣ, хотя она была довольно обширна. Допускались на балы только старшіе воспитанники и умѣющіе танцовать. Вообще мы были плохіе танцоры и еще тѣмъ менѣе свѣтскіе люди, которые умѣли бы занимать дамъ разговорами. По-французски мы изъяснились очень дурно. Я игралъ жалкую роль на балахъ; тѣмъ не менѣе я не только не хотѣлъ отставать отъ другихъ, но имѣлъ даже претензію нравиться. Въ то время на балы мущины являлись не иначе, какъ въ башмакахъ, въ черныхъ шелковыхъ длинныхъ чулкахъ

и въ короткихъ шелковыхъ же штанахъ. Доходило до смѣшного, какъ мы старались разрядиться по бальному; особенно мнѣ, не имѣвшему способовъ запастись необходимымъ для этого туалетомъ, крайне трудно было снарядить себя непогрѣшительнымъ образомъ въ этомъ отношеніи; иногда приходилось заимствоваться вещами отъ другихъ. Все однако сходило благополучно..... Я являлся на балы разодѣтый, надушенный и завитый какъ баранъ (такая была мода), смѣло ангажировалъ дамъ и становился въ ряды танцующихъ. Екосезъ, простыя кадрили, тампеты, Польскія сходили какъ нельзя лучше; я вальсировалъ довольно порядочно, но мазурка ставила меня втупикъ. Тогда танцовали мазурку только въ четыре пары. Танцующіе старались отличиться ловкостію, граціозностію, на манеръ Поляковъ, отъ которыхъ заимствованъ этотъ танецъ. Но ловкость немногимъ давалась. Долго я не рѣшался пускаться въ мазурку. Наконецъ вздумалось мнѣ испытать свои силы и умѣніе. Первый мой дебютъ былъ крайне неудаченъ: я сбивался на каждомъ шагу, перепуталъ фигуры и совсѣмъ сбилъ танцующихъ, видѣлъ, какъ другіе улыбались, конфузился и еще болѣе терялся.

Послѣ этого я долго не рѣшался танцовать мазурку, пока не пріобрѣлъ нѣкотораго навыка на нашихъ домашнихъ танцовальныхъ урокахъ подъ руководствомъ знаменитаго танцмейстера Іогеля, который училъ насъ танцовать. Этотъ Іогель былъ человѣкъ преловкій; его знала вся Москва. Онъ затѣялъ давать публичные балы по 5 рублей ассигнаціями за входъ. Балы эти принялись отлично; вся лучшая публика туда ѣздила, и было очень весело. Въ то время нечего было опасаться, что на такой балъ пріѣдетъ всякая сволочь съ подозрительными женщинами. Въ низшемъ кругу не была еще развита охота къ танцамъ; нравы были нѣсколько сдержаннѣе; буйство и молодечество не залѣзали еще въ ярко освѣщенныя залы; на балахъ Іогеля все было чинно и благопристойно, да никто и не рѣшился бы на грязный поступокъ, чтобъ не оскорбить хозяина и все общество и не потерять добраго мнѣнія. Я не могъ каждый разъ бывать на этихъ балахъ по недостатку денегъ заплатить за входъ, купить себѣ перчатки, завиться у парикмахера и произвести другіе расходы. Но иногда я справлялся съ силами и летѣлъ туда, мечтая встрѣтиться съ нѣкоторыми особами, меня много интересовавшими. У каждаго изъ насъ былъ предметъ обожанія; мы передавали другъ другу впечатлѣнія бала, всѣ малѣйшія подробности разговоровъ, неудачи, счастливыя минуты.... Наука не шла на умъ; воображеніе рисовало длинные локоны, голубые глаза, пухленькую ручку: въ душѣ долго отзывался прелестный звукъ голоса, каждое слово, каждое движеніе толковалось въ

пользу нашего самолюбія; мы считали себя героями начинающагося романа..... Весна разлучала насъ съ милыми особами; балы прекращались, и Московскія семейства уѣзжали въ деревни, и часто вовсе не возвращались въ Москву. Мы утѣшались тѣмъ, что стремились къ новымъ побѣдамъ, считая разумѣется побѣдою ласковый взглядъ и привѣтливое слово: больше мы не имѣли права требовать.

Когда я пріѣхалъ въ Москву, Михаила Антоновича Антонскаго не было въ ней. Онъ все еще жилъ въ Казани, гдѣ сговорилъ и выдалъ старшую дочь свою Анну Михайловну замужъ за одного глупаго болвана, который отравилъ всю жизнь ея. Къ осени Антонскіе пріѣхали въ Москву, но безъ зятя: онъ поѣхалъ лѣчиться на Кавказъ, что̀ долженъ бы сдѣлать до женитьбы, если только болѣзнь его могла быть излѣчимою. Все достоинство этого человѣка заключалось въ томъ, что онъ служилъ въ гвардіи и имѣлъ порядочное состояніе; но въ немъ не было ни тѣни здраваго смысла, ни воспитанія, ни даже пріятнаго обхожденія. Родители пожертвовали своею дочерью, прельстясь его богатствомъ; она же, хотя ей уже было 18 лѣтъ, будучи воспитана очень строго въ семействѣ, не имѣла своей воли и съ покорностію исполнила волю отца. Поѣздка мужа ея на Кавказъ была совершенно безполезна: онъ не вылѣчился, какъ и надобно было того ожидать.

Съ первой минуты свиданія моего съ Антонскими, я замѣтилъ, что они на меня негодовали. Они приняли меня сухо, холодно, даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Я привыкъ уже отчасти къ подобному обращенію и этому не удивлялся. Я не слишкомъ стремился къ тому, чтобъ заискивать ихъ расположеніе; но мнѣ обидно было, что они такъ скверно обходятся съ человѣкомъ, передъ которымъ были много виноваты... Я же не подалъ имъ никакого повода быть такъ суровыми со мною. Казалось, они находили удовольствіе выказать мнѣ свое нерасположеніе. Отношенія наши остались прежнія, то есть у нихъ были деньги присылаемыя на мои расходы, и я долженъ былъ обращаться къ нимъ, если что-нибудь мнѣ было нужно, и это было для меня невыносимо тягостно. Кромѣ того, что мнѣ отказывали въ деньгахъ подъ предлогомъ излишнихъ съ моей стороны требованій, мнѣ доставалось за то, что я обращался къ нимъ безъ должной учтивости. Однажды я осмѣлился представить имъ счетъ, на что мнѣ нужны были деньги. Ничего не подозрѣвая, что этотъ способъ требованія найденъ будетъ неприличнымъ, я крайне удивленъ былъ строгимъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ мнѣ черезъ нѣсколько дней директоромъ Антонскимъ въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ, какъ я рѣшился послать одинъ счетъ безъ просительнаго письма, какъ будто какому нибудь управля-

ющему. Я долго не понималъ, въ чемъ дѣло; но изъ жесткихъ словъ Антонскаго я ясно уразумѣлъ, что въ настоящемъ случаѣ я не соблюлъ приличной формы; для меня однакожъ страннымъ казалось, почему именно теперь нужно было посылать счетъ при письмѣ, когда я прежде этого никогда не дѣлалъ и отсылалъ счетъ просто. Какъ бы то ни было, можетъ быть, я дѣйствительно заслуживалъ замѣчанія за неловкій поступокъ, но получить его при всѣхъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ я считалъ не совсѣмъ справедливымъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ это было такое важное преступленіе? Казалось, было бы достаточнымъ сказать мнѣ наединѣ, что учтивость требуетъ, чтобъ я написалъ письмо, когда обращаюсь съ просьбою... Въ отношеніяхъ общественныхъ я былъ еще неопытенъ, и это было бы полезнымъ для меня наставленіемъ и руководствомъ на будущее время. Но дѣло не ограничилось замѣчаніемъ. Антонскіе разсказывали общимъ знакомымъ о моей дерзости; они хотѣли, чтобы объ этомъ зналъ Лубьяновичъ. Анна Михайловна тоже сильно была настроена противъ меня и отзывалась обо мнѣ съ негодованіемъ, какъ о человѣкѣ безъ всякаго воспитанія. Все это было мнѣ передано. Я страдалъ и не зналъ, какъ поправить дѣло... Я не могъ объяснить себѣ иначе это упорное преслѣдованіе, какъ раздраженіемъ противъ меня за непріятности, которыя Антонскіе получили вслѣдствіе замѣчаній Лубьяновича на дѣйствія ихъ съ нами во время нашествія Французовъ. Это было довольно правдоподобно, но тутъ не было ничего логическаго: мы были лицами страдательными, шли, куда насъ вели, разсуждать не могли и если разсказали Лубьяновичу со всею откровенностію наши приключенія, то въ этомъ нисколько не были виноваты; за насъ говорила истина. Казалось бы, Антонскимъ слѣдовало дѣйствовать совершенно въ противномъ духѣ, то есть вниманіемъ и ласками къ намъ загладить ошибки прошлаго, но жесткая натура ихъ не допускала такой деликатности въ отношеніи къ намъ. Они не хотѣли принимать на видъ, что мы были еще дѣти и требовали покровительства и участія, а отнюдь не заслуживали гоненія.

Время истребило ненависть Антонскихъ. Мало по малу все успокоилось: они начинали привыкать ко мнѣ, особенно когда мы подружились съ сыномъ ихъ Николаемъ. Мы стали чаще къ нимъ ѣздить и наконецъ, кажется, совсѣмъ примирились. Анна Михайловна, такъ сильно меня преслѣдовавшая, даже меня полюбила и называла сынкомъ. Въ продолжительные праздники мы гостили у нихъ иногда по нѣскольку дней, что̀ еще болѣе насъ сблизило. Отецъ попрежнему однакожъ былъ суровъ: онъ не могъ уже передѣлать своей натуры. У него была другая дочь Ѳеодосія, лѣтъ 14, съ пылкимъ воображе-

ніемъ и живымъ темпераментомъ. Къ нимъ мало ѣздило молодыхъ людей; если иногда и пріѣзжали гости, то большею частію люди пожилые, которые собирались для составленія хозяину партіи ламуша (игры давно уже вышедшей изъ употребленія). Немудрено, что молодая дѣвушка начала поглядывать на меня съ особеннымъ участіемъ. Она позволяла себѣ говорить мнѣ такія любезности, отъ которыхъ я по неопытности и робости краснѣлъ. Однажды вечеромъ, сидя въ темной комнатѣ, мы глядѣли въ окно на зажженныя плошки. Она указала мнѣ на двѣ изъ нихъ; одна горѣла ярко, другая чуть - чуть выказывала пламя. «Вотъ мое сердце, сказала она показывая на первую плошку, а вотъ ваше». Этотъ языкъ былъ для меня новъ; я никогда ничего подобнаго не слыхалъ отъ дѣвушки. Кровь бросилась мнѣ въ голову, и я не зная, что̀ отвѣчать ей на такую выходку, придумалъ сказать глупость, что все зависитъ отъ лакея Сергѣя: онъ придетъ и поправитъ плошку, и она также сильно будетъ горѣть, какъ другая. Въ одно время она спросила меня, чѣмъ я буду по выходѣ изъ пансіона. Я въ шутку отвѣчалъ ей: профессоромъ... Фуй... какъ это можно... я не желала бы, чтобъ меня называли профессоршею. Она шагала очень быстро для 14 лѣтней дѣвушки, разсчитывая уже на замужество. Я любилъ оставаться съ нею наединѣ, но былъ по большей части молчаливъ, остороженъ и робокъ. Природа ея замѣтно развернулась прежде моей. Я часто однакожъ думалъ о ней въ пансіонѣ, припоминалъ каждое ея слово и съ нетерпѣніемъ желалъ снова съ нею увидѣться.

Иногда семейство Антонскихъ отправлялось въ Донской монастырь просидѣть вечеръ у архимандрита Виктора, родного брата Михаила Антоновича. Это былъ человѣкъ весьма почтенный и умный, его очень уважали родные. Когда я гостилъ у Антонскихъ, и меня брали туда. Ничего не было скучнѣе для насъ молодыхъ, какъ провести нѣсколько часовъ въ кельѣ стараго архимандрита; но я утѣшался тѣмъ, что могъ видѣть Ѳеодосію Михаиловну. Иногда украдкою мы мѣнялись съ нею взорами или даже словами; длиннаго разговора нельзя было вести. Случалось, мы, какъ бы сговорившись, выходили вмѣстѣ изъ комнаты въ садъ монастырскій, но это было на самое короткое время, мы успѣвали только вздохнуть на свободѣ и сказать другъ другу: ахъ, какъ скучно! потомъ, посмотрѣвъ кругомъ, не видятъ ли насъ одних, торопились возвратиться въ комнаты и усѣсться чинно подальше одинъ отъ другого, чтобъ не возбудить малѣйшаго подозрѣнія. Вечеръ оканчивался, и мы въ полномъ удовольствіи снаряжались въ путь. Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодая дѣвушка томилась при такой обстановкѣ. Ей нужно было развлеченіе, и она не находила его ни дома, ни тѣмъ менѣе у дяди - архимандрита. Уединеніе, въ какомъ она

проводила большую часть времени, при ея пылкой натурѣ, только распаляло ея воображеніе. Она искала жизни, а дѣйствительность представляла ей одну мертвенность. Ей хотѣлось любить, а предмета у нея не было: она никого не видѣла. Изрѣдка я встрѣчалъ у нихъ въ домѣ моего товарища по пансіону Вердеревскаго, юношу весьма красиваго собою; онъ считался ихъ дальнимъ родственникомъ. Ѳеодосія Михаиловна была съ нимъ любезна, разумѣется на столько, сколько позволяли ихъ родственныя отношенія; но молодой человѣкъ повидимому не увлекался ею. Помню однакожъ, что я съ нѣкоторою досадою смотрѣлъ на свободное ея съ нимъ обращеніе; въ мое сердце закрадывалось уже чувство ревности. Впрочемъ ни Вердеревскому, ни мнѣ не предоставлено было возмутить души Ѳ. М. Эта часть пала впослѣдствіи на долю человѣка, который меньше, нежели кто-либо имѣлъ на то право... на монаха. Посѣщая часто Донской монастырь, она замѣтила тамъ красиваго, съ пылкими глазами, съ черными кудрями послушника, который подъ монашескою рясою таилъ пламенное сердце. Ни глаза матери, ни строгій монастырскій надзоръ не могли затушить пожара, который вдругъ съ необыкновенною силою разжегъ страсти молодыхъ людей. Любовь обманула бдительность, и дѣло кончилось тѣмъ, что монаха растригли, выслали изъ монастыря и сослали на жительство въ Оренбургъ. За нимъ послѣдовала и Ѳ. М., забравъ съ собою нѣсколько серебра и драгоцѣнныхъ вещей. Можно себѣ представить изумленіе и огорченіе родителей, которые никакъ не могли вообразить себѣ, чтобъ строгія правила нравственности и благочестія, безпрерывно внушаемыя ихъ дочери, принесли такіе плоды. Долго любовники прожили въ изгнаніи. Они женились и стали хлопотать о возвращеніи ихъ въ Москву. Дѣло было трудное; вѣкъ былъ благочестивый, поступокъ сосланнаго слишкомъ рѣзко бросался въ глаза, дозволенія не давали. Наконецъ, послѣ 10 лѣтняго пребыванія ихъ въ Оренбургѣ, имъ дозволено было жить въ Московской деревнѣ, отданной ей отцемъ, но тамъ супруги соскучились и послѣ многихъ хлопотъ испросили себѣ разрѣшеніе жить въ Петербургѣ, куда и переселились для воспитанія единственнаго ихъ сына. Впослѣдствіи я встрѣчался съ ними. Изъ нѣжной, чувствительной дѣвушки Ѳед. Мих. превратилась въ толстую жирную женщину; она безпощадно ругала своихъ родныхъ за то, что они будто бы обочли ее при раздѣлѣ наслѣдства умершаго дяди, директора пансіона. Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ она имѣла основаніе жаловаться на нихъ. По смерти Антона Антоновича нашли у него записку, въ которой было сказано, что онъ назначаетъ ей 10.000 р., но первый нуль послѣ цифры 1 оказался перечеркнутымъ, и надъ нимъ поставлена была сверху цифра

8, черта же проведенная по нулю слегка задѣвала цифру 1. Братья и Анна Мих. доказывали, что дядя хотя и предполагалъ назначить Ѳедосьѣ Мих. 10.000 р. но потомъ вслѣдствіе полученныхъ отъ нея какихъ-то непріятностей уменьшилъ эту сумму до 8000 р. для чего и замаралъ первыя двѣ цифры поставивъ надъ ними 8; но Ѳ. М. утверждала, что дядею единица не была перечеркнута, а уничтоженъ былъ только 0, вмѣсто котораго поставлено 8, слѣдовательно онъ назначилъ ей 18.000 р. Братья выдали ей однакожъ по первоначальному назначенію 10.000 р., не желая отнимать у нея 2000 р. Они поступили, кажется, благородно, если не было притомъ другихъ обстоятельствъ къ осужденію ихъ; но Ѳ. М. твердила всѣмъ, кто хотѣлъ ее слушать, что братья ее обидѣли. Безъ сомнѣнія виноватъ тутъ больше всѣхъ дядя, который при всей отличавшей его аккуратности поступилъ такъ неосмотрительно и оставилъ такую неясную записку. Ѳ. М. увѣряла меня, что дядя дѣйствительно былъ ею недоволенъ одно время, но потомъ они помирились, и онъ не имѣлъ причины уменьшать у нея наслѣдство. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ выслушивать ея жалобы. Я старался уговорить ее, чтобъ она была покойнѣе, не волновалась напрасно и жила въ согласіи съ братьями. Она не хотѣла меня слушать. Наконецъ мнѣ надоѣло слушать отъ нея одно и тоже, я избѣгалъ встрѣчи съ нею и хотя она желала, чтобъ я бывалъ у нея, но я уклонялся отъ этого. Въ Петербургѣ она жила очень уединенно, знакомствъ порядочныхъ не имѣла. Мужъ ея сдѣлался суровымъ старикомъ и старался избѣгать разговоровъ. Онъ получилъ какое-то званіе въ Академіи Художествъ. Средства къ жизни были у нихъ достаточныя; она постоянно увѣряла, что положеніемъ своимъ довольна и лучшаго не желаетъ, сына своего страшно баловала и едва ли чему-нибудь доброму научила. Наконецъ я совсѣмъ потерялъ ее изъ виду.

Кстати сказать здѣсь о сестрѣ ея Аннѣ Михаиловнѣ. Эта женщина оставалась нѣкоторое время безъ мужа въ чаяніи, что онъ возвратится къ ней изъ Кавказа бодрымъ, здоровымъ и настоящимъ мужемъ. Между тѣмъ пылкая кровь въ ней играла, съ нею сдѣлались истерическіе припадки до того сильные, что она страшно билась, и съ нею сладить не могли. Я былъ свидѣтелемъ двухъ - трехъ подобныхъ припадковъ и отъ ужаса цѣпенѣлъ. Мужъ что-то долго не возвращался. Послѣ Кавказа онъ ѣздилъ въ Казань къ своимъ роднымъ; я съ нимъ познакомился уже послѣ выбытія моего изъ пансіона и въ Москвѣ во всѣ три года пребыванія въ пансіонѣ его не видалъ. Онъ возвратился, какимъ поѣхалъ; тогда Мих. Ант., сострадая положенію своей дочери, откровенно съ нею объяснился и предложилъ ей, не хочетъ ли она просить о разводѣ, на что она имѣетъ право, но если не

желаетъ прибѣгнуть къ этому, то просилъ ее вести себя скромно и не позволять себѣ незаконныхъ связей. Она выбрала послѣднее и не отвергла своего мужа, который въ послѣднее время сошелъ съ ума и въ такомъ положеніи прожилъ лѣтъ нѣсколько. Я видѣлъ его уже помѣшаннымъ. Онъ былъ вообще тихъ и неопасенъ; любилъ говорить, но всегда употреблялъ не тѣ слова, какими думалъ выразить свою мысль. Его однакожъ домашніе понимали. Жена до самой смерти его ходила за нимъ и оказывала ему все нужное попеченіе. Она долго еще жила послѣ него.

Но возвратимся къ пансіону. Время шло своимъ порядкомъ, я учился охотно и недурно, сколько можно было требовать по способамъ, которые намъ были предоставлены, учился всему и ничему въ особенности. У меня не было страсти къ какому-нибудь особенному предмету, учености отъ насъ не требовали: лишь бы знали то, что̀ нужно знать порядочному человѣку, готовящемуся на службу. Товарищи мои, особенно имѣвшіе состояніе, пренебрегали ученіемъ; большая часть изъ нихъ мечтала о военной службѣ, гдѣ наука не требуется. Хотя я за ними не тянулся, но примѣръ всегда нѣсколько соблазнителенъ. У насъ, какъ и вездѣ въ казенныхъ заведеніяхъ, долбяшекъ не жаловали; надъ ними смѣялись; надобно все ловить на лету и не показывать другимъ, что твердишь урокъ. Въ строгомъ смыслѣ мы учились мало. Если мы и пріобрѣтали нѣкоторыя свѣдѣнія, то какъ-то случайно, вслѣдствіе чтенія или разговоровъ: природа сама помогала развивать способности, если у кого онѣ были. Ни одинъ профессоръ насъ не спрашивалъ, поняли ли мы его лекцію; экзамены вообще были очень слабы и дѣлались болѣе для проформы. Въ особенности мы, старшіе воспитанники, не обращали никакого вниманія на экзамены; мы знали, что ничего не теряемъ, худо или хорошо будемъ отвѣчать; мы занимали высшія мѣста въ пансіонѣ, полученныя нами вслѣдствіе общихъ заключеній о степени нашего развитія, а не потому, съ какимъ успѣхомъ мы экзаменуемся въ предметахъ, изъ которыхъ одни мы знали хорошо, а въ другихъ были очень слабы; мѣстъ мы не могли терять, сообразно же занимаемымъ мѣстамъ мы получали награды. Эти награды въ низшихъ и среднихъ классахъ заключались въ книгахъ, нотахъ, картинахъ, инструментахъ; въ высшихъ—въ серебряныхъ и золотыхъ медаляхъ. Первыя сверхъ того дѣлились на разряды: однѣ давались просто, другія съ вырѣзаннымъ на медали именемъ воспитанника, а третьи съ именемъ и похвальнымъ притомъ листомъ. Золотыя медали не имѣли этого раздѣленія и давались прямо съ именемъ и листомъ.

Пробывъ три года въ пансіонѣ и въ Университетѣ, я могъ получить полный аттестатъ и поспѣшилъ имъ воспользоваться... Довольно

учиться; мнѣ было уже 18 лѣтъ, я получилъ въ предыдущемъ году серебряную медаль съ именемъ и листомъ; въ послѣднемъ году мнѣ дали золотую. Можно бы остаться еще лишній годикъ, спѣшить нечего; но старшіе распорядились со мною иначе: они нашли, что пора мнѣ начинать служить. Я конечно былъ очень доволенъ оставить пансіонъ. На послѣднемъ актѣ, когда происходила раздача наградъ, было многочисленное общество въ нашемъ пансіонѣ. Это торжество совершалось у насъ по обыкновенію вечеромъ. Я игралъ на скрипкѣ 10-й концертъ Роде и очень былъ недоволенъ собою. Комплименты отъ нѣкоторыхъ я принялъ очень равнодушно, чувствуя, что я ихъ вовсе не заслуживаю. Полученная мною награда тоже не слишкомъ меня радовала... У меня не было родныхъ, которымъ могло бы быть это пріятно. Мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться удовольствіемъ; въ Москвѣ никто почти меня не зналъ. Поздравила меня одна Антонская. Съ наступленіемъ 1817 года я пересталъ уже ходить на лекціи и въ пансіонскіе классы; я готовился уѣзжать изъ Москвы. Въ Январѣ мнѣ выдали аттестаты изъ Университета и изъ пансіона, а въ Февралѣ я собрался въ дорогу. Все было готово къ отъѣзду; я простился съ товарищами и переселился къ Антонскимъ. Все семейство смотрѣло на меня уже иначе и было ко мнѣ очень ласково. Старикъ удостоилъ даже посадить меня съ собою играть въ ламушъ. Въ первый разъ я игралъ въ эту игру и былъ внѣ себя отъ удовольствія, выигравъ 18 рубл. Сборы мои были не велики. Прощаніе мое съ Антонскими было трогательное, всѣ плакали... Эти люди, дотолѣ холодные и сдержанные, на одну минуту разнѣжились. Ѳедосья Михайловна была очень грустна, обѣщалась писать ко мнѣ, требовала, чтобъ и я писалъ къ ней, но не прямо на ея имя, а по адресу одной Московской ея знакомой. И дѣйствительно я получилъ отъ нея два письма и отвѣчалъ ей. Письма ея впрочемъ не заключали въ себѣ ничего таинственнаго и для меня занимательнаго. Я отвѣчалъ ей вѣжливо и холодно; у меня не было къ ней особенной привязанности, да если бы я и чувствовалъ ее, то не рѣшился бы выказать этого въ письмѣ. Переписка наша скоро прекратилась, и конечно я въ этомъ случаѣ былъ болѣе виноватъ. Мнѣ слѣдовало выказать больше вниманія, но на это недоставало у меня ни умѣнія, ни ловкости, ни даже деликатности.

И такъ цѣль была достигнута. У меня былъ аттестатъ, съ которымъ я могъ пройти всѣ наши чины. Лубьяновичъ встрѣтилъ меня съ прежнимъ вниманіемъ и ласкою. Я похвастался полученными мною наградами. Онъ насмѣшливо улыбался... Какъ, и онъ не хотѣхъ порадовать меня своимъ участіемъ! Мнѣ стало досадно, я покраснѣлъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ это такія ничтожныя награды? Если ему,

человѣку уже утомленному жизнію и смотрящему на все мірское съ высшей точки зрѣнія, все кажется уже ничтожнымъ, то ему слѣдовало по крайней мѣрѣ показать мнѣ, что онъ мною доволенъ. Юноша иначе глядитъ на вещи: онъ не можетъ еще возвыситься до такой философіи, чтобъ считать пустяками отличія, которыми его украсили.

Я снова поселился въ домѣ его, въ томъ же флигелѣ, гдѣ жилъ за три года тому назадъ. Тамъ нашелъ я и прежнихъ моихъ товарищей. Вотъ я наконецъ сбросилъ съ себя школьныя оковы, сталъ располагать своимъ временемъ, какъ мнѣ вздумается, не подчиняясь ни чьему надзору. Новость моего положенія меня веселила... Что можетъ быть пріятнѣе свободы!... Но какъ я ею пользовался? Я давно уже состоялъ записаннымъ на службу въ Экспедиціи о Государственныхъ доходахъ; чины мнѣ шли, пока я еще учился и когда я пріѣхалъ въ Петербургъ по окончаніи курса, я былъ уже коллежскимъ секретаремъ; слѣдовательно получилъ три чина не трудясь. Меня причислили къ канцеляріи Экспедиціи съ жалованьемъ по 400 р. ассиг. въ годъ.

Начальникомъ канцеляріи былъ нѣкто Рыбаковъ, вышедшій въ чины изъ солдатскихъ дѣтей, человѣкъ малограмотный, но не безъ хитрости. Онъ былъ женатъ на какой то раскольницѣ, которая ежеминутно его терзала своею злостью и причудами. Рыбаковъ отъ нея страдалъ невыносимымъ образомъ. Онъ не смѣлъ никуда уйти безъ спросу и если рѣшался иногда отправиться съ сослуживцами куда-нибудь за городъ, хотя я сказавшись женѣ, и тамъ долго загуливалъ, то жена, соскучившись его ждать, немедленно нанимала экипажъ, отыскивала мужа на мѣстѣ преступленія и отвозила домой, не смотря на убѣжденія или насмѣшки его товарищей. Онъ смиренно покорялся женѣ, не произнося ни малѣйшаго ропота. У нихъ былъ одинъ только сынъ, избалованный мальчишка, который не хотѣлъ никогда ничему учиться, хотя онъ и числился ученикомъ гимназіи. Мать безпрерывно гоняла мужа въ гимназію отпрашивать сына не являться въ классы подъ разными предлогами, и онъ слѣпо исполнялъ требованія жены. Этотъ мальчикъ былъ очень дерзокъ съ родителями, особенно съ отцомъ и если тотъ позволялъ себѣ какія-нибудь замѣчанія сыну, то Микоша (Николай) говорилъ ему грозно: цыцъ! Папенька не имѣлъ смѣлости взыскать съ сына, потому что маменька могла бы вцѣпиться ему за это въ волосы. Мальчикъ скоро соскучился въ гимназіи и въ одинъ день объявилъ родителямъ, что больше туда не пойдетъ.... Да что ты будешь дѣлать? Тебѣ только 16 лѣтъ.... Я хочу въ военную службу..... Это очень встревожило стариковъ; но какъ возражать сынку, если онъ этого желаетъ? Взяли его изъ гимназіи, на-

чали подумывать о запискѣ его куда-нибудь въ полкъ; прошло мѣсяца четыре въ нерѣшительности. Вдругъ Микоша перемѣнилъ планъ: въ полку, пожалуй, станутъ заставлять заниматься службою; это тяжело; лучше опредѣлиться въ статскую... Записали юношу въ экспедицію, гдѣ служилъ отецъ. Нѣсколько времени онъ являлся къ должности. потомъ соскучился и перестать ходить. Когда ему минуло 19 лѣтъ, онъ захотѣлъ жениться; ему пріискали невѣсту. Года два онъ пожилъ съ женою и умеръ, оставя ребенка на попеченіи стариковъ, а жена его вскорѣ вышла замужъ за другого. Тѣмъ кончились житейскіе подвиги молодаго Рыбакова..... Казалось, Фонъ - Визинъ списалъ своихъ Простаковыхъ въ Недорослѣ съ семейства Рыбаковыхъ. Поразительное сходство лицъ!..

Вотъ этотъ-то папенька Рыбаковъ поставленъ былъ моимъ начальникомъ по моей службѣ.... Онъ былъ со мною очень учтивъ, пожималъ мнѣ руку, что̀ въ то время считалось знакомъ особаго расположенія (не такъ какъ впослѣдствіи, когда всѣ другъ у друга, жали руки), смотрѣлъ сквозь пальцы на мои служебные промахи... Я конечно учился въ Университетѣ всему, но не умѣлъ написать порядочно ни одной бумаги. Рыбакову приходилось часто поправлять меня, хотя впрочемъ и самъ онъ былъ плохой писака. Меня заставляли больше переписывать бумаги, но на бѣду у меня былъ предурной почеркъ; сверхъ того я писалъ не твердо, безпрерывно ошибался и потому меня часто оставляли въ покоѣ. Рыбаковъ не взыскивалъ съ меня за недостатокъ служебной дѣятельности, напротивъ ласкался ко мнѣ, зная, что я могу иногда говорить о немъ съ Лубьяновичемъ. Я часто видѣлъ, что онъ на меня морщился, но мы никогда не ссорились. Я заходилъ иногда вечеромъ къ нему, любовался семейною картиною, выслушивалъ отъ жены его нестерпимыя глупости.... Товарищи мои по канцеляріи были люди безъ всякаго образованія, но въ экспедиціи я нашелъ однакожъ человѣкъ двухъ, съ которымъ нѣсколько симпатизировалъ. Я исправно каждое утро ходилъ на службу. Съ самаго начала моего служебнаго поприща я твердо держался правила, что если взялся за какое-нибудь дѣло, то долженъ аккуратно его исполнять. Этому правилу я не измѣнилъ въ теченіе всей моей жизни. Товарищи мои безпрерывно уклонялись отъ службы, то уходили во время присутствія куда-нибудь позабавиться на билліардѣ, то вовсе не приходили. Я постоянно былъ на своемъ мѣстѣ. Это было очень скучно, даже непростительно съ моей стороны, я слишкомъ втягивался въ канцелярскую жизнь; но чемъ могъ я замѣнить служебныя занятія? Къ несчастію, дѣла въ экспедиціи, а тѣмъ болѣе въ самой канцеляріи ея были такого рода, что никакъ не могли развивать мыслительныхъ

способностей. Мѣсто по преимуществу счетное должно было держаться болѣе рутины; надобно было хорошенько заучить ее во всѣхъ видахъ, чтобъ обратить на себя вниманіе.

Все послѣобѣденное время принадлежало собственно мнѣ, но я изъ него не могъ сдѣлать никакого полезнаго употребленія. Для этого у меня не было средствъ. Товарищи мои по квартирѣ проводили большую часть времени за картами; къ нимъ являлись знакомые, и игра длилась за полночь. Играли въ бостонъ и потомъ въ банкъ. Въ такомъ обществѣ я тоже выучился играть и могу похвастать скорыми успѣхами; я легко усвоился съ тонкостями игры и часто выигрывалъ, играя осторожно, и это еще болѣе заманивало меня въ игру.

Въ Петербургѣ я нашелъ нѣкоторыхъ товарищей по пансіону, большею частію служившихъ въ гвардіи юнкерами. Они вели жизнь роскошную, буйную, развратную. Я долженъ былъ иногда посѣщать ихъ, этого они требовали. При первомъ свиданіи людей знакомыхъ, каждый сказывалъ другъ другу адресъ своей квартиры и непремѣнно звалъ къ себѣ... Это былъ уже непреложный обычай. Не явиться по приглашенію значило бы обидѣть приглашающаго. Всѣ эти товарищи также играли въ карты, и я долженъ былъ играть съ ними, если только игра не была слишкомъ для меня высока.... Прежде юнкера не были подчинены никакому надзору. Они состояли при полку, жили на своихъ квартирахъ, пользовались всею свободою; у многихъ изъ нихъ не было здѣсь никого родныхъ, и они бывали только въ кругу своихъ товарищей, не имѣя знакомства съ семейными домами. Всѣ они больше или меньше носили на себѣ отпечатокъ какой-то дикости нравовъ. Вотъ въ какомъ обществѣ суждено мнѣ было проводить первые годы моего вступленія въ свѣтъ. Дома я ничѣмъ не занимался. Хотя я въ Москвѣ и пріобрѣлъ охоту къ чтенію и съ удовольствіемъ что нибудь бы почиталъ, но у меня не было книгъ; доставать ихъ не было возможности; товарищи мои ничего не читали..... Время погибало безвозвратно.... Въ мои годы я долженъ былъ продолжать учиться и пріобрѣтать необходимыя для самой службы свѣдѣнія, но я осужденъ былъ на бездѣйствіе. Лубьяновичъ никогда не интересовался тѣмъ, что̀ я дѣлаю и какъ провожу время. Но иногда онъ пускался въ философскіе со мною споры, наводя разговоръ на какой-нибудь серьезный предметъ. Онъ былъ мистикъ и со страстію предавался чтенію мистическихъ книгъ, которыя тогда были въ большомъ ходу какъ-то Эккартсгаузена, Штилгинга и другихъ. Книги эти валялись у него повсюду, и я старался познакомиться съ ними, но напрасныя усилія: я ничего въ нихъ не понималъ.

Мистицизмъ возникъ въ туманной Германіи и имѣлъ многихъ послѣдователей; проникъ и въ Россію, гдѣ нашлось нѣсколько идеологовъ, съ жаромъ бросившихся искать въ немъ пищи душѣ пресытившейся земными благами. Покойный императоръ Александръ послѣ торжествъ увѣнчанной успѣхами кампаніи 1814 и 1815 годовъ и напитанный идеями г-жи Криднеръ, также предался мистицизму и посвятилъ себя созерцанію духовнаго міра, сдавъ управленіе царствомъ графу Аракчееву. Въ эту эпоху стали развиваться и въ Россіи разныя масонскія и другія таинственныя ученія. Однимъ изъ важныхъ покровителей ихъ былъ князь Голицынъ, пользовавшійся особенною довѣренностію императора. Онъ занималъ сначала должность оберъ-прокурора Синода, потомъ былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, имѣя въ тоже время въ распоряженіи своемъ особую благотворительную часть. Кн. Голицынъ не имѣлъ широкаго ума и скоро подпалъ подъ вліяніе людей, изъ которыхъ одни по разнымъ корыстнымъ видамъ, а другіе по твердому убѣжденію въ непреложности своего ученія дѣлали изъ него, что̀ хотѣли. Къ числу первыхъ надобно отнести въ особенности Магницкаго, который въ продолженіе слишкомъ семи лѣтъ дурачилъ Голицына проповѣдываніемъ самыхъ несообразныхъ идей и преслѣдованіемъ здраваго смысла и просвѣщенія, и въ это время успѣлъ расхитить суммы Казанскаго Университета и получить всевозможныя награды по службѣ. Замѣчательною личностію, какъ рьяный сектаторъ, былъ директоръ департамента Поповъ. Онъ до того предался фанатизму, что старался насильно привлечь въ секту своихъ дочерей и, видя ихъ упорство, обходился съ ними даже безчеловѣчно. Въ это же время возникла и развилась секта Татариновой, распространявшей ученіе о необходимости предаться созерцанію духовному. Множество лицъ высшаго круга пріѣзжали къ ней и сдѣлались ея поклонниками. Она проповѣдывала въ залахъ Инженернаго Замка, говорила очень увлекательно и умѣла отуманивать въ особенности женщинъ. Очень любопытно было бы, если бы кто-нибудь изъ бывшихъ посвященныхъ, или другихъ лицъ по собраннымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ описалъ, въ чемъ именно заключалось ученіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ сектъ и кто именно были ихъ послѣдователи. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая, человѣка свѣжаго, съ стремленіями положительными, всѣ эти собранія мистиковъ, идеологовъ, масоновъ и другихъ сектаторовъ были закрыты; со всѣхъ взята подписка, что принадлежать въ этихъ обществахъ не будутъ, и такую подписку обязаны давать всѣ поступающіе на службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ закрыто и Библейское Общество сильно процвѣтавшее при Александрѣ. Князь Голицынъ сошелъ со сцены и

долженъ былъ пріумѣрить свой жаръ распространять Библію... Не смотря однакожъ на строгія запрещенія, собранія Татариновой продолжались секретно за городомъ. Поповъ постоянно посѣщалъ ихъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ правительству. Татаринова и Поповъ были высланы во внутреннія губерніи. Поповъ наконецъ подвергся сумасшествію и умеръ въ какомъ-то монастырѣ. Послѣ подобной расправы со всѣми этими обществами, мода молиться Богу прошла, распространеніе Библіи признано вреднымъ, зданіе, гдѣ Библіи печатались, принадлежавшее обществу, передано во 2 отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, подъ типографію для печатанія издаваемаго тогда новаго свода законовъ, несравненно болѣе полезнаго для дѣлъ сего міра; люди стремившіеся къ духовному и бывшіе на первомъ планѣ, уступили мѣсто людямъ новымъ, болѣе привязаннымъ къ земному; выгоды мірскія предпочтены неизвѣстному будущему; правительство хотѣло, чтобъ люди работали, а не предавались безполезнымъ мечтаніямъ.

Лубьяновичъ, кажется, не былъ членомъ никакого общества; по крайней мѣрѣ никто не слышалъ, чтобъ онъ куда-нибудь ѣздилъ для засѣданій. У него тоже никто не собирался. По настроенію своему онъ принадлежалъ къ разряду духовидцевъ. Сужу объ этомъ по сочиненіямъ, которыя онъ преимущественно читалъ и по нѣкоторымъ разговорамъ его со мною. Одинъ разъ, гуляя со мною, онъ замѣтилъ, что вокругъ лица моего вьется множество мухъ. Онъ спросилъ меня, знаю ли я, что это значитъ... «Тебѣ скоро умереть, а хочешь ли умирать?» Я отвѣчалъ, что большого желанія не имѣю... «Глупый ты человѣкъ! Какъ можно не желать смерти—достичь скорѣе блаженства, ожидающаго насъ въ другомъ мірѣ! Ты еще ничего не понимаешь». Въ другой разъ онъ сталъ мнѣ разсказывать исторію какого-то важнаго барина... Фамиліи не сказалъ, но прибавилъ только, что онъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, человѣкъ весьма умный и почтенный и лгать не станетъ. Этотъ баринъ сталъ видѣть каждую ночь у ногъ своей постели человѣка во всемъ въ бѣломъ и въ колпакѣ. Чтобъ избавиться отъ привидѣнія, онъ перешелъ спать въ другую комнату, но и тамъ не избавился отъ привидѣнія. Наконецъ онъ рѣшился уѣхать въ деревню. Привидѣніе нашло его и тамъ. Жена его пріѣхала въ деревню послѣ него и, проходя вечеромъ къ его спальнѣ, сама видѣла бѣлое существо, которое она приняла за женщину. Она подумала, что мужъ ея завелъ съ кѣмъ-нибудь любовную интригу и вслѣдствіе замѣчаній ея мужъ объяснилъ ей, что онъ въ продолженіе многаго времени не можетъ избавиться отъ привидѣнія. Объ этомъ онъ не хотѣлъ ей сказывать, чтобъ не напугать ея; но такъ какъ она сама его

видѣла, то ему скрываться нечего. Это привидѣніе никто иное было, какъ самъ Эккартсгаузенъ; онъ узналъ его по портрету... Лубьяновичъ любилъ пускаться со мною въ философскія разсужденія, хотя не считалъ меня еще способнымъ понимать ихъ; тѣмъ удивительнѣе казался мнѣ расказъ его о привидѣніи... Я объяснялъ это желаніемъ его поговорить съ кѣмъ-нибудь въ минуту откровенности; въ это время подвернулся ему я. Если Лубьяновичъ и любилъ предаваться серьезнымъ размышленіямъ о предметахъ неземныхъ, то не пренебрегалъ иногда и мірскимъ. Онъ охотникъ былъ хорошо покушать и часто страдалъ отъ невоздержности въ пищѣ. Тѣломъ онъ былъ здоровъ, не смотря на свои 60 лѣтъ; всегда былъ веселъ, много ходилъ и постоянно былъ въ движеніи. Прогуливаясь, самъ съ собою разговаривалъ или распѣвалъ духовныя пѣсни. Въ сужденіяхъ о многихъ административныхъ лицахъ былъ очень строгъ, отзываясь о нихъ съ большимъ презрѣніемъ и преслѣдуя ихъ ѣдкими сарказмами. Способныхъ дѣятелей въ то время было у насъ мало. Довольно значительныя должности поручались иногда людямъ къ нимъ не приготовленнымь, и они часто путали. Публика безпощадно осуждала ихъ дѣйствія.

Къ Лубьяновичу мало ѣздило людей изъ высшаго круга; въ числѣ гостей его я чаще видѣлъ откупщиковъ Перетца и Злобина; они ворочали милліонами, имѣли дѣла въ министерствѣ финансовъ, нашли въ Лубьяновичѣ покровителя и человѣка имъ полезнаго и безъ сомнѣнія ему помогали. Жалованье Лубьяновича было весьма ограниченное. Онъ по званію своему получалъ не болѣе 3000 р. ассиг., а о денежныхъ наградахъ тогда и не помышляли. Ему пожалована была однакожъ аренда, которая немного поддержала его въ способахъ жизни. Съ его широкими размѣрами и при стремленіи его къ благотворительности всего содержанія ему недоставало. Онъ жилъ не роскошно, но безалаберно. Онъ былъ слишкомъ большой баринъ по душѣ, чтобъ заниматься хозяйствомъ и копить деньги. Это казалось ему недостойнымъ дѣломъ. Въ немъ не замѣчалось мелочного эгоизма; онъ жилъ единственно для другихъ. При всѣхъ этихъ рѣдкихъ достоинствахъ онъ имѣлъ важный недостатокъ: не умѣлъ управлять собою въ минуту гнѣва. Онъ до такой степени выходилъ изъ себя, когда случалось ему разсердиться, что могъ задушить человѣка. Всѣ уже это знали и при первыхъ признакахъ его гнѣва убѣгали и ему болѣе не показывались. Жена его не умѣла съ нимъ обходиться, и вмѣсто того, чтобъ успокоивать его въ эти минуты, еще болѣе раздражала какою-нибудь глупою выходкою. Однажды за обѣдомъ подавали грибы. Онъ былъ до нихъ большой охотникъ, но они были ему вредны, такъ что онъ запретилъ готовить ихъ къ столу. Въ жару разговора онъ

наклалъ ихъ къ себѣ на тарелку и принялся ѣсть. Вдругъ онъ опомнился, строго посмотрѣлъ на жену и закричалъ, чтобъ ему позвали повара..... Жена стала ему въ это время говорить: да если, ты Карпинька, умный человѣкъ, то зачѣмъ ѣшь? Вѣдь ты видишь, что это грибы, которые тебѣ такъ вредны... Такой упрекъ вмѣсто сознанія въ своей оплошности до того его взбѣсилъ, что онъ вскочилъ изъ-за стола, побѣжалъ въ свой кабинетъ, схватилъ ножницы и началъ ими колоть себѣ подбородокъ. Обѣдавшій съ нами старикъ Малявка, человѣкъ ему совершенно преданный, бросился за нимъ и, видя ножницы въ его рукахъ, старался ихъ вырвать; но Лубьяновичъ въ досадѣ на него и совершенно не помня себя укусилъ ему руку. Въ другой разъ я видѣлъ его послѣ обѣда на полу съ ножомъ въ рукѣ надъ взрослымъ мальчикомъ изъ лакеевъ, котораго онъ поймалъ и упалъ съ нимъ на полъ... Едва съ трудомъ вырвали у него ножъ. Мнѣ случалось также видѣть, какъ онъ гнался за человѣкомъ изъ комнатъ въ переднюю и потомъ на дворъ. Онъ его поймать не могъ, но за это сильно досталось другому человѣку, который былъ въ это время въ передней, почему онъ не задержалъ бѣжавшаго. Въ подобную минуту его горячности всѣ отъ страха прятались, если нельзя было совсѣмъ убѣжать со двора. Но минутъ черезъ десять гнѣвъ его остывалъ, онъ досадовалъ на себя, старался загладить свой поступокъ своею ласковостію..... Люди знали хорошо слабую его сторону, мало его боялись, были часто до чрезвычайности грубы и дерзки, предавались пьянству и лѣни. Не было дома болѣе безпорядочнаго.

Прошло около полугода, что̀ я прожилъ въ домѣ Лубьяновича... Однажды онъ далъ своимъ жильцамъ замѣтить, что не худо бы завестись намъ своимъ хозяйствомъ и поискать удобной и дешевой квартиры... Требованіе было вполнѣ справедливое; мы должны были сами почувствовать, что намъ пора самимъ о себѣ заботиться. Мы всѣ уже служимъ, получаемъ содержаніе, и тяготить собою Лубьяновича, который уже такъ много для насъ сдѣлалъ, становилось неприличнымъ и даже безсовѣстнымъ. Мы пустились искать квартиру, гдѣ мы могли бы по крайней мѣрѣ втроемъ помѣститься. Нѣкоторымъ изъ насъ жильцовъ дозволено было по прежнему оставаться въ домѣ Лубьяновича. Переѣзжать назначено Лавриновскому, Малевичу - сыну и мнѣ. Братъ мой еще оставался въ Москвѣ въ пансіонѣ. Нужно было не быть слишкомъ разборчивымъ въ квартирѣ, а главное, чтобъ была дешева. Мы скоро отыскали ее въ довольно скромной улицѣ, въ Стремянной, недалеко отъ Владимирской церкви, очень для меня памятной по жительству моему противъ нея съ покойнымъ отцемъ. Петербургъ тогдашняго времени далеко не походилъ на нынѣшній городъ. Кто не

былъ въ немъ 40 или 50 лѣтъ, тотъ съ трудомъ его узнаетъ. Во все продолженіе Невскаго проспекта, отъ Полицейскаго моста до Аничковскаго моста, тянулся посреди улицы бульваръ, какъ теперь на проспектахъ Васильевскаго острова съ переѣздами для пересѣкающихъ улицъ. Хотя на Невскомъ невидно уже было деревянныхъ домовъ, но въ числѣ каменныхъ были еще одноэтажные; сверхъ того виднѣлись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заборы. Изъ бывшихъ въ 1817 году строеній остались только кромѣ Кабинета, Аничковскаго дворца и Имп. Библіотеки, по лѣвой сторонѣ отъ Аничковскаго моста одинъ домъ гр. Строганова, а по правой рядъ домовъ отъ моста до большой Садовой; все прочее было или выстроено вновь, или передѣлано съ поднятіемъ этажей. Михайловской улицы еще не существовало. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ дворецъ в. к. Елены Павловны, скверъ и всѣ окружающія его зданія, а также малый театръ, красовался огородъ, который примыкалъ къ саду, принадлежащій нынѣ дворцу. Въ этомъ саду, впрочемъ весьма запущенномъ, гуляла публика, но не слишкомъ избранная; изъ сада шла тропинка черезъ небольшой мостикъ въ большой лѣтній садъ, который тоже не отличался особенною чистотою. Цѣпного, да и никакого моста не было. Публика переѣзжала съ той стороны въ садъ на яликѣ. Инженерный Замокъ, прежде называвшійся Михайловскимъ, былъ окруженъ канавами и треугольными каменными брустверами съ отверстіями для пушекъ. Вся площадь передъ нимъ была въ ужасномъ запущеніи, закидана камнями такъ, что оставался одинъ проходъ, и то не совсѣмъ чистый, отъ воротъ до памятника Петра I. Бульвара отъ Лѣтняго сада до Симіоновскаго моста еще не существовало. Здѣсь вообще прохода не было, и мѣсто завалено было бревнами и разными строительными матеріалами. Существующій нынѣ вдоль набережной Фонтанки садъ для дѣтей разведенъ уже гораздо позже. Въ новѣйшее время постройки производились съ необычайною быстротою. Дома въ 4, 5 и болѣе этажей отстраивались въ одинъ годъ. Улицы, гдѣ преобладали деревянныя строенія съ нескончаемыми заборами, въ нѣсколько лѣтъ обстроились великолѣпными каменными домами со всѣмъ *конфортомъ*, требуемымъ прихотливымъ вѣкомъ.

Такъ же трудно было бы узнать прежнюю Стремянную улицу, гдѣ мы поселились. Она совершенно преобразилась послѣ того времени. Квартира наша состояла изъ 3-хъ чистыхъ комнатъ, передней и кухни. Каждый изъ насъ занялъ по комнатѣ; мнѣ досталась средняя, Лавриновскій помѣстился въ крайней, а Малявка въ первой проходной. Я завелъ себѣ нѣсколько мебели, купилъ очень неудобный диванъ, на которомъ спалъ: онъ былъ и узокъ, и жёстокъ, и коротокъ. Ужъ какъ я ухитрился пріобрѣсти его, самъ теперь не понимаю. Я съ трудомъ

на немъ поворачивался, но мало-по-малу къ нему привыкъ и спалъ какъ блаженный. Должно сказать, что въ то время объ удобной и покойной мебели понятія не имѣли даже въ богатыхъ домахъ. Мягкіе диваны и кресла были еще мало извѣстны. Они принадлежатъ къ изобрѣтеніямъ новѣйшаго времени. Теперь въ каждомъ домѣ найдешь мебель, на которой можно удобно усѣсться. Многіе находятъ, что отцы наши были здоровѣе потому именно, что не имѣли возможности нѣжиться въ покойныхъ и мягкихъ креслахъ. Можно противъ этого поспорить, а можно и согласиться. Здѣсь важнѣе всего привычка. Если привыкъ сидѣть постоянно на жесткомъ, то непріятно покажется въ первое время сидѣть на мягкомъ, чтó я надъ собою испыталъ, требуя за карточнымъ столомъ непремѣнно жесткаго стула и не позволяя себѣ также сидѣть на мягкихъ креслахъ въ кабинетѣ за рабочимъ столомъ; и напротивъ послѣ мягкаго сидѣнія трудно переходить на жесткое. Я былъ неизбалованъ, роскоши не зналъ и потому могъ довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ...... Никогда я не тужилъ о томъ, чего у меня недостаетъ и никогда особенно не радовался, если получалъ что нибудь.... Это очень дурное свойство: оно пріучаетъ къ равнодушію, не возбуждаетъ дѣятельности. Чтобъ достичь чего-нибудь, надобно всего домогаться, ничѣмъ не быть довольнымъ. Конечно нужно прежде познакомиться съ наслажденіями сего міра, чтобъ знать за чѣмъ стремиться. До сихъ поръ я ничего не зналъ, кромѣ пансіонскихъ стѣнъ да антресолей въ домѣ Лубьяновича.... Спалъ я и здѣсь, и тамъ на жесткихъ тюфякахъ, сидѣлъ на табуретахъ или на плетеныхъ стульяхъ; немудрено, что я остался очень доволенъ, когда пріобрѣлъ себѣ диванъ и кожаные стулья; кромѣ того мнѣ отпущено зеркало изъ мебели оставшейся послѣ покойнаго отца и въ бережности сохраненной. На первый разъ этого было достаточно.

Какъ же я стану теперь жить, оставленный на собственный произволъ, безъ опытности въ жизни, съ самыми слабыми денежными средствами, безъ друзей, которые могли бы помочь мнѣ въ нуждѣ? Товарищи мои, съ кѣмъ мнѣ пришлось жить, сами были почти въ такомъ же положеніи какъ и я; но кромѣ того у меня съ ними не было ничего общаго. У нихъ были свои интересы, свой кругъ знакомства; я получилъ коекакое образованіе, они почти никакого. Мнѣ хотѣлось иногда поговорить, передать мои мысли кому-нибудь другому, кто бы могъ меня выслушать; но товарищи мои были люди совсѣмъ не того разряда, чтобъ захотѣли меня понимать. Они притомъ были гораздо старше меня, и разговоръ мой съ ними никакъ ихъ не могъ интересовать. Каждый изъ насъ жилъ совершенно отдѣльною жизнію.

*

Давно я собирался навѣстить въ Ораніенбаумѣ моихъ добрыхъ родныхъ С—ихъ. Радушный пріемъ ихъ въ 1809 году не изгладился еще изъ моей памяти. Съ тѣхъ поръ прошло 8 лѣтъ; во все это время я съ ними не видѣлся, но мы не забывали другъ друга и иногда переписывались. 3-го Мая я нанялъ дрожки и пустился въ путь. День былъ отличный, весна вступила въ свои права, всѣ деревья были въ зелени; воздухъ чистый, теплый, я не могъ надышаться имъ. Въ первый разъ я увидѣлъ себя на свободѣ, полнымъ властелиномъ моей особы, не обязанный гнить въ своей канцеляріи. Передъ мною раскрывалось необъятное пространство, вдали безконечное море. Мнѣ было просторно и такъ хорошо, какъ давно не бывало. Но я чувствовалъ, что чего-то недоставало для полнаго моего счастія. Я не имѣлъ нужной смѣлости, находилъ, что былъ очень неловокъ. Какъ я тамъ покажусь, какъ меня примутъ! Здоровье мое не слишкомъ было хорошо. Я былъ худъ, желтъ, у меня иногда болѣла грудь; мнѣ казалось, что я недолго буду жить, у меня недоставало энергіи, какое-то уныніе отравляло счастливыя мои минуты. На всемъ моемъ существованіи видѣнъ былъ гнетъ, не дававшій мнѣ развернуться, какъ слѣдовало бы молодому человѣку моихъ лѣтъ. Мнѣ хотѣлось расправить мои члены, но я чувствовалъ, что ихъ что-то сдерживаетъ; всякое непривычное движеніе для проявленія свободы отзывалось болѣзненностію. Въ такомъ настроеніи духа приближался я къ Ораніенбауму. Нетерпѣніе мое съ каждою верстою ослабѣвало, я готовъ былъ даже остановиться. Но лошадь продолжала свой путь, хотя и медленно. Наконецъ я въѣхалъ въ городъ... отыскалъ жилье С—ихъ; вхожу, никого дома нѣтъ. Весь городъ въ этотъ день вздумалъ праздновать наступленіе весны, и составился пикникъ на дачѣ Ханыкова. Прислуга осматриваетъ меня съ ногъ до головы. Нѣкоторые узнали меня; какъ я выросъ, какъ перемѣнился! Они стали уговаривать меня, чтобъ я тоже отправился на пикникъ, вызываясь проводить. Мнѣ очень не хотѣлось явиться вдругъ въ такое многолюдное и шумное собраніе, гдѣ найду большею частію людей незнакомыхъ; но я еще не обѣдалъ, притомъ мнѣ стыдно было показаться робкимъ. Я принялъ предложеніе, и мы отправились. Городъ небольшой, путь недлинный, мы скоро дошли до мѣста праздника. Всѣ сидѣли за столомъ и обѣдали; вотъ новое непріятное обстоятельство. Какъ войти въ залу при такомъ многочисленномъ собраніи? Я просилъ лакея вызвать ко мнѣ кого-нибудь изъ С—кихъ. Чрезъ полминуты прибѣжала ко мнѣ вторая дочь С—ча Душа (какъ называли ее въ семействѣ), схватила меня за руку, мы поцѣловались, и она съ торжествомъ привела меня въ залу и усадила возлѣ себя. За столомъ она занималась только мною, выбирала для меня лучшіе куски, угадывала

мои желанія. Я обратилъ на себя общее вниманіе, но это нимало ея не тревожило; мнѣ же было какъ-то неловко. Я совѣстился, робѣлъ, говорилъ вполголоса, былъ неразвязенъ, посматривалъ дико на сидящихъ за столомъ. Мнѣ въ первый разъ случилось сидѣть возлѣ дѣвицы за столомъ, гдѣ обѣдало многочисленное общество. Всѣ спрашивали, что̀ я за человѣкъ и откуда взялся. Наконецъ обѣдъ кончился, всѣ разсыпались въ разныя стороны; въ саду играла музыка. Я потолковалъ немного съ стариками С—ми, и потомъ Душа взяла меня подъ руку, и мы обошли съ нею нѣсколько круговъ, вспоминая, что̀ было 8 лѣтъ тому назадъ. Много перемѣнъ произошло съ того времени; я не могъ себѣ представить, чтобъ она была та самая дѣвочка, съ которою мы тогда рѣзвились дѣтьми. Я видѣлъ предъ собою румяную, полную жизни дѣвушку съ прекрасными голубыми глазами. Ей было не съ большимъ 15 лѣтъ. Она вовсе не походила на Петербургскихъ дѣвицъ, утомленныхъ продолжительными безсонницами и безпорядочною городскою жизнію. Въ ней не было ничего свѣтскаго, натянутаго; она не привлекала взоровъ граціозностію своихъ движеній; у нея не было заученныхъ взглядовъ; не умѣла рисоваться, но во всемъ, что̀ она дѣлала, было такъ много естественнаго и пріятнаго, что нельзя было ею не любоваться; въ словахъ ея было столько простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинства, что привлекала къ себѣ каждаго. Въ ней сохранялось еще что-то дѣтское; но видно было, что умъ ея созрѣлъ и что она умѣла уже чувствовать. Въ продолженіе не болѣе получаса мы совершенно ознакомились и сблизились. Она долго не могла со мною оставаться и должна была уйти къ другимъ. Оставшись одинъ, я сдѣлался неимовѣрно грустенъ; мною овладѣла тоска, которую не могъ разогнать, не смотря на общее веселье. Вмѣсто того, чтобъ, присоединившись къ прочимъ, принять участіе въ удовольствіяхъ пикника, я удалился на край сада и тамъ, стоя на возвышеніи, углубился взоромъ на море. У меня не было ни прошедшаго, ни будущаго; я не радовался настоящему. Какая-то безчувственность овладѣла мною; я чувствовалъ только, что во мнѣ нѣтъ никакой жизни, и эта милая дѣвушка, съ такою лаской занимавшаяся мною, не могла меня расшевелить. Мнѣ казалось, что я самый жалкій человѣкъ на свѣтѣ, что всѣ смѣются надъ моею неловкостію, что я удивительно смѣшно одѣтъ. На мнѣ былъ коричневый фракъ, сѣроголубые триковые панталоны въ сапоги, желтая жилетка, манжеты и бѣлый галстухъ съ большимъ бантомъ. Хотя я придерживался тогдашней моды, но видѣлъ, что другіе были гораздо меня наряднѣе. Долго я простоялъ тамъ въ безмолвіи; наконецъ Душа меня отыскала. Что̀ ты здѣсь дѣлаешь, зачѣмъ уходишь отъ насъ, развѣ тебѣ скучно съ нами? спросила она. Какъ

можно скучать! Я не помню, чтобъ когда-нибудь въ жизни былъ въ такомъ пріятномъ обществѣ! Да что мнѣ общество... Довольно съ меня и того, что ты со мною. Ну, что говорить пустяки, пойдемъ къ прочимъ; тамъ собираются танцовать, и ты долженъ тоже дѣлать. Она взяла меня подъ руку, мы присоединились къ обществу, и я сталъ съ Душею въ ряды танцующихъ. Хандра моя изчезла, мною никто не занимался, все немного подпило, старики также пустились въ танцы, каждый думалъ о себѣ. Мнѣ стало свободнѣе. Я оглядѣлся, разговорился съ нѣкоторыми незнакомыми мнѣ лицами и ушелъ съ пикника довольный вечеромъ и собою.

Въ семействѣ С . . . ихъ я прогостилъ съ недѣлю, съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе съ нимъ сближаясь. Старшая дочь Лиза не была хороша собою, но имѣла много привлекательности. Характера была нѣсколько меланхолическаго. Она много читала, умъ ея получилъ преждевременную зрѣлость. Она могла сильно чувствовать, но скрывала это; ни одно движеніе, ни одно слово не измѣняло ей. Въ поступкахъ ея было много достоинства; ее всѣ уважали. Даже отецъ, характера вздорнаго, привязывавшійся ко всѣмъ мелочамъ и любившій пошумѣть въ домѣ, чтобъ выказать свою распорядительность, не осмѣливался возвышать своего голоса передъ нею. Она тотчасъ, однимъ словомъ умѣла его останавливать; иногда даже позволяла себѣ дѣлать ему замѣчанія, и онъ хотя сердился, но много не противорѣчилъ. Поворчавъ на нее, онъ обыкновенно удалялся. Ей было около 18 лѣтъ, но она такъ высоко себя поставила и по образованію и по характеру, что весь городъ отзывался о ней съ особеннымъ уваженіемъ. Она и сестра ея Душа составляли украшеніе тамошняго общества. Старикъ отецъ, служившій нѣкогда въ военной службѣ, не имѣлъ никакого образованія, какъ и большая часть офицеровъ его времени. Онъ рано вышелъ въ отставку и поступилъ на службу по выборамъ дворянства. Въ Ораніенбаумѣ онъ прожилъ болѣе 25 лѣтъ въ разныхъ должностяхъ, слѣдовательно сдѣлался кореннымъ жителемъ города. Какъ истинный Славянинъ, онъ былъ очень гостепріименъ, не было у него дня безъ гостей. Съ утра начинали являться постороніе. Завтракъ не сходилъ со стола и безпрерывно обновлялся. Каждый день непремѣнно обѣдали человѣка два-три изъ служившихъ въ городѣ или изъ офицеровъ, которые стояли здѣсь съ полкомъ. Иногда пріѣзжали гости изъ Кронштадта, изъ Петергофа, изъ Стрѣльны. Вечеромъ всегда собиралось очень много народа, играли въ карты, до которыхъ хозяинъ былъ охотникъ, и большая часть оставалась ужинать. Надобно было угостить всѣхъ прилично, чего нельзя было сдѣлать безъ большихъ средствъ, а они были весьма ограниченны. Жена С . . . го, самое добродушное су-

щество въ мірѣ, изъ всѣхъ силъ хлопотала, чтобъ всѣ были довольны; для гостей ничего не жалѣли; обѣдъ всегда превкусный, вина выпивалось много, къ чаю подавался ромъ въ изобиліи; хозяинъ и нѣкоторые гости любили пить пуншъ, который тогда былъ въ большой модѣ; безъ пунша не обходился ни одинъ вечеръ. Часто отуманенные спиртомъ, гости завязывали жаркій споръ; хозяинъ былъ большой крикунъ, но ему уступали изъ уваженія къ добродушному пріему, что чрезвычайно его баловало, и онъ себѣ позволялъ болѣе, нежели сколько иногда снести можно было. На другой день онъ рѣдко помнилъ, что происходило наканунѣ и былъ по прежнему привѣтливъ. Надобно удивляться этому роду жизни. С . . . ой занималъ неважную должность уѣзднаго казначея. Содержаніе получалъ небольшое, но ему помогали помѣщики и купцы въ городѣ; конечно были и другіе источники. Часто для дома брали въ долгъ, часть уплачивалась по временамъ, но всего заплатить нельзя было. Купцы и лавочники, уважая хозяйку и дочерей ея, не бывали слишкомъ настойчивы и многіе долги оставили даже безъ взысканія. С . . . ой былъ вообще скупъ на выдачу наличныхъ денегъ и почти ничего не давалъ на наряды своего семейства. Надобно было какъ-нибудь изворачиваться, и женская находчивость умѣла выпутываться изъ этого непріятнаго положенія. Дамы одѣты были прилично. С . . . ой видимо гордился своими дочерьми, но ничего для нихъ не дѣлалъ. Оставивъ ихъ воспитаніе въ совершенномъ небреженіи, онъ мало заботился о нихъ и потомъ. Счастливая ихъ натура, развившаяся на свободѣ и въ столкновеніи съ нѣкоторыми умными людьми, которые снабжали ихъ книгами и другими пособіями, сдѣлала для нихъ гораздо болѣе, нежели сколько произвели бы самые лучшіе институты и гувернантки. Она украсила ихъ сердце такими качествами, которыя трудно встрѣтить въ дѣвицахъ образованныхъ по всѣмъ правиламъ принятаго воспитанія. Не было человѣка въ городѣ, который не сказалъ бы о нихъ всего лучшаго, ни одна женщина не осмѣлилась бы позволить себѣ какой-нибудь насчетъ ихъ насмѣшки или замѣчанія, ни одинъ молодой человѣкъ не рѣшился бы сказать имъ неделикатность; многіе пожилые люди изъ морскихъ офицеровъ и изъ служившихъ въ гвардіи желали быть съ ними знакомы и находили удовольствіе въ ихъ обществѣ. Онѣ были всегда очень скромны, хотя и разговорчивы и свободны въ обращеніи, не отказывались отъ приглашеній, если имъ случайно приходилось провести время въ обществѣ мужчинъ; онѣ увѣрены были и въ нихъ, и въ себѣ. Иногда составлялись пикники, на которыхъ родители не могли участвовать. Онѣ ѣздили однѣ, все окружало ихъ тамъ почтеніемъ и внимательностію. Никто не подвергалъ ихъ осужденію, и зависть никогда не тер-

зала ихъ имени. Были люди истинно имъ преданные и готовые на всѣ пожертвованія. Одинъ безрукій старецъ изъ военныхъ офицеровъ, не имѣя у себя близкихъ наслѣдниковъ, подарилъ Душѣ свой небольшой домъ въ Ораніенбаумѣ, который впослѣдствіи поддержалъ ее въ существованіи. Многіе наперерывъ старались исполнять ихъ порученія, и онѣ пользовались этимъ съ особеннымъ удовольствіемъ, употребляя это вниманіе на пособіе многимъ лицамъ. У нихъ это впослѣдствіи обратилось въ нѣкоторую страсть, которая часто утомляла просимыхъ; но самое бо́льшее пожертвованіе приносили имъ тѣ, которые тяготились обращеніемъ съ ними отца ихъ, весьма часто неделикатнаго въ выраженіяхъ своихъ, такъ что нѣкоторые хотѣли даже прекратить знакомство, но уступали старику, чтобъ только не лишиться пріятнаго общества его дочерей.

Ораніенбаумъ небольшой городокъ, бывшій прежде уѣзднымъ, а потомъ съ поступленіемъ его въ вѣдомство в. к. Елены Павловны и съ переводомъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ въ Петергофъ обратившійся въ заштатный, состоитъ изъ одной только улицы, съ двумя или тремя небольшими переулками къ морскому берегу. Насмѣшники разсказывали, что когда часовой у заставы чихнетъ, то другой на противоположномъ концѣ города желаетъ ему здравствовать. Не смотря на то, городъ былъ очень оживленъ. Кромѣ уѣздныхъ властей находился тамъ сперва казенный конскій заводъ съ начальствомъ, а потомъ Волынскій гвардейскій полкъ; состояли медики и другіе члены при морскихъ госпиталяхъ, здѣсь учрежденныхъ для больныхъ, которымъ нуженъ хорошій воздухъ. Многіе морскіе офицеры выстроили себѣ въ городѣ и въ окрестностяхъ дома и дачи и часто сюда пріѣзжали; Кронштадтъ имѣлъ частыя постоянныя сношенія съ Ораніенбаумомъ, куда передавались въ его казначейство казенныя суммы, а кромѣ того и Петергофъ, составлявшій тогда слободу, вносилъ всѣ откупныя и другія суммы въ тоже казначейство. Ораніенбаумъ такимъ образомъ постоянно наполнялся пріѣзжими. Многіе изъ нихъ были знакомы съ домомъ С.....го. Жившіе въ городѣ имѣли пріятныя семейства и были гостепріимны; часто другъ у друга собирались или составляли общія прогулки. Въ Ораніенбаумѣ при дворцѣ, выстроенномъ еще при кн. Меншиковѣ, которому Петръ I-й подарилъ это мѣсто, находился прекрасный садъ, всегда содержимый въ чистотѣ и наполненный цвѣтами, а сверхъ того на горѣ былъ другой садъ, довольно запущенный, весьма обширный и мало посѣщаемый. Въ этомъ послѣднемъ саду, почти на концѣ его, выстроенъ имп. Екатериною II прелестный одноэтажный домикъ въ Китайскомъ вкусѣ. Онъ отличался прекрасными штучными полами и стѣнною живописью, изображавшею

разныхъ богинь Олимпа въ заманчивыхъ для глазъ положеніяхъ. При входѣ, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ сада, красовался такъ называемый Японскій дворецъ, возлѣ котораго устроенъ былъ телеграфъ, состоявшій изъ большихъ черныхъ шаровъ, которые поднимались по длинному шесту для переговоровъ съ Кронштадтомъ, гдѣ былъ подобный же телеграфъ. Какія тайны они другъ другу сообщали, трудно сказать, но кажется въ телеграфѣ большой надобности не было: Кронштадтъ скорѣе могъ сообщать свои новости моремъ, нежели черезъ Ораніенбаумъ. Въ залахъ этого дворца до сихъ поръ сохраняются фарфоровые солдатики, которыми Петръ III забавлялся, копируя Фридриха II. Сверхъ того всѣ стѣны обставлены фарфоровыми изображеніями Греческихъ боговъ и богинь. Вообще домъ былъ запущенъ; съ задней его стороны видны еще остатки бывшей горы, съ которой придворные катались на особыхъ колесницахъ; самыя колесницы сохранились и показываются любопытнымъ; мѣсто, гдѣ устроена была гора, поросло бурьяномъ, а въ каменной стѣнѣ, служившей поддержкою горѣ, водились ящерицы и змѣи. Любопытно бы знать, въ какомъ положеніи все это находится нынѣ. Изъ Ораніенбаума видъ прелестный на море. Противъ него въ 7 верстахъ Кронштадтъ съ лѣсомъ мачтъ купеческихъ кораблей, далѣе, на краю острова, Толбухинскій маякъ, а за нимъ безграничное море. Въ хорошую погоду истинное наслажденіе любоваться множествомъ парусныхъ судовъ, снующихъ взадъ и впередъ по Финскому заливу. Съ учрежденіемъ пароходства, парусъ уступилъ мѣсто дыму, который, въ безвѣтренную погоду, непрерывно стелется надъ моремъ. Эта картина вовсе не такъ интересна. Отъ Петергофа до Ораніенбаума и потомъ отъ сего послѣдняго города по берегу дальше къ морю, тянется рядъ дачъ и колоній, гдѣ Петербургскіе жители укрываются на лѣто отъ удушливаго городскаго воздуха. Съ ходомъ времени дачи начали пустѣть, оставленныя своими владѣльцами; другія проданы въ такія руки, которыя могли дать имъ употребленіе болѣе пригодное для современной потребности. Нѣкоторыя изъ этихъ дачъ оставили во мнѣ самое пріятное воспоминаніе. Я такъ былъ счастливъ, гуляя тамъ съ милыми моими кузинами.

Недѣля прошла для меня непримѣтно. Обѣ сестрицы не оставляли меня ни на минуту. Мы втроемъ ходили по окрестнымъ мѣстамъ, садились въ тѣни и передавали другъ другу всѣ мысли и чувства. Я любилъ ихъ всею силою души; онѣ платили мнѣ тѣмъ же; но ни одно нескромное слово не нарушало приличій; онѣ имѣли ко мнѣ полную довѣренность, и я вполнѣ ее оправдывалъ. Старшая не позволяла себѣ увлеченія, говорила всегда основательно, любила философствовать и предаваться мечтательности, что̀ давало нѣкоторую занимательность

разговору; вторая напротивъ была живѣе, рѣзвѣе, она меньше говорила и не была охотницею до серьезныхъ разсужденій; за то всякое слово ея дышало простотою, выражало непритворное чувство; въ ней не было ни малѣйшей хитрости или желанія нравиться. Вечера проводили мы иногда въ другихъ домахъ, куда насъ вмѣстѣ приглашали, и я скоро познакомился съ цѣлымъ городомъ. Но пора было думать о возвращеніи въ Петербургъ. Съ грустію въ сердцѣ оставилъ я это доброе семейство, къ которому привязался всѣмъ сердцемъ, не испытавшимъ до того никакихъ нѣжныхъ ощущеній.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я ни о чемъ больше не думалъ, какъ объ Ораніенбаумѣ. Каждому хотѣлось мнѣ передать мои мысли и чувства, но не смѣлъ ввѣрить ихъ никому: я боялся насмѣшекъ. У меня не было друзей, съ которыми могъ бы быть откровеннымъ. Я былъ окруженъ людьми холодными, положительными, которые ничѣмъ болѣе не занимались, какъ службою и картами. Мы не могли любить другъ друга. Ни воспитаніе, ни лѣта, ни образъ мыслей, ничто не могло соединять насъ. Каждый вращался въ своемъ кругу; мы сходились, расходились, и никто не зналъ и не интересовался знать, гдѣ кто былъ и что̀ дѣлалъ. Мы не повѣряли другъ другу ничего. Я былъ слишкомъ молодъ, чтобъ требовать какой-либо довѣренности и самъ не имѣлъ охоты повѣрять другому свои тайны. Въ этомъ обществѣ я еще живѣе почувствовалъ, сколько потерялъ, разставшись съ С.....ми и какъ грустно мое одиночество. Если иногда и забывалъ свою грусть въ кругу моихъ школьныхъ товарищей, которыхъ по временамъ посѣщалъ, или за картами, то въ минуты досуговъ, на службѣ, ночью во время безсонницы я бывалъ въ самомъ печальномъ настроеніи духа. Я досталъ себѣ новую Елоизу Руссо и читалъ ее съ жадностію, представляя себя на мѣстѣ Сенъ-Пре. Я гордился вниманіемъ ко мнѣ моихъ кузинъ, а особенно второй, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что я сдѣлался лучше, благороднѣе, выше. Изрѣдка при случаѣ я писалъ къ нимъ, но о самыхъ обыкновенныхъ, житейскихъ вещахъ, больше для того, чтобъ дать о себѣ знать и не показаться невнимательнымъ. Онѣ мнѣ отвѣчали въ такомъ же тонѣ, звали къ себѣ и сообщали нѣкоторыя Ораніенбаумскія новости. Я страдалъ, что не могъ часто ихъ видѣть: онѣ очень рѣдко, почти никогда не ѣздили въ Петербургъ; мнѣ невозможно было часто отлучаться отъ службы, хотя я сознавалъ, что не приносилъ ей никакой пользы, а ѣздить на короткое время, то-есть, на одинъ или на два дня я не могъ себѣ позволить: тогда сообщенія съ Ораніенбаумомъ были затруднительны; иначе нельзя было туда попасть, какъ черезъ Кронштадтъ, или нанять экипажъ въ Петербургѣ. Въ первомъ

случаѣ надобно было отправляться на катерѣ (пароходовъ еще не было), на которомъ можно было при непогодѣ пробыть на морѣ цѣлые полдня, что составляло истинное мученіе при тѣснотѣ отъ множества иногда пассажировъ, при неподвижности, на которую они были осуждены во время путешествія и наконецъ, при качкѣ, когда море было непокойно. Да и по пріѣздѣ въ Кронштадтъ нельзя было тотчасъ же отправиться въ Ораніенбаумъ, а должно было ожидать очередного почтоваго катера, который отправлялся только вечеромъ, и такимъ образомъ для совершенія этой поѣздки нужно было употребить почти цѣлый день. Правда, расходы такого путешествія были не велики, но я не любилъ этотъ способъ отправленія и только одинъ разъ рѣшился ѣхать водою. Нанимать же экипажи для поѣздки сухимъ путемъ я не могъ: это стоило очень дорого, и у меня не было столько денегъ, чтобъ часто употреблять на этотъ предметъ отъ 30 до 35 р. асс. Такую роскошь можно было себѣ позволить не болѣе двухъ разъ въ годъ. Впослѣдствіи сообщенія съ Ораніенбаумомъ до того были облегчены, что можно было за ничтожную сумму, не болѣе 2-хъ рублей сер., сдѣлать путешествіе туда и обратно безъ всякой остановки въ теченіе одного дня. Мнѣ оставалось жалѣть, что въ молодое мое время подобныя удобства не существовали: я бы конечно пользовался ими каждые праздники. Зимою поѣздки въ Ораніенбаумъ совершались легче. Туда отправлялись небольшія кибитки за недорогую цѣну, и въ Ораніенбаумѣ можно было найти во всякое время порожняковъ. Я всегда ѣздилъ туда передъ праздникомъ Р. Х. и проводилъ тамъ съ недѣлю.

Скучно тянулись дни мои въ Петербургѣ. Товарищи мои наводили на меня тоску. Малявка былъ человѣкъ болѣзненный, вѣчно сердитый, никуда почти не выходившій изъ дому; онъ безпрерывно кашлялъ и ворчалъ, что ему не даютъ покоя. Такъ какъ его комната была проходная, то онъ всегда почти былъ въ дурномъ расположеніи: ему дѣйствительно мѣшали. Мы избѣгали его разговоровъ, ожидая какихъ-нибудь непріятностей отъ него. Другой товарищъ мой Лавриновскій, человѣкъ съ претензіею на свѣтскость, но безъ характера и безъ образованія. Онъ по крайней мѣрѣ былъ ласковъ въ сношеніяхъ. Его рѣдко видѣли мы дома; онъ каждый вечеръ уходилъ со двора, игралъ мастерски въ карты, часто выигрывалъ, щеголялъ нарядами и слылъ въ кругу нашемъ за счастливца. Вскорѣ присоединился къ намъ новый товарищъ, нѣкто Лакерда, кандидатъ Московскаго Университета изъ Кіевскихъ уроженцовъ, человѣкъ мыслящій, съ душевною тепло-

тою, но мало видѣвшій свѣтъ, слабый характеромъ и легковѣрный. Онъ поселился въ моей комнатѣ. Я не могу припомнить себѣ, какимъ образомъ согласились мы принять его въ свои товарищи, когда и безъ него было намъ тѣсно и неудобно; но въ то время мы были не слишкомъ разборчивы, и конечно перспектива, что при лишнемъ товарищѣ будетъ у насъ меньше выходить расхода побудила насъ принять его въ видахъ экономическихъ. Лакерда нѣсколько оживилъ мое одиночество: онъ былъ очень симпатиченъ, и съ нимъ можно было поболтать о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ. Мы скоро выучили его играть въ карты, и онъ предался игрѣ со страстію. У насъ явились знакомые, тоже большіе любители картъ и просиживали за игрою ночи на пролетъ. Я принималъ мало участія въ игрѣ; игралъ только въ коммерческія, а когда принимались за банкъ, то я обыкновенно удалялся и ложился спать въ той самой комнатѣ, гдѣ играли. Ночью я просыпался нѣсколько разъ отъ шумныхъ восклицаній торжествующихъ или несчастныхъ игроковъ: они не уважали моего покоя. Случалось, что, просыпаясь, я уже не видѣлъ свѣчъ, а ярко свѣтило солнце, и лучи его смѣшивались съ мѣловою пылью отъ безпрерывнаго вытиранія стола; тогда я вскакивалъ съ дивана, промывалъ глаза, пилъ съ играющими кофе или чай и отправлялся на службу, оставляя ихъ доигрывать. Для меня остается непонятнымъ, какимъ образомъ я самъ не сдѣлался записнымъ игрокомъ при такой несчастной обстановкѣ въ первые годы моей молодости. Меня что-то удерживало кинуться въ этотъ омутъ. Я предпочиталъ игру, требующую разсужденій, чтобъ можно было положиться на свои силы, а не зависѣть отъ случайностей. Любимая моя игра была бостонъ, гдѣ я могъ управлять игрою; я вскорѣ сдѣлался хорошимъ игрокомъ, что́ доставило мнѣ возможность участвовать въ партіяхъ, не опасаясь значительнаго проигрыша; напротивъ, я большею частію оставался въ выигрышѣ. Изъ худшаго я выбралъ лучшее. Если мнѣ уже суждено было терять много времени на карты, то по крайней мѣрѣ я былъ увѣренъ, что игра меня не разстроитъ и даже иногда подкрѣпитъ мои слабые денежные способы. Къ намъ приходили иногда и нѣкоторые мои школьные товарищи, охотники поиграть. Для другихъ игра наша казалась мала. Вотъ какимъ образомъ проходило у меня время!

Изъ числа моихъ прежнихъ товарищей я больше всѣхъ любилъ Вальховскаго, попавшаго въ 1811 году въ Лицей. Эта была старинная дружба, которая поддерживалась даже перепискою. Онъ вышелъ изъ Лицея въ Іюнѣ 1817 года, получивъ съ кн. Горчаковымъ, нынѣшнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, золотую медаль. Вальховскій поступилъ офицеромъ въ гвардейскій генеральный штабъ, а кн. Гор-

чаковъ началъ службу 9 классомъ по дипломатической части. Первый отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, и вскорѣ дали ему занятіе, которое мало оставляло ему свободнаго времени. Онъ очень рѣдко заходилъ ко мнѣ. Я былъ раза два у него въ штабѣ. Мы почти никогда не могли сойтись подольше потолковать другъ съ другомъ. Онъ притомъ былъ большой нелюдимъ, убѣгалъ общества, былъ очень застѣнчивъ и безпрерывно краснѣлъ. Я начиналъ отставать отъ него. Онъ весь предался службѣ, шелъ довольно быстро, попалъ потомъ на Кавказъ, получилъ должность оберъ-квартирмейстера, дошелъ до генеральскаго чина, отличался на войнѣ, получилъ много орденовъ; но вскорѣ его не взлюбилъ Паскевичъ, услышавъ, что нѣкоторые успѣхи въ войнѣ приписываютъ Вальховскому. Онъ лишилъ его мѣста оберъ-квартирмейстера. Вальховскій пріѣхалъ въ Петербургъ, сталъ искать какого-нибудь назначенія и получилъ его генеральнымъ консуломъ въ Александрію, въ Египетъ. Въ это время открылась Польская кампанія, и Вальховскаго вмѣсто Египта отправили въ Польшу подъ начальство и въ распоряженіе Дибича, но едва онъ туда пріѣхалъ, какъ Дибичъ вскорѣ умеръ, и на мѣсто его назначенъ Паскевичъ, недоброжелатель Вальховскаго. Трудно сему послѣднему было оставаться въ Польской арміи. Онъ снова сталъ хлопотать о переводѣ его куда-нибудь и къ счастію получилъ при баронѣ Розенѣ должность начальника штаба Кавказскаго корпуса. Здѣсь онъ получилъ новыя отличія и сильно пошелъ въ гору; но въ пріѣздъ на Кавказъ императора Николая счастіе его оставило. Императоръ нашелъ много злоупотребленій при управленіи барона Розена; съ зятя его князя Дадіана, командовавшаго тамъ полкомъ, велѣлъ публично сорвать флигель-адъютанскіе эполеты за употребленіе нижнихъ чиновъ на свои работы и другіе безпорядки, Вальховскаго лишилъ мѣста начальника штаба и назначилъ бригаднымъ командиромъ въ войска, въ Южной Россіи стоявшія. Это былъ жестокій для него ударъ и совершенная царская немилость. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ похлопотать, нельзя ли какъ-нибудь поправить обстоятельства; старался оправдаться тѣмъ, что онъ, какъ подчиненное лицо, не въ правѣ былъ вмѣшиваться въ распоряженія корпуснаго командира, а тѣмъ менѣе противодѣйствовать ему; но военный министръ кн. Чернышовъ объявилъ ему, что государь и имени его слышать не хочетъ. Такимъ образомъ Вальховскій, не успѣвъ ни въ чемъ, долженъ былъ отправиться къ своей командѣ и тамъ, захворавъ горячкою, вскорѣ умеръ 40 съ небольшимъ лѣтъ отъ роду. Въ бытность его въ Петербургѣ онъ иногда заходилъ ко мнѣ, всегда также скромный, застѣнчивый и скучный. Быстрыя каріеры рѣдко удаются, я это замѣтилъ на многихъ личностяхъ.

Холостая компанія, въ которой я безпрерывно, вертѣлся начинала мнѣ сильно надоѣдать. Я не былъ знакомъ ни съ однимъ семейнымъ домомъ. Изъ дамъ, посѣщавшихъ домъ Лубьяновича, самая значительная была Санкина, о которой я выше упоминалъ. Теперь мы нѣсколько сблизились; я сдѣлался смѣлѣе, она не казалась мнѣ такою уже страшною какъ прежде. Санкина была нѣкогда красавица, и это было замѣтно по чертамъ ея не совсѣмъ еще увядшимъ. Мужъ, ея служившій въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, глупая и чванная особа, всѣмъ надоѣдалъ своею дерзостію. Ему однакожъ это прощали изъ уваженія къ женѣ, которая старалась каждаго приласкать. Она имѣла на то уважительныя причины. У нея были три дочери, взрослыя уже дѣвицы съ большими претензіями и очень дурныя собою. Санкины удостоивали меня своимъ вниманіемъ и въ извѣстные семейные дни имянинъ и рожденій приглашали къ себѣ. Я не слишкомъ жаловалъ это семейство. На меня смотрѣли тамъ нѣсколько свысока, и этотъ тонъ усиливалъ мою антипатію. Но я бывалъ у нихъ почти каждый разъ, когда у нихъ собирались гости. Съ дочерьми я не сближался; я не умѣлъ съ ними говорить, и вечеръ мой проходилъ за бостономъ. Иногда случачалось мнѣ съ дѣвицами танцовать, и я особенно любилъ вальсировать съ одною изъ нихъ, которая отличалась въ этомъ танцѣ; все это происходило молча, разговора у насъ не было. Вскорѣ я прекратилъ мои къ нимъ посѣщенія. Они вовсе меня не интересовали. Гораздо охотнѣе бывалъ я у Любецкихъ, другое семейство изъ числа знакомыхъ Лубьяновича и имъ покровительствуемыхъ. Тамъ нравилась мнѣ младшая дочь, милая дѣвушка лѣтъ 17-ти, которая была очень ласкова со мною, не смотря на строгій глазъ матери, не оставлявшій ее ни минуты безъ надзора. Тѣмъ пріятнѣе были для насъ случайныя свиданія наединѣ, въ которыя мы позволяли себѣ иногда невольныя увлеченія, не выходя впрочемъ изъ границъ приличія. Я рѣдко бывалъ у нихъ: онѣ по слабымъ своимъ средствамъ не могли позволять себѣ частыхъ пріемовъ, но раза два въ годъ у нихъ танцовали. Вниманіе ко мнѣ молодой дѣвушки не оставляло впрочемъ въ сердцѣ моемъ глубокихъ впечатлѣній, но я пользовался всѣми случаями встрѣтиться съ нею. Она оживляла мои скучные и томительные дни, въ которые ни одно живое существо не принимало во мнѣ участія. Сочувствіе доброй, ласковой дѣвушки всегда такъ благотворно дѣйствуетъ на молодое сердце.

Въ числѣ моихъ знакомыхъ не было ни одного, который жилъ бы въ семействѣ; если же и были такіе, то они или не могли или не спѣшили приглашать меня къ себѣ... Мнѣ оставалось самому хлопотать о себѣ; но войти куда-нибудь въ домъ не было такъ легко: для этого нужно было найти благопріятный случай, а сверхъ того зарекомендо-

вать себя съ хорошей стороны. Мнѣ въ особенности трудно было сдѣлать себѣ хорошія знакомства, потому, что я все еще не могъ отстать отъ своей робости и неловкости; притомъ надобно было сперва пріобрѣсть нѣкоторыя свѣтскія формы, чтобъ умѣть войти и занять собою хозяевъ хотя на нѣсколько минутъ. Съ дамами я рѣшительно говорить не умѣлъ... Я считалъ невѣжливостію спрашивать ихъ о чемъ-нибудь; я только отвѣчалъ на вопросы, которые мнѣ предлагаемы были; но такъ какъ фигура моя не слишкомъ ихъ интересовала, то онѣ не брали на себя труда занимать меня. Я оставался всегда въ сторонѣ. Иногда случалось попадать въ какой-нибудь домъ на вечеръ, гдѣ танцуютъ. Не вездѣ было достаточно кавалеровъ, и потому приводили людей незнакомыхъ, которые и отплясывали со всѣмъ усердіемъ людей принявшихъ на себя эту обязанность; но этимъ вечеромъ часто и ограничивалось знакомство съ домомъ. Объ утреннихъ визитахъ для поддержанія знакомства тогда я не имѣлъ понятія, да что-то и не было это въ обычаѣ. Иному господину или барынѣ весьма бы странно показалось, если подобный танцоръ явился бы съ визитомъ. Каждый вѣроятно бы подумалъ, что это слишкомъ нахально съ его стороны пріѣзжать, когда его не просятъ. Обыкновенно знакомились сошедшись гдѣ-нибудь въ домѣ послѣ трехъ-четырехъ свиданій, послѣ пріятнаго разговора, наконецъ послѣ удостовѣреній общихъ знакомыхъ о достоинствахъ человѣка, котораго желаютъ принять у себя. Прежде нельзя было такъ легко познакомиться, какъ въ послѣдующее время, когда достаточно было быть представленнымъ. Если гдѣ либо собирались на вечеръ или на балъ, то каждый имѣлъ право подходить къ любой дамѣ, не ожидая, чтобъ его прежде представили: за благонадежность и приличность господина ручалось уже то, что онъ находился въ одномъ домѣ съ дамою; иначе его бы не приняли; слѣдовательно дама не имѣла никакого основанія опасаться, что подходящій къ ней кавалеръ можетъ ее компрометировать. Подобныя представленія сдѣлались необходимыми въ новѣйшее время, можетъ быть, потому, что въ домà стали являться личности безъ большого разбору, а лишь бы наполняли залу, что̀ нужно для тщеславія хозяина; но прежде съ трудомъ можно было попасть въ домъ, не бывши хотя нѣсколько извѣстнымъ хозяину по разнымъ родственнымъ или общественнымъ отношеніямъ.

Зимою на Рождество я отправился въ мой милый Ораніенбаумъ. Насилу-то вырвался изъ Петербурга! Въ Ораніенбаумѣ веселились тогда на славу. Тамъ былъ клубъ, гдѣ давались балы. Кавалеровъ наѣзжало множество; изъ Кронштадта морскіе офицеры и изъ Петергофа офицеры лейбъ-драгунскаго, нынѣ конно-гренадерскаго, полка; пріѣзжали даже изъ Стрѣльны за 17 верстъ офицеры уланскаго полка.

Всѣ держали себя очень прилично, не происходило ни одной непріятной исторіи; кавалеры были очень вѣжливы и осторожны съ дамами. Танцовали до упаду; не было той чопорности, которая холодитъ отношенія между танцующими, но и не было особеннаго разгула, который позволяло себѣ послѣдующее поколѣніе, если попадало куда-нибудь на общественный балъ. Впрочемъ за входъ въ клубъ въ Ораніенбаумѣ ничего не платили: каждый имѣлъ право войти, если былъ представленъ членомъ. На эти балы собиралось очень много дамъ, какъ Ораніенбаумскихъ жительницъ, такъ и пріѣзжихъ. Между первыми болѣе всѣхъ отличались мои кузины. Ихъ ангажировали нарасхватъ, что̀ мнѣ очень досадно было. Я не могъ равнодушно смотрѣть, какъ съ ними любезничали; особенно Душа сильно возбуждала во мнѣ чувство ревности, но сходясь со мною въ танцахъ и пожимая мнѣ руку: она этимъ доказывала, что мнѣ опасаться нечего. Кромѣ клуба публика собиралась и въ частныхъ домахъ; вездѣ танцовали, гдѣ только можно было. Въ числѣ хорошенькихъ дѣвицъ были тогда дочери доктора морскаго вѣдомства Розберга (одна вышла замужъ, при живой женѣ, за Филимонова, литератора и стихотворца, который неизвѣстно какимъ образомъ устроилъ это дѣло; другая за Полевого, драматическаго писателя, журналиста и историка) и дочь нѣкоего Юрьева, вышедшая замужъ за Бунина, древняго моряка и произведшая трехъ дочерей извѣстныхъ въ Петербургѣ пѣвицъ (одна теперь за Гирсомъ, другая за Павловымъ). Мы сходились почти каждый день, гуляли, играли, дурачились. Прошла и эта счастливая недѣля, надобно было возвращаться въ Петербургъ. О серьезномъ я мало думалъ; у меня не было никакихъ плановъ; одно настоящее меня занимало и если я проводилъ его пріятно, то считалъ, что достигалъ цѣли жизни, больше ничего мнѣ не нужно было.

По пріѣздѣ въ Петербургъ время потянулось для меня своимъ обычнымъ скучнымъ порядкомъ. По службѣ моей не проходило ничего замѣчательнаго. Она меня не интересовала, родъ занятій моихъ былъ самый пошлый: то переписывалъ бумаги, то занимался составленіемъ небольшихъ записокъ, которыя не шли въ дѣло.... Вообще на меня, какъ на человѣка безполезнаго, мало обращали вниманія, и я пользовался этимъ и не напрашивался на работу. Лубьяновичъ никогда не интересовался тѣмъ, что̀ я дѣлаю въ канцеляріи; о службѣ моей разговора не было. Мнѣ назначили ничтожное жалованье, слѣдовательно не изъ чего было хлопотать и трудиться. Я ходилъ на службу по чувству долга, которое рано во мнѣ развилось и на всю жизнь сохранилось. Мнѣ скоро однакожъ прибавили къ жалованью 200 р., и я сталъ получать 600 р. Черезъ годъ или около того времени еще накинули 150 р. Я могъ издерживать своихъ отъ 800 до 1000 р.

Вотъ все, что̀ я имѣлъ. Съ этимъ далеко не уйдешь. Изъ этихъ денегъ я не могъ удѣлять много на наслажденія и долженъ былъ ограничиться однимъ самымъ необходимымъ, но и на то еще не доставало. Къ счастію моему я не имѣлъ никакого понятія объ общественныхъ удовольствіяхъ. Я почти никогда не ходилъ въ театръ, нигдѣ не обѣдалъ въ трактирахъ или табльдотахъ; если же иногда заходилъ въ кондитерскія, то съ цѣлью прочесть какой нибудь листокъ. Тогда въ цѣломъ Петербургѣ было только три кондитерскія, очень бѣдно впрочемъ снабженныя журналами и газетами. Одна, *Лареда*, на концѣ Невскаго проспекта въ домѣ, на мѣстѣ котораго воздвигнуто зданіе военнаго вѣдомства; другая, *Доминика*, въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ почти въ подвалѣ, гдѣ теперь домъ Голландской церкви, а третья *Молинари*, гдѣ теперь кондитерская, кажется, Амато, противъ Аничковскаго дворца. Въ этихъ заведеніяхъ завтраковъ не было, а посѣтители, которыхъ число было весьма ограничено, могли спрашивать себѣ только кофе, шеколадъ, баваруазъ, глинтвейнъ и мороженое. На прочихъ улицахъ, кромѣ Невскаго проспекта, не существовало даже конфектныхъ лавокъ. Соблазна, стало - быть, было мало. Одѣвался я какъ можно проще, платя всегда исправно портному; долговъ у меня никогда не было; я слылъ вообще аккуратнымъ молодымъ человѣкомъ. Надобно было какъ нибудь изворачиваться своими слабыми средствами; иначе легко было растеряться. Я избѣгалъ частныхъ сношеній съ моими школьными товарищами, которые не знали счета деньгамъ и вѣчно были въ долгу при всемъ хорошемъ состояніи; но причиною отдаленія моего отъ нихъ были не одни деньги, а главное то, что они всѣ были военные. Тогда дворяне избѣгали статской службы, считая ее унизительною для человѣка хорошей фамиліи. Въ статскую службу попадали только по необходимости, или по семейнымъ обстоятельствамъ или по болѣзненному положенію, и несчастные, которымъ приходилось ходить во фракѣ, обыкновенно говаривали, что они числятся только въ такомъ-то вѣдомствѣ, но на службѣ не бываютъ, чтобъ знакомые не сочли ихъ какими нибудь крючками, подьячими. Между статскими и военными существовалъ какой-то антагонизмъ. Первые должны были всегда уступать послѣднимъ. Военная служба дѣйствительно представляла много преимуществъ передъ статскою. Особенно въ гвардіи молодые люди возвышались очень скоро; можно было достигнуть чина полковника въ 10 лѣтъ. Поступали въ гвардію безъ экзамена; отъ поступающихъ ничего болѣе не требовали кромѣ фронта. Самое трудное для нихъ дѣло было прослужить въ юнкерахъ три года и иногда болѣе, смотря по вакансіи въ полку; нѣкоторые не выдерживали этого искуса и переходили въ армію офицерами, лишь бы

поскорѣе надѣть эполеты. Офицеры въ гвардіи сильно важничали, на статскихъ смотрѣли съ какимъ-то презрѣніемъ; ихъ называли фрачниками, рябчиками; сами статскіе съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ увивались около военныхъ, считая особенною себѣ честію быть съ ними въ знакомствѣ и показываться вмѣстѣ съ ними въ публичныхъ мѣстахъ. На балахъ статскіе рѣшительно изчезали передъ военными; дамы съ гримасами принимали предложенія ихъ танцовать съ ними и считали это немного для себя унизительнымъ, когда на вечерѣ случалось много военныхъ. Съ офицеромъ какъ-то лучше танцуется: онъ и смѣлѣе, и развязнѣе, и виднѣе. Дорого платили военные за эти преимущества..... Чтобъ поддержать сынковъ въ гвардіи, отцы жертвовали на нихъ половиною и болѣе своихъ доходовъ, сами часто отказывали себѣ въ необходимомъ; а сынки, пощеголявъ нѣсколько лѣтъ въ блестящемъ мундирѣ и надѣлавъ много долговъ, должны были выходить въ отставку по разнымъ случайностямъ службы или по домашнимъ обстоятельствамъ съ тѣмъ, чтобъ или заняться поправленіемъ разстроеннаго хозяйства или поступить на службу по другому вѣдомству, а они по большей части оказывались ни на то, ни на другое неспособными..... Какъ-то грустно было смотрѣть на иного полковника или генерала ѣдущаго передъ фронтомъ, надувши страшно губы и съ важностію прибоченясь, что эта личность потеряла лучшіе годы своей жизни, чтобъ выучиться одной военной муштровкѣ и сдѣлаться негодною для всякаго другого дѣла. Но они отдавали дань вѣку... Послѣ знаменитой нашей войны съ Французами, военные сильно поднялись во мнѣніи общественномъ: они спасители наши, они освободители Европы! Большая часть офицеровъ нанюхалась Парижскаго воздуха, воротилась изъ за границы съ изящными манерами, совершенными Французами. Они давали тонъ въ полкахъ, и вновь поступающая молодежъ брала примѣръ съ нихъ въ щегольствѣ и фанфаронствѣ. Нѣкоторые полки употребляли всѣ усилія, чтобъ сдѣлаться образцомъ утонченной ловкости и изящнихъ манеръ. Преображенскій полкъ соперничалъ въ этомъ отношеніи съ Семеновскимъ, который одно время при командирѣ Потемкинѣ перещеголялъ его. Кавалергардскій боролся съ конногвардейскимъ.... Офицеры строго смотрѣли другъ за другомъ, чтобъ не вышло между ими чего-нибудь дурного тона. Малѣйшая оплошность въ этомъ отношеніи служила предлогомъ къ тому, чтобъ выжить неосторожнаго изъ полка. Въ прочихъ гвардейскихъ полкахъ на это смотрѣли съ меньшею строгостію, но военный того времени духъ требовалъ въ равной же степени исполненія принятыхъ условій, и никто не долженъ былъ отъ этого уклоняться. Фанфаронство забралось и въ армію, особенно въ кавалерійскіе полки...... Если въ общество офице-

ровъ попадали статскіе, то послѣдніе видимо терялись; военные обходились съ ними съ видомъ покровительства, давая имъ на каждомъ шагу чувствовать свое превосходство. Бѣда, если офицеръ раскланяется на улицѣ съ господиномъ худо одѣтымъ, напримѣръ, въ фуражкѣ, вмѣсто шляпы или не въ модной шинелѣ. Настоящій гвардеецъ хорошаго тона никогда не пойдетъ въ ложу 2 яруса, гдѣ помѣстилось его семейство; никто не увидитъ его на Невскомъ проспектѣ подъ руку съ дамою, хотя бы съ родною сестрою, если та не одѣта по послѣдней модѣ и не въ нарядномъ платьѣ. Но независимо отъ этихъ условій высшаго тона, въ прочихъ военныхъ кругахъ также развито было извѣстнаго рода тщеславіе, которое мѣшало имъ сходиться съ лицами другихъ сословій и заставляло ихъ исключительно вертѣться въ своемъ кругу и такимъ образомъ разъединяло ихъ съ обществомъ. Военные поступали въ службу ничему не выучившись; весьма немногіе кое-что читали изъ чисто-литературныхъ произведеній; вся жизнь ихъ проходила въ занятіяхъ, которыя ихъ ни къ чему не вели, и они не имѣли рѣшительно ни о чемъ понятія, не могли принимать на себя никакихъ общественныхъ обязанностей, а если принимали, то исполняли ихъ самымъ сквернымъ образомъ. Военные и статскіе взаимно другъ друга избѣгали. Первые боялись себя компрометировать сношеніемъ съ людьми, которыхъ могутъ принять за приказныхъ, а вторые не желали соваться въ общество, гдѣ они скучали, не имѣя съ нимъ ничего общаго. Бывая иногда у военныхъ моихъ товарищей, я почти никогда не встрѣчалъ тамъ дѣльныхъ молодыхъ людей изъ статскихъ; если же иногда и подвертывались фрачники, то такія ничтожныя личности, что становилось за нихъ стыдно... Это были по большей части товарищи кутежей, и къ сожалѣнію на счетъ своихъ военныхъ пріятелей. Я уклонялся отъ посѣщенія ихъ и потому, чтобъ они ко мнѣ не являлись. Нашъ родъ жизни не могъ имъ нравиться: онъ былъ слишкомъ скроменъ и не такъ размашистъ, какъ имъ было нужно.

У военныхъ было впрочемъ нѣкоторое основаніе не жаловать статскихъ. При Екатеринѣ и Павлѣ существовалъ законъ, который обязывалъ дворянъ служить непремѣнно въ военной службѣ. Въ гражданскую дозволялось поступать весьма немногимъ, въ Иностранную Коллегію для дипломатическихъ должностей. Съ образованіемъ при Александрѣ министерствъ это запрещеніе ослабѣло; но все еще мало было желающихъ служить въ департаментахъ. Для этого нужно было извѣстное приготовленіе, а дворяне вообще не любили учиться. По необходимости нужные люди набирались изъ духовнаго званія и другихъ сословій, знакомыхъ съ грамотою. Это люди вышли въ чины, сдѣлались начальниками, но съ возвышеніемъ своимъ они не пріобрѣтали

привлекательныхъ формъ; напротивъ, получая съ каждымъ повышеніемъ больше власти, становились еще грубѣе и позволяли себѣ въ сношеніяхъ своихъ съ подчиненными быть дерзкими. Большая часть сихъ послѣднихъ, находясь въ постоянномъ загонѣ съ самаго малолѣтства, терпѣла, изгибалась и молчала; это давало еще болѣе силы начальникамъ. Если къ такому начальнику попадалъ юноша порядочнаго воспитанія и непривыкшій къ дурному обращенію, то черезъ нѣкоторое время терялъ терпѣніе и долженъ былъ перемѣнять службу, что́ было нелегко. Притомъ у этихъ начальниковъ было убѣжденіе, вынесенное ими изъ собственнаго опыта, что каждый поступающій на службу долженъ потереть лямку и получать повышенія неиначе, какъ послуживъ подолѣе въ низшихъ должностяхъ и чинахъ. Они не допускали возможности сдѣлать начальникомъ младшаго по службѣ и подчинить ему старшихъ, какія бы способности онъ ни выказывалъ; однимъ словомъ, находили нужнымъ держать чиновниковъ въ черномъ тѣлѣ, чтобъ они не зазнавались. Этой системы придерживались вездѣ. Она преобладала и въ экспедиціи, гдѣ я служилъ. Гдѣ царствуетъ рутина, тамъ иначе и не можетъ быть. Чтобъ быть сколько-нибудь полезнымъ чиновникомъ для управленія, надобно заучить въ подробности весь порядокъ движенія дѣлъ и установленныя формы, что́ скоро не дѣлается. Поэтому старые чиновники, опытные уже рутинёры, неблагосклонно отзываются о новичкахъ, которые не обращаютъ вниманія на эти формы и при каждомъ упущеніи ихъ дѣлаютъ имъ жесткія замѣчанія... Много нужно было терпѣнія, чтобъ перенести всѣ оскорбленія, которыми старшіе щедро награждали младшихъ за служебныя неисправности, пока время не выдвигало сихъ послѣднихъ на дорогу, гдѣ сами они начинали уже распоряжаться; но и тутъ стояла еще надъ ними гроза высшихъ начальниковъ, которые также не слишкомъ церемонились съ подчиненными. Если кого-нибудь изъ молодыхъ дворянъ хорошаго воспитанія судьба бросала въ статскую службу, то онъ долженъ былъ приготовиться къ разнымъ униженіямъ и закалить себя противъ всѣхъ нападковъ со стороны всякаго рода начальниковъ, которые рѣдко давали пощаду. Мало по малу онъ привыкалъ къ такому обращенію и уже не считалъ для себя обиднымъ, если и выслушивалъ какое-нибудь жесткое слово... Часто случалось слышать отзывы про начальниковъ, что они добрѣйшіе люди, хотя въ минуту горячности и позволяютъ себѣ всякія дерзости... «Ну что за бѣда такая, если и побранятъ! Голова не отвалится! За то въ другое время, при хорошемъ расположеніи духа, они все сдѣлать рады». Общество знало о существованіи такого порядка въ гражданской администраціи, и потому молодежь изъ хорошей фамиліи, привыкшая къ деликатному обращенію,

неохотно шла въ статскую службу, а если кто и рѣшался на это, то заслуживалъ названія бѣдняка, который осужденъ на вѣчныя непріятности. Исключенія были рѣдки... Во всѣхъ почти управленіяхъ начальники отличались грубымъ обращеніемъ съ подчиненными. Все это не могло возвысить статскихъ чиновниковъ въ мнѣніи общества, хотя впрочемъ и военные командиры тогдашняго времени не могли похвалиться изящнымъ обхожденіемъ съ подчиненными офицерами; но между военными гораздо раньше развился духъ чести, такъ что командиры должны были держать себя нѣсколько осторожнѣе, потому что иногда наскакивали на упрямцевъ, которые не спускали имъ дерзости, какъ это случалось даже съ в. к. Константиномъ Павловичемъ, позволявшемъ себѣ весьма грубыя выходки съ офицерами.

Статскимъ часто приходилось выслушивать отъ военныхъ довольно обидныя на счетъ свой замѣчанія, и хотя они выказывали недостатокъ хорошаго воспитанія офицеровъ, тѣмъ не менѣе подобныя замѣчанія были отголоскомъ существовавшаго въ обществѣ мнѣнія, которое сильно поддерживалось прекраснымъ поломъ. Мнѣ случилось однажды въ гостяхъ у товарищей наскочить на непріятность по случаю весьма обидныхъ сужденій одного лейбъ-уланскаго офицера о статскихъ чиновникахъ. Я доказывалъ, что каждый полезенъ на своемъ мѣстѣ и всѣ сотворенныя Богомъ животныя, какъ бы они неважны ни были, существуютъ для извѣстной цѣли; при этомъ привелъ въ примѣръ вола и осла, доказывая, что то и другое животное равно полезны для человѣка, но имѣлъ неосторожность сравнить военнаго съ осломъ. Я долженъ признаться, что споръ нѣсколько возбудилъ меня.... Нѣсколько секундъ продолжалось общее молчаніе, и офицеръ, тоже изъ моихъ товарищей (Лизогубъ) обратился ко мнѣ довольно серьезно и къ счастію очень спокойно сказалъ мнѣ, что за такое неприличіе въ сравненіи слѣдовало бы поступить со мною соотвѣтственно оскорбленію, но такъ какъ онъ привыкъ уважать меня какъ отличнаго воспитанника въ пансіонѣ, то онъ оставляетъ это безъ послѣдствій, совѣтуя быть на будущее время осторожнѣе. Я очень доволенъ былъ тѣмъ, что мое званіе отличнаго послужило мнѣ къ чему-нибудь... Я извинился, и дѣло прекратилось.

Въ Іюнѣ 1819 года Лубьяновичъ уѣхалъ въ свою Новоладожскую деревню отдохнуть отъ служебныхъ занятій. 5-го Іюля онъ пошелъ въ баню, и тамъ поразилъ его апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ въ туже минуту скончался. Прискакалъ оттуда гонецъ и сообщилъ намъ это печальное извѣстіе. Я долго не могъ вѣрить этому событію; мнѣ казалось, что посланный слишкомъ поторопился и что съ Лубьяновичемъ могъ сдѣлаться только обморокъ, а люди вообразили, что онъ

уже и умеръ, поскорѣе его послали... Но извѣстіе, къ несчастію, было вѣрно. Я осиротѣлъ вполнѣ, въ душѣ моей родилось безпокойство, какъ буду жить впередъ, кто меня въ нуждѣ поддержитъ, какимъ образомъ я буду распоряжаться собою... Я ни о чемъ не имѣлъ понятія, не было никакого знанія жизни; у меня не было такихъ знакомыхъ, которые помогли бы мнѣ совѣтами и участіемъ. Правда, былъ еще второй опекунъ сенаторъ Политковскій, но я его вовсе не зналъ, никогда у него не бывалъ, да онъ совсѣмъ и не занимался нашими дѣлами. Не знаю даже, зачѣмъ онъ числился опекуномъ. Тѣло покойнаго Лубьяновича привезли въ Петербургъ и похоронили на Большой Охтѣ близъ самой церкви. Подчиненные понесли въ немъ большую утрату; они его любили; по подпискѣ собрали значительную сумму на памятникъ, который и поставили надъ могилою съ надписью: «Начальнику отъ подчиненныхъ». Каждый годъ два раза: 5 Іюля, въ день кончины, и 13 Сентября, въ день имянинъ его, всѣ чиновники экспедиціи собирались въ церковь, служили панахиду и день оканчивали доброю попойкою. Это продолжалось лѣтъ 10, если не болѣе; но потомъ, когда понадобилось расширить церковь, памятникъ сняли, и могила вошла во внутренность церкви. Съ этого времени прекратились поминовенія; многіе прежніе сослуживцы и подчиненные покойнаго въ свою очередь отправились къ праотцомъ, кругъ почитателей его началъ рѣдѣть; многіе охладѣли къ дѣлу, увлекшись новыми интересами, и забыли о своемъ прежнемъ начальникѣ, какъ забывается все на свѣтѣ.... Они стали болѣе внимательны къ живымъ своимъ начальникамъ, отъ которыхъ ожидали больше существеннаго, нежели сколько можно получить отъ поминовенія умершихъ. Каждый думаетъ о выгодахъ настоящихъ... чтó ему до мертвыхъ!

На мѣсто Лубьяновича министръ графъ Гурьевъ никого не назначалъ, а раздѣлилъ экспедицію на два отдѣленія, поручивъ каждую управленію старшихъ совѣтниковъ Миллера и Розенберга, независимо другъ отъ друга. Миллеръ былъ человѣкъ весьма ограниченныхъ способностей, характера мягкаго, нерѣшительнаго, мелочнаго. Розенбергъ напротивъ былъ настойчивъ, упрямъ, зналъ хорошо свою часть. Оба совѣтника не любили другъ друга, и каждый старался попасть въ управляющіе экспедиціею, для чего употребляли всѣ интриги. Миллеръ, какъ старшій по службѣ, считалъ себя больше въ правѣ на полученіе этого назначенія; Розенбергъ надѣялся болѣе на свои преимущества другого рода. Оба они были трудолюбивы, какъ свойственно Нѣмцамъ; но проходило много времени, а ни того, ни другого не назначали. Въ 1821 году экспедиція преобразована была въ Департаментъ Государственнаго Казначейства и послѣдовалъ новый штатъ. Директоромъ

назначенъ Розенбергъ, а Миллера сдѣлали управляющимъ Комерческимъ Банкомъ. Такимъ образомъ соперники разошлись, оставшись оба довольны своимъ назначеніемъ. При этомъ преобразованіи правителемъ канцеляріи на мѣсто Рыбакова сдѣланъ Лавриновскій, а меня назначили секретаремъ; я сталъ получать 1500 р. ас. жалованья и вошелъ, такъ сказать, въ составъ порядочныхъ чиновниковъ. Розенбергъ знавалъ моего отца и если между ними не было особенной дружбы, то сохранялись всегда отношенія давнишнихъ сослуживцевъ; поэтому онъ принималъ и во мнѣ нѣкоторое участіе, хотя старался этого не показывать. Онъ былъ горбатъ, довольно золъ и мстителенъ. По своей физической конструкціи, избѣгая общественности, онъ не могъ пріобрѣсти пріятныхъ формъ, которыя нѣсколько смягчаютъ жесткость натуры и даютъ сношеніямъ между начальникомъ и подчиненными характеръ не столько суровый. Онъ былъ взыскателенъ и строгъ, все время посвящалъ службѣ и требовалъ отъ другихъ такой же дѣятельности. На службу въ Департаментъ являлся аккуратно въ 8 часовъ утра и сейчасъ требовалъ то того, то другого чиновника; поэтому всѣ должны были приходить къ этому времени. Многимъ это было не повкусу, нѣкоторые чиновники жили очень далеко отъ Департамента; зимою приходилось вставать при свѣчахъ, чтобъ успѣть собраться и прибыть на службу въ заведенный часъ; на улицахъ было еще темно, а они должны были пускаться въ путь и пѣшкомъ; извозчики еще не выѣзжали на улицы. Когда спрошеннаго въ наличности не оказывалось, тогда ему сильно доставалось за нерадѣніе. Это страшно тяготило чиновниковъ. Розенберга не любили и боялись; надобно однакожъ отдать ему справедливость: онъ никого не обижалъ по службѣ и воздавалъ каждому должное. Не имѣя въ жизни никакого развлеченія, онъ любилъ слушать разсказы о родѣ жизни своихъ подчиненныхъ; онъ зналъ, кто какъ живетъ, гдѣ бываетъ, чѣмъ занимается. Это его занимало до крайности, и надобно было удивляться, отъ кого онъ получаетъ всѣ эти свѣдѣнія. Съ чиновниками онъ былъ вообще сухъ, никогда не позволялъ себѣ шутокъ; въ торжественные праздники принималъ всѣхъ, но почти ни съ кѣмъ не пускался въ разговоры; приходящій отвѣшивалъ почтительный поклонъ, бормоталъ свое поздравленіе и уходилъ, оставляя свое мѣсто другому. Ничего не было тягостнѣе этихъ поздравленій, а избѣжать ихъ было невозможно: Розенбергъ непремѣнно замѣтилъ бы невниманіе отсутствующаго. Тогда не существовало еще отличнаго обычая, введеннаго въ послѣдующее время, записываться въ книгѣ или на особомъ листѣ.

На обязанности моей не было никакого особеннаго дѣла, а я исполнялъ то, что̀ поручалось по усмотрѣнію директора. Онъ занялъ

меня перепискою съ губернаторами о взысканіи недоимокъ и другихъ казенныхъ долговъ. Дѣло это сначала было довольно разнообразно по различію случаевъ требовавшихъ подобныхъ сношеній съ начальниками губерній, но мало-по-малу оно мнѣ пріѣлось до такой степени, что я искалъ возможности отъ этого дѣла избавиться. Притомъ заговорило во мнѣ и честолюбіе. Я начиналъ сильно скучать своею службою и задумалъ подняться. Открылось мѣсто начальника отдѣленія въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ. Я рѣшился обратиться съ просьбою къ Розенбергу, похлопотать за меня у министра. Это ему очень не понравилось, но онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу. Онъ дѣйствительно говорилъ гр. Гурьеву, который отозвался, что опредѣленіе меня зависитъ отъ директора того Департамента Дубенскаго, и что мнѣ слѣдуетъ къ нему обратиться. Хотя я и затѣялъ переходить въ тотъ Департаментъ, но, зная капризный и непріятный характеръ Дубенскаго, я не имѣлъ большаго стремленія служить подъ его начальствомъ. Однако я долженъ былъ по указанію министра къ нему отправиться. Дубенскій сказалъ мнѣ, что если министру угодно будетъ меня назначить, то онъ противъ этого спорить не станетъ, но что на это мѣсто у него есть свои чиновники. Отвѣтъ вполнѣ основательный! Я раскланялся и ушелъ частію довольный отказомъ. Было бы рисковано перемѣнять мѣсто служенія безъ увѣренности, что перемѣна эта будетъ для меня полезна. Мнѣ хотѣлось этимъ исканіемъ мѣста выказать Розенбергу, что мѣсто секретаря вовсе меня не удовлетворяетъ. Онъ понялъ мои требованія и при первой возможности поспѣшилъ ихъ удовлетворить. Но дѣло все-таки дѣлалось нескоро, и я долженъ былъ нѣсколько потерпѣть.

По разобраніи бумагъ покойнаго Лубьяновича оказалось, что онъ успѣлъ составить намъ изъ отцовской аренды капиталъ до 27 тысячъ ассиг.. Это было даже слишкомъ много за расходами въ теченіе почти 10 лѣтъ на наше содержаніе и воспитаніе. Онъ былъ бережливъ, и по заботливости своей ему хотѣлось оставить намъ средства просуществовать въ первые годы нашей молодости, безъ особой крайней нужды. Капиталъ этотъ состоялъ частію въ билетахъ сохранной казны, а частію въ заемныхъ письмахъ. Не успѣлъ я принять эти документы въ свое распоряженіе, какъ явился ко мнѣ повѣренный отъ Пшеничнаго, директора исполнительнаго департамента, съ предложеніемъ, не желаю ли я отдать хранящійся въ опекунск. совѣтѣ капиталъ въ долгъ князю N. N. за 10%. Я хорошенько не могъ еще сообразиться, что̀ мнѣ дѣлать съ деньгами; посовѣтоваться было не съ кѣмъ, но подумавъ, что сохранная казна даетъ только 5%,

а тутъ предлагается мнѣ 10%, что̀ удвоиваетъ способы къ жизни, я рѣшился отдать князю N. N. всѣ деньги за исключеніемъ нѣкоторой суммы, оставленной мною на свои расходы. Всего отдано 14 тысячъ рубл. По заемнымъ письмамъ должниками были: кн. Урусовъ, старинный пріятель моего отца и въ домѣ котораго мы жили, 9000 р. и г-жа Можайская 3000 р. Князь N. N. исправно платилъ свои проценты до самой своей смерти, что̀ продолжалось лѣтъ 7 или 8; но послѣ смерти, наслѣдникъ его сенаторъ князь N. N. объявилъ кредиторамъ, что оставшееся послѣ отца имѣніе находится въ крайнемъ разстройствѣ и что по суммѣ всѣхъ долговъ кредиторы могутъ получить только по 13 коп. на рубль. Это объявлено было имъ въ общемъ собраніи, въ которомъ и я присутствовалъ. Кредиторы завопили противъ этого страшнымъ образомъ и, основываясь на томъ, что наслѣдникъ немедленно по смерти отца отправился въ Орловскую губернію, въ одно изъ значительныхъ имѣній, гдѣ жилъ покойникъ, вскрылъ всѣ сундуки и вступилъ въ управленіе имѣніемъ и что такимъ образомъ онъ принялъ на себя уплату всѣхъ отцовскихъ долговъ, потребовали полной уплаты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того было вторичное собраніе, въ которомъ объявлено кредиторамъ, что они получатъ по 50 к. на рубль, но и это не могло удовольствовать ихъ: они крѣпко упирались на законъ, что наслѣдникъ прежде вступленія во владѣніе имѣніемъ обязанъ привести въ извѣстность количество долговъ и объявить, вступаетъ ли или нѣтъ въ права наслѣдства, чего князь N. N. не сдѣлалъ, а прямо вступилъ въ распоряженіе имѣніемъ. Тогда, по прошествіи уже значительнаго времени, учреждена была съ высочайшаго разрѣшенія комиссія, которой поручено разобрать всѣ претензіи, привести въ извѣстность состояніе имѣнія князя и удовлетворить кредиторовъ его. Коммисія дѣйствовала по возможности добросовѣстно. Однимъ изъ дѣятельныхъ ея членовъ былъ статсъ-секретарь Андрей Логиновичъ Гофманъ. Она должна была бороться съ разными препятствіями. Напримѣръ: въ числѣ кредиторовъ умершаго князя находилась дочь его въ суммѣ 300 тысячъ рублей; но это былъ не настоящій долгъ, а выдано было только заемное письмо на имя дочери; комиссія же, зная свойство этого долга, поставила его въ числѣ тѣхъ, которые подлежатъ удовлетворенію послѣ правильныхъ долговъ; между тѣмъ дочь не переставала домогаться о полученіи сполна всей претензіи и жаловались на комиссію, что она не платитъ имъ сейчасъ этого долга. Просили о томъ Императрицу, которая, принимая участіе въ дочери покойнаго князя, обѣщалась ей помочь, говорила объ этомъ съ графомъ Орловымъ и заставила его хлопотать въ комиссіи; но Гофманъ стоялъ твердо на томъ, что истцы не

имѣютъ никакого права домогаться о немедленномъ удовлетвореніи наравнѣ съ прочими кредиторами. Такой отказъ крѣпко не понравился гр. Орлову, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Императрицѣ, но императоръ Николай Павловичъ вполнѣ одобрилъ такое заключеніе комиссіи и получилъ хорошее мнѣніе о Гофманѣ, чт̀о впослѣдствіи имѣло вліяніе на дальнѣйшую службу Гофмана. Комиссія приняла правиломъ удовлетворять преимущественно тѣ правильныя претензіи, по которымъ будетъ со стороны кредиторовъ уступка. И мнѣ предложено было сдѣлать такую уступку. Подумавъ немного, я рѣшился уступить проценты за все прошедшее время, чт̀о пришлось лѣтъ за 6 или 7, да сверхъ того согласился разсрочить долгъ на 7 лѣтъ, чт̀о дѣлали и другіе кредиторы. Такимъ образомъ капиталъ мой у князя N. N. мало-по-малу исчезъ: получая деньги по частямъ небольшими суммами, я ихъ по необходимости тратилъ на текущія нужды, которыя всегда являлись. Спекуляція вышла очень неудачная! Не лучше вышло и съ деньгами, которыя должны были кн. Урусовъ и Можайская. Я съ большимъ трудомъ и очень нескоро выручилъ ихъ отъ должниковъ и также частями. Ходьба за ними составляла истинное мое мученіе; часто я не заставалъ должниковъ дома, а если и заставалъ, то они начинали распѣвать Іереміады о своихъ затрудненіяхъ, просили подождать, назначали сроки, въ которые также не платили. Однимъ словомъ, я по опыту узналъ, чт̀о значитъ имѣть въ долгу деньги въ частныхъ рукахъ.

Вскорѣ послѣ смерти Лубьяновича, пріѣхалъ изъ Москвы мой братъ, кончивъ тамъ ученіе. Для него не было уже помѣщенія въ занимаемой нами квартирѣ: и безъ того было тѣсно. Мы съ братомъ наняли себѣ особую квартиру въ Шестилавочной улицѣ. Квартира попалась чистенькая; три свѣтлыя комнаты, кромѣ помѣщенія для прислуги; мы ею были очень довольны, купили нѣсколько мебели, но все далеко было отъ необходимаго комфорта. Пріемовъ у насъ никакихъ не было. Я очень былъ радъ, что отдѣлался отъ неутомимыхъ картежныхъ игроковъ, которые такъ много стѣсняли меня на прежней квартирѣ. Наступили болѣе спокойные дни. Но я сильно скучалъ; здоровье мое было слабое; у меня все болѣла грудь; я много кашлялъ, душевное расположеніе было самое мрачное; мнѣ казалось, что я скоро умру. Развлеченія у меня не было; я проводилъ время почти всегда одинъ съ вѣчными моими грустными мыслями. Нигдѣ я не встрѣчалъ участія, я не бывалъ ни въ одномъ семейномъ домѣ, гдѣ могъ бы проводить время за-просто, безъ церемоній и гдѣ видѣлъ бы ласку и радушіе хозяевъ. Большую часть дня я проводилъ или за книгою, если случалось доставать что-нибудь для чтенія, или шатаясь по ули-

цамъ. Меня мысль постоянно уносила въ Ораніенбаумъ, гдѣ я чувствовалъ, что живу. Тамъ меня искренно любили, и я самъ любилъ со всею горячностію молодого сердца. Я не оставлялъ пользоваться всѣми случаями отправиться туда, хотя съ новыми служебными обязанностями моими это было нѣсколько труднѣе прежняго. Надобно было отпрашиваться у самого Розенберга, но я не могъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, хотя бы это стоило мнѣ нѣкоторыхъ пожертвованій. Что̀ за бѣда, если и потеряю что-нибудь по службѣ! Начальники неохотно отпускаютъ подчиненныхъ, которые постоянно вертятся на ихъ глазахъ и объ нихъ составляютъ себѣ невыгодное понятіе, находя, что они любятъ лучше гулять, нежели трудиться. Въ Ораніенбаумѣ я перерождался, болѣе и болѣе привязываясь къ моимъ кузинамъ. Время шло тамъ для меня съ неумолимою быстротою; мы выдумывали разнаго рода поѣздки, гулянья, собирались большимъ обществомъ; меня забавляли всѣми способами. Въ числѣ посѣтителей семейства С....ихъ былъ нѣкто Бунинъ, инспекторъ тамошнихъ колоній (я упомянулъ о немъ выше). Онъ былъ большой балагуръ, артистъ (впрочемъ плохой) на всѣхъ возможныхъ инструментахъ, любитель покутить и затѣйникъ на всѣ штуки. Онъ много оживлялъ общество, хотя былъ уже немолодыхъ лѣтъ. Однажды онъ пригласилъ гусарскаго полковника Дуванова, начальника тамошняго казеннаго конскаго завода, одного пріѣхавшаго къ Дуванову гусарскаго штабъ-офицера и меня въ Кронштадтъ. Достали большой катеръ, отправились. Бунинъ привезъ насъ къ своимъ знакомымъ Нордштейнъ, представилъ насъ дамамъ, и вскорѣ поданъ былъ намъ завтракъ съ порядочнымъ количествомъ бутылокъ вина. Посидѣвъ у нихъ нѣкоторое время, мы пошли погулять по городу и потомъ зашли въ клубъ, гдѣ отобѣдали, при чемъ выпито было пропасть вина всякаго рода. Бунинъ былъ сильно на веселѣ, одинъ изъ гусаровъ не уступалъ ему; я держался и сохранилъ весь разсудокъ. Пора было думать о возвращеніи въ Ораніенбаумъ. Добрались до своего катера и усѣлись. Проѣзжая мимо купеческихъ судовъ, Бунинъ увидѣлъ на одномъ изъ нихъ Англичанина и сталъ съ нимъ разговаривать. Англичанинъ очень любезно отвѣчалъ ему, и черезъ нѣсколько секундъ катеръ нашъ сталъ приставать къ судну. Мы сначала не поняли, что̀ это значитъ, но вскорѣ объяснилось, что Англичанинъ просилъ всѣхъ насъ войти къ нему на судно. Мы вскарабкались. Хозяинъ велѣлъ подать портеру, послѣ чего принялся угощать насъ пуншемъ. Бунинъ былъ въ полномъ разгулѣ, болталъ безъ умолку, обнимался и цѣловался съ хозяиномъ. Я начиналъ потрушивать, чтобъ не случилось чего недобраго, когда мы перепьемся, и сталъ упрашивать другого гусара, довольно еще трезваго,

употребить усиліе, чтобъ извлечь Бунина изъ этой западни. Напрасныя хлопоты!... Англичанинъ заперъ дверь и сказалъ, что онъ насъ не выпуститъ, пока мы не выпьемъ пуншу. Бунинъ продолжалъ пить и посмѣивался надъ нами. Наконецъ я вооружился храбростію, сильно напалъ на Англичанина, строго потребовалъ, чтобъ отперъ дверь и съ большимъ трудомъ успѣлъ убѣдить своихъ товарищей сойти въ катеръ. При отправленіи съ пристани къ намъ попросились какія-то двѣ пассажирки, которыхъ мы съ собою взяли для отвоза въ Ораніенбаумъ. Все время, что̀ мы кутили у Англичанина, онѣ насъ дожидались. Взявъ Бунина подъ руки, мы спустили его въ катеръ, тронулись съ мѣста,—поплыли. Бунинъ все время не успокоивался; наконецъ ему вздумалось сѣсть на руль и управлять катеромъ; онъ сталъ гнать съ мѣста рулеваго и какъ мы ни упрашивали его сидѣть смирно, но онъ не унимался. Тогда мы рѣшились взять его въ руки. Женщины стали плакать. Чтобъ успокоить ихъ и себя, мы повалили Бунина на дно катера, прижали его колѣнами и руками, и въ такомъ положеніи привезли его въ Ораніенбаумъ. На другой день Бунинъ, встрѣтившись со мною, извинялся, что надѣлалъ намъ собою много хлопотъ. Бунинъ любилъ всякаго рода праздники съ попойками, и при такомъ образѣ жизни онъ умеръ въ глубокой старости, пользовавшись всегда цвѣтущимъ здоровьемъ! Моряки славятся долговѣчностію. Бунинъ хотя тоже бывшій морякъ, но давно оставилъ службу; за всѣмъ тѣмъ онъ пережилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и на какомъ-то морскомъ юбилеѣ, куда и онъ былъ приглашенъ, пили за его здоровье, какъ за старшаго между обѣдавшими.

Въ Ораніенбаумѣ я познакомился съ его сестрою Анной Петровной Буниной, извѣстной нашей стихотворицею начала нынѣшняго столѣтія. Мнѣ случилось разъ ѣхать съ нею на небольшомъ катерѣ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Она передана была подъ мое покровительство. Вѣтеръ былъ противный и довольно рѣзкій, качка порядочная. Мы плыли очень долго, чтобъ выдти на вѣтеръ, и вмѣсто веселъ употребить паруса. Бунина очень трусила, я тоже былъ не изъ храбрыхъ; мы оба сильно дрожали частію отъ порывистаго вѣтра, а частію отъ безпокойства. Когда стали ставить паруса, катеръ начало сильно качать. Бунина внѣ себя отъ страха стала упрашивать матросовъ всѣми святыми употребить всю осторожность при этомъ маневрѣ, чтобъ катеръ не опрокинуло. «Вѣдь у васъ есть жены, дѣти!.... Поберегите хоть себя для нихъ», кричала она имъ. Парусы были поставлены, и дальнѣйшее наше путешествіе совершилось безъ особенныхъ приключеній. Послѣ того мы съ нею нигдѣ не встрѣчались.

Въ числѣ гостей пріѣхавшихъ къ С.....имъ были двѣ дѣвицы Карцовы, дочери предсѣдателя какой-то палаты въ Петербургѣ, уже давно умершаго. Я съ ними слегка познакомился, но уже этого было достаточно, чтобъ сблизиться съ ними въ Петербургѣ: онѣ будутъ мнѣ напоминать Ораніенбаумъ... Дѣйствительно по пріѣздѣ домой я поспѣшилъ явиться къ нимъ. Онѣ считались въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ С.....ими. Я тоже редственникъ.....: прекрасный случай къ знакомству. Въ прежнее время родственники не чуждались другъ друга. «Я передъ родней ползкомъ, сыщу ее на днѣ морскомъ», сказалъ Грибоѣдовъ про Москвичей, долѣе другихъ сохранившихъ старинные обычаи..... Въ послѣдующій, болѣе образованный вѣкъ, родственники часто злѣйшіе враги между собою, и иногда слышишь такіе ужасные отзывы о братьяхъ, дядяхъ, даже отцахъ и матеряхъ, что удивляешься, какъ языкъ поворачивается. Карцовы жили въ своемъ домѣ въ Коломнѣ совершенно однѣ; ихъ всего было четыре, три изъ нихъ дома, а одна младшая еще въ Институтѣ. Состояніе ихъ было совершенно разстроенное, такъ что для поправленія своихъ обстоятельствъ и уплаты долговъ онѣ собирались продать домъ, что̀ потомъ и сдѣлали. Но вслѣдствіе ли привычекъ нѣкогда состоятельной семьи, или дурного воспитанія, эти дѣвицы бредили гуляньями, танцами, нарядами. Съ перваго же моего у нихъ появленія, когда меня встрѣтили съ чопорностію свѣтскихъ барышень, я увидѣлъ, что я не ихъ поля ягода... Онѣ меня закидали бонтонными фразами, которыя я сначала принялъ за выраженія лучшаго круга и мною еще недосягаемаго общества, но потомъ ясно уразумѣлъ въ настоящемъ ихъ значеніи, то-есть за желаніе блеснуть передо мною заученною ловкостію. Какъ я ни силился вторить имъ въ этомъ отношеніи, все выходило какъ-то нескладно. Очевидно было, что я не способенъ заинтересовать собою этихъ барышень, а онѣ ни въ какомъ случаѣ не могли выполнить моихъ ожиданій найти въ ихъ обществѣ искренность, откровенность и безцеремонность. Я однакоже не ограничился первымъ визитомъ и по временамъ заходилъ къ нимъ, но впечатлѣнія перваго дня не измѣнились. Вскорѣ дѣвицы разсѣялись: три вышли замужъ, а одна попала куда-то въ гувернантки. Такимъ образомъ кончилось наше знакомство.... У меня снова не осталось ни одного дома, гдѣ я бы могъ душу отвести.

По старой памяти я посѣщалъ вдову Лубьяновича. Къ ней по Воскресеньямъ являлись нѣкоторые къ обѣду. Въ другіе дни пріемовъ не было, да и обѣдовъ не готовили...: она ѣла что̀ попало. У нея было нѣсколько родственниковъ: замужняя сестра съ дѣтьми и братъ съ двумя сыновьями. Всѣ они вовсе ея не любили и ждали съ нетер-

пѣніемъ, когда она умретъ, чтобъ получить наслѣдство. Сестра таки дождалась. Иногда я посѣщалъ Любецкихъ; я ихъ любилъ за доброту и простое обхожденіе, но печальное происшествіе въ ихъ семействѣ разъединило насъ. Сынъ старушки по покровительству Лубьяновича, отправленъ былъ для воспитанія въ Москву въ благородный пансіонъ. Онъ учился дурно. Вышедъ оттуда, онъ поступилъ на службу въ Департаментъ Госуд. Казначейства; жалованье, разумѣется, положено было ему маленькое... Онъ между тѣмъ еще въ Москвѣ съ товарищами узналъ прелести жизни. Мать не могла давать ничего ему на содержаніе; онъ сталъ пріискивать средства жить получше и не находилъ ничего другаго, какъ брать жалованье впередъ и занимать деньги, гдѣ случится. Наконецъ юноша рѣшился вступить на службу по полиціи, надѣясь тамъ поправить свои обстоятельства. Убѣжденія матери не подѣйствовали; онъ стоялъ упорно на своемъ. Нечего было дѣлать; она собралась съ силами и обмундировала его. На первое время въ полиціи, по принятому тамъ правилу, жалованья ему не назначили и особенной должности не дали, а поручили ему наблюденіе за арестантами при производствѣ ими общественныхъ работъ. Онъ постоянно долженъ былъ находиться на улицахъ. Всего менѣе онъ ожидалъ подобныхъ занятій. Онъ тщательно пряталъ свою фигуру, когда проходилъ какой нибудь знакомый. Прошло мѣсяца два..... Юноша не выдержалъ. Положеніе его было до того для него не выносимо, что онъ рѣшился бросить полицейскую службу; попросился въ отставку и получилъ ее..... Чтó ему оставалось дѣлать? Надобно было искать мѣста. Долго перебивался онъ кое-какъ; никуда пріютиться не могъ; наконецъ явился къ прежнему начальству въ Департаментѣ и просилъ объ опредѣленіи туда снова на службу. Изъ уваженія къ матери, которую нѣкоторые начальники Департамента знали по отношеніямъ къ дому Лубьяновича, молодой человѣкъ былъ принятъ, но съ уменьшеннымъ противъ прежняго жалованьемъ... Я снабдилъ его нѣкоторымъ платьемъ, другіе также помогли ему въ чемъ могли; но все этого было мало... Онъ просилъ какого нибудь изъ казны пособія, но въ этомъ было ему отказано. Жилъ онъ не съ матерью, а недалеко отъ Департамента. Въ одно утро, часу въ 6-мъ разбудилъ меня экзекуторъ Департамента, прибѣжавшій ко мнѣ въ попыхахъ съ извѣстіемъ, что Любецкій застрѣлился. Я поспѣшно одѣлся и побѣжалъ на его квартиру. Молодой человѣкъ лежалъ на полу окровавленный и безъ дыханія. Передъ нимъ стоялъ столикъ, на которомъ онъ установилъ складное зеркало и, смотрѣвшись въ него, вставилъ себѣ въ ротъ пистолетъ. Пуля пробила ему сзади черепъ и вылетѣвъ ударилась въ стѣну. Я принялъ на себя непріятную обязанность извѣ-

стить объ этомъ его родныхъ и заняться его погребеніемъ. На другой день мать съ дочерьми пріѣхали съ нимъ проститься, и трупъ несчастнаго былъ вывезенъ на отведенное для самоубійцъ мѣсто безъ всякого церковнаго обряда и церемоніи. Я предвидѣлъ эту катастрофу и, замѣчая паденіе духа юноши, сильно хлопоталъ у начальства о назначеніи ему изъ казны пособія, говоря, что онъ способенъ лишить себя жизни, если ему не помогутъ. На это мнѣ отвѣчали: «Э, повѣрьте. Кто грозится застрѣлиться, тотъ никогда этого не сдѣлаетъ». Мое предсказаніе сбылось! Послѣ этого происшествія Любецкіе, получившіе еще прежде въ управленіе школу дѣтскаго пріюта на Васильевскомъ острову, исключительно посвятили себя этому дѣлу и мало показывались въ обществѣ. Я къ нимъ заѣзжалъ, но очень рѣдко.

Тоска не переставала преслѣдовать меня. Ничто не радовало меня въ жизни. Одинъ, вѣчно одинъ! Это одиночество питалось только мыслію о моей доброй Душѣ, которую я съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе любилъ. Я мечталъ о ней и днемъ, и ночью, и на службѣ, и въ гостяхъ, если случалось куда-нибудь попадать. Это меня оживляло, облагораживало. Я неспособенъ былъ ни къ какому дурному поступку; мнѣ казалось, что она слѣдитъ за всѣми моими движеніями; какимъ же образомъ я рѣшусь сдѣлать что-нибудь гадкое?.. Уваженіе ея было для меня дороже всего на свѣтѣ: она была моимъ ангеломъ-хранителемъ. Я видѣлъ, что она меня любила, она.... существо такое чистое, такое изящное не могла бы любить человѣка съ порочными и грязными стремленіями. Думая о ней, я возвышался духомъ; мнѣ представлялось, что она сошла съ неба нарочно, чтобъ украситѣ мою жизнь, что въ ней нѣтъ ничего общаго съ прочимъ человѣчествомъ. Я воображалъ ее соединеніемъ всѣхъ совершенствъ природы. Долго я находился въ этомъ настроеніи чувствъ, и эту эпоху жизни считаю самою лучшею и благороднѣйшею. Она оставила слѣдъ самыхъ чистыхъ наслажденій и имѣла благодѣтельное вліяніе на мою душу *).

Въ числѣ знакомыхъ, бывавшихъ у С. . . . . ихъ, нѣкоторые особенно были внимательны къ Душѣ, но никто однакожъ серьезно не думалъ искать руки ея. Этому причиною, конечно была семейная ея обстановка. Отецъ былъ человѣкъ взбалмошный крикунъ, любилъ командовать, и его старались избѣгать; тѣмъ менѣе рѣшались бы вступать съ нимъ въ родство. Дѣла ихъ были въ безпорядкѣ, жили они довольно безтолково и въ будущемъ не предвидѣлось для нихъ ничего

*) L'amour seul peut procurer le bonheur. Dieu tout puissant! Accordez moi le bonheur d'aimer et d'être payé de retour, car l'amour me raffermit dans le sentier de la vertu (Beethoven).

хорошаго. Между прочими любилъ Душу страстно гусарскій офицеръ Мартыновскій, отличный молодой человѣкъ съ благороднѣйшими правилами и возвышенною душою. Онъ вполнѣ ее оцѣнилъ, но въ сношеніяхъ съ нею былъ весьма робокъ и не позволялъ себѣ увлеченія. Онъ таилъ свою страсть и былъ скроменъ, какъ школьникъ, вступающій въ свѣтъ. Мы скоро съ нимъ подружились; онъ любилъ говорить со мною о ней; я самъ любилъ этотъ разговоръ. Предметъ равно интересовалъ обоихъ. Онъ не имѣлъ вазможности жениться на ней. У обоихъ не было состоянія; въ его положеніи нельзя было заводиться женою; тѣмъ не менѣе онъ мечталъ со временемъ получить возможность достигнуть своей цѣли. Онъ объяснился съ Душею, взялъ съ нее слово не принадлежать никому, кромѣ его, и меня просилъ быть за него ходатаемъ. Я худо выполнялъ его просьбу, самъ сильно любилъ Душу и вовсе о немъ не заботился, но между тѣмъ былъ не на столько эгоистъ, чтобъ помѣшать ихъ соединенію, если бы обстоятельства помогли этому. Я слишкомъ былъ молодъ и незначителенъ, чтобъ думать о женитьбѣ; качества Мартыновскаго ручались мнѣ, что она была бы съ нимъ счастлива, но имѣлъ какое-то предчувствіе, что онъ едва ли женится на ней: для этого не достало бы у него силы воли. Нѣтъ ничего легче, какъ влюбиться въ хорошенькую и умную дѣвушку; я тоже влюбился. Но когда дѣло подходитъ къ женитьбѣ, тогда смотришь на предметъ съ другой стороны; тутъ выступаютъ на видъ такія обстоятельства, которыя скрывались во время страсти. Предчувствіе мое сбылось, но Мартыновскій тутъ былъ не виноватъ. Открылась Турецкая кампанія 1828 года. Мартыновскій долженъ былъ отправиться съ своимъ полкомъ *) въ Турцію и тамъ въ дѣлѣ подъ Кулевчами погибъ. Онъ командовалъ эскадрономъ; ему велѣно было сдѣлать фальшивую атаку, чтобъ отвлечь вниманіе Турокъ и потомъ обратиться тотчасъ назадъ. Маневръ сдѣланъ удачно; Турки погнались за убѣгающими гусарами. Нужно было нашимъ перескочить довольно широкій ровъ; лошадь Мартыновскаго споткнулась, свалилась въ ровъ, и Турки изрубили бѣднаго сѣдока. Скоро дошла до насъ эта вѣсть. Мы погрустили и скоро забыли о погибшемъ. Мартыновскій показывалъ Душѣ много преданности, но любовь его длилась очень долго: онъ не имѣлъ на столько рѣшительности, чтобъ побѣдить всѣ препятствія. Выжиданія не могли его удовлетворить. Мартыновскій больше вздыхалъ, нежели говорилъ; онъ не дѣйствовалъ на Душу магнетически, что́ такъ сильно очаровываетъ женщину. Онъ какъ будто боялся произнести страстное слово, хотя можетъ быть и сильно чувствовалъ. Душа ко-

*) Иркутскимъ гусарскимъ.

нечно отдала бы ему предпочтеніе предъ всеми вздыхателями, но я никогда не замѣчалъ въ ней особенной задумчивости, когда она говорила о немъ. Когда она получила вѣсть о его смерти, глаза ея не пролили ни одной слезинки. Натура ея, впрочемъ, имѣла свои особенности. При необыкновенной ея добротѣ, въ ней было много мужества: она никогда не страдала нервами, была всегда покойна, не поражалась непріятными извѣстіями и сохраняла во всѣхъ случаяхъ присутствіе духа. Можно было бы послѣ этого подумать, что она холодна, но такое мнѣніе было бы ошибочно. Умѣніе управлять собою было слѣдствіемъ здраваго сужденія; она не походила на тѣхъ изнѣженныхъ и раздражительныхъ женщинъ, которыя предаются унынію и страданію при всякомъ горестномъ случаѣ. Въ ней было много прямоты и истины; она видѣла вещи, какъ онѣ есть, а не такъ, какъ рисуетъ ихъ иногда болѣзненное воображеніе. Никто не могъ упрекнуть ее въ кокетствѣ; какъ Богъ ее сотворилъ, такою она себя показывала. Такой прекрасной натуры нельзя было не любить. Она была истиннымъ другомъ каждаго, кто былъ знакóмъ покороче съ нею.

Съ годами любовь моя къ Душѣ ослабѣла. Я сталъ рѣже ѣздить въ Ораніенбаумъ. Она стала замѣчать, что мнѣ нельзя ограничиться мелкимъ кругомъ; но никогда она мнѣ не упрекнула, что я сдѣлался меньше прежняго къ ней внимателенъ. Между нами осталась дружба, которая продолжалась до позднихъ лѣтъ. Она замужъ не вышла. Старшая ея сестра умерла давно, когда ей минуло едва 20 лѣтъ. Послѣ смерти родителей, Душа жила въ кругу нѣкоторыхъ семействъ, которыя ей помогали и постоянно ее любили.

Заключивъ разсказъ мой о лучшихъ счастливыхъ дняхъ моей жизни, изложенный впрочемъ здѣсь въ сжатомъ видѣ, я почувствовалъ какое-то недовольство собою. Тѣмъ ли должна была кончиться привязанность моя къ этой дѣвушкѣ? Это не была обыкновенная, скоро простывающая любовь. Она продолжалась долго, слишкомъ долго, поддерживаясь уваженіемъ, которое я питалъ къ ней. Можетъ быть, это самое уваженіе было причиною, что любовь должна была погаснуть постепенно; женщины не слишкомъ дорожатъ уваженіемъ. Чтó ей въ немъ, когда она не достигаетъ главной цѣли своего бытія, соединиться съ любимымъ человѣкомъ? Слѣдовало ли мнѣ выказывать ей эту любовь и этимъ какъ бы питать надежды, которымъ суждено не сбыться? Но я ничего не обѣщалъ; любилъ, потому что любилось. И чтó выиграла она, если бы я, не разсчитывая жениться на ней, рѣшился, въ какомъ-то странномъ самопожертвованіи, вдругъ бросить ее и отказаться отъ удовольствія видѣться съ нею въ предположеніи, что я доставляю этимъ ей возможность сблизиться съ другимъ человѣкомъ,

если бы такой случился? Можно дѣлать пожертвованія для любимаго предмета, но не такого рода. Подобнаго не случалось еще въ исторіяхъ любви. Я никому не мѣшалъ: мы считались родственниками, близкія сношенія наши никого не удивляли, это было въ порядкѣ вещей. Если и были у ней поклонники, то не я былъ причиною, что они остались при одномъ поклоненіи; да и она, хотя меня очень любила, не позволяла себѣ ничего такого, что́ могло удалить ихъ отъ нея. Я первый готовъ былъ помочь соединенію, если бы это отъ меня зависѣло, хотя можетъ-быть въ тоже время и испытывалъ бы нѣкоторое болѣзненное чувство въ родѣ ревности. Я искренно желалъ, чтобъ Мартыновскій женился на ней, будучи увѣренъ, что онъ человѣкъ вполнѣ ея достойный. Но у него не достало энергіи. Онъ принадлежалъ къ разряду личностей съ слабымъ характеромъ, которыя увлекаются, но не дѣйствуютъ. Онъ пріѣзжалъ по временамъ сюда въ отпускъ, высказывался ей преданнымъ и потомъ опять надолго уѣзжалъ въ полкъ, ничего не предпринимая. Это недовольство мое самимъ собою имѣетъ основаніемъ принятое въ обществѣ убѣжденіе, что не слѣдуетъ завлекать дѣвицъ, если не имѣешь намѣренія жениться. Но какимъ образомъ уберечься отъ этого? Нельзя же говорить дерзости или грубости, когда получилъ образованіе и по душѣ мягокъ и ласковъ, являться отталкивающимъ неряхою, когда имѣешь вкусъ и понятія о приличномъ, болтать разныя пошлости, когда развитъ умъ. Женщины сами увлекаются, и не должно ихъ считать такими несамостоятельными существами, которыя живутъ и дѣйствуютъ лишь подъ вліяніемъ увлеченія ихъ другими. Въ истинной любви женщины увлекаются мущинами въ той же степени, какъ мущины женщинами. Я говорю въ истинной, потому что есть и другой способъ увлеченія женщинъ, именно, представляя имъ въ перспективѣ удобства жизни и средства къ удовлетворенію ихъ тщеславія, которое въ сердцѣ женщины часто играетъ роль выше любви. Но это къ настоящему предмету не относится. Я любилъ многихъ женщинъ въ жизни, но ни къ одной не испыталъ любви болѣе чистой, благородной, безкорыстной и возвышенной сколько къ С. . . . . ой. Я ей много обязанъ за это: она украсила первые годы моей молодости, она развила во мнѣ чувство человѣческаго достоинства.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

1822-й годъ.

С.-Петербургъ, 2 Генваря 1822.

Объѣздилъ я министровъ, но во дворцѣ не былъ. Возвратясь домой, нашелъ я отъ своего князя [2]) письмо: «Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ, чтобъ в-е п-во имѣли входъ за кавалергардовъ, о чемъ я и сообщилъ князю Петру Мих. Волконскому для зависящаго отъ него распоряженія». Это весьма пріятно, доказывая благорасположеніе князя и милость Государя; стало, годъ хорошо начатъ. Вечеромъ былъ я въ маскарадѣ, гдѣ ужасная была толпа. Пріятно было смотрѣть на ангельскаго нашего государя. Такъ какъ мнѣ прислали также билетъ въ Эрмитажъ, гдѣ былъ ужинъ, то и тамъ я былъ. Театръ, гдѣ ужинали, былъ чудесно убранъ и походилъ на нѣкое волшебство. Въ тѣхъ залахъ только и спасенія было что̀ танцовать Польскій, который обходилъ вокругъ всего дворца по всѣмъ комнатамъ. Государь очень милостиво мнѣ поклонился. Пожалованы три Анненскія ленты генераламъ инженернымъ. Кн. Николай Долгорукій пожалованъ въ должность гофмейстера. Изъ Парижа пріѣхалъ Погенполь. Онъ мнѣ сказывалъ, что тамъ поручился въ 6000 франковъ за Корсакову, безъ которыхъ она не могла и ѣхать. Не получая денегъ, банкиръ выслалъ на нее вексель, но и тотъ возвратился протестованъ, и теперь съ Погенполя требуютъ заплаты. Ему это очень прискорбно. По Вѣнѣ я знаю, что ни за кого не надобно быть поручителемъ; я самъ былъ разъ въ дуракахъ, а покойный кн. Александръ Борисовичъ [3]) заплатилъ слишкомъ 100 т. гульденовъ, потому что меня не послушалъ и не умѣлъ отказывать. Ужасно, какъ послѣ бѣсился, но дѣлать было нечего. Я чаю, и умеръ, не получивъ всѣхъ своихъ денегъ въ возвратъ.

*

---

[1]) См. выше стр. 47.

[2]) Т. е. отъ кн. А. Н. Голицына.—[3]) Куракинъ.

С.-Петербургъ, 4 Генваря 1822.

Вчера получилъ я пріятный сюрпризъ доставленіемъ ко мнѣ докладной записки и подписаннаго указа о моей пенсіи; теперь все устроено на прочномъ основаніи. Дай Богъ долго пользоваться царскою милостью. О семъ докладывали графы Несельроде и Каподистрія. Государь изволилъ найти, что это очень справедливо и тотчасъ подписалъ изготовленный указъ. Потомъ отдали они копію съ указа кн. Александру Николаевичу, и тотъ мнѣ его сообщилъ при самыхъ лестныхъ и дружескихъ увѣреніяхъ въ своемъ участіи и удовольствіи.

*

С.-Петербургъ, 14 Генваря 1822.

Балъ былъ прекраснѣйшій, хоть не столь многолюденъ какъ 12 Декабря. Императрица Марія Ѳеодоровна очень хвалила почтовую книжку и благодарила меня за нее. Видно, Виламовъ, которому я послалъ одинъ экземпляръ, поднесъ ей; вообще всѣ очень были милостивы. Во вемя ужина Государь подзывалъ меня къ себѣ (онъ не ужиналъ), долго изволилъ и чрезвычайно милостиво разговаривать. Я благодарилъ его за пенсію. Онъ мнѣ отвѣчалъ J'ai été très content de pouvoir faire quelque chose qui vous fût agréable. Vous avez fait plus, Sire: un véritable bienfait. Также прибавилъ онъ: J'ai accordé ce que vous avez désiré pour vos employés. Я за это его благодарилъ, т. е. аренда Гану и пр. Всякій разъ что̀ съ нимъ поговоришь, то кажется больше еще его обожаешь. Танцовали между прочимъ Французскую кадриль дочь князя Петра Михайловича, новая фрейлина Хитрово (Алексѣя Зах. дочь), Бакунинъ и гр. Моденъ, и очень хорошо. Купеческая зала, въ которой ужинали, прекрасно была убрана и освѣщена; однимъ словомъ, нигдѣ такихъ баловъ не бываетъ, да и средствъ такихъ не имѣютъ. Ну, гдѣ найти три залы какъ Георгіевская, Бѣлая и Купеческая? Въ другихъ дворцахъ и одной нѣтъ этой величины, а такой красоты, какъ Бѣлая, нигдѣ не найдешь. Во время конгресса въ Вѣнѣ изъ придворнаго манежа принуждены были залу сдѣлать и присоединить къ ней комнату, куда входили по лѣстницамъ. Это уже не то. Поутру былъ я также, мой милый и любезный другъ, во дворцѣ, и за кавалергардскою, гдѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ на прежнемъ мѣстѣ. Тутъ фамилія останавливается и fait cercle, а тамъ только проходитъ себѣ къ обѣднѣ. Государь пожаловалъ орденъ Прусскимъ чиновникамъ за конвенцію, но ихъ должны были вручить только при размѣнѣ ратификаціи, которую еще Голдбекъ не получилъ; вмѣсто того рескриптъ президенту коллегіи былъ уже въ послѣднихъ Петербургскихъ газетахъ напечатанъ.

С.-Петербургъ, 18 Генваря 1822.

Въ 10 часовъ жена за мною заѣхала и пустились на балъ къ княгинѣ Голицыной, гдѣ былъ весь городъ. Поутру вся императорская фамилія пріѣзжала поздравить ее. Императоръ былъ первый, котораго, вставши, она видѣла. Мы были также утромъ у нея и нашли ее въ восхищеніи отъ милостей Государя и государынь. Потомъ стали валить съ подарками внучата, принесли правнучатъ, и явилось множество дамъ и мущинъ съ поздравленіями къ доброй старушкѣ, которую нельзя не уважать сердечно.

* * *

С.-Петербургъ, 6 Мая 1822.

Занимались устройствомъ путешествія Государя, который (entre nous) отъѣзжаетъ 15-го въ Вѣну и Бѣлый-Стокъ, а оттуда назадъ, такъ что въ началѣ Іюня ожидаютъ его обратно. Марія Павловна отправляется 20-го.

*

С.-Петербургъ, 9 Мая 1822.

На этихъ дняхъ встрѣтилъ я Сперанскаго съ дочерью въ саду. Онъ мнѣ объявилъ, что дочь его невѣста, что ожидаетъ Багреева черезъ двѣ недѣли. Я былъ съ дѣтьми. Онъ очень любовался Сонею и всѣми тремя. Третьяго дня видѣлъ я Мечникова у Гурева. Онъ въ восхищеніи отъ императрицы, которая съ великою княгинею осматривала Горный корпусъ и чрезвычайно была довольна. Я опять приступилъ къ нему о вытребованіи сюда Фаста. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что *кажется* это уже сдѣлано и о семъ писано; прибавилъ, что очень желаетъ съ нимъ познакомиться лично. Фастъ лучше долженъ знать, точно ли Мечникову *кажется*, или онъ сюда *точно* призванъ.

Императоръ и императрица изволили совсѣмъ переѣхать въ Царское Село, Марія Θеодоровна съ великими княгинями въ Павловскъ. Новаго ничего не слыхать. Марія Θеодоровна провожаетъ великую княгиню до первой станціи за Нарвою. Сенаторъ кн. Ник. Ник. Хованскій былъ вчера у меня. Онъ отпущенъ до излѣченія болѣзни въ чужіе края съ сохраненіемъ окладовъ. Государь его отпустилъ очень благосклонно, и пожаловалъ 1000 р. на дорогу. Онъ очень веселъ и доволенъ, поѣдетъ къ водамъ, зиму первую, а можетъ и вторую, проживетъ въ Парижѣ.

*

С.-Петербургъ, 12 Мая 1822.

Сегодня въ 11 часовъ у князя собраніе Библейскаго комитета. Прежде долженъ я заѣхать къ Дмитрію Павловичу, о второмъ путешествіи коего въ Вѣну очень поговариваютъ, а послѣ комитета даетъ мнѣ rendez-vous графъ Нессельроде.

On dit que le vieux Pahlen est mort, que la p-sse Aline Volkonsky épouse le p-ce Lapouchine.—Тѣло Зубова привезено сюда въ Сергіевскій монастырь, что на Стрѣльненской дорогѣ. Туда отправился первый дилижансъ, который самъ Серапинъ провожалъ; было четыре пассажира на разныя дачи. Экипажъ очень хорошъ, и, кажется, успѣхъ будетъ.

*

С.-Петербургъ, 16 Мая 1822.

О помолвкѣ Урусовой*) узнали мы прежде Боголюбова. Не удивляюсь новой его проказѣ, а удивился бы, если бы онъ, найдя удобный случай, имъ не воспользовался. Объ немъ почти можно сказать то, что Фонъ-Визенъ, не терпѣвшій Французовъ, несправедливо объ нихъ писалъ своему брату изъ Парижа: «Однимъ словомъ, если Французъ у тебя побываетъ и ничего не украдетъ, то думаетъ, что забылъ что нибудь свое». Вотъ этакій-то нашъ хромоногій. Зачѣмъ Вяземскій не потребовалъ браслета: онъ бы его отдалъ и отшутился бы. Но что о шалунѣ говорить! У Татищевыхъ радость: третьяго дня ей прислали Екатерининскій бантъ, чѣмъ она очень довольна. Онъ откланялся и на сей недѣлѣ отправляется въ Вѣну; съ нимъ камергеръ нашъ. Ванюша также откланялся и также въ Четвергъ сбирается ѣхать черезъ Вѣну къ своему посту.

Государь отправился въ 4 часа утромъ вчера. Надѣюсь, что все у насъ будетъ дорогою исправно. Сколько отъ меня зависѣло, устроилъ. Дай Богъ, чтобъ погода простояла хорошая, какъ теперь. Кутайсовъ сегодня отправляется въ чужіе края.

*

С.-Петербургъ, 19 Мая 1822.

Не спавши совсѣмъ ночь, я, хотя и усталъ, но почты не пропущу; а отчего не спалъ, извольте послушать, мой милый и любезнѣйшій другъ. Воронцовъ, простясь съ матерью, пріѣхалъ вчера вечеромъ ко мнѣ, гдѣ дожидались его общіе наши пріятели. Какъ не проводить дружка! Велѣлъ запрячь Стрѣльненскій дилижансъ, т. е. большую линейку, сѣлъ въ нее съ Воронцовымъ, Кокошкинымъ, Бальшемъ, Матушевичемъ, Шиллингомъ, Маничаромъ, и поѣхали въ трактиръ, что устроенъ тутъ на Ц.-Сельской дорогѣ, гдѣ я напередъ заказалъ ужинъ. Ѣхавши туда, хохотали, какъ сумасшедшіе. Бальшъ безпрестанно обо всемъ спрашивалъ и у часовыхъ на заставѣ, и у встрѣчающихся мужиковъ, говорилъ по-русски и очень насъ веселилъ. Пріѣхавъ въ трактиръ, отрылъ скверный билліардъ, на которомъ заставилъ насъ играть въ à la guerre. Мы пробыли тамъ до четырехъ часовъ, провели время

*) Княжна Марья Александровна Урусова выходила за графа Ив. Алексѣевича Мусина-Пушкина.

весьма весело, дурачились, смѣялись, а тамъ, погрустя и разставаясь съ добрымъ Ванюшею, и воротились домой къ пяти часамъ. Тутъ уже не тоска была: явилась Московская почта, а съ нею и твой милый № 8-й. Пока мы были въ трактирѣ, проѣхалъ и Татищевъ или, лучше сказать, промчался.—Ты можешь смѣло всѣмъ говорить и не солжешь, что лотерея *) идетъ прекрасно, билеты продаются какъ нельзя лучше; вчера еще на 27 т. продали въ одинъ день. Я о новомъ объявленіи думалъ, оно печатается и, чтобъ болѣе дать ему вѣса и вѣры, будетъ за подписью членовъ. Изъ онаго увидишь, что крестьяне будутъ принадлежать тому, кто выиграетъ деревню, и что ни копейку счастливецъ не внесетъ для инвалидовъ. Также описанъ образъ розыгрыша, прибавленъ новый выигрышъ, состоящій изъ дома въ Нижнемъ. Я надѣюсь, что все это дастъ болѣе довѣренности публикѣ. Между тѣмъ мы платимъ уже проценты кредиторамъ, и надѣюсь въ скоромъ времени заплатимъ имъ половину долга. Что разыграютъ лотерею, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Если къ сроку, который положился самый непродолжительный, не продадутся всѣ билеты (а я увѣренъ, что будутъ проданы), то, при выдачѣ кредиторамъ половины долга, обяжемъ еще подпискою взять и раздѣлить между собою остальную часть билетовъ. Оны уже всѣ на это согласны. Что же тогда помѣшаетъ розыгрышу лотереи? Однимъ словомъ, отвѣчаю тебѣ, что все кончится какъ должно. Увидишь, что, когда кредиторы возмутъ остальные билеты, то подъ конецъ будутъ еще продавать гораздо дороже. Теперь у насъ здѣсь не болѣе 25 т., и разбираютъ ужасно.—Знавалъ ли ты барона Бюлера, который былъ въ Вѣнѣ по порученію Министерства финансовъ? Онъ недавно отсюда поѣхалъ. Въ день его именинъ семейство его ждало по обыкновенію завтракать, но онъ не явился. Прошелъ день, его все нѣтъ, совсѣмъ пропалъ. Наконецъ полиція отыскала фіакра, который его привезъ въ Аугартенъ и тамъ оставилъ. Полагаютъ, что онъ утопился въ Дунаѣ. Въ его бюро нашли записку: quand le morale et le physique sont détruits, l'homme doit finir. Je recommande mon âme et ma famille à Dieu. Жаль и его, и семейство. По сихъ поръ причина не извѣстна, а тѣло еще послѣ трехъ дней не было отыскано.—Паулучіево дѣло кончено. Нашли средство ихъ помирить, они не дрались и оба возвращаются въ Россію. Слава Богу! Оба люди немолодые и семейные.

*

С.-Петербургъ, 20 Мая 1822.

Государыня и великая княгиня, отслужа молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, отправились въ Петергофъ, откуда возвратятся въ Стрѣльну,

*) На имѣніе графа Головина, Воротынецъ (Нижегор. губ.), нынѣ удѣльное.

ночевать будутъ въ Опольѣ, завтра завтракать въ Чудлеѣ, гдѣ и разлучатся. Императрица завтра ночуетъ въ Опольѣ и оттуда прямо проѣдетъ въ Гатчино, гдѣ пробывъ два дня, возвратится въ Павловское. Гагаринъ поѣхалъ провожать великую княгиню до Полангена, и я послалъ Лихачева, коему поручилъ устройство тракта.

*

С.-Петербургъ, 23 Мая 1822.

Вчера былъ я у обѣдни у князя. Это послѣдняя, ибо онъ начнетъ свою кочующую лѣтнюю жизнь въ концѣ сей недѣли и будетъ переѣзжать изъ Ц. Села на Каменный островъ, а съ острова въ Ц. Село[1]). Мы же его будемъ видѣть въ депертаментскомъ домѣ на перепутьи.

И у насъ настоящее лѣто. Вчера было въ саду гулянье, въ которомъ обыкновенно купцы невѣстъ выбираютъ. Много было и тѣхъ и другихъ; а удачные ли были выборы, не знаю. Кривцовъ къ вамъ поѣхалъ. Спроси его, какъ онъ у заставы просидѣлъ часа съ два. Мнѣ Тургеневъ разсказывалъ какую-то исторію о коровѣ, у которой оторваны рога, но съ обыкновенными своими дистракціями, такъ что я ничего не понялъ. Тургеневъ что-то часто ѣздитъ въ Ц. Село. Шатиловъ мнѣ сказывалъ, что гвардейская кавалерія возвращается уже теперь, а пѣхота послѣ смотра.—Третьяго дня былъ я на часъ во Французскомъ театрѣ. Куда дурно! Говорятъ, что будетъ въономъ перемѣна, что Durand заводитъ новую труппу партикулярную и что настоящая совсѣмъ существовать не будетъ. Имъ дозволили играть на Маломъ театрѣ, дадутся костюмы, оркестръ и освѣщеніе; за то они обязываются играть во дворцѣ всякій разъ, что̀ сіе потребуется отъ нихъ. Авось тогда лучше будетъ.

*

С.-Петербургъ, 26 Мая 1822.

Браво, вотъ и новая иностранная почта получена, т. е. третья, въ первый еще разъ. Съ послѣднею уже Несельроде имѣлъ въ 17 дней письмо изъ Парижа. Кажется, идетъ порядочно. Дай Богъ, чтобы всегда такъ было, а я конечно не буду трудовъ жалѣть. Сейчасъ пріѣзжалъ ко мнѣ прощаться Перовскій[2]), что̀ женатъ на вдовѣ Уваровой (онъ ѣдетъ черезъ Москву въ чужіе края), а вчера былъ у меня гр. Сергѣй Петровичъ Румянцовъ съ благодарностію за какія-то

[1]) Т. е. по мѣсту жительства Государя, къ которому князь А. Н. Голицынъ тогда продолжалъ еще быть близокъ, оставаясь министромъ народнаго просвѣщенія, об.-прокуроромъ Св. Синода и начальникомъ почтоваго вѣдомства.

[2]) Левъ Алексѣевичъ, при Николаѣ Павловичѣ министръ внутреннихъ дѣлъ.

одолженія. Онъ мнѣ разсказывалъ, что брюхатая женщина шла черезъ площадь, гдѣ монументъ его отца; вдругъ ее схватило, и она родила сына на ступеняхъ обелиска. Румянцовъ самъ ѣздилъ въ Воспитательный домъ отыскать ребенка и беретъ его на свое воспитаніе. Можетъ быть, и выйдетъ изъ него герой, и тогда это происшествіе будетъ примѣчательно.

*

С.-Петербургъ, 27 Мая 1822.

Ну ужъ вчерашняя почта славно пришла! Привезла письма изъ Гамбурга въ 10 или десятый день, а изъ Франкфурта въ 13. Всѣ удивляются и, кажется, всѣ довольны. Меня это истинно веселитъ и утѣшаетъ. Купечество особливо радо. Для него разница превеликая и превыгодная. Вчера былъ у меня одинъ изъ первѣйшихъ съ чрезвычайными похвалами.

Отъ Воронцова получилъ письмо изъ Порхова; ѣдутъ хорошо, экипажи не ломаются. Кокошкинъ здоровъ, все спитъ. Воронцовъ тебѣ кланяется. Дня черезъ два могутъ быть въ Вѣнѣ, а Татищевъ вѣрно гораздо ранѣе еще пріѣдетъ. Новаго ничего не слыхать. Я полагалъ Ришелье гораздо старѣе; ему только 53 года было. Объ немъ всѣ честные люди жалѣютъ во Франціи. Вотъ и родъ его прекратился. Я думаю, немало способствовалъ къ его кончинѣ Donadieu, который нигдѣ ему покоя не давалъ.—Князь Александръ Лобановъ 1-го числа уѣзжаетъ на годъ въ чужіе края. Его очень перевернуло. Если не будетъ вести жизнь самую порядочную и выдержанную, то вдругъ можетъ случиться бѣда.

*

С.-Петербургъ, 30 Мая 1822.

Третьяго дня были мы вечеромъ у Татищевой на дачѣ, а потомъ у Гурьевыхъ съ женою. Тутъ множество нашелъ я гостей, иностранныхъ министровъ и пр.; всѣ превозносили въ запуски почту и удивлялись необычайно скорому ея ходу. Теперь у меня другой проектъ, для Австрійской почты; надѣюсь, также удачливо кончится. Тогда почтовыя сношенія наши съ иностранными государствами будутъ производиться какъ нельзя лучше, и все это станетъ правительству (какъ говоритъ Ѳирсовъ) ровно ничего, а пользы будетъ много.

Ну, братъ, ваша Шимановская!*) Серапинъ отъ нея въ отчаяніи; всю дорогу капразничала до безконечности, всѣмъ недовольна, то хо-

*) Извѣстная піанистка (позднѣе теща поэта Мицкевича). Она ѣхала изъ Москвы

четъ ѣхать, то опять нѣтъ. Покрыли важу съ ея платьями кожею, дабы болѣе еще сберечь ихъ и это надъ каретою; велѣла снять, говоря, что воняетъ. На станціи у смотрителя пробѣжала кошка; она закричала, упала въ обморокъ и подняла тревогу, какъ будто Богъ знаетъ что случилось. Пріѣхавъ въ городъ, хотѣла не заѣзжать въ контору, а прямо проѣхать домой; смотритель не могъ согласиться и предложилъ ей заѣхать сперва въ контору и попросить дозволенія, въ которомъ обѣщалъ, что не откажутъ; не захотѣла, опять завела исторію. Скупа до крайности: въ трактирахъ, прежде нежели съѣсть кусокъ жаркого, торговалась съ полчаса, а смотрителю, котораго измучила, не дала ни копѣйки. Да онъ бы самъ ей заплатилъ, чтобы только отъ нея избавиться. Экая причудница! Я обѣщалъ въ утѣшеніе Серапину тебѣ все это написать.

Ты Бюлера точно видѣлъ во дворцѣ, но не утонувшаго, а его брата-сенатора. Тотъ все время жилъ въ Вѣнѣ по препорученіямъ и пріѣзжалъ сюда только по дѣламъ. До сихъ поръ не знаемъ, что̀ его побудило лишить себя жизни въ 60 лѣтъ. Недолго бы, кажется, и подождать законнаго срока.

О Грессерѣ меня увѣдомили, что онъ умеръ, но не ручаюсь, правда ли и желаю противнаго. Мнѣ всѣ подробности даже разсказывали. Онъ пріѣхалъ, кажется, въ Вильну обѣдать къ пріятелю, гдѣ и сдѣлался съ нимъ ударъ.

Въ домѣ, гдѣ живетъ зять вашего Голицына[1]), былъ пожаръ, загорѣлся второй этажъ, и отчего же? У купца были козелъ и самоваръ. Козелъ спитъ возлѣ самовара на чердакѣ, вывалились уголья, у козла загорѣлась борода и шерсть, онъ побѣжалъ отъ испуга по чердаку, зажегъ бѣлье, которое сушилось, и отъ бѣлья пошло драть; всѣ комнаты того этажа сгорѣли, лѣстница деревянная занялась, и чтобы тушить, полиція принуждена была отъ Долгорукова проломить потолокъ и туда влѣзть. Несчастный козелъ сбѣжалъ еще по лѣстницѣ весь въ пломѣ и съ лопнувшими глазами и, говорятъ, отъ него перваго узнали о пожарѣ. Къ счастію княгиня, которая брюхата, совсѣмъ не испугалась, очень хладнокровно вышла изъ дому и явилась къ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ[2]). У нихъ все успѣли вынести, такъ что они ничего совершенно не потеряли. Онъ, говорятъ, перетрусился, да и есть отъ чего, имѣя жену въ такомъ положеніи, et cependant sa femme ne s'est pas effrayée. Государь выѣхалъ изъ Вильны обратно 25-го, великая княгиня доѣхала

[1]) Князь Николай Васильевичъ Долгорукій, женатый на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Голицыной.

[2]) Т. е. къ своей свекрови.

благополучно до Полангена; слѣдовательно мнѣ, чтобъ быть совершенно покойнымъ, остается теперь ожидать прибытія Государя. Я надѣюсь, что все обойдется хорошо, хотя ранѣе возвратится двумя днями противъ маршрута, ибо не изволилъ ѣздить въ Бѣлый Стокъ.

*

С.-Петербургъ, 2 Іюня 1822.

Государь изволилъ прибыть третьяго дня послѣ обѣда благополучно въ Царское Село. Дорогой, слава Богу, все обошлось порядочно, вездѣ былъ доволенъ, и остановокъ нигдѣ не было; теперь и я спокоенъ! Чиновнику моему сказалъ спасибо и велѣлъ явиться къ кн. Волконскому, для полученія награжденія.

*

С.-Петербургъ, 9 Іюня 1822.

Вчера утромъ былъ я у кн. Петра Михайлова. Государь былъ во время путешествія своего очень доволенъ, вездѣ все было исправно, и чиновнику моему велѣлъ пожаловать 500 р. Побочный путь отъ Кокенгауза (гдѣ живетъ гр. Бре, чрезъ славный Маріенбургъ, въ которомъ родилась Екатерина I) въ Псковъ Государю очень понравился. Тутъ живутъ въ своихъ замкахъ богатые Лифляндскіе помѣщики, много развалинъ оставшихся еще отъ рыцарскихъ временъ, мѣстоположеніе прекрасное и дорога очень хороша. У графа Бре Государь ночевалъ, также и въ Маріенбургѣ у бар. Фитингофа. Слава Богу, что все обошлось хорошо.—Шимановская ѣдетъ, кажется, завтра въ Варшаву, но уже не въ дилижансѣ, къ величайшей радости Серапина и проводниковъ. Ну, ужъ капризница, comme une jolie femme, хотя съ уменьшеніемъ красоты должны бы уменьшаться и капризы. Впрочемъ она сама не догадается, а кто ей скажетъ, что въ 40 лѣтъ она уже не то, что̀ была? Вѣрно не Манычаръ, который находитъ ее прелестною.

О кубкѣ*) ты сказалъ Рушковскому; да этого недовольно: надобно, чтобы чиновники изъявили свое согласіе отдать въ церковь и чтобъ Рушковскій написалъ о семъ князю, и Егору Львовичу поручено бы было сдѣлать изъ кубка сосудъ годный для церкви.

*

С.-Петербургъ, 10 Іюня 1822.

Только что я сегодня проснулся, явился Доболи весь встревоженный. Что такое? Entre nous soit dit, le vieux Vacaresco se meurt et probablement n'existe plus; tout le monde a perdu la tête, j'y ai passé la nuit et je retourne dans ce moment. Pour comble de malheur les enfants ont la rougeole. Одѣвшись поѣхалъ я къ княгинѣ

*) Который былъ поднесенъ К. Я. Булгакову чиновниками Почтамта.

и нашелъ ихъ точно въ самомъ горестномъ положеніи, такъ что уже и старухинъ baragouin не смѣшенъ. Тутъ былъ и Реманъ, который меня совершенно успокоилъ и увѣрилъ, что могу ѣхать къ дѣтямъ, только бы перемѣнилъ все платье, что корь только началась, я же не вижу больныхъ. Старикъ еще не умеръ, но уже безъ чувствъ, и часть тѣла въ параличѣ; вѣроятно оставитъ свѣтъ этотъ, прежде отправленія моего письма. Царство ему небесное, онъ тамъ будетъ счастливѣе! Онъ исповѣдывался, причастился и теперь лежитъ покойно въ ожиданіи переселенія изъ сей жизни въ вѣчную. Къ женѣ я писалъ, чтобы она ни подъ какимъ видомъ не ѣздила къ княгинѣ, гдѣ и безъ того много женщинъ и есть кому за ними походить. Я и самъ болѣе не поѣду, дабы не имѣть ничего на совѣсти. Реманъ мнѣ сказывалъ, что кори теперь здѣсь много.

*

С.-Петербургъ, 13 Іюня 1822.

Какъ Реманъ сказалъ, такъ и сдѣлалось: старикъ Вакареско умеръ въ Субботу въ 4 часа пополудни. Царство ему небесное! Жена и дочь хотѣли непремѣнно ничего не жалѣть на похороны; но мы всѣ единогласно рѣшили, что при ихъ теперешнемъ состояніи это было бы сумашествіе, и оберъ-церемоніймейстеру Доболи велѣно устроить, чтобы было пристойно, но безъ излишней роскоши. Надобно ѣхать на похороны, а къ нимъ все ѣзжу со страхомъ пополамъ отъ кори, не смотря на увѣренія Ремана, что, перемѣня платье, не рискую перенести жестокую эту болѣзнь дѣтямъ.

A propos, и у насъ свадьба. Какъ бы время было, далъ бы тебѣ отгадывать, и ты бы не скоро отгадалъ. Александръ Ивановичъ Чернышовъ*) женится на княжнѣ Бѣлосельской. Третьяго дня сіе было рѣшено, мнѣ сказывалъ Матушевичъ, а ему Гурьева.

*

С.-Петербургъ, 14 Іюня 1822.

Я думаю, что ты очень хорошо сдѣлалъ, что не былъ на пикникѣ, на травлѣ и прочихъ забавахъ Вяземскаго; могъ бы еще обкушаться или простудиться.—Говорятъ, что вмѣсто Петергофа будутъ праздновать именины Государыни на Елагиномъ острову, гдѣ третьяго дня освящали церковь и дворецъ отдѣланъ прекраснѣйшимъ образомъ.

*

---

*) Послѣ развода съ первою своею женою, Теофиліею Игнатьевной (ур. Моравскою), вдовою князя Радзивила.

С.-Петербургъ, 16 Іюня 1822.

Третьяго дня, отдѣлавшись, поѣхалъ я поранѣе на дачу, гдѣ нашелъ уже Карнѣевыхъ, а тамъ пріѣхалъ и Северинъ. День былъ безподобнѣйшій; послѣ обѣда уговорилъ я Егора Васильевича отпустить одну жену въ театръ и остаться съ нами. Ты знаешь, что онъ ни въ чемъ не умѣетъ отказать. Потомъ сѣли мы всѣ и съ дѣтьми на шлюпку и пустились гулять по островамъ или, лучше сказать, между островами, вздумали пошататься по Елагину и прибыли ко дворцу въ самую минуту, когда подъѣзжалъ туда Гурьевъ. Тотчасъ предложилъ намъ видѣть дворецъ и самъ повелъ все показывать. Ну, братъ, давно я не видалъ ничего прелестнѣйшаго. Отдѣлано все съ чрезвычайнымъ вкусомъ, богато и, что́ всего лучше, все изъ произведеній Россійскихъ. Тутъ между прочимъ люстра бронзовая превеликая, которая, право, не уступитъ Парижской, а стоитъ только 9000 р. Живопись вездѣ чудесная, бумажки Царскосельской фабрики, вазы изъ Сибирскихъ каменьевъ, каковыхъ никто кромѣ нашего царя имѣть не можетъ. Мы всѣ были въ восхищеніи. Потомъ повелъ онъ насъ по саду, который также будетъ прекрасенъ и напомнилъ мнѣ садъ въ Англіи. Спасибо Гурьеву, безъ него бы можетъ быть не удалось бы намъ посмотрѣть дворца, ибо въ него никого не пускаютъ. Накануне передъ тѣмъ собралась туда вся императорская фамилія. Государь показалъ дворецъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и ей его подарилъ. Праздникъ (какъ мнѣ сказывалъ графъ Дмитрій Александровичъ) будетъ не тутъ, а по старому въ Петергофѣ, гдѣ и заказанъ уже.

Карнѣевъ безъ памяти отъ дворца и весьма доволенъ, что мы попали на Елагинъ въ столь счастливую минуту. Мнѣ кажется, ты его видѣлъ, когда былъ у Татищевыхъ на дачѣ, но тогда врядъ были ли мебели. Государь передъ отъѣздомъ отсюда былъ поутру у Юліи Александровны *) и ввечеру пилъ у нея чай.

Я читалъ отрывокъ мерзкаго каталога, который вышелъ въ Москвѣ. Мнѣ его показывалъ Лазаревъ, и я особливо бѣсился, да и всѣ тутъ бывшіе изъявили большое негодованіе на статью объ Урусовыхъ. Желательно, чтобы сочинителя побранили за столь злое произведеніе. Ну, Юсупову можно бы и не сердиться за вздоръ. Строгановъ - министръ ѣздилъ въ Карлсбадъ. Онъ долго былъ здѣсь боленъ. Сына его, что́ женатъ на Строгановой, ждутъ сюда. Тутъ было также разнесся слухъ, что Михаилъ Орловъ отставленъ, но изъ приказовъ сего не видать.

*

*) Супруги Д. Н. Татищева, извѣстной красавицы, урожденной Конопкѣ, въ первомъ бракѣ Безобразовой.

С.-Петербургъ, 17 Іюня 1822.

Васю Голицына давно не видалъ. Онп всѣ въ Марьинѣ, гдѣ Государь проѣздомъ кушалъ, ѣхавъ въ Грузино и въ военныя поселенія.

Вотъ тебѣ на! Новое симпатическое лѣкарство отъ клоповъ, и одно слово! Хорошо, *Сурпинъ*. Да гдѣ его написать, чѣмъ, на какомъ именно мѣстѣ, какими словали, крупными или мелкими? Прошу на все отвѣтить исправно и аккуратно, это не бездѣлица. Дадимъ же мы клопамъ!

Государь дозволилъ мнѣ и намъ принять Прусскіе ордена. Мнѣ сдѣлали славную звѣзду въ Англійскомъ магазинѣ, но врядъ удастся ли когда нибудь надѣть.

*

С.-Петербургъ, 20 Іюня 1822

Графъ Сакенъ сюда пріѣхалъ, присылалъ ко мнѣ своего адъютанта сказать, что онъ былъ бы у меня, но никуда не выѣзжаетъ, пока не представится Государю, котораго сегодня ожидаютъ обратно въ Царское Село. Сакенъ живетъ въ Таврическомъ дворцѣ, и ѣхать къ нему надобно сегодня утромъ, хотя и далеко.

Наша prima-donna не знаетъ какъ благодарить тебя за всѣ аріи, которыми мы начали пользоваться. Вотъ записка, какія Россиніевы аріи у нея есть, дабы, на случай новыхъ присылокъ, не доставлять того что́ уже есть. Если попадется что нибудь хорошаго, то присылай; мы всѣ хоромъ, тутъ и кн. Салтыковъ и Манычаръ и даже безъязычный генералъ, воспоемъ тебѣ благодарность. Matrimonio Secretto напоминаетъ мнѣ Парижъ, Гривеллія, Порто и Моранди, которые намъ съ Шредеромъ доставили нѣсколько пріятныхъ вечеровъ. Я по опыту знаю, каково въ Итальянской оперѣ имѣть болтуна-сосѣда, а коли еще къ тому да самъ поетъ съ актерами, такъ хоть вонъ бѣги.

Генералъ Раухъ управляетъ инженерною частію въ Пруссіи, слыветъ весьма ученымъ и хорошимъ генераломъ. Напрасно похвасталъ нашъ артиллерійскій офицеръ Прусскими пушками, весьма не кстати. Княгиня Куракина*) ѣдетъ въ Вѣну года на два, вчера мнѣ писала о почтальонѣ.

Ты сдѣлалъ то съ Вяземскимъ что̀ я съ Иванушкой Левашевымъ. Я вотъ увѣрилъ его, что дочь князя Эстергази на содержаніи у к. Лихтенштейна, т.-е. своего мужа.—Не первый разъ классныя дамы отправляются въ дилижансѣ. Въ прошломъ году Императрица очень была довольна въ подобномъ же случаѣ; только надобно приказать, если еще время, проводнику всякое оказывать дамѣ угожденіе.

---

*) Княгиня Наталья Ивановна. Весьма любопытный путевой дневникъ ея скоро выдетъ въ свѣтъ въ „Архивѣ Князя Ѳ. А. Куракина“ (ея правнука).

Я получилъ отъ Воронцова*) письмо изъ Кракова, которое меня испугало. «Après avoir manqué de périr ce matin, 28 Мая (9 Іюня) nous sommes cependant arrivés sains et saufs à Cracovie. Dès que j'approche de la frontière de la république de Cracovie, je suis persuadé d'avoir un accident; mais celui d'aujourd'hui aurait pu devenir funeste, car la voiture était déjà en partie sous l'eau. Grâce au secours d'un juif baptisé, nous avons été sauvés». То-то бы бѣда! Какъ вздумаю, такъ морозъ по кожѣ подираетъ. Слава Богу, что все кончилось однимъ страхомъ. О Кокошкинѣ онъ ничего не пишетъ; тотъ, я думаю, порядкомъ испугался. Woronzoff m'engage à lui écrire dans trois semaines à Munic. Въ Вѣнѣ онъ остановится только на нѣсколько дней. Далеко ли до бѣды!

Воскресенье мы провели очень пріятно на дачѣ. День былъ прекрасный, у насъ обѣдали Северинъ, Шиллингъ и Ломоносовъ, послѣ обѣда еще кое кто пріѣхалъ, сѣли мы на пристань и любовались ея ботами, кои безпрерывно проѣзжали на Крестовскій островъ. Немного походило на Царьградъ. Съ трудомъ въ 12 часовъ рѣшился я ѣхать въ городъ, гдѣ душно, пыльно и скверно.

*

С.-Петербургъ, 21 Іюня 1822.

Ну, ужъ, братъ, далеко Таврическій дворецъ! Ровно ѣхалъ туда полчаса; въ это время я бы могъ съѣздить на дачу и воротиться. Я нашелъ тамъ почтеннаго старичка Сакена въ совершенномъ уединеніи, онъ, очень мнѣ обрадовался, и мы съ нимъ часа съ два поболтали. Разсказывалъ онъ, какъ устроилась женитьба князя * * (котораго завтра въ Сергіевской пустыни хоронять, и меня звали на похороны, но не поѣду). У него въ деревнѣ былъ родъ сераля; какъ скоро красавица ему надоѣдала, то ѣздилъ въ Вильну новую рекрутовать. Бывши въ Вильнѣ за дѣлами, познакомился онъ съ бѣдною, но прекрасною молодою дѣвушкою и сталъ къ ней ѣздить. Мать ея, послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, отозвавъ его, сказала ему: Вы конечно намъ много сдѣлали чести, но я должна съ вами откровенно объясниться. Ваша репутація очень дурна здѣсь на счетъ женщинъ; всѣ знаютъ, что вы ихъ соблазняете и увозите, слѣдовательно ваше знакомство можетъ только повредить моей дочери. Мы бѣдны, но честны; у нея есть женихъ, который нѣсколько дней уже не показывается; въ городѣ также начинаютъ говорить, а потому прошу васъ пере-

*) Т. е. отъ графа Ивана Ларіоновича Воронцова-Дашкова, ѣхавшаго на должность нашего министра въ Мюнхенъ. О немъ же выше, стр. 207-й.

стать насъ посѣщать. Хотя, конечно, не могу я ничего сказать о вашемъ съ нами обхожденіи и въ обращеніи вашемъ съ моею дочерью не замѣтила я ничего предосудительнаго, но люди не такъ на это смотрятъ, а для насъ репутація всего дороже. Князь уѣхалъ. Онъ на другой день является къ Корсакову *), объявляетъ ему о намѣреніи жениться, беретъ его съ собою въ карету, привозитъ къ бѣдному семейству и при немъ, обращаясь къ матери, говоритъ ей: Теперь, сударыня, надѣюсь мое посѣщеніе не будетъ вамъ ни вредно, ни въ тягость; я пріѣхалъ просить руки вашей дочери. Натурально и мать и дочь согласились, и тотчасъ дѣло кончилось. Молодая вдова прекрасна собой, но воспитанія отличнаго не могла имѣть. Также сказывалъ Сакенъ, что года съ четыре какъ князь соовсѣмъ перемѣнился къ своимъ мужикамъ, занимался ихъ благоденствіемъ и сдѣлалъ изъ нищихъ богатѣйшихъ во всей губерніи. О немъ чрезмѣрно сожалѣютъ. Его вскрыли и нашли, что сердце весьма сжато. Богатство оставилъ непомѣрное, духовной никакой нѣтъ, а есть актъ въ пользу его другихъ дѣтей, но имъ не подписанный. Жена его очень любила.—Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, очень было занемогъ, ему пускали кровь, прикладывали піявки и теперь лучше. Вилье мнѣ сказывалъ, что опасность миновалась. Петерсонъ также боленъ, но этотъ болѣе воображеніемъ.—Ну, мой милый другъ, наша иностранная почта все идетъ лучше да лучше: изъ Парижа получаются депеши въ шестнадцатый день, а Бломъ говоритъ, что къ нему никогда курьеръ такъ скоро изъ Копенгагена не пріѣзжалъ, какъ почта приходитъ. Онъ получаетъ свои письма въ тринадцать дней, изъ Лондона въ семнадцатые сутки. Слава Богу, что все сдѣлалось, какъ я обѣщалъ.

Вчера ѣздили мы на тони, но не имѣли терпѣнія дождаться своей очереди, т.-е. десятой тони. Рыба теперь начала сильно ловиться; жаль только, что съ нашей пристани нельзя ѣздить: тутъ кромѣ корюшки нѣтъ другой рыбы, а пускаться въ даль некогда.

*

С.-Петербургъ, 23 Іюня 1822.

О кубкѣ какъ ни разсуждай, какъ мнѣ самому ни жаль, а разстаться съ нимъ надобно. Государево повелѣніе вышло, точно, позже; но я еще не имѣлъ дозволенія принять кубокъ, слѣдовательно и не могъ его получить послѣ указа. Лавинскій точно въ такомъ же положеніи и два года спустя долженъ былъ возвратить табакерку, поднесенную ему Виленскимъ дворянствомъ. О кубкѣ Государю доложено, и онъ одобрилъ мысль отдать его въ церковь; такъ нечего и разсуждать. Поговорю еще разъ съ Рушковскимъ, чтобъ онъ сіе исполнилъ, а у

*) А. М. Римскому-Корсакову, Виленскому генералъ-губернатору.

меня, право, духу нѣтъ писать къ нему. По крайней мѣрѣ, всѣ чиновники могутъ быть увѣрены, что письмо ихъ навсегда сохранено будетъ и перейдетъ къ Сашкѣ[1]), которому я и кубокъ назначалъ. Полно о семъ толковать, лучше забыть.

Въ Головинской лотереи дѣла идутъ очень хорошо, билеты продаются какъ нельзя лучше. Въ иные дни съ присылочными деньгами сборы бываютъ до 40000 р., въ самые худые здѣсь въ городѣ продаются не менѣе какъ на 5000 р. билетовъ. Особливо послѣ новыхъ объявленій наперерывъ хватаютъ. Мы заказали колеса Берду, который очень умно ихъ устраиваетъ. Радъ буду, когда кончится все это дѣло; ибо оно у меня отнимаетъ время, а его у меня и такъ немного.

*

С.-Петербургъ, 24 Іюня 1822.

Сегодня именины или рожденіе князя Дмитрія Ник. Салтыкова; онъ звалъ къ себѣ на цѣлый день, но сіе невозможно, а надобно будетъ попасть хоть на вечеръ. Вѣрно будетъ огромнѣйшій концертъ. Манычаръ тамъ цѣлый день пируетъ. Княгиня Софья Григорьевна [2]) сейчасъ мнѣ пишетъ, что у нея въ деревнѣ горитъ лѣсъ, и что загорѣлся отъ почтдиректорской деревни, проситъ дать приказъ посылаемому отъ нея человѣку. Мы, точно, сосѣди. Сожалѣю о несчастіи, о которомъ однакоже отъ управителя не имѣю еще никакого извѣстія. До сихъ поръ я отъ этой деревни кромѣ непріятностей и издержекъ ничего не имѣю. Что-то впереди будетъ? Я обѣдалъ вчера въ клубѣ съ Сергѣемъ Тургеневымъ, много болтали. Онъ все боится, чтобы миссію не лишили жалованья съ курсомъ, но, кажется, можетъ быть на этотъ счетъ покоенъ. Я нахожу его здоровѣе, а Александра, того уже и поймать нигдѣ нельзя: такъ заволочился. Болѣе еще въ дистракціяхъ нежели прежде, а почерка его уже никакъ читать нельзя: такъ торопится. Впрочемъ и мнѣ этимъ нельзя хвастать, испортилъ совсѣмъ руку.

*

С.-Петербургъ, 27 Іюня 1822.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ пріѣхалъ и всѣхъ удивилъ своимъ пріѣздомъ. Здѣсь уже начали давать ему разныя мѣста по обыкновенію.

Въ Субботу былъ я у князя Салтыкова на концертѣ. Это былъ день его рожденія, и пропасть наѣхало, нашло и принесло народа. Явился султанъ какой-то Татарскій со свитою, былъ фейерверкъ и пр. такъ что я воротился домой во второмъ часу. Вчера утромъ было генеральное собраніе Библейскаго Общества въ Таврическомъ дворцѣ, куда и мы съ Николаемъ Дмитріевичемъ ѣздили. Много было народу.

---

[1]) Т. е. къ сыну К. Я. Булгакова.

[2]) Волконская.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1841 годъ.

Январь. 1. Отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ, мы пѣли на дому молебенъ съ водосвятіемъ. Сильный холодъ. Я ѣздилъ съ визитами къ князю Д. В. Голицыну, графу С. Строганову, князу Н. Н. Голицыну, М. В. Бобарыкиной, М. А. Баталину, Т. А. Каменецкому, Д. А. Счасневу, А. Д. Черткову, И. Я. Зацѣпину.

2. Я отпустилъ въ дорогу своихъ крестьянъ, давъ имъ на путь образъ Неопалимыя Купины, просфору, хлѣбъ и желѣзн. посуды, да ризы св. для церкви. Избранный мною староста Поликарпъ Анис. занялъ у меня 10 р.

10. Я былъ у графа Протасова, котораго благодарилъ за вниманіе ко мнѣ; онъ поговорилъ мнѣ о трудахъ моихъ, о нелѣпыхъ пристройкахъ и передѣлкахъ въ церквахъ, о приличнѣйшей имъ архитектурѣ. Къ нему пришелъ князь Д. В. Голицынъ, который рекомендовалъ меня графу, какъ *стараго пріятеля*, и спрашивалъ меня объ успѣхѣ дѣлъ и о Ширяевѣ. Оттуда я проѣхалъ въ Цензурный Комитетъ, гдѣ В. П. Ф. сказывалъ мнѣ, что г. С. Г. С. представилъ меня къ наградѣ terra.

11. Я заѣзжалъ къ секретарю консисторіи Д. А. Счасневу, который приготовилъ свидѣтельство младшему сыну моей тещи Александру. Обѣдалъ у А. Д. Черткова, у котораго видѣлся съ сочленами, Ивановымъ, Шевыревымъ и Погодинымъ. Хозяинъ говорилъ о *безчиніи*.

25. Нездоровый я ѣздилъ съ Мишею къ празднику Утоленія печали на Пупыши. Послѣ обѣда съ П. М. Строевымъ я отправился на вечеръ къ И. Н. Царскому.

Февраль. 1. Поутру съ Мишей я ѣздилъ помолиться св. Трифону, отслужилъ ему молебенъ. Священникъ далъ мнѣ благосл. хлѣбъ и св. воды. Потомъ я былъ у А. Д. Черткова, разсмотрѣлъ Каппон. картины, Мартъ, Апрѣль и Май, записалъ признаки внѣшніе и внутренніе, общіе и частные; замѣтилъ, что надписи Русскія не древнѣе XVII в., болѣе похожи на скоропись.

5. Поутру я ѣздилъ къ празднику Богоматери Взысканія погибшихъ, отслужилъ Ей молебенъ и получилъ отъ священника просфору въ благословеніе; оттуда заѣхалъ къ С. П. Шевыреву, съ которымъ прочелъ 9 листъ Памятн. М. д. Изъ Новоспасскаго монастыря къ намъ привезли чудотворный образъ Спаса и съ водосвятіемъ служили молебенъ, послѣ коего я обѣдалъ у тещи вмѣстѣ съ монахами и пр.

14. Послѣ засѣданія Цензурнаго Комитета я заѣхалъ къ князю М. А. Оболенскому, который принималъ въ этотъ день присягу въ Сенатѣ на должность начальника Архива Иностранной Коллегіи *). Я у него обѣдалъ и прочелъ съ нимъ 9 и 10 листы корр. Пам. Моск. др.; былъ у протопресвитера Василія Ивановича, съ которымъ поговорилъ о своихъ дѣлахъ.

16. Заходилъ поклониться старому пріятелю А. С. Ширяеву, умершему вчера. Мои остались у него книги тыс. на 7 р.

23. На этотъ день во снѣ я видѣлъ въ Успенскомъ соборѣ св. Іону, возставшаго изъ раки и много со мною говорившаго. Я попросилъ у него того хлѣба, которымъ онъ питался; онъ велѣлъ мнѣ дать, и мнѣ дали ломтикъ въ ладонь. Послѣ обѣда я ходилъ къ К. К. Пфелю посовѣтоваться. У меня были профессоръ Зацѣпинъ, архимандритъ Аполлосъ и протопресвитеръ Василій Ивановичъ.

24. На этотъ день я видѣлъ въ домѣ своемъ много духовныхъ, которые пѣли мнѣ многолѣтіе громко, въ числѣ ихъ протопресвитеръ В. И. Побывавъ въ городѣ за покупками, я ѣздилъ въ Новоспасскій монастырь поговорить съ о. архимандритомъ Аполлосомъ, слушалъ тамъ обѣдню и обѣдалъ у настоятеля.

Мартъ. 1. Утромъ я былъ у графа Строганова, который повторилъ объ окончаніи Пам. Моск. др. Я ему оставилъ на разсмотрѣніе предисловіе. Поздравивъ Евдокію Павл. Изв., я заѣхалъ помолиться Божіей Матери Трехъ Радостей и навѣстилъ А. И. Лобкова, съ которымъ побесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, смотрѣлъ его книги и иконы.

2. Во снѣ я видѣлъ, что прикладывался къ открытымъ мощамъ преп. Сергія, который далъ мнѣ нѣсколько косточекъ и разныхъ какихъ-то вещицъ. Когда спросилъ, чтò значатъ сіи косточки (похожія на челов.) онъ отвѣчалъ: «Это отъ безсонницы». У заутрени я былъ въ Драчахъ; поутру занимался съ г. Гастевымъ его коррект.; потомъ ходилъ въ церковь св. Филиппа м. на отпѣваніе О. И. Евреиновой.

11. Утромъ былъ у меня П. Максютинъ, который сказывалъ, что въ Москвѣ отъ Сентября 1840 г. по Мартъ 1841 г. умерло 17040 человѣкъ.

*) Подписывая бумагу о назначеніи князя Оболенскаго на эту должность, императоръ Николай Павловичъ перекрестился (Слышано отъ Д. В. Полѣнова). П. Б.

27. Наканунѣ я исповѣдывался съ женою и сыномъ у протоіерея Терентія, крестившаго меня. Въ Великій Четв. Богъ сподобилъ меня пріобщиться Св. Таинъ въ своемъ приходѣ. Напившись чаю, ходилъ я въ Успенскій соборъ за справками по древностямъ.

28. Утромъ, прочитавъ послѣдній корр. листъ Пам. Моск. др., я заѣхалъ къ Погодину.

Апрѣль. 9. Я подписалъ прочитанный мною послѣдній листъ 2 тетр. Московскихъ древностей; взялъ въ Восп. д. съ своего капитала процентовъ за годъ CCLXXV rub.

13. Послѣ ранней обѣдни я ѣздилъ на Плющиху къ Аркадію Павловичу Руничу, бывшему ученикомъ моего родителя и правителемъ канцеляріи главноком. Моск. Растопчина. Я его спрашивалъ о происшествіяхъ 1812 г. и повѣрялъ съ нимъ факты, изложенные мною въ біографіи преосвященнаго Августина; обѣщалъ доставить мнѣ матеріалы.

16. Утромъ я былъ въ типографіи у Семéна и въ Иностранной Коллегіи, гдѣ взялъ нѣкоторые матеріалы для исторіи Москвы и между прочимъ неизданную въ свѣтъ книгу, остановленную Св. Сѵнодомъ 1789 г., *Сокровище Россійскихъ древностей*, гдѣ помѣщено описаніе трехъ соборовъ Моск., въ 8, на 160 стр.

17. Утромъ я былъ въ уѣздномъ судѣ по дѣлу Нарбекова, въ Государственномъ Архивѣ, въ Успенскомъ соборѣ и въ архивѣ Оружейной Палаты. Вечеромъ былъ у меня А. Ѳ. Вельтманъ, потомъ ночью князь Львовъ по ценз. дѣлу, за рукописью своей *Прогулки по Москвѣ*.

19. Былъ въ Успенскомъ соборѣ на молебствіи о бракосочетаніи в. к. наслѣдника съ в. к. Маріею Александровною. Съ графомъ С. С. поговорилъ объ окончаніи и поднесеніи 1 и 2 тетрадей моихъ Памятниковъ Моск. др. Онъ совѣтовалъ приготовить два экз., одинъ для Государя, другой для Наслѣдника. Съ Мишею я обѣдалъ у А. Д. Черткова, гдѣ видѣлся и говорилъ съ Погодинымъ и Шевыревымъ.

20. Я отправился съ Н. С. Лебедевымъ въ Новоспасскій монастырь, гдѣ, отстоявъ позднюю обѣдню, обѣдали у архимандрита. Потомъ мы втроемъ осматривали усыпальницу подъ соборомъ, гдѣ искали гробницы митрополита Аѳанасія, но какъ есть тамъ надгробницы, съ коихъ сбиты кам. надписи, то и не могли опредѣлить, которая изъ нихъ Аѳанасьева. Съ Н. С. я осматривалъ Крутицкое подворье: двухъэтажную церковь съ колокольнею на Югъ и съ террасою, примыкающею къ воротамъ, надъ коими построенъ лѣтній теремъ съ 4 окнами и снаружи украшенный узорочными деталями. Крестовая архіерейская церковь на крутомъ берегу Москвы съ двумя усыпальницами Крутицкихъ владыкъ; одна изъ нихъ пустая съ нишами, а другая съ гробами.

Кладка церкви древняя, но отдѣлка новая. Теперь въ Крутицкомъ домѣ помѣщается Московскій внутренній гарнизонный баталіонъ. На дворѣ на южной сторонѣ казармы каменныя, а близъ воротъ бывшій архіерейскій домъ съ большимъ каменнымъ крыльцомъ.

21. Поутру были у меня изъ Оружейной палаты Забѣлинъ съ выпискою изъ вых. книгъ объ улицахъ Москвы XVII в. и А. Ѳ. Алмазовъ, сказавшій мнѣ, что дѣло кн. Д. С. съ Т. рѣшено въ пользу перваго и подписано царемъ.

22. Съ А. Ѳ. Алмазовымъ я былъ у графа Строганова для увѣренія его, что тотъ имперіалъ съ изображеніемъ Петра III и Маріи проданъ П. И. Переплетчиковымъ въ Калугу. Графъ просилъ меня отыскать свѣдѣніе о цвѣтѣ волосъ царя Ивана Васильевича, которое, нашедши у принца Бухавскаго, послалъ ему вечеромъ. Въ Государственномъ Архивѣ занимался свѣркою списка съ подл. описаніемъ Московскаго Успенскаго собора.

28. Отдалъ П. М. Строеву его рукопись о Спиридонѣ Потемкинѣ и взялъ у него 1 т. Истор. актовъ А. Э., прочелъ ему статью о заведеніи въ Москвѣ типографіи, которую онъ одобрилъ. Съ Чертковымъ и Синявинымъ (губернаторомъ) я ѣздилъ осматривать Оружейную Палату.

29. Былъ въ Цензурномъ Комитетѣ на дежурствѣ, отвезъ князю М. А. Оболенскому отвѣтъ на его письмо о портретѣ царя И. В.

Май. 3. Былъ у преосвященнаго м. Филарета, пріѣхавшаго вчера въ 7 часу вечера. Якову Яковл. Титченкѣ-Рубану отдалъ письмо къ В. Г. Анастасевичу, обѣдалъ у А. Д. Черткова, гдѣ видѣлся съ Шевыревымъ, Пассекомъ и Андросовымъ.

6. Память кончины матушки моей. На Лазаревомъ кладбищѣ служилъ обѣдню и панихиду о. архимандритъ Аполлосъ съ соборнымъ священникомъ Иваномъ Семеновичемъ, протодіакономъ и пр. Тамъ былъ и о. протопресвитеръ Василій Ивановичъ. По возвращеніи домой пѣли литію предъ портретомъ матушки. Обѣдали у насъ: о. архимандритъ, протопресвитеръ, князья Н. Н. Голицынъ и М. А. Оболенскій, Вельтманъ, Н. С. Лебедевъ, профессоръ Гофманъ, А. И. Лобковъ и пр. Послѣ обѣда былъ П. М. Строевъ.

8. День моего ангела. Отслушавъ обѣдню въ своемъ приходѣ и причастивъ тамъ Анету, я пригласилъ священника къ себѣ на домъ отслужить молебенъ своему ангелу. Довольно было съ поздравленіями и съ просфорами. Обѣдали у насъ П. М. Поповъ, В. А. Щепотьевъ, С. Татариновъ, теща и пр. Въ саду пѣли пѣсельники.

10. Утромъ я былъ въ Кремлѣ. Съ Забѣлинымъ я повѣрялъ надписи на Моном. тронѣ и на патріаршихъ гробницахъ.

13. Видѣлъ въ Кремлѣ вступленіе Государя Императора въ Успенскій соборъ среди народныхъ восклицаній и звона колоколовъ; его встрѣчалъ м. Филаретъ съ тремя епископами безъ рѣчи. Послѣ обѣда я прочелъ съ профессоромъ Зацѣпинымъ 2 отдѣленіе о жизни Августина, помѣщенное въ Московскихъ Губ. Вѣдомостяхъ. День былъ прекрасный, какъ и 14 слѣдующій. Торжественный въѣздъ въ Москву цесаревича Александра Николаевича съ цесаревною Маріею Александрой черезъ Тверскую заставу, отъ коей до Кремля стояло по одну сторону войско, а по другую народъ. Цесаревна ѣхала съ двумя дамами въ открытой каретѣ, запряженной въ четыре сѣрыя лошади. Народъ съ восклицаніями бѣжалъ за нею. Я съ женою и сыномъ сидѣлъ на мѣстахъ у И. Н. Царскаго. Вечеромъ порадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ дядя П. В. Кондратьевъ.

17. Петръ I любилъ одного умнаго крестьянина подмосковнаго и нерѣдко удостоивалъ его своей бесѣды. Однажды спросилъ его: «Чтó есть худое?»—«Худо худой сосѣдъ». «Еще чтò того хуже?»—«Худая жена».—«А чтó всего хуже?»—«Кто самъ для себя худъ», отвѣчалъ крестьянинъ.

20. Я началъ пить соки по совѣту Пфеля. Утромъ былъ у Семéна въ типографіи, въ Цензурномъ Комитетѣ, въ Оружейномъ архивѣ и въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ видѣлся съ преосвященнымъ Вологи. Иннокентіемъ и слушалъ назидательное слово м. Филарета; потомъ завтракалъ у дяди П. В. Кондратьева. Отъ А. Д. Ч. привезли три сажени дровъ.

22. Утромъ посѣтилъ меня преосвященный Вологодскій Иннокентій Борисовъ, одинъ изъ первыхъ дух. витій нашего времени. Онъ сказывалъ, что занимается сочиненіемъ церк. Росс. исторіи. Я ему казалъ свои изданія, далъ на разсмотрѣніе каталогъ книгъ и рукописей типогр. библіотеки и еще нѣсколько книгъ. Потомъ я ѣздилъ въ Донской монастырь, гдѣ онъ остановился, и побесѣдовалъ съ о. архимандритомъ Ѳеофаномъ, заѣхалъ къ М. Ѳ. Прудникову па часокъ.

25. Послѣ ранней обѣдни я ѣздилъ къ Погодину поговорить о своихъ дѣлахъ и прочесть ему свою статью о *началѣ Лютеранскихъ церквей въ Москвѣ*, которую онъ взялъ для своего журнала. Закусивъ у него, я возвратился домой обѣдать. Ко мнѣ пріѣзжалъ В. А. Юни съ тетрадкою о старинныхъ домахъ въ Москвѣ.

26. Утромъ я ѣздилъ съ о. архимандритомъ Аполлосомъ въ Иностранную Коллегію, гдѣ онъ не былъ 36 лѣтъ.

27. Я былъ утромъ у К. Полевого, въ Цензурномъ Комитетѣ на дежурствѣ и въ Оружейномъ архивѣ.

28. Утромъ зашелъ я къ Ѳ. Н. Глинкѣ, который очень хвалилъ статью мою о 1812 г. въ Москов. Губ. Вѣдомостяхъ.

30. Я былъ въ Государственномъ Архивѣ, въ Цензурномъ Комитетѣ и въ Иностранной Коллегіи, гдѣ дѣлалъ выписки о путешествіи ц. А. М. въ Измайлово и въ Тр. лавру 1675 г. Въ 3 часу п.п. сдѣлался вихрь, сорвавшій много кровель, и пошелъ дождь, среди коего я возвратился домой. Вечеромъ были у меня Сем. Петр. Смольянскій, князь В. Друцкій и Забѣлинъ, принесшій ко мнѣ переписанную тетрадь описанія моего Успенскаго собора.

Іюнь. 1. Я посылалъ къ м. Филарету посмотрѣть коронацію Екатерины II.

6. Я ходилъ къ священнику Св. Троицы на Капелькахъ, отъ котораго слышалъ, что на мѣстѣ церкви былъ кружечный дворъ; по старому обычаю, въ прудѣ на монастырѣ богомольцы, идущіе въ Тр. лавру, умываютъ себѣ глаза. Крестъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по народному преданію, отдыхалъ преп. Сергій; на немъ есть надпись. Отъ А. И. Лобкова привезенъ мѣшокъ хорошей крупичатой муки.

7. Касательно цензуры я ѣздилъ совѣтоваться къ Д. П. Голохвастову; остальное время провелъ дома въ чтеніи Миллера объ археологіи и Плавта; продолжалъ описаніе Московскаго Успенскаго собора. У всенощной я былъ на Троицкомъ подворьѣ, потомъ посидѣлъ у А. П. Св.

11. Я служилъ молебенъ Іерусалимской Богоматери и панихиду по дѣдушкѣ въ Измайл. церкви. Я ходилъ въ архивъ и смотрѣлъ соборную ризницу, которую обозрѣвали съ П. М. Строевымъ и г. Даниловичемъ, дѣлали замѣчанія о вещахъ и рукописяхъ.

19. Съ профессоромъ Гофманомъ я осматривалъ рукописи Греческія въ ризницѣ Успенскаго собора, съ нѣкоторыхъ Евангелій сняли надписи, также съ ѳиміамника и звѣзды Антоніевыхъ сосудовъ.

20. Былъ въ засѣданіи Цензурнаго Комитета, гдѣ отъ Каченовскаго слышалъ, что 18 Іюня графъ С. Строгановъ переломилъ себѣ ногу, объѣзжая свою лошадь, и опасно боленъ.

26. По цензурному дѣлу былъ у меня Еврей Мандельштамъ, написавшій прекрасное путешествіе, въ коемъ горячо защищаетъ свою партію, упрекая въ несправедливости и жестокости гонителей ея. Съ женою я былъ у Тихвинской Божіей матери въ Красномъ Селѣ и оттуда съ Мишею проѣхалъ въ Измайлово. По возвращеніи вечеромъ

изъ села съ Мишею, я нашелъ дома извѣщеніе отъ доктора Севрука, именемъ И. Т. Спасскаго, о пріѣздѣ г. министра Уварова.

27. Утромъ, повидавшись и поговоривъ съ И. Т. Спасскимъ, я представлялся министру и поднесъ ему первыя двѣ тетради *Памятниковъ Московской древности.* Онъ спрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ и о древнихъ рукописяхъ. По убѣжденію Спасскаго, я обѣдалъ у профессора Иноземцова, въ обществѣ докторовъ. Иноземцовъ совѣтовалъ мнѣ попить недѣли три Маріенб. воды и начать питье припускомъ къ спинѣ піявокъ.

28. Утромъ я отправился въ Измайлово, но оттуда вечеромъ съ Мишею возвратился домой, куда одна уѣхала жена къ моему неудовольствію. Дорогой я осматривалъ мѣсто Покровскаго дворца и слушалъ всенощную въ Покровскомъ соборѣ. Ночью я видѣлъ во снѣ, будто м. Филаретъ налилъ мнѣ полную скляночку св. мѵра, коимъ я помазалъ себѣ чело и взялъ часть антиминса.

29. Раннюю обѣдню я слушалъ у праздника у Адріана и Наталіи, поговорилъ о древностяхъ съ П. М. Строевымъ, который читалъ мнѣ о патріаршескихъ тарханахъ и приказахъ.

30. Съ о. архимандритомъ Аполлосомъ я ѣздилъ къ М. Т. Каченовскому, съ которымъ полчаса побесѣдовали.

Іюль. 1. Утромъ ходилъ ко Кресту посмотрѣть надпись на крестѣ дер. въ часовнѣ, поставл. 1652 г. Іюля 9; поговорилъ съ священникомъ Св. Троицы на Капелькахъ; былъ въ соборѣ Успенскомъ и купался.

2. Утромъ я ѣздилъ къ Пассеку поговорить о своемъ дѣлѣ касательно напечатанія Біографіи преосв. Августина и къ Степанову за Москвит. № 7.

5. Утромъ пріѣзжалъ ко мнѣ и посидѣлъ у меня Моск. гражд. губернаторъ И. Г. Синявинъ, которому я показывалъ свои рѣдкости.

12. Я проѣхалъ на званый обѣдъ къ князю М. А. Оболенскому, гдѣ обѣдали академики Н. И. Уткинъ, Ѳ. Г. Солнцовъ, Дурновъ.

16. Послѣ обѣда съ Мишей ходилъ къ митрополиту Филарету, которому далъ на разсмотрѣніе три тетради описанія Успенскаго собора. Преосвященный спрашивалъ Мишу, чѣмъ онъ занимается, совѣтовалъ вести его попростѣе, а не по-барски, чтобы пріучить къ трудамъ. Іерусалимъ въ ризницѣ Усп. собора онъ почитаетъ за кацею, въ коей хранился темьянъ или ѳиміамъ. Среди нашего разговора пріѣхалъ къ нему архимандритъ Аполлосъ, который потомъ заѣзжалъ ко мнѣ поговорить о своихъ дѣлахъ.

17. Утромъ я ходилъ къ Н. Н. Мурзакевичу, который безъ меня былъ у меня два раза, потомъ къ Ѳ. Г. Солнцову и въ Государственный Архивъ.

19. Утромъ поѣхалъ съ женою и дѣтьми въ Троицкую лавру на Хотьковъ, гдѣ видѣлся съ затворницей Марѳою Герас. Она приняла ласково меня и дѣтей, давала мнѣ четыре катышка, коихъ я не взялъ, сказала между прочимъ: «Оставите суетная и ложная».

20. Отслушавъ раннюю обѣдню у Сошествія Св. Духа, и отслуживъ молебенъ пр. Сергію, я навѣстилъ протоіерея Ѳеодора Алекс. Г., съ которымъ прочелъ 1 листъ *біографіи пр. Августина* и поговорилъ о своихъ и его дѣлахъ; потомъ зашелъ къ намѣстнику Антонію, который благословилъ мое семейство образомъ пр. Сергія и двумя просфорами; далъ мнѣ своего человѣка показать въ Пятницкой башнѣ каменный *мѣшокъ*, который состоитъ изъ каменнаго осьмиграннаго столба съ пустотою внутри, куда ведетъ маленькая дверь, аршина 3 вышиной отъ пола. У о. Анастасія мы обѣдали. Послѣ обѣда отправились въ путь, ночевали въ Пушкинѣ.

21. Утромъ возвратились благополучно домой.

23. Въ Успенскомъ соборѣ у обѣдни. Съ архимандритомъ Митрофаномъ прочелъ 1 л. біографіи преосв. Августина, которую онъ хвалилъ и подтвердилъ приведенныя мною извѣстія.

34. Вечеромъ я былъ у м. Филарета, который читалъ продолженіе описанія Успенскаго собора и дѣлалъ свои замѣчанія.

25. Заѣхалъ ко мнѣ и побесѣдовалъ со мною К. С. Сербиновичъ.

26. Въ Драчахъ я слушалъ молебенъ съ водосвятіемъ преподобномуч. Параскевѣ, ангелу моей матушки, по коей служилъ панихиду.

30. Поутру я былъ у К. С. Сербиновича, у котораго встрѣтился съ Симоновскимъ архимандритомъ М.

31. Отдалъ состоящему при министрѣ нар. пр. Петру Ильичу Соколову письма къ Корсакову и Данилевскому. Съ Тромонинымъ, Сем. и Солнцовымъ я осматривалъ Оружейную палату и терема.

Августъ. 3. Видѣлъ въ Успенскомъ соборѣ встрѣчу креста XII в. Евфросиніи Полоцкой съ животв. древомъ и кровію Христовою; его привезъ возсоединенный архіепископъ Полоцкій Василій, который тамъ и совершилъ литургію.

6. Обѣдню я слушалъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ литургію совершалъ митрополитъ Филаретъ и возложилъ митру и палицу на протопресвитера Успенскаго собора Василія Ивановича; молебенъ царскій служилъ съ преосв. Полоцкимъ Василіемъ. Обѣдали у архимандрита Аполлоса; тамъ видѣлся съ Каченовскимъ, К. и Г. Спас-

скими, князьями М. А. Оболенскимъ и Н. Н. Голицынымъ. Съ архимандритомъ Митрофаномъ и Полоцкимъ Филаретомъ, протоіереемъ Сергіемъ Ивановичемъ, съ И. И. Давыдовымъ слушали вечерню, потомъ пили чай у а. Аполлоса.

7. Утромъ я ѣздилъ къ Н. Д. Горчакову и Н. И. Малиновскому, для прочтенія и повѣрки 2 листа біографіи преосв. Августина. Вечеромъ посѣтили меня Н. А. Полевой и К. С. Сербиновичъ. Напившись чаю, мы ѣздили на Преображенское кладбище, въ Черкизово и Измайлово, осматривали мѣсто Преображенскаго дворца въ Генеральской улицѣ.

11. Ректоръ у. Каченовской повредилъ себѣ ногу. И такъ попечитель, помощникъ его и ректоръ охромѣли. Съ Тромонинымъ я ходилъ нанимать дилижансъ на Пятницкой и наняли на Солодовкѣ за 190 р. съ тѣмъ, чтобы въ недѣлю поставили взадъ и впередъ. Послѣ обѣда были у меня князь Трубецкой церемоніймейстеръ, которому я сообщилъ нѣкоторыя замѣчанія касательно его фамиліи, принятыя имъ съ благодарностію.

16. Съ Мишею и А. Ѳ. А. я отправился въ свою деревню Обтуху на Калугу.

19. Мы пріѣхали къ обѣду въ Обтушку. На другой день я служилъ молебенъ Рождеству Богородицы и панихиду по другѣ моемъ, прежнемъ помѣщикѣ села, Я. Е. Арсеньевѣ. Пріѣхавъ туда, я сказалъ, что привезъ съ собою дождь, коего тамъ не было съ Петрова дня. И дѣйствительно пошелъ дождь, который разогнанъ вѣтромъ, продолжавшимся три дня.

22. Пріѣхалъ Африканъ Петр., съ которымъ мы осматривали поля на задахъ, гдѣ назначили вздрать двѣ десятины подъ господскую пашню. При мнѣ досѣвали рожь госп. и молотили. Отъ продолжительнаго сухменя посохла въ полѣ трава, и скотъ оголодалъ.

Сентябрь. 14. Поутру прочелъ я одинъ листъ біографіи преосв. Августина съ секретаремъ его Малиновскимъ, а вечеру съ митрополитомъ Филаретомъ. Утромъ же навѣстилъ больного Пассека, который сказалъ мнѣ объ отзывѣ губернатора И. Г. Синявина, что онъ уважаетъ меня какъ ученаго и любитъ какъ человѣка.

15. Обѣдню я слушалъ въ Никитскомъ монастырѣ, былъ въ городѣ за мелочными покупками, послѣ обѣда дома занимался своими дѣлами.

16. Утромъ выпалъ снѣгъ.

21 Ѣздилъ я въ Новоспасскій монастырь къ обѣднѣ и къ обѣду; тамъ видѣлся съ игуменьями Никитскаго и Оренбургскаго м. и съ И. Л. Мироновскимъ.

22. Во весь день дома, занимался обработываніемъ Русск. юридич. пословицъ.

23. Съ А. П. Св. послалъ при письмѣ 5 листовъ жизни Августина въ Троицкую лавру къ Ѳ. А. Голубинскому.

26. Ѣздилъ къ Погодину, у котораго засталъ Ѳ. Г. Солнцова; поговорилъ о своихъ дѣлахъ и выпросилъ у него старинный мѣдный образъ св. Іоанна Богослова; на полчаса заѣхалъ къ Прудникову, обѣдалъ у И. И. Давыдова, съ которымъ прочелъ 4 листъ жизнеописанія преосв. Августина. При письмѣ къ К. С. Сербиновичу, я послалъ черезъ И. Л. Мирон. рукопись отъ о. архимандрита Аполлоса о жизни митрополита Иларіона.

27. Съ письмомъ отъ кн. Д. В. Голицына ко мнѣ пріѣзжалъ Семенъ поговорить объ изданіи 2 тетр. Памятниковъ Москов. древностей.

28. Къ В. П. Флерову отнесъ я для подписки проспектъ объ изданіи Памятниковъ Московскихъ древностей, который отдалъ Семену. Вечеромъ былъ у меня князь С. П. Гагаринъ съ корр. своего Геогр. Словаря.

Октябрь. 1. По случаю письма отъ Каченовскаго я ходилъ къ нему для объясненія съ доказательствами касательно статей въ біографіи преосв. Августина, кои его успокоили. Отъ него прошелъ я къ Ѳ. Л. Морошкину, съ которымъ поговорилъ о разныхъ дѣлахъ. Послѣ обѣда Тромонинъ принесъ ко мнѣ снимокъ съ креста въ часовнѣ у Креста. Вечеромъ былъ И. А. Зацѣпинъ, которому я отдалъ для соображенія рѣчь Веніаминову о *постахъ*.

2. Къ губернатору И. Г. Синявину я свезъ надпись съ креста у Креста. Онъ подарилъ мнѣ два плана Новгорода, стараго и новаго. Я просилъ его объ опредѣленіи Городищева; позволилъ прислать его къ нему и обѣщалъ самъ пріѣхать къ мнѣ. Изъ выписки писцовыхъ дѣлъ въ Межевомъ Архивѣ, изъ дѣла ямщиковъ 1621 г., открывается, что Переславскую ямщичью слободу на Поклонной горѣ населилъ царь Иванъ Васильевичъ, что Самотецкій прудъ назыв. *дворцовымъ*; близъ него на Троицкой горѣ или у св. Ивана Воина находился *Зеленый царскій дворецъ*; на мѣстѣ церкви св. Іоанна Воина стоялъ кружечный дворъ. Въ Самотеку течетъ съ одной стороны Неглинная, а съ другой—Напрудная рѣчка.

3. Были у меня, по моему вызову, В. И. Городищевъ, котораго я рекомендовалъ губернатору, о. Аполлинарій отъ о. а. Аполлоса и лѣсничій, бывшій мой ученикъ въ благор. пансіонѣ, потомъ князь М. А. Оболенскій, привезшій мнѣ свою книжку *Уголовные законы ц. И. В.*

5. Былъ на отпѣваніи градскаго главы Алексѣева, у Сергія въ Рогожской, гдѣ служилъ митрополитъ Ф. при великомъ стеченіи народа. Проводивъ покойника до Новоспасскаго монастыря, съ а. А. я, по приглашенію брата Алексѣева, поѣхалъ къ нимъ на домъ помянуть. Оттуда обратно съ а. А. въ монастырь, гдѣ, напившись чаю, поѣхалъ отдать визитъ К. М. Гусеву и потомъ домой.

7. Дома я занимался обработываніемъ *юрид. Русскихъ пословицъ*, прочелъ корр. статьи своей *Троицкая дорога*, помѣщ. въ М. Г. В.

11. Утромъ были у меня Мартынъ Андр. Атласъ, изъ Вилен. Евреевъ*) и А. И. Лобковъ.

12. Раннюю обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ, гдѣ было малое освященіе придѣла, потомъ отправился въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ митрополитъ Ф. и потомъ совершалъ крестный ходъ вокругъ Кремля. Съ Н. Д. Горчаковымъ я прочелъ 5 листъ жизни Августина и далъ ему диссерт. о *церк. пѣніи*, потомъ заѣхалъ къ профессору Даниловичу и у него обѣдалъ; поговорили о юридическихъ Русскихъ пословицахъ, коихъ собраніе онъ находитъ весьма важнымъ для Русск. юриспруденціи.

13. Съ Ѳ. Г. Солнцовымъ я ѣздилъ въ Новоспасскій монастырь къ о. а. Аполлосу для доставленія плана иконостаса церкви св. Саввы, сдѣланнаго Ѳ. Г. Тамъ я встрѣтился съ преосв. Агапитомъ и П. Н. Титовымъ.

14. Утромъ я былъ у Д. П. Голохвастова по дѣламъ Цензурнаго Комитета, отъ него на дежурствѣ въ Ценз. Комитетъ, поработалъ въ унив. библіотекѣ, обѣдалъ у И. Я. Мальцова.

15. Былъ у преосв. митрополита, который говорилъ со мною объ архитектурѣ и моей тетради объ Архангельскомъ соборѣ, утвердилъ мои мнѣнія, примолвивъ: «съ вами намъ бѣда; вы открываете то, чего мы не знали». Потомъ простился со мною, поцѣловалъ меня дважды и благословилъ. У него были преосв. Ааронъ, ректоръ семинаріи Іосифъ и Хотьк. игуменья.

16. Отъ митрополита Ф. я получилъ 4 листъ жизни преосв. Августина, который и послалъ къ цензору Каченовскому на разсмотрѣніе.

17. Утромъ приходилъ ко мнѣ съ калачами именинникъ Андрей Абакумовъ изъ типографіи. Я былъ въ Успенскомъ соборѣ по предмету своихъ изслѣдованій, видѣлся съ протопресвитеромъ Василіемъ Иван., отъ котораго, такъ равно и отъ ключаря А. С., слышалъ, что въ палаткѣ соборной выдавались вѣнечныя памяти протопресвитеромъ,

*) Этотъ Атласъ помогалъ извѣстному Алтайскому миссіонеру архимандриту Макарію въ его переводѣ Библіи съ Еврейскаго на Русскій языкъ.

который записывалъ ихъ въ книгу. Вверху видно изъ патр. покоевъ окошко въ сводѣ, откуда патр. могъ слышать происходящее въ палаткѣ.

20. Я получилъ извѣстіе о кончинѣ бывшаго моего ученика Вас. Петр. Андросова, ум. 19 Окт.

22. Отвезъ къ Д. П. Голохвастову справки истор. изъ его родословія; заѣхалъ къ А. Ѳ. Алмазову и отдалъ ему 20 р. за четверикъ съ приборомъ; навѣстилъ больного діак. Петра Ѳедор. и былъ на отпѣваніи В. П. Андросова у Большого Вознесенія, гдѣ видѣлъ между многими А. Д. Черткова, А. П. Рунича, Ѳ. Глинку, Погодина, Шевырева и пр. Въ церковь вводилъ благочинный новаго священника изъ Алекс. Института.

23. Утромъ рано уѣхалъ изъ Москвы въ Спб. митрополитъ Филаретъ.

30. Пріѣзжалъ М. Н. Загоскинъ съ романомъ своимъ *Козьма Ивановичъ Мирошевъ*, Русская быль временъ Екатерины II, и просилъ меня процензировать.

31. Безъ меня были у меня граждан. губернаторъ И. Г. Синявинъ и предводитель А. Д. Чертковъ.

Ноябрь. 1. Продолжалъ чтеніе Тацита de Germania, ѣздилъ къ И. Г. Синявину, съ которымъ поговорилъ о своемъ изданіи Памятниковъ Москвы и отдалъ ему вмѣсто визитнаго билета статью о достопамятностяхъ Пскова. Онъ взялся переговорить съ кн. Д. В. Г. касательно моего дѣла. Ко мнѣ пріѣзжалъ М. Н. Загоскинъ за своимъ романомъ 1 т. Съ Мишею я обѣдалъ у А. Д. Черткова, гдѣ были И. Г. Синявинъ, Пассекъ и Вельтманъ. Послѣ обѣда говорено было о моемъ дѣлѣ, насчетъ коего Ч. и С. хотѣли ѣхать къ князю Д. В. Г. для рѣшенія.

3. Поутру заѣхалъ поговорить съ губернаторомъ И. Г. Синявинымъ, который обѣщалъ самъ пріѣхать ко мнѣ съ А. Д. Чертковымъ.

4. Я ѣздилъ въ патріаршую ризницу съ губернат. Синявиной и ея сыномъ. Отъ жены своей внесъ въ ссудную коммиссію за домъ ея 147 р. за 1 пол. Вечеръ у меня побесѣдовали Вельтманъ и Пассекъ, послѣдній, по порученію губернатора И. Г. С., относился ко мнѣ насчетъ моего дѣла съ Семеномъ. Я объяснилъ ему свои желанія и надежды, читалъ имъ свою ст. о *вѣчахъ*, которую они нашли новою, важною и современною.

5. Прочитана мною корр. статьи моей въ М. Г. В. о Псковскихъ достопамятностяхъ XVI в. Вскорѣ послѣ нашего обѣда къ намъ заѣзжалъ гражд. губернаторъ И. Г. Синявинъ съ А. Д. Чертковымъ, поговорили о моемъ дѣлѣ. И. Г. читалъ мнѣ представленіе князя Д. В. Г. Государю Императору объ исходатайствованіи позволенія посвятить

его величеству мою книгу и украсить его именемъ, включеніемъ его въ число подписавшихся. И. Г. предлагалъ мнѣ касательно условій изданія. Я назначилъ по 200 р. за листъ, да 3000 р. за первыя двѣ тетради; онъ предполагаетъ каждую тетрадь отъ 6 до 8 листовъ. И. Г. взялъ у меня для прочтенія: 1) дѣло Салтыковой и 2) бумагу собств. Александра I къ Г. О. Позавтракавъ они простились со мною.

6. Я ѣздилъ къ Пассеку и Погодину, у котораго встрѣтилъ Николая Вас. Гоголя, подарившаго мнѣ свою комедію съ надписаніемъ, Хомякова и сына Аксакова. П. говорилъ, что надобно бы 500 р., а не 200 р. за листъ моихъ трудовъ П. М. др. и что онъ писалъ къ министру о порученіи мнѣ изданія Евгеніева словаря Русскихъ писателей въ томъ видѣ, въ какомъ я получилъ его отъ сочинителя. Пассеку я отдалъ окончаніе статьи о Псковск. достопам. XVI в., а Погодину дополненіе къ отечеств. анекдотамъ.

8. Я ѣздилъ поздравить съ имен. ректора Каченовскаго, потомъ кума своего кн. М. А. Оболенскаго, у котораго и обѣдалъ съ профессоромъ Даниловичемъ, Н. С. Лебедевымъ. Послѣ обѣда, по приглашенію Черткова, поѣхалъ къ нему, а съ нимъ къ князю Д. В. Голицыну, котораго подождавъ съ часъ при г. Синявинѣ, отправились домой.

9. Ѣздилъ къ Д. П. Голохвастову поговорить о своихъ дѣлахъ, къ П. В. Киреевскому и П. Г. Рѣдкину, съ которыми прочелъ статью свою о юрид. пословицахъ, принятую ими хорошо.

13. Заѣхалъ къ Н. А. Кашинцеву попросить поговорить съ Л. М. Ц. насчетъ кварт. денегъ. Обѣщалъ. На вечерѣ былъ я у именинника И. Ѳ. Калайдовича, гдѣ переговорилъ съ В. П. Барышниковымъ о своемъ дѣлѣ, видѣлся съ П. Ѳ. Степановымъ, С. И. Любимовымъ, Т. А. Каменецкимъ и пр. Провели время довольно весело, шутили, разсказывали другъ другу анекдоты, послѣ ужина разъѣхались въ 3 час. пополуночи.

14. Былъ я у Селивановскаго и въ засѣданіи Ценз. Комитета.

15. Я былъ у доктора Ѳ. И. Иноземцова, съ которымъ поговорилъ о своей болѣзни и получилъ отъ него рецептъ и наставленіе; обѣдню слушалъ у Спаса на Бору въ придѣлѣ св. Гурія, Самона и Авивы.

16. Съ Хотьк. послушницей отправилъ въ монастырь Хот. надгробный камень на могилу схимницы Евпраксіи, доплатилъ 20 р. Вечеромъ былъ у меня профессоръ П. Г. Рѣдкинъ, которому я отдалъ остальныя тетради своей статьи и Розенкампфову кн. о комиссіи зак.

19. Были у меня о. архимандритъ Аполлосъ и док. Гринмутъ, предпринимающій издавать Нѣмецкій журналъ въ Москвѣ.

20. Цѣлый день дома за дурною погодою. Были у меня граверъ А. Г. Аѳанасьевъ, которому я поручилъ выгравировать портретъ преосв. Августина, потомъ зять Семена.

29. Побесѣдовалъ съ Я. И. Сангленемъ, который читалъ мнѣ свою статью о судьбѣ древнихъ; на нее я сдѣлалъ свои замѣчанія.

Декабрь. 1. Съ Мишей былъ на Троицкомъ подворьѣ у обѣдни, по случаю именинъ м. Филарета.

5. Я рѣшился съ Кс. Полевымъ: уступить ему жизнь Августина за 500 р. деньгами, на 500 р. книгъ.

7. Я поѣхалъ къ Погодину, съ которымъ поговорилъ о своихъ дѣлахъ и рѣшился взять за листъ «Пам. Моск. др.» по 200 и 100 экз. Пріѣзжалъ ко мнѣ Гоголь съ романомъ своимъ «*Мертвыя души*».

10. По приглашенію гражд. губернатора, я у него обѣдалъ; видѣлся съ А. Д. Чертковымъ, Пассекомъ, Вельтманомъ и пр. Г. Синявинъ говорилъ со мною о продолженіи моего труда и показывалъ всю готовность свою содѣйствовать мнѣ. Я благодарилъ его.

18. Отъ Я. И. Санглена получилъ: Reisen im Inneren von Russland u. Polen von I. G. Kohl. I Th. Moscou. 1841.

20. Въ Спб. отправилъ я къ преосв. м. Филарету письмо съ книжкою своей ж. пр. Августина, тоже къ А. П. Святославскому и М. А. Коркунову съ экз. для М. В. Долголевскаго, въ Ярославль къ преосв. Евгенію новый календарь и ж. пр. Августина.

26. Съ П. С. Максютинымъ я прочелъ свою статью о Сухаревой башнѣ, на которую онъ сдѣлалъ свои замѣчанія. Были А. Семенъ и Д. А. Счасневъ, В. А. Рябиченковъ. Вечеромъ пріѣхали изъ моей деревни крестьяне на 3 подводахъ.

30. Осматривалъ Сухареву башню, отвезъ на почту письмо съ книжкою ж. пр. Авг. *) къ Н. Г. Устрялову, отслужилъ молебенъ Владимирской Богоматери.

---

*) Въ этой „Жизни преосв. Августина“ И. М. Снѣгиревъ означилъ въ опечаткахъ, что на такой-то страницѣ вм. слова *кроткую* надо читать *Кроткую*, т. е. съ заглавною буквою. Лукавая поправка относилась къ Мареѣ Степановнѣ Кроткой, пріятельницѣ архіепископа Августина, про котораго въ книжкѣ сказано, что онъ въ послѣдніе годы свои любилъ жизнь тихую и кроткую“. Къ подобному „смиренно-лукавствію“ любилъ иногда прибѣгать цензоръ-археологъ. П. Б.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА.

Мое путешествіе изъ Красноярска въ Москву, въ Перервинскій монастырь,

с 11 числа Іюня по 26-е число Іюля 1870 года, въ теченіе 45-ти дней *).

I. Предисловіе.

Имѣя всегда слабое здравіе, я въ прошедшемъ 1869 году, 4-го Іюня, имѣлъ почти внезапное тяжкое пораженіе: послѣ неоднократной рвоты желчію, у меня сдѣлалось такое головокруженіе, что ожидалъ кончины житія моего. Господь спасъ меня, возвратилъ мнѣ жизнь и здравіе, но на половину. Ученый врачъ Леонидъ Николаевичъ Бартеневъ не могъ возвратить мнѣ полное здравіе.

Съ того времени я уже и не поправился. Въ головѣ шумъ и пустота, близъ обморока; ноги отяжелѣли, меня всего тянуло книзу: я не могъ отстоять и раннюю литургію (часъ), не присаживаясь. Послѣдній разъ я служилъ въ каѳедральномъ соборѣ въ Воздвиженіе Креста Господня. Затѣмъ я уже только ходилъ къ своей ранней домовой литургіи. Достигши праздниковъ Рождества Христова и Крещенія и не находя въ себѣ силъ служить, я рѣшился просить Святѣйшій Сѵнодъ объ увольненіи меня отъ епархіальнаго управленія.

Я написалъ три прошенія: 1, въ Св. Сѵнодъ, чрезъ митрополита С.-Петербургскаго Исидора, о увольненіи отъ должности; 2, къ митрополиту Московскому Иннокентію, о помѣщеніи меня въ одномъ изъ Московскихъ монастырей; 3, къ оберъ-прокурору Сѵнода графу Дмитрію Андреевичу Толстому о дарованіи мнѣ пенсіи и прогоновъ до Москвы по милости Сѵнода, сколько признается приличнымъ.

---

*) Эти записки любезно сообщены въ „Русскій Архивъ" Михаиломъ Николаевичемъ Галкинымъ-Враскимъ, получившимъ ихъ въ свое распоряженіе отъ самаго епископа Никодима. Магистръ Московской Духовной Академіи Никодимъ (род. 5 Сент. 1802 г. † 11 Іюня 1874) былъ первымъ епископомъ Енисейскимъ (съ мѣстопребываніемъ въ Красноярскѣ) по отдѣленіи того края отъ Томской эпархіи. Передъ тѣмъ онъ служилъ викаріемъ въ Казани, а до того ректорствовалъ послѣдовательно въ нѣсколькихъ семинаріяхъ. П. Б.

Прошенія сіи я отослалъ на почту 5-го Января сего 1870 года. (Въ 1862 году въ этотъ день я пріѣхалъ въ Красноярскъ на службу въ Енисейской епархіи).

30 Марта я получилъ телеграмму отъ митрополита Московскаго изъ Петербурга, коею меня спрашиваетъ: «который изъ двухъ монастырей я избираю себѣ для покоя: Перервинскій или Серпуховской». Я отвѣчалъ: «Перервинскій».

23 Мая я получилъ указъ изъ Св. Сѵнода (22 Апрѣля 1870 г. № 754), коимъ мнѣ объявлено: а) что я уволенъ отъ управленія епархіею по разстроенному здоровью высочайшею властію Императора, по представленію Св. Сѵнода 6-го числа Апрѣля; б), что мнѣ дозволяется помѣститься въ одномъ изъ монастырей Московской епархіи по соглашенію съ митрополитомъ Московскимъ. О пенсіи же и о прогонахъ не упомянуто ни словомъ. Обстоятельство сіе дало мнѣ грусть: я получилъ жалованье за весь Апрѣль, а указъ 23 Мая, когда я уже почти все издержалъ; между тѣмъ а), надобно возвратить перебранное за Апрѣль, б) жить чѣмъ знаешь и гдѣ хочешь, кромѣ Красноярскаго архіерейскаго дома.

Но обстоятельство сіе мною было предусмотрѣно, и я по нему размышлялъ: «Мила мнѣ родина моя; я желалъ бы улетѣть къ ней на крыльяхъ, хотя знаю, что я тамъ всѣмъ чужой; а здѣсь, въ Красноярскѣ, я сближенъ со многими, и нигдѣ лучше меня не знаютъ какъ здѣсь. Полетѣлъ бы, но нѣтъ денегъ на проѣздъ; а здоровье мое разстроилось такъ, что я сомнѣваюсь, могу ли вынести тяжкій четырехтысячный путь. Посему, на случай, я положилъ: построю себѣ домъ на архіерейской землѣ въ Красноярскѣ, въ уголкѣ, и буду здѣсь жить потихоньку съ благословенія мѣстнаго преосвященнаго». Въ сихъ мысляхъ я и началъ строить себѣ домъ, и къ 23 Мая онъ уже выведенъ былъ выше оконъ. Къ Августу онъ былъ бы готовъ.

Когда я это твердилъ тому и другому, я замѣчалъ на лицахъ слушателей недоумѣнія, сомнѣнія, грусть. Я сталъ самъ проговаривать: не ѣхать ли въ Москву? Первый, отецъ каѳедральный протоіерей, лучшій мой собесѣдникъ, совѣтникъ и другъ (онъ же и отецъ мой духовный) сквозь слезы сказалъ мнѣ: «Желали бы мы васъ видѣть около себя навсегда; но мы жалѣемъ васъ; нельзя не быть вамъ скорби. Каковъ бы ни былъ вашъ преемникъ, ему нельзя выдержать всегдашняго мира съ вами. Найдутся обстоятельства и люди, которые возмутятъ покой вашъ. Намъ жаль васъ. Поѣзжайте въ Россію, успокойте себя и насъ избавьте отъ подозрѣній и злорѣчія недобрыхъ, которые не преминули бы возмутить покой нашъ, владычній и вашъ».

Такія и подобныя рѣчи, слышанныя мною и отъ другихъ, рѣшили меня сбираться и ѣхать немедля въ Россію.

Я попросилъ въ попечительствѣ заимообразно тысячу рублей. Мнѣ ее дали. Потомъ сами отцы, не знаю изъ какихъ суммъ, поднесли мнѣ пятьсотъ рублей. Еще Петръ Матвѣичъ Куртуковъ прислалъ мнѣ сто рублей. Я успокоился и нашелъ полную возможность ѣхать въ Москву.

Какъ бы въ залогъ или свидѣтельство моего довѣрія и уваженія къ духовнику Красноярска, я оставилъ тамъ: а) всю мою библіотеку, б) лучшее платье и вещи.

Послѣ того я сталъ быстро собираться въ путь. 7-го числа Іюня, въ Воскресеніе Всѣхъ Святыхъ, я въ послѣдній разъ отслужилъ въ каѳедральномъ соборѣ. 11 числа, въ Четвергъ, въ половину дня, я выѣхалъ изъ Красноярска, проплакавъ сладко-горько въ домовой архіерейской церкви, благодаря за милости ко мнѣ здѣсь Божіи, прося пощадѣнія за погрѣшности и ошибки и испрашивая благословенія въ путь далекій.

II. Путь до Ачинска.

О. каѳедральный протоіерей Василій Дм. Касьяновъ попросилъ дозволенія проводить меня до Ачинска. Онъ ѣхалъ въ особой повозкѣ. Въ селѣ Арейскомъ меня встрѣтили и со мною простились ключарь-священникъ Алексѣй Конст. Угрюмовъ и о. Григорій Климовскій, Покровской церкви, оба члены консисторіи.

Мы ночевали въ деревнѣ *Ибрюль*, у старушки разумной и небѣдной (отъѣхали четыре станціи).

Еще раза два мы ночевали у сей же старушки.

12 число Іюня, Пятница. Деревенская жизнь, особенно здѣсь, грязна и безпокойна. Здѣсь скотина бродитъ по селенію, приставая гдѣ сама захочетъ; запертая собака визжитъ раздирательно (я боюсь собакъ, ихъ запираютъ ради меня), корова реветъ подъ окномъ, и тутъ же гурьба мужиковъ, сидя на завалинѣ, ведутъ праздныя рѣчи, громкимъ говоромъ. Можно ли покойно спать?

Еще: въ Сибири собственно двора нѣтъ; на дворахъ постройка разбросана по площади двора безъ порядка, и всѣ прозрачны: негдѣ укрыться для нужды, вездѣ васъ видно. И это для меня всегда было испытаніемъ. Однако, проѣхавъ верстъ 70 и послѣ тревогъ прошедшаго дня, я уснулъ и спалъ глубоко. Добрая, богобоязненная старушка утѣшила своею добродѣтелію и хорошею ухою. Мы встали въ 5 часовъ. Гремитъ громъ. Поѣхали.

На станціи *Козульна* вѣжливый писарь - старикъ, утѣшилъ меня своею уважительностію, которая, конечно, есть свидѣтель его богобоязненности. Вторая станція село *Кемчугъ*. Такъ зовется рѣка, обтекающая сіе село и хребетъ горъ, верстъ на 150, сопровождающихъ правый берегъ рѣки *Чулымъ*, которая въ этомъ мѣстѣ отъ тракта налѣво верстахъ въ 60-ти. Рѣка предъ селомъ, мы къ ней спускались съ горы на версту, высокой и крутой. Направо, и налѣво, и впереди красивые виды віющейся рѣки Кемчуга, горныхъ откосовъ, легкой изволоки, на которую намъ придется подниматься, и сплошной тайги сосенъ, лиственницъ и отчасти кустарныхъ деревъ.

Рѣка Кемчугъ съ Москву-рѣку. Село на той сторонѣ, на ровномъ мѣстѣ. Мы остановились у священника Ильи Тыжикова. Чай и пирогъ, который есть и блюдо: откройте верхушку, подъ нею найдете и уху, и жаркое изъ отличной сейчасъ пойманной рыбы.

Священникъ Илья пренабожный до возбужденія: онъ даже померкъ было въ разсудкѣ отъ напряженной набожности. Слава Богу, прошло. Онъ ходилъ пѣшій, кажется, въ Иркутскъ (1000 верстъ) на богомолье и возвратился просвѣтлѣвши разумомъ. Онъ среднихъ лѣтъ. Бываютъ дѣти, но гаснутъ: видно есть что либо ненормальное въ немъ или въ женѣ его, или въ обоихъ. О, Боже мой! Въ супружествѣ надобно помнить исторію Товія. (Умерла жена о. Иліи, молодая женщина; мнѣ написалъ о. протоіерей 11 Января 1871 года).

Третья станція, село *Черная рѣчка*. Здѣсь церковь каменная, во имя Архистратига Михаила. Построена въ честь Михаила Михаиловича Сперанскаго, управлявшаго Сибирью при Александрѣ I-мъ. (Есть и еще церкви на память его и въ честь ему). Церковь мрачная, угрюмая, почти безъ оконъ. Свѣтъ сверху. Иконостасъ бѣднѣйшій.

Остановились у священника *Сакердона*: совершенный типъ чистаго Сибиряка. У него обѣдъ. Человѣкъ неученый, но разумный, дальновидный и съ характеромъ. Съ нимъ въ 1862 году мы плавали въ Туруханскъ. (Онъ нѣсколько лѣтъ былъ въ урочищѣ Дудникѣ, ниже Туруханска ста четыре верстъ, приходскимъ священникомъ). Дѣти у него хорошія, но каждый почти изъ нихъ наложилъ ему крестъ: дочь дѣвица почему-то не пожелала быть въ супружествѣ и отцвѣтаетъ дѣвою, не желая однакоже идти въ монастырь. Сынъ, на коего была вся его надежда, послѣдній останный, былъ женатъ; я посвятилъ его во діакона. Отецъ готовилъ ему свое мѣсто, и что же? Поживъ года два въ супружествѣ, сынъ овдовѣлъ! Препона быть священникомъ, а отцу отчаяніе и слезы. У него было еще два сына, и оба умерли въ молодости. Первый сынъ умеръ, кажется, въ Томскѣ, въ семинаріи, до меня; послѣдній умеръ въ Красноярскѣ, уже назначенный въ се-

минарію изъ здѣшняго училища. И когда же? Во время нашего плаванія въ Туруханскъ. О. Сакердонъ узналъ о семъ въ Енисейскѣ по возвратѣ нашемъ изъ Туруханска. Жаль было и мнѣ видѣть его въ такой скорби.

Четвертая станція, село *Тарутино*; длинное село, заселенное ссыльными по проекту генералъ-губернатора, лѣтъ за 40 предъ симъ. Тутъ церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, которую выстроили при мнѣ, и я ее освятилъ. Подъѣзжаемъ къ церкви, народу много, стоятъ кучами. Я вышелъ. Благословилъ. Поговорилъ. Меня проситъ священникъ къ себѣ въ домъ; я съ досадою отвергъ, пошелъ къ повозкѣ, сѣлъ; меня подвезли къ дому священника. Я раздосадовалъ болѣе, велѣлъ везти на станцію. Я полагалъ, что станція далеко, на прежнемъ мѣстѣ, а она тутъ и есть. Я сошелъ. Хотѣлъ обождать здѣсь пока запрягутъ лошадей; станція набита людьми внизу, а на верхъ узкая лѣстница, мнѣ не влѣзть бы.

Тутъ я увидѣлъ промахъ и свою строптивость. Чтобъ скрыть это, я пошелъ въ церковь, приложился къ престолу; посмотрѣлъ ризницу, которая была разложена; припомнилъ часы освященія храма и вышелъ нѣсколько успокоившись.

Въ это время успѣли запрячь лошадей, и я поѣхалъ далѣе взволнованный, однакоже и видя, что я самъ виновникъ всего конфуза, и затѣмъ глубоко оскорбилъ священника и спутниковъ: двухъ протоіереевъ, Красноярскаго и Ачинскаго.

Была гроза; тяжкіе удары грома и ливень, какіе здѣсь рѣдки. Когда небо очистилось, я захотѣлъ встать. Остановили лошадей. Я слѣзъ. Прошелся. Нарвалъ цвѣточковъ. До города Ачинска оставалось верстъ 12. Мы ѣхали въ двухъ повозкахъ: я впередъ, а за мною о. протоіерей. Садясь въ повозку, я, по предложенію о. протоіерея (онъ пересѣлъ ко мнѣ), велѣлъ его повозкѣ ѣхать впередъ, чтобъ предувѣдомить въ Ачинскѣ о. протоіерея, Александра Срѣтенскаго.

Такія распоряженія я дѣлалъ стоя на приножкѣ и не сѣвши въ повозку. Мой ямщикъ держалъ лошадей, стоя на землѣ у головъ ихъ, а другой повозки ямщикъ сидѣлъ уже на козлахъ и тронулъ лошадей, чтобъ ѣхать впередъ. Тронулись и наши лошади. Ямщикъ держитъ, чтобъ остановить и сѣсть на козлы, не сдержалъ, лошади помчали, разъярились, бросились съ азартомъ, ямщикъ упалъ, за нимъ и я.

Я упалъ на лѣвый бокъ, ударившись головою и лѣвымъ плечомъ, на землю. Минутъ десять я лежалъ безъ чувствъ. Потомъ сознаніе возвратилось, но я не смѣю пошевелить ни однимъ членомъ тѣла. Началъ тихонько перечитывать молитвы: «Иже на всякое время».... «Отче нашъ»... «Богородице-Дѣво радуйся»... твердилъ «Господи помилуй!..»

Въ эти минуты я думалъ, что я разбился смертельно и что насталъ послѣдній часъ моей жизни.

Мой келейникъ Θедоръ кружился около меня и рыдалъ, приговаривая какія-то рѣчи, прощаясь со мною. Подбѣжалъ о. протоіерей, который соскочилъ съ повозки и тоже упалъ и ушибся (не очень больно). Кричитъ: «Живъ ли, владыко?» Я простоналъ тихонько: «Живъ!» — «Чтó вы ушибли? Нѣтъ ли перелома костей и еще чего опаснаго?» — Я отвѣчалъ: «Нѣтъ». — Меня приподняли. Лошади укрощены. Ихъ подвели. Меня посадили.

Мы пріѣхали въ Ачинскъ къ о. протоіерею. Я тотчасъ послалъ за лѣкарями. Пришли двое (сколько есть). Я просилъ освидѣтельствовать меня. Раздѣлся до нага. Осмотрѣли, ощупали, не нашли ничего опаснаго. Предлагали что-то успокоительное. Я согласился для ихъ утѣшенія, но не принялъ, довольствуясь милосердіемъ Божіимъ за свое спасеніе и воспѣвая Его милость ко мнѣ.

Было 4 часа дня, когда мы пріѣхами въ Ачинскъ. Я могъ бы ѣхать далѣе (даже и долженъ бы былъ, потому что супруга протоіерея Александра, Анна Дмитріевна, завтра имянинница), но за болѣзнію и страшнымъ приключеніемъ со мною остановился ночевать.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ нашла туча, былъ строгій громъ и пролилъ обильный дождь; протоіерей Александръ, повидимому сердечно, со слезами на глазахъ, мнѣ сказалъ: «Ради посѣщенія вашего преосвященства Господь послалъ городу нашему благодать дождя и грома; доселѣ у насъ была страшная засуха. Это первый дождь». О. Александръ далъ ужинъ богатый и Шампанское. Я дозволилъ себѣ лишнюю рюмку и расходился негодованіями на преосвященнаго Аθанасія (уже покойнаго), бывшаго здѣсь епископомъ, а потомъ въ Казани, гдѣ я служилъ при немъ викаріемъ.

Молча и съ грустію слушали мои жалобы и осужденія отцы, даже и потому, что сами считаютъ его примѣрнымъ архипастыремъ, далеко возвышаютъ надо мною и имъ облагодѣтельствованы. Я это понималъ, но едва сдержался отъ дальнѣйшаго, бывъ глубоко оскорбленъ униженіями и презрѣніемъ отъ покойнаго Аθанасія въ Казани. Да не вмѣнитъ ему сего Господь! Но я не думаю клеветать на него. Я точно испытывалъ оскорбленія, которыя не всякій перенесъ бы безъ отраженія, даже и потому, что онѣ несправедливы.

III. Отъ Ачинска до Томска.

13 Іюня, Суббота.

Ночь провелъ я порядочно. Поутру, проснувшись, слышу вой и стонъ; я подумалъ: «это собаки воютъ, предваряя мою кончину». Всталъ, подошелъ къ окну. Слышу звонъ къ утрени (можетъ быть,

и собаки были же). Всталъ тихо. Вчера я ушибъ: а) голову, съ лѣвой стороны поднялся бугоръ и ссадина; б) лѣвое плечо, тоже ссадина и синяя полоса; в) правую ногу у муслыжки, ссадина и багровая полоса. Я потеръ мѣста сіи деревяннымъ масломъ изъ лампады и предался волѣ Божіей. Меня спасла отъ смерти моя камилавка, дурная, изношенная, но густо-теплая. Я упалъ головою на землю, имѣя на себѣ эту камилавку; она-то и умалила жестокость удара головы о землю.

Такъ я прощался съ Енисейскою епархіею. Я принялъ сіе со смиреніемъ, почитая, что сіе есть вразумленіе мнѣ и какъ бы отмщеніе за мое вчерашнее пренебреженіе и безчестіе отъ меня священнику села Тарутина. Вразумленіе, но и пощада, ибо долготерпѣливъ и милостивъ есть Господь. Гордость моя посрамлена и сломлена, я опозоренъ, но мнѣ оставлена моя жизнь.

Священникъ этотъ, изъ дьячковъ, былъ послѣдній посвященный мною. Еще въ прошедшемъ году онъ усиливался просить себѣ священство. Тогда я отказалъ ему, наипаче потому, что это было въ Іюлѣ или Августѣ, когда я послѣ тяжкой болѣзни служить не могъ. Да и самъ онъ мнѣ казался нестоющимъ. Но за него сталъ ходатайствовать братъ жены его, Василій Ивановичъ Вавиловъ, служащій въ Казенной Палатѣ и усердно покровительствующій духовенству, по надѣлу землею причтовъ. (Вавиловъ самъ изъ духовныхъ, семинаристъ Тобольскій).Послѣ неоднократныхъ настаиваній я согласился утѣшить этимъ Вавилова *), въ самомъ дѣлѣ много сдѣлавшаго духовенству добра. Я посвятилъ во священника этого дьячка, кажется, нынѣшнею весною. Его-то я обезчестилъ, не заѣхавъ къ нему. Между тѣмъ, по распоряженію Вавилова, крестьяне меня встрѣтили у церкви торжественно. Но меня привело это еще въ бо́льшую досаду, потому что я видѣлъ, что все это есть комедія, вынужденная, лицемѣріе.

Между тѣмъ, я въ тотъ день уже имѣлъ два обѣда и двѣ закуски; это была бы третья, а въ Ачинскъ я пріѣхалъ бы на четвертую.

Но паче всего мнѣ тяжелымъ казалось ласкать и величать священника лицемѣрно, безъ убѣжденій и какъ бы по заказу, наипаче котораго я почти презираю. Вотъ моя исповѣдь, меня вразумилъ Господь. Слава милосердію Божію!

Меня оба отцы протоіерея, о. Александръ Ачинскій, хозяинъ дома и города, и о. Василій, каѳедральный, захотѣли проводить еще на станцію, до станицы Бѣлозерской, гдѣ церковь и гдѣ предѣлъ Енисейской губерніи и епархіи.

*) Вавиловъ умеръ 12 Декабря 1870 года отъ тифозной горячки. Я извѣщенъ 11 Января 1871 года.

Городъ Ачинскъ стоитъ надъ рѣкою *Чулымъ*, на правомъ берегу его, высокомъ, гористомъ. Насъ перевезли чрезъ рѣку на самолетѣ и скоро и покойно. Рѣка быстрая, красивая, нѣтъ болотъ, нѣтъ поростовъ. Вода течетъ какъ на блюдѣ, хрустально-свѣтлая. Таковы въ Сибири всѣ рѣки: текутъ быстро и чисты. На мой глазъ, примѣрно, рѣка Чулымъ имѣетъ здѣсь 100 саженъ ширины.

Мы поѣхали низменною долиною, которую огибаетъ Чулымъ; направо и налѣво видишь большія (съ версту) и малыя озерца, въ родѣ заливовъ отъ Чулыма, однако они самостоятельны и съ рѣкою не имѣютъ сообщенія.

1. Пріѣхали въ станицу *Бѣлоярскую*. (Это Сибирскіе земскіе казаки, полукрестьяне и полувоенные, обработываютъ землю и на сроки, по очереди, служатъ въ Сибири же, въ своихъ городахъ; они имѣютъ много привилегій передъ крестьянами и обижаютъ ихъ, какъ беззащитныхъ). Здѣсь граница Енисейской губерніи. Здѣсь простился я съ отцами-протоіереями. Здѣсь же я сдѣлалъ горькій упрекъ (о чемъ жалѣю даже и потому, что это было на улицѣ, при собраніи казаковъ) священнику нетрезвому и погрѣшающему въ повѣнчаніи жителей, безъ осторожностей, безъ справокъ.

Ѣдемъ. У насъ въ виду, въ верстѣ отъ насъ налѣво, на берегу Чулыма (мы поѣдемъ около него верстъ 70), деревня «Зерцало» (странное имя). Это уже Томской губерніи. Здѣсь спасался блаженный Даніилъ (скончавшійся и погребенный въ женскомъ Енисейскомъ монастырѣ въ 1843 году). Осталась здѣсь его келія, накрытая глухимъ сараемъ. Это ровъ или канава въ три аршина глубины и аршина полтора ширины. Съ праваго бока изъ кирпичей полупечь. Все это обтянуто сверху плетнемъ, обсыпано землею, накрыто тесомъ.

О семъ Даніилѣ есть печатное сказаніе. Мы съ о. протоіереемъ Василіемъ въ Красноярскѣ собрали еще нѣчто въ дополненіе и сбирались напечатать вновь, но пока еще не исполнили.

Сей Даніилъ безъ сомнѣнія есть мужъ богоугодный, ибо прорицалъ будущее и чудодѣйствовалъ. И нынѣ продолжаются надъ могилою его явленія чудодѣйствующаго милосердія Божія. Въ Енисейскѣ его весьма почитаютъ.

Пріѣхали въ село, 2. *Красная рѣчка* (въ соотвѣтствіе *Черной рѣчкѣ*, Енисейской губерніи). Церковь каменная. Село огромное. Было бы очень красиво, ибо есть богатые дома; но оно сплющено такъ, что едва могутъ разъѣхаться двѣ телѣги въ улицѣ. (Думаю отъ Поляковъ и по подражанію Европѣ).

До сихъ поръ я ѣхалъ съ двумя: келейникъ Ѳедоръ и какой-то бродящій Николай Шейкинъ, лекарскій ученикъ, весьма не дуракъ,

лѣтъ за 40. Бредетъ въ Москву. Я предложилъ ему ѣхать со мною, мнѣ послужить, взамѣнъ чего я привезу его въ Москву даромъ. Этотъ-то Николай, еще вчера пьяный, а въ Бѣлоярскѣ еще пьянѣе, здѣсь же напился такъ, что не можетъ и влѣзть на повозку. Стыдъ и срамъ. И можно опасаться не свалился бы подъ колесо. Вынужденъ былъ оставить его здѣсь, возвратилъ ему его документы и далъ три рубля.

Я поѣхалъ на волю Божію, съ однимъ келейникомъ, почти юношею (21 года).

3. Пріѣхали въ село *Боготолъ*, огромное и торговое село. Есть двухъэтажные дома. Хорошая каменная церковь. Улицы тоже стѣснены (менѣе 5 саж.) и портятъ красу села. Были у меня священникъ и діаконъ, люди степенные, рѣчи разумныя, осторожныя, обращеніе уважительное.

Противъ Боготола, на той сторонѣ рѣки Чулыма, винокуренный казенный заводъ (нынѣ, кажется, упраздненный). Здѣсь-то блаженный Даніилъ страдалъ отъ тирана и безбожнаго начальника. Онъ обливалъ Даніила холодною водою, поставивъ его на кровлѣ, зимою, въ 40-ká-градусные морозы, не за вину какую-нибудь, а только за то, что онъ богобоязненный человѣкъ. Тиранъ, ругаясь надъ старцемъ, приговаривалъ: «посмотримъ на его святость, согрѣетъ ли она его». Этому тирану послѣдовала кара отъ Бога: у него перевернулась голова лицомъ назадъ.

Дорога по Енисейской губерніи отличная, не уступающая Русскому шоссе; въ Томской губерніи, хотя подражаютъ Енисейской, но дорога далеко хуже и небрежива. Мы впрочемъ ѣхали больше боками. Насыпь, сдѣланная на полотнѣ дороги, изъ битаго камня, такъ груба и небрежна, что предпочитаютъ ее бросить и ѣздить просто по землѣ. Зачѣмъ же мучатъ крестьянъ насыпью дороги?

Въ Енисейской губерніи исправляютъ дорогу крестьяне по своимъ участкамъ, гурьбою; здѣсь работа одиночная. Мнѣ сказали будто это отъ того, что крестьянинъ, давшій рубль, увольняется отъ этой работы; работаютъ же немогущіе дать рубля. Починка дороги оттого выходитъ пестрая, штучная, кусками.

4. *Больше - Козульское.* Село же. Церковь деревянная, Сибирскихъ чертежей, безъ фундамента, на столбахъ.

На станціи юродивый-полоумный Кириллъ, почти нѣмой. Лѣтъ 50 (сказали) ходитъ въ рубахѣ и босой зиму и лѣто. Онъ встрѣтилъ меня быстрыми поклонами. (Понимаетъ же, что я служитель Божій).

Напился здѣсь Сибирскаго квасу; такого нѣтъ въ Россіи, густъ, слѣдовательно есть полупища, полу-блюдо, мягокъ, сладокъ, утоляетъ жажду и совершенно здоровъ.

5. Село *Итатъ* проѣхали молча (ничего не записано).

6. Село *Тижинъ*, большое, при рѣкѣ. Здѣсь ночуемъ, на *дворянской квартирѣ*. Въ Сибири, по крайней мѣрѣ Восточной, въ каждомъ селеніи есть домъ, назначенный отъ общества квартирою для чиновниковъ, властей, вообще на всякую общественную потребу. Домъ обыкновенно хорошій имѣетъ чистую, пріятную горницу, иногда даже великолѣпную. Здѣсь всегда можно остановиться проѣзжающему привиллегированнаго класса. Кротость и добродушіе обыкновенно украшаютъ хозяевъ дома (по крайней мѣрѣ я вездѣ это видѣлъ и нигдѣ ни разу огорченъ не былъ).

Здѣсь мнѣ подали хорошую уху. Я радъ, потому что весь день пробавлялся кое-чѣмъ своимъ, сухимъ.

Приходилъ ко мнѣ священникъ, молодой, ученый, степенный. Поговорили. Онъ доволенъ положеніемъ своимъ.

Я почувствовалъ сильно, въ первую же ночь, недостатокъ другого спутника. Изъ повозки нельзя было выносить все (много, до 14 пуд.); а тамъ оставить небезопасно, по крайней мѣрѣ робко. Я послалъ Ѳедора въ повозку, а самъ ночевалъ одинъ.

Въ Сибири, по крайней мѣрѣ Восточной, по крайней мѣрѣ для меня, на ночь ставятъ сторожей у повозки, и они честно бдятъ подлѣ нихъ; это весьма успокоиваетъ.

Обыкновенно я благодарю рублемъ. Весьма благодарны. Церковь здѣсь деревянная, во имя св. Николая, новая, своеобразная, а не Сибирскихъ печатныхъ чертежей, просторная, свѣтлая, красивая, обшита тесомъ и покрашена; кровля желѣзная, покрашена зеленою краскою.

(Это уже Западная Сибирь. Здѣсь смѣлѣе отрицаютъ тираннію незваныхъ чертежниковъ церквей, миніатюрныхъ, неудобныхъ, темныхъ, насмѣшливыхъ, ребяческія шалости. Такими чертежами снабдили Восточную и Западную Сибирь изъ канцеляріи министра Киселева, лѣтъ за 20 предъ симъ).

14 Іюня. Воскресеніе. Пророка Елисея.

Просыпаясь, пою (мысленно) Московскимъ широкимъ напѣвомъ: «*Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя*».

Вѣтрено и свѣжо. Поѣхали. 1. *Суслово*—деревня.

2. Городъ *Маріинскъ*. Передъ нимъ рѣка *Кія*. Перевозъ на хорошемъ ладейномъ поромѣ, по канату. Остановился въ гостиницѣ. Идетъ обѣдня. Мнѣ дали уху изъ карасей и еще что-то, я сытъ.

Былъ вѣжливый помощникъ городничаго, молодой, пріятный наружности, скромный въ разговорахъ, въ парадѣ.

лѣ литургіи пришелъ священникъ Симеонъ. (Изъ Ишима. Тобольскій, но корень изъ Рязани), діаконъ и два причетника.

Здѣсь я написалъ и отослалъ на почту два письма: а) въ Красноярскъ о. протоіерею, б) въ Чебаки—Захарію Михайловичу Цибульскому.

Съ чиновникомъ велъ рѣчи о жителяхъ города; наполненъ городъ Евреями, Субботниками, Молоканами. Русскіе подавлены ими. Вся торговля у тѣхъ. Меня даже стращали, что станціи на двѣ здѣсь путь небезопасенъ. Бываютъ грабежи и убійства. (Меня однакоже сохранилъ Господь).

Городъ красивый, хорошо обстроенъ. Улица продольная, сажень 100 шириною, есть и площадь. Храмъ Божій каменный, хорошій. Есть кладбищенская церковь. Съ одной (восточной) стороны городъ украшаетъ рѣка Кія (саж. 80) съ высокими чистыми берегами, а съ другой подходитъ полуболотистая тундра. Ее объѣзжаютъ, и трактъ наложенъ по краю ея (что́ дѣлаетъ на 5 верстъ лишняго).

Иногда мы *молча кричимъ* (cum tacent, clamant). Смиренный архіерей, въ простомъ монашескомъ одѣяніи, ѣдетъ по городу. Казалось бы, что за бѣда? Нѣтъ: Еврей, Субботникъ, Молоканъ, взглянетъ свирѣпо, вызываетъ на драку, насучаетъ кулаки, вытягивается, становится въ положеніе готовящагося на схватку, шапку нарочно ставитъ на бекрень: явное нападеніе діавола! Я имъ не сдѣлалъ никакого зла ниже мыслію. *Тяжекъ есть намъ и къ видѣнію*, говорится въ Премудрости.

Есть какая-то склонность въ правительствѣ осыпать привиллегіями такого рода неблагодарныхъ, вредныхъ обществу и ненавистниковъ Русскихъ. *Кійждо да блюдетъ, како назидаетъ... огнь искуситъ.*

Маріинскъ есть складочное мѣсто для золотыхъ промысловъ, находящихся отсюда на Югъ, въ Алтаѣ, недалеко отсюда. Наши Чебаки здѣсь запасаются.

3. *Подъельничная* станція, кажется, деревня. Для меня она примѣчательна тѣмъ, что около нея я встрѣтилъ протоіерея Василія Дмитріевича Касьяна, 3 Января 1862 года, ѣхавшаго встрѣчать меня. То было ночью.

На половинѣ этой станціи огромная деревня, дикой постройки, (безобразна и громадна) на болотахъ, рѣкахъ, мостахъ. Я думалъ, что тутъ раскольники; напрасно: православные. Рѣка и деревня Антибесъ, странное, вѣроятно Остяцкое слово.

4. Село *Бирикульское*. Тутъ на станціи вступилъ со мной въ разговоръ Еврей изъ Маріинска, ѣдущій въ Томскъ (съ семействомъ) посѣтить больного брата. Очень живой и расторопный, даже кажется образованный. Осуждалъ безразсудство Субботниковъ (Русскихъ му-

жиковъ), которые хотятъ быть Еврейскаго закона, не зная аза въ этомъ законѣ, ни языка его. Намекалъ на излишество снисхожденія Русскаго правительства къ видимому сумасбродству, кажется досадуя, что эти безумцы безчестятъ разумное Еврейское богопочтеніе. Я поддакивалъ, почитая излишнимъ распространяться въ разсужденіяхъ о дѣлѣ, не касающемся меня въ это время. Прежарко. Ѣдемъ обычно лѣсами, которые, къ утѣшенію моему, нестоль обезображены злыми-губительными палами, какъ въ Енисейской губерніи; но въ воздухѣ сухая сѣрнаго запаха мгла. Страшная засуха, все увяло, поникло, остановилось въ ростѣ.

5. Село *Почитанское*. Насъ встрѣтила партія арестантовъ; ихъ везутъ на тройкахъ и парахъ быстро, по шести человѣкъ на повозкѣ и седьмой—вооруженный солдатъ. Женщины ѣдутъ особо, семейные съ дѣтьми особо, тяжкіе преступники, подъ проволочною сѣткою, особо; багажъ ихъ везутъ особо. Лица блѣдныя, видно душевное страданіе; но есть и весельчаки.

Встрѣтила насъ Цыганка, дѣвица, совершенныхъ лѣтъ, весьма пріятной наружности, правильно и разумно говорящая по-русски, цѣломудренная, восторженная; проситъ на бѣдность. Я ей далъ рубль и платокъ. Однако она сказала ложно, будто у нея нѣтъ ни отца, ни матери и будто она скитается по чужимъ шатрамъ. Чрезъ полверсты меня встрѣтила мать ея.

Чтò этотъ родъ, это племя? Дѣвушка проситъ, умоляетъ отчаянно, съ конвульсіями, проситъ прикрыть ея наготу, дать ей на хлѣбъ. Она не лжетъ: ей точно нечѣмъ одѣться, ибо она не умѣетъ шить, да и матеріала для сего она не могла пріобрѣсти; бродитъ по свѣту съ родителями, которые не имѣютъ ни пяди земли, ни ремесла, ни скотоводства. Ей точно нечего ѣсть, потому что ничего не сѣяла, ни жала, не молотила. Одна милостыня есть средство ея питанія и согрѣванія.

Въ другой разъ, тутъ же, одна пожилая Цыганка начала меня величать и *пророчествовать* мнѣ всякаго добра. Я ее остановилъ и сказалъ: «Я священникъ. Меня такими баснями не обольстишь; будущее въ десницѣ Божіей. Ты не лги на Бога. Придумай честные способы для пропитанія». Задумалась на минуту Цыганка; потомъ, какъ бы проснувшись и устыдясь уступки, опять заговорила пророчества обо мнѣ, впрочемъ трогательныя: «Ты, мой батюшка, много въ жизни потерпѣлъ, но и все перенесъ и получилъ отъ Бога награду. Будешь и еще терпѣть; но все это кончится большимъ счастіемъ тебѣ, и многіе тебя похвалятъ!»

Еще въ одномъ мѣстѣ, на станціи, Цыганки, угадавъ какъ-то, что я щедръ, обступили мою повозку и начали причитать мнѣ похвалы и

пророчествовать мнѣ всякаго благополучія, заканчивая сіи похвалы прошеніемъ милостыни. Въ это время я былъ на станціи и пилъ чай. Слышу, Цыганки начали стонать жалобно. Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ ямщика, стегающаго кнутомъ этихъ женщинъ (хотя съ разборомъ и осторожностію, больше для испуга). Я тотчасъ сказалъ строго смотрителю: «Прикажите ямщику прекратить истязаніе Цыганокъ. Онѣ пришли просить милостыни у меня. Ямщикъ, стегая ихъ, стегаетъ и меня». Смотритель постучалъ въ окно ямщику, махая прекратить битье кнутомъ Цыганокъ, и самъ устыдился. Онъ думалъ этимъ мнѣ услужить!

Бѣдныя Цыганки, терпя удары, выгибались, чтобъ легче былъ ударъ, приговаривая только: «За что ты меня бьешь кнутомъ, Ты не бей меня кнутомъ». Я не могъ не поплакать. Мы ихъ встрѣчали отселѣ до Томска и за Томскомъ встрѣчали же.

Въ селѣ Почитанскомъ мы ночевали. Приходилъ ко мнѣ здѣшній священникъ Симеонъ, молодой, изъ ученыхъ, вѣжливый и степенный. Его братъ, кажется священникъ, женатъ на внукѣ о. Фотія, іеромонаха-казначея Красноярскаго архіерейскаго дома.

15 Іюня Понедѣльникъ. Пророка Амоса, Іоны митроп.

Спалъ тихо. Видѣлъ какой-то сонъ, названный въ запискѣ *примѣчательнымъ*, но онъ не записанъ *), и я теперь его не помню.

Ѣдемъ. Бѣдственная дорога. Сужена, раскосы сдѣланы крутые, насыпь крупная, неровная. Почти нельзя ѣхать, выбираютъ стороною; но бѣда переѣзжать чрезъ высокій валъ дороги и канаву, а неизбѣжно, чтобъ со стороны попасть на мостъ и опять съ дороги съѣхать на волю. Ясно, что земскіе чины, начиная съ исправника, безъ надзора и отвѣтственности, самовластные цари; а они изъ Польши (большею частію) и мѣняются непрестанно. Жалкая Сибирь!

Опять встрѣтили партію арестантовъ. Въ ней мужъ Маріи, нашей стряпки, скончавшейся въ Ачинскѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, я ему далъ рубль. Свирѣпый и глупый погубилъ жену свою. Честная и разумная женщина, изъ дворянъ. Она пришла свободно за мужемъ-преступникомъ.

1 станція *Колыонская*. Не записано о ней ничего, и я ничего не помню.

2. Село *Ишимское*. Огромное, до 200 домовъ. Хорошая рѣка. Каменная церковь.

---

*) Записанъ. Вотъ онъ: Папу Римскаго осудили, низвели съ папства, дали ему малое епископское мѣсто и подвергли епитеміи на шесть лѣтъ.

У воротъ села Цыгане. Умоляютъ дать милостыню, причитаютъ, величаютъ, обѣщаютъ счастіе. Живые, острые, пылающіе глаза, обтянутое желтоватое лицо (и все тѣло), талія стройная; тощее, жилистое, прозрачное тѣло; пониманіе быстрое, тонкое, цѣломудріе огражденное, обдуманное, безспорное. Такъ я изобразилъ ихъ, смотря на нихъ и входя съ ними въ разговоръ.

Здѣсь-то отгоняли Цыганъ отъ моей повозки плетью.

Рѣка *Яя*, перевозъ; другая *Киташъ*, мостъ. Рѣки прозрачныя, бѣгутъ по камешкамъ; весною весьма поднимаются (будто до 7 саж.).

Здѣсь почтенный священникъ Василій видѣлся со мною. Ему подъ 40 лѣтъ. Сказалъ: «пишутъ въ газетахъ, что митрополитъ Московскій Иннокентій 22 Мая отправился въ Кіевъ на богомоліе». (Но кажется, это несправедливо).

3. Деревня *Турунтаево*, ничего не записано.

4. Село *Халдѣево*. Деревянная своеобразная церковь. Вѣжливый и уважительный смотритель. Просилъ дозволенія вступить въ бракъ съ невѣстою, которой недостаетъ полгода до совершеннолѣтія. Я сказалъ, что объ этомъ надобно просить своего архіерея. Увы! Три мѣсяца, какъ подали прошеніе: нѣтъ отвѣта. Кажется, я просилъ Томскихъ отцовъ.

Проѣхали двѣ горы, огромныя, особенно страшенъ спускъ. Тормозимъ. Спустились благополучно. Такихъ горъ нѣтъ въ Россіи.

5. Село *Семилужное*. Въ ямѣ, между горами. Церковь каменная на горѣ. Чтится образъ Святителя Николая и выносится крестнымъ хожденіемъ въ Томскъ (29 верстъ), равно и возвращается такимъ же образомъ. Преосвященный Аѳанасій, бывшій Томскій (сконч. 1868 г. въ Казани) хаживалъ въ этомъ крестномъ хожденіи изъ Томска. Удивительная ревность! Еще удивительнѣе крѣпость телѣсная! Онъ это дѣлалъ, отслуживши литургію въ Томскѣ и прямо изъ церкви сюда. Приходили уже въ 8 часовъ вечера.

Я захотѣлъ быть въ этой церкви. Подъѣхали прямо къ ней. Я послалъ попросить священника. Сказали: «нѣтъ дома, уѣхалъ съ требой» (кажется, нѣтъ; онъ нездоровъ нетрезвостію). Я вошелъ въ церковь, взялъ священническія одежды, облачился и пропѣлъ съ Ѳедоромъ молебенъ Святителю Николаю (жаль, не было подлинной прославляемой иконы Св. Николая; она въ Томскѣ). Это послѣдняя станція къ Томску—29 верстъ. Она извѣстна грабежами и разбоемъ: небезопасно ѣхать ночью, нападаютъ даже на обозы.

Самъ Томскъ питаетъ внутри себя этотъ сбродъ всевозможныхъ бродягъ и злодѣевъ, какъ сказываютъ. Во всей Сибири Томскъ почитается самымъ слабымъ и потачливымъ для сего бездѣльнаго класса

людей. Они-то партіями и выходятъ на большую дорогу на грабежъ. Имъ помогаютъ Татары (и въ Казани первые разбойники), какъ бы нарочно поселенные на полустанціи этого опаснаго переѣзда. Способствуетъ и мѣстность. Хотя трактъ идетъ по открытому возвышенному мѣсту, направо и налѣво, въ самомъ близкомъ разстояніи, страшныя пропасти, овраги и откосы, сбѣгающіе къ рѣкѣ Томи, которая полукругомъ огибаетъ Томскъ и окрестность. Овраги сіи покрыты густымъ лѣсомъ, больше кустарнымъ.

Мы пріѣхали благополучно въ Томскъ, въ 11 часу вечера. Въ монастырѣ Св. Алексія, гдѣ и архіерейскій домъ, растворены ворота; насъ ждутъ (дали телеграмму изъ Ачинска) и встрѣтили.

IV. Городъ Томскъ.

О. архимандритъ Викторъ, настоятель монастыря, и іеромонахъ Лазарь, экономъ архіерейскаго дома, окружили меня своими ласками, услугою. Преосвященнаго Платона нѣтъ. Онъ путешествуетъ по епархіи. Мнѣ отвели весь домъ его. Дали хорошій ужинъ, и я уснулъ сладко.

16-е число. Вторникъ. Св. Тихона Амафунтскаго.

Спалъ покойно, проснулся въ 7-мъ часу. Просыпаясь твержу: *человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ!* Сіи слова и другія этого же псалма пою во снѣ уже по двѣ ночи.

Лице мое страшно красно, даже опухло, подтеки подъ глазами. Я ѣду незакрываясь: нахожу сіе пріятнымъ и нужнымъ, потому что въ закрытой повозкѣ надлежало бы лежать (много клади), а сидѣть нельзя.

Былъ у литургіи въ домовой церкви. Служилъ іеромонахъ, старикъ сгорбленный, младенчески-тонкоголосый, живой, прозрачный, легкій (изъ крестьянъ).

Былъ о. каѳедральный протоіерей съ просфорою. Разсказалъ: «Въ Калугѣ, въ Вознесеніе, семинаристъ-причетникъ ударилъ кулакомъ преосвященнаго Григорія, стоявшаго на амвонѣ, въ литургіи, предъ малымъ выходомъ. Митра покатилась съ головы преосвященнаго, и самъ онъ упалъ». Такихъ злодѣевъ не было между нашими до сихъ поръ. Намъ ихъ дарятъ похитившіе изъ рукъ духовной власти духовное просвѣщеніе. Примѣчательно еще: этого семинариста-злодѣя судъ оправдалъ, нашедши его помѣшавшимся въ разсудкѣ. И это образцы новѣйшаго образованія!

Поѣхалъ по городу. Былъ: 1. Въ *каѳедральномъ соборѣ.* Храмъ раздѣленъ стѣною вдоль на двѣ половины; направо Введеніе во храмъ

Пресвятыя Богородицы, налѣво Благовѣщеніе. Въ первомъ я служилъ дважды: а) въ новый годъ 1862 года, съ преосвященнымъ Порфиріемъ, проѣзжая изъ Казани въ Красноярскъ; б) 5 Декабря 1866 года, при погребеніи преосвященнаго Виталія. Я пріѣзжалъ для сего изъ Красноярска (съ о. каѳедральнымъ протоіереемъ Василіемъ).

Соборъ хорошій, но имѣетъ видъ приходской церкви. Храмъ Благовѣщенія исправляютъ.

Соборъ стоитъ на маленькой и косой полуплощади. Около него ограда; на Западъ, совсѣмъ нѣтъ ея, на Югъ и Сѣверъ съ сажень отъ стѣны храма; на Востокъ поларшина и менѣе, не пройти и ребенку. Вотъ Сибирь! Вотъ образчикъ своеволія и продерзостей Сибирской команды! Такъ и въ Енисейской губерніи, сжаты, сплюснуты, обезображены пустыми постройками храмы Божіи.

2. Въ *Иннокентіевой общинѣ*. Женская обитель, кажется, еще не утвержденная именемъ монастыря. Построена купцомъ Яковомъ Ивановичемъ (Петровъ-Родіоновъ), мѣсто отличное, за городомъ, на высшемъ мѣстѣ, большое мѣсто монастырю, еще большее для сада и огорода въ смежности. Монастырь уже обнесенъ каменною оградою. Хорошій двухъ-этажный корпусъ для сестеръ; два отдѣльныхъ храма. Я былъ въ лѣтнемъ, Св. Иннокентія. Мнѣ отпѣли здѣсь панихиду по преосвященномъ Порфиріи, который здѣсь погребенъ (подъ алтаремъ, справа, въ хорошемъ склепѣ). Храмъ изящный, архитектура смѣлая, легкая: свѣтло какъ въ раю.

Зашелъ къ игуменіи Евпраксіи. Старушка, купеческая вдова. У нея, при ея келіяхъ, домовая церковь, тоже изящнаго вкуса (дивлюсь: это хотя бы въ Москвѣ). У игуменіи чай и закуска. Тутъ храмоздатель и супруга его. Собрано уже десятка два сестеръ, умѣютъ пѣть. Чистота и опрятность въ церкви, въ келіяхъ, повсюду примѣрныя. Заводятся изящныя рукодѣлья.

3. Къ храмоздателю Якову Ивановичу: огромный, необыкновенно тучный мужчина, хотя простого происхожденія (кажется изъ крестьянъ), но человѣкъ мыслящій, разумный, даже либеральный въ наилучшемъ смыслѣ. Супруга его Марья Ивановна, тоже тучная, но сердца нѣжнѣйшаго, сущая женщина, доброта, благожеланіе, добродѣтель дышутъ въ рѣчахъ, во взорѣ, въ движеніяхъ ея, блаженная душа! Ей я приписываю и значущую часть добродѣтелей ея супруга. Могуществомъ своей прекрасной души она заставила его полюбить добродѣтель и благочестіе, даже быть подвижникомъ ихъ. (Яковъ Ивановичъ сперва, говорятъ, былъ довольно воленъ, въ дурномъ Европейскомъ духѣ).

Да украшаетъ Господь житіе ихъ! Да благословитъ домъ ихъ и все, что̀ ихъ и окрестъ ихъ! Они меня полюбили идеально, ни за что, по единой настроенности любить служителей духовныхъ.

Здѣсь была хорошая, отличная закуска.

Вечеромъ былъ у о. архимандрита Виктора. Онъ изъ Россіи, но служитъ въ Сибири давно. Вседушевно-религіозный человѣкъ, самыхъ непорочныхъ мыслей, не знающій, не испытавшій, не понимающій коловратностей и суетъ міра сего. Много было рѣчей, и всѣ умныя, честныя, достойныя. Насъ было трое, третій отецъ Лазарь. Вечеръ мягкій, прошлись и по монастырю.

Получилъ изъ Красноярска отъ отца-протоіерея телеграмму съ благожеланіями. Тамъ все хорошо, и я отвѣчалъ.

17-е число Іюля. Середа. Святыхъ Самуила, Савела.

Вставши осмотрѣлъ мѣста ушибенныя (12 числа) на правой ногѣ, черно-багровая полоса, на лѣвой—менѣе багровая-красная. Шишка на головѣ проходитъ. Въ плечѣ не чувствую боли. Вздохъ немного колетъ подъ ребрами. Меня спасла теплая густая камилавка, бывшая на головѣ моей: еслибъ я упалъ голою головою, или подъ тонкимъ покровомъ, вѣроятно я убился бы до смерти. (Въ Москвѣ я перешилъ ее и положилъ на нее новую крепу. Сберегу ее до смерти. Равно и ряску, въ которой я тогда былъ, упавши. Ее я носилъ четыре года и въ ней ходилъ обычно въ домовую церковь слушать службы).

Былъ у литургіи въ монастырской церкви Казанскія Богоматери. Служба протяженная, съ прибавленіями: послѣ часовъ акаѳистъ страстямъ Господнимъ (соч., кажется, Иннокентія Борисова) со всѣмъ послѣдованіемъ. Литургія.

Потомъ я попросилъ отпѣть литію надъ могилою преосвященнаго Виталія, въ этой церкви за правымъ клиросомъ погребеннаго, а отсюда за церковію, надъ могилою блаженнаго Ѳедора Кузьмича, тоже отпѣли литію.

Могила съ монументомъ, ограждена на Сѣверо-востокъ отъ алтаря, близъ построекъ.

Былъ у меня о. ректоръ Семинаріи архимандритъ Моусей съ четырьмя учащими и съ учениками Енисейской епархіи. Учениковъ я благословилъ, пожелалъ имъ добраго окончанія ученія, съ ректоромъ же и учащими завелъ рѣчь о новомъ образованіи и крѣпко не похвалилъ тѣ стороны его, которыя мнѣ казались достойными порицанія, и пуще всего, отторженіе надзора за ученіемъ отъ духовной власти, и еще уничтоженіе духовнаго сословія въ дѣтяхъ духовныхъ.

Тутъ былъ Шавровъ, инспекторъ и профессоръ, дурной души и правилъ; онъ можетъ повредить мнѣ, передавъ мои рѣчи (съ украшеніями) въ Петербургъ.

Съ о. архимандритомъ Викторомъ мы ѣздили къ новому собору, недостроенному и обрушившемуся и брошенному. Его начали строить золотопромышленники въ 1843 году (въ тоже время начали строить такой же соборъ, тоже золотопромышленники, въ Красноярскѣ; и здѣсь соборъ обрушился же, разобранъ и снова построенъ Сидоромъ Григорьевичемъ Щеголевымъ). Въ 1856 года онъ обрушился и оттолѣ доселѣ стоитъ, непокрытый, незащищенный отъ дождей, снѣговъ и вѣтровъ. Строила комиссія, изъ всѣхъ начальниковъ города. Преосвященный между ими былъ, по свойственному намъ смиренію, послѣдній. Безпечность, своеволіе и грабежъ, украшали сей комитетъ.

Вечеромъ былъ на чаѣ у о. Лазаря, іеромонаха, эконома архіерейскаго дома. Былъ священникъ и благочинный, овдовѣлъ, человѣкъ разумный и энергичный, достоинъ своего мѣста.

Тутъ былъ и о. архимандритъ. Разговоры шли живо, хотя впрочемъ мірскіе и полуученые.

Входитъ къ намъ юродивая, Домна Карповна, извѣстная всему городу. Сперва она заговорила рѣчи непонятныя; между ними я отдѣлилъ только рѣчь: «не теряйте записокъ!» Это она мнѣ много разъ твердитъ и даже пишетъ въ письмахъ. Нужное слово! Отъ потери одной записки я едва не потерялъ всю службу (въ 50-хъ годахъ).

Потомъ она произнесла чисто и ясно два вопроса: 1. «Можно ли грѣшнику, состоящему подъ епитиміею, причащаться? 2. Можно ли причащаться черезъ мѣсяцъ?» Вопросы сіи я отношу къ себѣ: они суть и поученіе мнѣ, какъ понимаетъ моя совѣсть. (12 Сентября 1870 года, въ Перервинскомъ монастырѣ).

Она при томъ подарила мнѣ пучекъ зеленаго лука. А поутру, она же подарила мнѣ женскій черной матеріи теплый чепчикъ, довольно поношеный.

Домна Карповна Малороссіянка, женщина повидимому образованная, ссыльная, юродствуетъ уже болѣе десяти лѣтъ. Она не имѣетъ собственно одежды, а вся обложена лоскутьями и кусками матерій, бумаги, рогожъ, мѣшковъ, веревокъ, мочалъ.

Да дастъ ей Господь терпѣніе и мужество проходить избранный ею скорбный путь!

Она не живетъ въ домѣ, а на улицѣ, и большею частію въ папертяхъ церковныхъ. Такъ и зимою!

Отойдя отъ насъ въ переднюю, она запѣла мужественнымъ и нѣжнымъ женскимъ голосомъ: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу».... и ушла.

Здѣшній преосвященный Платонъ, Москвитянинъ родомъ, по фамиліи Троепольскій. Онъ былъ ректоромъ С.-Петербургской семинаріи.

Здѣсь ему семинаристы подарили трость камышевую (безъ колѣна). съ огромнымъ набалдашникомъ, сребро-позлащеннымъ, украшеннымъ камнями. А здѣсь граждане подарили ему тоже трость, изъ разныхъ яшмъ. Обѣ эти трости такъ высоки и толсты, что могутъ назваться чудовищными, и потому употреблять ихъ, кажется, нельзя. Однако это служитъ знаменіемъ уваженія къ преосвященному, которое надобно заслужить, а исторгнуть нельзя.

Подъ благовиднымъ предлогомъ обозрѣнія епархіи онъ уѣхалъ въ Алтайскія горы къ минеральнымъ водамъ у Барнаула лѣчиться.

Преосвященный Платонъ похваляется въ Томскѣ за искренность, ревность, безпристрастіе въ управленіи. Предшественники его уронили честь архіерейскую, особенно послѣдній, Алексѣй, опрометчивый, дерзкій, своенравный.

18-е число Іюня. Четвергъ. Св. Леонтія, Ипатія, Ѳеодула. Боголюбскія Божіей Матери.

Сегодня я предполагалъ выѣхать въ мой путь, но разстройство живота сдѣлалось опаснымъ и лишило возможности предпринять путь, по крайней мѣрѣ угрожало стыдомъ. Я остался; къ тому показался дождь, что́ здѣсь рѣдкость. Написалъ благодарственное письмо преосвященному Платону за пребываніе въ его домѣ. Былъ у литургіи.

Прочиталъ секретный указъ изъ Св. Синода преосвященному Порфирію (здѣшнему) отъ Февраля 1862 года, по дѣлу семинаріи Томской.

Преосвященный Порфирій, замѣтивъ, что въ отчетахъ о семинарскихъ суммахъ не упоминается а., о церковныхъ доходахъ (при семинаріи есть церковь), б., о суммѣ, собираемой съ своекоштныхъ семинаристовъ за содержаніе ихъ въ семинаріи, потребовалъ отчета и самыхъ суммъ по обѣимъ статьямъ. Это было среди Страстной недѣли. Предложеніе требовало представить то и другое на слѣдующій день (въ Великій Пятокъ или Субботу). Правленіе семинаріи, кромѣ прочаго, и по самой краткости времени, не могло выполнить приказанія. Началось дѣло. Ректоръ семинаріи (Веніаминъ) и инспекторъ (Владиміръ) въ это время уже были назначены: первый въ епископа-викарія въ Иркутскъ, второй инспекторомъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Преосвященный ихъ обоихъ задержалъ, нарядилъ коммисію изъ Томскихъ священниковъ, даже пригласилъ полицейскаго чиновника въ качествѣ свидѣтеля при произведеніи слѣдствія; вмѣстѣ съ симъ, пріостановивъ у обоихъ отцовъ ихъ жалованіе, назначилъ двѣ трети къ вычету въ пополненіе могущихъ открыться недочетовъ. Кромѣ сего остановилъ и самый ихъ выѣздъ изъ Томска по назначенію. Межъ

тѣмъ ректоръ и инспекторъ сами отъ себя послали прошеніе объ этомъ же въ Правленіе Казанской Духовной Академіи, которое, разсмотрѣвъ дѣло, составило опредѣленіе въ пользу просителей и представило оберъ-прокурору Сvнода. Сvнодъ, разсмотрѣвъ все это, нашелъ ректора и инспектора правыми и обиженными, а преосвященнаго заносчивымъ, оскорбителемъ и несправедливымъ.

Указъ изложилъ дѣло ясно, точно, подробно и наложилъ опредѣленіе степенно, правдиво, извлекши обвиненіе изъ сущности и обстоятельствъ дѣла. Вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ посылались въ Сvнодъ и другія частныя жалобы и злостные доносы на преосвященнаго Порфирія. Сvнодъ назначилъ ревизію надъ дѣйствіями самого преосвященнаго. Ревизоромъ назначенъ Иркутскій преосвященный Парѳеній, предъ тѣмъ бывшій Томскимъ, оскорбленный преосвященнымъ Порфиріемъ, яко преемникомъ своимъ, который измѣнилъ и отмѣнилъ его нѣкоторые порядки и, можетъ быть, касавшимся чести и раціональности его управленія.

Ревизія произведена. Сvнодъ, вслѣдъ за симъ, преосвященнаго Порфирія уволилъ отъ управленія епархіею.

Преосвященный Порфирій имѣлъ небольшую слабость невоздержанія, которое при такихъ обстоятельствахъ увеличилось. Онъ скончался отъ удара, полученнаго въ гостиной преемника его преосвященнаго Виталія, при которомъ дерзкій секретарь консисторіи, рѣчью *на ты*, поразилъ преосвященнаго Порфирія.

Его похоронили въ Томскѣ, во храмѣ Инокентіевой общины, который онъ освятилъ къ заложенію. Здѣсь его чтутъ. Онъ положенъ подъ алтаремъ на правой сторонѣ.

Прибавлю свое. Въ 1854 г. въ Февралѣ, когда я былъ уже назначенъ въ епископа, директоръ Духовно Учебнаго Управленія, Александръ Ивановичъ Карасевскій, хорошо знавшій меня съ 1838 года, спросилъ меня: «Кого бы вы желали на мѣсто ваше ректоромъ въ Ярославскую семинарію?» Я сперва сказалъ: не знаю, потому что служилъ далеко отъ центровъ управленія. Потомъ попросилъ времени подумать. Пріѣхавши домой, я спросилъ моего товарища по чредѣ, архимандрита Платона Ѳивейскаго, тогда бывшаго ректоромъ Владимирской семинаріи (нынѣ архіепископъ Костромской): «Кого бы рекомендовать?» Платонъ преубѣдительно сталъ просить меня, чтобъ я рекомендовалъ о. Порфирія, тогда бывшаго ректоромъ Тобольской семинаріи. Такъ я и сдѣлалъ, и о. Порфирій изъ Тобольска переведенъ въ Ярославль на мое мѣсто.

Съ этого случая я положилъ себѣ за строгое правило рекомендовать кому либо другого только того, кого я самъ достаточно знаю.

Преосвященный Порфирій изъ Ярославля скоро взятъ въ Москву викаріемъ къ великому Филарету (не знаю по какому поводу), но и скоро удаленъ былъ отъ него: Филаретъ началъ имъ тяготиться.

По моему мнѣнію и согласно опредѣленію Сvнода, преосвященный Порфирій совершенно виноватъ въ дѣлѣ семинаріи. Ревность о казнѣ дурно прикрывала его ненависть къ начальству семинаріи и личную месть. Церковные доходы могутъ и не входить въ отчетъ семинаріи, который дается лишь по капиталу, полученному отъ казны по формальному расписанію. Во всякомъ случаѣ не надлежало спѣшить суровыми и грозными мѣрами ареста и слѣдствія, не объяснившись о дѣлѣ съ начальствомъ семинаріи словесно. Преосвященный Порфирій задержалъ на цѣлый годъ два лица, назначенныя высшимъ начальствомъ на другія высокія мѣста; это есть превышеніе власти въ высшемъ размѣрѣ.

Я былъ въ Томскѣ, проѣзжая на службу въ Красноярскъ, 30 и 31 Декабря 1861 года и 1 Января 1862 года (почти чрезъ годъ по событіи и лишь за мѣсяцъ до полученія о семъ указа изъ Сvнода), и имѣлъ широкій диспутъ съ преосвященнымъ по сему дѣлу. Хотя исторію его передавалъ мнѣ самъ преосвященный, слѣдовательно съ украшеніемъ ея въ свою пользу, но я былъ совершенно противъ него и за семинарію, выговаривая ясно: «Тутъ месть, а не ревность. Дѣло не стоило такого шума. Казна не страдаетъ. Вы не уполномочены предрѣшать дѣло своимъ мнѣніемъ. Вы не имѣли права задерживать лица, назначенныя высшимъ начальствомъ къ другимъ должностямъ. Достаточно было, если вы, въ самомъ дѣлѣ, находите или предполагаете безпорядокъ, донести о немъ Св. Сvноду».

Сегодня опять была у меня Домна Карповна. Принесла: а) баночку кутьи (бѣлая сладкая каша съ изюмомъ), б) просфору, в) побольше 20 копѣекъ мѣдныхъ денегъ разныхъ чекановъ, г) пучокъ зеленаго лука, обѣщая мнѣ *царство небесное*, среди непонятныхъ рѣчей.

Тутъ мнѣ напоминается смерть, покаяніе. Вразумляйся!

Въ 5 часовъ вечера, съ о. Лазаремъ, я ѣздилъ въ домъ купца Семена Ѳеофановича Хромова, у коего на дворѣ, въ особомъ домикѣ, прожилъ послѣдніе годы блаженный старецъ Ѳедоръ Козмичъ, скончавшіся въ глубокой старости 20 Января 1864 года. Домикъ съ небольшими сѣнями, одна горница съ тремя небольшими окнами на дворъ и въ садъ, печь съ лежанкою. Иконописные образа, лубочныя картины Св. Георгія Побѣдоносца (безъ коня), Николай Чудотворецъ съ мечомъ и храмомъ (Можайскій), два изображенія Аѳонскія Божія Матери.

Сего блаженнаго Ѳеодора, сужденнаго (кажется, въ Перми) за бродяжество и наказаннаго плетьми, сослали въ Сибирь на поселеніе

лѣтъ за 40 передъ симъ и болѣе. Ему назначена Томская губернія для водворенія. Сперва онъ жилъ въ Бѣлоярской станицѣ, Енисейской губерніи, на берегу рѣки Чулыма, въ 12 верстахъ отъ Ачинска. (Тамъ доселѣ остается его келія у благочестиваго казака. Я въ ней былъ. Родъ острога. Окна аршина три выше пола, маленькія, полусвѣтъ, печь съ лежанкою). Здѣсь есть его образъ, Итальянской живописи, и какой-то таинственный вензель, въ которомъ прежде всего видна буква *А*.

Удивительно: есть мнѣніе, якобы этотъ Ѳедоръ Козмичъ никто иной, а императоръ Александръ Павловичъ, сокрывшійся подъ именемъ бродяги изъ политическихъ и религіозныхъ цѣлей. Лѣта и время подходятъ *).

Ѳедоръ Козмичъ говорилъ рѣдко, въ тактъ, какъ бы считая слова свои или маршируя. Рѣчи простыя, но отборныя, чаще загадочныя. Онъ однако болѣе молчалъ, говорилъ въ нуждѣ и весьма мало.

Онъ ходилъ въ простой бѣлой крестьянской рубахѣ и нижнемъ платьѣ, лѣтомъ босой и безъ шапки. Велъ жизнь сокровенную, подвижническую. Просившимъ его наставленій либо отказывалъ, либо давалъ очень краткія, простыя, а чаще загадочныя. Въ самомъ началѣ политическихъ рѣчей прекращалъ разговоръ и какъ бы вспыхивалъ. Барабанъ и военная музыка приводили его въ оживленіе, сколько онъ ни старался это скрыть.

Ѳедоръ Козмичъ современенъ старцу Даніилу, скончавшемуся и погребенному въ женскомъ Енисейскомъ монастырѣ. Они и жили почти въ смежности одинъ съ другимъ: деревня Зерцало, въ коей подвизался блаженный Даніилъ, была въ верстѣ иль двухъ отъ Бѣлоярской станицы, хотя состоитъ въ Томской губерніи, а Бѣлоярская въ Енисейской.

Ѳедоръ Козмичъ искалъ сблизиться съ Даніиломъ, но сей послѣдній уклонялся и, кажется, не сходствовалъ съ нимъ въ понятіяхъ и правилахъ. У Ѳедора Козмича проглядывало Западъ-католичество; Даніилъ былъ чистѣйшій православный.

Хромовъ года за два предъ симъ нарочно ѣздилъ въ Петербургъ, имѣя желаніе испросить дозволеніе представиться Императору и объяснить мнѣніе о семъ Ѳедорѣ Козмичѣ. Былъ и въ дворцѣ, близъ ка-

---

*) Только у насъ въ Россіи, благодаря долгому господству исторіографическаго невѣжества, могло возникнуть такое загробное самозванство. Къ сожалѣнію, его поддерживалъ покойный Н. К. Шильдеръ и только потому, что однажды, когда онъ былъ въ горячечномъ бреду, Томскій старецъ явился передъ нимъ, яко бы въ очію; а М. И. Семевскій въ „Русской Старинѣ“, всячески распространялъ эту басню, съ намеками о томъ, будто Александръ Павловичъ ушелъ въ Сибирь каяться въ томъ, что не далъ Россіи конституціи! П. Б.

бинета Государя, но не былъ допущенъ, потому что не хотѣлъ передать сихъ важныхъ рѣчей никому кромѣ Государя (чего требовали окружавшіе Государя).

Ѳедоръ Козмичъ, какъ сказано выше, погребенъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Вечеромъ, въ 11-мъ часу, когда я уже лежалъ въ постели, вторглась ко мнѣ Домна Карповна (ея не пустили), несла мнѣ рѣдьку: символъ горечи, какую мнѣ доводится встрѣтить въ жизни (я подумалъ).

19 число Іюля. Пятница. Ап. Іуды. Паисія Великаго.

Разстройство живота.

Я грустенъ. Но уже надобно было ѣхать. Примѣтно начинаютъ тяготиться.

Мнѣ пожелалъ сопутствовать до Казани и до Москвы іеродіаконъ Іустинъ, изъ Пензенскихъ, какъ-то сюда зашедшій. Ему меньше 30 лѣтъ. Предался нетрезвости. Имъ начали тяготиться и угрожать высылкою въ Пензу.

Я позвалъ его къ себѣ. Предложилъ довести его даромъ до Москвы, если онъ согласится прислуживать мнѣ въ дорогѣ. Онъ согласился, и я радъ, прося его не предаваться своей слабости въ пути.

Погода разгулялась. Послѣ вчерашняго обильнаго дождя свѣжо и благоухаетъ, но въ воздухѣ сухая-мгла-изгарь. (Она будетъ меня преслѣдовать почти до Москвы).

Городъ Томскъ едва-ли не лучшій всѣхъ въ Сибири (кромѣ Екатеринбурга), съ двадцатью тысячами жителей, расположенъ на высокомъ берегу (правомъ) величественной рѣки *Томи*, вытекающей изъ Алтайскихъ горъ (верстъ до 500 отсюда). Рѣка сажень 100, свѣтлая, несется быстро, берега чистые.

Рѣка Томь впадаетъ въ Обь. Изъ Томска заведено пароходство до Тюмени, черезъ рѣки Томь, Обь, Иртышъ, Тоболъ и Туранъ. Симъ на 1500 верстъ облегчается сухопутное движеніе.

ДОКЛАДЪ О ЕВРЕЯХЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

1812.

Печатаемый ниже докладъ императору Александру I, отъ Еврейскаго Комитета, учрежденнаго 5-го Января 1809 года, составляетъ тѣмъ болѣе важный документъ, что онъ воспроизведенъ съ подлинника, на поляхъ котораго сохранились кое-гдѣ собственноручныя отмѣтки карандашомъ самого Государя, обращавшаго особенное вниманіе на ту или другую мысль доклада, а иногда и подчеркивавшаго казавшіяся ему особенно важными мѣста. Докладъ этотъ есть плодъ двухлѣтнихъ трудовъ комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника В. С. Попова и окончившаго возложенное на него порученіе 17-го Марта 1812 года, наканунѣ разразившейся надъ Россіей грозы Наполеоновскаго нашествія.

Военныя обстоятельства того времени помѣшали облечь этотъ докладъ въ законодательную форму; по крайней мѣрѣ въ правительственныхъ распоряженіяхъ того времени по Еврейскому вопросу нѣтъ даже и малѣйшаго намека, по которому можно было бы судить о томъ, что трудъ комитета послужилъ основаніемъ для той или другой законодательной мѣры по отношенію къ Евреямъ.

Тѣмъ не менѣе трудъ этотъ во многихъ отношеніяхъ имѣетъ важное историческое значеніе. Въ немъ встрѣчается нѣсколько данныхъ, вошедшихъ въ него изъ разныхъ документовъ, которые находились въ распоряженіи комитета и которые навсегда погибли въ пожарѣ 1862 года, истребившемъ архивъ Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Кромѣ того этотъ памятникъ представляетъ любопытное разрѣшеніе Еврейскаго вопроса въ духѣ терпимости, просвѣщеннаго свободолюбія и полной справедливости.

М. Ѳ. Шугуровъ.

*

Его Императорскому Величеству отъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія Еврейскихъ дѣлъ. *Докладъ.* Именнымъ высочайшимъ указомъ, въ 5-й день Генваря 1809 года на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова даннымъ, вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть:

1-е. Разсмотрѣть въ совокупности всѣ встрѣтившіяся препятствія и затрудненія въ переселеніи Евреевъ.

2-е. Изслѣдовать вытребованныя въ разныя времена отъ депутатовъ Еврейскихъ обществъ мнѣнія о поправленіи ихъ участи и

3-е [1]). Изыскать мѣры, посредствомъ коихъ Евреи, бывъ удалены отъ единственнаго промысла ихъ (продажи вина по селамъ, деревнямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ) могли бы доставлять себѣ пропитаніе работою.

Приступивъ къ исполненію сей высочайшей воли, комитетъ прежде всего долгомъ счелъ обратиться къ тѣмъ началамъ, на коихъ было основано Положеніе 1804 года Декабря 9-го дня.

Начала сіи, какъ изъясняется во всеподданнѣйшемъ докладѣ, при коемъ поднесено Положеніе 1804 года на высочайшее вашего императорскаго величества утвержденіе, состояли въ слѣдующемъ:

1-е [2]) «Извлечь Евреевъ, сколько можно, изъ настоящаго унизительнаго ихъ состоянія, представя имъ способы и нравственную необходимость обратиться къ трудолюбію, снискивать себѣ пропитаніе способами честными и безвредными».

2-е [3]). «Привести въ надлежащіе предѣлы особенное внутреннее ихъ управленіе и соединить ихъ пользы подъ одно управленіе, всѣмъ подданнымъ общее».

3-е. «Открыть имъ всѣ способы къ просвѣщенію, представя имъ всѣ нужныя къ тому ободренія и надежды [4]), и положивъ для нихъ необходимостію употреблять общій языкъ и

4-е [5]). «Пресѣченіемъ мелкихъ злоупотребительныхъ промысловъ и ободреніемъ въ общеполезныхъ упражненіяхъ привлечь ихъ, сколь можно, къ земледѣлію, фабрикамъ, ремесламъ и общежительности».

При опредѣленіи свойства и существа тѣхъ средствъ, коими предполагалось привести постепенно начала сіи въ дѣйствіе, предшествовавшій комитетъ въ журналѣ своемъ 1803 года Сентября 20-го дня разсуждалъ:

«Что преобразованія, производимыя властію правительства, вообще не прочны, и особенно въ тѣхъ случаяхъ малонадежны, когда власть сія должна бороться съ столѣтними навыками [6]), съ закоренѣлыми заблужденіями, съ суевѣріемъ неумолимымъ; что посему лучше и надежнѣе вести Евреевъ къ совершенству, отворяя только пути къ собственной ихъ пользѣ, надзирая издалека за движеніемъ ихъ и удаляя все, что съ дороги сей совратить ихъ можетъ, не употребляя впрочемъ никакой власти, не назначая никакихъ особенныхъ заведеній, не дѣйствуя вмѣсто ихъ, но раскрывая только собственную ихъ дѣя-

---

[1]) Противъ этого пункта на поляхъ рукою императора поставлено NB.

[2]) На поляхъ NB императора.

[3]) Тоже.

[4]) Тоже.

[5]) NB императора.

[6]) Тоже.

тельность. *Сколь можно менье запрещенія, сколь можно болье свободы* [1]). Вотъ (изъяснялъ комитетъ) простыя стихіи всякаго устройства въ обществѣ!»

«Въ исчисленіи вѣроятностей, опредѣляющихъ дѣйствіе человѣка [2]), первымъ основаніемъ (изъяснялъ комитетъ) должно всегда полагать частный прибытокъ, сіе внутреннее начало, нигдѣ и никогда не престающее и отъ всѣхъ законовъ ускользающее, когда сіи законы для него стѣснительны. Что правительства, кои въ учрежденіяхъ политическихъ забывали или пренебрегали сію истину, не рѣдко принуждены бывали, послѣ великихъ издержекъ, оставлять свои предпріятія. Что можно бы было представить множество примѣровъ безплодныхъ въ семъ родѣ попытокъ, въ торговлѣ, въ ународованіи, въ просвѣщеніи: вездѣ, гдѣ правительства мнили приказывать, вездѣ являлись одни только призраки успѣховъ, кои, подержась нѣсколько времени на воздухѣ, исчезали вмѣстѣ съ началами, ихъ родившими. Что, напротивъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, кои заводились нечувствительно, образовались частнымъ прибыткомъ, поддерживались свободою и были только покровительствуемы правительствомъ, была видима внутренняя сила, ихъ утверждающая, существовало непоколебимое основаніе, временемъ и личною пользою положенное».

«Всѣ сіи уваженія (изъяснялъ комитетъ) заставляютъ и въ образованіи Евреевъ предпочесть средства *тихаго ободренія* [3]), возбужденія собственной ихъ дѣятельности и пресѣченія только тѣхъ препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства и сами собою пресѣчься не могутъ».

Соотвѣтственно симъ началамъ, по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, разосланы министромъ внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ начальствамъ циркулярныя отношенія, въ коихъ между прочимъ изъяснялось слѣдующее:

«При учрежденіи комитета о Евреяхъ никакъ не было въ намѣреніи стѣснять ихъ состояніе или умалить существенныя ихъ выгоды; напротивъ того, предполагается имъ лучшее устройство и спокойствіе, а потому оставались бы они въ твердой увѣренности къ правительству, пользу ихъ назирающему».

Руководствуясь сими началами, высочайшаго вашего императорскаго величества утвержденія удостоенными, комитетъ, указомъ 1809 года учрежденный, разсматривалъ:

1-е Донесенія губернскихъ начальствъ о затрудненіяхъ и препятствіяхъ, встрѣченныхъ въ переселеніи Евреевъ и вообще въ исполненіи 34-й статьи Положенія 1804 года.

2-е Прошенія повѣренныхъ отъ Еврейскихъ обществъ почти всѣхъ губерній, частію поданныя на имя предсѣдательствующаго въ комитетѣ

---

[1]) Подчеркнуто рукою императора; на поляхъ NB.

[2]) NB императора.

[3]) Подчеркнуто рукою императора; на поляхъ NB

дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова, а частію обращенныя министромъ внутреннихъ дѣлъ тайнымъ совѣтникомъ Козодавлевымъ къ разсмотрѣнію комитета о поспѣшнѣйшемъ разрѣшеніи ихъ участи и избавленіи отъ угрожающаго имъ совершеннаго разоренія и

3-е. Вытребованныя въ разныя времена, по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, мнѣнія отъ депутатовъ Еврейскихъ обществъ о поправленіи участи Еврейскаго народа и перемѣнахъ въ Положеніи 1804 года.

А. *Относительно препятствій, встрѣченныхъ въ переселеніи Евреевъ и недостатка средствъ къ приведенію въ исполненіе 34-й статьи Положенія 1804 года.*

Существо представленій губернскихъ начальствъ по сему предмету ясно и съ достаточною подробностью изложено уже было въ запискѣ, докладыванной вашему императорскому величеству 1808 года Декабря 23-го дня бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ княземъ Куракинымъ. Ваше императорске величество въ уваженіе совершенной невозможности привести 34 статью Положенія въ дѣйствіе, высочайшимъ указомъ 1808 года Декабря 29-го дня высочайше повелѣть изволили: «Дѣйствіе 34 статьи Положенія 9-го дня Декабря 1804 года, равно какъ и указа 19-го Октября 1807 года остановивъ, Евреевъ до дальнѣйшаго впредъ повелѣнія оставить на ихъ жительствахъ по прежнему».

Причины, кои побудили ваше императорское величество къ изданію сего высочайшаго указа, какъ явствуетъ изъ вышеупомянутой записки, были слѣдующія:

1. «Евреи могли бы быть частію переселяемы въ города и мѣстечки; но великое число сихъ мѣстечекъ носятъ только одно имя, въ иныхъ изъ нихъ нѣтъ ни промысловъ, ни торговъ и никакихъ другихъ къ пропитанію способовъ. Переселяющіеся не могутъ найти въ нихъ никакого убѣжища, а тѣмъ менѣе могутъ по бѣдности сами себѣ выстроить домы».

2. «Нѣкоторые города, какъ-то Брестъ-Листовскій, и мѣстечка, какъ-то Тепликъ и пр., совсѣмъ выгорѣли. Они были наиболѣе обитаемы Евреями. Сіи, лишась домовъ, не только другимъ не могутъ дать пристанища, но и сами должны онаго искать по деревнямъ. Тамъ имъ въ томъ отказывается, такъ что и жившіе прежде по деревнямъ и погорѣвшіе принуждены бродить и скитаться».

3. «Казенныхъ фабрикъ нѣтъ таковыхъ, гдѣ бы изъявившіе желаніе быть ремесленниками могли быть опредѣлены на работы. Правительство не могло еще сдѣлать о семъ никакого особаго распорядка, и слѣдственно по нуждѣ надлежало бы таковыхъ Евреевъ оставить по деревнямъ, пока открыты будутъ способы доставить работою имъ пропитаніе».

4. «Частныхъ подобныхъ заведенiй равнымъ образомъ или совсѣмъ въ иныхъ мѣстахъ не находится, или же въ столь маломъ числѣ и видѣ, что только развѣ нѣсколько Евреевъ могли бы въ иныхъ найти пристанище».

5. «Переселенiе ихъ на помѣщичьи земли и потому еще не можетъ имѣть мѣста, что каждому, есть ли бы на то и рѣшился, потребно время къ хозяйственному устроенiю, что̀ въ столь краткiй срокъ не могло быть сдѣлано; отъ того многiе хотя и изъявили желанiе перейти на помѣщичьи земли, но, бывъ изъ селенiй высланы, все еще будутъ скитаться, пока найдутъ, гдѣ пристать».

6. «Многiе изъ нихъ съ давняго времени имѣютъ контракты съ помѣщиками и находятся у нихъ въ услуженiи по корчмамъ, при перевозахъ и пр.; всѣ они, какъ непостоянно поселенные, должны оставить свои жилища, чѣмъ и контракты нарушатся, и они останутся безъ пропитанiя».

7. «Удовлетворенiе требованiй изъявившихъ желанiе перейти на казенныя земли не только потому неудобно, что казна должна бы была сдѣлать весьма знатное для сего пожертвованiе въ виду невѣрнаго еще успѣха, но и совсѣмъ невозможно: въ тѣхъ губернiяхъ, гдѣ Евреи жительствуютъ, нѣтъ совсѣмъ почти казенныхъ свободныхъ земель какъ напр. въ Гродненской считается не болѣе 200 десятинъ, между тѣмъ какъ тамъ въ первый годъ нѣсколько сотъ семействъ изъявили желанiе перейти на казенныя земли; въ другихъ губернiяхъ онѣ еще опредѣлительно не могли быть назначены. Впрочемъ во всякомъ случаѣ переселенiе въ одинъ годъ отъ 10 до 15 тысячъ семей совершенно невозможно, и однѣ обѣщанныя ссуды, сверхъ прочихъ при семъ затрудненiй, потребовали бы знатныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ всѣхъ Евреевъ, таковое желанiе изъявившихъ, по необходимости надлежало-бы оставить въ настоящихъ ихъ жительствахъ, пока они были бы постепенно переселяемы на казенныя земли, къ чему потребно нѣсколько десятковъ лѣтъ по несоразмѣрному ихъ количеству».

«Вообще ни сами они не могутъ имѣть способовъ, оставивъ нынѣшнiя жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти оныя себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ имъ подать никакого пособiя. Надлежитъ присовокупить къ сему чрезмѣрную дороговизну во многихъ изъ тѣхъ губернiй, гдѣ они обитаютъ, двойныя подати, кои они притомъ платить обязаны и другiя исправляемыя ими повинности».

Причины, изложенныя дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Куракинымъ, суть почти все тѣже, кои еще въ 1807 году Февраля 10-го представлены были вашему императорскому величеству бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ и кои съ большею подробностью изъяснены въ журналѣ комитета, состоявшаго изъ министровъ: иностранныхъ дѣлъ, графа Будберга, внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, юстицiи, князя Лопухина и изъ тайныхъ

совѣтниковъ, князя Чарторыжскаго, графа Потоцкаго, Новосильцова и графа Чацкаго, высочайшаго утвержденія удостоенномъ.

Въ запискѣ 1807 года 10-го Февраля, высочайше утвержденной, министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ нужнымъ «дать отсрочку къ переселенію Евреевъ изъ деревень въ города и мѣстечки, поставивъ вообще націю сію въ осторожность противъ намѣреній Французскаго правительства».

При семъ случаѣ онъ изъяснялъ между прочимъ, «что сомнѣнія въ томъ никакого быть не можетъ, что правительство всѣми мѣрами должно удерживать постановленія свои, но нельзя отрицать, чтобы оно не могло найтись въ необходимости отступить иногда отъ правила сего» и пр.

Въ высочайшемъ рескриптѣ дѣйствительному тайному совѣтнику Алексѣеву, отъ 15-го Февраля 1807 года, между прочимъ сказано: «Нельзя не принять во вниманіе краткость остающагося срока къ переселенію Евреевъ, военныя обстоятельства, настоящее положеніе пограничныхъ губерній и разореніе, каковое Евреи понести должны, если силою понуждены будутъ къ переселенію».

Въ журналѣ комитета 1807 года 19-го Сентября, высочайше утвержденномъ, между прочимъ сказано: «Что невозможно по всѣмъ достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ въ столь краткій срокъ переселить изъ деревень всѣхъ Евреевъ, число коихъ, по объясненію графа Чацкаго, въ шинкахъ и корчмахъ въ восьми губерніяхъ (изъ края отъ Польши присоединеннаго составленныхъ) можетъ простираться до 60 тысячъ семействъ.

Что по представленіямъ отъ разныхъ начальниковъ губерній замѣчать должно, что такое принужденное въ столь короткое время переселеніе неминуемо подвергло бы людей сихъ совершенному разоренію; что, какія бы ни были побужденія, Евреевъ отъ переселенія удержавшія, правительству все не менѣе должно взять въ уваженіе, есть ли возможность такъ большое количество народа переселить въ столь краткое время, и при таковомъ крутомъ оборотѣ не лишится ли множество людей всякаго пропитанія, а вмѣстѣ съ симъ не произойдетъ ли тѣхъ неудобствъ, что города и мѣстечки наполниться могутъ нищими, и люди сіи отъ бѣдности могутъ пуститься на разные безпорядки и между прочимъ на грабежи и разбои.

Что война во все почти продолженіе трехъ лѣтъ отвлекала съ одной стороны все вниманіе владѣльцевъ на удовлетвореніе разныхъ воинскихъ потребностей и не дозволяла имъ заниматься какими-либо посторонними или даже собственными по хозяйству распоряженіями, а съ другой и самихъ Евреевъ (сверхъ платежа двойныхъ податей, во всѣхъ повинностяхъ при проходѣ войскъ, нарядѣ подводъ и пр., со всѣми другими обывателями участвовать долженствовавшихъ) лишала возможности устроить дѣла ихъ и приготовиться къ переселенію.

Что наконецъ и правительство равнымъ образомъ не могло въ сіе время ни учредить фабрикъ или какихъ-либо другихъ заведеній,

гдѣ бы переселенные Евреи могли работою себѣ снискивать пропитаніе, ни принять мѣръ къ водворенію всѣхъ тѣхъ, кои въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а особенно въ Минской, изъявили желаніе перейти въ Новороссійскія губерніи и обратиться въ земледѣльческое состояніе» и пр.

Тѣже самыя причины комитетъ встрѣчаетъ и нынѣ, и въ доказательство, что невозможность приведенія 34-й статьи въ дѣйствіе заключается не въ упорствѣ Евреевъ или не въ послабленіи начальства но въ естественномъ и политическомъ положеніи тѣхъ губерній, въ коихъ пребываніе Евреевъ ограничено, комитетъ считаетъ нужнымъ обратиться къ тѣмъ происшествіямъ, кои содѣйствовали къ приведенію Евреевъ въ теперешнее ихъ положеніе.

По испроверженіи Іудейскаго царства, Евреи, разсыпанные повсемѣстно, сдѣлались повсюду странниками. Ненависть враговъ сего злополучнаго народа не угасла съ пламенемъ, обратившимъ въ пепелъ храмъ Іерусалимскій. Бывъ изгоняемы изъ одного государства въ другое и даже изъ одного города въ другой и не имѣвъ ни отечества, ни земель для своего гдѣ-либо окоренѣнія, Евреи, сей издревле просвѣщенный и благоустроенный народъ, не могъ уже ни предаться постоянно нравственному образованію дѣтей своихъ, ни избрать ни одного изъ тѣхъ состояній, кои всѣмъ прочимъ дозволены законными установленіями, и для сохраненія своего существованія долженъ былъ довольствоваться тѣмъ только, чтó было предоставляемо ему коренными жителями. Всѣ вѣтви народной промышленности отсѣчены были его трудолюбію; мелочная торговля сдѣлалась единственнымъ его удѣломъ.

Евреи накопились наиболѣе въ тѣхъ государствахъ, въ коихъ было болѣе терпимости и свободы, какъ-то: въ Англіи, Голландіи, Германіи, въ Турціи и особливо въ Польшѣ. Въ семъ послѣднемъ краю, гдѣ все почти купечество составлено изъ Евреевъ и гдѣ почти всѣ ремесла находятся въ рукахъ Евреевъ же, торговля и ремесла сдѣлались недостаточными для доставленія всѣмъ вообще Евреямъ прокормленія. Необходимость понудила пришельцевъ сихъ обратиться къ другимъ средствамъ. Помѣщики, воспользовавшись ихъ прибытіемъ, пригласили ихъ на свои земли и употребили орудіями хозяйственныхъ своихъ оборотовъ.

Внутреннія безпокойства, частые военные раздоры, набѣги Татаръ и прочія тому подобныя происшествія были причиною, что Польскіе помѣщики не имѣли ни удобности, ни время, заняться устроеніемъ прочнаго хозяйства и принуждены были прибѣгнуть къ разнымъ легчайшимъ побочнымъ оборотамъ, какъ напр. къ винокуренію, отдачѣ помѣстьевъ на аренды и пр. Хотя впослѣдствіи Польское хозяйство приведено было нѣсколько въ лучшее состояніе, однакоже, не смотря

на то, винокуреніе и арендное управленіе остались главнѣйшими отраслями помѣщичьихъ доходовъ. Такимъ образомъ Евреи, сдѣлавшись необходимыми для помѣщиковъ, по собственному согласію ихъ занялись арендами въ большей части помѣстій и, бывъ во все время Польскаго правленія лишены права пріобрѣтать покупкою земли, нашлись принужденными, изъ угожденія помѣщикамъ, на земляхъ коихъ они были поселены, предаться исключительно продажѣ вина.

Въ семъ положеніи Польскіе Евреи перешли подъ Россійскую державу.

Въ плакатѣ 1772 года, по случаю присоединенія Бѣлорусскаго края къ Россіи, сказано:

«Чрезъ торжественное выше сего обнадеженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ имуществахъ цѣлости, само собою разумѣется, что и Еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ имперіи Россійской городахъ и земляхъ, будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются, ибо человѣколюбіе ея императорскаго величества не позволяетъ ихъ однихъ исключить изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія подъ благословенною ея державою».

Въ опредѣленіи Правительствующаго Сената 1786 года, на основаніи высочайшаго указа Марта 10-го дня 1785 года, постановлено въ пунктахъ:

4-мъ. «На прежніе Польскіе законы о различіи Евреевъ противу Христіанъ не относиться, поелику они, войдя, по запискѣ своей въ купечество и мѣщанство, въ равное съ прочими состояніе, платятъ въ казну равныя подати и носятъ всѣ наравнѣ съ другими тягости».

6-мъ. «Чтобы сдѣланное запрещеніе помѣщикамъ отдавать въ деревняхъ винокуреніе и корчмы Евреямъ на откупъ, яко не согласующееся съ содержаніемъ имяннаго 1783 года Маія 3-го дня указа, отмѣнить, а по точной силѣ онаго указа предоставить помѣщикамъ въ полную свободу пользоваться тѣмъ въ деревняхъ и маятностяхъ своихъ по собственной ихъ волѣ, безъ всякаго препятствія; записавшихся же въ купечество и мѣщанство, живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ Евреевъ, безвремянно селиться въ городахъ не принуждать, но по заплатѣ каждымъ слѣдующихъ податей, упражняться по уѣздамъ въ промыслахъ и работахъ, съ дозволенія общества, по даваемымъ паспортамъ, не запрещать; ибо и законами дозволено торгующимъ отъ городовъ ихъ отлучаться, лишь бы они положенныя на нихъ подати платили бездоимочно; да и неизвѣстно, могутъ ли они всѣ въ городахъ найти себѣ пропитаніе».

Сими привиллегіями, свойственными правиламъ терпимости Россійскихъ монарховъ и положенію государства, Евреи пользовались до изданія Положенія 1804 года.

Въ статьѣ 34-й сего Положенія сказано: «Никто изъ Евреевъ, начиная съ 1-го Генваря 1807 года, въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ, а въ прочихъ, начиная съ 1-го Генваря 1808 года, ни въ какой деревнѣ и селѣ не можетъ содержать никакихъ арендъ, шинковъ, кабаковъ и постоялыхъ дворовъ ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ имянемъ, ни продавать въ нихъ вина и даже жить въ нихъ, подъ какимъ бы то ни было видомъ, развѣ проѣздомъ. Запрещеніе сіе распространяется также на всѣ шинки, постоялые дворы или другія заведенія, на большой дорогѣ стоящія, кому бы они ни принадлежали, обществамъ или частнымъ людямъ».

Цѣль правительства при установленіи сей чрезвычайной мѣры состояла, какъ кажется, главнѣйше въ отвращеніи крестьянъ отъ разоренія, которому причиною признано было чрезмѣрное употребленіе ими горячихъ напитковъ.

Крестьяне въ Польскихъ, равно какъ и въ Великороссійскихъ губерніяхъ, большею частію состоятъ во владѣніи помѣщиковъ. Продажа вина въ Польскихъ губерніяхъ есть привиллегія, всемилостивѣйше утвержденная дворянству. При избыткѣ производимаго въ сихъ губерніяхъ хлѣба и при недостаткѣ путей къ выгодному сбыту произведеній, помѣщики находятся принужденными обращать хлѣбъ въ вино для полученія доходовъ сколько отъ продажи вина, столько и отъ прокормленія въ зимнее время бардою скота, необходимо нужнаго для удобренія тамошнихъ земель.

Евреи, по собственному согласію помѣщиковъ живущіе въ ихъ помѣстьяхъ, бывъ до 1804 года лишены права пріобрѣтать покупкою земли въ собственность и ничѣмъ другимъ никогда не промышлявшіе, издревле замѣняли крестьянъ, которые упражнялись въ хлѣбопашествѣ. Помѣщики получали оттого двоякую пользу: Евреи продавали вино и платили аренду, крестьяне упражнялись въ земледѣліи.

Неоспоримо, что пресѣченіемъ сего промысла (когда бы Евреи имѣли возможность безъ онаго обойтиться) можно было бы произвести въ семъ народѣ необходимость обратиться къ полезнѣйшимъ отраслямъ промышленности; но равномѣрно неоспоримо, что превращеніемъ земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ нельзя уменьшить въ крестьянахъ склонность къ напиткамъ. Превращеніе сіе не принесло бы никакой выгоды ни помѣщику, ни крестьянину, ни государству. Напротивъ, оно уменьшило бы доходъ и помѣщика чрезъ лишеніе лучшихъ работниковъ, и государства чрезъ отнятіе нужныхъ рукъ отъ земледѣлія; а крестьянинъ, въ пользу котораго мѣра сія признается нужною, не только не поправился бы, но пришелъ въ вящее оскудѣніе.

Крестьянинъ, привыкшій издревле продавать Еврею произведенія свои на мѣстѣ и чрезъ то сберегавшій какъ рабочій скотъ, такъ и

время, которое могло быть употребляемо или на домашнія подѣлки, или на произведеніе какихъ-либо издѣлій, долженъ нынѣ ѣхать въ городъ или мѣстечко, которое не лучше того же селенія, въ которомъ также живутъ Евреи, продавать свои произведенія Евреямъ же и пропить вырученныя деньги Евреямъ же, или, лучше сказать, въ нѣсколько поѣздокъ въ городъ пропить все, что̀ пропивалъ цѣлый годъ въ своемъ селеніи: ибо въ статьѣ 40-й дозволяется Евреямъ заниматься винною продажею въ городахъ губернскихъ, уѣздныхъ и казенныхъ мѣстечкахъ и даже въ помѣщичьихъ по условіямъ съ помѣщиками.

Крестьянинъ, равнымъ образомъ привыкшій доставать подъ руками всѣ домашнія необходимости, напр. косы, посуду, желѣзо, соль и пр. (ибо въ каждомъ селеніи у Еврея можно было найти все тоже, что̀ и въ мѣстечкѣ) долженъ нынѣ, при встрѣтившейся нуждѣ, иногда въ самую рабочую пору, ѣхать въ городъ покупать тоже у Евреевъ и пропивать деньги тоже Евреямъ.

Крестьянинъ, вслучаѣ неурожая хлѣба, при недостаткѣ въ сѣменахъ, или въ какомъ-нибудь другомъ несчастномъ случаѣ не находившій иногда во многихъ помѣстьяхъ пособія у помѣщика, прибѣгалъ къ пособію Еврея. Теперь крестьянинъ долженъ лишиться и сего пособія.

Польза, которую правительство извлекало изъ пребыванія Евреевъ въ селахъ и деревняхъ, состояла въ томъ:

1. Что хлѣбопашество годъ отъ года приходило въ лучшее состояніе, сколько отъ умножившейся нужды въ произведеніяхъ, столько и отъ того, что не отвлекались отъ земледѣлія полезные работники, и классъ производительный свободно размножался.

2. Что крестьяне уплачивали государственныя подати и

3. Что 60 тысячъ семействъ имѣли вѣрное содержаніе и удовлетворяли государственнымъ обязанностямъ.

Запрещеніе содержать шинки и постоялые дворы по большимъ дорогамъ лишило бы не только Евреевъ, но и Христіанъ всѣхъ удобностей, необходимыхъ для проѣзжающихъ, и сверхъ того чрезвычайно ощутительно было бы для торговыхъ оборотовъ, казенныхъ поставокъ и даже для самыхъ почтъ; ибо извѣстно, что никакая закупка, никакое отправленіе продуктовъ и даже никакой наемъ фурщиковъ въ Польскихъ губерніяхъ не могутъ совершаться безъ содѣйствія Евреевъ, и что исправнѣйшія почты содержатся Евреями-корчмарями.

Не входя въ изчисленіе политическихъ причинъ, каждому въ настоящемъ положеніи дѣлъ ощутительныхъ; не останавливаясь на раздробленіи *) послѣдствій, вредныхъ для общественнаго кредита отъ нарушеній правъ собственности и правъ личныхъ; не повторяя тѣхъ

*) Т. е. исчисленія. М. Ш.

замѣшательствъ по контрактамъ и долгамъ, кои значатся въ представленіяхъ мѣстныхъ начальствъ въ доказательство необходимости оставить Евреевъ въ селахъ и деревняхъ попрежнему, можно сослаться на отзывы богатѣйшихъ помѣщиковъ, напр., князя Любомирскаго и пр.*).

Во уваженіе всѣхъ сихъ препятствій и самой невозможности, комитетъ, согласно съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Куракинымъ, находитъ необходимымъ оставить Евреевъ въ *селахъ и деревняхъ попрежнему*:

1. По неимѣнію въ Польскихъ губерніяхъ земель ни помѣщичьихъ, ни казенныхъ, на коихъ бы можно было водворить 60 тысячъ семействъ, не имѣющихъ никакой собственности.

2. По недостатку средствъ у самой казны къ водворенію Евреевъ въ губерніяхъ отдаленныхъ, ибо одной денежной ссуды потребовалось бы многіе милліоны. Впрочемъ, и при пожертвованіи денегъ, казна не въ силахъ была бы пріискать въ степяхъ ни нужнаго числа работниковъ, ни скота, ни орудій, ни матеріаловъ на обстройку и первоначальное обзаведеніе.

3. По закоренѣлой неспособности Еврейскаго народа къ хлѣбопашеству. Для пріобученія новаго только поколѣнія къ сему роду хозяйства нужно было бы употребить нѣсколько лѣтъ и назначить для сего, наподобіе колонистовъ, множество особыхъ конторъ или комиссій. Ремесло земледѣльца требуетъ, такъ какъ и всякое другое ремесло, силъ и опытности.

4. Потому что Евреи, съ извѣстными и положительными ограниченіями, подъ надзоромъ помѣщиковъ, такъ же могутъ быть терпимы въ селеніяхъ, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ.

Оставить Евреевъ въ селахъ и деревняхъ безъ разрѣшенія продажи вина комитетъ признаетъ не только невозможнымъ, но и невыгоднымъ.

1. Потому что классъ Евреевъ, существовавшихъ одною продажею вина, будучи составленъ изъ людей самыхъ бѣднѣйшихъ, долженъ или пасть на содержаніе казны, или, не имѣя ни жилища, ни пропитанія, перемереть съ голоду, или ввергнуться въ отчаяніе, могущее произвести послѣдствія, вредныя для общественнаго спокойствія.

2. Потому, что недостатокъ пропитанія въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ происходитъ не отъ пребыванія Евреевъ въ селахъ и деревняхъ. Состояніе Христіанъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, въ которыхъ также жительствуютъ Евреи и гдѣ въ скирдахъ болѣе сгниваетъ хлѣба, нежели родится въ Бѣлоруссіи, ясно доказываетъ, что

*) Отзывъ князя Любомирскаго приведенъ въ „Исторіи Евреевъ въ Россіи" („Русскій Архивъ 1894 г. стр. 71 кн. II). М. Ш.

недостатокъ пропитанія въ семъ послѣднемъ краѣ происходитъ не отъ продажи вина Евреями, но отъ худого удобренія земель и отъ недостатка вообще хорошей системы хозяйства*).

Доколѣ у Бѣлорусскихъ и Польскихъ помѣщиковъ будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина; доколѣ помѣщики не перестанутъ, такъ сказать, покровительствовать пьянству: дотолѣ зло сіе, возрастая годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, и послѣдствія будутъ все тѣже, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ вина, Еврей или Христіанинъ. Въ доказательство ближе всего можно представить С.-Петербургскую губернію, не говоря ни о Лифляндіи, ни о Эстляндіи и проч. Коль же скоро со стороны правительства примутся надлежащія мѣры къ ограниченію сборовъ, происходящихъ отъ продажи вина, тогда, съ уменьшеніемъ выгодъ по сей части, и упражняющіеся въ винной продажѣ обратятся сами собою къ другимъ занятіямъ, ремесламъ, мануфактурамъ, и можетъ быть со временемъ къ земледѣлію и скотоводству, особливо когда будутъ сами въ состояніи пользоваться всемилостивѣйше дарованнымъ правомъ покупкою пріобрѣтать земли въ собственность.

3. Потому что вмѣсто 60 тысячъ Еврейскихъ семействъ необходимо должно оторвать отъ плуга по крайней мѣрѣ такое же число христіанскихъ семействъ, которыя со всѣмъ тѣмъ не замѣнятъ Евреевъ; между тѣмъ какъ съ другой стороны Евреи никогда не замѣнятъ крестьянъ, отъ хлѣбопашества отлученныхъ. Потеря сія тѣмъ будетъ чувствительнѣе для государства, что владѣльцы для удержанія и обезпеченія своихъ интересовъ должны будутъ опредѣлить къ винной продажѣ самыхъ лучшихъ людей и хозяевъ. Да и какую выгоду можетъ обѣщать превращеніе земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ, а цѣловальниковъ въ земледѣльцевъ? Помѣщики, ищущіе прибытковъ въ продажѣ вина, не перестанутъ искать ихъ и въ то время, когда на мѣсто Евреевъ будутъ имъ услуживать въ томъ Христіане, которые, заступивъ мѣсто Евреевъ, найдутся принужденными поступать такъ же, какъ и Евреи; извѣстно впрочемъ, что сіи послѣдніе никогда продажею вина не обогащались, а извлекали одно только пропитаніе и удовлетвореніе лежащихъ на нихъ повинностей.

4. Потому что помѣщики, терпѣвшіе Евреевъ въ своихъ селеніяхъ, не видя болѣе отъ нихъ никакой выгоды, не пожелаютъ болѣе держать ихъ себѣ въ отягощеніе, отъ чего легко могутъ возродиться гоненія, которыхъ слѣды, благодаря человѣколюбію и терпимости Россійскихъ государей, начинали было изглаживаться изъ памяти.

---

*) Что̀ отчасти было замѣчено уже и Державинымъ. М. Ш.

Сдѣлать изъ всѣхъ Евреевъ купцовъ и ремесленниковъ, по множеству ощутительныхъ причинъ, было бы также и невозможно и, невыгодно, между прочимъ потому:

1. Что мѣстечки и города не въ состояніи ни помѣстить всѣхъ Евреевъ, ни доставить имъ упражненія и пропитанія.

2. Что отъ умноженія числа купцовъ и ремесленниковъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ и теперь находится число превосходящее истинную потребность, и отъ наполненія городовъ народомъ нищимъ, ни къ какимъ ремесламъ не привыкшимъ, должны понести потерю настоящіе купцы и ремесленники и подвергнуть чрезъ то упадку самую торговлю. Впрочемъ все купечество и всѣ ремесла въ Польскихъ губерніяхъ большею частью и безъ того наполнены Евреями, а затѣмъ къ винной продажѣ обращается одинъ только ихъ избытокъ.

Обращеніе Евреевъ въ фабрикантовъ комитетъ признаетъ однимъ только обманчивымъ средствомъ, особливо когда фабрикъ не существуетъ ни у помѣщиковъ, ни у казны, когда Евреи не имѣютъ еще сами ни капиталовъ для заведенія фабрикъ, ни желанія и выгоды быть фабрикантами. Если бы казна захотѣла употребить на заведеніе фабрикъ нѣсколько милліоновъ, то и тогда государство не получило бы отъ того никакой пользы: ибо фабрики учреждаются сами собою, постепенно и по мѣрѣ надобности, и капиталы, употребляемые на насильственное устроеніе сего рода заведеній, суть капиталы, брошенные въ воду. Да и возможно ли столь многолюдный классъ народа осудить въ фабричные противъ собственной его воли и безъ всякой вины, за то только, что онъ до изданія запрещенія упражнялся въ продажѣ вина, которая до того дозволена была не только обычаями того края, но и самыми законами? Такое осужденіе несогласно съ самымъ Положеніемъ, коимъ между прочимъ въ статьѣ 42-й имянно подтверждается, что всѣ Евреи, въ Россіи обитающіе, суть свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ, наравнѣ со всѣми другими Россійскими подданными.

Опыты всѣхъ сихъ лѣтъ доказали, что при всѣхъ благотворныхъ попеченіяхъ правительства и при всѣхъ поощреніяхъ, изложенныхъ въ Положеніи 1804 года Декабря 9-го дня, съ одной стороны бѣдность Евреевъ, а съ другой недостатокъ средствъ у самаго правительства, воспрепятствовали Еврейскому народу воспользоваться правомъ дѣлать пріобрѣтенія въ земледѣліи, въ фабрикахъ и ремеслахъ, и цѣлый народъ не только остался въ томъ же бѣдномъ состояніи, въ которомъ и былъ, но подвергся вящему разоренію отъ насильственнаго принужденія оставить и тотъ промыселъ, которымъ онъ снискивалъ пропитаніе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Повѣренные всѣхъ Еврейскихъ обществъ, съ большею или меньшею силою въ выраженіяхъ описывая крайне стѣсненное положеніе и совершенное разореніе цѣлаго Еврейскаго народа, сколько отъ долговременнаго неустроенія его участи, столько отъ нарушенія его правъ и особенно отъ произвольнаго растолкованія высочайшаго указа 1808 года 29 Декабря, разрѣшающаго продажу вина въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ, просятъ о поспѣшнѣйшемъ подтвержденіи силы сего указа и приводя въ подкрѣпленіе своихъ исканій высочайшее повелѣніе, коимъ Евреи допущены уже въ казенныхъ селеніяхъ къ торгамъ на винные откупа, а посему и продажѣ вина, они заключаютъ, что безъ сего дозволенія бѣднѣйшая часть Еврейскихъ семействъ, лишась единственнаго способа къ существованію, должны будутъ или сдѣлаться бродягами или совершенно погибнуть.

Комитетъ, убѣждаемый симъ положеніемъ цѣлаго народа, руководствуясь высочайшимъ указомъ 1808 года Декабря 29-го дня *), коимъ ясно разрѣшается продажа вина, и послѣдовавшими въ разныя времена на основаніи онаго указами Правительствующаго Сената, и особенно опасаясь, чтобы вящшимъ продолженіе насильственныхъ мѣръ въ настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ не ожесточить сей уже до крайности стѣсненный народъ, признаетъ необходимымъ вмѣсто непрерывныхъ отсрочекъ, коимъ конца предвидѣть не можно и кои кромѣ колеблемости правилъ и совершенной невозможности исполненія, ничего болѣе не обнаруживаютъ, рѣшительнымъ образомъ пресѣчь существующія нынѣ замѣшательства оставленіемъ Евреевъ на прежнихъ ихъ жительствахъ и дозволеніемъ промысловъ, статьею 34-ю остановленныхъ.

В. *Относительно мнѣній депутатовъ и повѣренныхъ Еврейскихъ обществъ о перемѣнахъ въ прочихъ статьяхъ Положенія 1804 года.*

Прошенія депутатовъ и повѣренныхъ Еврейскихъ обществъ, сверхъ предметовъ, заключающихся въ 34-й статьѣ, касаются:

1. До просвѣщенія Еврейскихъ дѣтей.

2. До письма заемныхъ писемъ, векселей и всѣхъ сдѣлокъ и до веденія бухгалтерскихъ книгъ.

3. До языка раввиновъ и членовъ магистрата.

4. До паспортовъ.

5. До одежды.

5. До отчетовъ въ употребленіи общественныхъ суммъ.

7. До переходовъ изъ одного мѣста жительства въ другое.

---

*) На поляхъ два вопросительныхъ знака и NB императора.

8. До сравненія въ платежѣ податей и
9. До власти раввиновъ.

По подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ сихъ прошеній и соображеніи оныхъ съ цѣлію, предположенною при изданіи Положенія 1804 года, комитетъ призналъ необходимымъ постановить на каждую статью слѣдующія разрѣшенія.

1. *Относительно просвѣщенія Еврейскихъ дѣтей.*

По Положенію 1804 года дѣти Еврейскія должны въ народныхъ училищахъ обучаться языкамъ Россійскому, Нѣмецкому и Польскому и пріобрѣтать вообще равную съ прочими гражданами степень просвѣщенія.

Евреи находятъ сообразнѣйшимъ съ ихъ закономъ, чтобы ихъ дѣти, до вступленія въ народныя училища, обучались въ Еврейскихъ школахъ какъ Еврейскому языку, такъ и догматамъ вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ получали бы предварительныя наставленія въ Россійскомъ языкѣ *).

Причиною, побудившею къ установленію сей мѣры (какъ видно изъ журнала предшествовавшаго комитета 1803 года Сентября 20-го дня) принято было невѣжество Еврейскаго народа и недостатокъ общаго языка, для чего и признано было нужнымъ открыть ему всѣ способы къ просвѣщенію, соединя съ симъ понятіемъ ободренія, надежды и даже принудивъ нравственнымъ образомъ къ сообщенію съ другими посредствомъ общаго языка.

Разсматривая всѣ статьи, касающіяся до просвѣщенія изъ сей точки зрѣнія, комитетъ признаетъ ихъ совершенно соотвѣтствующими главной цѣли, состоящей въ усовершеніи политическаго состоянія Евреевъ, между прочимъ, чрезъ пріобщеніе ихъ посредствомъ языка паки къ тому обществу, отъ котораго они столь долгое время отсѣчены были преграждeніемъ всѣхъ способовъ къ полученію одинаковаго со всѣми воспитанія.

Въ мѣрѣ сей комитетъ не находитъ ничего стѣснительнаго для гражданской свободы Евреевъ. Она не только не отвлекаетъ отъ изученія догматовъ вѣры, но напротивъ того внушаетъ къ онымъ должное уваженіе.

Мѣра сія ничто другое есть, какъ только дозволеніе Евреямъ участвовать въ милости, общей всѣмъ Россійскимъ подданнымъ. Вслѣдствіе сего комитетъ считаетъ сколько съ одной стороны полезнымъ для самихъ Евреевъ, столько съ другой и необходимымъ для общаго благоустройства оставить всѣ статьи о просвѣщеніи въ точной ихъ силѣ.

*) Какъ предлагалъ и Державинъ, исключавшій впрочемъ изъ этихъ школъ обученіе Русскому языку. М. Ш.

2. *Относительно письма заемныхъ писемъ, векселей и всѣхъ сдѣлокъ и веденія бухгалтерскихъ книгъ.*

Положеніемъ 1804 года статьею 8-ою Евреи обязываются по прошествіи трехъ лѣтъ отъ изданія Положенія во всѣхъ публичныхъ актахъ, обязательствахъ, векселяхъ и всѣхъ вообще сдѣлкахъ между ими употреблять языкъ Россійскій, Польскій или Нѣмецкій, также вести на одномъ изъ сихъ языковъ бухгалтерскія книги.

Евреи находятъ, что приведеніе мѣры сей въ дѣйствіе разстроило бы ихъ торговлю, особливо заграничную, по которой всѣ сдѣлки и корреспонденція ведутся на языкѣ Еврейскомъ. Почему одни просятъ о совершенной отмѣнѣ, другіе объ отсрочкѣ исполненія сего правила, а Гродненскіе о позволеніи писать на Еврейскомъ языкѣ векселя въ суммѣ хотя до 100 рублей. Сія статья, равно какъ и всѣ предыдущія, будучи основана наоднихъ началахъ, равно должна быть сохранена въ ея силѣ, для произведенія тѣхъ послѣдствій, кои признаны необходимыми для достиженія главной цѣли.

Приведеніе оной въ дѣйствіе немало не можетъ разстроить не только внутренней торговли, по которой Евреи и безъ того должны употреблять который либо изъ трехъ языковъ, но даже и заграничной; ибо всѣ вообще Евреи, а особливо тѣ, съ коими Россійскіе находятся въ торговыхъ сношеніяхъ, имѣютъ равную необходимость производить всѣ свои публичныя дѣла на которомъ-либо изъ языковъ, Польскомъ или Нѣмецкомъ. Слѣдственно отмѣна сей статьи ослабила бы только цѣлость тѣхъ средствъ, кои признаны необходимыми для усовершенія благосостоянія Евреевъ; просимая же отсрочка по стеченію обстоятельствъ, остановившихъ исполненіо большей части статей Положенія, произошла уже сама собою. Что же касается до дозволенія писать на Еврейскомъ языкѣ хотя тѣ векселя, кои не будутъ превышать ста рублей, то удовлетвореніе сего исканія нарушило бы всю пользу общаго правила, ибо Еврейскія сдѣлки весьма рѣдко простираются свыше ста рублей; большія же суммы Евреи имѣли бы всегда средство раздроблять на сторублевыя и менѣе.

3. *Относительно языка раввиновъ и членовъ магистрата.*

Евреи, не умѣющіе читать и писать на одномъ изъ трехъ языковъ, Россійскомъ, Польскомъ или Нѣмецкомъ, по силѣ 9-й статьи Положенія не могутъ быть избираемы ни въ раввины, ни въ члены магистрата.

Депутаты Еврейскихъ обществъ, представляя: а) что въ сіи званія избираются обыкновенно достойнѣйшіе, кои, по тщательности и прилежанію въ исполненіи своихъ обязанностей, не имѣютъ время и заняться изученіемъ языковъ; в) что раввины могутъ имѣть писарей,

знающихъ одинъ изъ трехъ языковъ; с) что члены магистратовъ могутъ такъ же, какъ и Русскіе, не умѣя читать и писать, слушать дѣла и прикладывать руки: просятъ одни объ отсрочкѣ исполненія статьи сей, доколѣ дѣти Еврейскіе научатся на которомъ-либо изъ сихъ языковъ, а другіе объ отсрочкѣ на десять лѣтъ.

Пріемля во уваженіе, что и безъ того уже протекло слишкомъ семь лѣтъ отъ изданія Положенія, и признавая, согласно съ мнѣніемъ мѣстныхъ начальствъ, что время сіе достаточно было для изученія котораго-либо изъ означенныхъ языковъ, комитетъ находитъ равномѣрно нужнымъ оставить и сію статью въ ея силѣ.

4. *Относительно паспортовъ.*

Положенія 1804 года статьею 28-ою дозволяется фабрикантамъ, ремесленникамъ и купцамъ пріѣзжать по дѣламъ ихъ коммерческимъ для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства въ ремеслахъ и фабрикахъ на извѣстное время во внутреннія губерніи или даже и въ столицы, но не иначе, какъ по паспортамъ губернаторовъ.

Повѣренные отъ Еврейскихъ обществъ, признавая полученіе паспортовъ отъ губернаторовъ чрезвычайно стѣснительнымъ, сколько потому, что они и безъ того обязаны брать по званію своему паспорты отъ магистратовъ, столько и потому, что поѣздками въ губернскій городъ, иногда за триста и болѣе верстъ, отвлекаясь отъ своихъ упражненій, они подвергаются напраснымъ убыткамъ, не приносящимъ пользы ни казнѣ, ни обществу, просятъ о дозволеніи отлучаться отъ своихъ городовъ на одинаковомъ со всѣми прочими основаніи.

Пріѣздъ и пребываніе Евреевъ во внутреннихъ Россійскихъ губерніяхъ, особенно же въ столицахъ, всегда былъ ограничиваемъ, а водвореніе вовсе запрещалось. Предназначенная на тотъ же конецъ въ Положеніи 1804 года мѣра не причиняетъ Евреямъ какого-либо новаго стѣсненія; напротивъ, распространяетъ свободу ихъ открытымъ дозволеніемъ пріѣзжать повсюду на извѣстное время, съ соблюденіемъ только нѣкоторыхъ предосторожностей. Вліяніе губернаторовъ на выдачу паспортовъ признано было нужнымъ потому, что чрезъ злоупотребленіе магистратовъ Еврейскія бродяги могли бы наводнить собою всю имперію. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ уваженій, комитетъ полагаетъ нужнымъ удержать и сію статью въ ея силѣ, тѣмъ болѣе, что она нимало не стѣсняетъ переѣздовъ Евреевъ въ дозволенныхъ имъ границахъ.

5. *Относительно одежды.*

Положенія 1804 года въ статьяхъ 9-ой предписывается въ случаѣ выбора въ члены магистрата, а въ 28-ой во время пребыванія во

внутреннихъ губерніяхъ и столицахъ, носить Евреямъ Нѣмецкую одежду безъ всякаго отъ другихъ отличія.

Депутаты и повѣренные Еврейскихъ обществъ изъясняютъ, что, по закону ихъ, они бородъ не брѣютъ, и потому почитаютъ гораздо приличнѣйшимъ ходить въ Русскомъ платьѣ, по примѣру Русскихъ купцовъ; въ Нѣмецкомъ же платьѣ, съ небритыми бородами, они вяще могутъ послужить предметомъ поруганія и насмѣшекъ.

Не усматривая причины, побудившей къ предпочтенію Нѣмецкаго платья, комитетъ не находитъ никакого препятствія дозволить Евреямъ носить такую же одежду, какую носятъ и прочіе жители губерній, въ коихъ они будутъ имѣть временное пребываніе; напротивъ, слѣдуя правилу, чтобы народъ сей вести къ усовершенію способами тихими, умѣренными, постепенными и на личной ихъ пользѣ основанными, комитетъ увѣренъ, что посредствомъ дозволенія носить Русскую одежду гораздо скорѣе можно будетъ сблизить какъ понятія, такъ и пользы Евреевъ съ понятіями и пользами общими Русскими.

6. *Относительно отчетовъ въ употребленіи общественныхъ суммъ*.

Положенія 1804 года статьею 54-ою предписывается кагаламъ въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ давать отчеты помѣщикамъ въ употребленіи общественныхъ суммъ.

Депутаты Еврейскихъ обществъ изъясняютъ, что по послѣдней ревизіи сдѣлавшись купцами и мѣщанами, они, такъ какъ и городскія общества, обязаны подавать вѣдомости губернаторамъ, а отчеты казеннымъ палатамъ. По сему просятъ освободить ихъ отъ подачи еще отчетовъ помѣщикамъ, коимъ они ничѣмъ не обязаны, кромѣ исправнаго платежа того, что̀ постановлено въ ихъ контрактахъ.

Комитетъ, не усматривая равнымъ образомъ причины, побудившей къ установленію сей мѣры, полагаетъ, что съ одной стороны она находится въ противорѣчіи съ статьями 42-ою, 44-ою, 49-ою и всѣми тѣми, коими Евреи охраняются отъ притѣсненій помѣщиковъ, а съ другой, что отчеты сіи ни къ чему другому послужить не могутъ, какъ только къ недоразумѣніямъ, непозволеннымъ поборамъ и тяжбамъ, кои гораздо труднѣе будетъ разбирать законнымъ порядкомъ, нежели предупредить предоставленіемъ кагаламъ давать отчеты на одинаковомъ со всѣми прочими основаніи.

Общественные, купеческіе и мѣщанскіе отчеты по всему государству принадлежатъ къ разсмотрѣнію губернаторовъ и повѣркѣ казенныхъ палатъ. Поелику же Евреи, всѣ безъ исключенія, состоятъ донынѣ записанными въ купечество и мѣщанство, то и отчеты ихъ не могутъ имѣть другого направленія, какъ тоже самое, какое законами вообще установлено для равныхъ имъ состояній.

7. *Относительно переходовъ изъ одного мѣста жительства въ другое.*

Положенія 1804 года статьею 46-ою Евреи обязаны, при переходѣ съ одного мѣста на другое, представлять свидѣтельства отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они жительство имѣли, что они удовлетворили всѣмъ обязанностямъ въ разсужденіи ихъ. По свидѣтельствамъ симъ земской полиціи предписано выдавать переселяющимся паспорты до того мѣста, куда Евреи переселиться желаютъ.

Депутаты Еврейскихъ обществъ, признавая мѣру сію чрезвычайно стѣснительною для ихъ гражданской свободы, изъясняютъ, что помѣщики, пользуясь симъ предлогомъ, могутъ дѣлать имъ разныя притѣсненія для того только, чтобы чрезъ переселеніе Евреевъ изъ ихъ помѣстій не потерять своихъ выгодъ и помощію сего удерживать ихъ отъ исполненія цѣли, правительствомъ для нихъ предназначенной. Вслѣдствіе чего просятъ о дозволеніи переходить имъ по свидѣтельствамъ отъ земскихъ судовъ, которые не упустятъ удовлетворять помѣщиковъ, коль скоро бы встрѣтились на Евреяхъ въ самомъ дѣлѣ какія-либо со стороны ихъ требованія.

Полученіе свидѣтельствъ, какъ отъ помѣщиковъ, такъ и отъ земской полиціи, комитетъ признаетъ равно неудобнымъ и несогласнымъ, какъ съ самымъ Положеніемъ 1804 года, такъ и съ общими на сей предметъ государственными постановленіями.

Положеніемъ 1804 года всѣ вообще Евреи признаны свободными и отъ помѣщиковъ независимыми. Будучи записаны либо въ купечество, либо въ мѣщанство, они пребываютъ на помѣщичьихъ земляхъ по паспортамъ отъ магистратовъ и слѣдственно безъ дозволенія магистратовъ не только изъ одной губерніи въ другую, но даже изъ одного города въ другой переселяться не могутъ. Относительно контрактовъ, заключаемыхъ съ помѣщиками, Евреи подлежатъ тѣмъ же законамъ, коимъ подлежатъ и всѣ прочіе подданные. Помѣщики ни въ какомъ случаѣ не могутъ потерпѣть убытка отъ перехода Евреевъ, коль скоро Евреи находятся у нихъ по паспортамъ. Предоставленіемъ же земскимъ судамъ права выдавать таковыя свидѣтельства, сверхъ причиненія напрасныхъ проволочекъ самимъ Евреямъ, легко можно было бы произвести большія замѣшательства, какъ въ народоисчисленіи, такъ и въ государственныхъ счетахъ по казенной части.

Вслѣдствіе чего и сообразуясь съ общими на сей предметъ постановленіями, комитетъ признаетъ приличнѣйшимъ и при переходѣ Евреевъ руководствоваться тѣми же законами, кои предписаны къ наблюденію казенныхъ палатъ, относительно всѣхъ переселяющихся изъ одного мѣста въ другое вообще.

8. *Относительно сравненія въ платежъ податей.*

Положенія 1804 года статьями 21-ою и 24-ою обѣщано фабрикантовъ и ремесленниковъ, кои въ фабричныхъ работахъ и ремеслахъ обращаться будутъ, освободить отъ платежа двойныхъ податей, коль скоро будутъ собраны о нихъ достаточныя свѣдѣнія.

Депутаты Еврейскихъ обществъ изъясняютъ, что, усматривая изъ всѣхъ почти статей положенія благотворную цѣль правительства поставить Евреевъ на ряду со всѣми вѣрноподданными, просятъ вслѣдствіе того сравнить ихъ и въ платежѣ въ казну податей со всѣми прочими гражданами одинакого съ ними званія.

Комитетъ находитъ, что послѣ всѣхъ преимуществъ и ободреній, кои разными статьями Положенія 1804 года дарованы и обѣщаны въ томъ намѣреніи, чтобы представить Евреямъ всѣ способы и нравственную необходимость выйти изъ настоящаго унизительнаго ихъ состоянія, различіе ихъ отъ всѣхъ прочихъ единственно въ платежѣ податей дѣйствительно не согласно было бы ни съ справедливостью, ни съ цѣлію, для которой преобразованіе Евреевъ предпріемлется.

Опыты тѣхъ государствъ, гдѣ Евреи, бывъ освобождены отъ сего постыднаго различія, допущены были на ряду со всѣми подданными до соучастія въ общественномъ уваженіи и выгодахъ, доказываютъ, что Евреи, бывъ тронуты такою справедливостью, обратили всѣ свои силы къ споспѣшествованію пользамъ тѣхъ государствъ. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы и въ Россіи, гдѣ католикъ, лютеранинъ, кальвинистъ, магометанинъ и даже идолопоклонникъ, безъ различія въ вѣрѣ и мнѣніяхъ, разсматриваются всѣ какъ дѣти одного и того же семейства, пользуются одинакими правами, одинакою безопасностью и одинакимъ покровительствомъ законовъ, нѣтъ сомнѣнія, чтобы Евреи, бывъ сравнены во всѣхъ выгодахъ съ народами прочихъ исповѣданій, не убѣдились, что они такіе же подданные, какъ и другіе, не признали бы Россію истиннымъ своимъ отечествомъ, не устремились бы къ снисканію уваженія въ томъ обществѣ, отъ котораго они доселѣ удалялись, и не обратили бы свойственныхъ имъ дѣятельности и проницательности къ пріобрѣтенію выгодъ не только въ той торговлѣ, которая была имъ исключительно предоставлена, но и въ прочихъ отрасляхъ народной промышленности. Впрочемъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ департамента министра финансовъ, оказывается, что Евреи нынѣ въ платежѣ податей сравнены уже со всѣми прочими, носящими съ ними одинакое званіе, за каковымъ сравненіемъ вышеупомянутыя статьи дѣлаются уже совершенно ненужными.

9. *Относительно духовной власти раввиновъ.*

Положенія 1804 года статьею 51-ою власть раввиновъ въ нака-

занiяхъ ограничена едиными увѣщанiями и выговорами. Гражданскiя дѣла судить раввинамъ воспрещено.

Депутаты Еврейскихъ обществъ находятъ мѣру сiю противною тому духовному уваженiю, которое они по закону обязаны имѣть къ раввинамъ, и представляя, что лишенiе раввиновъ сей религiею данной имъ власти, ослабивъ узы совѣсти, можетъ въ скоромъ времени довести ихъ до крайняго разврата, просятъ оставить, на основанiи древныхъ правилъ, раввинамъ полную власть сужденiя преступниковъ духовныхъ законовъ и чиненiя надлежащаго по духовнымъ законамъ взысканiя.

Въ докладѣ, при коемъ поднесено было Положенiе 1804 года сказано, что правительство, охраняя спокойствiе совѣсти Евреевъ, не дѣлая ни малѣйшаго прикосновенiя къ ихъ религiи, щадя самые ихъ предразсудки, ищетъ только удостовѣрить и обезпечить состоянiе ихъ законною промышленностью и прiобщить ихъ ко всѣмъ выгодамъ и уваженiю, коими пользуются прочiя состоянiя, подъ общимъ покровительствомъ законовъ, терпимости и благоустройства.

Соотвѣтственно разуму сихъ началъ, не слѣдовало бы вовсе касаться до обрядовъ религiи, малѣйшее неосторожное прикосновенiе къ которой потрясаетъ основанiя нравственности, на коихъ утверждаются вѣрность къ Государю и повиновенiе къ правительству. Еврейскiя духовныя преступленiя и слѣдующiя за ними наказанiя совершенно различны отъ преступленiй и наказанiй всѣхъ прочихъ народовъ. Всякое дѣянiе Еврея подчинено какому-либо законному обряду религiи, упущенiе котораго почитается дѣйствительнымъ грѣхомъ. Сохраненiе сихъ обрядовъ Положенiе 1804 года предоставляетъ, на основанiи Еврейской религiи, раввинамъ, посему равнымъ образомъ нельзя не предоставить (имъ) и всѣхъ тѣхъ средствъ, кои споспѣшествовать могутъ къ обузданiю Евреевъ, кои никакихъ другихъ духовныхъ властей, напр., консисторiй, коллегiй, синодовъ и пр., не имѣютъ.

Вслѣдствiе сего комитетъ признаетъ необходимымъ исключить изъ 51-й статьи всѣ тѣ выраженiя, кои могутъ подвергнуть духовную власть раввиновъ ослабленiю, и именно: означить только, что власть раввиновъ ограничивается соблюденiемъ обрядовъ и сужденiемъ споровъ, до религiи относящихся, при коихъ запрещается имъ налагать проклинанiя и изверженiя (херимъ); что раввинамъ строго воспрещается входить въ сужденiе дѣлъ гражданскихъ, для коихъ установлены особенныя судебныя мѣста, и что за всякое отступленiе отъ сего правила раввины подвергнуться взысканiю, въ статьѣ 51-й означенному.

*

Въ семъ заключаются общія примѣчанія депутатовъ и повѣренныхъ отъ Еврейскихъ обществъ на статьи Положенія 1804 года. Частныя примѣчанія, представленныя нѣкоторыми депутатами, какъ напр., о взысканіи долговъ, сдѣланныхъ крестьянами до изданія Положенія 1804 года и о дозволеніи Евреямъ оставаться въ селахъ и деревняхъ до окончанія срока ихъ контрактамъ, разрѣшаются сами собою, коль скоро Евреи возстановлены будутъ паки въ то законное положеніе относительно ихъ жительства и промысловъ, въ коемъ они находились до изданія Положенія 1804 года.

Въ заключеніе остается упомянуть о статьѣ 13-й, означающей тѣ губерніи, въ коихъ Евреи могутъ имѣть жительство и дѣлать разнаго рода пріобрѣтенія. При изданіи Положенія 1804 года комитетъ не могъ имѣть въ виду областей Бѣлостокской и Тарнопольской. Курляндская губернія, въ которой, по свѣдѣніямъ, взятымъ изъ Правительствующаго Сената и изъ Министерства Финансовъ, Евреи также имѣютъ жительство и платятъ государственныя подати, совсѣмъ была упущена; почему къ статьѣ 13-й слѣдуетъ присовокупить какъ Курляндскую губернію, такъ и области Бѣлостокскую и Тарнопольскую.

Всѣ прочія статьи, заключающіяся въ Положеніи 1804 года, до которыхъ сдѣланныя въ семъ докладѣ примѣчанія не простираются, комитетъ, полагая оставить въ полной ихъ силѣ, имѣетъ счастіе повергнуть все на высочайшее усмотрѣніе и благосоизволеніе вашего императорскаго величества.

Василій Поповъ. Иванъ Алексѣевъ. Осипъ Козодавлевъ. Захаръ Карнѣевъ. Яковъ Дружининъ. Правитель дѣлъ Петръ Кайсаровъ.

17 Марта 1812-го года.

За Евреевъ безъ сомнѣнія, заступались передъ императоромъ Александромъ Павловичемъ Польскіе магнаты и князь Адамъ Чарторыжскій, имѣвшіе легкій къ нему доступъ черезъ Марью Антоновну Нарышкину (ур. Четвертинскую), которая до самаго 1812 года оставалась владычицею его сердца. Государемъ руководило и соображеніе политическое: надо было расположить къ себѣ Евреевъ, въ виду грозившаго и въ 1807 году едва не состоявшагося Наполеонова вторженія. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.

2 Января нынѣшняго года, митрополичьемъ служеніемъ, въ присутствіи Великихъ Князей Сергія Александровича и Димитрія Павловича, Великой княгини Елисаветы Ѳеодоровны и Великой княжны Маріи Павловны, почтена память основанія перваго Русскаго современнаго листка (въ этотъ день, въ 1703 году, вышли первыя вѣдомости на Русскомъ языкѣ, церковными буквами). Торжество происходило въ такъ-называемой Печатной Палатѣ Московской Синодальной Типографіи, т. е. въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ началось Русское печатное дѣло. Палата эта есть образецъ археологическаго изящества, и мы съ благодарнымъ чувствомъ вспоминали про покойнаго Василія Егоровича Румянцова, положившаго много труда, знанія и вѣрнаго вкуса на ея устройство. Нѣкоторые изъ предстоявшихъ на богослуженіи ожидали, что помянутся имена царей Іоанна Васильевича, Петра Великаго и царицы Елисаветы: первый началъ дѣло, Петръ развилъ его, а дочь его распространила. Внукъ Гречанки и сынъ Литовки постигалъ значеніе печати. Петръ утвердилъ ее на Руси, а Елисавета, основательница Московскаго Университета и Академіи Художествъ, покровительствовала ей. На бывшемъ торжествѣ „справщикъ"[1] А. Н. Соловьевъ прочелъ прекрасно составленный историческій очеркъ судебъ этого учрежденія. Но желательно было услышать, какое именно количество священныхъ и богослужебныхъ книгъ печаталось въ разныя времена истекшаго двухсотлѣтія и какое теперь; тогда выяснилось бы и количественное отношеніе печати свѣтской къ духовной. Значительная часть нынѣшняго типографскаго зданія въ прошломъ столѣтіи принадлежала графу П. Б. Шереметеву[2]). За сообщеніе нижеслѣдующей бумаги о покупкѣ этого дома Синодальною типографіею мы обязаны правнуку бывшаго владѣльца, графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву. П. Б.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Московскую типографскую контору.

По указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣлъ разсужденіе, что Московскій типографскій домъ за утѣсненіемъ

[1]) Сохранившееся какимъ-то чудомъ отъ допетровскаго времени названіе должности, которая соотвѣтствуетъ тому, что во Франціи зовется prôte, т. е. не только корректоръ, но и ученый распорядитель печатной работы. П. Б.

[2]) Графу П. Б. Шереметеву принадлежало на Никольской улицѣ три дома, изъ которыхъ одинъ и до сихъ поръ во владѣніи его правнука. Въ домѣ напротивъ проданнаго Синодальной типографіи (принадлежащемъ нынѣ братьямъ Чижовымъ) жилъ онъ, и изъ оконъ этого дома смотрѣла на торжественный въѣздъ императрицы Анны Іоанновны, сестра графа, княгиня Н. Б. Долгорукая (См. ея Записки въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 года). П. Б.

кладовыми покоями весьма недостаточенъ, а къ пристройкѣ и распространенію вновь покоевъ въ томъ домѣ порозжаго и способнаго мѣста уже не имѣется, и затѣмъ книжное печатаніе въ томъ домѣ производится за тѣснотою съ немалою нуждою и притомъ мастеровымъ работнымъ людемъ бываетъ не безъ помѣшательства, отчего какъ чаятельно и въ книгахъ оказываются мараные листы и прочая неисправность; да и положить тѣхъ книгъ по выходѣ изъ печати, доколь оныя въ продажу не произойдутъ, въ храненіе, также и другихъ до книжнаго печатанія принадлежащихъ матеріаловъ и припасовъ, за тѣснотою помѣстить почти негдѣ. И хотя, для приращенія типографскаго капитала, къ безнужному святыхъ церквей и народа церковными книгами удовольствованію, надлежало бы въ Московской типографіи книгопечатныхъ становъ пріумножить, точію оныхъ за таковою въ ономъ типографскомъ домѣ тѣснотою помѣстить же отнюдь не можно.

А имѣется подлѣ того типографскаго дому по лѣвую его сторону состоящій генералъ-аншефа, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанта, дѣйствительнаго камергера и кавалера графа Петра Борисовича Шереметева каменный домъ, который къ таковому въ помянутой типографіи книгопечатныхъ становъ умноженію и ко вмѣщенію прочихъ типографскихъ казенныхъ потребностей весьма способнымъ быть признавается.

Чего ради отъ Святѣйшаго Синода ко оному графу господину Шереметеву посыланъ былъ нарочный съ объявленіемъ, что означенный его графа Шереметева домъ проданъ быть имѣетъ ли и за какую цѣну. По которой посылкѣ Мая 22 дня сего 1760 года явился въ канцеляріи Святѣйшаго Синода онаго графа господина Шереметева служитель Василій Замятнинъ и объявилъ присланную Святѣйшему Синоду отъ него графа господина Шереметева о томъ домѣ записку, въ какой объявлено, что помянутый графъ господинъ Шереметевъ намѣренъ за тотъ свой домъ взять 15.000 рублевъ съ такимъ договоромъ, чтобъ для убранія изъ него дано было время на три мѣсяца, рѣшетка и ворота были бъ выломаны и сдѣланы глухимъ заборомъ изъ кошту Святѣйшаго Синода и обязаться, чтобъ воротъ тутъ не было.

Почему, въ силу учиненнаго того жъ 22 числа Мая Святѣйшаго Синода приказанія и по нему посланнаго изъ Святѣйшаго Синода въ Московскую Синодальную контору указа чрезъ синодальнаго архитектора Ивана Яковлева, означенному графа господина Шереметева дому планъ и обстоятельная опись учинены, и Святѣйшему Синоду изъ оной конторы при доношеніи присланы. А какое въ ономъ домѣ каменное и деревянное строеніи и во скольких жилыхъ и кладовыхъ покояхъ и погребахъ и прочихъ домашнихъ службахъ и въ какомъ состояніи и прочности находятся, о томъ въ оной описи порознь и на планъ по мѣстамъ значитъ именно.

А сего Декабря 4 дня ко оному графу господину Шереметеву посыланъ былъ отъ Святѣйшаго Синода еще нарочный же съ тѣмъ, что онъ графъ господинъ Шереметевъ изъ вышеозначенной цѣны не учинитъ ли ка-

кой уступки, о томъ бы онъ графъ господинъ Шереметевъ объявилъ послѣднее. Почему Декабря 8 числа отъ него графа господина Шереметева въ канцеляріи Святѣйшаго Синода явился вышеозначенный служитель Василій Замятнинъ и объявилъ, что-де показанный господинъ его графъ Шереметевъ приказалъ ему Замятнину Святѣйшему Синоду представить, что онъ графъ господинъ Шереметевъ за тотъ свой Московскій домъ менѣе 15.000 рублевъ взять не намѣренъ, да при томъ же-де и указныя съ той суммы пошлины заплачены бъ были изъ казны Святѣйшаго Синода; а что̀-де принадлежать будетъ до написанія въ дачѣ на оный домъ указной крѣпости, то-де оное (кромѣ помянутыхъ пошлинъ) господинъ его пріемлетъ на себя.

А понеже, какъ выше значитъ, что показанный его графа господина Шереметева домъ къ помянутой типографіи для умноженія во оной приращенія типографскаго капитала къ безнужному святыхъ церквей и народа церковными книгами удовольствованію не только нужно потребенъ, но по смежности его для сообщенія съ типографскимъ воединъ весьма способенъ; а во оной Московской типографской конторѣ по репортамъ сего 1760 года, отъ Октября къ Ноябрю мѣсяцу остаточной за расходы денежной казны значится 56,193 руб. 23 коп.: того ради приказали.

Означенный состоящій въ Москвѣ подлѣ Московскаго типографскаго дому каменный графа господина Шереметева домъ для пріобщенія онаго къ типографскому дому, если онъ графъ господинъ Шереметевъ изъ требуемой имъ за него пятнадцатитысячной рублевой цѣны совершенно ничего не уступитъ, то за обстоящую, какъ выше значитъ, во ономъ домѣ надобность и нужду, уже и за ту требуемую имъ цѣну, именно за 15000 рубл., купить и въ томъ надлежащую въ силу указовъ крѣпости написать. И по оной крѣпости какъ настоящую за тотъ домъ сумму ему графу господину Шереметеву (кому отъ него принять оную повелѣно будетъ) выдать, такъ и крѣпостныя съ той суммы указныя пошлины въ крѣпостной конторѣ изъ наличной въ типографской конторѣ имѣющейся денежной казны заплатить, записавъ въ расходъ съ роспискою; а по совершеніи оную крѣпость и по ней показанный купленный домъ со обстоятельною описью оной типографской конторѣ въ свое вѣдомство и охраненіе отъ кого надлежитъ принять. И о томъ, какія въ томъ домѣ покои, также кухни, амбары, погреба, конюшни и другія службы, въ силу прежде посланнаго о томъ минувшаго Ноября 2 числа указа, для какого именно типографскаго употребленія и содержанія способными окажутся и которые же изъ нихъ по пристойности потребно перестроить или починкою исправить, о томъ, наипрележнѣйше разсмотря, съ подробнымъ всего описаніемъ и съ изъясненіемъ представить Святѣйшему Правительствующему Синоду доношеніемъ на разсмотрѣніе неукоснительно, приложа при томъ съ упоминаемой на тотъ домъ крѣпости, которая взята быть имѣетъ, точную копію, какову и въ Московскую Святѣйшаго Синода контору взнесть при доношеніи жъ, а подлинную крѣпость хранить въ типографскомъ архивѣ или въ библіотекѣ въ пристойномъ мѣстѣ

за казенною печатью во всякой цѣлости. А между тѣмъ, по совершеніи крѣпости и по пріемѣ того дому въ типографское вѣдомство, во оный вновь купленный домъ, дабы онъ празднёнъ не былъ, изъ прежняго типографскаго дому за тѣснотою онаго, что нынѣ по самой необходимости изъ книгопечатныхъ станковъ и прочихъ казенныхъ типографскихъ принадлежностей матеріаловъ и припасовъ перенесть въ пристойныя того новаго дому покои подлежитъ, о томъ Святѣйшему Правительствующему Синоду съ надлежащимъ обстоятельствомъ, какъ наискорѣе репортовать.

А означенную выданную за показанный графа господина Шереметеваворъ сумму для возвращенія въ типографскій капиталъ расположить на нововыходныя изъ печати книги (кромѣ Библіи, которой положена именнымъ указомъ точная цѣна) не выше 10 копѣекъ на рубль, доколь оная сумма возвращена быть имѣетъ. И Московской типографской конторѣ учинитьо томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу, а о томъ же въ Московскую Святѣйшаго Синода контору указъ изъ Святѣйшаго Синода посланъ.

Оберъ-секретарь Стефанъ Писаревъ. Секретарь Андрей Сорокинъ. Регистраторъ Ѳедоръ Кругловъ. Декабря 23 дня 1760 года.

(С.-Петербургскій архивъ графа С. Д. Шереметева, № 530).

О КОМАНДИРѢ СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКА ПОЛКОВНИКѢ ШВАРЦѢ.

Прочитавъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (книжка 11-я 1902 г.) статью подъ заглавіемъ „Записки подполковника В. П. Рачинскаго о возмущеніи л. гв. Семеновскаго полка въ 1820 г.“, считаю своей обязанностью сдѣлать нѣсколько возраженій на его несправедливыя сужденія касательно личности командира Семеновскаго полка, полковника Шварца.

Я очень хорошо знала Ѳедора Ефимовича Шварца, умершаго въ 1869 г., слѣдовательно было бы непростительно съ моей стороны не сказать, хотя бы нѣсколько словъ, въ защиту человѣка и безъ того такъ несправедливо и такъ обидно оклеветаннаго нѣкоторыми его современниками, свалившими на него причину того прискорбнаго событія, въ которомъ онъ является скорѣе жертвою, нежели виновникомъ.

В. П. Рачинскій, дѣлая характеристику полковника Шварца, говоритъ, что онъ человѣкъ „безъ образованія, едва зналъ Русскую грамоту, не имѣлъ дара слова и съ трудомъ выражалъ свою мысль.“ Это положительно несправедливо. Ученымъ онъ конечно не былъ, но это былъ вполнѣ развитой человѣкъ, много читавшій, притомъ обладалъ прекрасною памятью, не отставалъ отъ вѣка и всегда интересовался всѣми политическими и общественными вопросами. Въ немъ не было ничего отсталаго, ретрограднаго. До глубокой старости онъ сохранилъ всѣ свои умственныя способности и свою красивую, представительную внѣшность. Что же касается его грамотности, то я могу судить о ней по его перепискѣ и смѣю увѣрить, что его письма были совершенно грамотны. Дара слова онъ тоже не былъ лишенъ и не только безъ затрудненія выражалъ свою мысль, но былъ даже пріятнымъ и крайне интереснымъ собесѣдникомъ.

Далѣе слѣдуетъ выноска, которая гласитъ: „Есть извѣстіе, что Шварцъ былъ Еврейскаго происхожденія.“ Очень любопытно знать, изъ какихъ источниковъ могли почерпнуть такое извѣстіе *), которое вполнѣ опровергается сохранившимися въ его родѣ фамильными документами. Ѳ. Е. Шварцъ былъ дворяниномъ Псковской губ., Шварцы по происхожденію Датчане. Родъ ихъ, бывшій болѣе двухъ сотъ лѣтъ въ Россіи, принадлежалъ къ православному исповѣданію.

*) „Архивъ Князя Воронцова“ книга 23, стр. 420, въ письмѣ Н. М. Лонгинова къ графу С. С. Воронцову. П. Б.

В. П. Рачинскій, упрекая Шварца въ неблаговоспитаніи, между прочимъ говоритъ: „Шварцъ, зная свои недостатки, торжественно объявлялъ, что не можетъ командовать полкомъ гдѣ офицеры лучшихъ фамилій, лучшаго тона и воспитанія.“ Такое торжественное объявленіе, если оно было на самомъ дѣлѣ, служитъ лишь доказательствомъ удивительной скромности полковника Шварца. Шварцъ, насколько я могла замѣтить, относился вообще очень равнодушно къ фамиліямъ, а что касается хорошаго тона и благовоспитанія, то безспорно онъ въ этомъ отношеніи не уступалъ гг. офицерамъ Семеновскаго полка лучшихъ фамилій. Ѳ. Е. Шварцъ былъ вполнѣ благовоспитанъ. Всегда утонченно вѣжливый, любезный и привѣтливый, онъ болѣе походилъ на царедворца времени Екатерины II, чѣмъ на того грубаго фельдфебеля Аракчеевской школы, какимъ его изображаютъ его недоброжелатели. Причина, побудившая полковника Шварца долго отказываться отъ командованья полкомъ, заключалась въ томъ, что полкъ, избалованный его предшественникомъ, генералъ-адъютантомъ Потемкинымъ, былъ крайне распущенъ, а ему, для того чтобы оправдать довѣріе Государя, надо было принять образъ управленія полкомъ совершенно противоположный своему предшественнику. При существующемъ уже броженіи умовъ, онъ предвидѣлъ катастрофу и рѣшился наконецъ принять полкъ, только по настоятельному требованію Государя.

Вопросъ о благовоспитаніи заставляетъ меня невольно остановиться на описываемомъ В. П. Рачинскимъ эпизодѣ, когда офицеры явились къ Потемкину просить его не оставлять полкъ. „Въ то время, пишетъ г. Рачинскій, прибылъ на квартиру полковникъ Шварцъ, чтобы представиться генералу Потемкину. Онъ стоялъ въ отдаленіи отъ всѣхъ, и никто къ нему не подошелъ. Генералъ Потемкинъ благодарилъ со слезами на глазахъ за нашу любовь. Полковнику Шварцу не сказалъ никакого привѣтствія.“ Читая это, нельзя не задать себѣ вопроса: кто же тутъ былъ благовоспитаннѣе? Полковникъ ли Шварцъ, молча удалившійся или гг. офицеры и любимый командиръ, сдѣлавшіе дерзость человѣку, котораго вовсе еще не знали, безъ всякой причины и безъ всякаго съ его стороны къ тому повода? Не будетъ ли упрекъ, сдѣланный г. Рачинскимъ Шварцу, спицей въ чужомъ глазу?

Страннымъ и незаслуженнымъ кажется такой упрекъ мнѣ, долго жившей подъ одной кровлей съ Ѳ. Е. Шварцомъ и въ дѣтствѣ, и въ молодости. Онъ почти что ежегодно пріѣзжалъ къ моимъ родителямъ въ деревню, жилъ по нѣскольку мѣсяцевъ и разъ даже прожилъ цѣлый годъ. Въ теченіе всего времени его продолжительнаго пребыванія въ нашемъ домѣ, грубость и невоспитанность могли всегда невольно проявиться; но Шварцъ былъ положительно безупреченъ въ этомъ отношеніи. Его вѣжливость доходила до утонченности.

В. П. Рачинскій кончаетъ свои записки словами: „Годъ или болѣе передъ несчастнымъ событіемъ, Государь довольно долгое время показывалъ неудовольствіе на Семеновскій полкъ за ученіе и разводы. Семеновцы оставались безъ отличія и наконецъ стали упадать духомъ; все это вызывало при броженіи ропотъ и недовольство.“ А ежели такое недовольство уже су-

ществовало, то нѣтъ и основанія сваливать причину несчастнаго событія исключительно на полковника Шварца.

Генералъ-адъютантъ Закревскій въ своей „Запискѣ о происшествіи въ л. гв. Семеновскомъ полку“ говоритъ: „Потемкинъ распустилъ полкъ до того, что вредный духъ офицеровъ распространился и между нижними чинами.“ Объясняя, что Шварцъ былъ вынужденъ внести дисциплину, онъ продолжаетъ: „такой обрасъ управленія не могъ понравиться избалованнымъ подчиненнымъ, привыкшимъ къ баловству прежняго начальника. Они не переставали ругать Шварца, насмѣхаться надъ нимъ даже передъ фронтомъ“. Затѣмъ Закревскій указываетъ еще на одну изъ причинъ недовольства Семеновцевъ на полковника Шварца: „Еще прежде вступленія полковника Шварца въ управленіе полкомъ, пишетъ онъ, офицеры, напыщенные пустою надменностью, привыкшіе быть подъ командою генераловъ, предубѣждены были въ худую противъ него сторону“. Такая причина не говоритъ въ пользу широкаго умственнаго развитія гг. офицеровъ Семеновскаго полка.

Истиннымъ и справедливѣйшимъ защитникомъ полковника Шварца въ этомъ дѣлѣ является императоръ Александръ I. Вотъ что говоритъ Государь въ своемъ письмѣ къ Аракчееву по поводу безпорядковъ въ Семеновскомъ полку: „Скажу тебѣ, никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, что сіе происшествіе было вымыслено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отчего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію тутъ кроются другія причины.“

Полковникъ Шварцъ дѣйствительно всегда съ честью командовалъ ввѣренными его управленію полками. Екатеринославскій полкъ былъ доведенъ имъ до такого совершенства, какъ по части фронтовой, такъ и по хозяйственной, что считался образцовымъ и первымъ по арміи полкомъ. Слѣдовательно, мнѣніе, что Шварцъ былъ ставленникомъ Аракчеева, совершенно ошибочно. Онъ почти не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній. Блестящее состояніе Екатеринославскаго полка заставило Государя обратить вниманіе на полковника Шварца, что́ и выдвинуло его въ служебномъ отношеніи. Также съ честью онъ командовалъ и л. гв. Гренадерскимъ полкомъ, и когда онъ оставлялъ его, то офицерами ему былъ поднесенъ серебряный кубокъ. Я видѣла этотъ кубокъ и помню надпись на немъ: „Отцу и командиру.“ Надо предполагать, что такая трогательная надпись не была сдѣлана по приказанію или принужденію. Также извѣстно, что офицеры и нижніе чины этихъ полковъ никогда не упрекали его въ грубомъ и жестокомъ съ ними обращеніи. А что́ касается его честности и безкорыстія, то этого не отрицаютъ и его враги.

Полковнику Шварцу ставятъ въ вину, что онъ не вышелъ къ полку въ моментъ возмущенія. Съ точки зрѣнія служебной это обвиненіе вполнѣ справедливо. Такой поступокъ съ внѣшней стороны долженъ казаться трусостью. Но Шварцъ слылъ всегда за храбраго офицера, да и какъ-то странно

приписывать такого рода малодушіе ветерану отечественной войны, участнику Бородинскаго боя. Конечно тутъ не чувство самосохраненія руководило имъ въ эти тяжелыя для него минуты. Причину почему, онъ не вышелъ къ полку, я объясню его же словами: „Какъ полковой командиръ, говорилъ Шварцъ, я кругомъ виноватъ, но какъ человѣкъ, полагаю, что поступилъ правильно. Я зналъ, что меня растерзаютъ и, не желая подвергнуть полкъ неизбѣжной суровой карѣ за мою смерть, предпочелъ нести самъ ожидавшую меня кару за неисполненіе моей обязанности полкового командира".

„Въ эту злосчастную ночь, говоритъ въ своихъ Запискахъ В. П. Рачинскій, круговая чара разгуливалась". „Всѣ старанія ротныхъ командировъ привести къ повиновенію были тщетны". Чего же можно было ожидать отъ пьяной, разнузданной, освирѣпѣвшей толпы? И былъ ли правъ или нѣтъ полковникъ Шварцъ въ томъ, что не вышелъ къ полку, судить не берусь.

Спустя два года послѣ несчастнаго происшествія, полковникъ Шварцъ, будучи уже въ отставкѣ, иногда пріѣзжалъ въ Петербургъ и всегда посѣщалъ великаго князя Михаила Павловича, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. У великаго князя онъ встрѣтился съ Государемъ. Государь, увѣренный, болѣе чѣмъ кто-либо, въ невиновности Шварца, обошелся съ нимъ крайне милостиво. Видя его въ статскомъ платьѣ, онъ сказалъ ему: „Я желалъ бы видѣть тебя въ мундирѣ". „Ваше Величество! отвѣчалъ Шварцъ, я былъ бы счастливъ надѣть мундиръ, но не считаю это возможнымъ, такъ какъ Семеновцы еще не помилованы." Въ милостивомъ отвѣтѣ Государя блеснула ярко надежда на помилованье.

Нѣсколько дней послѣ этой встрѣчи Шварцъ получилъ приглашеніе къ обѣденному столу во дворецъ. Обѣдъ былъ семейный.

Шварцъ поѣхалъ во дворецъ во фракѣ, съ высоко до ушей подвязаннымъ черномъ галстухѣ и въ черномъ до самаго верху застегнутомъ жилетѣ. Очевидцы разсказывали, что этотъ оригинальный туалетъ, вовсе не подходящій для пріѣзда во дворецъ, придавалъ всей его фигурѣ необыкновенно мрачный характеръ, такъ что Государь, увидавъ его, невольно улыбнулся и тутъ же воскликнулъ: „Нѣтъ, не могу, не могу видѣть тебя во фракѣ; ты надѣнешь мундиръ непремѣнно".

Полковникъ Шварцъ былъ снова принятъ на службу, и Государь продолжалъ оказывать ему свое милостивое вниманіе. Счастье улыбалось Шварцу, его ожидала блестящая служебная каріера. Но нетутъ-то было. Общее браженіе умовъ распространялось все болѣе и болѣе, вслѣдствіе чего судьба опальныхъ Семеновцевъ не измѣнялась. Шварцъ ждалъ мѣсяцъ, ждалъ другой и видя, что его надеждамъ на помилованье не суждено осуществиться, вышелъ въ отставку и покинулъ Петербургъ навсегда.

Много ли найдется людей, которые, въ виду несомнѣннаго благополучія, отрѣшились бы отъ него и поступили такъ, какъ въ данномъ случаѣ поступилъ полковникъ Шварцъ? Къ сожалѣнію тѣ, которые такъ щедро надѣлили его пристрастными и незаслуженными упреками, объ этомъ хранятъ полнѣйшее молчаніе.

Понятно, что безпристрастный и правильный взглядъ на событія, а равно и оцѣнка дѣятельности отдѣльныхъ личностей доступны лишь при спокойномъ и нелицепріятномъ отношеніи къ нимъ. Рѣзкія и несправедливыя сужденія о личности полковника Шварца были большею частью составлены на основаніи разсказовъ офицеровъ Семеновскаго полка, которые въ разгарѣ своей злобы вдавались въ крайнюю односторонность и, преувеличивая факты, невольно прибѣгали къ клеветѣ. Такимъ образомъ дѣйствія Шварца получили иное освѣщеніе, проникали въ такомъ видѣ въ общество и распространяясь стали уже принимать форму дѣйствительности. Подобнымъ путемъ нерѣдко даже искажаются историческія истины.

Полковникъ Шварцъ былъ человѣкъ безгранично преданный долгу и точный исполнитель воли Государя, къ памяти котораго онъ сохранилъ чувство святого благоговѣнія до послѣдняго вздоха. Возмущеніе Семеновскаго полка ничто иное, какъ первый явный протестъ противъ существовавшаго порядка и суроваго режима, который господствовалъ въ то время въ войскахъ. Отечественная война и продолжительное пребываніе нашего войска за границей, охвативъ Русское общество сильнымъ патріотическимъ воодушевленіемъ, пробудили общественное сознаніе и расширили его кругозоръ. Къ отечественнымъ порядкамъ, при сравненіи съ общественнымъ строемъ за границей, стали относиться критически. Къ тому же не отрадна была картина жизни Русскаго народа: иго крѣпостного права, злоупотребленія, неуваженіе къ личности, ненавистный гнетъ Аракчеевской системы и т. д., всѣ эти бѣдствія, тяготившія надъ Русскимъ народомъ, находили себѣ сочувственный откликъ въ сердцахъ патріотовъ, жаждавшихъ благотворныхъ реформъ, иного, лучшаго общественнаго строя.

Такое настроеніе умовъ существовало и въ Семеновскомъ полку, и при его распущенности и отсутствіи дисциплины, всякая попытка водворить надлежащій порядокъ должна была естественно вызвать сильное недовольство и разразиться неизбѣжной катастрофой. Оградить себя отъ нея или предотвратить ее было невозможно. Она обрушилась со всею своею тягостью на полковника Шварца, единственная вина котораго, быть можетъ, заключалась въ томъ, что онъ не обладалъ исключительнымъ обаяніемъ привлекать къ себѣ людей, а главное, что онъ, какъ человѣкъ, ставящій долгъ выше другихъ цѣлей, не умѣлъ подлаживаться и дѣлать уступки ради популярности.

А. Смирнова.

ЕЩЕ О ДЕКАБРИСТѢ ГРАФѢ З. Г. ЧЕРНЫШОВѢ.

Въ „Русскомъ Богатствѣ" за Январь 1901 года, В. Г. Короленко описываетъ встрѣчу (въ Нюйскомъ станкѣ на Ленѣ) съ мальчикомъ, яко бы потомкомъ сосланнаго графа Чернышова. Изъ словъ дѣда (по матери) этого мальчика Короленко заключилъ, что Декабристъ Чернышовъ до старости оставался, оторванный отъ родной семьи, въ Сибири.

Племянница графа З. Г. Чернышова, Н. Г. Малиновская, взяла на себя трудъ указать на легендарность этого разсказа и сообщила въ Январской книжкѣ „Русскаго Архива" нынѣшняго года цѣнныя, къ сожалѣнію слишкомъ, краткія біографическія свѣдѣнія о своемъ дядѣ. Относительно времени и мѣста пребыванія его въ Сибири въ эти свѣдѣнія вкралась маленькая неточность. Сопоставленіе встрѣчающихся въ исторической литературѣ отрывочныхъ данныхъ о графѣ Чернышовѣ можетъ служить дополненіемъ къ замѣткѣ г-жи Малиновской.

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ поступилъ на службу юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. На первыхъ же порахъ онъ вызвалъ на дуэль однополчанина и былъ за это посаженъ подъ арестъ. Характерно для тогдашняго домашняго воспитанія, что, не смотря на его поступленіе на службу, къ нему оставался приставленнымъ его гувернеръ, Французъ Joyeux, который даже сѣлъ подъ арестъ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ („Русск. Архивъ" 1896, II, 409). Объ этой исторіи, случившейся въ Кавалергардскому полку, писалъ своему брату К. Я. Булгаковъ 7-го Января 1820 г.: „Молодой Чернышовъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, анонимнымъ письмомъ потребовалъ отъ одного офицера полка его выхода въ отставку, потому что офицеры не хотятъ продолжать служить съ нимъ; писавшіе затѣмъ сами открылись, послѣ чего послѣдовалъ еще вызовъ на поединокъ, за который Чернышовъ и былъ арестованъ" („Русск. Архивъ" 1902, III, 344).

На родной сестрѣ Чернышова, графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ, женился 22-го Февраля 1823 г. Никита Михайловичъ Муравьевъ, одинъ изъ основателей и главныхъ руководителей Тайнаго Общества. Неудивительно, что и Чернышовъ вступилъ въ это общество, членами коего состояли многіе кавалергарды. Но дѣятельнаго участіяхъ въ дѣлахъ Общества Чернышовъ не принималъ. По крайней мѣрѣ въ Донесеніи слѣдственной комиссіи на это никакихъ указаній нѣтъ. Въ день 14 Декабря 1825 г. графа Чернышова въ Петербургѣ не было. Получивъ донесеніе Дибича о существованіи заговора, Николай Павловичъ писалъ ему 12-го Декабря, что рѣшено послать

фельдъегерей для ареста Никиты Муравьева и граф. Захара Чернышова („Русск. Старина“ 1897 г., т. 89, стр. 211), а по Запискамъ графа М. Д. Бутурлина арестъ обоихъ произведенъ одновременно около 18—20 Декабря 1825 г. въ имѣніи Чернышовыхъ, селѣ Тагинѣ, Орловскаго уѣзда, при чемъ съ матерью Чернышова сдѣлался ударъ, отъ котораго она черезъ два съ небольшимъ года и умерла („Русск. Архивъ“ 1897, II, 50).

Привезенный въ Петербургъ, графъ Чернышовъ наравнѣ съ другими задержанными Декабристами подвергся первоначальному допросу въ Зимнемъ дворцѣ и имѣлъ возможность написать въ кабинетѣ Государя длинное, въ одиннадцать страницъ, письмо къ отцу, въ которомъ съ умиленіемъ говорилъ о милосердіи царя, но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ о предстоявшей отправкѣ въ крѣпость. Одновременно отецъ получилъ милостивый рескриптъ отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны („Русск. Арх.“ 1901, II, 343).

Верховный Уголовный Судъ призналъ Чернышова, тогда ротмистра кавалергардскаго полка, виновнымъ въ томъ, что онъ „зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ Тайному Обществу съ знаніемъ цѣли онаго“, отнесъ его къ 7-му разряду осужденныхъ и приговорилъ къ четырехлѣтней каторгѣ. Но по высочайшей конфирмаціи приговора, указомъ 10-го Іюля 1826 г., срокъ каторжнаго заключенія былъ ему сокращенъ до двухъ лѣтъ, а уже 22-го Августа того же года, по случаю коронаціи, послѣдовало новое смягченіе наказанія—до одного года каторги.

Въ Сибирь Чернышовъ былъ отправленъ въ началѣ 1827 года. Его отецъ ѣздилъ тогда въ Петербургъ, чтобы проститься съ сыномъ передъ его ссылкою („Русск. Архивъ“ 1901, III, 22).

Одинъ годъ, съ весны 1827 до весны 1828 г., Чернышовъ провелъ вмѣстѣ съ другими Декабристами въ Читинской тюрьмѣ. Затѣмъ онъ былъ переведенъ на поселеніе въ Якутскъ. О пребываніи его въ Якутскѣ упоминаетъ въ письмахъ къ братьямъ Декабристъ А. А. Бестужевъ (Марлинскій), находившійся въ Якутскѣ съ начала 1828 г. („Русск. Вѣстн.“ 1870 г., Май). Извѣщеніе о прибытіи Чернышова имѣется въ письмѣ отъ 16-го Іюня 1828 г. Онъ поселился у Бестужева. Отъ него Бестужевъ (какъ видно изъ письма 23-го Іюня) узналъ о жизни братьевъ въ Читинскомъ острогѣ, гдѣ Чернышовъ вмѣстѣ съ ними содержался полгода, что̀ оказывается довольно точнымъ, ибо Николай и Михаилъ Бестужевы были доставлены въ Читу лишь въ Декабрѣ 1827 г. (Записки М. А. Бестужева, „Русск. Стар. 1870 г., Августъ). Чернышовъ раздѣлялъ съ Бестужевымъ скучную Якутскую жизнь. Иногда они вмѣстѣ бродили съ ружьемъ по полямъ и болотамъ, но рѣдко возвращались съ добычею (письмо отъ 16 Августа 1828 г.). „За чайнымъ и обѣденнымъ столикомъ пыхтимъ другъ другу съ Захаромъ табачный дымъ“ (письмо отъ 10-го Ноября 1828 г.). Но послѣ полугодичной совмѣстной жизни они по невыясненной причинѣ разстались. „Хозяйство наше рушится, Захаръ переходитъ на другую квартиру“ (письмо отъ 14-го Дек. 1828 г.), и 25-го Января 1829 г. Бестужевъ отмѣчаетъ, что живетъ одинъ. Черезъ мѣсяцъ Чернышова уже въ Якутскѣ не было: онъ переведенъ рядовымъ на

Кавказъ. Бестужевъ пишетъ братьямъ 25-го Февраля 1829 г., что по отъѣздѣ Чернышова онъ долго не могъ собраться съ мыслями, а потому можно заключить, что отправка Чернышова изъ Якутска послѣдовала уже въ началѣ Февраля. Уѣхалъ онъ, этотъ „compagnon des larmes, non d'armes", такъ поспѣшно, что едва могъ проститься (письмо отъ 9-го Марта 1829 г.).

Къ тому времени, когда Эрзерумъ находился въ Русскихъ рукахъ (т. е. въ Іюлѣ, Августѣ и Сентябрѣ 1829 г.), Чернышовъ уже былъ въ рядахъ арміи Паскевича. Объ этомъ упоминаетъ Гангебловъ, который передаетъ затѣмъ, что при постройкѣ крѣпости Новые-Закаталы, осенью 1830 г., тутъ служилъ въ какомъ-то егерскомъ полку Чернышовъ, и Гангебловъ удивлялся, съ какою строгостью Чернышовъ подвергалъ себя суровостямъ солдатской жизни („Русск. Архивъ" 1886 г., кн. 6).

Въ концѣ 1830 г. Чернышовъ былъ раненъ. По письму А. Я. Булгакова отъ 15-го Января 1831 г., графъ Гр. Ив. Чернышовъ, скончавшійся 2-го Января 1831 г., „передъ смертью получилъ письмо отъ сына, коего полагали мертвымъ; но онъ, бывъ только раненъ семь разъ Горцами, имѣлъ силу написать отцу нѣсколько строкъ... Можетъ быть, раны сіи заслужатъ ему хотя чинъ офицерскій" („Русск. Архивъ" 1902, I, 46).

Когда Чернышовъ былъ произведенъ въ офицеры, съ точностью не установлено. Случилось это не позже 1834 г.; ибо въ этомъ году, въ Августѣ, онъ былъ повѣнчанъ въ центральной Россіи, съ племянницею своего зятя Кругликова, Екатериною Алексѣевною Тепловой*), а Декабристамъ, служившимъ на Кавказѣ, до производства ихъ въ офицеры, отпуски въ центральную Россію не давались. Послѣ свадьбы Чернышовъ уѣхалъ къ мѣсту служенія въ Моздокъ. Объ этомъ говоритъ въ своихъ запискахъ Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карсскій), женившійся 26 Августа 1834 г., черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы Чернышова, на его сестрѣ, графинѣ Натальѣ Григорьевнѣ („Русск. Архивъ" 1894, III, 180).

Лѣтомъ 1835 г. Чернышовъ состоялъ въ чинѣ подпоручика. Въ рапортѣ отъ 21-го Сентября 1835 г. Кавказскій военный полиціймейстеръ Казасси свидѣтельствуетъ, что подпоручикъ Чернышовъ, жилъ лѣтомъ этого года съ женою и тещею въ Кисловодскѣ и велъ себя скромно и осторожно, удаляясь отъ сношеній съ другими Декабристами (по статьѣ Берже въ „Русск. Старинѣ" Октябрь 1880 г.).

По словамъ Г-жи Малиновской, Чернышовъ, вышедшій очевидно въ отставку, поселился въ 1840 г. въ родовомъ имѣніи Тагинѣ, Орловскаго уѣзда, уступленномъ ему сестрами. Въ Запискахъ Н. Н. Муравьева упоминается, что въ началѣ Іюля 1841 г. Чернышовъ, узнавъ въ Орлѣ о болѣзни сестры своей Н. Г. Муравьевой, неожиданно пріѣхалъ на два дня въ имѣніе Муравьевыхъ Орловской губерніи („Русск. Арх." 1895, I, 182), а въ Маѣ 1842 г. Наталья Григорьевна Муравьева ѣздила съ дѣтьми въ Тагинъ повидаться съ братомъ (тамъ же, стр. 203).

---

*) Дѣтей у нихъ не осталось. П. Б.

Коронаціоннымъ указомъ отъ 26-го Августа 1856 г., даровавшимъ Декабристамъ прощеніе, Чернышову былъ возвращенъ графскій титулъ.

О смерти его въ Римѣ въ 1862 г. упомянуто уже въ Запискахъ барона Розена (стр. 421).

Вотъ, кажется, все, что извѣстно о личности графа З. Г. Чернышова Ясное представленіе о его характерѣ изъ этихъ данныхъ извлечь трудно. Выдающейся роли въ средѣ Декабристовъ онъ во всякомъ случаѣ не игралъ въ Тайное Общество онъ, повидимому, былъ вовлеченъ распространеннымъ среди офицерства первой половины 20-хъ годовъ фрондёрствомъ противъ правительства и за свои увлеченія поплатился дорого, хотя, въ сравненіи съ его товарищами, его судьба, вѣроятно благодаря стараніямъ вліятельныхъ родныхъ, сложилась болѣе благопріятно.

Г. Юнкеръ.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

на письма адмирала Чичагова къ императору Александру Павловичу.

(Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ 6-й).

Стр. 32. En Moldavie le sénateur met beaucoup de mauvaise volonté и пр. «Кто этотъ сенаторъ? Кушникова, кажется, уже не было тогда въ княжествахъ».

Стр. 33. Si m-r Tchernisheff reste ici, il faut qu'il s'abstienne d'écrire à Votre Majesté. «Чичаговъ вездѣ говоритъ съ императоромъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ».

Стр. 38. Markoff, homme ignorant, bas, prérомptieux и пр. «Долженъ быть Евгеній Марковъ, братъ графа Ираклія Ивановича, который предводительствовалъ Московскимъ ополченіемъ. Денисъ Давыдовъ говорилъ, что Государь думалъ о Марковѣ, что онъ геній, а послѣ увидѣлъ, что онъ просто Евгеній. Впрочемъ, кажется, Чичаговъ уже слишкомъ разругалъ Маркова».

Стр. 49. Je suis sur la route de Napoléon, il ne la percera pas à bon marché. «Адмиралъ, какъ ни обѣщалъ, а подобно синицѣ моря не зажегъ».

Стр. 59. Des fautes que j'ai pu commettre. «Наконецъ, маленькое сознаніе».

И. Н. НОВАЦКІЙ.

Поминка.

19 Января нынѣшняго года въ церкви Московскаго Университета отслужена торжественная панихида по скончавшемся 5 Іюля прошедшаго года заслуженномъ профессорѣ и славномъ хирургѣ Иванѣ Николаевичѣ Новацкомъ. Московскій Университетъ почтилъ въ немъ не только своего сочлена, но и своего благотворителя, который сдѣлалъ ему при жизни и завѣщалъ значительныя деньги, скопленныя долголѣтнимъ трудомъ. Это былъ человѣкъ поистинѣ исторически-достопамятный, и его имя встрѣтится за цѣлые полвѣка въ исторіи Университета, въ хроникѣ Московской жизни и въ лѣтописяхъ войнъ Крымской и послѣдней Турецкой. Десятки тысячъ людей обязаны были ему выздоровленіемъ; жертвы кровавыхъ битвъ получали облегченіе отъ искуснаго цѣлебнаго ножа его, которымъ онъ научился владѣть подъ руководствомъ Пирогова въ осажденномъ Севастополѣ. Въ послѣднюю войну онъ неутомимо трудился, завѣдуя подвижными лечебницами Краснаго Креста. А въ дни мира, въ Москвѣ, вѣчно-памятна будетъ его дѣятельность въ Екатерининской больницѣ, начальникомъ которой онъ былъ съ 1868 по 1899 годъ. Онъ не только привелъ въ образцовый порядокъ это учрежденіе великой Государыни (1775), но и написалъ его исторію, къ сожалѣнію доселѣ неизданную *).

И. Н. Новацкій родился въ 1829 году и былъ воспитанникомъ Смоленскаго помѣщика Воронца. Воспитался онъ въ Смоленской гимназіи, въ попечительство графа С. Г. Строганова, когда юношество училось, не подвергая сомнѣнію чему и какъ слѣдуетъ учиться. Смольняне имѣютъ свою привлекательную особенность. Потомки людей, выдержавшихъ вѣроисповѣдную борьбу съ католичествомъ, они крѣпки Русской землѣ и въ тоже время лакомы до прекрасныхъ плодовъ Западно-Европейскаго быта и знанія. Новацкій до конца дней своихъ слѣдилъ за чудесными успѣхами своей науки и онъ же устроилъ на свои средства церковь въ нижнемъ ярусѣ Екатерининской больницы (чтобы трудно-больнымъ не подыматься наверхъ въ большую больничную церковь). Образованность его была широкая: онъ много читалъ и произведеній словесности, и книгъ историческаго содержанія. Твердость и сердоболіе отличали его какъ врача. Однажды положена была въ Екатерининскую больницу сирота-дѣвушка Марья Прохоровна Карпенкова, съ раздробленною рукою. И. Н. Новацкій уговорилъ ее подвергнуться отнятію руки и спасъ ей жизнь. Въ ней загорѣлось живое чувство благодарности; она осталась у него жить, и ея попеченіями былъ онъ окруженъ до самой своей кончины. Похороненъ И. Н. Новацкій въ Убѣжищѣ воиновъ подъ Москвою, близъ села Всесвятскаго. Онъ былъ тоже воиномъ добра и здравой науки. П. Б.

---

*) Рукопись этой исторіи была представлена князю В. А. Долгорукову и можетъ находиться въ бумагахъ г-на Савельева.

честь сегодняшняго праздника, такъ и при другихъ тостахъ. Въ этотъ день мы узнали также, что въ прошедшее Воскресенье оба молодые Гессенъ-гомбургскіе принца имѣли первую аудіенцію у императора, что вводилъ ихъ при дворѣ г. Ягужинскій и что они являлись въ плохихъ зеленыхъ кафтанахъ.

6. Такъ какъ г. Измайловъ вчера вечеромъ говорилъ намъ, что слышалъ за вѣрное, что рожденіе императрицы будетъ праздноваться настоящимъ образомъ только сегодня, то мы и нынче должны были явиться ко двору въ цвѣтномъ платьѣ, тѣмъ болѣе, что не получили отъ него никакихъ точнѣйшихъ свѣдѣній. Но слухъ этотъ оказался ложнымъ: при императорскомъ дворѣ ничего не было. Поэтому герцогъ послѣ обѣда надѣлъ опять черный кафтанъ, и мы всѣ, по приказанію, послѣдовали его примѣру.—Пріѣхавшіе сюда наканунѣ Шведскій генералъ-маіоръ Сталь и братъ его, бывшій Лифляндскій ландратъ, были въ этотъ день у его высочества съ визитомъ и потомъ обѣдали у него вмѣстѣ съ г.-л. Штакельбергомъ и молодымъ двоюроднымъ братомъ его, Штакельбергомъ изъ Лифляндіи. За столомъ пили таки, но не слишкомъ много.

7. Рано утромъ, бригадиръ Плате прислалъ мнѣ сказать, что часовъ въ 8 или въ 9 ко двору будетъ тайный совѣтникъ Остерманъ, почему я тотчасъ же и отправился туда. Въ 9 часовъ тотъ дѣйствительно пріѣхалъ и имѣлъ съ его высочествомъ, совершенно наединѣ, конференцію, продолжавшуюся съ часъ. Когда онъ уѣхалъ, герцогу представлялись молодой Шведскій каммергеръ гр. Вахтмейстеръ и зять его, полковникъ Розенъ (одинъ изъ величайшихъ фаворитовъ покойнаго короля, человѣкъ, какъ говорятъ, превосходнѣйшій и честнѣйшій); но его высочество именно въ этотъ день держалъ свой постъ и потому могъ ихъ пригласить къ себѣ обѣдать только на завтра. Около полудня они отправились съ бригадиромъ Плате на обѣдъ къ Цедеркрёйцу. Оба эти господина, только вчера пріѣхавшіе изъ Лифляндіи, явились въ Петербургъ съ тою же цѣлью, которая вызвала сюда всѣхъ уже прибывшихъ или находящихся еще въ дорогѣ Лифляндскихъ дворянъ, именно чтобы просить объ утвержденіи за ними ихъ помѣстій и хлопотать при здѣшнемъ дворѣ еще о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, касающихся до послѣднихъ.—Такъ какъ въ этотъ день было Вербное Воскресенье, которой здѣсь очень празднуется (хотя и далеко уже не такъ, какъ въ прежнія времена), то при императорскомъ дворѣ почти всѣ сняли трауръ; но мы, не получившіе никакого сообщенія отъ г. Измайлова и ничего о томъ не знавшіе, оставались въ трауръ. Впрочемъ это оказалось неважнымъ, тѣмъ болѣе, что не одни мы были въ черномъ; да и его высочество только поутру выходилъ изъ своей ком-

наты, потому что тотчасъ послѣ обѣда былъ глубоко пораженъ и огорченъ печальнымъ извѣстіемъ о смерти т. с. Геспена. Весь нашъ дворъ сокрушался о покойномъ, зная въ особенности какъ нуженъ, а въ настоящихъ обстоятельствахъ (Conjuncturen) почти необходимъ онъ былъ его высочеству. Сколько мы узнали отъ прислуги тайнаго совѣтника, онъ скончался перваго числа этого мѣсяца, на разсвѣтѣ: передъ тѣмъ ему, повидимому, было гораздо лучше, но потомъ онъ впалъ въ двѣнадцати-часовой сонъ и въ немъ тихо испустилъ свой духъ.

8. Поутру ледъ еще сильно шелъ изъ Ладожскаго озера, почему и въ этотъ день переправа черезъ рѣку была очень трудна и опасна.— Его высочеству хотѣлось бы ужъ начать свое говѣнье, но надобно было, чести ради, принимать приглашенныхъ къ обѣду полковника Розена и шурина его, молодого графа Вахтмейстера.

9. Его королевское высочество началъ сегодня говѣть, и хотя выходилъ къ столу, но не для того, чтобъ обѣдать. Мы, прочіе, также намѣревались въ будущій Страстной Четвергъ пріобщиться Св. Тайнъ, а потому я, въ свою очередь, вскорѣ послѣ обѣда ушелъ домой и не выходилъ болѣе изъ своей комнаты.

10. Его высочество перешелъ наверхъ въ тихія комнаты гр. Бонде, чтобы лучше приготовиться на послѣ-завтра къ принятію св. причастія.—Какъ изъ Москвы, такъ и изъ Лифляндіи ежедневно кто-нибудь пріѣзжаетъ. Сегодня прибылъ наконецъ бар. Мардефельдъ, который немало усталъ отъ дороги, ужасно недоволенъ здѣшними путешествіями и жаждетъ спокойствія. Бар. Рённъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы, узналъ, что гвардія и его полкъ, бывшіе уже на пути сюда, получили приказаніе воротиться назадъ, и потому немало испугался. Здѣсь разсказываютъ за вѣрное, что за нѣсколько дней прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Турки хотятъ начать войну съ его императорскимъ величествомъ. Увѣряютъ также, что въ Маѣ мѣсяцѣ императоръ непремѣнно опять отправится въ Москву. Генералъ Алларъ, говорятъ, получилъ уже приказъ ѣхать сюда, и думаютъ, что на мѣсто его поѣдетъ въ Украйну здѣшній генералъ князь Голицынъ, котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произведутъ даже въ фельдмаршалы. Мы слышали еще, что кн. Меншикову (который имѣлъ позволеніе оставаться нѣсколько времени въ Москвѣ) послано съ курьеромъ приказаніе немедленно быть сюда, и что ген. Бутурлинъ уже сегодня пріѣхалъ изъ Москвы.

11. Въ Великій Четвергъ наши придворные кавалеры, въ 8 часовъ утра, пріобщились Св. Тайнъ, точно такимъ же порядкомъ, какъ въ

прошломъ году. Въ 10 часовъ началась проповѣдь, которую его высочество слушалъ въ спальнѣ гр. Бонде.

12. Поутру герцогъ пріобщался Св. Тайнъ, а въ 10 часовъ началась проповѣдь. Его королевское высочество открыто присутствовалъ на ней, но потомъ опять удалился въ свою комнату и во весь день не показывался болѣе. Такъ какъ была Страстная Пятница, то онъ не только самъ постился, но и велѣлъ приказать на кухнѣ, чтобъ никому не давали ѣсть прежде 5-ти часовъ. Мы однакожъ успѣли устроить такъ, что пообѣдали въ 4 часа. Погода въ этотъ день была очень теплая, и я съ каммерратомъ Негелейномъ и нашимъ придворнымъ проповѣдникомъ ходилъ гулять въ садъ императрицы. Тамъ мы нашли обоихъ Сталей и генералъ-адъютанта Брюммера, которые только-что вышли изъ особаго строенія, гдѣ хранилось цѣлое собраніе мраморныхъ статуй. Мы попросили позволенія еще разъ войти туда и увидѣли множество превосходныхъ статуй и антиковъ изъ мрамора, которые большею частію привезены изъ Италіи только въ прошедшее лѣто. Когда мы потомъ смотрѣли, какъ шелъ по Невѣ ледъ, къ намъ приблизился солдатъ и сказалъ, что казначей (Schatzmeister) императрицы, который мимоходомъ видѣлъ насъ, приказалъ ему пропускать, если намъ вздумается пройти въ садъ. Для препровожденія времени мы въ самомъ дѣлѣ отправились туда. Я нашелъ тамъ чрезвычайно много улучшеній, сдѣланныхъ послѣ нашего отъѣзда въ Москву, особенно въ гротѣ, который уже почти готовъ и будетъ необыкновенно красивъ и великолѣпенъ. Гуляя по саду, мы посмотрѣли сквозь окна и на картины, находящіяся въ галереѣ, гдѣ есть превосходныя и драгоцѣнныя произведенія знаменитѣйшихъ мастеровъ.

13. Его королевское высочество изъ комнатъ гр. Бонде перешелъ опять внизъ и кушалъ открыто. За обѣдомъ мы получили извѣстіе, что императоръ сейчасъ былъ на квартирѣ т. с. Геспена и не только осматривалъ тѣло покойнаго (которое лежало еще въ дорожной каретѣ), но и очень тщательно ощупывалъ его. Г. Измайловъ уже за нѣсколько дней подробно освѣдомлялся, будетъ ли оно погребено здѣсь или нѣтъ, и какія распоряженія сдѣланы его высочествомъ по этому случаю; а потому кажется, что ему это приказано было императоромъ. Тотчасъ послѣ обѣда къ намъ явились наконецъ барка и двѣ верейки; а такъ какъ погода стояла пріятная, то его высочество отправился съ нами покататься немного по рѣкѣ, при чемъ учился у бригадира Плате, какъ должно управлять рулемъ. Бригадиръ нашъ былъ въ немаломъ безпокойствѣ, потому что Измайловъ все еще не привозилъ отвѣта, гдѣ и когда герцогъ на другой день будетъ имѣть честь цѣловать руки императору и императрицѣ.

14. Въ первый день Свѣтлаго праздника, въ 4 часа утра, въ крѣпости и въ Адмиралтействѣ палили изъ всѣхъ пушекъ въ знакъ наступившаго великаго торжества. Въ половинѣ девятаго началась проповѣдь; но во время самаго богослуженія мы опять услышали пушечную пальбу изъ крѣпости и Адмиралтейства, которою возвѣщалось, что Русская обѣдня кончилась и что пора ѣхать ко двору. Поэтому герцогъ приказалъ вызвать изъ церкви тѣхъ изъ своей свиты, которыхъ хотѣлъ взять съ собою, и тотчасъ же отправился на баркѣ къ императорскому зимнему дворцу, куда мы прибыли въ ту самую минуту, какъ императоръ и императрица вышли на берегъ. Мы немедленно прошли въ ту комнату, гдѣ собрались ихъ величества со всею императорскою фамиліею. Императоръ, увидѣвъ герцога, пошелъ намъ на встрѣчу, а когда послѣдній подалъ ему красивое расписное яйцо и проговорилъ при этомъ обыкновенныя Русскія слова*), обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ. Послѣ того его высочество обратился къ императрицѣ, подалъ ей также яйцо и удостоился получить отъ нея поцѣлуй. Такъ какъ у бригадира Плате были въ шляпѣ яйца и для прочихъ лицъ императорской фамиліи, то его высочество воспользовался этимъ, чтобъ похристосоваться и съ ними, за что́ былъ надѣленъ пріятными поцѣлуями. Мы, сопровождавшіе герцога, имѣли счастіе цѣловать императрицѣ, тремъ императорскимъ принцессамъ, молодому великому князю и его сестрѣ обнаженныя руки, а съ самимъ императоромъ поцѣловаться въ губы. Въ то время какъ его высочество разговаривалъ съ государынею и принцессами, передъ императорскимъ дворцомъ собрались съ музыкою не только всѣ наличные Петербургскіе литаврщики, трубачи и гобоисты, но и всѣ барабанщики и флейтщики здѣшнихъ полковъ, производя немалый шумъ въ нашихъ ушахъ. Императоръ, прежде нежели удалился и пошелъ кушать, долго говорилъ тихо съ его высочествомъ, и такъ какъ герцогъ казался притомъ очень довольнымъ и нѣсколько разъ цѣловалъ ему руки, а онъ его обнималъ, то мы заключили, что должно быть рѣчь о чемъ-нибудь хорошемъ, и въ свою очередь внутренно немало радовались. Его величество былъ вообще въ этотъ день въ отличномъ расположеніи духа, и потому старая княгиня Голицына (которая, за исключеніемъ кн. Меншиковой, только одна имѣетъ здѣсь титулъ *свѣтлости*) очень разсмѣшила его, когда подошла къ его высочеству, нашему герцогу, и, подавая ему яйцо, сказала, что если онъ цѣловался со всею императорскою фамиліею, то могъ бы, кажется, поцѣловаться и съ нею. Его высочество, разумѣется, не отказалъ ей въ этомъ, но, безъ сомнѣнія, по-

---

*) Т. е. *Христосъ воскресъ!*

чувствовалъ большую разницу ея поцѣлуевъ отъ прежнихъ. Императоръ, поносивъ нѣсколько времени на рукѣ очень красиваго попугая, котораго часто цѣловалъ и ласкалъ, ушелъ, и императрица со всѣмъ своимъ семействомъ послѣдовала за нимъ. Герцогъ еще разъ дамамъ поцѣловалъ руки, а съ государемъ и съ маленькимъ великимъ княземъ разцѣловался въ губы. Затѣмъ всѣ находившіеся тутъ Русскіе подходили къ его высочеству и поздравляли его съ праздникомъ. Выходя изъ дворца, мы встрѣтили генерала Ягужинскаго, который велъ за руки обоихъ Гессенъ-гомбургскихъ принцевъ, идя съ ними къ императору; но его высочество не замѣтилъ этого. Оба эти принца живутъ въ домѣ покойнаго генералъ-маіора Голицына. Подполковникъ Лёвольдъ, пріѣхавшій съ ними въ Петербургъ, нѣсколько дней тому назадъ читалъ нѣкоторымъ хорошимъ пріятелямъ смѣшное мѣсто изъ одной Голландской газеты, присланной ему отцомъ молодыхъ принцевъ, именно, будто *императоръ Россійскій ссудилъ князя Гессенъ-гомбургскаго значительною суммой денегъ, въ обезпеченіе которой послѣдній отправилъ къ его величеству, въ видѣ залога, обоихъ своихъ сыновей.* Между тѣмъ, говорятъ, эти принцы будутъ получать отъ императора ежегодно 6,000 рублей и провіантъ на 15 лошадей. Для чего они сюда пріѣхали, покажетъ время. Незадолго передъ обѣдомъ пріѣхалъ съ визитомъ секретарь посольства (Австрійскаго) Гогенгольцъ, и такъ какъ его высочество опять далъ уговорить себя кушать открыто, то онъ, вмѣстѣ съ г. Измайловымъ, былъ приглашенъ остаться у насъ обѣдать. За столомъ много пили. Послѣ обѣда его высочество катался немного и все время самъ управлялъ рулемъ, съ помощію бригадира Плате.

15. На другой день праздника, въ 10 часовъ утра, началась при дворѣ проповѣдь, на которой присутствовали баронъ Мардефельдъ и генералъ-лейтенантъ Боннъ; а когда она кончилась, пріѣхали полковникъ Розе съ молодымъ гр. Вахтмейстеромъ и г.-м. Сталемъ. Герцогъ всѣхъ ихъ оставилъ у себя обѣдать. Оба Блументроста хотя и просили каммеррата Негелейна доложить его высочеству, что будутъ у него, однакожъ не могли пріѣхать, потому что неожиданно получили отъ императора приказаніе отправиться въ домъ великаго канцлера, гдѣ кто-то заболѣлъ. Между тѣмъ желаніе ихъ быть у насъ я счелъ за хорошій знакъ, тѣмъ болѣе, что императорскій лейбъ-медикъ, который въ большой милости, прежде никогда не думалъ о такомъ посѣщеніи и потому еще не разу не былъ у его высочества. Кромѣ того, въ этотъ день мнѣ сообщили чрезвычайно пріятное извѣстіе (которое, дай Богъ, чтобъ было вѣрно), именно, будто черезъ г. Кампредона положительно узнали, что Турки, вслѣдствіе послѣдняго представленія императора касательно Персидскаго вопроса, одумались и не

хотятъ ужъ нарушать миръ съ Россіею. Когда я разсказалъ объ этомъ герцогу, онъ немало обрадовался, потому что еслибъ открылась война съ Турціею, дѣло его высочества, по всей вѣроятности, было бы оставлено здѣсь безъ вниманія.

16. На третій день Свѣтлаго праздника, у его высочества обѣдали вице-адмиралъ Вильстеръ, бар. Беръ и капитанъ Гекель. Въ то время, какъ мы сидѣли за столомъ, поднятъ былъ флагъ буеровъ (Boyers-Flagge) и раздались два пушечныхъ выстрѣла. Это было знакомъ, чтобы суда собирались къ «Четыремъ Фрегатамъ», а потому его высочество поспѣшилъ отправиться съ нами въ путь, взявъ съ собою на свое судно вице-адмирала и капитана Гекеля. На противоположной сторонѣ рѣки мы нашли императора сидящимъ въ баркѣ императрицы; но такъ какъ его высочество не могъ знать, сколько времени мы будемъ еще оставаться тамъ, то не выходилъ изъ своего судна. Впрочемъ, адмиралъ буеровъ скоро отчалилъ отъ берега, и императоръ отправился на свою небольшую шлюпку. Его величество, встрѣтивъ князя-папу, мимоходомъ поцѣловалъ ему руку, за что́ тотъ, по обыкновенію, благословилъ его обѣими руками. Послѣ того папа, прежде нежели отправиться подъ паруса, добылъ себѣ у императрицы рюмку водки. Государыня поѣхала на своей баркѣ до лѣтняго дворца и оттуда, оставаясь въ ней, смотрѣла на наше катанье, въ которомъ не участвовала. Позади адмирала барка его высочества все время была второю, а барка императора первою, и такъ какъ мы постоянно находились близко отъ его величества, то онъ пилъ за здоровье герцога, а герцогъ за его, при чемъ наши валторнисты усердно оглашали воздухъ своею музыкою. Прогулка эта продолжалась бы долѣе, еслибъ дождь не становился все сильнѣе и сильнѣе; поэтому адмиралъ флотиліи, поровнявшись съ крѣпостью, опустилъ свой адмиральскій флагъ, прикрѣпляемый на верху мачты, въ знакъ того, что каждый можетъ отправляться домой. Мы тотчасъ же и уѣхали, потому что насквозь промокли. Вскорѣ послѣ нашего возвращенія домой, ко двору явился каммеръ-пажъ Гольштейнъ съ своимъ меньшимъ братомъ, чтобы представиться герцогу. Этотъ меньшой братъ имѣлъ честь прислуживать его высочеству еще въ Швеціи, когда былъ тамъ пажомъ у гр. Мёрнера. Изъ всѣхъ трехъ братьевъ онъ самый пріятный и образованный.

17. Кн. Голицынъ, г.-л. Боннъ и Штакельбергъ хотѣли обѣдать у герцога, но такъ какъ у него опять болѣла голова, то имъ на сей разъ было отказано, и его высочество не выходилъ изъ своей комнаты. Между тѣмъ, въ 9 часовъ вечера, вдругъ совершенно неожиданно пріѣхалъ императоръ съ большою свитою. Онъ оставался у насъ болѣе часа, былъ въ отличномъ расположеніи духа и необыкновенно милости-

во обращался съ его высочествомъ, котораго нѣсколько разъ поднималъ на руки и цѣловалъ. Его величество въ этотъ день не только былъ съ обѣими принцессами у молодого Василья Петрова *), гдѣ преисправно пилъ, но и еще во многихъ мѣстахъ, прежде нежели пріѣхалъ къ его высочеству. Вся компанія была очень пьяна, но притомъ необыкновенно весела, и потому роспила у герцога еще не одну бутылку. Къ счастію, головная боль его высочества совершенно прошла еще до пріѣзда императора. Пользуясь удобнымъ случаемъ, онъ просилъ государя къ себѣ на послѣ-завтра, и его величество обѣщалъ ему быть, но сказалъ притомъ, чтобъ объ этомъ никому ничего не говорили, чѣмъ далъ понять, что не желаетъ быть съ посторонними, а только съ своимъ обществомъ.

18. Поутру, у его высочества былъ посланникъ Кампредонъ и имѣлъ съ нимъ секретный разговоръ, продолжавшійся болѣе получаса. Такъ какъ его высочество въ тоже время приказалъ бригадиру Плате и мнѣ составить списокъ тѣхъ, кого слѣдовало пригласить на завтра, и потомъ одобрилъ его, то я еще до обѣда, въ сопровожденіи фурьеровъ и конюха, отправился въ путь и пригласилъ всѣхъ гостей. Въ этихъ разъѣздахъ прошелъ у меня однако весь день, потому что одинъ жилъ на Югѣ, другой на Западѣ. Я, правда, нашелъ бóльшую часть стоявшихъ въ моемъ спискѣ у адмирала Крюйса, который въ этотъ день угощалъ обѣдомъ императора, императрицу и всѣхъ знатныхъ дамъ и кавалеровъ; однакожъ не хотѣлъ тамъ обратить на себя вниманіе и съѣздилъ къ каждому на домъ. Приглашенные были: великій адмиралъ Апраксинъ, великій канцлеръ Головкинъ, кн. Голицынъ, т. с. Толстой, г.-л. Ягужинскій, т. с. Остерманъ, ген. Бутурлинъ, кн. Ромодановскій, гр. Матвѣевъ, старый Пушкинъ, старшій братъ великаго адмирала, адмиралъ Крюйсъ, четыре вице-адмирала: Сиверсъ, Гордонъ, Измаевичъ и Вильстеръ, г.-м. Головинъ, оба оберъ-гофмейстера Олсуфьева, г.-л. Боннъ, г.-л. Минихъ, полиціймейстеръ, тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ, нашъ прежній каммергеръ Нарышкинъ и находящіеся здѣсь четыре маіора гвардіи, которые въ тоже время и г.-м., а именно: Мамоновъ, Ушаковъ, Волковъ и Лихаревъ. Обѣдали у насъ при дворѣ въ этотъ день г.-л. Боннъ, оба здѣшніе г.-маіора Волковъ и Лихаревъ, Шведскій г.-л. Штакельбергъ и недавно пріѣхавшій сюда изъ Лифляндіи гр. Дугласъ. Первыхъ трехъ его высочество самъ еще разъ приглашалъ къ себѣ на завтра. Хотя въ прошломъ году, въ Москвѣ, были приглашены также всѣ иностранные министры, и его высочеству

*) Вѣроятно, фаворита царскаго Василья Петровича.

очень бы хотѣлось видѣть ихъ у себя на сей разъ опять, равно какъ и находящихся здѣсь Шведскихъ кавалеровъ и офицеровъ: но онъ не осмѣлился просить ихъ, тѣмъ болѣе, что императрица, на сдѣланный ей по этому случаю вопросъ, приказала отвѣчать, что императору было бы весьма пріятнѣе найти у его высочества только Русскихъ министровъ и свое общество, съ чѣмъ необходимо и надобно было сообразоваться.

19. Въ день, съ котораго его королевскому высочеству пошелъ 24-й годъ, приглашенныхъ ждали у насъ въ 11 часовъ, и его величество императоръ какъ разъ въ это время пріѣхалъ со всѣми гостями. Онъ плылъ на верейкѣ съ полиціймейстеромъ и двумя изъ своихъ деньщиковъ, а прочіе слѣдовали за нимъ пѣшкомъ, и какъ казалось, гдѣ-нибудь собирались. Государь, войдя въ столовую, тотчасъ же сѣлъ за столъ, не дожидаясь горячихъ кушаній, которыя надобно было еще подготовить, внести и потомъ уже подавать какъ слѣдуетъ. Поэтому, такъ какъ его величества не ждали такъ рано, блюда являлись на столъ одно за другимъ, по мѣрѣ того, какъ были готовы. Между тѣмъ онъ держался покамѣстъ холоднаго и кушалъ съ тарелокъ, приготовленныхъ для него собственными его людьми, т. е. бывшими тутъ же кухмистеромъ и двумя Русскими поварами, которые готовятъ ему кушанья, обыкновенно подаваемыя за его обѣдомъ, какъ напр. какія нибудь овощи, нарѣзанную мелкими кусочками жареную говядину съ солеными огурцами, жареныя утиныя ножки, которыя онъ всегда окунаетъ въ кислый соусъ, приправленный лукомъ, молодую редиску, и т. п. Впрочемъ, его величеству очень нравились и нѣкоторыя кушанья, изготовленныя нашими поварами, въ особенности же тѣ, при которыхъ много соусу и въ которыхъ нѣтъ сахару, потому что сахара въ кушаньи онъ никогда не терпитъ. Кухмистеръ, еще до его пріѣзда, положилъ къ его прибору, также нѣсколько маленькихъ черныхъ хлѣбовъ, потомъ—деревянную ложку, ножъ и вилку, которыми его величество обыкновенно кушаетъ. Не смотря на то, что столъ императора былъ просторно накрытъ на 28 приборовъ, за него помѣстилось не болѣе 24-хъ или 25-ти человѣкъ. Тутъ хотя и сѣли нѣкоторыя лица, принадлежащія къ обыкновенной свитѣ его величества, но они не могли замѣстить всѣхъ порожнихъ мѣстъ, потому что изъ приглашенныхъ не пріѣхало 9 человѣкъ, именно: Головкинъ, ген. Бутурлинъ, адмиралъ Крюйсъ, вице-адмиралы Сиверсъ и Вильстеръ, старый Пушкинъ, оба оберъ-гофмейстера Олсуфьевы и г.-л. Минихъ, который однакожъ явился послѣ обѣда. Что касается до императорскихъ деньщиковъ, генеральскихъ адъютантовъ и тому подобныхъ господъ, то ихъ провели въ смежную комнату, гдѣ для нихъ приготовленъ былъ

хорошо сервированный столъ на 18 приборовъ, украшенный по срединѣ большою корзинкой съ конфектами. На столѣ императора стояли четыре большія корзинки съ сластями, а въ серединѣ красовался серебрянный plat-menage герцога, обставленный по сторонамъ 34-мя большими и маленькими блюдами, бо́льшая часть которыхъ въ продолженія обѣда замѣнялась горячими кушаньями и жаркими. По правую сторону императора сидѣлъ князь-кесарь Рамодановскій, а по лѣвую его высочество; знатнѣйшіе изъ гостей размѣстились противъ его величества, прочіе—какъ пришлось. Государь, обыкновенно отдыхающій послѣ обѣда, въ часъ всталъ изъ-за стола и пошелъ въ лѣтній дворецъ уснуть, но, уходя, приказалъ всѣмъ оставаться на своихъ мѣстахъ и продолжать веселиться. Ягужинскій былъ въ отличномъ расположеніи духа, и потому въ отсутствіе императора началась страшная попойка. Генералъ этотъ убѣждалъ притомъ герцога приказать часовымъ, чтобъ они никого изъ гостей не выпускали безъ особаго разрѣшенія, что̀ и было исполнено. Его высочество просилъ знатнѣйшихъ изъ гостей остаться у него и повеселиться съ нимъ въ этотъ день на славу. Тѣ охотно обѣщали ему это; но такъ какъ пито было страшно, и всѣ они перепились почти до крайности, то, думая, что императоръ уже не воротится, убѣдили наконецъ его высочество (который и самъ былъ такъ пьянъ, какъ я еще никогда не видалъ) отпустить ихъ одного за другимъ. Императоръ однакожъ въ 6 часовъ неожиданно пришелъ опять. Ген. Ягужинскаго и бо́льшей части вельможъ ужъ не было въ это время, а пріѣхать снова они не были въ состояніи, когда герцогъ послалъ за ними и приказалъ имъ сказать, что его величество возвратился. Государь съ остававшимися еще Русскими и съ явившимися въ его отсутствіе Шведскими офицерами сѣлъ въ другой разъ за столъ и кушалъ снова съ большимъ апетитомъ, потому что его высочество, какъ скоро онъ пришелъ, приказалъ опять поставить блюда съ холоднымъ кушаньемъ. Его величество просидѣлъ за столомъ часа два и ушелъ потомъ очень довольный; но Шведы, т. е. генералъ Штакельбергъ, генералъ-маіоръ Сталь, полковникъ Розе и другіе, остались еще и продолжали весело попивать. Они очень хвалили поведеніе его высочества какъ при угощеніи Русскихъ и разговорахъ съ ними, такъ и во время двухъ споровъ, которые имѣли сперва съ кн. Голицынымъ, а потомъ въ г.-л. Бонне, по поводу какого-то караульнаго офицера, который напился пьянъ и хотѣлъ смѣнить часовыхъ. Татищевъ, такъ-называемый философъ Ла-Коста и другіе подобные имъ веселые господа также приходили съ императоромъ. Его высочество поздно вечеромъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ они могли въ одинъ и тотъ же день такъ страшно на-

питься и опять протрезвиться; однакожъ я имѣлъ ясныя тому доказательства, потому что они не только изорвали мнѣ въ мелкіе кусочки мои лучшіе кружевные маншеты, когда я, вмѣстѣ съ пажомъ Петерсеномъ, все время водилъ ихъ, пьяныхъ, но и наградили меня, по неосторожности, такою царапиною на лбу, которая, навѣрное, и черезъ недѣлю будетъ еще видна. Послѣднее произошло отъ попытокъ ихъ сорвать съ меня и съ другихъ парики (вельможи сами первые начали дѣлать это, требуя, чтобы ни одинъ изъ собесѣдниковъ, кто бы онъ ни былъ, не оставался въ парикѣ). За чаемъ его высочество разсказывалъ мнѣ между прочимъ, что г. Ягужинскій былъ съ нимъ необыкновенно откровененъ и по пріѣздѣ своемъ тотчасъ спросилъ его, приглашена ли также императрица, но что онъ отвѣчалъ, что не позволилъ себѣ такой смѣлости.

20. Послѣ обѣда его высочество отправился шестернею къ кн. Голицыну (который въ скоромъ времени поѣдетъ отсюда въ Украйну, чтобы замѣнить тамъ генерала Аллара), но не заставъ его дома, навѣстилъ живущаго съ нимъ по сосѣдству г.-л. Бонна и его жену (которая только недавно за него вышла, будучи вдовою вице-президента Броверна, и съ которою его высочество познакомился еще въ Ригѣ), и провелъ у нихъ нѣсколько часовъ.

21. Въ Воскресенье, передъ проповѣдью, ко двору пріѣхало 9 иностранцевъ, именно: старшій Шведскій г.-м.—Цёге (только въ этотъ день прибывшій изъ Лифляндіи), генералъ-маіоръ Сталь, полковникъ Розе, гр. Вахтмейстеръ, какой-то бар. Унгернъ (который здѣсь только нѣсколько дней и выдаетъ себя за полковника, но никому изъ нашихъ придворныхъ незнакомъ), подполковникъ Брёмзе, молодой Тизенгаузенъ, одинъ Голштинскій капитанъ, по фамиліи Дальвигъ, и Шведскій полковникъ Розендаль, который лишь одинъ не остался у насъ ни къ проповѣди, ни къ обѣду. Самъ его высочество держалъ свой обыкновенный постъ, и потому просилъ этихъ господъ отобѣдать съ нами.

22. Рано утромъ, императоръ, съ великимъ адмираломъ и немногими другими, отправился водою въ Петергофъ и Кронслотъ, гдѣ они не были полтора года и гдѣ между тѣмъ производились дѣятельныя работы. Въ этотъ день пришло наконецъ по почтѣ радостное извѣстіе, что т. с. Бассевичъ имѣлъ аудіенцію у короля Шведскаго и былъ принятъ очень милостиво. Тотчасъ послѣ обѣда къ его высочеству пріѣхалъ капитанъ Гекель съ поклономъ отъ бар. Цедеркрёйца, который увѣдомлялъ, что въ полученныхъ имъ письмахъ говорится объ аудіенціи нашего тайнаго совѣтника у короля, и потому приносилъ его высочеству свое подданническое поздравленіе. Г. Цедекрёйцъ сдѣ-

далъ также визитъ нашему посланнику Штамке, чего прежде настоящимъ образомъ еще не было, и, какъ говорятъ, объявилъ, что какъ скоро получитъ отъ своего двора или отъ Государственныхъ Сословій извѣщеніе объ упомянутой аудіенціи, немедленно будетъ имѣть честь явиться съ почтеніемъ къ его высочеству.—Въ этотъ же день прибылъ сюда первый корабль изъ Голландіи; но въ Кроншлотѣ, говорятъ, стоятъ еще нѣсколько кораблей, къ которымъ ежедневно поджидаютъ и другихъ.

23. У его высочества обѣдали полковникъ Розендаль (который въ этотъ день намѣревался опять ѣхать отсюда), Вольфенбюттельскій гофъ-юнкеръ Тундерфельдъ и молодой Штакельбергъ. Императрица кушала сегодня съ Ягужинскимъ, Толстымъ и нѣкоторыми другими у оберъ-гофмейстера его величества императора, Олсуфьева, гдѣ находился также и молодой Татищевъ.—При дворѣ сильно поговариваютъ о путешествіи въ Лифляндію.

24. У герцога обѣдали г.-л. Штакельбергъ и одинъ Шведскій капитанъ, по фамиліи Берхъ,—братъ того Берха, котораго я зналъ въ Швеціи капитаномъ гвардіи и который много лѣтъ прожилъ плѣннымъ въ Сибири; но когда мы ужъ сидѣли за столомъ, пріѣхалъ еще генералъ-маіоръ Сталь.

25. У меня былъ съ визитомъ молодой прапорщикъ Цёге (состоящій въ службѣ нашего герцога и братъ стараго г.-м. Цёге), и я провелъ его ко двору, чтобъ онъ могъ въ первый разъ представиться его высочеству, который оставилъ его у себя обѣдать вмѣстѣ съ нашимъ капитаномъ Дальвигомъ и Итальянскимъ гр. Растрелли (архитекторомъ, находящимся здѣсь уже много лѣтъ). Этотъ гр. Растрелли пріѣхалъ отчасти, чтобъ представиться герцогу, а отчасти, чтобъ попросить его пожаловать когда нибудь къ нему и взглянуть на модели бронзовыхъ статуй, которыя онъ долженъ сдѣлать для его величества въ большомъ видѣ и изъ которыхъ одна будетъ въ 40 футовъ вышиною. Одна будетъ изображать императора пѣшаго, другая на конѣ; первую предположено поставить на Васильевскомъ Острову (гдѣ собствено будетъ городъ), а послѣднюю на лугу [1]), противъ дома его высочества. Государь, говорятъ, былъ недавно у графа и остался очень доволенъ моделями [2]).

26. Его высочество ходилъ одинъ со мною въ домъ, гдѣ стояло тѣло покойнаго т. с. Геспена, и тамъ далъ наконецъ бригадиру Плате убѣдить себя—просить, чтобы гробъ несли офицеры, потому что на-

---

[1]) На нынѣшнемъ Царицыномъ Лугу.

[2]) Графъ Растрелли долго жилъ въ Россіи и прославился въ ней многими своими постройками; но объ упоминаемыхъ здѣсь моделяхъ статуй мы нигдѣ не могли дознаться.

шихъ придворныхъ кавалеровъ было для этого слишкомъ мало.—Въ половинѣ 7-го часа вечера императоръ возвратился изъ Петергофа и Кронслота и былъ привѣтствованъ изъ Адмиралтейства 3-мя, а изъ крѣпости 5-ю пушечными выстрѣлами.

27. У герцога обѣдалъ г.-м. Цёге, и такъ какъ погода была необыкновенно хороша, то его высочество послѣ обѣда поѣхалъ кататься, парой, въ открытомъ экипажѣ господина бригадира. Проѣзжая мимо дома купца Борсте, онъ увидѣлъ стоявшій тамъ передъ крыльцомъ кабріолетъ императора, и послѣ узналъ, что его величество уговорилъ наконецъ г-жу Борсте, одержимую водяною болѣзнію, позволить ему въ этотъ день выпустить изъ нея воду. Государь будто бы употребилъ для этого родъ насилія и немало гордился, что ему посчастливилось выпустить изъ больной болѣе 20-ти фунтовъ воды, тогда какъ при попыткѣ какого-то Англійскаго оператора показалась только кровь. Императрица, говорятъ, сказала въ шутку его величеству, что его за эту операцію слѣдовало бы слѣлать докторомъ, на чтó онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, не докторомъ, а хирургомъ, пожалуй».

28. Поутру Гессенъ-гомбургскіе принцы прислали увѣдомить герцога, что хотятъ посѣтить его, и пріѣхали между 9-ю и 10-ю часами. Его высочество принялъ ихъ очень дружески въ передней залѣ и отсюда провелъ въ комнату аудіенцій (Audienzgemach); но они ограничились только весьма коротенькимъ Французскимъ визитомъ, послѣ котораго герцогъ проводилъ ихъ до входныхъ дверей, гдѣ простоялъ до тѣхъ поръ, пока они не уѣхали. Съ принцами не было никого, кромѣ здѣшняго гвардейскаго адъютанта, даннаго имъ императоромъ, потому что при нихъ, какъ говорятъ, вовсе нѣтъ кавалеровъ. Передъ каретой у нихъ было двѣ лошади и двое передовыхъ, а на запяткахъ два лакея. Для своихъ лѣтъ принцы эти довольно велики и притомъ весьма недурны собою. Младшій изъ нихъ (который носитъ свои собственные бѣлокурые волóсы) гораздо живѣе старшаго (ходящаго въ парикѣ). На послѣднемъ былъ кафтанъ, весь обшитый галуномъ, на первомъ же совершонно простой, съ узкою оторочкою.—Бригадиръ Плате, обѣдавшій въ этотъ день у Шведскаго посланника, привезъ извѣстіе, что подполковникъ Сикье, по послѣднимъ письмамъ изъ Швеціи, впалъ въ страшное сумасшествіе, спустя только недѣли двѣ послѣ того какъ получилъ позволеніе отъ Шведскаго духовенства явно обручиться съ дѣвицею Флугенъ (Pflugen). Тайно они давно уже были обручены; но онъ, какъ католикъ, не могъ жениться на Шведкѣ безъ особаго разрѣшенія (Dispensation).

29. Герцогъ, желая послѣ обѣда отдать визитъ принцамъ, послалъ къ нимъ передъ обѣдомъ гофъ-юнкера Тиха съ предувѣдомленіемъ о

своемъ пріѣздѣ. Въ 2 часа пополудни его высочество отправился туда шестернею, въ сопровожденіи г. Измайлова и своихъ кавалеровъ, сидѣвшихъ въ двухъ каретахъ, передъ которыми было по двѣ лошади. Мы ѣхали ровно часъ. Принцы приняли герцога точно такъ, какъ онъ ихъ, и при прощаньи провожали его высочество также не далѣе входныхъ дверей, гдѣ даже не дождались, пока наши экипажи тронулись съ мѣста, между тѣмъ какъ его высочество сдѣлалъ это, когда они были у насъ. Хотя между владѣтельнымъ княземъ и ими большая разница, однакожъ они не выразили ни малѣйшаго предпочтенія нашему герцогу, когда просили его сѣсть: старшій принцъ сѣлъ даже почти выше его. Притомъ, не смотря на то, что въ комнатѣ стояло нѣсколько креселъ, они предложили его высочеству простой стулъ и вообще обращались съ нимъ очень безцеремонно. Старшій, правда, спросилъ, не угодно ли ему будетъ выпить чаю; но его высочество поблагодарилъ и отдѣлался такимъ же короткимъ визитомъ, какъ ихъ вчерашній. Когда мы, на обратномъ пути, проѣзжали мимо дома купца Борсте, тамъ, должно быть, была императрица, потому что у крыльца стояли ея карета и ея лошади.—Въ этотъ день баронъ Штремфельдъ прислалъ сказать, что онъ опять здѣсь.

30. Въ 4 часа пополудни его высочество поѣхалъ на свадьбу г. Шумахера и дѣвицы Фельтенъ. Онъ нашелъ тамъ обоихъ Гессенъ-гомбургскихъ принцевъ, съ которыми очень много разговаривалъ и вообще былъ необыкновенно привѣтливъ. Но я замѣтилъ, что они ни разу не придали нашему государю титула *высочества*, а говорили или *gnädiger Herr* *), или, чаще всего, просто *вы;* его же высочество, обращаясь къ нимъ, говорилъ *Ew. Liebden* (ваша любовь, ваша милость). Въ 6 часовъ пріѣхалъ императоръ, котораго герцогъ выходилъ встрѣчать у крыльца, между тѣмъ какъ принцы оставались въ комнатѣ и стояли вмѣстѣ съ вельможами. Поцѣловать руку государю успѣлъ только старшій, потому что его величество поспѣшно прошелъ мимо и не обратилъ на это вниманія; напротивъ, его высочество онъ принялъ очень милостиво и разцѣловалъ. Великій канцлеръ сдѣлалъ обоимъ принцамъ также только простой реверансъ, когда ему представилъ ихъ прикомандированный къ нимъ отъ здѣшняго двора адъютантъ; тогда какъ онъ, да и всѣ здѣшніе вельможи, всегда цѣлуютъ руку его высочеству, когда встрѣчаются съ нимъ въ обществѣ. Въ седьмомъ часу пріѣхала и императрица, которую герцогъ встрѣтилъ у кареты и потомъ провелъ въ столовую. Ея величество была къ нему въ этотъ день также необыкновенно ласкова и милостива: принцевъ же, которые

*) Буквально: *милостивый господинъ*

опять стояли въ сторонѣ, она оставила безъ вниманія, и они ужъ долго спустя послѣ обѣда имѣли честь цѣловать ей руку, при чемъ ни съ ихъ, ни съ ея стороны ничего сказано не было. Такъ какъ его высочество зналъ, что скоро пріѣдутъ принцессы и не хотѣлъ пропустить случая встрѣтить ихъ у кареты, то императрица отъ души смѣялась, когда онъ, услышавъ трубы, возвѣстившія о пріѣздѣ невѣсты и ближнихъ дѣвицъ, вдругъ поспѣшно убѣжалъ отъ нея, въ томъ мнѣніи, что эти звуки возвѣщали о прибытіи принцессъ. Но, потерявъ напрасно трудъ на сей разъ, онъ все-таки, когда принцессы дѣйствительно пріѣхали, не замедлилъ встрѣтить ихъ и провести обѣихъ, подъ руки, къ императрицѣ. Послѣ того начался обрядъ бракосочетанія, при чемъ пасторъ Натціусъ (у котораго чрезвычайно непріятный и дурной выговоръ) говорилъ такъ тихо, что никто въ комнатѣ не могъ ничего понять изъ его словъ. По окончаніи этой церемоніи всѣ отправились къ столамъ, которыхъ накрыто было два, именно одинъ для дамъ, другой для мущинъ, гдѣ сидѣлъ и женихъ. Впрочемъ, въ смежной комнатѣ стоялъ еще столъ на 30 приборовъ, который также заняли весь. Свадебными чинами были: посаженымъ отцомъ жениха императоръ, посаженою матерью невѣсты императрица, братомъ жениха т. с. Толстой, сестрою невысты полицімейстерша, посаженымъ отцомъ невѣсты великій адмиралъ Апраксинъ, посаженою матерью жениха адмиральша Крюйсъ, братомъ невѣсты кн. Голицынъ, сестрою жениха архіатерша Блументростъ; ближними дѣвицами сёстры невѣсты и жениха; маршаломъ г. Ягужинскій, дружкою или форшнейдеромъ нашъ капитанъ Измайловъ; шаферами поручики и прапорщики гвардіи бо́льшею частію изъ приближенныхъ и фаворитовъ императора, въ числѣ 8-ми человѣкъ. Императрица, въ качествѣ посаженой матери невѣсты, заняла мѣсто по правую ея сторону, а императоръ какъ посаженый отецъ жениха, сѣлъ подлѣ него также съ правой стороны: противъ же ея величества помѣстились принцессы, а противъ государя нашъ герцогъ; поэтому подруга невѣсты, дѣвица Шумахеръ, имѣла честь сидѣть подлѣ старшей императорской принцессы. Возлѣ его высочества, нашего герцога, сидѣли: съ лѣвой стороны Иванъ Михайловичъ Головинъ, а съ правой оба Гессенъ-гомбургскіе принца, которыхъ его высочество самъ усадилъ около себя и съ которыми во все время обѣда очень много говорилъ. Они просили его быть ихъ гофмейстеромъ и познакомить ихъ съ обществомъ, почему онъ не только назвалъ имъ фамиліи всѣхъ вельможъ, но и объяснилъ также всѣ тосты и свадебныя церемоніи. Гости ожидали, что въ этотъ разъ будутъ очень сильно пить; но дѣло ограничилось одними только обыкновенными свадебными тостами, послѣ которыхъ встали изъ-за стола.

Въ продолженіе обѣда императоръ одинъ разъ очень долго говорилъ съ его высочествомъ и прибѣгалъ иногда къ посредству г. Ягужинскаго, какъ переводчика, чтобъ тѣмъ яснѣе высказывать свое мнѣніе, при чемъ также оба они вставали и нагибались черезъ столъ, когда хотѣли передать что-нибудь другъ другу на-ухо. Я, по обыкновенію, во весь обѣдъ прислуживалъ герцогу; но стоялъ при этомъ такъ, что почти постоянно могъ видѣть передъ собою императорскихъ принцессъ; почему его высочество, которому онѣ не были видны, немало завидовалъ моему счастію и нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что желалъ бы сегодня быть на моемъ мѣстѣ, а меня посадить на свое. Впрочемъ, какъ скоро встали изъ-за стола, онъ тотчасъ опять подошелъ къ императрицѣ и разговаривалъ съ ихъ величествами и съ принцессами такъ усердно, какъ еще никогда. Всѣ онѣ были къ нему необыкновенно внимательны, что̀ и его въ свою очередь, дѣлало чрезвычайно веселымъ, довольнымъ и говорливымъ. Императрица даже впродолженіи слишкомъ получаса ни съ кѣмъ не говорила, кромѣ его высочества, и притомъ много шутила. Между прочимъ она очень ловко обманула его по случаю послѣдняго дня Апрѣля (который здѣсь въ Россіи играетъ такую же роль, какъ и первое число этого мѣсяца): у нея была табакерка съ двумя крышками, изъ которой она, открывъ только верхнюю, потчивала его высочество табакомъ и вслѣдъ за тѣмъ отъ души расхохоталась, когда онъ, приготовившись взять щепоть, наткнулся на другую крышку и ничего не могъ достать. Послѣ того ея величество дала ему эту табакерку въ руки, чтобъ онъ разсмотрѣлъ, какъ она сдѣлана. Когда всѣ столы и скамьи были вынесены и вообще комнату опростали какъ слѣдовало, государыня опять сѣла. Подлѣ нея, съ лѣвой стороны, помѣстилась старшая принцесса, а съ нею рядомъ младшая. Его высочество тотчасъ также просили сѣсть, и онъ занялъ мѣсто возлѣ послѣдней. Но обоихъ Гессенъ-гомбургскихъ принцевъ не приглашали садиться, и они весь вечеръ должны были стоять. Послѣ того, какъ его высочество посидѣлъ немного и поговорилъ съ принцессами, прибѣжалъ Ягужинскій и, подозвавъ его къ себѣ, повелъ въ комнату, гдѣ не было никого, кромѣ императора, Остермана и его. Тамъ они оставались добрыхъ полчаса слишкомъ, между тѣмъ какъ Ягужинскій ходилъ взадъ и впередъ, и мы немало были обрадованы, когда увидѣли, что его высочество, выходя оттуда, часто цѣловалъ руку императору; да и по его радостному лицу легко было заключить, что разговоръ, который они имѣли, касался чего-нибудь важнаго. Кромѣ того, всѣ прочіе Русскіе и вельможи были необыкновенно привѣтливы съ нашимъ государемъ, что̀ все я не могъ не понять за хорошее предзнаменованіе. По возвращеніи императора къ императрицѣ

начались церемоніальные танцы, и когда всѣ они кончились, его высочество пригласилъ императрицу, а г. Ягужинскій, съ однимъ изъ вельможъ, обѣихъ императорскихъ принцессъ на Польскій. Послѣ этого танца его высочество просилъ на менуэтъ опять старшую принцессу, которая потомъ, въ свою очередь, выбрала старшаго Гессенъ-гомбургскаго принца, а онъ затѣмъ взялъ среднюю императорскую принцессу. По окончаніи послѣдняго танца младшій принцъ побѣжалъ, чтобъ отдать поскорѣе свою шпагу (братъ его прежде немножко замѣшкалъ этимъ), думая, что принцесса выберетъ теперь его; но онъ удивился, когда увидѣлъ, что она подошла къ его высочеству, а не къ нему. Впрочемъ, когда герцогъ началъ потомъ танцовать съ невѣстою, и его вскорѣ выбрали. Оба принца танцуютъ довольно хорошо, но съ Польскимъ никакъ не могутъ совладать. Не будучи еще знакомы съ обществомъ здѣшнихъ придворныхъ и прочихъ дамъ, они по преимуществу приглашали танцовать обѣихъ подругъ невѣсты, потому, вѣроятно, что онѣ имъ больше нравились, какъ самыя младшія изъ всѣхъ. Танцы продолжались до 11-ти часовъ, когда начались проводы невѣсты въ спальню, которая была рядомъ, въ другомъ домѣ, принадлежащемъ также отцу новобрачной. Хотя его высочество не принадлежалъ къ числу обязанныхъ быть въ этомъ танцѣ, потому что въ немъ участвуютъ только женатые, однакожъ послѣдовалъ туда вмѣстѣ съ другими. Но принцы и прочіе холостые не ходили и оставались покамѣстъ въ домѣ, гдѣ справлялась свадьба. Императорскія принцессы уѣхали уже въ половинѣ одиннадцатаго, и герцогъ проводилъ ихъ обѣихъ до кареты. Такъ какъ въ спальнѣ невѣсты гости не садились (вопреки принятому обыкновенію), а только стоя роспили по нѣскольку стакановъ, то императоръ, императрица и всѣ вельможи пробыли тамъ не болѣе получаса и затѣмъ уѣхали. Но его высочество, проводивъ императрицу до кареты, опять воротился къ невѣстѣ, потому что обѣщалъ ей это, да и кромѣ того имѣлъ еще переговорить съ Остерманомъ, который нарочно долго не уѣзжалъ. Послѣ же того онъ вскорѣ также отправился домой. Послѣ полуночи мы увидѣли позади императорскаго сада большое пламя и въ тоже время услышали колокольный звонъ, бой барабановъ и усердную трескотню, производимую на улицахъ трещотками ночныхъ сторожей. Почти весь городъ пришелъ въ движеніе, и вдругъ оказалось, что огонь этотъ развели нарочно, чтобъ подшутить надъ многими тысячами жителей по случаю послѣдняго дня Апрѣля. Когда они сбѣжались на мнимый пожаръ, вокругъ огня уже разставлены были часовые, которымъ велѣно было говорить всѣмъ, что это *послѣднее Апрѣля.* Но такъ какъ никто не хотѣлъ показать другимъ, что попался на удочку, то толпы

спѣшили за толпами, желая взглянуть на опустошительное дѣйствіе огня. Все это немало потѣшало императора. Онъ, говорятъ, ежегодно объ эту пору придумываетъ что-нибудь подобное. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ одинъ силачъ, и ему велѣли публиковать, что такъ какъ ихъ величества со всѣмъ дворомъ намѣрены осчастливить его представленіе своимъ присутствіемъ, то онъ приложитъ все стараніе, чтобъ отличиться, и покажетъ такіе опыты силы, какихъ въ Петербургѣ еще не видывали. При дворѣ всѣ показывали видъ, что императорская фамилія дѣйствительно поѣдетъ смотрѣть его, а потому пріѣздъ къ нему знати былъ необычайный, хотя онъ въ этотъ день удвоилъ цѣну, подъ предлогомъ, что иначе будетъ слишкомъ тѣсно; но каковъ же былъ ужасъ многочисленныхъ зрителей, когда кто-то вышелъ и объявилъ, что такъ какъ сегодня *первое Апрѣля*, то представленія, по особому повелѣнію его величества, не будетъ, и всѣ могутъ отправляться по домамъ!

Май. 1. Поутру у герцога были ген.-лейт. Ягужинскій и т. с. Остерманъ, которые полчаса секретно совѣщались съ нимъ, но обѣдать не хотѣли остаться, потому что дали слово быть у г. Кампредона, куда всѣ иностранные министры приглашены были на обѣдъ.—У его высочества обѣдали ген. Штакельбергъ, полковникъ Розе и гр. Дугласъ; я же послѣ стола долженъ быть ѣхать верхомъ къ герцогинѣ Мекленбургской, чтобъ поздравить ее съ пріѣздомъ: вчера дѣвица Мамонова нѣсколько разъ говорила, что она пріѣхала уже въ Суботу вечеромь и дѣлала мнѣ упреки, что я все еще не былъ у нея.—Въ этотъ день императоръ, на разсвѣтѣ, отправился водою въ новый увеселительный дворецъ, который стоитъ прямо противъ Петергофа, на очень пріятномъ мѣстѣ. Онъ возведенъ года два тому назадъ, и его величество, какъ говорятъ, отмѣнилъ большія постройки въ Стрѣльнѣ-мызѣ, съ тѣмъ, чтобы назначенныя для нихъ деньги употребить на него. Въ этотъ же день, утромъ, послѣ тяжкой болѣзни, умерла купчиха Борстенъ, надъ которой императоръ за нѣсколько дней дѣлалъ операцію, желая вылечить ее отъ водяной. Ее не будутъ хоронить до его возвращенія, потому что онъ самъ хочетъ быть при вскрытіи трупа, чего доктора и хирурги ждутъ съ любопытствомъ, тѣмъ болѣе, что одни находили у нея водянку, другіе нѣтъ.

2. Около полудня къ его высочеству пріѣзжалъ Мекленбургскій Остерманъ съ поклономъ отъ герцогини и извѣщеніемъ о ея прибытіи. Вечеромъ императоръ благополучно возвратился изъ своего недолгаго путешествія.

3. У его высочества обѣдали генералъ-маіоръ Сталь, его братъ и ландратъ и капитанъ Дальвигъ, которые затѣмъ простились, потому что на другой день намѣревались отправиться въ путь. Послѣ обѣда его высочество ѣздилъ съ Плате кататься. Сперва они встрѣтили въ длинной аллеѣ шедшихъ пѣшкомъ Ягужинскаго, Татищева и полиціймейстера, а потомъ самого императора, ѣхавшаго въ своемъ кабріолетѣ. Вечеромъ, пажъ императрицы, Древникъ, приходилъ къ Плате съ поклономъ отъ каммеръ-юнкера Монса и извѣстіемъ, что императоръ рѣшился въ будущей Понедѣльникъ лично присутствовать при погребеніи тѣла т. с. Геспена.

4. Едва герцогъ успѣлъ разослать приглашенія на погребеніе т. с. Геспена, назначенное въ Понедѣльникъ въ 3 часа пополудни, какъ пріѣхалъ вице-адмиралъ Сиверсъ отъ имени императора съ просьбою отложить похороны, если можно, до будущей Среды. Его высочество просилъ его отвѣчать, что не преминетъ исполнить приказаніе его императорскаго величества, потому что хотя бо́льшая часть гостей и получила уже приглашенія, однакожъ имъ тотчасъ же можно будетъ дать знать объ отсрочкѣ.

5. Послѣ обѣда меня послали къ герцогинѣ Мекленбургской, принцессѣ Прасковіи и вдовствующей царицѣ предувѣдомить о намѣреніи его высочества посѣтить ихъ; но, увидѣвъ, мимоѣздомъ, карету герцогини передъ дворцомъ императора и узнавъ, что она и сестра ея у императрицы, я воротился назадъ, и визитъ герцога былъ отложенъ до другого дня. Послѣ того его высочество пошелъ гулять съ Плате, Брюммеромъ и со мною, и при этомъ случаѣ кстати посѣтилъ ген.-лейт. Миниха, у котораго до сихъ поръ еще ни разу не былъ. Тамъ мы нашли нашего Штамке и капитана Гекеля. Такъ какъ у генерала очень веселая и умная жена, милое семейство и между прочимъ одна дочь, почти совершенно взрослая*), то его королевское высочество съ большимъ удовольствіемъ провелъ съ ними нѣсколько часовъ.

6. При дворѣ у насъ обѣдалъ баронъ Мардефельдъ, почему какъ за столомъ, такъ и послѣ сильно пили. Въ 7 часовъ вечера мимо насъ провезли тѣло недавно умершей купчихи Борстенъ, которое потомъ переправлено было черезъ рѣку на находящееся по ту сторону Нѣмецкое кладбище. Самъ императоръ изволилъ слѣдовать за процессіею, именно отъ скорбнаго дома до воды—пѣшкомъ, а послѣ въ—шлюпкѣ. Прочіе провожатые состояли бо́льшею частію изъ купцовъ и иностранныхъ корабельщиковъ. Къ нимъ присоединились еще здѣшніе вице-адмиралы

---

*) Вышедшая позднѣе за Лифляндца барона Фитингофа; это мать славной баронессы Крюднеръ, которая по широтѣ замысловъ была въ дѣда. П. Б.

и другіе морскіе офицеры, потому что покойная была свояченицею вице-адмирала Сиверса. Послѣ похоронъ императоръ отправился опять въ домъ умершей и тамъ кушалъ. Пили, говорятъ, при этомъ случаѣ очень сильно. Его величество обращался необыкновенно дружески и милостиво съ иностранными корабельщиками. Мнѣ показалось страннымъ, что онъ шелъ за тѣломъ въ цвѣтномъ кафтанѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ длинной черной мантіи и съ спускавшимся отъ его шапки (Mütze) флёромъ. Но до подобныхъ вещей ему дѣла нѣтъ: онъ одѣвается, смотря по удобству, и мало обращаетъ вниманія на внѣшность.

7. По случаю назначенныхъ на другой день похоронъ т. с. Геспена, четыремъ изъ насъ, въ качествѣ шаферовъ, приказано было отправиться снова приглашать гостей на завтра къ 3-мъ часамъ пополудни. Всѣхъ приглашенныхъ было вообще 50, и между ними, кромѣ императора, находились министры, знатнѣйшіе придворные, генералы и адмиралы, иностранные министры, герцогъ и его свита.

8. Въ назначенный день похоронъ нашего добраго т. с. Геспена, всѣ наши придворные кавалеры облеклись въ глубокій трауръ. Тотчасъ послѣ обѣда мы всѣ отправились въ домъ покойнаго, куда, около 3-хъ часовъ, прибылъ и его королевское высочество. Посторонніе приглашенные собрались бо́льшею частію только къ 4-мъ часамъ, а императоръ не пріѣзжалъ даже почти до 6-ти, потому что въ тоже послѣобѣда предпринималъ еще куда-то поѣздку водою. Въ то время, какъ мы ждали его, гостямъ, по здѣшнему обычаю, разносили глинтвейнъ и сласти и раздавали лежавшія наготовѣ мантіи, флёръ и бѣлыя перчатки. По прибытіи своемъ, его величество, взявъ также немного изъ того, что̀ подавали, и принявъ мантію, флёръ и перчатки, прошелъ въ обитую съ верху до низу чернымъ сукномъ комнату, въ которой тѣло стояло на парадномъ возвышеніи и которая была великолѣпно освѣщена. Здѣсь нашъ придворный проповѣдникъ Ремаріусъ тотчасъ началъ говорить превосходно составленную надгробную рѣчь, обнимавшую всю жизнь покойнаго, и императоръ слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ. Нѣкоторыя мѣста ему особенно понравились, и онъ переводилъ ихъ по-русски старому генералъ-адмиралу графу Апраксину и другимъ Русскимъ господамъ, стоявшимъ около него; изъявлялъ также тѣлодвиженіями свое одобреніе, когда придворный проповѣдникъ коснулся хорошихъ душевныхъ качествъ покойника. Когда же приготовились везти тѣло въ Александро-Невскій монастырь (гдѣ куплено было мѣсто для могилы за 100 рублей) и всѣ хотѣли садиться въ разставленныя уже по порядку кареты, Государь объявилъ, что намѣренъ идти за гробомъ пѣшкомъ до дома генеральши Балкъ (находящагося въ началѣ длиннаго проспекта), чтобъ тѣмъ еще болѣе выразить особенное расположеніе,

которое онъ питалъ къ покойному тайному совѣтнику. Послѣдній и заслуживалъ его, потому что былъ человѣкъ не только весьма способный и опытный, но и очень общительный, легко уживавшійся со всѣми и потому пользовавшійся всеобщею любовью. Процессію открывалъ придворный штатъ его королевскаго высочества, за которымъ слѣдовали поручики, назначенные для поднятія тѣла (Träger des Sarges). Непосредственно передъ гробомъ шелъ придворный проповѣдникъ; богатый же гробъ стоялъ на открытой колесницѣ, которую везли шесть буланыхъ каретныхъ лошадей тайнаго совѣтника и надъ которою шесть слугъ несли балдахинъ. За нею шелъ бриг. Плате съ своимъ маршальскимъ жезломъ, а за нимъ его королевское высочество, какъ первый *траурный* (Trauermann), въ сопровожденіи его величества императора. Потомъ слѣдовали конференци-совѣтники Альфельдъ и Штамке, въ качествѣ вторыхъ *траурныхъ*, а за ними уже всѣ прочіе провожатые, попарно, но какъ пришлось, безъ чиновъ, чтобы не возбуждать споровъ о мѣстахъ. Изъ приглашенныхъ недоставало только немногихъ. Вслѣдъ за провожатыми тянулся длинный рядъ каретъ. Когда печальное шествіе стало приближаться къ дому генеральши Балкъ, императоръ сѣлъ въ свой кабріолетъ и поѣхалъ впередъ въ Александро-Невскій монастырь, куда послѣдовалъ его королевское высочество, въ каретѣ великаго адмирала Апраксина, чтобъ не отстать отъ его величества. Всѣ прочіе остались въ процессіи, и кареты, въ томъ же порядкѣ, медленно подвигались впередъ за колесницею. У монастырскихъ воротъ мы вышли изъ экипажей, и поручики понесли гробъ на носилкахъ къ могилѣ, которая была приготовлена внѣ монастыря и находилась очень близко отъ могилы генерала Вейде. Всѣ провожатые шли позади тѣмъ же порядкомъ, какъ въ городѣ. На обратномъ пути процессію велъ, въ качествѣ маршала, ген.-ад. Брюммеръ; но его королевское высочество въ маленькой коляскѣ Штамке уѣхалъ съ Плате впередъ въ домъ покойнаго тайнаго совѣтника, чтобъ успѣть принять императора и прочихъ гостей. Тамъ всѣ немедленно отправились къ приготовленнымъ уже столамъ, и императоръ просидѣлъ за своимъ болѣе трехъ часовъ. Бо̀льшую часть гостей отвезли домой пьяными, а я и не помню какъ попалъ на свою постель.

9. Поутру я, послѣ вчерашняго моего опьяненія, былъ при смерти боленъ и съ удовольствіемъ отказался бы совершенно отъ всякаго вина, если бы это отъ меня зависѣло. Его королевское высочество герцогъ кушалъ въ своей комнатѣ, но съ нами обѣдали графъ Вахтмейстеръ, молодой поручикъ Измайловъ и Шведскій капитанъ Стіернгёкъ, которые пріѣзжали къ нему. Послѣ обѣда я писалъ къ Сурланду въ Швецію и послалъ ему между прочимъ и описаніе вчерашнихъ похоронъ.

Около вечера, такъ какъ погода была прекрасная, его королевское высочество ходилъ гулять и зашелъ сначала къ г. Штамке, но потомъ, пробывъ у него недолго, отправился къ бар. Штрёмфельду, у хозяйки котораго просидѣлъ до 10-ти часовъ и кушалъ чай.

10. У нашего герцога обѣдали оба барона Унгерна. Послѣ обѣда его королевское высочество опять пошелъ гулять и встрѣтилъ его величество императора, а вслѣдъ затѣмъ великаго адмирала Апраксина и гр. Толстого, которые оба, увидѣвъ его, вышли изъ своихъ каретъ, чтобы поцѣловать ему руку. Мы встрѣтили также полк. Розе и подполк. Брёмзе; но послѣдній скоро откланялся, чѣмъ герцогъ былъ очень доволенъ, потому что неохотно имѣетъ съ нимъ дѣло.

11. У его высочества обѣдали ген. Штакельбергъ и кап. Гекель, а послѣ обѣда нашъ подполк. Сальдернъ возвратился сюда изъ Голштиніи, куда ѣздилъ по случаю доставшагося ему наслѣдства.

12. Такъ какъ вчера и всю прошедшую ночь шелъ сильный снѣгъ и былъ значительный морозъ, то сегодня поутру многіе, ради рѣдкости такого случая, разъѣзжали по городу въ саняхъ. Во время проповѣди я долженъ былъ отправиться верхомъ къ герцогинѣ Мекленбургской, чтобы предувѣдомить ее о намѣреніи его королевскаго высочества быть у нея послѣ обѣда. Она была со мною особенно милостива и показывала мнѣ письмо отъ герцога, своего супруга, которое получила съ недавно прибывшимъ сюда курьеромъ. Въ 4 часа послѣ обѣда къ его королевскому высочеству пріѣзжалъ прощаться ген.-лейт. Минихъ, который получилъ приказаніе отправиться къ новоустроиваемому Ладожскому каналу, съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть его и представить о немъ свое донесеніе. Когда онъ уѣхалъ, герцогъ отправился къ герцогинѣ и пробылъ у нея часа два. По возвращеніи своемъ домой, его высочество узналъ изъ письма, полученнаго изъ Ревеля, что туда прибылъ изъ Стокгольма нашъ каммергеръ Шталь.

13. При дворѣ у насъ обѣдали полковн. Розе, гр. Вахтмейстеръ и кап. Гекель. Они думали по своему о неожиданномъ прибытіи каммергера Шталя, тѣмъ болѣе, что его не вызывали и что ничего не было извѣстно о его отъѣздѣ изъ Стокгольма. Послѣ обѣда его высочество ходилъ съ нами гулять, и мы встрѣтили нашего каммергера Шталя, который только-что пріѣхалъ въ Петербургъ и собирался идти къ намъ. Онъ вручилъ герцогу письмо и послѣдовалъ за его высочествомъ, отправившимся домой. Изъ Стокгольма онъ выѣхалъ 4-го этого мѣсяца, 8-го прибылъ на кораблѣ брата своего, генерала, въ Ревель, откуда выѣхалъ 9-го, и потомъ ужъ слѣдовалъ сюда на почтовыхъ. Мы спрашивали его о большомъ Стокгольмскомъ пожарѣ, и онъ

увѣрялъ, что на Зюдермальмѣ *) въ одинъ день до тла сгорѣло до трехъсотъ домовъ.

14. При дворѣ обѣдало нѣсколько постороннихъ, какъ то Мардефельдъ, ген. Штакельбергъ, Голландскій резидентъ, Вольфенбюттельскій гофъ-юнкеръ Тундерфельдъ и Шведскій поручикъ гвардіи фонъ-Кохенъ. Пили при томъ очень сильно, что̀ нашему каммергеру Шталю, съ непривычки, было крайне тяжело.

15. Каммергеръ Шталь, послѣ вчерашняго своего опьяненія, былъ очень боленъ и извергалъ страшно много крови.—Полковн. Брюммеръ занялъ въ этотъ день квартиру покойнаго т. с. Геспена, потому что хозяинъ дома, гдѣ онъ жилъ, г.-м. Румянцовъ, скоро долженъ пріѣхать сюда.

16. Я получилъ отъ г. Штамке рѣчь, которую т. с. Бассевичъ говорилъ королю Шведскому на первой своей аудіенціи.—Маіоръ Эдеръ получилъ сегодня отъ его высочества позволеніе отправиться въ Германію, о чемъ въ послѣднее время уже не разъ просилъ.

17. Вчера его высочество имѣлъ съ г. Штамке споръ о своихъ солдатскихъ игрушкахъ и сегодня передалъ намъ, офицерамъ лейбъ-роты, письменную жалобу, въ которой требовалъ военнаго суда надъ нимъ.

18. Кн. Меншиковъ прибылъ сюда изъ Москвы. Погода была такая же холодная и вѣтряная, какъ и въ предыдущіе дни.

19. Около 11-ти часовъ утра его высочество поѣхалъ на обѣдъ къ г. Кампредону, гдѣ засталъ императора, съ здѣшними вельможами и нѣкоторыми изъ его фаворитовъ, уже за столомъ; но изъ иностранныхъ министровъ туда никого не приглашали. Въ часъ пополудни его величество всталъ изъ-за стола и уѣхалъ, чтобы, по обыкновенію своему, отдохнуть послѣ обѣда. Въ 5 часовъ онъ опять воротился, и всѣ снова принялись за кушанья, оставшіяся отъ обѣда. На столъ даже поданы были надрѣзанныя жаркія и обломанный хлѣбъ; но его высочество, равно какъ и императоръ, имѣлъ съ собою свой хлѣбъ и свое вино. Этотъ второй обѣдъ продолжался до половины седьмого, когда государь и все общество встали и разъѣхались. Его величество въ тотъ же день вечеромъ отправился въ Екатерингофъ.

20. Такъ какъ его высочество предположилъ устроить угощеніе для обоихъ Гессенскихъ принцевъ, то, кромѣ ихъ, были приглашены на завтра къ обѣду также всѣ иностранные министры и нѣкоторые изъ императорско-Русскихъ. Хотя и говорили, что императоръ уже сегодня будетъ опять назадъ изъ Екатерингофа, однакожъ онъ все еще не возвращался.

*) Одинъ изъ кварталовъ города Стокгольма.

21. Цедеркрейцъ, который прежде ни въ Москвѣ, ни здѣсь не имѣлъ еще настоящаго позволенія отъ своего короля являться открыто при нашемъ дворѣ, пріѣхалъ въ этотъ день уже въ половинѣ двѣнадцатаго, потому что желалъ поговорить съ его высочествомъ на-единѣ; прочіе, обѣщавшіеся быть, собрались только въ 12 часовъ. Недоставало одного великаго адмирала, который прислалъ извиниться, что пріѣхать не можетъ. Столъ былъ накрытъ на 17 приборовъ, и оба принца сидѣли на верхнемъ концѣ, а его высочество на нижнемъ, между Толстымъ и Ягужинскимъ. Подавали два раза по 18-ти блюдъ, а роспили за обѣдомъ слишкомъ по 20-ти кубковъ. Императоръ возвратился сегодня изъ Екатерингофа.

22. Плате посылали къ императорскому двору, чтобы узнать о здоровьи императора послѣ кровопусканія. Его величество чувствовалъ себя очень хорошо.

23. Въ день Вознесенія Господня, его высочество, около 11-ти часовъ, отправился къ т. с. Рагузинскому *), куда былъ приглашенъ на крестины. Вскорѣ послѣ него пріѣхали туда императоръ и всѣ здѣшніе вельможи, а вслѣдъ затѣмъ и императрица съ обѣими императорскими принцессами и съ дамами. Его высочество встрѣтилъ ее внизу у кареты, но на верхъ велъ, по ея приказанію, обѣихъ принцессъ. Тотчасъ по пріѣздѣ государыни начался обрядъ крещенія, при чемъ старшая принцесса держала младенца; церемоній однакожъ было немного. По окончаніи всего императоръ отнесъ новорожденнаго къ матери, и затѣмъ гости сѣли обѣдать; впрочемъ государь, еще до этого, водилъ его высочество къ матери стараго хозяина, которой 105 лѣтъ, но у которой, не смотря на то, все еще очень хорошая память и отличный аппетитъ. Она была одѣта какъ монахиня. Накрыто было очень мило и хорошо три стола и въ трехъ комнатахъ; императрица, принцессы и около десяти дамъ сѣли за находившійся въ ближайшей къ спальнѣ родильницы, а императоръ, его высочество и человѣкъ двадцать изъ знатнѣйшихъ вельможъ помѣстились въ залѣ. Прочіе господа заняли столъ въ третьей комнатѣ. За дамскимъ столомъ подлѣ императрицы сидѣла съ правой стороны старшая принцесса, а съ лѣвой младшая; за старшею слѣдовали супруга великаго канцлера и всѣ знатныя замужнія дамы, а за младшею—старая дѣвица Толстая и всѣ фрейлины. Возлѣ императора съ лѣвой стороны сидѣлъ его высочество, а съ правой Иванъ Михайловичъ (Головинъ). Гессенъ-гомбургскіе принцы пріѣхали когда ужъ всѣ давно сидѣли за столомъ,

*) Графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, извѣстный въ особенности по своему посольству въ Китай.

и потому двое изъ сидѣвшихъ около его высочества встали и уступили имъ свои мѣста. За обѣдомъ пили вовсе немного, такъ что большіе стаканы и не являлись на сцену. Послѣ стола, въ часъ пополудни, императоръ и всѣ гости простились съ хозяиномъ, и его высочество опять имѣлъ удовольствіе провожать обѣихъ принцессъ до кареты. Когда онъ прощался съ императрицей, она просила его пріѣхать послѣ обѣда въ Екатерингофъ, куда предполагали устроить поѣздку водою. Принцы выходили съ нами въ одно время, а потому его высочество пригласилъ ихъ къ себѣ на чай и предложилъ имъ мѣсто въ своей баркѣ для поѣздки въ Екатерингофъ, что тѣ приняли съ благодарностью и, такъ какъ погода съ недѣлю стояла опять превосходная, тотчасъ же пошли съ герцогомъ пѣшкомъ къ намъ, приказавъ пустымъ каретамъ ѣхать позади. Часа черезъ два его высочество сѣлъ въ барку съ обоими принцами и съ гр. Санти, здѣшнимъ помощникомъ герольдмейстера, назначеннымъ, по приказанію императора, состоять при нихъ *), и вышелъ на берегъ у дома «Четырехъ Фрегатовъ», куда мы пріѣхали болѣе чѣмъ рано, потому что императорская фамилія собралась тамъ только въ 5 часовъ, когда и началось катанье. Видъ его былъ чрезвычайно живописенъ, потому что за адмираломъ флотиліи слѣдовало по крайней мѣрѣ 60 судовъ, между которыми было 24 или 25 барокъ съ 6-ю, 8-ю и 10-ю гребцами. Адмиралъ, по обыкновенію, плылъ впереди съ поднятымъ своимъ флагомъ; за нимъ шла барка князя-кесаря, потомъ барка императрицы, на которой императоръ стоялъ сзади, у кормы, затѣмъ барка его высочества, за которою тянулись уже всѣ прочія. Такъ какъ адмиралъ причалилъ къ дому князя-кесаря и вошелъ туда вмѣстѣ съ самимъ императоромъ, то вскорѣ послѣ того приказано было и всѣмъ прочимъ мужчинамъ войдти къ князю-кесарю, чтобы выпить по стакану его крѣпкой перцовки, которая почти сжигала горло и отъ которой цѣлую четверть часа текли изо рта слюни. Послѣ этого флотилія продолжала свой путь до Екатерингофа, гдѣ мы оставались до самыхъ сумерокъ. Его высочество, нашъ герцогъ, и высаживалъ тамъ обѣихъ принцессъ изъ барки, и опять провожалъ ихъ до нея. Когда все общество собралось передъ домомъ, на большомъ лугу, окруженномъ пріятною рощицею, всѣ дамы должны были пить туже крѣпкую водку, которую мужчины пили у князя-кесаря и которую послѣдній привезъ сюда съ собою. Разносили ее императоръ и княгиня-кесарша, и отъ

*) Этотъ графъ Санти находился прежде въ службѣ князя Гессенъ-гомбургскаго, отца упоминаемыхъ здѣсь принцевъ. Въ 1727 году, замѣшанный въ дѣло Дивьера, Толстаго и др., онъ подвергся ссылкѣ.

обязанности пить никто не былъ изъятъ, ни даже императрица и принцессы. Послѣ его высочество прохаживался нѣсколько времени съ обѣими принцессами, и въ продолженіе этой прогулки, по ихъ желанію, валторнисты наши должны были играть на своихъ инструментахъ. Какъ скоро всѣ возвратились опять къ императрицѣ, принцессы сѣли возлѣ нея вмѣстѣ съ его высочествомъ; но Гессенъ-гомбургскіе принцы продолжали стоять, какъ и всѣ прочіе. Покамѣстъ императоръ прогуливался, нѣсколько маленькихъ бандуристовъ императрицы должны были передъ нею играть, пѣть и плясать. Въ обратный путь мы отправились не по рѣкѣ, а черезъ каналъ, проходящій мимо прядильни (Spinnhaus), на которомъ стояли на якорѣ, въ хорошемъ видѣ, 134 большія разснащенныя галеры. Потомъ его высочество отвезъ домой обоихъ принцевъ. Когда мы возвратились къ себѣ, было уже позднѣе 11-ти часовъ.

24. Вечеромъ его высочество, въ обыкновенномъ своемъ обществѣ, называемомъ форшнейдеръ-коллегіею, будучи маршаломъ, давалъ всѣмъ такой же крѣпкой водки, какой насъ вчера угощали у Ромодановскаго.

25. Послѣ обѣда герцогъ ходилъ гулять вдоль рѣки и въ это время имѣлъ счастіе видѣть у окна обѣихъ принцессъ, съ которыми раскланялся. Позднѣе его высочество походилъ еще довольно много по городу, и потомъ возвратился домой. Онъ видѣлъ издали императора, ѣхавшаго въ открытой коляскѣ въ шесть лошадей, и такъ какъ ему показалось это очень необыкновеннымъ, потому что его величество никогда не ѣздитъ иначе, какъ въ кабріолетѣ, то мы стали освѣдомляться о причинѣ такого парада, и узнали, что государь ѣздилъ навстрѣчу двумъ господамъ, именно кн. Долгорукому и гр. Головкину, прибывшему изъ Берлина. Первый находился внѣ Россіи 15, а послѣдній 16 лѣтъ. Долгорукій былъ посломъ при Датскомъ и Французскомъ дворахъ, а гр. Головкинъ при Прусскомъ, куда теперь назначенъ братъ его *). Они сидѣли съ императоромъ въ коляскѣ и были встрѣчены имъ за нѣсколько верстъ отъ города. Оба имѣли ордена, именно кн. Долгорукій — орденъ Слона, а гр. Головкинъ — Прусскій Чернаго Орла. Его величество показалъ имъ въ этотъ день почти весь городъ и всюду побывалъ съ ними. Такимъ отличіемъ онъ доказалъ, какъ уважаетъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые съ пользою употребили время, проведенное за границею.

26. Мы только-что хотѣли садиться за столъ, какъ къ намъ явился чиновникъ канцеляріи съ извѣщеніемъ отъ имени великаго канцле-

*) Графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, бывшій впослѣдствіи вице-канцлеромъ и сосланный въ Сибирь при воцареніи императрицы Елисаветы Петровны.

ра, что послѣ обѣда будетъ спущенъ на воду со штапеля отстроенный корабль, о чемъ возвѣстятъ три пушечные выстрѣла. Сигналъ этотъ послѣдовалъ уже въ 2 часа, и мы вскорѣ послѣ того отправились съ герцогомъ на баркѣ къ Адмиралтейству. Гессенъ-гомбургскіе принцы, за которыми его высочество хотѣлъ заѣхать, встрѣтились съ нами у самаго нашего дома, а потому онъ тутъ же взялъ ихъ съ собою на свою барку. Когда мы пріѣхали въ Адмиралтейство, императоръ былъ уже тамъ, и насъ повели къ нему на корабль, гдѣ его высочество поздравилъ его съ новымъ пріобрѣтеніемъ. Съ государемъ былъ и кн. Меншиковъ, который послѣ своего пріѣзда при насъ нигдѣ еще не показывался. Въ три часа пріѣхалъ князь-кесарь, послѣ чего тотчасъ началось освященіе корабля, который получилъ имя *Михаила Архангела.* Корабль этотъ очень красивый, 54-хъ-пушечный, и выстроенъ однимъ Англійскимъ мастеромъ. На немъ были выкинуты 4 большіе флага. Въ 4 часа, когда императоръ сошелъ съ него, онъ благополучно былъ спущенъ со штапеля на воду, при звукахъ трубъ и литавръ и пальбѣ изъ всѣхъ пушекъ крѣпости и Адмиралтейства, а какъ скоро выплылъ на средину рѣки, бросилъ якорь и тотчасъ повернулся. Послѣ того всѣ спѣшили поздравить на немъ императора, который прежде другихъ опять взошелъ на него и привѣтствовалъ гостей литаврами и трубами. Его высочество явился на корабль въ числѣ первыхъ, и потому встрѣтилъ тамъ на лѣстницѣ, какъ императрицу, такъ и обѣихъ принцессъ. Послѣднія, впрочемъ, принеся свои поздравленія императору, тотчасъ уѣхали назадъ. Вскорѣ послѣдовала за ними и вдовствующая царица, которая, по причинѣ своихъ больныхъ ногъ, даже вовсе не выходила изъ барки; но герцогиня (Мекленбургская) взошла на корабль и осталась тамъ послѣ отъѣзда матери. Внизу, въ большой каютѣ, кушали императрица и дамы, а вверху, на палубѣ, императоръ и кавалеры, подъ палаткой изъ парусины, раскинутой поверхъ корабля. За длиннымъ столомъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ князь-кесарь Ромодановскій, окруженный справа и слѣва вельможами; государь же помѣстился совсѣмъ внизу съ корабельными мастерами, какъ членъ ихъ. Противъ его величества сидѣлъ нашъ герцогъ между обоими Гессенъ-гомбургскими принцами. Въ продолженіе обѣда хотя и пили только изъ рюмокъ, однакожъ гости подъ конецъ всѣ до того опьянѣли, что большею частію и не помнили какъ убрались съ корабля. И не мудрено: они сидѣли за столомъ съ 4-хъ часовъ пополудни до 2-хъ часовъ утра, и во все это время безпрерывно пили, такъ что наконецъ даже самъ императоръ едва могъ стоять на ногахъ. Онъ, впрочемъ, объявилъ напередъ, что въ этотъ день намѣренъ хорошенько напиться. Его королевское высочество долженъ былъ отвѣчать на

всѣ тосты крѣпкимъ Венгерскимъ виномъ, а потомъ не только самъ для себя, но изъ дружбы къ старшему Гессенскому принцу, выпилъ еще нѣсколько стакановъ; кромѣ того, часто получалъ штрафные стаканы отъ императора, которому непремѣнно хотѣлось напоить его и довести, какъ онъ говорилъ, до состоянія *пьянаго Нѣмца* (Kerel d'Allemagne). Вслѣдствіе всего этого его высочество такъ сильно опьянѣлъ, какъ ему никогда въ жизни еще не случалось. Мы принуждены были подъ конецъ носить его, потому что онъ не могъ болѣе держаться на ногахъ, при чемъ у него, какъ и у другихъ, нѣсколько разъ начиналась рвота. Государь наконецъ самъ отъ себя позволилъ намъ отвезти его домой, увидѣвъ, что было уже болѣе двухъ часовъ ночи. Онъ цѣловалъ въ этотъ день герцога болѣе ста разъ, трепалъ его по плечу и прижималъ къ сердцу, почему его высочество подъ конецъ не иначе называлъ его, какъ *батюшка* (Patuschka oder Väterchen), и это немало доставляло ему удовольствія. Вообще императоръ былъ на сей разъ такъ веселъ, какъ мнѣ еще едва ли когда удавалось видѣть. Кромѣ его высочества, нашего герцога, онъ больше всего говорилъ и возился съ однимъ Англійскимъ корабельнымъ мастеромъ, котораго очень любитъ и котораго всякій разъ, когда тотъ начиналъ вдаваться въ откровенность, хваталъ за голову и цѣловалъ. Такъ какъ у нихъ, между прочимъ, зашла рѣчь о корабляхъ, то государь сказалъ его высочеству, что это 20-й корабль изъ спущенныхъ имъ здѣсь въ Адмиралтействѣ со штапеля въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, и смѣялся потомъ надъ однимъ Русскимъ корабельнымъ мастеромъ, по имени Меншиковымъ *), имѣющимъ въ настоящее время на штапелѣ небольшое судно, которое на 107 футовъ короче корабля, начатаго самимъ императоромъ. Его величество брался, когда они оба выйдутъ въ море, пристягнуть Меншикова со всѣмъ его судномъ сзади къ своему кораблю. На вновь спущенномъ кораблѣ угощалъ оберъ-шенкъ Апраксинъ съ однимъ поручикомъ гвардіи, и изъ здѣшнихъ знатныхъ господъ на пиршествѣ недоставало только кн. Меншикова и адмирала Крюйса; изъ иностранныхъ же министровъ не было никого, кромѣ Голландскаго резидента и каммергера Лефорта. На корабль явились также ген. Штакельбергъ и полков. Розе, которые сидѣли за однимъ столомъ съ императоромъ. Такъ какъ его величество, при спускѣ каждаго корабля, даетъ Адмиралтейству 1000 рублей на угощеніе, то всѣ вина, какія подавались, были превосходныя. По возвращеніи нашемъ домой, да и

*) Какой это Меншиковъ, съ достовѣрностью трудно сказать; вѣроятно, Гаврило, упоминаемый въ 1697 году въ числѣ посланныхъ за море учиться корабельному дѣлу. См. Устрялова, Исторія царств. Петра Великаго, т. III, стр. 426.

на пути, въ баркѣ, съ его высочествомъ еще нѣсколько разъ дѣлалась рвота, такъ что онъ лишился чувствъ, и мы въ домъ должны были внести его на рукахъ, при чемъ и самимъ намъ было не совсѣмъ-то хорошо. Говорятъ, что и дамамъ (которыхъ мы, впрочемъ, потомъ не видали) пришлось также сильно пить. Какъ скоро императоръ воротился съ корабля домой, а это было въ 3 часа ночи, онъ тотчасъ же, съ небольшою свитою, отправился на стоявшей уже въ готовности яхтѣ въ Шлюссельбургъ, чтобы привезти оттуда ботикъ, первый, на которомъ онъ плавалъ въ молодости и который, поэтому, привезли изъ Москвы, для храненія здѣсь на вѣчныя времена. Императорскія принцессы въ этотъ день первыя переѣхали въ Лѣтній дворецъ, куда вслѣдъ за ними скоро переѣдутъ и императоръ съ императрицею.

27. Его высочество кушалъ въ своей комнатѣ, потому что былъ очень боленъ послѣ вчерашняго сильнаго опьяненія. Бригад. Плате посылали ко двору освѣдомиться о здоровьи императорской фамиліи и намекнуть, впрочемъ только при случаѣ, въ какомъ дурномъ состояніи находился его высочество отъ вчерашняго опьяненія, чтобы тѣмъ легче можно было избавиться отъ подобнаго на будущее время. Къ вечеру его высочество, слава Богу, опять совсѣмъ оправился.

28. Тотчасъ послѣ обѣда Тихъ и я получили приказаніе быть готовыми ѣхать въ тотъ же день на торншхоутѣ въ Александро-Невскій монастырь, потому что барабаннымъ боемъ возвѣщено было, чтобы всѣ яхты, торншхоты и буеры собрались тамъ для встрѣчи вышеупомянутаго ботика. Въ 4 часа мы отправились въ путь, получивъ еще приказаніе извиниться передъ императоромъ, что его высочество, по причинѣ нездоровья, не пріѣхалъ самъ, но доложить въ тоже время, что онъ намѣревается на другой день послѣдовать за нами на своей баркѣ. До монастыря намъ удалось добраться на нашемъ торншхоутѣ не прежде 8-ми часовъ вечера, хотя туда и не далеко отъ города, потому что вѣтеръ совершенно затихъ, и мы подъ конецъ даже принуждены были заставить тащить себя людьми. По прибытіи къ монастырю мы узнали, что императоръ будетъ туда съ ботикомъ только завтра, а потому вышли немного погулять по берегу и осмотрѣли самую обитель, которую начали строить весьма недавно, такъ что она далеко не готова и на половину. Герцогъ узналъ въ этотъ день, что императрица приказала устроить позади дома посланника Штамке медвѣжью травлю. Отправившись послѣ обѣда смотрѣть ее, его высочество имѣлъ счастіе видѣться тамъ и долго разговаривать съ императрицею. Когда травля кончилась и государыня уѣхала, онъ пошелъ домой съ г. Альфельдомъ; но въ это время съ

нимъ случилось несчастіе: какой-то сумасшедшій, не могшій удержать своей лошади, налетѣлъ на нихъ и сбилъ ихъ съ ногъ. Его высочество, къ счастію, отдѣлался только легкою царапиною на лбу; но у Альфельда текла кровь изъ носу и изъ рта и распухла губа.

29. Въ 7 часовъ вечера императоръ на маленькомъ ботѣ прибылъ въ монастырь. Онъ плылъ съ Иваномъ Михайловичемъ, контръ-адмираломъ Сенявинымъ и еще однимъ, мнѣ незнакомымъ, въ сопровожденіи 9-ти галеръ и своей яхты (на которой ѣздилъ въ Шлюссельбургъ). При ихъ появленіи, всѣ флаги на нашей маленькой флотиліи, расположенной у пристани, были опущены; а когда адмиралъ опустилъ и свой въ честь ботика (родоначальника всего Русскаго флота), на всѣхъ яхтахъ началась пальба и усердно загремѣли трубы и литавры. Въ тоже время принялись прилежно палить со стѣнъ монастыря, и притомъ изъ довольно большихъ пушекъ. Императоръ хотя и имѣлъ на своемъ ботикѣ только нѣсколько потѣшныхъ орудій, которыя были немного лучше большихъ пищалей, однакожъ соблюлъ установленный порядокъ и отвѣчалъ тремя выстрѣлами. На всѣхъ галерахъ также стрѣляли и били притомъ въ барабаны. Какъ скоро государь вышелъ на берегъ, всѣ вельможи спѣшили поздравить его съ пріѣздомъ. При этомъ случаѣ и я передалъ ему привѣтствіе отъ имени его высочества, который извинялся, что, по причинѣ болѣзни, не могъ покамѣстъ явиться самъ, но обѣщалъ однакожъ пріѣхать еще въ тотъ же день. Вскорѣ послѣ того императоръ отправился на свою яхту. Въ 8 часовъ герцогъ пріѣхалъ на своей баркѣ, какъ разъ въ то время, когда его величество опять возвратился съ яхты на берегъ, чтобъ идти въ монастырскую церковь. Его высочество, слѣдовательно, имѣлъ удовольствіе видѣть государя еще до отправленія его въ церковь, и онъ показывалъ ему ботикъ, у котораго, съ самаго прибытія его, стоялъ караулъ отъ Преображенскаго полка. По уходѣ императора ко всенощной, его высочество удалился съ своею свитою на торншхоутъ, гдѣ съ нѣкоторыми и ночевалъ; мы же, прочіе, должны были искать себѣ ночлега на другихъ судахъ. Ген. Штакельбергъ въ этотъ день уѣхалъ въ Лифляндію.

30. Поутру принцы Гессенскіе посѣтили герцога на его буерѣ, а въ половинѣ десятаго мы отплыли отъ монастыря со всею флотиліею, имѣвшею во главѣ императора съ его маленькимъ ботомъ, который императрица, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря, встрѣтила со всѣми Петербургскими барками и верейками. Онъ плылъ съ послѣдними до самаго города и почти одинъ вошелъ съ ними въ Петербургъ, потому что парусныя суда, по причинѣ начинавшагося безвѣтрія, не могли идти такъ быстро, какъ они. Когда императоръ при-

близился съ ботикомъ къ городу, начиналась пушечная пальба какъ въ крѣпости и Адмиралтействѣ, такъ и съ стоявшаго на рѣкѣ фрегата, который былъ весь изукрашенъ флагами. Пальба эта повторялась въ другой разъ, когда его величество причалилъ къ берегу, и въ третій, когда онъ отправился въ церковь. Въ 12 часовъ, при возвращеніи государя изъ церкви, взлетѣла ракета, и вслѣдъ затѣмъ снова раздались пушечные выстрѣлы съ крѣпости, Адмиралтейства и фрегата, равно и съ 9-ти прибывшихъ галеръ, а разставленные вокругъ церкви полки принялись исполнять бѣглый огонь. Послѣ того императоръ, императрица, обѣ императорскія принцессы, герцогиня Мекленбургская, сестра ея, принцесса Прасковія, его королевское высочество, нашъ герцогъ, и всѣ прочія знатныя обоего пола особы отправились въ Сенатъ, гдѣ въ 6-ти или 7-ми комнатахъ приготовлены и накрыты были большіе длинные столы. Императоръ кушалъ съ его высочествомъ и другими знатными господами въ обыкновенной аудіенцъ-залѣ, гдѣ стоитъ императорскій тронъ и гдѣ принимаются иностранные министры; а императрица съ дамами, въ смежной комнатѣ, гдѣ всегда бываютъ засѣданія Сената. Передъ обѣдомъ императрица вошла въ большую аудіенцъ-залу и, какъ хозяйка дома, по здѣшнему обычаю, поднесла не только императору, но и его высочеству и всѣмъ прочимъ гостямъ, по чаркѣ водки. Затѣмъ начался обѣдъ, и герцогу нашему пришлось сидѣть подлѣ государя съ лѣвой стороны, а Ивану Михайловичу съ правой. Кн. Меншиковъ хотѣлъ было сѣсть возлѣ его высочества, но его предупредили Гессенскіе принцы, помѣстясь налѣво отъ герцога, почему онъ потомъ сѣлъ рядомъ съ Иваномъ Михайловичемъ. Около 3-хъ часовъ императоръ всталъ изъ-за стола и пошелъ на свой буеръ отдохнуть; но часовымъ приказано было не выпускать никого, чтò тѣ и исполняли въ точности. Въ присутствіи его величества провозглашено было только четыре тоста, для которыхъ подавались рюмки, и при этомъ всякій разъ палили изъ пушекъ съ стоявшаго на рѣкѣ наряднаго фрегата. Первый изъ этихъ тостовъ былъ во славу Божію (имъ всегда начинаются всѣ пиршества), второй въ честь настоящаго дня, т. е. тезоименитства*) императора), третій въ честь отца всего здѣшняго флота (т. е. приведеннаго въ этотъ день ботика), и четвертый за здоровье семейства Ивана Михайловича. О прочихъ тостахъ, провозглашенныхъ по возвращеніи императора, мы не могли порядочно узнать, потому что его высочество съ 3-хъ часовъ и почти до 9-ти (времени, когда уѣхали императорскія принцессы) постоянно былъ у дамъ. Императрица, правда, нѣсколько разъ ходила въ муж-

*) Не тезоименитства, а рожденія.

скую комнату, но онъ оставался съ принцессами, герцогинею Мекленбургскою и ея сестрою, съ которыми очень пріятно проводилъ время. Въ 9 часовъ, когда принцессы простились и собрались ѣхать домой, его высочество проводилъ ихъ до экипажа; но онѣ, хотя и сѣли уже въ карету, должны были опять выйти изъ нея и идти пѣшкомъ до моста, гдѣ стояла ихъ барка, потому что въ это самое время возвратился императоръ, который, простившись съ ними, приказалъ имъ дойти туда пѣшкомъ. Герцогъ, разумѣется, воспользовался этимъ случаемъ и провелъ ихъ до самой барки, несказанно радуясь, что можетъ продлить удовольствіе разговаривать съ прекрасными принцессами. По возвращеніи своемъ онъ прошелъ опять въ комнату императрицы, но оставался тамъ недолго, потому что когда кончилось угощеніе императоромъ полковъ и въ Сенатъ явилось нѣсколько гренадеръ съ водкою, чтобы попотчивать ею и все общество, государь вошелъ въ дамскую комнату, взялъ его высочество за руку и повелъ къ столу, за которымъ они прежде кушали. Туда тотчасъ принесли этой водки, и каждый изъ гостей долженъ былъ выпить ея по двѣ обыкновенныя деревянныя большія ложки (Löffel). Его высочество, впрочемъ, отдѣлался полутора ложками; но другимъ никому не было пощады, даже и дамамъ, которыя точно также всѣ должны были брать назначенную для нихъ порцію, отчего у многихъ очень закружилась голова. Послѣ того однакожъ никто не могъ ужъ входить къ дамамъ, хотя и ни одна изъ нихъ не была отпущена домой. На рѣкѣ, прямо противъ Лѣтняго сада, на обширныхъ паромахъ, приготовленъ былъ большой фейерверкъ, и по первоначальному распоряженію положено было въ Сенатѣ только обѣдать, а послѣ обѣда танцовать въ саду и затѣмъ смотрѣть оттуда на фейерверкъ; но такъ какъ погода не благопріятствовала этому, и императору хотѣлось поставить его по-сю сторону рѣки, то прошло до 2-хъ часовъ ночи, пока все устроили какъ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что требовалось много времени, чтобъ отъ противоположной стороны отбуксировать лодками, противъ сильнаго теченія, большія машины, на которыхъ стояли фейерверочныя принадлежности; да и приказъ о томъ былъ отданъ ужъ слишкомъ поздно. Между тѣмъ самое лучшее время, время темноты, необходимое больше всего для блеска фейерверковъ, ушло, и за дѣло принялись только тогда, когда уже сдѣлалось опять совершенно свѣтло. Гостей, покамѣстъ все это улаживалось, продолжали усердно поить, такъ что они подъ конецъ, отъ излишняго вина и отъ усталости, сидѣли почти во всѣхъ углахъ и спали. Фейерверкъ, по обыкновенію, состоялъ изъ множества ракетъ, швермеровъ, водяныхъ и воздушныхъ шаровъ, огненныхъ колесъ и тому подобнаго; но, кромѣ того, горѣлъ еще большой девизъ изъ го-

лубого огня, съ изображеніемъ приведеннаго въ этотъ день ботика и съ Русскою надписью, смыслъ которой заключался въ томъ, что отъ малыхъ причинъ могутъ быть большія слѣдствія. Этимъ намекалось на умноженіе здѣшняго флота. Однакожъ, такъ какъ погода во весь день стояла очень дурная и настоящаго директора фейерверковъ, именно полковника Витвера, не было въ Петербургѣ, то фейерверкъ на сей разъ былъ далеко не изъ тѣхъ великолѣпныхъ, которые мы привыкли здѣсь видѣть. По окончаніи его, князь-кесарь Ромодановскій, на прощанье, поднесъ еще всѣмъ и каждому по большому бокалу вина, и никто не могъ уйти, не выпивши его, такъ что пока все общество разошлось, было уже болѣе трехъ часовъ ночи.

31. Его высочество кушалъ внѣ своей комнаты, но постороннихъ при дворѣ не было.

Іюнь. 1. Былъ обыкновенный день нашихъ военныхъ экзерцицій.

2. Въ первый день праздника Св. Троицы его высочество держалъ свой постъ, и при дворѣ не обѣдалъ никто изъ постороннихъ.

3. Въ день сошествія Св. Духа мы за столомъ узнали, что въ 5 часовъ послѣ обѣда назначено быть катанью на баркахъ, и потому приготовились къ нему; но все-таки явились на рѣкѣ тогда только, когда другіе уже нѣсколько времени разъѣзжали по ней. Катанье это продолжалось недолго. По окончаніи его все общество причалило къ берегу у императорскаго лѣтняго дворца, гдѣ вышло и потомъ отправилось въ садъ. Тамъ мы имѣли счастіе найдти императорскихъ принцессъ и герцогиню Мекленбургскую съ ея сестрою. Его высочество прогуливался съ ними до половины одиннадцатаго, но потомъ пошелъ къ императору, который сидѣлъ съ здѣшними вельможами за столомъ у фонтана. Его величество посадилъ его возлѣ себя и приказалъ подать блюдо съ холоднымъ паштетомъ и немного пирожнаго. Въ 12 часовъ всѣ разъѣхались по домамъ.—Императрица пускала себѣ въ этотъ день кровь и потому все послѣ-обѣда никуда не выходила. Она оставалась, въ обществѣ нѣскольких дамъ, въ своемъ собственномъ саду, находящемся недалеко отъ Лѣтняго, и поручила старшей принцессѣ передать его высочеству, нашему герцогу, очень милостивое привѣтствіе.—Такъ какъ мы въ этотъ разъ исходили кругомъ весь императорскій садъ и имѣли случай хорошо разсмотрѣть его, то я долженъ признаться, что онъ въ послѣдніе два года немало улучшился и въ особенности обогатился многими дорогими мраморными статуями. Преимущественно хорошъ гротъ, изукрашенный весь большими натуральными, рѣдкими раковинами, кораллами и тому подобными вещами, которыхъ здѣсь собрано безчисленное множество и которыя всѣ очень

искусно подобраны и соединены однимъ Французомъ. Въ этомъ гротѣ разставлены также разныя прекрасныя статуи, устроены многіе маленькіе водометы и помѣщенъ органъ, который приводится въ дѣйствіе водою и очень мило играетъ.—Его высочество, узнавъ, что старшій принцъ Гессенъ-гомбургскій въ прошедшую Пятницу сильно обжегся порохомъ, посылалъ къ нему сегодня гофъ-юнкера Тиха освѣдомиться о его здоровьи. Послѣдній возвратился съ извѣстіемъ, что принцъ не только жестоко обжегъ себѣ лицо и правую руку, но и ранилъ еще сопровождавшаго его гренадера и одного изъ своихъ лакеевъ. Онъ хотѣлъ выстрѣлить изъ ружья въ цѣль, и послѣ осѣчки взвелъ опять курокъ, чтобы изъ сумки, въ которой было полтора фунта пороху, насыпать его немного на пóлку; но въ тотъ самый мигъ, по неосторожности, спустилъ курокъ, и порохъ, какъ на полкѣ, такъ и въ сумкѣ, разомъ вспыхнулъ. Отъ этого легко можно было лишиться обоихъ глазъ. Принцъ лежалъ въ постели и никого не принималъ.—Изъ Швеціи мы получили въ этотъ день неожиданное извѣстіе, что гр. Бонде уѣхалъ въ Гамбургъ. Разсказываютъ также за вѣрное, что тайная совѣтница Бассевичъ въ скоромъ времени отправится въ Швецію и потомъ пріѣдетъ съ своимъ супругомъ сюда, чего бы я сердечно и отъ души желалъ.

4. Въ послѣдній день Св. Троицы, въ полдень, его высочество кушалъ открыто, и у него обѣдали бар. Штрёмфельдъ, гофъ-юнкеръ Тундерфельдъ и молодой Цёге. Такъ какъ они были въ очень хорошемъ расположеніи духа, то пили до того сильно, что почти всѣ жестоко опьянѣли. Тоже самое случилось и съ нѣкоторыми незваными гостями, которые пріѣхали, когда обѣдъ нашъ ужъ приходилъ къ концу, именно съ полковн. Розе, гр. Вахтмейстеромъ и каммеръ-пажомъ императрицы Гольштейномъ, въ особенности съ двумя послѣдними, которые и не помнили, какъ добрались до дому.

5. Мы всѣ еще были больны послѣ вчерашняго опьяненія.—Императоръ рано утромъ уѣхалъ въ Петергофъ, куда, около полудня, послѣдовала за нимъ и императрица. Думаютъ, впрочемъ, что на дняхъ они будутъ опять здѣсь.

6. Въ полдень поднялся вдругъ такой вихрь, какого я съ роду не видывалъ, и въ тоже время полилъ дождь, какъ изъ ведра. Но все это продолжалось не болѣе получаса. Говорили, что на рѣкѣ погибло нѣсколько человѣкъ. Вѣтромъ совершенно согнуло крестъ на церкви въ Петропавловской крѣпости. До полудня было такъ тепло, какъ еще ни разу во все это лѣто.—Вечеромъ мы съ верхняго нашего балкона видѣли, какъ императорскія принцессы сидѣли и гуляли въ саду съ

герцогинею Мекленбургскою, которая ночевала у нихъ и сегодня поутру присылала сказать мнѣ объ этомъ.

7. Вечеромъ его высочество пошелъ наверхъ къ г. фонъ-Плате и тамъ опять долго смотрѣлъ съ балкона на императорскихъ принцессъ, которыя гуляли и сидѣли въ саду.

8. У его высочества обѣдали Саксонскій каммергеръ и министръ при здѣшнемъ дворѣ г. Лефортъ, бар. Рённъ и молодой Апраксинъ. Хотя сегодня многіе увѣряли насъ, что вчера въ Сенатѣ публично читано было присланное г. Бестужевымъ изъ Стокгольма письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что Шведскія Государственныя Сословія признали какъ за здѣшнимъ императоромъ императорскій титулъ, такъ и за нашимъ герцогомъ титулъ королевскаго высочества, однакожъ при нашемъ дворѣ не имѣли еще объ этомъ достовѣрнаго извѣстія. Его высочество, впрочемъ, всякій день ждалъ изъ Стокгольма курьера отъ т. с. Бассевича. Кромѣ того, здѣсь разсказываютъ за вѣрное, что милиція, которая въ предстоящую морскую кампанію должна была поступить на галеры, уже дѣйствительно откомандирована.

9. Въ Воскресенье, проповѣдь началась очень поздно, и на ней присутствовалъ ген.-м. Цёге, который въ этотъ же день уѣзжалъ опять въ Лифляндію. Онъ прощался также съ его высочествомъ и оставался съ нами обѣдать.—Послѣ обѣда его высочество герцогъ посылалъ узнать, можно ли вечеромъ прійдти погулять въ императорскій садъ? Въ отвѣтъ на это принцессы сами прислали ему весьма милостивый поклонъ и велѣли сказать, что имъ будетъ очень пріятно, если его высочество захочетъ повеселиться въ ихъ саду. Послѣ чего, около 6-ти часовъ, герцогъ отправился туда съ Плате, Брюммеромъ, Тихомъ и со мною, и ходилъ тамъ болѣе двухъ часовъ, тщательно осматривая животныхъ и все прочее достопримѣчательное въ саду. Но такъ какъ императорскія принцессы послѣ обѣда уѣхали къ кому-то изъ придворныхъ на крестины, то его высочество на сей разъ имѣлъ счастіе видѣть ихъ не прежде 9-ти часовъ, когда онѣ, возвращаясь съ крестинъ, проѣхали опять мимо нашего дома. Узнавъ, что принцессы послѣ обѣда проѣхали мимо насъ и предполагая, что онѣ возвращаться будутъ тою же дорогою, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ, и наконецъ имѣлъ удовольствіе кланяться имъ съ нижняго балкона своего дома.

10. Около 5-ти часовъ его высочество отправился съ Плате, Брюммеромъ, Тихомъ и со мною кататься по рѣкѣ и разъѣзжалъ по ней часа два. Мы въ этотъ день нарядились въ новые матросскіе костюмы, которые герцогъ приказалъ сдѣлать для себя, какъ старшаго кормчаго, для Плате, какъ младшаго, а для Брюммера, Тиха и меня, какъ простыхъ матросовъ. Его высочество проѣзжалъ также и мимо импера-

торскаго дворца, но не видалъ тамъ никого изъ императорской фамиліи. Возвритясь домой, мы узнали, что принцессы, въ наше отсутствіе, два раза проѣхали мимо дома герцога и что теперь находятся въ императрицыномъ саду, гдѣ будутъ ужинать. Это немало обрадовало его высочество, который былъ увѣренъ, что онѣ, поэтому, еще разъ проѣдутъ мимо насъ. Онъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ, и мы нарочно ужинали въ передней залѣ, чтобъ не опоздать: его высочеству хотѣлось, какъ скоро получится извѣстіе, что принцессы ѣдутъ, выйти погулять на улицу и недалеко отъ своего дома, какъ бы невзначай, встрѣтить ихъ и поцѣловать имъ въ каретѣ прекрасныя руки. Все это удалось какъ нельзя лучше. Когда, въ 11 часовъ, нарочно поставленный вѣстовой далъ знать, что принцессы приближаются, мы тотчасъ вышли на улицу и встрѣтили ихъ довольно далеко отъ квартиры его высочества, который подошелъ къ каретѣ и поцѣловалъ руку сперва старшей, а потомъ, перейдя на другую сторону, младшей. Принцессы хотя и сконфузились немного при приближеніи герцога, потому что были въ своемъ négligé, однакожъ сами закричали кучеру остановиться, когда замѣтили, что его высочество идетъ къ ихъ каретѣ. Поговоривъ съ ними нѣсколько времени, онъ откланялся, и онѣ поѣхали дальше. Между тѣмъ валторнисты отправились на балконъ и начали играть, потому что принцессы чрезвычайно любятъ ихъ слушать. Онѣ въ началѣ еловой аллеи тотчасъ и вышли изъ кареты и медленно пошли пѣшкомъ, чтобъ подольше наслаждаться музыкою. Его высочество, раскланявшись съ ними еще разъ, когда онѣ переѣзжали черезъ другой мостъ (за чтò прекрасныя принцессы, въ знакъ благодарности, очень низко наклонялись въ каретѣ) отправился послѣ того также домой.

11. Въ 7 часовъ утра я съ Плате, Тихомъ и валторнистомъ Руммелемъ поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ находился корабль, спущенный недавно на воду, чтобы взглянуть, какъ стоятъ корабли на быкахъ (Kameele), на которыхъ ихъ отсюда перевозятъ въ Кронслотъ. Мы нашли корабль верстахъ въ десяти отъ города. Старый капитанъ, завѣдывающій перевозными снарядами и обязанный переправить его въ Кронслотъ, родомъ Нѣмецъ, стоялъ на палубѣ и просилъ насъ взойти къ нему наверхъ, потому что очень хорошо видѣлъ, что мы пріѣхали посмотрѣть на перевозную машину. Мы причалили къ ней и отправились наверхъ, при чемъ должны были усердно карабкаться по балкамъ, чтобъ достигнуть до корабля; но это стóило того, потому что послѣдній стоялъ среди воды совершенно какъ шанецъ. Оба большіе быка, между которыми держится корабль, поднимаютъ его надъ водою и погружаются съ такою значительною тяжестью только на 8 футовъ глубины, тогда какъ пустой корабль, спускаемый со штапеля, по-

гружается на 14 футовъ. Поэтому корабли, которые строятся въ Адмиралтействѣ, не могли бы попасть въ Кронслотъ, если бъ не были изобрѣтены эти быки, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ бы имъ слѣдовало проходить, вода имѣетъ глубины не болѣе 9-ти или 10-ти футовъ. Нельзя безъ удовольствяі видѣть такой большой корабль на быкахъ; онъ стоитъ на нихъ совершенно какъ на твердой землѣ, на штапелѣ, и прикрѣпляется къ нимъ множествомъ балокъ и подпорокъ. Такая машина управляется двумя рулями и медленно буксируется посредствомъ галеръ. За нею слѣдовали 4 небольшія судна или галіота, на которыхъ везли для новаго корабля корму, мачты, необходимыя снасти, канаты, паруса и всѣ прочія принадлежности. Мы возвратились домой не прежде часа по-полудни, однакожъ поспѣли еще къ обѣду, который въ этотъ день былъ поздно и къ которому его высочество пригласилъ поручика Шведской гвардіи фонъ-Рохена. Послѣ обѣда къ герцогу пріѣзжалъ молодой гр. Головкинъ, прибывшій сюда недавно изъ Берлина. Его высочество еще тамъ познакомился съ нимъ. Повидимому, онъ очень умный и образованный человѣкъ.

12. Поутру молитва началась до 11-ти часовъ, потому что мы къ обѣду ждали гостей. Около часа по-полудни пріѣхалъ г. фонъ-Штамке съ ген. Ягужинскимъ и т.-с. Остерманомъ, которымъ онъ собственно не дѣлалъ приглашенія, а далъ только понять, что если привезетъ его высочеству гостей, они будутъ ему очень пріятны. Ко двору явились также обѣдать господа Мардефельдъ и Цедеркрейцъ. Все это общество не расходилось до 8-ми часовъ и весело пило. Когда наконецъ всѣ гости разъѣхались, его высочество отправился на баркѣ съ Плате, Брюммеромъ, Тихомъ и со мною кататься по водѣ, и мы нѣсколько разъ имѣли счастіе кланяться императорскимъ принцессамъ, которыя стояли въ галлереѣ сада въ то время, какъ наша барка проходила тамъ мимо.

13. Утромъ я получилъ изъ Москвы письмо отъ доктора Бидлоо, который сообщалъ въ немъ свое мнѣніе о головныхъ боляхъ его высочества. Послѣ обѣда герцогъ, узнаяъ, что императорскія принцессы проѣхали мимо нась, ждалъ дома до тѣхъ поръ, пока онѣ опять не возвратились назадъ и не доставили ему случая раскланяться съ ними. Вскорѣ послѣ проѣзда принцессъ, къ его высочеству явились Измайловъ, оберъ-прокурорь Бибиковъ и гр. Дугласъ, которые всѣ трое были пьяны, но получили у насъ еще по нѣскольку стакановъ Венгерскаго, потому что иначе не было возможности скоро отдѣлаться отъ нихъ. Гр. Дугласъ, однакожъ, дорого поплатился за свое опьяненіе: онъ послѣ упалъ и сильно повредилъ себѣ лицо. Въ городѣ въ этотъ день случилось большое несчастіе, а именно служившій у импе-

ратрицы пажъ Древникъ, братъ императорскаго деньщика Древника, часу въ седьмомъ вечера утонулъ вмѣстѣ съ вдовою одного гобоиста, который въ послѣдній походъ, въ Астрахани, погибъ точно такимъ же образомъ; но человѣкъ пажа, сидѣвшій съ ними въ лодкѣ, которая потонула, былъ спасенъ. Несчастіе это, какъ разсказываютъ, приключилось слѣдующимъ образомъ. Упомянутая вдова хотѣла переправиться черезъ маленькій каналъ, идущій позади императорскаго лѣтняго дворца, и собиралась сѣсть въ обыкновенную, находящуюся тамъ, перевозочную лодку; въ это самое время пажъ, бывшій немного навеселѣ, на очень маленькомъ ботикѣ, принадлежавшемъ его брату, подъѣхалъ туда и началъ упрашивать ее сѣсть къ нему, чтобъ переѣхать на другую сторону. Она наконецъ дала убѣдить себя, и онъ распустилъ имѣвшіеся у него небольшіе паруса; но вмѣсто того, чтобъ прямо причалить къ противоположному берегу, направилъ путь къ рѣкѣ Женщина эта и слуга, оба трезвые, тотчасъ увидѣли, какая опасность имъ грозила отъ сильнаго вѣтра, и потому всячески старались отклонить пажа отъ безумнаго его намѣренія. Въ отвѣтъ на ихъ просьбы, онъ схватилъ багоръ, ударилъ имъ слугу нѣсколько разъ по головѣ и продолжалъ свой путь; но не успѣли они выйдти изъ канала, какъ Древникъ, сидѣвшій у кормы, не могъ уже, при сильномъ вѣтрѣ управлять парусами. Ботикъ опрокинулся, исчезъ въ волнахъ и не показывался болѣе на поверхности воды, равно какъ и оба утонувшіе. Думаютъ, что они такъ запутались въ снастяхъ, что прицѣпились ими ко дну вмѣстѣ съ ботикомъ, между тѣмъ какъ слуга, стоявшій отдѣльно у фока, тотчасъ опять вынырнулъ и достигъ вплавь до берега, отъ котораго они удалились не болѣе, какъ шаговъ на тридцать. Пажъ лишь незадолго передъ тѣмъ вышелъ изъ своей комнаты, даже не одѣтый, въ халатѣ, полотняномъ исподнемъ платьѣ и нитяныхъ чулкахъ. Принцессы въ этотъ день выѣзжали со двора, и ему слѣдовало сопровождать ихъ; но, не имѣвъ на то охоты, онъ отдалъ свое платье одному изъ товарищей, котораго костюмъ былъ у портнаго, и просилъ его съѣздить вмѣсто себя. Все, какъ нарочно, должно было способствовать этому несчастію!

14. Около вечера императоръ возвратился изъ Петергофа въ открытомъ экипажѣ, въ шесть лошадей, а черезъ полтора часа послѣ того прибыла сюда благополучно и императрица.—Часовъ въ семь вечера его высочество пошелъ гулять съ Плате, Тихомъ и со мною, и мы встрѣтили каммеррата Негелейна, которому кто-то сообщилъ за вѣрное, что какой-то танцмейстеръ, по фамиліи Шульцъ, вчера только пріѣхавшій сюда изъ Стокгольма, публично разсказываетъ всюду, будто слышалъ тамъ изъ устъ самого подполковн. Сикье, что именно онъ

застрѣлилъ въ Норвегіи покойнаго короля Шведскаго. Слухъ объ этомъ уже давно ходилъ въ Швеціи, но требуетъ еще подтвержденія.—Оба вчера утонувшіе только нынче были вытащены изъ воды якорями. Говорятъ, ихъ нашли обнявшимися. Женщина еще не очень измѣнилась, но Древника уже нельзя было узнать. Трупы ихъ, какъ полагаютъ, будутъ вскрыты въ присутствіи императора, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли въ желудкѣ воды? Здѣшніе доктора говорятъ, что этого быть не можетъ, потому что человѣкъ въ водѣ тотчасъ задыхается.

15. Передъ молитвою пріѣхали т. с. Унгернъ и Шведскій полковн. Розе, которые, вмѣстѣ съ капитаномъ Дальвигомъ, и обѣдали съ нашими кавалерами, оставшимися дома.—Сегодня г. Бестужевъ прибылъ сюда водою изъ Копенгагена, совершивъ этотъ путь въ 7 дней. Онъ пребываетъ тамъ въ качествѣ Россійскаго резидента и вызванъ въ Петербургъ лишь на короткое время.

16. Въ Воскресенье, его высочество весь день не выходилъ изъ своей комнаты, потому что съ 4-хъ часовъ утра до самаго вечера страдалъ обыкновенною своею головною болью. Такъ какъ послѣ обѣда назначено было катанье на баркахъ, то Плате, Измайловъ и Брюммеръ поѣхали также на баркѣ его королевскаго высочества. Прогулка эта, впрочемъ, продолжалась не очень долго; потому что въ ней не участвовали ни императоръ, ни императрица, а только принцессы, которыя нѣсколько разъ пристально смотрѣли на барку его королевскаго высочества, въ надеждѣ увидѣть его тамъ. Послѣ, хотя всѣ барки и остановились у дома кн. Меншикова, однакожъ императорскія принцессы проѣхали мимо. Императоръ, не смотря на то, что былъ въ этотъ день немножко нездоровъ, вечеромъ кушалъ съ императрицею и принцессами въ саду ея величества. Передъ катаньемъ Гессенъ-гомбургскіе принцы хотѣли посѣтить его высочество, но онъ не могъ ихъ принять по причинѣ своей головной боли.

17. Послѣ обѣда я ѣздилъ верхомъ къ герцогинѣ Мекленбургской, у которой ужъ очень давно не былъ. Тамъ я имѣлъ счастіе цѣловать руки вдовствующей царицѣ, принцессѣ Прасковіи и самой герцогинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ передать имъ поклонъ отъ его королевскаго высочества. Принцесса Прасковія, не совсѣмъ здоровая, лежала въ постели; но герцогиня была здорова и, по обыкновенію своему, очень весела. Я пробылъ у нея слишкомъ два часа, совершенно одинъ, и долженъ былъ занимать ее. Она жаловалась, что герцогъ, ея супругъ, не хочетъ рѣшиться сюда пріѣхать и говорила, будто здѣсь носятся слухи, что Римскій императоръ намѣренъ поручить управленіе страны (Мекленбургіи) брату его, герцогу Христіану-Лудвигу, если владѣтельный герцогъ скоро не изъявитъ покорности. Вдовствующая царица также

съ сожалѣніемъ говорила, что зять ея ни за что́ не соглашается пріѣхать въ Россію, хотя ему очень хорошо извѣстно, какъ отлично обращаются здѣсь съ его королевскимъ высочествомъ, нашимъ герцогомъ, и хотя его величество императоръ уже нѣсколько разъ приглашалъ его къ себѣ.

18. Въ 10 часовъ утра началась молитва, а около 11-ти его высочество съ Плате, Брюммеромъ, Негелейномъ, Тихомъ и со мною, поѣхалъ сухимъ путемъ въ Кунсткамеру, гдѣ еще вчера приказалъ Негелейну предувѣдомить о своемъ пріѣздѣ. Мы застали дома не только г. Шумахера, который завѣдывалъ ею, съ женою и сестрою, но и тестя его, стараго Фельтена. Побывъ у нихъ нѣсколько времени и выпивъ, по здѣшнему обычаю, по рюмкѣ водки, мы отправились наверхъ, въ Кунсткамеру, гдѣ все осмотрѣли лишь бѣгло, и я не нашелъ тамъ почти ничего такого, чего бы не видалъ прежде, кромѣ развѣ маленькой дѣвочки лѣтъ трехъ или четырехъ, которая умерла и бальзамирована лѣтъ 30 или 40 тому назадъ, но до сихъ поръ еще такъ была, какъ будто лежитъ и спитъ. Ребенка этого показываютъ обыкновенно только въ присутствіи императора, или съ его позволенія. Шумахеръ показалъ намъ, между прочимъ, въ библіотекѣ одну книгу, заключающую въ себѣ множество раскрашенныхъ цвѣтовъ, которая выдается за оригиналъ работы знаменитой Меріанъ, слывущей съ давняго времени за извѣстнѣйшую художницу по живописи цвѣтовъ. Тамъ же находится, въ двухъ фоліантахъ, и полная Библія на Нѣмецкомъ языкѣ, списанная собственноручно герцогомъ Курляндскимъ. Наконецъ мы видѣли еще совершенно пеструю тетерку, подаренную недавно императору полковн. Унгерномъ, имя котораго, по этому случаю, внесено надлежащимъ образомъ въ каталогъ Кунсткамеры, для воспоминанія. Прекрасный мюнцъ-кабинетъ, собранный Шумахеромъ во время послѣдняго его путешествія, намъ на сей разъ не удалось видѣть. Осмотрѣвъ все на-скоро, мы пошли опять къ г. Шумахеру, гдѣ обѣдали и много пили, потому что во время самаго обѣда пріѣхалъ еще Штамке, который, въ угодность хозяину, подавалъ намъ весьма хорошій примѣръ.

19. У его королевскаго высочества обѣдали г.-л. Вангерсгеймъ, Бибиковъ, Принценштіернъ и капитанъ Измайловъ. Я въ этотъ день узналъ, что въ Адмиралтействѣ, въ прошедшій Понедѣльникъ, императрица должна была вбить большой гвоздь (болѣе чѣмъ въ палецъ длиною) въ новый корабль, который императоръ недавно тамъ началъ строить. Послѣ того всѣ ея дамы обязаны были дѣлать тоже самое.

20. Флаги, служащіе сигналомъ для катанья на баркахъ, были выкинуты совершенно неожиданно, почему мы около 6-ти часовъ от-

правились къ обыкновенному сборному мѣсту, т. е. къ «Четыремъ Фрегатамъ», и въ 7 часовъ, по прибытіи императрицы, отплыли оттуда, не смотря на отсутствіе императора. Вся флотилія сначала проѣхалась по рѣкѣ а потомъ, черезъ каналъ у императорскаго лѣтняго дворца (гдѣ мы, мимоѣздомъ, имѣли честь видѣть у окна старшую императорскую принцессу) отправилась къ великому адмиралу Апраксину, у котораго все наше общество собралось въ саду. При прибытіи нашемъ раздались его литавры, трубы и валторны, которыя не умолкали во все время, пока мы тамъ были. Его королевское высочество, встрѣтивъ здѣсь императора, подошелъ къ нему и былъ очень милостиво принятъ; потомъ приблизился къ императрицѣ и прошелся съ нею нѣсколько разъ по саду; долженъ былъ также, во время этой прогулки, раза два садиться между ея величествомъ и герцогинею Мекленбургскою. Когда императоръ, бывшій въ отличномъ расположеніи духа, пришелъ какъ-то туда, гдѣ сидѣла императрица, и увидѣлъ, что позади ея величества стояла княгиня-кесарша Ромодановская, онъ тотчасъ закричалъ: штрафъ! штрафъ! Послѣ чего какъ государыня, такъ и герцогиня Мекленбургская должны были выпить по рюмкѣ крѣпчайшаго Венгерскаго вина, за то, что сами сидѣли, а княгиню-кесаршу заставили стоять. Императрица при этомъ случаѣ донесла и на его королевское высочество, нашего герцога, что онъ тоже сидѣлъ съ ними, почему и онъ былъ наказанъ точно такимъ же образомъ. Послѣ того государь опять удалился къ своему обществу. Около 10-ти часовъ ея величество императрица получила наконецъ позволеніе уѣхать домой, и его королевское высочество проводилъ ее до барки; онъ простился также съ герцогинею и стоялъ на берегу канала до тѣхъ поръ, пока она не уѣхала, а потомъ возвратился въ садъ, посидѣлъ нѣсколько времени съ императоромъ и наконецъ, походивъ немного по аллеямъ сада, незамѣтно скрылся и уѣхалъ домой. Хотя принцы Гессенъ-гомбургскіе почти все время пребыванія нашего въ саду стояли позади стола, за которымъ сидѣлъ императоръ съ здѣшними вельможами и съ хозяиномъ, однакожъ никто не просилъ ихъ садиться. Вообще съ обоими этими княжескими дѣтьми обращаются здѣсь довольно небрежно. Я въ этотъ вечеръ долго бесѣдовалъ съ кавалерами императрицы, и каммеръ-юнкеръ Шепелевъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что товарищъ его, каммеръ-юнкеръ Балкъ, женится на одной знатной, богатой и хорошенькой дѣвушкѣ, и что онъ отказался отъ сдѣлки съ прежнею своею невѣстою, но за то долженъ будетъ теперь носить фамилію жены, потому что родъ ея вымеръ. Въ этотъ день маіоръ Эдеръ уѣхалъ отсюда въ Голштинію, гдѣ, вѣроятно, и останется.

21. Императоръ прїѣхалъ къ его королевскому высочеству съ прїятнымъ извѣстїемъ, полученнымъ изъ Швецiи, что сословiя Шведскаго королевства торжественно признали и утвердили за нашимъ государемъ титулъ королевскаго высочества. Его величество императоръ, чрезвычайно довольный этимъ, пробылъ у герцога около двухъ часовъ и обѣдалъ съ нимъ, потому что прїѣхалъ въ то самое время, какъ его высочество хотѣлъ садиться за столъ на верху въ комнатѣ гр. Бонде. Его высочество, предувѣдомленный о прибытiи государя, встрѣтилъ ето на крыльцѣ и хотѣлъ было провести въ свои покои, но онъ сказалъ, что хочетъ идти туда, откуда пришелъ герцогъ, и тамъ, передавъ его королевскому высочеству письма изъ Швецiи, тотчасъ же сѣлъ за столъ, а затѣмъ немедленно провозгласилъ тостъ за доброе извѣстiе, который потомъ возобновлялся многими другими. Такъ какъ съ его величествомъ прїѣхалъ и курьеръ, привезшiй это извѣстiе, то онъ сначала, вмѣстѣ съ Васильемъ Петровичемъ, былъ всячески угощаемъ господами Плате и Брюммеромъ, а потомъ получилъ еще отъ его королевскаго высочества въ подарокъ золотую табакерку съ 50-ю червонцами. Это былъ тотъ самый курьеръ, котораго недавно посылали въ Стокгольмъ по дѣламъ нашего герцога. Вечеромъ Василiй Петровичъ, за стаканомъ вина, нѣсколько разъ спрашивалъ обо мнѣ и все просилъ, чтобъ послали за мною; но ему отвѣчали, что я боленъ и страдаю сильною зубною болью; тогда онъ тотчасъ же пошелъ къ императору, чтобъ сказать, что я страдаю зубами, и просилъ его величество постараться вылечить меня. Государь очень охотно согласился на это и сказалъ, что съ удовольствiемъ готовъ вырвать испорченные зубы, при чемъ въ тоже время упомянулъ, что ему такимъ образомъ удалось счастливо вылечить уже многихъ. Гофъ-юнкеръ Тихъ разсказывалъ мнѣ еще, что г. Мардефельдъ, который также былъ у насъ во время полученiя извѣстiй изъ Швецiи, тотчасъ же, отъ имени своего короля, поздравилъ нашего герцога съ прiобрѣтенiемъ титула королевскаго высочества.

22. Въ этотъ день богослуженiе началось уже въ половинѣ десятаго, и придворный проповѣдникъ во время его совершилъ также благодарственную молитву по случаю полученнаго вчера извѣстiя. Около полудня у насъ собралось много постороннихъ, которые прїѣхали съ поздравленiями, какъ то: гр. Вахтмейстеръ, полков. Розе, недавно прибывшiй изъ Данiи г. Бестужевъ, генералъ Ягужинскiй, т. с. Остерманъ, мосье Ла-Коста и другiе; но изъ нихъ никто не остался къ обѣду, потому что почти всѣ были приглашены къ Шведскому посланнику, бар. Цедеркрёйцу. Въ часъ по-полудни прїѣхали ко двору, съ обоими своими кавалерами, и Гессенъ-гомбургскiе прин-

цы, которые приняли въ свою свиту молодого Вильстера, искавшаго недавно у насъ мѣста пажа. Во время обѣда я и старшій каммеръ-пажъ Геклау должны были прислуживать старшему принцу, а Тихъ и Петерсенъ младшему, между тѣмъ какъ его королевскому высочеству прислуживали Цёге и новый каммеръ-лакей. За столомъ пили довольно сильно, потому что тосты начались 16-ю кубками, но оба принца имѣли право пить воду и наливать столько вина, сколько имъ хотѣлось.

23. Проповѣдь началась въ 11 часовъ утра, и ее пріѣхали слушать г.-м. Лёшеръ, каммеррат Фикъ, секретарь Шульцъ и Тундерфельдъ, изъ которыхъ первые трое, по окончаніи богослуженія, поздравили его королевское высочество и опять уѣхали. Такъ какъ въ этотъ день назначенъ былъ спукъ фрегата, то мы думали, что это будетъ рано, а именно часа въ два или въ три; между тѣмъ обыкновенный сигнальный выстрѣлъ, возвѣщающій о времени сбора, послѣдовалъ не прежде 5-ти часовъ. Тогда мы немедленно отправились въ Адмиралтейство и на корабль, который былъ уже совсѣмъ готовъ къ спуску. По пріѣздѣ и императора, фрегатъ, устроенный для 36-ти пушекъ, въ половинѣ 6-го обычнымъ порядкомъ освятили и наименовали «Крейсеромъ», имя, котораго сначала почти никто изъ Русскихъ не понялъ *). Послѣ этой церемоніи приступили къ окончательнымъ работамъ, и корабль еще до 6-ти часовъ благополучно сошелъ на воду. Но тутъ легко могло случиться большое несчастіе, еслибъ императоръ во́-время не началъ съ сильною бранью кричать, чтобъ народъ на рѣкѣ посторонился: въ ту самую минуту, какъ корабль сходилъ со штапеля, какіе-то дураки, на очень маленькомъ ботикѣ, стали прямо передъ нимъ и потомъ не знали что́ дѣлать, чтобъ отойти прочь. Корабль на сей разъ былъ спущенъ съ кормою, чего обыкновенно здѣсь не дѣлаютъ. Вѣроятно, это новый способъ, придуманный кораблестроителемъ. Когда корабль отошелъ на извѣстное разстояніе отъ берега, и брошенъ былъ якорь, отъ котораго онъ повернулся въ другую сторону, всѣ наперерывъ спѣшили поздравить на немъ его величество съ благополучнымъ спускомъ. Съ гвардейскимъ адъютантомъ, состоящимъ при принцахъ Гессенъ-гомбургскихъ, случилось при этомъ тоже самое, что̀ было недавно и со мною: его такъ поранили багромъ въ ногу, что онъ тотчасъ же принужденъ былъ отправиться домой. Вскорѣ послѣ прибытія нашего на корабль пріѣхали также ея величество императрица, герцогиня Мекленбургская, кн. Меншикова и прочія дамы. Императорскихъ принцессъ, равно какъ и принцессы

*) Замѣчено Берхгольцомъ не безъ злорадства. П. Б.

Прасковіи, которая чувствовала себя нездоровою, не было; но вдовствующая царица, не смотря на всю свою немощь, все таки подъѣзжала съ маленькою принцессою Мекленбургскою къ кораблю на своей баркѣ, изъ которой, впрочемъ, сама не выходила, а высадила только герцогиню Мекленбургскую, и потомъ уѣхала опять домой.

По переѣздѣ всего общества на корабль и принесеніи поздравленій императору, гости отправились къ столу, и его вел—во сѣлъ на самомъ нижнемъ концѣ вмѣстѣ съ корабельными мастерами; его же королевское выс—во помѣстился между г. Остерманомъ и старшимъ прцемъ Гессенъ-гомбургскимъ, потому что всякій садился какъ пришлось. Возлѣ г. Остермана, съ правой стороны, сидѣлъ пріѣхавшій недавно изъ Пруссіи гр. Головкинъ, а возлѣ принца, съ лѣвой стороны, меньшой его братъ. Изъ иностранныхъ министровъ на кораблѣ не было никого, кромѣ г. Цедеркрёйца и Голландскаго резидента, минъ-гера-де-Вильде. Хотя за обѣдомъ пили не сильно и вообще никакого принужденія не было, однакожъ каждый изъ гостей все таки роспилъ по доброму стакану, чтобы развеселить его величество императора (который былъ что-то несовсѣмъ въ хорошемъ расположеніи духа), тѣмъ болѣе, что капитанъ Лопухинъ, назначенный командиромъ новаго фрегата, убѣдительно просилъ объ этомъ и всѣхъ усердно приглашалъ пить. Въ 11 часовъ, когда императрица наконецъ получила позволеніе удалиться съ дамами, случилось несчастіе. Послѣ отъѣздѣ ея величества, хотѣла сѣсть на свою барку герцогиня Мекленбургская; но тутъ ея люди и люди кн. Меншиковой заспорили, кому прежде подъѣхать; въ это самое время, огромныя полозья, на которыхъ стоялъ корабль, вдругъ отдѣлились отъ него и до такой степени попортили барку княгини, что она пошла ко дну, а люди съ трудомъ могли спастись. Когда всѣ дамы уѣхали, было роспито еще нѣсколько кубковъ, но затѣмъ его величество императоръ также оставилъ корабль и позволилъ всѣмъ прочимъ отправиться по домамъ. Его королевское высочество какъ на кораблѣ, такъ и на баркѣ, казался немного на-веселѣ; но онъ только притворялся, потому что все время пилъ свое собственное вино, состоявшее бо́льшею частію изъ воды. Съ самаго начала онъ выпросилъ себѣ у императора большой стаканъ Венгерскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и позволеніе придерживаться послѣ своего особеннаго вина, увѣряя его величество, что всякій разъ бываетъ боленъ отъ Венгерскаго вина, если много выпьетъ его. Такая предосторожность была вовсе не лишнею, потому что на корабляхъ обыкновенно не даютъ никакого другого вина, кромѣ Венгерскаго, или крѣпкаго Эрмитажнаго и Шампанскаго.

Французскій посланникъ Кампредонъ (который былъ боленъ и лежалъ въ постели) присылалъ въ этотъ день поздравить его королевское высочество съ пріятнымъ извѣстіемъ, полученнымъ изъ Швеціи. Герцогъ послѣ того тотчасъ же отправилъ къ нему секретаря Швенгера благодарить и освѣдомиться о его здоровьи.

24. Въ Ивановъ день, проповѣдь началась довольно поздно, и на нее собрались слѣдующія постороннія лица: г.-л. Вангерсгеймъ, г.-м. Цюлихъ (который только дня за два пріѣхалъ сюда, а изъ Швеціи отправился за три недѣли), гр. Дугласъ, полк. Розе, гр. Вахтмейстеръ и капит. Гекель. Всѣ они остались у его королевскаго высочества и обѣдать. Въ то время, какъ мы сидѣли еще за столомъ, ко двору явился молодой кн. Мещерскій (пріѣхавшій изъ Швеціи съ недавнимъ благопріятнымъ извѣстіемъ) и также сѣлъ вмѣстѣ съ другими. Баронъ Цедеркрёйцъ пріѣхалъ послѣ обѣда, чтобы отъ себя лично поздравить его королевское высочество съ полученною на дняхъ пріятною новостью. Герцогиня Мекленбургская вызвала меня къ себѣ преимущественно затѣмъ, чтобъ сказать мнѣ, что императоръ рѣшился вчера послать ген. Бонна въ Данцигъ къ ея супругу, владѣтельному герцогу Карлу-Леопольду, котораго тотъ долженъ убѣдить пріѣхать въ Ригу, потому что хорошо ему знакомъ и прежде былъ очень любимъ имъ. Герцогиня, мало знакомая съ этимъ генераломъ, хотѣла узнать отъ меня, что̀ онъ за человѣкъ? Между тѣмъ она очень опасалась, что супругъ ея все-таки не дастъ убѣдить себя, хотя это и единственный способъ выпутаться изъ бѣды, въ которой онъ теперь находится. Въ числѣ прочаго ея высочество сообщила мнѣ также, что вчера императоръ совѣтовалъ ей, во избѣжаніе слишкомъ большой полноты, меньше спать и меньше ѣсть, и что поэтому она не смыкала еще глазъ и со вчерашняго дня ничего не ѣла; потомъ приказала подать при мнѣ приготовленныя для нея кушанья, которыя я изъ любопытства долженъ былъ пробовать, потому что всѣ они были постныя. Но кто расположенъ полнѣть, тотъ мало найдетъ средствъ воспрепятствовать этому; почему я и думаю, что герцогиня скоро оставитъ постъ и бдѣніе, которыхъ, впрочемъ, и не могла бы долго выдержать, не имѣя вовсе охоты ни къ тому, ни къ другому. Такъ какъ у принцессы Прасковьи на обѣихъ рукахъ все еще были опухшіе пальцы, и ей слѣдовало очень остерегаться простуды, то она и не выходила изъ своей комнаты. Мы по этой причинѣ сидѣли то у нея, то въ другихъ комнатахъ, и я долженъ былъ оставаться тамъ слишкомъ три часа; потому что герцогиня, покончивъ съ своими жалобами, сдѣлалась вдругъ необыкновенно весела. Она даже уговорила сестру свою подарить мнѣ новый шелковый, Китайскій, носовой платокъ. Принцесса

имѣла два такихъ платка, а сама герцогиня только одинъ, и такъ какъ тѣ не были еще обрублены, то она дала мнѣ покамѣстъ свой собственный, съ приказаніемъ, чтобъ я на другой день, когда увижу, что она вынетъ платокъ, тотчасъ же вытащилъ изъ кармана и свой и тѣмъ доказалъ, что ношу его и уважаю. Герцогиня при этомъ начинала со мной множество другихъ шутокъ, и охотно удержала бы меня у себя долѣе, если бъ это только было можно и я не спѣшилъ домой. Въ этотъ день нѣкоторые изъ придворныхъ служителей его королевскаго высочества были въ Екатерингофѣ съ женщинами и съ музыкою (потому что между ними были двое, которые играли на валторнахъ). Императоръ, также находившійся тамъ, пришелъ къ нимъ и спросилъ чего-нибудь пить того, чтò у нихъ есть и чтò они сами пьютъ. Они подали сначала его величеству стаканъ вина, а потомъ, когда онъ, немного спустя, потребовалъ еще стаканъ пива, ему подали и пива. Послушавъ нѣсколько времени игру на валторнахъ (валторнистъ Руммель, когда подошелъ императоръ, взялъ у одного изъ лакеевъ инструментъ и самъ началъ играть), государь сказалъ имъ, чтобъ они веселились и гуляли сколько имъ угодно. Послѣ того мой бывшій слуга Мартини, который, какъ и другіе, былъ уже немного навеселѣ, подошелъ къ нему, когда онъ хотѣлъ уйти, и поцѣловалъ ему руку, чтò его величествомъ было принято вовсе не немилостиво.

25. Праздновалось, какъ всегда, приходящееся въ этотъ день коронованіе его величества императора, и такъ какъ государь очень поздно пріѣхалъ въ церковь, то прошло до часа пополудни, пока проповѣдь и богослуженіе кончились и началась пушечная пальба въ крѣпости, Адмиралтейства и съ стоявшаго на Невѣ, изукрашеннаго флагами, фрегата «Transport-Royal». Не смотря на то, что въ этотъ день была очень дурная, дождливая погода, послѣ обѣда все-таки выкинули сигнальные флаги для катанья на баркахъ, которое однакожъ началось не прежде 5-ти или 6-ти часовъ, потому что императоръ на сей разъ поздно отправился на свой обыкновенный послѣ-обѣденный отдыхъ. Но такъ какъ бóльшая часть вельможъ и герцогъ узнали, что изъ императорской фамиліи никто не будетъ участвовать въ катаньи, то его королевское высочество, вмѣстѣ съ ними и съ герцогинею Мекленбургскою, отправился прямо въ садъ императрицы и тамъ ждалъ пріѣзда высочайшихъ особъ, которыя и прибыли въ 6 часовъ. Императрица и принцессы пріѣхали водою, а императоръ пришелъ пѣшкомъ изъ своего лѣтняго дворца по недавно-устроенному мосту, который ведетъ черезъ каналъ отъ этого дворца къ саду императрицы и такимъ образомъ, по возможности, соединяетъ оба сада. Когда флотилія барокъ приблизилась и его королевское высочество узналъ,

что въ ней находится и императорская фамилія, онъ, въ сопровожденіи обоихъ принцевъ Гессенъ-гомбургскихъ и насъ, придворныхъ, пошелъ навстрѣчу ея величеству императрицѣ до самого мостика, гдѣ она вышла на берегъ. Высадивъ какъ государыню, такъ и принцессъ, и поцѣловавъ имъ руки, его королевское высочество повелъ обѣихъ царевенъ въ находившійся въ саду домъ, гдѣ вся императорская фамилія оставалась до тѣхъ поръ, пока не пересталъ идти дождь. Тамъ же собрались всѣ иностранные и здѣшніе министры вмѣстѣ со всѣми дамами, и игралъ оркестръ императрицы. Спустя нѣсколько времени, когда погода немного поправилась, всѣ пошли гулять по саду; но императорскія принцессы, которымъ прогулка эта, кажется, была не очень пріятна, скоро возвратились съ своими дамами въ вышеупомянутый домъ, куда за ними послѣдовалъ и его королевское высочество. Во все время, пока онѣ тамъ находились, онъ оставался при нихъ и сидя, по желанію ихъ, вмѣстѣ съ дамами, проводилъ время очень пріятно, потому что разговаривалъ то съ той или другой принцессой, то съ герцогиней Мекленбургской. Наконецъ, въ 10 часовъ вечера, принцессы получили позволеніе отправиться домой, и его королевское высочество опять повелъ ихъ и проводилъ до барки. Онъ оставался на берегу до тѣхъ поръ, пока онѣ не скрылись изъ виду. Старшая принцесса нѣсколько разъ выглядывала изъ барки и дружески кланялась ему. Младшая, которой нельзя было дѣлать того же, отворила дверь барочной каюты и такимъ образомъ также успѣла послать поклонъ его высочеству. Все это дѣлало немало удовольствія нашему доброму государю. Послѣ того его королевское высочество отправился въ бесѣдку, гдѣ сидѣли императрица и императоръ, и тамъ долженъ былъ со всѣми другими принимать тосты, которые провозглашалъ г.-м. Ушаковъ, какъ маршалъ, и при которыхъ съ стоявшаго на рѣкѣ фрегата палили изъ пушекъ. Когда и по скольку выстрѣловъ онъ долженъ былъ давать, показывали флаги, которые выкидывались передъ садомъ. Ихъ величества императоръ и императрица удалились не прежде 12-ти часовъ ночи, а до тѣхъ поръ никого не велѣно было выпускать изъ саду. Мнѣ немало было хлопотъ съ деньщикомъ и фаворитомъ императора Васильемъ Петровичемъ, который, въ присутствіи императорскихъ принцессъ и его королевскаго высочества, схватилъ меня за руку и потащилъ въ другую комнату, гдѣ я долженъ былъ съ нимъ пить. Онъ страшно приставалъ, чтобъ я рѣшился позволить императору вырвать мнѣ мои испорченные зубы. Въ этотъ день нашъ каммергеръ Сталь-фонъ-Гольштейнъ имѣлъ честь представляться и цѣловать руку императрицѣ. Его тотчасъ же узнали, какъ г-жа Вильбуа, такъ и г-жа Кампенгаузенъ, потому что онъ еще въ Амстердамѣ имѣлъ счастіе

быть представленнымъ государынѣ. Въ полдень къ его высочеству явился изъ Швеціи, курьеромъ отъ т. с. Бассевича, молодой Блекенъ, который, говорятъ, хоть и не привезъ еще извѣстія объ изготовленіи акта о признаніи титула королевскаго высочества, но за то пріѣхалъ съ другими хорошими вѣстями. Онъ былъ въ дорогѣ только семь дней, проѣхавъ сухимъ путемъ черезъ Финляндію, тогда какъ послѣдній курьеръ, отправившійся отсюда тѣмъ же путемъ, прибылъ въ Стокгольмъ на десятый день, хотя и проскакалъ верхомъ безъ остановки 30 миль, потому что имѣлъ разныя рекомендательныя письма къ мѣстнымъ земскимъ начальникамъ, которыхъ просили вездѣ помогать ему и указывать кратчайшій путь. Блекенъ, напротивъ, ни къ кому изъ нихъ даже не являлся. Отъ него я узналъ, что въ Швеціи всякій день ожидаютъ пріѣзда тайной совѣтницы Бассевичъ, потому что недѣли за двѣ ей послали навстрѣчу къ Травемюнде, близъ Любека, яхту его королевскаго высочества, которая столько лѣтъ стояла въ Стокгольмѣ. Нашъ добрый мундкохъ впалъ сегодня опять въ такую же меланхолію, какъ въ Москвѣ; оба раза припадки ея слѣдовали у него непосредственно послѣ того, какъ онъ погулялъ и повеселился съ женщинами.

26. Поутру, г. фонъ-Плате былъ посланъ ко двору освѣдомиться о здоровьѣ императора, императрицы и принцессъ. Въ 11 часовъ къ намъ пріѣхали Ягужинскій и Остерманъ, которыхъ его королевское высочество принялъ въ халатѣ, потому что не былъ еще одѣтъ, намѣреваясь отобѣдать въ своей комнатѣ и потомъ заняться заготовленіемъ писемъ для почты. Господа эти пробыли у герцога съ полчаса одни. Послѣ обѣда я долженъ былъ отправиться верхомъ къ великому адм. Апраксину и къ г.-ф. Брюсу, чтобъ узнать о ихъ здоровьѣ. Первый началъ немного поправляться, но послѣдняго не было въ городѣ: онъ лежалъ больной на дачѣ и очень страдалъ отъ подагры. Его высочество узналъ въ этотъ день, что и маршальша Олсуфьева очень больна, почему къ ней посланъ былъ каммеръ-пажъ, который возвратился съ извѣстіемъ, что она чрезвычайно слаба и уже совершенно оставлена докторами. Императоръ, говорятъ, навѣстилъ ее вчера, а императрица пріѣзжала къ ней еще третьяго дня.

27. Исполнилось два года со времени прибытія сюда его королевскаго высочества. День Полтавскаго сраженія праздновался обыкновеннымъ и уже описаннымъ мною порядкомъ, хотя нѣкоторые и полагали, что, по представленію Шведскаго посланника, не будетъ никакого торжества. На императорѣ, передъ обѣдомъ, былъ опять старый синій, Шведскій мундиръ, который онъ имѣлъ въ Полтавскомъ сраженіи, а на кн. Меншиковѣ кафтанъ и шпага, служившіе ему въ томъ же сра-

женіи, которыхъ онъ не снималъ и во весь день. Изъ иностранныхъ министровъ при богослуженіи и парадѣ на той сторонѣ рѣки не было никого, кромѣ Голландскаго резидента, да еще обоихъ принцессъ Гессенъ-гомбургскихъ, которымъ однакожъ не удалось даже и поздравить императора, бывшаго въ дурномъ расположеніи духа, что́ у него тотчасъ можно замѣтить, потому что онъ въ такихъ случаяхъ сильно мотаетъ и трясетъ головой. Къ его высочеству явился въ этотъ день пріѣхавшій сюда наканунѣ изъ Сибири Шведскій г.-ад. КанифеРъ, который, говорятъ, привезъ съ собою множество любопытныхъ предметовъ, потому что содержался тамъ дальше всѣхъ прочихъ Шведскихъ офицеровъ и жилъ въ мѣстѣ своего заключенія совершенно одинъ. Обратное путешествіе его продолжалось цѣлыхъ 14 мѣсяцевъ, изъ чего можно заключить, какое громадное пространство занимаетъ Россія. Во время своего плѣна онъ совершенно посѣдѣлъ. Изъ числа многихъ привезенныхъ имъ живыхъ птицъ и животныхъ, какъ-то гусей, бѣлыхъ цапель, утокъ, куръ и т. п., особенно, говорятъ, замѣчателенъ родъ куръ, которыя имѣютъ черныя кости и сѣрое, непріятное мясо. На вопросъ нашъ, не здѣсь ли онѣ у него, онъ отвѣчалъ, что всѣ свои рѣдкости отправилъ изъ Новгорода въ Лифляндію. Хотя всѣ знатныя должностныя лица были приглашены къ 5-ти часамъ послѣ обѣда въ садъ императора, гдѣ назначено было отпраздновать нынѣшній день, однакожъ никто не явился туда прежде 6-ти или 7-ми, потому что императоръ послѣ обѣда поздно легъ отдыхать. Его королевское высочество, поэтому, также оставался дома до тѣхъ поръ, пока не возвѣстили пушечнымъ выстрѣломъ, что Государь проснулся; послѣ же того тотчасъ отправился въ садъ пѣшкомъ. Онъ нашелъ тамъ у императрицы герцогиню Мекленбургскую, великаго князя съ его сестрою и множество знатныхъ дамъ; скоро пришли и обѣ императорскія принцессы съ своею маленькою сестрою, которую онѣ вели за руки. Маленькая принцесса и великая княжна послѣ долго катались по саду въ небольшой телѣжкѣ, въ которую была запряжена хорошенькая лошадка. Послѣ того какъ императорская фамилія постояла нѣсколько времени у одного фонтана, въ бассейнѣ котораго лежалъ живой тюлень, началась прогулка по саду, и его королевское высочество постоянно ходилъ съ принцессами, къ которымъ иногда присоединялась и герцогиня. Мы встрѣчались не разъ также съ императрицею, у которой потомъ всѣмъ дамамъ, герцогу и его свитѣ подносили простое вино. Мнѣ удалось бы избавиться отъ него, если бъ не старшая императорская принцесса: она съ улыбкой спросила меня, зачѣмъ я стараюсь спрятаться и прибавила, что я долженъ пить, потому что его королевское высочество пилъ. Въ 10 часовъ вечера начались танцы, которые,

МІРЪ ИСКУССТВА.

Журналъ выходитъ въ 1903 году 12 разъ въ годъ по прежней программѣ. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА, съ 1903 года, выдѣляется изъ состава журнала и будетъ выпускаться въ теченіе зимняго сезона (Октябрь—Май) два раза въ мѣсяцъ.

Съ другой стороны, редакціей будетъ обращено особое вниманіе на то, чтобы придать каждому выпуску журнала характеръ законченнаго художественнаго цѣлаго.

Въ 1903 предположено особые выпуски посвятить творчеству современныхъ Русскихъ художниковъ: К. А. Сомова (по поводу выставки его произведеній въ Спб.), М. А. Врубеля С. В. Малютина (его архитектурныя и художественно-промышленныя работы въ имѣніи кн. Тенишевой, Смоленской губ.), К. А. Коровина, а также произведеніямъ М. В. Якунчиковой († 14 Дек. 1902 г.).

Затѣмъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и въ 1903 г. журналъ будетъ знакомить читателей, какъ со старымъ искусствомъ, такъ и съ современнымъ, Русскимъ и иностраннымъ.

Въ 1903 году предположено удѣлить особое вниманіе произведеніямъ Ф. Малявина, новому художественному предпріятію „Современное Искусство" (работы Александра Бенуа, Л. Бакста, Е. Лансере, К. Сомова, Н. Давыдовой, И. Грабаря, М. Якунчиковой, Абрамцевской мастерской и т. п.), миніатюрамъ Жана Фуке (1415—1445) и его современниковъ (между прочимъ неизданныя Французскія миніатюры изъ собранія Императорской публичной библіотеки), современной западной архитектурѣ (проф. Ольбрихъ), Англійскому искусству XIX вѣка, двухсотлѣтнему юбилею Петербурга, А. Венеціанову и его школѣ, Андреевской церкви въ Кіевѣ (гр. Растрелли), произведеніямъ Ш. Кондера Анкакроны, Е. Каррьэра, современному офорту на Западѣ (офорты Бэхо, Голландскихъ офортистовъ) и другимъ, Русскимъ, иностраннымъ, старымъ и современнымъ мастерамъ.

Къ выпускамъ журнала будутъ прилагаться на отдѣльныхъ листахъ оригинальныя литографіи, офорты, геліогравюры, оригинальныя гравюры на деревѣ, хромолитографіи, фототипіи и т. п.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ попрежнему принимать участіе Н. Минскій, Д. Мережковскій, В. Брюсовъ, В. Розановъ, Л. Шестовъ, Рцы, Д. Шестаковъ и др. По вопросамъ спеціально художественнымъ будутъ печататься статьи Александра Бенуа, И. Грабаря, С. Дягилева, А. Ростиславова, М. Семенова, Д. Философова, С. Яремича и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На $^1/_2$ года.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . .	10 руб.	5 руб.
„ пересылкой иногороднимъ	12 „	6 „
„ „ за границу	14 „	7 „

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА. Первый взносъ при подпискѣ 3 р. Затѣмъ вносится по 1 руб. ежемѣсячно. Главная контора журнала находится при книжномъ магазинѣ товарищества М. О. Вольфъ (Спб., Гостиный Дворъ, № 18. Москва, Кузнецкій мостъ, 12).

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1903 года.

(Годъ 41-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1903 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1902** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

Годъ сорокъ первый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1903

3.

Стр.

Приложеніе.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1903.

Изъ Московской старины. На память о Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ. Выпускъ 1-й. Протопресвитера Владимира Маркова. М. 1902. 8-ка, 28 стр. съ 5 рисунками. Цѣна 25. к.

Содержаніе прекрасно составленной книжки этой почти все почерпнуто изъ архива Успенскаго собора, который доселѣ не бывалъ обнародованъ. Тутъ разсказано, какъ князь Потемкинъ въ 1777 году, 23 Августа, принесъ въ даръ Успенскому собору драгоцѣнную дарохранительницу въ видѣ Синайской горы съ Моисеемъ, принимающимъ отъ Бога законы. Эта дарохранительница съ золотымъ подножіемъ, въ которое положена была подлинная рукопись знаменитаго Учрежденія о губерніяхъ, на 240 листахъ, въ мѣшкѣ изъ золотого глазета. Художникомъ, который исполнялъ мысль Потемкина, былъ славный тогда Дюваль (съ которымъ позднѣе переписывалась близкая Екатеринѣ дочь Бецкаго, Соколова-Рибасъ). Екатерина занималась сочиненіемъ Учрежденія о губерніяхъ (подъ которымъ Россія жила почти цѣлое столѣтіе) вскорѣ послѣ первой Турецкой войны, живучи въ Москвѣ и подъ Москвою, въ 1775 году, въ прекрасномъ селѣ Коломенскомъ, гдѣ тогда еще цѣлъ былъ дворецъ царя Алексѣя Михайловича. Покойный графъ Блудовъ говорилъ, что въ Оружейной Палатѣ сохранялись и подсвѣчники, стоявшіе на рабочемъ столѣ Государыни во время этого государственнаго труда ея. Рукопись оставалась въ алтарѣ Успенскаго собора до 2 Іюня 1880 года, когда увезена съ другими бумагами въ Петербургъ (этотъ увозъ находился въ связи съ событіемъ 6 Іюля 1880 года, каковому желалось найти оправданіе въ архивахъ).

Съ самаго построенія своего въ XV вѣкѣ до 1858 года Успенскій соборъ не зналъ отопленія, какъ почти и всѣ наши церкви, что не препятствовало совершаться въ немъ богослуженію и наполняться молящимися съ открытыми головами во все зимнее время. Немало великихъ государственныхъ событій освящалось торжественною молитвою въ нетопленномъ храмѣ: такимъ здоровьемъ пользовались наши сравнительно-недавніе предки. Изъ писемъ митрополита Филарета къ архимандриту Антонію видно, какъ озабоченъ былъ онъ безопасностью собора отъ огня и сырости. Мы помнимъ, что онъ, уже глубокимъ старцемъ, самъ ходилъ въ подвалы и наблюдалъ за ходомъ работъ по устройству теплопроводныхъ трубъ. Когда все благополучно кончилось, онъ написалъ въ Московскую Синодальную Контору напоминаніе протопресвитеру собора, между прочимъ о томъ, что „чтеніе и пѣніе должны совершаться всевозможно вразумительно и безъ поспѣшности. *Голосъ долженъ открывать, а не закрывать слово*". Успенскій соборъ хранитъ этотъ завѣтъ митрополита, но иныя Московскія церкви доселѣ обращаются, особенно за поздними обѣднями, въ концертныя залы. Нечего дивиться усиленію старообрядства и всяческаго раскола.

*

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

1822-й годъ.

С.-Петербургъ, 1 Іюля 1822.

Вчера вечеромъ пріѣхалъ Воронцовъ[2]) и былъ тотчасъ у меня, а я сейчасъ отъ него. Совершенно здоровъ; я нахожу, что помолодѣлъ и также все милъ и добръ какъ былъ. Онъ самъ не знаетъ, сколько времени пробудетъ здѣсь, а пріѣхалъ только явиться и получить приказаніе чтó ему дѣлать. Онъ одинъ здѣсь. Теперь поѣхалъ къ Милорадовичу, а тамъ будетъ ко мнѣ. Онъ ожидаетъ отъ Волконскаго изъ Царскаго Села отвѣтъ, когда ему явиться.

*

С.-Петербургъ, 4 Іюля 1822.

Въ Субботу у меня милый Воронцовъ просидѣлъ часа три слишкомъ, разсказывалъ о своемъ заграничномъ житьѣ, о путешествіи и семейномъ благополучіи. Вчера я у него обѣдалъ съ Фонтонами; много было глагольствованія о дилижансѣ. Воронцовъ со мною согласенъ, что надобно умножить кругъ дѣйствій общества, прибавить экипажи и чаще отправлять въ Москву.

Чернышовъ тебѣ кланяется. Я его на скачкѣ поздравилъ съ будущею женитьбою. Не думаю, чтобы первая жена его искала съ нимъ помириться: она уже вышла замужъ за другого.

Добрый Каподистрія (но это еще секретъ) выпросилъ старухѣ Вакареско, пока дадутъ земли въ Бессарабіи, 1500 р. серебромъ содержанія въ годъ. Очень это было нужно, ибо дѣла плохи.

*

С.-Петербургъ, 5 Іюля 1822.

Съ Воронцовымъ часто вижусь. Онъ пробудетъ дней съ 10 съ нами. Представлялся Государю и былъ принятъ очень благосклонно. Говорятъ, Александръ Гурьевъ, сынъ министра, назначенъ градона-

---

[1]) См. выше стр. 47.

[2]) Михаилъ Семеновичъ, возвратившійся изъ Англіи отъ своего отца, и послѣ того, какъ начальствовалъ нашими войсками во Франціи, будучи генералъ-адъютантомъ, числившійся съ 19 Февраля 1820 г. командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса.

чальникомъ въ Одессу. Говорятъ также, что Ланжеронъ ѣдетъ къ водамъ и что на его мѣсто нашъ Иванъ Никитичъ [1]).

*

С.-Петербургъ, 7 Іюля 1822.

И такъ Ключаревъ [2]) кончилъ свои страданія и физическія, и моральныя! Если правда, что̀ о немъ разсказываетъ управитель Гудовича, то это черта мерзкая; но, *если правда*. Можетъ быть, управитель имѣлъ свои причины негодовать на него и мстить мертвому, не бывъ въ силахъ мстить живому. Не могу повѣрить, чтобы онъ сдѣлалъ подобную мерзость. Впрочемъ, Богъ ему судья. Много этотъ человѣкъ перенесъ горя и во всемъ обвиняетъ Ростопчина. Вижу отсюда, какъ Рушковскій не зналъ какъ и куда дѣвать червонца, и какъ его поразило примѣчаніе Феллера, что въ день похоронъ Ключарева неприлично ему ѣхать въ театръ. Онъ мнѣ съ великимъ горемъ описываетъ, что лишился стараго начальника, съ которымъ 12 лѣтъ служилъ.

*

С.-Петербургъ, 11 Іюля 1822.

Поговариваютъ о путешествіи Государя послѣ Петергофскаго праздника, но еще не знаютъ, и я по крайней мѣрѣ не знаю еще, ничего положительнаго. Въ Ораніенбаумѣ точно будетъ фейерверкъ и, кажется, смотръ войскамъ. Воронцовъ надѣется, что ему довольно мѣсяца два позаняться своими дѣлами, прежде вступленія въ командованіе надъ корпусомъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что полагаетъ гр. Ростопчина въ Вѣнѣ, а потому я пошлю твое письмо туда, съ тѣмъ, что ежели его нѣтъ, то отправили бы въ Парижъ.

*

С.-Петербургъ, 12 Іюля 1822.

Сегодня должны у насъ обѣдать Каподистрія и Воронцовъ; послѣдній ѣдетъ завтра въ Бѣлую Церковь. Ему Государь дозволилъ еще мѣсяца съ два заняться устройствомъ своихъ и отцовскихъ дѣлъ, принялъ и отпустилъ его весьма благосклонно. Сегодня также ѣдетъ въ Карлсбадъ баронъ Строгоновъ.

Ничто Потемкину, если Гагаринъ купитъ портретъ его жены: бросаетъ деньги, а гдѣ честь требуетъ, чтобы тотчасъ расплатиться, о томъ не думаетъ. Съ Нессельродомъ поѣдутъ Северинъ, Матушевичъ, Фонтонъ, Миллеръ, Сакенъ и милый Кудрявскій; по крайней мѣрѣ такъ слышно.

---

[1]) Инзовъ. Какъ сынъ одного изъ князей Трубецкихъ (Мартинистовъ), онъ издавна могъ быть извѣстенъ въ домахъ Я. И. Булгакова и его друга И. П. Тургенева.

[2]) Бывшій Московскій почтдиректоръ. См. о немъ въ письмахъ А. Я. Булгакова („Р. Архивъ" 1902 года).

Государь говорилъ Воронцову съ похвалою объ иностранной почтѣ. Спрашивалъ его: la poste va-t-elle d'Odesse avec la même célérité que l'étrangère, ce que nous devons aux arrangements de Bulgakow? Это очень мнѣ пріятно; но правду сказать, иностранная идетъ чудесно: Андерсенъ получилъ изъ Лондона письмо въ 14 дней, что́ даже не легко съ курьеромъ. Слава Богу, что такъ хорошо удалась наша конвенція.

*

С.-Петербургъ, 14 Іюля 1822.

Воронцовъ сегодня непремѣнно ѣдетъ; я еще съ нимъ не простился. Онъ мнѣ даетъ свой бюстъ и жены его, очень похожіе.

Вчера подзывалъ было онъ меня обѣдать къ барону Николаи, но мнѣ недосугъ было; не очень хотѣлось, и притомъ обѣщалъ я женѣ обѣдать съ нею у Вакарески.

Вечеромъ по обыкновенію четверговому былъ я въ лотерейной коммиссіи, а потомъ собрались играть въ биліардъ, и милый Воронцовъ пріѣхалъ съ женою проститься.

Г. Каподистрія, какъ говорятъ (ибо съ нимъ не удалось мнѣ еще говорить о семъ) воспользуется временемъ, пока продолжится конгрессъ[1]), чтобы ѣхать къ водамъ. Бессарабскому губернатору Катаказію пожалованъ орденъ св. Анны I класса. Князь Лопухинъ сегодня ѣдетъ въ Порховъ въ свои деревни на вакантное время. Онъ было хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, но отмѣнилъ. Барону Николаи пожалована аренда. Онъ вчера вечеромъ былъ у меня; ѣдетъ въ свою деревню въ Финляндію, а послѣ въ Копенгагенъ.

Все ожидаю доходовъ изъ п.-директорской деревни, а она кромѣ издержекъ ничего мнѣ не приносила до сихъ поръ. Досадно очень. Отдалъ бы ее въ аренду, но на неопредѣленное время кто возьметъ? Положить еще на оброкъ, не будутъ выплачивать мужики; опять хлопоты и прибыли никакой. Охъ ужъ эти денежныя дѣла, крѣпко мнѣ надоѣли. Но впрочемъ безъ хлопотъ мы слишкомъ счастливы были бы на свѣтѣ; надобно умѣть ихъ переносить.

*

С.-Петербургъ, 15 Іюля 1822.

Вчера вечеромъ былъ я у Салтыкова[2]). Тамъ былъ одинъ Персіянинъ, ѣдущій съ порученіями отъ шаха въ Лондонъ и Парижъ, человѣкъ умный, говоритъ хорошо по-французски, а еще лучше по-англійски, разсуждаетъ очень хорошо и чрезмѣрно вѣжливъ. Ненахвалится милостивымъ пріемомъ Государя. Увидя портретъ императрицы

---

[1]) Т. е. конгрессъ Веронскій.

[2]) Слѣпой князь Д. Н. Салтыковъ, у котораго были концерты.

Екатерины, сказалъ: C'est donc là cette grande souveraine qui a tant fait et si bien préparé la gloire de la Russie. Смотря на портреты Петра I: «Quel bel homme! On ne peut pas oublier le mot heureux qu'il a dit de Charles XII: mon cousin Charles, à force de nous battre, nous apprendra comment s'y prendre pour venir à bout de lui. Хвалитъ очень Мазаровича [1]).

*

С.-Петербургъ или, лучше сказать, Петровскій островъ, 16 Іюля 1822.

Кто на мѣсто Инзова, не знаю; я бы поручилъ гражданское управленіе Сабанееву, оставя ему и командованіе надъ корпусомъ. Онъ бы управился, ибо человѣкъ умный, честный и усердный.

Воронцовъ вчера уѣхалъ. Онъ мнѣ дѣлаетъ большое одолженіе: при первой вакансіи беретъ Костаки[2]) къ себѣ въ адъютанты, спасибо ему.

*

С.-Петербургъ, 25 Іюля 1822.

Отобѣдавъ здѣсь съ Манычаромъ поранѣе, пустились мы въ путь въ 4 часа ровно и нашли всю дорогу наполненную экипажами всякаго рода и пѣшеходами всякаго пола. Мы конечно выѣхали послѣдніе изъ города и тутъ по большей части принуждены были слѣдовать за веревкою экипажей. На четвертой верстѣ Петръ, который сидѣлъ у насъ впереди, кричитъ: Стой, стой. Что такое? Сзади человѣкъ упалъ, и подлинно, такъ шлепнулся, что насилу подняли. Вышло, что онъ мертво пьянъ; къ счастію нашли извощика, отправили его въ городъ, и послѣ того уже никакихъ приключеній трагическихъ съ нами не было.

Въ Стрѣльнѣ я нарядился въ башмаки и мундиръ, напудрился и поѣхалъ далѣе. Въ Петергофѣ Манычаръ пошелъ тотчасъ въ садъ волочиться, а я въ маскарадъ, куда насилу пробился. До выхода императорской фамиліи, успѣлъ я переговорить со всѣми, съ кѣмъ нужно было, какъ-то: съ княземъ Волконскимъ о путешествіи, съ гр. Кочубеемъ (коему переданы Бессарабскія дѣла, бывшія доселѣ у гр. Каподистріи) о земляхъ для тестя, съ гр. Литтою и Кампенгаузеномъ о новомъ обществѣ для перевозки вещей и товаровъ, съ гр. Нессельродомъ о новыхъ господаряхъ, назначенныхъ въ Молдавію и Валахію, (въ первую Стурдза, а во вторую дядя Марицы, родной братъ покойной Афросиньи Дмитріевны, Григорій Гика) и пр. и пр. Тутъ было хорошо, просторно и нежарко; а какъ вышелъ дворъ, надѣли шляпы и слѣдовали за ними, гдѣ была публика, то чуть было и я не крик-

[1]) Нашего посланника въ Персіи.

[2]) Т. е. Варлама, брата супруги К. Я. Булгакова.

нулъ. Народу было очень много, а залы не велики. Праздникъ былъ славный; такъ какъ главное въ немъ иллюминація и гулянье въ линейкахъ, то и не долго продолжался: въ 10 часовъ пошли ужинать, протанцовавъ нѣсколько Польскихъ.

Государь, какъ обыкновенно, былъ ко мнѣ очень милостивъ, доволенъ мною и почтами. Одесская, привезшая извѣстіе о господаряхъ, пришла въ то утро и была въ пути только пять сутокъ съ половиною, что̀ Государь замѣтилъ. Императрицу Елисавету Алексѣевну видѣлъ я танцующую Польскій, а Марію Θеодоровну только видѣлъ при выходѣ, ибо послѣ сѣла она играть въ карты въ не очень большой комнатѣ, гдѣ всегда столько было народу, что и подумать нельзя было пробиться. Ужинъ же былъ не такъ, какъ обыкновенно здѣсь бываетъ: съ одной стороны ужинала Императорская фамилія съ дворомъ и только были генералъ-адъютанты, въ палаткѣ на галлереѣ за преогромнымъ столомъ иностранные министры, всѣ дамы и кавалеры не принадлежащіе къ двору. Послѣ сѣли на линейки; мнѣ также предлагали, но я предпочелъ надѣть сапоги, сюртукъ и, сыскавъ Манычара, идти шататься пѣшкомъ. Ходили до двухъ часовъ, нѣсколько разъ встрѣчали линейки, любовались илюминаціею, которая была безподобна, особливо передъ Самсономъ, гдѣ горѣлъ щитъ Императрицы. Вездѣ толпа народа, болѣе 100 т. человѣкъ, погода послѣ дождя хорошая, всеобщее веселіе, вездѣ музыка. Такъ было все это пріятно, что хотя устали чрезвычайно, но насилу рѣшились отправиться домой. Съ умнымъ Петромъ съ трудомъ могли сыскать карету; но такъ какъ все къ лучшему, то и мы, искавши его напередъ самого, спасли жизнь тремъ женщинамъ, у коихъ кучеръ мертво пьяный свалился съ козелъ и лошади стали бить. Мы ихъ удержали, его вытащили изъ подъ кареты, ихъ также высадили, посадили на козлы лакея и отправили благодарныхъ красавицъ; случилось ли съ ними что̀ послѣ, не знаю. Описывать праздникъ предоставляю Свиньину [1]), который, конечно исполнитъ свою обязанность какъ должно, но скажу тебѣ, что я очень радъ, что рѣшился туда ѣхать и очень доволенъ, что видѣлъ это волшебство. Восемь лѣтъ ровно я тамъ не былъ. Къ тому же наглядѣлся на ангельскаго нашего Государя и удостовѣрился, что онъ продолжаетъ быть довольнымъ мною. Le grand est principal but a donc été atteint. Съ Юліей Александровной [2]) я немного успѣлъ поговорить; ей такъ душно было, что не до разговоровъ, однакоже успѣла о тебѣ сказать, что ты здоровъ и что она еще болѣе прежняго тебя любитъ. Съ дочерью ея нѣсколько разъ показывали мы другъ другу знаками желаніе говорить и однажды были

---

[1]) Издателю тогдашнихъ „Отечественныхъ Записокъ".

[2]) Супругою Д. П. Татищева.

такъ близко, что ротъ открыли, но толпа какъ волна пришла и разнесла насъ въ разныя стороны. За ужиномъ же онѣ слишкомъ далеко сидѣли, а мнѣ хотѣлось и отдохнуть, и ѣсть, и поболтать о Закревскомъ съ сосѣдомъ Желтухинымъ, потому и рѣшился отложить разговоръ до удобнѣйшаго случая. Дмитріевъ, ѣдущій (какъ скоро откланяется) въ Москву, проситъ къ тебѣ коммиссій. Онъ помолодѣлъ, мнѣ кажется. Возвращаясь, остановились мы въ Стрѣльнѣ, гдѣ нашли Добровольскаго съ фамиліею ужинающихъ; нельзя было отказаться выпить рюмку Шампанскаго за здоровье имянинницы его жены и дочери, но ужинать два раза уже не въ мочь было. По дорогѣ такая же процессія, какъ когда туда ѣхали, только вмѣсто одного ряду три ряда экипажей и нѣсколько нашли на боку, въ числѣ коихъ Серапина съ Кривошапкинымъ; но къ чести дилижансовъ долженъ сказать, что они были въ другомъ экипажѣ. Домой добрался я въ пять часовъ, переодѣлся и поѣхалъ на дачу, чтобы тамъ отдохнуть, но не тутъ то было: въ 8 часовъ разбудили, привезли бумаги изъ Почтамта, а тамъ встали дѣти, и уже не до сна было.

*

С.-Петербургъ, 26 Іюля 1822.

Бригадиръ*) плутъ большой: кончилъ таки тѣмъ, чего давно желалъ, но скрывалъ, Парижемъ. Впрочемъ я съ нимъ согласенъ, что, со стороны экономіи и средствъ воспитанія дѣтей, Парижъ болѣе представляетъ удобства, нежели Лозанна, если только будетъ умѣть воздержаться. Напишу о немъ къ Поццо и Шредеру.

Вчера вечеромъ очень удивилъ меня на дачѣ визитъ доктора Газа Московскаго и Фишера, le végétal. Этотъ послѣдній возвращается изъ чужихъ краевъ и торопится узнать участь Гофмана и свою собственную. Я имъ обоимъ обрадовался. Газъ ѣдетъ завтра въ Москву, Фишеръ проживетъ здѣсь еще недѣли съ двѣ. Много говорили о Феллерѣ. Газъ одинъ изъ его пріятелей и Суботнихъ гостей.

Каподистрія не поѣдетъ на конгрессъ, а поѣдетъ къ водамъ и выѣдетъ, я думаю, тотчасъ послѣ Государя.

Воронцовъ пишетъ изъ Мюнхена, что совсѣмъ завелся домомъ. Шредеръ прислалъ ему славнаго повара, онъ нашелъ славнаго метръ-д'отеля, и все устроено, какъ нельзя лучше; начинаетъ уже давать обѣды и веселить жителей Минхена. Этотъ не ударитъ лицомъ въ грязь.

У бѣднаго Вилламова утонулъ сынъ, учившійся въ Дерптѣ въ университетѣ.

*

---

*) Т. е. А. А. Волковъ, бывшій Московскій комендантъ.

С.-Петербургъ, 28 Іюля 1822.

Записки Петра Ивановича*) писаны по-французски и имъ же переведены на Русскій языкъ. Онъ меня просилъ сообщить последнія Блудову съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ пересмотрѣлъ и переправилъ. Я не успѣлъ еще прочитать ихъ; теперь не до того: надобно устроить путешествіе Государя и всѣхъ отъѣзжающихъ, а тамъ примусь за чтеніе. Модену лучше, но онъ точно очень больно ушибся. Дочь его не такъ. Персіянинъ, кажется, отправился на кораблѣ въ Лондонъ. Онъ въ своемъ родѣ cosa rara.

Толстый Шиллингъ, купавшись, нырнулъ и вздумалъ удержать дыханіе подъ водою съ минуту, но только что вынырнулъ, кровь бросилась въ затылокъ, и чуть не сдѣлался ему ударъ; понесли его безъ чувствъ, приставили пьявки къ шеѣ и насилу спасли. Теперь онъ однакоже совсѣмъ здоровъ, только слабъ и не веселъ. Это, я думаю, отучитъ его нырять. Карнѣева дѣло кончено: онъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, и указъ подписанъ, слѣдовательно и секрета больше нѣтъ. Онъ надѣется, что министръ финансовъ не оставитъ его при разлукѣ безъ награжденія, которое нашъ Егоръ по всей справедливости заслужилъ, доставя много выгодъ казнѣ. Будутъ о немъ сожалѣть; не скоро найдутъ человѣка, который бы соединялъ свѣдѣнія, опытность и честнѣйшія правила.

Вчера я обѣдалъ у гр. Несельрода и видѣлъ пріѣхавшаго сюда Одесскаго градоначальника гр. Гурьева. Онъ, кажется, доволенъ этимъ мѣстомъ. Гр. Каподистрія также тамъ обѣдалъ и Дашковъ. Оба вечеромъ были у насъ.

Сегодня смотръ гвардіи около Стрѣльны, послѣ коего дворъ переѣдетъ сюда, и императрица Марія Θеодоровна поселится на Елагинскомъ острову. Князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ возвратился, живетъ на дачѣ Уварова.

Кончу пріятною вѣсточкою. Сей же часъ получилъ письмо отъ Воронцова изъ Чернигова: «Félicitez moi, je viens de rencontrer à quelques postes d'ici le courrier avec la nouvelle que Lise est accouchée avant-hier (le 18 Juillet) d'un garçon et que la mère et l'enfant se portent parfaitement». Стало, вмѣсто Амплея есть человѣкъ, который вѣроятно будетъ и добръ и честенъ.

*

*) Полетики. Это, вѣроятно, записки о пребываніи его въ Америкѣ. Автобіографія его помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года.

С.-Петербургъ, 29 Іюля 1822.

Сегодня обѣдаю у Каподистріи; прислалъ еще напомнить, какъ будто бы можно забыть обѣдъ у него! Онъ ѣдетъ послѣ Государя, кажется, въ Эмсъ; поручаетъ мнѣ дѣла свои по арендѣ; можетъ положиться на мое усердіе.

*

С.-Петербургъ, 1 Августа 1822.

Воронцова сынъ называется Александръ, какъ увидишь изъ записки Лонгинова.

Если бы Бахметеву занять прежнее мѣсто, то бъ онъ его занялъ: я увѣренъ, что не воротится болѣе въ Бессарабію. Неизвѣстно еще, Инзовъ*), которому дано мѣсто Ланжерона на время его отсутсвія (т. е. я думаю также навсегда) останется ли и намѣстникомъ въ Бессарабіи, или назначатъ другого. Поговариваютъ о Сабанеевѣ, но это только слухи. Кажется, по крайней мѣрѣ на время отсутствія Государя Инзовъ будетъ управлять и Бессарабіею. По крайней мѣрѣ это общее мнѣніе.

*

С.-Петербургъ, 2 Августа 1822.

На мѣсто Карнѣева бывшій директоръ Мануфактурнаго Департамента Серебряковъ, а на мѣсто сего послѣдняго Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, который остается также президентомъ Академіи Наукъ. Болгарскій по прошенію уволенъ отъ директорства Департамента Госуд. Имуществъ, коимъ будетъ покуда управлять Дубенскій. Болгарскій такъ принялся усердно, что ночи просиживалъ за дѣлами и совсѣмъ было ослѣпъ.

У насъ въ Почтовой церкви въ Воскресенье была свадьба М. Франц. генер. консула Мальреде съ дочерью Свистуновой. Весь дипломатическій корпусъ тамъ былъ.

*

С.-Петербургъ, 4 Августа 1822.

Главнымъ начальникомъ Манычара сдѣланъ принцъ Александръ Виртембергскій; не знаю, останется ли Бетанкуръ или нѣтъ, но вѣроятно нѣтъ. Шепингъ женится (флигель-адъютантъ) на Чертковой, сестрѣ того, что̀ адъютантомъ у кн. Волконскаго и дочери богача. Другая еще свадьба, которую вѣроятно не ожидаешь: Лебцельтернъ женится на дочери гр. Лаваля. Наконецъ Каподистрія сдерживаетъ свое слово и даетъ списать съ себя завтра портретъ для меня. Здѣсь есть нѣкто Соколовъ или Соколовскій, академикъ, который въ полтора часа кон-

*) Главная должность Инзова была начальство надъ колонистами Новороссійскаго края.

чаетъ портретъ и чрезвычайно похожій. Онъ писалъ всѣхъ Федровыхъ пріятелей, Матушевича и пр.; говорятъ, удивительно какъ похожи.

*

С.-Петербургъ, 5 Августа 1822.

Государь изволилъ выѣхать вчера утромъ и въ девять часовъ съ половиною проѣхалъ черезъ Гатчино. Дай Боже совершить путешествіе благополучно и скорѣе къ вамъ возвратиться. Лебцельтернъ точно женится, но еще не объявляетъ о семъ, пока не получитъ дозволеніе отъ своего императора.

О Дмитріевѣ всѣ слухи кончатся его къ вамъ возвращеніемъ. Москва точно не вѣритъ никогда, чтобъ человѣкъ ѣхалъ или по собственнымъ своимъ дѣламъ или посмотрѣть на своихъ друзей въ Петербургъ; всѣхъ подозрѣваютъ въ видахъ. О Марковѣ *) я какъ-то тоже слышалъ, что онъ проигралъ тысячъ 100, но это, кажется, пустые слухи. Онъ точно ѣдетъ въ деревню, какъ и самъ мнѣ сказывалъ, но еще въ Сентябрѣ, а по первому пути сюда возвратится, слѣдовательно тутъ высылки нѣтъ; да чего не врутъ на семъ свѣтѣ!

Вчера былъ у меня Ротшильдъ, маленькій человѣкъ и фигура неважная, но кажется добрый малый. Черезъ двѣ недѣли поѣдетъ полюбоваться Москвою. Онъ мнѣ привезъ письмо отъ Шредера. Куды богатъ! Я къ нему посылаю Беннера съ его живописною коллекціею; авось купитъ. Послалъ бы Мартынова, но боюсь его глупости. Новаго у насъ нѣтъ ничего, да теперь нечему и быть. Государь, какъ полагаютъ, будетъ въ Вѣнѣ къ 26-му Августу. Поццо вѣрно туда пріѣдетъ, а нашъ Шредеръ опять останется повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Были у Каподистріи, нельзя сегодня писаться: онъ долженъ былъ ѣхать откланяться къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ Понедѣльникъ еще обѣщался обѣдать у насъ на дачѣ, а въ Середу, я думаю, отправится. Безъ портрета я его не отпущу, а я уже и тебѣ сулилъ копію.

*

С.-Петербургъ, 8 Августа 1822.

Я самъ точно былъ увѣренъ, что Волковъ плутуетъ и что съ самаго начала его намѣреніе было побывать въ Парижѣ; впрочемъ чтó тутъ хитрить? Лучшаго онъ ничего не могъ бы придумать и для своего кармана, и для воспитанія дѣтей. Въ Лозаннѣ бы онъ раззорился, ибо въ маленькомъ городкѣ Русскому человѣку нельзя такъ спрятаться, какъ въ Парижѣ, гдѣ онъ можетъ жить скромно и весело. Ты говоришь, что онъ съ Шредеромъ сойдется, да мнѣ кажется

*) Престарѣломъ графѣ Аркадіи Ивановичѣ, коего біографія въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 года.

онъ съ нимъ знакомый. Въ мою болѣзнь они оба были въ Петербургѣ. Демидовъ глупо дѣлаетъ, что сына женитъ въ Парижѣ; будто нельзя ему здѣсь найти невѣсту? О сынѣ Ростопчина и говорить нечего, развѣ пожалѣть, что онъ кончилъ какъ блудный сынъ. Выиграй Воротынцы, а тамъ согласенъ и я, чтобъ ты повезъ Наташу въ Парижъ. У меня тоже есть кое-какіе проекты въ случаѣ выигрыша, но они не касаются до путешествія за границу: довольно пошатался. На всякій случай я взялъ четыре билета за 9 р. въ Шведскую лотерею, въ коей разыгрывается какое-то имѣньице, стоющее 9 т. талеровъ. Гдѣ-нибудь да выиграю. И подлинно чаще надобно печатать въ газетахъ о лотереѣ, хотя впрочемъ дѣла наши идутъ порядочно.

Сакена главная квартира будетъ здѣсь на время отсутствія Государя, такъ какъ гвардейскій корпусъ считается въ первой арміи. Его ожидаютъ, и домъ ему уже нанятъ. Панкратьевъ ѣдитъ сегодня въ Москву.

*

С.-Петербургъ, 9 Августа 1822.

Третьяго дня, какъ я тебѣ сказывалъ, обѣдалъ у насъ добрый Каподистрія, мой милый и любезный другъ. Я позвалъ обѣдать живописца, и послѣ обѣда охотно Каподистрія сѣлъ и далъ ему списать съ себя портретъ, который, хотя сдѣланъ скоро, въ полтора часа, но чрезвычайно похожъ. Живописецъ взялъ его, чтобъ отдѣлать. Для тебя будетъ копія. Въ девять часовъ графъ съ нами простился, но не сказалъ, когда ѣдетъ. Quand vous verrai-je?—Je ne puis pas vous le dire dans ce moment-ci, mon cher ami, mais soyez persuadé que vous êtes une des dernières personnes que je verrai à P. Bourg et que je quitte avec le plus de regret. На другое утро въ пять часовъ (т. е. вчерась) онъ отправился въ путь, и я узналъ о семъ только отъ Доболія, который у насъ обѣдалъ и привезъ отъ него поклонъ и порученіе сказать, что онъ прощаться не можетъ, но насъ сердечно любитъ и увѣренъ, что и мы его любимъ и не забудемъ. Онъ отправился черезъ Полангенъ. Вечеромъ пріѣхалъ Ремавъ, и мы съ нимъ пустились къ гр. Несельроду, поздравить его съ новорожденнымъ, т. е. я поздравилъ, а Ремавъ былъ при родахъ. Все обошлось какъ нельзя лучше, графиня и дитя здоровы. Графъ отправится вѣроятно послѣ завтра.

Вчера спускали корабль 84-хъ пушичный; я поспѣлъ еще, чтобъ видѣть прекрасное это зрѣлище, нанялъ шлюпку и катался по Невѣ. Корабль сошелъ величественно и прекрасно; на немъ гремѣла музыка и множество было народу, берега Невы наполнены зрителями, а рѣка шлюпками.

*

С.-Петербургъ, 12 Августа 1822.

Вчера у Блома, какъ обыкновенно, былъ обѣдъ преогромнѣйшій. Я сидѣлъ возлѣ Фредро и Ал. Гурьева. Первый увѣрялъ меня, что Марковъ проигралъ 600 т. и что въ 400 т. самъ признался и ѣдетъ, въ деревню, чтобъ устроить свои дѣла; хорошо еще, что объ этомъ думаетъ. Онъ отправляется 20-го Августа и прямо въ Подольскую губернію, не проѣзжая черезъ Москву. Тамъ обѣдалъ также Ротшильдъ, который мнѣ сказывалъ, что онъ покупаетъ у Беннера коллекцію живописныхъ портретовъ. Я очень радъ: Беннеру деньги нужны, да пора ему и со мною расплатиться.

*

С.-Петербургъ, 15 Августа 1822.

Зачѣмъ ты думаешь княгиня Софья Григорьевна присылала за мной? Долго совѣстилась сказать, наконецъ просила меня взять на себя во время ея отсутствія главное управленіе ея дѣлами. У нея есть управляющій, человѣкъ вѣрный; но она хотѣла, чтобъ онъ былъ подъ моимъ руководствомъ, чтобъ я взялъ довѣренность на продажу имѣнія, покупку другого, за плату долговъ и пр. пр., наговорила мнѣ много лестнаго, дружескаго. Ну какъ отказать внучкѣ князя Николая Васильевича, друга батюшкина? Не только я тотчасъ согласился, но еще радъ, что могу оказать ей услугу и конечно буду ей служить съ усердіемъ. Вотъ теперь я повѣренный двухъ особъ, ея и гр. Каподистріи.

Дай Боже вамъ веселиться и наслаждаться прекрасною деревенскою жизнію, которая всегда была однимъ изъ моихъ величайшихъ желаній. А вотъ какъ выиграемъ Воротынцы, такъ и это устроимъ. Сейчасъ былъ у меня Багреевъ; въ Середу т. е. завтра, его свадьба въ домовой церкви гр. Кочубея *). Просилъ пѣвчихъ. Послѣ проживетъ здѣсь съ мѣсяцъ и поѣдетъ через Москву въ свою губернію. Каковъ же Рушковскій! Прислалъ женѣ ананасы на имянины. Спасибо ему, что не забылъ ея имянинъ и вспомнилъ, какъ веселились въ Свирловѣ.

*

С.-Петербургъ, 18 Августа 1822.

Слушай, мой милый и любезный другъ, важное, ужасное и неожиданное извѣстіе, полученное съ вчерашнею почтою изъ Лондона отъ 13 Авг. нов. стиля. Весь городъ былъ тамъ въ движеніи отъ извѣстія, привезеннаго естафетою, о смерти маркиза Лондондери. Сперва сказали, что онъ умеръ отъ поднявшейся въ желудкѣ подагры, но

---

*) Багреевъ былъ родственникъ Кочубеевъ. Сперанскій насильно выдалъ за него единственную дочь свою, чтобы породниться съ знатью. Служившій при Сперанскомъ и бывшій у него домашнимъ человѣкомъ Г. С. Батенковъ (Декабристъ) разсказывалъ, что для этого Елисавету Михаиловну (влюбленную въ сына ея воспитательницы Вейкарта) отецъ запиралъ на хлѣбъ и на воду!

вскорѣ узнали, что онъ перочиннымъ ножичкомъ перерѣзалъ себѣ въ горлѣ пульсовую жилу. Съ нѣкотораго времени примѣтили въ немъ необыкновенную молчаливость и уныніе; особливо замѣтили сіе друзья его, когда онъ съ королемъ простился. Въ тотъ же день его домовой докторъ вечеромъ нашелъ его въ лихорадкѣ и съ большою головною болью. Ему пустили кровь (appliqué des ventouses). Получивъ облегченіе, маркизъ отправился въ тотъ же день съ женою своею въ загородный свой домъ. Докторъ его посѣтилъ на другой день, нашелъ его лучше, но не велѣлъ вставать съ постели. Въ Воскресенье сдѣлались признаки помѣшательства въ умѣ; удалили все, что могло испугать больного. На другой день въ семь часовъ утра одинъ изъ камердинеровъ пришелъ сказать доктору, что маркизъ желаетъ его видѣть. Докторъ тотчасъ пошелъ къ нему и нашелъ его стоящаго въ уборной своей въ халатѣ. Онъ сказалъ доктору нѣсколько словъ, но въ туже минуту упалъ мертвый въ его объятія, который тогда только замѣтилъ, что перочиннымъ ножичкомъ маркизъ перерѣзалъ себѣ пульсовую жилу. Онъ умеръ немедленно безъ всякихъ конвульсій и безъ страданія. Ножикъ принадлежалъ къ карманной книжкѣ, которую забыли прибрать. Вотъ подробности, заключающіяся въ Гамбургской газетѣ. Въ нихъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ уже простился съ королемъ, чтобъ ѣхать въ Вѣну, вмѣсто того предпринялъ дальнѣйшее путешествіе! Кого-то изберутъ на его мѣсто? Англійскія газеты назначаютъ уже ему нѣсколько преемниковъ, а именно: Каннинга, г-на Пиля, Стюарта, что посломъ въ Парижѣ, Гренвиля. Между тѣмъ любопытно знать, кого пошлютъ въ Вѣну. Кто бъ могъ этого ожидать? Онъ былъ человѣкъ очень хладнокровный, но правда и то, что въ безуміи себя убилъ. Для Англіи потеря превеликая, а особливо для короля и министерства. Лондондери былъ славный ораторъ, постоянно умно останавливавшій опозицію во всѣхъ ея приступахъ. Она восторжествуетъ, но не долго, если Каннинга сдѣлаютъ министромъ статсъ-секретаремъ для иностранныхъ дѣлъ.

Лондондери родился въ 1769-году. Онъ умеръ 11-го Августа. Онъ былъ ровесникъ Бонапарте и Велингтону. Берлинская газета даетъ еще больше подробностей (третья почта сейчасъ получена). Его физическія силы съ нѣкотораго времени уже чрезвычайно опустились; но сонъ, аппетитъ были хороши, такъ что никакихъ лѣкарствъ онъ не употреблялъ. Газета примѣчаетъ, что онъ хотѣлъ лишить себя жизни. Въ этомъ я съ нею совершенно согласенъ: иначе бы онъ не зарѣзался.

С.-Петербургъ, 23 Августа 1822.

Киселевъ мнѣ пишетъ, что онъ будетъ въ Москву въ Сентябрѣ въ концѣ и меня подзываетъ. Костакія*) хвалитъ, онъ отличается нравственнымъ и исправнымъ офицеромъ. Дай Богъ! Пишетъ: Инзова къ смерти приговорили новымъ его назначеніемъ, а Ланжерона согласіемъ на просьбу. Сообщаетъ извѣстія изъ Молдавіи и Валахіи. 18 Іюня былъ въ Яссахъ сильный пожаръ, весь почти городъ сгорѣлъ, едва ли пятая часть осталась. Время управленія князьямъ не опредѣляется, а зависѣть будетъ отъ ихъ поведенія; по смерти князя бояре собираются, или предоставляется избирать имъ сына его или другого бояра и представляютъ его въ Царьградъ съ просьбою о утвержденіи его. Грекамъ не только не велѣно давать никакихъ должностей, но и пристанища. C'est l'essence des nouvelles.

*

С.-Петербургъ, 1 Сентября 1822.

Третьяго дня возвратился поздно изъ Невскаго монастыря. Императрицы Маріи Ѳеодоровны тамъ не было: проведя ночь съ великою княгинею, она устала. Императрица Елисавета Алексѣевна была одна. Послѣ обѣдни изволила быть у митрополита на завтракѣ (на которомъ Тургеневъ сильно отличался), а потомъ поѣхать въ парадной каретѣ въ Таврическій дворецъ, гдѣ былъ обѣдъ. Новая парадная карета, которую иные цѣнятъ въ 80, а другіе въ 30 т., прекрасна, вся вызолоченная, внутри обита вышитымъ бархатомъ. Народу, какъ обыкновенно, было очень много и давка препорядочная; въ церкви даже чуть не задавили полковника, командующаго Семеновскимъ полкомъ. Съ трудомъ его вытащили изъ подъ ногъ. Дождь разогналъ часть любопытныхъ, но все еще много осталось до самаго отъѣзда Государыни.

Встрѣтилъ я тамъ Сакена. Онъ пробудетъ нѣсколько дней еще въ Таврическомъ дворцѣ, а тамъ переѣдетъ поближе къ намъ. Не знаю, Дибичъ пріѣхалъ ли; я его не видалъ. Выходя изъ церкви, были мы въ затрудненіи какъ пройти къ митрополиту, не для насъ самихъ, но для нашихъ мундировъ, ибо шелъ дождь. Мой Тургеневъ нашелъ человѣка съ плащемъ и зонтикомъ. Чей ты?—Такого-то.—Онъ, братецъ, прошелъ къ митрополиту; дай-ка намъ шинель и зонтикъ, подъ которыми мы и дошли сухо. Хозяинъ, я чаю, порядочно поругалъ дежурнаго камергера, коимъ онъ сказался. Послѣ завтрака опять дождь; какъ дойти до кареты? За воротами монастыря стояла и очень далеко.

*) Варлама, брата супруги К. Я. Булгакова, который вскорѣ за тѣмъ былъ убитъ на поединкѣ Н. В. Сушковымъ.

Мой и тутъ нашелся, видитъ придворную парадную пустую карету. Постой, отворяй, сѣли мы; а какъ доѣхали до воротъ—стой, спасибо, братцы, что довезли. Какъ бы то ни было, но мундиры наши спасены.

Вчера ѣздили мы все-таки съ Тургеневымъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ былъ молебенъ и поздравленіе императрицамъ и великому князю съ новорожденною[1]). Къ рукѣ не подходили. Императрицы только прошли мимо насъ и мнѣ очень милостиво поклонились. Тургеневъ обѣдалъ у меня, былъ очень веселъ при весьма хорошемъ аппетитѣ.

Коновницына будутъ хоронить въ его церкви, а гдѣ не знаю. Объ немъ всѣ генерально сожалѣютъ; между тѣмъ нѣсколько назначаютъ ему преемниковъ, кто Меллера, военнаго министра, кто Павла Вас. Кутузова. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ. Изъ Варшавы есть извѣстіе отъ Государя. Онъ изволилъ выѣхать, такъ какъ предполагалъ, 20-го. Вчерашнія газеты подтверждаютъ извѣстіе объ успѣхахъ Грековъ и о побѣдѣ, одержанной надъ Турецкимъ пашею; одна статья даже полагаетъ его въ числѣ плѣнныхъ пашей.

Наконецъ Воейковъ напечаталъ въ своемъ «Инвалидѣ» карту Ермакова похода, которую я ему давно далъ. Она очень любопытна. Свиньинъ у меня ее выманивалъ, и я бы ему охотно далъ, но было поздно: она была уже въ рукахъ у Воейкова.

Завтра у купечества большой пиръ, на который и я званъ. Въ три часа будетъ открытіе бюста Государя въ Биржевой залѣ, а потомъ обѣдъ въ домѣ Коммерческаго Общества. Говорятъ, всякій членъ положилъ по 50 р., и готовитъ Гурьевскій поваръ. Надобно ѣхать, хотя и боюсь потчиванія. Чтобъ позвать Тургенева!

*

С.-Петербургъ, 2 Сентября 1822.

Подписки о масонствѣ отъ меня также доставлены князю. У меня ихъ немного было въ Почтамтѣ, всего человѣкъ пять, и то не очень усердные. Вижу отсюда ажитаціи Ивана Александровича[2]). Феллеръ все его самого уговаривалъ идти въ масоны, но онъ никогда не хотѣлъ и слышать объ этомъ.

*

С.-Петербургъ, 5 Сентября 1822.

Въ Субботу былъ я въ Биржевой залѣ при открытіи бюста Государя. Я было пріѣхалъ туда во фракѣ, но, видя всѣхъ матадоровъ въ мундирахъ и лентахъ, тотчасъ поѣхалъ и переодѣвшись возвратился.

---

[1]) Великою княжною Ольгою Николаевной.

[2]) Рушковскаго, Московскаго почтдиректора.

Очень радъ, что не опоздалъ. Свиньинъ вѣрно дастъ подробное описаніе сего торжества; а я тебѣ скажу только, мой милый и любезный другъ, что бюстъ колоссальный, изъ бѣлаго мрамора, безподобный и большую честь дѣлаетъ Мартосу. Сколько ни видалъ я портретовъ и бюстовъ Государя, или не схожи или сходство непріятное; даже и славный портретъ, который въ Эрмитажѣ, имѣетъ нѣчто суроваго. Этотъ бюстъ, напротивъ, самымъ пріятнѣйшимъ образомъ похожъ. На головѣ лавровый вѣнокъ, а на пьедесталѣ, который изъ гранита, надпись бронзовыми литерами: «отъ благодарнаго купечества». Я нахожу, что поставленъ не на мѣстѣ; заклали дверь, сдѣлали грунтъ изъ фальшиваго мрамора и поставили монументъ, такъ что въ этой впадинѣ нельзя почти видѣть профиль, а задъ совсѣмъ не виденъ, хотя отдѣланъ также хорошо. Графъ Милорадовичъ мнѣ сказывалъ, что онъ не будетъ покоенъ, пока это не перемѣнятъ. Монументъ сталъ бездѣлицу, весь какъ онъ есть сталъ 39 т. При вскрытіи пѣли стихи, которые при семъ къ тебѣ препровождаю, закричали «ура», и видно, что всѣ были симъ довольны и тронуты. Послѣ того поѣхали въ Коммерческій клобъ, гдѣ былъ обѣдъ на 180 кувертовъ и, не смотря на это, прекрасный. Гремѣла музыка, пѣли пѣвчіе да еще и почтовые, пили здоровье и встали поздно изъ-за стола. Я радъ былъ, что добрался домой. Утромъ въ Субботу были препышные похороны Коновницына.

*

С.-Петербургъ, 9 Сентября 1822.

Горенки достались старшему сыну Разумовскаго*). Фишеръ былъ здѣсь и мнѣ сказывалъ, что Кочубей поручилъ ему торговать оранжерею для казны. Намѣреніе очень хорошее, все это перевезть и устроить въ Аптекарскомъ саду порядочное заведеніе подъ руководствомъ и управленіемъ Фишера. Онъ берется въ годъ перевезть. Увидимъ, сойдутся ли въ цѣнѣ, и весьма бы желательно было. Фишеръ восхищается этимъ проектомъ. Ему, кажется, позволено давать до 150 т. Садъ назовется уже не Аптекарскимъ, а Ботаническимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что Фишеръ сдѣлаетъ изъ него одинъ изъ первѣйшихъ въ Европѣ. Онъ уже дней съ десять какъ отправился въ Москву.

*

С.-Петербургъ, 12 Сентября 1822.

Въ девять часовъ надобно идти въ Департаментъ, куда князь сегодня въ послѣдній разъ будетъ: завтра онъ совсѣмъ переѣзжаетъ въ городъ, а въ Воскресенье начнутся опять обѣдни въ прекрасно возобновленной его церкви. Будемъ ѣздить Богу молиться. Ты Библію читалъ

---

*) Графу Петру Алексѣевичу († 1839).

въ Калабріи больной, а я въ Москвѣ и также нездоровый. Я нахожу твои разсужденія очень правильными. Анекдотъ о Еврейкѣ напечатанъ будетъ въ духовномъ журналѣ и стоитъ того, чтобы его сберечь.

*

С.-Петербургъ, 19 Сентября 1822.

Вчера пріѣхалъ курьеръ изъ Вѣны, отправленный 5-го Сентября. Онъ привезъ мнѣ нѣсколько писемъ. Гр. Несельродъ пишетъ мнѣ по-нѣмецки, штилемъ Кашперля, смѣшное письмо, которое по крайней мѣрѣ доказываетъ, что они тамъ веселы. *Фонтонъ*: «Nous sommes ici dans un brouhaha épouventable, entre les devoirs, les plaisirs et les occupations, c'est à ne plus se retrouver. Le jour de la fête de l'Empereur il y a eu un dîner de 80 couverts chez Golowkine; nous y avons tous étés in fiocchi». *Северинъ*: «Nous habitons avec Matoussevich le № 278 du Kolhmarkt, beau salon, chambres commodes, service de la cour, loge et gesperte sits aux théâtres, bref toutes les prévenances possibles nous sont accordées, prodiguées, répétées. Le congrès de Vérone est résolu. C'est vers la fin de ce mois qu'on quittera Vienne, bien entendu que Wellington arrive avant et qu'on ait eu le temps de traiter avec lui de ce dont on voudra traiter. Si je suis du voyage d'Italie, je verrai Polética. Woronzoff aura la visite de la grande cour; puisque l'Empereur, prenant la route du Tyrol, passera par Munich. Nous autres nous croyons que nous irons simplement par Klagenfurt. Koudriaffsky (Grégoire l'aîné) se met sous un couple de jours en route pour Vérone dans sa qualité de quartier-maître-général. Je vous quitte pour me faire arracher de dents; j'en ai fait sauter trois dans deux jours». *Закревскій* пишетъ: «Здѣсь живу въ большихъ хлопотахъ; кромѣ бумагъ, которыя долженъ съ княземъ читать, отправляю Грушиньку на зиму въ Италію по совѣту докторовъ. Можешь судить, сколько у меня заботъ, надобно достать денегъ и все устроить, доходу нынѣшній годъ почти не получу. Ѣду черезъ Кіевъ, гдѣ буду 25, 26, а 27-го выѣду. Къ вамъ буду 10-го Октября». Чернышовъ и Лебцельтернъ пишутъ свои портреты для невѣстъ. Волковъ будетъ въ отчаяніи, что не онъ свaталъ ихъ.

Получилъ я также по почтѣ письмо отъ добраго Каподистріи изъ Эмса отъ 3 (13) Сентября. «Vos postes vont si vite qu'on se croit dans le même pays. Mon voyage a été très heureux. Doboli doit vous en avoir parlé. A présent c'est vous qui lui dira que la solitude de ce pays et ses eaux me conviennent par excellence. Le bon Rehmann, à qui je rends compte en malade de tout ce qui me concerne, vous donnera plus de détails. Les gazettes rembrunissent le présent et l'avenir. Si elles ne

changent pas de couleur, je ne les lirai plus. Il n'y a pas de mauvais livre qui ne me fasse meilleure compagnie. Au demeurant Dieu est grand et puissant, et c'est à Sa puissance que je recommande les malheureux et les innocens. Faber avec son aide-de-camp Feller sont venus me voir, et je leur en sais un gré infini. Notre ami Anstett m'a fait passer trois jours bien agréables à Francfourt. Il me fait espérer une visite sur les bords du Rhin. On prétend que le vin de cette année sera de la première qualité. En voulez-vous une provision? Il sera fabriqué sous mes yeux. Mille choses de ma part à votre femme et à toute votre famille; n'oubliez pas surtout votre frère, sa femme et ma promise *) etc. P. S. J'ouvre ma lettre pour joindre une pour Catacasi. Elle renferme les nouvelles que mon frère a reçu d'Ancône. Vous apprendrez avec plaisir que le Journal de Francfort et autres semblables ne méritent aucune confiance». Я еще не знаю, чтó онъ пишетъ Катаказію, но признаюсь сумнѣваюсь, чтобы теперь газеты врали. Онѣ всѣ между собою согласны, чего прежде не было, и согласны съ партикулярными письмами, полученными изъ разныхъ мѣстъ. Увидимъ, чтò привезетъ будущая Одесская почта. Странно, что ни Северинъ, ни Фонтонъ ни слова мнѣ о Греческихъ дѣлахъ не пишутъ. Неужели не могли они въ Вѣнѣ узнать правды?

Я получилъ твои № 72 и 73 по возвращеніи изъ театра, гдѣ играли Озерова Поликсену. Хотѣлось видѣть Семенову старинную и Каратыгина, о коемъ столько слышу похвалъ. Семенова играла, какъ всегда, хорошо, съ большимъ чувствомъ; только мнѣ не нравится то, что они всегда будто ноютъ, и всѣ актеры и актрисы все говорятъ тѣмъ же тономъ или, лучше сказать, напѣвомъ. Каратыгинъ еще очень молодъ; фигура хороша, лице дурно и въ безпрестанныхъ гримасахъ, а голосъ, отъ напряженія, что ли или натурально, хриповатъ, такъ что многаго понять нельзя. Я бы его послалъ посмотрѣть на Тальму и Лафона, а то здѣсь онъ совсѣмъ испортится. Всякое его слово безъ всякаго разбора ужасно аплодируютъ, а онъ не все равно хорошо представляетъ. Брянской въ ролѣ Агамемнона имѣлъ прекрасныя минуты; видно, что знаетъ театры и имѣетъ чувство. Я провелъ вечеръ очень пріятно. Піеса прекрасная; много стиховъ, кои заслуживаютъ, чтобы ихъ удержать въ памяти.

*

С.-Петербургъ, 20 Сентября 1822.

Съ душевнымъ любопытствомъ читалъ я, милый и любезный другъ, все, чтò ты пишешь о батюшкиныхъ бумагахъ, въ которыхъ ты находишь новыя доказательства любви его къ намъ и добра, которое

*) Такъ звалъ Каподистрія одну изъ дочерей А. Я. Булгакова.

онъ всѣмъ старался дѣлать. Мысль напечатать его жизнь очень хороша, но есть ли у тебя или найдется ли вообще въ бумагахъ довольно матеріаловъ для сего? Такъ съ Богомъ! Всякой разъ, чтò объ немъ думаю, а это право случается очень часто, кончаю сожалѣніемъ, что Богъ не продлилъ ему вѣка. Какъ бы мы всѣ были благополучны, а Анна Петровна избавилась бы тяжкаго грѣха. Письма наши къ батюшкѣ къ тебѣ возвращаю, насладившись ими. Библіотеку я также очень помню; а пуговицы, если это бѣлыя съ звѣздочками стальными, то также помню. Памяти моей спасибо: она сберегла мнѣ многое, чтò еще въ Царьградѣ съ нами происходило, начиная отъ Буюкдере, послѣ когда мы жили у Гонфриса, путешествіе моремъ, карантинъ Тріестской и такъ далѣе. Куда давно этому!

Спасибо княгинѣ Куракиной[1]) за память и поздравленіе. Мнѣ сказывали, что здѣсь князь Иванъ Борисовичъ, возвратившійся изъ чужихъ краевъ. Я его не видѣлъ и не полагалъ даже въ живыхъ, не знаю почему. Князя Алексѣя Борисовича вчера встрѣтилъ на улицѣ; куда какъ онъ опустился!

Имѣлъ я очень длинный разговоръ съ графомъ[2]) о многомъ и между прочимъ о лотереѣ. Онъ совершенно со мною согласился, что надобно дѣло это кончить и просилъ меня написать планъ, сообразный съ тѣмъ, чтó мы тутъ положили. Какъ скоро найду свободную минуту, то этимъ займусь. Entre nous, вотъ онъ въ двухъ словахъ. Какъ скоро у меня будетъ въ Воспитательномъ домѣ 5 милліоновъ съ половиною (а это, надѣюсь, не позже какъ черезъ мѣсяцъ будетъ), то заплатить кредиторамъ половину долгу съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они согласились черезъ два мѣсяца взять всѣ билеты, которые не будутъ еще проданы. Эти два мѣсяца будемъ еще продавать. Комиссія и продастъ ежели не всѣ, то очень много; ибо публика, увидя, что уже располагаемъ сими деньгами, повѣритъ, что приближается срокъ къ розыгрышу. Тутъ же надобно назначить и день розыгрыша непремѣнно, чтó и можно будетъ сдѣлать, ибо въ комиссіи всѣ билеты будутъ сданы публикѣ или розданы кредиторамъ, однимъ словомъ, ихъ не будетъ болѣе. Съ того времени, какъ раздѣлятся между кредиторами деньги, вновь накопившіяся и остальные билеты имъ отдадутся, черезъ два мѣсяца непремѣнно назначить розыгрышъ. Между тѣмъ они могутъ продать остальные билеты сами или оставить за собой: это ихъ дѣло. Иной продаетъ дешевле 50 р., но все выручитъ деньги, и если получитъ не весь долгъ Головина, то безъ малой развѣ части, между тѣмъ, что

---

[1]) Это родная тетка Н. В. Булгаковой, ур. Нарышкина, оставленная мужемъ своимъ, кн. Степаномъ Борисовичемъ Куракинымъ, о братѣ коего говорится далѣе.

[2]) Графомъ Д. А. Гурьевымъ, министромъ финансовъ.

безъ лотереи бы онъ не имѣлъ и 20 процентовъ всего. Такъ могутъ быть довольны, и я увѣренъ даже, что ничего они не потеряютъ. Впрочемъ нельзя же намъ оставить публику, которая внесла уже милліоновъ пять въ комиссію, въ безызвѣстности, и по всей справедливости мы должны принять мѣры къ удовлетворенію ея, особливо же когда кредиторы уже почти спасены отъ совершеннаго разоренія. Когда придетъ назначенный въ объявленіяхъ срокъ, то тутъ уже всѣ наши переговоры съ кредиторами должны быть кончены, и день непремѣнно быть назначенъ, когда лотерею розыгрывать. Въ великій постъ и дни долѣе, и всякій какъ-то свободнѣе, такъ и назначить въ постъ розыгрышъ. Графъ совершенно со мною согласенъ. Я увѣренъ, что и прочіе не станутъ спорить. Какъ ты думаешь?

Ну, братъ, былъ я вчера у Ламздорфа. Онъ всѣ эти дни очень страдалъ. Я нашелъ у него доктора Миллера, возвратившагося изъ чужихъ краевъ, человѣка очень искуснаго. Вышедъ съ нимъ, я его распрашивалъ и съ душевною скорбію получилъ отъ него очень дурное извѣстіе. C'est un mal organique qui résiste à tous les remèdes et dont il ne peut pas guérir. Son coeur, à cause de ce défaut, reçoit trop peu de sang, et voilà pourquoi quelquefois il ne le sent presque pas battre. Aucune opération ne peut remédier à ce mal; car les parties qui entourent le coeur ont acquis un relâchement auquel il n'y a pas de remède. Il peut souffrir longtemps, mais il peut tout-à-coup finir, et il finira en causant, sans se douter qu' il était si près de la mort. Услыша это, меня покрыло холоднымъ потомъ. Любя душевно добраго, честнѣйшаго этого человѣка, несносно видѣть его въ такомъ положеніи, тогда какъ я полагалъ, что есть надежда, и что наконецъ, пробуя, доктора найдутъ средство ему помочь. Ламздорфъ мнѣ истинный другъ. Никто его не знаетъ такъ коротко какъ я, отъ котораго не имѣлъ онъ ничего скрытаго, и я питаю къ нему кромѣ дружбы необыкновенное уваженіе. Лишиться его будетъ очень для меня чувствительно. Рѣдко встрѣчается такая чистая, благородная, ангельская душа. Какой ударъ это будетъ для его почтенныхъ старыхъ родителей, думать о семъ не смѣю. Буду къ нему ходить какъ можно чаще, пока Богъ его намъ сохранитъ. Твердость духа у него чрезвычайная. Любя жизнь и имѣя столько причинъ любить ее, онъ о смерти говоритъ безъ страха и какъ истинный христіанинъ. Также переноситъ и боль, которая держитъ его годъ въ постели и причиняетъ ему ужасныя мученія. Когда онъ наиболѣе страдаетъ, то не пускаетъ къ себѣ никого, хотя и утѣшительно бы для него было видѣть людей, сестеръ, друзей, которые искреннее принимаютъ въ немъ участіе, именно чтобъ не причи-

нять имъ скорби. Уменъ, честенъ, добръ, я право не знаю въ немъ порока, развѣ назвать порокомъ живость его, въ которой тотчасъ раскаевается. У меня онъ съ ума не идетъ.

*

С.-Петербургъ, 23 Сентября 1822.

Видѣлъ я Дашкова, который получилъ извѣстія изъ Одессы, гдѣ получены оныя изъ Царьграда. Турки сами признаются въ нѣкоторой потерѣ, но разглашаютъ, что послѣ исправились и дѣло кончено; но такъ какъ не привезли изъ Мореи ни одной головы, ни пары ушей, то имъ нельзя вѣрить. Все что, мнѣ кажется, извлечь можно изъ этихъ разныхъ, одно другое уничтожающихъ, извѣстій, это то, что дѣло не кончено. Турки между тѣмъ въ большихъ хлопотахъ со стороны Персіянъ, которые, какъ мнѣ сказывалъ Дашковъ, сильно на нихъ напираютъ. Ужасное было землетрясеніе въ Сиріи: Алепъ, Антіохъ почти не существуетъ. Тысячи погибло людей (говорятъ, десятки тысячъ). Дашковъ мнѣ показывалъ фальшивую золотую монету, которую дѣлаетъ Порта, величиною съ зол. червонецъ, и альажу въ нихъ на четыре піастра болѣе нежели въ прежней, а и та никуда не годилась. Надобно ждать, не торопиться вѣрить; послѣдствія должны же показать наконецъ, чья возьметъ.—Вчера хоронили здѣсь старуху Рибасову [1]). Ей было 89 лѣтъ, а все еще была бодра, жива и одѣвалась, какъ щеголихи за 50 лѣтъ одѣвались. Деревень, говорятъ, не оставила, а домъ и деньги. Та часть, гдѣ живетъ Бломъ, досталась Горголію, а другая на Марсово поле князю Долгорукому [2]). Впрочемъ это два дома. Я радъ за добраго пріятеля Ивана Савича, котораго разстроенныя дѣла вовремя оберъ-полицмейстерства симъ поправятся.—Вчера была свадьба Шепинга въ домовой церкви Гурьева.

Вотъ тебѣ комиссія, или передай ее Фасту или другому кому нибудь аккуратному пану. Воронцовъ продаетъ имѣніе, о которомъ подробнѣе узнаешь изъ приложеннаго при семъ письма его и вѣдомости. Мнѣ нужно знать, чего можетъ стоить это имѣніе, какую можно будетъ пользу изъ него извлечь? Можно ли ихъ посадить на пашню? Каковы мужики? Однимъ словомъ, всѣ свѣдѣнія обыкновенно требуемыя и собираемыя при покупкѣ. О Фонъ-Цуръ-Миленѣ можешь узнать въ домѣ Воронцова, гр. Мих. Семеновича. Но сего не довольно; надобно кого нибудь свѣдующаго послать посмотрѣть имѣніе на мѣстѣ. Мнѣ очень нужно все сіе узнать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

---

[1]) Настасья Ивановна (до замужества Соколова), дочь И. И. Бецкаго.

[2]) Дѣду княгини Юрьевской. Дома эти нынѣ дворецъ принца Ольденбургскаго.

С.-Петербургъ, 26 Сентября 1822.

Какой графъ Толстой умеръ? Не тотъ ли, что́ все ѣздилъ въ театръ съ Юсуповымъ? Отъ Французовъ ускакалъ хоть верхомъ, а отъ смерти не уѣдешь! Вчера и третьяго дня былъ я у Ламсдорфа. Ему немного легче, то-есть меньше страдаетъ; но послѣ приговора Миллера все это ничего. Ременъ былъ у меня, съ нимъ Миллеръ совѣтовался, и онъ подтвердилъ, что дѣлать нечего. Ламсдорфъ мнѣ пересказывалъ слова Миллера: «Je vois qu'on peut vous parler franchement. Pour votre guérison il n'y a que deux choses à dire, *le probable* et *le possible*. Le dernier existe, le premier moins». Ламсдорфъ принялъ это какъ должно, безъ страха, и прибавилъ мнѣ: Vous voyez, mon cher ami, qu'il n'est pas probable que je guérisse, mais c'est encore possible; hé bien, je me contente de cela. Du reste il en sera ce que Dieu voudra.

Четвертаго дня его такъ схватило, что онъ думалъ, что уже пришелъ конецъ. Ужасно какъ все это меня огорчаетъ. Его отецъ и мать скоро будутъ. C'est, dit-il, la plus mauvaise nouvelle que j'aurais pû recevoir dans ce moment, car mes souffrances sont trop grandes, et de pareils témoins les rendront encore plus pénibles. Ужо опять къ нему зайду.

Канингъ по газетамъ точно будетъ министромъ. Я получилъ письмо отъ Ваншп. Онъ въ восхищенiи отъ Государя: будетъ въ Тегернзее въ Баварiю. Онъ поѣхалъ къ нему навстрѣчу въ Зальцбургъ. Государь вѣроятно выѣдетъ 29-го Сентября. Въ Вѣнѣ будутъ дожидаться Веллингтона до 25-го. Въ Верону будутъ также Неаполитанскій и Сардинскій короли.

Вчера на гуляньѣ, т. е. на Невскомъ проспектѣ, который очень наполняется, видѣли мы молодыхъ Шеппинговъ. Экипажъ, лошади, шаль славнѣйшiе, однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ.—Невскій проспектъ будетъ освѣщенъ газомъ, вездѣ копаютъ, проводятъ трубы; говорятъ, что это дѣлается акціями; но не знаю, какія у кампаніи условія съ правительствомъ.

*

С.-Петербургъ, 27 Сентября 1822.

Нессельродъ пишетъ ко мнѣ нѣсколько строкъ, а Северинъ длинное письмо отъ 9 (21) Сентября. Сообщаю тебѣ содержаніе онаго, мой милый и любезный другъ. «Zakrefsky est à la veille de partir et vous donnera de nos nouvelles. Nous nous bornons à attendre d'un côté Wellington, de l'autre lord Strangford. On nous donne quelquefois au théâtre de Carinthie des pièces de Rossini, que les Allemands estropient, mais que de bons archets et notre entousiasme accompagnent. Il faut

voir les trépignemens de c-te Nesselrode, les lunettes de Fonton que la joie fait retomber de haut en bas, et il n'y a pas jusqu'aux fausses oreilles de Matussewich et jusqu'à la cravate immobile de Kokoschkine, qui ne s'agitent et ne s'émeuvent en conséquence. Les Mercredis on se réunit le soir chez le c-te Metternich. Dimanche prochain Caraman donne un bal extraordinaire. Le congrés du Vérone sera fort nombreux. Tous nos ministres d'Italie, vieux et modernes, doivent s'y rendre. Mais le voyage de l'Italie n'aura pas lieu, je crois, et l'Empereur bornera ses courses aux environs de Vérone. Woronzoff sera des nôtres et il verra d'abord S. M. à Tegernsee. Je fais tout mon possible pour découvrir Polética. C'est du 31 au 1-r d'Octobre n. st. que Matoussevich, Fonton et moi nous comptons nous mettre en route. Le retour aura décidement bien au mois de Décembre». Теперь, стало, всѣ уже или на пути, или въ Веронѣ; тамъ наслушаются Итальянской оперы. Не понимаю, какъ онъ не можетъ до сихъ поръ открыть Полетику и какъ тотъ не далъ имъ знать о себѣ. Вѣроятно въ Веронѣ съѣдутся. Нашъ старый Италинской также явится. Северинъ не пишетъ, ѣдетъ ли Татищевъ. Я думаю, что поѣдетъ; а Головкинъ? Все это для насъ любопытно; чтобы хоть длинному Фонтону написать, а я отъ него и письма̀ не имѣю.

Поѣхалъ въ 10 часовъ къ гр. Гурьеву, игралъ съ нимъ, Кологривовымъ и гр. Ожаровскою въ вистъ, проигралъ 110 р., просидѣлъ долго и много, толковалъ о лотерейныхъ и Каподистріевыхъ дѣлахъ. За этимъ я и ѣздилъ. Ну, братъ, вотъ теперь бы тебѣ поиграть на его биліардѣ! Освѣщенъ какъ мой, шары большіе, кіи лучше; однимъ словомъ, достигъ всѣ степени совершенства. Я хвалилъ его. Графъ сказалъ, что лампы онъ у меня перенялъ и прибавилъ: Si vous trouvez le billiard maintenent si bien, je vous prie de l'écrire à m-r votre frère comme à un fameux joueur, что́ симъ и исполняю. Недѣли черезъ двѣ и Арсеній будетъ; станемъ у него играть. Жаль мнѣ, что его жена ѣдетъ въ Италію, а если съ отцомъ, то разстроятся его дѣла, такъ что не скоро и поправится. Тутъ воскреснетъ опять вкусъ къ Картинели, Ларраморамъ, Алебастрели [1]). Мнѣ кажется вообще, что всѣ эти вояжи дурной будутъ имѣть конецъ, и это мнѣ грустно. Добрый нашъ другъ заслуживаетъ лучшую участь.

*

С.-Петербургъ, 30 Сентября 1822.

Ну-съ, вотъ какъ дѣло было. Въ половинѣ перваго пріѣхалъ князь [2]). Мы, т. е. я съ помощникомъ, Жунковскій, Добровольскій и пр., дожидались его въ присутствіи, встрѣтили, и повелъ я его по экспедиціямъ,

---

[1]) Вѣроятно, такъ коверкалъ слова тесть Закревскаго.

[2]) Князь А. Н. Голицынъ.

представлялъ ему экспедитора и помощника, толковалъ ему гдѣ что̀ и какъ дѣлается, и такъ какъ всѣ въ то время занимались своимъ дѣломъ, то могъ онъ тутъ же и на опытѣ видѣть какъ что̀ дѣлается. Все это было для него совсѣмъ новое; иное удивило по огромности своей, другое забавило напр., какъ разбираютъ почты, читаютъ карты скоро и не останавливаясь, точно какъ дьячки, швыряютъ письма по ящикамъ. Эта исторія продолжалась болѣе часу; потомъ пошли смотрѣть госпиталь, а тамъ школу *). Тутъ показалъ я ему устройство всего дома, потомъ пошли въ классную залу, гдѣ отслужили молебенъ съ водосвятіемъ; тамъ первый учитель сказалъ коротенькую рѣчь, которую при семъ прилагаю, и началось ученіе въ первый еще разъ по Ланкастерской методѣ. Поуча немного, повели дѣтей въ столовую, и мы пошли. Хотя былъ день постный, надобно было видѣть, какъ они улизывали. Подали имъ щи, кашу и пирогъ. Съ голоду они такъ напустили, что двое тутъ же занемогли, и мы принуждены были унять ихъ стремленіе. Эти бѣдныя сироты были сперва хуже нищихъ; теперь, надѣюсь, будутъ изъ нихъ люди, и мы точно сдѣлали благое дѣло, которое Богъ благословитъ. Тургеневъ былъ съ нами, и у него обѣдомъ такъ разшевелили аппетитъ, что онъ не на шутку сталъ проситься обѣдать. Пошли домой, я показалъ князю еще нѣкоторыя экспедиціи, и потомъ насталъ желанный для Тургенева часъ: пошли водку пить, а тамъ и за трапезу. Насъ сидѣло 32 человѣка; ибо, угащивая князя, не могъ я не позвать своихъ экспедиторовъ и старшихъ чиновниковъ. Обѣдъ очень удался (кромѣ винъ и десерта стоилъ 250 р.) Всѣ, начиная отъ князя, были веселы, много шутили и не видали, какъ просидѣли два часа. Наконецъ встали, пошли въ голубую комнату гдѣ сѣли, пили кофе и очень долго еще болтали; потомъ князь уѣхалъ, жена сѣла въ бостонъ играть съ тремя кавалерами въ мундирахъ (надобно тебѣ сказать, что всѣ были, начиная съ князя и даже Тургеневъ, въ мундирахъ). Явился Бальшъ, я выигралъ у него семь партій, усталъ, чихалъ цѣлый вечеръ отъ насморка и легъ спать. Вотъ тебѣ, мой милый и любезный другъ, подробное донесеніе, какъ мы провели вчерашній день.

Князь былъ чрезвычайно всѣмъ доволенъ, хвалилъ, благодарилъ, сравнивалъ съ прошедшимъ временемъ и прибавилъ, что и внѣ Почтамта все такъ идетъ хорошо и исправно какъ въ Почтамтѣ. Чиновники мои въ восхищеніи были, что я ихъ пригласилъ и угостилъ порядочно. Тургеневъ наѣлся не хуже школьниковъ моихъ; однимъ словомъ, все было порядочно, безъ претензіи и хорошо. Дороговько немного обойдется, но что же дѣлать? Не всякой день угащиваемъ добраго

*) Существуетъ ли теперь эта школа?

начальника и товарищей. Московскую почту разобрали при князѣ, онъ видѣлъ всю процедуру и обращалъ на все много вниманія.

Вольфъ, братъ Фелеровой жены, прислалъ мнѣ переводъ свой Каменскаго книги о знаменитыхъ людяхъ царствованія Петра Великаго. Надобно его благодарить.

*

С.-Петербургъ. 3 Октября 1822.

Въ Субботу вечеромъ я былъ у графини Нессельродъ. Куда она еще какъ слаба! До девяти часовъ у нея посидѣлъ. Мужъ ей также пишетъ, что 30-го всѣ выѣзжаютъ изъ Вѣны. Говорили о нашихъ дипломатахъ. Штакельбергъ опять будетъ въ Неаполѣ министромъ, но Убри куда? Очень поговариваютъ, что Татищевъ будетъ посломъ въ Вѣнѣ, но Головкинъ куда? Паленъ куда? Кандидатовъ болѣе, нежели мѣстъ. Въ Воскресенье ѣздилъ къ князю на обѣдъ, благодарилъ его за посѣщеніе; тутъ былъ и Филаретъ. Князь ему очень хвалилъ все, что у насъ видѣлъ и вообще нынѣшнее устройство почтъ. Оттуда поѣхалъ я къ Багратіоновой, тамъ нашелъ жену, она уговорила княгиню ѣхать къ намъ обѣдать, и такъ цѣлый день провели дома. Мейеръ игралъ божественно Гуммеля концертъ, свои ноктурны и пр. Вечеромъ явился Бальшъ, бились въ билліардъ; я выигралъ у него четыре партіи pour changer. Pour changer также пришелъ правитель дѣлъ комиссіи Головинской и держалъ меня два часа.

Записка Жуковскаго.

Князь проситъ васъ, любезнѣйшій другъ, отправить къ Рушковскому письмо его къ брату. Пріобщаю тутъ же и Фотія. *Не нахвалится Почтамтомъ!..* Всею душею вашъ Ж. Вторникъ.

Извольте любоваться!

*

С.-Петербургъ, 4 Октября 1822.

Дѣла Каподистріи понемногу устроиваю и надѣюсь такъ устроить, что онъ будетъ доволенъ. Хотя бы этимъ отплатить ему за его дружбу и, могу сказать, милости. Многимъ я этому доброму человѣку обязанъ. Кн. Лопухинъ возвратился изъ деревни, гдѣ безпрестанно охотился и часовъ по 10 въ сутки ѣздилъ верхомъ съ собаками, а ему подъ восемьдесятъ лѣтъ. У насъ съ аукціона продаютъ картинную галлерею Корсакова; оцѣнены, говорятъ, очень дорого, такъ что одна въ 40 т. Кажется, на эту не будетъ покупателя, развѣ возмутъ въ Эрмитажъ. Есть вещи прекрасныя. Кабы время было, то бы поѣхалъ посмотрѣть.

*

С.-Петербургъ, 6 Октября 1822.

Мнѣ пишутъ. *Фонтонъ*: «Notre séjour ici tire à sa fin. Nous partons pour Vérone le 1 Oct. n. st. Matussechevich, Sévérine et moi et nous allons par Leybach et Gorice à Venise. Le c-te Nesselrode part après demain, le 30, avec le p-ce Metternich et le general Pozzo et Lebzeltern. Ils prennent le chemin du Tyrol. L'Empereur quitte Vienne le 2, et après avoir rendu visite au roi de Bavière à Tegernsee avec l'empereur d'Autriche, il se rend à Vérone par le Tyrol. Tout le monde s'y trouvera réuni vers le 15 Oct. n. st. J'aurai l'extrême satisfaction d'y voir le respectable Italinsky. Notre séjour à Vienne a été passablement ennuyeux par le manque absolu de société; c'est au point que l'on est réduit à faire une partie de whist entre hommes chez Obrescoff presque tous les soirs. Nous sommes très assidus au théâtre qui est très peu de chose etc».

Sévérine: «De Venise il se pourrait que nous faisions une course à Milan, avant de nous fixer à Vérone, où l'Emper. n'arrivera que le 4 (16) Oct. Golowkine s'est démi du poste de Vienne. Le successeur n'est pas encore nommé, quoique la voix publique le proclame». *Княгиня Софья Григорьевна:* «Non seulement je vous écris au moment du départ du feldjäger qui ne fait que passer par Vienne (il est envoyé de la route, l'Empereur est parti depuis deux jours), mais c'est aussi le jour de mon départ, et je vous écris, comme vous voyez, en toute hâte. Пишетъ о своихъ дѣлахъ и кончаетъ: «Wellington a reçu hier seulement la permission de sa cour de se rendre aussi à Vérone; vous serez le premier à avoir cette nouvelle qu'on ne pourra recevoir qu'à Salzbourg. Nous avons aussi lord Strangford de Constantinople».

Кажется, все выписалъ, что̀ можетъ тебя интересовать. Въ заключеніе посылаю тебѣ Ченерентолу, присланную Фонтономъ, за коею вслѣдъ будутъ доставлены и другія потребованныя тобою оперы. Прилагаю также объявленіе Деколлы, изъ котораго увидишь, что онъ послѣдовалъ моему совѣту и распространилъ свою контору. Отъ Закревскаго есть уже извѣстіе изъ Житомира; онъ слѣдуетъ своему маршруту и 10 будетъ сюда непремѣнно. Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что Татищевъ будетъ на мѣстѣ Головкина, но еще не назначенъ. Головкинъ между тѣмъ будетъ дожидаться ваканціи; не вижу, гдѣ бы она могла открыться. Голландская, говорятъ, уже обѣщана Убрію, ибо Стакельбергъ опять попрежнему въ Неаполь.

*

С.-Петербургъ, 7 Октября 1822.

Жаль, что батюшка сжегъ много бумагъ, но видно то, что̀ болѣе касалось до другихъ нежели до него самого. У тетушки, кажется, всѣ бумаги Василія Андреевича сгорѣли въ 12-мъ году въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ не разъ она мнѣ сказывала, что всего тутъ лишилась, на память же ея теперь уже нельзя надѣяться. Кстати о памяти. Василій Степановичъ Поповъ, какъ ты вѣрно знаешь, совсѣмъ ослѣпъ и теперь при смерти боленъ. У него тоже, что̀ было у старика Штакельберга. Онъ слышитъ, все понимаетъ, но отвѣчая не находитъ настоящихъ словъ, такъ что его никакъ понять нельзя, и онъ бѣдный это чувствуетъ. Напр., показываетъ знаками, чтобъ дали ему платокъ, а говоритъ о лошади. Какая странная болѣзнь! Сенаторъ Биллеръ третьяго дня мнѣ сказывалъ, что онъ очень плохъ. Вотъ еще однимъ Екатерининскимъ будетъ меньше.

Каподистрія не былъ въ Парижѣ, газеты соврали, но это съ ними часто случается. Я помню анекдотъ одного стараго Француза, который никогда не вѣрилъ газетамъ. Говорятъ ему, что видна комета. Кто вамъ сказывалъ? La gazette en parle. Hé bien, mon cher, n'en croyez rien et ne vous laissez pas prendre, c'est quelque spéculation de bourse pour faire hausser le change. О Греческихъ дѣлахъ газеты говорятъ (такъ вѣрить ли?), т. е. объ ихъ успѣхахъ на землѣ, а въ одной упоминается о побѣдѣ на морѣ. Авось когда-нибудь да узнаемъ правду.

*

С.-Петербургъ, 10 Октября 1822.

Въ Субботу, только что я подъѣзжаю къ квартирѣ Закревскаго, а онъ въѣзжаетъ на дворъ, такъ что я одинъ изъ первыхъ его тутъ обнялъ. Съ тѣхъ поръ я его всякій день видѣлъ, но не успѣлъ еще наговориться. Здоровье его очень поправилось, голова перестала болѣть, и вообще сталъ онъ гораздо поворотливѣе. Отправляясь изъ Вѣны, онъ выпросился у Государя на будущій годъ съѣздить въ Карлсбадъ, гдѣ съѣдется съ женою. Мальфати нашелъ, что въ ея болѣзни доктора ошибались и не такъ ее лѣчили, что ей нужны были Карлсбадскія, а не Эмскія воды. Онъ совѣтовалъ ей ѣхать на зиму въ Италію. Закревскій хотя и кряхтитъ, но дѣлать нечего. При худыхъ доходахъ и излишнихъ издержкахъ въ семъ году, надобно еще собирать да посылать туда денегъ. Графъ между тѣмъ покупаетъ всякій вздоръ, какъ сущій ребенокъ. Онъ остался съ Грушенькою*). Ты легко посудить можешь, какъ ему обрадовались всѣ его окружающіе: какъ въ Свѣтлое Воскресенье, всѣ обнимаются, поздравляютъ другъ друга. Ужъ

*) Т. е. съ своею дочерью, Закревскою. Говорится про отца ея, гр. Ѳ. А. Толстаго.

подлинно его любятъ. Да и вообще всѣ ему здѣсь обрадовались. Много разсказывалъ онъ о Вѣнѣ; увѣряетъ также, что Государь въ Декабрѣ возвратится; всѣхъ нашихъ оставилъ здоровыми, но не находитъ, чтобъ слишкомъ было весело тамъ, гдѣ мы въ старину столько веселились.

Не знаю, что̀ выйдетъ изъ моей школы, а между тѣмъ начало идетъ очень хорошо. Что-то Богъ дастъ далѣе. Я не въ претензіи, чтобъ вышли Румянцовъ или Суворовъ; хотя бы Волковы вышли, т. е. не коменданты, а сопровождающій (вѣрно) тебя славный почталіонъ.

Въ Воскресенье былъ я у гр. Кочубея и съ нимъ устроилъ все къ Четвергу. Собраніе будетъ у него, et nous coulerons à fond Головинскія дѣла. Куда бы я радъ былъ, если бъ все это кончилось: и своихъ дѣлъ много, а тутъ еще не безъ хлопотъ. Какъ сосѣду комиссіи, мнѣ болѣе всѣхъ достается. Какъ-то устроимъ важное это дѣло? Если не согласятся наши господа, то пойдетъ въ долгій ящикъ, и усердіе мое охладѣетъ. Пусть тогда продаются билеты понемногу и разыграютъ когда придется, но публика будетъ роптать.

Левашевъ*) здѣсь, пріѣхалъ полкъ сдавать и опять поѣдетъ въ Италію. Кавалерійскій полкъ сдать не бездѣлица, хотя этотъ и славился исправностію.

Вчера былъ я въ Русскомъ театрѣ на бенефисѣ, уговорилъ меня Столыпинъ. Играли двѣ новыя піесы Шаховского, довольно смѣшныя. Дюрова играла безподобно, изъ нея будетъ прекрасная актриса. Лицо прекрасное, много чувствительности, играетъ очень свободно. Кончилось въ одиннадцать часовъ, такъ что я, пріѣхавъ домой, не засталъ уже и Бальша. Вчера былъ у меня Ротшильдъ, прощался; онъ ѣдетъ завтра. Надобно заѣхать къ нему, да и къ Закревскому, а въ утро у меня лишняго времени нѣтъ.

*

С.-Петербургъ, 18 Октября 1822.

Закревскій боленъ, простудился, приставлялъ піявки къ деснамъ, которыя распухли и сидитъ дома. Я вчера долго у него былъ. Онъ при мнѣ получилъ письмо изъ Венеціи, отъ жены. Тесть доро̀гой нашелъ средство и тамъ купить три манускрипта. Хвалитъ, какъ все дешево. Дочь его удерживаетъ отъ покупокъ; хорошо, какъ бы и примѣръ ему показывала собою, но этому мудрено повѣрить.

*

---

*) Впослѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Онъ, въ царствованіе Александра I-го, командовалъ лейбъ-гусарами. „Въ конюшняхъ Левашова..".

С.-Петербургъ, 20 Октября 1822.

Вчера у меня былъ Любомирскій, что̀ женатъ на гр. Толстой. Онъ пріѣхалъ изъ Каменца и гдѣ-то по Бѣлорусскому тракту, на большой дорогѣ въ лѣсу наѣхалъ на казнь. Тамъ поймали разбойника съ шайкою и атамана, сѣкли кнутомъ на мѣстѣ преступленія, а товарищи его въ цѣпяхъ смотрѣли. Я точно слыхалъ, что гдѣ-то, кажется въ Псковской губерніи, шалили.

*

С.-Петербургъ, 27 Октября 1822.

Затормошили меня съ комиссіею, но дѣло идетъ порядочно. Всѣ кредиторы, съ коими предварительно мы говорили, согласны на ваше предложеніе, и многіе уже подписали, даже Юсуповъ и Вяземская согласны. Всѣ кто приходили вчера въ комиссію за процентами убѣждены были мною и тутъ же подписали. Подлинно, ничего для нихъ нельзя придумать выгоднѣйшаго. M-me Calame*), которая увѣряетъ, что ты ей жизнь спасъ передъ приходомъ Французовъ, давъ ей подорожную, также тамъ была, много говорила и подписала.

Вчера у меня обѣдалъ Броневскій. Онъ пріѣхалъ сюда сдавать кадетовъ на службу, сбирается литографировать сраженіе Сенявина при Св. горѣ Аѳонской и также хочетъ печатать прибавленіе къ своимъ Запискамъ. Обѣщалъ принесть новое свое сочиненіе, котораго я еще не читалъ. Скоро отправляется обратно въ Тулу.

*

С.-Петербургъ, 28 Октября 1822.

Фельдъегерь привезъ мнѣ нѣсколько писемъ, о содержаніи коихъ стану тебя увѣдомлять по порядку.

Полетика пишетъ, что пріѣхалъ 5 (17) Окт. въ Верону (курьеръ отъ 7 (19), обозрѣвъ Миланъ, Туринъ и Геную. Послѣ представленія Государю намѣренъ ѣхать во Флоренцію, пробыть тамъ шесть недѣль и отправиться потомъ въ Римъ. Онъ еще не видѣлъ гр. Несельрода и о себѣ ничего не можетъ сказать. Я увѣренъ, что онъ будетъ очень хорошо принятъ.

Северинъ. Онъ, Матушевичъ и Фонтонъ, выѣхавъ изъ Вѣны 1 Окт. нов. ст., осмотрѣли Венецію, Падову, Мантую, Кремону, Миланъ и провели время очень весело. Канова умеръ въ Венеціи. Северинъ прислалъ мнѣ медаль выбитую ему въ память, прекрасная. Vérone est peu de chose à côté des autres villes d'Italie. Le nombre des Rus-

*) Швейцарка, наставница дочерей графа А. К. Разумовскаго.

ses y est incalculable. Woronzow, comblé des bontés de S. M. à Tegernsee, va nous arriver dans quelques jours en triomphateur.

Фонтонъ описываетъ также свое путешествіе. Michaud est à Vérone. Il a pris de l'embonpoint. On attend bientôt l'excellent Italinsky. Le théâtre est assez grand, mais l'opéra pas des mieux montés. En revanche à Milan il est parfait. La musique de Mercadante est faite pour rivaliser avec celle de Rossini.

Отъ *Шредера* также получилъ письмо, черезъ Верону, отъ 16 (28) Сентября. «J'ai eu une fièvre qui ma fait garder le lit pendant 9 jours et j'ai dû retourner d'Aix-la-Chapelle sans avoir pris tous mes bains, parce que Pozzo avait reçu l'ordre de se rendre à Vienne et de m'installer comme ch. d'aff. — Que dites vous de la bravoure de Benjamin Constant, qui ne fait plus que se battre en duel? Boiteux et ne pouvant plus se tenir debout, il a été obligé de vider sa querelle assis et comme plusieurs balles ont été échangées sans blessure, les mauvais plaisans prétendent qu'il a eu deux chaises tuées sous lui. Ce petit persifflage est au reste le dernier de ses chagrins, car le parti libéral est exalté plus que jamais et depuis quelques mois les affaires se consolident en France d'une manière étonnante. M-r de Villet, qui est à la tête du gouvernemnet, profite avec une adresse étonnante des matériaux qui lui ont été legués par le duc de Richelieu. Il déploye une grande activité, il est sevère et juste, les conspirateurs ne sont plus absents, et cette longue impunité qui enfante toujours de nouveaux crimes, a trouvé enfin un terme.

Nous avons ici depuis 15 jours le bon Wolkoff. Sa femme a accouché avant-hier d'un fils. Logé au Faub.-St.-Germain, je le vois bien moins que je ne voudrais, surtout à présent que je suis obligé d'aller beaucoup dans le monde. Le p-ce Havansky (кн. Ник. Ник.), qui est arrivé aussi, paraît se déplaire à Paris et pense retourner pour l'hiver en Allemagne. Veuillez dire *mille choses amicables à votre excellent frère.*

*

С.-Петербургъ, 1 Ноября 1822.

Юшковъ разсказывалъ, какое празднество было въ Рябовѣ у Всеволожскаго. Три дня пировали по поводу, кажется, его имянинъ, и все это время безпрестанные были сюрпризы, и все превосходно. Обѣдало 120 человѣкъ, всѣмъ были комнаты и все нужное во всѣ три дня. Были спектакли Русскіе, Французскіе, оперы, балеты, фейерверки, ярмарки, картины, шарады, концерты, однимъ словомъ, такого праздника Юшковъ никогда и не видалъ. Сухозанетъ сказалъ намъ анекдотъ, дока-

зывающій, до какой степени можетъ простираться скупость. Женщина одна, имѣвшая сына, котораго очень любила, служившаго офицеромъ и женатаго, умираетъ, не оставя ему почти ничего. Девять мѣсяцевъ послѣ того, служанка просится на волю, ея не пускаютъ; но она обѣщаетъ, если отпустятъ, открыть важную тайну. Хотѣли отъ нея узнать ее, но она не соглашалась иначе. Воля обѣщана. Что̀ же она сказала сыну? Матушка ваша, чувствуя себя при смерти, призвала меня, взяла съ меня клятву, что исполню ея волю и никому о ней не скажу. Вотъ, говоритъ, въ чемъ моя воля: чтобы эту подушку положить въ гробъ мнѣ подъ голову. Такъ и сдѣлалось. Матушка ваша копила всегда деньги, я видѣла иногда, что она зашивала сама подушку; тамъ вѣрно деньги; иначе бы гдѣ имъ быть? Такъ вы попытайтесь. Сынъ точно удивлялся, что матерью такъ мало оставлено, пошелъ къ архіерею; долго эта исторія продолжалась, наконецъ архіерей согласился, вскрыли гробъ, вынули подушку и въ ней нашли 380 т. асигнаціями. Это было гдѣ-то въ губерніи, но гдѣ, я не вслушался. Какова скупость? Незабудь, что старуха любила сына, сокрушалась о немъ, но не могла, даже послѣ смерти, разстаться съ деньгами, между тѣмъ, какъ при ея жизни онъ все былъ въ нуждѣ, а она о семъ горевала*).

*

С.-Петербургъ, 7 Ноября 1822.

Северинъ мнѣ пишетъ: «Le respectable Italinsky s'entoure de préférence de notre jeunesse diplomatique. Léon Potozky et tant d'autres sont ici. Nous attendons m-me Svertschkoff. Son mari est faible. Le ciel d'Italie, s'il voulait lui donner de la confiance, finirait par le remettre, ou du moins il le soutiendrait encore longtemps. Partout ailleurs ses poumons n'iront pas». Полетика пишетъ изъ Венеціи, куда онъ поѣхалъ погулять, но долженъ былъ немедленно возвратиться: «Le c-te Nesselrode m'a parfaitement bien accueilli et m'a dit que l'Empereur était parfaitement bien disposé à mon égard. M'étant assûré que ma présentation à l'Empereur n'aurait pas bien de sitôt et après avoir obtenu la permission du c-te Nesselrode, j'ai quitté Vérone pour faire une visite à cette ville aquatique». Говоря о желаніи устроить свои дѣла, говоритъ онъ, что ежели будетъ имѣть съ своимъ тысячъ 20, то можетъ прожить и съ женою, si le sort m'en déstine une. Въ Неаполь не поѣдетъ и будетъ сюда ранѣе Іюня, какъ было прежде полагалъ, въ чемъ я и былъ увѣренъ. Тебя обнимаетъ.

*) Подобное было въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ наши дни. Дочь и зять умершаго скопидома, не находя ключа отъ его стальнаго сундука, послали уже за слѣсаремъ, какъ замѣтили, что у лежавшаго на столѣ покойника вздулась щека. Ключъ нашелся у него за десною!

Закревскій прислалъ ко мнѣ письмо, что Лабзинъ отставленъ, что онъ указъ о семъ посылаетъ въ Сенатъ.

Василій Ст. Поповъ скончался. Лабзина (между нами) велѣно выслать изъ Петербурга.

*

С.-Петербургъ, 8 Ноября 1822.

Вчера послѣ обѣда былъ у насъ Н. М. Карамзинъ, который очень долго сидѣлъ; все толковали о Грекахъ. Потомъ поѣхалъ я къ княгинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Голицыной[1]), которая писала ко мнѣ, что имѣетъ крайнюю до меня нужду. Нашелъ ее одну, посидѣлъ, кажется, немного, но какъ взглянулъ на часы, вышло одиннадцать часовъ, и я у нея пробылъ ровно три часа. Куда какъ она любезна! Не видѣлъ право, какъ прошло время.

Матушевичъ писалъ ко мнѣ предружеское письмо и прислалъ мнѣ славнѣйшій въ Европѣ эстампъ вновь вышедшій, гравированный съ Рафаэлевой картины Обрученіе Богородицы. Эстампъ былъ въ жестяной трубкѣ, которую привезли блиномъ; я думалъ уже, что эстампъ совершенно испорченъ, но онъ только измятъ. Славный нашъ граверъ Уткинъ былъ сегодня у меня, имъ восхищался и взялся поправить. Подлинно чудесный, и мнѣ кажется лучше Миллеровыхъ Іоанна и Богородицы.

С.-Петербургъ, 10 Ноября 1822.

Такъ какъ у Лабзина нѣтъ деревни, въ коей бы онъ могъ жить, то предоставлено гр. Кочубею назначить ему для пребыванія какой-нибудь уѣздный городъ[2]). Также высланъ изъ города отставной полковникъ Катенинъ.

*

С.-Петербургъ, 14 Ноября 1822.

Въ Субботу былъ славнѣйшій балъ у старухи Голицыной. Жена не поѣхала, а я явился и до втораго часа пробылъ, потому что въ Воскресенье можно и попозже встать. Я много болталъ съ графинею, съ Татищевою и пр. пр. Юлія Александровна все о мужѣ толковала. Сказала мнѣ подъ секретомъ (а я тебѣ на тѣхъ же условіяхъ передаю), что слышала, что мужъ ея не въ ладу съ Метернихомъ и что она это предвидѣла. Сначала, говоритъ, оба они поддѣлывались другъ къ другу, а какъ дошло до настоящаго дѣла, такъ Дм. Павл. не такой человѣкъ, чтобы могъ согласиться съ нимъ; ибо онъ только думаетъ о пользѣ и славѣ Россіи, а тотъ натурально думаетъ только о пользѣ и славѣ Австріи, а невозможно, чтобы эти пользы были согласны etc. Мужъ ей пишетъ, что Несельродъ часто съ нимъ говоритъ о посоль-

---

[1]) Знаменитая Княгиня Ночная.

[2]) Назначенъ бѣдный Волжскій Сенгилей, населенный старовѣрами.

ствѣ въ Вѣнѣ, а Государь ни слова; что они ожидаютъ нетерпѣливо рѣшенія своей участи pour savoir à quoi s'en tenir. Третьяго дня была свадьба Донауровой. Какъ идти къ вѣнцу, то получила она пакетъ отъ молодого графа Шереметева, въ коемъ нашла данную на 500 душъ. Je trouve que c'est très joli et que cela lui fait le plus grand honneur*).

Рушковскій пишетъ, что тебя ждетъ съ зимнемъ путемъ, а Голицынъ ожидаетъ къ Воскресенью; ты же, который лучше всѣхъ долженъ сіе знать, кажется, еще не собираешься; видно, хорошо въ Семердинѣ съ доброю женкою и съ милыми дѣтьми. Такъ какъ на Шредера нельзя надѣяться, чтобы онъ занялся своими интересами, то я уже нѣсколько разъ писалъ въ Верону, чтобы не забыли о нихъ. Надобно, чтобъ устроили теперь дѣло о пенсіи.

Также много я писалъ о Полетикѣ. О лѣтахъ нечего и говорить; и у меня глаза шалятъ, вечеромъ почитаешь, такъ и начнетъ все рябить и зеленѣть, а другого времени нѣтъ для чтенія, какъ ложась спать. Князь Сергѣй Ив. видно шутитъ или не знаетъ, каково заводиться въ Петербургѣ. Старыми Московскими мебелями не купить новыхъ здѣсь. По моему таки они пустое затѣваютъ переѣзжать сюда на житье съ большими дѣвушками: или сидѣть должны дома, или раззоряться на туалеты, а жениховъ врядъ сыщутъ ли; они тутъ рѣже еще чѣмъ въ Москвѣ. Я бы право на его мѣстѣ поселился въ какомъ нибудь уѣздномъ городѣ и жилъ бы спокойно, напримѣръ въ Кіевѣ, гдѣ дешево и общество порядочное. Послѣ завтра опять начнется мученье въ комиссіи, выдача денегъ, но за то послѣ будетъ хорошо, отдохну. Le mat de cocagne de Natalie est très vrai: Наполеонъ надолго все перекутермилъ. Говорятъ, папа умираетъ. Я думаю, Австрійцы будутъ стараться сдѣлать папою эрцгерцога - кардинала, если старикъ умретъ; но допустятъ ли ихъ завладѣть такимъ образомъ всею Италіею?

*

С.-Петербургъ, 17 Ноября 1822.

Третьяго дня умеръ почтенный дюкъ Серракапріола, о коемъ всѣ генерально сожалѣютъ. Кто говоритъ, что онъ повредилъ себѣ желудокъ, а кто, что подагра поднялась, и это кажется вѣроятнѣе. Въ Воскресенье я видѣлъ еще его сына и племянниковъ въ концертѣ, слѣдовательно онъ не былъ еще серіозно боленъ. Добрый былъ старикъ, любилъ Россію и Русскихъ и ими былъ любимъ. Онъ еще не очень былъ старъ, 73 года ему только что минуло. Кто-то будетъ

*) Михаилъ Ивановичъ Донауровъ былъ одинъ изъ опекуновъ графа Дмитрія Николаевича Шереметева.

на его мѣстѣ, я чаю сынъ его. Другая новость непріятная, о коей заговорили съ вчерашняго дня, это о Ланской, урожденной Вилламовой, что *будто* она объявила себя несостоятельною. У бѣднаго Негри, котораго ты у меня видѣлъ, тутъ 40 т., весь его капиталъ. У Балашова, говорятъ, 700 или 800 т. Негри вчера былъ у меня и очень смущенъ. Онъ тоже слышалъ это, а мнѣ сказала m-elle Calame (тобою облагодѣтельствованная, спасеная, но не признаваемая). Вчера болѣе нежели на милліонъ выдалъ я денегъ и кругомъ около семидесяти человѣкъ удовлетворилъ. Съ дамами особливо хлопотливо: много говорятъ, долго считаютъ, ошибаются etc. etc. etc.

Сейчасъ получилъ я письмо отъ добраго Каподистріи отъ 30 Окт. (11) Ноября, изъ Франкфурта. J'ai quitté avec regret le Rheinigau, mon village, la cure de raisin et ce qui plus est ma douce solitude. Ma santé a gagné beaucoup, mais je doute qu'elle puisse en faire autant de la manière de vie de Francfort. Cette ville a ses salons, sa diplomatie, ses dìners, ses convenances et toutes les séductions qui s'en suivent. Aussi je vais m'en débarrasser dès demain. Je pars donc pour la Suisse. Je fairai mon voyage à petites journées pour pouvoir marcher 4 и 5 heures par jour. C'est à Genêve où je m'arrêterai, et puis il en sera ce que le bon Dieu voudra, et ce sera très bien. Потомъ говоритъ о своихъ дѣлахъ. M. Gonthard nous apporte de Vérone (la date du 21 Oct. (2 Nov). Mes anciens aides-de-camp Matouschevsky, Sévérine, Fonton, Muller et tutti quanti me témoignent toujours la même amitié, et j'en suis très touché. Le vieux Polética m'a aussi écrit une bonne lettre. Je vais répondre à tous, en me bornant à leur parler de mes voyages, comme à leur tour ils ne me parlent que des leurs, et je leur en sais un grés infini.

Votre ou pour mieux dire notre petite provision de vin de Rhein est faite, mais elle attendra pour vous arriver la nouvelle navigation, ce qui vous dit dans d'autres termes, que je ne renonce pas au plaisir de boire ce vin avec vous à Pétroffsky. Milles choses à votre femme, et je vous prie en écrivant à votre frère et à la sienne de leur dire que je prétends toujours occuper ma bonne place dans leur souvenir.

*

С.-Петербургъ, 18 Ноября 1822.

Не менѣе оттепели скучна мнѣ Головинская комиссія. Вчера до половины пятаго тамъ сидѣлъ; пришлось бы послѣ обѣда опять ѣхать, но къ счастію всѣ принятыя изъ Опекунскаго Совѣта деньги вышли, и сегодня только привезутъ еще полтора милліона, ce qui veut dire en d'autres termes, что сегодня мнѣ опять придется тамъ бесѣдовать съ кредиторами. Вчера одному Калерджію отвалилъ до 900 т. рублей.

С.-Петербургъ, 21 Ноября 1822.

Третьяго дня возилъ я жену къ обѣднѣ къ князю. Она говоритъ, что никогда такъ усердно не молилась. Князь просилъ ее и впредъ ѣздить, когда угодно и дастъ ей знать когда у него архіерей или архимандритъ Поликарпъ будетъ говорить проповѣдь.

Изъ Вероны пріѣхалъ курьеръ. Мои письма отъ Полетики и Северина отъ 29 Окт. (10) Ноября. Первый пишетъ, что представлялся Государю. «J'ai eu mon audience. S. M. m'a reçu de la manière la plus gracieuse et a daigné s'entretenir avec moi pendant un gros quart d'heure. Mais il n'y a rien de décidé encore touchant mes affaires. Si on réussit à m'obtenir ce que l'on *m'a promis*, je serai l'homme du monde le plus satisfait; mais je n'ose me livrer à cette espérance etc.» А это вотъ что такое, но должно остаться между нами. Мысль моя, и ей обѣщали послѣдовать: сдѣлать нашего Американца сенаторомъ (жалованья 4000) и съ сохраненіемъ 10 т. изъ Коллегіи, гдѣ онъ и будетъ считаться. Къ его доходишку 14 т. прибавки; можно будетъ жить порядочно. Я увѣренъ, что Государь не откажетъ, но совершенно доволенъ буду тогда только, когда узнаю, что дѣло сдѣлано. Французскій король подарилъ Полетикѣ un exemplaire du magnifique ouvrage sur l'Égypte de Denon.

Вчера былъ я на похоронахъ у дюка Серакапріолы вмѣстѣ со всѣмъ городомъ, всѣ иностранные и наши министры, всѣ генералы, дамы, однимъ словомъ, пересчитать можно тѣхъ, кои не были. Обѣдню служилъ и отпѣвалъ Сестренцевичъ; но всѣ подробности вѣрно будутъ въ Консерватёрѣ, а я скажу только тебѣ, что не видѣлъ я ни одного человѣка, который бы не сожалѣлъ о покойникѣ. Я ѣздилъ съ Тургеневымъ, и вмѣстѣ сидѣли. Считая министровъ иностранныхъ, онъ очень серіозно мнѣ говоритъ: нѣтъ только Французскаго, Австрійскаго и Неаполитанскаго, да бишь этотъ здѣсь. Онъ очень смѣшонъ съ своими дистракціями. Утромъ я уже не ѣздилъ въ комиссію, за то послѣ обѣда пробылъ тамъ до десяти часовъ. Немного денегъ осталось. Послѣ похоронъ ѣздили къ Добровольскому; онъ на ногахъ, но еще слабъ. Ламздорфъ все также лежитъ. Закревскаго не нашелъ дома, чему очень былъ радъ, а Фонтонша спала. Сегодня хоронятъ Сухопрудскаго, честнаго, прекраснаго человѣка. Онъ былъ правителемъ дѣлъ въ Комитетѣ Министровъ и еще молодъ. Кто-то попадетъ на его мѣсто? Желательно чтобы подобный ему. Тургеневу покойникъ былъ пріятель.

*

С.-Петербургъ, 22 Ноября 1822.

Глинка мнѣ прислалъ, вмѣстѣ съ билетомъ на дѣтской журналъ на будущій годъ, въ подарокъ письмо оригинальное князя Потемкина къ батюшкѣ. Гдѣ онъ все это выкапываетъ? Посылаю его при семъ для прочтенія и храненія.

*

С.-Петербургъ, 25 Ноября 1822.

Чего Москва не выдумаетъ? Князя на мѣсто Италинскаго! Вотъ я его посмѣшу завтра новымъ назначеніемъ. Съ Лабзинымъ онъ никогда пріятелемъ не былъ и недавно еще много мнѣ говорилъ о его странностяхъ, дѣлалъ ему добро, потому что расположенъ всѣмъ дѣлать добро. Ошибается Москва въ добромъ князѣ.

*

С.-Петербургъ, 28 Ноября 1822.

Курьеръ изъ Вероны отъ 9 (21-го). Вотъ кто и что пишутъ.

Северинъ. Veluti et Crivelli rivalisent dans des duos magnifiques d'un ennyeux opéra de Morlaqui, intitulé Tébaldo. Ce soir on nous promet l'Inganno Felice où la fameuse basse de Gulli va brillamment retentir. Des illuminations se préparent à l'avenue antique. Demain la députation Croate, le c-te Guilay-Bano à la tête, haranguera l'Empereur, et S. M. répondra par un discours. Pozzo est à la veille de retourner à Paris. Italinsky part demain pour Rome. L'estimable vieillard a décidé d'être aidé dans ses affaires pécuniares. S. M. lui a accordé une somme équivalente à une année de traitement. Puis, à sa recommandation, Svertschkoff a été nommé conseiller d'état et chargé d'aff. à la cour de Luques. Thorwaldzen (le fameux sculpteur) chevalier de S-t Vladimir de la 4-me classe. Des boîtes, des bagues et des ducats ont été distribués parmis quelques fonctionnaires Romains et quelques employés subalternes de la jurisdiction de cette mission. Il reste encore une infinité d'autres représentations ministérielles à honorer, à examiner, à modifier. En attendant il est plus que jamais question de partir en Décembre et de fêter le nouvel an avec les dieux-pénates.

Michaud. Здоровъ, насъ любитъ и надѣется скоро возвратиться.

Фонтонъ. Italinsky me charge de vous dire milles choses aussi qu'à votre frère. Il vous porte un véritable attachement. L'Empereur a accueilli ce bon vieillard avec grande distinction, il lui a accordé une année d'appointement en gratification, l'a fait venir plusieurs fois chez lui, l'a invité à dîner etc. etc. de sorte qu'il part très content. (Повторяю объ Италинскомъ, зная, что тебѣ это будетъ пріятно).

Полетика. Je vous ai mis au fait des espérances qu'on m'a donné ici. Jusqu'à présent elles n'ont pu se réaliser, et je suis toujours in

statu quo. On me promet de terminer avec moi dans dix ou douze jours. Dieu le veille, car je dois vous avouer que, n'ayant rien à faire ici, je commence à m'ennuyer. Mais je suis déterminé à ne point quitter Vérone avant d'avoir appris mon sort futur et à cet égard je suis plein d'espérances. Adressez moi vos lettres à Florence pendant 6 semaines et ensuite à Rome. (Пора бы, сударь, домой!)

Обресковъ изъ Вѣны. Nous attendons le retour de nos diplomates. On nous le promet pour la mi-Décembre n. st. J'ignore quel sera mon chef futur. On ne parle plus que de Lieven et Tatischeff, désigné jusqu'ici par l'opinion pour remplacer Golowkine avec le titre d'ambassadeur. Si le premier est préféré, j'en serai affligé.

*

С.-Петербургъ, 1 Декабря 1822.

Вчера мнѣ разсказывали анекдотъ и увѣряютъ, что дѣло у графа Кочубея. Два помѣщика, бывшіе пріятелями и ближними сосѣдями, разсорились и сдѣлались величайшими непріятелями, такъ что все искали другъ другу вредить доносами и всѣми возможными средствами. У одного умеръ скоропостижно человѣкъ. Черезъ людей натурально дошло до сосѣда. Умеръ Васька (онъ же всѣхъ людей зналъ) и скоропостижно, да отъ чего?—Точно умеръ вчера, а сегодня похоронили.—Дай-ка донесу на сосѣда, что онъ его засѣкъ и, не давъ знать исправнику о скоропостижной смерти, похоронимъ его; все это кстати. —Но если земская полиція выроетъ покойника и не найдетъ никакихъ признаковъ или боевыхъ знаковъ?—И этому помочь можно! Подалъ доносъ въ судъ и самъ ночью, собравъ нѣсколько человѣкъ, вырылъ мертвеца, и ну его пороть розгами, чтобъ доказать послѣ, что его точно засѣкли. Мертвецу, который былъ только въ обморокѣ, показалось это больно, вскочилъ, узналъ сосѣда. Да за что вы меня сѣчете? Всѣ разбѣжались, и онъ пустился благимъ матомъ домой. Тамъ также всѣ перепугались. Откуда ты взялся?—Да за что меня сѣкли?—Какъ сѣкли? Кто?—Сосѣдъ, а мы тебя похоронили. Наконецъ все объяснилось, и теперь баринъ воскресшаго подалъ въ судъ жалобу и донесъ, что сосѣдъ его вырылъ мертвеца и сѣкъ его. Тотъ долженъ былъ признаться. Увѣряютъ, что дѣло прислано къ графу Кочубею. Въ Понедѣльникъ спрошу его.

*

С.-Петербургъ, 2 Декабря 1822.

Третьяго дня ѣздили мы съ женою къ marchande de modes заказывать ей платье къ балу Кочубея. Разговорились о нарядахъ, послѣ о богатствѣ, а тамъ о нищенствѣ. Утромъ получилъ я письмо отъ одной поручицы, которая описываетъ мнѣ жалкое свое положеніе. Такъ

какъ часто обманываютъ, я всегда посылаю чиновника развѣдать и удостовѣриться, точно ли проситель заслуживаетъ помощи et je me règle en conséquences. Онъ точно подтвердилъ ея нищету. Я хотѣлъ самъ ее видѣть и показать женѣ, что̀ такое бѣдность, о коей она не имѣетъ понятія. Прямо изъ лавки предложилъ я ей завезти меня въ Коломну, гдѣ есть дѣло. Доро́гой сказалъ ей, что хочу видѣть бѣдную женщину, которая ко мнѣ писала. Она попросилась со мною; этого-то я и хотѣлъ. Сколько я ни привыкъ къ подобнымъ зрѣлищамъ, но сильно былъ пораженъ тѣмъ, что̀ видѣлъ и слышалъ; каково же ей было? Входимъ во второй этажъ по вонючей лѣстницѣ, въ вонючую комнату, гдѣ перегородка кое изъ какихъ досокъ, гдѣ зимою вода мерзнетъ, мебелей два изломанные стула, кровать, на ней сѣно, и сидитъ женщина брюхатая, на рукахъ ребенокъ, а двое возлѣ нея, старшему сыну 4 года. Дѣти оборваны, но все на нихъ видна нѣкоторая опрятность; мать въ самомъ легкомъ платьѣ, женщина высокая, лѣтъ 25-ти, не дурна собою, приняла насъ безъ удивленія. Вы, сударыня, ко мнѣ писали въ Почтамтъ.—Я, сударь. Изъ выговора видно, что она Нѣмка. Крайность меня довела до сего. Я у васъ была однажды, вы мнѣ дали 50 р., вы видите мое положеніе.—Вашъ мужъ подъ судомъ? За что? Вотъ ея исторія. Мужъ ея былъ главнымъ комиссіонеромъ корпуса, женился на ней въ Пруссіи, попалъ подъ судъ и семь лѣтъ сидитъ на гауптвахтѣ. Она, услыша о его несчастіи, все бросила и пріѣхала въ Россію или, лучше сказать, пришла, потеряла въ первый годъ трехъ дѣтей отъ голода и холода. Все, что̀ имѣли, у нихъ было прежде секвестровано, и она вотъ уже пять лѣтъ какъ должна содержать мужа на гауптвахтѣ и дѣтей своею работою. Гдѣ нищета, тамъ и болѣзни. Мужа ея иногда съ гауптвахты отпускаютъ домой. Служанки нѣтъ, квартиру даютъ изъ милости безъ денегъ, но какая квартира! Должна родить. Что̀ со мною будетъ, что̀ будетъ съ несчастными дѣтьми! Все это однакоже она говорила съ такимъ благороднымъ видомъ, что болѣе еще насъ тронула. Вы иностранка?—Изъ Пруссіи, гдѣ у меня старуха-мать; вотъ болѣе года не имѣетъ она отъ меня писемъ, а меня такъ любитъ.—Зачѣмъ не пишете къ ней?—Какъ я могу заплатить пять рублей за письмо: у меня иногда хлѣба нѣтъ для дѣтей.—Напишите завтра письмо, я за нимъ пришлю и берусь его доставить. Она остолбенѣла, и въ три ручья слезы (до тѣхъ поръ ни слезинки не было). Богъ вамъ заплатитъ. Я уже думала, что для меня нѣтъ утѣшенія на свѣтѣ. Сегодня же напишу письмо.—Я вамъ пришлю бумаги.—Нѣтъ я куплю (показывая 50 р., которые ей жена дала): теперь у меня есть чѣмъ. Жена спросила, что̀ ей нужно. Мнѣ ничего, но дайте что-нибудь бѣднымъ дѣткамъ; у насъ такъ холодно,

что я согрѣть ихъ иногда не могу. Видя, что жену это слишкомъ трогало, сказалъ я ей, что пора ѣхать. Я обѣщалъ бѣдной женщинѣ похлопотать о ея мужѣ. Она увѣрена, что онъ не такъ виноватъ; впрочемъ, говоритъ, можетъ быть я не такъ сужу; я не могу повѣрить, чтобы вина его была умышленна. Когда мы пошли, она насъ проводила до двери, безъ всякихъ комплиментовъ, и затворила ее за нами. Дѣти прекрасныя. Бѣдныя, такъ для нихъ странно было видѣть людей, порядочно одѣтыми; выпуча глаза, на насъ смотрѣли, но не дики и отвѣчали мнѣ тотчасъ.

Въ каретѣ ну моя жена плакать. Послѣ этого можно ли думать о балахъ, о нарядахъ? Мы тратимъ сотни рублей, а бѣднымъ есть нечего. Можно, но надобно и бѣдныхъ не забывать. У насъ обѣдалъ Тургеневъ. За столомъ только и говорили о сей несчастной, всѣ были тронуты. Рѣшилъ Тургеневъ, что поѣдетъ къ ней послѣ обѣда и повезетъ самъ то что̀ ей пошлемъ. Послѣ обѣда ну складчину дѣлать. Жена платья, Оленька теплый капотъ для матери, дѣти натаскали игрушекъ дѣтямъ, принесли свои башмаки, теплыя платья, старыя шапки. Ты спросишь, да что же тутъ Сашка? Будто играя, влѣзъ ко мнѣ на колѣни и тихонько на ухо: Папенька, у меня есть деньги; могу я имъ послать? Разумѣется! Побѣжалъ, потащилъ няню, принесъ свою казну и подошелъ къ Тургеневу, ничего не говоря, тихонько, положилъ ему въ руку и скрылся. Ну, право, всѣхъ насъ тронулъ до слезъ. Костя послалъ изюмъ, который ему мать прислала, Соня игрушки. Однимъ словомъ, навьючили Тургенева. Оттуда онъ возвратился къ намъ и привезъ благословенія несчастной матери. Всѣмъ было легко на душѣ послѣ добраго дѣла. Теперь станемъ хлопотать о мужѣ и пособлять женѣ. Я велѣлъ поискать квартиру теплѣе; найму ей женщину, которая бы за ней ходила и, переведя на новую квартиру, сдѣлаю сюрпризъ женѣ, повезу ее къ ней. Наши богачи и не знаютъ, что есть столь несчастные люди на свѣтѣ.

*

С.-Петербургъ, 5 Декабря 1822.

Вчера вдругъ явился ко мнѣ Дмитрій Каменскій. Пріѣхалъ, кажется, искать мѣста. Съ Репнинымъ разстался, не видя для себя никакого прока отъ его обѣщаній. Просилъ меня поговорить о немъ Кочубею, что̀ я вчера и исполнилъ. Графъ о немъ очень хорошаго мнѣнія по рекомендаціи Репнина и обѣщалъ, если Несельродъ не произведетъ его въ ст. сов. въ Веронѣ, то самъ сіе сдѣлаетъ по возвращеніи Государя; ибо Государь согласился на производство Каменскаго и велѣлъ передать дѣло Несельроду, потому что Каменскій считается въ Иностранной Коллегіи.

*

С.-Петербургъ, 6 Декабря 1822.

Сюда пріѣхали двое изъ Московскихъ ямщиковъ, коимъ выпросилъ я, три года тому назадъ, кафтаны; тотчасъ явились ко мнѣ и рады были меня видѣть. Въ Воскресенье представлялъ я ихъ князю, который пригласилъ ихъ къ себѣ къ обѣднѣ и очень обласкалъ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ они никогда Петербурга не забыли, а потому просилъ князя устроить, чтобъ они могли представиться императрицамъ. Изъ записки его, при семъ прилагаемой, увидишь, что и это сбылось. Ну ужъ въ какомъ они были восхищеніи! Я послалъ ихъ теперь во дворецъ съ моимъ почталіономъ и велѣлъ послѣ зайти къ себѣ.

*

С.-Петербургъ, 8 Декабря 1822.

Ямщики наши въ восхищеніи отъ милостиваго пріема обѣихъ императрицъ, которыя долго изволили съ ними разговаривать, разспрашивали о Москвѣ, о ихъ семействахъ и пр. Императрица Марія Ѳеодоровна сказала ямщикамъ, что она надѣется, что Государь теперь уже въ дорогѣ. Дай Богъ! Но мы еще никакого приказанія насчетъ заготовленія лошадей не имѣемъ. Я, однакоже, хочу послать Максимова на всякой случай въ Брестъ-Литовскій.

*

С.-Петербургъ, 9 Декабря 1822.

Лабзинъ точно будетъ жить въ Симбирскѣ и въ деревнѣ, но не у Тургенева (дяди нашихъ), а близко отъ нея. Онъ съ нимъ старый другъ, а съ Александромъ никогда не былъ пріятелемъ; напротивъ, нашъ Тургеневъ его не любитъ. На мѣсто Сверчкова во Флоренціи будетъ Сверчковъ же. Онъ сохраняетъ и то мѣсто.

*

С.-Петербургъ, 13 Декабря 1822.

Вчера утромъ ѣздилъ я во дворецъ, былъ у руки у императрицы Маріи Ѳеодоровны (Елисавета Алексѣевна въ этотъ день принимаетъ поздравленія только отъ двора, генералъ и флигель-адъютантовъ, министровъ и Совѣта). Дошла моя очередь, поцѣловалъ руку. Je suis bien aise de vous voir pour vous remercier de tant de jouissances que vous me procurez. Les lettres de ma fille Marie m'arrivent toujours dans douze jours, c'est au point que je puis calculer d'avance quand j'aurai une réponse. Pour mes autres correspondances c'est la même célérité et la même exactitude. C'est une véritable perfection, et nous vous la devons. Поклонъ да назадъ. За мною шелъ Нарышкинъ Кирилла. Она ему: Vraiment, m-r Boulhakoff a fait et fait des miracles, продолжала хвалить, я пятиться назадъ. Государыня, обернувшись ко мнѣ: Vous ne voulez pas entendre le mal que nous disons de vous? Вечеромъ на

балѣ, потанцовавъ нѣсколько Польскихъ, сѣлъ я съ Рибопьеромъ, Новосильцовымъ ея секретаремъ и Васильчиковымъ играть въ вистъ. Государыня, обходя столы, изволила подойти и къ намъ. Dieu, que j'apperçois m-r B! Je suis remplie de reconnaissance pour lui и столько наговорила лестнаго о моей исправности, obligeance dont tout le monde se loue, о всѣхъ пользахъ, которыя я доставляю публикѣ, что я уже началъ и краснѣть. Во время ужина поѣлъ я немного и пошелъ бродить; тутъ опять изволила подойти. Je ne vois pas votre femme.— Madame, elle n'a pas pû avoir l'honneur de se présenter ici à cause de son indispositi n etc.—Il faut se bien ménager. Voilà l'hiver établi. — J'en suis surtout content, madame, parce que la poste n'éprouvera plus les mêmes retards auxquels elle est sujette depuis si longtemps. — Ce n'est sûrement pas à l'arrivée de la poste qu'on a pû s'appercevoir que les chemins étaient mauvais. Vous avez trouvé moyen de suppléer à tout. Ну ужъ, братъ, не заслужить мнѣ никогда столько милостей. Тебѣ ими хвастаю, потому что точно похвалы эти очень для меня лестны, доказывая, что у меня все идетъ довольно хорошо. Кажется, императрицѣ нѣтъ причины дѣлать мнѣ комплименты. Повторяю, что хвастаю; но далѣе тебя это не должно идти. Балъ былъ прекрасный. Зала, гдѣ ужинали, убрана была деревьями восхитительнымъ образомъ. Дамскіе туалеты были отличные, а для меня Татищева была лучше всѣхъ одѣта. Отгадай, кто со мной ѣздилъ? Тургеневъ, Ломоносовъ и. . . . Журавлевъ. Представь себѣ Журку въ пудрѣ, башмакахъ и во дворцѣ! Лишняго ничего онъ не говорилъ. Танцуя Польскій съ Татищевой, сказала она мнѣ, что получила письмо отъ мужа, который ей пишетъ, что видно Вѣны имъ не избѣжать. Она призналась мнѣ, qu'elle n'en est pas tout-à-fait fâchée. Завезя всѣхъ своихъ товарищей, пріѣхалъ я домой почти въ часъ.

Вчерашній курьеръ изъ Вероны привезъ мнѣ письмо отъ 24 Ноября (5 Дек.) Извѣстіе о Полетикѣ очень меня обрадовало. Северинъ мнѣ пишетъ: Voici la copie d'un rescrit par lequel notre bon Polética a reçu la croix de St. Vladimir 2 classe. Il y a en outre un oukase que l'Empereur signe ce croix qui lui assure un traitement d'attente de 3500 r. bonifiés. L'utile est donc joint à l'agréable et si nos anciennes indications n'ont pas été réalisées par le c-te N., il y a peut-être du mieux dans l'arrangement dont je vous fait part. Polética a été bien content. Oubril au moment de son rappel de Naples, où le c-te Stackelberg est allé réprendre sa place, a obtenu le grade de conseiller privé. Grégoire Koudrinsky (Вѣнскій) et Rickmann ont eu la croix de S-t. Anne 2-me classe. Poggenpohl, Spiss et Fromann sont plus riches que vous et moi, grâces aux représentations de leurs ministres, et Wo-

tonzoff a fait rejaillir des rayons de sa bonne étoile sur Tormassoff et le manchot Krudener, qui ont aussi obtenu des gratification pécuniaires. On parle du départ pour le 13 ou 15 Décembre n. s., arrivée à Varsovie le 19 (31) Dec. et à P. Bourg le 8 (20) Janvier (Но это не совсѣмъ справедливо: въ Варшаву, кажется, только Государь прибудетъ около 1-го Генваря, а сколько тамъ останется, неизвѣстно, и нельзя опредѣлить пріѣзда сюда. Мы еще не имѣемъ повелѣнія о лошадяхъ).

*

С.-Петербургъ, 20 Декабря 1822.

О передѣлкѣ Архивскаго дома писалъ мнѣ Малиновскій. Хорошо сдѣлалъ, что сохранилъ древнюю его наружность. Она идетъ къ Архиву. Азанчевскаго я знаю; онъ также секретаремъ, кажется, въ Библейскомъ обществѣ.

Вчера Юшковъ присылалъ звать къ себѣ на концертъ. Такъ какъ не его день, то я и полагалъ, что будетъ что-нибудь чрезвычайное и увѣренъ былъ, что онъ звалъ Гурьева. Съ полчаса пробывъ съ Манычаромъ у к. Салтыкова, пустились къ Юшкову; точно собралось общество, гр. Гурьевъ и онъ самъ. Концертъ былъ прекрасный, пѣли его люди аріи, дуэты Россиніевы и очень порядочно; но что́ было восхитительно, это концертъ, который Львовъ игралъ на скрипкѣ.

*

С.-Петербургъ, 27 Декабря 1822.

Здѣсь есть общество поощренія художниковъ. Меня также выбрали туда членомъ. Выборъ этотъ лестенъ, потому что по уставу, у кого даже одинъ черный балъ, то тотъ уже не можетъ быть членомъ. Оно составлено изъ людей весьма почетныхъ и почтенныхъ. Вчера былъ я вечеромъ въ засѣданіи у Кикина, у коего собирается еженедѣльно по Вторникамъ комитетъ.

*

С.-Петербургъ, 28 Декабря 1822.

Государь долженъ былъ оставить Верону 3 (15-го) Декабря и слѣдовать въ Венецію. Северинъ и Матушевичъ выѣхали въ тотъ же день въ Варшаву, куда я имъ вчера съ фельдъегеремъ послалъ шубы. Гр. Нессельродъ наканунѣ. Этотъ мнѣ пишетъ также два слова. Полетиково письмо старѣе, онъ совершенно въ восхищеніи; вотъ его слова: Mon affaire a été définitivement terminée; l'Empereur avait signé la vielle l'oukase de mon traitement (du départ du dernier courrier), et le rescrit pour la plaque de Vladimir avait reçu sa signature le jour précédent. J'étais au comble de mes voeux et je brûlai d'impatience de vous en donner la nouvelle, mais il est arrivé que le c-te Nesselrode m'avait donné un travail de long haleine qui m'a cloué à ma

chaise pendant 24 heures et que j'avais justement terminé le jour de l'arrivée du courrier. J'étais allé chez Sévérine pour me délasser et y passer la soirée; personne ne s'attendait que notre courrier partirait ce jour, et pourtant c'est ce que l'Empereur fit faire. Je ne saurai vous dire combien j'ai fus vexé, mais il a fallu bongré-malgré abandonner à Sévérine le plaisir de vous communiquer toutes les bonnes nouvelles que j'avais à vous donner. Je me félicite maintenant de n'avoir rien articulé à mon arrivée ici et de m'être entièrement abandonné à la justice de l'Empereur et de son ministère. Me voilà heureux et content dans tout ce qui concerne mes affaires, c'est maintenant à la Providence de règler ma déstinée future. Je me vois vis-a-vis de 25 m. roubles de rentes y compris mon propre revenu. A moins d'être un fou, cela doit me suffire; cella suffira peut-être pour deux personnes (hm!) grâces donc à Dieu qui m'a si évidemment protégé, grâces aux ministres qui m'ont traité avec tant d'indulgence et de bonté; grâces aux amis qui ont mis tant de zèle à me rendre service. Mon cher Constantin, mon coeur peut à peine contenir la reconnaissance, dont il est rempli, et c'est vous qui avez contribué le plus à m'inspirer ce sentiment. Tout ce qui n'est m'arrivé d'heureux depuis dix ans a été votre ouvrage directement ou indirectement. Il me reste à vous communiquer que l'Empereur m'a accordé ses bienfaits de la meilleure grâce du monde.

Все таки прежде Мая не обѣщаетъ здѣсь быть. Въ Флоренціи намѣревался пробыть 6 недѣль, послѣ Іюль въ Римѣ и можетъ быть побываетъ и въ Неаполѣ недѣльки на двѣ. Шредеръ мнѣ пишетъ отъ 26 Ноября (8) Декабря. Поццо возвратился. Шредеръ недоволенъ Несельродомъ и очень справедливо. Я право не понимаю, какимъ образомъ всякій разъ, что̀ вся миссія награждена, онъ, который болѣе всѣхъ трудится, остается безъ награды; но прочитай его письмо и возврати мнѣ.

*

С.-Петербургъ, 30 Декабря 1822.

Только у насъ и говорятъ о Нарышкиной*), которая умирая много показываетъ твердости духа. Со всѣми домашними простилась, мужу и сыну дала наставленія и такъ ихъ тронула, что безпрестанно рыдаютъ. Исповѣдывалась и причастилась и совершенно покойна. Вчера она начала быть въ забытьи, и не надѣялись, чтобъ она прожила сегодняшній день. Ей 62 года, слишкомъ сорокъ лѣтъ какъ замужемъ. Бриліанты свои всѣ отдала внучкамъ, дочерямъ Суворовой. Ихъ болѣе нежели на милліонъ.

---

*) Марьѣ Алексѣевнѣ, ур. Сенявиной, теткѣ князя М. С. Воронцова.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА *).

Съ лѣтами я дѣлался развязнѣе и смѣлѣе. Я уже нѣсколько познакомился со свѣтомъ; женщины перестали меня пугать, я начиналъ съ ними бойко говорить. Я случайно попалъ въ нѣкоторые дома, гдѣ меня очень ласково принимали. Мой дальній родственникъ, бывшій Астраханскій губернскій предводитель Милашевъ, женатый на дочери богатаго купца Сапожникова, познакомилъ меня съ Ростовцовыми, которыхъ сестра вышла замужъ за сына Сапожникова. Я бывалъ у нихъ на пиршествахъ, которыя давались по случаю этого брака. Александръ и Яковъ Ростовцовы были тогда еще пажами. Съ первымъ мы потомъ служили вмѣстѣ въ Министерствѣ Финансовъ, со вторымъ часто встрѣчались, больше за большими обѣдами, до которыхъ онъ былъ охотникъ. Онъ былъ поэтъ, балагуръ и порядочный кутила. Впослѣдствіи, сдѣлавшись важною особою, онъ перемѣнилъ родъ жизни, но совершенно остепениться не могъ. Въ немъ никогда не замѣчали никакихъ убѣжденій; да ихъ впрочемъ въ Николаевское время и не спрашивали. При Николаѣ онъ былъ строгій до педантизма исполнитель дисциплины, при Александрѣ онъ сдѣлался либераломъ. Онъ былъ тщеславенъ и честолюбивъ, все употребилъ, чтобъ выйти въ люди, и успѣлъ: онъ взялся за дѣло, о которомъ не имѣлъ понятія, и далъ ему движеніе. Прежняя бурная жизнь жестоко на немъ отозвалась. Онъ умеръ въ большихъ страданіяхъ, еще въ самой порѣ лѣтъ. Я былъ знакомъ и съ женою его, кроткою и милою женщиною.

Сослуживецъ мой Богдановъ, Новоладожскій помѣщикъ, познакомилъ меня съ своими сестрами и тетками. Они имѣли въ Коломнѣ свой домъ и жили въ довольствіи, но очень скромно. Въ Смольномъ монастырѣ воспитывалась ихъ двоюродная сестра Григорьева, дочь бывшаго совѣтника экспедиціи о госуд. доходахъ. Въ это время она кончила курсъ и оставалась въ заведеніи пепиньеркой. Въ томъ же положеніи находились двѣ ея подруги, Меллеръ и Яковлева. Богдано-

---

*) См. выше, стр. 145.

вы, посѣщая свою кузину, сблизились и съ тѣми дѣвицами, и такъ какъ пепиньерки могутъ по временамъ выѣзжать изъ монастыря для свиданія съ родными, то всѣ эти дѣвицы условились пріѣзжать къ Богдановымъ по Воскресеньямъ. Монастырки были очень милы, но не зная свѣта, не могли быть еще слишкомъ занимательны. Это были первые ихъ выѣзды въ общество. Нужно было доставлять имъ развлеченія и по возможности ихъ забавлять. Хотя въ домѣ Богдановыхъ не было ничего особеннаго для нихъ интереснаго, но онѣ охотно сюда пріѣзжали, не пропуская ни одного Воскресенья; ихъ сопровождала тетка Меллеръ, монастырская классная дама. По крайней мѣрѣ онѣ находили здѣсь молодыхъ людей, съ которыми понемногу сближались, и именно трехъ братьевъ Богдановыхъ, братьевъ Григорьевой и нѣкоторыхъ еще лицъ, а въ томъ числѣ меня. Мы тоже аккуратно являлись по Воскресеньямъ. Григорьева была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова; тонкія черты, прямой носикъ, отличные голубые глаза, розовый цвѣтъ лица, прямой гибкій станъ. Меллеръ нравилась всѣмъ необыкновенною скромностію и разсудительностію. Яковлева, живая дѣвушка, любила все блестящее, думала только о томъ, какъ бы повеселиться. Сходясь слишкомъ часто другъ съ другомъ, мы немного начинали утомляться. Для разнообразія мы придумали задавать вопросы и писать отвѣты. Каждое Воскресенье мущины приготовляли на бумажкѣ вопросы, и каждая дѣвица, получивъ билетъ, обязана была въ слѣдующее Воскресенье прочесть свой отвѣтъ. Тоже дѣлали и дѣвицы для мущинъ. Нѣсколько Воскресеньевъ это насъ заняло, но впослѣдствіи наскучило. Дѣвицы не умѣли сдѣлать это забавнымъ. Онѣ составляли вопросы самые мудреные, изъ высшей философіи, воображая возвысить себя этимъ въ глазахъ мущинъ.

Однажды мнѣ попался вопросъ: въ чемъ заключается счастіе? Я написалъ цѣлую повѣсть, которая очень понравилась моимъ собесѣдникамъ. Я старался доказать, что счастіе состоитъ не столько въ обладанія предметомъ, сколько въ приближеніи къ обладанію, развилъ эту идею, представилъ разные случаи жизни отъ молодости до старости, съ какимъ жаромъ человѣкъ стремится получить что-нибудь и какъ потомъ охладѣваетъ къ полученному. Повѣсть эту я отправилъ потомъ къ Гречу, который и напечаталъ ее въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ «Сынъ Отечества». Черезъ нѣкоторое время, при разборѣ разныхъ статей журналовъ того года, какой-то неизвѣстный критикъ коснулся и моей повѣсти; онъ нашелъ ее почему-то безнравственною и вольною. Гречъ въ послѣдующемъ за тѣмъ нумерѣ защищалъ ее и между прочимъ сказалъ, что если цензура ее пропустила, то видно, что въ статьѣ нѣтъ ничего непозволительнаго.

Изъ трехъ дѣвицъ мнѣ въ особенности нравилась Меллеръ. Ея кротость и основательность произвели на меня особенное впечатлѣніе. Я желалъ обратить на себя ея вниманія и никакъ въ этомъ не успѣвалъ; она была вообще со мною весьма неразговорчива, отвѣчала мнѣ коротко, отрывисто, какъ будто не хотя. Я не находился и не умѣлъ продолжать разговоръ. Это меня бѣсило, но не отнимало бодрости; чѣмъ холоднѣе была она ко мнѣ, тѣмъ упорнѣе стоялъ я въ своемъ намѣреніи заслужить ея расположеніе. Напрасный трудъ: я ни въ чемъ не успѣвалъ. Однажды я обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ; она отвѣчала мнѣ съ обыкновенною сухостію. Мнѣ стало крайне досадно, и я рѣшился ей замѣтить, что казалось бы самое приличіе требуетъ нѣкотораго вниманія къ моимъ словамъ и, не дождавшись ея отвѣта, удалился отъ нея. Съ этого времени я болѣе съ нею не говорилъ. Встрѣчаясь съ нею довольно часто, я поступалъ какъ незнакомый, который видитъ ее только въ первый разъ, кланялся сухо; она тоже выдерживала характеръ, и такимъ образомъ мы на всегда съ нею разстались. Какъ бы то ни было, но такое презрѣніе ко мнѣ этой дѣвушки было очень оскорбительно для моего самолюбія. Я объяснялъ это недостаткомъ воспитанія, незнаніемъ приличій свѣта, наконецъ необыкновенною холодностію ея натуры. Другіе, которымъ я жаловался на такое обращеніе ея со мною, старались увѣрить меня, что она была очень неравнодушна къ одному изъ Богдановыхъ (офицеру гв. Финляндскаго полка) и поэтому не могла слушать съ удовольствіемъ никого другого. Можетъ быть, тутъ была частица правды, но во всякомъ случаѣ это не давало ей права быть со мною такъ мало привѣтливой, даже можно сказать, грубой. За всѣмъ тѣмъ я не переставалъ ее уважать и искренно желалъ ей счастія. Всѣ три дѣвицы вышли замужъ. Судьба ихъ была различна. Въ Григорьеву влюбился слишкомъ 60-лѣтній старикъ тайн. совѣт. Козловскій, нѣкогда командиръ Преображенскаго полка (въ Тильзитскую кампанію). Онъ былъ очень богатъ, схоронилъ уже двухъ женъ; отъ нихъ имѣлъ сына, съ которымъ былъ не въ ладу и дочь (за мужемъ за ген. губер. западной Сибири Дюгамелемъ). Онъ посватался; родные были рады такой блестящей партіи, хотя старикъ былъ ей не по сердцу, но разбирать въ ея положеніи было трудно. Она рѣшилась. Молодые задали великолѣпный балъ. Я танцовалъ до упаду, было необыкновенно весело. Послѣ того мужъ заперъ въ домѣ всѣ двери для кого бы ни было, одни братья ея къ ней по временамъ приходили (ихъ не льзя уже было не пускать). И такимъ образомъ Козловскій ухитрился прожить съ своею послѣднею женою около 25 лѣтъ. Во все это время онъ окружалъ ее всѣми удобствами жизни, берегъ ее, лелѣялъ, смотрѣлъ,

чтобъ она не съѣла и не выпила чего нибудь лишняго, не пускалъ на воздухъ, чтобъ не простудилась; каждый день она надѣвала изъ многочисленнаго своего гардероба то платье, какое онъ указывалъ. Иногда онъ катался съ нею по улицамъ, но такъ, чтобъ ея никто не видѣлъ. Она произвела ему сына и дочь. Я всегда интересовался у братьевъ ея о томъ, какъ она живетъ. Она постоянно жаловалась на нездоровье и до такой степени привыкла къ своему положенію, что разучилась понимать, что̀ такое скука: мужъ истребилъ въ ней всѣ желанія. Наконецъ онъ умеръ слишкомъ 85 лѣтъ отъ роду. Случайно встрѣтился я съ нею на набережной Невы, гдѣ она гуляла недалеко отъ своего дома, который мужъ купилъ на ея имя. Она была блѣдна, худа и сильно постарѣла, хотя ей не было еще и 45 лѣтъ. Куда дѣлась прежняя ея блистательная красота, на которую всѣ заглядывались!.. Чрезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи я пріѣхалъ къ ней съ визитомъ; двери уже были открыты, но въ нихъ никто не входилъ. Я нашелъ ее сидящею въ парадныхъ комнатахъ, грустною, болѣзненною и ко всему равнодушною. Мы припомнили нѣсколько былыя времена, но видимо было, что это ея не интересовало. Этотъ первый визитъ мой былъ и послѣднимъ. Я болѣе съ нею не видѣлся. Она вскорѣ умерла.

Меллеръ вышла замужъ за какого-то неотесанаго моряка, съ которымъ долго не прожила. На Яковлевой женился кирасирскій полковникъ Тимковскій. Въ промежуткахъ 30 лѣтъ послѣ перваго нашего знакомства я нѣсколько разъ встрѣчался съ нею въ Петербургѣ, куда они пріѣзжали изъ губерніи, гдѣ стоялъ полкъ, имъ командуемый. Она всегда была румяна, здорова, весела и каждый разъ была очень рада меня видѣть. О прошедшемъ мы говорили съ большимъ оживленіемъ.

Я продолжалъ посѣщать домъ Богдановыхъ, гдѣ потомъ мнѣ случилось встрѣтить особу, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Съ семействомъ Богдановыхъ случилось весьма печальное происшествіе. Одна изъ тетокъ ихъ, старшая Богданова, очень умная и милая дѣвица, уже не первой молодости, и сестра Козловской Григорьева, только что вышедшая изъ института, отправились изъ деревни куда-то зимою. Для удобства и сокращенія пути они поѣхали по льду по рѣкѣ Волхову, какъ всѣ это дѣлали въ то время. Вѣроятно ямщикъ какъ нибудь съѣхалъ съ проѣзжей дороги, ледъ подъ ними подломился, и кибитка провалилась въ воду. Всѣ три путешественницы погибли; нельзя было никого спасти. Около того же времени Богдановъ, мой сослуживецъ, предста-

вившій меня своимъ сестрамъ, найденъ былъ въ одно утро за городомъ во рву мертвымъ. Какъ онъ туда попалъ, осталось неизвѣстнымъ.

Любовь моя къ музыкѣ доставила мнѣ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ въ домахъ, гдѣ были любители, собиравшіе къ себѣ иногда артистовъ. Было бы излишне исчислять ихъ; остановлюсь на нѣкоторыхъ, оставившихъ во мнѣ воспоминаніе по другимъ отношеніямъ, кромѣ музыки.

Но прежде, нежели заняться ими, чтобъ расказать о нихъ въ нѣкоторой послѣдовательности, не могу пропустить описанія происшествія 14-го Декабря 1825 года, насколько я самъ былъ его очевидцемъ. День этотъ слишкомъ памятенъ для меня, хотя я и не разыгрывалъ въ этомъ дѣлѣ никакой роли. Это случилось въ Субботу. Въ департаментѣ, гдѣ я занимался своимъ дѣломъ, разнесся слухъ, что происходитъ какое-то волненіе на Исакіевской площади, и войска вышли изъ послушанія. Кончивъ свои занятія, я отправился на мѣсто происшествія, куда стремилась толпа народа. День былъ теплый, не болѣе 5-ти градусовъ мороза. Я остановился на Адмиралтейскомъ бульварѣ; далѣе идти было трудно. Встрѣтившіеся знакомые мои сообщили мнѣ, что за нѣсколько минутъ передъ симъ пронесли раненаго гр. Милорадовича (Петерб. ген.-губернатора). Съ свойственнымъ ему молодечествомъ онъ рѣшился подойти къ бунтующимъ войскамъ, чтобъ уговорить ихъ возвратиться къ порядку; но въ это время изъ массы кто-то выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Пуля попала ему въ животъ, и онъ упалъ. Протискиваясь дальше, я увидалъ, что инсургенты въ сплошной колоннѣ стояли возлѣ Сената, лицомъ къ Адмиралтейству; къ нимъ прибывали еще нѣкоторые отряды. Въ народѣ говорили, что послали за митрополитомъ, который, прибывъ къ мѣсту, сталъ говорить войскамъ рѣчь, но тамъ поднялся крикъ съ угрозами, и митрополитъ ускакалъ назадъ. Послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ убѣдить волнующихъ рѣшили прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Императоръ Николай разъѣзжалъ все время верхомъ на площади между Адмиралтействомъ и губернскими присутств. мѣстами. Возлѣ него никого не было, онъ былъ совершенно одинъ. Недалеко отъ него рисовался тоже верхомъ отставный генералъ Албрехтъ въ бекешѣ; онъ поклонился Государю и продолжалъ кружиться на площади. Мимо Государя прошла команда Лейбъ-Гренадерскаго полка. Никто ея не останавливалъ. Потомъ сказывали, что она шла изъ своихъ казармъ соединиться съ бунтующими. Между тѣмъ становилась уже темно. Прискакала гвардейская артиллерія и расположилась противъ Сената вдоль всего бульвара. Черезъ нѣкоторое время грянула пушка, дру-

гая. Онѣ были заряжены холостымъ зарядомъ. Это не произвело никакого дѣйствія на возмутившихся. Тогда въ зарядъ положили картечи и грянули. Народъ попадалъ и бросился бѣжать кто куда попало. Солдаты побѣжали по Галерной улицѣ, и тутъ въ тѣснотѣ имъ сильно досталось; другая часть бросилась на Неву, чтобъ перебраться по льду на другую сторону. Здѣсь оказалось меньше раненыхъ. Къ 5-ти часамъ площадь была очищена. Публика разошлась. Остались одни войска на бивакахъ. Въ Петербургѣ никто не имѣлъ понятія какого рода эта революція и чего хотѣлось явившимся на площадь войскамъ. Всякій разсказывалъ исторію по своему. Всѣмъ очень странно казалось, отчего бунтующіе такъ долго стоятъ на площади и никуда не двигаются, и почему они прямо не пошли во дворецъ, гдѣ могли бы захватить Государя и другихъ, кого имъ надобно было. Бѣдные, увлеченные солдаты, сами не сознавая цѣли, для чего ихъ сюда привели революціонеры, зябли на дворѣ въ продолженіе слишкомъ семи часовъ и потомъ, встрѣченные картечами, должны были бѣжать со стыдомъ или пострадать въ мукахъ отъ ранъ, если кто остался живъ. Въ обществѣ много говорили объ этомъ дѣлѣ; такое важное происшествіе доставило всѣмъ предметы для разговора, но никто почти не сочувствовалъ бунтовщикамъ: всѣ ихъ осуждали, главнѣйше за то, что они воспользовались невѣжествомъ солдатъ и, не объяснивъ имъ настоящей цѣли своихъ дѣйствій, представили ее совершенно въ другомъ видѣ, и именно, что у законнаго царя Константина Павловича отнимается престолъ по интригамъ Николая Павловича. Они разсчитывали на содѣйствіе солдатъ въ этомъ дѣлѣ довольно правильно, опираясь на законность; но ея въ дѣйствительности не было: они скрыли отъ нихъ, что Цесаревичъ отказался отъ престола и предоставилъ его своему брату. Это былъ плохой расчетъ со стороны предводителей. На обманѣ нельзя основывать успѣховъ: онъ скоро открывается, и введенные въ заблужденіе, при открытіи истины, немедленно отказываются отъ соучастія. Впрочемъ послѣдствія доказали, что и сами предводители не составили себѣ яснаго и вѣрнаго плана. Они дѣйствовали на авось. Подобныя революціи отзываются еще младенчествомъ. Происшествіе 14 Декабря замѣшало въ дѣло множество молодыхъ людей хорошихъ фамилій и извѣстныхъ въ обществѣ; въ каждомъ домѣ упоминалось о комъ-нибудь изъ знакомыхъ попавшихъ въ эту исторію. Графъ Милорадовичъ на другой день умеръ. Тѣло его парадно было выставлено для публики. Въ Московскомъ полку, командиру его Фридрихсу, офицеръ князь Щепинъ-Ростовскій разрубилъ голову саблею, но генералъ выздоровѣлъ; въ лейбъ-гренадерскомъ полку командиръ его Стюрлеръ убитъ. Въ Милорадовича выстрѣлилъ Якубовичъ, офицеръ Нижегородскаго дра-

гунскаго полка, мой товарищъ по пансіону. Онъ былъ въ числѣ пяти повѣшенныхъ. Изъ числа бывшихъ моихъ товарищей оказалось еще нѣсколько человѣкъ замѣшанныхъ, въ томъ числѣ С. И. Кривцовъ, впослѣдствіи мой зять. Изъ нихъ попались преимущественно тѣ, которые находились въ генеральномъ штабѣ изъ бывшей школы генерала Муравьева, отца нынѣшнихъ извѣстныхъ Муравьевыхъ.

Черезъ нѣсколько дней все было забыто, какъ забывается все скоро въ Петербургѣ. Въ обществѣ мало выработались еще понятія о свободѣ, о конституціи, о самоуправленіи, къ которымъ стремились зачинщики заговора, если только они имѣли все это въ виду. Общество было довольно своимъ положеніемъ, ничего лучшаго повидимому не желало. Журналистика была совершенно безсильна; каждое малѣйшее слово, намекавшее на либерализмъ, преслѣдовалось съ большою строгостію; публика пробавлялась повѣстями, анекдотами, критическими разборами сочиненій нашихъ доморощенныхъ писателей и весьма немногими произведеніями научнаго содержанія, большею частію переводными, выбранными съ особенной осторожностію. Театръ не представлялъ также пьесъ, заманчивыхъ по содержанію; вообще сильно боялись всякаго рода, даже дамскихъ, обличеній. За всѣмъ тѣмъ общество не скучало. Тогда не замѣчалось такого пресыщенія, какое выказалось впослѣдствіи. Жизнь была не дорогà; роскошь не успѣла еще проникнуть въ средній кругъ, она держалась только въ высшихъ слояхъ. Звать къ себѣ обѣдать не считалось еще тягостію, да и гости не бывали въ большой претензіи, если найдутъ простыя кушанья. Цѣнились больше радушіе и вниманіе. Надобно было только сблизиться и заслужить расположеніе. Расчетъ не разыгрывалъ въ этомъ случаѣ такой роли, какъ въ послѣдующее за тѣмъ время, когда сходились между собою одни нужные люди. Тогда не было еще такого разъединенія, какое явилось послѣ, за мнѣнія: никто не интересовался, какого кто убѣжденія по тому или другому вопросу, да убѣжденій впрочемъ серьезныхъ и не было; принимали человѣка, потому что онъ былъ любезенъ, умѣлъ говорить и занимать дамъ, хорошо служитъ, порядочно одѣвается, не слишкомъ много о себѣ мечтаетъ, а до остального никому дѣла не было.

Попавши въ одинъ порядочный домъ, можно было познакомиться и сблизиться со всѣми тѣми, которые бывали въ томъ домѣ. Какъ музыкантъ, я познакомился со служившимъ въ Комиссіи Прошеній, членомъ, Со . . , у котораго дѣти много и съ успѣхомъ занимались музыкою. У нихъ часто исполнялись квартеты, и тамъ я пріобрѣлъ способность разыгрывать довольно бойко творенія замѣчательныхъ

квартетныхъ композиторовъ, что̀ мнѣ пригодилось навсегда. Дочери С. . . , образованныя на манеръ Англійскій дѣвицы, были очень ласковы и любезны. Я съ ними проводилъ пріятно вечера, когда у нихъ никого не собиралось. Дружба моя съ ними продолжалась очень долго. Въ домѣ ихъ я познакомился съ семействомъ Ворониныхъ, съ которыми вскорѣ коротко сблизился. Они принимали меня какъ родного. Наконецъ мой товарищъ по пансіону Ник. Антонскій, сынъ Михаила Антоновича, познакомилъ меня съ семействомъ Даргомыжскихъ. Онъ ухаживалъ за старшею дочерью ихъ, на которой потомъ и женился. Большую часть времени я проводилъ исключительно въ этихъ трехъ домахъ, гдѣ во всякое время я находилъ пріемъ и самый любезный привѣтъ. Нѣкоторыя интересныя подробности до моихъ отношеній къ нимъ касающіяся изложены будутъ ниже.

Успѣхи мои по службѣ были довольно медленны, но Розенбергъ помнилъ однакожъ, что я скучалъ своими занятіями и искалъ чего-нибудь лучшаго. Онъ рѣшился меня устроить и при первой возможности предоставилъ мнѣ мѣсто правителя канцеляріи департамента на мѣсто Лавриновскаго, которымъ былъ недоволенъ. Я сталъ получать жалованья по 3000 р. въ годъ, и сверхъ того дана мнѣ казенная квартира въ домѣ департамента, очень приличная, въ бельэтажѣ. Этого содержанія, съ присоединеніемъ къ нему процентовъ съ моего капитала, доставало мнѣ не только на нужное, но и на прихоти. Я обзавелся порядочнымъ хозяйствомъ; отопленіе мнѣ ничего не стоило. Съ новымъ моимъ мѣстомъ, конечно, прибавились у меня занятій; но они ничего не значили въ сравненіи съ обязанностями, которыхъ требовала отъ меня щепетильная мелочность Розенберга. Онъ завелъ такой порядокъ, что всѣ входящія бумаги, которыя отсылались къ нему на домъ, онъ, по прочтеніи ихъ, присылалъ ко мнѣ въ особо запечатанномъ пакетѣ, и я долженъ былъ въ полученіи пакета дать расписку, которая курьеромъ въ тотъ же вечеръ представлялась Розенбергу. Сначала я покорился этому распоряженію, желая въ точности выполнять его волю, но мало-по-малу началъ этимъ сильно скучать. Я долженъ былъ сидѣть дома, пока не принесутъ ко мнѣ этихъ бумагъ; иногда это случалось довольно поздно. Бывало, я не обѣдалъ дома; тогда я сказывалъ людямъ, гдѣ меня отыскать можно, курьеръ являлся туда и бралъ съ меня расписку; но не всегда можно было это дѣлать. Если курьеръ меня не заставалъ и не зналъ, гдѣ меня найти, онъ являлся къ Розенбергу безъ моей расписки. Розенбергъ каждый разъ за это на меня сердился. Я это зналъ и старался пріучить его къ тому, чтобъ онъ не давалъ большого значенія уклоненію моему отъ да-

чи расписокъ. Однажды, во время моего отсутствія, бумаги были у меня оставлены безъ расписки. Между бумагами случился указъ о выдачѣ изъ казны денегъ на путешествіе по Россіи извѣстнаго Гумбольта. Указъ, конечно, не могъ быть исполненъ прежде другого дня, и задержки никакой не случилось бы; но Розенбергъ, давно собиравшійся сдѣлать мнѣ серьезный выговоръ, воспользовался этимъ случаемъ и утромъ рано, часу въ 8-мъ, на другой день прислалъ за мною курьера. Я ожидалъ большой головомойки, но укрѣпился духомъ, рѣшился выдержать замѣчанія и сдѣлать ему сильный отпоръ. Я проворно одѣлся и побѣжалъ въ департаментъ. Онъ ожидалъ меня; на лицѣ его написано было, какъ внутренно онъ злился. Я подошелъ къ нему спокойно, какъ будто ничего не зная, зачѣмъ меня спрашиваетъ. «Что это значитъ, сказалъ онъ, что васъ никогда дома нѣтъ? Вы спите, Богъ знаетъ, до какого часа, дѣла останавливаются отъ вашего нерадѣнія». Я съ твердостію его выслушалъ и отвѣчалъ, что онъ совершенно напрасно сердится, что это только разстраиваетъ его здоровье и что дѣло, наконецъ, нимало не остановилось отъ того, что вчера я не былъ дома: ему сейчасъ дано будетъ движеніе. Я ушелъ отъ него и ожидалъ, что будутъ непріятныя для меня послѣдствія. По прошествіи двухъ или трехъ часовъ Розенбергъ потребовалъ меня къ себѣ. Я подошелъ къ нему. Садитесь, сказалъ онъ мнѣ, указывая на стулъ возлѣ себя (Добрый знакъ!) Если хотите служить хорошо, то исполняйте то, что̀ отъ васъ требуютъ, а иначе оставляйте департаментъ. Я не устоялъ противъ ласковаго слова (у меня брызнула слеза), и отвѣчалъ ему, что первое мое желаніе ему угодить, но просилъ его согласиться, что молодому человѣку нельзя вести такой строгой и аккуратной жизни, какъ человѣку пожилому и семейному, что ему нужно нѣкоторое развлеченіе, котораго, сидя дома, онъ не найдетъ и что весьма простительно ему искать общественныхъ удовольствій, если отъ того нѣтъ упущеній по службѣ. Старикъ прочелъ мнѣ нѣсколько наставленій безъ всякой желчи, въ родѣ отеческихъ, и отпустилъ. Я былъ очень радъ, что дѣло этимъ кончилось. Съ этого времени я сталъ замѣчать, что Розенбергъ какъ-то особенно былъ ко мнѣ внимателенъ, позволялъ себѣ со мною нѣкоторыя шутки, начиналъ иногда разговоръ о предметѣ, вовсе до службы не касающемся, чего прежде не бывало въ сношеніяхъ со мною, и вообще былъ ласковѣе. Я не зналъ, чѣмъ объяснить эту перемѣну; доволенъ ли онъ былъ больше прежняго моею службою, или хотѣлось ему изгладить непріятныя впечатлѣнія отъ излишней его требовательности? Онъ видимо обращался со мною уже какъ съ солиднымъ чиновникомъ, а не какъ съ юношею, котораго надобно держать еще въ рукахъ. Довѣ-

ренность его ко мнѣ съ каждымъ днемъ усиливалась, и я сталъ замѣчать, что ему хотѣлось еще болѣе сблизиться со мною, но онъ не рѣшился высказать это яснѣе. У него была одна только дочь, которую онъ много любилъ. Она отлично играла на фортепьянахъ и, старику хотѣлось всѣми силами поддержать въ ней охоту къ музыкѣ. Лучшіе учителя давали ей уроки. Онъ зналъ, что я играю на скрипкѣ, интересовался, могу ли я акомпанировать и читать легко ноты; я отвѣчалъ утвердительно, сейчасъ догадавшись, что ему не было бы непріятно свести меня съ дочерью. Но гордость его устояла отъ искушенія; онъ не продолжалъ разговора, и послѣ о музыкѣ и рѣчи не было. Я бывалъ у него раза два-три вечеромъ, но съ семействомъ своимъ онъ меня не познакомилъ, и время мое у него проходило въ томъ, что я смотрѣлъ, какъ онъ игралъ въ шахматы съ какимъ нибудь старичкомъ; я не понималъ ничего въ игрѣ, и она слѣдовательно никакъ меня интересовать не могла. Розенбергъ былъ строгій лютеранинъ, каждое Воскресенье бывалъ въ церкви, велъ знакомство съ пасторами, читалъ духовныя книги; съ православными онъ не бывалъ на дружеской ногѣ, тѣмъ менѣе рѣшился бы онъ отдать дочь свою за человѣка не одной съ нею вѣры. Дочь его была весьма достойная дѣвушка, свѣта не знала, никуда не выѣзжала, отъ роду не танцовала; къ нимъ молодые люди не ѣздили. Она осталась старою дѣвицею. Въ 1829 году Розенберга поразилъ параличъ, и въ нѣсколько часовъ его не стало. Тягость свалилась съ плечъ чиновниковъ департамента, которымъ трудно было выдерживать его деспотизмъ. Это безпрерывное наблюденіе за каждымъ движеніемъ ихъ, за всѣмъ тѣмъ даже, что̀ дѣлается у нихъ въ семействѣ, до чрезвычайности ихъ утомляло. Никто не смѣлъ провести у себя вечеръ веселѣе обыкновеннаго: онъ узнавалъ все на другой же день.

Послѣ смерти Розенберга, управленіе департаментомъ поручено было министромъ Канкринымъ вице-директору Никол. Роман. Политковскому. Это былъ человѣкъ необыкновенно мягкаго характера, ласковый и снисходительный. Онъ никогда не любилъ заниматься службою, лѣниво вникалъ въ дѣла, неутомимо писалъ письма къ роднымъ и знакомымъ, въ чемъ обыкновенно проходило у него все время въ присутствіи, каждый вечеръ любилъ поиграть въ бостонъ или вистъ и часто присылалъ за мною для составленія его партіи. У него я познакомился съ его двоюродными братьями, Александромъ и Ростиславомъ Политковскими *). Первый, извѣстный Монтекристо, такъ ловко

*) Оба они были сыновья втораго опекуна моего, сенатора Политковскаго; воспитывались въ Москвѣ въ Университетскомъ пансіонѣ, но уже послѣ моего выхода оттуда.

слишкомъ на милліонъ рублей очистившій кассу Инвалиднаго Комитета, хотя еще очень молодой человѣкъ, но пускался въ довольно большую игру. Мнѣ не случалось съ нимъ играть. Жена Политковскаго была женщина образованная, весьма хорошей фамиліи и имѣла небольшое имѣніе въ Псковской губерніи, куда ѣздила съ дѣтьми на лѣто. Управляя департаментомъ, мужъ ея не могъ ихъ сопровождать. Въ отсутствіи ихъ онъ сильно простудился; сдѣлалось у него воспаленіе въ почкахъ; страданія его были невыносимыя. Къ несчастію въ первый день его болѣзни прислано было секретное предписаніе о выпускѣ 1-ой серіи билетовъ Государственнаго Казначейства. Работы этой нельзя было поручать другому, и онъ самъ долженъ былъ ею заняться. Онъ принялся писать, но отъ мучительной боли безпрерывно ошибался. Ему нельзя было ее продолжать, и онъ ее мнѣ сдалъ. Въ два дня мы ее кончили; на третій день ему сдѣлалось хуже; онъ слегъ въ постель и болѣе съ нее не вставалъ; на седьмой день скончался. Никто изъ семьи не закрылъ ему глазъ, оставался при немъ одинъ слуга. Призванный въ началѣ болѣзни департаментскій врачъ конечно много виноватъ въ такой преждевременной кончинѣ; казалось, можно было бы помочь, если бы приняты болѣе дѣйствительныя мѣры. Оставалось всѣмъ намъ сожалѣть, что на это время не случилось при немъ жены.

Послѣ него назначенъ директоромъ департамента Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, бывшій до этого времени директоромъ канцеляріи министра финансовъ. Канкринъ что-то съ нимъ не ладилъ и постарался спустить его отъ себя, воспользовавшись открывшеюся ваканціею. На мѣсто же его взялъ брата его Александра Максимовича, который въ это время былъ исправляющимъ должность вице-директора департамента Госуд. Казначейства. Дмитрій Миксимовичъ былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, зналъ хорошо дѣло и въ сношеніяхъ съ другими пріятный и вѣжливый. Его всѣ полюбили. Въ обществѣ онъ пользовался уваженіемъ; дома собиралъ у себя литераторовъ, съ которыми онъ велъ давнишнюю дружбу, самъ извѣстный между ними какъ издатель Русскихъ пословицъ (произведеніе крайне несовершенное, потому что Княжевичъ больше жилъ за границею, нежели въ Россіи, которую онъ очень мало зналъ). Для повѣрки нашихъ заграничныхъ денежныхъ счетовъ съ Австрійскимъ правительствомъ послѣ войны 1814 и 1815 г., была учреждена въ Вѣнѣ комиссія, подъ главнымъ завѣдываніемъ со стороны Русскаго правительства Канкри-

---

Ростиславъ служилъ въ гвардейской артиллеріи, умеръ предсѣдателемъ Владимирской Казенной Палаты.

на, въ эту комиссію командированы были отъ насъ нѣкоторые чиновники, и въ томъ числѣ оба Княжевичи, которые прожили тамъ лѣтъ нѣсколько. Дмитрій Максимовичъ въ Вѣнѣ женился на Нѣмочкѣ, которая по пріѣздѣ въ Россію какъ ни старалась выучиться по-русски, но никакъ въ этомъ не успѣвала. У нея былъ ужасный выговоръ. Это обстоятельство отчуждало ее отъ Русскаго общества, между тѣмъ какъ Княжевичу очень хотѣлось принимать у себя и жить повеселѣе. Въ немъ самомъ не выработалось настолько ловкости и умѣнія, чтобъ занять гостей своихъ. Онъ давалъ у себя по временамъ очень интересные маскарады: каждый долженъ былъ явиться костюмированнымъ и исполнить какую нибудь роль. Нѣкоторые выполняли эту обязанность съ большимъ успѣхомъ. Я тоже не хотѣлъ отставать въ этомъ отъ другихъ и за недѣлю готовился выказать свою ловкость, составляя запасъ разныхъ остротъ, стиховъ и другихъ фразъ относящихъ до моей роли. Подобные вечера были очень оживлены.

Въ департаментѣ служилъ начальникомъ отдѣленія Александръ Ефимовичъ Измайловъ, извѣстный баснописецъ. Мы съ нимъ сблизились. Онъ затѣялъ издавать еженедѣльный журналъ «Благонамѣренный», и я доставлялъ ему нѣкоторыя статьи для журнала, большею частію переводныя. Изданіе шло худо, не пользовалось особеннымъ расположеніемъ публики, доходовъ издателю не приносило, хотя и было задумано съ цѣлью поправить денежныя обстоятельства, которыя, при большомъ семействѣ, находились въ дурномъ положеніи. У Измайлова не было дѣятельныхъ сотрудниковъ; онъ самъ много работалъ; журналъ выходилъ неисправно, но издателю прощали, потому что его всѣ любили за добродушіе и гостепріимство и желали успѣха его предпріятію. Статейки его произведенія, не отличаясь особенною изящностію, иногда очень смѣшили. Онъ помѣщалъ свои басни, небольшія стихотворенія и анекдоты, исполненные оригинальнаго юмора. Измайловъ былъ поэтъ не для гостиныхъ. Независимо отъ журнала, онъ издалъ альманахъ подъ названіемъ «Календарь Музъ». Я помѣстилъ въ немъ свою повѣсть: «Что̀ скажутъ». Идея повѣсти была та, что человѣкъ цѣлую жизнь живетъ не такъ какъ ему пріятно, а какъ велитъ общество со всѣми принятыми обычаями и предразсудками. Вся эта литература наша была бѣдна, не приносила никому ни денегъ, ни извѣстности. Ее можно было назвать поденьщиной. Скоро Измайловъ оставилъ свой журналъ. Онъ получилъ мѣсто въ Твери предсѣдателя Казенной Палаты, которое лучше могло бы обезпечить его положеніе, если бы онъ рѣшительно отказался отъ писательства. Но чрезъ нѣкоторое время онъ не поладилъ съ тамошнимъ губерна-

торомъ; затѣялась большая переписка, и Измайловъ переведенъ былъ въ такую же должность въ Архангельскъ. Но и здѣсь служба его была неудачна; онъ сталъ ссориться съ правителемъ канцеляріи тамошняго военнаго губернатора Клокачева, Шамаринымъ, котораго Измайловъ называлъ chat marin*). Мы вели съ Измайловымъ переписку, и онъ мнѣ передавалъ всѣ интриги противъ него. Письма его были довольно обширны, и я всегда удивлялся, когда у него достаетъ время на подобное писаніе; но это вошло уже въ натуру его, хотя по толстотѣ его брюха и одышкѣ ему, казалось, трудно много писать. Во всѣхъ этихъ письмахъ преобладалъ свойственный ему юморъ, и дѣйствительно они были интересны по заключавшимся тамъ анекдотамъ и описаніямъ губернскихъ личностей; написаны были притомъ четкимъ и красивымъ почеркомъ и легкимъ, игривымъ слогомъ. Измайловъ недолго усидѣлъ и въ Архангельскѣ. Литераторы видно не годятся для губернской службы, чему доказательство видѣли мы и въ послѣдующія времена. Они считаютъ себя выше окружающей ихъ среды, которая не прощаетъ имъ этого мнѣнія о себѣ и пользуется всѣми случаями удалить ихъ, чтобъ не быть въ непріятномъ для самолюбія столкновенія съ ними. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Измайловъ вскорѣ умеръ, оставя свое семейство въ бѣдственномъ положеніи.

Мои литературныя начинанія также прекратились. Я не чувствовалъ въ себѣ достаточной подготовки, чтобъ предаться имъ съ большею энергіею. Между прочимъ я много занимался теоретическою частію музыки. Я сталъ углубляться въ древность, хотѣлъ опредѣлить сущность музыки у Грековъ и у Римлянъ, прослѣдить ходъ ея до новѣйшихъ временъ, разыскать, одна ли существуетъ гамма для всего музыкальнаго міра, или каждый народъ имѣетъ свою гамму, и въ послѣднемъ случаѣ какой характеръ каждой гаммы. Трудъ необъятный! Я перечиталъ множество книгъ по этому предмету, дѣлалъ выписки, составилъ списокъ увражей, которые собирался еще прочесть, ходилъ для этого въ Имп. Публичную библіотеку. Изъ написанныхъ въ спискѣ болѣе 40 увражей въ библіотекѣ нашелся только одинъ въ нѣсколькихъ томахъ. Всѣ выписки мои я отложилъ въ сторону, полагая когда нибудь привести ихъ въ порядокъ и дѣлать изъ нихъ употребленіе; но я убѣдился, что на это дѣло не достанетъ у меня ни силы, ни знанія, ни времени; жизнь увлекла меня по другому пути, и я уничтожилъ всѣ мои выписки. Онѣ послужили мнѣ только къ тому, что познакомили меня нѣсколько съ этимъ интереснымъ предметомъ.

---

*) Морской котъ.

Если не далась мнѣ теорія и исторія музыки, то я занимался ею практически, болѣе и болѣе знакомясь съ замѣчательными произведеніями, что развивало во мнѣ изящную сторону моей природы. У Даргомыжскихъ было два сына, молодые юноши: одинъ отличный скрипачъ, къ несчастію умершій, не достигши еще 20 лѣтъ; другой фортепіанистъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ своими романсами, кантатами и оперою Эсмеральда. Здѣсь лично я не участвовалъ въ исполненіи музыкальныхъ пьесъ, но ограничивался ролью слушателя. Оба юноши мѣтили въ концертисты и имѣли на то право; сестра ихъ играла очень порядочно на арфѣ; слушать ихъ было очень пріятно. Мать ихъ очень скоро меня полюбила и просила меня бывать у нихъ чаще. Это было самое доброе существо въ мірѣ; она не входила ни въ какое хозяйство по дому, писала стихи, безпрерывно читала, рѣдко куда выѣзжала, никакихъ знакомствъ не поддерживала и не искала; къ нимъ ѣздилъ кое-кто и между прочими старый чудакъ, генералъ Копьевъ съ 5-ю дочерьми, одна другой безобразнѣе, впрочемъ весьма неглупыми дѣвушками. Три изъ нихъ успѣли таки выйти замужъ, и одна за морского капитана, назначеннаго начальникомъ въ Камчатку, съ которымъ успѣла познакомиться не болѣе, какъ за недѣлю до отправленія къ мѣсту назначенія. Эти дѣвицы были до того говорливы, что мы съ хозяйкою теряли всякое терпѣніе. Отецъ ихъ былъ въ высшей степени циникъ; одѣвался самымъ неприличнымъ образомъ, вѣчно въ какомъ-то старомодномъ фракѣ и съ ногъ до головы грязный. Въ понятіяхъ своихъ о вещахъ онъ выказывался не менѣе грязнымъ: онъ хвастался, напримѣръ, что по милости нашихъ неясныхъ законовъ, которые можно толковать какъ угодно, онъ успѣлъ нажить себѣ тысячу душъ. Даргомыжская выносила съ ангельскимъ терпѣніемъ это общество. За то, когда мы оставались одни, она вознаграждала себя необыкновенною сообщительностію. Она передавала мнѣ всѣ задушевныя свои тайны. Мало-по-малу она привязалась ко мнѣ со всѣмъ упрямствомъ настойчивой женщины, которая во что бы ни стало достигнетъ, чего хочетъ. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ я не получалъ отъ нея какой-нибудь записочки; она затѣвала прогулки, катанья и отыскивали всякіе предлоги, чтобъ быть со мною. Я не могъ чувствовать къ ней особеннаго расположенія: она была уже пожилыхъ лѣтъ и очень некрасива собою, но я не могъ отказать ей въ моей дружбѣ, потому что она была умна и характера живого, веселаго. Мнѣ съ нею не было скучно; я часто просиживалъ у нея по нѣскольку часовъ, не утомляясь ея обществомъ. Она умѣла до безконечности разнообразить разговоръ. Въ домѣ такъ привыкли ко мнѣ, что когда я приходилъ туда, то всѣ уходили изъ ея комнаты и остав-

ляли меня наединѣ съ нею, что́ мнѣ очень не нравилось, особенно, когда старшая дочь, премилая дѣвушка, еще не выходила замужъ. Я бы предпочелъ поболтать съ дочерью. Но она и всѣ дѣти считали, что я прихожу къ матери и сейчасъ удалялись, чтобъ не мѣшать нашимъ разговорамъ. Наконецъ нападенія на меня маменьки сдѣлались для меня вполнѣ ясными. Я очень удивился и на другой день написалъ къ ней письмо, что вовсе не намѣренъ разыгрывать съ нею роль Ловеласа и просилъ прекратить подобныя съ ея стороны выходки. Она отвѣчала мнѣ въ большомъ разстройствѣ духа, умоляла не толковать ея намѣреній въ дурную сторону, забыть ея поступки и продолжать попрежнему дружескія сношенія. Я явился къ ней на другой день, какъ будто ничего между нами не происходило, ни слова не говорилъ о прошедшемъ, и все осталось въ глубокомъ молчаніи. Видя свои неудачи, она перемѣнила свой планъ и задумала сблизить меня со второю своею дочерью. Не говоря уже о разныхъ намекахъ на это дѣло, она съ намѣреніемъ оставляла меня наединѣ съ дочерью, которой вѣроятно дала нужныя наставленія. Дѣвушка была слишкомъ молода, ей едва минуло 16 лѣтъ, разговора поддержать не умѣла, а притомъ фигура ея не представляла для меня ничего заманчиваго. Я былъ самымъ скромнымъ рыцаремъ и отдѣлывался въ нашемъ tete-à-tete одными учтивостями. Впослѣдствіи она вышла замужъ за Степанова, извѣстнаго художника статуэтокъ нашихъ поэтовъ и писателей. Такія неудачи въ затѣяхъ Даргомыжской не перемѣнили однакожъ прежнихъ отношеній ея ко мнѣ. Она продолжала быть попрежнему любезною и все мнѣ прощала. У нея было необыкновенно доброе и любящее сердце, я также не могъ на нее сердиться: она въ состояніи была обезоружить самаго придирчиваго человѣка. Дружба наша продолжалась до самой ея смерти. Подъ конецъ она начинала меня утомлять; въ разговорѣ ея не было прежней живости, но я не переставалъ посѣщать ее, находя всегда участіе ея во всемъ, что̀ до меня касалось.

Семейство Ворониныхъ состояло изъ отца и матери, уже весьма преклонныхъ лѣтъ, пяти сыновей и двухъ дочерей. Всѣ они были взрослые. Сыновья давно служили: трое въ гвардіи, а двое въ статской службѣ. Въ нравахъ этого семейства было много патріархальнаго. Оно жило скромно, безъ всякихъ модныхъ претензій; каждое Воскресенье собирались къ обѣду родные и короткіе знакомые, и я попалъ въ число послѣднихъ. Я очень подружился съ сыновьями, особенно со вторымъ, капитаномъ гвардейской артиллеріи, большимъ любителемъ музыки. Онъ часто бывалъ у меня, и мы иногда проводили цѣлый день, разыгрывая пьесы въ четыре руки на фортепіанахъ. Я взялъ на про-

катъ инструментъ и абонировался на ноты. Оба мы были не очень сильны на этомъ инструментѣ, но у обоихъ насъ такая развилась охота играть, что старались пользоваться всѣми досугами сходиться для этого. Плохое исполненіе не приводило насъ въ уныніе, а напротивъ возжигало страсть добиться отчетливости; мы играли до совершеннаго изнеможенія. Вторая дочь Ворониныхъ, Анна Өедоровна, имѣла превосходный голосъ и пѣла очаровательно. Она занималась пѣніемъ довольно небрежно, но что̀ выучивала, то исполняла съ такимъ совершенствомъ, что приводила каждаго въ восторгъ. Ее не должно было упрашивать: она никогда не пѣла, если не имѣла расположенія, отказывала рѣшительно, и всякій трудъ уговорить ее присѣсть къ инструменту былъ бы напрасенъ; но если ей приходила охота, то пѣла цѣлый вечеръ, и тутъ надобно было ее слушать. Я не могъ оторваться отъ нея. Какъ музыкантъ въ душѣ, я понималъ всю прелесть ея голоса и выраженія пѣнія; когда слушателемъ ея я былъ одинъ, она съ милою готовностію исполняла все, что̀ я просилъ, и внимательность ея чрезвычайно льстила моему самолюбію. Ан. Өед. съ малолѣтства была много избалована своими родными, а съ развитіемъ ея таланта, каждый въ домѣ смотрѣлъ ей въ глаза, стараясь угадывать ея желанія. Отъ этого она пріобрѣла какой-то повелительный тонъ и нѣкоторую рѣзкость въ манерахъ. На лицѣ ея написаны были самонадѣянность и гордость, но вмѣстѣ съ тѣмъ была очень труслива, когда приходилось ей публично пѣть. Весь Петербургъ зналъ о ея талантѣ и когда составлялись публичные концерты, всегда являлись къ ней съ приглашеніями участвовать въ нихъ; она по большей части отказывалась, не рѣшаясь являться передъ публикою и уступала только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Бывая очень часто въ этомъ семействѣ, я такъ привыкъ къ нему, что считалъ его какъ бы родственнымъ. Между мною и Ан. Өед. было много откровенности, и когда она бывала въ любезномъ расположеніи духа, то совершенно меня увлекала; въ минуты своего вдохновенія она казалась мнѣ существомъ высшимъ. Я не могъ не выражать ей своихъ восторговъ и позволялъ себѣ высказывать ей мои чувства. Иногда она принимала ихъ съ видимымъ удовольствіемъ, но иногда отвѣчала мнѣ съ рѣзкостію. Я не уступалъ ей и за неделикатность ея платилъ ей тою же монетою. Она чувствовала свою ошибку и старалась потомъ любезностію смягчить непріятное впечатлѣніе. Я заставилъ ее себя уважать, и никто, можетъ быть не имѣлъ надъ нею такой власти, какъ я. Но побѣждать такой самостоятельный характеръ было нелегко; мнѣ пріятно было дать себѣ задачею поставить ее въ положеніе исполнять мои желанія; мнѣ часто это не удавалось, однакожъ я видѣлъ, что ей пріятно было по-

кориться и если бы не трудность отстать отъ своей привычки, подчинять всѣхъ своей волѣ, то она охотно сдѣлалась бы совершенно мнѣ преданною. Постоянныя наши свиданія два раза въ недѣлю, одинъ разъ по Воскресеньямъ у нихъ въ домѣ, а другой по Четвергамъ у ихъ зятя Мессинга, очень много насъ сблизили. Мнѣ нетрудно было замѣтить, что самое предложеніе мое, если бы я рѣшился сдѣлать его, принято было бы съ удовольствіемъ. Но я не имѣлъ истиннаго, постояннаго влеченія къ ней. Когда меня не было съ нею, я о ней совершенно забывалъ; меня легко занимали другіе предметы; притомъ какая охота безпрерывно бороться съ этимъ крупнымъ характеромъ? Это тяжелая работа, думалъ я, и мнѣ вовсе не хотѣлось возлагать на себя такихъ обязанностей. Чувства мои смѣнялись очень часто совершеннымъ къ ней равнодушіемъ; иногда проходилъ цѣлый день, что мы ничего другъ съ другомъ не говорили. Случалось, что послѣ жесткаго ея отвѣта на мои любезности въ сердце мое закрадывалось негодованіе, и я оставлялъ ее въ покоѣ, давая себѣ слово никогда не подходить къ ней.

Скоро обстоятельства страннымъ образомъ сложились такъ, что я долженъ былъ прекратить посѣщеніе дома Ворониныхъ. Однажды, гуляя въ лѣтнемъ саду, я встрѣтился съ инженернымъ полковникомъ Сапожниковымъ, весьма умнымъ и даровитымъ человѣкомъ, съ которымъ я познакомился у Ворониныхъ. Долго мы ходили вмѣстѣ и переговорили обо всемъ, что̀ могло прійти въ голову; рѣчь коснулась и Анны Ѳедоровны. Онъ былъ самъ ея восторженнымъ поклонникомъ, какъ артистъ въ душѣ. Я не могъ не сообщить ему, до какой степени она интересуетъ меня, хотя въ тоже время жаловался на этотъ упорный характеръ, который часто поставлялъ меня въ самыя непріятныя къ ней отношенія. Мы относили это къ ея воспитанію, къ недостатку общественности, къ привычкѣ получать всегда похвалы, находя, что свойства ея души съ избыткомъ вознаграждали эти недостатки, и умный мужъ всегда можетъ исправить ихъ. Онъ спросилъ меня вдругъ: Вамъ конечно она нравится, да и не можетъ не нравиться, потому что она достойнѣйшая дѣвушка; отчего вы на ней не женитесь? Она вамъ не откажетъ. «Да какъ же рѣшиться на это при моихъ слабыхъ средствахъ къ жизни? Отдавая полную справедливость ея достоинствамъ и необыкновенному таланту, я счелъ бы себя дурнымъ человѣкомъ, если бы, не сообразивъ хорошенько, какъ и чѣмъ будемъ жить, сунулся съ предложеніемъ. Она дѣйствительно ко мнѣ очень внимательна, и небольшія наши ссоры, кажется, послужили только къ нашему сближенію. Я увѣренъ, что не получу отказа; но пока не удостовѣрюсь въ томъ, что̀ могутъ дать ей родители ея, я буду держать себя пода-

лѣе отъ всякихъ заявленій». Хотите ли, сказалъ Сапожниковъ, я секретно развѣдаю, что́ можетъ она получить въ приданое?—«Ради Бога, прервалъ я, не дѣлайте этого. Не равно выведутъ изъ вашихъ разспросовъ разныя невыгодныя заключенія. Вы какъ-нибудь проговоритесь; пожалуй, меня выдадите; обо мнѣ подумаютъ, что я ищу денегъ». Нѣтъ, не опасайтесь; все это будетъ сдѣлано такъ осторожно, что вы не будете компрометированы. Мы разстались. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого разговора, Сапожниковъ явился ко мнѣ. На лицѣ его написано было безпокойство. Онъ не зналъ, какъ начать. «Вообразите, что́ я надѣлалъ! Вы помните нашу прогулку въ Лѣтнемъ саду. Мнѣ очень хотѣлось поумнѣе уладить это дѣло, и къ несчастію я надѣлалъ глупостей. Вы знаете Кузьминскую, которая въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Ворониными. Я вздумалъ съ нею поговорить объ васъ и просилъ ловкимъ образомъ развѣдать, что́ Анна Ѳедоровна можетъ получить въ случаѣ замужества, съ тѣмъ, чтобъ Кузм. отнюдь не произносила имени вашего. Она мнѣ это обѣщала, охотно вызвавшись исполнить мое порученіе. Вчера я видѣлся съ нею, и она мнѣ передала разговоръ мой съ стариками Ворониными».—Что же старики отвѣчали? —«Что они за дочерью дать многого не могутъ, что у нихъ кромѣ нея много дѣтей, а состояніе очень небольшое».—Разумѣется, обо мнѣ и рѣчи не было?—«То-то и худо! Кузьминская проболталась и послѣ нѣкоторыхъ ужимокъ на вопросъ, для чего это она разспрашиваетъ, назвала васъ и прибавила, что вы очень неравнодушны къ Аннѣ Ѳедоровнѣ и желали бы сдѣлать предложеніе. Что́ прикажете дѣлать съ этими дамами! Онѣ кромѣ глупостей ничего не выдумаютъ, да и можно ли имъ довѣрять какія-нибудь секреты!»—Какъ старики приняли это объясненіе Кузьминской?.. «Очень дурно. Имъ не понравились эти разспросы; во всякомъ случаѣ тутъ, кажется, не за что сердиться».—Разумѣется, но дѣло получаетъ нѣкоторую гласность. Старики могутъ подумать, что этотъ разговоръ есть нечто иное, какъ предисловіе къ предложенію.— «Пусть, пожалуй, себѣ думаютъ, чтожъ изъ этого?»—Однако, какъ хотите, а это дѣло нехорошее; они въ правѣ быть недовольными, что тутъ замѣшано постороннее лице. Прекрасно вы мнѣ услужили!.. «Браните меня какъ угодно; дѣло сдѣлано, и его поправить нельзя».—Что же мнѣ теперь дѣлать? Я не могу показаться въ домѣ Ворониныхъ. «Почему же такъ?» Меня встрѣтятъ какъ человѣка, который собирается предложить себя въ женихи. «Ну, пусть встрѣчаютъ! Всякій молодой человѣкъ женихъ, тутъ нѣтъ еще большой бѣды». Вамъ хорошо шутить, а мнѣ не до шутокъ. Мнѣ было очень неловко на душѣ; я не ожидалъ такой глупой развязки и что придется раззнакомиться съ этимъ добрымъ и почтеннымъ семействомъ. Послѣ формальнаго почти объявленія мнѣ

оставалось или докончить его собственнымъ предложеніемъ или вовсе не являться въ домъ. Ни того, ни другого я не намѣренъ былъ дѣлать. Однако надобно было на что-нибудь рѣшиться. Я находилъ, что было бы глупо вдругъ оставить домъ, гдѣ меня всегда такъ ласкали; это значило бы сознаться въ моей нескромности и неделикатности. Недѣли черезъ три я собрался къ Воронинымъ. Они жили на дачѣ. Меня встрѣтили довольно сухо, безъ прежней улыбки. Если бы я въ самомъ дѣлѣ имѣлъ какія-нибудь намѣренія, то мнѣ слѣдовало, послѣ объясненія Кузьминской, явиться въ домъ не далѣе, какъ черезъ два-три дня. Что́ могли подумать, не видя меня три недѣли? Я не зналъ, какое положеніе принять: не могъ быть попрежнему развязнымъ, но и не хотѣлъ выказать себя смущеннымъ. Просидѣвъ около часа, я подъ предлогомъ прогулки по окрестностямъ простился съ ними, и это было послѣднее посѣщеніе мое дома Ворониныхъ. На совѣсти моей лежала какая-то тягость, хотя я не былъ ни въ чемъ виноватъ; я не могъ по справедливости обвинять себя за разговоръ съ человѣкомъ, котораго любилъ и уважалъ за его достоинства. Если обстоятельства сложились такъ, что долженъ былъ послѣдовать разрывъ между мною и семействомъ Ворониныхъ, то причиною тому была не моя неосторожность, и я не имѣлъ возможности предупредить непріятныя послѣдствія. Братья Анны Ѳедоровны и зять ихъ Мессингъ перестали бывать у меня; они считали поступокъ мой весьма оскорбительнымъ для всего семейства. Спустя много времени послѣ разрыва, они мнѣ это высказали. Съ трудомъ могъ я объяснить имъ всю чистоту моихъ дѣйствій и увѣрить ихъ, что я вовсе не поручалъ ни Кузьминской, ни другимъ ходатайствовать за меня; разсказалъ, какъ было дѣло; если же въ самомъ дѣлѣ любопытствовалъ знать, какъ велики были способы къ жизни Анны Ѳедоровны, то этого въ предосужденіе мнѣ ставить нельзя. Слишкомъ много уважая А. Ѳ., я не могъ и не считалъ себя въ правѣ дѣйствовать кое-какъ, не обдумавши дѣла. У меня средствъ къ жизни было мало, и я не могъ доставить ей тѣхъ удобствъ, какими она пользовалась дома. Вѣроятно, каждый изъ братьевъ поступилъ бы съ такою же осторожностію, задумывая жениться. А что Кузьминская надѣлала глупостей своею нескромностію, то пусть она за это и отвѣчаетъ. Я тутъ не при чемъ. Мы помирились, но прежнихъ дружескихъ отношеній болѣе не существовало. Хотя мы и встрѣчались кое-гдѣ, но болѣе на церемонномъ основаніи. Года черезъ полтора посватался за А. Ѳ. старинный знакомый дома, артилерійскій полковникъ Бижеичъ, и она вышла за него. Бижеичъ былъ человѣкъ ласковый, кроткій и мужъ совершенно по ней. Онъ просилъ меня бывать у нихъ, зная, какъ много я уважалъ А. Ѳ. Я одинъ разъ былъ; но знакомство

наше какъ-то не клеилось: недоставало искренности и довѣренности. Въ ней не было той развязности, которая заставляетъ забывать прежнія непріятныя отношенія. У нихъ, въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ не было дѣтей, но потомъ пошли дѣти. Я ихъ никогда не встрѣчалъ болѣе.

Прекративъ мои сношенія съ Ворониными, я почувствовалъ большую пустоту въ жизни; у меня не было цѣли, я страдалъ сплиномъ. Хотя я посѣщалъ общества, но серьезно ни къ кому не привязывался. Очень пріятно проводилъ время въ домѣ Храповицкихъ, гдѣ каждый день собиралось общество, бывали часто танцовальные вечера и домашніе спектакли, на которыхъ отличался преимущественно самъ хозяинъ, страстный любитель театра. Давали преимущественно трагедіи, и въ одномъ представленіи участвовала извѣстная тогда актриса Семенова; играли и комедіи и водевили. Исполненіе было безукоризненное. На балы являлись многія милыя дамы, съ которыми я подружился такъ, что бывалъ у нихъ въ домѣ. Все это много меня развлекало и забавляло, но подобныя знакомства не оставляли во мнѣ глубокихъ впечатлѣній. Къ Ораніенбауму я замѣтно охладѣлъ, хотя по временамъ и ѣздилъ туда. Страсть миновала, осталась дружба. Это послѣднее чувство менѣе увлекаетъ и гораздо терпѣливѣе любви.

Въ домѣ Богдановыхъ я увидѣлъ Полину *) Мосягину. Необыкновенная пріятность въ лицѣ, скромность и изящность и вмѣстѣ съ тѣмъ простота въ манерахъ не могли не обратить на себя моего вниманія. Она рѣдко тамъ бывала, и я начиналъ терять ее изъ виду, какъ снова встрѣтилъ ее въ домѣ родственниковъ Богдановыхъ, Адамсъ. Мнѣ не удалось говорить съ нею. Она пріѣзжала съ матерью на короткое время, на перепутьи, отправляясь на балъ. Адамсы говорили о ней какъ о рѣдкой, отличной дѣвушкѣ. Такія похвалы возбудили во мнѣ сильное желаніе познакомиться и сблизиться съ нею; но какимъ образомъ? Проходили недѣли, мѣсяцы, и ее я нигдѣ видѣть не могъ. Изрѣдка Богдановы говорили мнѣ о ней и поддерживали во мнѣ любопытство поближе узнать ее. Въ одинъ день Арсеній Богдановъ пріѣхалъ ко мнѣ и спросилъ меня, не хочу ли я быть на вечерѣ у Веловзоровыхъ. (Мать Полины была вторично замужемъ за полковникомъ Веловзоромъ). Я съ радостію принялъ предложеніе. Онъ поѣхалъ къ Веловз. и просилъ дозволенія привезти меня. Въ назначенный часъ онъ явился за мною, и мы отправились. Гостей было много; меня приняли безъ большой церемоніи и едва обратили на меня вни-

*) Поликсену Ивановну.

маніе. Я раскланялся съ Полиною, не сказавъ ей и двухъ словъ. Она была окружена толпою молодыхъ людей, большею частію военныхъ, которые тогда царили на балахъ, затемняя въ конецъ статскихъ своими блестящими мундирами. Эта молодежь была больше или меньше съ нею знакома и такъ какъ и по красотѣ, и по образованію она не могла не плѣнять собою, то на весь вечеръ была уже ангажирована такъ, что нельзя было улучить свободной минуты поговорить съ нею. Мнѣ было какъ-то неловко. Я не нашелъ тамъ почти никого знакомыхъ и съ радостію принялъ предложенную мнѣ карту. За игрою прошла большая часть вечера. Я разсуждалъ самъ съ собою, зачѣмъ я пріѣхалъ? Неужели для того, чтобъ сыграть партію виста? Мнѣ нужно же сколько нибудь выказать себя, заинтересовать собою, но для этого у меня недоставало самоувѣренности. Съ какой стороны я себя выкажу? Чѣмъ обращу на себя особенное вниманіе? Подъ конецъ вечера я подошелъ однакожъ къ Полинѣ, сѣлъ на свободный возлѣ нея стулъ и завелъ съ нею разговоръ про общихъ нашихъ знакомыхъ. Разговоръ нашъ какъ-то не вязался. Я нѣсколько робѣлъ съ нею, она тоже не была слишкомъ развязною и не хотѣла или не умѣла дать мнѣ бодрости; притомъ я не считалъ себя въ правѣ много ее занимать собою на вечерѣ, гдѣ ей, какъ хозяйкѣ, было немало хлопотъ. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что по крайней мѣрѣ сдѣлано было начало знакомства; остальное зависитъ отъ обстоятельствъ. Черезъ нѣсколько дней я пріѣхалъ къ Веловз. съ визитомъ. Это семейство вело странный родъ жизни. Въ обыкновенные дни оно почти никого не принимало. Хозяинъ большую часть дня не выходилъ изъ халата и проводилъ въ постели или сидя у себя въ комнатѣ, не являясь къ тѣмъ, кто заѣзжалъ къ нимъ. Онъ не любилъ, чтобъ ему мѣшали въ удовлетвореніи его привычекъ. Женѣ онъ предоставлялъ занимать гостей. За то она, желая поддержать свои знакомства главнѣйше изъ видовъ устроить свою дочь, которую очень любила, употребляла всѣ уточенности, чтобъ держаться въ томъ кругѣ, который приличествовалъ полученному дочерью ея образованію. Полина получила воспитаніе частію въ домѣ весьма важной барыни Рославлевой, а по смерти ея въ извѣстномъ пансіонѣ мадамъ Оттъ. Она знала прекрасно языки Французскій, Нѣмецкій и Англійскій, такъ что могла свободно на нихъ писать и очень мило пѣла; она брала уроки у мадамъ Шоберлехнеръ. Но какъ ни хлопотала старушка, а съ привычками мужа она не достигала цѣли. Всѣ знали его за нелюдима и лѣнтяя и избѣгали посѣщеній. Кромѣ того средства Вел. не позволяли имъ вести слишкомъ свѣтскую жизнь, и оттого пріемы у нихъ были весьма рѣдки. При такомъ ихъ образѣ жизни трудно было съ ними сблизиться. Посѣтитель всегда замѣтить

могъ, что онъ пришелъ не кстати и нарушилъ домашній ихъ порядокъ и что если приняли его ласково, то вовсе не изъ удовольствія его видѣть, а изъ приличія, по необходимости. На лицахъ дамъ написана была принужденность, и онѣ не могли ее скрывать при всемъ желаніи казаться любезными. Разспрашивая Богдановыхъ о родѣ ихъ жизни, о связахъ, о занятіяхъ, о денежныхъ средствахъ, я никогда не могъ добиться ничего положительнаго. Говорили, что дамы много выѣзжаютъ, что у нихъ большое и хорошее знакомство, имѣютъ порядочное состояніе, но въ чемъ оно заключалось, никто не могъ объяснить; о самомъ Веловз. не говорили ни хорошаго, ни худого, называли впрочемъ чудакомъ и мало сообщительнымъ. Прошло нѣкоторое время послѣ посѣщенія моего, я снова заѣхалъ къ нимъ; меня приняли съ тою же принужденною ласковостію. Разговоръ не могъ быть оживленнымъ. Я самъ былъ крайне натянутъ. Обѣ стороны чувствовали утомленіе, надобно было сократить визитъ. Уходя я давалъ себѣ слово больше къ нимъ не приходить, тѣмъ болѣе, что В. визита мнѣ не отдалъ и, кажется, и не собирается отдавать. Но что-то невольное тянуло меня къ нимъ; мнѣ не хотѣлось прервать это знакомство. Я при извѣстныхъ случаяхъ снова отправлялся къ нимъ; иногда они не принимали, хотя я зналъ, что всѣ были дома. Я былъ этимъ доволенъ: по крайней мѣрѣ имъ извѣстно, что я у нихъ былъ... Полина не выходила у меня изъ головы; всѣ эти пожертвованія дѣлалъ я для нея. Богдановы настроивали мое воображеніе, описывая всѣ совершенства этой дѣвушки и поддерживали во мнѣ желаніе короче съ нею познакомиться. Особенно младшій Богдановъ, страшный энтузіастъ, не могъ равнодушно говорить о ней; стыдилъ меня, что я несмѣло дѣйствую, представлялъ мнѣ въ розовыхъ краскахъ благополучіе соединиться съ нею. Я внутренно былъ доволенъ его разсказами, но не показывалъ этого. Хотя я не имѣлъ къ нему большой вѣры, но съ другой стороны и не имѣлъ причины сомнѣваться въ искренности его отзывовъ о Полинѣ. Достаточно было видѣть ее два раза, чтобъ почувствовать къ ней особенное влеченіе; въ голубыхъ ея глазахъ было столько кротости и чистоты душевной, что самый холодный человѣкъ сдѣлался бы ея искреннимъ почитателемъ. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что съ своей стороны я очень слабо подвигалъ дѣло, былъ съ нею довольно сухъ, холоденъ, важенъ. Въ моемъ характерѣ вообще не было много привѣтливости. Это происходило частію отъ робости, а частію, можетъ быть, отъ гордости. Я боялся слишкомъ напрашиваться на сближеніе, старался держаться въ нѣкоторомъ отдаленіи, чтобъ поддержать свое достоинство, говорилъ мало, чтобъ не проговориться; я не торопился высказываться, избѣгалъ малѣйшаго хвастовства и не употреблялъ

никакихъ искусственныхъ средствъ, чтобъ заинтересовать собою, предоставляя успѣхъ въ этомъ обыкновенному и натуральному ходу вещей, ничѣмъ не насилуя обстоятельствъ. Если бы я не успѣлъ понравиться, то всегда имѣлъ возможность удалиться, не компрометируя себя... Мнѣ трудно было сблизиться съ Полиной; ничто не благопріятствовало нашему сближенію. У насъ не было ничего общаго: она бывала въ извѣстномъ кругу, который мнѣ вовсе не былъ знакомъ. Насъ не могли занимать одни и тѣже предметы; довѣренности ея я не могъ заслужить, самъ ничего ей не разсказывалъ. Всѣ сношенія наши ограничивались обыкновенными учтивостями, которыя пошлостію своею выводили меня часто изъ терпѣнія. Переливать изъ пустого въ порожнее, разговаривая о театрѣ, о нѣкоторыхъ городскихъ новостяхъ или о немногихъ намъ знакомыхъ личностяхъ вовсе не было для меня интересно. Мнѣ хотѣлось чего-то болѣе задушевнаго; но отношенія наши, слишкомъ еще далекія, не позволяли такого перехода. Наступило лѣто. Вел. переѣхали на дачу на Черную рѣчку. Посѣщая окрестности и бывая иногда въ тѣхъ мѣстахъ, я имѣлъ поводъ мимоѣздомъ заходить къ нимъ... Раза два я рѣшился на это. Въ первый разъ приходъ мой повидимому смутилъ ихъ; они приняли меня холодно, не знали, что̀ со мною дѣлать, чѣмъ занять меня. Дача, какую они занимали, была очень простенькая; можетъ быть, они не желали, чтобъ ихъ посѣщали люди не коротко съ ними знакомые; во второй разъ я не замѣчалъ уже прежняго принужденія, со мною были болѣе развязны. Оба раза я не долго оставался, боясь утомить дамъ своимъ присутствіемъ. По переѣздѣ въ городъ посѣщенія мои сдѣлались опять рѣже, но совсѣмъ я отстать не могъ: меня что-то непостижимое тянуло къ Пол. Я нѣсколько короче узналъ ее; все, что̀ о ней было говорено, я частію повѣрилъ на самомъ дѣлѣ; видѣлъ, что она вполнѣ достойная дѣвушка и оправдываетъ молву. Я сталъ уже серьезнѣе задумываться; находилъ, что она и по воспитанію, и по кротости нрава, и по красотѣ превосходитъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ дѣвицъ и удивлялся, какимъ образомъ съ такими качествами она до сихъ поръ не вышла замужъ... Но свѣтская молодежь, которая встрѣчалась съ нею въ обществахъ, не слишкомъ цѣнитъ всѣ эти достоинства, если они не соединяются съ богатствомъ и важными связями. Я хотѣлъ дѣйствовать нѣсколько рѣшительнѣе, но на это, казалось мнѣ, я не имѣлъ еще достаточныхъ правъ: легко могло бы случиться, что она признала бы меня для себя непригоднымъ. Я предоставилъ времени обработать дѣло, а между тѣмъ оно постепенно бы выяснялось.

Въ 1831 году лѣтомъ появилась въ Петербургѣ холера. Объ этой страшной болѣзни давно уже носились слухи, которые сильно

пугали воображеніе. Болѣзнь приближалась къ намъ изъ Азіи; сперва коснулась Оренбургской губерніи, потомъ постепенно подвигалась къ Москвѣ и черезъ нѣсколько времени показалась въ Петербургѣ. Со стороны правительства приняты были мѣры къ лѣченію заболѣвавшихъ; учреждены были въ разныхъ мѣстахъ города больницы, назначены были попечители и особые врачи; послѣдніе очень мало понимали свойства болѣзни, и каждый лѣчилъ по своему. Число больныхъ съ каждымъ днемъ прибывало. Въ газетахъ ежедневно печаталось о ходѣ болѣзни; вскорѣ цифра умиравшихъ достигла до 500 въ день. Въ обществѣ только и было разговору, что о холерѣ. Каждый разсказывалъ о чьей-нибудь смерти. Я самъ жестоко боялся захворать и когда черезъ нѣсколько дней послѣ появленія болѣзни у меня сдѣлался холерическій припадокъ, я счелъ себя погибшимъ. Въ это самое время я получилъ записку отъ одного изъ моихъ сослуживцевъ съ убѣдительною просьбою дать ему 300 р. ассиг. на погребеніе его отца, умершаго въ эту ночь отъ холеры. Я долго колебался; мнѣ хотѣлось ему помочь, деньги у меня были, но разсчитывалъ съ другой стороны, что можетъ быть черезъ нѣсколько часовъ и меня не станетъ, и деньги понадобятся на собственные мои похороны. Однакожъ я рѣшился послать деньги. Я отдѣлался однимъ страхомъ. На другой день я былъ совершенно здоровъ и пересталъ даже бояться холеры, освободившись отъ скверной, испорченной желчи, которая была истинною причиною моего безпокойства. Къ крайнему моему неудовольствію на меня возложили въ это время, по службѣ, новыя обязанности сверхъ моей должности. Все утро я былъ сильно занятъ, и не было досуга думать о другомъ. За то послѣ обѣда я былъ самый несчастный человѣкъ; скука меня страшно одолѣвала; лѣто было необыкновенно душное, солнце едва проглядывало изъ-за густого тумана или дыма; на улицахъ происходили волненія; въ народѣ распространилось убѣжденіе, что Поляки отравляютъ колодцы и провизію, и что съ ними за одно нѣкоторые доктора; толпы мужиковъ останавливали прохожихъ, обыскивали ихъ и если случайно находили въ карманахъ скляночки или коробочки съ какимъ-нибудь снадобьемъ, которое многіе носили изъ предосторожности для собственнаго употребленія, то подвергали ихъ оскорбленіямъ и побоямъ. Народъ въ своемъ безуміи вламывался въ холерныя больницы, билъ докторовъ и уносилъ оттуда больныхъ. Я былъ свидѣтелемъ одной подобной сцены. Изъ больницы на Сѣнной вытащили одного больного, составили носилки и съ торжествомъ несли его по улицѣ до самой Большой Конюшенной, гдѣ и внесли его въ одинъ домъ. Я провожалъ эту любопытную процессію до самаго мѣста, желая знать, чѣмъ это кончится. Въ этой больницѣ дежурный докторъ былъ выброшенъ

изъ окна и погибъ на мѣстѣ. Полиція старалась принять всѣ мѣры, чтобъ унять толпу; караулы были усилены, и отрядъ войскъ всегда былъ готовъ въ случаѣ малѣйшаго волненія. Въ одинъ день самъ Государь пріѣхалъ на Сѣнную площадь въ открытой коляскѣ, остановился и произнесъ къ народу сильную рѣчь; многіе стали на колѣни. Сцена эта изображена въ одной литографированной картинѣ, впрочемъ дурной работы. Холеру считали болѣзнію заразительною; само правительство поддерживало эту мысль и принимало разныя карантинныя мѣры; она поражала людей во всѣхъ возрастахъ и не щадила ни здоровыхъ, ни болѣзненныхъ, ни стариковъ, ни молодыхъ. Разныя разсужденія, описанія и предостереженія, которыя безпрерывно появлялись въ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ, офиціальныхъ и частныхъ, сильно настроивали воображеніе читающей публики; но простой народъ, который ничего не читаетъ и думаетъ только о своихъ ежедневныхъ матеріальныхъ нуждахъ, встрѣтилъ холеру совсѣмъ иначе, то есть вовсе не со страхомъ, а съ негодованіемъ противъ Поляковъ, которые будто бы составили заговоръ, чтобы вредить Русскимъ изъ старинной къ нимъ ненависти. Сколько съ одной стороны люди болѣе образованные предавались унынію, столько съ другой, простой народъ становился болѣе и болѣе дерзкимъ, принимая на себя энергическія мѣры къ уничтоженію причинъ болѣзни, которую онъ приписывалъ людямъ злонамѣреннымъ. Одни до такой степени боялись болѣзни, что совершенно заперлись и прекратили сообщенія съ обществомъ; другіе напротивъ толпились вездѣ массами, не принимая никакихъ предосторожностей и безпощадно пожирая огурцы, незрѣлыя ягоды и всякую дрянь, которую вовсе не считала вредною, а напротивъ радовалась, что все это дешево.

Къ числу трусливыхъ принадлежали и Веловзоры Они, согласившись съ своими родственниками Адамсами, которые тоже были напуганы холерою, наскоро перебрались въ колонію на 11-й верстѣ по Царскосельской дорогѣ. Однажды я рѣшился посѣтить ихъ въ этомъ уединеніи. Намѣреніе мое было нѣсколько дерзкое. Я увѣренъ былъ, что они неохотно примутъ человѣка, пріѣхавшаго изъ города, гдѣ свирѣпствуетъ холера; но меня самого одолѣвала такая тоска, что мнѣ необходимо было нѣсколько освѣжиться другимъ воздухомъ и помѣняться словами съ пріятными людьми. Я отправился въ колонію и сталъ обозрѣвать дома, не увижу ли въ окнахъ знакомыхъ лицъ, и дѣйствительно въ небольшомъ садикѣ передъ однимъ домомъ я увидѣлъ моихъ любезныхъ дамъ. Съ робостію я подошелъ къ нимъ. Онѣ недовѣрчиво посмотрѣли на меня, взглянули другъ на друга, не зная на

что рѣшиться, принять ли меня или нѣтъ. Онѣ были въ полномъ убѣжденіи, что холера переносится людьми изъ одного мѣста въ другое. Въ особенности трусила Адамсъ. Она до такой степени испугалась холеры, что бросила свой домъ на произволъ судьбы, велѣла закладывать лошадей; прежде нежели онѣ были заложены, усѣлась въ экипажъ, понуждая кучера поскорѣе справляться и, не сдѣлавъ никакого по дому распоряженія, почти въ чемъ была, ускакала въ колонію. При всей боязни своей, дамы не рѣшились отказать мнѣ въ пріемѣ. Поговоривъ со мною черезъ загородку, онѣ пригласили меня въ комнаты. Этимъ онѣ показали мнѣ большую довѣренность: имъ не хотѣлось высказать, какъ они тѣсно помѣщаются въ домикѣ, который заняли. Всего у нихъ было три комнаты. Въ одной спали Адамсы, въ другой помѣстились Велов.; въ третьей, за ширмами, стояла постель Полины. Имъ совѣстно было принять сюда посторонняго; но я тотчасъ простотою своего обращенія поставилъ ихъ въ развязное положеніе, вовсе не занимался ихъ помѣщеніемъ и сталъ разсказывать о происшествіяхъ городскихъ. У нихъ никто не былъ въ продолженіе многихъ дней, сами въ городъ не посылали и ничего не знали, что̀ тамъ дѣлается. Всѣ они вели самый строгій и регулярный образъ жизни, почти ничего не ѣли, ложились спать въ 10 часовъ. Я долго не могъ оставаться, чтобъ не разстроить домашняго порядка, надобно было пораньше удалиться. Ночевалъ я въ колоніи и возвратился въ городъ уже на другой день. Подобное путешествіе я совершилъ раза четыре. Съ какою неизъяснимою радостію оставлялъ я каждый разъ городъ, гдѣ холера продолжала свирѣпствовать съ необыкновенною силою; за заставою я совершенно оживалъ, а мысль увидѣться съ Пол. поставляла меня въ самое веселое расположеніе духа. Чаще я не смѣлъ ѣздить, чтобъ не подать повода къ толкамъ. Такъ прошло лѣто. Въ Августѣ холера начала ослабѣвать и къ половинѣ мѣсяца почти совсѣмъ прекратилась. Веловзоры переѣхали въ городъ.

Въ жизни моей не было ни цѣли, ни плана. Одинъ день проходилъ какъ другой, не оставляя за собою никакихъ впечатлѣній; нигдѣ и ни въ чемъ я не находилъ удовольствій, иногда по цѣлымъ недѣлямъ просиживалъ дома, никуда не показываясь. Скука одиночества преслѣдовала меня повсюду. Я рѣшился сдѣлать предложеніе Полинѣ. Строго анализируя чувства мои къ ней, я находилъ, что вовсе не былъ влюбленъ въ нее. Она не грезилась мнѣ постоянно; я спокойно занимался своими дѣлами и книгами. Но когда она приходила мнѣ на мысль, то всегда представлялась въ видѣ кроткой, милой хозяйки дома, доброй, умной подруги, и я чувствовалъ, что она можетъ наполнить мою жизнь.

До сихъ поръ я мало еще съ нею сблизился, отношенія наши были довольно натянуты; не было особенной довѣренности другъ къ другу, разговоръ вертѣлся на однихъ учтивостяхъ; большую часть времени я толковалъ съ стариками, а съ нею наединѣ не удалось мнѣ сказать и двухъ словъ; не могъ я ни сообщить ей моихъ чувствъ, ни услышать отъ нея задушевнаго слова. Я не видѣлъ исхода этому. Если предоставить времени дать мнѣ удобный случай объясниться съ нею, то при несчастной обстановкѣ Полины, казалось, никогда бы я этого не дождался. Вотчимъ ея былъ человѣкъ, съ которымъ нельзя было коротко сойтись. Онъ у меня ни разу не былъ, вообще удалялся отъ всякаго общества, говорить ни о чемъ не умѣлъ, никакими дѣлами не интересовался; всегда былъ угрюмъ, хотя старался быть привѣтливымъ, но послѣднее ему худо удавалось. Въ разговорѣ его всегда была натянутость, которая меня очень утомляла; избѣгать же его было невозможно: онъ всегда почти присутствовалъ, когда я приходилъ къ нимъ и считалъ своею обязанностію занимать меня. Въ другихъ домахъ или публичнымъ мѣстахъ мы съ Пол. никогда не встрѣчались такъ, чтобы можно было уловить свободную минуту поговорить съ нею безъ свидѣтелей. Между тѣмъ я замѣчалъ, что я пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ ея. Хотя я не имѣлъ много случаевъ выказать себя съ той стороны, что я вовсе не похожъ на большую часть салонной молодежи, которая щеголяетъ фрасами, твердо заучивши все, что̀ принято въ отборномъ обществѣ и что я имѣю собственную самостоятельность: но и въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ нельзя было ей не замѣтить нѣкоторой независимости моихъ мнѣній, что̀ всегда рекомендуетъ человѣка въ глазахъ женщины, которая охотнѣе подчиняется лицу съ твердыми правилами, нежели легкомысленному, какими бы достоинствами оно ни обладало въ другомъ отношеніи. Я имѣлъ предчувствіе, сознаніе, даже увѣренность, что предложеніе мое не будетъ отвергнуто; часто однакоже я обращалъ на себя мысль, какая ей выгода выходить за меня. Что̀ я могу ей доставить? У меня не было ни состоянія, ни замѣчательной каріеры по службѣ, ни особенной привлекательной фигуры, ни свѣтскости. Притомъ я не выказалъ ей силы чувствъ, былъ большею частію съ нею остороженъ, даже до излишества я ничѣмъ не могъ заинтересовать ее собою. Одно, что̀ могло обратить ея вниманіе на меня, это постоянство, съ которымъ я посѣщалъ ихъ домъ, не смотря на всѣ невыгодныя условія для этого: Вел. не могли доставить гостю никакого развлеченія, кромѣ своей бесѣды, по большей части сухой, скучной, натянутой; у нихъ никогда никого не было, слѣдовательно разговоръ долженъ былъ происходить между одними нами, что крайне отягощало и меня, и дамъ; не было никакого посторонняго

рессурса; хотя бы когда-нибудь составилась партія виста, которая способствовала бы сокращенію времени; иначе долѣе часа или полутора просидѣть у нихъ нельзя было. Я рѣшился дѣйствовать настоятельно и если я уже принялъ твердое намѣреніе искать руки Пол., то не слѣдовало откладывать долѣе и ограничиваться ожиданіями случаевъ къ объясненію, которые, можетъ быть, еще долго не представятся.

Я написалъ письмо къ Адамсу и просилъ его передать Пол. мои намѣренія. Я выразилъ въ письмѣ, сколько цѣню отмѣнныя ея достоинства и при этомъ выказалъ все свое безкорыстіе. Я дѣйствительно не зналъ, есть ли что за нею и вовсе не думалъ о приданомъ. Въ это время, конечно, я мало разсуждалъ о томъ, какую жизнь будемъ вести; мнѣ казалось, что моихъ доходовъ будетъ очень достаточно для семейнаго положенія нашего. Письмо мое принято было очень благосклонно. Оно тронуло Пол. Адамсъ пересказалъ мнѣ весь разговоръ. Послѣ того я рѣшился явиться къ Пол. и лично объясниться.

9 Августа 1831 г. я пришелъ къ Веловзорамъ. Я былъ покоенъ и въ твердой рѣшимости кончить дѣло. Обо мнѣ доложили. Долго никто не показывался. Къ счастію моему случился у нихъ гимназистъ Мосягинъ, двоюродный братъ Пол., съ которымъ я могъ заняться въ ожиданіи дамъ. Прошло съ полчаса; наконецъ явилась Пол. Она знала, зачѣмъ я пришелъ. На лицѣ ея написано было сильное безпокойство. Я взялъ ее за руку, посадилъ подлѣ себя, что-то сказалъ ей невнятное; душа моя была въ волненіи: у меня недоставало словъ, чтобъ ясно выразить ей цѣль моего прихода. Пол. ничего не слыхала, что я ей бормоталъ; положеніе обоихъ насъ было очень затруднительное. Изъ всей этой сцены я помню только то, что не дѣлалъ ей никакихъ предложеній, а она не давала мнѣ никакого согласія, но мы поняли другъ друга. «Знаете ли, сказала она мнѣ вдругъ, что мнѣ уже 23-й годъ?» Какъ будто это ее тяготило. Какая мнѣ нужда знать, который вамъ годъ, отвѣчалъ я: для меня вы дороги, а не ваши лѣта. Эту выходку, какъ она смѣшна ни казалась, я вполнѣ оцѣнилъ. Въ ней было столько деликатности. И въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, какъ лѣта женщины, она хотѣла быть искреннею. Явилась матушка. Ну, какъ дѣла ваши? спросила она. Она согласна, отвѣчалъ я, бросившись къ ней; будьте и моею матушкою. Меня поздравили. Пол. нѣсколько успокоилась, я остался обѣдать. Пили Шампанское. И я сдѣлался женихомъ.

Началась новая для меня жизнь. Я сталъ ходить къ невѣстѣ моей каждый день; мало-по-малу мы сближались, дѣлались откровеннѣе 15-го Августа насъ помолвили. Я дѣлалъ обычные подарки; въ выбо-

рѣ вещей руководствовала меня Даргомыжская, которая хотя и претендовала на меня за невниманіе къ ея дочери, но по свойственной ей добротѣ продолжала быть ко мнѣ ласковою; придумывала такіе подарки, которые, по ея мнѣнію, могли нравиться моей невѣстѣ, сочинила даже стихи, въ родѣ логогрифа, для ящика съ духами и, не бывши съ нею знакомою, отослала ихъ прямо отъ себя вмѣстѣ съ вещью. Все шло какъ нельзя лучше. Искусъ мой продолжался слишкомъ три мѣсяца. Въ это время, конечно, были и скучные дни. У Велов. рѣдко бывали посторонніе; мы проводили время почти всегда одни; иногда не знали чѣмъ себя занять и о чемъ говорить. Самъ Велов. хотя и продолжалъ еще нѣсколько со мною церемониться, но уже смѣлѣе выказывалъ свои привычки. Онъ обыкновенно оживалъ къ вечеру, а цѣлый день валялся на постели. Лучшая часть дня для него было время ужина. Онъ сидѣлъ за столомъ до утра, не давая никому спать. Понемногу онъ выпивалъ одну или двѣ бутылки сотерну, и это дѣлалось каждый день. Число бутылокъ постепенно прибавлялось до того времени, пока онъ не приходилъ въ разгоряченное состояніе съ потерею даже правильнаго сознанія. Онъ дѣлался боленъ, ложился на нѣсколько дней въ постель, охалъ, вздыхалъ; никто уже тогда его не видѣлъ: ему совѣстно было показываться. Черезъ два - три дня онъ справлялся и принимался за прежнее. За этими ужинами я не присутствовалъ, и если иногда засиживался позднѣе обыкновеннаго, то оставался поѣсть кое-что и немедленно удалялся домой, оставляя Велов. доканчивать ужинъ, какъ ему угодно. Между тѣмъ я усердно занимался приготовленіями къ устройству будущаго нашего хозяйства. Я нанялъ себѣ очень чистенькую квартиру у Преображенія, въ домѣ Лисицына, окнами на артилерійскій плацъ; невѣста съ своей стороны готовила все, что̀ казалось нужнымъ. Наступалъ Рождественскій постъ, откладывать свадьбу нельзя было далѣе 13 Ноября; я назначилъ 11-го. Насталъ ожиданный день. Наканунѣ я много думалъ о немъ, но мало тревожился. Голова была покойна. Я, ложась послѣднюю ночь спать, съ большимъ вниманіемъ читалъ какой-то серьезный увражъ. Свадьба совершалась въ церкви Инженернаго замка; гостей приглашено было много. Священникъ Маловъ прочелъ намъ наставленіе, которое, какъ мнѣ сказывали, всѣмъ понравилось. Въ 11-ть часовъ всѣ разъѣхались. Полина была въ этотъ вечеръ прелестна; оба мы были утомлены до чрезвычайности. Наконецъ я женатъ!

Черезъ нѣсколько дней мы потащились съ визитами. У насъ обоихъ было множество знакомыхъ. Сколько я ни хлопоталъ о томъ, чтобъ не распространять знакомствъ, а ограничиться небольшимъ кругомъ

людей, пріятныхъ и необходимыхъ, но долженъ былъ уступить просьбамъ новыхъ моихъ родныхъ и жены, чтобъ не обидѣть того или другого. Меня убѣждали тѣмъ, что, послѣ отвѣтнаго визита, можно вновь не ѣздить къ тѣмъ лицамъ, съ которыми не желаешь продолжать знакомства. Убѣжденіе было логическое. Мы у всѣхъ перебывали, всѣ были у насъ, высмотрѣли, какъ мы устроились, и тѣмъ кончились наши сношенія. Я былъ очень благодаренъ женѣ, что она, съ дѣтства пріученная къ выѣздамъ и къ свѣтскимъ развлеченіямъ, скоро усвоилась съ тѣмъ родомъ жизни, который мы по способамъ нашимъ вести могли. Жена моя была необыкновенно ласкова; ее всѣ любили; она не позволяла себѣ никакой насмѣшки, никакого замѣчанія сколько нибудь рѣзкаго насчетъ другихъ; если порицала кого-нибудь, то съ большою осторожностію, стараясь по возможности оправдывать его поступки; была внимательна и къ такимъ людямъ, которые того не стоили. Всѣмъ нравился тонъ ея обращенія, всегда привѣтливый, добросердечный, деликатный и лестный для самолюбія другихъ. Характера была кроткаго до излишества; всякая самостоятельность повидимому у нея исчезла. Она сдѣлалась совершенно мнѣ преданною. Малѣйшія желанія мои были исполняемы, и я часто удивлялся, какъ она ихъ угадывала. Я не могъ себѣ объяснить этого. Обыкновенно я не бывалъ говорливъ и никогда не разсказывалъ ей, если случалось со мною что-нибудь непріятное; но она всегда отгадывала по лицу моему, что у меня грусть на сердцѣ и старалась допытаться, что̀ меня безпокоитъ. Это часто ей не удавалось, но она не унывала и мало-по-малу посредствомъ хитрыхъ разспросовъ проникала мои мысли, какъ я ни старался скрывать ихъ. Вообще по самолюбію я не любилъ дѣлиться съ нею моимъ горемъ, находя, что я одинъ съ нимъ справлюсь. Но это меня не устроивало: она начинала скучать, безпокоиться, не отходила отъ меня и до тѣхъ поръ ухаживала за мною, пока я не высказывалъ ей всего, что̀ было у меня на душѣ. Я не могъ удалить ее: это было бы жестоко послѣ такого участія, какое она выказывала; она заслуживала полную довѣренность своею привязанностію. Она любила меня со всею страстію. Когда случалось мнѣ поздно возвращаться домой, она начинала тосковать до такой степени, что забывала все въ домѣ; прислушивалась къ малѣйшему шуму, не иду ли я, перебирала въ головѣ всѣ несчастія, какія могли бы со мною случиться, то—или меня переѣхали экипажемъ, то напали на меня воры, то случился со мною припадокъ, и меня прибрали въ часть. Она не отходила отъ окна и въ каждомъ, сколько нибудь похожемъ на меня по росту, по походкѣ, она видѣла меня, двадцать разъ ожиданія ея не сбывались, столько же разъ она предавалась грусти. Вечеромъ за тем-

нотою она не могла видѣть проходящихъ; тогда она прислушивалась къ стуку экипажей, и если который изъ нихъ останавливался, она тотчасъ бросалась къ окну и старалась во мракѣ разглядѣть мою фигуру. Она рѣдко ложилась спать, какъ бы поздно я ни приходилъ. Безпрерывно я выговаривалъ ей за это и требовалъ, чтобъ она не разстраивала своего здоровья напрасными ожиданіями моего возвращенія. Мои замѣчанія не дѣйствовали; иногда я заставалъ ее уже въ постели, она притворялась спящею, но я сейчасъ открывалъ, что она меня обманывала, дабы я снова не ворчалъ. Я не понималъ этой привязанности; мнѣ казалось неестественнымъ это безпрерывное безпокойство, когда не было никакой основательной причины безпокоиться. Нельзя было не цѣнить этой любви, но она переходила границы и могла быть объяснена только натурою женскою, въ тонкости не доступною для пониманія мужчины, болѣе увлекаемаго положительностію. Жена моя страдала нѣкоторою раздражительностію, малѣйшую непріятность она принимала слишкомъ близко къ сердцу, и это меня часто огорчало, потому что отъ этого выказывалось много неровности въ ея дѣйствіяхъ. Домашнее наше спокойствіе часто возмущаемо было семейнымъ положеніемъ матери моей жены. Мужъ ея, преданный невоздержанію и праздности, наносилъ ей безпрерывныя огорченія, многое отъ насъ было скрываемо, но многое было и извѣстно. Жена моя видимо страдала; если случалась какая нибудь непріятность въ домѣ Велов., она тотчасъ летѣла туда. Я упрашивалъ ее не вмѣшиваться въ чужія дѣла, доказывалъ, что у нея теперь новыя обязанности въ отношеніи къ мужу, къ своему собственному дому, но она сердилась на меня за равнодушіе къ матери. Ей казалось, что она присутствіемъ своимъ нѣсколько облегчитъ горе матери, и ничто немогло ее остановить: ни дурная погода, ни самое нездоровье. Она спѣшила принести ей утѣшеніе и выказать свое участіе. Это часто меня бѣсило. Я не могъ быть покоенъ, долженъ былъ входить въ домашнія дрязги другого семейства. Поведеніе Вел. выводило меня изъ терпѣнія, и я рѣшился ему это замѣчать: онъ сердился, мы ссорились и переставали бывать другъ у друга. Но такое положеніе дѣлъ не могло длиться долго. Надобно было опять сходиться. Подъ конецъ, видя, что я перемѣнить положеніе дѣлъ не могу, я сталъ смотрѣть на все это гораздо равнодушнѣе, старался избѣгать разговоровъ и показывалъ, что я ничего не знаю. Должно было уступить необходимости; это было единственное средство жить въ мирѣ и согласіи. Но тѣмъ не менѣе я страдалъ за жену, которая продолжала бѣгать въ домъ къ матери каждый разъ, когда случалась какая нибудь тамъ исторія. Это имѣло гибельное вліяніе на ея здоровье.

Большую часть прежнихъ знакомыхъ моей жены мы оставили. Они не соединяли въ себѣ ничего, что̀ соотвѣтствовало бы нашему скромному образу жизни и въ особенности моимъ требованіямъ. Намъ нужна была простота, привѣтливость, а тамъ находили роскошь, тщеславіе, чванство, свѣтскую пустоту. Раза два или три мы были у генерала Депрерадовича на его шумныхъ вечерахъ, а большею частію ограничивались выѣздомъ къ самымъ короткимъ знакомымъ безъ всякой претензіи на свѣтскость.

Вскорѣ послѣ женитьбы мнѣ назначили казенную квартиру въ домѣ департамента. Это много облегчило мои расходы. Но до переѣзда мы рѣшились провести лѣто на дачѣ. Наняли весьма скромный домикъ въ Колтовской противъ Крестовскаго острова. Мѣсто это было не совсѣмъ удачное. Мнѣ было очень далеко ѣздить оттуда въ городъ къ должности, притомъ по самой скверной дорогѣ; своего экипажа у меня не было, часто приходилось тащиться долгое время пѣшкомъ; но я не былъ избалованъ, терпѣлъ нужду и не могъ позволить себѣ прихотей. Жена также скоро подчинилась необходимости и легко забыла приманки роскоши прежней нѣсколько шумной жизни. Переѣздъ лѣтомъ на дачу составляетъ какую-то болѣзненную необходимость Петербургскихъ жителей, имѣющихъ малѣйшіе способы позволить себѣ эту прихоть. Дѣйствительно, пребываніе лѣтомъ въ городѣ почти невыносимо, не столько потому, что страдаешь отъ жара, который не долго продолжается, сколько по отсутствію всякой общежительности и по недостатку развлеченія. Въ долгіе лѣтніе дни не знаешь куда дѣться отъ скуки продолжительнаго одиночества. Мы послѣдовали общему примѣру. Надобно было себя нѣсколько освѣжить загороднымъ воздухомъ. Мы много гуляли по окрестностямъ, но одна изъ такихъ прогулокъ была крайне неудачна. Жена была беременна почти на 8-мъ мѣсяцѣ. Переходя небольшую канавку, она поскользнулась по сухой травѣ и упала. Казалось, не случилось съ нею ничего особеннаго. Послѣ обѣда пріѣхали къ намъ Велов. Мы гуляли съ ними, а вечеромъ былъ гдѣ-то фейерверкъ *) и мы пошли смотрѣть его. Все это до крайности утомило мою жену. Часу во 2-мъ ночи она почувствовала приближеніе родовъ. Послали въ городъ за бабкою и пока ѣздили за нею, жена моя родила преждевременно мальчика. Это случилось въ половинѣ Августа, когда приходилось скоро переѣзжать въ городъ. Надобно было оставаться все время на дачѣ, пока жена не оправится. Недѣли черезъ двѣ переѣздъ оказался возможнымъ. Не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, повидимому ничтожномъ,

*) Который я устроилъ и за который чуть не попалъ въ полицію.

но оставившемъ во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ родовъ моей жены я услышалъ большой стукъ на крыльцѣ. Люди суетились, въ передней никого не было, а между тѣмъ стукъ повторился. Я самъ вышелъ посмотрѣть, что̀ тамъ такое и увидалъ въ окно, что ломится какая-то женщина вся въ черномъ. Я спросилъ, что̀ ей надобно, и она стала просить пособія. Она попала ко мнѣ въ минуту неудобную. Я съ грубостью отослалъ ее, за ея неприличную стукотню. Но черезъ нѣсколько минутъ я пожалѣлъ объ этомъ; мнѣ слѣдовало дать ей что-нибудь. Я счелъ явленіе этой черной женщины дурнымъ предзнаменованіемъ, и дѣйствительно родившійся ребенокъ послѣ десятинедѣльнаго существованія умеръ.

На новой квартирѣ мы устроились довольно просторно. Назначили у себя пріемный въ недѣлю день, въ который постоянно пріѣзжали къ намъ короткіе наши знакомые. Въ Петербургѣ назначеніе дня для пріемовъ считалось необходимостію, что̀ представлялось удобнымъ для того, чтобъ желающіе видѣться не ѣздили даромъ другъ къ другу, а были уже увѣрены, что застанутъ дома; да и хозяевамъ лучше посвятить для пріемовъ одинъ день въ недѣлю, нежели принимать каждый день и не быть никогда покойнымъ. На слѣдующій годъ (1833) родился у насъ другой сынъ (Иванъ). Жена была вообще слабаго сложенія, но не смотря на это хотѣла во что бы ни стало выполнять самой всѣ материнскія обязанности, хотя у ней было очень мало молока; она не спала по ночамъ, поглядывая на мальчика, хорошо ли спитъ, покоенъ ли и не случилось ли чего съ нимъ. Всѣ увѣщанія мои поменьше о немъ заботиться и быть покойнѣе были напрасны. Она видимо истощалась, худѣла и слабѣла. Наконецъ доктора нашли необходимымъ отправить ее въ Ревель купаться въ морѣ. Она не смѣла не исполнить докторскихъ приказаній, и мы съ наступленіемъ лѣтнихъ дней 1834 года поѣхали въ Ревель. Я былъ очень доволенъ этою поѣздкою; мнѣ давно хотѣлось освѣжиться на свободѣ; взялъ отпускъ на три мѣсяца, притомъ освобождался отъ столкновеній съ Веловзор. и могъ прожить нѣкоторое время вдали отъ дрязгъ моихъ новыхъ родныхъ, съ которыми судьбѣ угодно было свести меня. Я надѣялся, что разлука съ ними и моей жены будетъ для нея очень полезна. Намъ наняли въ Ревелѣ небольшую квартиру въ Екатеринталѣ, близко отъ морскихъ купаленъ и отъ сада. Мѣсто прекрасное, но оно представляло то неудобство, что мы были окружены пріѣзжими изъ Петербурга, большею частію людьми богатыми и знатными. Это насъ много стѣсняло: мы вовсе не разсчитывали заводить въ Ревелѣ знакомства, а пріѣхали единственно попользоваться свободою, независимостію и купаніемъ въ морѣ. Я не по-

ѣхалъ съ визитомъ ни къ губернатору, ни къ начальнику маяковъ Спафарьеву, въ домѣ котораго собиралось все лучшее общество, ни къ другимъ знаменитостямъ Ревеля; мы позволяли себѣ только одно развлеченіе: бывать въ салонѣ близъ морскихъ купаленъ, гдѣ одинъ разъ въ недѣлю собиралось общество танцовать подъ звуки двухъ арфъ. Хотя тамъ жена моя познакомилась съ нѣкоторыми дамами, но это знакомство ограничивалось одними привѣтствіями и учтивостями и не доходило до короткости. Впрочемъ изъ бывшихъ въ то время въ Ревелѣ дамъ мы не встрѣтили ни одной, которая соотвѣтствовала бы нашимъ требованіямъ. По большей части всѣ думали только о щегольствѣ и нарядахъ, искали шумныхъ развлеченій, ничѣмъ другимъ не занимались, кромѣ пересудовъ. Мы старались держать себя подальше отъ нихъ... Иногда однакожъ мы порядочно скучали въ одиночествѣ. Часто составлялись въ обществѣ загородныя прогулки, пикники, на которые насъ, какъ незнакомыхъ, не приглашали. Я этимъ былъ очень доволенъ, потому что избѣгалъ лишнихъ расходовъ, но жену мою такое отчужденіе отъ общества досадовало. Что нибудь одно: или пускаться въ вихрь свѣта, и тогда надобно быть готовымъ на всѣ жертвы, какія отъ насъ свѣтъ требуетъ, хоть бы онѣ были даже намъ не по силамъ, или отказаться отъ свѣта и жить уединенно, собственно для себя, и тогда уже не думать о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно найти въ свѣтскомъ обществѣ. Къ несчастію женская натура требуетъ сообщительности: она не можетъ довольствоваться одними домашними занятіями... Женщина всегда стремится показать себя другимъ, особенно, если она не дурна собою и чувствуетъ, что можетъ нравиться, а также поболтать съ знакомыми о разныхъ житейскихъ мелочахъ, которыя составляютъ ея обстановку. Отрѣшиться отъ общества и заключиться въ предѣлахъ своего домашняго быта женщина не въ состояніи. Это не въ ея натурѣ и если бываютъ исключенія, то это съ одичавшими женщинами, вслѣдствіе какой нибудь особенности въ характерѣ или очень невыгодныхъ для нея обстоятельствъ, заставляющихъ ее скрываться отъ людей; но и тутъ, если она не совершенно апатична, она ищетъ случая поговорить съ женщинами низшаго круга и послушать сплетней своего околотка. Заѣхавъ въ незнакомый намъ городъ, мы ничего не знали, что́ въ немъ происходитъ; пріѣзжіе насъ мало интересовали; мы жили какъ въ монастырѣ. Изрѣдка бывали только у тамошняго жандармскаго штабъ-офицера Грессера, который приходился намъ нѣсколько сродни. Жена его, урожденная Рашетъ, была очень кроткая и пріятная женщина. За всѣмъ тѣмъ мы не избѣжали суетности.

Въ сосѣдствѣ нашемъ, въ Екатеринентадѣ, жила графиня Уварова, жена министра нар. просвѣщенія, съ двумя дочерьми и сыномъ. Уварова знала жену мою по прежнимъ отношеніямъ съ Рославлевой, у которой жена моя воспитывалась. Старшая дочь Уваровой часто игрывала съ нею, будучи еще ребенкомъ. Онѣ встрѣтились какъ-то на купаньи, сейчасъ сошлись, вспомнивъ старину. Вскорѣ графиня пригласила насъ къ себѣ, и мы стали посѣщать ее и иногда составлять партію. Однажды дочь Уваровой забѣжала къ намъ и, увидя на столѣ какой-то Французскій романъ, взятый нами для прочтенія изъ книжной лавки, выпросила его прочесть. Жена ей дала. Романъ состоялъ изъ пяти волюмовъ; отдано было четыре, а пятый не былъ еще полученъ изъ лавки, и я обѣщалъ его доставить черезъ нѣсколько дней. Спустя нѣкоторое время, бывши у Уваровыхъ, я сталъ извиняться передъ дѣвицею, что до сего времени не успѣлъ получить для нея пятаго волюма. Мать ея, вслушавшись въ разговоръ, отозвала жену мою въ сторону и стала распрашивать, какіе это романы мы даемъ читать ея дочери. Жена отвѣчала, что романъ самый обыкновенный и приличный, и она не встрѣтила никакого затрудненія дать его въ руки дѣвицы; но Уварова не удовольствовалась этимъ объясненіемъ и съ нѣкоторою желчью замѣтила женѣ моей, что не слѣдовало давать дочери ея книгъ, не сказавъ о томъ ей матери. Жена оправдывалась тѣмъ, что она вовсе не знала о распорядкѣ, обязывающемъ дочь ея читать книги не иначе, какъ по выбору и дозволенію матери. Уварова кидала гнѣвные взоры на дочь свою и на мою жену. Я стоялъ переконфуженный и воспользовался первою удобною минутою, чтобъ увести жену мою домой. Дорогою я изъявлялъ ей мое негодованіе на Уварову, по какому праву она осмѣливается дѣлать намъ замѣчаніе за выдачу книгъ дочери ея; она можетъ разсчитываться съ дочерью за чтеніе недозволенныхъ книгъ какъ ей угодно, но никто не обязанъ знать домашнія ея постановленія и правила въ отношеніи воспитанія ея дочерей. Притомъ старшая дочь ея уже взрослая дѣвушка, и ей около 20 лѣтъ, поэтому никому въ голову прійти не можетъ, что она состоитъ еще подъ такою строгою опекою матери. Мы положили прекратить знакомство съ Уваровыми и не приходить къ нимъ, если бы даже получили приглашеніе. Мы легли спать въ самомъ дурномъ расположеніи духа. На другой день довольно рано утромъ явился къ намъ человѣкъ отъ Уваровой съ просьбою доставить чей-то адресъ, который и былъ мною данъ; черезъ часъ, послѣ того новый посланный съ приглашеніемъ женѣ моей пожаловать къ графинѣ... Потолковавъ между собою, мы рѣшили, что жена отправится по приглашенію, но постарается выразить Уваровой, какъ непріятно

было выслушивать ея замѣчанія. Жена вскорѣ воротилась и разсказала мнѣ происходившую между ними сцену. Уварова встрѣтила ее со слезами на глазахъ, извинялась въ своемъ вчерашнемъ увлеченіи и жаловалась на дочь, что та, не смотря на запрещеніе читать книги безъ предварительнаго представленія ихъ на ея усмотрѣніе, не слушается ея и читаетъ украдкою все, что̀ ей попадается. Послѣ такого объясненія происходили обниманія и цѣлованія, и жена пришла домой растроганная. Я очень доволенъ былъ развязкою и продолжалъ посѣщать Уваровыхъ... Странная забота матери о нравственности своей дочери. Эта дѣвушка, не смотря на прежній надзоръ, по выходѣ замужъ за кн. Урусова, сдѣлалась вскорѣ одною изъ первыхъ львицъ въ Петербургѣ, и однажды такъ блистательно отличилась вмѣстѣ съ двумя подобными ей пріятельницами въ одномъ изъ знаменитыхъ Петербургскихъ ресторановъ, гдѣ онѣ страшно покутили, что сдѣлалась предметомъ удивленія Петербургскихъ жителей, которые ничему уже не удивляются.... Княгиня уѣхала за границу, гдѣ ей, повидимому, больше простора. Странно, какъ графъ Уваровъ, который слылъ человѣкомъ умнымъ, могъ допустить это. Онъ, кажется, болѣе занимался Греческимъ языкомъ и придворными интригами, нежели воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыхъ велъ такъ, какъ вообще ведутъ знатные господа, т.-е. все для наружности и очень мало для сущности. Впрочемъ сынъ его вышелъ порядочнымъ человѣкомъ, хотя мало приспособилъ себя для общественной дѣятельности. Вторая дочь его вышла за Балабина, но не долго просуществовала; она умерла очень молодою.

Мы до конца сезона посѣщали Уваровыхъ. Иногда они составляли пикники, и я долженъ былъ сопровождать ихъ. Обязанности кавалеровъ въ подобныхъ прогулкахъ довольно начетисты для кармана. Надобно угощать дамъ фруктами, конфектами и проч. Поневолѣ любезничаешь, хотя и нѣтъ лишнихъ денегъ въ бумажникѣ... Я порядочно издержался въ два пикника, такъ что разстроился мой финансовый бумажникъ, и я долженъ былъ занять нѣсколько денегъ, чтобъ не встрѣтить остановки въ расходахъ на обратный путь.

Ревель оставилъ во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Устроившись въ Екатериненталѣ, гдѣ поселялись обыкновенно пріѣзжіе съ претензіями на знатность и утонченную свѣтскость, мы очень были стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ. Надобно было заботиться о костюмѣ, часто прибѣгать къ наемнымъ экипажамъ, даже принимать гостей. У насъ не было тамъ искреннихъ друзей, съ которыми можно было проводить время въ пріятной и искренней болтовнѣ. Насъ окружали однѣ модныя франтихи, большею частію пріѣхавшія въ Ревель безъ мужей. Съ

ними была невыносимая скука, и мы отъ нихъ удалялись. Притомъ Ревель самъ по себѣ скучный городъ. Коренные жители вообще не сходятся съ пріѣзжими. Простота ихъ нравовъ и неприхотливость въ домашнемъ быту составляютъ рѣзкую противоположность съ высокомѣріемъ и тщеславіемъ нашихъ Петербургскихъ пріѣзжихъ. Послѣдніе всегда смѣются надъ Нѣмцами, которые по гордости также не хотятъ ни въ чемъ уступать Русскимъ и стараются лучше удаляться отъ ихъ общества. Въ манерахъ Русскихъ есть какой-то обидный тонъ покровительства, напоминающій Эстляндцамъ, что они не усвоили себѣ вполнѣ обыкновеній высшаго образованнаго общества. Русскіе не любятъ Нѣмецкой аккуратности: они живутъ широко, разгульно. Эстляндцы напротивъ очень просты въ обращеніи и въ образѣ жизни и избѣгаютъ всего параднаго и натянутаго. Ревельцы и потому еще не могутъ сойтись съ Русскими, что худо изъясняются *по-французски*, а дамы наши не охотницы до Нѣмецкаго языка и весьма немногія его знаютъ, чтобъ свободно говорить на немъ съ Нѣмцами. Бывшій въ то время въ Ревелѣ губернаторомъ Бенкендорфъ старался сблизить оба общества, давая у себя балы, но безуспѣшно. Подъ конецъ сезона собрались въ Ревелѣ морскіе офицеры, прибывшіе съ эскадрою, но они мало оживили общество: они не имѣли лоску высшаго круга, и на нихъ смотрѣли нѣсколько свысока. На бывшихъ въ салонѣ еженедѣльныхъ собраніяхъ случалось, что офицеры танцовали только между собою. Ни одной дамы не появлялось въ залѣ, а онѣ смотрѣли въ окна съ галлереи, какъ молодые люди отличались, сами же не хотѣли войти; принято было собираться одинъ разъ въ двѣ недѣли, а не бывать каждое собраніе. Многія этимъ очень скучали, но не смѣли нарушить правила, съ точностію исполняемаго модными законодательницами. Послѣ отъѣзда моряковъ однообразіе сдѣлалось крайне утомительнымъ, и каждый спѣшилъ оставить Ревель. Всѣ отправились почти въ одно время, что́ должно было произвести нѣкоторую остановку въ лошадяхъ. Въ предвидѣніи ея, я постарался запастись особымъ открытымъ листомъ отъ губернатора для предъявленія станціоннымъ смотрителямъ въ случаѣ задержки на станціи. Этою бумагою я вздумалъ воспользоваться на второй станціи, но тотчасъ же убѣдился, что бумага ни къ чему не служитъ. Смотритель швырнулъ ее на столъ съ негодованіемъ (что́ меня, какъ Русскаго чиновника, до крайности удивило) и сказалъ мнѣ, что онъ и безъ бумаги отпуститъ лошадей, если есть. Вѣроятно ему надоѣли уже подобныя предъявленія, которыя впрочемъ легко достаются отъ губернатора. Это много характеризуетъ Эстляндцевъ. Между ними значительно развито чувство долга. Они исполняютъ свои обязанности совѣстливо и не нуждаются въ понуж-

денія, которое только ихъ оскорбляетъ. Здѣсь видно, что они болѣе служатъ дѣлу, а не лицамъ, совсѣмъ не такъ какъ у Русскихъ, которые готовы все сдѣлать для своихъ начальниковъ, даже какую нибудь несправедливость, лишь бы угодить тѣмъ, отъ коихъ зависятъ. И сами начальники не слишкомъ много церемонятся съ подчиненными. Они требуютъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія и сильно хлопочутъ о ихъ награжденіи, если замѣчаютъ ихъ преданность и покорность.

Народъ въ Эстляндіи грубъ и упрямъ. Запрашивая цѣну, онъ никогда не уступаетъ. Мнѣ случалось нанимать извощиковъ и когда я предлагалъ цѣну ниже той, какую они запрашивали, они спокойно ѣхали дальше, не останавливаясь даже тогда, когда я соглашался на ихъ цѣну. Частое обращеніе съ Эстляндцами возбудило во мнѣ какую-то антипатію къ нимъ. Я не привыкъ къ такой грубости со стороны простого класса и радовался, что съ пріѣздомъ въ первый Русскій городъ, Нарву, встрѣчусь съ людьми болѣе услужливыми. Но именно въ этомъ городѣ я разочаровался и со всею искренностію пожалѣлъ о грубыхъ Эстляндцахъ, которые хотя и непріятны, но по крайней мѣрѣ честны. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на Нарвскій водопадъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, но съ меня запросили такую баснословно высокую цѣну, что я долженъ былъ отказаться отъ поѣздки. Плутовство Русскаго мужика, слишкомъ ярко отпечатанное на его лицѣ, невольно кидалось въ глаза послѣ долговременнаго созерцанія тупоумной физіономіи Эстляндца, всегда почти молчаливаго и мрачнаго и во всѣхъ случаяхъ выказывающаго совершенное ко всему равнодушіе, даже къ пріобрѣтенію.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1842 годъ*).

Январь. 1. Отслушавъ заутреню у св. Николая въ Драчахъ, а раннюю у св. Панкратія, съ дѣтьми своими я встрѣтилъ привезенную къ намъ чудотв. икону Гребневскія Богоматери съ св. мощами Θеодора Стратилата и Варвары Великом. У дѣтей вверху служили Богоматери молебенъ съ водосвятіемъ, а внизу Христу Спасителю. По нездоровью я оставался цѣлый день дома. Пріѣзжали и приходили многіе меня поздравлять съ новымъ годомъ и желать мнѣ съ семействомъ благополучія.

2. У меня были А. И. Чивилевъ, Мандельштамъ, о. архим. Аполлосъ.

8. Съ Клареномъ я поговорилъ насчетъ своей книги объ исторіи Лютер. церквей. Отъ князя Д. В. Голицына пріѣзжалъ ко мнѣ А. М. Метловъ пригласить меня на вечера литературные къ нему по Четвергамъ; поблагодаривъ, я извинился на этотъ разъ болѣзнію. Вечеромъ былъ у меня изъ Дух. Академіи Сергѣй Петр. Докучаевъ, который казалъ мнѣ снятую имъ съ Саввинскаго колокола надпись.

9. Написалъ письмо къ митрополиту Моск. Филарету при отсылкѣ черезъ Семе́на моей къ нему книги П. М. д. У меня были И. М. Иракліоновъ, принимающій участіе въ моемъ положеніи, Θ. Н. Глинка, потомъ ввечеру отъ а. А. Аполлинарій и В. В. Пассекъ.

10. Утромъ я ѣздилъ за журналами новыми къ Погодину въ лавку и къ К. Полевому, въ городъ за покупками.

14. Былъ священникъ изъ Коломенскаго за справками о Предтечевской тамъ церкви.

15. Я былъ на литературномъ вечерѣ у князя Д. В. Голицына по его приглашенію. Тамъ были Загоскинъ, Чертковъ, М. Дмитріевъ Θ. Глинка, Шевыревъ, Погодинъ, Н. Павловъ, Хомяковъ, профессоры Крыловъ и Баршевъ. Разсуждали объ упадкѣ и улучшеніи Моск. Вѣ-

---

*) См. выше стр. 47.

домостей, М. Дм. читалъ свой пасквиль на Полевого, спорили о Гоголѣ и Пушкинѣ. Князь мнѣ сказалъ, что Государь изъявилъ мнѣ свое соизволеніе на посвященіе моей книги его имени. Погодину я отдалъ статью свою о *Лобномъ мѣстѣ*. Вечеръ начался чаемъ и кончился ужиномъ.

16. На дорогѣ я встрѣтился съ о. архим. Аполлосомъ, который извѣстилъ меня о кончинѣ преосв. Аарона 15-го Января.

17. Утромъ я былъ у Д. П. Голохвастова, князя М. А. Оболенскаго, Н. Д. Горчакова больного и у именинника А. А. Антонскаго. Послѣ обѣда навѣстили меня И. М. Ираклiоновъ и Я. И. Де-Санглень.

18. Я ѣздилъ въ Новоспасскiй м. на погребенiе преосв. Аарона, котораго отпѣвали три архiерея, Виталiй, Агапитъ и Дiонисiй, множество архимандритовъ, протоiереевъ и монаховъ. Надгробное слово произнесъ Златоуст. архимандритъ Iоанникiй. Торжественное и умилительное отпѣванiе кончилось въ 3 часу попол. Покойнаго iерарха положили въ Знаменской церкви. Стеченiе народа было чрезвычайное. Обѣдъ у о. архим. Аполлоса.

19. Принимали запасъ отъ Обтуш. мужичковъ нашихъ. Я ѣздилъ въ городъ и Иностранную Коллегiю.

20. Съ Богомъ я отпустилъ своихъ крестьянъ домой, давъ имъ письма къ приказчику, старостѣ, къ И. И. Ершову и къ преосв. Евлампiю. Утромъ я былъ у губернатора Н. Г. Сенявина, который подарилъ мнѣ книгъ и поговорилъ со мною о дѣлахъ моихъ; тамъ встрѣтился съ А. Д. Чертковымъ и Селивановскимъ; былъ въ Цензурномъ Комитетѣ на своемъ дежурствѣ, въ городѣ и въ Иностр. Коллегiи, откуда взялъ Греческiя дѣла. Послѣ обѣда прiѣзжалъ ко мнѣ о. архим. Аполлосъ.

21. Съ Мишею, по приглашенiю, обѣдалъ у гражданскаго губернатора Н. Г. Сенявина, гдѣ были преосв. Виталiй, архим. Аполлосъ, Юрьевскiй, Пассекъ и Тучкова. Г. Сенявину я отдалъ свою статью о Сухаревой башнѣ. Разсуждали о Петрѣ I.

22. Былъ у меня Атласъ. Вечеромъ я ѣздилъ къ И. Н. Царскому и кн. Д. В. Голицыну, но за прiѣздомъ дочери вѣчера не было у него.

23. Послалъ на почту при письмахъ книжки Жизни Августина къ преосв. Николаю въ Калугу и къ профессору Зиновьеву въ Ярославль, свезъ Греческiя дѣла въ Иностранную Коллегiю, былъ въ засѣданiи Цензурнаго Комитета, обѣдалъ у И. И. Давыдова, возвратившагося изъ С.-Пб. въ городѣ взялъ у Дубр. чернаго чаю 1 ф. и зел. $\frac{1}{4}$=12, 85 к.

24. Поутру я былъ у П. В. Киреевскаго и протопресвитера В. И., потомъ у Вельтмана, послѣ обѣда у Ѳ. Л. Моршкина, съ которымъ прочелъ свою статью о юрид. пословицахъ.

25. У заутрени я былъ въ Драчахъ, гдѣ служилъ молебенъ Богоматери Утоленія печали, у ранней обѣдни у св. Панкратія. Съ женою и сыномъ я ѣздилъ къ обѣднѣ къ Утоленію печали и въ Новоспасскій монастырь, гдѣ обѣдали у о. архим. Аполлоса нездороваго. Отъ него заѣхали къ протоіерею Василію Ив. Богданову.

26. Утромъ я былъ въ унив. типографіи и у Кс. Полеваго, именинника, у котораго встрѣтился съ Сангленемъ; отдалъ ему свое письмо къ брату его и нѣсколько писемъ Екатерины II къ Платону и Растопчина къ Суворову для Русск. Вѣстн. Послѣ обѣда я ѣздилъ съ женою къ г-жѣ Двигубской и Алмазову.

27. Утромъ я заѣзжалъ къ обѣднѣ въ Златоуст. монастырь, въ губернскую типографію, въ Земскій Судъ и въ Ценз. Комитетъ; оттуда въ домъ къ князю С. М. Голицыну для доставленія ему экз. «Памятниковъ Моск. древностей» и «Жизни преосв. Августина», обѣдалъ у его управителя А. Г. Костарева.

28. Утромъ я былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ видѣлся и поговорилъ съ протопресвитеромъ В. И., подарилъ календарь св. Ивану Семеновичу за просфору, зашелъ за справками въ Оружейную Палату; въ Разрядномъ Архивѣ началъ разсматривать книги Московскаго стола съ XVI в.

29. Былъ у гражд. губернатора И. Г. С., казалъ ему посвященіе Государю книги своей; отъ него прошелъ въ Разрядный Архивъ, гдѣ работалъ до 12 часа.

30. Прочелъ съ г. Рулье статью свою о Москов. садахъ до XVII вѣка.

31. Поутру я ѣздилъ къ Погодину и Нечаеву. Вечеромъ былъ у меня И. Забѣлинъ съ своею статьею о Троицкомъ походѣ царей.

Февраль. 1. Заѣзжалъ въ Набилковское училище, къ М. Л. Жоліо и къ Я. И. Санглену. Послѣ обѣда пріѣхалъ изъ С.-Петербурга дядя П. П. Кондратьевъ.

2. Съ нимъ, съ женою и сыномъ М. мы ѣздили къ обѣднѣ въ Новоспасскій мон., гдѣ служили по бабушкѣ панихиду; потомъ обѣдали у о. архим. Аполлоса, у котораго была и М. И. Спасская. Оттуда я съ дядею проѣхалъ къ сестрѣ Н. А. Щепотьевой и къ кн. А. И. Долгорукову.

4. Утромъ я ѣздилъ къ дядѣ П. П. К., котораго засталъ на порогѣ гостинницы. Онъ у насъ обѣдалъ, потомъ со мною ѣздилъ на Лазарево кладбище помянуть свою сестру, а мою мать, оттуда къ намъ чай пить.

6. Я заѣзжалъ для объясненія къ Д. П. Голохвастову о журналахъ; въ городѣ встрѣтился съ дядею Петромъ П. К., заходилъ съ

нимъ въ Казанскій соборъ помолиться Божіей Матери и проститься. Былъ въ засѣданіи Ценз. Комитета, гдѣ надѣлъ на товарища своего И. И. Крылова присланный ему крестъ Анны 3 ст.

7. Былъ отъ имени о. а. А. лѣкарь Бардовскій. Съ женой я ѣздилъ въ магазинъ Ломейера, гдѣ взяли терно̀ на платье и навѣстили больного брата А. А. Озер.

9. Поутру я былъ въ Кремлѣ, гдѣ видѣлся съ протопр. В. И. и съ Забѣлинымъ; занимался въ Разрядн. Архивѣ, зашелъ къ К. Полевому почитать новые журналы. Послѣ обѣда были у меня зять Семе́на Гларнеръ и Сангленъ, прочитавшій мнѣ свои статьи о рокѣ и состояніи Русскихъ крестьянъ.

10. Я заѣзжалъ побесѣдовать о дѣлахъ къ П. И. Иванову, въ универс. типографію, къ К. Полевому, въ Ценз. Комитетъ на дежурство, къ А. Я. Ястребову, въ губ. типографію и въ городъ.

12. Утромъ я заѣзжалъ въ типогр. Семе́на отдать перепечатать 2 четв. «Памятниковъ Моск. древностей», слушалъ обѣдню въ Чудовѣ м., гдѣ видѣлся съ преосвященнымъ Иннокентіемъ и Погодинымъ.

13. Былъ у меня съ приглашеніемъ на обѣдъ И. А. Лобковъ. Пріѣзжалъ преосвященный Иннокентій, отправляющійся изъ Вологды въ Харьковъ; мы поговорили о церковной Росс. исторіи, коею онъ занимается. Тогда же пріѣхалъ Н. Д. Писаревъ съ рукоп. объ Андрониковѣ мон. Былъ въ засѣданіи Цензурнаго Комитета, куда вступилъ секретаремъ А. И. Менщиковъ. Въ журналъ записано о представленіи меня за отлично усердную службу къ 2 степ. Анны.

14. Былъ у И. Г. Сенявина и у преосв. Иннокентія въ Донск. мон., съ которымъ говорили о естественной религіи, какъ отеческомъ наслѣдіи отъ Бога, о м. Евгеніи и благородномъ его поступкѣ против. м. Филарета 1825 г. При мнѣ у него былъ П. В. Киреевскій, разговоръ былъ объ истор. развитіи религіи. Архим. Ѳеофанъ читалъ мнѣ свою проповѣдь.

15. Заутреню я слушалъ въ Драчахъ, а раннюю обѣдню у Св. Тр. на Листахъ, гдѣ узналъ, что присяга Николаю I дана штатомъ Сухаревой башни въ церкви въ полночь на 17 Декабря, за день до присяги, данной въ Москвѣ, потому что указъ присланъ былъ изъ Адмиралтейства прежде чѣмъ въ другія начальства. Обѣдалъ у А. И. Лобкова съ преосв. Иннокентіемъ, Виталіемъ, Агапитомъ и пр. дух., съ Погодинымъ и Шевыревымъ. До обѣда и за обѣдомъ Симон. арх. дѣлалъ разныя выходки, подъ видомъ плутовскихъ иносказаній, выставляя себя страждущимъ и обижаемымъ. У мошенника свои ухватки. Преосв. И. и В. надъ нимъ подшучивали.

19. Былъ у П. М. Строева и А. А. Озерецковскаго, потомъ въ городѣ, въ магазинѣ Москвитянина встрѣтился съ Погодинымъ. Къ намъ пріѣзжалъ докторъ Иноземцовъ и прописалъ мнѣ, женѣ и малюткѣ лѣкарства, совѣтовалъ не ѣсть мяса, ходить болѣе, пить воды.

21. Были у меня Атласъ, съ которымъ я говорилъ о кабалѣ Жидовской, и М. М. Поливановъ.

24. Встрѣтился съ новобрачнымъ И. И. Давыдовымъ и поздравлялъ его.

Мартъ. 4. Утромъ были у меня Я. И. Сангленъ, Баратынскій и смотритель присут. мѣстъ, съ которымъ я ихъ обозрѣвалъ; они состоятъ изъ трехъ дворовъ.

5. Были у меня кн. В. Н. Друцкій, который привезъ мнѣ старинный портретъ царя Алексѣя Мих., и И. Л. Мироновскій.

7. Съ Мишей я отправился въ Троицкую лавру, заѣзжали вечеромъ въ Хотьковъ помолиться праведнымъ родителямъ преп. Сергія и поклониться могилѣ схимницы Евпраксіи; заходили къ затворницѣ Мареѣ, оставилъ я на поминовеніе 5 р. Ночью мы пріѣхали въ Троицкую лавру и остановились въ самомъ монастырѣ у о. Анастасія.

8. Слушали заутреню и раннюю обѣдню, послѣ чаю позднюю, служили молебенъ преп. Сергію; потомъ были у поздней обѣдни въ трапезной церкви, гдѣ служилъ ректоръ. Съ профессоромъ Ѳ. А. Голубинскимъ я и Миша были у о. намѣстника Антонія, который благословилъ трехъ моихъ дѣтей тремя образками, а домъ благосл. хлѣбомъ; зашли къ ректору Евсевію, который принялъ насъ ласково. Съ Ѳ. А. Г. обѣдали у о. Анастасія и провели время пріятно и пріятельски. Ночевали въ Пушкинѣ.

9. Чай пили въ Большихъ Мытищахъ и утромъ часу въ 11 пріѣхали благополучно въ Москву.

11. Я отвезъ просфоры изъ Троицкой лавры Д. П. Голохвастову, И. И. Давыдову, отцу протопресвитеру. Встрѣтясь у дома главнокомандующаго съ В. П. Флеровымъ, зашелъ къ А. М. Метлову, котораго просилъ вмѣстѣ съ нимъ напомнить князю Д. В. о ненагражденныхъ моихъ трудахъ, за кои получилъ награды отъ царской фамиліи одинъ только типографщикъ. В. П. взялъ съ него честное слово, что онъ исполнитъ это и намекнулъ ему о чинѣ мнѣ. Послѣ обѣда я ходилъ къ Я. И. Санглену, который читалъ мнѣ статью свою о безстрашіи къ смерти. Вечеромъ былъ у меня Баратынскій на счетъ стиховъ своихъ.

12. Съ женою я ѣздилъ въ Новоспасскій монастырь на обѣдъ къ о. а. Аполлосу, праздновавшему день своего рожденія. Тамъ были

князь В. Н. Друцкій, о. протопресвитеръ В. И., сестра Н. А. Щепотьева, П. В. Побѣдоносцевъ съ женою и пр.

13. Утромъ я былъ у П. И. Иванова и у И. Г. Сенявина, съ которымъ говорилъ о своемъ дѣлѣ, касающемся до князя Д. В. Г., и отдалъ статью свою о домѣ присут. мѣстъ въ Китаѣ.

15. Я былъ на вечеринкѣ у губернатора И. Г. С., гдѣ видѣлъ множество знати: Ермолова, Нейгардта, кн. Гагарина и пр.; потолковалъ съ Шевыревымъ, Пассекомъ и Загоскинымъ. М. А. Окуловъ сказывалъ мнѣ, что слышалъ о сектѣ между студентами М. у., имѣющей цѣлію ниспроверженіе религіи. Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Есть коноводы, завлекающіе неопытныхъ къ ихъ пагубѣ. Онъ говорилъ объ этомъ графу С., который не обратилъ на это вниманія.

16. Былъ у Кс. Полевого и въ архитект. училищѣ, гдѣ съ П. С. Максютинымъ поговорилъ объ архитектурѣ старинныхъ нашихъ зданій, смотрѣли модели.

17. Въ Цензурномъ Комитетѣ на дежурствѣ, потомъ въ Иностранной Коллегіи за справками, гдѣ поговорилъ съ кн. Оболенскимъ о своихъ дѣлахъ. Обѣдалъ у о. архимандрита Аполлоса на его именинахъ съ протоіереемъ Арсеніемъ и Побѣдоносцевымъ.

18. Утромъ я былъ у Семе́на и въ Успенскомъ соборѣ списывалъ надписи съ сосудовъ, заходилъ за справками въ Оружейный Архивъ, гдѣ слышалъ о смерти Д. Львова. Вечеромъ былъ у меня Семе́нъ съ зятемъ Гларнеромъ для условія о продолженіи печатанія «Памятниковъ Москов. древности». Онъ убѣдилъ меня взять по 189 р. за листъ, предполагая по 4 тетради въ годъ. Написано начерно условіе. Въ задатокъ получено мною 350 р.

21. Окончилъ 2 ст. о присутственныхъ мѣстахъ въ М., Озерову за переписку заплатилъ 9 р. Утромъ я заѣзжалъ къ кн. Друцкому, кн. М. А. Оболенскому и Н. Д. Горчакову. Послѣ обѣда написавъ письмо къ Ѳ. А. Голубинскому, отдалъ его для отсылки о. эконому Троицкаго подворья, гдѣ слушалъ и всенощну.

24. Поутру я заѣхалъ къ гражд. губернатору И. Г. С., отдалъ ему свою записку о себѣ, которую онъ обѣщалъ отправить въ С.-Пет. къ князю Д. В. Г. Къ этому присоединилъ я объясненіе о себѣ и вручилъ ему 2 статью о присутственныхъ мѣстахъ въ Москвѣ. Былъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Разрядномъ Архивѣ, въ домѣ Магистрата и въ Цензурномъ Комитетѣ. У всенощной былъ съ женою на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ получилъ благословенный хлѣбъ.

25. Я зашелъ къ кн. М. Оболенскому и съ Ундольскимъ перечиталъ описаніе Троицкой лавры; оттуда пробрался къ поздней обѣднѣ

къ Благовѣщенію на Житный дворъ, гдѣ всякій годъ бывала матушка моя у праздника.

26. Пріѣзжалъ утромъ ко мнѣ Семе́новъ зять Гларнеръ съ условіемъ о продолженіи П. М. др., которое я во имя Божіе подписалъ; привезъ ко мнѣ професс. Рѣдкинъ экз. 2 ч. Юрид. Записокъ.

27. Въ канцеляріи попечителя мнѣ совѣтовали составить записку о службѣ своей для представленія къ ордену св. А. 2 ст.

29. Заутреню я слушалъ у св. Николая въ Драчахъ, а раннюю обѣдню у Рождества въ Путинкахъ, гдѣ, по сказанію предательному священника Александра, былъ монастырь, перенесенный въ Рождественскій на пруду при царѣ А. М. *Путинками* будто называютъ отъ того, что во рву, тамъ бывшемъ, ходили (пускались) лошади со спутанными ногами. Изъ церкви я зашелъ къ Д. П. Голохвастову, которому казалъ написанное мною по его порученію представленіе обо мнѣ и отдалъ выписку изъ дѣлъ Разряднаго Архива о домѣ Голохвастова при церкви св. Николая Турыгина; отъ него навѣстилъ И. Л. Мироновскаго и проѣхалъ къ обѣднѣ въ Новоспасскій м., гдѣ и обѣдалъ у о. архимандрита.

31. Утромъ я былъ у К. Полевого, отъ котораго получилъ Ст. за свою книгу Ж. А., у Селивановскаго и у гражданскаго губернатора, которому отдалъ свое описаніе Троицкой лавры для помѣщенія въ Губ. Вѣд. Онъ сказалъ, что мою записку послалъ къ кн. Д. В. Г. въ С.-Петербургъ при своемъ письмѣ. Былъ въ Комитетѣ и по порученію Д. П. Голохвастова, написавъ представленіе о службѣ своей, послалъ къ нему. Слышалъ объ ударѣ Даниловичу и пожалѣлъ; заѣхалъ помолиться къ Иверской Богоматери, коей празднуютъ нынѣ.

Апрѣль. 1. Ходилъ поздравить со днемъ ангела свою маменьку крестную, Марью Павловну Апухтину, урожд. Фонвизину, которую нашелъ слѣпою; она рада была меня видѣть; у нея встрѣтился съ Погорѣльскимъ.

2. Занимался утромъ описаніемъ библіотеки Успенскаго собора, заѣзжалъ къ Т. А. Каменецкому поздравить его съ ангеломъ, приготовлялъ матеріалы для 3 тетр. П. М. др.; показалъ Д. П. Голохвастову въ сѵнодикѣ У. собора родъ его предковъ, записанный для поминовенія, онъ очень этимъ былъ доволенъ.

3. Отвезъ взятыя мною двѣ рукописи въ Успенскій соборъ и вмѣстѣ съ Тромонинымъ разсматривали рукописи, мною описанныя.

4. Съ Мишею я ѣздилъ въ Успенскій соборъ къ празднику Похвалы Богородицы, гдѣ получилъ св. просфору отъ протопресвитера; продолжалъ обозрѣніе библіотеки Успенскаго собора, потомъ заходилъ къ Т. Ѳ. Большакову въ лавку.

5. Навѣстилъ Я. И. Санглена и прочелъ съ нимъ свою статью о барельефѣ св. Георгія.

6. Утромъ заѣзжалъ въ Архивъ Оружейной Палаты, продолжалъ обозрѣвать библіотеку Успенскаго собора, изъ коей взялъ двѣ рукописи: Прологъ начала XV вѣка и Правила св. отецъ XVI вѣка, а двѣ бывшія рукописи у меня возвратилъ. Оттуда заѣхалъ къ Т. Ѳ. Большакову и въ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ за справками, поговорилъ о своихъ дѣлахъ съ Ундольскимъ и кн. Оболенскимъ.

8. Утромъ я былъ у губернатора И. Г. С. и отдалъ ему статью о *св. Георгіи*, которую онъ принялъ съ благодарностію. Поработавъ въ Разрядномъ Архивѣ, я проѣхалъ въ Архивъ мин. ин. дѣлъ, гдѣ поговорилъ съ княземъ М. А. О. и дѣлалъ справки; заѣхалъ къ Семену и отдалъ ему оригиналъ для 3 тетр. П. М. др.

9. Утромъ я ходилъ къ сосѣду своему Гавр. Ал. Долбилину, старожилу на Сухаревой башнѣ, перечитать съ нимъ свою статью о ней и сдѣлать повѣрки. Остальное время занимался дома цензурными и литературными дѣлами; дочиталъ психологію Новицкаго, гдѣ нашелъ довольно замѣчательнаго.

11. Приходилъ ко мнѣ Я. И. Сангленъ прочесть свое разсужденіе о *жертвоприношеніяхъ у древнихъ*.

15. На почту отдалъ я письма къ преосв. Евгенію и Иннокентію, къ теткѣ А. Ѳ. Кондратьевой и къ А. П. Святославскому. Преждеосвященную обѣдню я слушалъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ былъ и И. И. Давыдовъ съ женою. Послѣ обѣдни они пили чай со мною у о. а. Аполлоса, а я остался обѣдать. Послѣ обѣда я проѣхалъ къ Успенію на Вражкѣ, къ своему духовнику протоіерею Терентію, у котораго исповѣдывался съ женою и сыномъ Михаиломъ.

16. Богъ привелъ меня пріобщиться съ женою, сыномъ и дочерью Св. Таинъ въ своемъ приходѣ, откуда мы проѣхали прямо въ Успенскій соборъ на елеосвященіе и сподобились помазанія св. елеемъ. О. архим. Аполлосъ пріѣзжалъ поздравить меня съ пріобщеніемъ Св. Хр. Таинъ; потомъ Е. И. Классенъ, который взялъ у меня мою статью о *садахъ Москов.* до XVIII вѣка, съ уговоромъ заплатить мнѣ 150 р. за л. п. и три горшка цвѣт. Онъ сказывалъ, что въ своемъ домѣ нашелъ ложе рѣчки Черногрязки (близъ Арбата, въ приходѣ св. Іоанна Предт. въ Конюшенной), а въ одной Нѣм. книгѣ XVI вѣкк, что *Варяги* были не что иное, какъ Waarenjäger, охранители, оберегатели товаровъ, а *Варяги-Русь* Waarenjäger zu Ress—проводники, охранители товаровъ на конѣ, конные, которые провожали изъ Ганзы товаръ въ Россію, а оттуда въ Ганзу, quod probandum est.

17. Утромъ зашелъ къ П. М. Строеву, возвратившемуся изъ С.-Петербурга, поговорилъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ. При мнѣ къ нему пріѣхалъ П. Н. Царскій.

19. Утромъ были у меня два брата Коссовичи, А. П. Старынкевичъ, А. И. Царскій, который мнѣ сказалъ о кончинѣ вчера ректора М. у. Каченовскаго.

23. День моего рожденія. Ѣздилъ я на отпѣваніе Каченовскаго къ Пимену въ Новыхъ вор., гдѣ служилъ о. Аполлосъ. Народу было множество.

25. Послѣ обѣда пріѣхалъ И. П. Давыдовъ съ А. П. Войцеховичемъ, съ которымъ я возобновилъ знакомство; съ ними и о. Аполлосомъ мы осматривали монастырь.

26. Раннюю обѣдню я съ Мишею слушалъ въ Страстномъ монастырѣ. По возвращеніи домой нашли у себя протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго, съ которымъ я прочелъ 1 листъ 3-й тетради П. М. др. и начало описанія Троицко-Серг. лавры; онъ съ нами обѣдалъ и побесѣдовалъ.

28. Былъ въ Унив. типографіи, у Д. П. Голохвастова и въ Цензурномъ Комитетѣ, гдѣ проректоръ Альфонскій просилъ меня написать біографію Каченовскаго. Въ Губернскую типографію я отдалъ статью свою о *Троицкой лаврѣ*. Съ женою и дѣтьми я ѣздилъ послѣ обѣда на Лазарево кладбище похристосоваться съ родителями своими и погребенными тамъ дѣтьми. Это была Радоница. Насъ засталъ благотворный дождь.

29. Пріѣзжалъ ко мнѣ изъ Твери ст. уч. Коссовичъ, который экзаменовалъ моего Мишу въ Греч. и Лат. языкахъ. Ректоромъ выбранъ А. А. Альфонскій.

30. Я послалъ 1 л. 3 т. П. М. др. къ г. Шевыреву на разсмотрѣніе.

Май. 1. Взялъ въ Казен. Палатѣ свою пенсію 980 р.

4. Вечеромъ я ходилъ къ И. М. Иракліонову, у котораго встрѣтилъ князя С. Долгорукова, графа И. Толстого и протоіерея Александра Евламп. Ночью пріѣзжалъ ко мнѣ Н. Ф. Павл. съ докл. запискою по своему дѣлу, которую я и подписалъ.

6. Память матушки. Обѣдню и панихиду на Лазаревомъ кладбищѣ служилъ о. архим. Аполлосъ соборомъ съ синодал. пѣвчими, которыми управлялъ Г. С. Яновскій; дома пѣли литію. Обѣдали у насъ о. архим. Аполлосъ, протопресвитеръ Василій Ивановичъ, князья Н. Н. Голицынъ и М. А. Оболенскій, тетка Ел. Мат., Д. П. Снѣгирева, Г. С. Яновскій, который послѣ обѣда пѣлъ съ аккомп.

8. День моего ангела я началъ молитвою, слушалъ раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ, а дома служилъ молебенъ своему ангелу съ водосвятіемъ и принималъ поздравленія. Послѣ обѣда были о. архим. Аполлосъ, Г. С. Яновскій, который и пѣлъ. Вечеромъ прибылъ въ Москву Кіевскій митрополитъ Филаретъ и остановился на Тр. подворьѣ.

9. Обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ Кіевскій митрополитъ. Потомъ я былъ у профессора Гофмана, у Н. Д. Горчакова и Классена. За всенощной на Троицкомъ подворьѣ я видѣлся съ Н. А. Кашинцевымъ и просилъ его о сложеніи съ меня кварт. денегъ.

15. Въ Успенскій соборъ я отвезъ три рукописи, кои бралъ себѣ; былъ въ засѣданіи Цензурнаго Комитета; съ Меншиковымъ прочелъ Греч. надпись на Евангеліи Усп. собора. Занимался чтеніемъ по ценз. части Греч. грамматики Коссовича. Грековъ предлагалъ мнѣ участвовать въ Моск. газетахъ. Подумать.

16. Изъ Ростова прибылъ въ Москву Кіевскій митрополитъ Филаретъ во время всенощной и послѣ оной отправляется въ Кіевъ.

17. Вечеромъ были у меня П. В. Киреевскій, кандидатъ Валуевъ съ рукоп. *Симбирскій Сборникъ* и Мандельштамъ.

19. Рано пріѣхалъ изъ Спб. митрополитъ М. Филаретъ.

20. Я слушалъ обѣдню у праздника въ Чудовѣ мон., гдѣ служилъ и проповѣдывалъ м. Филаретъ, пригласившій меня на закуску. Тамъ я встрѣтился и поговорилъ съ Н. А. Кашинцевымъ.

21. Заходилъ къ профессору Фишеру, спросить его объ осмотрѣ драгоц. камней въ ризницѣ Усп. собора.

25. Пріѣзжалъ проститься профессоръ Рѣдкинъ, отправляющійся въ Данію и Англію. Я ему поручилъ отдать Рафну мою статью о типографіи Моск. и достать въ Англіи портреты Петра I и Александра I въ доктор. костюмѣ.

26. Отдалъ Грекову двѣ статьи свои: 1) о гербѣ и 2) о садахъ.

28. Былъ у обѣдни въ Усп. соборѣ, гдѣ служилъ архіепископъ Литовскій Іосифъ Семашка, наружности хорошей и по виду проницательный. Съ архитекторомъ Томанскимъ обозрѣвалъ Кремль: мѣсто садовъ, царскихъ теремовъ между ц. Печерскія Богоматери и патріарш. домомъ, мѣсто застѣнка Конст. между Безыменною и Констан. башнею. Что̀ нынѣ называется золотая палата, то была святительская, патріаршая, а прежняя зол. палата находилась въ прежнемъ Кремл. дворцѣ.

30. Отслушавъ всенощную въ университетской церкви и прочитавъ тамъ съ П. М. Терновскимъ 1 листъ описанія Тр. лавры, былъ въ засѣданіи Общества Ист. и Др. Росс., послѣ коего съ Погодинымъ зашелъ къ С. П. Шевыреву и у него ужиналъ.

31. Вечеромъ былъ я съ Мишею у м. Филарета, который спрашивалъ меня о продолженіи 3 тетр. «Памятниковъ Моск. др.» и объ успѣхѣ, о ходѣ литературы. «Если вѣкъ стремится въ бездну, сказалъ онъ, то лучше отстать отъ него».

Іюнь. 2. Ходилъ поздравить А. П. Святославскаго съ именинами и поутру послалъ къ нему экз. «Памятниковъ Москов. др.» т. 1 и 2.

3. Утромъ я былъ у К. Полевого, отъ котораго получилъ должные мнѣ 108 р., въ городѣ и въ Новоспасскомъ мон., откуда, по просьбѣ о. архимандрита, я посылалъ за женою и сыномъ. Обѣдали у него, слушали вечерню и, напившись чаю съ М. М. Евреиновымъ, отправились домой.

4. Въ церкви св. Іоанна Воина я служилъ поутру панихиду по убогихъ, тамъ погребенныхъ, и молебенъ св. Іоанну Воину; далъ на вегодичное поминовеніе родителей своихъ священнику 10 р. Послѣ вечерень я съ женою, сыномъ и дочерью ѣздилъ на Семиковое гулянье въ Марьину рощу.

5. Былъ въ Успенскомъ соборѣ у обѣдни, заходилъ съ визитомъ къ преосв. Литовскому Іосифу, который уѣхалъ въ Воскр. монастырь; пересматривалъ расх. книги Патр. приказа въ Государственномъ Архивѣ, былъ въ засѣданіи Цензурнаго Комитета.

6. Поутру я былъ у И. Г. Сенявина, съ которымъ разсматривалъ разные драгоц. каменья, коихъ считается главныхъ породъ XII; онъ просилъ показать его брату достопамятности Московскія.

8. Былъ П. В. Побѣдоносцевъ за справкою о сочиненіяхъ св. Димитрія Рост., котораго жизнію онъ занимается. Я былъ на освященіи церкви св. Козьмы и Даміана въ Шубинѣ. Послѣ обѣдни митр. Филаретъ говорилъ проповѣдь о горницѣ, гдѣ сошелъ на апостоловъ Св. Духъ, признавая ее первою церковію.

9. Въ губ. типографію отдалъ остальной оригиналъ описанія Тр. лавры, ѣздилъ къ М. Макарову за своими деньгами отъ Ист. Общества 150 р. и получилъ ихъ.

12. Вечеромъ былъ у меня гр. губернаторъ съ своимъ братомъ Львомъ Григорьевичемъ изъ С.-Пб., служащимъ въ Азіатскомъ департ.

13. Утромъ я привозилъ къ Д. П. Голохвастову показать сvнодикъ, гдѣ записаны его предки; онъ благодарилъ за это. Съ губернаторомъ и его семействомъ и еще бывшимъ универс. М. А. Волковымъ я осматривалъ Успенскій, Архангельскій и отчасти Благовѣщенскій соборы и Чудовъ м.

14. Съ Мишей я былъ на освященіи церкви на Калитническомъ кладбищѣ во имя Всескорбящія Богоматери; оттуда проѣхалъ въ Но-

воспасскій монастырь и у воротъ встрѣтился съ И. Г. Сенявинымъ, его братомъ и Мих. Апол. Волковымъ. Съ ними я осматривалъ церкви, ризницу, усыпальницу и съ колокольни великолѣпные и величественные виды Москвы; обѣдалъ съ ними въ Троицкомъ трактирѣ.

16. Поутру я съ Мишею ѣздилъ на Лазарево кладбище поминать своего батюшку, который въ этотъ день скончался. Обѣдню служилъ протоіерей Архангельскаго собора Арсеній съ священникомъ и протодіакономъ. Помянулъ дома, по обычаю, блинами.

18. Пріѣзжалъ ко мнѣ проститься Л. Г. Сенявинъ. Во снѣ я видѣлъ, будто вошелъ въ церковь, гдѣ при входѣ моемъ пѣли: «Буди, Господи, милость Твоя на насъ».

19. Въ Цензурномъ Комитетѣ было преніе ректора съ помощникомъ попечителя о томъ, кому цензуровать Моск. газеты: первый утверждалъ, что слѣдуетъ ихъ разсматривать Ценз. Комитету, а другой, что ректору.

20. Я ѣздилъ къ П. В. Побѣдоносцеву и къ гражд. губернатору; съ женою и дѣтьми его осматривали старинные портреты государей Росс.: Михаила, Алексѣя, Іоанна, Ѳеодора, Петра I въ малолѣтствѣ, Алексѣя, Петра II, Елисаветы и пр., обозрѣвали Вознесенскій мон., Ризположенскую церковь и нѣкоторыя части Кремля.

23. У всенощной на Троицкомъ подворьѣ я видѣлся съ И. Я. и К. М. Мальцевыми. Началъ я читать Светонія.

25. Затменіе солнца.

26. Поутру я ходилъ пѣшкомъ къ празднику Тихвинской Богоматери въ Красное Село и тамъ отслужилъ Ей молебенъ, потомъ выкупался въ Красномъ прудѣ. Былъ въ Госуд. Архивѣ и въ засѣданіи Цензурнаго Комитета.

28. Во снѣ видѣлъ М. м. Филарета, лежащаго (въ церкви) въ гробу, какъ бы притворявшагося мертвымъ, сложа руки, въ кои нѣкто вложилъ ему зажженную свѣчку; потомъ всталъ и куда-то пошелъ, у подъѣзда ожидала его кляча, заложенная въ волочки.

29. При отвѣтной запискѣ я отправилъ къ И. Г. Сенявину подписанные мною стихи Милькеева. Къ намъ пріѣзжалъ о. архим. Аполлосъ и поручилъ мнѣ описать Новоспасскій монастырь.

30. Приходилъ Франц. учитель Евгеній Констансъ, который условился со мною давать Мишѣ уроки дважды въ недѣлю по 5 р. за урокъ. Съ Богомъ я началъ описаніе Новоспасскаго монастыря.

Іюль. 3. За справками о Новоспасскомъ мон. былъ я у П. М. Строева, потомъ въ Цензурномъ Комитетѣ, куда пріѣзжалъ прощаться Погодинъ, ѣдущій въ чужіе края, въ Маріенбадъ.

5. Въ Новоспас. монастырѣ обѣдали преосв. Агапитъ и Діонисій, архим. Θеофанъ, Гавріилъ, Митрофанъ, протоіереи Василій Ивановичъ и Сергій Ивановичъ, князь Н. Н. Голицынъ, Г. И. Спасскій и П. В. Побѣдоносцевъ съ сыномъ.

8. Въ Новоспасскомъ м. у архим. Аполлоса встрѣтился съ прежнимъ товарищемъ по университету Ник. Ив. Лашкевичемъ; съ нимъ осматривали церкви и ризницу для повѣрки моего описанія Новоспасскаго м., которое я читалъ имъ.

9. Вечеромъ были у меня Я. И. Сангленъ и К. Аксаковъ.

10. Были у меня о. архим. Аполлосъ, Забѣлинъ съ билетомъ для входа въ Ор. Пал. и Я. И. Сангленъ, который читалъ мнѣ свое сочиненіе о Шиллерѣ.

11. Съ Мишею я ходилъ на Лазарево кладбище помянуть своего батюшку и его дѣдушку наканунѣ.

12. Я отправился вслѣдъ за митрополитомъ на освященіе въ Сорокосвятской церкви придѣла во имя св. Николая. По приглашенію старосты церкви П. Я. Маслова, я у него обѣдалъ съ отцемъ архим. Аполлосомъ, который, погулявъ со мною въ прекрасномъ саду у хозяина, пригласилъ къ себѣ на чай.

15. Были у меня М. Прудниковъ и Мацѣевскій, профессоръ изъ Варшавы.

16. По приглашенію обѣдали у С. П. Шевырева, гдѣ встрѣтился я съ Мацѣевскимъ, Н. А. Мельгуновымъ, Киреевскими, Лешковымъ.

19. Обѣдню мы слушали на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ, который пріобщалъ Св. Таинъ моего Андрюшу и Анету.

20. Заѣхалъ къ П. В. Киреевскому, отъ него съ г. Мацѣевскимъ отправился для обозрѣнія Кремля и Новоспасскаго монастыря, гдѣ обѣдали у о. архим. съ Соловецкимъ архим. Досиθеемъ.

22. Отдалъ губернатору И. Г. С. свое описаніе Новоспасскаго монастыря, которое я просилъ показать митрополиту Филарету.

25. У меня обѣдалъ Венцеславъ Казим. Мацѣевскій, который осматривалъ мою библіотеку. Всенощну я слушалъ на Троицкомъ подворьѣ.

26. Отслушавъ молебенъ съ водосвятіемъ ангелу матушки моей въ Драчахъ, я съ Мишею ѣздилъ на Лазарево кладбище служить панихиду на могилѣ именинницы, оттуда къ ранней обѣднѣ въ свой приходъ, откуда пригласилъ богадѣленокъ къ себѣ на чай и на блины помянуть покойную матушку. О. архим. прислалъ за нами коляску. Я съ женою, сыномъ и дочерью поѣхали къ обѣднѣ въ Новоспасскій м., гдѣ слушали обѣдню и тамъ встрѣтились съ П. С. Снѣгиревымъ, Сангленемъ и Мацѣевскимъ, который съ нами обѣдалъ у о. архим.

Августъ. 2. Къ г. Шевыреву я послалъ на разсмотрѣніе два листа 3-й тетр. «Памятн. Моск. др.». Вечеромъ я былъ у митроп. Ф., казалъ ему естампы къ 3-й тетради «Пам. Моск. др.» и поговорилъ съ нимъ о древностяхъ церковн., о Русской грамматикѣ и о пр. Съ женою ѣздилъ я въ Останкино къ сенатору Штеру, у котораго пили чай.

4. Я отвезъ къ Мацѣевскому письмо къ А. А. Писареву въ Варшаву и простился съ нимъ.

6. Съ женою и сыномъ я ѣздилъ къ празднику въ Новоспасскій монастырь, гдѣ служилъ митр. Филаретъ, а проповѣдь говорилъ о архим. Аполлосъ, у котораго я обѣдалъ съ Мишей.

9. Съ женою и дѣтьми я обѣдню слушалъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митроп. и гдѣ былъ князь А. Н. Голицынъ. Послѣ обѣда мы ѣздили къ П. В. Побѣдоносцеву.

11. Былъ у священника Св. Николая Большого Креста, которому доставилъ на просмотрѣніе кн. «Чуть-чуть не былъ».

12. Утромъ былъ у Ю. Н. Бартенева, вчера пріѣзжавшаго ко мнѣ, и у князя А. Н. Голицына, который принялъ меня ласково, разсказывалъ анекдоты о Екатеринѣ II, которой еще въ дѣвицахъ предсказалъ одинъ омонье катол. епископа, что на головѣ ея будутъ три короны.

15. Утромъ я ѣздилъ къ Ю. Н. Бартеневу и поговорилъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ. Онъ увѣрялъ, что труды мои не пропадутъ и получатъ вознагражденіе, что въ С.-Петербургѣ выгодное обо мнѣ сужденіе. Отъ него я поѣхалъ въ соборъ Успенскій, куда, во время Филаретовой проповѣди, пріѣхалъ Ольденбургскій принцъ. По приглашенію, я обѣдалъ въ Крестовой палатѣ, гдѣ, сидя противъ принца, съ А. Тургеневымъ, разговаривалъ. Во время стола пѣли пѣвчіе. Въ дождь и громъ о. Аполлосъ довезъ меня домой, при звонѣ колоколовъ, какой давали, почтя архимандрита за митрополита. Всенощную слушалъ я на Троицкомъ подворьѣ.

16. И тамъ позднюю обѣдню; встрѣтясь съ кн. А. Н. Голицынымъ, поздравилъ его съ праздникомъ, и онъ также. Его встрѣтилъ митрополитъ.

17. Заходилъ за справками къ П. М. Строеву, съ которымъ прошелъ въ Иностранную Коллегію, гдѣ поговорилъ съ кн. М. А. Оболенскимъ, вывихнувшимъ ногу; возвратилъ нѣкоторыя книги, бывшія у меня.

18. Я былъ въ лавкѣ у К. Полевого, въ Цензурномъ Комитетѣ и въ Государственномъ Архивѣ.

20. Поутру я ходилъ къ Семену отдать ему оригиналъ на 4 тетр. «Памятн. Моск. др.», былъ въ городѣ. Ко мнѣ пріѣзжалъ изъ Твери Коссовичъ, который экзаменовалъ моего Мишу.

24. Я ходилъ принять на путь благословеніе отъ митрополита.

25. Я отправился въ свою Мценскую деревню въ той кибиткѣ, въ коей спасались въ 1812 г. отъ непріятелей.

Сентябрь. 11. Утромъ я возвратился домой и нашелъ всѣхъ здоровыми кромѣ Игната, который умеръ въ городской больницѣ.

13. Въ Новоспасскій м., познакомился съ И. П. Балабинымъ.

15. Поутру я заѣзжалъ къ И. П. Балабину и къ П. В. Побѣдоносцеву, которыхъ не засталъ дома, былъ у Селивановскаго и отдалъ ему *описаніе Новоспасскаго мон.* для напечатанія въ М. Г. В., въ Ценз. Комитетѣ и въ Разрядномъ Архивѣ, гдѣ встрѣтился съ П. М. Строевымъ и началъ разбирать дѣла архим. Ухтомскаго.

19. Утромъ я былъ у Т. Ѳ. Большакова, у котораго встрѣтился съ И. Н. Царскимъ и Ундольскимъ, смотрѣли рѣдкія книги Русскія. Оттуда я прошелъ къ о. протопресвитеру В. И. и съ нимъ прочелъ послѣдній листъ описанія Успенскаго собора.

20. Съ Тромонинымъ я ѣздилъ къ обѣднѣ въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ служилъ императорскій духовникъ Музовскій; осматривали наружность и внутренность Арханг. собора.

22. Утромъ былъ у меня митроп. келейникъ Алексѣй, которому я заказалъ одежду на жертвенникъ и воздухи въ церковь Обтушенскую.

23. Я ходилъ къ протоіерею Архангельскаго собора Арсенію Ив. прочесть съ нимъ 1 л. описанія оному, которое онъ хвалилъ; осматривалъ галлереи верхнія, среднія и нижнія Архангельскаго собора и внутренность Благовѣщенскаго собора. А. И. Л. прислалъ 5 ф. чаю.

24 Поутру я былъ въ городѣ, у Большакова и въ Иностранной Коллегіи, гдѣ князю М. Оболенскому подарилъ экз. описанія Троицкой лавры, читалъ съ нимъ свое описаніе Архангельскаго собора, которое вмѣстѣ съ окончаніемъ Успен. собора и книжкою о Троицкой лаврѣ послалъ на разсмотрѣніе къ С. П. Шевыреву.

25. Раннюю обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ, на водосвятіи былъ у Сергія въ Крапивкахъ. Черезъ И. Т. Спасскаго министру С. С. У. я доставилъ экз. описанія Троицко-Сергіевой лавры.

27. Слушалъ обѣдню въ Архангельскомъ соборѣ, осмотрѣлъ и описалъ крестъ съ Фряжскою надписью, нѣкоторыя достопримѣчательности Благовѣщенскаго собора.

28. Я былъ въ ц. Св. Адріана и Наталіи на отпѣваніи моей крестной матери Маріи Павловны Апухтиной, 67 лѣтъ, урожд. Фонви-

зиной, которую проводилъ съ Погорѣльскимъ въ Покровскій м., откуда проѣхалъ къ арх. Аполлосу и съ нимъ побесѣдовалъ.

Октябрь. 4. Утромъ ѣздилъ я покупать грушъ и яблокъ въ мочку; съ Мишей слушалъ на Троицкомъ подворьѣ обѣдню, которую служилъ митрополитъ. Послѣ обѣдни я зашелъ къ митрополиту, у котораго встрѣтился съ А. Муравьевымъ. Черезъ А. П. Св. я послалъ въ Троицкую лавру экз. своей книжки о Тр. лаврѣ къ а. Антонію, Анастасію, Наѳанаилу и Ѳ. А. Голубинскому.

6. Докончилъ и отдалъ переписывать статью свою объ *иконописи* Греко-Русской, церковной.

8. Былъ у меня А. Н. Муравьевъ и сказывалъ мнѣ о своихъ ученыхъ предпріятіяхъ. Я написалъ письмо къ преосвященному Евлампію.

13. Поутру я былъ у Е. Ѳ. Корша, у И. Г. Сенявина, котораго не удалось видѣть, въ Цензурномъ Комитетѣ, у А. П. Павлова и въ городѣ.

15. Къ гражд. губернатору я послалъ свою статью о *Никольскихъ воротахъ*, а къ П. Н. Погорѣльскому, по желанію его 10 экз. описанія Троицкой лавры для гимназіи III-й.

18. Я слушалъ обѣдню на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ Ф. и посвятилъ въ архимандрита Срѣтенскаго игумена въ Высоцкій мон. У меня былъ И. П. Балабинъ, который смотрѣлъ нѣкоторыя изъ моихъ рѣдкостей.

20. Въ Пашковомъ домѣ смотрѣлъ образъ Св. Николая западнаго стиля, потомъ церковь Св. Николая на Старомъ Ваганковѣ.

26. Обѣдню я слушалъ въ Горихвостовой богадѣльнѣ, гдѣ служилъ митрополитъ; обѣдалъ у хозяина; видѣлся съ г. Барышниковымъ, который сказалъ мнѣ о смерти В. Пассека.

28. Послѣ обѣда я былъ у митрополита Филарета, который разсмотрѣлъ и одобрилъ мое описаніе Благовѣщенскаго собора и съ участіемъ спрашивалъ о здоровьи Миши. Ко мнѣ пріѣзжалъ Кистеръ съ своею Нѣмецкою граматикою.

7. Сенявинъ просилъ меня написать статью для альманаха въ пользу семьи Пассека. Прочелъ я съ Дубенскимъ свое *объясненіе чертежей Москвы* XVII вѣка и далъ ему Муравьева планъ Новгорода 1756 г. для соображенія.

11. Написалъ статью о *первыхъ богадѣльняхъ въ Москвѣ*.

18. Пріѣзжалъ ко мнѣ о. архим. Аполлосъ, которому я далъ разсмотрѣть свою статью въ М. Г. В. о Новоспасскомъ монастырѣ.

19. Утромъ снова ее перечиталъ и отправилъ въ типографію; отъ о. архим. Аполлоса получилъ дополненія къ этой статьѣ. Навѣ-

стилъ больного Константина Петрова, котораго нашелъ мало надежнымъ. Мать его, такъ какъ и другихъ дѣтей, бросила; на это онъ жаловался мнѣ.

20. Съ Мишей я занимался Русскою грамматикою.

22. Раннюю обѣдню въ Срѣтенскомъ м., гдѣ служилъ молебенъ св. Симеону Богопріимцу, заходилъ въ Златоустенскій м. и въ церковь св. Николая въ Столпахъ, гдѣ служилъ молебенъ св. Николаю. Попъ мнѣ показался благоговѣйнымъ, а церковь достопримѣчательною по зодчеству и по истор. ея значенію. Оттуда я зашелъ къ профессору Морошкину, съ которымъ прочелъ 12 и 13 листы П. М. др. и начало описанія Новоспасскаго мон. Ко мнѣ заѣхалъ А. И. Тургеневъ, которому я показывалъ нѣкоторыя изъ своихъ рѣдкостей.

24. Безъ меня была у насъ К. М. Мальцова.

25. Я дочиталъ Римскія древности Шафа, подписалъ 12 л. П. М. др. Напившись чаю, ѣздилъ къ А. И. Тургеневу, который показывалъ мнѣ свои драгоцѣнности, разныя бумаги и книги, рукоп. пословицы Русскія и столбецъ о Русск. ист.

26. Весь день дома. Отъ о. а. Аполлоса я получилъ записки касательно Новоспасскаго монастыря, пирогъ сладкій и посланнаго, бывшаго въ Москвѣ 1812 г., котораго я разспрашивалъ о тогдашнихъ происшествіяхъ и записалъ. Послалъ къ гражд. губернатору окончаніе 4-го т. П. М. др.

29. Я съ Мишей былъ на освященіи церкви Рождества въ Столешникахъ, гдѣ священнодѣйствовалъ митрополитъ съ архим. Аполлосомъ и Іосифомъ и говорилъ проповѣдь. Потомъ мы были на закускѣ у протопопа И. П. Архим. Аполлосъ оттуда пріѣхалъ къ намъ къ обѣду при П. С. Снѣгиревѣ. Къ нему я пригласилъ гравера Аѳанасьева съ видомъ Новоспасскаго мон.

Декабрь. 1. Съ Мишей я былъ на Троицкомъ подворьѣ у обѣдни, которую служилъ епископъ Виталій, произв. Костромскимъ и Галицкимъ. Тамъ я видѣлся съ о. архим. Аполлосомъ, который служилъ молебенъ Филарету Милостивому съ прочимъ духовенствомъ.

12. Заплатилъ квартальному за просрочку адреснаго билета работницы 6 р. 30 к.

13. Раннюю обѣдню я слушалъ у св. Николая въ Драчахъ, позднюю на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ, у котораго я былъ съ Мишею. Онъ благодарилъ меня за доставленную мною вчера 3 и 4 тетради П. М. др. и совѣтовалъ утѣшаться чистою пользою.

15. Ѣздилъ къ С. Д. Полторацкому, который вызывался купить у меня Е. рукопись словаря свѣт. писателей; былъ въ Цензурномъ Комитетѣ, гдѣ взялъ впередъ 150 р. жалов. изъ трети; заходилъ въ лавку къ Большакову.

16. Послѣ обѣда пріѣзжалъ С. Д. Полторацкій посмотрѣть словарь рук. м. Евгенія.

20. Напившись чаю, я ѣздилъ въ Даниловъ мон. на открытіе памятника Венелину Болгарами и видѣлся тамъ съ литераторами нашими и профессорами. Отъ И. И. Давыдова я получилъ 150 р. за 50 экз. описанія Троицкой лавры. Послѣ обѣдни и панихиды была закуска въ архим. покояхъ, гдѣ пили за здравіе Болгаръ. Съ княземъ М. А. Оболенскимъ я доѣхалъ до его дома и у него обѣдалъ.

27. Мнѣ видѣлась во снѣ матушка, лежащая на кровати, какъ бы умершая, но когда я подошелъ къ ней, она оборотилась ко мнѣ и благословила меня рукою, сказавъ: «Благословеніе Господне и мое надъ тобою отнынѣ и до вѣка!» Потомъ я очутился въ храмѣ св. Харлампія, какъ бы въ нашемъ приходѣ, гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ; храмъ древній, благолѣпный, увѣшанный паникадилами. По приглашенію, обѣдалъ у митрополита Ф. по случаю посвященія семин. ректора Іосифа во епископа Дмитр. Тамъ я видѣлся съ кн. С. М. Голицынымъ, который меня обласкалъ, и съ губернаторомъ С.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА*).

V. Отъ Томска до Омска.

Я выѣхалъ изъ Томска пополудни. День хорошій. Меня провожали архимандритъ Викторъ и о. Лазарь. Перевозъ чрезъ рѣку хорошій. Для меня была приготовлена особая ладія, украшенная флагами и съ полдюжиною гребцовъ въ красныхъ рубахахъ; но я нашелъ излишнимъ для себя это великолѣпіе и не зналъ отъ кого оно: потому я сталъ на паромѣ, гдѣ моя повозка.

Мы лишь переплыли рѣку, подъѣхалъ ректоръ Семинаріи архимандритъ Моѵсей, опоздавшій; махаетъ руками (ибо слышать нельзя), умоляя обождать его; сѣлъ въ изукрашенную ладію, что̀ была приготовлена для меня, быстро переплылъ и палъ мнѣ въ ноги, прощаясь и умоляя меня простить ему нанесенныя имъ мнѣ оскорбленія. Я понялъ мольбу. Человѣкъ, сознавшій свои противъ меня неправды, боится, чтобъ я, пріѣхавши въ Россію, къ центрамъ властей, не сталъ мстить ему. Однакожъ входить въ объясненія по сему дѣлу въ этомъ мѣстѣ, среди постороннихъ, мнѣ казалось неприличнымъ. Я только повторялъ: «Прощаю, успокойтесь. Не повторяйте только въ другой разъ допущенной погрѣшности».

Ученики Красноярскаго Духовнаго Училища, за неимѣніемъ Семинаріи въ своей епархіи, переходятъ въ Томскую Семинарію, яко сосѣднюю. Въ одинъ разъ (въ 1866 году) изъ двадцатипяти учениковъ, посланныхъ нами въ Томскую Семинарію, приняли только шесть учениковъ; прочіе 19 должны были возвратиться обратно, на пространствѣ 550 верстъ, безъ денегъ, безъ одежды и обуви, въ суровую осень. Это было безчеловѣчно и безразсудно. Я пожаловался Св. Ѵноду. Къ счастію Семинарскихъ дѣло все взвалили на архіерея, который лежалъ на одрѣ смертномъ и скончался въ Ноябрѣ того года. Въ семъ-то дѣлѣ ректоръ считалъ себя виновнымъ предо мною.

---

*) См. выше, стр. 220.

(Я написалъ ему письмо изъ Перервы, въ Августѣ, которымъ снова успокоивалъ его, вразумляя, чтобы не поддавался внушеніямъ меньшихъ, а держалъ свой умъ и былъ правдивъ въ дѣйствіи).

Мы простились, и я поѣхалъ далѣе. Дорога шла по берегу (лѣвому) Томи, навстрѣчу ей. Мы любовались красивыми высотами праваго берега ея и вообще обширными видами на окрестность и большую рѣку, разстилавшуюся въ виду нашемъ.

1. Станція—деревня *Колтайская* (или Кол...) на холмѣ, Татарская. И станціонный домъ Татарскій. Здѣсь мнѣ оказалъ грубость писарь, сказавъ на мои понужденія подавать лошадей: «Погодите; я спрошу еще хозяина, должно ли записывать вашу подорожную и должно ли давать вамъ почтовыхъ лошадей». Я велѣлъ позвать хозяина. Увидѣвши мою подорожную, онъ сталъ мнѣ кланяться, велѣлъ тотчасъ подавать лошадей и умиленно смотрѣлъ на меня, боясь, не написалъ бы я въ книгу сіе мнѣ оскорбленіе.

2. Станція *Варюхина*,—опять деревня, Русская. Къ стыду Русскихъ можно ставить въ далекомъ предпочтеніи Татарскія селенія предъ Русскими. Улица широкая, чистая, гнусной скотины на улицѣ нѣтъ. Постройка чистая, широкая, величавая. Даже дворы—чистая площадь. Вообще и самъ Татаринъ князекъ и видимо подавляетъ собою Русскаго. Не хилое ли и вялое наше Русское племя? Весь свѣтъ презираетъ Русскихъ! Нѣтъ; я думаю, что мы очень уступчивы не отъ слабости, а по убѣжденію, ради добродѣтели, и дозволяемъ властвовать надъ собою изъ смиренія.

Всѣ эти три станціи налѣво виднѣлась рѣка Томь. Дорога, сперва грязная, потомъ песчаная, но ѣхали живо.

3. Село *Проскоково*. Здѣсь ночуемъ въ хорошемъ крестьянскомъ домѣ во 2-мъ этажѣ. Хозяйка, набожная старушка, поставила намъ блюдо земляники и молока. Отличный хлѣбъ.

Разстройство живота не утихаетъ. Это мнѣ мученіе и стыдъ.... А я едва стою на ногахъ моихъ больныхъ и хилыхъ: эй, до слезъ плачевно было мое положеніе.

Село огромное (по Сибирскомъ обычаю), больше версты. Церковь на противоположномъ концѣ села и съ боку.

20-е число Іюня. Суббота. Св. Меѳодія Патарскаго.

Ѣдемъ, помолясь Богу, въ 7 часовъ. Сосны и лиственницы скрылись: ихъ нѣтъ. Видимъ березовыя рощицы.

На телеграфномъ столбѣ сидитъ орелъ и не поднялся, когда мы проѣзжали мимо него, не изъ большихъ, желтовато бѣлаго пера.

1. Станція *Болотное*—село. Приходилъ священникъ Илія Іонычъ Изосимовъ, среднихъ лѣтъ, въ синихъ очкахъ (символъ нигилиста, хотя онъ этого, конечно, не знаетъ), разумный, кажется, изъ Русскихъ.

Запищали колеса. Переднее, слабѣетъ втулка. Заднее дурно поставлено.

Священникъ попросилъ дозволенія для меня прозвонить.

2. Станція *Чебулинская*—деревня. Плохая. Напился квасу.

3. Станція *Ояшинское*—село, большое. Каменная церковь. Хорошая рѣка. Два спуска съ тормазомъ, большія горы. Обѣдаемъ (яица всмятку, молоко).

4. Станція *Ташаринская*—деревня. Дѣвочка 11-ти лѣтъ, Ирина, принесла тарелку земляники, поѣлъ немного, остальное возвратилъ. Вмѣсто 6-ти копѣекъ я ей далъ десять, а когда она сказала: «Отецъ мой въ работникахъ, а мать коситъ», я ей далъ еще 20 копѣекъ.

Выглянула величественная рѣка *Обь*.

5. *Дубровно*—село. Деревянная маленькая церковь и село небольшое, на правомъ берегу Оби.

(Тутъ я видѣлъ мужественнаго крестьянина, но пораженнаго разслабленіемъ, едва передвигаетъ ноги. Простудился).

Насъ переправили черезъ Обь на хорошемъ паромѣ (въ двѣ сплоченныя ладіи) въ 20 минутъ. Кормчій безпрестанно давалъ приказанія звонкимъ тенористымъ голосомъ, кажется, изъ щегольства и для выраженія восторга, перевозитъ архіерея! Причеты матросскіе: «откалывай! отваливай! разъ! дружно! ударь! хорошо ударь!» Я любовался.

Далъ рубль, чувствительно благодарили.

Ширина Оби здѣсь 700 саженъ (сказали). Берега не высоки, скатисты. Оба въ лѣсу. Два острова, впереди и назади. Рѣка течетъ тихо. Вода мутная (бѣлесая), я умылся ею и напился на память. Взялъ камешекъ со дна. Переѣздъ 20 минутъ.

Внизъ потекла Обь въ густомъ бору и довольно высокихъ берегахъ. Какой угрюмый, сумрачный проспектъ, широкій, молчаливый.

При переѣздѣ черезъ рѣку висѣли тучи и покрапывалъ дождь. Крестились. Здѣсь засуха. Все гибнетъ. Сухая, ѣдкая, синяя мгла. Народъ въ уныніи.

6. Станція *Орской* (не *Обской* ли) *боръ*,—деревня плохая. Ѣхали кустарнымъ лѣсомъ. Выглядывала великая Обь.

7. Городъ *Колывань*. Здѣсь ночуемъ.

21-е число Іюня. Воскресеніе. Св. Іуліана Тарскаго.

Ночевалъ на станціи. Почетный смотритель, Николай Михайловичъ Свекловъ (да будетъ благословенно имя его), принялъ меня съ

любовію и самымъ глубокимъ и сердечнымъ уваженіемъ. Хотя онъ человѣкъ молодой и, повидимому, совершенно свѣтскій, онъ уступилъ мнѣ свои комнаты, приготовилъ хорошую уху (здѣсь Обь). Я всталъ рано. Написалъ письмо въ Красноярскъ.

Желательно было отстоять литургію въ сей день воскресный, а однако не рѣшился, главное потому, что продолжается крайнее и опасное разстройство живота (хотя, повидимому, не изнуряетъ здравія). Церковь притомъ въ полуверстѣ (при моихъ хилыхъ ногахъ это великій трудъ), и обѣдня еще не начиналась.

Я поѣхалъ въ 6 часовъ утра.

1. Станція *Тарышкино*—село. Хорошая деревянная церковь. Благовѣсты и звоны къ литургіи. Мы остановились на станціи; она противъ церкви (хорошая площадь) пить чай.

Я думалъ, что литургія уже началась и прошла часть ея; потому, и лишь выжидая почту, я сѣлъ за чай. Межъ тѣмъ, выѣзжая, встрѣченъ былъ священникомъ съ причетникомъ; кажется, они ждали меня въ церковь. Жалѣю.

Священникъ, немного свыше 30 лѣтъ, бравый, свѣжій, расторопный, смѣлый, рѣчистый (безъ сомнѣнія изъ ученыхъ), Алексѣй Даниловичъ Изволинъ, велъ со мною рѣчи правильно, ясно, съ подобающимъ уваженіемъ. Подошла и жена его, съ двумя или тремя мелкими дѣтьми своими, и благоговѣйно просила себѣ и дѣтямъ благословенія. Счастливое семейство. Разумный мужъ. Цѣломудренная жена. Но меня тутъ же окружили переселенцы, проѣзжающіе изъ Воронежа на Амуръ, съ своимъ житьемъ, съ женами и дѣтьми. Крайне я погрустилъ о нихъ тайно: ѣдутъ на великія страданія и лишенія. Ихъ ограбятъ и притѣснятъ эти скорпіоны, называемые земскими чинами; посадятъ ихъ въ болото, на пески, на скалы, въ овраги, забросятъ въ чащи лѣсовъ, удалятъ отъ рѣки, стѣснятъ, обрѣзавъ кругомъ ихъ лучшую землю, подавятъ поборами и налогами. Защиты нѣтъ! Только терпѣніе и слезы! Это я только и слышалъ, когда достигали до меня вѣсти съ Амура. Это отчасти я видѣлъ и въ Енисейской губерніи.

Они спросили меня: «далеко ли отсюда до Амура?» Я имъ отвѣчалъ: «столько же, сколько вы отъѣхали отъ своей родины до этихъ мѣстъ; вы проѣхали половину». Мужички ужаснулись. Я далъ имъ три рубля. Они ѣдутъ на волахъ. Повозокъ 50—70. Обносились, загорѣли; дѣти вялы и унылы.

Тутъ же мы догнали вдову чиновника съ тремя малыми дѣтьми: ѣдетъ на родину въ Одессу! Кажется, мужъ ея служилъ въ Енисейской губерніи. Да, лучше ѣхать. Лишь-бы дотянуть до Перми. Тамъ не умретъ съ голода. А въ Сибири женщинѣ-вдовѣ съ дѣтьми, привил-

легированной, бѣда! Безъ смерти смерть! (Иванъ Семеновичъ Савостьяновъ, то ли покойный мужъ ея, то ли родной въ Одессѣ, къ которому она ѣдетъ).

2 станція *Крутые Лога*, село. Службы нѣтъ. Священникъ изъ Воронежскихъ, неученый (родичь преосвященнаго Парѳенія и имъ вызванный), какой-то корявый. Есть починка въ церкви.

Вчера видѣли три орла и сегодня уже одного видѣли. Смѣлы: сидятъ и глядятъ на проѣзжающихъ; поднимаются же, когда самимъ вздумается. Очень велики крылья у орловъ. На струну телеграфа садится кукушка и долго перелетаетъ впередъ насъ.

Объѣзжали мы проводящихъ табуны лошадей на какую-то ярмарку: гордые, свирѣпые, будто вызываютъ на брань и драку. Кажется, раскольники.

Собралась туча на небѣ, кануло нѣсколько капель, и только.

3 станція *Овчинниково*. Кажется, деревня. Здѣсь поворотъ налѣво въ Барнаулъ.

Вчера проѣхалъ, въ обратный путь, въ Омскъ, генералъ-губернаторъ Западной Сибири, бывшій въ Барнаулѣ съ губернаторомъ Томскимъ. Въ окрестностяхъ Барнаула было возстаніе крестьянъ, которое укротить сочли нужнымъ воинскою силою: навалены кучи убитыхъ крестьянъ, разграблены и сожжены цѣлыя селенія. Дѣло изъ за надѣла землею.

Крестьяне въ окрестностяхъ Барнаула были приписаны къ казеннымъ плавильнымъ заводамъ, здѣсь находящимся. Они были тоже, чтó крѣпостные крестьяне въ Россіи у бояръ. Когда, въ 1861 году, освободили боярскихъ крестьянъ, то по примѣру ихъ, черезъ годъ, или два-три, положили освободить и заводскихъ крестьянъ въ Сибири отъ зависимости отъ зáводовъ. За тѣмъ и относительно надѣла землею этихъ крестьянъ постановлены правила, сходныя съ боярскими крестьянами. Тутъ-то и вышла смута. Чины, производившіе отмежеваніе земли для заводскихъ крестьянъ, отрѣзали отъ нихъ наибольшую и лучшую часть земли и оставили имъ долю недостаточную для пропитанія и самую дурную часть (такъ жалуются крестьяне). Крестьяне сперва жаловались, умоляли, составляли депутаціи къ начальствамъ, говорили: «оставьте намъ по крайней мѣрѣ тѣ земли, коими мы владѣли, состоя подъ заводомъ». Ихъ изгоняли, грозили, потомъ стали сажать въ тюрьмы, морить, сѣчь розгами. Крестьяне ожесточились. Принялись за дубинки (говорятъ чины). Тогда-то пущена воинская команда, и крестьяне усмирены оружіемъ. Однако нѣкоторымъ изъ нихъ удалось ускользнуть отъ сихъ тирановъ; они дошли до Петербурга; тамъ ихъ жалоба

выслушана. Потребовались дознанія. И вотъ, вѣроятно, генералъ-губернаторъ, исполняя предписаніе высшихъ,ѣздилъ обозрѣть на мѣстѣ дѣло.

Похоже было въ Казанской губерніи. Тогда говорили, что побоище крестьянъ было преждевременно, не выслушавши жалобы крестьянъ, и напрасно; потому что крестьяне не думали противиться силой, а хотѣли достаточно удостовѣриться, что новыя распоряженія, обрѣзывающія ихъ поля для бояръ, была точная и прямая воля Государя. Конечно, тоже было и у Барнаульскихъ крестьянъ.

Не говоря ничего другого, я не могу не сказать: стѣсненіе Барнаульскихъ крестьянъ, по моему, есть сущее и напрасное ругательство надъ крестьянами. Почему не отдать имъ ту землю, какою они уже владѣли? Кому она нужна теперь, когда была не нужна тогда? Бояринъ дорожитъ каждою полосою земли: она есть его капиталъ. Казна для чего дорожитъ полосами, ей вовсе не нужными, при томъ въ Сибири, гдѣ милліоны квадратныхъ верстъ земли лежатъ нетронутые, и гдѣ, около Барнаула, гдѣ живутъ около 100,000 заводскихъ крестьянъ, можно безъ сомнѣнія поселить еще полмилліона душъ? По сему въ чинахъ я вижу ругательство надъ крестьянами и преступное притѣсненіе ихъ безъ правъ и безъ пользы для казны.

4 станція *Сектинская*, деревня, у озера. На немъ острова (отселѣ начинаются озера). Со мною вела разговоръ женщина смѣлая и разумная, объ озерѣ, о засухѣ. Здѣсь мы опять догнали почту.

Вечеръ. По улицѣ гуляютъ молодые крестьяне обоего пола, по-праздничному одѣтые. Пьяныхъ, кажется, не видалъ.

5 станція *Иткульское* село, деревянная церковь во имя св. Димитрія Солунскаго. Дьячекъ карло. Село при двухъ озерахъ: налѣво верстъ восемь длину и до пяти въ ширину, направо съ версту. Оба озера какъ бы безъ береговъ, вода солоноватая, убавляется и портится, дѣлаясь болѣе и болѣе солоноватою. Теперь водятся только караси, а прежде были и щуки.

Ѣдучи, встрѣтилъ обозъ Вятскихъ крестьянъ, поселившихся было въ Енисейской губерніи, въ окрестности села Аманатъ (Канскаго округа), но бросившихъ мѣсто, хорошее, обширное, лѣсистое. Можетъ быть, тоска по родинѣ, а вѣроятно и притѣсненія отъ земскихъ чиновъ, которое терпятъ бѣдные Сибиряки и какого здѣсь въ Россіи не испытываютъ. Крестьяне изъ Нолинскаго уѣзда, а тамъ раскольники. Можетъ быть, и поэтому соскучились Вотяки: въ Енисейской губерніи нѣтъ раскола, и его крестьяне ненавидятъ.

Я подозвалъ одного крестьянина, поговорилъ, пожалѣлъ о ихъ глупости (въ Вяткѣ великая тѣснота въ землѣ) и далъ рубль. Крестьянинъ возразилъ: «не грѣшно ли?» я убѣдилъ. (Не знаю, какъ понять

отвѣтъ сей: а, *не грѣшно-ли* принять милостыню отъ архіерея, какъ отъ *еретика*; или, по смиренству, не *грѣшно-ли* принять милостыню *непрошеную* и *пока безъ надобности*).

6 станція *Каргатская Дуброва*. Кажется, деревня. Здѣсь ночуемъ на земской квартирѣ. На почтовой станціи ждутъ Томскаго губернатора, возвращающагося отъ проводъ генералъ-губернатора своего.

Ѣдемъ по Барабѣ. Ни овражка, ни бугорка, ни ручья, ни рѣчки. Равнина болотистая, солонцоватая. Озера большія и малыя и всѣ солоноватыя; либо вовсе безъ рыбы, либо съ одними карасями. Дорога поправкою только изрыта и испорчена. Страшная толкотня, стараются ѣхать по бокамъ. Удивляюсь небрежности! Даже и начальниковъ своихъ возятъ по этой безчестной дорогѣ (траты силъ и денегъ большія).

Здѣсь только березы, и то кустарныя или искривленныя троганіемъ (скотиною, людьми) или опаленныя. И здѣсь свирѣпствуетъ па̀ла: жгутъ безщадно все, поле, лугъ, болото, кустарникъ, лѣсъ, все что̀ видитъ глазъ. За неимѣніемъ краснаго лѣса, всѣ постройки здѣсь изъ березы, даже дома; оттого видъ здѣшнихъ селеній грустный, мизерный, корявый. Хотя мы ѣдемъ болотами, но поелику дождей не было, то шероховатая полукаменная (съ солью) грязь дѣлаетъ дорогу истинною казнію: толчки и толчки.

Здѣсь не лѣса, а куртинки ихъ, виднѣющіяся по бокамъ: это, кажется, дача крестьянина того, другого, третьяго, оставляющаго сіи кустарники на свой обиходъ. Строевого же березоваго лѣса на дорогѣ и вдали я не видалъ; за нимъ ѣздятъ далеко.

Въ воздухѣ сухая, синяя, вонючая мгла. Печальный видъ!

NB. Замѣтье: *Карга*-тская дубрава. Это отъ *карги*, т. е. пня, излома, уродованія тычинъ обгорѣлыхъ лѣса. По Сибири есть сотни селеній отъ *карги*. Тѣмъ Сибиряки даютъ потомству память о себѣ, что они всю прекраснѣйшую растительность Сибири обратили въ *карги*, во пни и тычины, изуродовавъ ее па̀лами, потѣшнымъ рубленіемъ, зарубками, изломами, обдираніемъ коры и всякимъ дикимъ и безобразнымъ терзаніемъ. Затѣмъ, загадивши и изуродовавъ мѣсто, сами тутъ же селятся на своихъ *каргахъ*.

Мы стали встрѣчать Сибирскую саранчу. Ее зовутъ *кобылка*. Она прыгаетъ, а не летаетъ. Поменьше кузнечика. Она тоже, что̀ саранча. Губитъ посѣвы начисто и съ соломою.

По моему мнѣнію, кобылка отъ паловъ, которые дѣлаютъ засуху.

22-е число Іюня, Понедѣльникъ. Св. Евсевія Самоса.

Крестьянинъ Андрей, гдѣ мы ночевали, добрый и богобоязненный. Въ этой деревнѣ занимаются разведеніемъ и продажею лошадей. Бѣд-

ный имѣетъ десять, а богатые 50 лошадей и болѣе. Въ послѣдніе годы падежъ разорилъ, по крайней мѣрѣ сдѣлалъ бѣдными и тощими почти всѣхъ.

Хотя я не вставалъ во всю ночь (чтó очень рѣдко), но спалъ тревожно. Боялся и предчувствовалъ ударъ. Почти всю ночь терзательно выла собака подъ самымъ окномъ. И въ отдаленіи тоже выли собаки. Это еще болѣе меня смущало.

Всталъ, помолился, прочиталъ 6 главъ Новаго Завѣта и каѳизму (симъ я старался въ дорогѣ пополнять пустоту празднаго времени). Чувствую, приближается, какъ туча, *онѣмѣніе*. Я вышелъ на дворъ, чтобъ освѣжиться, затрясся, лѣвая сторона нѣмѣетъ, нога не движется, и рука костѣнѣетъ. Я закричалъ Ѳедору. Онъ довелъ меня до комнаты. Пришелъ, посидѣлъ, проплакалъ. Стало проходить и прошло онѣмѣніе. Я перекрестился, грустно сѣлъ на повозку, и поѣхали. Предаюсь волѣ Божіей, а ѣхать должно. Но, слава Богу, до плаванія моего на пароходѣ, въ Іюлѣ, подобнаго со мной не случилось. Ѣдучи видимъ журавлей, прогуливающихся по полямъ и у соленыхъ болотъ, куликовъ, кукушекъ, ястребовъ.

(Меня все это занимаетъ, какъ ребенка, потому что въ Красноярскѣ ничего этого нѣтъ).

Вчера вечеромъ, въ Воскресеніе, я видѣлъ на улицѣ крестьянъ гуляющихъ и гурьбами и порознь, и кучами стоящихъ, и сидящихъ около хорошаго дома. Крестьяне въ бѣлыхъ рубахахъ (слѣдовательно сѣютъ ленъ, чего нѣтъ въ Енисейской губерніи), женщины въ ситцахъ яркихъ цвѣтовъ. Пѣсни здѣсь (во всей Сибири) почти не поютъ и, кажется, не знаютъ ихъ. Мнѣ пріятно было видѣть покрой женскихъ платьевъ и всего ихъ одѣянія. Напрасно предаются обнаженіямъ и нецѣломудреннымъ одѣяніямъ женщины привилегированныхъ классовъ! У крестьянъ одѣяніе красиво, соотвѣтственно корпусу женскому, но совершенно цѣломудренно: стыдъ стражемъ всего ихъ одѣянія.

Ѣдемъ грустными обожженными полями, кустарниками и рощицами березовыми: низменныя, суковатыя, хилыя и рѣдкія. Мѣстность ровная, болотистая, солонцоватая; по причинѣ засухи, земля жесткая и сухая. Въ воздухѣ синій сухой дымъ-изгарь: жарко. Встрѣтили озеро *Канкуль* (Татарское названіе) 8 верстъ длины, 5 ширины, съ плоскими берегами, солонцеватое; есть караси.

1 станція *Каргатскій Форъ*(по-нѣмецки) или *Фаръ* (по-голландски) *постъ*. Село. Опять *карга* (смот. выше). Форъ или Фаръ-посты суть памятники: а) первоначальнаго заселенія Русскихъ; б) мѣсто границы и предѣлъ владѣнія Сибирью во времена Петра или за 100 лѣтъ.

Нынѣ границы Русскаго владѣнія на этой мѣстности на тысячу верстъ южнѣе.

Ждутъ возвратнаго проѣзда губернатора. Пьемъ чай. Дѣвица Тальма, Киргизскаго рода, подошла ко мнѣ съ просьбою. Мѣсяца два предъ симъ, она подала прошеніе въ Консисторію Томскую, изъявляя желаніе принять христіанство (она магометанка), но отвѣта не получила. Слѣдовательно, меня она желала имѣть ходатаемъ по ея дѣлу, даже рѣшителемъ (ей растолковали, что я архіерей). Я далъ ей слово, что буду за нее ходатайствовать у Томскаго преосвященнаго. (Я это исполнилъ, либо изъ Омска, либо изъ Тобольска).

Тутъ религія смѣшивается съ земными видами. Тальма эта похищена Киргизомъ, конечно, и съ ея согласія. У нея есть уже дочь. Но родители ея угрожаютъ ей судомъ или силою исторгнуть ее отъ похитившаго. Опасаясь сего, Тальма рѣшилась быть христіанкою, къ тому склонила и мужа, съ тѣмъ, чтобы по крещеніи сочетаться христіанскимъ бракомъ, о которомъ Киргизы знаютъ, что онъ *нерасторжимъ*. Тальма лѣтъ 20-ти, правильное женское лицо, смѣлая женщина, цвѣтущая здравіемъ.

Ѣдемъ. Видимъ камыши (и безъ воды), смородину (въ Сибири смородина вездѣ. Ее надобно кажется звать *самородина*, т. е. ягода, рождающаяся *сама*, безъ ухода человѣка).

2 станція *Каргинская*. Кажется деревня (опять *карга*).

На проѣздѣ этой станціи встрѣтился губернаторъ Томскій, возвращающійся отъ проводовъ своего генералъ-губернатора. За нимъ мчится исправникъ. Ѣзда по обычаю Сибири *отчаянно* быстрая. Тѣмъ здѣсь отличаются власти отъ простыхъ проѣзжающихъ, и чѣмъ выше власть, тѣмъ ѣзда быстрѣе.

Здѣсь я далъ право получить мое золотое перо, забытое на станціи, гдѣ я ночевалъ, здѣшнему смотрителю.

3 станція *Убинское*. Село. Церковь изъ березы, маленькая. Священникъ здѣсь молодой — овдовѣлъ. Просилъ у преосвященнаго жениться въ другой разъ и быть у преосвященнаго иподіакономъ. Преосвященный отказалъ. Священникъ предался пьянству, не служитъ. Подалъ прошеніе о сложеніи съ себя сана. (Такъ мнѣ разсказалъ смотритель станціи). Сколько тутъ вины въ священникѣ и въ порядкахъ благочинія церковнаго, разсудитъ Богъ. Хотя впрочемъ священникъ ничѣмъ себя не обезвинитъ. *Богъ бо нѣсть искуситель злымъ, не искушаетъ же Той никого же.*

Пораньше сего села, на правой (сѣверной) сторонѣ, началось огромное озеро *Убинское*, имѣющее въ длину до 60 верстъ и до 30 въ ширину. Его здѣсь называютъ моремъ. Жаль, я чуть его видѣлъ

(заслоняется кустарникомъ). Отъ села Убинскаго озеро уже удалено на 12 верстъ. Въ семъ, по преимуществу, озерѣ ловятъ карасей; ихъ сушатъ или вялятъ, потомъ нанизываютъ на палочки (очень исусно и красиво (по сотнямъ) и продаютъ. На Камѣ или Волгѣ я видѣлъ цѣлую баржу, нагруженную сими столбиками карасей, въ родѣ скирда; и по Сибири, тамъ и здѣсь, видимъ же въ продажѣ и въ ѣдѣ этихъ карасей, однакоже очень грязно и грубо приготовленныхъ. Мнѣ сказывали, что тутъ есть караси до 10 фунтовъ (обыкновенно же въ 5—6 вершковъ длиною эти караси)

Село Убинское имѣетъ свое небольшое озеро въ три версты, подъ своими гумнами.

Чадъ-изгарь синяя въ воздухѣ, скрывается окрестность. Несносный жаръ. Засуха. Пауты (по-русски—слѣпни, однако другого вида, ярко-желтые, рубчиками, голова зеленая) начали безпокоить. Беремъ вѣтку дерева, отмахиваемся. Особенно страшно нападаютъ на лошадей, съ 9 часовъ утра до 5, 6, 7-ми вечера.

Смотритель вѣжливый, разговорчивый, уважительный.

4 станція *Комлаково*—село (почти Комлево, моя родина). Здѣсь мнѣ разсказали о возстаніи заводскихъ крестьянъ около Барнаула нѣсколько иначе. Ихъ увлекъ и обманулъ писарь. Они не стали платить подати (которой они не платили, бывши подъ крѣпостію заводовъ), несправедливо полагая, что имъ дана льгота и въ этомъ. Мировой судья, по обычаю Русскихъ властей, не потрудясь спокойно разувѣрить ихъ, хотѣлъ ихъ наказывать. Крестьяне самого его хотѣли посадить въ анбаръ. Судья ускользнулъ (ему, конечно, это дозволили крестьяне), пріѣхалъ въ Томскъ, донесъ губернатору о упорствѣ и возстаніи крестьянъ, а сей послалъ отрядъ воиновъ, который произвелъ надъ безоружными великое побоище: стрѣляли безъ разбора въ стариковъ и молодыхъ, въ мужской полъ и женскій, даже въ дѣтей; жгли и грабили дома и селенія. Затѣмъ болѣе 200 человѣкъ посадили въ острогъ. Три крестьянина ускользнули однакоже отъ побоища, достигли Петербурга, пожаловались Государю. Началось изслѣдованіе. За этимъ и ѣздилъ генералъ-губернаторъ. Остается на совѣсти тѣхъ, кто мнѣ это разсказалъ: такъ ли это дѣло было и таково ли значеніе его. Скажу однако свои мысли.

Первое. Въ Сибири, такъ называемая *власть*, сверху и до низу, отъ губернатора до послѣдняго писаря—суть *цари* (какъ я ихъ называю), т. е. повелѣваютъ, и все предъ ними преклоняется. Бѣдный крестьянинъ есть въ ихъ понятіяхъ животное, его не удостоиваютъ и имени человѣка. Ему нѣтъ защиты въ Сибири; его рѣчей, жалобъ не

примутъ, либо ему же обратятъ въ кару. (Бываютъ явленія правосудія и защиты, но онѣ слишкомъ рѣдки и едва слышимы).

Второе. Подати или налоги нынѣ такъ пріумножены, что, слагая ихъ вмѣстѣ, крестьянинъ платитъ въ годъ за одну душу болѣе 30 рублей; а если у него въ домѣ три, четыре, пять душъ и притомъ нерабочихъ (старикъ-отецъ, малолѣтнія дѣти), то ему надобно внести 100 рублей и болѣе. Гдѣ ихъ возьметъ крестьянъ въ Сибири? А и ему самому чѣмъ же жить? Изъ сего можно понять, что неплатежъ столь высокихъ податей есть не упорство, а сущая невозможность. Стоило бы о семъ поразмыслить высокимъ властямъ.

5 станція *Осиновые Колки*—село. Здѣсь ночуемъ. По рекомендаціи ямщика я хотѣлъ было остановиться переночевать у купца. Остановились противъ дома его (большой, новый, красивый). Я послалъ Ѳедора попроситься. Подъ окнами на улицѣ сидитъ почти старикъ, съ свирѣпымъ видомъ. На просьбу Ѳедора отвѣтилъ: «Нѣтъ дома хозяина». Межъ тѣмъ онъ самъ и есть хозяинъ. Ямщикъ пригрустилъ, видя меня обезчещеннымъ. «Извините, владыка, сказалъ онъ. Это самъ хозяинъ. У него точно обыкновенно ночуютъ бояре. Онъ васъ не принялъ видно потому, что онъ раскольникъ». Такъ врагъ Божій омрачаетъ совѣсть отпадшихъ отъ церкви. Духовный человѣкъ напоминаетъ ему его безуміе и молча. Мы поѣхали на станцію. Тутъ ночевали покойно. Ночевалъ еще офицеръ съ женою, тоже проѣзжающій.

23 число Іюня. Вторникъ. Св. Агриппины. Владимирскія Божія Матери.

Меня преслѣдуетъ разстройство живота. Безпокойство и стыдъ.

Во снѣ: 1) Я покусился снять драгоцѣнный вѣнецъ съ образа (кажется, Спасителя) въ ризницѣ Черниговскаго каѳедральнаго собора, готовясь и къ отвѣту за сіе, въ предположеніи оправдать себя (не знаю, чѣмъ). 2) Просыпаясь, пою: «Спаси ны, Утѣшителю Благій, поющія Ти аллилуія».

(И тогда не понялъ и теперь не понимаю, что́ суть сіи видѣнія; но здѣсь, въ Перервѣ, въ домовую мою церковь назначаютъ образъ *Черниговскія* Божія Матери. 26-го Сентября 1870 года). Буди мнѣ милостивъ, Господи!

На этой станціи я увидѣлъ ласточекъ, которыя подъ кровлями жилищъ вьютъ свои земляныя гнѣзда. Давно невиданное мною зрѣлище.

(Мнѣ дали замѣтить, что съ появленія холеры эти райскія птички сокрылись. И я точно почти не видывалъ ихъ съ того времени, т. е съ 1830 года).

Ѣдемъ.

1 станція, *городъ Каинскъ.* Купеческій двухъэтажный домъ, съ широкимъ дворомъ. Самъ хозяинъ и управляетъ домомъ.

Ко мнѣ явились гражданскіе чины въ мундирахъ. Обращеніе вѣжливое, искренняя готовность быть чѣмъ можно полезнымъ. Потомъ два священника: служившій сегодня литургію(она лишь отошла) съ просфорою. Оба среднихъ лѣтъ. Почтительные, видъ степенный, на лицахъ покой и довольство. Слава Богу! Протоіерея (третья духовная особа) нѣтъ въ городѣ: въ объѣздѣ по благочинію.

Мнѣ, по моему желанію, отыскали сироту, дочь священника Евгенія Иконникова, скончавшагося въ Туруханскѣ (съ годъ предъ симъ). Скоро она пришла ко мнѣ съ своею родственницею, женщиною свѣтскою, степенною и разумною. Отроковица 16 лѣтъ. Пріятной наружности. Одѣта весьма прилично. Здравіе и довольство на лицѣ ея. Я объяснилъ ей, при всѣхъ, тутъ бывшихъ, что ея предположили въ Енисейской Консисторіи перечислить въ эту Томскую епархію, гдѣ она и пребываетъ и имѣетъ родство, и что о семъ уже идетъ переписка съ Томскою Консисторіею.

Отецъ ея, Евгеній, ученый, изъ Русскихъ. Я нашелъ его уже вдовымъ. Онъ былъ при второй церкви на золотыхъ пріискахъ. По закрытіи этой церкви я предложилъ ему мѣсто въ Туруханскѣ. Онъ согласился, но пожилъ года два и скончался, сокративъ жизнь свою, кромѣ климата, невоздержаніемъ, которое однакоже привилось къ нему послѣ тяжкихъ потерь, сперва жены, а потомъ отца и матери. Такимъ образомъ эта отроковица есть круглая сирота и чужая въ Сибири. Да пошлетъ Господь Ангела Хранителя надъ нею! Я ей далъ 10 рублей. Но послѣ отца ея осталось достояніе, можетъ быть, на 500 рублей. Это ей опора.

Починили оба переднія колеса: размололись втулки (3 рубля).

2 станція. Село *Булатово*. На станціи говорунья жена смотрителя, кажется, изъ Евреекъ. Заговорила меня и принудила выпить чашку чая. Я посылалъ къ священнику и просилъ навѣстить меня; мнѣ сказали, уѣхалъ съ церковною надобностію въ приходъ.

Въ 1861 году, проѣзжая изъ Казани въ Красноярскъ, я у этого священника Михаила провелъ день Рождества Христова. Принятъ имъ честно. Онъ Русскій, цвѣтущихъ лѣтъ, многочадный. Я подумалъ: «не сердится ли онъ на меня, что я не благодарилъ его ничѣмъ, ни даже письмомъ изъ Красноярска». Такъ совѣсть насъ будитъ!

Я уже отъѣхалъ 1000 верстъ, а на столбѣ увидѣлъ «отъ Москвы 3000 верстъ». Пригрустилъ, потому что здравіе мое хило. Сегодня въ Каинскѣ было замираніе въ правой сторонѣ груди, отъ коего опасаюсь краткой смерти. Однако отдышалъ. Предаюсь волѣ Божіей!.. а двигаться впередъ должно. Поѣхалъ.

3 станція. Село *Антошкино* (крестьянское названіе, отъ Антона, *Антошка*). Здѣсь мнѣ старушка подала хорошаго Сибирскаго квасу, напился съ благодарностію. Въ Сибири особаго рода квасъ, густой сладимо-вкусный, полупиво. Здоровый, даже сытный.

4 станція. Село *Покровское*. Здѣсь ночуемъ на станціи. Сегодня мы ѣхали между озерами, направо и налѣво, и около самыхъ береговъ ихъ, и усматривая въ отдаленіи. Самое малое озеро больше версты, а побольше до 8—10 верстъ. Всѣ они безбрежныя, лежать въ покатостяхъ. Мѣстность низменная, болотистая, кустарные лѣсочки изъ кривыхъ березъ. Озера солнцеватыя и годъ отъ года упадаютъ, сокращаются, высыхаютъ. Не во всѣхъ есть рыба: соленая вода душитъ ее. А гдѣ есть, то только караси. И самая соленость водъ, говорятъ, увеличивается съ года на годъ. Я все это приписываю сожиганіямъ въ Сибири лѣсовъ, полей, луговъ, вообще всей мѣстности. Мы ѣдемъ въ удивительной ѣдкой, синей, сухой мглѣ. Дождей здѣсь не было. Природа унылая.

Въ Каинскѣ мнѣ дали хорошій обѣдъ: пирогъ, уха, жаркое, и все изъ карасей.

Въ Каинскѣ же мы переѣхали чрезъ рѣку *Омь*. Она недалеко отсюда получаетъ начало и пойдетъ съ нами 500 верстъ, до города *Омска*, гдѣ и впадаетъ въ Иртышъ. Чрезъ Омь становится возможнымъ изъ Иртыша приплавлять строевой лѣсъ, и мы опять видимъ хорошія постройки изъ сосноваго лѣса.

Городъ Каинскъ маленькій, съ одной церковію, каменною, хорошею. Кажется, три улицы продольныя (а двѣ, вѣрно; знаю своимъ глазомъ) и нѣсколько поперечныхъ. Обстроенъ деревянными (есть и каменныя) постройками, отличающимися отъ сельскихъ веселѣе, роскошнѣе, иногда богаче.

Влѣво отъ Каинска (ѣдучи изъ Сибири), на Югъ отъ него, на пространствѣ 200 верстъ и болѣе, лежатъ огромныя озера *Чаны*; ихъ съ десятокъ. Главное болѣе 60-ти верстъ въ діаметрѣ, круглое, другое продолговатое, длиннѣе его, но не очень широко. И тамъ караси и караси. Озеръ сихъ невидно ни изъ Каинска, ни съ дороги (они верстъ 20 южнѣе). Вся окрестность довольствуется этими карасями и даже имѣетъ промыселъ на нихъ и отъ нихъ.

Вечеромъ долго сидѣли у меня священникъ этого села Павелъ Аѳанасьевичъ Львовъ, Тамбовскій, товарищъ преосвященнаго Веніамина Амурскаго-Благовѣщенскаго. Хвалилъ и ублажалъ преосвященнаго Ѳеофила, бывшаго Тамбовскаго (нынѣ на покоѣ). Одобряетъ собранія духовенства для обмѣна мыслей, но и оплакиваетъ разногласія.

Нынѣшнія нововведенія по духовенству ему повидимому нравятся. Человѣкъ житейскій.

24 число Іюня. Середа. Рождество Св. Іоанна Предтечи и Крестителя.

Я слышалъ благовѣстъ къ утрени, но полѣнился встать и быть въ церкви. Спалъ тихо. Разстройства живота не было.

Во снѣ: «Наполеонъ дружески предлагаетъ нашему Императору возвратить полную свободу Донскимъ казакамъ, ссылаясь на обѣщаніе, данное якобы первыми царями Русскими, не считать Донцовъ подданными царю наравнѣ съ Россіянами. При чемъ выписываются и слова договора. И слова повидимому говорятъ объ автономіи Донцовъ».

Странное сновидѣніе! Я вовсе не думалъ ни о Наполеонѣ, ни о Донцахъ, ни о политикѣ.

Ѣдемъ.

1 станція. Село *Туруново.* 8-й часъ. Благовѣстятъ къ обѣдни. Большое село. Два озера. Рѣчка почти высыхаетъ. Я зашелъ въ церковь. Есть довольно народу. Священникъ, уже подъ старость, кажется ученый. Здѣсь 20 лѣтъ. Служитъ безъ діакона. Пріятно-рѣчистый. Церковь деревянная, ветхая, непросторная. Есть иконы въ ризахъ. Я постоялъ въ алтарѣ, отъ малаго выхода, до конца сугубой эктеніи. Далъ въ церковь рубль и вышелъ (ждутъ лошади).

Постройка изъ сосноваго лѣса (см. выше). Крыша особаго устройства: на рѣшетникѣ настлана береста, а на нее насыпана земля, покрытая дерномъ. Крыша держится хорошо и обрастаетъ зеленью. Такъ кроютъ по всей Барабѣ, по крайней мѣрѣ сотъ на семь верстъ.

Улица широкая, довольно чистая. Ходятъ одни свиньи съ поросятами и стаи собакъ. (Другого скота по крайней мѣрѣ нѣтъ, коровъ, телятъ, овецъ, лошадей).

2 станція. Село *Спасское - Голупово* (не *Глупово* ли?). Церковь деревянная, обшита тесомъ, покрашена бѣлою краскою. Опять озёра. Въ одномъ была рыба, но отъ моченія конопли въ немъ рыба издохла и перевелась. (Такъ сказалъ ямщикъ; но я думаю, подошла соленость, и рыба пропала. Озеро версты четыре. Такого нельзя испортить моченіемъ конопли у края его). Есть днища озеръ, уже совсѣмъ высохшихъ. Ѣдемъ около камыша, за которымъ озеро. Сюда при насъ вбѣжалъ волкъ. (Ямщикъ съ Ѳедоромъ и іеродіакономъ побѣжали искать его—не нашли). Тутъ же есть курганы, они тянулись версты двѣ. Село красивое и веселое.

3 станція. Село *Вознесенское.* Старинная деревянная церковь. При рѣкѣ, кажется, торговое. На станціи видѣли телеграфнаго офицера. Я вошелъ было съ нимъ въ ученый разговоръ о телеграфѣ, чтобъ попользоваться отъ него. Ошибся. Онъ меньше меня смыслитъ. Мнѣ

стыдно было за него. Тутъ же я увидѣлъ ископаемыя кости, какъ бревна: одна полтора аршина длины и больше четверти въ діаметрѣ толщиною. Выставлены для желающихъ купить. Онѣ принадлежатъ священнику, здѣшнему благочинному. Онъ приходилъ ко мнѣ и съ другимъ священникомъ (ихъ двое здѣсь). Кости сіи священникъ нашелъ въ берегу ихъ рѣки предыдущей станціи *Тартадъ* или *Тартасъ*. (Мы ее переѣзжали на паромѣ).

Въ прошедшемъ (иль за прошедшемъ) году проѣзжалъ Французской посланникъ изъ Китая. Увидѣвъ эти кости, онъ пожелалъ одну, самую большую, пріобрѣсти. Спросилъ: «Можно ли купить?»—Можно.— «Чего стоитъ?»—10 рублей.—«Много. Нельзя ли взять пять рублей?» Смотритель (по довѣренности священника) согласился, и самая большая кость увезена Французомъ. Выслушавши эту исторію, я сказалъ о. благочинному. «Напрасно вы понизили такъ цѣну. Назначили бы сто рублей — дали бы. Увидѣвши же, что вы незнакомы съ лакомствомъ Европейскихъ искателей древностей, онъ сталъ торговаться съ вами, опасаясь вамъ дать тотчасъ 10 рублей, чтобъ вы не одумались».

Благочинный, товарищъ нашего Минусинскаго протоіерея Георгія Бенедиктова и, кажется, землякъ. Человѣкъ степенный и разумный.

Село богатое, а поѣсть на станціи нечего. Погрызли кое-чего своего. Писарь иль смотритель мальчишка и, кажется, еще Полякъ.

Начались холмы и возвышенія. Видѣли огромную эндову—дно высохшаго озера круглое, верстъ 7—10 въ діаметрѣ; растетъ трава, покосы. Есть опять курганы рядами, продолговатые. Чуть видно солнце. Сухая мгла заслонила его: тяжело дышать. Однако, за недѣлю предъ симъ, здѣсь, говорятъ, былъ хорошій дождь.

4 станція, село *Камышевское*. Деревянная церковь, большая, новая, своеобразный чертежъ. Красивая, обшита и покрашена.

Большое озеро, въ 7 верстъ, опоясываетъ село. Тутъ мнѣ сказали, что въ окрестностяхъ этого села насчитываютъ до 30 озеръ. Такое озерное здѣсь мѣсто, и Бараба усѣяна ими.

По рѣкѣ Тартасъ (см. выше), которая выходитъ съ Сѣвера, плавятъ въ здѣшнія селенія строевой лѣсъ; постройки здѣшнія оттого благоприличны (на проѣздѣ этой станціи я немного уснулъ; это отмѣчено мною потому, что я почти не сплю ѣдучи).

5 станція село *Ново-Назаровское*. Церковь деревянная, недавняя, почти безъ оконъ (они вверху). Это послѣдняя станція Томской губерніи.

Измерзалъ меня ямщикъ, безпощадно дергая вожжами и раздирая удилами ротъ у лошадей, безъ всякой надобности, изъ какого-то звѣрскаго нетерпѣнія и находя въ этомъ какое-то наслажденіе. Я упра-

шиваль его не дѣлать сего — не слушаетъ. Сверхъ того, самъ онъ страшно икалъ, поcибирски, выдавливая изъ внутри себя какой-то нечеловѣческій звукъ, похожій на ржаніе, скрипъ и свистъ вмѣстѣ. Не замолчитъ ни на мгновеніе, визжитъ, дергаетъ возжами, хлопаетъ или махаетъ кнутомъ и самъ весь въ конвульсіяхъ.

6 станція, село *Еланское*, уже Тобольской губерніи. Здѣсь ночуемъ. Былъ у меня священникъ этого села Өедоръ Васильичъ Смирновъ. Кончилъ курсъ въ 1824 году, тогда же опредѣленъ на это мѣсто и съ тѣхъ поръ доселѣ живетъ на этомъ же мѣстѣ. Имѣетъ камилавку. У него 17 человѣкъ дѣтей! Говорунъ. Но мнѣ пріятно было слушать старину Тобольскую. Митрополитъ Иннокентій слушалъ въ его церкви литургію и былъ въ его домѣ. Священникъ поручилъ мнѣ кланяться митрополиту.

Меня мучитъ разстройство живота. Выдти для нужды сущее наказаніе: негдѣ укрыться, либо оттуда, либо отсюда видно: люди, окно, дверь, щель, разобрано, а къ тому стаи собакъ. И на улицѣ собаки бродятъ стадами, дерутся, мирятся, сватаются, визжатъ и воютъ отъ голода. И тутъ же лошади, коровы, свиньи, тоже съ своими забавами и привычками; подъ самыми окнами выполняютъ свои нужды: пострадность, вопь и терзаніе! Жалѣю, что Сибиряки въ этомъ отношеніи не озабочены чистоплотностію, опрятствомъ, чувствомъ приличія и благородства; смѣшивать себя съ животными, имѣть предъ собою весь обиходъ ихъ препровожденія жизни, грязно, даже нецѣломудренно.

25-ое число Іюня, Четвергъ. Св. Февроніи.

Всталъ въ 6-мъ часу. Синяя мгла. Солнца нѣтъ, мутное коричневое небо. Спалъ непокойно, терзали уличныя собаки и ревъ скота. Разстройство живота.

Ѣдемъ.

1 станція, *Хомутницкая*-деревня, при озерѣ, которое зарастаетъ. При рѣкѣ Оми. Берега ея обваливаются. Мягкая земля безъ камней. Здѣсь пьемъ чай. Мгла ужасаетъ, подавляетъ, наводитъ тоску. Говорятъ: «горятъ Бурманскіе лѣса» (симъ именемъ въ Тобольской губерніи зовутъ всѣ сѣверные лѣса). Но я думаю, не издыхаетъ ли земля изъ подъ себя, отъ внутреннихъ огней, свой дымъ, чадъ, изгарь, сквозь незамѣтныя щели земли. Около Тобольска я видѣлъ страшные палы, окружившіе пол-окрестность на Сѣверо-западъ, но воздухъ былъ прозрачный и довольно свѣжій).

Рѣка Омь, какъ сонная, течетъ весьма тихо, даже незамѣтно. Мѣстность ровная. Березы куртинами. Трава высокая, крупная, желтая, колючая. Пасется по ней скотъ, не стоя или двигаясь понемногу, а идучи быстрымъ, поспѣшнымъ шагомъ, хватая на лету и какъ бы

спѣша куда-то. Погорѣло все, нечего схватить въ ротъ. Пастухъ едва догоняетъ стадо.

2 станція, *Нижне-Омская*, деревня, тоже на рѣкѣ Оми. 17 верстъ ямщикъ промчалъ въ часъ, дорога ровная, но ѣхалъ небезобразно и безъ визга, свѣжею, ровною рысью.

Мѣстность жалостная. Курчавыя березки маленькими кучками. Сожжено засухою все: и посѣвы, и трава, и самыя деревца упали и поблѣднѣли. Удушливая черно-синяя мгла.

Смотрителя нѣтъ. Хозяйки, желавшія чѣмъ либо услужить, поговорить, посмотрѣть на архіерея. Есть и женскія великія, согрѣвающія душу добродѣтели!

3 станція, *Кабырлинская* деревня же. Степь еще голѣе. Появляется ковыль-трава. Домъ станціи хорошій. Уснулъ на десять верстъ.

4 станція, *Юрьевское* село. Переѣздъ 36 верстъ. Однако мы ѣхали менѣе трехъ часовъ. Дивлюсь сносливости Сибирскихъ лошадей: такой длинный путь, несносный жаръ, страшная засуха, убійственная чугунная мгла въ воздухѣ, а лошади бѣжали скоро толикое пространство. Правда, на этомъ переѣздѣ проходили надъ нами одна за другою три тучи и кануло нѣсколько капель. Воздухъ сталъ свѣжѣе, хотя ниже чугуннаго цвѣта.

На двадцатой верстѣ заселяются Зыряне изъ Усть-Сысольска. Народъ набожный, цѣломудренный, работящій. Мѣсто болотистое (теперь сухое, ни озера, ни рѣчки. Голое безъ кустика мѣсто).

Видѣлъ орла съ дитею, сидятъ на сухой березѣ; дѣтенышъ сидитъ повыше.

5 станція, *Сыропятское* - село, на рѣкѣ Оми, на высокомъ и крутомъ берегу: бѣлая глина. За пять верстъ до станціи, впереди насъ на небѣ сгустилась черная сѣдая туча; я порадовался, думая, что насъ и природу освѣжитъ влага дождевая. Туча растетъ, небо чернѣетъ; не облака, а какая-то усатая чугунно-сѣрая шуба одѣваетъ небо до земли, идетъ на насъ и закрыла насъ; сухая съ тончайщею пылью мгла безъ вѣтра. Она закрыла мѣстность и на двадцать сажень едва можно различить предметы. Не видывалъ я такихъ явленій.

Къ ужасу отъ тучи присоединилась досада и мученіе на ямщика (кажется, отставной, либо въ отпуску, солдатъ, брѣется): рвалъ удилами лошадей нещадно, ревѣлъ и визжалъ, вертѣлся и махалъ кнутомъ (въ Сибири зовутъ *бичъ*). $28\frac{1}{2}$ верстъ ѣхали $1\frac{3}{4}$ часа. Ѣзда не очень быстрая; но ямщикъ, терзая напрасно лошадей, дергая вожжами и въ тоже время притягивая ихъ къ себѣ, не давалъ свободы бѣжать лошадямъ, которыя безъ того промчали бы еще скорѣе. Я сперва мягко уговаривалъ его ѣхать ровно, степенно и не терзать лошадей: не

слушалъ. Потомъ возвысилъ голосъ и приказывалъ ѣхать ровно и не терзать лошадей напрасно. Солдатъ разсвирѣпѣлъ и началъ ревѣть и визжать, дергать и бить лошадей до изступленія. Я вынужденъ былъ молча терпѣть и мучиться. Пріѣхавши на станцію, я обошелъ лошадей: у двухъ рты разорваны, течетъ кровь; всѣ онѣ въ мылѣ и трясутся лихорадочно. Солдатъ свирѣпою косиною выглядывалъ на меня изъ подъ лба и, повидимому, готовился выслушать мои упреки и защищаться тою же свирѣпостію. Я сочелъ благоразуміемъ смолчать, взглянувъ на него сожалительно. Лошади у этого солдата вѣроятно чужія. Вѣроятно онъ ихъ испортилъ. Не знаю, что̀ можно бы придумать къ укрощенію толикихъ свирѣпостей, которыя притомъ такъ мучатъ сѣдоковъ.

Исторія: «Ямщикъ, возвращаясь пустой изъ Омска, умеръ въ повозкѣ, не доѣхавъ версты до этого села. Это было 17 числа Іюня. Его до сихъ поръ не хоронятъ: «нужно-де судебно-медицинское изслѣдованіе». Пусть бы такъ; но судей нѣтъ вотъ уже восемь дней, тѣло гніетъ. Лютый жаръ и засуха. Жена покойнаго, Лукерья, умоляла меня исходатайствовать погребеніе покойнаго».

Вотъ образчикъ Сибирскихъ управленій. Здѣсь гноятъ умершія тѣла по мѣсяцу, по два, даже до полугода въ ожиданіи судей и слѣдствія. И судей не виню много: неизмѣримыя пространства, а ихъ немного. Почему бы не уважить свидѣтельство: а, крестьянъ всего села; оно подано; б, свидѣтельство священника; оно не замедлило бы, если бы пожелали имѣть его. Я думаю: требовать судебнаго изслѣдованія тѣла умершаго 1) когда того ищутъ родные, 2) когда требуетъ сего окружающее сосѣдство умершаго.

Ямщикъ, который такъ истерзалъ меня, кажется, нарочно выразилъ свою тираннію надъ лошадями, чтобъ мнѣ нанести досаду и доказать, что онъ есть власть, а не я, проѣзжающій. Такой потѣхи надъ сѣдокомъ онъ не дозволилъ бы себѣ, если бы то былъ какой-нибудь полу-офицеръ.

На станціи Сыропятской я вздумалъ было ночевать для того, чтобъ въ Омскѣ не тревожить протоіерея, человѣка мірского и мнѣ лично неизвѣстнаго, въ глухую ночь. (Я у него предположилъ остановиться въ Омскѣ и о томъ писалъ ему изъ Красноярска). Но мы пріѣхали на эту станцію въ 6½ часовъ вечера. Скучно бы было три и четыре часа ждать ночи. Я рѣшился ѣхать, хотя до Омска 34 версты. Поѣхали.

Въ самомъ селѣ спускъ на рѣку Омь и перевозъ. Спускъ крутой и опасный. Берега Оми обрывисты, обвалъ земли вертикальный (какъ у моря). Зрѣлище на Омь ужасаетъ. Малые ручьи отъ великихъ дождей, при мягкости береговъ, раскалываютъ ихъ и образуютъ зіяющія

щели и отвѣсныя пропасти. Слава Богу, мы спустились къ рѣкѣ, переплыли ее и поднялись наверхъ благополучно. Затѣмъ до самаго Омска равнина. Ямщикъ, столь же ярый, помчалъ насъ нещадно. Я молчалъ. Мѣстность голая, у самаго города, версты на двѣ, истерзанный (скотиною) курчавый мелкій кустарникъ. Земля лежитъ даромъ: запашки я почти не видалъ. Сухой колючій бурьянъ, или ничего, голая земля.

Мы пріѣхали въ Омскъ въ 9 часовъ вечера, слѣдовательно ночью; я ничего не видалъ еще и потому, что черная мгла-изгарь покрывала землю.

VI. Городъ Омскъ.

Я остановился у законоучителя въ здѣшнемъ Кадетскомъ корпусѣ, о. протоіерея Александра Ивановича Сулоцкаго (изъ села Сулость, около Ростова, что̀ на берегу озера въ виду города и монастырей Бѣлогостицкаго, Петровскаго и Аврааміева). Человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, благословенъ отъ Бога много и благочадіемъ. (Одна дочь уже замужемъ за кѣмъ-то въ Омскѣ свѣтскимъ).

Александръ Ивановичъ, магистръ Духовной Академіи (кажется, Московской), былъ профессоромъ Семинаріи въ Тобольскѣ, затѣмъ поступилъ сюда. Онъ литераторъ и охотникъ отыскивать Сибирскія древности. Ему и г. Абрамову (уже покойнику, тоже изъ нашихъ), Сибирь одолжена многими любопытными и назидательными сказаніями.

Послѣ многихъ разнородныхъ рѣчей, меня угостили хорошимъ городскимъ ужиномъ (я не имѣлъ его отъ Томска, почти на тысячу верстъ). Мнѣ дана хорошая комната, кабинетъ хозяина. Уснулъ сладко.

26-е число Іюня, Пятница. Тихвинскія Божія Матери.

Утромъ написалъ два письма: 1, въ Красноярскъ о. протоіерею каѳедральному Василію, 2, въ Кострому къ преосвященному Платону.

Въ обѣдъ получилъ телеграмму изъ Красноярска отъ о. протоіерея, пущенную отъ сего дня въ 8 часовъ утра. Разстояніе около 1500 верстъ, и всего пять часовъ шла телеграмма. И я отвѣтилъ телеграммою же (поручилъ о. Александру).

Отдалъ поправить карманные часы; поправили въ три часа. Отдалъ поправить переднія колеса; поправили.

Затѣмъ мы поѣхали съ о. протоіереемъ путешествовать по городу. Намъ данъ экипажъ, карета, какою-то старушкою, купчихою или боярынею.

Были: 1, въ церкви Св. Николая. Казацкая. Прехорошая и немалая церковь, свѣтлая, иконостасъ степенный, большой. Нижній рядъ

иконъ въ богатыхъ золоченыхъ ризахъ. Сбѣжался народъ къ благословенію. Въ церкви младенецъ умершій для отпѣтія. 2. Въ соборѣ Воскресенія Христова. Служитъ протоіерей города Стефанъ Яковлевичъ Знаменскій. Мы вошли; онъ читаетъ за лѣвымъ клиросомъ, у пылающихъ свѣчъ и кутіи, имена покойниковъ рѣчисто, возгласно, не торопясь. Это заамвонное поминовеніе произнесено при насъ; не одно сто имянъ! Затѣмъ кончена литургія. Въ церкви есть народъ. Опять умершій младенецъ. Храмъ круглый, огромный шириною, но не высокій. Екатерининскій иконостасъ низкій, затѣйливый, далеко бѣднѣе Никольскаго.

Соборъ стоитъ въ крѣпости, довольно похожей на Петербургскую, даже и положеніемъ у рѣки Оми. Построено много корпусовъ, конечно, военнаго значенія. О достоинствѣ крѣпости я не могу судить, но кажется она недовольно заботливо содержится.

Протоіерей о. Стефанъ охотникъ до протяженной службы и громко извѣстенъ въ городѣ (можетъ быть, и далѣе) строгостію, даже аскетизмомъ житія своего. Онъ за 6 лѣтъ вдовый. Былъ у меня, въ домѣ у о. Сулоцкаго. Съ орденомъ.

3. У генералъ-губернатора Западной Сибири. Александръ Петровичъ Хрущевъ. Сперва мнѣ было отказали, сказавъ: «занимается генералъ дѣлами, нельзя доложить». Я было собрался выходить; прибѣжалъ офицеръ, проситъ, растворяетъ двери. Входимъ въ дѣловую залу. Насъ встрѣтилъ Александръ Петровичъ, почти старичекъ, небольшаго роста. Посадилъ насъ (съ протоіереемъ) у стола. Спросилъ: кто я, что̀ я и куда и зачѣмъ ѣду. Я объяснилъ. Рѣчи мягкія, вѣжливыя, хотя впрочемъ общія и не близкія. Чрезъ четверть часа я всталъ, откланялся, вышелъ.

Г. Хрущевъ лѣтъ подъ 60, холостой. Ежели онъ живетъ въ плотской чистотѣ и цѣломудріи, то онъ блаженный человѣкъ. Однакоже вручить великое управленіе полъ-Сибирью свѣтскому, холостому небезопасно.

Послѣ того мы съ о. протоіереемъ объѣхали лучшія части города.

Омскъ стоитъ на рѣкѣ Оми, по обѣимъ сторонамъ ея. Крѣпость на лѣвомъ берегу. Домъ генералъ-губернатора, всѣ лучшія зданія на правомъ берегу. Здѣсь Омь впадаетъ въ Иртышъ, такъ что городъ стоитъ и на Иртышѣ, но я не былъ на этомъ мѣстѣ. Большой городъ, до 20,000 жителей. Главныя и лучшія постройки казенныя. Домъ генералъ-губернатора походитъ на дворецъ, стоитъ самъ по себѣ среди площади, имѣетъ садъ и окруженъ оградою и стѣною. Средина его возвышена еще на этажъ (кажется, домъ трехъ-этажный).

Кромѣ военныхъ, дѣйствительно служащихъ, городъ заселенъ военными же, вышедшими изъ службы. Военное и центральное граж-

данское управленіе привлекаетъ сюда образованіе, гражданственность, богатство.

Омскъ есть Сибирская и единственная крѣпость. Она поставлена на прежней границѣ Сибири къ Югу. Нынѣ Россія выдвинулась въ этомъ мѣстѣ далеко на Югъ (до тысячи верстъ). Крѣпость упраздняютъ, либо уже упразднили.

Окрестность города унылая: равнина и степь безлѣсная.

И удаленіе города отъ Россіи, и безлюдность степи навѣваютъ тоже уныніе при всемъ блескѣ военныхъ мундировъ.

Въ это время, когда я здѣсь былъ, была удушливая сѣдая мгла и жаръ. Солнца не видно, хотя небо безъ облаковъ. Тяжелое уныніе!

VII. Отъ Омска до Тобольска.

Послѣ хорошаго обѣда, добродушнаго усердія и благожеланій, я отправился въ дальнѣйшій путь.

АлександръИвановичъ провожалъ меня всѣмъ городомъ и за городъ.

Я имѣлъ неосторожность сѣсть на его линейку (чтобъ лучше видѣть городъ). Впереди ѣхала наша повозка. Ямщики, особенно Сибирскіе, имѣютъ какое-то дикое наслажденіе ѣхать въ селеніяхъ отчаяннымъ азартомъ. И нашъ ямщикъ бросился опрометью. Наша лошадь должна была нагонять; мнѣ держаться не за что, упереться не во что, боюсь быть вышибеннымъ. Это лишило меня удовольствія полюбоваться городомъ: ежеминутно опасаясь бѣды, читалъ молитвы.

Мы ѣхали городомъ по крайней мѣрѣ четыре версты, потому что огибали рѣку Омь, по этой и по той сторонѣ для того, чтобъ переѣхать ее по мосту.

За городомъ я простился съ о. Александромъ, сѣлъ въ свою повозку при страшной мглѣ, похожей на осенніе сумерки. Ни города, ни окрестности не видно и на версту. Поѣхали. Мѣстность ровная, дорога хорошая. Ямщикъ завизжалъ, началъ икать всѣмъ чревомъ своимъ, какъ уязвленный вепрь; мы помчались. 27 верстъ мы ѣхали $1^3/_4$ часа.

1 станція *Кулачинская*—деревня. Нѣтъ и писаря. Ѣдемъ далѣе.

2 станція *Красноярская*, на берегу великой рѣки *Иртыша*. Селеніе названо такъ, конечно, отъ красныхъ береговъ рѣки. Такъ точно и *Красноярскъ* городъ, откуда я ѣду, названъ отъ блѣдно-красныхъ скалъ песчанаго камня, окружающихъ Красноярскъ.

Яромъ Русскіе называютъ крутизну и наипаче берега.

Женщина принесла въ полоскательной чашкѣ земляники. Я покушалъ половину, остальное отдалъ ей же. Спросилъ: сколько стоитъ? «8 копѣекъ». Я далъ ей 20. Рада и благодаритъ. У нея есть дѣти.

Берега Иртыша въ этомъ мѣстѣ съ обѣихъ сторонъ умѣренные, голые, земляные, т. е. не каменные. Иртышъ гораздо у́же Оби, менѣе версты. Намъ сказали: «рѣка сильно упала отъ засухъ». Вода мутная, какъ и въ Оби. Перевозъ хорошій, пространный, чистый, благонадежный. Перевозчики ребята бравые и веселые.

Есть островъ влѣво отъ насъ, ближе къ тому берегу.

Иртышъ не имѣетъ камня. Примѣчательно: по крайней мѣрѣ, ни здѣсь, ни въ Тобольскѣ, въ Иртышѣ нѣтъ ни камушка.

Рѣка течетъ тихо. Разливается и выходитъ изъ береговъ весною. (Нашъ Енисей никогда не выходитъ изъ береговъ, потому что мчится быстро).

3 станція *Суховская*. Пріѣхали въ 9 часовъ. Ночуемъ. Мгла наводитъ уныніе, даже пугаетъ: не задохнуться бы. Страшная засуха. Все погорѣло или остановилось въ ростѣ и развитіи. Жалостное зрѣлище.

Постройки опять пошли березовыя. Видно, Иртышъ течетъ вверху по голымъ Киргизскимъ степямъ.

27 Іюня Субботи. Полтавская побѣда.

Просыпаясь пою: «Хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вся силы Его: тебѣ подобаетъ пѣснь Богу!» Перекрестился и возблагодарилъ Бога. Пока запрягаютъ лошадей и укладываются, я, оставаясь празднымъ, обыкновенно читаю Новый Завѣтъ, Псалтирь. Ту и другую книгу я почти прочиталъ, а Псалтирь, кажется, трижды. Слава Тебѣ, Господи! Симъ я удалялъ скуку, отгонялъ уныніе и наполнялъ душу высокими и святыми чувствіями. Мнѣ, болѣзненному и грѣшному, сіе нужно, нужно!

Плачетъ дитя у хозяйки. Ѣдемъ!

1 станція *Бекишево*—село, дома березовые. Мгла. Свѣжо. Подѣваю фуфайку. Гнилая изба, гдѣ станція. Догналъ какой-то проѣзжающій. Ѣдучи видѣлъ на телеграфныхъ столбахъ двухъ орленковъ; глядятъ на насъ, не поднялись.

2 станція *Андронкино*. Опять ѣдемъ съ проѣзжающимъ. Скучаю. Лишены свободы выйдти, остановиться. Пауты тучами садятся на лошадей и насъ безпокоятъ; отмахиваемся вѣничками изъ травы и прутьевъ. У меня дѣлается помраченіе въ глазахъ и круженіе. Зажмурюсь—пройдетъ.

3 станція, городъ заштатный *Тюкалинскъ* (въ народѣ зовутъ *Тюкалà*). Станція 26 верстъ. Ямщикъ въ лоскутьяхъ, но грубіянъ. По дорогѣ не ѣхалъ, а боками, иногда такъ далеко, что и не видно тракта.

Я ему замѣтилъ это и требовалъ держаться ближе къ дорогѣ: огрызается нахально и обидно. Я замолчалъ. Либо пьяница, либо раскольникъ (подумалъ я).

Есть лѣсокъ: благоухаетъ. Видѣли въ боку озеро. И самъ Тюкалинскъ на берегу хорошаго озера (налѣво отъ Сибири); поперекъ города протекаетъ порядочная рѣчка. Но мы увидѣли пепелище города, а не его самаго. Три четверти его, самая середина, самое лучшее и центральное, выгорѣло до тла. Стоятъ отъ трехъ до пяти двухъэтажныхъ каменныхъ домовъ, безобразные остовы, и торчатъ трубы на черномъ пепелищѣ.

Хотя заштатный, но былъ порядочный городъ. Двѣ церкви, деревянная и каменная, на разстояніи полуторы версты. Первая сгорѣла, другая осталась, хотя лѣвая линія улицы, на коей съ правой стороны церковь, сгорѣла насквозь и правая выгорѣла же до самой церкви, такъ что̀ церковь, оставшись сама невредимою, сдѣлалась щитомъ и того, что́ осталось за нею.

Городъ сгорѣлъ въ Вознесеніе Господне, 21 Мая, въ 1 часу дня. Причины пожара не знаютъ. Пало подозрѣніе на крестьянина, у котораго зады дома предъ тѣмъ загорались дважды, но были потушены. Повидимому и третій пожаръ, уничтожившій городъ, начался отъ этого же дома. Крестьянина подвергли слѣдствію и судятъ, но послѣдствія неизвѣстны (по крайней мѣрѣ, тѣмъ, съ кѣмъ я говорилъ на станціи). Терпѣливый, подавленный, робкій, Русскій людъ. Не смѣютъ и роптать, жаловаться на свое разореніе: боятся, не пострадать бы и за это. Я, съ моихъ соображеній, не сомнѣваюсь, что Тюкалинскъ сожженъ намѣренно злодѣями, не злодѣями Тюкалинска, а—Россіи.

а) Загорѣлись зады: какому тамъ быть огню? б) лѣтомъ и въ полдень, что̀ тамъ дѣлать съ огнемъ? в) домишко выбранъ утлый, деревянный, съ края города; явно съ расчетомъ сдѣлать его зажигателемъ города; г) зажженъ домишко: аа) въ бурю, бб) по вѣтру, т. е. съ той стороны, откуда шелъ вѣтеръ на городъ и наперекось, т. е., чтобы не полосу города, а весь его выжечь.

Таковы по моему мнѣнію девять десятыхъ пожаровъ въ Россіи. Злодѣи ея имѣютъ адское злорадство терзать Россію, не имѣя силъ помѣриться съ нею въ открытой схваткѣ и завидуя ея благоденствію и славѣ, а также досадуя за помѣхи, которыя ставитъ Россія Европѣ, злодѣямъ человѣчества, развратителямъ ея. Папа Римскій и его лучшій слуга Полякъ: вотъ, по моему мнѣнію, зажигатели селеній и городовъ Россіи.

Не сѣтую на Русскія начальства: скрытаго и полудомашняго врага можно ли услѣдить? Тотъ, кто дѣйствительно зажегъ городъ, можетъ

быть Русскій пьяница и лоскутникъ, котораго нанять на это злодѣйское дѣло, можетъ быть, стоитъ одного полштофа водки. Ихъ иногда хватаютъ на мѣстѣ преступленія, судятъ, разстрѣливаютъ; но это ничтожное орудіе, казнь ему, злодѣянія не только не прекращаетъ, но не дѣлаетъ и угрозы злодѣянію. Лоскутниковъ всегда можно найдти и купить за гривну. Иногда зажигатели подманиваютъ дѣтей лѣтъ семи и менѣе, даютъ имъ игрушку, да еще зажигательный составъ, который учатъ бросить въ лучшемъ зажигательномъ мѣстѣ. Хватаютъ и дѣтей; но что съ ними дѣлать?

Однако, во всякомъ случаѣ, гдѣ случился опустошительный пожаръ, непремѣнно долженъ быть агентъ Европейскихъ злодѣевъ разумный, образованный. Ему не мѣшаетъ быть и порядочнымъ чиновникомъ въ этомъ мѣстѣ. Вы его узнаете по его усиленнымъ аханьямъ и воздыханіямъ о несчастіи, иногда и на пожарѣ увидите его самымъ озабоченнымъ. Или же, о Боже! Неужели я столь несмысленъ и золъ, что смѣю возносить толикія клеветы на невинныхъ?! Или же, ужели только въ сіи наши времена, съ тридцатыхъ годовъ, мы, Русскіе, годъ отъ года становимся безпечнѣе, безразсуднѣе и глупѣе, что жжемъ и палимъ наши селенія и города безъ пощадѣнія, усиливая это погубленіе со дня на день?

Бывало, пожаръ большого города—вѣковая рѣдкость; нынѣ пылаютъ города, даже и столицы, почти каждый мѣсяцъ. Сколько городовъ выгорѣло до тла въ послѣднія десять лѣтъ? Ужели все неосторожности?

На станціи я похлебалъ ухи изъ карасей, поѣлъ своего балыка. Сытъ. Ѣдемъ.

4 станція *Колманово*. Жарко. Мгла рѣдѣетъ. Появилась кобылка (Сибирская саранча). На этой станціи я ночевалъ въ Декабрѣ 1861 года, въ страшную зимнюю бурю.

5 станція *Крутая*—село. Каменная церковь, огромный куполъ, т. е. вся церковь подъ куполомъ. Видѣли два озера, послѣднее подъ селомъ. Засуха. Кобылка. Пауты. Въ кустахъ муравьи; трава колючая, и подъ нею тоже муравьи. (Нельзя сорвать вѣтки: осыплютъ муравьи).

6 станція *Орлова*. Несносный жаръ. Тучи паутовъ, безпрестанно отмахиваемся. Лошади облѣплены ими и вьются тучами надъ ними (надъ лошадьми). Сами лошади стараются бѣжать скорѣе, чтобъ стряхнуть съ себя эту кровопійную гнусь.

Засуха. Все помертвѣло. Въ народѣ уныніе, воздухъ однако свѣжѣетъ, просвѣтляется. Здѣсь ночуемъ.

28-е число Іюня. Воскресеніе. Св. Кура и Іоанна безсребрениковъ. Сергія и Германа Валаамскихъ.

Безпокоили мухи. Убралъ съѣстное, отворилъ окно, угомонились. Я уснулъ. Во снѣ: «Архіерей, старшій меня, привелъ меня, съ другими, къ какому-то вельможѣ на обѣдъ. Я рекомендуюсь ему: «Епископъ Никодимъ, бывшій Красноярскій, уволенный на покой. Ѣду въ Москву, въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей».

Пасмурно. Свѣжо, но сухо. Ѣдемъ.

1 станція *Камышенское*—село. Недаромъ названіе: вездѣ камышъ, даже и на сухомъ мѣстѣ. Мы камышами отмахивались и отъ паутовъ, страшно нападающихъ. Даже ѣхать мучительно. Какія же муки терпятъ отъ нихъ люди, жители и скотъ? Немногіе лѣсочки березовые выжжены (впрочемъ не въ нынѣшнемъ году). Стоятъ обгорѣлыя тычинки. Скоро здѣсь совсѣмъ нельзя будетъ жить. Домишки и вся хилая постройка березовыя. Мѣстность голая. Жесткій бурьянъ полузасохшій ковыляется.

На дорогѣ намъ попался табунъ лошадей, прорвавшійся за полевые ворота. Табунъ бѣжитъ намъ по пути, по дорогѣ, обрѣзанной глубокими канавами; дорога узкая (меньше десяти сажень). Надобно обогнать, но это нелегко; мучились верстъ пять и страшно запылены.

Тутъ же мы увидѣли двухъ мужиковъ на дорогѣ, въ лоскутьяхъ. Я слѣзъ. Спрашиваю. Говорятъ: «Мы погорѣли, выгорѣла вся деревня. Загорѣлось *въ задахъ!* Не вѣдомо отчего». Я далъ имъ немного. (Выжигаютъ очерченную мѣстность).

Пріѣхавши уже въ Москву, въ Перерву, я прочиталъ въ газетахъ о истребленіи пожаромъ города Петропавловска почти до тла и еще нѣсколько большихъ ярмарочныхъ селеній. Это все сосѣди Тюкалинску; не ясно ли систематическое злодѣяніе?

2 станція *Абацкое* село. Я думаю: *Аббацкое*, отъ Аббатъ. Католическое и церковь, во имя Петра и Павла (папы Римскаго). Большое, торговое. На рѣкѣ *Ишимъ.* Чрезъ рѣку хорошій почти городской мостъ, но есть и паромы. Въ селѣ ярмарка, сосредоточенная наипаче около церквей (ихъ двѣ), но и расходящаяся по улицамъ села и по обоимъ берегамъ рѣки Ишима.

Станція близъ церкви. Я здѣсь остановился пообѣдать. Церковь растворена (11 часовъ). Служатъ, или просто молятся богомольцы. Завтра храмовой праздникъ. Священники у меня не были.

Одна церковь деревянная, ветхая, другая каменная, еще недостроена. Рисунокъ, какъ въ селѣ Крутомъ. Преогромный куполъ, равный всему корпусу церкви.

Я посмотрѣлъ на Сибирскую ярмарку. Тутъ Татары главные и богатѣйшіе, смѣлые, тучные, важные, богато одѣтые. Киргизы крѣпкій, оливковаго цвѣта человѣкъ; Русскій, послѣдній, хилый, оборванный, робкій. Здѣсь женщина - полумужикъ, запрягаетъ, распрягаетъ, кладетъ на возъ, складываетъ съ него, стоитъ у товара, продаетъ; взглядъ смѣлый, походка мужественная, одѣта цѣломудренно, на лицѣ смѣлость, но и простота, безъ наглости: сущая, кровная природа, безъ баловства, жеманствъ, лукавыхъ взглядовъ. Желалъ бы, чтобъ такихъ женщинъ посмотрѣли дамы и мадамы городовъ, привиллегированныя, избалованныя, фальшивыя, выдохнувшіяся.

Тутъ я видѣлъ цѣлые возы сушеныхъ карасей, нанизанныхъ на тычинку. Я купилъ было съ сотню ихъ (меньше 50 коп.), чтобъ привезть въ Москву—показать; бросилъ въ перекладываньяхъ на пароходъ.

Мужикъ, Иванъ Ѳедоровъ Чигиревъ, изъ сосѣдняго села Челконова, лѣтъ 45, женился во второй разъ на дѣвицѣ. Она пожила съ нимъ восемь недѣль и бѣжала въ домъ родителей. Прошло три года; она не возвращается, не смотря на его просьбы. Крестьянинъ подалъ о семъ прошеніе преосвященному, отвѣта нѣтъ. Просилъ меня крестьянинъ ходатайствовать за него (я это сдѣлалъ въ письмѣ изъ Тюмени).

Я говорилъ мужику: «Вѣроятно, ты жестоко обходился съ твоею молодою женою». Онъ задумался. Мужики иногда сущіе злодѣи и тираны своихъ женъ, но видно и женщины сильно уязвляютъ мужика. Не всѣ же мужики тираны: есть супружества, достойныя всякаго уваженія.

Село Абацкое есть пунктъ раздѣла тракта на двѣ стороны: а) налѣво, на Западъ, трактъ на Ишимъ, Ялуторовскъ и Тюмень; б) прямо, на Сѣверъ—въ Тобольскъ. Первый, настоящій Сибирскій трактъ; второй, только на Тобольскъ и до Тюмени, дѣлаетъ лишнихъ почти двѣсти верстъ. Я рѣшился, однако (еще въ Красноярскѣ) ѣхать на Тобольскъ: а) спѣшить въ Москву мнѣ нѣтъ надобности; б) въ Тобольскѣ я не былъ и тогда, когда ѣхалъ изъ Казани въ Красноярскъ, въ 1861 году въ Декабрѣ; в) Тобольскъ, есть какъ бы столица Сибири, по крайней мѣрѣ такимъ онъ былъ прежде, и архіерейская каѳедра, митрополичья и епископская. Донынѣ архіерей здѣшній имѣетъ титулъ «Тобольскій и Сибирскій». Больше ста лѣтъ вся Сибирь имѣла точно одного архіерея въ Тобольскѣ.

3 станція село *Челноково.* Ѣдемъ на Тобольскъ. Дорога у́же и хуже. Мостишки крестьянскіе, утлые, безъ надзора. Станція огромная, 32 версты. Везъ грубіянъ. Встрѣтили два озера: а) полторы версты, б) пять верстъ. Озера мелкія, наполовину поросшія камышами. Кажется, высыхаютъ. Передъ селомъ рѣка, мостъ. Купаются. Вѣтеръ, мгла. Засуха. Хлѣбъ тонкій, рѣдкій, малорослый. Стали попадаться березовыя ро-

щицы. На станціи полъ, крыльце, вымыты такъ чисто, будто новые. (Это для праздника Апостоловъ, который разстилается по всей Сибири; думаю, принесли Поляки).

4 станція *Малахово*, деревня (звучитъ Польшею). Спускаясь въ полдень съ горы къ рѣкѣ Ишимъ, мы встрѣтили страшную мглу, но въ три часа она разсѣялась, и воздухъ сталъ чистый. Я перекрестился и возблагодарилъ Бога, увидѣвъ чистый свѣтъ Божій. Но засуха и засуха.

5 станція *Готопупово* (я думаю *Голопупово*, слово, которое нынѣ стыдно произнесть) село. Церковь деревянная, немудрая. Отличный станціонный домъ, но было только 7 часовъ, ночевать рано: поѣхали дальше. Ѣхали разрѣженнымъ березовымъ лѣсочкомъ, больше мелкимъ: останки и отпрыски отъ сожженнаго лѣса. Вдали виднѣются рощицы, стоятъ опаленные остовы березъ. Мѣсто низменное, полуболотистое, ровное; на протяженіи этого проѣзда былъ сегодня дождь (Вотъ причина изчезновенія мглы). Стоятъ на дорогѣ лужицы.

6 станція *Чистяковская*, длинная, 30 верстъ. Пріѣхали въ 10 часовъ вечера. Ночуемъ.

29-е число Іюня. Понедѣльникъ. Апостоловъ Петра и Павла.

Вчера легъ спать безъ ужина. Не было хозяевъ дома. Выпилъ стаканъ воды, разбавивъ бѣлымъ виномъ, съ тѣмъ и уснулъ. Спалъ мирно. Во снѣ: «Мнѣ, съ нѣсколькими другими, поручено принести откуда-то въ церковь святыя вещи, торжественно. Мы пошли, взяли вещи, несемъ. Я почти послѣдній и отсталъ. Когда я поравнялся противъ царскихъ дверей, служащій въ это время читалъ поминовеніе христіанъ на великомъ выходѣ. Мнѣ пришлось слышать: «Во царствіи Твоемъ»... Проснувшись перекрестился, прося Господа помянуть меня во царствіи Своемъ. Подумалъ: «Это есть предвареніе близкой кончины моей». День ясный. 6 часовъ. Ѣдемъ.

1 станція *Кусоярская*—деревня. Переѣздъ 30 верстъ. Ѣхали дурно, лѣниво и вяло. Дорога предурная. Дня за три былъ дождь, но уже не воскресить погорѣвшихъ посѣвовъ: тощи, низки, рѣдки, или подавлены крупною дикою травою, полу-сухою, колючею. Лѣсу довольно, но весь обожженъ, стоятъ обугленныя тычины, немного зеленаго.

Видѣли двухъ журавлей, прохаживаются по окраинѣ лѣса, по травѣ. Огромный орелъ сидѣлъ на сухой березѣ.

На станціи вышла ко мнѣ старуха-хозяйка и не кивнула. Тотчасъ сѣла и заговорила о житьѣ-бытьѣ. (Я подумалъ, раскольница). Повелъ и я тихо рѣчь съ нею, не давая ей замѣтить ея спѣси предо мною или глупости. Она сказала, что на нашемъ переѣздѣ, направо

и налѣво, есть до 50 озеръ! Какое озерное мѣсто! Это все еще Бараба, но кончается. Мѣстность готовится къ перемѣнѣ.

2 станція *Балеклейская*—Татарскій аулъ. Начался красный лѣсъ, высокій, густой. Одна сторона выжжена, другая зеленая; я крестился отъ радости. Воздухъ свѣжѣе. Переѣхали двѣ рѣчки, небольшія. Здѣсь пьемъ чай (11 часовъ). Здѣсь отдыхаетъ проѣзжающій изъ Тобольска воинскій начальникъ. Жена его въ мужскомъ одѣяніи. (Видѣлъ Ѳедоръ, а не я. Мнѣ она, конечно, совѣстилась показаться въ этомъ костюмѣ; потому же, вѣроятно, не показался мнѣ и мужъ. Они сидѣли молча въ другой комнатѣ, какъ два таракана въ щели. Такъ-то матушка—совѣсть, ни запьешь, ни заѣшь; она кричитъ). Здѣсь же мнѣ жаловался Русскій крестьянинъ, Иванъ Ильичъ Сухихъ, житель этого улуса, на Татаръ, которые его избили безчеловѣчно на полосахъ посѣва. Крестьянинъ точно избитъ тяжко: пищитъ какъ цыпленокъ. Я сказалъ (на улицѣ) Татарамъ: «За что вы избили Русскаго сосѣда вашего такъ безчеловѣчно?»—«А онъ зачѣмъ поселился между нами? Это наша земля. Пускай бы шелъ къ своимъ Русскимъ». Бѣдный Русскій! Онъ и дома чужой. Хотя и то сказать должно, что неблагоразумно одинъ Русскій поселился между Татарами.

И здѣсь Татары бравый народъ; одинъ другого бравѣе. Смѣлый, живой, рьяный и одѣтъ лучше Русскаго. Улусъ строенъ не въ линію, но дома одинъ другого лучше, и улица чиста, какъ гумно, даже и ограда для домашняго обзаведенія.

У женщинъ дурная походка. Безпоясые и мужчины, и женщины.

(Жалобу крестьянина я передалъ въ запискѣ преосвященному Тобольскому изъ Тюмени).

Дорога хуже и хуже. Мелкіе бѣлоглинистые пески, подъ ними рѣшетникъ, полусогнившій съ промежутками. Прыгаютъ и толкаются колеса: трясеніе несносное, а ѣзда медленная.

Лѣса у Татаръ сохранились лучше. Есть широкія полосы зеленѣющаго, густого, нетронутаго (можетъ быть, никогда) па̀лами лѣса.

А однако впереди насъ вьются клубы бѣлаго дыма: пылаетъ лѣсъ, на треть горизонта. (Пріѣхавши въ Тобольскъ, мы узнали, что это палы еще далѣе Тобольска верстъ сто. Слѣдовательно мы ихъ видѣли почти за двѣсти верстъ).

3 станція *Истянская*, деревня, либо улусъ. Рѣка Вагай (или Вагой). Тутъ по обоимъ берегамъ бѣлый (съ прожелтью) песокъ, чистый, мелкій. Мнѣ понравился, я набралъ его (привезъ сюда въ Перерву, 30 Октября 1870 года). Немного уступаетъ въ бѣлизнѣ, мелкости и чистотѣ Кіевскому (который тоже ведется у меня съ 1841 года).

На рѣкѣ мельница хорошаго Русскаго устройства (въ Сибири—уродливыя, безобразныя, неудобныя и очень маленькія мельницы).

Здѣсь водворился поселенецъ, кажется изъ привилегированнаго сословія, женился и принялся за хозяйство: мельница его, и домъ у него городской.

Спускъ къ рѣкѣ и подъемъ высоки и крутые. Я шелъ пѣшій и едва вытянулъ.

Здѣсь я привѣтствовалъ впервыя можжевельникъ, котораго нѣтъ въ Сибири. Пошли опять сосны. Увидѣлъ липу (ее нѣтъ въ Сибири). Обоняю Русь и радъ какъ ребенокъ!

4 станція *Дресвянская*—деревня. Переѣздъ 31 верста. Боръ и песокъ и подмостки. Измученъ. Ямщикъ Татаринъ, лукавый и лѣнивый. Ѣдемъ утомительно-тихо.

5 станція *Копотилово*, кажется, деревня. Переѣздъ 34 версты. Ѣзда тихая. Дорога предурная, почти безъ надзора. Ѣдемъ лѣсами. Хорошіе, крупные, смѣсь краснаго съ лиственнымъ. Есть полосы обгорѣлаго лѣса, но цѣлаго лѣсу гораздо болѣе.

Мы ѣдемъ въ виду рѣки Вагоя. Тихая, подъ сѣнію бора. Берега—чернозем и пески мягкіе. Нѣтъ ни камушка.

Проѣхали село. Видѣли на крыльцѣ церкви духовенство. Подошелъ священникъ Алексѣй Силинъ, четыре года кончившій курсъ, вѣжливый и разумный. Церковь деревянная недавно обшита тесомъ и покрашена, видъ новый. Пріятно видѣть въ молодомъ священникѣ озабоченность. И себѣ онъ строитъ хорошій домъ, а теперь пока живетъ въ дурной избѣ, гнилой. Звалъ къ себѣ на чай. Я отказался за хилостію ногъ и за позднимъ временемъ.

Лиственницы въ лѣсахъ уже нѣтъ, она кончилась еще въ Томской губерніи. Здѣсь ночуемъ.

30 число Іюня. Вторникъ. Двенадесяти Апостолъ.

Вчера мнѣ въ ужинъ дали молока съ ягодами и два яйца смяткою. Спалъ тихо.

Просыпаясь, читаю: «Азъ есмь червь, а не человѣкъ». Всталъ, перекрестился, помолился. Чувствую себя порядочно.

На улицѣ свѣжо. Ѣдемъ.

1 станція *Старопогостинская*—деревня. Мѣстность красивая. Огромное (верстъ 7 въ діаметрѣ) болото, почти высохшее. Его огибаетъ дугою высокій берегъ и по немъ на большихъ разстояніяхъ до полдюжины деревень. Вдали виднѣется зеркало озера. Еще дальше, направо, параллельно, высокій хребетъ: это берегъ величественной рѣки Иртышѣ. (Такъ я обычно любовался въ Енисейской губерніи

хребтами горъ, коими означалось ложе Енисея, Чулыма и другихъ большихъ рѣкъ). На этомъ дугообразномъ хребтѣ, въ числѣ первыхъ деревень, и наша станція.

Церкви нѣтъ, и далѣе въ деревняхъ невидно. Вѣроятно, тутъ раскольники. Названіе станціи показываетъ, что тутъ была церковь (*погостъ* есть кладбище, которое въ старину всегда бывало при церкви).

Въ деревнѣ, на пути, въ бору, переправляемся чрезъ рѣку *Ашлыкъ* на паромѣ. Впереди хорошая мельница, а на берегу хорошій двухъэтажный домъ.

Воздухъ чистый и свѣжій. Я чувствую себя въ пріятномъ расположеніи.

Палы есть и здѣсь. Курится боръ, даже самый огонь мы видѣли. Но все же здѣсь горѣлаго лѣсу несравненно меньше, и зеленѣющіе лѣса пріятно утѣшаютъ. Лѣса здѣсь густые, густѣйшіе (въ Сибири рѣдкіе), зелень могучая, а не тощая, дремлющая, хилая, корявая, полусухая, умирающая, колючая (какъ въ Сибири).

Дорога: пески же и гати мучительныя. Мостишки предурные, дѣлаемы мужицки, безъ знанія. Въѣзжая на мостишки, непремѣнно получишь страшный толчекъ, равно и съѣзжая ткнешься внизъ. Сибирскіе мосты (особенно Енисейской губерніи) превосходные: неслышно, какъ въѣдешь и съѣдешь съ моста.

2 станція *Бакшеево*—деревня. Здѣсь все, кажется, раскольники. Нѣтъ церквей.

Встрѣтились кедры, сіи цари деревъ. Сосны передъ ними, какъ цыплята передъ маткою. Густые, многовѣтвистые, темнозеленые. И сукъ, какъ бревно. Я слѣзалъ, чтобъ полюбоваться ими. Земля бѣлая. Хлѣбъ тощій, особенно яровой, никуда не годится, едва выглядываетъ изъ земли и хилый. Здѣсь навозятъ (въ Сибири не знаютъ этого), собираютъ даже соръ съ улицъ.

Болотистая рѣчка въ логовищѣ широкихъ болотъ.

Подъѣзжаемъ къ Иртышу. Деревни по краямъ и берегамъ небольшія, но ихъ много: видно довольство (кажется, раскольники).

Въ концѣ этой полустанціи (она раздѣлена на двѣ), мы опять переправлялись чрезъ Иртышъ, на правый его берегъ. Лѣвый берегъ низменный, а правый высокій, обрывистый, но земляной (нѣтъ ни камушка, даже и въ рѣкѣ). Вода въ Иртышѣ мутная глинисто-желтая, впрочемъ мягкая и пріятная на вкусъ.

Тотчасъ, по переѣздѣ рѣки, Абалацкій монастырь. Западъ его смотритъ на Иртышъ. У самой западной стѣны монастыря трактъ, а за нимъ страшная пропасть, отвѣсный берегъ надъ Иртышемъ.

Монастырю грозитъ разрушеніе: берегъ подмывается. Уже и теперь есть провалы, защищаемые широкою работою для возможности держать здѣсь трактъ. Но зрѣлище отъ воротъ монастыря на Иртышъ направо и налѣво, и чрезъ него въ даль, рѣдкое.

Я былъ въ монастырѣ. Хорошій, немалый, хорошо обстроенный, весь каменный, опрятно содержимый. Двѣ особыя церкви: 1) Знаменія Божіей Матери, Абалацкой, огромная, свѣтлая, круглая, два ряда оконъ. Иконостасъ древній, Московскій, въ нѣсколько рядовъ. Здѣсь я попросилъ эпитрахиль и предъ образомъ Знаменія Божіей Матери (я родился при храмѣ Ея имени) прочиталъ акаѳистъ Божіей Матери (Послѣдованной Псалтири), проплакавъ сладко (со мной былъ лишь послушникъ) 2) церковь теплая, въ трехъ престолахъ: а) Пресвятыя Троицы; б) Вознесенія Господня; в) Николая Чудотворца. И эта церковь обширная; она новѣе.

Мы подъѣхали къ монастырю и вошли въ него часа въ три. Мертвая тишина. Я послалъ Ѳедора поискать живого человѣка. Иди куда хочешь, келіи росперты, индѣ спятъ. Такъ мы, монахи, просты и благонадежны: почитаемъ цѣлый свѣтъ своими братьями.

Къ концу акаѳиста, мною читаннаго, пришли архимандритъ и еще два-три старца. Епитимійный священникъ. Архимандритъ Антоній, уже старецъ, почтеннаго вида.

Я внесъ три рубля на братію и въ церковь.

Былъ страшный вѣтеръ, такъ и рветъ; по площади монастыря безпокойно ходить. Я думаю, это у нихъ всегда. Монастырь на высокомъ берегу, обрывистомъ, надъ огромною рѣкою, совершенно открытый. Въ этомъ монастырѣ чтится икона Божіей Матери Знаменія. Ее привезъ изъ Новгорода первый митрополитъ Тобольскій всей Сибири Корнилій. При первомъ завоеваніи Сибири (при царѣ Ѳеодорѣ или Борисѣ) Корнилій Новгородскій пріѣхалъ со своею святынею. Онъ, или другой преосвященный послѣ него, водворилъ сію икону здѣсь въ монастырѣ, не знаю; только монастырь сограженъ для сей иконы. Ее чтитъ вся Сибирь. Ее чтутъ чудотворною. Она совершенное подобіе Новгородской. (Я это знаю). Названа еще эта икона, а съ нею и монастырь *Абалацкимъ*, не знаю почему. Мѣстность открытая и ровная.

Отъ Тобольска считаютъ 17 верстъ. (Тутъ гдѣ-то перемѣна лошадей, полустанція, называющаяся *Соленая*. Мы перемѣнили лошадей).

За десять верстъ отъ Тобольска мы встрѣтили страшные многовѣтвистые провалы. Спускъ нашъ ко дну ихъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ на пути нашемъ и великолѣпныхъ. Маленькая рѣчка разрѣзываетъ и разъѣдаетъ эти щели, имѣя вблизи Иртышъ, въ который впадаетъ, раскалывая обрывистый хребетъ его берега, состоящій изъ

мягкой глины. На полуднѣ этого дикаго оврага, на той сторонѣ рѣчки, на косвенной площадкѣ построенъ хорошій женскій монастырь во имя Іоанна Предтечи и называемый *Межигорскій* (по подражанію такому же Кіевскому). Когда мы поравнялись съ симъ монастыремъ, въ немъ благовѣстили (вѣроятно, къ вечернѣ, 5 часовъ). Я опустилъ въ кружку сбора малую серебряную монету (50 коп.).

Подъѣзжаемъ къ городу, видимъ впереди столбъ страшнаго пожара, пожирающаго лѣса за городомъ. Но еще ближе, надъ самымъ повидимому городомъ, вдругъ поднялись клубы чернаго дыма. У меня замерло сердце. Я подумалъ: не столь ли я несчастенъ, что въѣзжаю въ пылающій городъ? Подъѣхавъ ближе, узнали, что это курятся кирпичные сараи.

Въ городъ въѣздъ ровный (кажется съ Сѣверовостока). Улицы прямыя, высланы досками (камня здѣсь нѣтъ). Скоро въѣхали на обширную площадь, на коей красуется соборъ и еще, кажется, двѣ церкви, и архіерейскій домъ.

Приняты дружелюбно. Насъ давно здѣсь ждутъ. (Я писалъ и есть телеграмма изъ Омска). Насъ встрѣтилъ экономъ дома, протоіерей Никита Ѳедоровичъ, вдовый (изъ Муромскихъ). Преосвященный слушалъ вечернюю службу. Преосвященный Варлаамъ принялъ меня дружески, обласкалъ, наговорились досыта, поужинали вмѣстѣ. Мнѣ далъ весь верхъ (3-й этажъ) огромнаго архіерейскаго дома. Помолился. Сладко уснулъ.

VIII. Городъ Тобольскъ.

1-е число Іюля. Середа. Св. Космы и Даміана.

Архіерейскій домъ въ Тобольскѣ лучшее зданіе въ городѣ, на лучшемъ мѣстѣ. Онъ обнесенъ оградою и съ башнями, въ видѣ монастыря. Площадь огромная. Службы каменныя. Домà въ три этажа; видно всякому, что это не частный домъ. Въ немъ двѣ церкви: во второмъ этажѣ обширная и какъ бы соборная, въ третьемъ—какъ бы келейная (послѣдняя мнѣ лучше понравилась. Живопись Греческая, на золотѣ, разительная. Идея высокая и смѣлая).

Первый выходъ мой къ литургіи. Преосвященный Варлаамъ пришелъ прежде меня. Вхожу: мнѣ подстилаютъ орлецы. Царскія двери растворены. Преосвященный проситъ, чтобъ я съ амвона благословилъ народъ и указываетъ мнѣ пройдти въ алтарь чрезъ царскія двери! Я былъ стѣсненъ и ужасался, но нашелъ благоразумнѣе покориться, разсуждая, что я, своимъ смиреніемъ и уклончивостію, могъ бы обидѣть преосвященнаго и какъ бы обличить его въ присвоеніи себѣ неподобающаго.

Служба степенная, пѣніе пѣвчихъ чинное; есть народъ. По окончаніи службы преосвященный вмѣстѣ съ собою опять повелъ меня сквозь царскіе врата. Опять потребовалъ, чтобъ я осѣнилъ народъ съ амвона и потомъ просилъ сдѣлать поученіе. Это меня привело въ замѣшательство. Сочелъ однако приличнѣе повиноваться и сказалъ нѣсколько словъ (теперь не помню, о чемъ). Затѣмъ, съ благословенія преосвященнаго, я началъ мое путешествіе по Тобольску.

Сперва каѳедральный соборъ. Хотя онъ стоитъ на хорошей городской площади, но восточная часть его, а именно весь алтарь его входитъ, во дворъ архіерейскій, и ограда архіерейскаго дома примыкаетъ къ нему съ Юга и Сѣвера. Соборъ Софійскій (ясное подражаніе Новгородскому). Недавно обновленъ, въ лучшемъ видѣ: все свѣжо и сіяетъ. Иконостасъ многоярусный, стѣны расписаны.

Теплый соборъ, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, особенный, построенный внутри архіерейскаго двора, близъ холоднаго. Либо вовсе вновь построенъ, либо перестроенъ съ значительнымъ расширеніемъ направо и налѣво, преосвященнымъ Евлампіемъ. (Царство ему небесное! Многострадальный, искушенный). И эта церковь возобновлена въ самомъ удовлетворительномъ видѣ: характеръ чисто - Греческій, ничего новаго.

Изъ собора пошли въ ризницу. Она въ колокольнѣ. Входъ очень неудобный и высоко. Удивила меня ризница. Есть вещи брилліантовыя, какихъ я не видалъ даже въ Москвѣ и лаврахъ, напримѣръ, панагія, вся брилліантовая, самыхъ крупныхъ зеренъ. Много древнихъ крестовъ, митръ, сосудовъ, облаченій, посоховъ. Хранится посохъ, врученный первому святителю Сибирскому Корнилію патріархомъ Филаретомъ: вещь, однакоже по стоимости въ настоящее время мало-цѣнная.

Хранятся съ десятокъ подлинныхъ древнихъ грамотъ.

Отсюда, по распоряженію преосвященнаго, я поѣхалъ въ Семинарію. Она въ нижнемъ городѣ, среди его, въ хорошемъ Знаменскомъ монастырѣ. Пріѣхалъ. Меня здѣсь уже ждутъ, собрались въ парадной залѣ. Я пришелъ. Пропѣли молитву. Тутъ всѣ наставники и часть учениковъ (представительная, кончившіе курсъ).

Было родъ засѣданія. Сидимъ за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. Молчатъ, смотрятъ на меня. Ожидаютъ моихъ рѣчей. Я вынужденъ былъ говорить. Старался заводить рѣчи такъ, чтобъ ввести въ разговоръ съ собою по крайней мѣрѣ о. ректора и тѣхъ, что близъ меня: отвѣты короткіе. Къ несчастію, о. ректоръ (архимандритъ Димитрій) нетрезвъ. Поговоривши немного, я вышелъ. Пошли въ церковь Знаменія. Она среди монастыря. Хорошая, простая, свѣтлая, стариннаго характера. Поѣхалъ домой.

У преосвященнаго браный обѣдъ: члены Консисторіи и семинарскіе чины. Ректоръ уже довольно нетрезвъ, и видно, что мученикъ своей слабости, жалѣетъ и стыдится, какъ красная дѣвица. Члены Консисторіи важные, смѣлые, исполненные опытовъ и знаній. Говорилъ больше преосвященный, но и я вмѣшивался. У преосвященнаго кушанья не пріятны: рыба тяжко солена и имѣетъ запахъ, тоже икра и прочія кушанья грубы; не думаю, чтобы любилъ это владыка. Дурная прислуга и экономія помрачаютъ все доброе. При мнѣ экономъ былъ даже тяжко пьянъ, и казначей (завтра придетъ ко мнѣ поутру) до обѣдни, тоже пьяный іеромонахъ. Видно, и у строгихъ архіереевъ безпорядковъ немало.

Отдохнувши, въ 5 часовъ вечера, мы поѣхали вмѣстѣ съ преосвященнымъ:

а, На дачу его, тотчасъ за городомъ (къ Сибири), съ версту отъ города. Немалое мѣсто: роща березовая и лугъ. Небольшой домъ деревянный. Хорошая каменная церковь (ее построилъ преосвященный Владиміръ Алявдинъ и тутъ погребенъ. Искатель, формалистъ, но послѣ сокрушенный и богобоязненный). Здѣсь мы походили и по рощѣ. Преосвященный указалъ мнѣ дерево, разбитое молніею, кажется, въ нынѣшнемъ году. Ничего въ мірѣ даромъ не бываетъ. Преосвященный задумался. И я боюсь, не ему ли это перстъ отъ Бога!

Помолясь въ церкви и погулявши по рощѣ (направо и налѣво, въ смежности, дачи горожанъ), мы поѣхали на 10-ю версту въ Сибирь обратно, въ женскій Іоанно-Предтеченскій Межигорскій монастырь. Ѣхали быстро (ровная дорога). Пріѣхали. Насъ ждутъ. Встрѣтили.

Мы пошли сперва въ училище дѣвицъ духовнаго званія. Ихъ побольше двадцати. Начали экзаменъ. Преосвященный предложилъ мнѣ давать вопросы, отвѣчали дѣвицы изрядно по Церковной Исторіи, по Катихизису и по Географіи. Законоучитель священникъ, въ камилавкѣ, среднихъ лѣтъ, степенный и разумный. Игуменья тонкая и наблюдательная. Порядокъ и чистота вездѣ. Она и директриса училища. Дѣвушки веселаго взгляда, слѣдовательно довольны, одѣты прилично. Ихъ кроватки, мебель, жилище въ хорошемъ видѣ. Словомъ, училище доброе; побольше бы такихъ!

Съ училищемъ смежно заведеніе бѣлѣнія воска и дѣланія церковныхъ свѣчъ. Симъ дѣломъ занимаются сестры монастыря и молодыя дѣвицы. Свѣчи хороши. Аккуратность и чистота всюду. Дѣло лишь въ началѣ: ожидаются большіе успѣхи, и дай Богъ! Молитва и чистота души трудятся надъ дѣломъ симъ во славу Божію. И здѣсь пріятно было видѣть сестеръ и дѣвицъ, рачительно занятыхъ на указанномъ мѣстѣ, послушныхъ и ревностныхъ. Видно, что онѣ не тяготятся за-

нятіемъ симъ, а рады ему. Вотъ что значатъ благочестіе и добродѣтель! Въ сладость иждиваютъ себя, во славу Божію! (Игуменія изъ Екатеринбургскаго женскаго Ново-Тихвинскаго монастыря, гдѣ дѣланіе свѣчей давнее и укоренилось).

Пошли въ церковь. Пропѣтъ сестрами стихъ. Преосвященный опять обратился ко мнѣ съ предложеніемъ сказать сестрамъ поученіе. Не готовясь опять къ такому порученію, я произнесъ протяжно: «*Блаженніи чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*». Преосвященный благодарилъ.

Походили по монастырю, видѣли бѣлѣніе воска, сады, огороды, садикъ отроковицъ училища: весь въ цвѣтахъ (что̀ имъ такъ прилично).

Простились и поѣхали обратно въ Тобольскъ.

2-е число Іюля, Четвергъ. Положеніе ризы Богородицы. Ахтырскія Божія Матери.

Спалъ тихо. Просыпаясь твержу: «Смерти празднуемъ умерщвленіе»... (изъ канона Пасхи). Помолился. Обошелъ комнаты этажа, гдѣ я, и услаждался созерцаніемъ и размышленіемъ въ малой домовой церкви. Какое удобство архіерею спасать свою душу, бесѣдовать молитвенно съ Богомъ, со Ангелами, со Святыми, каяться во грѣхахъ, просить пощады, молиться за паству, за царство, за весь міръ!

Протоіерей Петръ Андреичъ полюбилъ меня, какъ сына еще въ Красноярскѣ, заочно (у насъ были случаи къ перепискѣ съ нимъ) и мнѣ пророчествовалъ: «Не умру, не увидѣвъ лице ваше». Такъ и случилось. Я желалъ бы утѣшить его вѣнчаніемъ главы его митрою. Преосвященный Варлаамъ говоритъ мнѣ: «Старикъ протоіерей и спитъ и видитъ на головѣ своей митру, твердя: «Не умру, не получивъ митры».

Жалѣю, что преосвященный такого старца и столь достойнаго трактуетъ унизительно, обходится съ нимъ, какъ съ ребенкомъ и подручнымъ. Особенно непріятно: стучитъ по лбу его рукою довольно чувствительно, лаская. Но это обида! Протоіерей въ камилавкѣ, въ крестахъ, восьмидесятилѣтній, стоитъ предъ архіереемъ, не играя съ нимъ и не для игрушекъ ему. Такія ласки походятъ на игру кошки съ мышью. Особенно мнѣ жаль было видѣть такое унизительное обращеніе, постороннему: протоіерей стыдился быть подъ пыткою у своего архіерея, особенно при чужомъ.

Мы были на обѣдѣ у протоіерея. Съ нами былъ и вице-губернаторъ Михаилъ Николаичъ Курбановскій (за отсутствіемъ губернатора онъ былъ старшій). Этотъ достойный человѣкъ сынъ Вятскаго протоіерея, коего важныя судьбы совершались при мнѣ тамо. Михаилъ Николаичъ особенно выразилъ мнѣ свое вниманіе по сему

обстоятельству. Онъ учился въ Казанскомъ университетѣ, и это открыло ему путь къ высокимъ должностямъ.

О. протоіерей отъ лѣтъ довольно глухъ и слабо видитъ, но вообще тѣлесно бодръ. Онъ забавлялъ насъ, крича во все горло, въ разговорѣ (онъ, конечно, думалъ, что говоритъ умѣренно) и яко старецъ-младенецъ юродствуя въ поступкахъ и движеніяхъ. Онъ вдовъ. Сыновей нѣтъ. Есть дочери, кажется двѣ, обѣ вдовы, одна была за полковникомъ. Онѣ живутъ у него. Послѣ обѣда преосвященный и Михаилъ Николаевичъ, съ прочими, проводили меня до Иртыша, до перевоза, и здѣсь мы простились.

О городѣ. Тобольскъ на половину стоитъ на горѣ, и на половину подъ горою. Рѣка Иртышъ въ этомъ мѣстѣ выгибается дугою версты четыре или пять въ діаметрѣ, оставляя низменную и ровную площадь (отчасти болотистую), высокій же хребетъ его такою же дугою выгибается во внутрь мѣстности. Первая половина города и расположена по этому хребту, а вторая по низменности, подъ горою, къ рѣкѣ. Въ первой части: соборъ, архіерейскій домъ, присутственныя мѣста, городской садъ, часть жительства горожанъ; во второй, самый городъ, гостиный дворъ, богатые горожане. Тутъ монастырь и много церквей. Сію часть иногда затопляетъ Иртышъ, потому что очень низкое мѣсто. Постройки, наиболѣе каменныя, улицы прямыя, спускъ съ верхняго города къ нижнему, великолѣпный, идетъ по дну оврага (конечно, выровненнаго) отлого; направо и налѣво откосы, горы растутъ постепенно; направо соборъ, архіерейскій домъ, церковь, налѣво городской садъ. Спускъ тянется съ версту: настилка досками продольно. Тормозили экипажъ.

О преосвященномъ Варлаамѣ. Онъ старше меня. Ему 70 лѣтъ, но бодро держитъ себя, хотя говоритъ уже гугниво (нѣтъ многихъ зубовъ), шагаетъ смѣло и широко, но, кажется, и у него болятъ ноги. Онъ вдросѣдь.

Да продлитъ Господь надъ Россіею милость свою, да сохранится вѣра православная въ ней и церковые порядки въ ней!

Написалъ письмо въ Красноярскъ. (Оно, кажется, затеряно пьянымъ казначеемъ, въ Красноярскѣ не получено).

Былъ у ранней (въ 7 часовъ) въ соборѣ, въ лѣвомъ придѣлѣ. Служилъ священникъ, родной братъ игумена Измаила, скончавшагося въ Туруханскомъ монастырѣ и на него очень похожій.

Послѣ литургіи я попросилъ отпѣть краткую литію надъ гробницею святителя Іоанна Максимовича, завѣдомо нетлѣнно почивающаго, пѣвца и сказателя на пѣснь: «Богородице Дѣво, радуйся»... Мощи его

съ правой стороны перенесены на лѣвую по нуждѣ, при разборѣ стѣны собора. (Лѣтъ за 40 предъ симъ).

Сегодня предположенъ браный обѣдъ у каѳедральнаго протоіерея, Петра Андреича Филицына, старца за 80 лѣтъ, родомъ Москвича, завезеннаго сюда архіепископомъ Антоніемъ Знаменскимъ.

Преосвященный, по возвратѣ моемъ отъ литургіи, зазвалъ меня къ себѣ и далъ два порученія:

Первое. Содѣйствовать въ Москвѣ и Петербургѣ, елико могу, къ награжденію сего каѳедральнаго протоіерея митрою, которой онъ, конечно, сто́итъ, послуживши въ священствѣ около шестидесяти лѣтъ и въ томъ числѣ до сорока лѣтъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Имѣющій два креста бронзовыхъ, за 1812 и за 1854—1856 годы, два золотыхъ наперсныхъ и орденъ Св. Анны 2-й степени.

Второе. Преосвященный составилъ ученую статью, коею занимался много лѣтъ, о исправленіи нашего церковнаго лѣтосчисленія. По мнѣнію и изысканіямъ его якобы выходитъ, что если отъ лѣтъ до Христа отнять 8 лѣтъ, приложенные будто лишь для круглоты цикла, то наше восточное лѣтосчисленіе якобы совпадетъ съ западнымъ. Рукопись сію преосвященный Варлаамъ представилъ въ Сѵнодъ; она ему оттуда возвращена съ критикою, сдѣланною преосвященнымъ Ярославскимъ Ниломъ; преосвященный Варлаамъ на сію критику сдѣлалъ опроверженіе и снова послалъ въ Синодъ, испрашивая разрѣшенія напечатать свой трудъ. Святѣйшій Сѵнодъ отослалъ рукопись и съ приложеніями въ Московскую Духовную Академію, гдѣ она и лежитъ безъ движенія. Преосвященный просилъ меня ходатайствовать о движеніи сего дѣла.

По первому. Я, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, тонко напомнилъ митрополиту Московскому Иннокентію. Я получилъ холодный отказъ со стуженіемъ, какъ дѣло не только невозможное, но и нелѣпое. Однако, въ Сентябрѣ, я о томъ же написалъ Василію Борисовичу Бажанову, духовнику Государеву и члену Святѣйшаго Сѵнода.

По второму. Я тоже писалъ къ ректору Московской Академіи протоіерею Александру Васильевичу Горскому, убѣждая дать разрѣшеніе напечатать статью, увѣряясь, что, если она и можетъ подлежать замѣчаніямъ, то все же не есть ересь опасная, слѣдовательно обнародована быть можетъ, въ утѣшеніе сочинителя, во успокоеніе (ибо онъ доселѣ почитаетъ себя обиженнымъ) и, можетъ быть, для пользы мыслящихъ. Отвѣта не получилъ.

Магистръ 6-го курса Московской Академіи 1828 года. Въ службѣ онъ счастливъ. Около 30 лѣтъ въ архіерейскомъ санѣ. Былъ викаріемъ въ Кіевѣ, въ Пензѣ, въ Архангельскѣ, въ Тобольскѣ. Строгъ, любитель правды, которая иногда переходитъ въ жесткость.

Слишкомъ близко вникаетъ въ дѣла подчиненныхъ. Это я замѣтилъ и по дѣламъ собора и Консисторіи, и особенно по женскому монастырю. Игуменія у него какъ будто его ключница, а онъ хозяинъ монастыря. Ошибка и тяжкое стѣсненіе подчиненныхъ и случаи къ нанесенію и полученію оскорбленій. Бывши въ Архангельскѣ, онъ сдѣлалъ доносъ на губернатора въ потворствѣ его Англо-Французамъ (въ Крымскую войну). Хотя все возстало на преосвященнаго Варлаама, даже Сѵнодъ (т. е. оберъ-прокуроръ), но губернаторъ не оправдался и, не дождавшись кары, умеръ скоропостижно. Губернаторъ не Русскій. Не хвалю преосвященнаго за то, что проходитъ чрезъ царскія двери и неслужа: я этого не видывалъ и не дѣлалъ. Мы святы въ служеніи, а безъ него мы простые богомольцы, какъ и всякій христіанинъ.

Преосвященный Варлаамъ нелестно набожный человѣкъ. Я съ нимъ служилъ немного въ Тулѣ, въ Семинаріи. Онъ былъ ректоръ, я инспекторъ (въ 1833—1834 годахъ). Онъ сынъ протоіерея. Важность, слѣдовательно, ему врожденна, какъ мнѣ, сыну причетника—мизерность.

ИСТОРІЯ КАНОНИЗАЦІИ СВЯТЫХЪ ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ Е. Е. ГОЛУБИНСКАГО.

Это обширное изслѣдованіе нашего церковнаго историка наполняетъ собою всю первую книгу Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1903 годъ.

Изложивъ исторію канонизаціи святыхъ въ Греческой и Русской церкви, авторъ переходитъ къ списку святыхъ, при чтеніи которыхъ причтеніе къ лику святыхъ можно раздѣлить на четыре отдѣла: 1) отъ начала христіанства въ Россіи до Макарьевскихъ соборовъ (1547—1549 г.), 2) Макарьевскіе соборы, 3) отъ соборовъ до учрежденія Святѣйшаго Сѵнода и 4) отъ учрежденія Сѵнода до нашихъ дней.

Послѣ подробнаго историческаго обзора открытія мощей первыхъ Русскихъ святыхъ Бориса и Глѣба, авторъ послѣдовательно переходитъ къ другимъ, при чемъ, какъ намъ думается, одного изъ старѣйшихъ Русскихъ угодниковъ, архимандрита Ростовскаго Богоявленскаго монастыря Авраамія, онъ ошибочно считаетъ современникомъ Сергію Радонежскому, т. е. жившимъ въ XIV вѣкѣ [1]). Подобнаго рода заключеніе едва ли справедливо.

Списки житія пр. Авраамія существуютъ въ трехъ редакціяхъ [2]). Первая редакція сравнительно съ позднѣйшими хотя и отличается краткостью и совершеннымъ отсутствіемъ хронологическихъ показаній, но этимъ она немного проигрываетъ въ фактическомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что по свидѣтельству критическаго анализа и сравнительному сопоставленію содержанія въ каждой изъ позднѣйшихъ редакцій, цѣликомъ повторяется первая же, снабженная варіантами, коментаріями и дополненіями позднѣйшихъ списателей, только затемняющими суть дѣла и ставящими читателя въ безвыходное положеніе своими историческими и хронологическими несообразностями.

Естественно, что изслѣдователи житій, не имѣя никакихъ другихъ историческихъ данныхъ, принуждаемы были безуспѣшно блуждать по этому лабиринту анахронизмовъ и ошибокъ и приходить къ самымъ разнообразнымъ выводамъ. Такъ, одни изъ нихъ относили время жизни Авраамія къ IX—X, другіе къ XI—XII, третьи (какъ и авторъ исторіи канонизаціи свя-

---

[1]) Стр. 82.

[2]) Макарія, Исторія Русской церкви, стр. 269 къ прим. 19. I.

тыхъ), даже къ XIII—XIV вѣкамъ, и каждый основывался въ своемъ мнѣніи на томъ или другомъ указаніи житія. Списатели житій позднѣйшихъ редакцій, очевидно, также не имѣли подъ рукою ничего, что могло бы восполнить тѣ скудные обрывки біографическихъ свѣдѣній, которые сообщаетъ первая редакція. Такъ, вторая редакція, вмѣстивъ въ себѣ первую, наполнила ее по большей части общими мѣстами, риторическими прикрасами и именами, взятыми наугадъ. Третья редакція, отличающаяся подробностью и обстоятельностью, вмѣстѣ съ тѣмъ является и „наиболѣе подозрительною" (Ключевскій). Изъ ея состава становится вполнѣ яснымъ, что списатели житія второй и, особенно, третьей редакціи перемѣшали два житія: Авраамія Ростовскаго и Авраамія Чухломскаго (1375 г.). И, дѣйствительно, это очень легко могло случиться. Относительно жизни Авраамія Ростовскаго даже въ монастырѣ, имъ основанномъ, не сохранилось никакихъ современныхъ историческихъ свѣдѣній; объ Авраамія же Чухломскомъ въ Покровской Чухломской обители сохранилось ко времени написанія перваго его житія только „мало нѣчто написано, ветхо и издранно". Далѣе, тотъ и другой подвижники посвятили себя одинаковой просвѣтительной и подвижнической дѣятельности, и, наконецъ, оба въ этомъ случаѣ имѣли дѣло съ языческой Чудью. Всѣ эти условія и дали возможность списателямъ смѣшать двухъ одноименныхъ подвижниковъ, обитавшихъ въ одной и той же области [1]), и изъ скудныхъ біографическихъ свѣдѣній о нихъ составить одно житіе. При этомъ, если принять во вниманіе, что житіе Авраамія Чухломскаго появилось около половины XV в., становится вполнѣ яснымъ, почему вліяніе этого житія отразилось только на двухъ послѣднихъ редакціяхъ (первая появилась ранѣе этого времени). Особенно же много позаимствовала въ этомъ отношеніи третья редакція.

Въ полномъ видѣ житіе этой редакціи было напечатано въ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1890 г. (№№ 14—15) и отдѣльной брошюрой. По своему началу оно относится ко второй редакціи, а по общему содержанію къ третьей. По редакціи этого житія блаженный Авраамій происходилъ „отъ предѣлъ Галицкихъ, изъ града нарицаемаго Чухлома". Онъ былъ сынъ богатыхъ родителей, язычникъ. Первое его имя было Иверикъ [2]).

---

[1]) Древняя Ростовская епархія занимала пространство нынѣшнихъ губерній Ярославской, Костромской, Владимірской.

[2]) Житіе этой редакціи имѣется въ нашемъ рукописномъ сборникѣ № 43 „Ростовскій Патерикъ". Въ числѣ особенностей, которыми нашъ списокъ отличается отъ вышеприводимаго, можно указать на то, что по-чухломски преподобный названъ здѣсь не Иверикъ, а Иверкъ. Такъ названъ онъ и во всѣхъ спискахъ этой редакціи, которыми пользовались наши ученые изслѣдователи: Макарій, Ключевскій, гр. М. В. Толстой и др. При этомъ нелишнее замѣтить, что имя Иверкъ гораздо ближе подходитъ къ первоначальному христіанскому имени преподобнаго Аверкія (въ простонародіи *Аверкъ*), нежели Иверикъ.

Кромѣ того, въ разбираемомъ житіи есть и еще нѣкоторыя неточности, затемняющія смыслъ и безъ того не вездѣ яснаго текста. Такъ, напр., тамъ сказано: „и не хотя быть монахомъ печальникъ", въ нашемъ же спискѣ стоитъ: „монахомъ начальникъ", что, конечно, гораздо вѣрнѣе, тогда какъ изъ предыдущихъ словъ этого житія видно, что пре-

18 лѣтъ со времени рожденія лежалъ онъ разслабленъ. Узнавъ отъ пріѣзжихъ Новгородскихъ купцовъ сущность христіанства и по вѣрѣ получивъ исцѣленіе, онъ ушелъ изъ дому родителей; подвизался и, переходя изъ обители въ обитель, пришелъ, наконецъ, въ „обитель Пресвятыя Троицы, яже на Валамѣ". Здѣсь онъ крестился, постригся, прожилъ нѣсколько лѣтъ и. избѣгая почестей за свои подвиги, ушелъ въ Ростовъ, гдѣ около него собрались другіе иноки, и онъ поучалъ ихъ. Здѣсь же преподобный поразилъ идола Велеса („скотій богъ") и дважды посрамилъ козни діавола: однинъ разъ въ Ростовѣ, когда духъ злобы „вниде въ умывальницу", другой разъ во Владимірѣ предъ княземъ Владиміромъ, и, *поживъ изрядне,* скончался, и былъ погребенъ въ 6518 (1010) году; а мощи его обрѣтены въ 6683 (1175 г.).

Критически разсматривая и сопоставляя біографическія подробности этой редакціи, мы встрѣчаемъ здѣсь много анахронизмовъ и противорѣчій, которые способны разбить всякія предположенія.

Если преп. Авраамій родился во градѣ Чухломѣ, то является сомнительнымъ, что онъ родился въ X вѣкѣ и преставился въ самомъ началѣ XI-го, какъ утверждаетъ это житіе. Въ достовѣрныхъ историческихъ памятникахъ Чухлома упоминается не ранѣе половины XIV в., что также подтверждается и нашими историками, относящими основаніе это города именно къ началу даннаго вѣка. Поэтому необходимо признать, что если преподобный родился въ Чухломѣ, то въ XIV в.; но если родился ранѣе, то не въ Чухломѣ. Однако время жизни преподобнаго совершенно невозможно относить къ XIV в., потому что просвѣщеніе Ростовскаго Чудскаго конца въ этомъ случаѣ явилось бы слишкомъ позднимъ сравнительно съ другими, такъ какъ изъ житія Св. Исаіи (1077—1090) видно, что уже въ его время въ Ростовѣ были только *неутвержденные въ вѣрѣ,* но не было язычниковъ, кромѣ Чуди. Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣщеніе Ростовской Чуди произошло ранѣе XIV в. (съ чѣмъ согласно и само житіе); слѣдовательно и преподобный Авраамій родился ранѣе XIV в., а потому *и не могъ происходить изъ Чухломы.*

Далѣе въ житіи говорится, что Авраамій былъ язычникъ, и первоначальное имя его было Иверикъ (вѣрнѣе Иверкъ). Нѣкоторые наши изслѣдователи (Филаретъ) небезосновательно полагаютъ, что свѣдѣнія объ языческой жизни Иверка собственныя измышленія списателя, а имя Иверкъ простая передѣлка изъ „Аверкій".

Что же касается до сказанія о крещеніи и постриженіи Авраамія въ Валаамовомъ Троицкомъ монастырѣ, то это сказаніе слѣдуетъ признать также плодомъ смѣшенія двухъ вышеуказанныхъ житій. Во второй редакціи житія Авраамія Ростовскаго сказано, что Авраамій былъ постриженъ въ Валаамовомъ монастырѣ, на Ладожскомъ озерѣ; по первой же редакціи онъ постриженъ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ. И вотъ списатель житія третьей

подобный, какъ ревностный наставникъ братіи и вѣрный пастырь народа, былъ постояннымъ „печальникомъ" монашескихъ слабостей и суевѣрныхъ заблужденій язычниковъ. Конечно эти неточности незначительныя, но littera docent, littera nocent, какъ любили выражаться въ подобныхъ случаяхъ наши Латинисты.

редакціи говоритъ, что преподобный Авраамій Ростовскій былъ постриженъ въ Троицкомъ Валаамовомъ монастырѣ, отчего получилась несообразность, подрывающая достовѣрность сказанія, такъ какъ Валаамовъ монастырь *Преображенскій*, а не Троицкій.

Кончину Авраамія третья редакція относитъ къ 1010 г.; но и это хронологическое указаніе, при критическомъ сопоставленіи его съ другими историческими данными житія, является также весьма сомнительнымъ. Хотя въ рукописяхъ житія время жизни преп. Авраамія полагается въ концѣ X вѣка, но изъ сличенія мѣстныхъ обстоятельствъ видно, что онъ жилъ позднѣе. Городъ Владимиръ на Клязьмѣ, гдѣ былъ пр. Авраамій на судѣ кн. Владимира, построенъ Владимиромъ Мономахомъ (†1125); санъ архимандрита, которымъ почтенъ былъ Авраамій, становится извѣстнымъ съ XII в. до Св. Игнатія, архимандрита Богоявленскаго (съ 1261 года епископа) насчитывается по синодику только семь настоятелей, преемниковъ преп. Авраамія. Все это вмѣстѣ взятое съ достаточною достовѣрностью даетъ поводъ предполагать что преп. Авраамій скончался въ самомъ началѣ XII вѣка. Съ другой стороны, когда Св. Исаія прибылъ (въ 1077 году) въ Ростовъ, онъ нашелъ тамъ (кромѣ Чудскаго конца) неутвержденныхъ въ св. вѣрѣ, но не язычниковъ. Такимъ образомъ, подвиги преподобнаго противъ Ростовскаго язычества начались въ послѣдней четверти XI в., а подвижническая жизнь въ обители продолжалась болѣе 30 лѣтъ *).

„И обрѣтены святыя мощи (его) нетлѣнны во дни великаго князя Всеволода Юрьевича Владимирскаго, внука Мономахова, въ лѣто 6683 (1175) Октоврія въ 27 день“, говоритъ списатель разбираемаго житія. 29 Іюня 1175 г. былъ убитъ кн. Андрей Боголюбскій, и послѣ его смерти шла почти двухлѣтняя борба за великокняжескій Владимиро-Суздальскій престолъ между кн. Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами. Такимъ образомъ, обрѣтеніе мощей данное житіе относитъ къ одному изъ самыхъ смутныхъ временъ удѣльно-вѣчевой системы и возвышенія сѣверо-восточной Руси, что̀ также бросаетъ сильную тѣнь сомнѣнія и на это указаніе житія.

Руководясь указаніями нашихъ изслѣдователей и группируя тѣ скудныя, не подлежащія сомнѣнію, біографическія данныя, которыя представляетъ настоящее житіе, является возможнымъ жизнь преподобнаго Авраамія Ростовскаго вкратцѣ представить въ слѣдующемъ видѣ.

Кто былъ преподобный Авраамій, откуда происходилъ, въ которомъ году родился, неизвѣстно. Въ послѣдей четверти XI в. онъ прибылъ въ Ростовъ и поселился въ убогой хижинѣ на берегу озера Неро. Здѣсь онъ посвятилъ себя иноческимъ подвигамъ и борьбѣ съ язычествомъ. При помощи Божіей, онъ обратилъ ко Христу многихъ язычниковъ, сокрушилъ идола Велеса, стоявшаго на Чудскомъ концѣ города, и на этомъ мѣстѣ устроилъ малую иноческую обитель во имя Богоявленія Господня, которая скоро на-

---

*) Графъ М. В. Толстой. Книга глаголемая описаніе о Россійскихъ святыхъ. М. 1888 г., стр. 97—98.

полнилась иноками. Сдѣлавшись начальникомъ иноковъ, преподобный еще болѣе усилилъ свою просвѣтительную и подвижническую дѣятельность, твердо противостоя извѣтамъ духа злобы, при чемъ дважды посрамилъ козни бѣса. Князь Владимиръ (Мономахъ) даровалъ монастырю угодья, а преподобный расширилъ и благоукрасилъ свою обитель. Въ самомъ началѣ XII в. пр. Авраамій былъ поставленъ архимандритомъ и вскорѣ (приблизительно около 1107—1110 годовъ) скончался въ глубокой старости, былъ похороненъ близъ монастыря. Мощи его обрѣтены 29 Октября 1210 г. при великомъ князѣ Всеволодѣ Юрьевичѣ (1176—1212), внукѣ Мономаха, сынѣ Юрія Долгорукаго.

Нынѣ мощи преподобнаго Авраамія открыто почиваютъ въ главномъ храмѣ Ростовскаго Авраамiева Богоявленскаго монастыря, въ особомъ придѣлѣ, въ серебряной ракѣ, устроенной въ 1862 году.

Но возвратимся къ излѣдованiю Е. Е. Голубинскаго. Одно изъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній, сообщаемое авторомъ, есть описаніе событія, случившагося во второй половинѣ XVII вѣка, въ правленіе патріарха Іоакима, относительно исключенія изъ святцевъ одной святой съ отмѣною установленнаго празднованія ея памяти, иначе сказать, случай отмѣны. Это Анна Кашинская, Іоакимовское дѣло о которой имѣетъ громкую извѣстность и принимается за своего рода cause célèbre въ церковной области.

Затѣмъ изъ числа приложеній къ книгѣ Голубинскаго особенно замѣчательны неоконченное дѣло о несостоявшемся открытіи мощей князя Михаила и княгинь Анастасіи и Ксеніи Ярославскихъ, и акты объ открытіи мощей Св. Димитрія, митрополита Ростовскаго.

Только ученый и съ такими знаніями и талантомъ какъ Е. Е. Голубинскій могъ совершить такую капитальную работу. Нельзя при этомъ не быть признательнымъ и Обществу Исторіи Древностей, напечатавшему это сочиненіе въ своемъ изданіи, какъ еще и ранѣе въ 1900 г. давшему возможность всему образованному обществу, дорожащему исторической правдой, прочитать II-й томъ Исторіи Русской Церкви того же автора, напечатанный имъ лишь черезъ 19 лѣтъ послѣ выхода перваго тома. Конечно и теперь „своего рода" охранители церкви и государства, быть можетъ, также недоброжелательно отнесутся къ этому изслѣдованію; но истинно-просвѣщенные Русскіе люди оцѣнятъ книгу Е. Е. Голубинскаго и поблагодарятъ его за добросовѣстную и полезную работу.

Ростовъ-Великій, 30 Января 1903.

А. Титовъ.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Briefe des Herzogs Ernst August zu Braunschweig-Lüneburg an Iohann Franz Dietrich von Wendt, aus den Jahren 1703 bis 1726. Herausgegeben von Erich Graf Kielmansegg. Hannover und Leipzig. 1902. 8°. VIII и 400 стр.

Герцогъ Эрнстъ-Августъ (род. 1674), младшій братъ Англійскаго короля Георга I-го, воспитывался въ Парижѣ, путешествовалъ по Италіи, воевалъ съ Французами участвовалъ въ войнѣ за Испанское наслѣдство и умеръ 1716 г. Жизнь при дворѣ великолѣпнаго Людовика XIV-го и знакомство съ Италіею размягчили въ немъ толщу жестоковыйности, которою отличались Нѣмецкіе князья того времени: они заговорили утонченнымъ языкомъ Французскимъ, и многіе изъ нихъ писали на немъ. Приводимъ обращикъ соблюденіемъ правописанія (такого же, въ письмахъ матери Екатерины Великой).

Herrenhausen *), 23 de Mai 1711. Vous sorrés peut-aitre qui le Zar vient de se remarier à la veuve d'un bas-officier suédois qui a etté prise à Nerva et qui luy a servi longtemps de mètresse. L'on dit même qu'il en a déjà dés amfans. Cant on a dit cette nouvelle au Zarovits, il a répondu qu'il croioit bien que sla ne seroit pas fort aprouvé en Allemaine, mais que sla n'éttoit pas hors d'usage chès eus et que le Zar éttant le mètre, personne n'y trouveroit à redire; qu'elle éttoit une bonne personne qui n'avoit poin de soutien et qui tâchait de fere du plesir à tant qu'elle pouvoit; qu'elle luy en avoit bien fait à luy-même. L'on dit que l'on luy a conseillé d'aprendre à danser, à quoy il a répondu qu'il luy falloit premièrement tâcher de prendre de l'esprit par la teste et qu'après il tâcherait d'en avoir dan les jambes. L'on dit qu'il est d'une assiduité extraordinaire auprais de m-r le duc, qu'il a pris la charge de m-r Faster, c'ett à dire que c'est luy qui le conduit toujour par la meine.

---

*) Королевскій замокъ близъ Ганновера, славный своими садами.

Переводъ. Герренгаузенъ, 24 Мая 1711. Вы, можетъ быть, знаете, что царь вновь женился на вдовѣ одного Шведскаго унтеръ-офицера, которая взята въ Нарвѣ и долго было ему фавориткою. Говорятъ даже, что отъ нея уже есть у него дѣти. Царевичъ, когда сказали ему о томъ, отвѣчалъ: я знаю, что въ Германіи отнесутся къ этому не очень благопріятно, но у насъ это въ порядкѣ вещей; царь самовластенъ, и никто ему противъ того не возразитъ, что она женщина безъ поддержки и старается сколько ей возможно всѣмъ угождать, и мнѣ самому она дѣлала много услугъ. Говорятъ, что ему посовѣтовали выучиться танцовать. На это онъ отвѣчалъ, что напередъ надо набрать ума въ голову, а потомъ онъ постарается обучить и свои ноги. Говорятъ, что онъ чрезвычайно ухаживаетъ за герцогомъ [1]) и принялъ на себя обязанность г-на Фастера, т. е. всегда водитъ его за руку. Дальнѣйшія выписки изъ этой любопытной книги проводимъ въ переводѣ.

17 Іюня 1711: „До меня доходятъ все добрые слухи про Царевича. Отъ природы онъ человѣкъ хорошій, и порицаютъ лишь его неотесанность. Герцогъ Антонъ сказалъ, что онъ себя держитъ слишкомъ скромно и конечно потому, что онъ incognito. Если бы я былъ cognito, вы все таки будете мнѣ дѣдомъ. А когда будете царемъ?—И тогда вы останетесь моимъ дѣдомъ. Говорятъ, находящійся при немъ священникъ человѣкъ рѣчистый и очень любитъ препираться о вѣрѣ, чего я не ожидалъ отъ Московита“. Въ письмѣ отъ 18 Іюля 1711: „Шлейницъ, бывшій министръ въ Вольтенбютелѣ, нынѣ на службѣ у царя и гофмаршалъ будущей царевны (говорятъ онъ ѣстъ за обѣ щеки, т. е. получаетъ пенсію и изъ Вольтенбютеля). По словамъ его, царь неоднократно говорилъ ему, что въ концѣ Октября или въ началѣ Ноября пріѣдетъ на свадьбу своего сына. Шлейницъ убѣждалъ его поскорѣе сыграть свадьбу; но царь отвѣчалъ, что ему весьма хочется сдѣлать пріятное своему сыну, но что и своего удовольствія онъ не лишится; что сынъ у него единственный, и ему желательно быть на его свадьбѣ“ [2]).

19 Сентября 1711 года герцогъ пишетъ своему сослуживцу и пріятелю: „Царь просилъ герцога Вольтенбюттельскаго выбрать городъ въ Пруссіи, гдѣ отпраздновать свадьбу Царевича. Тотъ ему отвѣчалъ, что ни самъ онъ, ни герцогъ Людвигъ не въ состояніи предпринять столь далекую поѣздку. Говорятъ, что Царевичъ человѣкъ добродушный, нрава болѣе тихаго, нежели его отецъ и не станетъ, такъ какъ тотъ, тревожить чужіе края. Говорятъ, что онъ бесѣдуетъ только съ принцессою Луизою[3]) и со своею невѣстою. Разгова-

---

[1]) Т. е. за дѣдомъ своей невѣсты, владѣтельнымъ престарѣлымъ герцогомъ Браушвейгскимъ, Антономъ-Ульрихомъ.

[2]) По свидѣтельству Французскаго посла Кампредона Петръ, умирая, говорилъ, что онъ пролилъ собственную кровь. Лубяновскій въ своихъ Запискахъ („Р. Архивъ“ 1872) сообщаетъ Лопухинское преданіе о томъ, что онъ тайкомъ ѣздилъ въ Суздаль къ первой супругѣ.

[3]) Это будущая тёща Царевича.

ривая съ принцессою Луизою, онъ обнимаетъ ее рукою за шею, и она ему это очень охотно позволяетъ. Увѣренный, что эти подробности не внушатъ вамъ большой охоты ѣхать въ Московію, я васъ записываю къ царю въ службу и посылаю отъ него денегъ. Это та самая монета, которою онъ расплачивался въ Бранденбургѣ. У этихъ несчастныхъ, въ теперешнюю погоду, нѣтъ палатокъ. Въ телѣгахъ у нихъ лошади до того мелкія, что ихъ принимаютъ за собакъ, да и телѣги въ томъ же размѣрѣ".

29 Сентября 1711 г.: „Герцогъ Вольтенбюттельскій съ самаго лѣта грозитъ намъ своимъ пріѣздомъ и тѣмъ, что привезетъ къ намъ Царевича. Еще не знаютъ, гдѣ будетъ свадьба, въ Дрезденѣ или въ Брауншвейгѣ; но королю Августу и герцогу обоимъ хочется, чтобы у нихъ. Царевичъ ѣздилъ къ Польской королевѣ. Царь отправился на воды въ Карлсбадъ, побывавъ въ Дрезденѣ, гдѣ останавливался у г-на Фицтума. Ему показывали арсеналъ, кунсткамеру и всѣ тамошнія рѣдкости. Съ нимъ князь Куракинъ".

13 Іюня 1712 г.: „О Царевичѣ имѣется забавное, хотя уже давнее, извѣстіе. Говорятъ, что, будучи въ Дрезденѣ, онъ опростался у себя въ комнатѣ и подтерся оконною занавѣсью. Вѣрно то, что царевна весьма несчастна. Нѣкоторые даже говорятъ, что если у нея не будетъ дѣтей, онъ въ правѣ заключить ее въ монастырь, если не поступитъ съ нею еще хуже".

19 Октября 1712: „Военныя дѣйствія въ Помераніи почти что кончились. Царь уѣхалъ оттуда и проѣзжалъ черезъ Берлинъ. Онъ пришелъ пѣшкомъ во дворецъ и ужиналъ съ наслѣднымъ принцемъ, такъ какъ король былъ боленъ. Послѣ ужина принцъ повелъ его по комнатамъ; царь удивлялся ихъ великолѣпію, но тотчасъ же ушелъ спать къ своему посланнику. Говорятъ, что онъ ходилъ пѣшкомъ по всѣмъ улицамъ Грипсвальда (гдѣ была главная квартира) и замѣчая, что въ какомъ-либо домѣ ѣли, прямо садился за столъ, а, покушавъ, большимъ поклономъ благодарилъ хозяина. Хотѣли разъ поговорить съ нимъ о дѣлахъ и нашли его за столомъ съ однимъ пѣвчимъ, съ Русскимъ попомъ, который у него за шута и съ однимъ Грипсвальдскимъ горожаниномъ".

Петръ Алексѣевичъ тотъ же, какимъ онъ изображается въ Дневникѣ Берхгольца: пируетъ, неряшничаетъ, а государственная мысль у него непрестанно работаетъ: по свидѣтельству герцога Эрнста онъ хочетъ утвердиться на островѣ Рюгенѣ, конечно для того, чтобы господствовать на Балтійскомъ морѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, откуда прибылъ нѣкогда въ Россію его предокъ, родоначальникъ Романовыхъ. П. Б.

ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ БОЛХОВИТИНОВА

(Позднѣе митрополита Кіевскаго).

Къ неизвѣстному лицу *).

I.

От 2-го Іюня 1804. Новгородъ.

Я живу попеременно то въ Новгородѣ, то въ Хутынѣ, но охотнѣе въ послѣднемъ, гдѣ роскошная природа живитъ меня свѣжими своими красотами.

Мой садъ не Аглинскій, но фруктовъ въ ономъ болѣ;
Они сочнѣй Петропольскихъ, растущихъ по неволѣ.
Театръ мой—цѣлый садъ, музыка—птичьи хоры.
Мой пышный дворъ—друзей любезныхъ разговоры.
Мой Эрмитажъ въ саду, въ сгустившихся кустахъ;
Моя Кунсткамера въ снопахъ и закромàхъ.
Вся Академія—природа предо мной,
Въ ней лучше учатся и сердце, и умъ мой.

Вотъ вамъ въ худыхъ стихахъ картина удовольствій моихъ, которыя желалъ я удѣлить и вамъ. Преданный Е.

2.

Отъ 5 Мая 1805. Новгородъ.

На брань можно и не откликаться, говорятъ честные люди, а на добрыя слова грѣшно. И такъ, на поздравленіе ваше какъ не написать вамъ благодарности? Между вами и мною это не обрядъ, а благопріятный случай похвастаться искренними взаимными чувствованіями, которыя изъяснять въ обыкновенныя времена было бы не у мѣста. Однакожъ побережемъ и тутъ слова. Аксіому *отъ избытка сердца уста глаголятъ* я понимаю такъ, что уста говорятъ только то, чтò лишнее въ сердцѣ; ибо собственныхъ оригинальныхъ его чувствованій изъяснить онѣ и не умѣютъ, и не могутъ. Иначе безстыдныхъ вруновъ и болтуновъ надлежало бы почитать самыми чувствительными людьми. И такъ, я скажу вамъ короткій комплементъ: depuis ce temps je vous souhaite une santé de boeuf, une allegresse d'un papillon, la richesse

*) Печатаются съ подлинниковъ. П. Б.

de Crèze, la fortune de César; ajoutons et l'âge de Mathusael. Вотъ вамъ желаніе общее avec votre *Catcau* et votre petite fleur *Lys*.

Спасибо за каталогъ лотерейный; возьму и я билета два на удачу. Пьеса о Бонапарте прекрасная, хотя и на пасквиль похожа. Замолчу притомъ, что г. Англичанинъ судитъ Бонапартія по правиламъ человѣколюбія частнаго человѣка. Видно, онъ не знаетъ, что въ главныхъ начальникахъ надобно судить по правиламъ человѣколюбія en totalité d'une nation ou d'une armée, a ne relativement à chaque individu. Иначе всякій фельдмаршалъ будетъ безчеловѣченъ, посылая на убой роту солдатъ своихъ. Въ философіи извѣстна нехудая теорема imperfectio in parte facit ad perfectionem totius, и покойный нашъ Суворовъ говаривалъ: лучше въ одномъ рѣшительномъ сраженіи потерять въ три часа 10000 своихъ солдатъ, нежели толикоежъ число въ полгода нерѣшительныхъ боевъ. Мундиръ, провіантъ, артилерія и побѣда останутся въ выигрышѣ у цѣлой арміи и даже у государства. Когда и мы это знаемъ, то стыдно Англичанину, писавшему къ Бонапарте, этого не знать.

Узнайте и увѣдомьте меня, не осуждается ли за пожаръ Подшиваловъ или кто другой изъ жившихъ въ домѣ. Пришлите мнѣ, сдѣлайте милость, четверть фунта самаго лучшаго краснаго сургучу да одну палочку чернаго, ибо я въ траурѣ о кончинѣ матушки моей. Вамъ легко черезъ почту это сдѣлать поскорѣе. Увѣдомьте о цѣнѣ и пришлю съ благодарностью. Преданный вамъ Евгеній.

3.

23 Марта 1805. Новгородъ.

Я плàчу, любезный другъ, надъ злосчастіемъ твоимъ, злосчастьемъ необыкновеннымъ и не знаю, чтò сказать тебѣ въ утѣшеніе. Рана сердца твоего свѣжа и не потерпитъ еще никакого пластыря, и всякій бальзамъ утѣшенія только растравитъ ее. Дай волю слезамъ. Онѣ однѣ облегчатъ, ослабятъ приливы скорби твоей, если это возможно. А я среди вырывающихся у меня самого слезъ съ изумленіемъ восклицаю: *Боже мой, чтò есть человѣкъ?...* но въ отвѣтъ слышу Божій же гласъ: *яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ, яко духъ пройдетъ въ немъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего...* Размышленіе мое ищетъ изъясненія путей Провидѣнія и, вообразивъ, что, по слову Давидову, *судьбы Божіи бездна многа*, остается въ недоумѣніи. Можетъ быть, это предопредѣленіе для васъ, можетъ быть, для нея по слову Соломонову: *аще поспѣшите скончатися, въ покоѣ будете.*

Но я долгимъ письмомъ умножаю, можетъ быть, грусть вашу и потому заключаю строки сіи опять дружескими, сострадательными слезами. Преданный вамъ Евгеній.

СТИХИ ДОКТОРА МАТВѢЯ ЯКОВЛЕВИЧА МУДРОВА

читанные въ день юбилея доктора Лодера.

Спаси Богъ [1]) нашего Царя.
Во дни его сіяютъ миръ и правда.
За службу ревностну—онъ старцу
Спасибомъ царскимъ жизнь продлилъ.

Спаси Богъ дорогихъ гостей,
Любочестивы суть какъ ихъ владыко.
Честному старцу за труды на праздникъ
Спасибо честное съ собою привезли.

Спасибо скажемъ и себѣ, друзья:
Сыграли честно свадьбу золотую,
Какъ Юстусъ Лодеръ съ Медициною
Вступилъ въ благословенный бракъ.

6 Сентября 1827.

М. Мудровъ.

Шуточные стихи про Екатерининскую больницу:

Нѣкогда, въ Московской Екатерининской больницѣ (близъ Англійскаго клуба) лежалъ чиновникъ Дьяковъ. Онъ потѣшалъ и больныхъ, и врачей своими стихами. Въ памяти одного изъ сихъ послѣднихъ сохранилась жалоба Дьякова на больничную пищу.

Вотъ бы въ Англійскій клубъ
И кисель бы и супъ,
Оба блюда!
Ихъ Рахманову [2]) дать
Разъ одинъ уписать;
Ахъ, не худо!
Вѣрно съ нихъ былъ бы сжатъ
Безконечный обхватъ
Его брюха.

---

[1]) По мнѣнію Мудрова *спасибо* происходитъ отъ *спаси Богъ*.

[2]) Алексѣй Өедоровичъ Рахмановъ былъ извѣстный въ Москвѣ охотникъ сладко кушать.

Появилась бы въ немъ,
Въ этомъ шарѣ земномъ,
И засуха.
А ужъ сколько сортовъ
Мнѣ втирали спиртовъ,
Все снаружи!
Но ихъ въ тѣло втирать,
Чѣмъ въ утробу вливать,
Много хуже.

*

А. С. Пушкинъ.

Пушкинъ—это возрожденье,
Всѣмъ вѣкамъ на удивленье,
Нашей славы дорогой,
Нашей мысли воплощенье;
Думъ завѣтныхъ выраженье,
Царь поэзіи родной.

* * *

Пушкинъ—зеркало Россіи,
Голосъ грознаго Мессіи,
Правды вѣчной идеалъ.
Пушкинъ—первый нашъ учитель,
Чувствъ возвышенныхъ властитель,
Райскій лучъ святыхъ началъ.

* * *

Пушкинъ наше наслажденье,
И восторгъ, и умиленье,
Нашихъ пѣсень соловей,
Пушкинъ—дивное явленье,
Силъ нездѣшнихъ проявленье,
Исполинскій чародѣй.

Крестьянинъ С. А. Красновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ И БАСНИ А. Я. БАКУЛИНА.

Въ трудѣ А. С. Венгерова „Русскія книги" подъ № 4383 читаемъ: „Басни провинціала. Мск. 1864 г. Тип. Зотова и Никифоровой. Въ 12 долю".

Скрывшій свое имя авторъ этой книжки былъ мой дѣдъ (по матери) *Александръ Яковлевичъ Бакулинъ*. Имя его ничего не говоритъ современному читателю: А. Я. не былъ литераторомъ по ремеслу, его произведенія появлялись въ печати рѣдко и только въ малораспространенныхъ изданіяхъ (въ сборникѣ „Разсвѣтъ", изданномъ И. Суриковымъ, въ газетѣ „Свѣтъ", въ журналѣ „Радуга" и т. под.) Но онъ заслуживаетъ памяти по своей беззавѣтной преданности искусству, давшей ему силу работать больше пятидесяти лѣтъ, безъ единаго сочувствующаго голоса. Въ наши дни его стихи кажутся чѣмъ-то устарѣлымъ, старомоднымъ; но въ свое время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, онъ могъ бы занять не послѣднее мѣсто среди второстепенныхъ поэтовъ, первыхъ послѣдователей Пушкина, Кольцова и Крылова.

Дѣдъ мой родился въ 1813 году, въ Ельцѣ, въ купеческой семьѣ. Въ 1829 году его женили на дочери бывшаго мѣстнаго городского главы, Александрѣ Ивановнѣ Чеботаревой. Почти одновременно съ дѣдомъ женился вторично и его отецъ, Яковъ Ивановичъ, на молоденькой, 18-лѣтней дѣвушкѣ, Еленѣ Гавриловнѣ Барбашиной. Бакулины жили тогда довольно богато. У нихъ были свои дома въ Ельцѣ, свои имѣньица около города; они вели большія дѣла и не разъ ѣзжали въ Москву и Петербургъ. Но въ 40-хъ годахъ состояніе ихъ начало приходить въ упадокъ. Они понесли большіе убытки на какихъ-то казенныхъ подрядахъ. Во время страшнаго пожара, опустошившаго Елецъ, сгорѣло все ихъ имущество. Ельчане послѣ пожара жили въ наскоро сколоченныхъ баракахъ и шалашахъ, въ полѣ. Здѣсь жестоко простудилась (и вскорѣ умерла) первая жена дѣда Александра Ивановна. Умеръ, съ горя и отъ потрясеній, и его отецъ, старикъ Яковъ Ивановичъ, оставивъ на рукахъ дѣда молодую мачиху съ маленькими дѣтьми. У дѣда между тѣмъ было уже довольно значительное свое семейство. Нѣкоторое время ему пришлось жить у родственниковъ жены въ имѣніи Пажень. Вторично женился онъ около этого же времени на дочери фабриканта Еленѣ Петровнѣ Горбиковой. Въ 50-хъ годахъ онъ покинулъ Елецъ. Лѣтъ десять держалъ онъ мельницы въ Умани и около этого города. Но и это предпріятіе не удалось. Пришлось возвращаться въ Елецъ и опять искать гостепріимства у родственниковъ первой жены, на этотъ разъ у ея сестры, Олим-

піады Ивановны, по мужу Назаровой. Впрочемъ у дѣда оставался еще домикъ въ имѣніи Умерихинскомъ. Онъ перебрался туда и жилъ тамъ, довольно скудно, года 3—4. За тѣмъ на послѣднія деньги дѣдъ арендовалъ большое имѣніе Троекурово, въ Тамбовской губерніи, Лебедянскаго уѣзда: къ тому времени уже выросли его сыновья и помогали ему работать. Въ Троекуровѣ Бакулины прожили 12 лѣтъ. Еще послѣ судьба перекинула дѣда на Сѣверъ, во Владимирскую губернію, гдѣ онъ арендовалъ имѣніе Караваевку, Александровскаго уѣзда. Въ Караваевкѣ прошли послѣдніе годы его жизни. Срокъ аренды кончился въ 90-хъ годахъ. Дѣдъ временно переѣхалъ въ Москву и умеръ здѣсь въ Январѣ 1894 года.

Въ ранней молодости дѣдъ мечталъ всецѣло посвятить себя литературѣ. Но у него мало было настойчивости въ борьбѣ съ условіями провинціальной жизни. Въ его бумагахъ оказался листокъ, относящійся къ началу 40-хъ годовъ, на которомъ можно прочесть слѣдующія строки:

Какъ грустно жить на бѣломъ свѣтѣ,
Какъ грустно жить и только жить....
Чѣмъ былъ вчера, тѣмъ завтра быть.
Но не того душа искала:
Душа высокаго ждала,
Ждала, ждала... и вдругъ упала,
И на призванье не дала
Она священнаго отвѣта...

Дѣдъ воспитался въ то время, когда Пушкинъ считался молодымъ поэтомъ, вводителемъ новшествъ, когда цѣнить Пушкина было смѣло. И дѣдъ былъ въ числѣ первыхъ приверженцевъ Пушкина. Ему было лѣтъ 12—13, когда появлялись первыя главы „Евгенія Онѣгина“; у него не доставало денегъ на покупку этихъ довольно дорогихъ книжекъ. Съ большимъ трудомъ доставалъ онъ ихъ на время и списывалъ для себя. Къ сожалѣнію эти копіи погибли во время Елецкаго пожара. До конца жизни дѣдъ зналъ наизусть цѣлыя страницы изъ Пушкина.

Поклоненіе Пушкину не мѣшало дѣду высоко цѣнить Державина. Оду „Богъ“ онъ никогда не могъ говорить безъ умиленія. Особенно любилъ онъ еще „Осень во время осады Очакова“. Въ „Цыганской пляскѣ“ находилъ онъ больше „легкости“ стиха, чѣмъ у всѣхъ позднѣйшихъ поэтовъ. Когда дѣда спрашивали о Державинѣ, онъ обычно отвѣчалъ Державинскимъ стихомъ:

Единъ есть Богъ, единъ Державинъ.

Зналъ и любилъ дѣдъ поэтовъ „Пушкинской плеяды“: Языкова, Баратынскаго, Дельвига, князя Вяземскаго, Веневитинова, также Кольцова. Особеннымъ же его любимцемъ былъ баснописецъ Крыловъ. О Лермонтовѣ онъ часто повторялъ старинное сужденіе: „Лермонтовъ протопталъ свою узкую тропинку около большой проѣзжей дороги Пушкина“.

Болѣе новыхъ поэтовъ дѣдъ не зналъ и не хотѣлъ читать ихъ. Онъ переносилъ еще нѣсколько Майкова и Ал. Толстого и болѣе простыя стихотворенія Тютчева, но Фетъ былъ ему чуждъ совершенно. Къ Некрасову, а тѣмъ болѣе къ Надсону, чувствовалъ онъ брезгливое отвращеніе.

Дѣдъ писалъ очень много. Большая часть его рукописей погибла во время его переѣздовъ. Но все же оставшіяся заняли бы нѣсколько большихъ томовъ. Среди нихъ есть и драмы и повѣсти, и поэмы, и мелкія лирическія стихотворенія. Но особенно много басенъ. Дѣдъ считалъ себя преимущественно баснописцемъ. Я предлагаю здѣсь, на память о немъ, небольшой выборъ его лирическихъ стихотвореній и басень.

Валерій Брюсовъ.

А. Лирическія стихотворенія.

I.

Что такъ грустно, такъ уныло
Красна дѣвица идешь?
Черны очи опустила,
Какъ бывало не поешь?

Аль желаннаго отвѣта
Сердце сердцу не даетъ?
Но ужель на нивѣ свѣта
Цвѣтъ единый лишь цвѣтетъ?

Много звѣздъ на небѣ ясныхъ,
Много жемчугу въ моряхъ,
Много юношей прекрасныхъ
Въ деревняхъ и въ городахъ!

Грустно дѣвица вздохнула,
Покачала головой.
На глазахъ слеза блеснула
И скатилася росой.

1831 Апрѣль.

II.

Памяти дѣда Ив. Мих. Бакулина.

Для памяти твоей священной мнѣ могилы
Не мраморъ съ надписью кичливою стоитъ,
Надгробный, явный знакъ, для взоровъ только милый.
Нѣтъ, вздохъ моей души въ моихъ стихахъ сокрытъ.
Они гласятъ: „Душой любилъ ты всѣхъ какъ брата,
Ровесникамъ былъ другъ. а малымъ былъ отецъ,
Неправдой не стяжалъ ни серебра, ни злата,
И принялъ даръ одинъ—въ свой смертный часъ—вѣнецъ".

1831 Октября 20.

III.

Ты не пой, не пой,
Мой соловушка!
Ранымъ раненько
Не буди меня
Ты молодушку!
День до вечера
Я работала,
Чтобы мужъ-гроза
Не бранилъ меня,
А отъ полночи
И до зорюшки
Волю дамъ слезамъ,
Горе выплачу!
Не буди меня
Ты, соловушко,
Ранымъ раненько!
Дай мнѣ выспаться
Молодой женѣ
Мужа стараго,
Молодой вдовѣ
Друга милаго.

1840.

IV.

Прошла пора младенческихъ желаній,
Несбыточныхъ надеждъ прошла пора!
И въ будущемъ не стало упованій:
Грядущее—какъ прошлое вчера!
На полъ-пути я понялъ, что судьбами
Мнѣ суждена не радость, но печаль...
Но съ прошлыми, высокими мечтами
О цѣли жизни—мнѣ разстаться жаль,
Хоть въ нихъ бывало зналъ я утѣшенье,
И вѣрила душа, что я—поэтъ!
Но въ тридцать лѣтъ пришло разувѣренье,
И вижу я, что счастья въ жизни—нѣтъ.

1844 Августа 22.

V.

На столѣтіе со дня рожденія Филарета.

Назадъ тому сто лѣтъ
Рече Господь: „Да будетъ свѣтъ!“
И бысть: родился Филаретъ!
Онъ свѣтомъ вѣры былъ всегда,

Онъ путеводной былъ звѣздою,
Онъ, какъ блестящая звѣзда,
Горѣлъ надъ темною землею.
И нынѣ мы опять во мглѣ...
Помолимся предъ Богомъ Свѣта,
Да ниспошлетъ онъ вновь землѣ
Другого Филарета.

1882.

VI.

При гробницѣ преподобнаго Сергія.

Пройдутъ вѣка,
Минуютъ поколѣнья,
Изсякнетъ не одна рѣка,
Измѣнятся не разъ на жизнь воззрѣнья,
А Онъ все такъ же будетъ жить,
И такъ же будутъ его чтить,
И тѣ же будутъ пѣснопѣнья
Святые своды оглашать
И въ мысляхъ Русскихъ воскрешать
Былыя времена, народа гнетъ и муку,
Когда подъ тяжкою Татарина пятой
Страдалъ нашъ край родной,
И перейдутъ отъ дѣда къ внуку
Преданья старины... И вновь пройдутъ вѣка
Минуютъ поколѣнья,
Изсякнетъ не одна рѣка,
Измѣнятся не разъ на жизнь воззрѣнья,
А Онъ все такъ же будетъ жить
И такъ же будутъ его чтить.

1887 Марта 29.

Б. Эпиграммы.

I.

Онъ пишетъ про весну, про лѣто,
Про осень, про зиму....
Да, по его уму
Достаточно и это.

II.

Онъ—журналистъ
И цѣлый листъ
Въ газету шлетъ съ водою.
Господь съ тобою!
Что это ты?
Зачѣмъ при всѣхъ?—Сходилъ бы за кусты.

В. Басни.

I.

Волкъ и Лиса.

Въ лѣсу съ Лисой Волкъ повстрѣчался.
—„Что, кумъ, такъ очень исхудалъ?"
—„Да что, кума, спасался!
Три дня мясного въ ротъ не бралъ,
Кореньями питался.
Пора, кума, пора подумать о грѣхахъ."
—„Да, что ты, кумъ! Не хочется и слушать!
Ты такъ всегда любилъ попить, покушать!
Какой же ты монахъ!"
—„ Эхъ, кумушка, ужъ надобно сознаться:
Пришлось отъ пастуха скрываться,
Чуть-чуть меня онъ не поймалъ за хвостъ!
Я въ эти дни обѣгалъ лѣсъ и поле.
Тутъ поневолѣ
Наложишь на себя великій постъ!"

II.

Волы и молодая Кобылка.

Волы везли тяжелый возъ.
Кобылка молодая,
По выгону гуляя,
Завидя ихъ, заржала: „Вотъ курьёзъ,
Вотъ смѣхъ! Смотрите-ка: въ упряжкѣ!
Да какъ послушны, какъ идутъ!"
А утромъ, глядь, самой бѣдняжкѣ
Пришлось примѣривать хомутъ.

Смѣялся бы Воламъ Орелъ иль Соколъ птица.
Ну... тѣ летаютъ въ высотѣ.
А то смѣется кобылица,
Чья мать и чей отецъ ходили въ хомутѣ.

III.

Скамья.

Въ прихожей комнатѣ у самыхъ у дверей
Скамья стояла.
Вдругъ вышелъ случай ей:
Она въ гостиную попала.

И возгордилась вдругъ скамья моя—
Въ гостиной, дескать, я!
А между тѣмъ туда она
Поставлена была совсѣмъ не для почета,
Но лишь на день принесена,
Предъ праздниками, изъ расчета,
Чтобы удобнѣй было съ ней
Замки почистить у дверей,
Кой-что надъ окнами исправить,
Да тазъ съ водой поставить.

Такъ видишь иногда иной чудакъ
Въ парадномъ шитомъ вицъ-мундирѣ
Юлитъ въ гостиной такъ и сякъ.
Подумаешь: ему въ чиновномъ мірѣ
Къ высокимъ почестямъ открыта колея...
На самомъ дѣлѣ жъ онъ—предъ праздникомъ скамья.

IV.

Щепки и Топоръ.

Рубили Топоромъ дрова.
Летѣли Щепки, и слова
Такія говорили:
„Какъ ладно мы и плотно жили
А ты, Топоръ,
Разбойникъ! Воръ!
Ты всѣхъ насъ искромсалъ,
И мало,
Что разметалъ,
Куда попало,
Ты хочешь насъ еще спалить
И уничтожить!..
А чѣмъ могли тебя мы оскорбить?
И какъ тебя твое злодѣйство не тревожитъ?“
—„Какую клевету несете вы и вздоръ,—
Въ отвѣтъ на то Топоръ.
Не я несчастій вашихъ всѣхъ и золъ виною,
А тотъ, кто рубитъ мною.“

V.

Репейникъ и Огонь.

Ко всякому прильну!“
Репейникъ, хвастаясь, кричалъ.
—„А ну,

Попробуй-ка ко мнѣ,—ему Огонь сказалъ,—
Смотри, какъ я горю."
—„Я не съ тобою говорю"
Ему Репейникъ отвѣчалъ
И замолчалъ.

VI.

Лиса и Волкъ.

—„Здорово, Волкушка".—„Здорово".
—„Къ тебѣ по дѣлу, кумъ, пришла:
Когда я лѣсомъ шла,
У рва гуляла барская корова,
Да какъ же, кумъ, сытна,
Статна!"
У Волка голодъ разыгрался,
Пошелъ онъ въ лѣсъ и тамъ охотникамъ попался
(Они давно сидѣли подъ горой).
Убили Волка, сняли шкуру,
Уѣхали домой.
Тогда пришла Лиса: „Сердечный мой!
Послушалъ ты Лисичку-дуру!"
Повыла такъ Лиса и, посмотрѣвъ туда,
Сюда,
Тихохонько безъ шума
Взялася уплетать былого кума.

ЗАПИСКА М. П. ПОГОДИНА КЪ С. Т. АКСАКОВУ.

Посылаю вамъ, милостивый государь, Сергѣй Тимоѳеевичъ, Фауста, прочтеннаго самимъ Царемъ. Онъ также не скрѣпленъ; но, я думаю, можно имѣть довѣренность офиціальную къ письму Пушкина. не говоря уже о бумагѣ Б *). Если станете подписывать, то прошу васъ подписать на листовомъ оригиналѣ, а царской мнѣ хочется сохранить.

Вашъ покорный слуга М. Погодинъ.

(*Сообщено В. И. Шёнрокомъ*).

ПИСЬМО Г. Ѳ. КВИТКИ

(Основьяненко)

къ С. Т. Аксакову.

(1829).

Милостивый государь Сергѣй Тимофеевичъ! Письмо ваше совершенно меня успокоило въ томъ, что я не потерялъ добраго вашего расположенія и пользуюсь благосклоннымъ вашимъ вниманіемъ. Къ умноженію моего удовольствія видѣлъ я изъ онаго всѣ ваши заботы о ходѣ моей піесы и, что̀ еще болѣе, желаніе вспомоществовать моимъ выгодамъ. Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за все ваше участіе. Жаль мнѣ очень, ежели сія комедія нанесла вамъ много безпокойствъ. Меня безпокоитъ, ежели я причиною оныхъ.

Неужели было роптаніе на васъ за пропускъ ея? Въ такомъ разѣ, хотя роптаніе и несправедливо, но я все боюсь, чтобы она не была худо принята на театрѣ, тѣмъ болѣе, что вы сами находите, что

---

*) Т. е. графъ Бенкендорфъ.—„Фаустъ“ напечатанъ въ 9-мъ номерѣ „Московскаго Вѣстника“ 1827 г., изданія Погодина. Аксаковъ былъ тогда цензоромъ. П. Б.

ни одинъ бы директоръ не согласился помѣстить ее въ репертуаръ. Слѣдовательно опасеніе мое не справедливо ли? Я собственно весьма равнодушенъ; но мнѣ жаль очень бенефиціантки, которою публика не будетъ довольна за выборъ піесы, многими не одобряемой. Другія піесы не придадутъ цѣны комедіи, а особливо когда она имѣетъ сверхъ недостатковъ еще и недоброжелателей. Въ такомъ случаѣ не лучше ли сдѣлаетъ г-жа Рѣпина, ежели оставитъ ее, чтобы послѣ не раскаиваться.

Признаюсь и самъ, что, перечитывая ее печатною, я нашелъ, что площадныя выраженія, хотя они и очень свойственны такого рода людямъ (и, сознаюсь вамъ по секрету, писаны съ натуры) на театрѣ подерутъ уши очень. Кажется, правила не запретятъ смягчить ихъ, ежели уже вы рѣшительно полагаете, чтобы она была сыграна. На сей случай прилагаю поправки, которыя также были бы необходимы, равно и конецъ отдаю на благоразсмотрѣніе ваше. Не знаю, какую роль въ сей комедіи будетъ занимать дѣвица Рѣпина и какія собственно ея роли? Соображаясь съ симъ, можно бы еще что-нибудь исправить и добавить. Не знаю, что̀ скажетъ Сѣв. Пчела при разборѣ сей комедіи, чего давно съ нетерпѣніемъ ожидаю; но на всякій случай оправданіе у меня готово. Московскими же замѣчаніями (разумѣя Телеграфа) вовсе не интересуюсь: лавочный его аршинъ, на который онъ все мѣритъ, всѣмъ извѣстенъ. Судьбу Турецкой Шали, удостоенной также вашего покровительства, предоставляю вашему распоряженію. Ежели вы найдете нужнымъ предложить кому въ бенефисъ, весьма доволенъ буду оказать услугу; ежели же никому не нужно, то не приметъ ли дирекція для себя на обыкновенныхъ правилахъ? Въ семъ случаѣ, ежели есть въ ней роля, приличная для д-цы Рѣпиной, то, кажется, хорошо бы дать ее предъ ея бенефисомъ; ибо я полагаю, что у васъ также наблюдается правило, чтобы предъ бенефисомъ актеръ нѣсколько разъ являлся въ интересныхъ роляхъ. Тогда бы я былъ доволенъ, служивъ еще чѣмъ-нибудь д-цѣ Рѣпиной.

Вы такъ благосклонны ко мнѣ, что снисходительно принимаете участіе въ счетахъ моихъ. И такъ буду говорить съ вами со всею откровенностью. Послѣ всѣхъ отзывовъ гг. книгопродавцевъ и предложеній *услужить* мнѣ, я еще ничего не получилъ и, наконецъ, потерялъ всѣ свѣдѣнія, сколько экземпляровъ продано, сколько осталось и гдѣ они. Имѣю коммиссіонера въ Москвѣ, человѣка стараго, слабаго и вовсе неопытнаго по сей части, который, кажется, струсивъ происшедшаго безпорядка, молчитъ и не даетъ мнѣ никакого отчета. Ежели вы будете такъ великодушны, что примете все подъ свое распоряженіе,

то я напишу къ нему, чтобы онъ безпокоилъ васъ въ случаѣ какого замѣшательства. Турецкую же Шаль по отпечатаніи прошу принять подъ свое распоряженіе и поручить ее для продажи кому и какъ заблагоразсудите. Знакомѣе всѣхъ у меня А. С. Ширяевъ, но комиссіонеръ мой поручилъ Выборы продавать Глазунову, и не знаю, что будетъ; за комиссію берутъ съ меня по гривнѣ съ рубля, но моихъ не высылаютъ. Я бы уже радъ былъ получать хотя книгами, разумѣется новѣйшими, для сбыту здѣсь, но и сего не получаю. Отъ васъ токмо увѣдомленъ, что почти всѣ экземпляры раскуплены. Это бы не худо! Къ другому изданію приступилъ бы послѣ журнальной рецензіи и отзыва публики. Въ такомъ бы разѣ держался совѣта вашего, что̀ надобно перемѣнилъ бы, добавилъ и украсилъ бы портретомъ актрисы, избравшей піесу на свой бенефисъ; просилъ бы вашего содѣйствія къ лучшему и сколько можно красивому изданію. Все это предаю волѣ вашей, ибо безъ васъ ни на что не рѣшусь.

Вторая часть Выборовъ Дворянскихъ или Выборъ Исправника въ 5 дѣйствіяхъ скоро вышлется на разсмотрѣніе ваше. Съ нею я больше занимался, и она кажется мнѣ ловчѣе будетъ. Жалѣю, что и съ первою поспѣшилъ; я не ожидалъ, чтобы она такъ далеко шагнула. Впрочемъ все меня слова ваши пугаютъ очень, что директоръ бы ея не принялъ. Не лучше ли успокоить бенефиціантку, замѣнивъ сію комедію другою, лучшею?

Простите меня, ежели обременилъ васъ длиннымъ письмомъ. Сердце родительское заставляетъ быть многорѣчивымъ, говоря о дѣтяхъ, а особливо приготовляющихся вступить въ большой свѣтъ. Примите увѣреніе въ душевномъ къ вамъ уваженіи, безпредѣльной благодарности и нелестной преданности, милостивый государь, вашего покорнѣйшаго слуги Григорія Квитки.

17 Апрѣля 1829. Харьковъ.

(*Сообщено Н. М. Павловымъ*).

О ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСКАХЪ ЕПИСКОПА НИКОДИМА.

Путевыя записки Енисейскаго епископа Никодима были получены мною не отъ самого преосвященнаго, какъ приведено на стр. 230 „Русскаго Архива“ за настоящій годъ, а отъ упоминаемаго въ запискахъ Якова Ивановича Петрова-Родіонова, Томскаго старожила, мѣстнаго купца и почетнаго гражданина, которому онѣ были переданы епископомъ Никодимомъ на память и въ знакъ его особаго расположенія. Мнѣ же, въ пребываніе мое въ Сибири въ 1881—1882 годахъ, пришлось три раза останавливаться въ Томскѣ въ домѣ упомянутаго Якова Ивановича и пользоваться гостепріимствомъ этого умнаго и очень симпатичнаго глубокаго уже старика. Онъ-то и предоставилъ эти записки въ мое полное распоряженіе. Въ нихъ упоминается о Сибирскомъ легендарномъ старцѣ, извѣстномъ подъ именемъ Ѳедора Кузьмича, о которомъ я тогда впервыя услышалъ мѣстные разсказы, бывшіе въ это время особенно въ ходу. Въ моихъ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ въ Сибирь („Русская Старина“, Январь, кн. 1901 г.) мнѣ также пришлось упомянуть объ этомъ старцѣ и привести отзывъ о немъ другого преосвященнаго, архіепископа Иркутскаго Веніамина.

14 Февраля 1903. С.-Петербургъ.

М. Галкинъ-Враской.

ПОПРАВКИ.

Въ III книгѣ „Русскаго Архива“ 1902 года, на стр. 16-й невѣрное примѣчаніе о супругѣ Константина Алексѣевича Куманина. Она была урожденная Бородина, Наталья Ѳедосіевна. Сынъ ихъ, Алексѣй Константиновичъ Куманинъ (адъютантъ Д. Г. Бибикова) былъ женатъ на Француженкѣ Виргиніи Антоновнѣ Раго̀.

Въ I-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1903 года на стр. 51, въ первой строкѣ слѣдуетъ выкинуть два слова: *въ городъ*.

впрочемъ, кончились еще до полуночи. Въ послѣднемъ танцѣ я въ этотъ вечеръ танцовалъ съ младшею принцессою. Когда императорскія принцессы пошли въ свои покои, его высочество проводилъ ихъ до самаго дома, потомъ возвратился къ императрицѣ, у которой пробылъ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ императоръ и ихъ величества наконецъ не удалились.

28. Прибывшій сюда съ радостнымъ для насъ извѣстіемъ изъ Швеціи и вчера произведенный въ прапорщики здѣшней гвардіи кн. Мещерскій былъ опять отправленъ въ Стокгольмъ съ порученіями какъ отъ его высочества, такъ и отъ императора. Кромѣ денегъ на путевыя издержки, онъ получилъ отъ нашего герцога еще 30 червонцевъ. Онъ поѣдетъ отсюда сухимъ путемъ до Ревеля, а тамъ сядетъ опять на фрегатъ, который довезетъ его до самаго Стокгольма.

29. Въ день Свв. Петра и Павла (по здѣшнему календарю), его королевское высочество, въ 10 часовъ утра, отправился на своей баркѣ на ту сторону рѣки, чтобы поздравить императора съ днемъ его тезоименитства. Императорскій дворъ онъ нашелъ въ церкви. По окончаніи богослуженія одинъ разъ палили изъ пушекъ въ крѣпости, Адмиралтействѣ и съ стоявшаго на рѣкѣ фрегата; а когда императоръ переѣхалъ на нашу сторону рѣки, девять полковъ, которые стояли въ строю на лугу передъ императорскимъ садомъ, открыли бѣглый огонь. Послѣ того всѣ они въ стройномъ порядкѣ, по старшинству, начали свой обратный маршъ, съ громкою музыкою. Его королевское высочество кушалъ въ этотъ день открыто. Во время обѣда пріѣхалъ маіоръ Штакельбергъ (который прибылъ сюда изъ Стокгольма, черезъ Ревель, въ 10 дней) съ извѣстіемъ отъ гр. Бассевича, что три остальныя государственныя сословія утвердили за герцогомъ титулъ королевскаго высочества и всѣ соединяемыя съ нимъ преимущества. Въ 5 часовъ послѣдовалъ сигналъ, которымъ всѣ знатныя особы приглашались собираться въ императорскій садъ. Поэтому всѣ буеры и торншхоуты направились къ рѣкѣ и причалили къ Адмиралтейству, гдѣ императоръ, при пушечной пальбѣ съ адмиралтейскихъ валовъ, окончательно устроивалъ киль у своего большого, вновь строющагося корабля. Всѣмъ присутствовавшимъ поднесено было по стакану вина. Здѣсь его королевское высочество въ другой разъ имѣлъ счастіе видѣться и разговаривать съ императоромъ и императрицею. Такъ какъ тотчасъ послѣ обѣда къ намъ пріѣхали бар. Мардефельдъ, т. с. Унгернъ, каммеррат Фикъ и другіе, чтобъ поздравить герцога съ полученіемъ пріятнаго извѣстія, то его королевское высочество первыхъ двухъ взялъ съ собою на торншхоутъ, а потомъ на барку, потому что вѣтеръ до того утихъ, что мы не могли отплыть назадъ отъ Адмиралтейства. Пріѣхавъ въ

садъ, мы нашли тамъ трехъ императорскихъ принцессъ и великаго князя съ сестрою. Его королевское высочество сперва походилъ немного съ принцессами, а потомъ до 12-ти часовъ танцовалъ. Въ полночь начался фейерверкъ, который устроенъ былъ на рѣкѣ передъ садомъ; но онъ состоялъ только изъ ракетъ, воздушныхъ шаровъ, швермеровъ, огненныхъ колесъ и тому подобнаго. По окончаніи его всѣ отправились по домамъ, и его королевское высочество, проводивъ принцессъ до ихъ комнаты, поспѣшилъ откланяться императору и императрицѣ. Въ этотъ день вся императорская фамилія была очень весела по случаю полученнаго изъ Швеціи извѣстія. Въ саду я съ удивленіемъ смотрѣлъ на иностранныхъ корабельщиковъ (которые могутъ свободно являться на всѣ празднества, назначаемыя въ саду, гдѣ имѣютъ и свой особый столъ): они сидѣли съ императоромъ, который помѣстился между ними, въ своихъ шапкахъ и шляпахъ на головахъ, и толковали съ нимъ безъ всякихъ церемоній, потому что его величество съ такими людьми обходится очень милостиво и съ большимъ удовольствіемъ пускается съ ними въ разговоры о мореплаваніи и торговлѣ. Сегодня же мнѣ сообщили, что отъѣздъ ко флоту назначенъ на послѣ-завтра въ 8 часовъ утра.

30. Въ 3 часа пополудни послѣдовалъ сигналъ для сбора на спускъ корабля «Le Ferme», который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ вытащенъ изъ воды однимъ искуснымъ Французскимъ корабельнымъ мастеромъ. Его королевское высочество отправился въ Адмиралтейство на своей баркѣ только съ Плате и со мною, потому что всѣ прочіе его кавалеры были пьяны. Когда мы пріѣхали, корабль былъ уже на рѣкѣ. Онъ сошелъ на воду необыкновенно благополучно, хотя императоръ и опасался противнаго по причинѣ узости прохода къ рѣкѣ у того мѣста, гдѣ стоялъ корабль, и недостаточной глубины близъ берега, не смотря на значительное прорытіе, сдѣланное тамъ по повелѣнію монарха. Но когда, сверхъ всякаго ожиданія, дѣло все-таки сдѣлалось какъ нельзя лучше, его величество несказанно обрадовался и приказалъ палить въ Адмиралтействѣ изъ пушекъ, какъ бы слѣдовало при спускѣ новаго корабля, между тѣмъ какъ спущенный былъ старый, пріобрѣтенный куплею и только передѣланный. Передѣлка эта, впрочемъ, стоила весьма дорого, потому что его надобно было вынуть изъ воды и потомъ сдѣлать длиннѣе. Чтобъ исполнить послѣднее, его перепиливали пополамъ, при чемъ дерево, изъ котораго онъ построенъ, оказалось до такой степени твердымъ, что почти невозможно было работать. Кромѣ того, императору немало стоило и вызвать изъ Франціи корабельнаго мастера, который, при помощи только рукъ человѣческихъ, вытащилъ этотъ корабль изъ воды, а потомъ исправилъ его

и сдѣлалъ длиннѣе, что́ можетъ показаться почти невозможнымъ. Желательно было бы, чтобы всѣ императорскіе корабли были изъ такого же твердаго дерева и такъ же прочны. Что они не отличаются послѣднимъ, происходитъ частію отъ того, что здѣшній строевой лѣсъ не хорошъ, по крайней мѣрѣ рубится не во̀ время и поднимается не такъ, какъ бы слѣдовало, а частію и отъ того, что Кронслотская и Ревельская гавани омываются несовсѣмъ хорошею морскою водою, особенно Кронслотская, которая въ этомъ отношеніи никуда не годится. Императоръ не пожалѣлъ бы многихъ тысячъ рублей, еслибъ могъ добыть для Кронслота лучшую воду, потому что въ такомъ случаѣ флотъ его, навѣрно, могъ бы служить вдвое дольше и не нужно было бы ежегодно и съ значительными издержками строить столько новыхъ кораблей, чтобы поддерживать и сохранять флотъ въ теперешнемъ его видѣ, хотя постройка кораблей обходится его величеству далеко не такъ дорого, какъ большинству другихъ морскихъ державъ, тѣмъ болѣе, что лѣсъ, сплавляемый изнутри Россіи водою, кромѣ издержекъ за перевозъ, ничего ему не стоитъ; кромѣ того, онъ употребляетъ теперь въ дѣло свое собственное желѣзо и, за исключеніемъ корабельныхъ мастеровъ, получающихъ большое жалованье, и немногихъ иностранныхъ работниковъ, заставляетъ работать Русскихъ матросовъ и плотниковъ, имѣя притомъ дома почти все необходимое для кораблестроенія, какъ я уже прежде подробнѣе упоминалъ въ своемъ дневникѣ. Какъ скоро упомянутый корабль сталъ на якорѣ, его величество императоръ отправился на него со всѣми присутствовавшими вельможами. Его королевское высочество, нашъ герцогъ, пріѣхалъ туда съ нами уже тогда, когда они сидѣли за столомъ. Императрицу мы встрѣтили дорогой; она пріѣзжала только поздравить императора съ благополучнымъ спускомъ корабля и затѣмъ тотчасъ же отправилась назадъ. По случаю назначенной на другой день поѣздки въ Кронслотъ, его величество пробылъ на кораблѣ немного болѣе часа. Адмиралъ буеровъ былъ также тамъ, почему его королевское высочество обратился къ великому адмиралу и просилъ о присылкѣ нѣсколькихъ буеровъ, необходимыхъ намъ для отправленія въ Кронслотъ багажа. Тотъ немедленно приказалъ адмиралу буеровъ распорядиться о доставленіи его высочеству требуемыхъ судовъ.

Іюль. 1. Каммергеръ Шталь былъ отправленъ въ Гамбургъ, а м. Штакельбергъ за привезенное имъ извѣстіе получилъ въ подарокъ золотую табакерку, наполненную червонцами. Въ 8 часовъ послѣдовалъ сигналъ для сбора всѣхъ парусныхъ судовъ у князя (Меншикова), послѣ чего его высочество сѣлъ на свой торншхоутъ съ Альфель-

домъ, Плате, Брюммеромъ, Тихомъ и со мною и отправился къ дому князя. Императоръ былъ уже тамъ, и князь на мосту поднесъ его высочеству и всѣмъ намъ по рюмкѣ водки. Въ 9 часовъ императрица прислала къ герцогу кам.-юн. Монса, чтобы предложить ему свою собственную шлюпку, если онъ желаетъ ѣхать проститься съ принцессами, которыя въ поѣздкѣ участвовать не будутъ. Въ половинѣ десятаго императоръ отплылъ съ маленькимъ флотомъ, но мы дожидались его высочества до половины одиннадцатаго, и затѣмъ отправились также въ путь. Платена герцогъ оставилъ въ городѣ для распоряженій по покупкѣ провизіи, потому что могло случиться, что мы, при попутномъ вѣтрѣ, на другой же день рано утромъ отравимся въ Ревель, не дожидаясь галеръ, которыя должны были отплыть только 10-го числа. Въ половинѣ третьяго мы прибыли въ Кронслотъ, и его высочеству былъ отведенъ тамъ тотъ же домъ, который онъ занималъ два года тому назадъ. Императоръ и императрица не выходили на твердую землю, равно какъ и бóльшая часть вельможъ. Послѣ обѣда Измайловъ былъ посланъ къ великому адмиралу, узнать, на какомъ кораблѣ намъ назначено быть, и возвратился съ отвѣтомъ, что мы будемъ находиться на фрегатѣ «Transport-Royal», но что такъ какъ его здѣсь еще не было, то адмиралъ обѣщалъ спросить о томъ у императора, а между тѣмъ отдалъ приказаніе, чтобы «Transport-Royal» былъ приведенъ въ Кронслотъ. Незадолго передъ обѣдомъ, когда я ходилъ осматривать новые каналы, императоръ выходилъ на берегъ, но скоро возвратился опять на свое судно. Около 7-ми часовъ подошли оба стоящіе здѣсь гарнизономъ полка, именно Новгородскій и Владимирскій; одинъ изъ нихъ, сложивъ оружіе подъ нашими окнами, ушелъ опять назадъ за своими вещами. По возвращеніи его они тотчасъ отправились къ пристани и сѣли на корабли. Часовъ въ восемь Измайлова послали къ императрицѣ, узнать, когда его высочеству можно будетъ проститься съ нею. Онъ возвратился съ отвѣтомъ, что ея величество дастъ знать объ этомъ герцогу. Между тѣмъ явился вице-адм. Вильстеръ и сказалъ, что, при раздачѣ паролей, ему приказано командовать кораблемъ «Фредемакеръ» и просить его высочество находиться на этомъ кораблѣ, что̀ было намъ очень пріятно. Его высочество тотчасъ же приказалъ постели отвезти на нашу квартиру, а прочія вещи и прислугу отправить прямо на корабль, чтобы мы тѣмъ скорѣе могли быть готовы, если отъѣздъ будетъ назначенъ па другой день рано утромъ. Въ 9 часовъ ударили зорю, а въ 12 прибыли остальные наши кавалеры, Плате, Штамке, Негелейнъ и придворный проповѣдникъ вмѣстѣ съ служителями, у которыхъ были на рукахъ наши вещи и провизія.

2. Во Вторникъ, утромъ, въ половинѣ пятаго часа, къ намъ

явился флот. лейт. Измайловъ, которому вице-адм. Вильстеръ поручилъ извѣстить его высочество, что сигналъ къ отплытію уже послѣдовалъ. Герцогъ послѣ того немедленно приказалъ перевезти провизію на бортъ, и въ 9 часовъ самъ отправился на корабль. Передъ тѣмъ меня посылали къ герцогинѣ Мекленбургской предувѣдомить о намѣреніи его высочества пріѣхать къ ней проститься; но она извинилась нездоровьемъ своей матери, съ которой находилась на одной яхтѣ. Когда мы пріѣхали на корабль, намъ отдали честь съ барабаннымъ боемъ. Корабль, которымъ командовалъ вице-адм. Вильстеръ, 88-ми пушечный, былъ великъ, красивъ и удобенъ. Въ 10 часовъ со всѣхъ кораблей началась пушечная пальба (съ нашего послѣдовало 13 выстрѣловъ), привѣтствовавшая поднятіе генералъ-адмиральскаго флага. Вскорѣ послѣ того его высочество поѣхалъ на шлюпкѣ проститься съ императрицею, которая, проводивъ до этого мѣста флотъ, возвращалась назадъ. Затѣмъ тотчасъ послѣдовало по одному выстрѣлу, сперва съ корабля великаго адмирала и съ императорскаго, потомъ съ корабля Гордона и наконецъ съ нашего, при чемъ на разныхъ корабляхъ, вмѣсто большихъ голубыхъ флаговъ, подняты были красные. Немного спустя, раздался опять одинъ выстрѣлъ, по которому всѣ капитаны отправились къ адмиралу. Тотчасъ по возвращеніи его высочества, сигналомъ отдано было приказаніе снимать съ якорей, чт̀о исполнено было въ 12 часовъ, и тогда вдругъ все разомъ пришло въ движеніе. Незадолго до того у насъ было богослуженіе. Штрёмфельдъ и Вахтмейстеръ, провожавшіе насъ до этихъ мѣстъ, отправились назадъ въ Петербургъ тотчасъ послѣ императрицы, которую они видѣли на кораблѣ императора; но самого государя тамъ не было. Около 2-хъ часовъ, когда мы собирались садиться за столъ, пришелъ об.-цейхм. Отто, но остался у насъ недолго. Когда онъ приходилъ и уходилъ, ему отдавали честь и били въ барабанъ, потому что онъ считается въ генералъ-маіорскомъ чинѣ. Сначала съ нами обѣдалъ только вице-адмиралъ, но когда мы миновали одно опасное по мелководью мѣсто, къ столу явился и капитанъ нашего корабля, по фамиліи Бенцъ, которому до этого нельзя было оставить своего поста. Къ 8-ми часамъ вечера почти всѣ корабли догнали насъ (хотя мы отплыли изъ первыхъ), но это потому, что нашъ корабль поджидалъ ихъ и нарочно умѣрялъ свой ходъ. Въ 8 часовъ у насъ опять читали молитвы. Около 9-ти мы ужинали, а въ ночь миновали островъ Гохландъ.

3. Въ прошедшую ночь вѣтеръ былъ довольно сильный, и мы ушли далеко впередъ, но послѣ того цѣлый день шелъ дождь и погода стояла пренепріятная. Въ 11 часовъ утра началась молитва, а въ 12 мы сѣли за столъ. Обѣдали съ ними вице-адмиралъ и капитанъ. Въ 6 часовъ вечера была опять молитва, а за нею слѣдовалъ ужинъ.

Такъ какъ мы въ это время въ другой разъ прошли черезъ опаснѣйшія мѣста, то капитанъ ужиналъ съ нами, положась на своего штурмана, который однакожъ посадилъ бы его на мель, если бъ онъ не замѣтилъ опасности и не выбѣжалъ во́ время. Вмѣсто десяти офицеровъ, и четырехъ штурмановъ, которые бы должны были находиться у него на кораблѣ, онъ имѣлъ только двухъ офицеровъ и одного штурмана, и изъ нихъ, вдобавокъ, ни одинъ не зналъ фарватера. Капитанъ очень жаловался на это и говорилъ, что ему до крайности трудно, потому что самому надобно исправлять и лоцманскую, и всѣ другія должности. Въ полночь мы нагнали передніе корабли, стоявшіе на якорѣ въ милѣ отъ Ревеля, и сами бросили якорь, проѣхавъ 39 миль отъ Кронслота и благополучно пробравшись черезъ весь опасный фарватеръ.

4. Въ Четвергъ, въ 4 часа утра, раздался пушечный выстрѣлъ вслѣдъ за которымъ на всѣхъ корабляхъ флота начали бить утреннюю зарю. Немного позднѣе отданъ былъ приказъ опять сниматься съ якорей, какъ скоро послѣдуетъ сигналъ. Въ 8 часовъ мы услышали этотъ сигналъ, и корабль нашъ, какъ флагманскій, отвѣчалъ ему. Затѣмъ корабли, одинъ за другимъ, снялись съ якорей и приготовились къ отплытію. Въ половинѣ десятаго они двинулись въ путь. Когда великій адмиралъ проѣзжалъ мимо эскадры, стоявшей близъ Ревеля подъ командой шаутбенахта фонъ-Гоффта, она привѣтствовала нашъ флотъ 13-ю выстрѣлами, на которые однакожъ не отвѣчалъ ни одинъ изъ нашихъ кораблей, кромѣ генералъ-адмиральскаго. Въ три четверти десятаго флотъ нашъ салютовала и крѣпость, въ которой виденъ былъ дымъ; но выстрѣловъ мы не могли слышать. Вскорѣ послѣ того сдѣлано было по одному пушечному выстрѣлу съ кораблей адмирала, генералъ-адмирала и Гордона, въ знакъ того, что слѣдуетъ поднять якорные флаги. Нашъ констабель, которому приказано было повторить данный сигналъ однимъ выстрѣломъ, по ошибкѣ сдѣлалъ три выстрѣла, почему капитанъ немедленно велѣлъ арестовать его и еще одного подконстабеля, котораго вдобавокъ подвергли заключенію. Съ адмиральскаго корабля тотчасъ же пріѣхалъ лейтенантъ, чтобы узнать, по какому случаю мы дали три выстрѣла? Ему объяснили ошибку констабеля. Въ 11 часовъ мы бросили якорь, подняли настоящій красный флагъ съ голубымъ и бѣлымъ крестомъ и спустили якорный флагъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго его высочество съ Измайловымъ и Плате поѣхалъ въ шлюбкѣ вице-адмирала поздравить императора съ благополучнымъ прибытіемъ. Когда они пріѣхали, на императорскомъ кораблѣ раздался барабанный бой. Послѣ молитвы, о которой на нашемъ кораблѣ возвѣщено было барабаномъ, вице-адмиралъ, въ шлюбкѣ, съ капитаномъ и другими, отправился привѣтствовать съ прибытіемъ генералъ-адмирала и адм. Михайлова (т. е. самого

императора). Его высочество возвратился назадъ не прежде 3-хъ часовъ. Мы все время съ сокрушеннымъ сердцемъ поджидали его къ обѣду, тогда какъ онъ преспокойно и отлично пообѣдалъ у императора, который, говорятъ, былъ необыкновенно веселъ и принялъ его очень милостиво. Послѣ обѣда у его величества, герцогъ поѣхалъ къ вел. адм. Апраксину; у котораго пробылъ еще съ часъ. На кораблѣ его, какъ при пріѣздѣ, такъ и при отъѣздѣ его высочества, били въ барабаны. Тотчасъ по возвращеніи его высочества мы сѣли за столъ.

Въ 4 ч. послѣ обѣда герцогъ съ Измайловымъ, кап. Бенцомъ, Плате, Брюммеромъ, Тихомъ и со мною отправился въ Ревель, гдѣ мы нашли немало добрыхъ друзей и въ особенности много Шведовъ. По пріѣздѣ нашемъ въ городъ, посланъ былъ фурьеръ узнать, открытъ ли и готовъ ли для его высочества домъ кн. Меншикова? Получивъ донесеніе, что тамъ опять приготовлена для насъ квартира, мы отправились туда и нашли уже въ домѣ почетный караулъ, состоявшій изъ одного поручика и 30 или 40 рядовыхъ. Поручикъ этотъ былъ тотъ самый офицеръ, который, два года тому назадъ, провожалъ его высочество изъ Ревеля въ Петербургъ. Въ домѣ князя мы не нашли однакожъ ничего, кромѣ пустыхъ комнатъ; поэтому его высочество поѣхалъ къ г.-м. Тизенгаузену, у котораго, не смотря на то, что его сначала не было дома, мы, какъ у стараго знакомаго, успѣли попользоваться хорошей холодной закуской. Отъ него его высочество, въ сопровожденіи многихъ Лифляндскихъ и Шведскихъ кавалеровъ, пошелъ къ ландрату Розену и, хотя его самого также не было дома, просидѣлъ довольно долго съ его женою, у которой мы нашли и жену полк. Розена, урожденную гр. Вахтмейстеръ; его высочество передъ тѣмъ заходилъ къ ней, но узналъ, что ея нѣтъ дома. Многіе изъ нашихъ друзей и здѣшнихъ жителей сопровождали насъ на улицахъ и входили съ ними въ дома, а потомъ проводили и до самаго бота. Въ 7 часовъ мы взошли опять на бортъ нашего корабля, гдѣ вечеромъ была молитва, за которою слѣдовалъ ужинъ. Незадолго передъ вечернимъ столомъ раздался пушечный выстрѣлъ, сигналъ для спуска другого якоря. Но корабль нашъ не отвѣчалъ на этотъ сигналъ, а только исполнилъ что̀ слѣдовало, потому что нашъ вице-адмиралъ не командуетъ эскадрой, исправляя должность шаутбенахта, вслѣдствіе чего ему дозволено не отвѣчать на сигналы и поднимать на своемъ кораблѣ вице-адмиральскій флагъ. Въ 10 часовъ у великаго адмирала, по обыкновенію, начали бить зорю, которая затѣмъ въ одно время раздалась на всѣхъ корабляхъ. Потомъ тотчасъ начался барабанный бой, призывавшій матросовъ къ молитвѣ, которая совершалась во время нашего ужина и, по положенію, должна совершаться каждое утро и каждый вечеръ. Послѣ ужина его высочество еще долго гу-

лялъ по шанцамъ корабля, прежде нежели отправился спать. Въ этотъ день, еще до возвращенія герцога отъ императора, къ намъ на корабль пріѣзжалъ об.-ком. Дельденъ и приглашалъ его высочество и всѣхъ нашихъ кавалеровъ къ себѣ на другой день на обѣдъ. Флотъ, когда мы подъѣзжали къ Ревелю, былъ расположенъ и стоялъ на якорѣ по слѣдующему росписанію:

БАТАЛЬНАЯ ЛИНІЯ.

(Linie de Bataille).

	Корабли.		Командиры.	Флагманы.	Флаги и вымпела (Plaeen van Vlaggen en Bredwimpels).
Красный флагъ.	*Самсонъ.	С. Андрей.	Капитанъ Барсъ.	Шаутбенахтъ Сенявинъ..	Brede Wimpel op van Steng.
		Принцъ Евгеній.	„ графъ Головинъ.	....	....
		Виборгъ.	„ Лазенсъ.	....	....
	Авангардъ.	Св. Екатерина.	„ Калмыковъ.	Адмиралъ Михайловъ.	....
		Лѣсное	„ Біеннингъ.	....	....
		Астрахань.	„ Гнюбъ.	....	....
		Исакъ-Викторія.	„ гр. Апраксинъ.	....	....
	*Св. Іаковъ.	Нептунъ.	„ Делапъ.	Шаутбенахтъ Доффусъ...	Rod brede Wimpel van vore Steng.
Бѣлый флагъ.	*Амстердамъ-Галлей.	Фредемакеръ.	„ Бенцъ.	Вице-адмиралъ Вильстеръ.	Rod Vlag van krys Steng.
		Армундъ.	„ Сапиза.	....	....
		Пантелеймонъ.	„ Леттель.	....	....
		Ревель.	„ Фалькенборгъ.	....	....
	Центръ.	Гангудъ.	„ Гогштратъ.	Генералъ-адмиралъ.	....
		Фридрихштатъ.	„ Брандтъ.	....	....
	*Crone de lifde.	Полтава.	„ Вильстеръ.	....	....
		Св. Петръ.	„ Трессель	Шаутбенахтъ Зандерсъ.	Brede Wimpel van grot Steng.
Голубой флагъ.	*Kryser.	Мальборгъ.	„ Машуковъ.	....	....
		Арендаль.	„ Веслингъ.	....	....
		Св. Михаилъ	„ Вильбуа.	....	....
		Нордъ-Адлеръ.	„ Эрмитажъ.	Вице-адмиралъ Гордонъ.	Blau Vlag van krys Steng.
	Аріергардъ.	Св. Александръ.	Кап - команд. Бредаль.	....	....
		Рандольфъ.	Кап.-лейт. Фремъ.	....	....
		Москва.	„ Гіей.	....	....
		Перле.	„ Розенгофъ.	Шаутбенахтъ фанъ-Гоффтъ	Blau Vredre Wimpel van krys Steng.

Военный корабль Гангудъ,

8-го Іюля 1723

Подписано: Генералъ-адмиралъ

графъ Апраксинъ.

5. Въ Пятницу, поутру, послѣ молитвы, у его высочества было много постороннихъ, какъ-то: оба Гессенскіе принца, кап.-ком. Бредаль и еще нѣкоторые флотскіе капитаны. Около 11-ти часовъ его высочество почти со всѣми нами поѣхалъ въ городъ, гдѣ встрѣченъ былъ нѣкоторыми членами дворянства (Ritterschaft), которые ждали императора; послѣ того передъ герцогомъ парадировали *Черноголовые* въ числѣ около сорока всадниковъ, имѣвшихъ свои собственные штандарты, литавры и трубы, также верхнее и нижнее оружіе. Это были большею частію купеческіе прикащики. Они также ждали императора, и потомъ ѣхали передъ нимъ, когда онъ, верхомъ, въѣзжалъ въ городъ и отправлялся къ оберъ-комменданту. Весь ихъ отрядъ выстроился передъ домомъ послѣдняго и далъ три залпа изъ карабиновъ, исполненные очень хорошо, при чемъ усердно гремѣли ихъ литавры и трубы. Послѣ того они тѣмъ же порядкомъ отправились назадъ. Кромѣ того, на улицахъ, по которымъ проѣзжалъ императоръ, стояли въ строю вооруженные граждане, парадировавшіе, когда прибылъ его величество; а вокругъ крѣпости происходила пушечная пальба. Его высочество, пробывшій нѣсколько времени въ ихъ домѣ, нашелъ тамъ императора уже за столомъ, но принцы Гессенскіе очистили ему мѣсто, и онъ помѣстился возлѣ его величества съ лѣвой стороны. Общество состояло только изъ императора, его высочества, принцевъ, флагмановъ, многихъ морскихъ капитановъ, придворнаго штата его величества и его высочества, т. с. Толстаго и бар. Остермана. При каждомъ тостѣ палили изъ пушекъ. Императоръ самъ провозгласилъ тостъ за здоровье его высочества, которому при этомъ что-то долго говорилъ на ухо, послѣ чѐго нашъ герцогъ нѣсколько разъ цѣловалъ ему руку. Въ половинѣ третьяго государь пошелъ отдыхать, а его высочество, послѣ продолжительнаго секретнаго разговора съ Остерманомъ, поѣхалъ на свою городскую квартиру. Тотчасъ по возвращеніи нашемъ домой, къ намъ собрались очень многіе Лифляндцы, Шведскіе и и здѣшніе офицеры и пріѣхалъ г. Остерманъ, который немедленно былъ принятъ герцогомъ. Всѣ прочіе должны были ждать почти до 7-ми часовъ, когда его высочество вышелъ, чтобъ снова ѣхать на корабль. Онъ все время былъ занятъ письмами и въ тотъ же день отправилъ въ Швецію полк. Брюммера, который, вмѣтѣ съ Русскимъ курьеромъ, отплылъ на фрегатѣ. Послѣ молитвы и ужина его высочество еще часа два гулялъ наверху по шанцамъ. Я въ этотъ день встрѣтилъ въ Ревелѣ моего стараго товарища и добраго пріятеля, Лантингсгузена, который прежде вмѣстѣ со мною былъ въ Швеціи пажомъ, теперь же имѣлъ чинъ капитана. Въ этотъ же день пріѣхали сюда изъ Петербурга гр. Дугласъ и полк. Розе; изъ нихъ первый проигралъ пари, ко-

торое держалъ съ великимъ адмираломъ, потому что выѣхалъ въ одно время съ нами и хотѣлъ все-таки пріѣхать въ Ревель прежде насъ.

6. Въ Субботу, Альфельдъ и Тихъ рано утромъ отправились въ городъ, съ тѣмъ, чтобъ тамъ обѣдать. До молитвы у его высочества было много посѣтителей, какъ-то ген. Дельденъ, шаутбенахтъ Гоффтъ, ландсгауптманъ (предводитель дворянства) Розе, гр. Дугласъ съ своимъ зятемъ, полковн. Шлиппенбахомъ, вице-губ. Лёвенъ, артилерійскій подполк. Гааке съ своимъ кап. Вильстеромъ и нѣкоторые морскіе капитаны. Всѣмъ имъ поднесено было по рюмкѣ водки, а гр. Дугласа его высочество оставилъ у себя обѣдать. На нашемъ и на бо̀льшей части другихъ кораблей экипажъ почти все время до обѣда былъ занятъ перемѣною мѣсть и надлежащею постановкою въ линію, потому что весьма нелегко поднимать якори большихъ кораблей и перемѣнять ихъ мѣсто. Тотчасъ послѣ обѣда великому адмиралу представляли списки съ показаніемъ, сколько на каждомъ кораблѣ находилось экипажа. На нашемъ кораблѣ было солдатъ и матросовъ 572 человѣка. Около 4-хъ часовъ его вы—во, съ Дугласомъ, Измайловымъ, Плате, Штамке и со мною поѣхалъ въ городъ и сперва навѣстилъ графиню Веллингъ, а потомъ отправился къ гр. Дугласу, гдѣ мало по малу собралось множество гостей, и сильно пили. Въ числѣ прочихъ явился и старый Шведскій каммерг. бар. Спарре, о которомъ я такъ много слышалъ разсказовъ, какъ напр. то, что онъ большею частію ходитъ въ шерстяномъ кафтанѣ на бархатной подкладкѣ, хотя и весьма умный человѣкъ. Былъ тутъ и полк. Розе, который наканунѣ пріѣхалъ изъ Петербурга, сдѣлавъ славный моціонъ, т. е. проскакавъ верхомъ въ 9 часовъ 17 миль. Часовъ въ восемь его высочество простился и снова отправился на корабль. Въ наше отсутствіе на кораблѣ великаго адмирала, на задней мачтѣ, поднятъ былъ желтый императорскій флагъ, сигналъ, которымъ созывались къ нему всѣ флагманы, но только для того, чтобы ѣхать въ Катериненталь и провести тамъ вечеръ въ саду съ императоромъ. По возвращеніи на корабль мы нашли всѣ платья и вещи, которыя только-что привезены были водою для его высочества и вынуты безъ насъ каммерратомъ Негелейномъ, разложенными на столѣ. Между ними находилось шесть вышитыхъ костюмовъ превосходной работы, выписанныхъ каммерратомъ и сдѣланныхъ въ Берлинѣ по заказу его брата, и было очень много полотняныхъ вещей, которыя при этомъ же случаѣ выслала его высочеству т. совѣтница Бассевичъ.

7. Поутру велѣно было, чтобы на всѣ корабли перевезенъ былъ съ твердой земли могущій имъ еще понадобиться провіантъ. Около 5-ти часовъ посла обѣда конт.-ад. Сенявинъ, которому предписано было выйдти въ открытое море съ эскадрою, состоявшею изъ 6-ти кораблей,

подалъ сигналъ къ отплытію. Часовъ въ шесть эскадра дѣйствительно вышла въ море, и контръ-адмиралъ салютовалъ великому адмиралу 13-ю выстрѣлами, но великій адмиралъ отвѣчалъ ему только 7-ю. Меня увѣряли сегодня, будто императоръ вчера велѣлъ объявить Городовому Совѣту, что отдалъ приказаніе свободно впускать въ Катериненталь (здѣшній увеселительный дворецъ) всѣхъ городскихъ жителей, и что они, если хотятъ, могутъ начать пользоваться прогулкой тамъ съ нынѣшнаго же дня. Разсказываютъ также за вѣрное, что императоръ, который съ самаго пріѣзда нашего сюда большею частію ночуетъ въ Катериненталѣ, въ самомъ дѣлѣ испросилъ себѣ позволеніе у великаго адмирала проводить ночи на твердой землѣ, представивъ ему, что долженъ для своей груди брать ванны по предписанію врача; но въ тоже время его величество далъ великому адмиралу письменное увѣреніе, что при отплытіи флота немедленно будетъ опять на своемъ кораблѣ. Въ этотъ день, говорятъ, вышелъ также приказъ, чтобы всѣ офицеры и матросы въ 6 часовъ вечера возвращались на свои корабли и нигдѣ не оставались долѣе. Нынче въ первый разъ поднимали сигнальный флагъ для назначенія вечерняго пароля. Всѣмъ кораблямъ пароли розданы были на цѣлый мѣсяцъ, и такъ какъ каждый пароль имѣетъ свой особенный знакъ, передаваемый флагами, то они всегда тотчасъ же могутъ видѣть, какой именно назначается.

8. Въ Понедѣльникъ, его высочество въ 11 часовъ поѣхалъ къ шаутбенахту Гоффту, приглашавшему его вчера къ себѣ обѣдать, но взялъ съ собою только Измайлова, Плате и меня. Когда мы пріѣхали, императоръ со всѣми флагманами сидѣлъ уже у шаутбенахта за столомъ. Его высочество сѣлъ возлѣ государя съ лѣвой стороны, имѣя подѣ себя опять обоихъ принцевъ. Императоръ былъ въ отличномъ расположеніи духа, и при первыхъ трехъ тостахъ палили изъ пушекъ; такъ при провозглашеніи здоровья его величества послѣдовало 13 выстрѣловъ, семейства Ивана Михайловича 11, императрицы 9. При здоровьи его высочества и другихъ пальбы не было. Въ 2 часа императомъ уѣхалъ, и при его отъѣздѣ матросы огласили воздухъ троекратнымъ *ура!* на которое онъ съ бывшими на его ботѣ матросами отвѣчалъ точно такимъ же образомъ. Затѣмъ послѣдовало 11 пушечныхъ выстрѣловъ. Когда уѣзжалъ его высочество, точно также кричали *ура!* которое сопровождалось 9-ю выстрѣлами. При отъѣздѣ великаго адмирала было тоже самое; при отъѣздѣ же принцевъ хотя и кричали *ура*, но не палили. Отсюда его высочество отправился въ городъ и сперва побывалъ на своей квартирѣ, а потомъ поѣхалъ къ полк. Розену, гдѣ мы, въ обществѣ полк. Штральборна и Ферзена, ужинали и таки порядочно попили. Въ этотъ день вице-адм. Вильстеръ вышелъ

въ море съ кораблемъ «Пантелеймономъ», ходъ котораго надлежало испробовать, потому что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на немъ было слишкомъ много баласта; впрочемъ, черезъ нѣсколько дней онъ будетъ опять здѣсь.

9. Поутру еще можно было видѣть эскадру, которая вышла отсюда въ море третьяго-дня, потому что вѣтеръ былъ противный, и она должна была продолжать лавировать. Около полудня къ намъ пріѣзжалъ одинъ здѣшній молодой бар. Гастферъ, который просилъ его высочество пожаловать къ нему на другой день въ 5 часовъ послѣ обѣда на свадьбу и быть посаженымъ отцомъ его невѣсты. Въ 12 часовъ его высочество, съ Измайловымъ, Альфельдомъ, Плате, Штамке, Тихомъ и со мною отправился на обѣдъ къ гр. Дугласу, гдѣ, кромѣ насъ, никого больше не было; но такъ какъ послѣ обѣда пріѣхали еще гости и потомъ вечеромъ ужинали, то мы такъ сильно пили, что я не помню какъ и до дому добрался. Пажъ Древникъ былъ въ этотъ день посланъ въ Петербургъ. Императоръ посѣщалъ домъ дворянства (Landesstube) и осматривалъ тамъ знаменитую картину «Обращеніе апостола Павла», принадлежащую обоимъ Унгернамъ и стóющую, какъ говорятъ, 20,000 червонцевъ; но его величество нашелъ, что она не стóитъ этихъ денегъ и оцѣнилъ ее только въ 300 рублей. Въ этотъ же день сынъ гр. Дугласа, мальчикъ лѣтъ 5-ти или 6-ти, былъ сдѣланъ пажомъ при его высочествѣ.

10. Въ Среду, утромъ, у его высочества было очень много постороннихъ, но я былъ такъ боленъ, что не могъ встать съ постели, и потому никого не видалъ. Обѣдали у его высочества в.-ад. Гордонъ, в.-адм. Сиверсъ, шаутбенахтъ Дюффертсъ и шаутбенахтъ Зандеръ, и такъ какъ во время обѣда пріѣхали еще гр. Дугласъ и флотскій кап. Апраксинъ, да и его высочество узналъ, что свадьба отложена по поводу совершившагося въ этотъ день 12-тилѣтія со дня сраженія при Прутѣ, то гости начали за столомъ сильно пить. Въ 5 часовъ герцогъ поѣхалъ въ новый императорскій увеселительный дворецъ Катериненталь, гдѣ оставался почти до 10 ти часовъ и часа два гулялъ и разговаривалъ съ императоромъ, который былъ необыкновенно веселъ и оживленъ. По пріѣздѣ въ садъ мы сперва гуляли часа два одни, не подходя къ императору, потому что видѣли, что онъ занятъ былъ съ своимъ архитекторомъ и отдавалъ разныя приказанія. Когда мы проходили мимо прежняго императорскаго дома и огорода, об.-кухм. Фельтенъ принудилъ насъ войти туда и подалъ намъ по стакану вина и пива, послѣ чего его высочество всходилъ съ нами на высокую гору, на которой сквозь скалы пробитъ каналъ, долженствующій служить проводникомъ воды для фонтановъ и каскадовъ изъ большого пруда,

находящагося на верху этой горы. Въ Катеринентале большой, очень красивый домъ съ двумя флигелями; онъ стоитъ гораздо выше сада и прямо противъ моря, имѣя съ одной стороны городъ, а съ другой красивую рощу. Видъ изъ него, поэтому, очень хорошъ. Что касается до самаго сада, то нельзя себѣ вообразить, какъ много онъ усовершенствовался такъ быстро послѣ своего разведенія, т. е. въ какіе-нибудь три или четыре года, и какъ деревья въ немъ уже высоки и толсты. Много, конечно, способствовала тому прекрасная почва земли; да и кромѣ того употреблены были всѣ старанія, чтобъ поскорѣе окончить и устроить его. Здѣсь видишь не только вокругъ сада аллеи изъ большихъ деревьевъ, которыя гораздо выше домовъ, но и значительной величины фиговыя и другія плодовыя деревья, взятыя изъ лучшихъ садовъ въ окрестностяхъ Ревеля и пересаженныя съ корнями и землею въ этотъ садъ, гдѣ они, благопріятствуемыя отличнымъ грунтомъ, принялись очень хорошо. Такъ какъ его высочество взялъ съ собою въ садъ кап. Бенца, весьма любимаго императоромъ и неистощимаго на всякаго рода веселыя выдумки, то онъ во весь вечеръ немало потѣшалъ его величество. Когда рѣчь зашла о прекрасномъ вызолоченномъ фрегатѣ «Transport-Royal» (которому теперь назначено постоянно оставаться при насъ, но который прежде еще никогда не присоединялся къ флоту, а въ этотъ день въ 6 часовъ послѣ обѣда прибылъ изъ С.-Петербурга и при своемъ появленіи привѣтствовалъ великаго адмирала 13-ю выстрѣлами, на которые отвѣчено было 9-ю), и всѣ начали выхвалять его быстрый ходъ и красоту: нашъ кап. Бенцъ сказалъ по-голландски, что ничего себѣ такъ не желаетъ, какъ милостиваго соизволенія императора на командованіе этимъ фрегатомъ, когда его высочество, какъ король, будетъ отправляться на немъ въ Швецію; послѣ чего, объявивъ себя хозяиномъ дома, началъ угощать виномъ императора и все общество. Государь немало смѣялся всѣмъ этимъ выходкамъ. Въ 10 часовъ вечера, когда его величество уѣхалъ на свой корабль (онъ большею частію ночуетъ на немъ, а вовсе не въ Катеринменталѣ, какъ прежде говорили), герцогъ отправился также на бортъ своего. По возвращеніи нашемъ лейтенантъ Измайловъ посланъ былъ на твердую землю, чтобъ распорядиться скорѣйшею доставкою на нашъ корабль мѣсячнаго провіанта, который назначено было забрать въ Ревелѣ.

11. Поутру, у его высочества было много посѣтителей, въ томъ числѣ г.-м. Тизенгаузенъ, бывшій Шведскій капралъ трабантовъ Лоде, одинъ молодой Штакельбергъ, кап. Бергеръ, кап. Дельвигъ, полк. Россе (котораго герцогъ оставилъ у себя обѣдать) и нѣкоторые другіе, мнѣ незнакомые. Около полудня корабль «Пантелеймонъ», который

в.-адм. Вильстеръ на нѣсколько дней выводилъ въ море для пробнаго крейсированія, присоединился опять къ флоту; прибылъ также изъ Кронслота спущенный въ нынѣшнемъ году со штапеля корабль «Михаилъ Архангелъ», который при приближеніи своемъ салютовалъ великому адмиралу 13-ю выстрѣлами, а въ отвѣтъ получилъ 9. Возвратившійся «Пантелеймонъ» не стрѣлялъ, потому что корабли не салютуютъ, если были въ отсутствіи менѣе 4-хъ или 6-ти недѣль. Часа въ четыре его высочество поѣхалъ въ городъ. Завернувъ тамъ на короткое время въ свой домъ, онъ прошелъ потомъ къ гр. Дугласу, гдѣ мы оставались до тѣхъ поръ, пока не узнали, что императоръ пріѣхалъ на свадьбу. Въ это время, именно въ 6 часовъ, его высочество также отправился въ «домъ дворянства», гдѣ назначено было справить свадьбу, и вошелъ въ залу прежде императора, потому что его величество, насквозь промоченный дождемъ, переодѣвался въ другой комнатѣ. По приходѣ государя, тотчасъ началось бракосочетаніе бар. Гастфера, молодого человѣка лѣтъ 20-ти, съ дѣвицею Барановой, которой только 13 лѣтъ и которая, говорятъ, очень богата. Когда церемонія эта кончилась, императоръ сѣлъ съ его высочествомъ и другими знатными господами. Тоже самое должны были сдѣлать дамы, чинно стоявшія по другую сторону, и все здѣшнее дворянство. Хотя для государя и былъ устроенъ балдахинъ, подъ которымъ стояли кресло и рядомъ съ нимъ стулъ для его высочества, однакожъ оба они не воспользовались ими, а сѣли вмѣстѣ съ другими кавалерами. Послѣ того ландраты и свадебные маршалы начали, по порядку, провозглашать обыкновенные церемоніальные тосты. Около 8-ми часовъ начались танцы, а именно слѣдующимъ образомъ. Впереди танцовали два маршала (ихъ обыкновенно бываетъ на свадьбахъ четыре, но въ этотъ разъ было шесть), а за ними невѣста съ женихомъ, его высочество съ гр-ю Веллингъ и старшій принцъ Гессенскій съ гр-ею Вахтмейстеръ. Послѣ того его высочество танцовалъ съ невѣстою, такъ что выходила смѣсь Польскихъ, менуэтовъ и Англійскихъ танцевъ. Обѣдать хотя на здѣшнихъ благородныхъ свадьбахъ и не принято, однакожъ на сей разъ въ одной изъ комнатъ для императора былъ приготовленъ столъ съ холоднымъ кушаньемъ, за который онъ и сѣлъ, когда было исполнено уже нѣсколько танцевъ; но его высочество и принцы постоянно оставались съ дамами и продолжали танцовать съ ними. Посидѣвъ немного времени за столомъ и покушавъ, императоръ возвратился въ танцовальную залу и, будучи въ отличномъ расположеніи духа (которое немало радовало здѣшнее дворянство), удостоилъ нѣсколько разъ протанцовать Англезъ и Польскій. Всѣ почти гости признавались, что никогда не видали его величество такимъ веселымъ.

Около 11-ти часовъ начались послѣдніе церемоніальные танцы, которые здѣсь совершенно отличаются отъ Московитскихъ и Русскихъ. Сначала всѣ холостые, по-парно, танцовали Польскій, слѣдуя за женихомъ, передъ которымъ танцовали два маршала; потомъ они взялись за руки и образовали кругъ, въ средину котораго вошелъ молодой съ однимъ изъ танцовавшихъ. Попрыгавъ съ нимъ и поцѣловавъ его, онъ схватилъ другого и повторилъ тоже самое, потомъ третьяго, и такъ далѣе, пока не перебралъ всѣхъ. Затѣмъ они подняли его на руки, и онъ долженъ былъ выпить три стакана вина и опорожненную посуду бросить на земь. Тогда молодежь, попрыгавъ съ нимъ еще нѣсколько времени, поставила его на ноги. Послѣ того за него взялись всѣ женатые и возились съ нимъ точно такимъ же образомъ. Императоръ, внимательно слѣдившій за всѣми этими церемоніями, самъ участвовалъ въ танцѣ съ женихомъ и дѣлалъ все, что слѣдовало. Когда съ молодыми покончили, всѣ дѣвицы, а за ними всѣ замужнія женщины танцовали точно такъ же съ невѣстою, съ тою только разницею, что ея не поднимали, какъ жениха, и не заставляли пить. Оба маршала (которые и тутъ танцовали впереди) поцѣловали ей только руку, но въ кругу протанцовали съ нею такъ, какъ танцовали дѣвицы и замужнія. При этихъ танцахъ литавры и трубы гремѣли вмѣстѣ съ музыкою, и когда они кончились, невѣстѣ и жениху еще разъ приносили поздравленія. По окончаніи всего императоръ удалился, перецѣловавшись, на прощаньи, со всѣми дамами. Герцогъ нашъ послѣдовалъ его примѣру, но не отправился, какъ онъ, прямо на корабль, а заѣхалъ еще къ гр. Дугласу, гдѣ, по просьбѣ хозяина, пробылъ часа полтора и пилъ съ его женою чай, такъ что было уже болѣе часу пополуночи, когда мы возвратились на свой корабль. Въ этотъ день, вечеромъ, поданъ былъ сигналъ держать наготовѣ четыре корабля, которымъ на другой день съ разсвѣтомъ слѣдовало стать подъ паруса и выйдти въ море.

12. Утромъ императоръ былъ на кораблѣ «Transport-Royal», который привѣтствовалъ его 19-ю пушечными выстрѣлами. Вскорѣ послѣ того послѣдовалъ сигналъ готовиться къ отплытію, но въ 11 часовъ у велик. адмирала подняли опять якорный флагъ, въ знакъ того, что предшествовавшее распоряженіе отмѣняется по причинѣ почти совершенно противнаго вѣтра. Мы сидѣли еще за столомъ, когда снова раздался пушечный выстрѣлъ, сопровождаемый сигналомъ къ отплытію, и всѣ корабли повторили этотъ сигналъ, т. е. подняли въ половину большой марсовой парусъ. Его высочество, узнавъ, что г. Остерманъ несовсѣмъ здоровъ, еще до отплытія нашего послалъ на корабль «Москва», гдѣ онъ находился, г.-юнк. Тиха, которому поруче-

но было освѣдомиться о его здоровьи; а тотчасъ послѣ обѣда къ намъ пріѣхали г.-м. Тизенгаузенъ и артилерійскій кап. Вильстеръ, чтобы проститься съ его высочествомъ. Около 4-хъ часовъ мы, съ Божіею помощью, дѣйствительно вышли въ море, получивъ передъ тѣмъ на свой корабль еще одного лейтенанта и одного гардемарина, которые оба были князья *Adiowskin* (Одоевскіе?). Въ 9 часовъ на кораблѣ великаго адмирала выпалили одинъ разъ изъ пушки и подняли якорный флагъ, почему мы немедленно бросили якорь между Наргеномъ или Нерваномъ и Вольфомъ. Съ своимъ лавированіемъ отъѣхали мы въ этотъ день отъ Ревеля не болѣе полуторы мили; но невозможно описать, что за чудный видъ, когда лавируетъ цѣлый флотъ и корабли постоянно проходятъ одинъ мимо другого! Лишь только якорь былъ брошенъ, къ намъ изъ Ревеля пріѣхалъ на шлюпкѣ почтовый секретарь, которому поручено было доставить на флотъ полученныя въ этотъ день письма. Онъ разсказывалъ, что отъ необыкновенно сильнаго вѣтра жизнь его подвергалась опасности.

13. Въ 6 часовъ утра послѣдовалъ сигналъ—сниматься съ якорей, и мы, въ половинѣ восьмого, пустились далѣе, но все еще при противномъ вѣтрѣ, который, впрочемъ, мало былъ замѣтенъ.

14. Мы прибыли въ Рогервикъ и въ 8 часовъ утра со всѣмъ флотомъ вошли тамъ въ новую гавань и бросили якорь. Мѣсто это только въ семи миляхъ отъ Ревеля и, какъ говорятъ, подъ надзоромъ Нѣмецкаго полк. Любраса здѣсь возведена будетъ новая гавань, гораздо болѣе удобная, чѣмъ гавани въ Ревелѣ и Кронслотѣ, во-первыхъ потому, что флоту можно будетъ лѣтомъ раньше выходить въ море, а зимою позднѣе возвращаться, чѣмъ въ обѣихъ упомянутыхъ гаваняхъ; во-вторыхъ, гавань эта такъ велика, что въ ней удобно могутъ помѣститься нѣсколько сотъ военныхъ кораблей, и имѣетъ обширный круглый заливъ, окруженный землею, къ которому ведетъ одинъ только входъ. Но такъ какъ въ устьѣ его вода имѣетъ 18 саженъ глубины, то немало потребно будетъ труда и издержекъ, дабы болверкъ, необходимый для его защиты, съ предполагаемыми у входа батареями, устроить такъ, чтобы онъ могъ противостоять напору волнъ. Наконецъ, въ-третьихъ, вода здѣсь соленая, а не смѣшанная, какъ въ Кронслотѣ. Гавань эта, когда она вполнѣ устроится, будетъ безспорно лучшею и безопаснѣйшею на всемъ Балтійскомъ морѣ. Припасено уже огромное количество камней, и ежедневно продолжаются ломка и подвозъ ихъ. Скоро послѣ того, какъ мы бросили якорь, послѣдовалъ приказъ всѣхъ больныхъ свезти съ кораблей на твердую землю и снабдить провіантомъ на 8 дней.

Въ 10-ть часовъ утра у насъ началось богослуженіе. Послѣ обѣда, въ 5-ть часовъ, всѣ флагманы сигналомъ приглашены были на корабль великаго адмирала, а около 6-ти пріѣхалъ отъ императора г.-ад. Нарышкинъ, которому поручено было пригласить герцога на твердую землю, куда его высочество тотчасъ же и отправился. У того мѣста, гдѣ мы вышли на берегъ, насъ ждалъ Василій Петровичъ съ кабріолетомъ императора, въ которомъ герцогъ и поѣхалъ съ нимъ къ его величеству. У государя были всѣ флагманы и капитаны, и онъ очень долго ждалъ старшаго флотскаго священника, которому, по его приказанію, назначено было освятить то мѣсто, гдѣ мы находились, и положить начало работамъ по устройству гавани. Но такъ какъ тотъ всячески искалъ уклониться отъ этого, то мѣсто его долженъ былъ заступить другой. По совершеніи молитвъ, всякій, отъ императора до послѣдняго изъ присутствовавшихъ, обязанъ былъ донести до конца берега отъ 4-хъ до 5-ти камней и бросить ихъ въ воду, при чемъ многіе, которымъ хотѣлось имѣть честь тащить самые большіе камни, таки порядочно попотѣли; очень многіе также, бросая эти камни въ воду, сильно забрызгались. Въ то время, какъ мы таскали камни, изъ разставленныхъ по берегу пушекъ сдѣланъ былъ 21 выстрѣлъ, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣтили, что его величество императоръ, когда брошенъ былъ первый камень, возвелъ глаза къ небу и испустилъ глубокій вздохъ. По окончаніи нашей работы, каждый долженъ былъ давать по полтинѣ великому адмиралу, который собиралъ эти деньги для солдатъ, занимавшихся здѣсь ломкою камня; императоръ, впрочемъ, пожаловалъ 10 червонцевъ, его высочество и вельможи дали также по нѣскольку золотыхъ монетъ. Послѣ сбора всякій получилъ за свои деньги по нѣскольку стакановъ вина. Со временемъ мы можемъ говорить съ гордостью, что участвовали въ первоначальной закладкѣ гавани, которая, если только Богъ продлитъ жизнь императора и дастъ ему привести все въ исполненіе, конечно будетъ одною изъ важнѣйшихъ въ мірѣ. Уже теперь наломано изъ скалъ 130,000 саженъ камня; но количества этого еще далеко недостаточно, потому что здѣсь предположено все, отъ самаго основанія, сдѣлать изъ камня. Невозможно было бы привести это въ исполненіе, если бъ не было притомъ того удобства, что камни, сколько бы ихъ ни понадобилось, можно брать у самой воды; ибо гавань большею частію вся окружена скалами, отъ которыхъ они могутъ быть отдѣляемы посредствомъ ломки или взрывовъ. Когда все общество роспило по нѣскольку стакановъ вина въ честь освященія гавани, императоръ простился съ нами и, прежде нежели отправиться на корабль, пошелъ еще въ домъ, гдѣ помѣщались больные и гдѣ въ

этотъ день должны были отнимать ногу одному матросу; но его высочество и прочіе отправились прямо на свои корабли.

15. Всѣ корабли приготовились къ выходу въ море, какъ скоро вѣтеръ сдѣлается благопріятнымъ. Около вечера мы получили извѣстіе, что т. совѣтница Бассевичъ въ этомъ мѣсяцѣ выѣхала изъ Гамбурга въ Травемюнде и оттуда, на стоявшей тамъ яхтѣ его высочества, отправилась въ Швецію.

16. Вѣтеръ дулъ попутный, и часовъ въ девять утра приказано было перевезти опять съ твердой земли больныхъ, которыхъ только третьяго дня отправили туда и снабдили провіантомъ на 8 дней. Поэтому думаютъ, что мы предпримемъ прогулку въ открытое море и не такъ-то скоро воротимся назадъ. Однакожъ мы, не смотря на то, что цѣлый день готовы были къ отплытію, не могли еще отправиться въ путь, частію по причинѣ слишкомъ сильнаго вѣтра, а частію и оттого, что корабли, стоявшіе ближе къ берегу, при этомъ вѣтрѣ вовсе не могли бы выйти изъ гавани. Послѣ обѣда его высочество хотѣлъ сдѣлать визитъ Гессенскимъ принцамъ, но узнавъ, что ихъ нѣтъ на кораблѣ, отправился съ нами къ в.-адм. Гордону, гдѣ мы пробыли часа три или четыре. На обратномъ пути, проѣзжая мимо корабля «Москва», его высочество увидѣлъ на палубѣ гг. Толстаго и Остермана и навѣстилъ ихъ. Въ этотъ день въ Рогервикъ прибылъ изъ Петербурга полковникъ Любрасъ, которому поручено устройство здѣшней гавани.

17. Поутру 50-пушечный корабль «Евгеній» посланъ былъ для крейсированія, чтобы узнать какъ далеко можно идти впередъ при продолжавшемся сильномъ вѣтрѣ. Послѣ обѣда всѣ лейтенанты сигналомъ приглашены были на адмиральскій корабль и получили тамъ приказаніе отправить свои боты къ прибывшимъ судамъ для забранія съ нихъ провіанта въ возможно-большемъ количествѣ. Между тѣмъ Толстой и Остерманъ увѣряли, что мы отсюда отправимся прямо въ Ревель. Послѣ же обѣда къ его высочеству пріѣхалъ изъ Ревеля курьеръ отъ г.-м. Клингштедта, который только за недѣлю оставилъ Стокгольмъ и сюда проѣхалъ черезъ Ригу. Такъ какъ онъ просилъ позволенія пріѣхать на флотъ, то ему совѣтовали лучше подождать насъ въ Ревелѣ. Вечеромъ Головинъ воротился съ своимъ кораблемъ назадъ, потому что вѣтеръ для плаванія былъ слишкомъ неудобенъ.

18. Бѣдный в.-адм. Вильстеръ который въ этотъ день съ императоромъ и со всѣми флагманами былъ на пиру у кап.-ком. Бредаля и не можетъ переносить много вина, воротился къ себѣ до того пьяный что даже упалъ съ постели и при этомъ такъ расшибся, что весь день долженъ былъ лежать.

19. Его высочество поутру посылалъ Тиха къ Толстому и Остерману просить ихъ сегодня къ намъ на обѣдъ, на который они и пріѣхали. Для императора время тянется здѣсь слишкомъ долго, и такъ какъ у него между тѣмъ есть дѣла въ Ревелѣ, то онъ испросилъ себѣ у великаго адмирала позволеніе отправиться туда впередъ сухимъ путемъ (потому что вѣтеръ все еще былъ противный) и далъ обѣщаніе, что у Наргена будетъ ждать прибытія флота. Получивъ это позволеніе отъ великаго адмирала, онъ тотчасъ отправился на твердую землю и сегодня же уѣхалъ въ Ревель.

20. Около 7-ми часовъ всѣ флагманы сигналомъ приглашены были на корабль великого адмирала, отъ котораго получили приказаніе отправить въ Кронслотъ всѣ трехъ-ярусные корабли. Великій адмиралъ перейдетъ на корабль кап.-ком. Бредаля, а в.-адм. Гордону поручено будетъ начальство надъ 7-ю трехъ-ярусными кораблями. Вскорѣ послѣ того послѣдовалъ сигналъ сниматься съ якорей и выходить въ море. Тутъ явился къ намъ в.-адм. Сиверсъ, чтобъ извѣстить герцога, что, какъ скоро мы бросимъ якорь близъ Наргена или Ревеля, его высочеству надобно будетъ перейти на корабль «Нептунъ», потому что «Фредемакеръ» отправляется въ Кронслотъ. Послѣ 10-ти часовъ мы, съ Божіею помощью, при попутномъ вѣтрѣ и прекрасной погодѣ, стали подъ паруса. Съ твердой земли великому адмиралу салютовали 13-ю пушечными выстрѣлами, на которые онъ отвѣчалъ также 13-ю. Вѣтеръ былъ хотя и хорошъ, но не силенъ, а потому мы не прежде половины шестого бросили якорь верстахъ въ 3-хъ отъ Ревеля, спустя уже цѣлый часъ послѣ поднятія адмираломъ якорнаго флага. Императоръ, не смотря на то, что обѣщалъ, какъ говорили, явиться опять къ флоту въ Наргенѣ, остался у Ревеля, въ Катериненталѣ, и оттуда смотрѣлъ на наше приближеніе. Вечеромъ, когда мы сидѣли за столомъ, пришелъ шаутбенахтъ лордъ Дюффусъ и доложилъ его высочеству, что получилъ отъ великаго адмирала и отъ императора приказаніе пригласить его на свой корабль «Нептунъ», при чемъ просилъ герцога, если можно, приказать начать перевозку нашихъ припасовъ въ тотъ же вечеръ; но его высочество отъ послѣдняго уклонился, не желая, чтобъ въ ночное время ходили по трюмамъ съ огнемъ, и обѣщалъ на другой день достаточно рано прислать свои вещи, почему Плате въ тотъ же вечеръ долженъ былъ отправиться на корабль для осмотра нужнаго намъ помѣщенія и для распредѣленія каютъ. Немного спустя послѣ того, пріѣхалъ съ корабля великаго адмирала капитанъ-лейтенантъ, который объявилъ нашему капитану, что, какъ скоро императоръ на другой день подниметъ якорный флагъ и станетъ подъ паруса, всѣмъ трехъ-яруснымъ кораблямъ должно бу-

детъ слѣдовать за нимъ. Изъ этого можно было заключить, что его величество также отправится въ Кронслотъ, чему однакожъ почти никто не хотѣлъ вѣрить.

21. Въ 4 часа утра, всѣ, кромѣ его высочества, были уже въ сборѣ, и переноска вещей началась, хотя вѣтеръ для эскадры, отправлявшейся въ Петербургъ, былъ вовсе неблагопріятный. Въ 4 часа послѣ обѣда его высочество переѣхалъ на «Нептунъ», щедро одаривъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ кораблю, на которомъ провелъ три недѣли. На этомъ переѣздѣ мы встрѣтили императора, плывшаго на корабельномъ ботѣ; онъ, кажется, ѣхалъ изъ города. Когда мы прибыли на «Нептунъ» (двухъ-ярусный и 70-ти-пушечный корабль, по величинѣ своей устроенней очень удобно), тамъ, по обыкновенію, ударили въ барабаны, и его высочество встрѣченъ былъ всѣми офицерами, т. е. к.-ад. Дюффусомъ, кап. Делапомъ, к.-лейт. Вильстеромъ, двумя лейтенантами и однимъ мичманомъ. Они повели его наверхъ, въ назначенную для него каюту, гдѣ стоялъ накрытый столъ, который вскорѣ люди контръ-адмирала обильно уставили кушаньями. Въ то самое время, какъ мы хотѣли садиться за него, къ намъ пріѣхалъ изъ Ревеля г.-м. Клингштедтъ, который передалъ герцогу нѣсколько писемъ изъ Швеціи. Его высочество оставилъ у себя обѣдать его и капитана Бенца. Въ этотъ день, по причинѣ сильнаго вѣтра и дождя, былъ такой жестокій холодъ. что погода вовсе не походила на лѣтнюю.

22. Около полудня къ намъ пріѣхали каммергеръ Спарре и нашъ кап. Бенцъ, которые и остались обѣдать у его высочества. Послѣ обѣда т. с. Остерманъ прислалъ кого-то къ Штамке сказать, что императоръ пріѣдетъ къ герцогу, почему тотчасъ же поспѣшно начали приготовлять столъ съ холоднымъ кушаньемъ, и когда государь черезъ полчаса пріѣхалъ, все было готово. Его высочество встрѣтилъ его на нижней палубѣ корабля. Барабаны привѣтствовали его величество только троекратною дробью, какъ положено для встрѣчи адмираловъ. Такъ какъ съ нимъ были Толстой и Остерманъ, то онъ тотчасъ по прибытіи своемъ имѣлъ съ ними и съ его высочествомъ, нашимъ герцогомъ, непродолжительную конференцію, послѣ которой они сѣли за столъ. Его величество былъ въ отличномъ расположеніи духа, а Ла-Коста и капитанъ Бенцъ развеселили его еще болѣе, потому что постоянно спорили между собою и говорили другъ другу самыя жестокія слова. Онъ просидѣлъ. поэтому, за столомъ почти пять часовъ, въ продолженіе которыхъ сильно пили. При первыхъ семи или осьми тостахъ съ корабля нашего палили изъ пушекъ. Когда вино возъимѣло свое дѣйствіе, начались и Голландскія разгульныя пѣсни, такъ что сейчасъ можно было видѣть, что императоръ въ этотъ разъ только

затѣмъ и пріѣхалъ къ его высочеству, чтобъ повеселиться. Часовъ въ десять онъ простился и былъ очень милостивъ съ его высочествомъ, который не могъ нарадоваться, что государь и всѣ гости были такъ веселы и оживлены.

23. Утромъ оба принца пріѣзжали къ его высочству прощаться, потому что отправлялись съ императоромъ въ Петербургъ. Скоро послѣ того герцогъ самъ поѣхалъ проститься съ государемъ (который его и бывшую съ нимъ свиту угощалъ виномъ съ каплями) и отдать визитъ принцамъ, которыхъ въ тоже время хотѣлъ пригласить къ обѣду, потому что ждалъ въ этотъ день много гостей. Вечеромъ его высочество ужиналъ на кораблѣ Гордона съ императоромъ, Толстымъ и Остерманомъ; туда, хотя и поздно, пріѣхали также Гессенскіе принцы, но императоръ не обратилъ на нихъ вниманія. Вообще его величество, по причинѣ противнаго вѣтра, былъ что-то не веселъ. Къ ночи сдѣлался такой туманъ, что въ десяти шагахъ ничего нельзя было видѣть; поэтому императоръ, отправляясь назадъ, взялъ съ собою компасъ. Но мы блуждали почти цѣлый часъ, пока нашли свой корабль, который проискали бы, можетъ быть, еще долѣе, если бъ на крики наши не отвѣчали съ него и тѣмъ не указали намъ его мѣста.

24. Поутру мы увидѣли вдали нѣсколько кораблей, между которыми, по мнѣнію нашему, долженъ былъ находиться фрегатъ «Самсонъ», уѣхавшій съ Брюммеромъ; его высочество поэтому съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ приближенія. Во время обѣда кап.-ком. Бредаль прислалъ ему сказать, что «Самсонъ» идетъ. Показалась и шлюпка, которую императоръ послалъ съ своего корабля «Екатерина» къ этому фрегату для перевезенія къ себѣ курьера. Полк. Брюммеръ и ас. Сурландъ сѣли въ нее и отправились къ его величеству. Прочитавъ привезенныя ими письма, государь послалъ этихъ господъ съ кап. Бенцомъ къ его высочеству; но они должны были еще завезти къ Толстому и Остерману каб.-секр. Макарова. Всѣ мы немало удивились, когда увидѣли, что пріѣхалъ и асс. Сурландъ. Побывъ вмѣстѣ съ Штакме съ часъ у его высочества, господа эти съ нимъ же отправились къ Толстому и Остерману, гдѣ имѣли продолжительную конференцію, и возвратились тогда уже, когда мы сидѣли за столомъ. Хотя они привезли невполнѣ благопріятныя извѣстія, однакожъ видно было, что въ донесеніяхъ ихъ не заключалось и ничего дурного. О прибытіи фрегата тотчасъ узнали во всемъ городѣ, а потому оттуда скоро наѣхало къ его высочеству много жаждавшихъ услышать что-нибудь новое, между прочими полк. Штральборнъ, кап. Дальвигъ, состоявшій въ Голштинской службѣ, артилерійскій кап. Вильстеръ, кап.-ком. Бредаль и другіе. Императоръ поутру вышелъ было въ море съ

эскадрой, состоявшей изъ 6-ти кораблей, но по причинѣ совершеннаго затишья долженъ былъ, верстахъ въ двухъ отъ насъ, бросить опять якорь, хотя и отсалютовалъ великому адмиралу 13-ю выстрѣлами, на которые ему отвѣчено было 11-ю. Около 8-ми часовъ вечера всему флоту (за исключеніемъ эскадры изъ 9-ти кораблей, которая должна оставаться здѣсь) отдано было приказаніе приготовиться къ отплытію, чтобы слѣдовать за великимъ адмираломъ, чѣмъ его высочество былъ вовсе не доволенъ, потому что ему хотѣлось лучше еще нѣсколько времени пробыть здѣсь. Брюммеръ и Сурландъ разсказывали, что т-я с-ца Бассевичъ благополучно прибыла въ Стокгольмъ за два дня до ихъ отъѣзда. Полк. Брюммеръ, отправившійся отъ насъ 5-го Іюля, пріѣхалъ въ Стокгольмъ только 11-го и ужъ 15-го опять оставилъ его. Въ этотъ день нашъ красный широкій вымпелъ передней мачты былъ снятъ и снова поднятъ на задней мачтѣ, а красный флагъ замѣненъ синимъ, потому что мы теперь поступили въ синюю эскадру. Вице-адмиралъ Гордонъ также долженъ былъ снять свой вице-адмиральскій флагъ и поднять снова контръ-адмиральскій; потому что флотъ получилъ приказаніе отплыть въ неразрозненномъ составѣ, а въ такомъ случаѣ ему, Гордону, слѣдовало командовать опять только какъ контръ-адмиралу.

25. Рано утромъ посл. Штамке долженъ былъ опять ѣхать къ Остерману и Толстому, а въ 10 часовъ Остерманъ самъ пріѣхалъ къ его высочеству, и они съ часъ имѣли конференцію, которая потомъ вечеромъ, въ городѣ, опять возобновлялась и продолжалась столько же времени. Императоръ на разсвѣтѣ вышелъ на берегъ къ Марту (Mahrt), миляхъ въ трехъ отъ города, и думаютъ, что, если вѣтеръ не перемѣнится, онъ уѣдетъ впередъ сухимъ путемъ въ Петербургъ; въ противномъ же случаѣ будетъ поджидать флота въ Мартѣ. Мы узнали также въ этотъ день, что нашъ камерг. Шталь (пробывшій здѣсь около двухъ недѣль) только вчера отправился съ Лантингсгаузеномъ водою въ Любекъ. Всѣхъ насъ очень удивило, что онъ даже и не являлся на корабль къ его высочеству.

26. Въ 8 часовъ утра императоръ выѣхалъ изъ Марта, потому что вѣтеръ все еще не перемѣнялся. Около 9-ти часовъ Сурландъ долженъ былъ ѣхать въ городъ къ Толстому и Остерману, и всѣ думали, что его въ этотъ же день отправятъ опять въ Стокгольмъ. Въ полдень къ намъ на корабль явился одинъ молодой Каульбарсъ, который, говорятъ, желаетъ вступить въ службу его высочества и ищетъ мѣста каммеръ-юнкера. Герцогъ оставилъ его у себя обѣдать. Вечеромъ пріѣхалъ в.-ад. Сиверсъ и приглашалъ его высочество со всѣми нашими кавалерами на завтра послѣ обѣда на свой корабль, гдѣ на-

значено было праздновать воспоминаніе о побѣдѣ при Гангутѣ. Его высочество далъ ему обѣщаніе непремѣнно быть. Асс. Сурландъ получилъ сегодня отъ герцога всѣ нужныя инструкціи и завтра отправится въ путь.

27. Поутру данъ былъ сигналъ для всѣхъ лейтенантовъ, и послѣдовало приказаніе, чтобъ всѣ начальствующіе флотскіе офицеры Русской вѣры собрались въ церкви, въ городѣ, и чтобъ на всѣхъ корабляхъ приготовили по 9-ти выстрѣловъ и палили, какъ скоро великій адмиралъ дастъ свои 9 выстрѣловъ. Около 11-ти часовъ у его высочества былъ съ визитомъ в.-адм. Гордонъ. Послѣ полудня великій адмиралъ выѣхалъ изъ города, и такъ какъ у него на шлюпкѣ спереди вывѣшенъ былъ его бѣлый адмиральскій флагъ, то на всѣхъ корабляхъ, мимо которыхъ она проходила, барабаны били маршъ и люди стояли по бортамъ. Въ случаѣ же, если великій адмиралъ взойдетъ на какой-нибудь корабль, экипажъ долженъ прокричать трижды *ура*! Когда онъ прибылъ къ своему кораблю, который весь очень мило изукрашенъ былъ флагами, сперва раздались съ него 9 выстрѣловъ, а потомъ всѣ 24 военные корабли въ одно время выпалили свои 9-ть, что̀ произвело страшный шумъ и, при здѣшнемъ прекрасномъ эхо, походило на раскаты грома. Часовъ въ шесть его высочество отправился къ великому адмиралу, у котораго собралось большое общество. Изъ уваженія мы должны были сдѣлать большой объѣздъ, и когда подошли къ адмиральскому кораблю, для его высочества ударили маршъ и раздались звуки трубъ и литавръ. За столъ сѣли тотчасъ же. При провозглашеніи множества тостовъ палили изъ пушекъ. Великій адмиралъ, весьма преданный его высочеству, разсказывалъ много о Гангутскомъ сраженіи, которое было въ этотъ день въ 714 году и въ которомъ участвовали какъ императоръ, такъ и онъ самъ. День былъ очень жаркій, и Русскій флотъ взялъ въ плѣнъ кон.-адм. Эреншильда съ его кораблемъ. Императоръ произвелъ контръ-адмирала въ вице-адмиралы *), а всѣ офицеры получили золотыя медали на золотыхъ цѣпяхъ, съ которыми и явились на сегодняшнее торжество. Такъ какъ великій адмиралъ не хотѣлъ допустить, чтобъ герцогъ пилъ воду, то его высочество довольно сильно опьянѣлъ. При отъѣздѣ его не только опять били въ барабаны, но и салютовали еще 13-ю выстрѣлами. Зорю (die Retraite) стрѣляли уже послѣ. Возвратясь на корабль, мы застали еще тамъ нашего асс. Сурланда, получившаго недавно большой корабельный ботъ, на которомъ ему назначено переправиться

*) Эреншильдъ особенно пользовался уваженіемъ Петра Великаго за храбрость, оказанную имъ при Гангутѣ.

отсюда въ Гельзингфорсъ или другое какое-нибудь мѣсто, чтобы потомъ ѣхать сухимъ путемъ черезъ Финляндію въ Стокгольмъ. Хотя было очень темно и шелъ сильный дождь, однакожъ онъ все таки послѣ 12-ти часовъ долженъ былъ отправиться въ путь, потому что вѣтеръ былъ довольно хорошъ.

28. Вечеромъ его высочество вышелъ со всѣми нами на берегъ и ужиналъ за городомъ, въ саду гр. Дугласа. Къ ночи опять сдѣлался сильный туманъ, почему мы и въ этотъ разъ довольно долго плутали, пока нашли свой корабль.

29. Поутру, поданъ былъ сигналъ къ упражненію людей въ пушечной пальбѣ, которая, послѣ троекратнаго барабаннаго боя, началась часовъ въ девять и продолжалась около двухъ часовъ. Вечеромъ было угощеніе у принцевъ Гессенскихъ. Когда, въ 10 часовъ, Штамке и я собрались ѣхать на свой корабль, былъ такой сильный туманъ, что хоть глазъ выколи. Мы разъѣзжали до часу пополуночи и все таки не могли найти нашъ корабль, отъ котораго ушли слишкомъ на двѣ версты; напротивъ, три раза подходили къ кораблю «Св. Андрей», такъ что я наконецъ рѣшился взойти на него, чтобы попросить у капитана компаса, фонаря и штурмана, который бы зналъ гдѣ находится «Нептунъ». Но и все это ничего не помогло: мы принуждены были пристать къ кораблю «Фридрихштатъ», капитанъ котораго, Брандтъ, принялъ насъ очень вѣжливо и снабдилъ хорошими постелями. Спать легли мы ужъ послѣ 2-хъ часовъ ночи. Къ кораблю этому приставалъ еще вице-адмиралъ Гордонъ, потому что также не могъ найти своего; впрочемъ, послѣ новой попытки, ему таки удалось наконецъ отыскать его.

30. Въ 6 часовъ утра капитанъ ужъ разбудилъ насъ, потому что вѣтеръ поправился. Онъ показалъ намъ весь корабль, самый большой во флотѣ и замѣчательный по своему превосходному внутреннему устройству. Около 9-ти часовъ мы возвратились на свой корабль и обрадовали нашихъ людей, которые думали, что съ нами случилась бѣда. Мы узнали, что и его высочеству было не много лучше нашего: онъ также блуждалъ нѣсколько часовъ и попалъ наконецъ только на сторожевой корабль (Brandwache), т. е. самый крайній во флотѣ, такъ что, еслибъ проглядѣли его, легко могъ уйти въ открытое море и подвергнуться тѣмъ большой опасности. Тамъ пробылъ онъ довольно долго, и наконецъ только въ 3 часа утра пріѣхалъ на свой корабль. Часовъ въ десять подали сигналъ сниматься съ якорей и становиться подъ паруса, что̀ около 11-ти и было исполнено. Сдѣланныя прежде распоряженія были измѣнены: 10 кораблей отправились назадъ въ Кронслотъ, а въ Ревелѣ осталась только эскадра, которая находилась

тамъ и передъ тѣмъ. Вѣтеръ становился все слабѣе и слабѣе и наконецъ превратился въ противный, такъ что мы должны были стать на якоряхъ, что̀ и совершилось.

31. Около 5-ти часовъ утра, въ 9-ти миляхъ отъ Гохланда и въ 18-ти отъ Ревеля. Но когда, часамъ къ 9-ти, вѣтеръ началъ немного усиливаться и опять можно было кое-какъ лавировать, послѣдовалъ снова сигналъ сниматься съ якорей, и мы опять пустились въ море. Въ 12 часовъ ночи мы были прямо противъ Гохланда. Великій адмиралъ въ эту ночь, для отличія, имѣлъ позади своего корабля три большіе фонаря, адм. Михайловъ—два, в.-адм. Гордонъ—одинъ. Прочіе корабли не имѣли вовсе огня.

Августъ. 1. Въ 11 часовъ утра, мы опять стали на якорѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гохланда, противъ песчанаго острова Сомерöе, потому что вѣтеръ былъ черезчуръ неблагопріятенъ, а съ лавированіемъ при слабомъ вѣтрѣ, какъ извѣстно, далеко не уйдешь. Сомерöе есть то самое графство, которое Ла-Коста получилъ въ подарокъ отъ императора. Оно состоитъ все изъ камня и песку и не имѣетъ вовсе жителей.

2 и 3. Мы нѣсколько разъ снимались съ якоря и опять бросали его; дошли же только до Биркенъ-Эйланда, остававшагося отъ насъ влѣво, недалеко отъ Финскаго берега. Это довольно большая полоса земли, покрытая лѣсомъ.

4. Такъ какъ южный вѣтеръ перемѣнился на восточный, то въ 9 часовъ поданъ былъ сигналъ сниматься съ якорей, и мы тотчасъ послѣ того стали подъ паруса, подняли также всѣ позади кораблей флаги, потому что мимо насъ прошла купеческая флотилія и подняла свои, за что̀ великій адмиралъ со всѣми нами долженъ былъ отблагодарить ее. Въ 5 часовъ великій адмиралъ подалъ сигналъ остановиться, послѣ чего мы, въ три четверти шестого, бросили якорь и стали въ томъ же порядкѣ, какъ стояли прежде у Ревеля. Говорили, что яхта «Принцесса Анна», которая наканунѣ отправлена была впередъ въ Кронслотъ, воротилась опять къ флоту (стоявшему въ трехъ съ половиною миляхъ отъ Кронслота), въ ожиданіи какихъ либо приказаній относительно новыхъ эволюцій, и что императоръ также скоро пріѣдетъ.

5. Поутру въ 3 часа, опять поданъ былъ сигналъ сниматься съ якорей, и въ 4 часа мы отплыли. Приблизившись еще на 10 верстъ къ Кронслоту, мы снова бросили якорь. Спустя часъ послѣ того великій адмиралъ ужъ опять подалъ сигналъ къ отплытію. У Кронслота корабли проходили прямою линіею, одинъ за другимъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ имъ слѣдовало стоять въ гавани. Часовъ около семи мы

бросили якорь, и къ намъ на корабль пришелъ адм. Крюйсъ въ сопровожденіи в.-адм. Гордона и кап.-ком. Бредаля. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ съ корабля императора кап.-ком. Гослеръ, которому поручено было сказать нашему капитану, чтобы онъ потихоньку (?) перешелъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ Бредаль, потому что ему надобно было находиться ближе къ императору и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе къ Бредалю. Его высочество, желая поздравить императора съ благополучнымъ прибытіемъ флота, спросилъ у капитана, не на твердой ли землѣ его величество, и, узнавъ, что на твердой землѣ не только самъ государь, но и императрица съ обѣими принцессами, поспѣшилъ собраться и поѣхалъ тотчасъ же въ Кронслотъ съ Измайловымъ, Плате и со мною. Такъ какъ намъ сказали, что императорская фамилія у кн. Меншикова, то мы съ пристани, на которую вышли, отправились немедленно пѣшкомъ къ дому князя, но понапрасну, потому что не нашли тамъ никого и узнали, что императоръ ужъ опять уѣхалъ на свой корабль. Недалеко отъ этого дома мы встрѣтили князя съ его супругою и свояченицею, и онъ увѣрялъ, что императрица только что отправилась на свою квартиру; поэтому его высочество, не медля, пошелъ туда, пославъ впередъ бриг. Плате предъувѣдомить о себѣ. Но государыня была уже раздѣта, почему герцогъ имѣлъ счастіе видѣть только императорскихъ принцессъ. Старшая передала ему отъ имени ея величества привѣтствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ извиненіе, что она въ этотъ вечеръ не можетъ принять его. Разговоръ между ними продолжался болѣе получаса и доставилъ нашему доброму государю немало удовольствія. Мы застали здѣсь *Прусскаго* [1]) гр. Головкина, *Французскаго* [2]) Долгорукаго, г.-м. Румянцова (который уже послѣ нашего отплытія пріѣхалъ изъ Астрахани) и нѣкоторыхъ другихъ. Когда мы возвратились на свой корабль, люди наши были еще заняты работами по перемѣщенію его и по укрѣпленію якорей.

6. Его высочество хотѣлъ поутру ѣхать къ императору, но такъ какъ его величество долго оставался въ церкви (по случаю, какъ говорили, празднества въ память учрежденія Преображенскаго полка) и потомъ тотчасъ по возвращеніи на корабль кушалъ, то посѣщеніе это отложено было до послѣ-обѣденнаго времени. Вскорѣ послѣ обѣда къ намъ на корабль пріѣхалъ отъ императора кабинетный курьеръ Мельгуновъ, который только въ этотъ день утромъ прибылъ на фрегатѣ изъ Швеціи. Онъ привезъ его высочеству много писемъ и между прочимъ, какъ сказывали, недурное извѣстіе, а именно положительное

---

[1]) Т. е. бывшаго въ Пруссіи посланникомъ графа А. Г. Головкина.

[2]) Т. е. князя Василія Лукича, бывшаго посланникомъ во Франціи.

удостовѣреніе о согласіи и подписяхъ короля и королевы Шведскихъ касательно дарованія герцогу титула королевскаго высочества; увѣрялъ также, что дѣла его высочества идутъ все лучше и лучше. За это извѣстіе онъ получилъ 30 червонцевъ. Послѣ четырехъ часовъ, узнавъ, что императоръ уже всталъ, мы отправились на корабль «Екатерину», гдѣ нашли молодого Долгорукаго, Головкина, Румянцова и многихъ другихъ. Его высочество былъ принятъ императоромъ необыкновенно милостиво. Государь повелъ его въ свою каюту, и они нѣсколько времени говорили тамъ наединѣ. Послѣ того его величество самъ вручилъ контръ-адм. Дюффусу флагъ, который тотъ долженъ былъ поднять спереди на своей шлюпкѣ; слѣдовавшіе всѣмъ прочимъ флаги онъ приказалъ каждому получать отъ великаго адмирала. Князь Меншиковъ предложилъ его высочеству домъ для нашего помѣщенія.

7. Съ разсвѣтомъ, показалась шедшая изъ С.-Петербурга флотилія, которую составляли болѣе ста буеровъ и торншхоутовъ, и такъ какъ было извѣстно, что съ нею прійдетъ знаменитый ботъ (который еще при отцѣ императора приведенъ былъ изъ Англіи въ Архангельскъ, а оттуда перевезенъ въ Москву, и на которомъ его величество, въ молодости, впервыя разъѣзжалъ и пріохотился къ мореплаванію), и весь флотъ получилъ приказаніе, когда онъ будетъ проходить мимо, не только салютовать ему пушечною пальбою со всѣхъ кораблей, но и поднятіемъ всѣхъ корабельныхъ флаговъ: то всѣ приготовились къ этой встрѣчѣ. Часовъ въ десять всѣ находившіеся здѣсь 9 флагмановъ проѣхали на своихъ шлюпкахъ, по порядку, мимо нашего корабля, а именно сперва великій адмиралъ въ срединѣ между адм. Крюйсомъ и императоромъ, потомъ кн. (Меншиковъ), какъ старшій в.-адмиралъ, между Сиверсомъ и Гордономъ, наконецъ к.-адм. Зандеръ въ срединѣ между Сенявинымъ и Дюффусомъ. Великій адмиралъ имѣлъ императорскій флагъ, Крюйсъ—голубой, императоръ—красный адмиральскій, князь—бѣлый, Сиверсъ—голубой, Гордонъ—красный в.-адмиральскій, Зандеръ—бѣлый, Сенявинъ—голубой, Дюффусъ—красный к.-адмиральскій. Въ 11 часовъ проѣхали мимо насъ императорскія принцессы, и его высочество имѣлъ удовольствіе нѣсколько разъ раскланиваться съ ними съ своей палубы. Около 12-ти проѣхала императрица, а въ часъ самъ императоръ. Всѣ они собрались на кораблѣ «Фридрихсштатъ», гдѣ угощалъ кн. Меншиковъ, и пробыли тамъ почти до 3-хъ часовъ. Императрица отправилась оттуда опять на корабль императора, гдѣ провела и предшествовавшую ночь, а принцессы уѣхали въ городъ. Погода въ этотъ день была необыкновенно теплая, почему императоръ пріѣзжалъ къ князю въ одномъ канифасовомъ камзолѣ и съ надѣтымъ по верхъ его кортикомъ. Въ часъ пополудни флотилія буеровъ и торн-

шхоутовъ вошла въ гавань при пальбѣ изъ 23-хъ пушекъ съ большого бастіона; но маленькій ботъ остался въ одной верстѣ отъ гавани, на галіотѣ, на которомъ его привезли сюда изъ Петербурга, и думаютъ, что оттуда совершится церемонія присоединенія его къ флоту. Между тѣмъ еще поутру всѣ флагманы подняли на корабляхъ свои красные флаги. На «Фредемакерѣ» развѣвался флагъ в.-адмирала Сиверса, хотя онъ самъ, лично, останется у великаго адмирала; но Бенцъ повторялъ всѣ сигналы такъ, какъ бы въ присутствіи в.-адмирала, а в.-адмиралъ Вильстеръ долженъ былъ вчера отправиться въ Петербургъ, чтобъ покамѣстъ завѣдывать тамъ дѣлами Коллегіи. Послѣ обѣда подали сигналъ всѣмъ лейтенантамъ, которымъ сообщены были приказанія, какъ привѣтствовать маленькій ботъ. Въ то же время всѣмъ командовавшимъ офицерамъ объявили, что послѣ троекратнаго салютованія ботика всѣмъ флотомъ имъ дозволяется потомъ, во время питья и веселья, палить съ своихъ кораблей изъ пушекъ по собственному усмотрѣнію. Капитану предоставлялось число выстрѣловъ, равное половинѣ пушекъ его корабля, а флагманамъ равное полному количеству орудій тѣхъ кораблей, на которыхъ они находились, такъ что на нашемъ кораблѣ мы имѣли въ своемъ распоряженіи 105 выстрѣловъ, а именно 70 для контръ-адмирала и 35 для капитана. Въ этотъ день у его высочества обѣдалъ Англійскій пасторъ изъ Москвы, котораго милордъ (Дюффусъ?) привезъ съ собою и который теперь получаетъ мѣсто въ Петербургѣ.

8. Поутру, кораблямъ, стоявшимъ ближе всѣхъ къ болверку, приказано было повернуться на другую сторону, чтобы не безпокоить пальбою императрицу, которая, съ царскою фамиліею и со всѣми дамами, хотѣла смотрѣть на прохожденіе и встрѣчу ботика изъ особо устроенныхъ длинныхъ палатокъ. Но по причинѣ дурной погоды сомнѣвались, чтобъ въ этотъ день состоялось что-нибудь, хотя для предстоявшей церемоніи все было готово. Что касается до насъ, то мы желали, чтобъ она уже поскорѣе совершилась, потому что соскучились отъ неподвижнаго пребыванія на корабляхъ и съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія на твердую землю. Вскорѣ послѣ обѣда къ намъ на корабль пріѣхалъ лейтенантъ Мурозенъ (находящійся всегда при императорскомъ дворѣ), которому поручено было, отъ имени императрицы, передать его высочеству поклонъ и приглашеніе пожаловать къ ней въ 6 часовъ, что было и исполнено. Кавалеры императрицы встрѣтили герцога передъ маленькимъ деревяннымъ домикомъ императора, и его высочество нашелъ государя съ нѣсколькими кавалерами въ пріемной комнатѣ, куда тотчасъ вышла и императрица съ принцессами и придворными дамами. Она также приняла его очень мило-

стиво. Императоръ скоро ушелъ, но его высочество пробылъ у государыни съ часъ и потомъ отправился отъ нея съ визитомъ къ князю Меншикову, на корабль его «Фридрихсштатъ». Меня между тѣмъ онъ послалъ съ поклонами отъ своего имени къ вдовствующей царицѣ, къ герцогинѣ Мекленбургской и къ принцессѣ Прасковіи.

9. Поутру, его высочество приказалъ стороною разузнать, пріѣдутъ ли принцессы въ церковь, хотя и былъ почти увѣренъ, что нѣтъ, потому что погода была очень дождливая и вѣтряная. Получивъ извѣстіе, что онѣ тамъ не будутъ, онъ также остался дома. Въ этотъ день утромъ у великаго адмирала поднятъ былъ бѣлый флагъ съ чернымъ крестомъ, въ знакъ того, что на корабляхъ будетъ богослуженіе въ память покоренія города Нарвы (которая была взята 9-го Августа) и затѣмъ начнется пушечная пальба. Все это и было исполнено. Церемонія встрѣчи маленькаго бота, по причинѣ продолжавшагося дождя и дурной погоды, опять не могла состояться; но въ 4 часа послѣ обѣда коммандоръ Гослеръ пріѣхалъ съ императорскаго корабля къ герцогу и просилъ его пожаловать со всею свитою къ государю на корабль его «Екатерину». Его высочество, поэтому, тотчасъ же отправился туда со всѣми нами и нашелъ императора со всѣми находившимися тамъ вельможами уже за столомъ. Князь-кесарь занималъ первое мѣсто, сидя на большомъ желтомъ креслѣ и имѣя подлѣ себя обоихъ архіепископовъ, Псковскаго и Новгородскаго, и еще кого-то изъ членовъ Сунода. Я еще никогда не видалъ, чтобъ адмиралъ Крюйсъ долго оставался въ большомъ обществѣ, потому что онъ очень рано ложится спать; но на сей разъ онъ не уѣзжалъ до конца и сидѣлъ возлѣ императора съ лѣвой стороны. Иванъ Михайловичъ сидѣлъ возлѣ государя съ правой стороны, а его высочество между Иваномъ Михайловичемъ и кн. Меншиковымъ, который былъ необыкновенно любезенъ. За обѣдомъ провозглашено было нѣсколько тостовъ, сопровождавшихся пальбою изъ большихъ пушекъ корабля; изъ нихъ тостъ за здоровье князя-кесаря былъ, по счету, третій. Зоря давно уже была возвѣщена, когда общество разошлось; но, не смотря на то, при отъѣздѣ князя-кесаря сдѣлали еще 21 выстрѣлъ, и самъ императоръ проводилъ его до фалрепа*). Пить хотя особенно никого не принуждали, однакожъ многіе все-таки довольно сильно опьянѣли.

10. Была опять дурная, бурная и дождливая погода, и такъ какъ у его высочества, вслѣдствіе вчерашняго опьяненія, довольно сильно болѣла голова, то онъ былъ очень доволенъ, что могъ оставаться на кораблѣ.

---

*) Мѣста, гдѣ находится лѣстница для схода съ корабля.

11. Такъ какъ въ этотъ день была очень хорошая, тихая погода, то послѣдовало приказаніе изготовиться къ торжественной встрѣчѣ и пріему ботика. Около 8-ми часовъ к.-адмиралъ Дюффусъ отправился съ нашего корабля въ городъ съ своимъ флагомъ, а въ 9 всѣ девять флагмановъ, съ своими флагами, пріѣхали принять ботъ съ галіота, на которомъ онъ находился. Его высочество переѣхалъ на болверкъ, гдѣ поставлено было нѣсколько палатокъ для дамъ, которыя уже окружали императрицу и принцессъ. Тотчасъ послѣ 10-ти, по данному сигналу, раздался генеральный залпъ со всего флота, возвѣстившій о спускѣ ботика съ галіота на воду; онъ разразился въ воздухѣ подобно страшному грому и молніи, потому что въ теченіе одной минуты выпалено было изъ полуторы слишкомъ тысячи пушекъ. Вскорѣ послѣ того показалось нѣсколько флагмановъ (адмираловъ, сколько ихъ могло помѣститься въ немъ) съ ботикомъ, и когда онъ поровнялся съ кораблями, флаги и вымпела на нихъ были спущены отъ верхушки до самаго низу, въ знакъ величайшаго уваженія. Затѣмъ каждый корабль выпалилъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ. По окончаніи этой пальбы, ботикъ вдругъ разомъ весь украсился флагами, которыхъ, сверху до низу, показалось на немъ болѣе сотни, и такъ какъ потомъ всѣ корабли сдѣлали тоже самое, то видъ былъ очаровательный. Когда императоръ подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась императрица, она и всѣ бывшіе при ней дамы и кавалеры прокричали три раза *ура!* Съ ботика имъ тотчасъ же разомъ отвѣчали, а потомъ мы, по обыкновенію, снова закричали *ура*, когда онъ изъ своихъ трехъ маленькихъ пушекъ началъ палить такъ, какъ полагается для салюта флагманскихъ кораблей. При проѣздѣ мимо насъ, императоръ самъ грёбъ съ княземъ (Меншиковымъ), а великій адмиралъ правилъ рулемъ; послѣ же, на возвратномъ пути (который продолжался почти полтора часа, потому что крайніе корабли стояли очень далеко), они шли подъ парусами, и князь Меншиковъ стоялъ спереди, у фока. Ботикъ снаружи весь обитъ былъ мѣдью, чтобъ по ветхости своей, не могъ распасться. Какъ скоро онъ вошелъ въ гавань военныхъ кораблей, раздался не только въ третій разъ генеральный залпъ всего флота, но и началась пальба вокругъ крѣпости, со всѣхъ верковъ. Полагали, что вся канонада этого дня стоила императору отъ 10-ти до 12,000 рубл. По окончаніи ея, царская фамилія и всѣ присутствовавшіе стали разъѣзжаться по домамъ, и его высочество провелъ обѣихъ принцессъ къ шлюпкѣ. Когда императрица въ купеческой гавани (гдѣ собралось множество кораблей, шедшихъ частію въ Петербургъ, частію оттуда) садилась въ шлюпку, со всѣхъ этихъ кораблей вдругъ раздалось троекратное *ура*, и такъ какъ ея величество приказала своимъ гребцамъ

также прокричать имъ въ отвѣтъ одинъ разъ *ура*, то тѣ потомъ снова повторили свои возгласы. Къ 5-ти часамъ послѣ обѣда, всѣ находившіяся здѣсь чиновныя особы приглашены были собраться въ военной гавани, гдѣ, въ увеселительномъ домикѣ императора, положено было окончательно отпраздновать этотъ день. Его высочество также отправился туда около 6-ти часовъ и нашелъ тамъ императрицу съ прочими членами царскаго дома, но императоръ пріѣхалъ уже послѣ насъ. Ея величество, со всѣми дамами, пошла кушать въ домъ; государь же сѣлъ за столъ подъ открытымъ небомъ, въ длинной палаткѣ, и этотъ столъ, накрытый на сто приборовъ, былъ весь занятъ. Его высочеству пришлось сидѣть возлѣ императора съ лѣвой стороны, а адмиралу Крюйсу съ правой. Противъ его величества сидѣли оба Гессенскіе принца. Пиршество это продолжалось съ 6-ти часовъ послѣ обѣда до 4-хъ слишкомъ часовъ утра, и такъ какъ императоръ былъ расположенъ пить и нѣсколько разъ говорилъ, что тотъ бездѣльникъ, кто въ этотъ день не напьется съ нимъ пьянъ, то такъ страшно пили, какъ еще никогда и нигдѣ во все пребываніе наше въ Россіи. Не было пощады и дамамъ; однакожъ въ 12 часовъ ихъ уже отпустили домой. Государь былъ такъ милостивъ къ его высочеству, какъ мнѣ еще никогда не случалось видѣть: онъ безпрестанно его цѣловалъ, ласкалъ и трепалъ по плечу, нѣсколько разъ срывалъ съ него парикъ и цѣловалъ то въ затылокъ, то въ маковку, то въ лобъ, даже оттягивалъ ему нижнюю губу и цѣловалъ въ ротъ между зубами и губами, при чемъ на разъ твердилъ, что любитъ его отъ всего сердца и какъ свою собственную душу. Всѣ здѣшніе старые знатные господа были съ его высочествомъ также необыкновенно вѣжливы и почти ни минуты не оставляли его безъ поцѣлуевъ. Такъ какъ герцогъ въ этотъ день держалъ себя очень умѣренно и не участвовалъ въ особенныхъ тостахъ, то и выдержалъ съ нами до самаго конца, хотя не пилъ ни капли своего собственнаго вина и еще менѣе воды, потому что императоръ не хотѣлъ этого допустить и заставлялъ его постоянно пить только Бургонское и Венгерское. Когда я началъ увѣрять, что его высочество не въ состояніи болѣе пить, государь далъ мнѣ попробовать сперва легкаго Венгерскаго, а потомъ своего собственнаго, крѣпкаго, на которое обыкновенно бываетъ весьма скупъ. Зоря была пробита на корабляхъ, когда еще сидѣли за столомъ и пили, но никто не обратилъ не нее вниманія, и всѣ продолжали сидѣть за столомъ до 4-хъ часовъ; только тогда, когда императоръ всталъ и приказалъ часовымъ пропускать всѣхъ, кто захочетъ уѣхать, и его высочество отправился домой. При всеобщемъ опьяненіи, отъ котораго императоръ не избавилъ и Гессенскихъ принцевъ, между здѣшними

знатными господами произошло не только много брани, но и дракъ, въ особенности между адмираломъ Крюйсомъ и контръ-адмираломъ Зандеромъ, изъ которыхъ послѣдній получилъ такую затрещину (Maulschelle), что свалился подъ столъ и потерялъ съ головы парикъ.

12. Послѣ обѣда императорскія принцессы отправились на торншхоутѣ «Амстердамъ» впередъ въ С.-Петербургъ, и такъ какъ мы, прочіе, должны были сперва ѣхать отсюда въ Петергофъ и его высочеству очень хотѣлось уменьшить свою свиту, то бóльшей части нашихъ людей приказано было также заблаговременно отплыть въ столицу.

13. Поутру отданъ былъ приказъ, чтобы, какъ скоро великій адмиралъ спуститъ свой адмиральскій флагъ, и всѣ прочіе флагманы (исключая адмирала Крюйса и контръ-адмирала Сенявина, которые должны были командовать здѣсь флотомъ до возвращенія Сиверса изъ Петергофа и до вступленія кораблей въ гавань) спустили свои, а капитаны подняли опять свои вымпела, при чемъ съ каждаго корабля дать по 15-ти пушечныхъ выстрѣловъ. Все это было исполнено. Около 10-ти часовъ императоръ оставилъ свой корабль, который отсалютовалъ ему 11-ю выстрѣлами. Всѣмъ прочимъ флагманамъ, при отъѣздѣ ихъ съ своихъ кораблей, было также салютовано по чинамъ, а именно: великому адмиралу 13-ю, императору, какъ сказано, 11-ю, вице-адмираламъ 9-ю, контръ-адмираламъ 7-ю выстрѣлами, при чемъ люди становились по бортамъ и кричали *ура!* Вскорѣ послѣ 10-ти часовъ вся флотилія буеровъ выступила изъ гавани, и такъ какъ на ней находился также князь-кесарь, то съ гавани ему отсалютовали 33-мя выстрѣлами. Въ полдень офицеры обѣдали съ нами на кораблѣ, а капитанъ Бенцъ у его высочества герцога, который, одаривъ ихъ и корабельную прислугу, поѣхалъ въ шлюпкѣ къ нашимъ буерамъ. При отъѣздѣ нашемъ 5 разъ раздавалось *ура*, на которое мы изъ своей шлюпки отвѣчали три раза. Затѣмъ намъ было отсалютовано 13-ю выстрѣлами. Тотчасъ послѣ того мы услышали пальбу съ «Фредемакера», возвѣщавшую, что на немъ пили здоровье его высочества, какъ было обѣщано за обѣдомъ. Около половины второго мы съ своимъ торншхоутомъ и буеромъ подъѣхали къ Петергофу; но его высочество тотчасъ былъ приглашенъ къ князю-кесарю, къ которому и отправился. Тамъ онъ нашелъ многихъ вельможъ. Немедленно по прибытіи нашемъ якорь былъ поднятъ, и мы вошли въ прекрасный большой каналъ, протекающій прямо передъ дворцомъ. Каналъ этотъ занимаетъ въ длину полверсты и такъ широкъ, что въ немъ могутъ стоять рядомъ три буера. Императоръ самъ велъ въ него флотилію, и мы, пройдя половину канала, продолжали путь по одному изъ шлюзовъ. Всѣ суда, числомъ до 115-ти, выстроились потомъ по обѣимъ сторонамъ

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Съ предисловіями и примѣчаніями В. А. Бильбасова. Спб. 1902. бол. 8-ка. Томъ IV-й L, 673 и 2 нен. стр.; томъ V-й XXII и 743; томъ VI-й, XIV и 700 стр. (Цѣны не обозначены).

Въ 9-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" прошлаго года говорено о первыхъ трехъ томахъ этого великолѣпнаго изданія. Изъ вышедшихъ нынѣ томы IV и V заняты знаменитыми мнѣніями, которыя подавалъ графъ Н. С. Мордвиновъ въ царствованіе Александра Павловича. Эти мнѣнія долго ходили по рукамъ въ спискахъ и только теперь напечатаны въ точности, съ подлинниковъ, приведенныхъ въ порядокъ самимъ графомъ. Въ томѣ VI-мъ напечатаны разныя письма и бумаги о многихъ предметахъ. Тутъ впервыя издается записка Н. И. Тургенева о судебной реформѣ, доселѣ неизвѣстный рескриптъ Александра Павловича о духоборцахъ, духовное завѣщаніе декабриста Лунина. и др. Мнѣнія графа Мордвинова и доселѣ сохраняютъ поучительность для правительственныхъ дѣятелей. Большею частью они касаются до предметовъ внутренняго благоустройства. Графъ Мордвиновъ былъ противъ умноженія бумажныхъ денежныхъ цѣнностей, но стоялъ за серебряную монету. Пушкинъ писалъ графу Мордвинову:

Одинъ, на рамена подъявши мощно трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою.

Не видно, однако, чтобы Пушкинъ былъ знакомъ близко съ „новымъ Долгорукимъ" (какъ онъ называлъ его) или даже вхожъ къ нему въ домъ.

Наставникомъ графа Мордвинова былъ стихотворецъ Петровъ, другъ Потемкина. Отсюда и вслѣдствіе долгаго плаванія по морю широта его государственныхъ понятій.

Привлекательный образъ графа Н. С. Мордвинова сіяетъ намъ изъ глубины прошедшаго въ какомъ то холодномъ одиночествѣ. До глубочайшей старости не переставалъ онъ быть глашатаемъ правды, но правды нѣсколько отвлеченной.

Евгеній Щепкинъ. Русско-Австрійскій союзъ во время Семилѣтней войны 1746—1758 гг. Изслѣдованіе по даннымъ Вѣнскаго и Копенгагенскаго архивовъ. Цѣна 3 р. 50. к. Спб. 1902. Бол. 8-ка IX и 852 стр. съ картою Гросъ-Эгердорфскаго сраженія.

Большая книга эта представляетъ собою высокоцѣнный вкладъ въ исторію нашихъ внѣшнихъ сношеній за первую половину XVIII вѣка. Намъ кажется, что въ изложеніи сочинитель чрезъ мѣру обобщаетъ добытыя трудолюбіемъ его новыя показанія, а заглавіемъ книги неточно выразилъ ея содержаніе. Его выводы односторонни и, можетъ быть, навѣяны ему иноземнымъ пониманіемъ Русской международной жизни.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1903 года.

(Годъ 41-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1903 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.: годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1902** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

Годъ сорокъ первый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1903

4.

Приложеніе.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1903.

„Стороженко“. Фамильный Архивъ. Томъ первый. Кіевъ. 1902. 8° 512+XIV стр. 6 портретовъ.

Своевременно мы отмѣтили выходъ въ свѣтъ перваго выпуска Любецкаго Архива графа Милорадовича (Р. Архивъ 1898. 7); теперь считаемъ долгомъ привѣтствовать появленіе на свѣтъ другого Малороссійскаго Архива, именно Архива Стороженокъ. Архивы казенныхъ учрежденій показываютъ намъ наружную сторону, тогда какъ частные архивы знакомятъ съ душою, съ внутреннимъ *я*, Русскаго общества, знакомятъ съ мелкими проявленіями его будничной жизни.

Первый томъ Архива Стороженокъ содержитъ самый разнообразный матеріалъ. Здѣсь мы находимъ гетманскіе универсалы, рѣшенія судовъ о спорныхъ владѣніяхъ, купчія, реестры различнаго имущества, письма, стихи, раздѣльные акты, духовныя и, наконецъ, отрывки изъ воспоминаній Андрея Яковлевича Стороженко. Часть этихъ воспоминаній относится къ 1812—1815 гг.; но особенно интересны его впечатлѣнія, записанныя въ періодъ времени 1844 и 1845 гг., когда онъ былъ главнымъ директоромъ Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго.

Вотъ запись 1-го Февраля 1845 г.

„Самое слово исторія требуетъ обдуманной разборчивости въ употребленіи его. Мнѣ кажется, для нѣкоторыхъ эпохъ, для многихъ земель и народовъ приличнѣе будутъ хроники или поденныя записки, нежели поучительныя скрижали Кліо, заключающія въ себѣ философію исторіи. Хроники Литвы и Польши, вмѣстѣ или отдѣльно разсматриваемыя, не научая ничему, любопытны однакоже по нѣкоторымъ фактамъ. Притонъ Іезуитовъ въ Литвѣ, утвержденіе тамъ Римскаго исповѣданія со всѣми его продѣлками, есть Палладіумъ Іезуитизма. Пышные костелы, огромныя монастырскія имѣнія, уничтоженіе всего того, что̀ пришло съ Востока чрезъ Русь, даже самаго языка Русскаго—изумительны; а то, что Литовское шляхетство и средній классъ народа, отщепившись отъ Православія и Руссизма, привились въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ такъ безусловно къ Полякамъ и такъ тѣсно соединили судьбу свою съ Польшею—еще изумительнѣе не только намъ; но и самые Ягеллоны, возставши изъ мертвыхъ, конечно, не узнали бы своего племени или народа, среди коего родились; и если бы не визгъ голоса, подобный кошачьему, и не дикая прононціяція Литвиновъ, говорящихъ по-польски, то ихъ можно было бы почесть дѣйствительно Поляками. Литература, науки, поученія въ костелахъ, непріязненный духъ противъ Россіи, все это Польское, разительно противорѣчащее Статуту или правамъ, написаннымъ въ концѣ XVI столѣтія порусски, чего никто въ Литвѣ теперь даже не понимаетъ, и рѣдкіе знаютъ, что въ Вильнѣ, лѣтъ за 200 тому назадъ, было 30 церквей православныхъ.

Адамъ Чарторыжскій и Чацкій, подъ покровительствомъ и надзоромъ коихъ воспитывалось въ публичныхъ школахъ юношество Западныхъ гу-

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

1823-й годъ.

С.-Петербургъ, 19 Мая 1823.

Я не обѣдалъ у Л. . . ва и дома могъ только сѣсть за столъ въ 5 часовъ. Онъ никакъ не могъ понять, что занятія помѣшали *обѣдать съ министрами*. Онъ понимаетъ, что можно совсѣмъ не обѣдать, а не обѣдать съ министрами, когда есть случай, это для него непонятно. Насилу ему втолковалъ, что лучше прогулять такой обѣдъ, нежели должность. Угрожаетъ еще обѣдомъ для Воронцова; авось обойдется и безъ пира. Графъ ѣдитъ въ концѣ будущей недѣли. Вчера вечеромъ, полагая, что мнѣ не весело (въ чемъ не ошибся) пришелъ играть въ вистъ. Перетревожился, встрѣтя меня въ каретѣ часовъ въ девять съ женщиною, полагая, что это жена, а я отвезъ домой Багратіоншу, которая у насъ обѣдала и сегодня ѣдитъ на лѣто въ Ц. Село. Кромѣ графа были у насъ Бальшъ, Ломоносовъ, надѣющійся завтра отправиться въ путь, Бруновъ, Лазаревъ, Александровъ и Манычаръ. Не повѣришь, какая пустота. Билліардъ остался не освѣщеннымъ; поиграли въ вистъ, и я очень радъ былъ какъ добрался до своей кровати.

*

С.-Петербургъ, 22 Мая 1823.

Я все еще не могу привыкнуть безъ васъ [2]). Вчера цѣлый день вы вились около моего сердца. Ну ужъ, братъ, изрядно меня попилили! Кто не побывалъ въ продолженіе дня! [3]) Хотя я торжественно объявилъ, что не буду дома обѣдать, но мало кого удалось обмануть: явилось человѣкъ за тридцать, à leur tête Rehmann et Tourguéneff. У послѣдняго просилъ я письмо къ тебѣ Вяземскаго; обѣщалъ, но врядъ сдержитъ ли скоро слово. Послѣ обѣда поѣхалъ рыскать по имянинницамъ. Вечеромъ набралось еще болѣе, между прочимъ и милѣйшій Воронцовъ съ графинею, весь вечеръ у насъ просидѣли, составили десятирубле-

---

[1]) См. выше, стр. 289.

[2]) Первые четыре мѣсяца 1823 года А. Я. Булгаковъ съ семьею гостилъ у своего брата въ Петербургѣ. П. Б.

[3]) Т. е. дня именинъ К. Я. Булгакова.

вый à la guerre. Мы съ Матушевичемъ раздѣлили пулю.—Воронцовъ третьяго дня былъ въ Ц. Селѣ. Возвратясь прислалъ мнѣ поздно уже записку, которая всѣхъ насъ чрезвычайно обрадовала. Прилагаю ее при семъ. Костаки[1]) уже спалъ. Я не велѣлъ его будить, а вчера прочиталъ ему ее вмѣсто подарка имениннаго. Теперь вся его карьера зависитъ отъ него самого. Я бы душевно порадовался, если бъ Богъ привелъ со временемъ нашему Лицейскому Костѣ или Сашкѣ также счастливо начать службу. Поутру водилъ я Варлама къ графу съ благодареніемъ и узналъ отъ него, что Государь безъ малѣйшаго затрудненія согласился дать его ему адъютантомъ и перевести въ гвардію. Онъ будетъ, я думаю, въ лейбъ - гренадерскомъ полку. Графъ также выпросилъ себѣ Казначеева, коему предоставлено остаться полковымъ или быть переименованнымъ въ дѣйств. ст. совѣтника. Онъ избралъ, кажется, послѣднее и хорошо сдѣлалъ: по его здоровью, онъ не могъ бы служить въ военной службѣ и отнимать у другихъ ваканцію. Бруновъ и Марини назначены къ Воронцову, первый для Бессарабскихъ дѣлъ, а послѣдній для иностранной переписки. Всѣ трое въ восхищеніи, да и есть отъ чего: пріятнѣе начальника имѣть нельзя.

Съ Субботы на Воскресенье, сидя покойно на креслахъ, заснулъ вѣчнымъ сномъ нашъ добрый старикъ Гинрихсъ. Его жизнь кончилась отъ удара. Завтра хоронятъ, постараюсь ѣхать отдать послѣдній долгъ нашему учителю. Я радъ, что не взялъ у него Янки[2]), это бы могло его огорчить, а теперь ничто уже его не огорчаетъ; да я знаю, и вдова его не будетъ содержать пансіона.

*

С.-Петербургъ, 25 Мая 1823.

Вчера отправился Ломоносовъ[3]) прямо отъ меня; прощаясь рыдалъ и въ горѣ обнялъ Оленьку [4]), которую цѣлый вечеръ дразнили. Куда скучны прощанья! Видно, что Ломоносовъ немного еще путешествовалъ на сухомъ пути: ни уложиться, ни убрать ничего не умѣетъ и вѣрно бы растерялся дорогой, если бъ Климъ все не устроилъ.

Третьяго дня былъ у насъ вечеромъ Сперанской, долго сидѣлъ. Онъ пріѣзжалъ прощаться: ѣдетъ къ дочери въ Черниговъ, чуть не къ родинамъ ли[5]).

*

---

[1]) Варламъ, старшій братъ Марьи Констант. Булгаковой. Графъ М. С. Воронцовъ, назначенный Новороссійскимъ ген.-губернаторомъ, взялъ его на службу въ Одессу.

[2]) Это Иванъ Константиновичъ Варламъ, младшій шуринъ К. Я. Булгакова.

[3]) Товарищъ Пушкина по Лицею, Сергій Григорьевичъ Ломоносовъ († 1857) служилъ при посольствѣ въ Америкѣ и впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Нидерландахъ.

[4]) Шумлянскую, сводную сестру братьевъ Булгаковыхъ, дочь ихъ матери.

[5]) Елисавета Михаил. Багреева произвела дочь, впослѣдствіи княг. Кантакузенъ.

С.-Петербургъ, 1 Іюня 1823.

Три дня съ ряду обѣдалъ я у гр. Воронцова и сегодня у него обѣдать буду на прощальномъ обѣдѣ. Завтра рано ѣдетъ онъ въ свое Мурино [1]); возвратясь оттуда, позавтракаетъ и отправится въ Ц. Село, гдѣ намѣренъ дня съ два прожить и кончить много дѣлъ.

Графъ Кочубей писалъ мнѣ вчера, что онъ докладывалъ Государю о десятинахъ въ Бессарабіи для тестя, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе. Слава Богу, что это дѣло кончилось! Я не сожалѣю, что не ранѣе: иначе бы онъ ихъ давно убухалъ, а теперь Воронцовъ его не допуститъ продать. Сегодня вдругъ явился Бутягинъ изъ Вѣны. Зачѣмъ? Собирать какіе-то долги, а я думаю хлопотать объ арендѣ жены, надѣясь успѣть, при перемѣнѣ министра финансовъ, въ томъ, на что никакъ не согласился гр. Гурьевъ. Жена его осталась въ Вѣнѣ. У него, какъ обыкновенно, тьма проектовъ въ головѣ, но, я думаю, такъ и останутся.

Французы вошли въ Мадридъ 23-го, подробностей важныхъ нѣтъ; все, кажется, обошлось спокойно. Герцогъ долженъ былъ выѣхать на другой день. Теперь самая интересная минута. Дай Богъ, чтобъ скорѣе все тамъ кончилось и успокоилось! Великій князь Николай Павловичъ возвратился. Великая княгиня не очень здорова; говорятъ, отъ беременности.

*

С.-Петербургъ, 2 Іюня 1823.

Корсаковъ, видно, подлинно чудакъ (но не тѣмъ, что Наташа его фаворитка, я это очень понимаю и знаю ему даже соперника). Я бы перстенекъ взялъ, не для цѣны его, а для того, кому онъ принадлежалъ [2]), и жаль будетъ, если онъ попадетъ въ другія руки.

Сердечно мнѣ жаль Александру Петровну [3]). Никогда не питалъ я къ нимъ злобы въ сердцѣ моемъ, а досада давно прошла и, право, забылъ ихъ поступокъ. Ты бы къ ней поѣхалъ, мой милый другъ. Можетъ быть, ей нужно проститься съ своею совѣстью и съ самою собою. Если она опомнилась и чувствуетъ свою вину передъ нами и прахомъ батюшкинымъ, успокой ее: онъ вѣрно ей простилъ, а мы прощаемъ отъ всего сердца, хотя много имѣли мы отъ нея и сестры ея горькихъ минутъ!

*

[1]) Деревня подъ Петербургомъ; тамъ похоронена кормилица князя Воронцова и сестры его леди Екатерины Семеновны Пемброкъ.

[2]) Т. е. императрицѣ Екатеринѣ.

[3]) Колтовскую, дочь Петра Ивановича Булгакова. Она оспаривала право братьевъ Булгаковыхъ на имѣнія ихъ отца, Якова Ивановича (см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1902 года, въ письмахъ Александра Яковлевича).

С.-Петербургъ, 5 Іюня 1823.

Наконецъ третьяго дня вечеромъ пріѣхалъ нашъ другъ Американецъ *). Онъ два дня останавливался у старика гр. Палена и оттого опоздалъ. Излишнее тебѣ описывать, мой милый и любезнѣйшій другъ, сколько мы другъ другу обрадовались и сколько онъ сожалѣетъ, что васъ здѣсь не засталъ. Мы не можемъ наговориться. Слава Богу, что послѣ пятилѣтней разлуки допустилъ онъ намъ соединиться и если не навсегда, то кажется по крайней мѣрѣ надолго. Надѣюсь! Нельзя сказать, что Полетика перемѣнился; развѣ немного еще сталъ смуглѣе. Онъ увѣряетъ, что съ дороги. Сталъ сѣдѣе отъ времени, впрочемъ тотъ же добрый малый и оригиналъ, какъ мы его или, лучше сказать, онъ насъ въ Москвѣ оставилъ.

*

С.-Петербургъ, 8 Іюня 1823.

Воронцовъ третьяго дня отправился въ путь, хотѣлъ ночевать въ Гатчинѣ. Новаго у насъ ничего нѣтъ; только и толку, что о лотереѣ. Сегодня утромъ у насъ собраніе членовъ, чтобъ взять уже послѣднія мѣры и кончить всѣ дѣла. Слава Богу! Вчера Бобровъ намъ давалъ обѣдъ. Пили здоровье его превосходительства. Были только наши, Север., Мат., Полетика, Манычаръ, Фонтонъ, Медемъ, Строгоновъ и Полѣновъ. Обѣдъ былъ изрядный. Время сдѣлалось вдругъ холодное, послѣ такихъ жаровъ. Какъ не быть больными! Сюда пріѣхала жена господаря Гики, мы у нея были съ женою; она ей тетка, т. е. жена ея дяди. Была въ свое время прекрасная женщина.

*

С.-Петербургъ, 9 Іюня 1823.

Говорятъ, что Сперанской будетъ на мѣсто гр. Кочубея; я этому вѣрю. На биржѣ у насъ все устроено. Во Вторникъ обѣдаемъ ранѣе у Гурьева, потомъ всѣ вмѣстѣ поѣдемъ для открытія розыгрыша на биржу, гдѣ все сдадимъ гражданскому губернатору, думѣ, полиціи, депутатамъ и сами уже ни во что не будемъ мѣшаться. Слава Богу, что я отдѣлаюсь наконецъ отъ этихъ скучныхъ дѣлъ! Завтра поутру поѣду на биржу, чтобы все предварительно устроить.

*

С.-Петербургъ, 12 Іюня 1823.

Ну вотъ насталъ наконецъ день открытія лотереи, которой съ такимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали. Кто-то будетъ счастливѣе 107 т. человѣкъ! Между тѣмъ я доволенъ, что избавляюсь отъ комиссіи, сильно мнѣ надоѣвшей. Женѣ, сестрамъ устроилъ я мѣста на хорахъ, откуда

*) Т. е. Петръ Ивановичъ Полетика (1778—1849), позднѣе другъ А. О. Смирновой.

увидятъ онѣ все дѣйствіе, а самъ буду обѣдать у гр. Гурьева, откуда всѣ вмѣстѣ поѣдемъ на биржу, гдѣ приступимъ къ открытію. Вчера я туда ѣздилъ и все устроилъ такъ, что даже и видъ будетъ прекрасный. У насъ совершенно все готово. Завтра отправлю къ тебѣ печатный листокъ о сегодняшнихъ выигрышахъ, чтó буду продолжать во все время розыгрыша. Дай Богъ, чтобъ я тебѣ возвѣстилъ, если не Воротынецъ, то что нибудь порядочное. На все воля Божія!

Здѣсь совсѣмъ не слышу музыки, особливо съ тѣхъ поръ, чтò и у князя Салтыкова кончились концерты и, кажется, навсегда, говорятъ по совѣту братьевъ. Лучше бы другую экономію выдумали, а лишать человѣка единственнаго его удовольствія: воля ихъ, а я не могу этого понять. Почему бы кн. Сергію, при ужасномъ его богатствѣ, не помочь ему деньгами вмѣсто совѣта? Тогда бы и дѣла его не разстроились, и онъ, при слѣпотѣ свой, не былъ лишенъ единственнаго на свѣтѣ удовольствія. Охъ, братья! да дѣлаютъ не по братски.

Скажу тебѣ новую свадьбу. Если заставить тебя отгадать, то долго не отгадаешь. Манычару, съ коимъ я ѣздилъ на гулянье, далъ я эту задачу, но и домой пріѣхали, а онъ не могъ отгадать. Лашкаревъ женится на Свиньиной, приходилъ ко мнѣ и подъ *секретомъ* мнѣ объявилъ, потому что не все еще устроено. Каковъ! Онъ не очень былъ счастливъ съ тою женою, она была больна и капризна, какъ всѣ чахоточныя; такъ, видно, хочетъ опять попытать счастія; я бы на его мѣстѣ не пустился на второе плаванье.

Казначеевъ не опредѣленъ на мѣсто, которое тебѣ предлагалъ Воронцовъ. Онъ еще здѣсь, отправится черезъ мѣсяцъ въ Одессу и вѣроятно будетъ у него правителемъ канцеляріи.

Карамзинъ очень боленъ желчною горячкою. Третьяго дня мнѣ Реманъ сказывалъ, что онъ и Миллеръ были призваны и прибавилъ: «Il ne me plait pas, son visage a quelque chose de décomposé, et puis il y a un mouvement dans le ventre qui n'est pas bon». Жаль очень, если онъ не перенесетъ болѣзни. Вотъ записка Жуковскаго, полученная мною третьяго дня. Потеря для Россіи будетъ и для добрыхъ людей. Я его отмѣнно уважаю, хотя не очень коротко съ нимъ знакомъ. Притомъ же бы осталось большое семейство. Боже сохрани! Если до отхода почты узнаю что-нибудь, то тебя увѣдомлю. Тургеневъ, Блудовъ, да и всѣ его пріятели очень огорчены. Истинно будетъ жаль, но Богъ милостивъ.

*

С.-Петербургъ, 13 Іюня 1823.

Вчера наконецъ положено начало розыгрышу лотереи [1]). Теперь кто счастливъ, тотъ и можетъ доказать это на самомъ опытѣ. Утромъ былъ я у гр. Кочубея, который хотя еще и страждетъ отъ хирагры, но рѣшился быть при открытіи. Мы обѣдали рано у гр. Гурьева и всѣ вмѣстѣ поѣхали на биржу; къ намъ пристали Бломъ, Моденъ, Долгорукій, Рибопьеръ и пр. Вложили, какъ слѣдовало, по повѣркѣ, билеты въ колеса, и пошло верчѣнье. Первый номеръ (по счастію для того кому принадлежитъ) выигралъ 50 р. но премій 25 т. Прилагаю при семъ номерацію вышедшимъ номерамъ. Хорошо, что Воротынецъ не показался въ первый день, а то бы лотерея перестала занимать всѣхъ и сдѣлала бы многихъ скучными. Охъ, братъ, какъ посмотрѣть на кучу билетовъ, изъ коихъ пустыхъ около 164 т., то какъ-то и надежда очень опадаетъ. Вообрази, что тяжесть однихъ билетовъ, т. е. бумаги, составляетъ слишкомъ 10 пудовъ. Все шло очень порядочно, народу было столько, что булавки нельзя бы было проронить. Я жену съ эскортою послалъ, мѣсто у нихъ было прекрасное, они сидя все видѣли хорошо. Ce spectacle avait quelque chose d'imposant. Губернаторъ и оберъ-полицмейстеръ въ лентахъ, прочіе чиновники всѣ въ мундирахъ (кромѣ однакоже комиссіи), двѣнадцать мальчиковъ, одѣтыхъ почти какъ дѣти, Михайловскаго кастеляна и пр. и пр. Полицмейстеры провозглашали выходящіе номера и выигрыши, кои тотчасъ на телеграфѣ почти аршинными цифрами повторялись; а тутъ всѣ записываютъ, справляются, не выигралъ ли чего-нибудь. Къ тому же мысль, что занятія комиссіи кончены, все это очень меня веселило. Вчера успѣли только вынуть 80 номеровъ, да для перваго раза это и довольно. Много прошло времени на приготовленія.

Чего спекуляторы не выдумаютъ! Жидъ одинъ отдаетъ билетъ внаймы на день по пяти рублей. Если въ тотъ день билетъ выйдетъ, то весь выигрышъ принадлежитъ нанявшему оный; если же нѣтъ, то на другой день билетъ Жида. Каковъ! Билеты очень поднялись: сперва ихъ можно было, третьяго дня еще, купить за 35 р., вчера уже 40 р., а вечеромъ просили 45 р. Сегодня вѣрно по 50 р. Кто не торопился продавать, тотъ не будетъ въ убыткѣ.

Гр. Кочубей не ѣдетъ во Францію, а въ Крымъ и водою. Ему станетъ это путешествіе тысячъ сорокъ [2]), сухимъ же путемъ дочь нельзя везти.

*

---

[1]) Розыгрышъ села Воротынца, имѣнія графа Головина.

[2]) Передъ тѣмъ графъ (позднѣе князь) В. П. Кочубей чрезвычайно пріумножилъ свое состояніе, доходившее позднѣе до милліона годоваго дохода.

С.-Петербургъ, 15 Іюня 1823.

Богдановскаго я видѣлъ у Воронцова и видѣлъ славные его планы Донской земли, за которые пожалованъ ему орденъ Св. Анны 1-го класса. Воронцовъ его очень хвалитъ, а потому и не удивляюсь, что онъ его хочетъ имѣть у себя.

*

С.-Петербургъ, 16 Іюня 1823.

Вчера вышелъ Воротынецъ, и тѣмъ прекратились всѣ надежды, исчезли всѣ воздушные замки, мой милый и любезный другъ. Ты увидишь изъ записки Гельпиха, что досталось славное это имѣніе взявшимъ купоны десятирублевые. Счастливые еще неизвѣстны. Дай Богъ, чтобъ были люди достойные своего счастія. Я очень радъ, что выигрышъ не въ чужихъ краяхъ какому-нибудь достается, это бы было и мнѣ досадно; а теперь не досадую, хотя одною (неосновательною) надеждою менѣе. Конечно и мы бы сдѣлали хорошее употребленіе изъ выигрыша; но если Богу сіе не было угодно, то видно къ лучшему. Одинъ стотысячный премій выиграли два бѣдные конторщика, люди семейные и изъ коихъ одинъ былъ безъ мѣста послѣ банкрутства Бетлинга. Теперь лотерея теряетъ главную свою прелесть, хотя и есть еще порядочные выигрыши.

Говорятъ, Калерджи даетъ 3 милліона за имѣніе. Не будетъ въ убыткѣ, и вѣроятно получитъ, потому что гдѣ же пятерымъ дѣлить?

*

С.-Петербургъ, 19 Іюня 1823.

Вообрази, что билетъ выигравшій Воротынецъ принадлежалъ Юсуповой, и она его продала. То-то, я чаю, бѣсится!

*

С.-Петербургъ, 23 Іюня 1823.

Хитрова, Кутузова дочь, бывшая за Тизенгаузеномъ, здѣсь съ обоими своими дочерьми, изъ коихъ одна замужемъ за Австрійскимъ министромъ въ Неаполѣ Фикельмономъ*). Говорятъ, обѣ красавицы. Я ихъ видѣлъ тому лѣтъ девять, тогда уже онѣ очень были хороши. Здѣсь я ихъ еще не видѣлъ. Бутягинъ сказывалъ, что Татищевъ формально волочится въ Вѣнѣ за какою-то Полькою. Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро! Этотъ никогда не исправится. Про жену его также здѣсь слухи (entre nous), что за нею очень приволачивается гр. Апраксинъ кавалергардскій. Я ея это лѣто не видалъ.

*

*) Въ послѣдствіи Австрійскимъ у насъ посломъ.

С.-Петербургъ, 27 Іюня 1823.

Читалъ ли ты «Василекъ» нашего Лафонтена? Басня эта, кажется, напечатана въ «Сынѣ Отечества»; очень хороша. Крыловъ, будучи боленъ, императрица Марія Ѳеодоровна приняла въ немъ милостивое участіе, велѣла переѣхать ему для воздуха въ Павловское. Милости эти составляютъ сюжетъ басни.

Остатокъ кортесовъ увезъ король въ Кадиксъ. Въ Португаліи все кончено, король освобожденъ сыномъ своимъ, всѣ покорились ему кромѣ еще одного полка. Въ Гишпаніи также, кажется, недолго продолжится безпорядокъ; но дай Богъ, чтобъ скорѣе все кончилось!

*

С.-Петербургъ, 29 Іюня 1823.

Карамзинъ начинаетъ проѣзжаться въ каретѣ. Вчера былъ у меня Вяземскій. Я не нашелъ въ немъ прежней веселости, а онъ ея не находитъ болѣе въ Москвѣ. Понимаю, что обстоятельства и положеніе его вообще наносятъ ему грусть. Хотя нѣкоторымъ образомъ самъ виноватъ, но жаль его. Съ его умомъ и добрымъ сердцемъ могъ бы онъ быть полезенъ.

*

С.-Петербургъ, 30 Іюня 1823.

Воронцова Тиціана переносятъ на холстъ; очистя сзади до красокъ, видно, что Тиціанъ другую имѣлъ первоначально мысль. Христосъ лежалъ, а теперь сидитъ на колѣняхъ у Богоматери; вмѣсто Іоанна Крестителя были кусты, а возлѣ стоялъ Іосифъ, котораго теперь нѣтъ. Я просилъ Маршала, чтобъ онъ велѣлъ списать копію. Хочу послать къ Воронцову. Для него очень это будетъ любопытно, а уже какъ разъ переведется на холстъ, то все это на всегда закроется. До сихъ поръ идетъ очень удачливо. Бутягинъ также пустился покупать картины, въ коихъ толку не знаетъ.

*

С.-Петербургъ, 3 Іюля 1823.

О Воротынцѣ все тѣже слухи. Купоны въ Одессѣ; говорятъ, что три купилъ самъ Фурманъ, коему отъ кн. Юсуповой поручена была продажа. Да хорошо бы было и одинъ купонъ имѣть, да не судьба видно намъ богатѣть лотареями. И въ Вѣнской мы ничего не выиграли: имѣніе досталось въ Тріестѣ какому-то купцу. Между тѣмъ Жидокъ въ дуракахъ. Такъ какъ главные выигрыши скоро вышли, то никто у него билетовъ не нанимаетъ и даже не покупаетъ, хотя бы онъ сдѣлалъ уступку. Бѣда не велика, онъ на этой лотереѣ много выигралъ прежде покупкою и продажею билетовъ. Доливѣ пропишу рецептъ,

рѣдьку, въ которую я самъ очень вѣрую, ибо она или сокъ ея и меня вылѣчилъ въ Вѣнѣ, тогда когда доктора присудили къ дальнему путешествію.

Я уже не разъ думалъ о деньгахъ, но никакъ не придумаю здѣсь, гдѣ ихъ сыскать. Ни у кого нѣтъ, а у кого есть, никому не даютъ, даже подъ закладъ имѣній. Въ Москвѣ болѣе еще какъ-то вѣрятъ, нежели здѣсь. Когда Богъ насъ избавитъ отъ этихъ заботъ! Вотъ скоро и въ Кабинетъ надобно платить.

*

С.-Петербургъ, 4 Іюля 1823.

Воротынецъ достался: 1) купонъ купцу Верани въ Одессѣ. (Онъ женатъ на родственницѣ Митò). 2) Вдовѣ Тромпи, сестрѣ жены здѣшняго Гиделлы, что̀ на Невскомъ проспектѣ. 3) Шестидесятилѣтнему присяжному въ банковой конторѣ, человѣку одинокому, который вѣрно не болѣе имѣлъ 200 р. жалованья и который только желаетъ офицерскій чинъ. 4) Доктору, также шестидесятилѣтнему и одинокому. Онъ сбирается много сдѣлать полезныхъ заведеній и 5) Закревскому, Поляку, поселившемуся въ Одессѣ. Теперь-то пойдутъ зависти и анекдоты!

Я получилъ письмо отъ Воронцова, онъ теперь долженъ быть въ Одессѣ или Кишиневѣ. Говорятъ, что отецъ его очень доволенъ его назначеніемъ; да кто не раздѣляетъ его удовольствія? Вяземской отправляется, кажется, дня черезъ три въ Москву въ дилижансѣ. Обѣщаетъ пріѣхать осенью и тебя привезти. Услышь его Богъ!

*

С.-Петербургъ, 6 Іюля 1823.

Вчера я ѣздилъ прощаться къ графу Виктору Павловичу, у котораго очень долго сидѣлъ. Онъ отправляется 12-го. Говоря о Воронцовѣ, Государь ему сказалъ: «J'éspère beaucoup de bien de la nomination de Woronzoff. Il est grand amateur de tout ce qui est utile». Весьма справедливая и прекрасная похвала.

Маршалъ велѣлъ списать съ другой стороны Воронцова Тиціана; выходитъ совсѣмъ другая картина, видна первая мысль живописца. Это лучшее доказательство, что оригиналъ. Копію пошлю къ Воронцову. Ему вѣрно пріятно будетъ имѣть ее. Она сдѣлана масляными красками и на оборотѣ будетъ написано une espèce de procès verbal, подписанный Маршаломъ и свидѣтелями. Отправлю эту картину съ Костакіемъ, который сбирается во Вторникъ въ путь.

Всѣ ходятъ къ Тучкову мосту смотрѣть суда графа Кочубея. Надобно, чтобъ городъ чѣмъ-нибудь да занимался.

*

С.-Петербургъ, 7 Іюля 1823.

Я получилъ отъ старика Воронцова портретъ его сына, т. е. эстампъ съ портрета Лоренца. Гравировано очень хорошо, но не нахожу, чтобъ было очень похоже. Поставлю въ рамку, чтобъ сохранить. Портретъ, о коемъ тебѣ говорилъ, пришлю; а чей, не отгадаешь и головы себѣ не ломай.

*

С.-Петербургъ, 10 Іюля 1823.

Меня не удивляетъ пріѣздъ въ Москву княгини Куракиной. У нея недолгіе сборы тамъ гдѣ надобно помочь, утѣшить или раздѣлить горе, а тутъ еще рѣчь о братѣ [1]). Засвидѣтельствуй ей мое душевное почтеніе. Вяземскаго такая же почти причина привезла сюда. Карамзинъ былъ тогда очень плохъ, но онъ слава Богу нашелъ его лучше, и присутствіе его много послужило къ выздоровленію Николая Михайловича. Онъ ему чрезвычайно обрадовался. Теперь Вяземской опять у васъ.

*

С.-Петербургъ, 14 Іюля 1823.

Получилъ я премилое письмо отъ премилой Воронцовой. Она съ мужемъ разсталась до начала будущаго мѣсяца. Графъ теперь долженъ быть въ Одессѣ, куда давно уже отправляю ему всѣ пакеты. Государь сегодня въ Ораніенбаумѣ и, говорятъ, изволитъ быть на маневрахъ на флотѣ. О Киселевой исторіи [2]) много говорятъ. Всѣ ожидаютъ, чѣмъ для него кончится. Очень сожалѣю, но видно избѣжать нельзя ему было.

*

С.-Петербургъ, 17 Іюля 1823.

Въ Воскресенье представлялись Государю Убри, Полетика, Зассъ, Каменской. Послѣдній долженъ былъ сегодня отправиться въ Москву. Покрайней мѣрѣ, получа чинъ, не даромъ сюда пріѣзжалъ. Третьяго дня былъ у насъ съ женою и простился.

Костя [3]) насъ смѣшилъ, разсказывая посѣщеніе гр. Ефимовскаго, который здѣсь и пріѣхалъ къ сестрамъ.

Сегодня наконецъ послѣдній день лотереи. Voilà ce grand évènement aussi passé! Il a fait beaucoup parler de lui, il a fait du bien à peu de personnes, comme aussi du mal. Si j'étais au commencement de

---

[1]) Умиралъ въ Москвѣ братъ княгини Е. П. Куракиной, Петръ Петровичъ Нарышкинъ (почетный опекунъ, управлявшій Вдовьимъ домомъ).

[2]) Пав. Дм. Киселевъ (впослѣдствіи графъ), будучи начальникомъ штаба 2-й арміи, убилъ на поединкѣ бригаднаго генерала Мордвинова. См. подробности въ Запискахъ Н. В. Басаргина въ нашемъ сборникѣ „Девятнадцатый Вѣкъ" I, 75—79.

[3]) Учившійся въ Царскосельскомъ лицеѣ сынъ А. Я. Булгакова.

cette commission, j'aurais conseillé de ne pas faire des lots de 50 r.: car un gain pareil fait plus de peine que de plaisir et n'est nullement une compensation. Qui a une fois payé 50 r. les regardait comme perdus et n'y pensait plus. J'aurais commencé par des lots du 500 r., qui toujours valent la peine d'être gagnés, et puis la loterie aurait pû être tirée dans trois jours ou quatre. Peut-être irais-je ce soir voir la clôture et enterrer la sinagogue.

О Киселевой исторіи также много говорятъ. Неизвѣстно, еще чѣмъ для него кончится, но думаютъ, что онъ не останется на настоящемъ мѣстѣ.

*

С.-Петербургъ, 18 Іюля 1823.

Ломоносовъ мнѣ пишетъ. Онъ сбирался ѣхать въ Гишпанію, гдѣ будетъ временно при повѣренномъ въ дѣлахъ гр. Булгари. Отъ гр. Каподистріи я также получилъ письмо изъ Женевы самое дружеское. Онъ все еще не можетъ освободиться отъ желчи. Доктора его посылаютъ въ Пьемонтъ къ водамъ. Я тебѣ пришлю его письмо, какъ скоро напишу ему отвѣтъ. Онъ совсѣмъ не подаетъ надежды видѣть его скоро здѣсь. Письмо его печально.

Вчера кончилась наша лотерея. Я туда ѣздилъ и нашелъ залу набиѣтую и часть площади наполненную людьми, въ числѣ коихъ множество дамъ, пришедшихъ погребсти послѣднюю надежду. Картина, право, необыкновенная. Такъ какъ оставалось только 90 билетовъ, то въ полтора часа вся операція кончилась. Теперь остается намъ со всѣми расплатиться и сдать имѣнія, что̀ также не бездѣлица.

Реманъ переѣзжаетъ въ домъ гр. Кочубея, который очень его о семъ просилъ для Загряжской. Если графъ точно два года проживетъ въ Крыму, то у нашего пріятеля останется тысячъ десять въ карманѣ. Его квартиру хочетъ нанять Карамзинъ.

Говорятъ, Фр. актеръ Бурде съ ума сошелъ оттого, что не выигралъ Воротынецъ.

*

С.-Петербургъ, 20 Іюля 1823.

Вчера былъ я въ комиссіи гдѣ началась раздача денегъ счастливымъ билетамъ. Сто тысячъ получилъ одинъ изъ департаментовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ Стогъ директоромъ. Двое чиновниковъ, пришедшіе получать, имѣли лица весьма веселыя. Жена кучера императрицы Елисаветы Алексѣевны получила также 10 т. Я спросилъ, сама ли она взяла билетъ? Нѣтъ, батюшка, у меня есть мальчишка; онъ взялъ мнѣ билетъ въ лотереѣ, что̀ была въ Ломбардѣ,

и тамъ я выиграла серебряныя ложки, солонки, вилки прекрасныя; такъ я и подумала, авось и тутъ удастся, взяла съ собою мальчика, а онъ мнѣ вытащилъ билетъ этотъ. Богъ и тутъ его благословилъ. Множество явилось для полученія 50 р., но не съ веселыми рожами, а какъ будто съ досадою. Два раза въ недѣлю будетъ раздача, а мнѣ хлопоты. Калерджи, говорятъ, предлагаетъ за одинъ купонъ 250 т., за два 600 т., за четыре милліонъ, а за всѣ 1,250,000. Кажется, не быть ему помѣщикомъ Воротынца; это бы было взять даромъ. Между тѣмъ и для выигравшихъ не безъ заботъ будетъ. Гдѣ найти покупщика? Сами же не всѣ они имѣютъ право владѣнія, а на продажу законами положенъ срокъ одинъ годъ. Мы завели въ комиссіи книгу, гдѣ вписываемъ пожертвованія въ пользу мальчиковъ Воспитательнаго дома, которые вынимали билеты. Кучерова жена съ охотою дала 100 р., это одинъ процентъ. Хорошо, если бы всѣ послѣдовали ея примѣру, и у этихъ бѣдныхъ былъ бы порядочный капиталъ. Колеса отдали мы въ Приказъ храниться. Можетъ быть, когда-нибудь и пригодятся.

Графиня Шувалова, фрейлина*)вышла замужъ за Прусскаго офицера, адъютанта наслѣднаго принца. Свадьба была въ Павловскомъ. Наконецъ женихъ вздумалъ было попробовать Русскихъ бань, забрался на высшую полку и чуть было не умеръ, такъ что послѣ нѣсколько дней ему обмороки дѣлались. Да и есть отчего не съ привычки.

*

С.-Петербургъ, 24 Іюля 1823.

Былъ я въ Петергофѣ, и вотъ какимъ образомъ. Голицынъ было подзывалъ вмѣстѣ ѣхать, но признаюсь въ подобныхъ случаяхъ я люблю ни отъ кого не зависѣть, поѣхать, уѣхать когда самъ хочу, да и гулять, гдѣ хочу, а потому и сказалъ я ему, что я еще совсѣмъ не увѣренъ поѣду ли; впрочемъ это и правда: все зависѣло отъ погоды, а эта обѣщала быть прекрасною. Поутру рано ѣздилъ я къ Берду смотрѣть, какъ будутъ отправляться пароходы; при мнѣ ихъ штуки четыре отправилось, и каждый тащилъ одно судно также наполненное людьми. Тутъ я провелъ болѣе часа очень пріятно съ Сенявинымъ. Оттуда поѣхалъ къ обѣднѣ къ Николѣ Морскому, а тамъ къ Ламздорфу, у котораго часа съ три просидѣлъ; между тѣмъ жена ѣздила къ имянинницѣ Марьѣ Любимовнѣ. Я предложилъ женѣ серіозно ѣхать въ Петергофъ, она была очень рада, а какъ нѣтъ праздника безъ Манычара, то и послалъ я звать его обѣдать и ѣхать съ нами. Этотъ также, Костаки также, вотъ насъ четверо и было въ раскидной четвероместной

*) Дочь ген.-адъютанта Петра Андреевича Шувалова (отвозившаго Наполеона на островъ Эльбу), супруга Прусскаго графа Карла Шлиффена.

каретѣ. Сестры все еще будируютъ, обѣдали у Мартыновой. Сидя на балконѣ послѣ обѣда съ трубкою, отъ которой всегда рождаются хорошія мысли, глядѣлъ на живущихъ противъ меня Гановъ, кои грустно стояли у окошка. Ѣдете ли вы въ Петергофъ? Нѣтъ: нѣтъ ни лошадей, ни экипажа. Вотъ тутъ-то и пришла мнѣ богатая мысль дать имъ старую четырехмѣстную карету, четыре почтовыя лошади, но съ тѣмъ, чтобъ они взяли съ собою нашихъ трехъ школьниковъ. Aussitôt dit, aussitôt fait. Ганова жена запрыгала отъ радости, а наши дѣтки еще пуще, всѣ закричали, зашумѣли, между тѣмъ экипажи были готовы, и въ шесть часовъ пустились мы всѣ въ путь. Въ Стрѣльнѣ мы остановились, чтобы почиститься немного, а тамъ и далѣе, пріѣхали въ Петергофъ въ самое время, когда музыка гремѣла въ саду, въ маскарадныхъ залахъ и когда дворецъ окруженъ былъ тысячами людей. Множество нашли тутъ знакомыхъ, пошатались, потомъ зажгли иллюминацію, которая была прекраснѣйшая; мы пошли въ нижній садъ, тамъ долго ходили, сидѣли, смѣялись, гуляли съ Голицынымъ и Муравьевой, встрѣтили нѣсколько разъ линейки съ императорской фамиліею и, уставъ до крайности, во второмъ часу, отыскавъ тотчасъ карету, отправились въ Стрѣльну, гдѣ дали мы генделя Гану съ дѣтьми, которыхъ тамъ и нашли. Тотчасъ сѣли ужинать, что́ очень пріятно было между прочимъ Костѣ; подъѣхалъ Бальшъ съ Шилингомъ, провели съ часъ почти очень весело, а тамъ пустились всѣ домой.

Товарищи мои похохотали да начали дремать, а я съ трубкою весьма забавлялся множествомъ разнаго рода экипажей и пешеходовъ всякаго пола. Когда мы въ Петергофѣ пробирались къ своей каретѣ, то видѣли много женщинъ, дѣлающихъ свои туалеты или, лучше сказать, раздѣвающихся оныхъ до рубашки, особливо купчихи, мѣщанки никакъ не церемонились. Домой пріѣхали въ пятомъ часу. Я прилегъ часа на два, а томъ опять началъ заниматься почтами, пришедшими какъ нарочно въ тотъ день весьма рано.

*

С.-Петербургъ, 25 Іюля 1823.

Всѣ эти дни безпрестанный мимо насъ проѣздъ былъ изъ Петергофа, сегодня возвратились послѣдніе. Дворъ также оттуда выѣхалъ въ Павловское и Царское Село. Государя ожидаютъ сюда кушать. Вообрази, мой милый и любезный другъ, что Чернышова*) не только была во дворцѣ съ поздравленіями, но тамъ обѣдала, вечеромъ явилась въ маскарадъ и каталась въ линейкѣ. Куда и водяная дѣвалась! Она представила третью свою дочь. Изъ Берлина пріѣхалъ сюда кн. Антонъ Радзивилъ. Вчера получилъ я письмо отъ Воронцова изъ Екатерино-

*) Графиня Елисавета Петровна (ур. Квашнина-Самарина.

славля; онъ отправлялся въ Херсонъ. Пишетъ, что по извѣстіямъ изъ Крыма тамъ страшная засуха и явилась злодѣйская саранча, начало для него весьма непріятное.

Только и говорятъ теперь что объ отъѣздѣ Государя. Мы еще не имѣемъ никакихъ повелѣній, но это отъ того, что знаютъ нашу исправность и увѣрены, что мы все успѣемъ приготовить, какъ бы поздно ни приказали.

*

С.-Петербургъ, 27 Іюля 1823.

Шредеръ прислалъ мнѣ вторую часть Записокъ Монтолона. Прилагаю ихъ при семъ, мой милый и любезнѣйшій другъ; когда прочитаешь, то отправь прямо отъ себя къ Воронцову въ Одессу.

Новобрачная гр. Шувалова отправилась въ Берлинъ съ своимъ мужемъ. Не понимаю, какъ можно рѣшиться выдти за иностранца и на всегда разстаться съ своею родиною.

*

С.-Петербургъ, 31 Іюля 1823.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Воронцова отъ 21-го изъ Одессы. On m'a reçu avec une bonté et une confiance, dont je tâcherai de me rendre digne. Puissais-je réussir à faire du bien et à faire bénir de plus en plus dans ces contrées éloignées le nom de l'Empereur, qui a daigné m'envoyer ici et dont les vues et les intentions sont si paternelles. Des personnes qui savent que je ne suis pas ce qu'on appelle un courtisan, ne se doutent pas jusqu'à quel point l'idée de pouvoir contribuer à faire aimer l'Empereur par ses sujets d'ici est une idée qui me paraît séduisante et m'occupe. Съ такимъ желаніемъ, при его средствахъ, все пойдетъ хорошо. Онъ очень доволенъ Гурьевымъ, Комстадіусомъ и Екатеринославскимъ губернаторомъ. Черезъ нѣсколько дней сбирался въ Кишиневъ. J'ai trouvé ici à mon grand étonnement Léon Narichkine. Son mariage avec Olga paraît être décidé ou à peu près.

*

С.-Петербургъ, 4 Августа 1823.

Сегодня Государь будетъ на Каменной Островѣ, гдѣ останется до отъѣзда. У васъ пробудетъ, какъ слышно, ровно семь дней. То-то Москва возликуетъ! Стану теперь все готовить для путешествія и снаряжать Максимова для нужныхъ устройствъ впередъ.

Охъ бѣда, въ южныхъ губерніяхъ саранча, кромѣ Крыма, въ Екатеринославской, Херсонской губерніи и даже въ Бессарабіи все пожираетъ. Чекменевъ мнѣ сказывалъ, что ихъ департаментъ беретъ

уже мѣры для продовольствія сихъ губерній. Я слышалъ также, что въ Бѣлоруссія переводятъ нѣсколько милліоновъ на пособіе края.

*

С.-Петербургъ, 10 Августа 1823.

Парадъ, говорятъ, былъ безподобный; мнѣ жаль, что не удалось посмотрѣть на него; а еще болѣе жаль, что я бы не могъ этого сдѣлать какъ въ послѣдній разъ съ тобою. Государь, говорятъ, очень былъ доволенъ. Я слышалъ, что три флигель-адъютанта посылаются по Россіи съ порученіями, Мансуровъ, кн. Лобановъ и Дурновъ. Первому достается объѣхать часть Сибири. Съ Анрепомъ сдѣлался припадокъ бѣлой горячки, ѣхавши на дрожкахъ съ Шепингомъ. Ему однакоже лучше. Мнѣ подарилъ Полетика талеръ эксъ-императора Итурбида. Это рѣдкость. Его бывшее величество будетъ жить въ Италіи и получать 60 т. талеровъ въ годъ содержанія, можетъ быть его же собственной монеты*). Убри остается здѣсь управляющимъ Иностранною Коллегіею на время отсутствія гр. Несельрода. Указъ о назначеніи его министромъ въ Голандію также подписанъ. Родофиникину пожаловано 26 т. рублей.

Государь сегодня ѣдетъ въ Царское Село и оттуда прямо уже изволитъ начать свое путешествіе.

*

С.-Петербургъ, 11 Августа 1823.

Манычара опять услали на Ярославскій трактъ осмотрѣть дорогу, по которой поѣдетъ Государь, и такъ мы паки дней на десять разстались съ добрымъ этимъ человѣкомъ.

Вчера ѣздилъ съ женою на Елагинъ островъ, гдѣ былъ весь городъ, даже старухи Загряжская и Кутузова. Музыка была безподобнѣйшая, нѣсколько разныхъ партій играли то Россинія, то Паэзіелло, и всего лучше была молитва, живо мнѣ напомнила морскую нашу зорю. На адмиральскомъ кораблѣ всегда эту молитву играли. Нагулявшись досыта, все еще рано пріѣхали домой, хотя и темно было. На мѣсто Рибопьера кто? Уваровъ, который сохранитъ и мануфактурный департаментъ. Рибопьеру наслѣдовать будетъ трудно, и я не знаю, какъ Уваровъ справится, да и какъ станетъ у него времени. Слишкомъ много кажется захватываетъ; и та или другая часть, если не обѣ, должны пострадать, а у него еще и Академія. Я вчера его тамъ видѣлъ; увѣряетъ, что онъ узналъ о своемъ назначеніи только третьяго

*) Боецъ за независимость Мексики отъ Испаніи, провозгласившій себя Мексиканскимъ императоромъ Итурбидъ, поѣхалъ изъ Европы на родину и былъ тамъ разстрѣленъ 19 Іюля н. с. 1824 г.

дня вечеромъ, когда указъ былъ подписанъ, но я ему не вѣрю. Впрочемъ, дай Богъ, чтобъ дѣло шло хорошо. О Рибопьерѣ сожалѣютъ. Онъ просился совсѣмъ въ отставку и сбирается ѣхать въ Смоленскія деревни экономничать на нѣсколько лѣтъ. Онъ не нажился въ своемъ мѣстѣ, а живши въ столицѣ напротивъ разстроился, хочетъ поправить, переселясь со всѣмъ семействомъ въ деревню. Я уговаривалъ его послужить въ другомъ мѣстѣ; но онъ, показывая мнѣ трехъ дѣтей своихъ, отвѣчалъ: Voilà qui demandent ce sacrifice. На это и отвѣчать нечего. Говорятъ, что Дубенскій проситъ избавить его отъ департамента, коимъ онъ временно управляетъ послѣ Лавинскаго. Городъ коекого прочитъ въ директоры, между прочимъ Николая Тургенева. Этотъ бы очень хорошъ былъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ отправляется на сихъ дняхъ въ Брестъ-Литовскій. Говорятъ тоже и о Николаѣ Павловичѣ. Ожаровской туда же поѣдетъ.

*

С.-Петербургъ, 14 Августа 1828.

Признаюсь вамъ, мои милые и любезнѣйшіе друзья, описаніе происшествія Лёльки *) со собачкою очень меня встревожило. Долго ли до бѣды! Вотъ для этого-то и не люблю имѣть у себя собакъ, кошекъ, обезъянъ въ комнатахъ, да и нахожу, что и удовольствія отъ нихъ мало. Это надобно предоставить селибаторамъ, какъ Италинскій, которые не имѣютъ семейства, съ коимъ бы могли позабавиться и кои бываютъ часто одни. Слава Богу, что у васъ болѣе было испуга нежели бѣды, но я бы бибишку разжаловалъ въ дворовыя.

Чернышова все бодрѣе да бодрѣе становится. Третьяго дня у нея, какъ и всякое Воскресенье, танцовали, и она бодрствовала до двухъ часовъ; того и гляди, что сама пуститься прыгать.

Съ Костакіемъ послалъ я Воронцову картину его и Сашкинъ портретъ. Пускай мой бутузъ будетъ и въ Одессѣ. Закревской возвращается, послѣднее письмо Щатилова ему послано въ Красково. Онъ проѣдетъ прямо въ свои деревни, и Аграѳена Ѳедоровна изъ Италіи прямо сюда къ Октябрю мѣсяцу. Завтра ей отправляю 20 т. Слѣдовательно они не въ чужихъ краяхъ, а здѣсь съѣдутся. Пора ей возвратиться. У меня всѣ спрашиваютъ, да съѣдутся ли они? Иные уже думаютъ, что они совсѣмъ разлучились. Всѣ эти вздоры прекратятся, но только когда ихъ увидятъ здѣсь вмѣстѣ. Мало ли говорятъ вздоровъ!

Слышалъ, что Блудову пожалованъ орденъ св. Владимира 2 ст., чему я очень радъ. Съ Убріемъ я началъ уже свою работу по газе-

---

*) Младшая дочь А. Я. Булгакова, позднѣе княгиня Долгорукая.

тамъ. Въ Суботу у него обѣдалъ и познакомился съ его женою, которая очень мила. Видѣлъ напротивъ на балконѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ нѣкогда к. Александръ Борисовичъ, Потемкину, возвратившуюся изъ Италіи. Полетика отъ нея въ восхищеніи. Кстати о Потемкинѣ, вашъ Московскій богачъ, сильно, говорятъ, разстроился. Ему назначенъ опекуномъ нашъ Карнѣевъ, не знаю по его ли просьбѣ или иного. Онъ долженъ Беннеру за портреты Императорской фамиліи и не платитъ. Беннеру надобно отсюда ѣхать, денегъ нѣтъ, онъ писалъ письмо Государю и вчера мнѣ сказывалъ, что Государь велѣлъ написать Карнѣеву, что ему бы пріятно было, еслибъ удовлетворили скорѣе Беннера какъ иностранца. Егоръ постарается. Шатиловъ ѣдетъ въ Москву на время пребыванія Государя.

*

С.-Петербургъ, 15 Августа 1823.

Вѣрно, что всѣ мужики сбираются на Троицкую дорогу смотрѣть нашего ангельскаго Государя. Жаль, что губернаторъ мучаетъ ихъ работою по дорогамъ; но говорятъ, что по Ярославскому тракту почти проѣзда не было. Манычара туда послали осмотрѣть. Онъ все поправитъ. Хорошъ и исправникъ, которому обѣщаютъ 500 палокъ! А вѣдь онъ, кажется, выбирается изъ дворянъ. Что-то ваша полиція, съ какимъ духомъ ожидаетъ Государя? Я чаю, домъ генералъ-губернатора у нихъ какъ бѣльмо въ глазу.

Воронцовъ очень радъ ордену св. Екатерины. Я отъ него получилъ письмо еще изъ Кишинева, но онъ на другой день выѣхалъ въ Одессу. Пишетъ, что дѣла множество и минуты не имѣетъ свободной. Легко вѣрю. Вчера мы довольно весело провели вечеръ у к. Салтыкова. Этотъ Персіянинъ не похожъ на своихъ соотчичей: говоритъ по-французски изрядно, по-англійски хорошо и большой весельчакъ.

Завтра Государь выѣзжаетъ, а въ Пятницу великій князь Михаилъ Павловичъ прямо въ Брестъ-Литовскій, а оттуда возвратится въ Полангенъ, навстрѣчу къ невѣстѣ. Принимать ее ѣдетъ княгиня Александра Николаевна Волконская съ двумя фрейлинами. Также Ласунской и кн. Николай Долгорукой.

*

С.-Петербургъ, 17 Августа 1823.

На мѣсто Рибопьера Уваровъ. Послѣ этого, кажется, не захочешь извѣстной должности*). Надобно напередъ посмотрѣть, какъ онъ дѣла поведетъ и пріятно ли будетъ съ нимъ служить, какъ то было съ его предмѣстникомъ. Впрочемъ ваканціи еще нѣтъ, то успѣемъ осмотрѣться.

*) Въ это время Александръ Яковлевичъ Булгаковъ искалъ должности съ хорошимъ окладомъ.

Мнѣ сказывали, что Николаю Тургеневу пожаловано 1000 рублей пенсіи, чему я очень радъ. Шредеръ пишетъ отъ 31 Іюля (12 Авг.): Les affaires de la péninsule prennent une si bonne tournure que les factieux seront sous peu réduits à l'extrême. La soumission du Ballasteros, après la défaite totale de son corps d'armée, est un objêt très important, et le contrecoup s'en fera certainemant sentir à Cadix. Meira est enfermé dans Barcelone et Lobberas et Melan négocient. Les grands matadors n'existent donc plus dans la ligne ennemie et les faiseurs deviennent plus dociles. Personne assurement ne pouvait, à l'époque du passage de la Bidasson espérer d'en être là à la mi - Août. C'est encore un beau résultat dû à la fermeté de notre incomparable Empereur, car s'il n'avait pas toujours insisté sur la nécessité d'aller punir les coupables, la Françe seule n'aurait pas eû le courage de les attaquer. M-r Canning aurait épuisé toutes ses ressources pour les sontenir, et l'Europe entière aurait été menacée de nouveaux bouleversements. Lomonossoff a ecrit le 3 de Bayonne. Il doit être arrivé à Madrit le 7.

Точно, если Европа будетъ спокойна, то обязана она этимъ нашему Государю. Богъ его избралъ для сего.

Сейчасъ пришедшая иностранная почта привезла между прочимъ письмо къ Несельроду отъ Анстета въ моемъ кувертѣ, на которомъ была его записка: «nouvelles d'Espagne très importantes». Я повезъ письмо къ Несельроду. Анстетъ ему пишетъ, что получено телеграфическое извѣстіе изъ Мадрита, что 10-го Авг., Кортесы оставили Кадиксъ и въ немъ короля, отчего онъ сдѣлался свободнымъ и что военныя дѣйствія противу Кадикса прекращены. Вотъ еще важное извѣстіе, которое получено черезъ почту. Курьеръ отъ 12-го не могъ еще о семъ привезти увѣдомленія, ибо оно въ Парижѣ получено 14-го. Ну слава Богу и эта часть Европы успокоилась.

*

С.-Петербургъ, 18 Августа 1823.

Канкринъ третьяго дня ко мнѣ писалъ, что имѣетъ нужду со мною переговорить и просилъ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ, когда буду свободенъ. Долго переписывались, наконецъ согласились, что я къ нему буду сегодня утромъ. Vous sentez bien que je n'ai pas manqué au rendez-vous. Долго толковали о почтовой смѣтѣ, о расходахъ, доходахъ, о возможности и средствахъ ихъ умножить и пр. Кончивъ все это, спросилъ я его, перестаlъ ли онъ сердиться на Фаста? Онъ отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ не сердитъ, а что правда, что досадовалъ и теперь досадуетъ на Карпинскаго; mais je l'ai fait déplacer, et voilà

tout; quand à votre ami, je vous assûre que je ne suis *plus* dutout fâché contre lui.—Mais je crains qu'il ne vous soit resté une mauvaise impression sur son compte.—Aucune, absolument. Comment voulez vous que je pense mal de quelqu'un que je connais peu et sans raison. Je suis de sang-froid au service et je n'ai pas de préventions; si je lui ai lavé la tête, tout cela ne regarde que le service et pas l'individu.—Mais puis-je lui dire qu'il soit tranquille?—Parfaitement. Une fois Karpinsky éloigné, il faudra ***приняться за серебренниковъ*** qui sont des coquins; mais ce n'est pas une raison pour les chicaner comme le fesait cet homme. On a la manie de mettre en train de ces affaires-là, de leur donner une suite à n'en pas finir, aulieu de les arranger. Non, dites à votre ami qu'il soit tranquille. Такъ мы съ нимъ и разстались. Забылъ сказать, что онъ нѣсколько разъ мнѣ повторялъ, что Мечниковъ крѣпко стоитъ за Фаста. Перескажи все это Фасту, чтобъ мнѣ не вдвойнѣ писать. Я надѣюсь его успокоитъ. Онъ мнѣ пишетъ, что все это заварилъ какой-то Варгинъ черезъ Татищева и удивляется, какъ министръ меньше имѣлъ вѣры въ моихъ словахъ нежели къ тому, что̀ ему насказалъ Татищевъ. Сомнѣвается, дѣйствительно ли онъ хорошо ко мнѣ расположенъ. Мнѣ кажется, что *да*; но не думаю, что онъ-бы за меня повѣсился. Не удивляюсь также, если онъ болѣе вѣритъ Татищеву, чѣмъ мнѣ; но это еще бѣда не велика. Пусть онъ будетъ спокоенъ. Что̀ за нужда, кого болѣе любитъ Канкринъ, Татищева или меня, лишь бы впредь ему не вредилъ, а этого, надѣюсь, не будетъ. Карпинскаго сохранить на этомъ мѣстѣ трудно, и я полагаю даже невозможно; но Мечниковъ мнѣ сказалъ, что онъ его безъ мѣста не оставитъ. Такимъ образомъ все устроится.

Каковъ Рушковскій! Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ намекнулъ я ему о нашихъ хлопотахъ по долгамъ, что и теперь надобно бы заплатить въ Кабинетъ, да нечѣмъ. Вчера вдругъ получаю отъ него 10 т. «Permettez moi, mon cher protecteur, de mettre ci-joint à votre disposition 10 m. roubles en assignations. C'est tout ce que je possède en argent comptant, et il est à votre service. Je vous ai dit une fois que vous êtes plus solide que les banquiers des premières places de l'Europe et en le répétant, j'ajouterai que j'ai une intime conviction que si un cas extraordinaire survenait que j'en eus besoin d'argent et m'adressant à vous, vous m'en renvoirez de suite». Je vous assûre qu'il m'a touché. Теперь по крайней мѣрѣ будемъ спокойны насчетъ платежа Кабинету, которому тотчасъ внесу. То-то людей надобно узнавать не по наружности, а на самомъ дѣлѣ. Рушковскаго полагали скупымъ, а тутъ онъ тотчасъ рѣшился намъ помочь. Конечно онъ ничего не рискуетъ, но

все-таки другой бы не разстался такъ скоро съ деньгами или по крайней мѣрѣ ожидалъ-бы, чтобъ его просили, а онъ тотчасъ, получа письмо, и деньги послалъ. Я его благодарю сегодня, мой милый другъ, а ты устрой съ нимъ вексель, который надобно намъ ему дать и также самъ его поблагодари. Уфъ, все какъ-то легче!

*

С.-Петербургъ, 21 Августа 1823.

Бѣднаго Кампенгаузена вывалили въ ландо, и не знаю, переломилъ ли или вывихнулъ онъ себѣ руку, только придется ему полежать нѣсколько недѣль при величайшихъ мученіяхъ. Онъ послалъ, говорятъ, курьера къ Государю извѣстить его, что онъ въ совершенной невозможности управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Кого-то назначатъ? Я пророчу нашему князю[1]), что ему достанется, какъ уже это и было прежде.

*

С.-Петербургъ, 24 Августа 1823.

Кого-то назначатъ управлять министерствомъ, Сперанскаго [2]) или нашего князя? А третьяго, кажется, нѣтъ никого.

Кутузова дочь, Хитрова, таки уговорила меня взять на себя нѣсколько изъ ея дѣлъ, какъ то: принятіе и продажу пожалованныхъ ей въ Бессарабіи десятинъ. Не могъ отказать, помня милости ея отца. Ея племянникъ Толстой женатъ на Хитровой, дочери такъ называемаго Spectateur du Nord, старика-сенатора; она родила на сихъ дняхъ и такъ несчастливо, что мертваго ребенка должны были рѣзать и вынимать кусками. Годъ какъ замужемъ и премиленькая женщина. Слава Богу, что еще она жива осталась. Три акушера были призваны, и всѣ трое работали.

*

С.-Петербургъ, 24 Августа 1823.

Графъ Несельродъ, Северинъ и Матушевичъ вчера утромъ выѣхали въ Кіевъ, Бѣлую Церковь и Одессу. Первая встрѣча графа съ Государемъ будетъ въ Тульчинѣ. Манычаръ возвратился; говоритъ, что дорога славно поправлена, чѣмъ онъ меня очень утѣшилъ. По Ярославскому тракту большей части свиты должно было ѣхать на обывательскихъ лошадяхъ; при дурныхъ дорогахъ всѣ бы отстали, и была бы бѣда. Теперь уже, кажется, некуда его посылать. Рибопьеръ отправляется на сихъ дняхъ къ себѣ въ деревню.

*

С.-Петербургъ, 25 Августа 1823.

Ты пишешь: хорошо, если бы вдругъ упало тоже и тебѣ тысячь десятокъ десятинъ въ Бессарабіи. Я не люблю, мой милый и лю-

---

[1]) Т. е. князю А. Н. Голицыну.

[2]) К. Я. Булгаковъ не зналъ, что Александръ Павловичъ имѣлъ свои причины презирать Сперанскаго.

безный другъ, писать о дѣлахъ не совершенно конченныхъ, но послѣ твоего пожеланія пророческаго не могу умолчать; и такъ прошу слушать. За нѣсколько дней до отъѣзда Государя, толкуя съ Тургеневымъ (ибо безъ него не можетъ быть добраго дѣла) о Бессарабіи, сказалъ я ему, что хорошо бы и мнѣ тамъ достать землю. Зачѣмъ же дѣло стало, надобно просить.—Да какъ просить? Я о себѣ просить не умѣю. —Надобно просить князя. Тургеневъ вслѣдъ за тѣмъ сказалъ князю, что я имѣю къ нему нужду переговорить и намекнулъ ему въ чемъ дѣло. Двѣ недѣли (нѣтъ меньше, во Вторникъ будетъ двѣ недѣли) князь, пріѣхавъ въ департаментъ, самъ вызвался со мною говорить. Я ему, сколько умѣлъ, объяснилъ мое желаніе имѣть участокъ земли въ Бессарабіи, какъ памятникъ службы моей въ Молдавіи и на Букарестскомъ конгрессѣ. Онъ принялъ просьбу мою и милостиво, и горячо, велѣлъ мнѣ написать къ себѣ письмо и быть покойнымъ. Поцѣловалъ меня при увѣреніи въ искреннемъ участіи. Такъ мы съ нимъ и разстались. Письмо мнѣ сочинилъ Тургеневъ (самъ бы я, право, не нашелъ что сказать), кое-что я убавилъ и послалъ къ князю въ Царское Село. Передъ самымъ отъѣздомъ Государя, въ третьемъ часу утра, онъ съ нимъ работалъ, и тотчасъ написалъ мнѣ записку, которую при семъ прилагаю. Я забылъ сказать тебѣ, что князь меня спрашивалъ, сколько я желаю имѣть десятинъ? Ну ужъ я никакъ не могъ взять на себя опредѣлить сколько, а сказалъ, что всѣмъ буду доволенъ, чтó Государь по милости своей мнѣ назначитъ. Тургеневъ и тутъ не дремалъ, шепнулъ князю, что Фонтону дали 5000. Какъ скоро князь возвратился изъ Ц. Села, я поѣхалъ его благодарить и увидѣлъ съ удовольствіемъ, какъ ему самому это было пріятно. Государь принялъ весьма благосклонно мое желаніе, прочитавъ письмо къ князю, и тотчасъ согласился, но *сколько онъ желаетъ имѣть*? Князь сказалъ, что онъ отъ меня не могъ сего добиться. Государь приказалъ ему снестись съ Несельродомъ и назначить по ихъ усмотрѣнію, сообразно съ примѣрами другихъ, коимъ пожалованы земли.

Князь написалъ тотчасъ къ Несельроду. Какой отвѣтъ получилъ, увидишь при семъ въ копіи, также отвѣтъ князя графу и отношеніе б. Кампенгаузену. Всѣ сіи бумаги можешь у себя оставить, а письмо князя возврати: я его сберегу, какъ новое доказательство его ко мнѣ милости. Я не надѣюсь, чтобъ Государь далъ 10 т., ибо столько же пожаловалъ Несельроду; но все таки что нибудь да получу, а Бальшъ берется уже все устроить, все чтò нужно въ будущемъ моемъ имѣніи. Кампенгаузенъ долженъ поднести указъ къ подписанію. Ну, мой милый другъ, чтó ты скажешь о своемъ вдохновеніи? Тутъ видно, что оно отъ сердца. Братское твое желаніе дошло до Бога.

*

С.-Петербургъ, 5 Сентября 1823.

Мнѣ разсказывали смѣшной анекдотъ о графѣ Толстомъ. Его напугали въ Италіи разбойниками, такъ что долго онъ не рѣшался ѣхать въ Римъ. Ему натолковали, что воры, когда нападаютъ на путешественниковъ, то кричатъ имъ faccia in terra, а послѣ грабятъ. Въ дорогѣ видитъ онъ охотниковъ, идущихъ пѣшкомъ; перетрусился, выскочилъ изъ коляски, самъ началъ кричать faccia in terra и легъ на землю. Тѣ, полагая, что онъ разбойникъ, видно, были не храбрѣе его: тоже легли на землю. Вотъ всѣ и лежатъ. Итальянцы однакоже, слыша, что не стрѣляютъ и ихъ никто не грабитъ, встали и ну бѣжать; а графъ, полежавши немного, приподнялъ голову и также видитъ, что никого нѣтъ, только всѣ смѣются, всталъ и ну хвастать, какъ онъ даже разбойниковъ испугалъ. Во Флоренціи онъ давалъ балъ въ трактирѣ, гдѣ стоялъ, и прекрасныя гости всѣ къ нему подходятъ, хвалятъ балъ, а онъ по-французски учился на мѣдныя деньги, только имъ кланяется и повторяетъ: toujours, трактиръ. Много еще про него разсказываютъ проказъ. Накупилъ пропасть всякой дряни, картинъ, манускиптовъ и пр. Право, пора имъ возвратиться, а ему не быть посмѣшищемъ иностранцевъ. Какъ все это должно огорчать бѣднаго нашего Арсенія! Онъ чувствовалъ, что отъ сей поѣздки добра не будетъ. Онъ заслуживаетъ лучшей участи. Я увѣренъ, что жена его будетъ кобениться ѣхать въ Або. Безъ нея бы онъ былъ и покойнѣе, и счастливѣе. Ну что́ ему отъ этого богатства? Для одного было у него достаточно, могъ бы прожить благополучно, а теперь что́ далѣе, то предвижу ему болѣе заботъ и неудовольствій. Богъ да поможетъ ему ихъ перенести, а на этомъ свѣтѣ безъ нихъ нельзя. Бѣда, если они въ семьѣ! И съ сестрами не скоро сладишь, а съ женою еще пуще.

*

С.-Петербургъ, 7 Сентября 1823.

Скромная Наташа не хотѣла описать подробно разговоръ въ танцахъ, а я тебѣ очень благодаренъ за сіи подробности, весьма меня интересующія и чрезвычайно для меня пріятныя. Поздравляю милую Наташу. Я чувствую, какъ ей должно быть пріятно, что ее замѣтилъ Государь и такъ милостиво съ нею обошелся. Видно, серіозное есть намѣреніе въ Москвѣ провести годъ *). Изволь-ка, сударыня, готовиться пѣть, а вы всѣ наслаждаться присутствіемъ ангельскаго Государя и всего двора. Петербургъ осиротѣетъ, но я утѣшаюсь за васъ.

*

*) Это намѣреніе не состоялось, какъ и многія другія благія намѣренія Александра Павловича.

С.-Петербургъ, 12 Сентября 1823.

Кампенгаузена таки не могли спасти: онъ вчера въ пять часовъ пополудни умеръ отъ усилившагося Антонова огня. Реманъ отъ него ко мнѣ пріѣхалъ и увѣряетъ, что даже ежелибъ тотчасъ у него отняли руку, когда онъ ушибся и когда еще не было къ тому побудительной причины, то и тутъ врядъ бы его могли спасти, а послѣднее время онъ бы и операціи не перенесъ: подъ ножемъ бы умеръ. Жаль его! Многіе его не любили; онъ точно имѣлъ странности, но былъ человѣкъ честнѣйшій и государственный. Кто-то будетъ на двухъ его мѣстахъ? Послѣ него осталась жена, а дѣтей нѣтъ.

Вчера оставилъ я тебя, чтобъ идти къ князю въ департаментъ, мой милый и любезнѣшій другъ. Между прочимъ говорилъ онъ мнѣ о десятинахъ. Возвращая докладную записку, Государь ему писалъ: «Ты знаешь, сколько я люблю Булгакова и сколько я доволенъ его службою; но опредѣленіе 10 т. по его чину полагаю невозможнымъ» (или неудобнымъ, не помню) и точно по тѣмъ причинамъ, кои я тебѣ описывалъ въ одномъ изъ моихъ писемъ. Ce serait ouvrir une nouvelle porte, et que donnerait ensuite l'Empereur aux généraux qui ont fait la guerre de ce pays? Aux veuves et aux enfants de ceux qui y ont perdu la vie? Я, право, былъ всегда этого мнѣнія, что Несельродъ слишкомъ много предложилъ. Князь меня увѣрилъ, что онъ все-таки писалъ еще разъ Государю; я его благодарилъ, но нахожу, что это напрасно. Если Государю угодно, то онъ можетъ всегда вознаградить это другимъ чѣмъ; да впрочемъ и въ семъ не вижу нужды, ибо полагаю пожалованный участокъ весьма достаточнымъ и благодарю Бога за него.

*

С.-Петербургъ, 14 Сентября 1823.

Только и говорили всѣ эти дни о смерти Кампенгаузена. Онъ сдѣлалъ завѣщаніе, призвалъ священника и послѣ уже не былъ почти въ памяти. Бѣдный Анрепъ, послѣ случившейся съ нимъ бѣлой горячки, все хуже да хуже. Его братъ былъ у меня просить почталіона, проводить ихъ до Дерпта, куда онъ его везетъ. Я читалъ во Фр. газетахъ, что Roger Damas умеръ. Объ немъ давно не слышно было, а въ свое время много дѣлалъ шума, особливо между женщинами. Я думаю, онъ чахоткою умеръ. Старые знакомые понемногу всѣ убираются. Здѣсь есть одинъ старичекъ, котораго мы всѣ зовемъ тёскою. Онъ лѣтъ двадцать всякой день обѣдаетъ у Николая Дмитріевича. Третьяго дня также у него былъ, въ восемь часовъ пошелъ домой, по обыкновенію выпилъ стаканъ легкаго пунша, закурилъ трубку; между тѣмъ жена его легла и съ нимъ разговариваетъ; наконецъ, говоритъ

ему, что пора спать, онъ не отвѣчаетъ на нѣсколько вопросовъ. Она подошла къ нему и находитъ его сидящаго на креслахъ съ трубкою, но безъ жизни. Ничто уже не могло его воскресить. Онъ имѣлъ предчувствіе, что умретъ внезапно и потому всегда носилъ на себѣ записку, въ которой означилъ, кто онъ, гдѣ живетъ, и просилъ, если Богу угодно послать ему смерть на улицѣ, то чтобъ отнесли его домой. Я его встрѣтилъ въ тотъ день, шелъ старичекъ съ палочкою и казался бодръ. Давно его не видали такъ веселаго, какъ за послѣднимъ обѣдомъ у Жунковскаго.

Кампенгаузенъ въ послѣдніе часы все бредилъ, разстрѣливалъ Жидовъ и ихъ ругалъ. Реманъ говоритъ, что хотя тутъ не до смѣха было, но нельзя было удержаться, какъ онъ дѣлалъ пифъ, пафъ, voilà ces coquins de contrebandiers par terre.

*

С.-Петербургъ, 15 Сентября 1823.

Когда Меншиковъ уѣзжалъ отсюда, то видно было, что если и воротится сюда, то не желаетъ занимать прежняго своего мѣста[1]). Онъ точно часто не здоровъ, а оно требуетъ безпрестаннаго занятія. Я не согласенъ съ нимъ въ мнѣніи, что Закревскій не приметъ генералъ-губернаторства; я полагаю противное. Чѣмъ ему отговориться? Да и зачѣмъ? Вѣдь это повышеніе, мѣсто важное, почетное, довѣренное и независимое. Если для того, что языковъ не знаетъ? Государю сіе извѣстно и если онъ призналъ его способнымъ, то неловко, кажется, отказываться. Одно развѣ, здоровье его плохо, а климатъ тамъ дуренъ; но и тутъ онъ долженъ испытать на мѣстѣ, можетъ ли перенесть. Я увѣренъ, что онъ приметъ и хорошо сдѣлаетъ. Вотъ женѣ его не весело будетъ въ Або или въ Ельзингфорсѣ, но не все же и веселиться: довольно погуляла. Я бъ желалъ знать, что́ Государь говорилъ съ кн. Никитою о кн. Петрѣ[2]). Увидимъ, что-то онъ изъ Парижа напишетъ, будетъ ли въ семъ году сюда или нѣтъ. Черта Государя съ Балашовымъ меня не удивляетъ, а восхищаетъ. Отъ Ангела какъ не ожидать всего, что̀ утѣшить можетъ? Кривцовъ [3]) всегда ходитъ съ палочкою, ему нужно ею подпираться, а бить смотрителей не нужно; да я сему не вѣрю: это на него не походитъ.

Дм. Льв. Нарышкинъ взялъ у меня почталіона и послалъ его вчера въ Полангенъ на встрѣчу къ Марьѣ Антоновнѣ. Между тѣмъ отдѣлываетъ домъ, убираетъ его и обѣщаетъ балы и маскарады. Ты,

---

[1]) Въ Военномъ Министерствѣ.

[2]) Т. е. съ княземъ Никитою Григорьевичемъ Волконскимъ о зятѣ его князѣ Петрѣ Михаиловичѣ Волконскомъ.

[3]) Николай Ивановичъ, ходившій съ искусственною ногою.

кажется, видѣлъ его залу; лучшая въ городѣ. Фонтоны и к. Багратіонова совсѣмъ переѣхали изъ Ц. Села. Видѣлъ я бюстъ Торвальдсена. Государь очень похожъ, такъ что меня твой пріятель Фортини соблазнилъ обѣщаніемъ сдѣлать точно такой изъ мрамора же, я ему уже заказалъ, а онъ уже и началъ. Дорогонько, да нечего дѣлать: надобно, чтобы въ нашемъ родѣ осталось навсегда изображеніе нашего Ангела. Ходили мы также съ Манычаромъ и Фонтономъ смотрѣть картины Кипренскаго. Главная его картина, кажется, гробница Анакреона, большая дрянь. Портретъ Авдулиной очень хорошъ, только слишкомъ уже занимался онъ подробностями: на бровяхъ всякой волосокъ виденъ. Также не дуренъ портретъ Итальянской крестьянки, только я принялъ ее за Цыганку. Что̀ прекрасно, это портретъ, карандашемъ написанный, Италинскаго. Съ этого постараюсь имѣть копію. Vréiément chose, Dié est mon témoin, очень хорошъ и похожъ. Воронцова Тиціанъ будетъ безподобный. На немъ былъ каретный лакъ, котораго часть Бріоски уже снялъ; теперь онъ на холстѣ. Бріоскіева картина на манеръ Рафаелевыхъ Богородицъ также очень хороша. Онъ ее писалъ для своего благодѣтеля въ Италіи и хочетъ ему сдѣлать сюрпризъ; только я думаю, она останется въ Эрмитажѣ. Воронцовъ пишетъ изъ Одессы отъ 7-го числа, что ѣздилъ, за 90 верстъ, за женою и дочерью и привезъ ихъ благополучно въ Одессу здоровыхъ и веселыхъ. Контролеръ адмиралтейства, который тоже упалъ съ дрожекъ и ушибся (кажется, Наумовъ) также умеръ. Назаровъ сказывалъ, что Кампенгаузенъ отказалъ свою библіотеку графу Аракчееву.

*

С.-Петербургъ, 19 Сентября 1823.

Сейчасъ съ похоронъ Кампенгаузена, которые долго продолжались. Я усталъ, поздно, но не хочу отпустить почты безъ письма къ тебѣ, мой милый и любезнѣйшій другъ: это бы было противно и чувствамъ моимъ и привычкѣ. Много очень было на похоронахъ членовъ Совѣта, сенаторовъ и пр. пр. Пасторъ Рейнботъ говорилъ надгробную рѣчь сперва по-нѣмецки, потомъ по-русски и очень хорошо. Отпѣвали (или лучше сказать церемонія была, ибо у нихъ послѣ проповѣди благословятъ гробъ, да и кончено) въ той же церкви, гдѣ отпѣвали Керестурія. Я ѣздилъ съ Тургеневымъ, который нашелъ, что все хорошо, только не было завтрака.

*

С.-Петербургъ, 21 Сентября 1823.

Гр. Кочубей мнѣ пишетъ изъ Черкасска, что онъ туда прибылъ, après mille et mille tribulations. Nous touchons au terme de notre entreprise, sans contredit, la plus difficile, que l'on pouvait faire. Je ne fe-

rai pour le moment qu'une courte apparition à Théodocie, comptant me rendre de suite à Odessa et me trouver à Вознесенскъ pendant le séjour de S. M. I., т. е. къ 11-му Октября. Татищева вдругъ собралась и поѣхала въ Каменецъ-Подольскій, гдѣ надѣется встрѣтиться съ мужемъ. Всѣхъ удивила. Дочь поѣхала съ нею. Вотъ что мнѣ добрый Воронцовъ пишетъ о десятинахъ: «Pour mieux arranger cette affaire, j'enverrai votre beau-frère en même temps et avec l'homme de Nesselrode voir et choisir quelques terres qu'on dit remarquables. Il ne faut pas perdre de temps, et rien n'est plus juste que de laisser choisir ceux qui s'offrent les premiers pour le faire. Plustard je ne pourrais vous délivrer que des terres que d'autres auront refusé. Votre beau-frère choisira pour vous et votre beau-père sans préjudice ce que j'espère que l'Empereur donnera encore en sus à votre beau-père en toute justice. L'homme de Nesselrode sera utile à votre beau frère par ses connaissances, et Varlaam lui sera utile par les rapports avec Karnilowich et les autorités du pays. Tous y gagneront». Спасибо ему, такимъ образомъ надѣюсь имѣть хорошую землю.

У Голицыныхъ играли очень хорошо, а послѣ прыгали у Строгановой до пятаго часа. Спасибо женѣ, что она до конца не осталась. Мы въ тотъ день съ Манычаромъ и Яновскимъ слушали музыку у Далоки. Сегодня именинникъ также кн. Дмитрій Никол. Салтыковъ, надобно ѣхать его поздравить. Вчера мы были у Лашкаревыхъ. Они наняли себѣ очень чистенькій деревянный домикъ въ Коломнѣ, близъ Аларчина моста. Она, мнѣ кажется, бѣлится. Его теперь рѣдко видно у насъ. Бутеневъ также женится въ Ревелѣ на Шевичевой, ждутъ его сюда съ молодою женкою. Одинъ нашъ Полетика еще держится.

*

С.-Петербургъ, 25 Сентября 1823.

Принцесса Шарлота прибыла въ Мемель 19-го. Вчера должна она была ночевать въ Ригѣ. Мой чиновникъ пріѣхалъ съ границы съ письмомъ отъ нея къ императрицѣ Маріѣ Θеодоровнѣ, которая пожаловала ему золотые часы.

Шатиловъ былъ съ часъ у меня. Митюша Нарышкинъ просто переведенъ приказомъ въ статскую службу, но не въ герольдію. Можетъ служить или нѣтъ, никто его не принуждаетъ и никуда не назначатъ, пока самъ проситъ не будетъ; слѣдовательно можетъ спокойно дожидаться опредѣленія къ Воронцову*).

*

*) Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ. зять графа Θ. В. Растопчина, получилъ мѣсто Таврическаго губернатора.

С.-Петербургъ, 28 Сентября 1823.

Всѣ наши здѣшніе матадоры ѣдутъ завтра въ Гатчино, чтобы послѣ завтра находиться при пріѣздѣ принцессы Шарлоты. Завтра императрица Марія Ѳеодоровна выѣзжаетъ къ ней навстрѣчу въ Чирновицы. Сюда ѣдетъ принцъ Прусской, бывшій на маневрахъ въ Бр.-Литовскомъ, тотъ самый, который уже былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и котораго укусила собака [1]). Великаго князя Николая Павловича ежеминутно ожидаютъ.

Бистромъ мнѣ вчера сказывалъ, что есть извѣстіе отъ Закревскаго, отъ 20-го изъ Бреста и что 23-го онъ долженъ былъ быть въ Москвѣ. Я надѣюсь, что ты съ нимъ гдѣ нибудь да видѣлся. Онъ видѣлъ Государя и, говорятъ, доволенъ своимъ новымъ мѣстомъ. Многіе думали, что онъ отъ него откажется, но я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія: онъ слишкомъ благоразуменъ, чтобъ не попробовать въ силахъ ли будетъ управиться въ Финляндіи, не отказаться отъ мѣста почетнаго довѣреннаго и выгоднаго. Жена его не пріѣхала въ Краковъ, гдѣ онъ надѣялся съ нею съѣхаться. Здѣсь даже сомнѣваются, чтобъ она прибыла сюда въ семъ году. Богъ знаетъ, что про нее разсказываютъ. Если это слухи, которые я все таки полагаю вздорными, дойдутъ до добраго Арсенія, то сильно его огорчатъ. Увѣряютъ, что теперь она въ связи съ принцемъ Кобургскимъ [2]) и пр. Дай Богъ, чтобъ это было вздоръ.

*

С.-Петербургъ, 29 Сентября 1823.

Сегодня большая церемонія въ Католической церкви, панихида по папѣ; но такъ какъ тамъ начинается въ 10 часовъ, то, не смотря на предложеніе Тургенева ѣхать съ нимъ и на обѣщаніе его имѣть кресло, рѣшился я остаться дома Къ тому же Одесская почта отходитъ утромъ, да и церемонія будетъ продолжаться девять дней, такъ успѣю ее увидѣть.

*

С.-Петербургъ, 2 Октября 1823.

Добровольскій, ѣздившій навстрѣчу къ принцессѣ Шарлотѣ, чрезвычайно все въ ней выхваляетъ, красоту, ловкость, пріятность и благосклонность. Императрица Марія Ѳеодоровна сдѣлала ей сюрпризъ, выѣхавъ къ ней въ Каськово на встрѣчу; а на другой день 30-го, принцесса прибыла въ Гатчину, гдѣ теперь готовится много разныхъ увеселеній, спектаклей и пр. Заговорили было, что Государевъ маршрутъ перемѣненъ и что возвращеніе будетъ ранѣе, чѣмъ

---

[1]) Будущій императоръ Вильгельмъ I-й.
[2]) Будущимъ Бельгійскимъ королемъ.

назначено въ старомъ, но я сему не вѣрю; по крайней мѣрѣ мы доселѣ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, ни приказаній.

*

С.-Петербургъ, 3 Октября 1823.

Только и разговоровъ, что о новой пріѣзжей принцессѣ, которую всѣ видѣвшіе превозносятъ. Съ Александромъ Ив. Татищевымъ говорила порусски.

Карамзинъ мнѣ пишетъ, что ему хочется остаться въ Ц. Селѣ до возвращенія Государя.

*

С.-Петербургъ, 5 Октября 1823.

Одесская почта привезла мнѣ письмо отъ Воронцова отъ 26 и изъ Тульчина отъ 29-го Сентября. Государь проѣхалъ черезъ Хотинъ въ Черновицы 24-го. Австрійскій императоръ встрѣтилъ его на границѣ, гдѣ они сѣли вмѣстѣ въ коляску и отправились далѣе. Тридцатаго нашъ Государь будетъ имѣть ночлегъ въ Тульчинѣ, возвратясь уже изъ Черновицъ. Воронцовъ видѣлъ также Татищева, пріѣхавшаго тотчасъ послѣ Государя въ Хотинъ. О Воронцовѣ ничего не пишутъ; но видно, и онъ если не прежде, то въ тотъ день отправился въ Черновицы. Въ послѣднемъ письмѣ говоритъ: «Nous aurons cinq jours de revues et de manoeuvres. J'espère que Sabaneyeff réussira et je vous en donnerai des nouvelles». Вотъ тебѣ описаніе и порядокъ маневровъ. Вотъ также стихи Жуковскаго къ пріѣзду принцессы Шарлоты, отъ коей всѣ въ восхищеніи.

Россини не умеръ. Слухъ разнесся отъ слѣдующаго анекдота. Онъ сочинилъ какую-то оперу въ Венеціи, которая совершенно упала. На другой день написали у него на дверяхъ Rossini è morto, и отъ этой шутки по всей Европѣ разнесся слухъ о его смерти.

Я еще не видѣлъ, но много слышалъ о портретѣ Дава. Князь Александръ Николаевичъ, коего онъ тоже пишетъ, мнѣ сказывалъ, что ни одного портрета Государева нѣтъ столь похожаго. Какъ скоро будетъ свободно, зайду въ Эрмитажъ. Жаль, что я не зналъ, что ты знакомъ къ Кипренскимъ. Я бы ему отъ тебя поклонился. Онъ былъ у обѣдни у князя тому двѣ недѣли назадъ. Графиня Несельродъ пріѣхала во Вторникъ вечеромъ. Мужа не видала дорогою, а ожидаетъ недѣли черезъ двѣ сюда. Она здорова, видѣла Закревскую въ Вѣнѣ, которая ѣдетъ къ мужу съ отцемъ. Ты и ее вѣроятно увидишь въ Москвѣ, если не теперь, то по возвращеніи изъ Бѣлоруссіи. Племянникъ графа Толстаго*) остался въ Италіи.

*

*) Это графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой-Знаменскій, въ то время молодой человѣкъ.

С.-Петербургъ, 9 Октября 1823.

Здѣсь всѣ говорятъ, или по крайней мѣрѣ многіе, что к. Дмитрій Ивановичъ*), давно просящійся въ отставку, получилъ увольненіе, и что на его мѣсто министромъ юстиціи Сперанскій. У Лазаревой я обѣдалъ съ симъ послѣднимъ и съ Журавлевымъ, и ничего не только не слыхалъ о семъ, но и не замѣтилъ. Впрочемъ, быть можетъ и выборъ преемника Лобанова весьма хорошъ. О контролёрѣ ничего еще не слыхать, да я думаю новый не будетъ назначенъ до возвращенія Государя. Поговариваютъ также, что Государь двумя недѣлями ранѣе предположеннаго изволитъ возвратиться; но сего еще не видать. До сихъ поръ въ маршрутѣ была только маленькая отмѣна. Въ Тульчинъ, вмѣсто 28-го, Государь прибылъ 30 Сентября. Дмитрій Львовичъ мнѣ сказывалъ, что жена его писала уже изъ Риги; онъ сегодня долженъ былъ ѣхать ей на встрѣчу. Я чаю, она очень перемѣнилась, а куды хороша была!

*

С.-Петербургъ, 10 Октября 1823.

Здѣсь ничего нѣтъ новаго, кромѣ дуэли фл. адъютанта Кокошкина, о коемъ теперь я слышалъ и который кончился смертію его противника гусарскаго офицера кн. Барятинскаго. Ты, я чаю, его видѣлъ въ Москвѣ. Онъ заикался.

Я не сомнѣваюсь теперь въ пріѣздѣ Закревской и то потому только, что графиня Несельродъ ее видѣла въ *Вѣнѣ* на выѣздѣ. Авось и глупости всѣ останутся за границею. Очень мнѣ жаль добраго Арсенія. Безъ домашняго спокойствія и благополучія и почести не утѣшаютъ. Объ Орловой я давно слышалъ, что она окружена монахами и намѣрена свѣтъ оставить. Будто въ ономъ не можетъ она дѣлать добро и спасаться! Пусть печется о благоденствіи своихъ крестьянъ, призрѣваетъ бѣдныхъ, то Богъ ея не оставитъ Своею милостію. Впрочемъ, что̀ будетъ, увидимъ. Много и выдумываютъ на свѣтѣ, а особенно насчетъ богачей. Витбергъ купилъ себѣ какое-то имѣніе. Имѣлъ ли онъ прежде какое нибудь состояніе и пріобрѣлъ ли что съ женою, не знаю; но все уже сего довольно, чтобъ были о немъ толки. Ты гр. Растопчину далъ очень хорошій совѣтъ: неприлично генералу ходить во фракѣ. Нахо̀дится еще въ ономъ, когда получитъ отставку. Подобные тузы должны первые подавать примѣръ повиновенія къ правиламъ и законамъ и, отклоняясь отъ оныхъ, не вводить начальниковъ города въ затрудненіе и непріятность.

---

*) Князь Лобановъ-Ростовскій.

Мамонова пріѣхала, откуда, не знаю, но велѣла мнѣ заявить о своемъ пріѣздѣ. Надобно будетъ къ ней сходить. Я ее люблю за то, что она васъ любитъ и къ вамъ была такъ хороша. Если успѣю, то сегодня заверну. Что-то она о своемъ братѣ скажетъ? Имъ, говорятъ, завладѣлъ П. И. Кутузовъ, у котораго онъ и жилъ въ Москвѣ и который съ нимъ поѣхалъ въ Подмосковную.

*

С.-Петербургъ, 12 Октября 1823.

Le Journal des Débats тоже повторяетъ телеграфическую депешу герцога Ангулемскаго отъ 28 Сентября, которую я тебѣ сообщилъ, мой милый и любезный другъ, но... читай далѣе: Deuxième dépêche télégraphique. Port Marie, de 29 Sept., a $6^1/_2$ du soir. Le duc d'Ang: au président du Conseil des Ministres: «Les négociations sont rompues; les hostilités recommenceront demain, à la pointe du jour».

Слѣдовательно дѣла еще тамъ не кончены; но я готовъ парировать, что не пройдетъ недѣли какъ въ Кадиксѣ закричать аманъ, только бы не переставали бамбардировать и не слушали никакихъ предложеній. Когда Кортесы потеряютъ всю надежду на амнистію для себя, то выпустятъ короля, а сами, забравши сколько можно денегъ, дадутъ тягу, развѣ народъ вступится за правое дѣло и ихъ не выпуститъ. Долго эта исторія не можетъ продолжаться, но когда газеты скажутъ и правду на этотъ счетъ, то не вдругъ повѣрятъ.

Вышло по моему. Король точно свободенъ, какъ увидишь изъ бюллетеня отъ 1 Октября. Les Cortès se sont dissoutes. Очень любопытно знать подробности. Надобно ждать будущей почты. Извѣстіе сіе прислано Убрію изъ Берлина съ почтою. Тамъ оно получено съ курьеромъ Французскимъ министромъ, слѣдовательно не сумнительно.

Винцегероде, Виртемберской министръ иностранныхъ дѣлъ, отставленъ. На его мѣсто здѣшній гр. Герольдингенъ. Объ немъ здѣсь сожалѣть будутъ; его любили, человѣкъ очень хорошій. Наконецъ получилъ я письмо отъ Каподистріи изъ Женевы. Онъ доволенъ своимъ здоровьемъ, коему очень способствуетъ осень. Письмо его отъ 10 (22) Сентября. Объ Александрѣ Львовичѣ говоритъ: «Ce n'est plus le même. Il me paraît vieilli de 10 ans. Peut-être-est il fatigué de la monotonie et de la simplicité hélvétique. Ne m'oubliez pas auprès de votre frère».

*

Князь Метернихъ занемогъ въ Лембергѣ и не былъ въ Черновицѣ. Несельродъ поѣхалъ къ нему, а о нашихъ Северинѣ и Матушевичѣ ничего давно не знаю. Мипчаки, говорятъ, посланъ въ Царьградъ съ порученіемъ, но съ какимъ, не знаю. Вотъ тебѣ и всѣ новости. Здѣсь никакихъ нѣтъ, кромѣ смерти жены Молчанова, которую вчера хоронили.

Въ Астрахани colera morbus, двое изъ почтовыхъ чиновниковъ умерли въ нѣсколько часовъ. Ужасная болѣзнь. Мнѣ ее Мазаровичъ описывалъ. Мучительнѣе ее, я думаю, нѣтъ, за то не долго продолжается.

Сейчасъ былъ у меня Кокошкинъ. Онъ и знать не знаетъ о дуэлѣ и полагаетъ все это выдумкою и вздоромъ; а здѣсь сказали, что отъ него слышали. Вотъ какъ можно вѣрить городскимъ вѣстямъ и слухамъ.

Вотъ что пишетъ Воронцовъ изъ Тульчина отъ 6 Октября. Cher Ali-pacha. Tout est fini ici le plus heureusement du monde. L'Empereur a été enchanté, Kisseleff a été fait aide-de-camp général. J'ai obtenu quelques bonnes choses. Митюша Нарышкинъ pour gouverneur civil de Crimée. L'Éropkyne reste градоначальникъ à Théodocie. Богдановскій градоначальникъ à Kertsch. Крупенскій quitte et sera remplacé par Pisani d'Odessa dans la place de vice-gouverner de la Bessarabie ou par Petrouline. Gourieff a l'ordre de St. Anne que je lui porte aujourd'hui. Je serai ces jours à Odessa et puis je viens à Vosnésensk. Sabanéyeff aura des terres en Bessarabie.

*

С.-Петербургъ, 13 Октября 1823.

Получилъ я также письмо отъ Северина изъ Лемберга отъ 3(15) Окт. «Nous voilà depuis trois jours à Lemberg. Dans cinq à six jours nous comptons retourner en Russie, mais dans quelle diréction, à P. Bourg directement ou bien encore par les heureuses contrées du Midi, nous l'ignorons encore. Matoussevich veut visiter en passant son marquisat de Solice dans le palatinat de Sandomir. Tels sont nos vagues projets. En attendant les seules heures que nous ayons à nous, celles du dîner, nous les passons cher Tatischeff, qui, établi avec toute sa famille dans une grande et belle maison, nous régale de tous les fruits de son expérience gastronomique». Стало, Юлія Александровна уже тамъ.

Съ тѣхъ поръ, чтó возвратился пр. Виртембергскій, Манычара мы черезъ день видимъ, а бывало всякій день. Я такъ привыкъ къ этому доброму малому, что тоскую, когда его нѣтъ. Онъ, Бальменъ и

Полетика самые вѣрные наши собесѣдники. Лашкаревъ и Бутеневъ измѣняютъ съ тѣхъ поръ, что женаты; да это и натурально.

*

С.-Петербургъ, 16 Октября 1823

Слава Богу, здоровье великой княгини Александры Ѳеодоровны поправляется, и несчастный случай[1]) не имѣлъ несчастныхъ послѣдствій.

Какъ я радъ, что Закревская уже въ Москвѣ. Этимъ прекратятся всѣ вздорные слухи, коихъ и здѣсь довольно было на ея счетъ. Арсеній и ко мнѣ пишетъ о ея пріѣздѣ; видно, что очень радъ.

Любопытенъ я знать, какъ она приняла извѣстіе о новомъ мѣстѣ и намѣрена ли съ нимъ ѣхать въ Финляндію. А графъ?[2]) Подлинно теперь кумушки остались въ дурахъ, а праздными языки ихъ не останутся: найдутъ о чемъ болтать.

Гр. Гурьевъ купилъ Воротынецъ въ Удѣлъ и очень дешево, за милліонъ восемь сотъ тысячъ. Впрочемъ нужны были чистыя деньги, а теперь у кого найдешь такую бездну? Я радъ за мужиковъ. Вчера въ комиссіи занимались мы этимъ дѣломъ. Надобно теперь дать данную Департаменту Удѣловъ и рѣшить нѣсколько предметовъ, до имѣнія касающихся. Тутъ явился и сторожъ Кирилловъ, человѣкъ высокій, сухощавый, съ нѣсколькими медалями и Георгіевскимъ крестомъ. Онъ всѣхъ казался равнодушнѣе. Вдова Трумпи не пріѣхала. Хорошо и 360 т. получить за десять рублей. На послѣднее имѣніе никто еще не являлся. Быть можетъ, что и билетъ потерянъ. Если послѣ годового срока никто не явится, то мы имѣніе продадимъ, а деньги обратимъ на богоугодныя заведенія.

*

С.-Петербургъ, 23 Октября 1823.

О Барятинскомъ ты сожалѣть пересталъ, ибо выходитъ, что вся исторія о дуэли сущая выдумка, о чемъ, кажется, я тебѣ и писалъ послѣ. Не понимаю, съ чего взяли. Онъ съ Кокошкинымъ, по словамъ брата сего послѣдняго, и не встрѣчался. Желаю, чтобъ точно Орлова не оставляла свѣтъ. Я ея не знаю, но всѣ хвалятъ ея любезность, а добро дѣлать можетъ она и внѣ монастыря. Растопчинъ видно не тотъ балагуръ, какъ былъ прежде.

Жаль и мнѣ, что не ты первый поздравилъ Киселева съ генералъ-адъютантствомъ. Я къ нему о семъ писалъ, предполагая, что ты выѣхалъ изъ Москвы.

---

[1]) Неудавшіеся роды.

[2]) Тесть Закревскаго, графъ Ѳ. А. Толстой.

Ты меня разсмѣшилъ страхомъ князя Василія Алексѣевича [1]), чтобъ не послали его въ Астрахань. Не сенаторское дѣло. Туда послали отсюда докторовъ. Слава Богу, говорятъ, что болѣзнь гораздо ослабѣла. Холодная погода, надѣюсь, истребить эту мерзкую гостью.

Татищевъ постарѣлъ и что-то выговариваетъ не такъ свободно какъ прежде. Можетъ быть, усталъ съ дороги. Онъ довольно веселъ и прежде Рождества отсюда выѣхать не намѣренъ. А куда? Куда же, если не въ Вѣну? Но теперь торопиться незачѣмъ, voici les affaires d'Espagne finies, celles de Turquie, c. à. d. les nôtres avec la Turquie, marchent à leur fin; il y a donc une espèce de stagnation dans les affaires dont je pourrai profiter pour rester ici quelque temps. Онъ не полагаетъ однакоже, чтобы въ Гишпаніи долго было спокойно: тамъ вѣчно двѣ партіи, и одна другую душитъ, а король не имѣетъ довольно характера, чтобъ держать ихъ въ границахъ умѣренности. Онъ назначилъ теперь своимъ министромъ-статсъ-секретаремъ бывшаго своего духовника, оставляя его и въ этомъ званіи.

*

С.-Петербургъ, 24 Октября 1823.

Давно здѣсь говорили о свадьбѣ полковника кавалергардскаго Башмакова съ княжною Суворовою. Теперь увѣряютъ, что получено согласіе матери и Александра Львовича [2]), но что помолвка будетъ по пріѣздѣ Государя. Онъ малый прекрасный, а она премилая, слѣдовательно можно ожидать, что будутъ счастливы.

Великая княгиня была въ восьмомъ мѣсяцѣ своей беременности. Слава Богу, все обошлось безъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій. Она оправляется, но все таки пребываніе въ Гатчинѣ, говорятъ, продолжится до половины Ноября.

*

С.-Петербургъ, 26 Октября 1823.

Принцесса Амалія [3]), сестра нашей Императрицы, очень больна водяною въ груди, такъ что съ каждою почтою опасаются получить извѣстіе о ея кончинѣ.

Если сегодняшняя почта, которая еще не пришла, принесетъ печальную новость, то бала не будетъ. Это еще не бѣда, но намъ горестно, что императрицу чрезвычайно огорчитъ. Нарышкинъ, который вчера у меня былъ, сказывалъ, что она въ величайшемъ безпокойствіи.

*

---

[1]) Хованскаго.

[2]) Нарышкина, дѣда княжны Варвары Аркадіевны Суворовой (во второмъ бракѣ княгини Горчаковой), которая дожила свой долгій вѣкъ въ Екатеринентальскомъ дворцѣ, въ Ревелѣ.

[3]) Баденская, скончавшаяся дѣвицею.

С.-Петербургъ, 27 Октября 1823.

Матушевичъ между прочимъ пишетъ: «Nous sommes dans la plus vive affliction à cause du terrible accident de Wylie. Il a été versé, il s'est démi une jambe, brisé tous les liguaments nerveux et foulé la grande artère. Le pauvre homme est jusqu'à présent dans le plus grand danger et ce qui peut lui arriver de plus heureux, c'est d'être estropié pour le reste de ses jours. Ужасно! Воронцовъ также мнѣ пишетъ. Я его просилъ при случаѣ сказать Государю о моемъ тестѣ и просить о прибавкѣ ему земель въ Бессарабіи. «L'Empereur consent à ajouter des terres à votre beau - père. Le travail pour la quantité sera fait à Odessa entre Nesselrode et moi». Слѣдовательно, добрый графъ сдѣлалъ мнѣ то, чего не могъ я отъ Несельрода добиться. Дай ему Богъ здоровья! Онъ прибавляетъ: «L'Empereur a eu la bonté de faire tout ce que je lui ai demandé pour ce pays. Vous pouvez concerver combien cela m'encourage et m'impose l'obligation de travailler jour et nuit pour mériter cette confiance et prouver mon zèle et mon dévouement». Слава Богу, теперь все тамъ пойдетъ иначе, и край этотъ процвѣтетъ. Петрулинъ, бывшій въ Херсонѣ вице-губернаторомъ, переведенъ въ Бессарабію. Вотъ уже благодѣяніе для края, что удалили Крупенскаго.

Сколько ты думаешь я сего утра до сихъ поръ получилъ записокъ? Ну отгадай.—Пятнадцать, изъ коихъ девять отъ дамъ, коимъ непремѣнно надобно отвѣчать. Прошу послѣ этого связать двѣ мысли вмѣстѣ. Право, можно совсѣмъ съ ума сойти.

*

С.-Петербургъ, 30 Октября 1823.

Балъ Фр. посла былъ прекрасный. Я пробылъ до пяти часовъ, такъ жена затанцовалась, и не скучалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ и принцъ Прусскій были на балѣ. Послѣдній много танцовалъ, охотникъ и хорошо танцуетъ. Я игралъ въ вистъ съ Полетикою, кн. Александромъ Никол. Салтыковымъ и Лабенскимъ. Мнѣ все доставалось играть со вторымъ, который играетъ дурно, тихо и въ дистракціяхъ; замучился и проигралъ. Воронцовъ мнѣ пишетъ, что совсѣмъ здоровъ, ѣстъ Цареградскія устрицы и ждетъ родинъ жены ежеминутно.

Почтенная и доброжелательная кн. Шаховская*), бабка гр. Шуваловой, жены генералъ-адъютанта, вчера, къ общему сожалѣнію, скон-

*) Княгиня Варвара Александровна, ур. баронесса Строганова, внука послѣдняго „именитаго человѣка".

чалась. Она много дѣлала добра. Много оставляетъ послѣ себя рыданій.

Шуваловымъ достается страшное имѣніе. Дай Богъ, чтобъ они съ нимъ вмѣстѣ наслѣдовали отъ покойницы и расположеніе помогать бѣднымъ. Она умерла на дачѣ. Также мнѣ пишетъ Убри, что сейчасъ получилъ извѣстіе о кончинѣ принцессы Амаліи Баденской, которая очень огорчитъ нашу ангельскую Императрицу. Она все это время была въ живѣйшемъ безпокойствіи, но не питала болѣе надежды, ибо у покойницы была водяная въ груди.

Государя всѣ ожидаютъ 4-го въ Ц. Село. Сейчасъ я слышалъ, что Лицейской Энгельгардъ отставленъ; не знаю, кто на его мѣсто. О семъ мнѣ сказывалъ давно Кутузовъ *), что онъ не останется. Также мнѣ сказывали, что Горнъ, нашъ Виленскій знакомый, отставленъ. Принцъ Прусскій ѣдетъ 7-го, чтобъ поспѣшить въ Берлинъ къ свадьбѣ своего брата 17 Ноября. Сегодня отправили мы зимніе экипажи на встрѣчу къ Государю.

*

С.-Петербургъ, 2 Ноября 1823.

Третьяго дня ѣздилъ я съ Завадовскимъ къ Марьѣ Антоновнѣ. Она приняла меня весьма ласково, много говорили о чужихъ краяхъ, о тебѣ; много перебывало тутъ народа, а въ 10 часовъ я уѣхалъ. Я нахожу, что она мало перемѣнилась, только похудѣла. Все еще чрезвычайно мила. Она всякій день принимаетъ отъ 8 часовъ до 10, и множество къ ней съѣзжается. Тутъ былъ также Французскій посолъ, который звалъ меня къ себѣ въ Субботу смотрѣть славнаго штукаря Француза, который дѣлаетъ Пинетовскія штуки, но его превосходитъ. Il escamotte un homme d'une grande taille de manière qu' on ne le retrouve pas; ensuite il coupe la tête à un homme, le sang coule, il la met sur un plat et la montre à tout le monde, en permettant même de la toucher, et puis d'un coup de baguette il remet la tête à sa place.

Сегодня хоронятъ Шаховскую. Всѣ генерально о ней сожалѣютъ. Вообрази, что были семьи, которымъ она давала 10 т. руб. въ годъ. Не думаю, чтобъ Шуваловы стали продолжать столь огромныя пенсіи. Третьяго дня было 25 лѣтъ женитьбѣ графа Литты. Онъ подарилъ женѣ діадемъ жемчужный со всѣми принадлежностями, цѣною въ 280 т. Что всего замѣчательнѣе это то, что чистыми деньгами тотчасъ за него заплатилъ. Ужасно какъ богатъ! Здѣсь новаго только что гвард. уланскій офицеръ Енгалычевъ увезъ дочь покойнаго

*) Павелъ Васильевичъ (позднѣе графъ), Голенищевъ-Кутузовъ, тогдашній Петербургскій генералъ-губернаторъ. Это дѣдъ поэта, графа Арсенія Аркадіевича.

сенатора Неплюева, тотчасъ съ нею обвѣнчался, а мачиха еще сердится, но вѣроятно со временемъ проститъ.

*

С.-Петербургъ, 3 Ноября 1823.

1-е. «Cher Ali-pacha! Je n'ai plus de reproche à faire à ma femme: elle est heureusement accouchée avant-hier 24 à 2¼ heures du matin d'un beau garçon que nous avons appellé Simon [1]). Tout va au mieux avec le petit comme avec la mère, qui n'a souffert que ¾ d'heures. J'étais endormi à 2 h. moins un quart et me reveillant au bruit de personnes qui marchaient au-dessus de moi, je suis monté, et un quart d'heures après tout a été fait».

2-е. Ѣздовой отъ Николая Михайловича Лонгинова. Ну позови сюда. Что такое? Н. М. приказалъ вамъ сказать, что Богъ даровалъ ему сына Михайлу [2]).

Вотъ тебѣ, мой милый и любезнѣйшій другъ, два извѣстія, которыя вѣрно тебѣ будутъ пріятны, особливо первое. Только и недоставало къ благополучію графа Воронцова что сына. То-то старикъ въ Лондонѣ будетъ въ восхищеньи! Сегодня къ нему отправляется извѣстіе о счастливомъ событіи.

*

С.-Петербургъ, 6 Ноября 1823.

Государь пріѣхалъ днемъ ранѣе противъ маршрута, ибо 3-го числа въ пять часовъ послѣ обѣда изволилъ уже быть въ Царскомъ Селѣ. Сегодня надѣемся, что будетъ въ городѣ. Чиновникъ мой увѣряетъ, что все по почтовой части шло хорошо и нигдѣ не было остановки. Увидимъ, чтó скажетъ Дибичъ, котораго я еще не видѣлъ. Онъ въ Царскомъ Селѣ.

*

С.-Петербургъ, 7 Ноября 1823.

Вчера забылъ я послать тебѣ присланную мнѣ Шредеромъ брошюру Саварп о смерти герцога Ангіенскаго, которая наканунѣ отъѣзда Ломоносова вышла въ продажу, и въ тотъ же день все изданіе было раскуплено, такъ что на другой день начали печатать второе изданіе. Шредеръ говоритъ, что печатаются также опроверженія. Болѣе некому какъ Талейрану, на котораго Савари сваливаетъ все преступленіе. Такъ какъ у меня два экземпляра, ибо и кн. Софья Волконская мнѣ одинъ прислала, то можешь этотъ оставить у себя.

---

[1]) Князь Семенъ Михаиловичъ Воронцовъ († 6 Мая 1882), увѣковѣчившій свое имя изданіемъ въ свѣтъ сорока книгъ своего архива.

[2]) Близкій намъ пріятель, библіофилъ, много потрудившійся для исторіи Русской словесности и скончавшійся начальникомъ цензуры 23 Января 1875 года. М. Н. Катковъ сказалъ про него, что въ этой должности онъ былъ врагомъ „мошенниковъ пера и разбойниковъ печати“. П. Б.

С.-Петербургъ, 9 Ноября 1823.

Я Лонгиновой предсказалъ, что она родитъ сына. Хочешь ли и тебя научу отгадывать? Пощупай пульсъ у обѣихъ рукъ: если лѣвый крѣпче бьетъ, то сынъ, а если правый, то дочь. C'est infaillible.

Говорятъ что вицъ-губернаторъ Дивовъ[1]) оставляетъ свое мѣсто и будетъ шталмейстеромъ у великаго князя Михаила Павловича; также о Меншиковѣ, что онъ будетъ назначенъ министромъ, но куда, не говорятъ.

Вотъ уже начались рефютаціи на брошюру Савари. Что-то Талейранъ напишетъ?

Сергѣй Тургеневъ и Бутеневъ пожалованы въ статскіе совѣтники. Тургеневъ увѣряетъ, что дочери Репнина[2]) вчера фрейлинами пожалованы.

*

С.-Петербургъ, 13 Ноября 1823.

Графиня Строганова въ восхищеніи отъ принцессы Шарлотты, отъ ума ея, скромности, любезности; говоритъ, что у нея въ глазахъ есть выраженіе, котораго описать нельзя. Увѣряютъ, что торжественный въѣздъ будетъ 19-го. Видно, Меншиковъ подлинно будетъ причисленъ къ Иностранной Коллегіи; Дибичъ ему о семъ говорилъ, и онъ самъ того не скрываетъ. Я бы Меншикова послалъ въ Царьградъ министромъ; вѣроятно онъ для того и причисляется, чтобъ получить одно изъ вакантныхъ министерскихъ мѣстъ, коихъ теперь нѣсколько: въ Мадритѣ, Лиссабонѣ, даже Вѣнѣ, если Татищевъ туда не возвратится.

*

С.-Петербургъ, 16 Ноября 1823.

Закревской навезъ намъ всѣмъ гостинцы, даже и дѣтей не забылъ. Они всѣ его не забыли и очень ему обрадовались. Онъ теперь началъ заниматься Финляндскими дѣлами, вникать въ нихъ, собирать о нихъ свѣдѣнія и, кажется мнѣ, что все пойдетъ хорошо. Онъ чувствуетъ всю важность своего мѣста и, не смотря на то, что языковъ не знаетъ, не ударитъ лицомъ въ грязь. Я увѣренъ, что его тамъ полюбятъ.

*

С.-Петербургъ, 23 Ноября 1823.

Третьяго дня собрались мы во дворецъ, гдѣ ждали пріѣзда принцессы Шарлотты. Мы только видѣли, какъ прошла она въ церковь и обратно, слѣдовательно одну только минуту; но и сего довольно было, чтобы замѣтить, сколько она собою хороша, ловка и пріятна. Пред-

---

[1]) Николай Адріановичъ, извѣстный коннозаводчикъ.

[2]) Дочери князя Н. Г. Репнина (Волконскаго): Александра (гр. Кушелева-Безбородко), Варвара (дѣвица) и Елисавета (Кривцова).

ставленій не было. Во дворцѣ видѣлъ я между прочими твоего Неаполитанскаго пріятеля Оппермана, который много про тебя спрашивалъ и очень сожалѣлъ, что тебя здѣсь не видѣлъ. Онъ чрезвычайно хвалилъ сына Похвиснева; сказывалъ, что онъ переведенъ (или переводится) въ первый классъ, что на экзаменѣ былъ между лучшими, второй или третій, и что получилъ въ отличіе темлякъ офицерской, и что хотя сіе не даетъ еще чина офицерскаго, но почитается у нихъ большимъ отличіемъ. Скажи объ этомъ Николаю Ивановичу и поздравь его съ такимъ достойнымъ сыномъ.

Бутурлинъ[1]) пріѣхалъ вчера. Герцогъ Ангулемскій далъ ему крестъ св. Лудвига, а король командирской крестъ Легіона. Вчера утромъ прибылъ также сюда принцъ Оранской. Закревскій также не забылъ твоихъ именинъ, явился съ поздравленіемъ. Этотъ ничего не забываетъ, что̀ до его друзей касается. Онъ былъ у Государя и очень обласканъ. Савари запрещенъ входъ въ Тюйлерійскій замокъ.

*

С.-Петербургъ, 24 Ноября 1823.

Въ лѣта̀ Юсупова и Апраксина очень надобно беречься, а если станутъ ѣздить по Русскимъ трактирамъ и жрать, то не наживутъ добра. Ты мнѣ пишешь, мой милый и любезный другъ, о Грекѣ моемъ protégé, у котораго дѣло въ Сенатѣ. Кто такой, я право не помню. Вѣроятно меня кто-нибудь за него просилъ. Я однакоже все тебѣ благодаренъ, что ты за него хлопочешь, но не давай себѣ слишкомъ надоѣдать. Они обыкновенно большіе пилители.—Ну, братъ, я не знаю, завидно ли мѣсто Энгельгарда[2]). Мнѣ кажется тутъ страшная отвѣтственность; да, какъ ты самъ говоришь, отцы учениковъ могутъ кутермить. Балуй дѣтей, такъ будешь дѣйствовать противъ совѣсти; не балуй, такъ найдутся князья Голицыны подобно кн. Ѳедору, которые часто готовы негодовать. Лучше такихъ мѣстъ удаляться. Если Озерову хочется, то зачѣмъ онъ не просится? Великій князь къ нему хорошо расположенъ и вѣрно ему радъ будетъ.

Северинъ мнѣ пишетъ сейчасъ, что королю Португальскому и инфанту Донъ-Мигелю посылается орденъ Св. Андрея. Знаки везетъ въ Лиссабонъ Алексѣй Строгановъ[3]). Герцогъ Ангулемскій пожалованъ

---

[1]) Дмитрій Петровичъ, авторъ „Исторіи Смутнаго времени". Онъ былъ нашимъ военнымъ агентомъ во время похода герцога Ангулемскаго въ Испанію для подавленія тамошней революціи.

[2]) Егора Антоновича, оставившаго должность директора Царскосельскаго Лицея, который былъ отданъ подъ главное начальство великаго князя Константина Павловича.

[3]) Одинъ изъ пяти сыновей графа Григорія Александровича, рано покинувшій службу и умершій холостякомъ въ глубокой старости.

кавалеромъ Св. Георгія 1-й степени. Шатобріанъ и герцогъ Монмартскій Св. Андрея. Поццо Св. Владиміра 1-й степени.

И здѣсь порядочно врутъ: увѣряли меня, что пр. Оранскій пріѣхалъ; я повѣрилъ, хотя и странно мнѣ показалось, что я не получилъ ни откуда о семъ рапорта. Выходитъ, что вздоръ: его еще только ожидаютъ.

*

С.-Петербургъ, 27 Ноября 1823.

Я зналъ одного Крюковскаго въ арміи, коммиссаріатскаго чиновника (брата автора, который умеръ). Этотъ былъ подъ слѣдствіемъ по дѣлу Воейкова; но я слышалъ, что и Воейковъ прощенъ, слѣдовательно не можетъ быть этотъ. Другой братъ былъ адъютантомъ у Балашова во время послѣдней войны. Этотъ въ отставкѣ и женатъ на дочери Петра Кириловича Разумовскаго; также и этотъ быть не можетъ. Мнѣ досадно, что онъ къ тебѣ писалъ: кто его знаетъ что за человѣкъ?

Ланжеронъ получилъ орд. Св. Александра Невскаго, украшенный бриліантами, да только это въ Консерватёрѣ.

*

С.-Петербургъ, 4 Декабря 1893.

Здѣсь въ семьѣ Шуваловыхъ такое же внезапное и печальное происшествіе, какъ у добраго нашего Фаста, мой милый и любезнѣйшій другъ. Въ Суботу генералъ-адъютантъ Шуваловъ[1]) немного занемогъ, велѣлъ приготовить себѣ ванну и только что поднялъ ногу, чтобъ влѣзть въ нее, повалился и отдалъ Богу душу. Говорятъ, что у него былъ полипъ въ сердцѣ, но конецъ все таки сдѣлалъ ему ударъ. Онъ былъ добръ, счастливъ, богатъ до чрезвычайности; смерть его всѣхъ поразила и всѣхъ огорчила, особливо бѣдныхъ, коимъ продолжалъ онъ пенсіи Шаховской, многія увеличилъ; но ни доброта, ни счастіе, ни богатство, ни сожалѣнія окружающихъ, ничто не защититъ отъ рокового удара. Бѣдная жена его[2]), имѣвшая недавно жестокій ударъ, отъ котораго еще не оправилась и послѣ котораго кровію харкала, теперь вторую ужасную дѣлаетъ потерю. Какъ-то ея слабая грудь перенесетъ столько горя.

Вилье пріѣхалъ, ходитъ еще на костыляхъ; но увѣряютъ, что скоро ихъ броситъ. Государь, великіе князья у него были тотчасъ послѣ его пріѣзда. Ужо къ нему заѣду, если успѣю. Закревскій былъ у Государя третьяго дня, отдалъ краткую записку о своихъ дѣйствіяхъ во время должности дежурнаго генерала, сколько вступило дѣлъ, сколько оставляетъ, сколько принялъ денегъ, т.-е. ничего, а оставляетъ 160 т. капи-

[1]) Графъ Павелъ Андреевичъ, отвозившій Наполеона на островъ Эльбу.

[2]) Позднѣе княгиня Бутера, скончалась въ 1870 г.

тала экономическаго. Государь былъ очень доволенъ. Закревскій просилъ о наградѣ ближайшихъ чиновниковъ. Государь согласился, Шатиловъ и Ноинскій получатъ Владимира 3-й ст., и еще какіе-то двое денежное, кажется, награжденіе. Потомъ просилъ онъ о тестѣ, который сдѣланъ будетъ сенаторомъ; но такъ какъ еще нѣтъ указа, то Закревскій ему о семъ не говорилъ, и ты не говори никому. Арсеній оченъ доволенъ.

Завтра, говорятъ, будетъ крещеніе принцессы Шарлотты, а послѣ завтра помолвка. Повѣстокъ еще нѣтъ.

*

С.-Петербургъ, 5 Декабря 1823.

Принцесса Шарлотта получила имя Елены Павловны. Много было, но мнѣ удалось видѣть, какъ она прикладывалась къ образамъ и пріобщалась. Шувалова хоронить будутъ въ Суботу, ровно шесть недѣль послѣ смерти Шаховской. Онъ, бывши у нея на похоронахъ, купилъ себѣ мѣсто. Жаль, что скоро пригодилось. Его вскрыли и нашли quelques artères ossifiées.

*

С.-Петербургъ, 7 Декабря 1823.

Вчера Семеновскій полкъ произведенъ въ старую гвардію. Голицына, сестра Полторацкой, выходитъ замужъ за кн. Мещерскаго, племянника Тверскаго губернатора Всеволожскаго. Балъ вчерашній начался въ 7 часовъ, а кончился въ половинѣ девятаго. Танцовали одни Польскія. Государь поклонился мнѣ очень милостиво. Только и видѣлъ я его, когда въ Польскихъ проходилъ мимо насъ. Много было народу, дамы одѣты прекрасно. Наглядѣлся я на новую нашу великую княжну и нахожу, что она прекрасна, а особливо очень пріятна, ловка. Всѣхъ плѣняетъ, кто ни имѣетъ счастіе съ ней говорить. Всѣ отъ нея въ восхищеніи. Сегодня поздравленіе. Ожидаю Лонгинова, чтобъ вмѣстѣ ѣхать. Можетъ быть, и вѣроятно, будетъ также представленіе великой княжнѣ.

*

С.-Петербургъ, 11 Декабря 1823.

Государь былъ на похоронахъ у Шувалова. Мнѣ не удалось быть. Онъ къ церкви адмиральской пріѣхалъ верхомъ, народу была толпа. Слѣзая съ лошади, задѣлъ какъ-то шпорою мальчика-сироту, живущаго у нашего почтоваго чиновника, приласкалъ его, спросилъ, не ушибъ ли, приказалъ отвести его во дворецъ, осмотрѣть доктору и подарилъ 500 р. Мальчикъ на другой день въ той же церкви отпѣлъ молебенъ за здравіе нашего ангельскаго Государя.

*

С.-Петербургъ, 14 Декабря 1823.

«Il y a longtemps que je n'ai pas eu le plaisir de vous voir».—Sire, j'ai été bien longtemps privé de ce bonheur.—«D'où vient-il que je vous rencontre si rarement? Je ne vous ai vu que Dimanche sur le quai.» Sire, je ne puis sortir pour me promener que tard. Dimanche, je revenais de la messe du p-ce Galitzine, c'est mon jour de récréation.—«Non, je vous rencontre rarement, par ce que vous avez beaucoup de besogne et que vous la faites bien. Поклонъ. C'est inconcevable comme vous faites aller tout cela, sans parler déjà de la poste étrangère, qui arrive d'une manière étonnante; nous avons maintenant la poste d'Odessa qui fait des merveilles. Elle arrive le septième jour. Tous ces arrangements sont de la plus grande utilité, je suis vraiment content».—Sire, il ne me reste rien à désirer qu'à mériter la continuation de vos bontés et à être toujours digne de votre suffrage.—«Votre manière de servir vous le garantit». Поклонъ. Ces paroles pleines de bonté, Sire, me donneront de nouvelles forces.—«Vous avez beaucoup de besognes, beaucoup à faire».—Sire, c'est supportable, et je vous assure que je ne m'en apperçois pas, pourvu que la chose marche.—«On ne saurait mieux désirer. Combien avons nous gagné du Paris?» — Huit jours pour les lettres qui y vont et de 4 à 5 pour celles qui nous arrivent. J'ai présenté au p-ce Galitzine un tableau comparatif de ce que la poste a gagnée en célérité dans cette année sur l'année 21. Les principales villes de l'Europe y sont marquées avec toutes les indications possibles. On voit jusqu'aux heures en combien de temps la poste arrive. «C'est fort bien et intéressant». Кое о чемъ еще поговорили. Все это сопровождено было этою ангельскою улыбкою, которую ты знаешь. Вотъ тебѣ разговоръ мой съ Государемъ на балѣ 12-го числа, мой милый другъ. Я увѣренъ, что онъ тебѣ будетъ очень пріятенъ; но не забудь наше условіе: кромѣ Наташи и Фаста никто не долженъ его знать. Они не примутъ сообщеніе сіе за дѣйствіе самолюбія и хвастовства, зная меня чуждымъ этой страсти, а порадуются со мною, что Государь доволенъ моею службою и такъ милостиво самъ мнѣ о томъ сказалъ. Я не хочу даже чтобы и Сѣбо *) объ этомъ зналъ, однимъ словомъ никто.

Императрица Елисавета Алексѣевна поклонилась очень милостиво, проходя въ Польскомъ, который танцовала только съ фамиліею. Марья Ѳеодоровна очень была милостива, говорила также объ успѣхахъ почтъ и сколько для нея собственно это пріятно и пр. За ужиномъ Альбедиль, Чернышовъ, Тургеневъ подбѣгали ко мнѣ спрашивать: où est votre femme?—Mais à la maison, elle ne se porte pas bien.—C'est que

*) Такъ звали Булгаковы Рушковскаго (C'est beau), Московскаго почтдиректора.

l'Impératrice demande où elle est, elle veut lui parler. Послѣ государыня спросила и меня о ней. Я благодарилъ за милость, но сказалъ, что она больна. Какъ можно быть столько милостивою, чтобы тамъ, гдѣ человѣкъ, я думаю, 700 было, вспомнить объ одной женщинѣ и искать ее, чтобъ сказать ей что-нибудь пріятное!

Жена точно не совсѣмъ была здорова, но не поѣхала, чтобъ не издержать рублей 500 или болѣе на платье, ce qui est très raisonnable au fond. Между тѣмъ лестно очень, что объ ней вспомнила государыня. Балъ былъ прекраснѣйшій, превеликолѣпный и продолжался до половины перваго часа. Ну вотъ, кажется, и все. Поутру были мы у обѣдни, поздравляли императрицу и всѣхъ жалованныхъ и награжденныхъ. Право, весело было смотрѣть на всеобщую радость. Нашъ князь произведенъ, и это умножило душевное мое удовольствіе по искреннѣйшей моей привязанности къ нему. Гр. Несельродъ также, и этому я очень радъ. Гр. Гурьеву лучше, только очень слабъ. Ужо къ нему заѣду. Кн. Петру Михайловичу посланъ орденъ Св. Андрея съ фельдъегеремъ черезъ Варшаву въ Вѣну. Я къ нему писалъ. Можетъ быть, онъ еще застанетъ Закревскаго здѣсь, если пріѣдетъ въ началѣ Генваря. Арсеній самъ еще не знаетъ, когда выѣдетъ. Ему надобно еще разъ видѣть Государя по дѣламъ, а послѣ того можетъ тотчасъ отправляться. Онъ совершенно готовъ. Письмо твое къ нему доставлено, но забылъ его спросить объ отвѣтѣ. Сейчасъ узналъ я, что гр. Петръ Кирилловичъ Разумовскій вчера скончался. Давно ли я его видѣлъ во дворцѣ! Въ день обрученія онъ еще былъ въ церемоніи.

*

С.-Петербургъ, 15 Декабря 1823.

Гр. Разумовскій сдѣлалъ завѣщаніе; между прочимъ моему Вѣнскому товарищу, Алексѣю Васильчикову, отказалъ 2000 д. въ Украинѣ, брату Ларіона Васильчикова три тысячи и княжнѣ Вяземской, племянницѣ Разумовской, тоже 2000 душъ*).

*

С.-Петербургъ, 18 Декабря 1823.

Третьяго дня праздновали мы у добраго Арсенія именины его тестя. Тутъ я познакомился съ Путятою, котораго зналъ только по виду.

Вчера хоронили Разумовскаго. Теперь старшій камергеръ Уваровъ черный, а послѣ него молодой Юсуповъ. Я все ими дразню Тургенева, что попалъ подъ команду. Говорятъ, однакоже, что передъ новымъ годомъ будетъ новый оберъ-камергеръ. Публика назначаетъ гр. Литту. Дѣло сбыточное.

---

*) См. подробности во 2-й книгѣ „Семейства Разумовскихъ“ А. А. Васильчикова, стр. 150—151.

На мѣсто Энгельгарда все еще никто не назначенъ. Это вѣроятно рѣшится въ Варшавѣ, куда поѣхалъ Кутузовъ. У меня былъ Феншъ, адъютантъ цесаревича; онъ думаетъ, что Константинъ Павловичъ будетъ сюда въ началѣ Генваря, около 5-го.

Графъ Растопчинъ, по причинѣ разстроеннаго здоровья, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и воинской службы и переименованъ въ оберъ-камергеры.

*

С.-Петербургъ, 19 Декабря 1823.

Кончивши вчерась дѣла свои, поѣхалъ я къ старухѣ Загряжской, которая запискою звала меня къ себѣ. Только что стали толковать о дѣлѣ, о которомъ хотѣла она со мною посовѣтоваться, какъ пріѣхала императрица Елисавета Алексѣевна. Я натурально поклонился да и въ дверь. Она мнѣ сказала: «Je suis bien fâchée de vous priver de la société de madame Zagriajsky».—Madame, j'étais venu prendre ses ordres. Je les ai reçus, и вонъ.

Александръ Михайловичъ Тургеневъ, котораго ты, я чаю, знаешь, назначенъ губернаторомъ въ Тобольскъ; человѣкъ добрый и честный.

Я получилъ письмо отъ Воронцова изъ Мюнхена. Онъ готовился давать обѣдъ славнѣйшій и великолѣпный 12 Декабря. Король съ королевою и со всею фамиліею къ нему назвались въ этотъ день, для Россіи радостный. Воронцовъ въ восхищеніи отъ этой чести, которую король еще никогда никому не дѣлалъ. Его тамъ очень любятъ. Да и гдѣ его не любятъ, да какъ и не любить милаго Ванишу?

Васильчиковъ пріѣзжалъ ко мнѣ и сказывалъ, что ему дядя точно оставилъ 2000 душъ. Я ему пожелалъ, чтобы обошлось безъ процесса, ибо есть ближайшіе наслѣдники.

*

С.-Петербургъ, 21 Декабря 1823.

Послѣдній фельдъегерь привезъ мнѣ отъ Поццо гравированный его портретъ, одинъ экземпляръ для меня, а другой для тебя. Съ сею почтою твой къ тебѣ отправляю. Удивительное сходство, и эстампъ прекрасный. Поццо еще въ Мадритѣ.

Третьяго дня императрица Марія Ѳеодоровна съ великою княжною была въ Большомъ театрѣ, гдѣ играли Казака Стихотворца и Зефира и Флору. Въ тотъ день уже ни одного мѣста нельзя было достать нигдѣ; народу было множество, хлопали, кричали ура и въ совершенномъ всѣ были восторгѣ отъ присутствія невѣсты и императрицы. Мнѣ не удалось быть; досадно, что женѣ не могъ достать ложу, она еще не видѣла Елену Павловну. Охъ, вотъ и Pan Pouslovsky съ дѣлами аренды графа Каподистріи. Нечего дѣлать, долженъ съ тобою покуда разстаться.

ВОСПОМИНАНІЯ ВАЛЕРЬЯНА ИВАНОВИЧА САФОНОВИЧА [1]).

Послѣ кочующей, довольно скучной жизни въ Ревелѣ, мы нашли въ Петербургѣ все изящнымъ и прекраснымъ и не могли нарадоваться, глядя на наши покойное, хотя и скромное, жилище. Все пошло по старому. Жену мою всѣ ласкали; многіе искали ея знакомства, находя въ ней всѣ качества и достоинства женщины хорошо воспитанной, необыкновенно привѣтливой и предупредительной. Между прочими знакомыми должно упомянуть о Натальѣ Кирилловнѣ Загряжской, дочери извѣстнаго К. Разумовскаго и теткѣ кн. Виктора Павл. Кочубея, въ домѣ котораго она и жила, занимая пять-шесть комнатъ [2]) безъ особенной роскоши. Она отдала все состояніе свое Кочубеямъ и довольствовалась опредѣленнымъ содержаніемъ на домашніе свои расходы. Ей было уже болѣе 80 лѣтъ, но она сохранила и умственныя способности, и всю теплоту сердца, за что ее всѣ любили. Каждый вечеръ собиралось къ ней множество посѣтителей для составленія ей партіи въ бостонъ или просто посидѣть и встрѣтиться со знакомыми, но главнѣйше повидаться съ кн. Кочубеемъ, занимавшимъ первый постъ въ Имперіи, предсѣдателя Государств. Совѣта, человѣкомъ съ большимъ вліяніемъ и поэтому нужнымъ. Эти люди являлись не надолго и оставались до того времени, какъ Загряжская усаживалась за карточный столъ, потомъ мало-по-малу разлетались въ разныя стороны. Въ числѣ гостей бывали у нея всѣ важные и извѣстные люди того времени, между прочими графъ Блудовъ, необыкновенный мастеръ расказывать о какомъ предметѣ угодно: все, кажется, было ему доступно и знакомо. Онъ обладалъ обширною памятью и говорилъ одинаково плодовито и хорошо о театрѣ, о романѣ, о дѣлахъ общественныхъ и проч. Онъ былъ очень занимателенъ въ дамской компаніи, и его съ удовольствіемъ слушали. На вечера являлся по временамъ поэтъ Пушкинъ; но онъ не производилъ особеннаго тамъ эффекта, говорилъ немного, больше о

---

[1]) См. выше, стр. 323.

[2]) Это комнаты въ нижнемъ ярусѣ дома на Фонтанкѣ, гдѣ принимались просители у графа П. А. Шувалова и недавно у Д. С. Сипягина! П. Б.

вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Пушкинъ составлялъ какое-то загадочное, двуличное существо. Онъ кидался въ знать и хотѣлъ быть популярнымъ, являлся въ салоны и держалъ себя грязно, искалъ расположенія къ себѣ людей влiятельныхъ и высшаго круга и не имѣлъ ничего граціознаго въ манерахъ и велъ себя нѣсколько надменно. Онъ былъ и консерваторъ, и революціонеръ. Съ удовольствіемъ*) принялъ званіе камеръ-юнкера, а вертѣлся въ кругу людей не слишкомъ симпатизировавшихъ двору. Толкался по гостинымъ и занимался сочиненіями; былъ поэтъ въ душѣ, а пустился въ исторію, которая ему не далась, потому что требовала болѣе постоянства и настойчивости въ занятіяхъ, нежели сколько Пушкинъ могъ посвятить ей. Избалованный похвалами своихъ современниковъ и журналистовъ, онъ вносилъ въ свое общество какую-то самоувѣренность, которая отталкивала отъ него знакомыхъ. Онъ не принадлежалъ къ числу людей, которые могутъ увлечься откровенностію и задушевностію: всегда въ немъ видно было стремленіе быть авторитетомъ. Въ высшемъ кругу это ему не удавалось: тамъ обыкновенно принимаютъ поэтовъ и извѣстныхъ артистовъ совсѣмъ съ другою цѣлью и не столько имъ желаютъ угождать, сколько сами требуютъ отъ нихъ угожденій. Къ сожалѣнію многіе подчиняются этому требованію, и едва ли не было замѣтно это въ Пушкинѣ. До сихъ поръ о личныхъ свойствахъ и характерѣ Пушкина мало было писано. Нѣкоторые разсѣянные по журналамъ анекдоты о немъ болѣе выказываютъ намѣреніе выставить его человѣкомъ острымъ, нѣсколько злобнымъ, желавшимъ унизить, уничтожить своего противника или претендующаго на извѣстность, нежели обрисовать его значеніе, какъ человѣка. Чѣмъ болѣе пройдетъ времени, тѣмъ менѣе останется людей, которые въ состояніи это сдѣлать по воспоминаніямъ. Большая часть его сверстниковъ сошла уже въ могилу; другіе оставшіеся не были съ нимъ въ такихъ отношеніяхъ, чтобъ могли сказать о немъ всю правду. Личность Пушкина останется навсегда неопредѣленною

Гостиная Загряжской представляла какую-то смѣсь лицъ изъ разныхъ разрядовъ общества. Къ ней являлись нѣкоторыя ловкія дамы, умѣвшія втереться туда съ цѣлью поправить обстоятельства своихъ мужей или родственниковъ. Загряжская была необыкновенно ласкова, искала случаевъ быть полезною другимъ, сама даже напрашивалась, не нужно ли было просить кого нибудь о чемъ, и этимъ нѣкоторые пользовались. Къ несчастію, кредитъ ея съ лѣтами значительно падалъ. Всѣ обѣщали исполнить ея желаніе, и никто ничего не дѣлалъ. Она

*) Это не вѣрно; напротивъ: друзья насилу уговорили Пушкина, чтобъ онъ не бѣсновался, и представлялся онъ въ чужомъ (Н. М. Смирнова) мундирѣ. П. Б.

объ этомъ забывала и при новомъ настояніи повторяла свои просьбы, которыя также оставались безъ дѣйствія. Расказывали, что ей случалось просить за двухъ - трехъ лицъ на одно и тоже мѣсто, или за обоихъ противниковъ въ какомъ нибудь дѣлѣ. Племянника своего кн. Кочубея она никогда ни о чемъ не просила и говорила всѣмъ объ этомъ откровенно. Князь настоятельно требовалъ отъ нея, чтобъ она не заставляла его хлопотать за лицъ обращающихся къ ней съ просьбами, и она въ точности исполняла его требованіе. За то всѣмъ прочимъ пощады отъ нея не было. Если нужно было кого нибудь просить, она тотчасъ посылала къ нему человѣка съ просьбою пріѣхать къ ней, и тотъ немедленно являлся, выслушивалъ ея просьбу и дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь вовсе ея ходатайствомъ. На вечерахъ ея кн. Кочубей держалъ себя чрезвычайно важно, мало говорилъ, оставался короткое время. Онъ былъ въ полной формѣ эгоистъ; такимъ считала его и Загряжская. Она его не слишкомъ любила; за то обожала жену его, рожденную Васильчикову, Марію Васильевну, женщину весьма ласковую и повидимому добрую. Княгиня оставалась гораздо долѣе и часто просиживала цѣлый вечеръ толковать съ гостями, которые не играли въ карты. Не смотря на то, что каждый вечеръ пріѣзжало много гостей, Загряжская безпокоилась, что у нея не будетъ партіи и по крайней мѣрѣ раза три въ недѣлю присылала ко мнѣ человѣка звать на партію. Очень часто являясь по приглашенію, я заставалъ у нея людей, пріѣзжавшихъ нарочно поиграть съ нею. Я бывалъ лишній и, оставаясь безъ занятія, не зналъ, что̀ дѣлать отъ скуки. Хотя Загряжская рекомендовала меня многимъ изъ своихъ гостей, но ихъ вниманіе ко мнѣ ограничивалось удостоеніемъ меня своею улыбкою и нѣсколькими привѣтливыми словами. Я не признавалъ за собою пра̀ва требовать отъ нихъ бо̀льшаго: каждый изъ нихъ былъ столько занятъ своими связями и собою, что не могъ имѣть особеннаго стремленія заниматься человѣкомъ, для него совершенно чуждымъ, съ которымъ у него не было ничего общаго. Я притомъ не былъ слишкомъ разговорчивымъ и если ко мнѣ не обращались съ вопросами, то конечно не вмѣшивался въ разговоръ, который впрочемъ большею частію касался происшествій домашняго и общественнаго ихъ быта. Я тутъ ничего не понималъ, разговоръ меня интересовать не могъ; мнѣ оставалось только, слушая, хлопать глазами. Какъ ни выдавала себя Загряжская за патріотку, говоря съ гостями не иначе какъ по-русски, Французскій языкъ преобладалъ въ ея гостиной. Этихъ господъ и особенно дамъ нельзя было заставить говорить на родномъ языкѣ. Это было противно ихъ понятіямъ о приличіи, изящности, противно ихъ привычкамъ, полученнымъ съ малолѣтства и пре-

вратившимся въ природу. Загряжская всегда съ колкостію отзывалась о своихъ родныхъ и знакомыхъ проживавшихся за границею и удивлялась, какъ можно надолго оставлять свое отечество и жить съ чужими людьми. Въ то время не было еще той маніи жить за границею, какая развилась впослѣдствіи даже до безобразія. Уѣзжали одни знатные и люди богатые. Княгинѣ Кочубей тоже хотѣлось ѣхать за границу, но Загряжская ея не пускала: безъ нея она очень бы скучала. Она требовала, чтобъ та была безпрерывно съ нею и употребляла всѣ хитрости, чтобъ видѣть ее чаще; но княгиня не могла исключительно посвятить себя для нея: у нея были свои общественныя обязанности. Не было дня, чтобъ Загряжская не дѣлала ей замѣчаній за равнодушіе къ ней; она ревновала ее даже къ мужу. Старушка до глубокихъ лѣтъ сохранила всю молодость любящаго сердца, и трудно объяснить, до какой степени она могла любить въ такіе годы, когда по обыкновенному ходу природы человѣкъ становится не только холоднымъ ко всему, но даже черствѣетъ до безчувствія. Загряжская готова была на всѣ пожертвованія для того, кого любила, и искала одного: нѣкотораго вниманія къ себѣ. Въ требованіяхъ своихъ сохраняла всегда приличную скромность, хотя по званію своему и по лѣтамъ имѣла право давать приказанія, а не просить. Она чувствовала, что слабѣетъ и тѣломъ и душой, и смиренно покорилась судьбѣ, радуясь по крайней мѣрѣ тому, что ея еще не совсѣмъ оставили и ее навѣщаютъ, хотя не могла не знать, что цѣлью посѣщеній собственно не она, а ея высокостепенный племянникъ. Какъ умная женщина, она очень хорошо понимала своихъ посѣтителей: въ нихъ проявлялись или пустота идей, или цинизмъ, или наконецъ безчувствіе ко всему, чтó не могло льстить стремленію ихъ къ матеріальнымъ наслажденіямъ. Она не могла любить ихъ, зная, что они бываютъ у нея только по свѣтскимъ отношеніямъ; она цѣнила истинное чувство, а въ нихъ она его не замѣчала.

Загряжская любила расказывать про старину и часто повторяла одно и тоже. Пушкинъ записалъ нѣкоторые изъ ея анекдотовъ и языкомъ, какимъ она разсказывала. Загряжская была фрейлиною при дворѣ Петра III, помнила хорошо то время, когда этотъ несчастный императоръ отправлялся изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, гдѣ думалъ произвести контръ-революцію или по крайней мѣрѣ укрыться отъ преслѣдованія своей жены. Надежда на вѣрность Кронштадскаго гарнизона его обманула; онъ былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами и долженъ былъ воротиться назадъ. Загряжская расказывала этотъ эпизодъ съ большой обстоятельностью. Проведя всю жизнь при дворѣ, она была очевидицею многихъ интересныхъ происшествій царствованій Екатерины, Павла и Александра. Однажды я рѣшился изъявить ей

сожалѣніе, почему она не вела никакихъ записокъ: онѣ составили бы рѣдкую книгу для будущихъ поколѣній. «Эхъ, мой другъ, отвѣчала она, я никогда не умѣла писать, гдѣ мнѣ было вести записки; потомъ память потеряла». Дѣйствительно жаль, что она не оставила послѣ себя никакихъ воспоминаній о временахъ, въ которыя она сама бывала дѣйствующимъ лицомъ. Много любопытныхъ подробностей напрасно исчезли изъ страницъ исторіи.

Загряжская была кривобока. Этотъ физическій недостатокъ мѣшалъ ей быть матерью. За всѣмъ тѣмъ она вышла замужъ за человѣка, котораго очень любила и уважала, но съ условіемъ, чтобъ онъ до нея не касался. Онъ подчинился этому условію, и они прожили до глубокой старости, оставаясь только искренними друзьями. Онъ умеръ за долго до нея. О немъ отзывались какъ о человѣкѣ умномъ, добромъ и очень благотворительномъ.

Почтенная старушка играла въ карты очень дурно и всегда проигрывала, но игра сдѣлалась ей потребностью; играли по 25 к. за фишку, и часто проигрышъ составлялъ для нея къ концу года значительную сумму. Она ею охотно жертвовала, чтобъ только сократить утомительное для нея вечернее время. Послѣ игры оставались у нея ужинать. За ужиномъ говорили непринужденно и безъ всякихъ претензій, эти полчаса я проводилъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Послѣ ужина нельзя было тотчасъ расходиться: надобно было еще посидѣть нѣкоторое время, пока старушка не кончитъ своего пасьянса. Она не любила ложиться рано спать и удерживала своихъ гостей какъ можно долѣе.

Нѣсколько разъ Загряжская спрашивала меня, не можетъ ли она быть мнѣ въ чемъ нибудь полезною. Я всегда отвѣчалъ ей, что службою доволенъ и пока ничего не ищу. Не смотря на то, она непремѣнно хотѣла познакомить насъ съ графинею Канкриной на случай, если бы нужно было заинтересовать въ пользу мою графа Канкрина. Въ одинъ вечеръ, получивъ свѣдѣніе, что графиня будетъ къ ней на чай, она дала тотчасъ объ этомъ мнѣ знать и просила пріѣхать къ ней съ женою. Мы отправились, но графиня прислала сказать, что въ этотъ вечеръ быть не можетъ, а пріѣдетъ завтра. Загряжская потребовала, чтобы и мы явились завтра. Нечего было дѣлать, надобно было исполнить требованіе. На другой день Загряжская представила насъ Канкриной. Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали къ графинѣ съ визитомъ; насъ приняли очень любезно. Графиня, впрочемъ, была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя любятъ хлопотать за людей собственно имъ преданныхъ и мало обращала вниманія на обществен-

ныя отношенія. Она рѣдко выѣзжала въ свѣтъ, гдѣ ея не слишкомъ жаловали. У нея не было тѣхъ манеровъ, которые тамъ усвоены. Мы ѣздили къ ней по временамъ, и конечно, напрасно: или дома ея нѣтъ, или нездорова, или просто почему нибудь принять не можетъ. Это знакомство ни къ чему намъ не послужило, мы не умѣли употребить его въ нашу пользу; ни я, ни жена моя не могли ее заинтересовать собою; для этого нужны были качества, которыхъ въ насъ недоставало. Намъ тяжело было ѣздить къ ней; казалось, что она и всѣ видѣли стремленіе наше сблизиться съ нею изъ корыстныхъ видовъ. Такая мысль чрезвычайно оскорбляла наше самолюбіе. Наши визиты сдѣлались рѣже, рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились: мы убѣдились въ ихъ безполезности.

Между тѣмъ я пожелалъ однажды воспользоваться любезнымъ вызовомъ Загряжской что нибудь для насъ сдѣлать. Открылось мѣсто предсѣдателя Казенной Палаты въ Петербургѣ. На другой день смерти занимавшаго эту должность Якубовскаго, теща моя поѣхала къ Загряжской и объяснила ей наши виды. Она съ жаромъ взялась за дѣло и въ тотъ же день послала къ гр. Канкрину просить его къ себѣ. Тотъ на другой день явился. Она разсказала ему, для чего она желала съ нимъ видѣться, и передала ему составленную мною записку о помѣщеніи меня на открывшуюся вакансію. Канкринъ принялъ это ходатайство съ неудовольствіемъ, отозвался ей, что я для этого мѣста еще молодъ, что мѣсто довольно важное, отвѣтственное; однимъ словомъ, отказалъ ей. Черезъ два-три дня мнѣ сообщено отъ Канкрина, что ему непріятно, когда обращаются къ постороннимъ лицамъ для полученія мѣстъ, и я могъ обратиться прямо къ нему, или черезъ мое начальство. Замѣчаніе вполнѣ дѣльное, хотя и не совсѣмъ вѣрное. Безъ ходатайства сильныхъ людей едва ли много получишь въ своемъ вѣдомствѣ, надѣясь только на свою службу. Такимъ образомъ я не получилъ мѣста, которое впрочемъ было бы мнѣ кстати и вполнѣ могло бы меня устроить: я оставался бы въ Петербургѣ, откуда жена моя ни за что не хотѣла выѣзжать, не желая разставаться съ матерью, о чемъ даже говорила выходя за меня замужъ. Мѣсто предсѣдателя досталось человѣку моложе меня, одному изъ секретарей Канкрина Жадовскому, котораго графиня очень жаловала, такъ что злая хроника приписывала это назначеніе особенному расположенію къ нему графини. Этотъ Жадовскій составилъ въ скоромъ времени огромное состояніе, пустился въ большія спекуляціи, велъ роскошную жизнь, нанималъ большую квартиру, за которую платилъ 7000 р. асс., давалъ обѣды и считалъ себя однимъ изъ счастливцевъ міра. Такъ его и

другіе разумѣли. Но все въ мірѣ прахъ и тлѣнъ: черезъ нѣсколько лѣтъ онъ потерялъ свое мѣсто, состояніе его разстроилось отъ неудачныхъ спекуляцій, такъ что кругъ его дѣйствія сузился до весьма ограниченныхъ размѣровъ, и у него не бывало денегъ въ карманѣ на самые необходимые предметы въ жизни; вскорѣ онъ оставилъ совсѣмъ службу (послѣднее время онъ былъ членомъ Совѣта Министерства Финансовъ), поѣхалъ въ свою Костромскую деревню, гдѣ крестьяне побили его за жестокое обращеніе. Онъ удалился въ другое свое имѣніе въ Оренбургской губерніи*), но и тамъ ему не посчастливилось. Онъ не забылъ своихъ Костромскихъ привычекъ и скоро довелъ крестьянъ до совершеннаго раздраженія, за поступки свои преданъ былъ слѣдствію и суду и посаженъ въ острогъ (онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ). Какъ кончилось его дѣло, я узнать не могъ.

Вообще я не умѣлъ о себѣ хлопотать; мнѣ трудно было убѣдить себя, что настоящее для меня нехорошо и надобно искать лучшаго. Я былъ всегда доволенъ тѣмъ, чтó имѣю и умѣлъ искусно изворачиваться своими средствами. Такое воззрѣніе на предметы не могло быть ручательствомъ того, что я сдѣлаю себѣ карьеру по службѣ. Всегда я дѣйствовалъ неохотно, слабо, безъ всякой ловкости и настойчивости, больше предоставлялъ хлопотать другимъ и только въ послѣдней крайности рѣшался просить о себѣ, и то лишь для успокоенія своей совѣсти, чтобъ послѣ не пенять на себя. Загряжская была слишкомъ стара, чтобъ понять всѣ обстоятельства и обсудить средства, которыя нужно употребить для успѣха. Она все еще думала попрежнему, что стóитъ ей только попросить кого нибудь, и тотчасъ все сдѣлается по желанію ея. Неудачи, которыя она испытывала, вовсе не охлаждали ретивости ея просить за другихъ. Часто случалось мнѣ съ грустнымъ чувствомъ слушать, какъ она приставала къ нѣкоторымъ лицамъ съ тою или другою просьбою и какъ должна была выслушивать резоны, почему нельзя было исполнять ея просьбу. Подобные отказы дѣлались добросовѣстными людьми, а большая часть давала обѣщанія, успокоивала старушку и потомъ подтрунивала надъ страстїю ея хлопотать за другихъ. Недолго мы съ нею побыли. Въ одинъ вечеръ она не могла явиться въ гостиную и сѣсть за свой бостонъ. На слѣдующій день она слегла, на третій день ея не стало. Она уснула спокойно, безъ страданій.

Постоянные посѣтители ея, особливо бывавшіе у ней каждый день, осиротѣли и должны были обратиться къ другому роду жизни. Они много въ ней потеряли; въ ней они видѣли истиннаго друга, которому могли повѣрить все, чтó было на душѣ, зная, что

*) Тамъ служилъ у Жадовскаго на винномъ заводѣ молодой В. А. Кокоревъ. П. Б.

она приметъ въ нихъ теплое участіе. Положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ она успѣла хорошо устроить. Со смертію ея кончилось мое знакомство съ лицами, которыхъ я встрѣчалъ въ ея гостиной. На улицахъ я продолжалъ съ ними раскланиваться, но мало-по-малу я отсталъ и отъ этой необходимости, дѣлая видъ, что не вижу ихъ и смотря въ другую сторону, чѣмъ конечно и они были довольны. Еще нѣкоторое время продолжали мы знакомство съ графиней Уваровой, съ которой иногда встрѣчались и у Загряжской, ея родной тетки, бывали у нея съ утренними визитами; но эта сухая, чисто матеріальная женщина такъ мало показывала намъ истиннаго участія, что мы вскорѣ совсѣмъ ее оставили. Такимъ образомъ вся эта знать сдѣлалась для меня совершенно чуждою. Мы объ этомъ не жалѣли, напротивъ были довольны: знакомство съ этими господами только оскорбляло наше самолюбіе. Мы не позволяли себѣ съ ними и тѣни униженія, но они по привычкѣ важничать своимъ именемъ и богатствомъ всегда болѣе или менѣе давали чувствовать свое превосходство. Это не всегда можно было спокойно переносить.

Семейство наше постепенно прибавлялось. Рожденіе дѣтей сильно изнуряло жену мою. Она и безъ того не могла похвастаться излишнимъ здоровьемъ. Дѣтство ея было истомлено усиленнымъ ученіемъ и недостаткомъ движенія; потомъ, когда выросла, ее стали возить по баламъ, которые окончательно разстроили ея силы. Мать считала это необходимымъ: красота дочери и ея достоинства льстили ея самолюбію. До свадьбы мы нигдѣ не встрѣчались съ женою на балахъ, хотя я также любилъ потанцовать и ѣздилъ во многіе дома, гдѣ давали балы. Судьба свела насъ иначе, какъ бы въ подтвержденіе тому, что частые выѣзды на вечера не всегда служатъ къ сближенію съ людьми, съ которыми суждено прожить вѣкъ вмѣстѣ. Но можно было извинить мать: она полагала весьма естественнымъ вывозить свою дочь въ свѣтъ, гдѣ думала найти человѣка, который пригодился бы ей въ зятья. Она крѣпко ошиблась, а между тѣмъ здоровье дочери было подорвано. Теперь у нея не хватало силъ на выполненіе всѣхъ обязанностей матери: дѣтей своихъ она сама не могла кормить, ухаживаніе за ними по ночамъ сильно ее изнуряло. Нервы ея были разстроены, малѣйшій пискъ дѣтей приводилъ ее въ волненіе; она видѣла опасность тамъ, гдѣ не было и признаковъ, на замѣчанія мои о безполезности подобной суетливости она сердилась и называла меня безчувственнымъ. Надобно было привыкнуть къ такому положенію вещей, и я, видя, что передѣлать этой тонкой, раздражительной натуры не могу, предоставлялъ ей дѣлать какъ она хочетъ. Она сама чувствовала, что поступаетъ неблагоразумно, но иначе дѣйствовать не умѣла.

Съ умноженіемъ семейства увеличивались и наши расходы: завелись кормилицы и няньки, явились и другія непредвидѣнныя издержки. Надо было стѣсняться. Задумывая жениться, я мало интересовался о приданомъ жены; смутно зналъ только, что у нея есть два имѣнія, одно въ Новгородской губерніи (небольшая деревенька и довольно порядочное количество лѣса) и другое въ Тверской губерніи, деревня душъ 30. Но сколько оба эти имѣнія могли приносить дохода, мнѣ не было извѣстно. О лѣсѣ говорили, что это отличное имѣніе, между тѣмъ оно не давало почти никакого дохода. Надобно было заняться приведеніемъ дѣлъ нашихъ въ порядокъ; до женитьбы моей никто не заботился объ этихъ имѣніяхъ. Вскорѣ стали являться желающіе купить у насъ лѣсъ и предлагали за него до 20 тыс. асс. Не зная настоящей цѣнности его, мы ни на что не рѣшались. Прошло нѣсколько лѣтъ, покупщики исчезли, мы оставались въ совершенномъ невѣдѣніи о достоинствѣ лѣса и чтó за него просить можно. Я мало думалъ объ этомъ, не имѣя никакой опытности въ торговыхъ дѣлахъ. Мнѣ, конечно, слѣдовало бы отправиться на мѣсто, осмотрѣть все въ подробности съ людьми знающими и собрать такимъ образомъ самыя точныя свѣдѣнія; но мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ это нужно было сдѣлать. Жена также объ этомъ не заботилась, и мы жили спустя рукава. Наконецъ снова показались покупщики и стали набавлять цѣну. Тогда мнѣ пришла въ голову мысль, нельзя ли продать лѣсъ въ вѣдомство военныхъ поселеній, которое, сколько было мнѣ извѣстно, пріобрѣтало по близости лѣсныя и другія угодья удобныя для округленія его хозяйства. Я обратился въ департаментъ военныхъ поселеній, гдѣ чрезъ рекомендацію познакомился съ однимъ изъ начальниковъ отдѣленія; мнѣ посовѣтовали подать просьбу, чтó я и исполнилъ. Департаментъ послалъ своего землемѣра для измѣренія лѣса. Дѣло длилось довольно долго; наконецъ мнѣ объявили, что по измѣренію оказалось удобнаго лѣса двѣ тысячи съ чѣмъ-то десятинъ и, что если я желаю продать его, то мнѣ предлагается по 15 р. за десятину. Я очень доволенъ былъ подобнымъ результатомъ, онъ значительно поднималъ цѣнность лѣса, и я зналъ, чтó можно за него запрашивать. Во всякомъ случаѣ, если бы даже не было въ виду частныхъ покупщиковъ, я могъ бы продать лѣсъ въ казну: цѣну я находилъ удовлетворительною. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и я получилъ увѣдомленіе департамента военныхъ поселеній, что, по случаю преобразованій въ поселеніяхъ, въ покупкѣ для нихъ имѣній больше не представляется надобности. Эта новость была крайне для меня непріятна. Я пустился отыскивать частныхъ покупщиковъ, тщетно объѣздилъ въ Петербургѣ всѣ лѣсные и дровяные дворы, вездѣ получалъ

отвѣты, что лѣсовъ не покупаютъ въ настоящее время. Спустя только долгое время, явился ко мнѣ повѣренный одного изъ сосѣдей по имѣнію помѣщика Унковскаго съ предложеніемъ продать лѣсъ. Онъ далъ послѣднюю цѣну 38,500 р., и я согласился продать за эту сумму. Капиталъ этотъ могъ давать намъ процентовъ до 3000 р. въ годъ, что́ значительно увеличивало способы наши къ жизни. Часть его употреблена была на покупку акцій Американской Компаніи и бумагопрядильной мануфактуры, а часть отдана взаймы г-жѣ Веловзоръ; къ сожалѣнію половина послѣдней части погибла безвозвратно: должница не уплатила ея.

Я никогда не умѣлъ распоряжаться деньгами; другіе могли бы сдѣлать изъ такого капитала обороты, которые приносили бы хорошія выгоды, или пріобрѣсть имущество, какъ, напримѣръ, домъ въ Петербургѣ или деревеньку, но для этого у меня недоставало ни предпріимчивости, ни опытности. Гораздо легче отдать деньги взаймы на проценты и ни о чемъ болѣе не хлопотать. Первый опытъ отдачи мною денегъ взаймы князю *** не послужилъ мнѣ въ пользу. Я растерялъ уже одинъ капиталъ. Подобной участи подвергался и другой капиталъ. Но какимъ образомъ отказать матери моей жены, которая готова была всѣмъ для нея жертвовать? О будущемъ мы мало съ нею думали.

Между тѣмъ я не совсѣмъ отказался отъ желанія поправить свое состояніе и пользовался всѣми случаями, какіе для того представлялись. Одинъ изъ дальнихъ родственниковъ моей жены, отставной офицеръ Я., явился однажды ко мнѣ съ предложеніемъ, не желаю ли участвовать въ одномъ предпріятіи, которое дастъ мнѣ порядочный доходъ. Оно состояло въ слѣдующемъ. Нѣкто Бухтеевъ, Кіевскій купецъ, давно уже умершій, придумалъ машину для пробиванія на мелководныхъ рѣкахъ мелей съ цѣлью облегчить судоходство. Послѣ Бухтеева остался сынъ, который желалъ испросить на это изобрѣтеніе привиллегію и завелъ объ этомъ дѣло. Управленіе путей сообщенія потребовало отъ Бухтеева опытовъ съ тѣмъ, что если машина окажется полезною, то будутъ составлены правила для дѣйствія машины и ему выдана будетъ привилегія. Для этихъ опытовъ ему нужны были деньги. Я—й, сблизившись съ нимъ, захотѣлъ быть участникомъ и взялся отыскивать деньги. Съ этою цѣлью онъ явился и ко мнѣ. Предпріятіе казалось блестящимъ и обѣщало много выгодъ, тѣмъ болѣе, что само правительство было заинтересовано имъ и дѣло уже разсматривалось въ Комитетѣ Министровъ. Я соблазнился и далъ Я—у 1500 р. Опыты начались на Волгѣ, между Тверью и Рыбинскомъ.

Здѣсь лѣтомъ вода такъ сильно падаетъ, что суда нагруженныя тяжело не могутъ плыть безостановочно и должны перегружать товары на множество маленькихъ лодокъ, что̀ очень замедляетъ дѣло и требуетъ значительнаго числа работниковъ, отчего усиливаются расходы на перевозку товаровъ. Машина ставится на воду, она имѣетъ впереди носъ въ родѣ щучьяго и съ боковъ крылья. Плывя постепенно по водѣ, этимъ носомъ и крыльями она очищаетъ себѣ русло достаточное для движенія слѣдующихъ за нею барокъ. Опыты произведены были успѣшно не только на Волгѣ, но и на Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ также существуютъ мели, препятствующія судоходству. Я—й вездѣ самъ ихъ производилъ, лазилъ въ воду, подвергался всѣмъ непріятностямъ кочевой жизни, не унывалъ, надѣялся достичь самыхъ благопріятныхъ результатовъ и каждый разъ, когда бывалъ въ Петербургѣ, заходилъ ко мнѣ отдавать отчетъ въ своихъ подвигахъ. Все льстило надеждѣ на успѣхъ предпріятія; между тѣмъ я заключилъ условіе, по которому мнѣ слѣдовало получать при дѣйствіи машины извѣстную пропорцію изъ выручаемыхъ отъ нея доходовъ по количеству внесенной мною суммы. Наконецъ все было готово, свѣдѣнія были собраны и засвидѣтельствованы мѣстными участниками въ опытахъ, и все это было представлено графу Клейнмихелю, а отъ него вмѣстѣ съ составленными правилами внесено въ Комитетъ Министровъ, который велѣлъ истребовать отъ Бухтеева свѣдѣнія, согласенъ ли онъ на тѣ правила. Въ нихъ заключались двѣ-три статьи, которыя Бухтеевъ желалъ нѣсколько измѣнить, о чемъ онъ и упомянулъ въ своемъ отзывѣ. Комитетъ, на томъ основаніи, что Бухтеевъ вполнѣ не согласенъ принять составленныя правила, положилъ отказать ему въ привилегіи. Такимъ образомъ дѣло рушилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ погибли и мои 1500 р. Дѣлу этому противодѣйствовали всѣ тѣ лица, которыя находили болѣе выгодъ въ старомъ порядкѣ. Судохозяева, большею частію повѣренные или прикащики, предпочитали прежнюю перегрузку товаровъ: они показывали своимъ вѣрителямъ огромные на этотъ предметъ расходы и половину ихъ клали въ свой карманъ. Прибрежные крестьяне получали большіе барыши отъ безпрерывныхъ остановокъ судовъ за мелями, ихъ нанимали для перегрузки; сверхъ того, имъ платили за продовольствіе; наконецъ, управленіе путей сообщенія не находило своихъ расчетовъ въ новомъ порядкѣ движенія судовъ, потому что слѣдовало оставить прежнюю систему поднятія водъ при устьѣ Волги посредствомъ искуственныхъ возвышеній береговъ сжимающихъ водяное русло, что̀ давало имъ хорошій доходъ. Бухтеевъ былъ крайне огорченъ отказомъ, намѣревался возобновить дѣло, сдѣлать требуемыя уступки, но испугался новыхъ расходовъ, увидѣлъ свою слабость, предчувствовалъ неудачи и бросилъ хлопотать.

Вскорѣ представилось мнѣ новое дѣло, которое обѣщало мнѣ значительныхъ выгоды.

Я познакомился, сблизился и подружился съ Завилейскимъ. Послѣднее время своей службы былъ онъ предсѣдателемъ Грузинской Каз. Палаты, а потомъ Тифлисскимъ губернаторомъ. Въ этой должности ему не повезло: у него оказалось много людей, ему недоброжелательствовавшихъ, его смѣнили и даже затѣяли ему непріятное дѣло, отъ котораго онъ съ трудомъ отдѣлался. Онъ попалъ наконецъ въ члены Совѣта Минист. Финансовъ. Онъ былъ женатъ на дочери Красноярскаго золотопромышленника Попова, поэтому имѣлъ хорошее состояніе. Каждый Четвергъ у него бывали славные обѣды, на которые я постоянно являлся. Не знаю почему, онъ меня очень полюбилъ. Вскорѣ онъ захворалъ. У него открылась спазмодическая одышка, которая мало-по-малу совершенно его изнурила. Я усердно посѣщалъ его. Однажды онъ сообщилъ мнѣ намѣреніе свое передать въ полную собственность мою одинъ спорный пріискъ, предоставленный ему его тестемъ, съ тѣмъ, чтобъ я принялъ на себя хлопоты по дѣлу. Онъ отзывался объ этомъ пріискѣ, что, въ случаѣ выигрыша этого дѣла, тесть самъ дастъ мнѣ за него 50000 р., если я пожелаю уступить его ему. Я поблагодарилъ его за такой подарокъ и просилъ передать мнѣ для разсмотрѣнія всѣ бумаги, что́ тотчасъ онъ исполнилъ. Дома я внимательно прочелъ бумаги и нашелъ, что противная сторона не права̀, а заявка пріисковъ Поповымъ сдѣлана была своевременно и въ должномъ порядкѣ. Я явился къ Завилейскому и сообщилъ ему свое мнѣніе, которое онъ вполнѣ раздѣлялъ. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что не замедлитъ совершить актъ на передачу мнѣ своего права на пріискъ, но такъ какъ онъ чувствуетъ себя нехорошо, то проситъ подождать пока онъ поправится. Послѣ того я еще заходилъ къ нему и нашелъ его гораздо лучше. Онъ собирался отыскать бумагу, по которой переданъ ему пріискъ Поповымъ съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать на ней надпись на мое имя или въ случаѣ надобности совершить формальную довѣренность. Это было въ Воскресенье. Онъ просилъ меня прійдти къ нему на другой день послѣ обѣда для окончанія дѣла. Въ Понедѣльникъ я собрался идти къ нему, какъ встрѣтилъ въ передней его человѣка съ извиненіемъ, что не можетъ меня принять. Ему сдѣлалось хуже. Въ Среду я получилъ билетъ на похороны. Такимъ образомъ онъ не успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Между тѣмъ всѣ бумаги о пріискѣ остались у меня. Собравшись въ назначенный день на погребеніе, я нашелъ тамъ между прочими Ореуса и Рѣпинскаго, которымъ и разсказалъ обстоятельства дѣла. Они приняли

во мнѣ участіе, и послѣдній, какъ нѣсколько завѣдывавшій въ Петербургѣ дѣлами Попова, обѣщался написать къ нему и уговорить его исполнить волю покойнаго зятя, т. е. совершить со мною актъ. И дѣйствительно онъ отправилъ письмо. Вскорѣ предъявилъ онъ мнѣ отвѣтъ Попова, что, не имѣя никакихъ доказательствъ желанія своего зятя на передачу мнѣ пріиська, онъ не можетъ совершить никакого акта. Рѣпинскій не удовольствовался однако этимъ отвѣтомъ; онъ счелъ даже себя оскорбленнымъ, что Поповъ ему не вѣритъ и вторично писалъ къ нему, что онъ долженъ выдать актъ. Тогда отъ Попова получено было письмо, что онъ соглашается на выдачу акта и вскорѣ это исполнитъ; при чемъ просилъ, чтобъ я занялся этимъ дѣломъ и составилъ куда слѣдуетъ нужныя бумаги. Такое обѣщаніе меня очень порадовало, и я считалъ пріиски почти въ моемъ карманѣ. Немедленно я написалъ къ Сибирскому генералъ-губернатору просьбу, которую и отослалъ къ Попову для подписи и просилъ его сообщать мнѣ нужныя свѣдѣнія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Между тѣмъ тщетно я ожидалъ отъ Попова акта. Онъ не высылалъ его ко мнѣ, хотя и въ своемъ письмѣ онъ увѣрилъ меня, что вышлетъ его безъ замедленія. Я воспользовался поѣздкою въ Сибирь одного изъ моихъ знакомыхъ и поручилъ ему повидаться съ Поповымъ и переговорить о моемъ дѣлѣ. Этотъ знакомый съ Поповымъ не встрѣтился и ничего для меня не сдѣлалъ. Черезъ нѣкоторое время отправлялся въ Сибирь другой мой знакомый. Я просилъ его принять на себя составленіе акта и при свиданіи съ Поповымъ кончить это дѣло. Но этотъ господинъ поступилъ со мною какъ медвѣдь съ хозяиномъ, котораго во снѣ безпокоила муха. Онъ составилъ проэктъ акта съ такими условіями, на которыя Поповъ не согласился. По пріѣздѣ его въ Петербургъ онъ сообщилъ мнѣ о неудачахъ переговоровъ его съ Поповымъ, показывалъ мнѣ проэктъ акта, въ которомъ я нашелъ много совсѣмъ ненужныхъ условій; слѣдовало составить простой актъ на передачу, но господинъ изъ усердія ко мнѣ старался сколько можно болѣе выгадать въ мою пользу и это простое дѣло превратилъ въ весьма сложное. Время терялось напрасно въ безполезныхъ сношеніяхъ съ Поповымъ; разстояніе было огромное, отъ Петербурга до Красноярска слишкомъ 4700 верстъ, и я не видѣлъ конца дѣлу; наконецъ получилъ извѣстіе, что вскорѣ прибудетъ въ Петербургъ сынъ Попова, и я съ нимъ могу уладиться. Надобно было ожидать этого сына. И дѣйствительно онъ пріѣхалъ, и явился ко мнѣ. Я спросилъ его, имѣетъ ли онъ отъ отца полную довѣренность на окончаніе со мною дѣла. Онъ отвѣчалъ, что имѣетъ. Слава Богу, авось кончимъ. Прошло нѣкоторое время, сынъ ничего не дѣлаетъ. Я зашелъ къ нему; онъ извинялся, что у него много хлопотъ

и ему некогда приступить къ заключенію акта; впрочемъ ему надобно еще сообразить. Молодой человѣкъ, какъ и всѣ купчики его сорта, любилъ покутить и, дорвавшись до Петербурга изъ скучной Сибири, радъ былъ воспользоваться случаемъ повеселиться. Дѣло откладывалось со дня на день. Наконецъ онъ объявилъ мнѣ, что на отца его по одному золотопромышленному дѣлу, также спорному, какъ и наше, Сенатъ наложилъ огромный штрафъ за неправый искъ и что поэтому, въ случаѣ проигрыша нашего дѣла, будетъ наложенъ на нихъ новый штрафъ, и отецъ его полагаетъ лучше пріостановиться отыскиваніемъ своихъ правъ по нашему пріиску впредъ до лучшихъ обстоятельствъ. За симъ молодой купчикъ мнѣ раскланялся, и мы больше съ нимъ не встрѣчались. Мои золотые пріиски исчезли, какъ дымъ.

Вскорѣ тотъ же Я . . . й явился ко мнѣ съ новымъ предложеніемъ дать одному купцу 1000 р. для веденія одного спорнаго въ Сенатѣ дѣла съ тѣмъ, чтобъ я помогъ ему и употребилъ свое ходатайство у кого слѣдуетъ. За это, кромѣ процентовъ на ссужаемый мною капиталъ, онъ даетъ мнѣ извѣстную часть изъ выигрыша дѣла. Почему же не попробовать? Предложеніе было выгодное. Я рѣшился дать 1000 р. Заключено было условіе, и я приступилъ къ ходатайству; нѣкоторое время слѣдилъ за дѣломъ, которое двигалось очень медленно. Наконецъ купецъ черезъ Я . . . го выразилъ мнѣ желаніе, чтобъ я отказался отъ всякаго участія по этому дѣлу, отъ котораго при слабомъ вниманіи моемъ къ нему онъ ожидаетъ мало успѣха, должныя же имъ мнѣ деньги онъ постарается немедленно мнѣ отдать. Насильно милъ не будешь; я охотно отказался и поручилъ ему возвратить мнѣ тотчасъ деньги. Но это не такъ скоро сдѣлалось. Купецъ исправно уплатилъ мнѣ свой долгъ, но безъ всякихъ процентовъ, хотя продержалъ деньги болѣе полугода. Я былъ и тѣмъ доволенъ, что не потерялъ капитала.

Такимъ образомъ ни одна изъ денежныхъ моихъ спекуляцій мнѣ не удалась. Я долженъ былъ признать себя совершенно неспособнымъ на денежныя аферы; мнѣ недоставало для этого нужной ловкости и смѣтливости; я не умѣлъ настойчиво хлопотать, для чего нужна извѣстная доля и безстыдства, и лицемѣрія, и униженія, а главное надобно очень любить деньги, такъ чтобъ онѣ занимали всѣ мысли. Этой любви у меня никогда не было. Я считалъ себя счастливымъ, если забывалъ о деньгахъ; мнѣ ихъ нужно было на столько, чтобъ я могъ выдавать ихъ всегда безъ затрудненія по требованіямъ однихъ необходимыхъ въ домѣ расходовъ. Лишнихъ расходовъ я не допускалъ и легко могъ безъ нихъ обходиться. Прихоти мои вообще были очень умѣренны, и

содержанія моего по службѣ доставало для жизни съ семействомъ. Это обстоятельство вредно дѣйствовало на мою дѣятельность. Довольствуясь тѣмъ, что̀ имѣю, я не предпринималъ ничего для улучшенія моего положенія. Иногда приходила мысль перемѣнить службу, такъ какъ она не вполнѣ соотвѣтствовала моимъ видамъ и не льстила въ будущности, но я не рѣшался мѣнять вѣрное на невѣрное. Я получалъ хорошее содержаніе при готовой квартирѣ. Въ другомъ вѣдомствѣ я не могъ имѣть этого; конечно честолюбіе было бы болѣе удовлетворено, но на это я смотрѣлъ также нѣсколько философски. Мѣсто правителя канцеляріи, которое я занималъ въ департаментѣ, не давало однако пищи моей дѣятельности; мнѣ хотѣлось чего нибудь поумнѣе, и я воспользовался первою ваканціею начальника отдѣленія, гдѣ производство дѣлъ было гораздо серьезнѣе. Я сталъ ѣздить съ докладами къ графу Канкриву.

Но, сближаясь съ министромъ, я познакомился съ такими непріятностями, которыхъ прежде не испытывалъ. Канкринъ былъ человѣкъ чрезвычайно капризный. Онъ страдалъ хирагрою и когда его мучила боль, то дѣлался невыносимъ: все было не по немъ. Къ несчастію мнѣ приходилось ѣздить къ нему по Пятницамъ, въ тотъ день, когда онъ бывалъ съ докладомъ у Государя. Часто онъ возвращался оттуда въ самомъ дурномъ настроеніи духа, и на мнѣ обрушивались неудовольствія, испытанныя имъ па докладѣ. Это меня очень разстроивало. Цѣлый день я справиться не могъ; я терялъ аппетитъ и за обѣдомъ почти ничего не ѣлъ; желчь моя сильно страдала. Какъ я ни старался увѣрить себя, что министръ ничего не можетъ имѣть противъ меня лично, потому что дѣла производились скоро и добросовѣстно, но вѣчная сухость и ворчливость его оставляли на мнѣ тяжелое впечатлѣніе. Это самое испытывалъ и директоръ Д. М. Княжевичъ, который часто ѣздилъ со мною съ докладомъ. Мы возвращались домой какъ будто выпаренные въ банѣ. Канкринъ почему-то не жаловалъ Княжевича и иногда позволялъ себѣ съ нимъ выходки не совсѣмъ лестныя для самолюбія послѣдняго. Трудно было ихъ переносить, но нужно было покоряться впредъ до лучшихъ обстоятельствъ, если бы представились. Канкринъ былъ человѣкъ весьма ученый. Онъ получилъ солидное Нѣмецкое образованіе, подъ руководствомъ своего отца, тоже извѣстнаго ученостію. При недостаткѣ у насъ свѣдущихъ и практическихъ людей, Канкринъ скоро обратилъ на себя вниманіе и назначенъ былъ въ Отечественную войну генералъ-интендантомъ арміи; потомъ ему поручено было окончить наши счеты съ Пруссіею и Австріею по бывшей съ Французами войнѣ, а въ 1823 г. онъ сдѣланъ министромъ финансовъ.

Образъ жизни и нравы его были чисто Нѣмецкіе. Онъ безпрерывно курилъ. Женатъ былъ на Муравьевой Катеринѣ Захаровнѣ, женщинѣ, не отличавшейся изящными манерами, но доброй. Мужъ ее очень любилъ и исполнялъ всѣ ея требованія; поэтому она имѣла большое вліяніе, и въ ней заискивали желавшіе получить мѣста. У нихъ было 4 сына и 2 дочери. Мальчики получали воспитаніе дома и всѣ поступили въ военную службу. Отецъ хотя самъ началъ съ гражданской службы и оставался въ ней до статскаго совѣтника, когда съ поступленіемъ въ интендантство произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, но о статской службѣ отзывался съ презрѣніемъ и говорилъ, что дворянинъ долженъ непремѣнно служить въ военной. Изъ сыновей его ни одинъ не вышелъ въ люди. Старшій Валеріанъ былъ флигель - адъютантомъ, потомъ генералъ - маіоромъ и управлялъ нѣкоторое время Коммисаріатскимъ Департаментомъ. Онъ былъ человѣкъ не глупый, но велъ жизнь развратную, промотался въ конецъ на женщинъ и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Второй служилъ въ Преображенскомъ полку, скоро женился, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, въ Екатеринославской губерніи, предавшись хозяйству. Его считаютъ человѣкомъ солиднымъ. Прочіе двое также пустились во всѣ тяжкія. Меньшой даже былъ опубликованъ, чтобъ ему не вѣрили. Куда они дѣлись, мнѣ неизвѣстно. Они исчезли съ служебнаго горизонта. Такимъ образомъ ни одинъ не умѣлъ поддержать имя своего отца, и въ этомъ отношеніи они не отстали отъ знатныхъ Русскихъ фамилій, которыхъ молодые люди, по большей части вслѣдствіе безобразнаго воспитанія, гибнутъ въ праздности и ничтожествѣ. Дочери Канкрина вышли замужъ, одна за гр. Кейзерлинга, нынѣшняго попечителя Дерптскаго университета, другая за гр. Ламберта. Обѣ онѣ гораздо лучше своихъ братьевъ.

Ни гр. Канкрина, ни жену его не любили при дворѣ. Въ нихъ ничего не было придворнаго, они почти никуда не ѣздили, и у нихъ былъ свой небольшой домашній кругъ, состоявшій больше изъ молодыхъ людей. Канкринъ принималъ доклады и утромъ, и вечеромъ; послѣдніе продолжались иногда за полночь. Ничего не было скучнѣе этихъ докладовъ. Иногда должно было дожидаться три, четыре и даже пять часовъ, пока позовутъ. Докладъ не стоилъ этой жертвы; случалось нести съ собою не болѣе 10, 12 бумагъ, которыя подписывались менѣе нежели въ 5 минутъ, и для этихъ ничтожныхъ бумагъ надобно было терять напрасно столько времени въ ожиданіи. Вечерніе доклады были покойнѣе утреннихъ: Канкринъ былъ въ лучшемъ расположеніи духа и, казалось, смѣтливѣе. Однажды я пріѣхалъ къ нему съ Княжевичемъ вечеромъ на дачу въ Лѣсной Институтъ, гдѣ онъ обыкновенно прово-

дилъ лѣто. Мы привезли съ собою одинъ обширный проектъ объ отчужденіи имѣній и о казенныхъ по этому предмету пошлинахъ. Чтеніе проекта заняло почти часъ времени. Канкринъ слушалъ внимательно, не прерывалъ и по окончаніи чтенія сказалъ: «Все это не такъ. Садитесь, пишите... и началъ диктовать... Письмо продолжалось болѣе двухъ часовъ. Во время чтенія онъ успѣлъ составить въ головѣ планъ, расположить его на главы и отдѣлы, и сочиненіе вышло очень замѣчательное по своей округленности и логическимъ выводамъ. Я удивлялся быстротѣ его соображенія и если бы самъ не былъ свидѣтелемъ, то не могъ бы повѣрить, чтобъ человѣкъ, не будучи вовсе приготовленъ къ предмету, въ состояніи былъ вдругъ обнять всю сущность и немедленно составить на бумагѣ свои предложенія, которыхъ изложеніе требовало болѣе двухъ часовъ времени. Канкринъ часто и самъ писалъ бумаги, но какъ Нѣмецъ выдѣлывалъ такія фразы, которыхъ Русскій языкъ не допускаетъ. При перепискѣ нѣкоторыя слова замѣнялись другими равно - значительными, и въ самомъ изложеніи старались дать другой оборотъ фразъ болѣе свойственный языку; но Канкринъ былъ часто недоволенъ измѣненіями и поправлялъ по своему. И дѣйствительно, выходило хоть не совсѣмъ складно въ литературномъ отношеніи, но рельефно: мысль рѣзко бросалась въ глаза, что и нужно было. У насъ до сихъ поръ нѣтъ біографіи Канкрина, да едва ли и будетъ *). Попадаются нѣкоторыя замѣтки о его бывшей дѣятельности, но крайне неудовлетворительныя. При жизни его о немъ мало судили. Публика ничего не понимала въ финансахъ, но Русская партія пользовалась всѣми случаями кинуть въ него камень. Такое уже свойство всякой бездарности! Получая поверхностное образованіе, изъ Русскихъ вельможъ рѣдкій способенъ къ усидчивому, самостоятельному труду; а между тѣмъ сердятся, если даютъ важную должность людямъ пришлымъ, не изъ ихъ круга. Нашимъ придворнымъ и баричамъ въ особенности не нравился Канкринъ за его расчетливость и протесты противъ различныхъ неумѣренныхъ требованій. Самъ Государь часто на него дулся за замѣчанія его о необходимости сократить расходы на содержаніе арміи, и на одномъ журналѣ комитета финансовъ, гдѣ излагалась подобная мысль Канкрина, Николай Павловичъ написалъ, что онъ сужденіе объ этомъ предметѣ предоставляетъ себѣ самому. Канкрину тяжело было бороться въ этомъ отношеніи съ бывшимъ военнымъ министромъ княземъ Чернышовымъ, который пользовался полною довѣренностію Государя, искуснымъ царедворцемъ и тонкимъ дипломатомъ. Военное министерство тратило баснословныя суммы, и

*) Слѣдовало бы вполнѣ перевести съ Нѣмецкаго біографію гр. Канкрина, сочиненную его зятемъ гр. Кейзерлингомъ. Выдержки изъ нея въ „Р. Архивѣ“ 1866 года. П. Б.

служащіе тамъ близкіе къ Чернышову люди составили себѣ большія состоянія, какъ, напримѣръ, Позенъ, Желѣзновъ, Брискорнъ. Чернышовъ не могъ не знать этого. Публика находила, что такая снисходительность къ людямъ имѣла основаніе въ личныхъ интересахъ министра. Канкринъ возвращался часто отъ Государя въ самомъ дурномъ расположеніи духа, и однажды при мнѣ онъ выразилъ все негодованіе свое на близкихъ къ Государю лицъ, не называя впрочемъ ихъ, за жадность ихъ и стремленіе болѣе заботиться о своихъ выгодахъ, нежели о пользѣ государственной. Видя, что сгоряча проговорился, Канкринъ сказалъ, обратясь ко мнѣ, что это останется между нами. Я поклонился.

Трудно исчислить то, что̀ Канкринымъ сдѣлано для Россіи во время бытности его министромъ финансовъ; для этого надобно просмотрѣть всѣ вышедшія за это время постановленія. Можно съ нѣкоторою опредѣлительностію сказать, что всѣ веденныя имъ операціи не его изобрѣтенія, а заимствованныя отъ другихъ государствъ и примѣненныя къ нашимъ потребностямъ. Одни говорили, что онъ поправилъ наши финансы; другіе, напротивъ, что онъ ихъ разстроилъ. Больше всего ему досталось за превращеніе нашего ассигнаціоннаго рубля въ серебряный *), и находили, что съ тѣхъ поръ у насъ все вздорожало. Купцы прикинули всѣ дроби до круглой суммы на всѣ свои товары. Это только въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо. Дороговизна происходитъ отъ другихъ болѣе важныхъ причинъ. Если сравнить его время съ тѣмъ, что̀ было лѣтъ 25 или 30 спустя, то увидимъ значительную разницу. При Канкринѣ можно было еще жить небольшими способами; онъ много заботился о внутренней торговлѣ, фабрики процвѣтали, денегъ было много въ народѣ, курсъ былъ очень высокъ. Все это постепенно упало, и новѣйшія времена принесли намъ бѣдность, упадокъ промышленности, торговли, ремесленности и земледѣлія. Деньги спрятались, кредитъ изчезъ, курсъ упалъ такъ низко, что заставляетъ опасаться такого же паденія нашихъ ассигнацій, какъ было съ прежними, уничтоженными Канкринымъ. При немъ ихъ считалось только до 170 милліоновъ, впослѣдствіи сдѣлалось 700 м., не считая множества другихъ кредитныхъ бумагъ, какъ-то серій, различнаго рода банковыхъ билетовъ и свидѣтельствъ. Дороговизна на всѣ предметы поднялась страшная, и жить сдѣлалось трудно.

Въ послѣдніе годы жизни физическія страданія Канкрина увеличились. Онъ сдѣлался необыкновенно брюзгливъ и утомлялъ всѣхъ своимъ ворчаніемъ. Дм. Макс. Княжевичъ также много терпѣлъ отъ него и искалъ только случая оставить министерство, о чемъ однажды гово-

*) Гр. Канкринъ былъ противъ этого, но долженъ былъ повиноваться. Тутъ дѣйствовалъ изъ за угла Полякъ Тенгоборскій. П. Б.

рилъ мнѣ послѣ бывшаго доклада въ Лѣсномъ Институтѣ, откуда мы вмѣстѣ возвращались въ городъ. Вскорѣ послѣ того онъ назначенъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. На его мѣсто директоромъ департамента опредѣленъ графъ Александръ Григор. Кушелевъ-Безбородко. Богъ знаетъ почему, Канкринъ остановился на немъ въ выборѣ директора для управленія, въ которомъ менѣе всего требовались какія либо преобразованія и гдѣ дѣла должны идти по заведенному издавна порядку. Кушелевъ считался человѣкомъ обстоятельнымъ, знающимъ финансовыя операціи. Онъ велъ очень недурно собственныя дѣла, самъ часто заглядывалъ въ свои счеты, умѣлъ говорить о Политической Экономіи, о кредитѣ, въ свое время успѣлъ прочесть кое-какіе ученые увражи. Немудрено, что между своими собратами, аристократами, онъ слылъ за умнаго человѣка и такъ какъ притомъ онъ былъ нѣсколько честолюбивъ, то легко могъ получить мѣсто, которое подвигало его впередъ: министры рады случаю помогать баричамъ подыматься по службѣ, если только находятъ въ нихъ кое-какія способности. Кушелевъ, какъ видно, былъ въ хорошей школѣ, но его натура была вовсе непригодна для работы. Онъ не имѣлъ терпѣнія посидѣть одинъ часъ за дѣломъ, безпрерывно вскакивалъ, на лету хваталъ, что́ ему докладывали, худо вслушивался въ предметъ, бумагъ почти никогда не читалъ, довольствовался самымъ коротенькимъ разсказомъ, все почти считалъ пустяками, не стоющими вниманія, и останавливался только на томъ, что́ ближе подходило къ нѣкоторымъ заученымъ имъ теоріямъ, не совсѣмъ еще испарившимся изъ его головы. Онъ тяготился службою, ѣздилъ въ Департаментъ раза два или три въ недѣлю на самое короткое время, и то больше передъ докладомъ къ министру. Бумаги, приготовленныя къ докладу, онъ подписывалъ, рѣдко слушая ихъ; онъ говорилъ, что прослушаетъ ихъ у министра, и случалось, что, во время доклада моего Канкрину привезенныхъ мною бумагъ, Кушелевъ начиналъ меня опровергать, какъ будто я докладывалъ что нибудь такое, что́ прежде не доложилъ Кушелеву. Это мнѣ крѣпко не нравилось; онъ меня компрометировалъ передъ министромъ, и я рѣшался замѣчать о томъ Кушелеву, но онъ только улыбался и продолжалъ мало обращать вниманія на предварительные наши доклады. Канкринъ былъ съ нимъ удивительно терпѣливъ; видѣлъ, что Кушелевъ часто путается, не понимаетъ дѣла, суется съ своими мнѣніями, но никогда не выходилъ изъ границъ приличія и самымъ мягкимъ образомъ останавливалъ его, не такъ, какъ съ прочими директорами, которымъ часто дѣлалъ рѣзкія замѣчанія. Кушелевъ былъ вообще добрый малый и готовый на всякую услугу, но ею почти никто не пользовался, потому что, при всей готовности, онъ не умѣлъ услуживать; для

этого нужна извѣстной степени ловкость пользоваться обстоятельствами, которой у него не доставало. Онъ не обижался, когда ему отказывали; онъ считалъ достаточнымъ, что рѣшался ходатайствовать; если же былъ неуспѣхъ, то виноватымъ оказывался не онъ, а лицо ему отказавшее. Кушелевъ не долго пробылъ директоромъ, его сдѣлали сенаторомъ, что̀ больше было для него пригодно. Въ Сенатѣ отъ него не требовалось никакой работы.

Я начиналъ сильно скучать въ этомъ департаментѣ. Для меня не было никакой перспективы; подняться было трудно, многіе изъ старшихъ меня по службѣ имѣли бо́льшія права на повышеніе въ должности, если бы открылась вакансія, но и вакансіи въ виду не было: всѣ сидѣли упорно на мѣстахъ, и одна только смерть ихъ могла открыть дорогу младшимъ. Хитрыхъ занятій отъ нихъ не требовалось, отвѣтственности у нихъ никакой по роду дѣлъ не было; они могли спокойно проводить свое утро на службѣ, не опасаясь, чтобъ ихъ пригласили оставить ее, а сами они не вздумали бы никогда разстаться съ нею. Однообразныя дѣла сдѣлались мнѣ приторны. Дѣятельность моя требовала другихъ болѣе интересныхъ занятій. Но какъ ихъ отыскать? Жена моя не хотѣла оставлять Петербурга, чтобъ не разставаться съ матерью; мои желанія были другого рода, но я не хотѣлъ слишкомъ противорѣчить женѣ. Въ Петербургѣ не представлялось мнѣ движенія по службѣ, да и надобно сознаться, что долговременное служеніе въ одномъ мѣстѣ гибельно дѣйствуетъ на человѣка: онъ слишкомъ привыкаетъ и къ роду дѣлъ, которыми давно занимается, и къ своему положенію, особенно если оно покойно и представляетъ выгоды въ денежномъ отношеніи. Я вообще былъ плохимъ искателемъ. Мнѣ очень трудно было рѣшиться просить за себя, на это я былъ неловокъ, самолюбіе мое страдало непомѣрно; мысль что откажутъ всегда меня удерживала. Съ другой стороны, какъ же обойтись безъ того, чтобъ не просить? Никто не обязанъ отгадывать моихъ желаній. Если я не желалъ оставаться въ одномъ положеніи, то надобно было что нибудь предпринять. Человѣку нужно движеніе впередъ, а при нашихъ понятіяхъ и общемъ стремленіи къ чему нибудь повыше и попочетнѣе, постоянное нахожденіе на одномъ мѣстѣ не составляетъ слишкомъ хорошей рекомендаціи. Умѣренность въ желаніяхъ—качество похвальное, но оно выказываетъ также и неудобную сторону: ограниченность понятій и недостатокъ энергіи. Всѣ сверстники подвигаются, а ты все сидишь на одномъ мѣстѣ; это значитъ идти назадъ. Напрасно призываешь философію, что за всѣми угоняться нельзя и что не возвышеніе составляетъ счастіе человѣка; самолюбіе пытается

доказывать противное. Скоро однакожъ вышелъ случай перемѣнить родъ моей службы.

Въ Іюлѣ 1842 года мнѣ представилась надобность быть въ Москвѣ. Послѣ умершаго Бронницкаго помѣщика Рославлева осталось имѣніе, которое продавалось съ публичнаго торга для покрытія его долговъ, и въ томъ числѣ главному кредитору его, мужу моей тещи, Веловзору, въ суммѣ слишкомъ на 200 тыс. ассигнаціями. Надобно было удержать имѣніе за Веловзоромъ въ уплату этого долга, что было желаніемъ и покойнаго Рославлева. Мнѣ дали довѣренность на покупку этого имѣнія, и я покатилъ въ Москву по желѣзной дорогѣ, недавно еще устроенной. Съ 1817 года я не двигался изъ Петербурга; слѣдовательно 25 лѣтъ ничего не видѣлъ, кромѣ надоѣвшихъ мнѣ уже Петербургскихъ окрестностей. Съ чувствомъ особеннаго удовольствія я взглянулъ на Ивана Великаго, на Кремлевскіе соборы и на сотни Московскихъ церквей. Все напоминало мнѣ мои дѣтскія лѣта, проведенныя въ Москвѣ. Городъ уже отстроился, прежняго разрушенія не было видно, хотя въ тоже время нельзя было не замѣтить такихъ же какъ и въ старину кривыхъ и нечистыхъ улицъ, гадкой мостовой и грязи на площадяхъ. Въ назначенный для торговъ день я явился въ Губернское Правленіе. Торгующихся собралось человѣкъ пять, и въ числѣ ихъ былъ профессоръ университета докторъ Мухинъ, извѣстный въ городѣ врачъ, котораго я помнилъ еще когда учился въ университетѣ. Торговались не слишкомъ бойко, я постоянно наддавалъ, и имѣніе осталось за мною. Я внесъ слѣдующія задаточныя деньги, но оставалось привести въ порядокъ состоявшій на имѣніи долгъ Опекунскому Совѣту, для чего нужно было приплатить отъ 17 до 18 тыс. ассиг. На этотъ предметъ у меня денегъ не доставало, надобно было гдѣ нибудь достать, иначе нельзя было совершить купчей крѣпости на имя покупщика, и сверхъ того пропадали задаточныя деньги. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, которыя обѣщали мнѣ найти деньги за хорошіе проценты. Между тѣмъ я заѣхалъ къ бывшему директору благороднаго пансіона Антонскому, случившемуся тогда въ Москвѣ. Ему было уже за 80 лѣтъ, но онъ сохранялъ всю бодрость. Онъ выказалъ много удовольствія видѣть меня. Въ короткихъ словахъ я разсказалъ ему о цѣли моего прибытія въ Москву и настоящее мое затрудненіе въ пріисканіи денегъ. Онъ выслушалъ меня внимательно и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты, а черезъ двѣ минуты возвратился, неся въ рукахъ два билета Московской Сохранной Казны. «Вотъ вамъ деньги, въ которыхъ нуждаетесь: здѣсь 18 тыс. кромѣ процентовъ, располагайте ими по

своему усмотрѣнію. Если почему нибудь они вамъ не понадобятся, то отдайте брату моему для передачи мнѣ, а я уѣзжаю въ деревню, гдѣ пробуду до конца лѣта». Я долго смотрѣлъ ему въ глаза и никакъ не могъ вѣрить, чтобъ старикъ, при всей извѣстной мнѣ скупости, рѣшился безъ всякой моей просьбы, а только услышавъ мой разсказъ, предложить мнѣ такую значительную сумму. Но удивленіе мое еще болѣе возросло, когда на вопросъ мой, какого рода документъ онъ желаетъ получить отъ меня, онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему ненужно никакого документа, а ему пріятно услужить мнѣ и если это сколько нибудь можетъ содѣйствовать устройству моихъ дѣлъ, то онъ этому будетъ очень радъ. Я принялъ деньги и выразилъ ему всю благодарность за любезность и участіе. Деньги мнѣ не понадобились; я успѣлъ выхлопотать въ Опекунскомъ Совѣтѣ, чтобъ остававшійся на имѣніи просроченный долгъ не былъ взыскиваемъ при заключеніи купчей крѣпости, а переведенъ былъ на меня, покупщика. Такимъ образомъ, кончивъ успѣшно дѣло, я возвратилъ деньги Антону Антоновичу, котораго нашелъ уже въ разслабленномъ состояніи. Онъ не вставалъ съ постели и собирался умирать, но сохранялъ еще всю память и охотно разговаривалъ. Онъ былъ двумя годами старше своего брата Михаила Антоновича.

Возвратившись въ Петербургъ, я засталъ Веловзора въ отчаянномъ положеніи. Онъ простудился, сидя на балконѣ въ одинъ изъ Петербургскихъ сырыхъ вечеровъ. У него сдѣлалась рожа. Съ трудомъ онъ узналъ меня. Дѣло подходило къ печальной развязкѣ. Жена его очень безпокоилась о томъ, что мужъ ея умретъ не сдѣлавъ духовнаго завѣщанія о предоставленіи ей только что пріобрѣтеннаго имѣнія. Надобно было спѣшить, пока онъ еще былъ въ памяти. Наскоро составлено было домашнее духовное завѣщаніе, приглашенъ былъ его духовникъ, намъ всѣмъ коротко знакомый Алексѣй Ив. Маловъ, который послѣ исповѣди успѣлъ убѣдить его немедленно подписать завѣщаніе, на что тотъ сейчасъ согласился. Сильно дрожащею рукою онъ сдѣлалъ на бумагѣ каракули, такъ что съ трудомъ можно было разобрать подпись, и тутъ же Маловъ засвидѣтельствовалъ, что подпись сдѣлана рукою завѣщателя и въ полной его памяти. Мы всѣ были довольны исходомъ этого дѣла. Если бы не было этого завѣщанія, то имѣніе должно было поступить въ опеку по малолѣтству дѣтей, и это крайне стѣснило бы дѣйствія матери въ управленіи имѣніемъ, но кромѣ того поставило бы ее въ непріятное положеніе ожидать обезпеченія содержанія своего отъ милости дѣтей, а теперь они отъ нея зависятъ. Веловзоръ черезъ нѣсколько дней умеръ—и хорошо сдѣлалъ: безполезною своею жизнью онъ тяготилъ и себя, и другихъ.

Въ это хлопотливое для меня время, одинъ изъ моихъ сослуживцевъ сообщилъ мнѣ предложеніе директора департамента полиціи исполнительной Оржевскаго, не хочу ли я поступить къ нему въ вице-директоры. Предложеніе было не слишкомъ заманчивое. Съ переходомъ содержаніе мое отнюдь не увеличивалось; если я пріобрѣталъ нѣкоторую прибавку къ жалованью, то терялъ на томъ, что лишался казенной квартиры съ отопленіемъ. Притомъ Оржевскій не принадлежалъ къ числу пріятныхъ начальниковъ. Мнѣ говорили, что я съ нимъ и полгода не уживусь. Все это не могло мнѣ льстить въ будущемъ. Но съ другой стороны чего мнѣ ждать можно было въ настоящемъ мѣстѣ моего служенія? Мнѣ хотѣлось употребить себя съ большею пользою для службы, и я рѣшился принять предложеніе. Оржевскій меня лично не зналъ, но интересовался мною, встрѣчавъ жену мою въ домѣ Михайловыхъ, когда она была еще не замужемъ. Я явился къ Оржевскому. Онъ далъ мнѣ для формы дѣло въ видѣ испытанія. Дѣло это много меня заняло; мнѣ было не до него при хлопотахъ во время болѣзни Веловзора и потомъ похоронъ его; однако дней черезъ пять или шесть я принесъ дѣло Оржевскому, который представилъ его министру Перовскому. Спустя нѣсколько дней я явился къ Перовскому, который принялъ меня съ министерскою важностію; разспрашивалъ, гдѣ я учился, чѣмъ занимался въ министерствѣ финансовъ и проч. и отпустилъ меня, сказавъ, что замѣтилъ въ моей работѣ нѣсколько неточныхъ выраженій. Въ этомъ было много комическаго. Замѣчанія были мелочныя и не стоющія вниманія. Ему хотѣлось показать, что онъ входитъ во всѣ подробности. Наконецъ я получилъ предписаніе, что причисляюсь къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ возложеніемъ на меня исправленія вице-директорской должности, въ которой черезъ нѣсколько времени и былъ утвержденъ. Съ полною ретивостію я вступилъ на новое поприще, старался изучить предметы, входящіе въ составъ занятій министерства, покупалъ книги, гдѣ разсуждалось о чемъ нибудь касающемся до полицейскаго управленія, знакомился съ прежними дѣлами министерства; однимъ словомъ, собирался служить совѣстливо, съ увлеченіемъ и пользою; мнѣ хотѣлось отличиться, обратить на себя вниманіе. Время вскорѣ однакожъ показало, какъ дурно я разсчиталъ на дальнѣйшіе успѣхи мои по службѣ.

Перовскій былъ человѣкъ весьма образованный, съ хорошими намѣреніями, необыкновенно дѣятельный, но весьма мало практичный, допускавшій произволъ лишь бы сдѣлать по своему, упорный, настойчивый, не любившій возраженій, такъ что подчиненные предоставляли ему дѣлать, чтò онъ хочетъ, исполняя его требованія и вмѣстѣ съ

тѣмъ осуждая ихъ. Бывшій директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ Плисовъ однажды не скрѣпилъ какой-то бумаги. На вопросъ Перовскаго почему онъ уклоняется отъ скрѣпы, Плисовъ отвѣчалъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія его, министра. Тогда Перовскій, послѣ нѣкоторыхъ жесткихъ объясненій, предложилъ Плисову оставить министерство. Въ сношеніяхъ съ чиновниками Перовскій былъ крайне непріятенъ, выказывая разные капризы. Онъ былъ вообще человѣкъ желчный и злой. Съ нимъ служить было тяжело. Онъ очень плохо объяснялъ свою мысль, не будучи мастеромъ выражаться. Кидалъ нѣсколько словъ, которыхъ смыслъ надобно было отгадывать; отъ этого бумаги выходили неудовлетворительныя; онъ сердился, говорилъ непріятности, считалъ, что ему нарочно посылаютъ бумаги не въ томъ смыслѣ, какъ онъ желаетъ и былъ вообще очень подозрителенъ. Въ каждомъ онъ предполагалъ стремленіе къ злоупотребленію, и всякій поступокъ, казавшійся ему неблаговиднымъ, онъ преслѣдовалъ съ жестокостію, но въ тоже время имѣлъ полную довѣренность къ людямъ весьма сомнительной нравственности и не пользовавшимся общественнымъ уваженіемъ, и только потому, что были ловки, понимали цѣли Перовскаго и слѣпо исполняли его приказанія, не заботясь о послѣдствіяхъ. Къ числу такихъ людей принадлежали Липранди, Стариковъ и много другихъ лицъ низшаго разряда. Министерство нуждалось въ подобныхъ людяхъ, часто способныхъ на всѣ гадости, лишь бы достигнуть результатовъ, которыхъ ожидали отъ ихъ дѣятельности. Перовскій любилъ вмѣшиваться во всѣ дѣла, гдѣ требовалось разслѣдованіе запутанныхъ обстоятельствъ или гдѣ выказывался обманъ съ цѣлью воспользоваться денежными выгодами. Публика охотно обращалась къ нему съ просьбами принять участіе въ такомъ разслѣдованіи, и онъ съ жаромъ за него принимался, но изъ подобныхъ дѣлъ немногія съ успѣхомъ оканчивались. Лица, которымъ онъ поручалъ эти дѣла, часто его компрометировали или излишнимъ усердіемъ, которое возбуждало сильныя и иногда справедливыя жалобы со стороны лицъ замѣшанныхъ въ дѣло, или неблагонамѣренными ихъ дѣйствіями, за что многіе дорого поплатились, будучи удалены отъ должности. Нѣкоторыя дѣла не слѣдовало вовсе брать въ министерство, а они должны были производиться въ судебныхъ мѣстахъ и часто отбирались отъ Перовскаго не оконченными для направленія ихъ куда слѣдуетъ, что́ крайне было для него непріятно. Въ обществѣ возбуждался противъ него ропотъ за самоуправныя дѣйствія; его не любили и въ высшемъ кругу; въ немъ была какая-то жесткость и сухость въ обращеніи; притомъ онъ не исполнялъ того, о чемъ часто его просили. Много ему вредило то, что онъ не умѣлъ хорошо говорить; въ Государств. Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ

онъ слабо защищалъ свои предложенія, и потому его часто разбивали въ пухъ; впрочемъ и самыя представленія его не отличались солиднымъ взглядомъ на предметъ, а имѣли по большей части основаніемъ своимъ или потребность минуты или произволъ, который хотя и былъ въ модѣ въ царствованіе Николая Павловича, не всегда однакожъ могъ торжествовать.

Директоръ департамента полиціи исполнительный Оржевскій лучше всѣхъ другихъ угождалъ ему, умѣя ловко обработывать всякое затѣянное Перовскимъ дѣло, какъ бы оно незаконно ни было. Оржевскій вышелъ въ люди изъ семинаристовъ, будучи сыномъ сельскаго священника деревни Оржевки, Тамбовской губерніи, о чемъ онъ всѣмъ и каждому разсказывалъ. Онъ попалъ въ домашніе учителя къ дѣтямъ кн. Кочубея, который потомъ записалъ его въ службу, гдѣ онъ вскорѣ составилъ себѣ отличную карьеру, женился на богатой купчихѣ и, будучи человѣкомъ очень расчетливымъ и оборотливымъ, пріобрѣлъ въ Петербургѣ два огромные дома въ лучшей части города. У него не было никакихъ принциповъ, кромѣ слѣпаго исполненія приказаній начальника, надъ которыми часто исподтишка смѣялся, конечно съ тою цѣлью, чтобъ, въ случаѣ неудачи отъ распоряженій вслѣдствіе этихъ приказаній, сказать потомъ кстати, что онъ все это предвидѣлъ. Плодомъ же удачъ онъ самъ пользовался. Перовскій цѣнилъ его мастерство и умѣніе вести дѣло. Цинизмъ Оржевскаго меня часто приводилъ въ негодованіе. Онъ смѣялся всегда надъ самою благородною мыслію, если она не обѣщала матеріальныхъ и скорыхъ выгодъ. Иногда случалось мнѣ заявлять ему какое нибудь предположеніе, которое казалось мнѣ полезнымъ и своевременнымъ и говорить ему, что не худо заинтересовать этимъ дѣломъ Перовскаго. «Неужели вы думаете, говорилъ онъ мнѣ, что я стану докладывать министру объ этомъ? Онъ или не пойметъ, или въ противномъ случаѣ, если дѣло ему понравится, онъ заставитъ меня работать; мы будемъ писать бумаги, передѣлывать ихъ по нѣскольку разъ; онъ станетъ капризничать, ворчать. Довольно и тѣхъ бумагъ, которыя мы ежедневно пишемъ; вы видите, какая ихъ куча!».. Резоны были основательны, и я соглашался съ нимъ. Не смотря однакожъ на ловкость Оржевскаго въ дѣлахъ, Перовскій не имѣлъ особеннаго къ нему довѣрія и въ сношеніяхъ съ нимъ часто позволялъ себѣ выходки весьма крутыя, такъ что другой, можетъ быть, и не снесъ бы ихъ, но Оржевскій смѣялся надъ этимъ, предоставляя ему горячиться. Онъ зналъ, что безъ него Перовскій поставленъ былъ бы въ большое затрудненіе. На лицѣ Оржевскаго послѣ непріятнаго доклада у министра не видно было ни малѣйшей черты огорченія или

досады. Онъ спокойно отдавалъ приказанія подчиненнымъ, какъ будто ничего особеннаго не происходило. Самъ себѣ никогда не позволялъ съ подчиненными грубыхъ браней, хотя по природѣ и по воспитанію былъ чрезвычайно незастѣнчивъ съ людьми, такъ что однажды онъ передалъ мнѣ приказаніе министра выслушивать просьбы просителей будто по той причинѣ, что онъ обходится съ просителями очень невѣжливо и министру не нравится такое обхожденіе съ ними. Оржевскій вовсе не краснѣлъ, передавая мнѣ такое приказаніе и сознавался самъ, что онъ не любитъ излишней деликатности. Я принялъ приказаніе къ исполненію, хотя внутренно убѣжденъ былъ, что министръ вовсе не давалъ такого приказанія, а Оржевскому вѣроятно хотѣлось избавиться отъ разговора съ просителями, которые ему надоѣдали и отнимали много времени. Впрочемъ могъ быть и нѣкоторый ему намекъ отъ министра на невѣжливое обращеніе къ которымъ нибудь изъ просителей по дошедшимъ о томъ до него свѣдѣніямъ. Со своими подчиненными онъ обращался слишкомъ запросто, что̀ не могло быть ни для кого обидно, и былъ всегда настолько справедливъ, что никогда не сваливалъ на другихъ случившіяся упущенія, а принималъ ихъ на себя. Онъ много самъ занимался дѣлами и слѣдовательно не могъ поступать иначе. Съ посторонними, особенно съ искателями мѣстъ, онъ былъ крайне суровъ. Онъ мнѣ говорилъ, что принялъ съ намѣреніемъ эту методу... съ цѣлью испытывать просителей. Если они выдерживали первый натискъ его и бойко ему отвѣчали, то, по мнѣнію его, годились для дѣла. Скромные люди не пользовались его уваженіемъ, онъ считалъ ихъ мало способными. Человѣкъ не долженъ ограничиваться однимъ выполненіемъ своихъ обязательствъ по службѣ;ему должно сверхъ того умѣть бороться съ людьми. Въ этомъ правилѣ много истины. Неудовольствія, встрѣчаемыя по службѣ, не должны приводить въ уныніе: это необходимое послѣдствіе служебной нашей дѣятельности; безъ непріятностей служба никогда не обойдется, и онѣ напротивъ даже приносятъ пользу, заставляя быть осторожнымъ, вырабатывая характеръ и укрѣпляя умъ. Оржевскій находилъ, что онѣ способствуютъ даже хорошему пищеваренію, возбуждая циркуляцію въ крови.

Въ департаментѣ, какъ и во всемъ министерствѣ, происходила огромная переписка. Многописаніе было въ большомъ ходу, и Перовскій подписывалъ несмѣтное количество бумагъ (до 70000 и болѣе въ годъ). Онъ любилъ доносы, и ни одинъ изъ нихъ не оставался безъ дѣйствія. Немедленно приступали къ изслѣдованіямъ. Большая часть ничѣмъ не оканчивалась. Министру неоднократно намекали, что по закону вовсе не слѣдуетъ принимать къ исполненію записокъ безъ

подписей и даже прошеній не на гербовой бумагѣ; но онъ настаивалъ на своемъ, говоря, что онъ не въ правѣ отвергать полученное заявленіе, на какой бумагѣ оно ни было бъ изложено. Такимъ образомъ министерство утопало въ мелочахъ; частныя дѣла были важнѣе государственныхъ. Никто не могъ бы опредѣлить, какой системы держится Перовскій. Въ немъ соединялся либерализмъ съ крайнимъ деспотизмомъ. Послѣдній конечно преобладалъ. При императорѣ Николаѣ все направлено было къ стѣсненію свободы въ дѣйствіяхъ частныхъ лицъ: вмѣшивались въ семейныя дѣла, преслѣдовали съ большою строгостію поступки безнравственные, ограничивали право распоряженія своимъ имуществомъ, если были жалобы на мотовство и расточительность; правительственная опека тяготѣла надъ обществомъ, она переходила за предѣлы необходимости. Императору очень не нравилось, что многіе отправляются жить за границу. Онъ издалъ постановленіе къ стѣсненію этихъ поѣздокъ, опредѣлилъ огромную пошлину за право выѣзда, запретилъ выѣздъ молодымъ людямъ моложе 25 лѣтъ, приказалъ выдавать паспорты не болѣе, какъ на полгода съ тѣмъ, чтобъ, для полученія отсрочки, представляемы были уважительныя причины необходимости остаться за границею. Все это очень строго исполнялось, и ропотъ былъ общій. Впрочемъ постановленіе это стѣснило болѣе средній классъ, нежели высшій, который легче выполнялъ условія закона, платя безъ затрудненія высокую пошлину и находя всегда возможность выбраться за границу, представивъ разныя уважительныя причины; но случалось, что и такимъ господамъ Императоръ не давалъ разрѣшенія. Русское общество крайне тяготилось этими стѣсненіями. Оно было подавлено безпрерывнымъ надзоромъ и не могло вздохнуть свободно. Читать было нечего... Иностранныя книги съ нѣкоторымъ либеральнымъ направленіемъ были строго воспрещены къ привозу или продавались покупщикамъ съ большими вырѣзками; наша журналистика наполняла свои книжки вздорами, рѣдко заслуживающими вниманія; газеты были скучны. Авторовъ позволявшихъ себѣ въ статьѣ смѣлое слово преслѣдовали съ большою строгостію и высылали изъ столицъ, а цензоровъ пропустившихъ статью подвергали взысканіямъ и удаляли отъ должности. Положеніе цензоровъ было крайне незавидное. Ихъ бранили въ обществѣ за разныя привязки, но иначе они дѣйствовать не могли, если хотѣли удержаться на мѣстѣ. 3-е Отдѣленіе собственной его вел. канцеляріи неутомимо слѣдило за всѣмъ печатнымъ въ Россіи, и всякая нѣсколько вольная фраза казалась чѣмъ-то необычайнымъ, такъ что сама публика, пріученная къ цензурнымъ строгостямъ, выражала свое удивленіе, встрѣчая эту фразу въ книжкѣ и доводила ее такимъ образомъ до свѣдѣнія 3-го Отдѣленія,

которое, можетъ быть, иначе и не замѣтило бы ея, а если и замѣтило, то не обратило бъ на нее особеннаго вниманія. Перовскій съ своей стороны не пропускалъ ничего, что̀ могло бы показаться слишкомъ свободнымъ не только въ литературѣ, но и въ частной жизни. Онъ съ равною строгостію преслѣдовалъ игроковъ, спекулянтовъ, людей дурного обращенія въ семьѣ своей или съ людьми, контрабандистовъ, гулякъ разнаго рода, наконецъ такъ называемыхъ труболётовъ, родъ людей, у которыхъ изчезали краденыя вещи. Для этого существовала въ министерствѣ коммисія подъ начальствомъ извѣстнаго сыщика Липранди. При малѣйшемъ подозрѣніи полиція забиралась въ домъ и производила обыски.

Я былъ совершенно въ сторонѣ отъ этихъ дѣлъ; рѣдко даже зналъ, что̀ дѣлается въ этой коммисіи и не могъ удовлетворять безчисленнымъ разспросамъ моихъ знакомыхъ, интересовавшихся тѣмъ или другимъ дѣломъ. Хотя министерство и находило охотниковъ заниматься подобными разысканіями, но оно было ими не совсѣмъ довольно: они пользовались очень дурною репутаціею въ обществѣ, а лучшихъ оно не могло найти. Однажды Оржевскій обратился ко мнѣ съ вопросомъ, нѣтъ ли въ числѣ моихъ знакомыхъ человѣка плутоватаго, но разумѣемаго хорошо въ обществѣ, готоваго принять на себя производство слѣдствій. Такого у меня не случилось, и я никого рекомендовать не могъ. Мои занятія въ министерствѣ были весьма покойны; кругъ дѣйствія очень ограниченный, и я начиналъ скучать. Черезъ два года по поступленіи сюда на службу мнѣ дали чинъ дѣйств. ст. совѣт., что̀ доставило мнѣ право отдать сына моего въ Лицей на казенное содержаніе, а также помѣстить дочерей въ Смольный монастырь или въ Екатерининскій институтъ, если бы обстоятельства того потребовали. Прошло еще около двухъ лѣтъ. Ничего особеннаго не случилось со мною по службѣ; я чувствовалъ только, что не могу освоиться съ министерствомъ: всѣ были мнѣ какъ-то чужіе. Въ прежнемъ департаментѣ я привыкъ къ патріархальности; я тамъ возмужалъ, со всѣми какъ будто сроднился; здѣсь я былъ одинокъ, ни съ кѣмъ почти не знакомъ; дружескихъ связей съ служащими у меня не было. Иногда я являлся къ Оржевскому, но кругъ знакомства его былъ далеко не по мнѣ. Я видѣлъ у него или купеческую его родню, или тѣхъ же департаментскихъ чиновниковъ. Сблизиться съ ними я не умѣлъ, да и не имѣлъ большого желанія. Въ министерствѣ вообще держали себя очень осторожно; подозрительность Перовскаго наводила на всѣхъ страхъ, и каждый опасался обратить на себя вниманіе связями, которыя могли бы показаться ему неумѣстными и несоотвѣтственными

извѣстнымъ условіямъ. Я сосредоточился въ своемъ семейномъ кругу и не искалъ новыхъ знакомствъ.

Послѣ перехода моего въ Министерство Внут. Дѣлъ я долженъ былъ оставить прежнюю мою казенную квартиру и переѣхалъ въ нововыстроенный домъ моей тещи въ Итальянской улицѣ. Семейство мое постепенно прибавлялось, и за смертію двухъ мальчиковъ и одной дѣвочки у меня осталось пятеро дѣтей: одинъ сынъ и 4 дочери, потребовавшія гувернантокъ и усиленной прислуги. Жена моя любила дѣтей со всею материнскою нѣжностію, которая часто переходила за предѣлы благоразумія. Она была въ безпрерывномъ волненіи. Каждый крикъ ихъ она толковала въ дурную сторону. Ей все казалось, что они больны, и она кидалась въ безпокойствіи, чтобъ имъ помочь: то обращалась ко всѣмъ встрѣчнымъ за совѣтомъ, то рылась въ книгахъ, не нападетъ ли на какое-нибудь снадобье, то прислушивалась къ дыханію, къ пульсу ребенка. Всѣ увѣщанія мои успокоиться были безполезны. Ей было непонятно мое хладнокровіе, и она приписывала его недостатку привязанности моей къ дѣтямъ. Сколько я ни увѣрялъ ее, что не вижу никакой опасности, что ребенокъ не можетъ вырасти, не испытавъ какой-нибудь болѣзни, что это въ общемъ порядкѣ природы, что если ребенокъ здороваго сложенія, то лѣчить вовсе не нужно, природа сама ему поможетъ, а если онъ болѣзненный и имѣетъ разстроенный организмъ, то никакое лѣкарство не поможетъ. Все это говорилось мною на вѣтеръ. Жена меня не слушала, страдала, отказывалась отъ пищи, ночью безпрерывно вставала, чтобъ взглянуть на ребенка. Самое горькое для нея испытаніе было въ то время, когда дѣтей нашихъ посѣтилъ скарлатинъ. Въ нѣсколько дней всѣ они поражены были этою болѣзнію, кто сильнѣе, кто слабѣе. Мы лишились въ это время дочери двухъ съ половиною лѣтъ. Всѣхъ болѣе перепугалъ насъ сынъ, у котораго болѣзнь бросилась преимущественно въ голову, но принятыми въ свое время мѣрами воспаленіе ослаблено. И въ спокойное время жена не обходилась безъ тревогъ. Дѣти не всегда вели себя порядочно. Ихъ приходилось иногда штрафовать за невниманіе или упрямство. Каждое взысканіе приводило ее въ сильное огорченіе и до того ее разстраивало, что долго не могла успокоиваться. Мы часто ссорились за дѣтей. Она всегда за нихъ вступалась, дѣлала мнѣ замѣчанія за жестокость, и это меня сердило; ребенку доставалось сильнѣе: я не могъ и не хотѣлъ уступить женѣ моей сколько по самолюбію, столько и по сознанію въ необходимости взысканія. Послѣ подобнаго разговора я обыкновенно удалялся отъ жены, и это много ее огорчало; черезъ полчаса она приходила ко мнѣ, просила извине-

нія въ излишней горячности, становилась необыкновенно ласковою и старалась всячески загладить непріятныя впечатлѣнія бывшаго разговора. Слѣдовала мировая; мы обнимались, и все было забыто. Въ этомъ случаѣ она вполнѣ понимала обязанности доброй жены и уступала, если я даже бывалъ неправъ. Роли мѣнялись: мнѣ становилось грустно, зачѣмъ я не сохранилъ необходимаго хладнокровія и не былъ къ ней снисходительнѣе. Я видѣлъ, что не могъ передѣлать этой тонкой, раздражительной природы, что чувства этой женщины не могли такъ легко подчиняться разсудку, что у нея свое воззрѣніе на предметы. Ошибка, стало быть, была съ моей стороны. Я послѣ того всегда давалъ себѣ обѣщаніе не выходить изъ предѣловъ осторожности и не развивать непріятнаго разговора. Жизнь не можетъ обойтись безъ столкновеній: они порождаются различіемъ мнѣній и взглядовъ. Но люди образованные всегда умѣютъ дѣлать уступки и смягчать противорѣчія, такъ что ссоры между ними почти невозможны. Одни дураки упрямы и хотятъ поставить на своемъ во что бы то ни стало, не обращая вниманія, пріятно ли это другимъ или нѣтъ.

Заботы о дѣтяхъ были выше силъ моей жены. Она сама хотѣла учить ихъ читать, писать и языкамъ и принималась за это всегда съ большою ретивостію, но рѣдко удавалось ей выдержать характеръ. Общественныя и семейныя отношенія большею частію служили ей помѣхою въ занятіяхъ съ дѣтьми; она не умѣла никому отказывать, если кто пріѣзжалъ къ ней. Едва усаживалась за учебный столъ, какъ должна была прекращать уроки и заняться съ пріѣзжими. Дѣло отлагалось до другого дня. Сколько разъ я просилъ ее распорядиться такимъ образомъ, чтобъ не принимать никого въ извѣстные часы дня. Она не умѣла этого исполнить. Впрочемъ, не говоря о постороннихъ, одни домашніе и ближніе занимали у нея все утро, такъ что къ обѣду она совершенно выбивалась изъ силъ и ложилась въ постель отдохнуть. Часто у насъ кто-нибудь обѣдалъ. Она должна была занимать гостей, которые оставались иногда довольно долго. Едва къ 10 час. вечера она становилась свободною, но дѣти тогда ложились спать. На другой день происходило тоже самое. Она внутренно страдала, что не могла исключительно посвятить себя дѣтямъ и мучилась совѣстію, называя себя дурною матерью. Здоровье ея съ каждымъ годомъ разстраивалось болѣе и болѣе. Она не умѣла или не хотѣла обратить на это серьезное вниманіе. Съ нею происходили разные припадки: то страдала головною болью, то истекала кровью низомъ, то начинала кашлять. Она очень худѣла и хотя иногда прибѣгала къ врачебной помощи, но не слѣдовала усердно совѣтамъ докторовъ. Она заботилась болѣе о

томъ, чтобъ другіе были здоровы, но до себя ей нужды не было. Часто я твердилъ ей, какъ дорога̀ жизнь ея для семейства и какъ не хотѣлось бы мнѣ оставаться одному съ дѣтьми безъ матери. Она смѣялась надо мною и говорила: Богъ милостивъ, мы еще долго проживемъ вмѣстѣ. Всѣ слова мои были недѣйствительны. Она какъ будто увѣрена была, что рождена на то, чтобъ страдать за другихъ; казалось, искала случаевъ быть полезною своими заботами и участіемъ, а если не могла ничего сдѣлать, то хоть раздѣлить съ другими ихъ горе. Она лишала себя сна, утомлялась въ непрестанныхъ движеніяхъ, считая себя обязанною быть тамъ, гдѣ есть страданіе. Въ этомъ волненіи, она не могла имѣть аппетита, чувствовала особенное разслабленіе и для подкрѣпленія себя употребляла часто кофе и чай, что́ еще болѣе раздражало нервную ея систему. Она видимо разрушалась.

Наступила пора позаботиться о сынѣ, которому минуло уже 12-ть лѣтъ. Жена довольно порядочно приготовила его въ языкахъ Нѣмецкомъ и Французскомъ; добрые пріятели наши И. К. Гебгардъ и двоюродный братъ жены моей М. П. Мосягинъ много занимались съ нимъ Исторіею, Математикою, Географіею и Русскимъ языкомъ. Мальчикъ былъ не безъ способностей и повидимому чувствовалъ необходимость въ ученіи, но былъ разсѣянъ, и уроки не глубоко западали въ его голову. Въ началѣ 1846 года былъ пріемъ въ Имп. Лицей. Хотя по лѣтамъ онъ и могъ уже поступить туда, но свѣдѣнія его были еще такъ ограниченны, что трудно было ожидать успѣха въ экзаменѣ; за всѣмъ тѣмъ я рѣшился пустить его экзаменоваться. Въ этомъ случаѣ судьба видимо покровительствовала сыну. Я вовсе не хлопоталъ о пріемѣ его, не былъ знако́мъ ни съ директоромъ, ни съ инспекторомъ лицея, не обращался ни къ кому изъ преподавателей и экзаминаторовъ и пустилъ его на волю Божью. Сынъ отвѣчалъ по нѣкоторымъ предметамъ слабо, въ языкахъ довольно хорошо; нѣкоторые отвѣчали хуже его, но по баламъ стали выше его; замѣтна была поддержка. Было всего только шесть казенныхъ вакандій, сынъ мой сталъ седьмымъ; но къ счастію его одинъ изъ гимназистовъ, которымъ предоставлено право поступать на казенныя ваканціи, оказался на экзаменѣ такъ слабымъ, что не получилъ полнаго количества баловъ, и мѣсто его занялъ сынъ мой, какъ имѣвшій бо́льшее число баловъ. Отпуская его на экзаменъ, жена моя внутренно желала, чтобъ онъ его не выдержалъ. Ей жаль было разставаться съ сыномъ; любовь материнская брала верхъ надъ благоразуміемъ; ей больше хотѣлось, чтобъ онъ ходилъ въ Университетъ, но для этого нужно было удержать сына дома еще нѣсколько лѣтъ и готовить его для экзамена, который построже лицейскаго, а онъ

могъ его не выдержать. Желанія ея не сбылись. Сынъ мой сдѣлался лицеистомъ.

Лицей безъ сомнѣнія не могъ дать ему высокаго образованія; тамъ молодые люди получаютъ одни поверхностныя знанія и оставляютъ заведеніе въ 18—19 лѣтъ, т. е. въ то время, когда надобно серьезно начинать учиться. Лицей учрежденъ имп. Александромъ съ цѣлью приготовлять людей для гражданской службы, и сначала предполагалось даже помѣщать туда дѣтей лучшихъ фамилій, но впослѣдствіи планъ этотъ измѣнился, и желающихъ стали выпускать и въ военную службу прямо офицерами гвардіи. Мундиръ въ то время бралъ верхъ надъ фракомъ, и трудно было не уважать требованія и предразсудка вѣка. Во всякомъ случаѣ Лицей можно считать первымъ заведеніемъ, откуда открыто и съ достоинствомъ молодые люди поступали въ статскую службу. Имъ предоставленъ былъ выборъ мѣста, гдѣ хотятъ служить и по поступленіи на службу сейчасъ же давали назначенное по классу, съ которымъ выпущены изъ Лицея, жалованье отъ 600 до 800 р. асс. въ годъ. Въ Лицей поступали дѣти изъ хорошихъ и достаточныхъ семействъ, слѣдовательно вносили туда нѣкоторую роскошь, за которою трудно было гоняться дѣтямъ небогатыхъ родителей. Пока Лицей находился въ Царскомъ Селѣ, соблазновъ было немного, но съ переводомъ его въ Петербургъ (въ бывшій домъ какого-то человѣколюбиваго заведенія на Каменно-островскомъ проспектѣ) молодежь съ деньгами стала предаваться различнымъ столичнымъ развлеченіямъ, за которыми потянулись и прочіе неимѣвшіе тѣхъ же средствъ. Ученіе замѣтно ослабѣло, воспитанники стали посѣщать балы, театры, рестораны, уѣзжали изъ Лицея не только по праздникамъ, но и въ будніе дни. Науки не шли въ голову. Все это съ женою мы имѣли въ виду, отдавая сына нашего въ Лицей; изъ невѣрнаго расчета, что мы можемъ его устроить лучше, приготовивъ его въ Университетъ, не слѣдовало упускать представившагося случая помѣстить его въ одно изъ лучшихъ въ то время учебныхъ заведеній на казенное содержаніе, гдѣ при выпускѣ онъ получалъ довольно значительный чинъ и дальнѣйшій ходъ по службѣ. Этимъ пренебрегать нельзя было. Не избытокъ знаній составляетъ благополучіе человѣка, а искусное и ловкое примѣненіе того, что́ знаешь къ потребностямъ общества и умѣніе пользоваться обстоятельствами. И безъ большихъ научныхъ познаній, но съ развитымъ умомъ можно сдѣлать карьеру и пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ. Всего знать нельзя, и трудно напередъ опредѣлить къ чему особенно слѣдуетъ себя готовить. Неизвѣстно куда судьба броситъ, и весьма часто случается, что свѣдѣнія, въ училищѣ пріобрѣтен-

ныя по какой-нибудь части знаній, никогда не потребуются на службѣ, а напротивъ спросятъ то, чему плохо учился. Если же умъ сколько нибудь развитъ, то легко подготовить себя впослѣдствіи къ тому, что всего будетъ нужнѣе по службѣ. При слабомъ еще требованіи у насъ просвѣщенія юношество наше учится довольно небрежно, и самый Университетъ выпускаетъ людей вовсе ни къ чему неприготовленныхъ; исключенія бываютъ очень рѣдки и болѣе замѣчаются въ низшемъ сословіи, нежели въ высшемъ или даже въ среднемъ. Тамъ нужда вырабатываетъ человѣка; здѣсь, напротивъ, не чувствуется особенной потребности въ трудѣ, и всегда болѣе или менѣе возлагается надежда на постороннюю поддержку. Я не могъ и думать, чтобъ сынъ мой былъ когда-либо человѣкомъ не то, что ученымъ, а даже достаточно просвѣщеннымъ. Съ самаго малолѣтства онъ поведенъ уже не къ тому, чтобъ работать своею головою. Ученіе ему всѣми средствами облегчалось; онъ легко усвоивалъ то, что́ ему преподавалось, но также легко онъ и забывалъ. Особенно онъ ничего не любилъ; замѣтна была только охота къ музыкѣ, и то не страстная, заставляющая преодолѣвать препятствія, чтобъ только поиграть на любимомъ инструментѣ, а очень покойная. Есть случай поиграть, пожалуй можно и воспользоваться имъ, а нѣтъ—и тужить нечего. Успѣхи сына моего въ музыкѣ были замѣчательные. Онъ скоро усвоилъ себѣ механизмъ и развилъ музыкальное чувство, такъ что въ 14 лѣтъ онъ отлично уже фантазировалъ. Я имѣлъ все основаніе полагать, что изъ него выработается артистъ перваго разряда; старался поддерживать въ немъ охоту къ искусству, просилъ начальство Лицея съ своей стороны покровительствовать этому, и оно обѣщало, хотя въ тоже время отозвалось мнѣ, что Лицей обязанъ болѣе заботиться о томъ, чтобъ воспитанники лучше учились наукамъ, нежели музыкѣ. Я испросилъ дозволенія поставить въ спальнѣ къ сыну инструментъ, на которомъ онъ въ свободное время могъ бы играть, когда вздумаетъ, но это оказалось мѣрою безполезною; сынъ мало пользовался инструментомъ; безъ особаго возбужденія онъ рѣдко подходилъ къ нему, и я, находя, что инструментъ только напрасно стѣсняетъ спальню воспитанниковъ, взялъ его оттуда къ полному удовольствію и Лицейскаго начальства, и моего сына. Не смотря однакожъ на такое слабое вниманіе къ таланту моего сына, Лицей пользовался имъ для своихъ концертовъ, которые давались раза два въ зиму подъ руководствомъ Гросса, хорошаго віолончелиста, учившаго воспитанниковъ музыкѣ на всѣхъ возможныхъ инструментахъ и даже пѣнію. Сынъ былъ лучшимъ фортепьянистомъ въ Лицеѣ и дѣло свое выполнялъ хорошо, но при однихъ лицейскихъ урокахъ онъ не ушелъ бы далеко. По Воскресеніямъ приглашенъ былъ мною

особый учитель, который его понемногу подвигалъ впередъ, и въ этотъ одинъ день сынъ пріобрѣталъ больше пользы, нежели сколько въ остальные шесть дней недѣли, въ которые онъ почти вовсе не игралъ, за исключеніемъ одного урока съ Гроссомъ. Поправить этого дѣла я не могъ; надобно было подчиниться необходимости и Лицейскимъ правиламъ. Тамъ смотрѣли на музыку съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, по Русскому обычаю, находя, что музыка не заслуживаетъ большого вниманія и что стыдно порядочному человѣку слишкомъ предаваться ей: на то есть наемные музыканты. Ни директоръ, ни инспекторъ Лицея ничего не смыслили въ музыкѣ; въ семействахъ ихъ также никто ею не занимался; иногда только на вечерахъ у директора Броневскаго оказывалась надобность играть кому-нибудь на фортепьянахъ, чтобъ доставить гостямъ возможность потанцовать, и тогда призывался мой сынъ, который и барабанилъ все время до утомленія, такъ что музыка могла сдѣлаться ему ненавистною.

Лѣто 1846 года мы провели въ Петергофѣ. Жена моя чувствовала себя очень дурно. Давно уже у нея образовался небольшой кашель, который не предвѣщалъ ничего опаснаго. Ей велѣли употреблять тресковый жиръ и молоко. Лѣчилась она нехотя, безпорядочно, вела жизнь по прежнему суетливую, хлопотала о каждой бездѣлицѣ. У сына въ это время сдѣлалось воспаленіе въ груди, болѣзнь была незначительна и скоро прекращена, но это сильно взволновало жену; послѣ этого она видимо ослабѣла. Не знаю, кто-то рекомендовалъ ей довольно извѣстнаго въ Петербургѣ доктора Грубера, съ которымъ она совѣтовалась еще до отъѣзда въ Петергофъ и имѣла къ нему довѣріе. Она рѣшилась отправиться въ Петербургъ, чтобъ поговорить съ Груберомъ. Тотъ присовѣтовалъ ей пустить кровь. Средство было сильное, но спорить съ докторомъ нельзя было; я первый старался уговорить жену исполнить докторскій приказъ, на что она сначала не рѣшалась. Во время моего отсутствія по службѣ она призвала фельдшера и пустила себѣ кровь, сколько было приказано. Я нашелъ ее блѣдною и крайне истомленною. Надобно было въ тотъ же день возвратиться въ Петергофъ, въ городѣ нельзя было оставаться въ пустыхъ комнатахъ и безъ всякой прислуги. Давъ женѣ нѣсколько оправиться послѣ кровопусканія, я отправился съ нею на пароходъ, и мы благополучно прибыли въ Петергофъ. Это было въ началѣ Августа. Вскорѣ пошли дожди, холодъ сдѣлался невыносимый. Надобно было разстаться съ дачею. 18-го числа я переѣхалъ въ городъ, чтобъ болѣе не возвращаться въ Петергофъ. Уѣзжая оттуда, я не могъ вообразить, что оставляю жену отчаянно больною. Черезъ пять или шесть дней

послѣ того ее привезли совершенно разстроенною. Она едва могла доѣхать отъ чрезмѣрной слабости. Въ ней обнаружилось поврежденіе легкихъ съ изнурительною лихорадкою. На другой день призвали доктора Блюма, который, осмотря ее, прописалъ средства къ уничтоженію лихорадки. Онъ самъ полагалъ еще, что она происходитъ отъ простуды. Прошло дней шесть, и облегченія не было. Мы рѣшились пригласить извѣстнаго доктора Зейдлица. Онъ обложилъ ее Шпанскими мушками. Я тотчасъ догадался, что остается мало надежды сохранить ее. Грусть овладѣла мною. Я плакалъ. Но вскорѣ привыкъ къ мысли, что долженъ ее лишиться.

Въ Сентябрѣ А. Л. Гофманъ предложилъ мнѣ поступить въ вѣдомство управляемаго имъ 4 Отдѣленія собственной его в. канцеляріи главнымъ контролеромъ. Я не имѣлъ еще причинъ жаловаться на службу мою въ Министерствѣ Внут. Дѣлъ и просилъ его нѣсколько дней на размышленіе. Предложеніе было выгодно въ денежномъ отношеніи: я могъ имѣть болѣе содержанія, нежели сколько получалъ въ то время. Но мнѣ было какъ-то грустно употребить себя по счетной части, которую вообще не любилъ; она не представляла никакой пищи для моей дѣятельности. Въ это время я занимался однимъ серьезнымъ дѣломъ въ министерствѣ и надѣялся имъ обратить на себя вниманіе; мнѣ совѣстно было бросить его не кончивъ. Гофманъ предоставилъ мнѣ посовѣтоваться съ директоромъ Оржевскимъ и вывѣдать отъ него, чего я могу ожидать въ министерствѣ и дать рѣшительный отвѣтъ дней черезъ пять, потому что у него было въ виду много желающихъ занять это мѣсто. Я сообщилъ Оржевскому о сдѣланномъ мнѣ предложеніи. Въ этотъ годъ слѣдовало мнѣ по порядку службы получить награду, и я не видѣлъ причины, почему меня бы ея лишили. Оржевскій сказалъ мнѣ, что онъ ходатайствовалъ у министра о пожалованіи мнѣ Станиславской ленты, но получилъ въ отвѣтъ, что еще не прошло двухъ лѣтъ послѣ послѣдней награды. Онъ не одобрялъ перехода моего въ другое вѣдомство, находилъ, что этимъ себя унижаю, что денежныя выгоды, конечно, уважительны, но съ другой стороны подобный переходъ можетъ остановить будущіе успѣхи мои по службѣ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ можно получить въ министерствѣ гораздо болѣе, что человѣку способному стыдно принимать на себя такія должности, какъ контролеровъ, тѣмъ болѣе, что предлагаемое ни къ чему дальнѣйшему меня не поведетъ; наконецъ, что онъ нынѣ же переговоритъ обо мнѣ съ министромъ и если что не успѣетъ сдѣлать въ Сентябрѣ, то конечно сдѣлаетъ въ Ноябрѣ, Декабрѣ или, по крайней мѣрѣ, очень скоро. Все это сильно поколе-

бало меня. Я не имѣлъ сильнаго влеченія къ переходу; думалъ долго; мнѣ казалось, что я осуждаю себя на совершенную бездѣятельность ума. Мнѣ хотѣлось употребить себя еще на что нибудь болѣе полезное и живое. Самолюбіе долго боролось съ моимъ семейнымъ положеніемъ. Я еще надѣялся на себя, а въ 4 Отдѣленіи ожидала меня самая скучная, рутинная работа, точность и безмятежность. Тамъ не требовалось никакихъ глубокихъ соображеній, все дѣлалось по заведенному порядку. Занятія, однимъ словомъ, не соотвѣтствовали потребностямъ моей души. Я привыкъ къ безпрерывному движенію, работалъ скоро, множество дѣлъ меня не пугало. Съ другой стороны Гофманъ самъ отзывался о предлагаемомъ имъ мѣстѣ такимъ образомъ, что не могъ возбудить во мнѣ рѣшительности принять его. Онъ говорилъ, что оно хорошо для того только, кто пробудетъ на немъ десять лѣтъ, чтобъ воспользоваться пенсіономъ по послѣднему окладу жалованья, что дальнѣйшаго хода по службѣ тутъ ожидать нечего, кромѣ обыкновенныхъ служебныхъ наградъ. Я обратился за совѣтомъ къ моей женѣ, находя, что женщина инстинктивно иногда вѣрнѣе видитъ вещи; но она не хотѣла давать его и предоставила все моему усмотрѣнію. Прошло въ разсужденіяхъ пять дней, и я написалъ къ Гофману письмо, въ которомъ отказывался отъ мѣста и благодарилъ за вниманіе и предпочтеніе другимъ соискателямъ. Это письмо рѣшило судьбу мою и дѣтей моихъ. Если бы я принялъ мѣсто, вся послѣдующая жизнь наша иначе устроилась бы, мы бы постоянно остались въ Петербургѣ, и трудно рѣшить, какія были бы оттого послѣдствія, въ особенности для моихъ дѣтей. Посылая письмо, я чувствовалъ, что дѣлаю дурно, въ немъ я выразилъ это безпокойное чувство; но судьба увлекла меня. Гофманъ часа два спустя пріѣхалъ навѣстить больную жену мою. Она завела разговоръ о мѣстѣ и залилась слезами. Мнѣ очень грустно было видѣть эти слезы; онѣ доказывали, что жена не хотѣла быть со мною откровенною и высказать свое мнѣніе. Я видѣлъ, что она страдала отъ моего отказа. Гофманъ былъ холоденъ и на вопросъ ея, можетъ ли это мѣсто повести къ чему нибудь высшему, отвѣчалъ коротко: «нѣтъ.» Мнѣ показалось даже, что онъ былъ доволенъ моимъ отказомъ. Разговоръ объ этомъ прекратился и больше не возобновлялся. Мѣсто предоставлено было Вилламову, сыну того, чье мѣсто заступилъ Гофманъ. Слѣдовательно, онъ получилъ возможность выразить свою благодарность сыну за бывшее вниманіе къ нему отца, который рекомендовалъ его государю къ себѣ въ помощники, чѣмъ и положено основаніе высшей его карьерѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ не дали ожидаемой награды, и министръ объявилъ даже, что не намѣренъ ходатайствовать объ этомъ

у государя. Я не могъ объяснить себѣ причины такого неблаговоленія. Жаловаться не считалъ возможнымъ, да это и не принято; выказывать страсть къ отличіямъ не было сообразно ни съ моими понятіями, ни съ самолюбіемъ. Я покорился судьбѣ, ожидая отъ будущаго чего нибудь лучшаго; между тѣмъ въ сердце мое безпрерывно закрадывалось раскаяніе, что не принялъ мѣста въ 4 Отдѣленіи. Это меня много мучило и отравляло мои дни. Жена лежала на смертномъ одрѣ и медленно приближалась къ гробу. Я приготовился уже потерять ее и старался только усладить послѣдніе дни ея. Сердце мое терзалось; я видѣлъ, какъ она угасала, и пособить ей не было возможности. Доктора объявили, что нѣтъ спасенія. 4-го Февраля 1847 года она скончалась. Я присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ ея; онѣ были тихи. Въ грустномъ молчаніи смотрѣли мы на ея спокойное лицо, выражавшее доброту. Дѣти не понимали своей потери; они пролили нѣсколько слезъ. Ихъ занимала болѣе новость ихъ положенія. Стоя возлѣ тѣла матери, которая недавно еще ласкала ихъ, они чувствовали болѣе ужасъ, нежели истинное сожалѣніе. Тѣло стояло почти пять дней. По желанію Гофмана мы отдалили похороны до Воскресенья (она умерла во Вторникъ), потому что онъ не могъ быть въ Субботу. Послѣ отпѣванія священникъ Маловъ вздумалъ говорить рѣчь предъ закрытіемъ гроба. Я съ нимъ стоялъ на катафалкѣ въ виду всей церкви. Онъ говорилъ довольно долго, что́ крайне не соотвѣтствовало моему положенію. Эта театральность была весьма некстати. Мнѣ было не до его рѣчи. Онъ видимо желалъ блеснуть краснорѣчіемъ, и дѣйствительно, онъ былъ замѣчательный проповѣдникъ. Многимъ рѣчь его понравилась; другіе находили, что онъ лучше бы ея не говорилъ. Послѣдніе, по мнѣнію моему, были справедливѣе.

Грустно провели мы этотъ день, собравшись въ маленькой комнаткѣ, гдѣ я во время болѣзни жены устроилъ себѣ кабинетъ. Какъ обыкновенно водится, мы перебрали всѣ черты жизни покойницы, хвалили, осуждали, потолковали о похоронахъ и занялись тѣмъ, какъ устроиться на будущее время съ дѣтьми. Вскорѣ мы перемѣнили квартиру, гдѣ все напоминало добрую жену мою, и переселились въ домъ Адамса, въ Стремянную улицу. Мы уговорились съ одною иностранкою, очень образованною женщиною, чтобъ она занялась воспитаніемъ дѣтей моихъ. Она принесла имъ много пользы, прекрасно приготовивъ ихъ въ языкахъ Французскомъ и Нѣмецкомъ, а также въ другихъ предметахъ и въ образованіи ихъ характера.

Привыкнувъ находить въ женѣ пріятную и внимательную собесѣдницу, я чувствовалъ страшную пустоту въ жизни съ лишеніемъ ея.

Я искалъ развлеченія внѣ дома, сталъ посѣщать знакомыхъ, бывалъ часто въ клубѣ, полюбилъ игру и старался забыть о моей потерѣ. Возвращаясь домой, я сильнѣе чувствовалъ свое одиночество. Некому было меня встрѣтить, не съ кѣмъ поговорить, некому передать впечатлѣнія минувшаго дня. Это было самое тяжелое время моей жизни. Служба меня не радовала и не занимала, дѣти были еще слишкомъ малы, чтобъ развлекать меня; притомъ я не хотѣлъ отвлекать ихъ отъ обыкновенныхъ занятій и разрушать заведенный порядокъ. Часто приходила мнѣ мысль вновь жениться; эту мысль поддерживали услужливыя мои знакомки, всегда готовыя хлопотать о свадьбахъ; но какимъ образомъ могъ я на это рѣшиться послѣ моей жены, кроткой, образованной и нѣжной? Кто могъ понимать меня такъ, какъ понимала умершая? Она совершенно усвоила себѣ мой образъ мыслей, любила то, что́ я люблю, находила первое удовольствіе въ томъ, чтобъ проводить время дома со мною и съ дѣтьми, читать, работать. Въ другой я могъ найти совсѣмъ не то. Притомъ у меня были дѣти, требовавшія вниманія и заботъ. Могла ли бы она любить ихъ, какъ настоящая мать? Скорѣе можно было ожидать, что она ихъ возненавидитъ, какъ это часто случается съ мачихами. Я рѣшился не предпринимать ничего, что́ могло бы меня подвинуть на вторичную женитьбу и избѣгалъ всякихъ столкновеній съ дѣвицами, на которыхъ можно было бы имѣть виды. Тонъ сношеній моихъ съ ними совсѣмъ измѣнился. Я открыто выказывалъ намѣреніе мое остаться вдовцомъ и избѣгалъ особеннаго ихъ ко мнѣ вниманія.

Шли годы. Въ служебномъ положеніи моемъ не происходило никакой перемѣны. Иногда мнѣ казалось, что карьера моя кончена и я долженъ умереть на настоящемъ мѣстѣ моемъ; иногда, напротивъ, я одушевлялся мыслію, что могу еще пригодиться для болѣе дѣятельной службы и выказать себя. Были часы жестокаго унынія. Мнѣ досадно было на себя, что не умѣю выйти изъ непріятнаго своего положенія. Въ обществѣ я безпрестанно слышалъ сожалѣнія, что министерство не оцѣняетъ меня и не даетъ мнѣ хода. Я избѣгалъ подобнаго разговора, крайне для меня непріятнаго. Это участіе даже оскорбляло меня. Обыкновенно сожалѣютъ о лицахъ обиженныхъ, но какъ можно допускать себя обижать? Какъ не возмутиться обидою? Я самъ объяснялъ себѣ мои неуспѣхи только чрезмѣрнымъ моимъ самолюбіемъ, которое не хотѣло унижаться ни предъ кѣмъ, чтобъ достигнуть какихъ нибудь выгодъ. Въ простотѣ моего сердца я былъ доволенъ и тѣмъ, что обо мнѣ отзывались съ уваженіемъ и отдавали мнѣ справедливость. Я никому ни о чемъ не жаловался, считая это для себя унизитель-

нымъ. Съ графомъ Перовскимъ отношенія мои были самыя непріятныя и натянутыя. Онъ былъ сухъ, нетерпѣливъ и позволялъ себѣ весьма жесткія выходки, которыя съ трудомъ можно было переносить. Къ счастію сношенія мои съ нимъ были нечасты.

Между прочими занятіями моими мнѣ поручено было находиться въ комитетѣ для разсмотрѣнія положенія объ исполненіи мѣщанами рекрутской повинности. Это поставило меня въ столкновеніе съ товарищемъ министра И. Г. Сенявинымъ какъ съ председателемъ въ этомъ комитетѣ. Сенявинъ былъ необыкновенно честолюбивъ, съ умомъ крайне ограниченнымъ, мало практичнымъ. Онъ не умѣлъ вести этого дѣла въ комитетѣ и предлагалъ такія мѣры, которыя никакъ не могли быть введены въ дѣйствительности. Напримѣръ, онъ полагалъ учредить въ цѣлой губерніи одно только мѣщанство изъ всѣхъ мѣщанъ въ губерніи и собирать ихъ въ губернскомъ городѣ для вынутія жеребья. Мнѣнія наши не сходились; я возражалъ ему, доказывая крайнія неудобства подобныхъ собраній и какъ должно это стѣснять мѣщанъ. обязанныхъ оставлять свои жилища, чтобъ отправляться за 200, 300 верстъ и бросать свои занятія. Сенявинъ оставался при своемъ и просилъ меня написать въ этомъ видѣ проектъ положенія, а самъ уѣхалъ на нѣкоторое время изъ Петербурга. По пріѣздѣ его черезъ мѣсяцъ мы снова собрались въ комитетѣ. Между тѣмъ я представилъ ему написанный мною проектъ, въ которомъ, не смотря на его нелѣпость, я старался по возможности набрать побольше доказательствъ пользы предлагаемой мѣры. Сенявинъ оказался крайне недовольнымъ моею работою и принялъ ее какъ будто за насмѣшку надъ его мыслію, что̀ и выразилъ въ комитетѣ. Я обидѣлся его замѣчаніемъ и сказалъ ему, что никогда не позволялъ и не позволяю себѣ насмѣхаться надъ начальниками и что если работа моя, по его мнѣнію, никуда не годится, то слѣдуетъ сдѣлать ее другому, болѣе сочувствующему его мысли. Нѣкоторые члены комитета не оправдывали моихъ дѣйствій и находили, что не сто̀итъ много спорить въ этомъ дѣлѣ: пусть оно идетъ своимъ порядкомъ какъ угодно Сенявину; вѣдь онъ за него и отвѣчаетъ какъ председатель, а ссориться съ нимъ не слѣдуетъ. Я не могъ вполнѣ согласиться съ подобными замѣчаніями и хотя находилъ ихъ совершенно практичными, но не могъ внутренно не удивляться этой безстрастной роли, которую приняли на себя члены комитета. Послѣ этого засѣданія наши прекратились, и насъ больше не собирали. Сенявинъ самъ взялся, составилъ свой проектъ и черезъ нѣкоторое время представилъ министру, который нашелъ его крайне неосновательнымъ, о чемъ Сенявинъ впослѣдствіи самъ разсказывалъ, выра-

жая вмѣстѣ съ тѣмъ удивленіе, что министръ не вникъ въ сущность дѣла. Сенявинъ былъ непомѣрно суетливъ, брался за все и ничего не дѣлалъ порядочно. Кабинетъ его былъ наполненъ шкафами, гдѣ хранились у него въ отличныхъ переплетахъ и папкахъ копіи со всѣхъ бумагъ, нѣкоторой по его мнѣнію важности, которыя онъ подписалъ на своемъ вѣку. Онъ очень хвастался этимъ собраніемъ и говорилъ мнѣ однажды, что конечно нѣтъ ни у кого и нигдѣ такого архива. Честолюбіе его было безмѣрное, но онъ не пользовался мнѣніемъ дѣлового человѣка и когда Перовскій отправился въ отпускъ въ Крымъ, управленіе министерствомъ Государь поручилъ Ланскому, что́ сильно поразило Сенявина. Онъ долженъ былъ явиться къ Ланскому какъ лицо подчиненное. Это случилось при мнѣ во время моего доклада. На багровомъ лицѣ Сенявина видны были смущеніе и досада. Представленіе происходило стоя, что́ меня нѣсколько удивило. Вѣроятно Ланской не хотѣлъ тянуть долго аудіенціи. Дней десять послѣ того спустя, Сенявинъ, жившій въ это время на дачѣ на Аптекарскомъ острову, пріѣхалъ довольно рано утромъ въ городъ на свою квартиру близъ Таврическаго сада, въ домѣ Дубенскаго; послалъ человѣка за бутылкою пива и когда тотъ принесъ ее, онъ его выслалъ изъ комнаты, выпилъ стакана два пива и черезъ нѣсколько времени схватилъ бритву и черкнулъ ею себѣ по горлу; но вѣроятно отъ боли и въ сильномъ изступленіи, не помня самъ себя, выскочилъ на балконъ и бросился оттуда на улицу, гдѣ ошеломленный паденіемъ сталъ истекать кровью. Проходившіе по улицѣ тотчасъ дали знать въ домъ людямъ, и несчастнаго подобрали. Онъ въ себя не приходилъ и вскорѣ умеръ. Похороны его происходили безъ всякой церемоніи, гробъ сопровождалъ одинъ только священникъ. Ланской принялъ это извѣстіе довольно равнодушно. Онъ отозвался, что ни въ чемъ не виноватъ, что ему, а не Сенявину поручили управленіе министерствомъ: таково было желаніе Государя. На мѣсто Сенявина назначенъ былъ исправляющимъ должность Лексъ, бывшій директоромъ хозяйственнаго департамента.

Вскорѣ поручили мнѣ быть членомъ отъ министерства въ рекрутскомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ графа Блудова. Дѣлами сего комитета завѣдывалъ Рѣпинскій, впослѣдствіи сенаторъ. Обязанностію комитета было разрѣшить всѣ законодательные вопросы по рекрутской части; но въ это время возникло новое дѣло, которое потребовало особыхъ разсужденій. По представленію графа Блудова Государственный Совѣтъ разрѣшилъ привлечь къ рекрутской повинности всѣхъ одиночекъ и двойниковъ Петербургскаго мѣщанскаго общества, кото-

рые дотолѣ этой повинности не исправляли и такимъ образомъ обременяли собою многосемейныхъ, которые одни и за себя и за двойниковъ и одиночекъ ставили рекрутъ. Многосемейныхъ считалось въ обществѣ не болѣе 8 тысячъ, тогда какъ двойниковъ и одиночекъ было 12 т. Госуд. Совѣтъ, утвердивъ это предположеніе, приказалъ составить въ министерствѣ о томъ правила. Но недѣли двѣ спустя, министерство получило новое высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ Госуд. Имуществъ графомъ Киселевымъ о томъ, чтобъ жеребьевую систему ввести повсемѣстно въ мѣщанскихъ обществахъ. Это новое повелѣніе должно было парализировать мнѣніе Госуд. Совѣта о Петербургскихъ мѣщанахъ: частное должно было слиться съ общимъ. Нельзя было согласить между собою оба высочайшія повелѣнія. Какъ и слѣдовало, министерство занялось составленіемъ правилъ для всѣхъ мѣщанъ, разумѣя въ томъ числѣ и Петербургскихъ и не дѣлая для нихъ никакихъ исключеній. Работу эту я представилъ въ рекрутскій комитетъ. На вопросъ графа Блудова, почему министерство оставило безъ вниманія мнѣніе Госуд. Совѣта о Петербургскихъ мѣщанахъ, я отвѣчалъ, что правила составлялись для всѣхъ мѣщанъ вообще и нельзя было въ одно время писать для одного общества особыя правила, когда велѣно было заняться всѣми обществами. Графу Блудову было очень досадно, что его предположенія остались безъ исполненія, и онъ желчно выразился, что министерство слѣдуетъ предать суду за неисполненіе высочайшаго повелѣнія. Для меня весьма страннымъ казалось, что такой умный человѣкъ, какъ графъ Блудовъ не можетъ или не хочетъ понять, что предположенію его нельзя давать хода, а оно должно быть оставлено для введенія общей мѣры. Много переписано было по этому предмету бумагъ. Съ ходомъ этого дѣла Блудовъ начиналъ уступать, пытаясь примѣнить ко всѣмъ въ Россіи мѣщанскимъ обществамъ тѣ правила, которыя онъ придумалъ для Петербургскаго общества; но и это было крайне неудачно. Онъ полагалъ раздѣлить общество на два разряда: на многосемейныхъ и на двойниковъ и одиночекъ. Первые должны были отправлять рекрутскую повинность по очереди семействъ, а вторые по жеребью; для первыхъ опредѣлялся возрастъ только до 21 года, для послѣднихъ до 35 лѣтъ. Но я возсталъ противъ этого предположенія, представляя въ своей бумагѣ, что по малочисленности мѣщанскихъ обществъ въ большей части нашихъ городовъ нельзя такимъ образомъ дѣлить эти общества, и они сдѣлаются такими дробными, что никакъ нельзя будетъ требовать рекрутъ ни по очереди семействъ (которая и безъ того уже давно по малолюдству обществъ разрушена), ни по жеребью, такъ какъ участки будутъ слишкомъ малы; притомъ невозможно вводить въ одномъ и томъ же

мѣщанскомъ обществѣ двѣ системы: и очередную, и жеребьевую по тѣмъ различнымъ условіямъ, какія требуются отъ этихъ системъ. Такъ, напримѣръ, мѣщанинъ, принадлежавшій къ многосемейному обществу и по прошествіи 21 года освободившійся совсѣмъ отъ рекрутской повинности, вдругъ съ смертію кого либо изъ работниковъ своего семейства попадаетъ въ двойники, и его призываютъ въ рекруты по жеребью до 35 года; или напротивъ, другой, считавшійся въ числѣ двойниковъ съ прибытіемъ въ семейство зятя превращается въ тройника и долженъ будетъ идти въ рекруты по очереди семействъ, или будетъ напрасно освобожденъ отъ этой повинности только потому, что ему минуло уже 21 годъ, тогда какъ въ прежнемъ своемъ двойниковомъ участкѣ онъ призывался бы къ жеребью до 35 лѣтъ. Неудобство этого раздѣленія обществъ было слишкомъ явно, и то чтó могло годиться для Петербургскаго общества совсѣмъ не годилось для прочихъ обществъ. Блудовъ отказался отъ своего предположенія, и составленъ былъ проектъ, чтобъ вездѣ во всѣхъ обществахъ введена была однообразно одна только жеребьевая система съ нѣкоторыми только особыми правилами для двойниковъ и одиночекъ. Уступка необходимости была сдѣлана, хоть и тутъ допущена безъ всякой надобности нѣкоторая исключительность для одной части обществъ. Проектъ утвержденъ Государственнымъ Совѣтомъ, но никогда не приводился въ исполненіе какъ по неудобству, такъ и по измѣмившимся обстоятельствамъ. Съ окончаніемъ Крымской войны значительная часть войскъ была распущена въ безсрочный отпускъ; рекрутскіе наборы были пріостановлены, и армія пополнялась въ случаѣ надобности изъ отпускныхъ. По прошествіи почти восьми лѣтъ послѣдовалъ первый наборъ, но уже совершенно на другихъ основаніяхъ: о проектахъ графа Блудова и рѣчи не было; рекруты ставились по усмотрѣнію самихъ обществъ, возрастъ для поставки опредѣленъ тридцатилѣтній, одинаково для всѣхъ членовъ общества, ставились преимущественно изъ многорабочихъ семействъ, но по жеребью. Такимъ образомъ всѣ умничанія рекрутскихъ комитетовъ ни къ чему не послужили, мы только напрасно собирались, переливали изъ пустого въ порожнее и истребляли бумагу на различные журналы, которые лишь наполнили архивы.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА [1]).

1843-й годъ.

Январь. 1. Изъ Алексѣевскаго монастыря привозили къ намъ Тихвинскую и Цѣлительницу Богоматерей и служили съ водосвятіемъ молебенъ, кропили св. водой всѣ комнаты въ домѣ. Я ходилъ поздравить съ новымъ годомъ и съ ангеломъ И. М. Иракліонова, Драчевскаго священника и протоіерея В. И. Богданова, былъ у Л. М. Цывскаго, у митрополита Ф., безъ нихъ.

3. Вечеръ провели у П. С. Снѣгирева, гдѣ пѣли святочныя и церк. пѣсни.

4. Я занимался своими дѣлами, которымъ мѣшала жена.

7. Ѣздилъ въ унив. типографію, къ Селивановскому отдать корр. 1 л. Новосп. мон., въ лавку Москвитянина, гдѣ встрѣтился съ Погодинымъ, который сказывалъ, что онъ съ Давыдовымъ просили министра отдать мнѣ слѣдующее имъ награжденіе изъ Академіи на напечатаніе Евгеніева словаря.

10. Вечеромъ былъ у меня протоіерей и цензоръ Ѳ. А. Голубинскій, который и ночевалъ у меня, прочелъ 1 л. описанія Новосп. мон. и побесѣдовалъ со мною до полночи о разныхъ предметахъ.

11. Поутру, напившись у меня чаю и кофе, Ѳ. А. отправился въ Тр. лавру, взявъ съ собою мою книжку *о лубочныхъ картинкахъ*. Я ѣздилъ къ Селивановскому и А. И. Тургеневу, который возстаетъ противъ крѣпостного права; у него вновь познакомился съ прежнимъ товарищемъ, оберъ-прокуроромъ Бестужевымъ въ Сенатѣ.

13. Закупали вещей и платья для свадьбы нашего Трофима; получилъ п. отъ министра С. С. У. о готовности его поднести Государю и царской фамиліи мою книгу П. М. др., когда она будетъ кончена.

15. Заѣзжалъ къ Н. С. Зыкову [2]), который подарилъ мнѣ Псалмы Полоцкаго и казалъ древнія монеты.

---

[1]) См. выше стр. 369.

[2]) Будущему злодѣю. П. Б.

16. Къ Я. И. Санглену я отнесъ его корр. о Шиллеровыхъ трагедіяхъ и статью о Вольтерѣ и Руссо.

17. Я съ Мишей слушалъ обѣдню у Рождества въ Путинкахъ, былъ на именинахъ у А. А. Антонскаго, гдѣ видѣлся съ С. П. Фонвизинымъ, И. И. Давыдовымъ, и оттуда домой, гдѣ у насъ была свадьба Трифона нашего съ Елисаветой. Мы снарядили ихъ, какъ прилично и даже не по состоянію своему, дали повеселиться съ ихъ гостями и сами повеселились. У насъ обѣдали П. С. Снѣгиревъ съ женою, какъ посаженый отецъ, и П. Петровъ.

21. Я написалъ письмо въ деревню къ старостѣ насчетъ Никиты Филип., докончилъ статью о селѣ *Черкизовѣ*. Весь день дома и былъ отчасти неспокоенъ.

22. Былъ встревоженъ вспыльчивостію А. А., отнимающею у меня покой и удовольствіе жизни и разстраив. семейственное благоденствіе заносчивостію и бѣшен. нравомъ. Всенощну я слушалъ на Троицкомъ подворьѣ.

25. Съ Мишею я ѣздилъ помолиться къ Тремъ Радостямъ Пресв. Богор. и къ празднику Утоленія Печали, гдѣ служилъ молебенъ и слушалъ обѣдню, послѣ коей священникъ поднесъ мнѣ и Мишѣ по просфорѣ и св. воды. Оттуда проѣхали въ Новоспасскій м., гдѣ и обѣдали у о. архимандрита Аполлоса. Я ему читалъ 2 л. описанія сего монастыря, коимъ онъ остался очень довольнымъ. Безъ меня былъ кн. Ю. А. Долгорукій и Н. С. Зыковъ.

26. Вечеромъ побесѣдовалъ со мною бывшій Виленскій военный губернаторъ кн. Н. А. Долгорукій.

27. По убѣдительной просьбѣ П. А. Бронникова, я былъ на свадьбѣ его сына Константина посаженымъ отцемъ съ его дочерью Александрою. Вѣнчали въ церкви св. Пятницы Параскевы въ Охотномъ ряду. Потомъ я былъ у нихъ на балѣ и ужинѣ великолѣпномъ, продолжавшемся до 4 часовъ утра, съ Мишею.

28. Званъ былъ зятемъ Мудрова, Великопольскимъ, на освященіе церкви св. Іоанна Предтечи на Трехъ Горахъ. Вечеромъ до полночи посидѣли у меня Санглень съ коррект. своей книги и П. В. Киреевскій съ рукописью; поговорили о разныхъ истор. предметахъ.

29. Былъ у И. И. Давыдова, у котораго родился сынъ Сергѣй. Къ митрополиту Филарету отнесъ тетрадь объ Иванѣ Великомъ и отслушалъ всенощну.

31. Заутреню я слушалъ у св. Николая въ Драчахъ, раннюю обѣдню у св. Панкратія, позднюю на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ, у котораго я былъ съ Мишею. Онъ сказалъ, что семейство должно быть управляемо разумомъ отца и любовію матери.

Когда я вошелъ въ алтарь ц. св. Панкр., то священникъ поздравилъ меня съ генеральскимъ чиномъ, о чемъ онъ отъ кого-то слышалъ. Во снѣ я видѣлъ на себѣ начертанный образъ Нерукотвореннаго Спаса въ чрезвычайномъ размѣрѣ и другой писанный у какихъ-то городскихъ воротъ, какъ мнѣ кто-то сказалъ, Спаса Смоленскаго.

Февраль. 1. Съ женою и сыномъ я обѣдалъ на свадебномъ обѣдѣ у П. А. Бронникова, у котораго были музыка, пѣсельники и танцы.

2. Съ П. С. Максютинымъ я ѣздилъ въ Новосп. монастырь, гдѣ засталъ крестный ходъ. Отобѣдавъ у о. арх. Аполлоса, осматривалъ съ П. С. М. церкви и повѣрялъ свое описаніе. Оттуда я проѣхалъ на часокъ къ А. И. Лобкову. Вечеромъ посидѣлъ у меня князь Ю. А. Долгорукій.

4. Поутру пріѣзжалъ поздравить прошедшую именинницу о. Аполлинарій. Обезпокоенный я ходилъ прогуляться; по возвращеніи своемъ нашелъ дома протопресвитершу Елисавету Матвѣевну съ дочерью, но, по пріему жены моей, онѣ недолго посидѣли. Занимался описаніемъ *Чудова мон.*

5. Цензировалъ я *Сборникъ истор. разысканій и свѣдѣній о Россіи, земляхъ православныхъ и Славянскихъ.*

7. Съ Мишею я былъ на свадьбѣ у протоіерея Басм. Василія Ивановича, который выдалъ дочь свою за магистра Соколова.

8. Утромъ былъ у меня Я. И. Сангленъ съ приглашеніемъ меня на свадьбу сына своего, женящагося на сестрѣ кн. М. А. Оболенскаго. Я ходилъ потолковать къ П. М. Строеву; продолжалъ описаніе Чудова монастыря.

9. При письмѣ отъ м. Филарета получилъ свою статью объ *Иванѣ Великомъ*, имъ прочтенную.

12. Утромъ я ѣздилъ съ женою въ Чудовъ м. къ обѣднѣ на праздникъ; м. Филаретъ не служилъ за болѣзнію, а вмѣсто его викарій Іосифъ. Тамъ списавъ нѣкоторыя надписи, отправился въ Цензурный Комитетъ.

17. Былъ у меня Забѣлинъ съ выпиской изъ расх. книги О. П.*) объ иконахъ, пожертвованныхъ царемъ А. М. въ Новоспасскій м.

21. У обѣдни поздней былъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ прощался я съ митрополитомъ и благодарилъ его за прочтеніе моихъ тетрадей.

22. Чистый Понедѣльникъ. Я ѣздилъ покупать грибовъ на базаръ; съ И. Забѣлинымъ отправился въ Новоспасскій м., гдѣ осматривали ризницу и повѣряли описаніе оной.

*) Оружейной Палаты, гдѣ тогда служилъ И. Е. Забѣлинъ. П. Б.

23. Прочитавъ корр. 3 л. о Новоспасскомъ м., отослалъ ее къ Сем., былъ у П. М. Строева и въ Шерем. б. у обѣдни. Безъ меня пріѣзжали князь В. Друцкой и протоіерей Александръ Евл., который былъ еще вечеромъ за справками касательно Греческихъ философовъ, написанныхъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

24. Съ княземъ В. Друцкимъ я ѣздилъ въ Новоспасскій м., гдѣ слушалъ обѣдню и ефимоны; туда пріѣхала и жена съ сыномъ; обѣдали у о. архимандрита, у котораго я встрѣтился съ П. Киреевскимъ.

26. Занимался я цензурными дѣлами; отвезъ въ Чудовъ м. двѣ рукописи, тамъ взятыя, видѣлся въ Успенскомъ соборѣ съ протопресвитеромъ В. И., въ Троицкихъ воротахъ встрѣтился съ графомъ Строгоновымъ, который приглашалъ меня побывать у него. Былъ въ Цензурномъ Комитетѣ. Ко мнѣ приходилъ К. Коссовичъ, который экзаменовалъ Мишу и поощрялъ его къ успѣхамъ въ Греч. и Лат. Е. Ѳ. Коршу я отдалъ свою статью о *Черкизовѣ*.

27. Я былъ у обѣдни въ ц. Взысканія Погибшихъ, гдѣ служилъ Богоматери молебенъ; зашелъ къ брату П. А. Кондратьеву и посидѣлъ съ нимъ часокъ, смотрѣлъ виды Италіи и между прочимъ видъ palazzo во Флоренціи, сходнаго съ *теремами въ Кремлѣ*. И. В. Толстому отдалъ въ починку свои часы. За обѣдомъ я былъ обезпокоенъ и разсерженъ А. А. Какъ для меня тяжело и прискорбно быть въ такомъ расположеніи духа! Всенощную я слушалъ на Троицкомъ подворьѣ и побесѣдовалъ у А. П. Святославскаго.

28. Послѣ чаю пріѣзжалъ ко мнѣ профессоръ Зацѣпинъ читать свою психіатрическую статью о жизни; продолжалъ описаніе Чудова монастыря.

Мартъ. 1. Я ѣздилъ въ Чудовъ монастырь за справками; осмотрѣлъ тамъ ц. Архангела Михаила съ архим. Іоанникіемъ и списалъ надпись на сѣни надъ престоломъ, взялъ оттуда 5 рукописей; былъ у Т. Ѳ. Большакова, которому возвратилъ его лубоч. картин.

5. Купилъ у Даціара портретъ Новгор. митр. Антонія для о. архимандрита Аполлоса.

6. Вечеромъ и ночью докончилъ описаніе Спаса на Бору и началъ описаніе ц. Троицы на Листахъ, которое окончилъ на другой день.

7. Зашелъ къ П. С. Максютину, съ которымъ перечиталъ статьи свои объ *Иванѣ Великомъ* и о *Спасѣ на Бору*, и поговорилъ о старинномъ зодчествѣ.

9. Я ѣздилъ къ П. М. Строеву, съ которымъ прочелъ статью свою объ *Иванѣ Великомъ*; онъ ее нашелъ хорошею.

10. Поутру я ѣздилъ къ графу Строгонову, который спрашивалъ меня о продолженіи П. М. др., былъ въ Чудовѣ м. у архимандрита Іоанникія, у котораго взялъ опись ризницы Чуд. Послѣ обѣда я ходилъ осмотрѣть ц. Троицы на Листахъ; замѣтилъ тамъ нѣкоторыя старинныя утвари и образа, списалъ съ нихъ надписи.

12. Изъ Цензурнаго Комитета съ И. Е. Забѣлинымъ я проѣхалъ въ Новоспасскій мон. поздравить со днемъ рожденія о. архимандрита, у котораго я нашелъ жену свою съ Д. И. С. Послѣ обѣда, отпустивъ жену домой, я остался пить чаю и потомъ заѣхалъ оттуда къ директору Синод. типографіи Островскому попросить мѣста брату Ив. Як. Благовѣщенскому; но онъ сказалъ, что всѣ мѣста теперь заняты, а когда откроется съ новымъ штатомъ, то готовъ дать. Въ Ц. К. предложено и принято было о представленіи меня къ наградѣ орденомъ.

13. Возилъ къ графу Строганову, по его желанію, показать портретъ царя А. М., который онъ нашелъ весьма важнымъ и драгоцѣннымъ, и совѣтовалъ поднести его Наслѣднику Престола. У всенощной я былъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ выносилъ крестъ самъ митрополитъ.

16. Я ѣздилъ къ П. В. Кирѣевскому, съ которымъ читалъ свои П. М. др.

21. Вечеромъ былъ у меня отъ митрополита А. П. Святославскій.

23. Послѣ обѣда я отнесъ къ митрополиту Филарету свое описаніе Чудова монастыря.

24. Получилъ я изъ Управы Благочинія о явкѣ въ Лихвинскій уѣздъ съ кн. Д. С. для принятія въ сельцѣ Мокрищевѣ имѣнія, доставшагося намъ обоимъ по завѣщанію г. Арсеньева. По незнанію сего, я былъ въ недоумѣніи, отчего Калуж. казенная палата сдѣлала меня участникомъ въ этомъ наслѣдствіи. Да будетъ воля Всеблагого Промысла, устраивающаго дѣла мои сверхъ моего чаянія и исканія!

25. За мною о. а. Аполлосъ прислалъ коляску, въ коей я ѣздилъ къ Селивановскому, въ Успенскій соборъ, гдѣ слушалъ обѣдню и получилъ отъ протопресвитера просфору; съ Мишей ходилъ помолиться на Житный дворъ къ Благовѣщенію, въ Благов. соборъ и оттуда проѣхалъ въ Новоспасскій м., гдѣ засталъ крестный ходъ, сопровождаемый множествомъ народа. Съ Г. И. Спасскимъ и М. Я. Маловымъ обѣдалъ я у о. а. Аполлоса; отъ него поѣхалъ на его лошадяхъ, но какъ онѣ заартачились, я взялъ извозчика.

30. Поутру я былъ по цензурнымъ дѣламъ у Д. П. Голохвастова, съ женою заѣхалъ къ Д. И. С. и съ нею ѣздилъ къ св. Ивану Списателю лѣствицы, потомъ въ городъ за покупками, на кои издержалъ 144 р. Послѣ обѣда былъ о. архимандритъ Аполлосъ.

31. Поутру пріѣзжалъ ко мнѣ М. Ѳ. Прудниковъ. Я былъ въ

Унив. типографіи, у Селивановскаго, въ Цензурномъ Комитетѣ, въ канцеляріи попечителя и у кн. Ю. Долгорукаго.

Апрѣль. 2. Я свезъ 80 экз. описанія Новоспасскаго мон. къ архимандриту Аполлосу и служилъ тамъ панихиду надъ другомъ моимъ Я. Е. Арсеньевымъ въ день его рожденія, помянулъ бабушку свою; оттуда на моихъ лошадяхъ поѣхалъ въ городъ, гдѣ одна лошадь заартачилась и остановилась; я пошелъ пѣшкомъ.

3. Утромъ я ходилъ въ церковь, а во снѣ видѣлъ дубъ развѣсистый, изъ вершины коего образовался куполъ церкви, а изъ вѣтвей ея своды; потомъ слышалъ во снѣ голосъ явственный, чтобы доктору Пфелю вымѣнять образъ св. Митрофана. Я ѣздилъ къ Е. Ѳ. Коршу, которому доставивъ экз. описанія Новосп. м., просилъ составить объ немъ свѣдѣніе въ М. В.; заѣзжалъ къ П. А. Муханову, но не засталъ его дома; накупивъ разныхъ мелочей для дома, возвратился къ обѣду. У всенощной былъ съ женою и сыномъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ Ф. и раздавалъ народу вербу.

8. Поѣхалъ было пріобщаться Св. Таинъ въ свой приходъ, но по причинѣ душевнаго смущенія я поѣхалъ къ своему духовнику, у котораго спокойно и пріобщился Тѣлу и Крови Господни. Оттуда прошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ помазанъ былъ въ алтарѣ св. елеемъ, и слушалъ обѣдню, за коею митрополитъ освящалъ муро. Тамъ я встрѣтился съ Шевыревымъ, съ нимъ стоялъ всю обѣдню и смотрѣли церемонію.

9. Былъ у князя М. А. Оболенскаго, которому читалъ обозрѣніе Чудова м., а онъ мнѣ уставъ и чинъ принятія въ развратное общество при Петрѣ I, коего всѣ члены названы самыми срамными именами. Главою его былъ папа; чинъ же—искаженіе архіерейскаго поставленія, сдѣланное Ѳеофаномъ Прок. Предъ обѣдомъ ко мнѣ пріѣзжалъ изъ Твери Коссовичъ, съ которымъ я поговорилъ о разныхъ предметахъ.

11. Свѣтлую заутреню я слушалъ съ женою и дѣтьми, Мишею и Анночкою, въ своемъ приходѣ, гдѣ стояли и раннюю обѣдню; ходилъ на Троицкое подворье, гдѣ, встрѣтясь съ митрополитомъ Ф., похристосовался. Дóма разговѣвшись пасхою, куличемъ и яйцами, ѣздилъ съ визитами къ полиц. Верещагину, гражданскому и военному губернаторамъ, оберъ-полицмейстеру, Д. П. Голохвастову, И. И. Давыдову, князю С. М. Голицыну, П. М. Попову, Н. Д. Горчакову, князю М. Оболенскому, М. В. Бобарыкиной, кн. Н. Н. Голицыну, протопресвитеру В. И., прот. П. М. Терновскому, А. Д. Черткову, теткѣ Ел. Матв., А. И. Лобкову, К. Т. Спасскому, брату А. А. Озерецковскому. До обѣда были у меня князь М. А. Оболенскій, П. М. Поповъ, Бронниковы

отецъ съ сыномъ, Забѣлинъ; изъ Новоспасскаго м. пріѣзжалъ намѣстникъ съ пѣвцами славить Христа, о. архим. Аполлосъ и М. М. Евреиновъ.

14. Ко мнѣ пріѣзжали съ визитомъ Н. Д. Горчаковъ и графъ М. Толстой съ своею книжкой объ Иверской Богоматери.

17. Я былъ въ Успенскомъ соборѣ и Чудовѣ м., гдѣ служилъ митрополитъ Ф. и гдѣ я видѣлъ Антіохійскаго митрополита Неофита, у котораго взялъ благословеніе. Потомъ съ Забѣлинымъ осматривалъ церкви Ризъ Положенія и Рождества Предтечи.

19. Я ѣздилъ на Міусское кладбище, гдѣ служилъ въ годовщину по Каченовскомъ архимандритъ Аполлосъ, съ которымъ я, по приглашенію дѣтей, поѣхалъ въ домъ покойнаго на обѣдъ; тамъ видѣлся съ И. Старынкевичемъ.

20. Радуница. Я ходилъ на Лазарево кладбище похристосоваться съ батюшкой и матушкой, съ дѣтьми и пріятелями.

21. Я ѣздилъ къ М. И. Пономареву, продающему подмосковную, за которую онъ проситъ 50 т. Цѣна высока не по состоянію имѣнія. Осматривалъ я церкви св. Іоанна Предтечи и Ризположенскую во внѣшности и внутренности. Поутру митрополитъ прислалъ ко мнѣ съ монахомъ артосъ.

22. Вечеромъ былъ у меня съ корр. листами Валуевъ.

30. Ѣздилъ въ Новоспасскій монастырь поминать друга и благодѣтеля моего Я. Е. Арсеньева, о коемъ служили обѣдню и панихиду, отправленную о. архим. Аполлосомъ.

Май 9. Ѣздилъ я на Дѣв. поле къ Погодину, осматривалъ его собраніе древностей и рукописей и взялъ на разсмотрѣніе у него четыре рукописи.

13. Былъ у меня граверъ Аѳанасьевъ, я ему отдалъ отъ а. А. гравировать портретъ великаго князя И. В. изъ житія св. Алексія.

17. Поутру я осматривалъ въ патріаршей ризницѣ вещи и облаченія съ ризничимъ и Тромонинымъ, былъ въ уѣздномъ судѣ, гдѣ узналъ объ окончаніи моего дѣла въ мою пользу. Вечеромъ я ходилъ съ женою и сыномъ гулять въ Ботаническій садъ.

20. Поутру я ѣздилъ къ И. Г. Синявину, который сказывалъ мнѣ, что, по окончаніи моего труда «Пам. Московской древности» князь Д. В. Г. далъ слово представить меня къ чину. Я объяснилъ ему ходъ дѣла. Онъ просилъ меня убѣдительно написать проектъ о собраніи въ Москвѣ памятниковъ отечественной древности, какъ-то рукописей, произведеній живописи, образовъ и портретовъ, древнихъ утварей и одеждъ, какія можно заимствовать изъ монастырей, напр., изъ Саввина,

Троицкаго и другихъ, гдѣ хранятся царскія одежды, также портреты, кои указомъ велѣно вынести изъ церквей. Сюда могутъ войти и древнія неупотребляемыя утвари и оружіе. Это составитъ музей отечественныхъ древностей въ сердцѣ Россіи, собраніе важное для изученія ихъ. Съ губернаторомъ вмѣстѣ я поѣхалъ къ обѣднѣ въ Чудовъ монастырь, гдѣ митрополитъ говорилъ проповѣдь. Послѣ обѣдни мы зашли къ митрополиту на чай и закуску, потомъ поѣхали къ А. И. Лобкову на именины.

21. Взялъ у графа Строганова Кіев. рубль, на который онъ предлагалъ мѣняться.

23. Я отправился къ П. С. Максютину, съ которымъ осматривалъ патріаршій домъ и Спасъ на Бору, и повѣрилъ свое описаніе. Послѣ обѣда былъ у меня Г. С. Яновскій и пѣлъ аріи.

24. Съ почты я получилъ отъ преосвященнаго Харьк. Иннокентія его проповѣди.

25. Съ женою, сыномъ и дочерью я отправился въ Троицкую лавру помолиться; въ Хотьковѣ былъ у затворницы Маѳы, которая сказала намъ: «Чтó добро, чтó красно, но еже жити, братія, вкупѣ». Вечеромъ въ прекрасную погоду пріѣхали въ лавру, гдѣ узнали о злодѣйствѣ, совершенномъ вчера: неизвѣстные зажгли одинъ домъ, гдѣ сгорѣли двѣ пожилыя дѣвицы-шелковницы и дѣвочка. Хотя весь домъ сгорѣлъ въ посадѣ, но на трупахъ не сгорѣли веревки, коими были удавлены онѣ злодѣями.

26. Заутреню слушали въ Троицкомъ соборѣ, гдѣ служили молебенъ преподобному Сергію, а раннюю у пр. Никона, гдѣ служилъ о. Анастасій, у котораго пили чай. Я заходилъ побесѣдовать о дѣлѣ къ Ѳ. А. Голубинскому, который обѣдалъ у меня съ о. Анастасіемъ и профессоромъ Горскимъ. Я былъ съ княземъ А. Голицынымъ у намѣстника Антонія, который благословилъ трехъ дѣтей моихъ тремя образами. Послѣ обѣда мы пили чай и бесѣдовали у Ѳ. А. Голубинскаго и потомъ отправились домой; ночевали въ Талицахъ, коихъ половина сгорѣла.

27. Напившись чаю въ Мытищахъ, къ обѣду пріѣхали домой въ Семикъ.

28. Я былъ у гражданскаго губернатора, которому читалъ свой проектъ учрежденія музея отечественныхъ древностей въ Москвѣ. Послѣ обѣда были у меня Тромонинъ, о. Аполлосъ, князь Друцкой и М. Ѳ. Прудниковъ, и пили чай въ саду. День свѣтлый, благорастворенный, вечеръ прелестный.

29. Я ходилъ въ патріаршую ризницу, но не засталъ ризничаго; съ П. П. Вопновымъ осматривалъ Сѵнодальный домъ во внутренности

и внѣшности. Видно, что верхній его этажъ новѣйшей кладки, а нижній старѣе. Съ сѣверной стороны отъ церкви XII апостоловъ идетъ къ патріаршимъ покоямъ галлерея на столбахъ, въ коей закладена дверь на Востокѣ. Подъ нею были ворота проѣзжія. Къ этому зданію примыкало другое, уже сломанное, и колокольня, какъ можно заключать по жел. связямъ.

31. Я съ женою, сыномъ и Д. И. С. ѣздилъ къ обѣднѣ въ Новоспасскій монастырь; обѣдалъ у о архимандрита Аполлоса съ Соловецкимъ архимандритомъ Досиѳеемъ. До обѣда былъ кн. М. А. Оболенскій, послѣ обѣда князь Друцкой и А. И. Лобковъ.

Іюнь. 6. Я съ женою, съ сыномъ и дочерью поѣхалъ на Шелепиху къ Снѣгиревымъ П. С.; съ ними ходилъ смотрѣть церковь готич. архитектуры съ колокольнею въ главѣ и Миловидово, откуда видна вся Москва, какъ необозримая картина. Вечеръ былъ прекрасный; дѣти мои веселились.

7. Зашелъ къ Д. А. Валуеву, который мнѣ показывалъ свою библіотеку.

10. Вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ о. Арсеній отъ Новоспасск. м. съ запискою объ иконѣ Спасовой, наход. въ Сирійскомъ городѣ Халепѣ, совершенно сходной съ Новоспасскимъ образомъ Спаса.

11. Я былъ у П. В. Киреевскаго, въ Цензурномъ Комитетѣ, на выставкѣ Русскихъ произведеній въ Благородномъ Собраніи, гдѣ видѣлъ много прекраснаго и отличнаго въ своемъ родѣ, у И. А. Мальцова.

18. Жена съ сыномъ М. и дочерью А. отправилась на богомолье въ Косино къ Моденской Богоматери, а я ѣздилъ помолиться къ Боголюбской Богоматери у Варвар. воротъ; зашелъ къ Т. Ѳ. Большашакову, у котораго встрѣтилъ Тромонина. Оттуда я прошелъ въ Государственный Архивъ и въ Цензурный Комитетъ. Завернувъ къ Семену въ типографію, прошелъ къ И. Мальцову, у котораго и обѣдалъ, потомъ въ саду гуляли, читали. На дорогѣ встрѣтивъ меня, А. И. Лобковъ зазвалъ къ себѣ, напоилъ чаемъ и предлагалъ мнѣ составить житейникъ Московскихъ святыхъ: князя Даніила, князя Михаила Черниговскаго и боярина Ѳедора, святителей Петра, Алексія, Іоны, Филиппа, Ѳеогноста, Фотія и Кипріана, царевича Димитрія, Василія Блаженнаго, Іоанна Большого Колпака, Максима Блаженнаго.

22. Написалъ программу о житіяхъ Московскихъ святыхъ по желанію А. И. Лобкова. У меня былъ Д. Валуевъ по цензурѣ.

26. Послѣ полночи я съ о. архимандритомъ Аполлосомъ отправился въ Берлюкову пустыню, куда пріѣхали къ обѣднѣ. Дорогой были остановки и замѣчательства отъ лошадей, которыя упрямились и бѣ-

сились. Подъ Анискинымъ въ сторонѣ я замѣтилъ нѣсколько кургановъ на полѣ и вспомнилъ, что этою дорогой въ 1812 году мы бѣжали изъ Москвы Сент. 2, я съ батюшкой и матушкой. Пустыню мы нашли теперь процвѣтающую. Въ церкви служилъ я молебенъ явленной чудотворной иконѣ Спасителя, лобызаемаго Іудою, которой молебствовалъ и о. архимандритъ. Игуменъ Венедиктъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать и ночевать.

Іюль. 4. Я ѣздилъ въ домъ трудолюбія выручить старушку Авдотью Григ., которую взяли, какъ бродягу и нищую. Послѣ обѣда пилъ у меня чай и побесѣдовалъ А. И. Лобковъ.

6. В. П. Флерову я отнесъ свои монеты для показанія графу Строганову, который желалъ ихъ видѣть; ѣздилъ осматривать Даниловъ монастырь, гдѣ списалъ нѣкоторыя надписи и отслужилъ молебенъ благов. Даніилу; завернулъ къ В. К. Мяткалеву, у котораго съѣлъ ломоть хлѣба съ квасомъ.

18. Раннюю обѣдню я слушалъ у Воскресенія въ Барашахъ, чай пилъ у А. И. Лобкова, которому подарилъ ножикъ и вилку съ прекрасно выточеными изъ кости черенками.

Сентябрь. 14. Послѣ ранней обѣдни я ѣздилъ съ А. Ѳ. А. смотрѣть подмосковную деревню Сокольники въ 45 вер. по Рогачевской дорогѣ, возвратился

15. домой вечеромъ благополучно.

24. Вечеромъ прибылъ въ Москву курьеромъ Наслѣдникъ Престола А. Н.

25. Въ этотъ день прибыли въ Москву Императоръ и Императрица.

26. Я былъ на осященіи придѣла св. Саввы въ Новоспасскомъ монастырѣ. Освящалъ при многочисленномъ стеченіи народа архим. Аполлосъ въ древней фелони, украшенной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Утвари при священнослуженіи были древнія и дорогія. Въ заключеніе священнодѣйствія архим. Аполлосъ сказалъ слово о знаменованіи храмовъ, въ коемъ коснулся и благочестиваго побужденія къ возобновленію сего храма, сначала сооруженнаго патр. Филаретомъ въ память избавленія его изъ Польскаго плѣна. Я обѣдалъ у о. архимандрита съ Перевощиковымъ и протоіереемъ Сергіемъ Иван.

Октябрь. 2. На заемное письмо я взялъ золотомъ у П. А. Бронникова 13,500 р., кои на другой день послѣ заутрени отвезъ къ П. Е. Арсеньевой и получилъ отъ нея росписку въ 15 тыс. съ прежнимъ

задаткомъ и условіе съ обѣщаніемъ уничтожить закладную, когда будетъ уплачена половина суммы кромѣ контракта. Помози, Господи, мнѣ!

3. Я былъ на похоронахъ П. В. Побѣдоносцова, умершаго 30 Сентября. Его отпѣвалъ преосвященный Агапитъ съ архим. Аполлосомъ. Мы проводили тѣло до Ваганькова кладбища и помянули на дому покойника.

5. Сводчику Никифору Сергѣеву дано 350 р.

12. Я былъ у гражданскаго губернатора Ивана Григорьевича Синявина въ новомъ домѣ на Покровкѣ, гдѣ освятили малымъ освященіемъ домовую церковь во имя Благовѣщенія. Послѣ обѣдни я былъ у него на завтракѣ, гдѣ видѣлся съ Сазиковымъ, городскимъ головою Шестовымъ, А. Д. Чертковымъ и пр.

14. Изъ Дрездена пріѣхала къ намъ моя двоюродная сестра В. А. Гудимъ-Левковичъ съ сыномъ, тамъ рожденнымъ и крещеннымъ отъ Лютеранскаго пастора.

17. Зашелъ къ профессору Гофману поговорить о патріаршей библіотекѣ; обѣдню слушалъ въ Чудовѣ м., гдѣ видѣлся съ о. архимандритомъ Аполлосомъ. Съ сестрой, женой и сыномъ мы ѣздили на именины и новоселье къ брату А. А. Озерецковскому. Посидѣвъ у него, я отправился домой пѣшкомъ. Какъ безъ меня за мною присылалъ митрополитъ Филаретъ, я пошелъ къ нему и читалъ вмѣстѣ съ нимъ свое описаніе патріаршаго дома. Между прочимъ просилъ его о дьяконѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, чтобы ему дать священническое мѣсто. Онъ обѣщалъ постараться.

18. Съ женою я ѣздилъ къ дьякону Петру Ѳедоровичу, у котораго и обѣдали.

20. Изъ Измайлова пріѣзжала Евд. Дан. звать завтра на похороны почтеннаго Матвѣя Ѳедоровича Городова. Были о. Аполлинарій и А. Ѳ. Алмазовъ, потомъ Д. Н. Дубенскій, съ которымъ я перечиталъ статью о патріаршемъ домѣ.

21. За справками я ѣздилъ къ профессору Гофману, въ городъ и къ Семéну. Всенощная на Троицкомъ подворьѣ.

22. Ранюю обѣдню отслушавъ въ прих. церкви и, напившись съ семьею чаю, отправился къ И. И. Давыдову, съ которымъ прочиталъ статью свою *о патріаршей библіотекѣ* и *о Лютеранскихъ церквахъ* въ Москвѣ; послѣднюю и *житіе св. Петра м.* перечиталъ съ протоіереемъ П. М. Терновскимъ. Ко мнѣ пріѣзжалъ Болгаринъ Георгій Бусилинъ съ Болгарскою азбукою, которую я, съ нимъ прочитавъ, подписалъ съ нѣкоторыми исключеніями касательно политики.

23. Прочтенныя мною корректуры 23 л. П. М. др. и статьи *о Лютеранскихъ церквахъ* отослалъ я въ типографіи. У насъ была жена Малова, которая сказывала, что если овцы закашляютъ и заведутся у нихъ черви, то надобно ихъ окуривать живой смолой. Приходили еще Родіонъ Григорьевичъ съ Преображенскаго кладбища и выпросилъ у меня Соф. Временникъ.

27. Вечеромъ я получилъ въ 5 ч. изъ канцеляріи попечителя орденъ св. Станислава 2 ст. съ императорскою короною.

28. Былъ въ городѣ купить ленты на Станисл., продалъ Фульду жалов. перстень и крестъ Стан. за 400 р., побесѣдовалъ съ Скороспѣловымъ о живописи церковной. Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ о. архим. Аполлосъ поздравить меня съ полученіемъ ордена.

29. Утромъ я ходилъ поблагодарить Д. П. Голохвастова, отъ него прошелъ къ кн. М. А. Оболенскому, который прочелъ со мною статью о патріаршей библіотекѣ и сообщилъ мнѣ посланіе св. Петра митрополита.

30. Съ женою и сыномъ Михайлою я отправился въ покупаемую деревню Сокольники, куда пріѣхали вечеромъ и тамъ застали барыню Е. П. Арсеньеву.

31. Мы втроемъ ѣздили къ обѣднѣ въ село Горки, потомъ осматривали заведенія хозяйственныя, садъ, оранжерею, лѣсъ и деревню.

Ноябрь. 1. Позавтракавъ отправились домой и по плохой дорогѣ пріѣхали ночью въ Москву благополучно.

2. Утромъ я ходилъ для повѣрокъ въ патріаршую библіотеку, подалъ въ Гражданскую Палату прошеніе о выдачѣ мнѣ копіи съ купчей на Обтушку; былъ у суперинтендента Губера, которому прочелъ ст. свою *о Лютер. и Реформ. церквахъ* въ Москвѣ и просилъ его сообщить мнѣ матеріалы изъ церк. архива. Обѣщано. Послѣ обѣда заѣзжалъ ко мнѣ А. И. Лобковъ, которому я прочелъ житіе, писанное мною, кн. Михаила Черниговскаго, и разсказалъ, въ какомъ положеніи я нашелъ Сокольники. Онъ показалъ свое благорасположеніе. Богъ не убогъ.

3. Ходилъ я благодарить графа Строганова, но не засталъ его дома; былъ въ Цензурномъ Комитетѣ и у Семёна въ типографіи. Вечеромъ я ходилъ на Троицкое подворье къ намѣстнику Тр. лавры Антонію и сообщилъ грамоту ц. Ѳеодора о мѣстѣ зачатія преп. Сергія, чтó онъ принялъ съ благодарностію.

5. Съ наборщикомъ я послалъ къ Погодину газеты, печат. въ Москвѣ при Наполеонѣ, и Памятникъ Вѣры. Поутру я заходилъ къ В. Розенштрауху, который читалъ и хвалилъ мою статью *о Реформ.*

и Лютер. церквахъ. Изъ Цензурнаго Комитета я прошелъ поздравить М. А. Окулова съ генеральскимъ чиномъ.

6. Я подписалъ печатать статью свою о Лютер. церквахъ въ Москвѣ для Москвитянина и написалъ къ К. С. Сербиновичу поздравительное письмо, при коемъ приложилъ ст. изъ Пр. Бухау для Журн. М. Н. Пр.

11. Съ Божіимъ благословеніемъ минуло 15 лѣтъ моему супружеству. Съ женою и всѣми тремя дѣтьми я ходилъ къ ранней обѣднѣ къ св. Николаю въ Драчи и пѣлъ молебенъ св. Козьмѣ и Даміану.

13. Утромъ окончилъ *обозрѣніе патріаршества* для П. М. др. Съ женою я ѣздилъ къ обѣднѣ въ Златоустинскій м., гдѣ служилъ викарій. Жену оттуда отпустилъ къ Бронникову для переговоровъ о дѣлѣ; а самъ, по приглашенію архимандрита, у него обѣдалъ съ профессоромъ Морошкинымъ; тамъ видѣлся и поговорилъ съ протопресвитеромъ и ректоромъ Семинаріи Алексіемъ, который очень хвалилъ V и VI тетр. П. М. др. Архим. Аполлосъ довезъ меня до дому. Изъ Обтушки привезли вдову Прасковью.

16. Благодареніе Господу, милующему и хранящему меня! Нынѣшній день минуло 15 лѣтъ, какъ я цензоромъ въ Москоскомъ Цензурномъ Комитетѣ. Слушалъ обѣдню у св. Николая въ Драчахъ и служилъ молебенъ Евангелисту Матѳею, празднуемому въ этотъ день. Былъ у меня придворный протоіерей Александръ Евл. и возвратилъ мнѣ 3 тетр. Пам. Моск. др. Отъ о. архим. Аполлоса пріѣзжалъ о. Аполлинарій и взялъ у меня для списыванія портретъ м. Евгенія.

19. Написалъ у нотаріуса Богданова заемн. п. А. А. Антонскому въ 5 т. асс. и, отвезши къ нему, получилъ отъ него 4700 р. съ вычетомъ процентовъ. Митрополитъ Филаретъ прислалъ мнѣ вынутую изъ Троиц. лавры св. просфору за мое здоровье.

21. Ко мнѣ пріѣзжалъ А. И. Лобковъ съ благодушнымъ вызовомъ помочь мнѣ въ нуждѣ моей и звалъ меня завтра къ себѣ. Я благодарилъ за истинное доказательство его дружбы ко мнѣ. Потомъ ходилъ пѣшкомъ къ Введенію на Лубянку, гдѣ засталъ проповѣдь.

22. Я отвезъ къ В. Розенштрауху его бумаги касательно исторіи Лютеранскихъ церквей и два экземпл. своей статьи о томъ же предметѣ, одинъ для него, а другой для архива старой Лютеранской кирки.

24. Былъ у П. В. Киреевскаго, которому прочелъ статью о патріаршествѣ. Онъ сказывалъ, что слышалъ отъ А. М. Тургенева о будочкахъ противъ Краснаго крыльца на площади, гдѣ лежали столбцы и гдѣ укрывались отъ дождя старые бояре, собиравшіеся на боярскую думу, которая иногда бывала на этой площади. Говорено о

Византійскомъ зодчествѣ, коего слѣды есть въ Германіи и Италіи. Вызванные зодчіе изъ Италіи строили, вѣроятно, по даннымъ имъ планамъ и указаннымъ образцамъ; они были исполнители, дѣлали кирпичъ и клали зданіе. Въ зодчествѣ у насъ элементъ Византійскій соединился съ Русскимъ, и это составило народный стиль.

25. Во снѣ я видѣлъ, будто слушаю заутреню въ Свѣтлое Воскресеніе и троекратное пѣніе: *многая лѣта Ивану*.

29. Свезъ въ Иностранную Коллегію книги, коихъ неотступно просилъ у меня кн. М. А. Оболенскій: 1) Пол. словарь Ходьщинскаго III т., 2) Напирскаго словарь IV т. и др., за нихъ получилъ 180 р. Потомъ видѣлся съ благод. А. И. Лобковымъ, который пригласилъ меня ввечеру; бывши въ это время у него, я взялъ въ заемъ 3000 р.

Декабрь. 1. Ходилъ я поздравить митрополита Филарета съ ангеломъ, но онъ по болѣзни никого не принималъ.

7. Утромъ я ходилъ къ Н. Ф. Павлову, у котораго встрѣтился съ зятемъ и сыномъ Севенара и взялъ у него 400 р., а въ Сенатѣ у И. М. Иракліонова получилъ 1500 р. взаймы.

8. Перечитавъ проектъ купчей на Сокольники съ Набоковымъ, я отвезъ ее для подписанія Е. П. Арсеньевой, которой отдалъ 25 тыс. р., что̀ составило съ задаткомъ 40,000 р. Вмѣстѣ съ А. Ѳ. Третьяковымъ я свезъ купчую въ Гражданскую Палату, гдѣ внесли ее въ книгу.

15. Ко мнѣ пріѣзжалъ П. И. Ивановъ, а ввечеру Вознесен. м. дьяконъ Ив. Ив. Обуховъ, который разсказывалъ, какъ сохранены были свящ. Ив. Яковл. Веніаминовымъ мощи св. Царевича Димитрія за иконостасомъ въ соб. церкви Вознесенскаго монастыря, и какъ этотъ священникъ предъ смертію своей открылъ брату своему, куда онъ ихъ скрылъ. Другой священникъ Вознесенскаго м. Петръ Ивановъ крестилъ въ коммисаріатѣ дитя у одной Полячки, у коей воспреемникомъ былъ Наполеонъ. При вступленіи Французовъ въ Спасскіе ворота еще на часахъ стоялъ солдатъ, котораго они убили. Сіи ворота вокругъ завалены были землею, бочками и кулями, при входѣ вбиты были колья. Непріятели три раза подставляли лѣстницу, чтобы снять ризу съ образа Спаса, но какъ она трижды падала, то Наполеонъ и велѣлъ оставить.

19. Послѣ обѣда я ходилъ къ Т. Н. Грановскому, котораго не засталъ дома. Тогда какъ былъ у меня о. архим. Аполлосъ, прислалъ за мною митрополитъ Филаретъ, который со мною перечиталъ и переправилъ мою статью о патріаршествѣ.

20. Утромъ мы подымали въ домъ къ себѣ Иверскую Богоматерь и служили Ей молебенъ.

22. Ѣздилъ къ Десницкому, отъ него въ Гражд. Палату, гдѣ совершивъ съ Божіею помощію закладную, отвезъ ее съ писцомъ къ Арсеньевой, которая и подписала ее и размѣнялась со мною купчею на Сокольники. Оттуда мужички привезли 3 воза сѣна, 3 воза дровъ. Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ о. арх. Аполлосъ съ найденнымъ на престолѣ благосл. крестомъ, который оказался украденнымъ изъ Чудова м.

23. Я былъ у В. П. Флерова. По возвращеніи своемъ домой я нашелъ у жены глаза мутные, посоловѣвшіе, лицо измѣнившееся, языкъ косный; она кричала, шумѣла, кидала подсвѣчниками, кувшинами, и меня растревожила, и дѣтей напугала. Вмѣстѣ со старостою я ѣздилъ къ Е. П. Арсеньевой, отъ которой я взялъ два контракта, кромѣ Ленгольдова.

25. Обѣдню я слушалъ въ Чудовѣ м., гдѣ служили митроп. Московскій Филаретъ съ митроп. Іерапольскимъ Неофитомъ и викаріемъ, проповѣдывалъ ректоръ Московской Академіи Евсевій. Послѣ обѣдни и молебна я съ губернаторомъ И. Г. С. разговѣлся у митрополита.

26. Вчера всенощную, а нынѣ обѣдню слушалъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ и пріобщилъ Св. Таинъ моего Андрея. Я поздравилъ преосвященнаго со днемъ его рожденія.

27. Изъ Обтушки пріѣхали мои крестьяне на 32 подводахъ съ мукою, крупою, овсомъ.

28. Я отправился въ Сокольники, куда пріѣхалъ вечеромъ.

29. Служили молебенъ съ водосвятіемъ. Послѣ молебна я мѣрялъ рожь, коей нашлось 37 ½ четвертей, овса въ одномъ закромѣ 50 четв.

30. Окончилъ мѣреніе овса во флигелѣ; сдѣлалъ распоряженіе на счетъ крестьянъ. Съ Алекс. Ѳедор. осматривалъ заведенія, сочли деревья въ куртинѣ; наказаны ослушники и грубіяны.

31. Я отправился въ Москву.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА КОЛЮБАКИНА *).

I.

Поѣздка въ Персію.

Августа 7-го дня 1859 года. г. Нахичевань.

Болѣзнь или, утѣшительнѣе сказать, мѣстная боль, не позволяетъ мнѣ пуститься верхомъ, въ продолжительную поѣздку. Да и то надо сказать, что человѣку, котораго большая часть жизни проведена въ денныхъ и ночныхъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ поѣздкахъ по Кавказу, на конѣ, въ поѣздкахъ, предъ которыми Англійскія скачки съ препятствіями теряютъ заманчивость опасности и отваги, простительно предпочитать способы переѣзда инаго рода, даже Американскіе, рѣчные пароходы и головоломные паровозы.

Итакъ, ѣду въ Персію въ коляскѣ, какъ ѣздятъ туда жены нашихъ дипломатовъ, да и сами дипломаты, которые, какъ извѣстно, quoique gens à grand aplomb и весьма искусны въ эквилибристикѣ, однако отнюдь не на конѣ. On pourrait dire qu'en selle messieurs les diplomates sont moins à cheval que sur un protocole.

Сегодня получены извѣстія изъ Тавриза. Нѣтъ причины полагать, чтобы Шахъ выбралъ цѣлью своей поѣздки въ пограничныя провинціи своего государства, не Тавризъ, а иной пунктъ Адербижана или Гиляни. Извѣщенныя о моей поѣздкѣ Персидскія власти дѣлаютъ соотвѣтственныя приготовленія и, съ прибытіемъ михмандара на границу, не будетъ препятствія къ дальнѣйшему моему слѣдованію.

Михмандаромъ называется Персидскій чиновникъ, который, находясь при послѣ или иностранномъ офиціальномъ лицѣ, какъ во время его переѣздовъ взадъ и впередъ, такъ и пребыванія на мѣстѣ (если оно кратковременно) обязанъ устранять встрѣчающіяся неудобства и доставлять возможныя или, лучше сказать, необходимыя выгоды; а

---

*) Съ позволенія П. И. Щукина заимствовано изъ его „Сборника" (ч. 1-я). Читатели припомнятъ прекрасную статью Ѳ. П. Тимирязева о Н. П. Колюбакинѣ въ „Русскомъ Архивѣ" 1875 года. П. Б.

именно: онъ чинитъ дороги, заготовляетъ лошадей, разбиваетъ заблаговременно лагерь для ночлеговъ и приваловъ, угощаетъ обѣдами и ужинами.

По просьбѣ нашего генеральнаго консула въ Тавризѣ, посылаю ему списокъ сопровождающихъ меня лицъ и прислуги.

Со мною ѣдутъ: чиновникъ особыхъ при мнѣ порученій г. Задолинный, адъютантъ мой графъ Симоничъ (сынъ памятнаго въ Персіи посланника нашего), переводчикъ мой, поручикъ Ибрагимъ-бекъ, назначенные изъ Тифлиса маіоръ Шаханизовъ, бывалый въ Персіи капитанъ Юзбашевъ и чиновникъ князь Тумановъ. Прислуга же будетъ состоять изъ пяти или шести человѣкъ.

Начальство предоставило мнѣ взять съ собою только адъютанта и одного чиновника. Мнѣ кажется, я не согрѣшилъ, взявъ еще третье служебное лицо, то есть переводчика; ибо извѣстно всему свѣту, что какъ для маркизы лакей не мужчина, такъ для начальства переводчикъ не чиновникъ.

Августа 9-го дня.

Сегодня пріѣхали изъ Тифлиса два ловца Персидскаго льва: маіоръ Шаханизовъ и князь Тумановъ.

Древняя Греція! Слава твоихъ Аргонавтовъ, ѣздившихъ въ отдаленную страну, добыть шкурку, хотя золотую, кроткой овечки, помрачена предпріимчивостью нашихъ странниковъ къ престолу Ирана. Притомъ поиски твоихъ героевъ, говорятъ, были безуспѣшны, а нашихъ удальцевъ—слава Богу!... Одинъ изъ Кавказскихъ Агамемноновъ (кн. М.) добылъ такое несмѣтное число Персидскихъ львовъ, что дай Богъ ловцу, менѣе честолюбиваго характера, захватить сѣтью столько селедокъ или перепеловъ.

Готовимся къ отъѣзду, то есть снаряжаютъ экипажъ, объѣзжаютъ лошадей, молодые люди посольства посвящаютъ себя въ дипломаты. Вы пожалуй думаете: читаютъ народное право или сборникъ трактатовъ? Pas si bêtes! Обшиваютъ фуражки галуномъ. Золотой околышекъ на шапкѣ есть отличительная черта Европейскихъ дипломатовъ въ Персіи, куда посылаютъ... Бельгія послала оружейнаго мастера, вѣроятно въ томъ предположеніи, что господинъ N. обладаетъ наидѣйствительнѣйшими на Востокѣ политическими средствами убѣжденія. Не говорю о Россіи и Англіи, которыхъ представители наичаще бываютъ люди съ большими достоинствами; такъ, напримѣръ, теперешній посланникъ Великобританіи, г. Раулинсонъ, извѣстенъ просвѣщенному міру глубокимъ знаніемъ Востока и преимущественно блистательною ученою спеціальностью.

12-го.

Получена депеша изъ Тавриза: михмандаръ высланъ на границу. Шахъ прибудетъ 12-го числа въ Уджанъ, дворецъ въ 60 верстахъ отъ Тавриза. Консулъ ѣдетъ туда представиться его величеству и вернется только 17-го или 18-го; а какъ приличіе требуетъ, чтобъ онъ непремѣнно встрѣтилъ меня у въѣзда въ Тавризъ, то я долженъ разсчитать свою поѣздку такимъ образомъ, чтобы подъѣхать къ столицѣ Адербиджана не ранѣе 19-го. Быть по сему. Четыре дня ѣзды. Выѣзжаю 16-го.

Августа 14-го.

Какъ уже сказано, ѣду въ экипажѣ, то есть въ коляскѣ, шестеркой и, по причинѣ узкихъ дорогъ, цугомъ. Предстояло рѣшить важный вопросъ: какъ одѣть кучера и двухъ форейторовъ? Ливрейные армяки, построенные въ Нахичевани, на скорую руку, неискусными портными, съ кой-какими, кой-гдѣ галунами, обнаружили бы только неудавшуюся попытку блеснутъ или приторную мнѣ полубарскую затѣйливость. При томъ одно должно соотвѣтствовать другому, то есть одежда сбруѣ и лошадямъ. Послѣднія же хотя очень хороши, но чисто ямщичьи, а потому слѣдовало нарядить возницъ на тотъ же ладъ: красныя рубахи съ узкимъ у ворота галуномъ, широкіе шаровары и заломанныя на ухо шапки изъ синяго плиса, сапоги козловые съ красными отворотами, хомуты обшитые краснымъ сукномъ и увѣшанные бубенчиками. Въ форейторы взяты два молодые, красивые казачка. Поѣздъ принялъ характеръ совершенно національный, Русскій, веселый, такъ сказать, привольный, нѣсколько ухорскій, однимъ словомъ, катай, валяй, хоть на край свѣта, хоть въ Персію!

15-го.

Пришла почта съ газетами.

При выѣздѣ изъ Европы (имѣемъ не-неосновательную претензію думать, что если Кавказъ еще не сдѣлался, то уже дѣлается страною Европейскою) врѣзываются въ мою память слѣдующія о ней впечатлѣнія.

Одинъ изъ ея двигателей, Наполеонъ III, съ идеями, шляпой, могилой своего дяди, съ прахомъ Рейхштатскаго, съ пароходомъ «Королева Гортензія», съ медалью Св. Елены, съ нарѣзными пушками, съ зуавами и бѣснующимися Туркосами въ Италіи, есть величайшій, отъ начала вѣковъ, анахронизмъ.

Виноватъ, но всякій разъ что призванная воображеніемъ является моимъ глазамъ фигура Наполеона III-го, всякій разъ звучитъ въ моихъ ушахъ балаганная шарманка, наигрывающая одну изъ Бонапартовскихъ пѣсенекъ Беранже... этого запоздалаго лебедя на поляхъ Абукира и Ватерло.

Никто болѣе восторженнаго пѣвца не сдѣлалъ добра династіи Наполеоновской и зла Франціи. Онъ попятилъ ее назадъ; онъ воскресилъ мертвое, убилъ живое...

Наполеонъ III, возбудивъ, но не рѣшивъ или рѣшивъ нелѣпо, вопросъ Итальянскій, раскрылъ ларчикъ Пандоры, на днѣ котораго копошится кинжалоносецъ Маццини.

Въ жизни, какъ исторической, такъ частной или буднишней, являются люди, будто бы съ нѣкоторымъ высокимъ призваніемъ, но которые, по какой-то уродливости физической или нравственной, не въ состояніи совершить вполнѣ что́ бы то ни было прекрасное, доброе, полезное... Таковъ Наполеонъ III! Онъ взялся предъ цѣлымъ свѣтомъ рѣшить два важнѣйшіе политическіе вопроса нашего вѣка, Восточный и Итальянскій. Оба рѣшенія, по поводу которыхъ вспомнишь пословицу: «если не дюжъ, то не берись за гужъ» доказали его личную, персональную немощь (конечно не Франціи или ея, въ обоихъ случаяхъ, союзниковъ) и дадутъ ему въ исторіи прозваніе евнуха политическаго. Я совершенно согласенъ съ лордомъ Дерби (это дѣлаетъ ему честь), что Наполеонъ не только не достигъ войною никакихъ благодѣтельныхъ результатовъ, но даже не имѣлъ ихъ въ виду, при начатіи борьбы съ Австріею *). Я прибавлю: и съ Россіею.

Спросятъ: для чего же онъ лѣзъ на драку? Слушайте въ отвѣтъ не побасенку, а правду.

Служивъ въ лейбъ-гвардіи Гроденскомъ гусарскомъ полку, въ Оренбургскомъ уланскомъ и Нижегородскомъ драгунскомъ (скажу въ скобкахъ: первый и послѣдній изъ нихъ суть лучшіе кавалерійскіе полки Русскаго войска), я имѣлъ нѣсколькихъ товарищей, которые, по своему ли происхожденію, по извѣстнымъ ли особенностямъ своего прошедшаго, не могли, что́ называется, втереться въ нѣкій полковой кружокъ, пожалуй, аристократическій. Съ ними были очень учтивы, но не фамильярничали, не кутили, не играли въ карты... не говорили имъ ты. Они и такъ и сякъ, ничто не беретъ. Одаренные достаточною смышленностію и готовые пожертвовать многимъ, чтобы выйти изъ тягостнаго ихъ самолюбію исключительнаго положенія, они рѣшаются на слѣдующій фокусъ: перемѣнивъ тактику, они не только перестаютъ заискивать дружбу членовъ привилегированнаго кружка, но напротивъ явно ищутъ ссоры или дуэли съ наиблистательнѣйшимъ изъ его корифеевъ, въ полной увѣренности, что послѣ двухъ выстрѣловъ, одного, принятаго съ достоинствомъ, и другого, пущеннаго великодушно, наступитъ мировая, пожатіе руки, Шампанское и т. д.

---

*) Рѣчь, произнесенная 16 Іюля на обѣдѣ, данномъ 300 консерваторами.

Подобно этимъ гусарскимъ, уланскимъ и драгунскимъ корнетамъ, Наполеонъ III два раза искалъ ссоры и дуэли, для пожатія державной руки, въ Штутгардѣ—Романова, въ Виллафранкѣ—Габсбурскаго.

Бросая печальный взглядъ на Европу, вижу въ ней только два народа, занятые не куклами или метафизическими спорами, а дѣломъ серьезнымъ: Англію *) и Россію. Первая продолжаетъ, послѣдняя начинаетъ раціональную разработку задачъ, достойныхъ занимать умъ и душу образованнаго человѣка. Для благополучнаго довершенія этого дѣла въ Россіи—народъ долженъ помогать Царю; въ Англіи—правительство не должно мѣшать народу. До свиданья!

16-го Джульфы. Переправа черезъ Араксъ.

Третій разъ судьба или служба приводитъ меня на этотъ порогъ Иранскаго царства. Первый разъ она прислала меня сюда прапорщикомъ Нижегородскаго драгунскаго полка, по случаю вывода нашихъ военныхъ дезертировъ, составлявшихъ въ Персіи два батальона, которые, по духу, дисциплинѣ и устройству, конечно, были самою лучшею опорою престола противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Второй разъ, въ томъ же почетномъ званіи, на встрѣчу Англійскаго посольства, которое, вслѣдствіе недоразумѣній или, правильнѣе сказать, неудовольствій, отчасти, если не исключительно, возбужденныхъ дѣйствіями нашего посла при Тегеранскомъ дворѣ, нашлось въ необходимости прервать дипломатическія сношенія Великобританіи съ Персіею.

Англійскій посланникъ, г. Макнель, прибывъ въ Тифлисъ, въ продолжительномъ разговорѣ съ начальникомъ штаба, генераломъ Коцебу, подробно изложилъ причины неудовольствія своего къ Персидскому двору и сѣтованій на дѣйствія нашихъ дипломатовъ. Мнѣ пришлось записать на Французскомъ языкѣ этотъ въ то время любопытный разговоръ, который былъ немедлено отправленъ въ Петербургъ къ графу Нессельроде, получившему такимъ образомъ возможность приготовиться къ дипломатической кампаніи, которую вскорѣ Foreign-Office открылъ противъ него.

Помню, между прочимъ, слѣдующее воззрѣніе г. Макнеля на нашу, относительно Англіи, политику на Востокѣ. Россія и Англія имѣютъ общіе, положительные интересы только на Востокѣ, и потому тамъ только могутъ возникнуть между ними серьезные поводы соперничества или вражды. Для предупрежденія столкновеній, одинаково пагубныхъ обѣимъ мощнымъ державамъ, онѣ должны бы оставить между театрами своихъ дѣйствій на Востокѣ (Кавказомъ и Индіею) промежу-

---

*) Не говорю объ ея внѣшней политикѣ.

токъ или какъ бы нейтральную страну. Таковымъ, раздѣляющимъ ихъ пространствомъ должна служить давно отжившая Персія. То изъ двухъ государствъ, которое, въ надеждѣ на ея будущее содѣйствіе, попытается возвратить ей жизнь и силу, конечно возбудитъ недовѣрчивость своего соперника и побудитъ его, въ видахъ предупрежденія опасности, къ цѣлому ряду мѣръ враждебныхъ. Г. Макнель, во время нашей поѣздки, безъ всякаго, съ моей стороны, повода, нѣсколько разъ, какъ бы невольно, для облегченія обременявшихъ его думъ и воспоминаній, хвалилъ, конечно съ замѣтною желчью, умъ и политическую дѣятельность Оренбургскаго генералъ - губернатора Перовскаго, котораго адъютантъ, пробывшій долго въ центральной Азіи, преимущественно въ Кабулѣ и окончившій свое поприще трагически самоубійствомъ, далъ знать Англичанамъ о себѣ и о своемъ генералѣ. Неужели г. Макнель не зналъ, что этотъ адъютантъ дѣйствовалъ по внушеніямъ не генерала Перовскаго, а нашего посла въ Персіи, графа Симонича?... Г. Макнель закоснѣлый противникъ Русскаго вліянія на Востокѣ. Вотъ что недавно сказалъ о немъ одному изъ замѣчательныхъ людей Англіи нашъ уполномоченный министръ въ Лондонѣ, баронъ Бруновъ: «Макнель первый поднялъ Восточный вопросъ и отравилъ имъ Пальмерстова».

Ступимъ ногою на Персію. Посмотримъ, не ожило ли это, по выраженію г. Макнеля, мертвое тѣло, или не проснулась ли отъ летаргическаго сна эта былая красавица Востока, эта дочь солнца?...

18-го Августа, дер. Хаджи-Мусахлу,
послѣдній ночлегъ до Тавриза.

На правой или Персидской сторонѣ Аракса ожидали меня: михмандаръ, ближайшіе пограничные начальники, взводъ сарбазовъ, въ широкихъ, бѣлыхъ шароварахъ и красныхъ мундирахъ; высланные принцемъ, правителемъ Адербижана, прислужники и прекрасныя, богато убранныя Арабскія лошади; наконецъ—палатка.

Чиновники взялись подъ козырекъ (и дѣйствительно подъ козырекъ, ибо Персіяне, для предохраненія отъ солнца, привязываютъ къ шапкамъ козырки), сарбазы сдѣлали на караулъ, со вскидкою ружья предъ себя, наискось, въ родѣ того, какъ берутъ на караулъ наши кирасиры. Въ палаткѣ мы напились кофе.

Первый взглядъ на сарбазовъ былъ не въ ихъ пользу: угрюмы, грязны, не выправлены; одни въ курткахъ, другіе въ кафтанахъ; бѣлыя перевязи не вычищены, ружья заржавлены, штыки погнуты. Сразу поразило меня отсутствіе всякаго, такъ сказать, сродства между солдатомъ и его ружьемъ. Солдатъ самъ по себѣ, ружье само по себѣ.

Штыкъ, это грозное оружіе, на концѣ котораго наше воображеніе, настроенное недавними событіями, читаетъ рѣшеніе какой нибудь всемірной задачи, печаль или торжество цѣлыхъ народовъ... штыкъ сарбаза какъ бы говоритъ: попадись мнѣ курица или баранина!.. On a vu des baionnettes intelligentes, voici des baionnettes gastronomiques.

Отъ Джульфинской переправы до столицы Адербижана девятнадцать фарсанговъ или, по нашему, 133 версты. 45 градусовъ жары. Ущелье каменистое, узкое, голое, годится развѣ на кремни. Кой-гдѣ, у дороги, поля засѣяны клещевинникомъ. Ничего не могу сказать противъ этого рода посѣва: Персія же нуждается въ средствахъ прочистительныхъ. Коляска то балансируетъ, то дѣлаетъ salto mortale, не хуже любаго канатнаго плясуна. Право, слѣдовало бы выхлопотать Персидскій орденъ г. Ильину (Московскому экипажному мастеру). Если Персія дала орденъ Тифлисскому книгопродавцу Б . . . . ., чтобы сказали: она читаетъ, то не мѣшало бы дать таковой Ильину, чтобъ подумали: въ ней есть путь.

Казачекъ, исправляющій должность форейтора, спрашиваетъ: не ужели въ этой басурманской сторонѣ нѣтъ земли, а только одни камни? Нѣтъ жизни. Грустно. Съ половины дороги ущелье расширяется и изрѣдка, преимущественно у подножія хребтовъ, видны деревни, окруженныя садами.

Мѣстечко Марандъ, гдѣ былъ нашъ второй ночлегъ, славится фруктами и, говорятъ, здѣсь похоронена мать Ноя. За послѣднее не ручаюсь; но персики, груши, виноградъ, приправленные ощущеніями труднаго перехода въ знойный день, показались намъ очень вкусными.

Всѣ деревни окружены стѣнами, которыя, какъ можно заключить, поддерживаются или, говоря технически, ремонтируются весьма тщательно, конечно не правительствомъ, а самимъ населеніемъ. Жители, на разспросы мои о пригодности этихъ стѣнъ, отвѣчали, что запираются въ нихъ отъ нашествія войскъ... Вы конечно подумаете: войскъ воинственнаго Баварскаго короля? — Нѣтъ, войскъ его величества Шаха!... Чувствую, что нельзя и не должно повѣрить на слово; а потому, въ доказательство, что такая уродливость жизни общественной не вымышлена мною, а дѣйствительно существуетъ въ Персіи, привожу заслуживающее всякаго уваженія свидѣтельство барона Боде, долго служившаго первымъ секретаремъ нашего посольства въ Тегеранѣ. Вотъ что говоритъ онъ въ весьма занимательной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: Очерки Туркменской земли и Юговосточнаго прибрежья Каспійскаго моря. «Проходя съ войскомъ въ 1836 году этою дорогою (изъ Фирюзку въ Мазандеранъ), Шахъ однажды имѣлъ ночлегъ въ равнинѣ

Фуладъ-Магале. Сарбазы, по обычаю Персидскаго низама (регулярныхъ войскъ), чтобы добыть себѣ ужинъ, бросились грабить бѣдныхъ жителей; поселяне Фуладъ-Магале сопротивлялись имъ и заперлись въ стѣнахъ своихъ; солдаты готовились вломиться силою. Жалобы бѣдныхъ поселянъ никогда бы не дошли до Шаха; его окружало такъ много людей, интересованныхъ въ томъ, чтобы скрыть дѣло; во-первыхъ, начальники этихъ самыхъ сарбазовъ; во-вторыхъ, всѣ мустафы и мирзы коммиссаріата и военнаго вѣдомства, которые заодно съ полковыми командирами—рука руку моетъ! Въ то самое время, когда сарбазы готовы были уже вломиться въ ворота, нашъ посланникъ графъ Симоничъ со свитою проѣзжалъ мимо, на пути въ лагерь. Увидя его, сарбазы пріостановились, а жители, пользуясь случаемъ, отправили къ нему депутацію просить его покровительства. Они обѣщали доставить, по силамъ своимъ, потребное количество съѣстныхъ припасовъ въ шахскій лагерь, лишь бы только солдатамъ запретили входить въ деревню, гдѣ скрыты ихъ жены и дѣти: иначе они будутъ подвергнуты всякимъ обидамъ и притѣсненіямъ. Графъ Симоничъ терпѣливо выслушалъ ихъ до конца и обѣщалъ ходатайствовать за нихъ у Шаха по пріѣздѣ въ лагерь, а пока поставилъ у воротъ одного изъ своихъ конвойныхъ казаковъ, чтобъ удержать нападеніе сарбазовъ, которые немедленно отступили. Узнавъ о происшедшемъ, Шахъ приказалъ одному изъ своихъ насакчей (палачей) разбить шатеръ у воротъ деревни и не пускать никого».

Нельзя не сказать, что видѣнныя нами деревни, или выходящія изъ каменнаго моря зеленые оазисы, дѣлаютъ величайшую честь ихъ населенію, обнаруживая энергическую борьбу человѣка съ непривѣтливою къ нему природою.

Не тутъ ли мѣсто подѣлиться слѣдующимъ замѣчаніемъ?

Въ продолженіе долгой, разномѣстной на Кавказѣ административной службы, я убѣдился, что населенія, живущія подъ вліяніемъ какихъ-нибудь невыгодныхъ экономическихъ условій, какъ то неблагодарной почвы, суроваго климата или тяжелыхъ податей, несравненно трудолюбивѣе и даже нерѣдко богаче населенія, облагодѣтельствованнаго природою и людьми. Напримѣръ, въ верхней части Имеретіи или Рачѣ, покрытой въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ снѣгомъ, мужики необыкновенно дѣятельны и, не довольствуясь обработкою земли, ходятъ, подобно нашимъ Ярославцамъ, въ отдаленныя мѣста для заработковъ разными мастерствами. Жители же нижней Имеретіи и, въ особенности, смежной Мингреліи, гдѣ природа расточаетъ всѣ свои богатства и прелести, люди лѣнивые и безпечные. Ихъ манятъ къ отдыху, къ безотчетному созерцанію, эмалированный цвѣтами коверъ

муравы и драпированный виноградомъ шатрообразный каштанъ. Тамъ же я видѣлъ нѣкоторыя деревни помѣщичьи, бокъ о бокъ съ деревнями казенными; первыя были обложены, по обычаю края, податями и повинностями, составляющими почти три четверти годового дохода или ту норму обязанностей, которыя, по мнѣнію экономистовъ, обозначаютъ отсутствіе всякаго довольства; послѣднія платили подать, равняющуюся едва двадцатой части дохода. И что же? Первыя были зажиточнѣе послѣднихъ.

Если экономисты извѣстной школы, то есть хорошей, прочтутъ эти строки, то пожалуй забросаютъ меня камнями, заключивъ, что я, какъ нѣкій мой добрый сослуживецъ, заступникъ высокихъ податей, предлагаю, для увеличенія народнаго благосостоянія, примѣнить къ хозяйству систему парикмахеровъ, которые, до изобрѣтенія vitaline steck (самъ испыталъ, ничего не выросло), брались отращивать на головѣ волосы, уничтожая посредствомъ бритвы волосы уже существующіе.

У каждой деревни, лежащей на нашемъ пути, выстраивались ея жители, отъ великаго до малаго. Впереди становились отпускные сарбазы, вооруженные вмѣсто ружей палками. Я обращался къ нимъ почти съ слѣдующими словами: «Благодарю, что вышли повидаться со мною. Пріѣздъ Русскаго генерала въ вашу землю долженъ радовать васъ: ибо Русскій царь, его народъ и войска желаютъ вамъ добра». Они отвѣчали: «Дай Богъ многія лѣта вашему и нашему падишахамъ».

Отъ времени до времени жители подносили намъ, какъ говорятъ здѣсь, въ жертву плоды или барана. Послѣднее приношеніе совершалось довольно комически: впереди группы стоялъ человѣкъ съ ножемъ, угрожавшимъ смертью лежавшему на землѣ барану. Конечно, дѣло обходилось безъ кровопролитія: червонецъ былъ возвѣстителемъ помилованія. И должно отдать справедливость какъ жрецу, такъ и жертвѣ: тотъ и другая были увѣрены въ великодушіи Русскаго; первый не торопился опускать смертоносное оружіе; послѣдній лежалъ смирно, не барахтаясь, какъ актеръ, не разъ игравшій свою роль; оба глядѣли другъ на друга, какъ два сговорившіеся плута.

На каждомъ ночлегѣ было раскинуто до двадцати палатокъ. Одна, посреди лагеря, собственно для меня, изъ красивой Персидской матеріи, весьма обширная, конусообразная, съ коридоромъ вокругъ. У входа въ палатку ожидали меня сарбазы и нѣсколько подносовъ съ фруктами, головами сахару и фунтами чаю. Первые, то есть фрукты, съѣдались, послѣдніе, то есть чай и сахаръ, оставались неприкосновенными.

Какъ Потемкинскія декораціи по Днѣпру, во время исторической поѣздки Екатерины Великой и какъ жареный поросенокъ въ Новорос-

скомъ военномъ поселеніи, переходившій во время царскаго смотра изъ хаты въ хату, точно такъ на каждомъ ночлегѣ являлись опережавшіе меня тотъ же сахаръ, тотъ же чай и тѣже сарбазы.

Говорятъ, что поселеннаго поросенка узналъ Меншиковъ (чего не выдумали на Меншикова!), имѣвшій предосторожность отрѣзать у него въ первой хатѣ кончикъ хвоста. Вспомнивъ этотъ анекдотъ, я сдѣлалъ знакъ на одной изъ головъ сахару. Что же касается до взвода сарбазовъ, то онъ отмѣчался многимъ, но преимущественно двумя рядовыми: у одного глазъ былъ подвязанъ грязною тряпицею; у другого на передней фалдѣ краснаго кафтана блестѣла, огромными серебряными, курсивными буквами, фирма Англійской суконной фабрики.

Англизированный поросенокъ, вѣроятно подъ бѣлымъ хрѣномъ, напоминаетъ мнѣ однообразіе нашей дорожней кухни: пловъ, шашлыкъ, опять шашлыкъ, пловъ... надоѣли хуже горькой рѣдьки.

Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ меня Персіянъ заслуживаютъ нѣсколькихъ словъ. Михмандаръ, Мехти-ханъ-Махмедъ-Багиръ-оглы, управляющій Марандскимъ округомъ, принадлежитъ къ Каджарскому или царскому роду. Командуя, въ послѣднюю войну противъ Англичанъ, полкомъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Бомбей, гдѣ находился нѣсколько мѣсяцевъ. Его спросили, почему онъ сдался, какъ извѣстно, почти безъ сопротивленія? Мехти-ханъ отвѣчалъ: «Англичане такъ скоро заряжаютъ пушки и такъ часто стрѣляютъ, что сопротивляться имъ невозможно». Иначе отозвался мнѣ относительно этой же войны одинъ изъ сарбазовъ, украшенный медалью. Вотъ мой разговоръ съ нимъ: «За что ты получилъ эту медаль»?—

«За войну съ Англичанами».—«Хорошо дрались вы»?—

«По вашей милости прекрасно».—«Если по моей милости, вы дрались прекрасно, то почему же васъ побили»?—«Насъ оклеветали предъ вашей милостью. Мы такъ побили Англичанъ, что они побѣжали изъ Персіи безъ оглядки и бѣжали даже по морю. Они никогда не воротятся».

Другое замѣчательное лице, одинъ изъ прислужниковъ, присланныхъ мнѣ, какъ сказано выше, принцемъ, правителемъ Адербижана. Его зовутъ Мехти-ага. Онъ весьма старателенъ, ловокъ, смышленъ и словоохотенъ. Не знаю, должно ли считать его оригинальною личностью и сословнымъ типомъ въ Персіи, но дѣло въ томъ, что онъ далеко не поборникъ существующаго въ его отечествѣ порядка вещей и весьма свободно пускается въ пересуды. Однимъ словомъ, Мехти-ага Персидскій человѣкъ прогресса или frondeur. Разъ, на ночлегѣ, въ моей палаткѣ послѣ ужина, когда Мехти-ага собиралъ со стола, я имѣлъ съ нимъ слѣдующую пріятную бесѣду: «Скажи, Мехти, правду: довольны ли вы пріѣздомъ Шаха»?«Никто, никто не доволенъ». «Почему?» «Сол-

даты объѣдаютъ жителей, Шахъ обираетъ вельможъ, а вельможи, конечно, простой народъ; однимъ словомъ, его пріѣздъ есть нечто иное, какъ непріятельскій набѣгъ». «Ты знаешь, какъ живутъ у насъ?» «Знаю». «Гдѣ лучше»? «Какъ можно сравнить! У васъ есть законъ, а нашъ законъ беззаконіе. Я все знаю, потому что я не только лакей принца намѣстника, но еще и его племянникъ черезъ женщинъ». «Такъ ты чрезъ принца родственникъ и Шаху»? «Какъ же—въ родствѣ». «Любезнѣйшій, сними съ меня сапоги».

Завтра выѣзжаемъ въ Тавризъ.

18-го Нааметъ-Абатъ. Лѣтнее пребываніе Русскаго консульства.

Въ верстѣ отъ города, въ нарочно поставленныхъ палаткахъ, мы переодѣлись для торжественнаго въѣзда.

Въ саду, у въѣзда въ предмѣстье живущіе Русскіе подданные ожидали насъ съ обѣдомъ. Я былъ встрѣченъ нашимъ генеральнымъ консуломъ и высланными съ привѣтствіями (отъ принца - намѣстника въ Тавризѣ и сардаря или главнокомандующаго войсками) генераломъ, ханами и адъютантами.

Должно сказать, что наканунѣ догналъ меня чиновникъ дипломатической канцеляріи намѣстника, г. Всеволожскій. Ровно тому четыре недѣли, онъ выѣхалъ изъ Парижа и заѣзжалъ въ дѣйствующій отрядъ, откуда привезъ самыя радостныя извѣстія.

Я былъ вполнѣ подъ вліяніемъ его разсказовъ.

За обѣдомъ, предъ провозглашеніемъ тостовъ за здравіе ихъ величествъ, союзныхъ государей, намѣстниковъ и главныхъ мѣстныхъ Русскихъ и Персидскихъ сановниковъ, я обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Теперь, здѣсь, могу сказать рѣшительно, что странника, идущаго съ Сѣвера на Востокъ, вездѣ, отъ Балтики до Тавриза, встрѣтятъ хлѣбъ и соль. Господа! Угощая меня, вы исполняете нравственную обязанность подданныхъ Россіи и обитателей Персіи; ибо хлѣбосольство и гостепріимство суть завѣтныя добродѣтели народа Русскаго и народовъ Востока.

«Какъ старый солдать, люблю умѣренность и простоту жизни; но изобиліе и роскошь нашего угощенія радуютъ меня, обнаруживая не только ваше радушіе, но и вашъ достатокъ. Благосостояніе же ваше доказываетъ благородную дѣятельность присутствующаго здѣсь генеральнаго консула нашего, заступника вашихъ правыхъ интересовъ.

«Скажу болѣе. Оно служитъ для меня мѣриломъ благоустройства страны, которую посѣщаю; ибо, господа, вы занимаетесь торговлею; торговля же не можетъ быть прибыльною среди неурядицы, а процвѣтаетъ только подъ кровомъ мудрой администраціи. Не останусь въ

долгу за ваше радушное гостепріимство, а заплачу вамъ сей часъ же вѣстью, которая должна наполнить ваши души радостью и гордостью.

«Вы всѣ родились въ нашихъ Закавказскихъ провинціяхъ. Тамъ живутъ ваши семейства, ваши родные, туда относите плоды вашихъ трудовъ, тамъ надѣетесь успокоить свою старость. Итакъ, вы связаны съ Закавказьемъ чувствомъ роднымъ, самыми драгоцѣнными воспоминаніями и надеждами. Вамъ извѣстно, господа, что въ Закавказьи гражданственность и благосостояніе растутъ, можно сказать, ежедневно и что если они не достигли еще полнаго во всѣхъ частяхъ развитія, то единственно потому, что эту страну тревожилъ часто звукъ оружія, что вниманіе и средства правительства отвлекались нерѣдко отъ сферы мирныхъ занятій требованіями войны. Возвѣщаю вамъ, господа, что отнынѣ это препятствіе къ полному удовлетворенію всѣхъ общественныхъ потребностей уже не существуетъ. Въ это самое время, когда говорю съ вами, нашъ намѣстникъ стоитъ посреди Дагестана не межъ врагами, а межъ подданными Русскаго Царя.

«Не называя всѣхъ покорившихся, мало извѣстныхъ вамъ племенъ, скажу только, чтобы поразить ваше воображеніе благоговѣйнымъ удивленіемъ, что воинственная Чечня и кичливая Аварія управляются по-русски; что бывшій султанъ Елисуйскій, крамольный Даніель-бекъ, зять Шамиля, въ лагерѣ Русскомъ; что на дняхъ Шамиль, слышите ли, Шамиль?! долженъ былъ принести повинную свою голову къ стопамъ намѣстника. Князь Барятинскій разъѣзжаетъ по странамъ, которыя болѣе полу-вѣка были театромъ страшной войны, не для того, чтобы обливать новою кровью, а для того, чтобы залѣчивать ихъ раны. Рука его не держитъ меча, мечъ въ ножнахъ, она простерта надъ новыми сынами Россіи, для милости и милостыни.

«Провидѣніе предоставило намъ видѣть вождя-правителя, который не только довершилъ Русскую побѣду, но еще, исполняя волю человѣколюбиваго Государя и слѣдуя внушеніямъ собственнаго сердца, заставитъ благословлять побѣду и любить побѣдителей.

«Предъ этими огромными фактами, предъ этими изъявленіями благословенія Божьяго надъ Русскимъ дѣломъ на Кавказѣ, надъ дѣломъ умиротворенія, гражданственности, просвѣщенія, сердце наполняется чувствомъ торжественнымъ, чувствомъ, которое не попытаюсь выразить здѣсь словами»...

Рѣчь была выслушана съ несомнѣнными признаками какъ восторга Русскихъ подданныхъ, такъ сочувствія Персидскихъ чиновниковъ.

Лучшимъ угощеніемъ было для меня внезапное, совершенно неожиданное предложеніе жителей Карабаха, составляющихъ значительную часть торговаго сословія въ Тавризѣ, выпить за здоровье

брата моего, нѣкогда управлявшаго ихъ уѣздомъ. Предложеніе было принято съ очевиднымъ удовольствіемъ всѣми уроженцами прочихъ провинцій Закавказья и съ особою любезностью всѣми присутствующими. Такое изъявленіе благодарной памяти управляемыхъ о правителѣ можетъ служить серьезнымъ мѣриломъ его достоинствъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи вспомнить здѣсь, мнѣ кажется кстати, другую оцѣнку болѣе рѣдкую, можно сказать оригинальную и конечно не менѣе безкорыстную. Братъ управлялъ во время оно Джаро-Бѣлоканскимъ округомъ, къ которому причислялось Елисуйское султанство. Впослѣдствіи, когда его владѣтель генералъ-маіоръ Даніель-бекъ, былъ уже наибомъ Шамиля, я вступилъ съ нимъ, по порученію князя Воронцова, въ переписку. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Даніель-бекъ, между прочимъ, выразился такъ: «твой братъ управлялъ нашимъ краемъ и управлялъ хорошо, какъ слѣдуетъ».

Послѣ обѣда, пригласивъ въ свою коляску генеральнаго консула, я отправился въ приготовленный для посольства домъ.

Меня окружаютъ пріѣхавшіе со мною чиновники; чиновники Персидскіе, высланные мнѣ на встрѣчу, и огромное стеченіе народа. Впереди ведутъ моихъ верховыхъ лошадей, подъ богатыми попонами; за ними идутъ сарбазы, фараши и скороходы. Послѣдніе, замѣтимъ, просятъ ѣхать тише.

Поѣздъ весьма замѣчателенъ. Мы любуемся прекрасными лошадьми и сбруею Персидскихъ всадниковъ; Персіяне удивляются Русской народной упряжи. Крыши покрыты народомъ, особливо женщинами, въ синихъ и бѣлыхъ покрывалахъ. Въ кварталѣ Армянскомъ онѣ отвѣчаютъ на мои поклоны легкимъ наклоненіемъ головы и милою улыбкою. Женщины, которыхъ покрывала раскрываются, весьма не дурны; глаза такъ и блестятъ, такъ и бѣгаютъ... вотъ, вотъ поймаютъ. Да не у однѣхъ ли хорошенькихъ раздвигаются покрывала?

Звукъ Русскихъ колокольчиковъ и бубенчиковъ сливается съ крикомъ глашатаевъ, какъ бы герольдовъ, съ гамомъ черни, съ эхомъ палочныхъ ударовъ по спинамъ любопытной публики.

На квартирѣ приготовлены различныя лакомства и кофе. Вскорѣ принесены новыя сладости, съ привѣтствіями принца и сардаря. Чрезъ часъ является товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, управляющій дипломатическими дѣлами въ Тавризѣ, Мирза-Абасъ-ханъ.

Сегодня же, въ ожиданіи пріѣзда Шаха, находящагося въ Уджанѣ (дворцѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Тавриза) пріѣзжаю въ Наамень-Абатъ, лѣтнее пребываніе нашего консульства.

22-го, Тавризъ.

Я возвратился въ Тавризъ.

Лѣтнее жилище консула напоминаетъ Русскую дачу, помѣщика средней руки, но со вкусомъ. Въ немъ можно бы забыть Персію, если бы не напоминали ея, два раза въ день, шашлыкъ, пловъ и отсутствіе хлѣба (не признаю хлѣбомъ тонкія лепешки, называемыя лавашами).

Третьяго дня, совершился торжественный въѣздъ Шаха въ столицу Адербижана. Царскій кортежъ потянулся длинною, пестрою, блестящею нитью, въ сорока или пятидесяти саженяхъ отъ консульскаго лѣтняго дома. Мы смотрѣли съ крыши. Чиновники мои, оставшіеся въ Тавризѣ, были счастливѣе: Шахъ проѣхалъ и на нѣкоторое время остановился, для принятія привѣтствія какой-то депутаціи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, на которомъ они стояли. Даже это счастіе, это приближеніе человѣка, имѣющаго лестную привилегію всыпать въ пятку встрѣчнаго-поперечнаго нѣсколько тысячь палокъ, нарѣзать, въ одно мгновеніе, нѣсколько мѣшковъ ушей и носовъ, поразило одного изъ жителей паническимъ страхомъ. Грянула артиллерія, и онъ чуть-чуть не повалился съ крыши.

Вотъ церемоніалъ поѣзда:

1-е. Мать и жены его величества въ каретахъ, въ шесть и восемь лошадей. Спереди и сзади болѣе ста вооруженныхъ человѣкъ, конныхъ и пѣшихъ. Впослѣдствіи мнѣ удалось видѣть эти кареты: одна четвероместная, новая, Англійская; остальныя стары, такія, въ какихъ ѣздили наши прабабушки при царѣ-Горохѣ; всѣ худо содержаны. За экипажами, окруженная сильнымъ карауломъ казна царская, на катерахъ, числомъ до 30-ти.

2-е Фальконеты, числомъ до 60-ти на верблюдахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, и обвѣшанныхъ маленькими, серебряными колокольчиками.

3-е Національная музыка, то есть, барабаны и зурны, тоже на верблюдахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, числомъ до 40.

4-е Три слона разной величины. На одномъ, весьма большомъ, родъ сѣдалища или башенка, обитая краснымъ сукномъ, съ золотою бахрамою и такими же кистями.

5-е Лошади Шаха, весьма замѣчательной красоты, Арабскія и Трухменскія, числомъ до 50-ти, подъ богатыми разноцвѣтными попонами и въ сбруѣ золотой, украшенной каменьями. Голова одной изъ лошадей убрана букетомъ перьевъ, а ноги и хвостъ окрашены желтой краской.

6-е Батарея пѣшей артиллеріи, изъ десяти или двѣнадцати мѣдныхъ пушекъ. Прислуга въ низенькихъ косматыхъ папахахъ и въ сѣрыхъ мундирахъ, на подобіе нашихъ фурштатскихъ.

7-е Конные тѣлохранители Шаха, одѣты какъ всадники нашего Конномусульманскаго полка.

8-е Три пѣхотныхъ полка (до трехъ тысячъ человѣкъ) въ сѣрыхъ и красныхъ мундирахъ. Предъ каждымъ музыка Европейская. Въ промежуткахъ между полками, прислуга или фараши, вооруженные палками, въ обыкновенномъ народномъ костюмѣ.

9-е. Шагахъ въ тридцати за послѣднимъ полкомъ, Убѣжище міра, повелитель Персіи, на сѣромъ, богатоубранномъ конѣ. На его величествѣ голубой мундиръ, въ родѣ нашего казакина, усыпанный, въ строгомъ смыслѣ слова, жемчугомъ и алмазами. Чрезъ плечо голубая лента. Сабля золотая, вся въ бриллiантахъ. На головѣ высокая папаха, съ тремя страусовыми перьями, прикрѣпленными драгоцѣннымъ аграфомъ. Его величество держитъ въ правой рукѣ распущенный надъ головою небольшой розовый зонтикъ.

По обѣимъ сторонамъ, въ почтительномъ отдаленіи, до 20-ти скороходовъ, въ красныхъ курткахъ и панталонахъ въ обтяжку. На головахъ небольшія каски, увѣшанныя монетами. Въ рукахъ тонкія трости. Они очень похожи на парадныхъ шутовъ.

10-е. Шагахъ въ тридцати принцы, сановники, адъютанты, однимъ словомъ, сильные земли Персидской. Наконецъ, за всѣмъ этимъ, толпа народа въ благоговѣйномъ порядкѣ.

Вдоль улицъ выстроены въ одинъ рядъ жители 18-ти кварталовъ Тавриза. Они вооружены ружьями, а нѣкоторые палками. Каждый кварталъ отличается особымъ цвѣтомъ платья. Отъ каждаго квартала ораторъ привѣтствуетъ Шаха поздравительною рѣчью.

На извѣстныхъ разстояніяхъ народъ приноситъ въ жертву барановъ. Но бараны на этотъ разъ отдѣлываются не такъ дешево, какъ отдѣлывались отъ Русскаго генерала: кровь течетъ, головы перекидываются чрезъ улицу, такъ чтобы его величество изволилъ проѣхать между туловищемъ и головою. Это значитъ, по толкованію Персіянъ, что онъ властенъ пресѣкать нить жизни.

При входѣ въ городъ и на извѣстныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ на площадяхъ и нѣкоторыхъ перекресткахъ, его величество останавливается; верблюды преклоняютъ колѣна, фальконеты снимаются, даютъ залпъ и вновь навьючиваются. Это дѣлается очень быстро.

Шествіе продолжается. Наконецъ послѣдній залпъ возвѣщаетъ входъ его величества во дворецъ.

Замѣчу здѣсь, кстати или некстати, что если описаннымъ жертвоприношеніемъ Персіяне напоминаютъ своему повелителю, что онъ властенъ пресѣкать жизнь, то взамѣнъ самъ повелитель напоминаетъ своимъ подданнымъ необыкновенную свою способность творить жизнь, женясь почти въ каждомъ городѣ, или по крайней мѣрѣ всякій разъ, чтò представляется удобный случай.

Шахъ можетъ имѣть четырехъ, такъ называемыхъ законныхъ женъ, а прочихъ сколько угодно. На послѣднихъ онъ женится на извѣстной объявляемый срокъ, на который правительства уступаютъ частнымъ кампаніямъ желѣзныя дороги, на 99 лѣтъ. Остроумный Персіянинъ старался объяснить мнѣ этотъ обычай слѣдующимъ образомъ: назначается срокъ для предупрежденія, что женится не навсегда и чтобы жены не предались безпечности или лѣнивой любви; а назначается срокъ столь продолжительный, чтобы не огорчить женъ и не ослабить безнадежностью ихъ любовной энергіи; чтобы, одиимъ словомъ, онѣ постоянно, каждый день, боялись и надѣялись. Прошу довольствоваться этимъ толкованіемъ, по недостатку лучшаго.

Скажу здѣсь еще, чтобы покончить съ семейнымъ бытомъ повелителя Персіи, что эта, такъ сказать, воплощенная власть бываетъ, говоря общежитейски, подъ башмачкомъ или пантуфлей женщины. Его теперешняя старшая жена, Таджи-Девле (то есть корона или вѣнецъ царства) простого происхожденія, некрасивая собою и, чтó хуже, говорятъ съ Алепскимъ прыщемъ на щекѣ. Между тѣмъ, она имѣла весьма долго столь сильное вліяніе на сердце и умъ своего мужа-властелина, что сановники, отказываясь отъ борьбы, наполняли ея сундуки червонцами; что она заставила признать родившагося отъ нея сына (нынѣ умершаго) наслѣдникомъ престола, что, наконецъ, она погубила послѣдняго, всемогущаго, перваго министра.

Въ настоящую поѣздку, когда любовныя стремленія Шаха, возбуждаемыя каждый день новыми соблазнами, находились въ чрезвычайномъ напряженіи, Таджи-Девле неосторожно, въ недобрый часъ, захотѣла еще крѣпче стянуть петли своихъ сѣтей, требуя настоятельно, чтобы Шахъ, надѣясь на нее одну, не признавалъ наслѣдникомъ сына отъ другой жены. Повелитель разсердился и отправилъ ее изъ Султаніи въ Тегеранъ; однако объятія новыхъ юныхъ женъ не совсѣмъ утушили въ его сердцѣ старое пламя, ибо онъ обновилъ телеграфическое сообщеніе между означенными пунктами спросомъ о здоровьи неоцѣненной Таджи-Девле. Старый другъ лучше новыхъ двухъ; здѣсь можно сказать —новыхъ ста.

22-го вечеромъ.

Я не рисовальщикъ, но берусь нарисовать внутренность или улицы Тавриза. Для этого нужно только провести четыре линіи или начертить двѣ черты параллельныя, извилистыя, ломанныя, не широко разставленныя, высокія и темныя. Изъ за нихъ виднѣются верхушки деревъ, преимущественно тополей, и верхній карнизъ плоскокрышихъ домовъ, но отнюдь не о́кна, сохрани Господи! Два-три Европейскіе или почти Европейскіе высокомѣрные дома чванятся своими треугольными фронтонами: мы-молъ не Азія! Индѣ, однообразныя стѣны прерываются крытыми проходными базарами или торговыми рядами. Въ одной изъ лавочекъ поставленъ караулъ изъ сарбазовъ, которые заняты гораздо болѣе торговлею или собственными дѣлишками, чѣмъ службою: всѣ, за исключеніемъ часового, разсыпаны по базару; одинъ вѣшаетъ говядину, другой продаетъ арбузы или мѣняетъ деньги; третій въ раздумьи, что́ бы у кого подтибрить.

Каждые сорокъ или пятьдесятъ шаговъ большая яма среди улицы, которая сообщается и сообщаетъ зазѣвавшагося гуляльщика съ подземною водопроводною канавою. Что́ шагъ, то отвратительные нищіе обоего пола, безъ ушей, носовъ или рукъ: можно сказать безошибочно, что побывали въ рукахъ правосудія; женщины преимущественно безъ носовъ, вѣроятно потому, что женщина вообще вездѣ любитъ совать носъ не въ свое дѣло или гдѣ ея не спрашиваютъ. Тамъ величественно выступаетъ верблюдъ, вытирая ношею обѣ стѣны. Тутъ поперекъ дороги лежитъ навьюченный оселъ и не хочетъ встать. Здѣсь рьяный жеребецъ, безъ сѣдока или съ сѣдокомъ, стоитъ такъ, что угрожаетъ прохожему задними подковами. Вотъ ѣдетъ вельможа, и его болѣе или менѣе многочисленная прислуга, иногда изъ тридцати и болѣе человѣкъ, расчищаетъ ему дорогу, раздавая направо и налѣво толчки, пинки или разсыпая кругомъ удары палокъ. Что́ вижу?! Скачетъ Амазонка, въ круглой шляпѣ съ классическимъ зеленымъ вуалемъ... конечно Англичанка.

Для нашихъ поѣздокъ по городу принцъ, правитель Адербижана, присылалъ намъ къ назначенному часу своего адъютанта, своихъ лошадей, конюховъ и фарашей; кромѣ того, впереди поѣзда шло нѣсколько сарбазовъ. Такимъ образомъ, мы двигались маленькою колонною, изъ тридцати и болѣе человѣкъ, пѣшихъ и конныхъ.

Выше сказано о Тавризскихъ гауптвахтахъ. Возвратимся къ нимъ на минуту, ради не анекдота, а сущей истины или были, служащей образчикомъ дѣятельности или, такъ сказать, служебнаго толка Персидскихъ сановниковъ. Она разсказана мнѣ бывшимъ генеральнымъ кон-

суломъ нашимъ въ Тавризѣ Н. В. Х...мъ, и потому не должно сомнѣваться въ дѣйствительности факта.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, первый министръ предписалъ главнокомандующему войсками въ Адербижанѣ снабдить часами всѣ Тавризскія гауптвахты. Задача была не легкая; ибо гауптвахтъ много, а часового мастера или магазина ни одного. Но главнокомандующій не смутился и чрезъ нѣсколько дней по полученіи предписанія донесъ объ его исполненіи. Вы конечно думаете—солгалъ?! Нимало. На всѣхъ гауптвахтахъ, безъ исключенія, красовались часы; но какіе? Въ этомъ-то и фокусъ. Часы были механизма весьма несложнаго и самаго прочнаго: они были намалеваны на доскѣ.

Милостивый государь, господинъ Русскій чиновникъ! Вы хохочете и, одушевленные негодованіемъ, даже готовы бросить камень въ Персидскаго сановника. Остановитесь! По нашему, на нашемъ бюрократическомъ діалектѣ, продѣлка Персіянина называется *отписался*.

А у меня что̀ дѣло, что̀ не дѣло, обычай мой такой: подписано, такъ съ плечъ долой (Горе отъ ума).

Теперь зайдемъ въ любой домъ, пожалуй, въ занятой нашимъ посольствомъ. Осмотрѣвъ одинъ, познакомитесь со всѣми: дома Персидскіе строятся какъ неизмѣнные, Китайскіе чайные ящики, на одинъ ладъ. Чрезъ ворота, вырѣзанные въ широчайшей стѣнѣ, какъ бы коридоромъ или крѣпостною потерною, входимъ во дворъ или параллелограмъ изъ трехъ стѣнъ и дома, занимающаго всю длину одной стороны. Онъ обрамленъ и разрѣзанъ, какъ шахматная доска, широкимъ, возвышающимся надъ поверхностью земли, тротуаромъ изъ гладкихъ плитъ или кирпичей. Квадратики засажены деревьями и цвѣтистыми цвѣтами.

Домъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: боковые въ два этажа; средній нѣсколько длиннѣе, въ одинъ, съ галлереею на верху. Въ послѣднемъ отдѣлѣ непремѣнно, а нерѣдко и въ обоихъ этажахъ двухъ боковыхъ отдѣловъ, почти вся передняя стѣна занята подъемнымъ окномъ, изъ небольшихъ стеколъ, часто цвѣтныхъ, узористо расположенныхъ.

Когда всѣ окна подняты, снаружи представляется сближеніе самыхъ разнообразныхъ сценъ: въ моемъ или среднемъ аппартаментѣ купецъ раскладываетъ ковры, шелки, бирюзы, древнія монеты и такъ далѣе, я же, принявъ дипломатическій видъ, глубокомысленно курю кальянъ съ важнымъ, погруженнымъ въ думу Персіяниномъ; направо, лакеи хлопочутъ около самовара и барскаго гардероба или просто кейфирують; налѣво, капитанъ съ маіоромъ, въ рубашкахъ, играютъ въ карты; наверху, съ одной стороны Всеволожскій съ прочими прохлаждаются бутылкою замороженнаго Шампанскаго; съ другой Симо-

ничъ прилаживаетъ новый кальянъ или придумываетъ украшенія для лошадиной сбруи.

Точь въ точь въ театрѣ, сцена раздѣленная полотномъ на нѣсколько комнатъ или, пожалуй, какъ въ дѣтскихъ книгахъ, на одной страницѣ, въ одной рамкѣ, нѣсколько картинокъ, представляющихъ буквы алфавита: адъ, баранъ, волкъ; подъ адомъ городничій; подъ бараномъ дрожки; подъ волкомъ ермолка и т. д.

Средній отдѣлъ состоитъ обыкновенно изъ пріемной или парадной комнаты, непремѣнно, какъ уже сказано, съ большимъ подъемнымъ окномъ, передъ которымъ нерѣдко изъ бассейна бьетъ фонтанъ тонкою струею. Въ амбразурѣ, гдѣ сѣдалище хозяина или почетнаго гостя, и кое-гдѣ у стѣнъ большія, круглыя подушки; весь полъ покрытъ коврами. Вотъ вся меблировка. Въ иныхъ домахъ столъ, нѣсколько стульевъ, а пожалуй и диванъ, преимущественно для нашего брата, чувствующаго необходимость, даже для отдыха, согнуться въ три погибели.

Стѣны разрѣзаны продольнымъ карнизомъ, раздѣляющимъ два ряда квадратныхъ нишей. Онѣ отъ потолка до полу разрисованы красками: тутъ охота на красныхъ львовъ и пестрыхъ тигровъ, которыхъ голубые и розовые всадники безмилосердно разстрѣливаютъ въ упоръ или пронизываютъ пиками насквозь, отъ лба до хвоста; здѣсь Персіянинъ юный, сладенькій, весьма румяный, весьма ярко одѣтый, подаетъ стыдливой дѣвѣ розу и беретъ у нея поцѣлуй; тутъ же рядомъ, въ смежномъ квадратикѣ, этотъ же самый юноша, но уже не съ стыдливою дѣвою, а съ маститымъ старцемъ и уже не онъ даетъ розу и беретъ поцѣлуй, а ему даютъ розу и у него берутъ поцѣлуй...

Tour à tour, vive l'amour!

Завтра визитъ министрамъ и представленіе Шаху.

23-го.

Программа дня.

Отъ 10-ти до 12-ти часовъ утра визиты двумъ министрамъ: иностранныхъ дѣлъ, Мирза-Саидъ-хану, и двора, Ферукъ-хану. Онъ же управляетъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ часъ пополудни принимаю у себя консула Англійскаго, съ служащими въ Персидской арміи инструкторами, Австрійскимъ маіоромъ и Англійскимъ поручикомъ.

Турецкій консулъ прислалъ спросить, когда могу принять его? Но какъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, Персидское правительство отказалось признавать оффиціальное его значеніе, то я нашелъ приличнымъ уклониться отъ предложенной мнѣ чести.

Въ два часа пополудни, въ самый жаръ (около 50°) торжественное представленіе его величеству Шаху Насиръ-Эддину, котораго, замѣтимъ, сегодня день рожденія.

Затѣмъ визиты принцу, правителю Адербижана и завѣдывающему въ Тавризѣ дипломатическими дѣлами.

Вы уже знаете городъ и удобства его сообщеній, а потому, съ малымъ усиліемъ воображенія, можете слѣдовать за нами по улицамъ и въ пріемныя. Что́ же касается до людей, лицъ или особъ, то познакомимъ васъ съ тѣми, которые имѣютъ, какъ говорится въ паспортахъ и сыскныхъ спискахъ, «особыя примѣты».

Наружность Саидъ-хана незамѣчательная, но весьма приличная. Притомъ онъ такъ хорошо одѣтъ: въ халатѣ изъ прекрасной бѣлой шали въ пальмахъ; на груди двѣ брилліантовыя звѣзды, Персидская и наша Аннинская. При 45^0 жары, человѣку въ суконномъ мундирѣ, съ шитымъ воротникомъ, конечно не облегчающимъ движеній шеи, нельзя не позавидовать легкой, свѣжей, щегольской одеждѣ Персидскаго сановника. Такъ, кажется, и пошелъ бы въ Персидскую службу, но безъ сомнѣнія не инструкторомъ и не для того, чтобы нарядить восточныхъ джентельменовъ въ Прусскіе мундиры.

Нужно замѣтить, что нѣкоторыя затрудненія заставили насъ прибыть къ министру гораздо позже назначеннаго часа. Итакъ, онъ ждалъ насъ и ждалъ довольно долго.

Помня, что точность или аккуратность есть учтивость королей, добродѣтель дипломатовъ и непремѣнное свойство каждаго порядочнаго человѣка, я былъ очень недоволенъ собою, хотя имѣлъ бы право быть недовольнымъ другими, и конечно, войдя въ комнату, почелъ долгомъ извиниться и объяснить, какъ, почему опоздалъ. Но Саидъ-ханъ перебилъ и успокоилъ меня самымъ оригинальнымъ образомъ: «помилуйте, о чемъ безпокоитесь», сказалъ онъ, «сейчасъ видно, что ваше превосходительство только что пріѣхали въ Персію и совсѣмъ не знаете нашихъ обычаевъ; не только всякая проволочка, всякая несвоевременность, не поражаетъ насъ непріятно, но, напротивъ, мы весьма удивлены и смущены всякій разъ, когда кто-нибудь сдѣлаетъ что-нибудь въ свое время, а не когда-нибудь». Вотъ-те особая примѣта!

Посадили меня между министромъ и его товарищемъ, Мирза-Абдуль-Вахабъ-ханомъ, недавно поступившимъ на должность. Мирза-Абдулъ молодъ, живъ, вертлявъ; однимъ словомъ, изъ тѣхъ людей, которые не заживаются на мѣстѣ. Онъ вскорѣ, непремѣнно, сломитъ шею себѣ или министру; говоря же по персидски или, какъ здѣсь водится, онъ вскорѣ, непремѣнно, привлечетъ къ своимъ или министерскимъ пяткамъ припарку изъ нѣсколькихъ сотъ палокъ. Вотъ-те й опять любая примѣта!

Подавали кальянъ, сладости, прохладительныя, шербетъ... Толковали о томъ-о семъ, о моей поѣздкѣ, о погодѣ, о дорогѣ и слѣдова-

тельно, о дорогахъ желѣзныхъ. Министръ выразилъ желаніе, чтобы Персія обогатилась скорѣе телеграфами и рельсами. Онъ, повидимому, сказалъ это такъ, безъ убѣжденія, лишь бы подладиться подъ современный, западный образъ мыслей, который, конечно, онъ считалъ и моимъ. Но каково было удивленіе Мирзы-Саидъ-хана, когда, вмѣсто горячаго сочувствія и поддакиванья, онъ услышалъ отъ меня:

«Относительно желѣзныхъ дорогъ я совѣтовалъ бы не торопиться, повременить... дѣло-то ненадежное»...

«Какъ, помилуйте, воскликнулъ Мирза-Саидъ, вся Европа и вы сами дѣлаете желѣзныя дороги?!»

«А вотъ извольте видѣть, почему желѣзныя дороги дѣло ненадежное. Пока мы съ вами будемъ класть рельсы и строить машины, Англичанинъ или Американецъ будетъ выдумывать какое-нибудь новое, несравненно совершеннѣйшее средство сообщенія, и когда все будетъ готово у насъ, когда издержимъ послѣднюю копѣйку и наконецъ вы, милостивый государь, сядете въ вагонъ съ докладомъ къ его величеству, какой-нибудь Джонъ-Буль или Янки пролетитъ надъ вашей головой въ фаэтонѣ или на чемъ-нибудь верхомъ, и съ высоты воздушной закричитъ вамъ: что̀, почтеннѣйшій, ѣдешь на долгихъ?!»

Не знаю, убѣдился ли Саидъ-ханъ; но мнѣ кажется, что онъ думалъ себѣ: спасибо, братъ Русскій, за славный аргументъ; буду же имъ затыкать рты нашимъ нововводителямъ, шарлатанамъ, которые только и бредятъ, что о желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и Богъ вѣсть о какихъ еще заморскихъ штукахъ.

Такимъ образомъ дѣло дошло до аэростатовъ.

Мирза-Саидъ конечно не вѣрилъ возможности воздушнаго плаванія.

Поколебавъ его вѣру въ желѣзныя дороги, мнѣ не хотѣлось однако лишить его всякой надежды на прогрессъ, а потому, чтобъ ослабить его недовѣрчивость къ воздушнымъ локомотивамъ, я разсказалъ, какъ, въ послѣднюю Итальянскую кампанію и въ войны первой Французской республики, аэростаты были употребляемы для военныхъ рекогносцировокъ, какъ самъ великій Наполеонъ, считая ихъ не только возможными, но полезными, формировалъ двѣ роты воздухоплавателей, какъ впослѣдствіи онъ отказался отъ нихъ, по причинѣ нисколько не опровергающей ихъ удобопримѣнимости, а именно: въ день провозглашенія великаго человѣка императоромъ былъ пущенъ огромный воздушный шаръ съ его вензелемъ и приличными аллегорическими фигурами. И что же? этотъ шаръ, полетѣвъ въ Италію, имѣлъ неосторожность лопнуть, задѣвъ за гробницу Нерона... Это было худое предзнаменованіе.

Военные аэростаты и имя Наполеона подстрекнули въ Саидъ-ханѣ желаніе поговорить о послѣдней войнѣ. Онъ хотѣлъ узнать мое мнѣніе. Нужно было ловко вывернуться.

«Результаты политическіе послѣдней войны, сказалъ я, еще не вполнѣ обнаружились, но открыта великая истина философическая, т. е. уже признано безсомнѣннымъ, что нашему филантропическому вѣку была предоставлена честь найти средство: въ наименьшее количество времени убивать наибольшее число людей»...

Отъ Саидъ-хана до Ферухъ-хана. О Ферухъ-ханъ! Свѣтило Персидскаго двора!.. Не ослѣпило оно меня... Не ослѣпили меня и его спутницы, блестѣвшія на его халатѣ звѣзды разныхъ величинъ и горизонтовъ: Французская, Бельгійская, Австрійская, Персидская и проч. (нашей, полярной—нѣтъ). Онъ побывалъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и другихъ западныхъ столицахъ, для заключенія торговыхъ трактатовъ, которые конечно, по несбыточности своей, были только предлогами для мнимаго политическаго сближенія.

Скитанія пословъ Персіи, по отдаленнымъ государствамъ, съ цѣлью напомнить, что она жива и здравствуетъ, народамъ, императорамъ, королямъ и принцамъ, едва знающимъ объ ея существованіи (за исключеніемъ Англіи) и съ которыми она не имѣетъ общихъ, ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ интересовъ, приводятъ мнѣ на память почтеннаго Петра Ивановича Бобчинскаго, который проситъ ревизора, при свиданьи въ Петербургѣ съ вельможами, сенаторами, адмиралами и наконецъ съ самимъ Государемъ, сказать имъ, что вотъ, молъ, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Ферухъ-ханъ, котораго наружность не изящная, но весьма приличная, который не говоритъ ни на одномъ Европейскомъ языкѣ, имѣлъ, во время своихъ путешествій, нѣкоторый свѣтскіе успѣхъ, и журналисты провозгласили его преобразователемъ Персіи, объѣзжающимъ просвѣщенныя страны для составленія программы будущей государственной дѣятельности своей. Онъ обязанъ этими успѣхами не особенностямъ своей личности, а свойствамъ, составляющимъ характеристику каждой нѣсколько рельефной личности Востока и Персіи въ особенности.

Изъ этого не должно заключить, чтобы такая народная, типическая личность (т.-е. не Ферухъ-ханъ, а Персидскій вельможа вообще) заслуживала большаго уваженія или сочувствія; но такъ сложилась она, подъ вліяніемъ коренныхъ, туземныхъ началъ и случайныхъ, иноземныхъ уроковъ, что, имѣя полное сознаніе своихъ недостатковъ (чтобы не сказать пороковъ), она придумала для нихъ, приладила къ нимъ, можно сказать, сросшіяся съ ними, благовидныя полумаски. И

изъ этого вышло, что каждая нравственная уродливость Персіянина имѣетъ одну сторону, которая передъ поверхностнымъ взглядомъ уподобляетъ ее полезной способности или похвальному качеству.

Нравственное ничтожество тщательно прикрыто формами, манерами, не только приличными, но еще исполненными крайней изысканности или театральности, придающей каждому обряду общественной и домашней жизни нѣкую торжественность. Фразы изученныя, нѣсколько метафорическія, заставляютъ подозрѣвать отсутствующую возвышенность или глубину мысли. Никогда не усыпающее, всегда тревожное въ Персидскомъ вельможѣ, чувство самосохраненія, принимаетъ видъ тонкой наблюдательности. Грубое невѣжество прикрыто фашіонабельною привычкою подавлять всѣ сильныя ощущенія и всѣ порывы удивленія, которые могли бы, явясь не въ попадъ, быть изобличительными. Лесть столь нагла, что похожа на иронію или остроумное двусмысліе. Неустрашимая ложь является столь наивно, что можно принять ее за проявленіе чистосердечнаго убѣжденія. На все это, на мишуру прикрывающую зловонныя язвы, Европа разсѣянно взглянула въ лорнетъ; она самонадѣянно осмотрѣла съ ногъ до головы истаго Персіянина и сказала: онъ способный передовой человѣкъ, онъ не совсѣмъ Персіянинъ!..

Люди, знающіе Феруха-хана вблизи, говорятъ (и я расположенъ вѣрить имъ) что если Персія ждетъ своего благосостоянія отъ осуществленія составленной имъ за границею программы, то будетъ ждать долго. По крайней мѣрѣ донынѣ онъ не выказалъ (говоря какъ литераторы, коихъ Бѣлинскій назвалъ реформаторами) ни общеполезной инціативы, ни пребразовательныхъ тенденцій. (Отъ чего бы православному человѣку не сказать: общеполезнаго *начинанія*, преобразовательныхъ *стремленій* или *наклонностей*? Съ нѣкоторыхъ поръ, Русскому нельзя читать статей нѣкоторыхъ отечественныхъ журналовъ, безъ помощи дѣдушки-Ольдекопа).

Ферухъ-ханъ, который, между прочимъ, постыднымъ для Персіи миромъ закончилъ войну (съ Англіею), дерзко начатую и не впопадъ прерванную, занятъ гораздо болѣе политикою внѣшнею, чѣмъ внутреннею. А между тѣмъ послѣдняя должна бы быть, до поры до времени, единственною политикою Персіи.

Понятенъ выборъ Феруха-хана. Администрація въ государствѣ, не достигшемъ извѣстнаго уровня благоустройства, есть трудъ тяжелый, темный, приносящій поздніе плоды и, какъ сказалъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, ежедневныя разочарованія; это безпрестанная борьба, преждевременное утомленіе, раннія морщины, сѣдины, геморой и т. д...

Политика международная государства, не имѣющаго ни солдатъ, ни финансовъ, ни кодекса законодательнаго, это дипломатическія пріятныя путешествія, блистательные пріемы, льстивыя рѣчи, вкусные обѣды; это, болѣе или менѣе, остроумная комфортабельная болтовня, бабьи фантастическія комбинаціи, шушуканья, сплетни...

Предупреждаю, что за границею Ферухъ-ханъ обратилъ на себя вниманіе нашихъ посольствъ неосторожнымъ обнаруживаніемъ своего недоброжелательства къ Россіи. Когда же въ продолженіе моего визита я похвалилъ баталіонъ, стоявшій на площади передъ его домомъ, онъ отдекламировалъ мнѣ слѣдующую тираду: «Да, мы улучшаемъ войска и всѣ наши учрежденія, благодаря сосѣдству и примѣру Россіи. Отъ нея одной мы должны ожидать своего благополучія. Это убѣжденіе тѣмъ сильнѣе во мнѣ, что я вынесъ его изъ моихъ путешествій по Европѣ, гдѣ я встрѣчался съ Русскими какъ съ братьями».

Вотъ образецъ наглой Персидской лжи! Пойми какъ хочешь: вѣритъ ли онъ?... Хотѣлъ польстить или посмѣяться?! Послѣ такой выходки Феругъ-ханъ ни разу не посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

О визитѣ Англійскаго консула не слѣдовало бы и упоминать, если бы вмѣстѣ съ нимъ и сопровождавшимъ его Австрійскимъ маіоромъ, въ гусарскомъ мундирѣ, не пришелъ и инструкторъ, поручикъ Англійскій. Такой сердитый, упаси Господи! Едва поклонился, не сѣлъ, а опрокинулся въ кресло, нахмурилъ брови, стиснулъ зубы, сжалъ кулаки...—того и гляди...—Завязался разговоръ, смѣялись, обращались къ нему..., а онъ и ухомъ не ведетъ, развѣ замычитъ... Самъ рыжій и одѣтъ-то онъ весь въ красное, и сверхъ краснаго мундира широкій, черезъ плечо, красный шарфъ..., точно огненный, точно изъ пламени... Мнѣ кажется, такъ должно бы въ Донъ-Жуанѣ представлять Командора. Послѣ напрасныхъ усилій развеселить островитянина, я уже было махнулъ рукой, когда вдругъ блеснула мнѣ счастливая мысль: дай-ка испытаю еще одно лѣкарство!... Взялъ, да и выстрѣлилъ какимъ-то сарказмомъ во Францію. Ни одинъ докторъ, испытывающій свое искусство надъ безнадежнымъ больнымъ, не былъ обрадованъ столь полнымъ и быстрымъ успѣхомъ: внезапно лицо поручика прояснилось, брови раздвинулись, уста улыбнулись, кулаки разжались, для пожатія докторской руки... Уходя, онъ ее такъ тряхнулъ, что едва не вывихнулъ и съ тѣхъ поръ, гдѣ не завидитъ меня, кланяется, улыбается какъ благодѣтелю.

Послѣ ухода консульства, я записалъ, въ памятной книжкѣ своей одинъ афоризмъ и одинъ рецептъ: 1-й) Худой миръ лучше доброй ссоры. 2-й) Если хочешь разсѣять, утѣшить Англичанина, погруженнаго въ горе или тяжелую думу, брось камнемъ въ милую сосѣдку, пріятельницу, союзницу Англіи.

Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Пословица.

Въ два часа пополудни, мы у воротъ дворца или дома, въ которомъ нѣкогда жилъ Абасъ-Мирза, гдѣ въ обыкновенное время живетъ принцъ, правитель Адербижана, а нынѣ обитаетъ Прибѣжище Міра, Царь Царей, Шахъ Насиръ-Эддинъ. По мѣрѣ приближенія къ дворцу, толпы становятся гуще; на крышахъ, унизанныхъ народомъ, звучитъ музыка и пляшутъ болѣе или менѣе пригожіе мальчики, переодѣтые въ баядерокъ.

Я уже сказалъ, что сегодня день рожденія его величества. У воротъ—караулъ и оберцеремоніймейстеръ въ шалевомъ халатѣ и красныхъ суконныхъ чулкахъ до колѣнъ. Онъ держитъ знакъ своего достоинства: коротенькій жезлъ съ брилліантовой головкой.

Мы не ждемъ ни одной минуты. Едва пріѣхали, сошли съ коней, оправились, и вотъ, по какому-то, не замѣченному нами, мистическому сигналу, является изъ внутренности дворца, высланный встрѣтить и ввести насъ, адъютантъ и драгоманъ шаха Яхья-ханъ, получившій первоначальное образованіе во Франціи и говорящій по-французски какъ Парижанинъ. На немъ синій однобортный сюртукъ съ золотымъ шитьемъ, бѣлая лента черезъ плечо, золотые эксельбанты и генеральскіе, Французскаго образца, эполеты.

Входимъ во дворъ. Впереди, оберцеремоніймейстеръ; рядомъ со мною адъютантъ Шаха, позади чиновники мои. Отъ воротъ до входа во дворецъ, шаговъ сорокъ.

У поднятаго окна сидитъ фигура, вся въ золотѣ, жемчугѣ, брилліантахъ, съ перьями на головѣ. Она горитъ, подъ ослѣпительными лучами солнца, словно жаръ-птица. Это шахъ Насиръ-Эддинъ, воплощенная судьба восьми милліоновъ народа, nec plus ultra власти. Отъ одного его слова, или даже повелительнаго знака, отсѣкаются носы, уши, слетаютъ головы его подданныхъ. Чтобъ истребить въ своемъ государствѣ ересь (бабистовъ), онъ сжегъ, распялъ, искрошилъ нѣсколько тысячъ людей. Его министры, царедворцы, разобравъ несчастныхъ фанатиковъ по рукамъ, какъ добычу, старались превзойти другъ друга лютою оригинальностью казней, и слуги Насиръ-Эддина едва ли не перещеголяли свирѣпою изобрѣтательностію слугъ Тиверія, Калигулы, Нерона: столица Персіи увидѣла въ наше время истязанія, поруганія надъ человѣчествомъ, какія едва ли видѣлъ Римъ, въ самые постыдные годы свои. Тегеранъ видѣлъ, какъ по его улицамъ, передъ окнами дворца, водили живыхъ людей, утыканныхъ горящими свѣчами, начиненными порохомъ... И здѣсь, какъ въ Римѣ, достоинство

человѣчества, попранное, опозоренное палачами, проявилось торжествующимъ въ терпѣніи жертвъ, въ ихъ презрѣніи къ смерти, вѣрѣ въ лучшую жизнь. Насиръ-Эддинъ величаетъ себя Царемъ Царей, Прибѣжищемъ міра, Средоточіемъ вселенной. Его подданные, въ своихъ адресахъ и рѣчахъ къ нему или о немъ, послѣ гиперболическихъ титуловъ, употребляютъ слѣдующія выраженія: «Тебѣ принадлежатъ вселенная и всѣ сокровища міра; подданные и все ихъ имущество принадлежатъ владыкѣ» или: «которому въ жертву приносимъ души наши и души обитателей всѣхъ міровъ!» Теперь когда еще скажу вамъ, что ему не совсѣмъ неизвѣстны потребности и развитіе народовъ Запада, что онъ читаетъ или заставляетъ читать и переводить себѣ Монте-Кристо и Constitutionnel, что устроилъ хотя коротенькую линію телеграфическую, что выписалъ Французскимъ инструкторовъ и фотографа, Англійскій дормезъ и Бельгійскія ружья...., вы почти будете знать господина, который сидитъ у окна. Передъ нимъ, въ халатахъ и чалмахъ, съ благоговѣйно поникшими головами стоятъ два министра: иностранныхъ дѣлъ и двора.

Идемъ. Мой локоть коснулся локтя адъютанта, и я чувствую, что этотъ человѣкъ, проводящій цѣлые дни въ покояхъ Шаха и преподающій ему Французскій языкъ—дрожитъ....

Мертвящій зной, мертвое молчаніе... Сознаешь, что люди и какъ бы самая природа притаили дыханіе, пріостановили жизнь, чтобы не нарушить спокойствія повелителя...

Я обернулся—вижу, что у моихъ чиновниковъ душа ближе къ пяткамъ, чѣмъ къ сердцу.

Я самъ, старый солдатъ, столько разъ пролившій кровь, никогда не знавшій страха и въ сердцѣ котораго мой Государь могъ бы прочесть то, что̀ Екатерина Великая прочла на транспарантѣ, приготовленномъ ей Тамбовскимъ губернаторомъ Державинымъ: «Тебя здѣсь не боятся», я... не струхнулъ, но чувствовалъ себя, какъ говорятъ, не въ своей тарелкѣ.

Дѣлаемъ нѣсколько шаговъ, останавливаемся, отвѣшиваемъ низкій поклонъ. Еще шаговъ двадцать, опять поклонъ, снимаемъ калоши; церемоніймейстеръ бьетъ челомъ до земли и, поднявшись, провозглашаетъ смущеннымъ голосомъ, что Эриванскій военный губернаторъ, генералъ Колюбакинъ прибылъ отъ намѣстника Кавказскаго, князя Барятинскаго, поздравить его величество съ вожделѣннымъ пріѣздомъ въ Адербижанъ.

По мановенію державнаго перста идемъ далѣе, и у самаго окна еще поклонъ.

Наконецъ мы передъ самимъ Шахомъ. Адъютантъ мой вручаетъ министру иностранныхъ дѣлъ зашитое въ парчу письмо намѣстника къ его величеству.

Представляю, поименовывая каждаго, чиновниковъ моихъ.

Мгновеніе глубокаго молчанія.

Его величество спрашиваетъ: здоровъ ли я? Я благодарю и отвѣчаю, что здоровъ.

Еще мгновеніе молчанія.

Твердымъ спокойнымъ голосомъ произношу слѣдующую рѣчь.

Votre majesté.

Le prince Bariatinsky, lieutenant au Caucase de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, ayant été prévenu du voyage de votre majesté dans cette province voisine des domaines russes, ayant eu connaissance de cet évènement aussi mémorable qu'heureux pour les contrées limitrophes des deux états, m'a envoyé ici afin de complimenter votre majesté sur votre heureuse arrivée; afin de déposer au pied de votre trône l'expression du profond respect dont il est pénétré pour votre auguste personne; afin d'assurer votre majesté, qu'exécutant les volontés de notre Souverain et suivant les impulsions de son propre coeur, il ne cessera jamais d'employer tous les moyens qui sont dans son pouvoir pour entretenir, consolider les rapports amicaux qui existent entre les deux peuples et contribuent si puissament à leur prospérité. Sire! Ce jour solennel, qui m'amène devant votre auguste et puissante personne, pour remplir la mission de mon chef, étant l'anniversaire de votre naissance et me faisant voir, partager la joie de tout un peuple heureux de vous posséder, sera à jamais, daignez le croire, un des plus beaux jours de ma vie!

Каюсь! Во всю жизнь не наговорилъ столько лжи и лести; но за то—не по доброй волѣ, а по службѣ, приказанію... Пора бы въ отставку.

Яхья-ханъ, которому наканунѣ сообщена сказанная рѣчь, переводитъ ее и переводитъ, какъ догадываюсь, съ чувствомъ, толкомъ, разстановкой.

Имѣю время всмотрѣться въ главное дѣйствующее лице и обстановку.

Комната, какъ всѣ Персидскія комнаты; точь въ точь описанная мною, только стѣны не раскрашены. Шахъ сидитъ, какъ уже говорено, у большого, поднятаго окна, въ деревянныхъ, безъ обивки, креслахъ, затканныхъ, если можно такъ выразиться, мелкою кружевообразною инкрустаціею, въ которой преобладаетъ цвѣтъ зеленый. Окно кое-гдѣ украшено камнями, преимущественно кораллами и бирю-

зою. Поодаль отъ него, у стѣны широкое и высокое кресло, въ родѣ трона, кажется, изъ краснаго дерева; на спинкѣ рельефный государственный гербъ, левъ и полузакрытое имъ солнце: это нелживая эмблема государства, въ которомъ сила матеріальная, защитница тьмы кромѣшной, препятствуетъ проявленію лучезарной правды. У противоположной стѣны стоитъ, въ золотой рамѣ, портретъ во весь ростъ въ Бозѣ почивающаго Императора Николая I-го, того Государя, который въ 1837 году, въ Эривани, держалъ на колѣняхъ своихъ, тогда отрока, здѣсь сидящаго Шаха. На стѣнѣ, надъ головою Насиръ-Эддина виситъ картина, изображающая какое-то сраженіе, въ которомъ Персіяне, всѣми возможными смертоносными орудіями, побиваютъ какую то армію — кажется, Англійскую. На здоровье! Вотъ все убранство. Полъ покрытъ коврами, весьма обыкновенными.

Шахъ сидитъ, какъ бы для снятія фотографическаго портрета. Только изрѣдка поводитъ глазами, и тѣ, на которыхъ падаетъ его взглядъ, должны считать себя счастливыми...: это наше милостивое наклоненіе головы. Сегодня ему совершилось 29 или 30 лѣтъ. Лицо продолговатое, блѣдно-томное. Носъ длинный, тонкій, прямой. Глаза узкіе, черные, подъ широкими, черными, почти сросшимися, горизонтальными бровями. Усы большіе, прямые. Борода подстриженная, какъ у человѣка небрившагося нѣсколько дней. Выраженіе безчувственности и утомленія. Живописецъ можетъ оживить это лицо многими чувствами и страстями, но не попытается онъ освѣтить его благодушною, сердечною, привѣтливою улыбкою.

На немъ какъ бы архалукъ или нашъ казакинъ изъ бѣлой шали, вышитый на груди, кругомъ фалдъ и на рукавахъ, жемчугомъ и бриліантами. Выше локтей два браслета: на одномъ огромный квадратный алмазъ, на другомъ яхонтъ, величиною съ крупный Грецкій орѣхъ. Онъ держитъ на колѣняхъ золотую саблю, коей ножны и эфесъ буквально осыпаны брилліантами. На головѣ, надвинутый на лобъ, бараній папахъ съ тремя страусовыми перьями напереди, прикрѣпленными аграфомъ изъ брилліантовъ и разноцвѣтныхъ камней. Говорятъ, сабля и аграфъ подарены Николаемъ I-мъ. На рукахъ бѣлыя нитяныя перчатки. Ноги, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, попираютъ коврикъ краснаго бархата, вышитый золотомъ.

Когда Яхья-ханъ замолчалъ, Шахъ обратился ко мнѣ съ комплиментомъ: «Я очень радъ, что выборъ намѣстника палъ на такого человѣка, какъ вы». Затѣмъ послѣдовали слѣдующіе вопросы: «Гдѣ намѣстникъ?» Сколько у него войска? Здоровъ ли онъ?»

Съ безсознательнымъ намѣреніемъ продлить бесѣду, я сказалъ, между прочимъ, что пріѣхавшій прямо изъ дѣйствующаго отряда, г.

Всеволожскій, четыре недѣли тому назадъ, былъ въ Парижѣ. Этою несчастною выходкою я возбудилъ разговоръ, которому потомъ самъ былъ не радъ.

«Какъ! Четыре недѣли тому назадъ въ Парижѣ!»—«Точно такъ, въ Парижѣ!»—«Зачѣмъ ѣздилъ онъ туда?»—«Повидаться съ отцомъ». —«А зачѣмъ отецъ его тамъ?»—«Онъ ѣздитъ по чужимъ краямъ для своего удовольствія, а теперь заболѣлъ и лѣчится въ Парижѣ». — «Такъ онъ Французъ?»....

Столь блистательный опытъ діалектики Насиръ-Эддина убѣдилъ меня, что съ нимъ не договоришься до добра, что чѣмъ далѣе въ лѣсъ, тѣмъ болѣе дровъ, а потому я поспѣшилъ откланяться. Мы вышли изъ комнаты пятясь.

У окна снаружи поклонъ, гдѣ лежали наши калоши—еще оиклонъ, у воротъ третій поклонъ. Въ воротахъ, не знаю почему, я поцѣловалъ церемоніймейстера. За воротами сѣлъ на коня, пришпорилъ и попалъ въ яму...

Шахъ говоритъ быстро, отрывисто.

Ему кто-то сказалъ, что такъ говорилъ Бонапарте Первый.

Говорятъ, что разъ Насиръ-Эддинъ, закусивъ плотно и запивъ, бормоталъ себѣ подъ носъ: «съ моимъ пріятелемъ Наполеономъ возьму, непремѣнно возьму Калькуту и Лондонъ». Молодецъ мужчина! Я бы совѣтовалъ Насиръ-Эддину, чтобы лучше войти въ свою роль, надѣть на голову историческую треуголку.

24-го, 11 часовъ вечера.

Сегодня его величество Шахъ посѣтилъ таможню, гдѣ не былъ ни одинъ изъ его предшественниковъ и куда по настоящему, то есть по настоящему Персидскому, не подобало бы вступать священной особѣ. Въ Персіи таможня считается мѣстомъ *нечистымъ*. Да и на нашей сторонѣ едва ли пользуется она лучшею славою. Религіозныя убѣжденія Персіянъ (не позволю себѣ назвать ихъ предразсудками) клеймятъ отверженіемъ всѣ тѣ учрежденія и обряды, которые, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и наименованіемъ, взимаютъ налогъ съ чужого добра, или (какъ, напримѣръ, конфискація и публичная продажа) насильственно отчуждаютъ собственность. Такимъ образомъ, даже въ нашихъ Закавказскихъ провинціяхъ истый шіитъ не отважится купить продаваемое за долги имѣніе правовѣрнаго, не получивъ предварительно его согласія, которое конечно дается не даромъ. Изъ этого выходитъ слѣдующее: имѣніе обезпечивающее заемъ не находитъ покупателей или продается за полъ-цѣны, кредиторъ удовлетворяется не сполна; должникъ же, за свою несостоятельность или недобросовѣстность, получа-

етъ премію. Не говорю о процентахъ, которые достигаютъ ужасающихъ размѣровъ.

Таково-то Персидское уваженіе къ собственности. Что же касается до нашихъ Русскихъ или Европейскихъ предубѣжденій, то они возбуждены не сознательнымъ уваженіемъ къ собственности, а разносторонними, то ясными и широкими, то мутными и тѣсными воззрѣніями на учрежденіе. Одни укоряютъ таможню за придаваемый ей нѣкоторыми правительствами и экономистами характеръ учрежденія финансоваго; самъ Великій Наполеонъ, давшій таможнѣ колосальные, можно сказать, всемірные размѣры, говаривалъ, что она должна быть не орудіемъ фискальнымъ, а защитницею народной производительности. Другіе, самые опасные, открытые враги таможни, стоятъ подъ знаменемъ свободы торговой. Вытѣсняя соперницу свою изъ края въ край, преслѣдуя ее чрезъ политическія границы и океаны, они гласятъ въ манифестахъ своихъ народамъ: «торговыя тарифы и запрещенія разъединяютъ гражданъ, противодѣйствуютъ предвѣчнымъ законамъ природы, стѣсняютъ развитіе человѣческой способности и разрываютъ тѣ узы, которыми свободный размѣнъ, соединяя народы въ общемъ интересѣ, устранялъ бы кровопролитныя столкновенія. Люди съ ограниченнымъ взглядомъ или наклонные судить о большихъ вещахъ по малымъ признакамъ и случайностямъ, воюютъ противъ таможни изподтишка, сплетнями, наговорами. Они толкуютъ заодно съ Персіянами, что таможня мѣсто нечистое, потому... почему думаете вы?... потому, что чиновники ея нечисты на руку.

Гипотезы первыхъ двухъ категорій были предметами ученыхъ преній между спеціалистами. Кто не знаетъ и хочетъ узнать какъ и на какихъ основаніяхъ онѣ построены, долженъ обратиться къ г. Бастіа (Frédéric Bastiat), самому блистательному и, можно сказать, юмористическому противнику всякихъ торговыхъ запрещеній. Что же касается до послѣдней Русско-Персидской гипотезы, то не стоитъ задерживаться на ней: каждый благоразумный человѣкъ пойметъ, что пренебреженіе чиновничества къ мылу и перчаткамъ не уполномочиваетъ подозрѣвать опрятность цѣлаго казеннаго заведенія; что высовывающіяся изъ рукавовъ таможеннаго мундира лапы съ крючковатыми когтями, какъ бы готовыми потянуть за душу, не даютъ христіанину права вѣрить, какъ вѣрятъ Французы, что таможня изобрѣтена чортомъ, а ея соперница-контрабанда ниспослана небомъ.

Здѣшняя таможня отдается въ откупное содержаніе за 195000 тумановъ или червонцевъ въ годъ. Она понынѣ опредѣляла размѣры пошлинъ, ограничиваясь наружнымъ осмотромъ тюковъ и деклараціею купцовъ. А какъ не всѣ купцы отличаются добросовѣстностью, то

случалось нерѣдко, что сборщикъ получалъ пошлину далеко несоотвѣтственную цѣнности привезеннаго товара.

Сегодня Шахъ повелѣлъ раскрывать отнынѣ всѣ поступающіе въ таможню тюки. Если эта мѣра будетъ исполняться усердно, то удвоятся доходы откупщика и затѣмъ, само собою понимается, значительно увеличится откупная плата. Кто себѣ врагъ?! Шахъ и откупщикъ, повидимому, устроили дѣла свои превосходно, но не дремали представители противныхъ интересовъ; наше генеральное консульство въ заносчивости своей угрожало безсильнымъ протестомъ... Не мѣшаетъ знать, что подъ его покровительствомъ находится извѣстный комерческій домъ Ралли, торгующій, преимущественно и безъ соперниковъ, Англійскими мануфактурными произведеніями. Повѣренный этого дома, молодой Грекъ, получившій образованіе въ Парижѣ, разсуждалъ гораздо спокойнѣе, разсчитывая на аргументъ болѣе дѣйствительный чѣмъ протестъ: онъ ждалъ выѣзда Шаха, чтобы, глазъ на глазъ, по пріятельски, сдѣлаться съ откупщикомъ, который, замѣтимъ, забирая у него въ счетъ будущихъ привозовъ значительныя суммы, находится безвыходно въ его рукахъ.

Изъ всего этого выйдетъ вотъ что: откупщикъ получитъ подъ полою сотню-другую червонцевъ или уменьшеніе процентовъ за дѣлаемыя ему ссуды; пошлины будутъ взыскиваться по наглядному опредѣленію; доходы таможни, по крайней мѣрѣ, по вѣдомостямъ, не увеличатся; Шахъ, заварившій кашу, въ надеждѣ похлебать, останется... останется при той же откупной платѣ, давно взятой, за нѣсколько лѣтъ впередъ; я сказалъ бы иначе, если бы дѣло шло не о столь великой особѣ.

Таковъ въ Персіи вѣнецъ всѣхъ преобразовательныхъ начинаній, къ чему бы ни клонились и кѣмъ бы ни были возбуждены.

Не смотря, повторяю, на болѣе чѣмъ вѣроятный исходъ правительственнаго распоряженія, я захотѣлъ узнать, какое могло бы быть его вліяніе на наши торговые интересы. И вотъ что я узналъ. Ежегодно ввозится въ Адербижанъ заграничныхъ товаровъ, не Русскихъ, приблизительно на 10,000,000 рублей сер. Одной Англійской бумажной бѣлой ткани привозится болѣе чѣмъ на 3,000,000 руб. сер. Изъ этого количества едва шестая часть продается въ Персіи, а остальное тутъ же, въ окрестностяхъ Тавриза, покрывается Азіатскими узорами и такимъ образомъ, можно сказать замаскированное, Англійское произведеніе входитъ въ наши предѣлы контрабандою или открыто, платя только 5% со стоимости товара, а не гораздо высшую пошлину съ вѣсу, которую оно заплатило бы, являясь въ первобытномъ народномъ видѣ своемъ. Число красилень въ Адербижанѣ, занимающихся почти

исключительно такою фальсификаціею, увеличилось въ послѣднее время до 300-тъ. Онѣ платятъ правительству ежегодно до 12,000 червонцевъ.

Цѣнность же Русскихъ произведеній, привозимыхъ въ Тавризъ, равняется едва 150,000 руб. сер. Они состоятъ преимущественно изъ шелковъ Шемахинскихъ, кожъ и скобельнаго товара (съ Нижегородской ярмарки). Изъ этого количества вывозится въ Турцію на какія-нибудь 25,000 р. с. преимущественно шелку и Дагестанскихъ бурокъ.

Для покупки заграничныхъ, можно сказать, исключительно Англійскихъ произведеній, входитъ ежегодно въ Тавризъ изъ Россіи, гласно 4,000,000 руб. сер. золотомъ, а безгласно почти такая же сумма. Одинъ домъ Ралли отправляетъ ежегодно въ Константинополь Русской золотой монеты на 7,000,000 р. сер.

Теперь, по этимъ даннымъ, можно заключить, кому, чьимъ интересамъ былъ бы предосудителенъ таможенный обрядъ? Нашей ли торговлѣ, въ сущности ничтожной и которая, какъ потому, что вращается почти исключительно въ самомъ Тавризѣ, такъ и по роду привозовъ своихъ, не могла бы потерпѣть отъ раскупорки тюковъ въ таможнѣ, или Англійской, являющейся въ огромныхъ размѣрахъ, разнородныхъ видахъ и расходящейся изъ Тавриза, какъ изъ центра, по разнымъ направленіямъ? Кому, однимъ словомъ: Русскимъ ли купцамъ или дому Ралли, который, подавляя торговлю нашу, не давая ей, чтó называется, поднять носа, расправить крылья, находится подъ покровительствомъ Русскаго генеральнаго консула?!

Давеча я упомянулъ пословицу: кто себѣ врагъ? Теперь могу отвѣтить: Русскій человѣкъ!

Кстати и чтобы разомъ покончить съ Тавризскою торговлею, скажу, какіе предметы продажи преобладаютъ въ здѣшнихъ рядахъ.

Сахаръ, чай дешевый и нехорошій; бѣлила, хина и пахучія масла, употребляемыя какъ косметики, разныя пряности, все, чтò рветъ ротъ; фрукты сухіе и свѣжіе; курительные табаки Константинопольскій и Ширазскій; худыя вина разныхъ странъ; множество шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ тканей яркихъ цвѣтовъ и рѣзкихъ узоровъ; кисеи, шитыя золотомъ; шали не цѣнныя, на халаты и разныя части одежды; ковры и паласы, не лучше и не дешевле продаваемыхъ въ Тифлисѣ; попоны и покрыши сѣделъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ и шелковъ; Англійскій столовой фарфоръ безъ глубокихъ тарелокъ (потому что Персіяне кушаютъ всѣ жидкости изъ полоскательныхъ чашекъ); хрусталь раскрашенный и раззолоченный, а графины съ огромными пирамидальными пробками; канделабры преимущественно стеклянные, съ подвѣсками и колпаками на каждую свѣчу; стулья, столы и ящики изъ мозаики, какъ кресло, въ которомъ сидѣлъ шахъ; ящики, портфели

и складныя зеркала изъ лакированнаго дерева, съ картинами, представляющими или Шахъ-Надира на тронѣ, или любовное похожденіе, или какого-то ихняго Еруслана Лазаревича, борящагося съ діаволомъ; кальяны эмалированные; четки янтарныя, коралловыя, перламутровыя, черныя, вообще невысокихъ достоинствъ; фальшивыя древнія монеты, сколько и какихъ вѣковъ угодно; бирюза разныхъ величинъ, но почти вся поддѣльная и которую испытываютъ, нося нѣкоторое время подъ мышками или намазывая жиромъ (отъ поту и жиру, говорятъ, поддѣльная бирюза зеленѣетъ); ружья и пистолеты различныхъ новѣйшихъ усовершенствованій и фантазій. Тутъ же, почти рядомъ съ галантерейными товарами, сырая баранина и приготовленныя курящіяся яства, сомнительныхъ видовъ и ароматовъ. Все это разносится и по домамъ, Персіянами и Жидами, которые запрашиваютъ триста цѣлковыхъ за вещь, стоющую три, и отдаютъ ее за шесть.

22-го.

Сегодня, сдѣлавъ визиты принцу, министру военному и сардарю, я сталъ хлопотать о прощальной аудіенціи.

Принцъ, Баграмъ-Мирза, носитъ титулъ правителя или намѣстника Адербижана, ради приличія; по той, молъ, причинѣ, что съ одной стороны, принцу нельзя не имѣть служебнаго значенія, а съ другой что Адербижанъ привыкъ подчиняться принцамъ. Въ дѣйствительности же, то и другое оправдывается такъ мало, что Баграмъ-Мирза ничѣмъ не управляетъ и не заимствуетъ отъ должности своей ни малѣйшаго значенія, а провинція, сознавая его ничтожество, повинуется сардарю, Курду темнаго происхожденія, но пользующемуся оригинальною въ Персіи репутаціею честнаго и энергическаго сановника.

Мнѣ кажется, что являющаяся въ иныхъ странахъ необходимость подкрѣплять служебное значеніе нѣкоторыми случайными личными преимуществами, служитъ рѣзкимъ признакомъ гражданской и моральной незрѣлости общества: первобытна та страна, гдѣ сила заимствуется не личностью отъ закона, а наоборотъ—закономъ отъ индивидуальности, какъ бы она ни была блистательна и изящна. По самостоятельности закона, по уваженію къ власти, такъ сказать, отвлеченной, не матеріальной, узнается возмужалость народа въ быту гражданскомъ. Вспомните этого Римлянина, Англичанина, лорда Чатама, который, какъ воинъ сраженный на прославленномъ имъ полѣ битвы, отдавая душу Богу на политической трибунѣ, заключаетъ молніеносную рѣчь свою противъ гонителей возставшей Америки слѣдующими словами; «мнѣ кажется, милорды, что это (война) противно законамъ». Слышите эту краснорѣчивую гиперболу оратора-гражданина,

не могущаго (замѣчаетъ г. Вильмень) вообразить что нибудь выше закона!..

Возвращусь къ моимъ овечкамъ. Хороши овечки!

Принцъ, и вправду, овечка или безобидный, безотвѣтный баранъ, хоть сейчасъ на закланіе. А министръ—го! го!—это козелъ, здоровый, красивый, задорный, безтолковый, того и гляди, что боднетъ. На немъ синій кафтанъ, съ золотымъ шитьемъ по всѣмъ швамъ и бортамъ; онъ безпрестанно .... въ первый разъ случилось мнѣ видѣть человѣка, который въ столь изящной, богатой одеждѣ, безпрестанно рыгаетъ. И это говорятъ, не даромъ, не спроста, а ради пущей важности... знай нашихъ!

Я ему сказалъ, чтобы сказать что нибудь, что Турки, какъ видно изъ газетъ, крѣпко всполохнулись отъ сбора Персидскихъ войскъ въ Султаніи. Тутъ мой тамбуръ-мажоръ пріосанился, усмѣхнулся самодовольно, погладилъ усъ, рыгнулъ и пошелъ: «Это очень забавно. Право, не понимаю, чего Турки такъ испугались. Извѣстно, что всѣ вышнія державы, какъ, напримѣръ, Франція и Россія, ежегодно собираютъ войска для маневровъ; это однако нисколько не тревожитъ ихъ сосѣдей».

Ну, подумалъ я:

Куда конь съ копытомъ мчится,
Туда и ракъ съ клешней тащится.

Прощай, братъ, и если возможно, то не до свиданья.

Сардарь Азисъ-ханъ, право, добрый, простой солдатъ. Онъ вспоминалъ о поѣздкѣ своей въ Эривань, куда въ 1850 году былъ посланъ къ нынѣ царствующему Императору съ привѣтствіемъ. Я обѣщалъ Азисъ-хану прислать ему портретъ Его Величества и сдержу.

22-го.

Съ утра до вечера визиты: я былъ въ Англійскомъ консульствѣ и въ нашемъ; у меня были товарищи министровъ, другія служащія лица и сардаръ Азисъ-ханъ.

Вертлявый, болтливый Мирза-Абасъ-Вахабъ-ханъ насказалъ скороговоркой цѣлый коробъ пошлостей о трудностяхъ административныхъ и дипломатическихъ: только такой умный и ученый человѣкъ какъ я, могъ ладить съ первыми; только такой проницательный и находчивый какъ онъ, могъ побѣждать послѣднія. Цѣлый часъ, безъ устали, онъ обдавалъ ѳиміамомъ то меня, то себя. Въ заключеніе захотѣлось ему довершить лобзаніемъ пріятное настроеніе душъ нашихъ, и я былъ не прочь, лишь бы развязаться съ этой трещеткой; и такъ, мы оба вытянули шеи, подставили ланиты и .... но тутъ двѣ восхва-

ленныя головы не поняли другъ друга и вмѣсто того, чтобы поцѣловаться, онѣ стукнулись лбами. Свидѣтели сцены молодые С... и В..., понимая, что такъ и должно прощаться съ товарищемъ Персидскаго министра иностранныхъ дѣлъ, бросились къ нему—têtes baissés... Маленькій Мирза-Абдулъ, видя дружный натискъ, юркнулъ въ полурастворенную дверь, и давай Богъ ноги.

Нельзя не примѣнить къ сановникамъ Персидскимъ того, что́ говорилъ мнѣ почтенный г. Пелисье *) о сановникахъ Турецкихъ. Проживъ долго въ Константинополѣ и имѣвъ частыя сношенія съ его официальнымъ міромъ, онъ увѣрялъ, что нужно необыкновенное усиліе надъ самимъ собою, чтобы, бесѣдуя съ министромъ Великой Порты, не забыть его официальнаго значенія, чтобы не поддаться убѣжденію и всѣмъ его послѣдствіямъ, что имѣешь дѣло съ мальчишкой или парадным шутомъ.

Передъ самымъ приходомъ ко мнѣ сардаря Азисъ-хана, я получилъ газеты, извѣщающія объ открытіи Цюрихскихъ конференцій. Полагая, что это извѣстіе можетъ послужить темою разговора, я сообщилъ его гостю. Но оказалось, что Азисъ-ханъ не только не зналъ о существованіи Цюриха, но и не отгадывалъ повода и цѣли дипломатическаго съѣзда. Изъ вопроса Итальянскаго онъ зналъ только одно: Австрійцы побиты; затѣмъ, кажись, о чемъ бы и толковать съ ними?... Едва ли Азисъ-ханъ не правъ.

Сегодня было публичное проявленіе дѣятельности правительственной: Шахъ посѣтилъ главный караванъ-сарай. До его прихода солдаты заняли всѣ выходы и разсыпались по крышамъ смежныхъ домовъ; точь въ точь какъ случалось намъ занимать аулы Дагестанскіе и, какъ водится или почти какъ водилось въ добромъ городѣ Парижѣ, передъ торжественнымъ шествіемъ любимыхъ государей. Въ центрѣ караванъ-сарая поставили украшенное камнями кресло. Является Шахъ, окруженный стражами и царедворцами; передъ нимъ гордо, важно, какъ Римскіе ликторы, выступаютъ палачи съ сѣкирами и связками розогъ. Его величество садится въ кресло. Онъ держитъ въ рукахъ алую розу. Это сближеніе розы, сѣкиры лобной и розогъ не должно удивлять въ Персіи, гдѣ въ сердцѣ человѣческомъ переплетены струны самыя разнозвучныя: нѣжныя любви восточной и трагическія лютой кровожадности. Купцы всѣхъ народностей подносятъ подарки: парчи, ковры, камни драгоцѣнные, хрусталь, фарфоръ и т. п.; все это съ акомпанементомъ сладкихъ рѣчей и денегъ. Глава Русскаго купечества подноситъ книгу съ картинами и сто новенькихъ червонцевъ.

---

*) Предсѣдатель демаркаціонной комиссіи для разграниченія Россіи съ Турціею.

Шахъ, видимо довольный, пересыпая межъ пальцами червонцы, говоритъ ему съ пріятною улыбною: «по деньгамъ видно, что Русскій».

Всего собрано чистоганомъ пять тысячъ р. сер. Оно, пожалуй, и не бѣда; оно, пожалуй, и необходимо, если не откуда взять; но зачѣмъ вся эта дикая обстановка, и почему бы не поступить гораздо проще, искреннѣе, какъ поступила въ подобныхъ случаяхъ Англійская королева Елисавета, которая, не тѣмъ будь помянута, тоже была охотница до деньжонокъ? Вотъ что разсказываетъ г. Горсей. При въѣздѣ въ какой-то городъ, ожидая обычнаго приношенія (кошелька съ гинеями) Елисавета прервала пышное привѣтствіе городского головы слѣдующими словами: кончайте скорѣе вашу рѣчь и давайте мнѣ гинеи. Ça s'appelle savoir parler. У Персіянъ на все, во всемъ, кошачьи пріемы.

22-го.

Сегодня, по приказанію его величества, сардарь угостилъ насъ обѣдомъ. Приглашены: чиновники нашего консульства товарищъ министра иностраныхъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Шаха и нѣсколько штабъ-офицеровъ, изъ коихъ Яхья-ханъ и другой, изъ Армянъ, говорятъ по французски. Столъ убранъ, кушанья приготовлены и подаются по нашему. Вечеръ. Изъ залы огромное, почти во всю стѣну, подъемное окно открыто прямо въ садъ; тамъ военный оркестръ, фейерверкъ, маріонетки и наряженные въ баядерокъ плясуны-мальчики отъ 11-ти до 16-ти лѣтъ.

Обѣдъ не гастрономическій; но сносный: вина иностранныя, въ классическихъ бутылкахъ, съ красивыми, много обѣщающими ярлыками, рѣшительно нехороши. На военныхъ ордена Французскіе, Бельгійскіе и другіе, а эполеты всѣхъ возможныхъ образцовъ и народностей: одинъ купилъ и надѣлъ въ Парижѣ, другой въ Петербургѣ, третій захватилъ, по дорогѣ, въ Берлинѣ. Генералъ-адъютантъ, предъ которымъ всѣ встаютъ, украшенъ пятью или шестью экземплярами Льва и Солнца; онъ слыветъ умнымъ человѣкомъ; съ нашей же точки зрѣнія, онъ замѣчателенъ тѣмъ, что за какое-то, въ какомъ-то году, неудачное посольство въ Парижъ и Лондонъ, получилъ двѣ тысячи палокъ по пяткамъ—двѣ тысячи! Для фейерверка не пожалѣли пороха: колеса вертятся, шутихи прыгаютъ, ракеты въ особенности прекрасно исполняютъ свою обязанность. Музыканты, помилуй Богъ! кто въ лѣсъ, кто по дрова; а между тѣмъ увѣряютъ, что обучаемые иностраннымъ капельмейстеромъ полковые оркестры весьма удовлетворительны. Но вотъ что растроило гармонію: на походѣ изъ Тегерана, лучшіе артисты, снабдивъ кухню военнаго министра нѣсколькими мѣшками угольа (замѣтимъ, что въ странѣ безлѣсной уголь дорогъ) отпущены по домамъ;

затѣмъ, остальные, безъ разбора, какіе ни были, соединены въ одинъ хоръ. Вообразите каковъ хоръ и каковъ министръ?! Маріонетки какія показываются у насъ только при сальныхъ свѣчахъ; что же касается до содержанія драмы, то оно самое незатѣйливое и казалось бы невосточное: жена бьетъ мужа. А мы-то думаемъ: фу! какъ хорошо на Востокѣ по этой части: женъ сколько угодно и всѣ послушны, всѣ глядятъ тебѣ въ глаза! Мальчики-баядерки или баядерки-мальчики едва не вызвали обѣда сардарскаго изъ тайниковъ желудка. Въ короткихъ юбкахъ, красныхъ шароварахъ, шпензерахъ и шапочкахъ съ распущенными волосами, держа руки передъ собой, какъ танцующіе мопсы, жеманясь, вихляясь, поводя ребрами и нѣкоими задними частями, выворачивая глаза, они стараются возбудить страсть и успѣваютъ только произвести отвращеніе, тошноту. Безстыдныя пляски, бѣснующіяся куклы, солдаты, какъ бы Европейскіе, но давно забытые въ отдаленной колоніи, выглядывающія изъ за кустовъ группы грязной челяди, насупротивъ, на крышѣ, женщины, закутанныя, какъ привидѣнія, въ саванъ... все это вмѣстѣ, при раздирающихъ звукахъ музыки, при трескѣ бураковъ и ракетъ, то внезапно озаряясь перемежающимся свѣтомъ фейерверка, то снова погружаясь въ полумракъ, составляетъ какую-то дикую фантасмагорію, переноситъ настроенное впечатлѣніями нѣсколькихъ дней воображеніе зрителя на какіе нибудь Сандвичевы острова.

Офицеры, побывавшіе въ Европѣ, только и бредятъ, кто о Парижѣ, кто о Петербургѣ. Никто изъ нихъ, повидимому, не берется охотно за дѣло преобразованія родины, какъ бы считая его дѣломъ безнадежнымъ. Насъ проводили домой съ факелами и огромными разноцвѣтными бумажными фонарями, которые здѣсь въ большомъ употребленіи.

28-го. Сегодня полный отдыхъ, то есть, ни шагу изъ квартиры и никого къ себѣ. Завтра прощальная аудіенція, и послѣ завтра—въ путь-дорожку. Сопровождающимъ меня Персіянамъ хотѣлось, чтобы я отложилъ выѣздъ еще на одинъ день, потому молъ, что тридцатое Августа день несчастный, фатальный. Уступка цѣлыхъ сутокъ была слишкомъ большимъ пожертвованіемъ; но, снисходя къ убѣдительнымъ просьбамъ, я обѣщалъ выѣхать вечеромъ, когда день можетъ считаться уже конченнымъ. Остается пояснить народный предразсудокъ, соотвѣтствующій завѣтному Русскому предубѣжденію противу Понедѣльника. Наше тридцатое Августа сходится съ ихнимъ тринадцатымъ Сафара, а Магометъ сказалъ (я самъ не слышалъ), что кто тринадцатаго числа какого бы то ни было мѣсяца пустится въ путь, тотъ навѣрно не воротится домой благополучно. Изъ всѣхъ же тринадцатыхъ чиселъ въ году, тринадцатое Сафара, безъ сомнѣнія, самое злополучное: ибо оно ознаме-

новалось кончиною двухъ святыхъ мужей Исламизма: самого Магомета и второго имама шiитовъ — Гассана, отравленнаго женою своею. Персiяне считаютъ еще несчастными или тяжелыми всѣ нечетныя числа, Понедѣльники и Пятницы. Наконецъ, они подчиняютъ свои выѣзды и вообще все начинанiя предразсудку иного рода: они вѣрятъ влiянiю звѣздъ на дѣла человѣческiя. Вотъ почему Шахъ держитъ астрологовъ или звѣздочетовъ, которые, предъ всякимъ его предпрiятiемъ, совѣтуются съ небесными свѣтилами. Сближенiе (говорю со словъ Персидскаго доки) звѣзды, похожей на красивую дѣву, со звѣздою, похожею на героя, предвѣщаетъ катастрофу; но гдѣ именно, въ какомъ мѣстѣ, неизвѣстно. Такою недомолвкою звѣздочеты царя Персидскаго избѣгаютъ камень преткновенiя, о который разбиваются ихъ собратья, прорицатели другихъ странъ и дворцовъ; такъ, напримѣръ, не далѣе какъ въ прошломъ году, астрологи или колдуны императора Сулука, чтобъ успокоить вѣнценоснаго Арапа, встревоженнаго появленiемъ кометы на горизонтѣ Гаитiи, увѣрили его, что она угрожаетъ не ему и не острову, а материку, на который претъ рогами. Увы! спустя нѣсколько недѣль, бѣдный Сулукъ бѣжалъ изъ Имперiи, унося только чемоданчикъ съ банковыми билетами... (безъ этого нельзя). Персидскiе звѣздочеты поосторожнѣе: они не подвергаютъ своего кредита и пятокъ подобной неудачѣ.

Передъ выѣздомъ своимъ, скажу, хотя нѣсколько словъ объ Армянской церкви и христiанскихъ миссiяхъ въ Персiи.

Отъ Эчмiадзинскаго патрiаршаго престола зависятъ непосредственно въ Россiи—двѣ епархiи, на Кавказѣ четыре, въ Персiи двѣ: Адербижанская и Испагано-Остъ-Индская.

Не подлежитъ, мнѣ кажется, сомнѣнiю, что церковь, коей метрополiя въ Русской провинцiи, а верховная глава утверждается Русскимъ правительствомъ, коей служители и духовные сыны имѣютъ осѣдлость и алтари, отъ Аракса до Ганга, должна бы на Востокѣ, подъ руководствомъ Россiи, быть наставницею народовъ, благодатною вѣстницею успѣховъ разума, торжествъ науки и вмѣстѣ поборницею Русскихъ интересовъ, которые, конечно, не должны и не могутъ быть враждебны счастiю и усовершенствованiю человѣчества; повторяю — интересовъ Русскихъ, если правда, что Россiя имѣетъ серьезные интересы на Востокѣ, или осуждена навязывать ему свое влiянiе.

Но для исполненiя этой великолѣпной программы Армянское духовенство должно бы нравственностiю и просвѣщенiемъ превосходить окружающiя его населенiя и быть проникнуто сознанiемъ своего святого назначенiя; оно должно бы изучать и проповѣдывать вѣру Христову не только въ ея догматахъ, но и въ ея приложенiяхъ къ жизни

общественной; должно бы указывать на нее какъ на путеводительницу не только къ вѣчному спасенію, но и среди вертепа дѣлъ и вещей человѣческихъ; наконецъ, духовное превосходство священнослужителя должно бы, какъ небесный лучъ, озарять его личность, его семью, жилище, всю его жизнь. Къ несчастію, здѣсь и у насъ, Армянскіе священники далеки отъ этого идеала. Они, за малымъ исключеніемъ, невѣжественны, жадны къ преходящимъ благамъ, лѣнивы, грязны... Многіе не умѣютъ читать; нѣкоторые, въ Адербижанѣ, отдаютъ на поруганіе свой домашній очагъ, занимаясь тайною и опасною продажею крѣпкихъ напитковъ Персидскимъ нарушителямъ заповѣди Пророка.

Такое-то духовенство встрѣтилось въ Персіи съ миссіями католическими и протестантскими. Первыя, принадлежа къ ордену Лазаристовъ, бѣдны и состоятъ, если не ошибаюсь, исключительно изъ конгрегацій сестеръ милосердія, посвятившихъ себя воспитанію дѣтей женскаго пола. Послѣднія, изъ Соединенныхъ Штатовъ, обладаютъ весьма значительными матеріальными средствами. Протестантскіе миссіонеры учредили на разныхъ пунктахъ Персіи больницы, аптеки, школы, библіотеки. Они врачуютъ и воспитываютъ, не только безвозмездно, но даже сами, за поступающаго въ школу ребенка, выдаютъ его родителямъ, если они бѣдны, плату взрослаго работника. Къ столь дѣйствительнымъ способамъ прозелитизма они присоединяютъ обаяніе разума, разнородныхъ свѣдѣній, глубокаго убѣжденія и простоты жизни Пуританской. Донынѣ они обращали только Ассиріянъ или по здѣшнему Ассоріянъ *), коихъ исповѣданіе не что иное какъ расколъ или отщепенство Православія. Но нѣтъ сомнѣнія, что разумная энергія, подкрѣпленная теплою вѣрою и послѣдовательно направленная, достигнетъ, хотя медленно, полнѣйшихъ результатовъ, особливо здѣсь, въ Персіи, гдѣ самому ученію Магомета угрожаетъ разъѣдающее броженіе тайныхъ сектъ, гдѣ уже появлялись, можно сказать, протестанты исламизма, запечатлѣвшіе свое апостольство мученичествомъ.

Если политическая необходимость или предопредѣленіе судебъ влечетъ насъ на Востокъ, то мы не должны, не можемъ оставаться равнодушными къ судьбамъ той христіанской церкви, коей (повторяю) пятнадцативѣковой патріаршій престолъ стоитъ на почвѣ, искупленной нашею кровью, а разрозненные сыны коей разсѣяны на берегахъ Ганга, Ефрата, Нила, Волги, въ Китаѣ, на Индѣйскомъ океанѣ, въ Явѣ, Суматрѣ; не можемъ и не должны оставаться равнодушными къ униженію духовенства, призваннаго наставлять совѣсть и разумъ ста-

*) Получено извѣстіе, что миссіонеры Католическіе и Протестантскіе обратили въ Турціи (преимущественно Азіатской) до 2000 дворовъ или семействъ Армянскихъ.

пятидесяти тысячъ Персидскихъ подданныхъ, соплеменныхъ коренному населенію нашей передовой на Востокѣ провинціи. Мы тоже не можемъ и не должны взирать совершенно спокойно на Католическія и Протестантскія миссіи (въ особенности на послѣднія) которыя въ эту эпоху сильнаго возбужденія протестантизма открыли свои дѣйствія противу той части нашей имперіи, гдѣ пять или шесть вѣрованій, то обветшалыхъ, то неустановившихся, какъ бы готовы разступиться или поддаться предъ всякимъ энергическимъ и сознательнымъ прозелитизмомъ.

Увлекаясь предметомъ, не могу не замѣтить, что если Россія имѣетъ на Востокѣ назначенныя ей Промысломъ обязанности (и онѣ не могутъ быть не благородны, не живительны), то здѣсь бы предлежалъ ей путь; здѣсь—чрезъ Персію, или тамъ—чрезъ Турцію, было бы, въ обоихъ случаяхъ, полезно пріобщить Армянъ къ нашей дѣятельности, предоставивъ имъ посредничество между нами и тѣми, наполняющими Востокъ народностями, которыя подобны завядшимъ и засохшимъ вѣтвямъ, могущимъ возвеленѣть и расцвѣсть отъ благотворнаго лобзанія Россіи. Говорю—въ обоихъ случаяхъ: ибо, если въ Персіи Армяне населяютъ почти цѣлую провинцію и занимаютъ какъ бы торговые этапы, чрезъ все государство до Индіи, то въ Турціи, по приблизительному исчисленію, живетъ 2,500,000 Армянъ*), и въ ихъ рукахъ, можно сказать, вся торговля Малой Азіи, всѣ финансовыя операціи Оттоманской Порты. Монетный дворъ, пороховые и чугунные заводы, принадлежащія правительству фабрики, суконныя и другія, управляются Армянами. Лучшіе мастеровые и ремесленники Константинополя почти исключительно изъ Армянъ.

Если Армяне въ Азіи пріобрѣли значеніе, преимущественно торговое или промышленное, то въ Европѣ они ознаменовались на болѣе безкорыстномъ и возвышенномъ поприщѣ. Здѣсь, съ семнадцатаго вѣка, являются Армянскія училища и типографіи; въ восемнадцатомъ— Мехитаристы, изъ Венеціи, придаютъ дѣятельности своихъ соотечественниковъ новую жизнь, и за ними постепенно, то въ подраженіе ихъ ученому рвенію, то въ противодѣйствіе ихъ Католическому направленію, открываются Армянскія ученыя и учебныя учрежденія: на Ливанѣ, въ Парижѣ, Москвѣ, Ѳеодосіи, Нахичевани (на Дону), Астрахани, Тифлисѣ, Эчміадзинѣ и такъ далѣе. Армяне присвоиваютъ себѣ, посредствомъ переводовъ, многія сокровища древней и новѣйшей литературы, творенія Гомера, Виргилія, Платона, Аристотеля, Фенелона,

*) La société Arménienne au XIX siècle, Дюлорье; а по исчисленію Шахпазаріана 3.000.000. По исчисленію всѣхъ Армянъ: 4.000.000. (Дюлорье).

Госнера и другихъ. Наконецъ, въ Россіи, гдѣ Армяне пользуются всѣми гражданскими правами и преимуществами, мы видимъ ихъ во всѣхъ отрасляхъ государственной службы въ администраціи, во флотѣ, въ сухопутныхъ войскахъ.

И такъ, изъ всѣхъ древнихъ народовъ Азіи, изъ всѣхъ первыхъ извѣстныхъ намъ дѣятелей нашей планеты, Армяне—одни, переживъ своихъ старшихъ братьевъ и ровесниковъ, Ассиріянъ, Вавилонянъ, Мидовъ, Финикіянъ и столькихъ другихъ, сохранивъ свое имя, свою вѣру, свой языкъ и не унывая, не дряхлѣя, смѣшивались съ членами новой семьи человѣческой, на всѣхъ путяхъ полезной и благородной дѣятельности. Не доказываетъ ли это, что они одарены тою живучестью или цѣпкостью и тою предпріимчивостью или упругостью, которыя продолжаютъ историческое существованіе народа, если не какъ самостоятельнаго дѣятеля, то какъ благороднаго политическаго орудія, какъ славнаго сподвижника?!

Спѣшу изъ всего сказаннаго вывести заключеніе. Россія можетъ находиться, относительно Востока, въ двоякомъ положеніи: оборонительномъ или наступательномъ. Оборонительномъ — противу возникшихъ въ Азіи неблагопріятныхъ намъ началъ, въ числѣ коихъ, конечно, нельзя не считать религіознаго прозелитизма. Эти начала могутъ быть уподоблены водамъ, которыя накопляются по каплѣ, годами, а достигнувъ извѣстнаго уровня и получивъ толчекъ давленія, выступаютъ внезапно, наводняющими струями. Въ наступательномъ—не для пріобрѣтеній территоріальныхъ, отъ коихъ избави насъ Небо, а для побѣдъ нравственныхъ, на кои благослови насъ Богъ!.. для увлеченія затаенныхъ, духовныхъ и вещественныхъ силъ въ одно общее съ нами, стройное, достойное человѣчества, прогрессивное движеніе. Какъ для обороны, такъ для наступленія, намъ нужны силы, конечно не штыки и пушки, а нравственныя. Намъ нужны для отпора и движенія: оплотъ, содѣйствіе, посредничество сознательнаго сочувствія, пріобрѣтенныхъ удовлетвореніемъ не грубыхъ инстинктовъ, а разумныхъ требованій.

Мы уже видѣли, что Россія должна бы искать части этихъ силъ въ Армянской народности; но мы тоже видѣли, что ея духовенство, за малымъ исключеніемъ, не только, лишено всякаго обаянія, но и неспособно къ противодѣйствію; остается сказать, что ея свѣтскій элементъ, одаренный въ высшей степени способностью инициативы, нуждается въ направленіи.

То, что̀ можетъ доставить Армянскому духовенству сознаніе святого призванія и способность его исполненія, то самое можетъ увлечь Армянъ почти всей Азіи, въ политическій и нравственный орбитъ Россіи.

Всякій пойметъ, что говорю о величайшихъ двигателяхъ и утѣшителяхъ народовъ: и просвѣщеніи и нравственномъ образованіи.

Но чтобъ эта сила, проникнувъ Армянъ, была за насъ, а не противъ насъ, она должна исходить отъ насъ, и Армяне должны чувствовать, что обязаны ею Россіи.

Еще пора, еще не поздно, еще никто не предупредилъ насъ.

Учрежденіе Мехитаристовъ на островѣ Свят. Лазаря имѣетъ (мы уже сказали) одностороннее направленіе. Училище въ Парижѣ, по нѣкоторымъ причинамъ, распалось или ослабило свои дѣйствія, и слава Богу!... въ его парадной залѣ висѣлъ портретъ Абдулъ-Меджида (ça dit tout)!... Заведеніе, открытое въ Θеодосіи подъ истинно-просвѣщеннымъ попеченіемъ Бессарабскаго епископа (Айвазовскаго), слишкомъ малыхъ размѣровъ, какъ по числу учащихся, такъ по программѣ обученія и, во всякомъ случаѣ, оно пригодно только для Армянъ Европы. Лазаревскій институтъ въ Москвѣ, уже по одному положенію своему, доступенъ для немногихъ. Здѣсь, въ Азіи, древней Арменіи, нѣтъ ни одного педагогическаго учрежденія, могущаго служить нравственнымъ маякомъ для нѣсколькихъ милліоновъ Армянъ, разбросанныхъ политическими ураганами. Между тѣмъ здѣсь корень ихъ народности, здѣсь Армяне существуютъ еще довольно большими группами, здѣсь звучитъ ихъ языкъ, здѣсь памятники ихъ самобытности, здѣсь почва напитана кровью ихъ мучениковъ за вѣру, здѣсь каѳедра ихъ первосвятителя, Св. Георгія...—сюда обращены ихъ взоры и сердца......

Скорѣе, скорѣе—говорю вамъ! Тамъ, то есть въ нашей Арменіи, у вратъ Персіи и Турціи, у вратъ мусульманской и языческой Азіи, открывайте приходскія элементарныя училища, а надъ ними надъ всѣми, у подножія Арарата, предъ лицемъ первопрестольной обители и печальныхъ историческихъ развалинъ, поставьте университетъ, съ факультетами права, медицины, восточныхъ языковъ, наукъ, земледѣльческихъ и промышленныхъ. Даруйте этому университету поземельную собственность. Да распространятся вокругъ него сады, рощи, луга, да развивается и крѣпнетъ тамъ юношество, вдали отъ шума и соблазновъ города, подъ чистымъ небомъ, озирая великолѣпныя картины природы, какъ оно растетъ и крѣпнетъ въ Кембриджѣ и Оксфордѣ, какъ оно расцвѣтало и мужало въ нашемъ Царскомъ Селѣ. «Да льются тамъ (какъ выразился краснорѣчивый писатель, говоря объ Англійскихъ университетахъ) жизнь, здоровье, понятливость юношества полнымъ теченіемъ, въ спокойномъ и торжественномъ привольи». Азія, слышавшая доселѣ громъ Русскаго оружія, услышитъ съ Русской каѳедры голосъ науки, и ему откликнутся отвсюду, съ береговъ Ефрата, изъ Калькуты, Сингапура, Кантона, съ острововъ дальняго океана.

Россія сдѣлается популярною на Востокѣ. Уфъ! расписался!.. Полночь. Пора спать.

Вы, можетъ быть, скажете, что я уже выспался и бредилъ? Нѣтъ, протираю глаза, выпиваю стаканъ воды и говорю съ полнымъ сознаніемъ, что если одинъ изъ узелковъ восточнаго вопроса завязанъ въ Азіи, то Армяне могутъ помочь развязкѣ *).

29. Сегодня мы откланялись его величеству. Церемоніалъ аудіенціи прощальной былъ тотъ же, что и привѣтственный; но въ этотъ разъ Шахъ принялъ насъ не въ домѣ, а въ палаткѣ, разбитой въ загородномъ фруктовомъ саду у большаго бассейна.

Садъ у входа перегороженъ почти во всю ширину свою суконною занавѣсью, на коей рельефно вышитъ рядъ сарбазовъ, въ натуральную величину подъ ружьемъ. Между занавѣсью и палаткою стоитъ караулъ изъ живыхъ сарбазовъ и передъ нимъ, вдоль фронта, лежитъ на присошкахъ большое знамя съ массивною, наверху древка, серебряною ручкою.

Шахъ одѣтъ весьма легко, какъ подобаетъ при пятидесяти градусахъ жары: въ абѣ, застегнутой на груди брилліантовыми запонками.

---

*) За обѣдомъ, даннымъ жителями г. Эривани вновь выбранному патріарху, въ день прибытія его изъ Константинополя, я произнесъ рѣчь, которую помѣщу здѣсь какъ доказательство, что сейчасъ выраженныя убѣжденія относительно просвѣщенія Арменіи родились во мнѣ далеко до поѣздки въ Персію, а здѣсь только упрочились и получили, быть можетъ, новыя приложенія. Замѣчу, что патріарха сопровождали почти всѣ, такъ сказать, свѣтильники Армянской церкви, епископы почти всѣхъ Кавказскихъ епархій, бывшій директоръ Армянскаго Парижскаго Института и ученый Бессарабскій епископъ (Айвазовскій).Вотъ эта рѣчь:

„За здравіе его святѣйшества, патріарха, каѳоликоса всѣхъ Армянъ".

„За здравіе всѣхъ присутствующихъ здѣсь, отцевъ святыхъ, которые съ первосвятителемъ своимъ вносятъ въ эту страну не только благословеніе молитвы, но и свѣтъ мудрости человѣческой".

„Вы здѣсь, отцы святые, представители духовнаго стремленія, нравственной стороны нашего вѣка".

„Въ восемнадцатомъ столѣтіи религія и философія враждовали между собою... Народы думали, что онѣ не могутъ жить вмѣстѣ".

„Въ девятнадцатомъ онѣ сближаются все болѣе и болѣе. Мужи, подобные вамъ, благочестія и науки, довершаютъ ихъ союзъ".

„Какъ Русскій человѣкъ, горжусь тѣмъ, что здѣсь, на краю міра просвѣщеннаго, на землѣ, которую можно назвать библейскою, среди памятниковъ и воспоминаній драгоцѣнныхъ сердцу не только Армянина, но и каждаго мыслящаго, что здѣсь, повторяю, мы цѣною крови своей искупили и сохранили, для благочестія и просвѣщенія святой пріютъ, изъ коего они пойдутъ къ сердцу Востока, и повсюду заявятъ свой благодатный союзъ, распространяя блага матеріальныя, вознося души къ небу".

„Моя къ вамъ просьба, святые отцы! За мою къ вамъ любовь и ради вашихъ сочувствій къ ввѣренному моему управленію, родному вамъ, народу, не забывайте меня въ своихъ молитвахъ!"

„Молите, чтобы на трудномъ поприщѣ административномъ Всевышній укрѣпилъ во мнѣ разумъ, справедливость и терпѣніе, чтобъ Онъ сдѣлалъ меня способнымъ и достойнымъ исполнителемъ мудрыхъ, полныхъ человѣколюбія, намѣреній правительства".

Палатка далеко не великолѣпная, не восточная, а въ родѣ нашихъ лазаретныхъ: длинная, четыреугольная, изъ простой, бѣлой, бумажной ткани, подбитая пестрымъ ситцемъ. Полъ покрытъ весьма обыкновенными коврами и окаймленъ постилкой, какъ бы дорожкой, изъ грубаго бумажнаго издѣлія. Кресло, на которомъ сидитъ Шахъ, большія на полу круглыя подушки, служащія ему обычнымъ сѣдалищемъ, и наконецъ, простыя за кресломъ ширмы—составляютъ все убранство палатки. У подушекъ лежитъ раскрытая Французская газета, кажется Constitutionnel. Изъ за ширмъ выглядываетъ съ десятокъ головъ, не то лакеевъ, не то не вошедшихъ въ церемоніалъ придворныхъ сановниковъ; точь въ точь какъ у нашихъ помѣщиковъ, средней руки, тѣснится челядь за дверьми гостиной, чтобы взглянуть въ скважину на пріѣхавшаго гостя.

Передъ Шахомъ стоятъ министры: двора и иностранныхъ дѣлъ.

Я забылъ сказать, что Шахъ играетъ перцовою тростью. Да не преобразовательная ли, не магическая ли это трость?.. Не даромъ же говорятъ, что древо ученія горько.

Я произнесъ слѣдующую рѣчь:

Votre majesté! Au moment de retourner dans ma patrie, je suis heureux de pouvoir déposer au pied de votre trône l'expression, quoique faible, des sentiments, qui m'animent.

Les bontés, que votre majesté a eues pour moi et les sympathies que vos sujets nous ont témoignées sur notre passage et ici prouvent suffisament combien la Russie peut compter sur l'amitié de la Perse. Sire, cette amitié est réciproque, et celui qui m'a envoyé ici, le représentant au Caucase de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, ayant à coeur, comme j'ai déja eu l'honneur de le dire à votre majesté, de maintenir, par tous les moyens, qui sont en son pouvoir, les rapports amicaux entre les deux peuples, appréciera fortement l'accueil, qui a été fait à la mission dont il m'a honoré. Sire, daignez croire, que quant à moi personnellement, quoique éloigné de la Perse, je ne lui serai pas étranger et formerai constament des voeux pour sa plus grande prospérité, ainsi que pour la plus grande gloire de votre trône!

Шахъ отвѣчалъ весьма благосклонно, что, желая поддержанія дружескихъ отношеній съ Россіею, онъ разсчитываетъ на посредничество людей подобно мнѣ, просвѣщенныхъ, энергическихъ и благонамѣренныхъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ: когда выѣзжаю, доволенъ ли я своею квартирою, было ли мнѣ весело въ Тавризѣ и хорошо дорогою?

Министры и вообще Персіяне, присутствовавшіе при обѣихъ аудіенціяхъ, умѣющіе заключать о чувствахъ и намѣреніяхъ Шаха

по игрѣ его физіономіи, по признакамъ столь легкимъ, что они едва уловимы для страстнаго любовника на лицѣ обожаемой женщины, увѣряютъ, что его величество старался выказать мнѣ особую благосклонность... что я ему понравился...

30-го. Сегодня поутру чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ привезъ мнѣ дипломъ на первую степень Персидскаго ордена и шали для меня и моихъ спутниковъ. Я далъ ему пятьдесятъ червонцевъ.

Министръ Сеидъ-ханъ поручилъ тому же чиновнику, увѣрить меня, что знаки ордена, коихъ нельзя было найти въ Тавризѣ и дипломы, коихъ не успѣли заготовить для сопровождающихъ меня чиновниковъ, будутъ высланы на дняхъ и вѣроятно догонятъ насъ еще до границы.

Моя шаль, по оцѣнкѣ знатоковъ, коихъ вызывалось много, стоитъ до ста пятидесяти червонцевъ, а остальныя до сорока каждая.

Предъ самымъ выѣздомъ я получилъ Французскіе журналы, въ которыхъ между прочимъ, по случаю пріѣзда въ Парижъ постояннаго Персидскаго посла, было упомянуто, въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, о Ферухъ-ханѣ. Я поспѣшилъ послать ему номеръ, заключающій въ себѣ похвальную статейку. Ферухъ-ханъ былъ въ восхищеніи. Онъ попросилъ подателя, графа Симонича, сначала прочесть громко, потомъ перевести и наконецъ оставить ему драгоцѣнный листокъ въ вѣчное, потомственное владѣніе. Я не могъ сдѣлать ему подарка болѣе пріятнаго и даже полезнаго: ибо, если мы говоримъ, вретъ какъ газета, то Персіяне вѣрятъ газетѣ не менѣе чѣмъ Корану, и похвальная аттестація Французскаго публициста не позволитъ никому, ни Шаху, ни министру, сомнѣваться въ необыкновенныхъ дарованіяхъ Ферухъ-хана.

Я сказалъ, что Персіяне вѣрятъ журналамъ: должно присовокупить, что они боятся журналовъ, страхъ какъ боятся гласности..., этого обоюдоостраго меча, взятаго Россіею въ руки и которымъ она, если будетъ умѣть фехтовать, изрубитъ всѣхъ своихъ враговъ.

Le qu'en dira-t-on не Персіи, а Европы, преимущественно Парижа, имѣетъ огромное вліяніе на рѣшимость Шаха и, безъ сомнѣнія, обуздываетъ его дикіе порывы. Можно сказать безошибочно, что отнынѣ офиціальное значеніе и пятки Ферухъ-хана застрахованы западнымъ публицизмомъ. А сильна должна быть гласность, если боится ея приговоровъ сидящій на алмазномъ тронѣ Надиръ-шаха. Всѣ прочія силы, изумляющія человѣчество, печать, паръ, электричество, суть ея покорные слуги. Я даже вѣрю, что предвѣщанный Апокалипсисомъ ангелъ на конѣ бѣломъ, изъ устъ коего изыде оружіе остро и коего имя нарицается Слово Божіе (гл. XIX), есть не что иное какъ образъ изобличительной гласности, въ ея послѣдней, наиторжественнѣйшей манифестаціи: всадникъ на бѣломъ конѣ, предъ Грядущимъ на облакахъ и всѣми творя-

щими плачъ, колѣнами земными (гл. I), провозгласитъ не только всѣ наши злыя дѣла и ихъ послѣдствія, но еще всѣ злыя причины нашихъ добрыхъ дѣлъ... и его укоръ, какъ безконечный перекатъ грома, будетъ непрестанно раздаваться надъ головою навсегда погибшаго грѣшника...

Племянники, родственники, кліенты министровъ приходили ко мнѣ съ напутственными любезностями своихъ родственниковъ, патроновъ. Наконецъ, чтобы угодить мнѣ, и еще болѣе, чтобы выманить нѣсколько денегъ, привели львицу изъ звѣринца Шаха. Гадкій звѣрь! Ее кормили сырымъ мясомъ на обнаженной груди лежащаго человѣка. Гадкая забава! Вечерѣетъ, коляска подана, ѣдемъ.

Марань, 31-го. Таже дорога, тѣже ночлеги, тѣже угощенія и тѣже самые сарбазы; но послѣдніе, которые получали отъ меня каждый по полтиннику въ день, повеселѣли, помылись, почистились и сдѣлались весьма услужливы. Я увѣренъ, что изъ сарбазовъ можно сдѣлать прекрасныхъ солдатъ: они крѣпки, послушны, терпѣливы, привыкли къ величайшимъ лишеніямъ.

Джульфы, 2-го Сентября. Наконецъ я у себя. Переплывъ чрезъ Араксъ, одаривъ михмандара, сарбазовъ и прислугу, я сложилъ съ себя званіе посланника.

Кстати. Въ одной изъ книгъ, взятыхъ мною въ дорогу, а именно въ исторіи Богдана Хмельницкаго (Костомарова), я нашелъ преоригинальное, и мнѣ кажется, весьма удачное опредѣленіе значенія посланниковъ. Вотъ оно. Послѣ Баготской битвы и истребленія шляхты въ Украйнѣ, Рѣчь Посполитая отправила въ Чигиринъ двухъ комиссаровъ: Зацвилиховскаго и Чернаго. Начались переговоры... но первая же конференція едва не обратилась въ трагедію. Комиссары выразились какъ-то неосторожно. Богданъ вспыхнулъ, обнажилъ саблю и началъ (по словамъ лѣтописца) махать у нихъ подъ носомъ. Немудрено, что случилась бы бѣда, если бы Черный не образумилъ гетмана слѣдующими словами: «На посла нечего кричать. Посолъ какъ оселъ, несетъ то, что́ на немъ положатъ». Спрашиваю: могло ли сравненіе пана Чернаго быть въ семнадцатомъ вѣкѣ справедливѣе, чѣмъ въ наше время, когда видимъ въ Цюрихѣ трехъ пословъ-автоматовъ, коихъ перья и языки приводятся въ движеніе электрическими токами, пущенными изъ Парижа, Вѣны и Турина?

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА *).

IX. Отъ Тобольска до Тюмени.

На паромѣ сталъ чиновникъ для проводъ моихъ. Мы заводились съ версту и болѣе вверхъ. На берегу стоитъ фантастическая постройка, приготовленная для встрѣчи Великаго Князя Владимира Александровича, въ прошедшемъ или запрошедшемъ году. Въ этомъ мѣстѣ онъ сошелъ съ парохода. Иртышъ въ этомъ мѣстѣ тоже меньше версты, течетъ трубою, безъ острововъ.

Переплыли благополучно. Ѣдемъ. Насъ везетъ Татаринъ хорошо. Долго видимъ Тобольскъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ круглѣе и законченнѣе онъ виденъ: храмы Божіи—главное украшеніе. Архіерейскій домъ, самая середина города. Присутственными мѣстами кончаются хребетъ горы и городъ, налѣво земля бѣлесая, жестокая, толкаетъ. Лѣсокъ кустарный; есть дубы, липы.

1 станція, село *Карчинское*. Деревянная, многоглавая, своеобразная церковь. Рѣка, сказали *Туранъ*; я думаю *Тоболъ* (можетъ быть, я не разслышалъ).

2 станція, *Кутарбитская*—деревня Татарская. Везъ Татаринъ. Дорога ровная, хотя есть мелкіе овраги. Мосты чуть живы и дурные. Есть лѣсъ, и строевой. По деревнямъ скотина на улицѣ, особенно много овецъ. (Татарское закомство, памятникъ кочевой жизни). Земля тоже глазастая, бѣлесая. Навозятъ. Начали жать. Здѣсь рѣка Тоболъ. Ночуемъ.

3 число Іюля. Пятница. Св. Іакинѳа. Анатолія Александрійскаго Филиппа митрополита Московскаго. Василія и Константина Ярославскихъ.

Я всталъ, а ребята спятъ. Будить жаль. Помолился. Почиталъ изъ Новаго Завѣта и Псалтири.

1 станція, *Байкаловская*. Домъ станціи, кажется, Татарскій: въ передней стѣнѣ низкія палати, настилка для спанья.

Надоѣдаютъ ямщики, прося «на водочку, на чаекъ, на калачики». Не денегъ жалѣю, но тягочусь нравственнымъ униженіемъ. Прося по-

---

*) См. выше, стр. 387.

видимому милости, хотятъ исторгнуть ее. Проѣзжающаго хотятъ уровнять съ собою и ввести въ свой кругъ грязи; заставляютъ мыслить и располагать высокія чувствія благотворенія по тому, какъ это имъ кажется приличнымъ и должнымъ. Словомъ, учатъ, какъ надобно быть щедрымъ и унизительно напоминаютъ намъ чувствіе, нами будто забытое и брошенное, учатъ быть *нравственнѣе*. И что дать? Пятакъ, плюнутъ въ глаза; гривну, сдѣлаютъ гримасу. Двадцать копѣекъ, нелегко: на моемъ пути около 150 станцій. И можно ли всегда имѣть готовый двугривенный? Въ Енисейской губерніи и частію въ Томской, не смѣли у меня просить *на водочку*.

2 станція, *Бачелинская* или *Бачалинская*—село, у рѣки Тоболъ (меньше Томи, больше Чулыма). Каменная церковь, новая, хорошая.

Пришелъ на станцію за милостынею слѣпой. Правый глазъ ему проткнутъ грабителями, грабившими скотъ, который онъ пасъ, а на лѣвомъ выросло бѣльмо, отъ слезъ по матери, по смерти которой онъ остался круглымъ сиротою. Ему 20 л. Хочетъ подвергнуть себя операціи снятія бѣльма съ лѣваго глаза. Я не совѣтовалъ: опасная операція, и надобно, чтобы операторъ былъ не изъ рядовыхъ. Далъ ему 50 к.

3 станція, *Іевлевская*. Закусилъ своего и еще похлебалъ квасу съ огурцомъ и лукомъ. Больше на станціи нѣтъ ничего. Я спросилъ было ихъ пищи, сказали: «У насъ скоромная». Такимъ образомъ несоблюденіе постовъ простирается уже и на деревни.

4 станція, *Южаковская*. Жарко. Солнце въ лице (ѣдемъ на Югозападъ), вѣтеръ слабый и попутный несетъ за нами поднятую пыль.

Начинается черноземъ. Яровой хлѣбъ сгорѣлъ, озимый порядочный. На станціи переправлялись чрезъ рѣку Тоболъ. Красно-мутная вода, теченіе тихое. Полей много, даже есть сплошныя (чего нѣтъ въ Сибири).

Сибирскія *поскотины* кончились. Поля подходятъ къ самому селенію. (Въ Сибири окружаютъ селеніе, версты на двѣ и до пяти въ діаметрѣ, изгородью; здѣсь пасется скотина сама собою. Хозяйственныя работы на землѣ, посѣвы и проч. уже за этою изгородью). Въ Татарскихъ селеніяхъ на улицахъ тучи овецъ (и еще никого), а въ Русскихъ чистая улица. Лѣсъ рѣдѣетъ, красный.

5 станція, *Покровское* село. Церковь каменная, большая, новая, двухъэтажная. Обводится пространно хорошею каменною оградою, съ желѣзными рѣшотками. За двѣ версты до села насъ настигла гроза съ крупнымъ дождемъ: были удара два грозные. Мы остановились ночевать въ $7^1/_2$ часовъ (Слѣдующая станція—переѣздъ 32 версты; опасались запоздать). Прекраснѣйшая радуга полная, сіяющая, на закатѣ солнца, которое намъ тоже было видно. Домъ крестьянскій, но, посибирски, весьма опрятный. Намъ отдано цѣлое отдѣленіе, половина дома, лучшая. Домъ противъ церкви. Я въ пріятномъ расположеніи духа. Данъ порядочный Сибирскаго вкуса ужинъ съ рыбкою. Дѣва зрѣлая, пріятной наружности, живая, пылающая, быстрый

взглядъ, пришла къ намъ и сѣла. Спрашиваю: «Ты хозяйка?» «Нѣтъ, работница». «Ты женщина или дѣвица»? «Дѣвица». Двусмысленное посѣщеніе. Однако, я не смѣю мыслить дурное. Полнота и цвѣтущее здравіе дѣлаютъ ее живою и нѣжною. Лицо ея пріятное, даже очень, но и непорочное. Она еще входила нѣсколько разъ по надобностямъ. (Тутъ сундуки, постеля хозяйская и, можетъ быть, ея), но ни малѣйшаго слова, движенія, даже взгляда скандальнаго. Дитя природы, само собою любующееся и благоухающее нѣжностію души.

4 число Іюля, Суббота. Св. Андрея Критскаго. Евфимія Суздальскаго.

Спалъ тихо. Грозное сновидѣніе. «Мнѣ говорятъ: пойди ко врачу такому-то; онъ составитъ тебѣ лѣкарство, отъ котораго ты, можетъ быть, выздоровѣешь. Я пошелъ. Пришелъ врачъ написалъ рецептъ и сказалъ: «Лѣкарство стоитъ 14 рублей. Если ты его выпьешь, можетъ быть, выздоровѣешь; а если не выпьешь, умрешь чрезъ 14 дней. У тебя случится разрывъ сердечной вены». Я отсчиталъ 14 рублей. Проснулся. Заснулъ еще; мнѣ говорятъ: «Тебѣ на почтѣ присланы хлѣбъ, вино и елей». Рабъ Твой есмь, Господи Іисусе: буди воля Твоя! (Смотри 18 и 19 Іюля въ этой книгѣ. Но и письмо изъ Казани, отъ 20 Сентября, полученное мною здѣсь, въ Перервѣ, 5 Октября, служитъ къ наблюденію моему! Благъ есть Господь Богъ нашъ! 8 Октября 1870 г.).

Всталъ въ 5 часовъ. Послѣ толикихъ сновидѣній я захотѣлъ, кромѣ келейной молитвы, помолиться во храмѣ. Послалъ къ священнику, сказали, нездоровъ. А крестьяне, собравшіеся у крыльца, стали горько жаловаться на священника: «пьянствуетъ, не служитъ и въ Воскресеніе и въ великіе праздники, не исполняетъ требъ». Мнѣ однакоже хотѣлось быть во храмѣ. Попросилъ отыскать церковнаго старосту и попросить ключи отъ церкви. Идетъ священникъ, безъ рясы, трясущійся; чернота въѣлась въ лице его; едва движется, будто полусонный, среднихъ лѣтъ. Я пошелъ за нимъ. Вошли въ церковь верхнюю. Здѣсь, за правымъ клиросомъ (кажется) колоссальнаго размѣра, въ кивотѣ, образъ Спасителя Нерукотвореннаго, уважаемый во всей окрестности; есть преданіе, что этотъ образъ Ермака Тимоѳеича, завоевателя Сибири. Я помолился. Потомъ вошелъ въ алтарь, приложился къ престолу, помолился со слезами. Далъ два рубля: одинъ на святость, другой духовенству, прося ихъ молитвъ. Священникъ былъ тронутъ. Надѣлъ эпитрахиль и поручни, благоговѣйно перекрестился, сталъ у престола, раскрылъ Евангеліе и, вынувъ изъ него маленькую красную ленту, подарилъ мнѣ ее. Я принялъ благоговѣйно. (Жаль: кажется, я затерялъ ее дорогою).

При выходѣ изъ церкви подошелъ ко мнѣ другой священникъ, молодой, ученый, изъ Калужскихъ. Я ему сказалъ: «На твоего товарища жалуются крестьяне, что онъ за нетрезвостію мало служитъ и не исполняетъ требъ. Тебѣ бы слѣдовало заступить немощнаго и послужить за него». Легкомысленный, говорунъ и занятый собою, засыпалъ меня рѣчами.

Замѣчаніе о *14 дняхъ сна.* Вставши рано, не трогая спящихъ ребятъ и помолившись, я сѣлъ читать Св. Писаніе. Читаю 2-е посла-

ніе къ Коринѳянамъ три главы (какія слѣдуютъ) и въ нихъ читаю: *Прежде лѣтъ четыренадесяти*! Я пріостановился, перекрестился. Дивлюсь, хотя не понимаю и не смѣю помыслить ровняться съ великимъ апостоломъ Павломъ.

2-го Іюля, въ день моего выѣзда, назначенъ бранный обѣдъ у о. протоіерея. Домъ его въ нижнемъ городѣ, отъ архіерейскаго дома версты двѣ, а почтовый дворъ еще дальше. Мнѣ уже незачѣмъ было возвращаться въ архіерейскій домъ; протоіерей на пути мнѣ. Потому я еще утромъ послалъ подорожную на станцію и сказалъ, чтобы къ двумъ часамъ лошади были готовы. Получилъ и отвѣтъ, будутъ готовы лошади. Мы съ преосвященнымъ въ 12 часовъ поѣхали на обѣдъ. Въ часъ обѣдъ. Въ два кончился. Спрашиваю о лошадяхъ; сказываютъ: еще нѣтъ ихъ. Предчувствуя затрудненія, я попросилъ о. протоіерея послать нарочнаго на станцію. Ждемъ часъ, лошадей нѣтъ. Мы пообѣдали. Сидѣть даромъ тягостно. Вице-губернаторъ послалъ казака: воротился, сказалъ будутъ готовы лошади. Ждемъ еще часъ. Нѣтъ лошадей. Г. Вице-губернаторъ заскрежеталъ зубами, послалъ другого казака. Въ половинѣ пятаго пріѣхала повозка; ямщикъ одни лоскутья вонючія, лошади дрянь. Г. вице-губернаторъ сказалъ: «Смотритель Полякъ и недавно поступилъ». Конечно ему будетъ вразумленіе. А однако, конечно, зная все это, Полякъ согласился пожертвовать собою, чтобы не упустить случая раздосадовать и опозорить Русскаго архіерея. Такъ я это понимаю. Въ Сибири почти всѣ управленія у Поляковъ. Ихъ наказываютъ этимъ!

1 станція, *Созоновская*—село. Церковь хорошая, кажется, каменная. Есть рѣка большая, но мы не переѣзжали ея. Переѣздъ 32 версты. Закусили, пьемъ чай. Видѣли дорогою два озера. Одно съ версту, а другое большое, верстъ семь. Вчера на этихъ мѣстахъ былъ обильный дождь (вчерашняя туча). Пыли нѣтъ. Есть лужицы. Воздухъ свѣжій; глотаемъ его съ наслажденіемъ.

2 станція, *Вилижанская*—село. Переправлялись чрезъ рѣку Турà. Будетъ 100 саженъ. Вода красная, мутная, течетъ тихо. Красный лѣсъ, строевой. Болотисто. Настилки на дорогѣ мучаютъ. Жнутъ хлѣбъ. Старуха накормила клубникою (мелка и незрѣла).

3 станція, *городъ Тюмень*. Не доѣзжая его верстъ за десять, мы съѣхались съ Сибирскимъ трактомъ, который, для Тобольска, оставили въ селѣ Абацкомъ 28-го Іюня.

Мы сдѣлали лишнихъ около 200 верстъ.

X. Городъ Тюмень.

Онъ Тобольской губерніи. Городъ большой. Седьмъ церквей и монастырь. Расположенъ по рѣкѣ Турѣ, по обоимъ берегамъ. Главное же жительство на правомъ высокомъ берегу.

Поперекъ городъ не широкъ, а въ длину около четырехъ верстъ. Конецъ его, къ Москвѣ, самый высокій; на вершинѣ его монастырь, отдѣляющійся отъ города глубокимъ оврагомъ.

Сюда недавно переведено главное управленіе ссыльными. Ихъ здѣсь сортируютъ и пріурочиваютъ по губерніямъ Сибирскимъ.

Городъ купеческій, богатый, но мужицкій и грязный. Переполненъ свирѣпымъ расколомъ. Монастырь окруженъ одними раскольниками.

Тюмень, и по прежнему, мѣсто остановокъ и перегрузки товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Сибирь и обратно въ Россію изъ Сибири. Но съ недавняго времени, когда заведено пароходное плаваніе отсюда до Томска (чрезъ рѣки Туру, Тоболъ, Иртышъ, Обь и Томь), на пространствѣ болѣе 1500 верстъ, Тюмень дѣлается важною пристанью.

Я попросилъ дозволенія остановиться въ монастырѣ и ночевать здѣсь ради Воскресенія Христова и памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго. Меня приняли вѣжливо. Дали для помѣщенія хорошія комнаты казначея, который на это время перешелъ въ другія келіи.

Былъ у всенощнаго. Пѣніе и служба приличныя, степенныя, неспѣшныя. Служилъ однако одинъ іеромонахъ съ діакономъ, оба старцы.

Немного грустно было, что служба была просто воскресная, и святой воспоминался Аѳонасій Аѳонскій, о преподобномъ же Сергіи не было воспоминанія. Тутъ однакоже не то, чтобъ было намѣренное неуваженіе, невниманіе, а просто невѣжество: служба преподобному Аѳонасію въ Минеѣ впереди, ее и пропѣли. Такъ монастыри наши переполнены крестьянскимъ невѣжествомъ. Храмъ во имя Пресвятыя Троицы, высокій, обширный, свѣтлый. Иконостасъ многоярусный, тоже большой. Храмъ возобновленъ недавно.

Здѣсь, въ паперти, почиваетъ митрополитъ Тобольскій Филоѳей, а въ схимѣ Ѳеодоръ, современникъ Петра Великаго, бывшій въ Туруханскѣ и потрогавшій мощи блаженнаго Василія Мангазейскаго, за что едва не потонулъ, но раскаялся и ублажилъ святаго.

Есть и другая церковь теплая. Монастырь обстроенъ хорошо, пространный, весь каменный. Ночевалъ покойно, хотя пугали клопами.

5-е число Іюля. Воскресеніе. Преподобнаго Аѳонасія Аѳонскаго и Сергія Радонежскаго.

Литургію служилъ архимандритъ Владиміръ соборнѣ, съ двумя старцами іеромонахами. Въ церкви было немного людей. Пахнетъ расколомъ. Подходили однако уважительно къ благословенію.

Архимандритъ, вчера и сегодня, заговорилъ меня, и оставался у меня все время, и ужиналъ, и обѣдалъ со мною. Не далъ мнѣ ни съ кѣмъ поговорить еще, ни походить по монастырю, ни посмотрѣть, ни отдохнуть, ни исправить моихъ дѣлъ, ни заняться перомъ: несносный угодникъ и межъ тѣмъ весьма неискренній. Вотъ сортъ людей наипаче презираемый мною. Онъ Казанскій семинаристъ; былъ учителемъ въ Чебоксарскомъ духовномъ училищѣ, постриженъ въ монахи Филаретомъ Казанскимъ. Просилъ меня исходатайствовать о переводѣ его отсюда въ Казань въ Кизичскій монастырь или въ Москву: «Бѣдный монастырь—нечѣмъ жить». Я пожалѣлъ о суетности его. Видъ его почтенный, онъ повыше меня, весь сѣдой, но еще свѣжій и бодрый. Я еще не исполнилъ порученности его, но думаю исполнить, письменно.

(Исполнилъ. Писалъ Казанскому архіепископу и получилъ уже отвѣтъ, 13-го Января 1871 года).

Казначеемъ здѣсь вдовый священникъ, за тридцать лѣтъ. Унылый. Его опредѣлилъ преосвященный, наипаче съ цѣлію завести раціональное хлѣбопашество на монастырскихъ земляхъ, въ видахъ улучшенія состоянія монастыря. Казначей, повидимому, держитъ себя независимо отъ архимандрита, почитая себя особою властію. Вотъ что значитъ вмѣшательство архіерея въ чужія дѣла. У казначея въ клѣткѣ бьется птичка, щеголъ иль чижъ, недавно посаженная. Я желалъ купить у него ее, чтобъ выпустить,—не согласился.

Въ монастырѣ три церкви: а) Троицкая, холодная, главная; б) апостоловъ Петра и Павла, теплая; в) Св. Димитрія Солунскаго, третья (она запущена и разрушается). Всѣ онѣ строены преосвященнымъ Филоѳеемъ, и самый монастырь основанъ имъ же.

Вчера приходилъ ко мнѣ изъ города діаконъ, такъ, лишь изъ любопытства. Я поговорилъ съ нимъ: вѣжливый, степенный и неглупый человѣкъ. Много хорошихъ рѣчей о городѣ, о церквахъ, о духовенствѣ. Оно не бѣдно, потому что, кромѣ раскольниковъ, есть и православные, съ состояніемъ и незабывающіе духовенства.

Здѣсь, близъ города, на рѣкѣ, сгорѣла въ этомъ году баржа, нагруженная дорогимъ товаромъ, шелковыми и шерстяными и бумажными издѣліями, сгорѣла до тла. На ней было товару (можетъ быть, на всю Сибирь) на 600,000 р. Можно весьма подозрѣвать, что баржа сожжена злодѣями намѣренно. а) Баржа, богатѣйшая всѣхъ прочихъ; б) товаръ не столь воспламеняющійся быстро, какъ напримѣръ, порохъ, спиртъ, сало, масло. Ее зажгли, видно, такъ искусно, что нельзя было приступить къ тушенію. Злодѣи, говорятъ, предварительно обводятъ судно (иль домъ) воспламеняющимся мгновенно составомъ и потомъ зажигаютъ.

Кто это сдѣлалъ, если не Полякъ, злодѣй наипаче Россіи! Произведено слѣдствіе, названъ пожаръ: «отъ неосторожности рабочихъ». Бѣдные два купца, чей пароходъ, обязаны выплатить сіи 600,000 рублей тому, чей товаръ. (Половину платитъ Григорій Козмичъ Каменскій, Пермскій купецъ, на пароходѣ котораго я поплыву отъ Перми до Нижняго).

Здѣсь я получилъ письмо изъ Красноярска, отъ 20 Іюня, отъ о. каѳедральнаго протоіерея. Тамъ все благополучно. Мнѣ поклоны, даже изъ Иркутска. Отсюда до Екатеринбурга вольная почта. Я взялъ билетъ на 4 лошади и заплатилъ 36 рублей.

XI. Отъ Тюмени до Екатеринбурга.

1 станція, *Успенское*—село. Преисполнено раскольниками. Село большое, дома богатые, но улицы узки жалостно, не болѣе пяти саженъ: вотъ злодѣи другого разряда и тоже Поляки (они вездѣ во всѣхъ канцеляріяхъ и вѣдомствахъ) сплюснули селеніе такъ, что на улицѣ едва могутъ разъѣхаться двѣ телѣги. Одна сторона улицы смотритъ въ другую, даже можешь слышать разговоры (если отворено окно).

И весьма непріятно вмѣсто улицы видѣть щель въ селеніи, которое разстилается на версту и болѣе длиною. При томъ страшная грязь на улицѣ и зловоніе. Вотъ Сибирь! Вотъ Полякъ, правитель ея!

Тутъ на станціи мнѣ рекомендовали купить коверъ. Работаютъ ковры хорошіе. Я купилъ бы, еслибъ ѣхалъ въ Сибирь; ѣду въ Москву.

Ѣдемъ грязью. Болотистый грунтъ. Злая настилка мелкихъ бревешекъ производитъ толкотню премучительную и замедляетъ ѣзду.

2 станція, *Тугулымская*—село. Каменная церковь. Рѣка. На переѣздѣ мы еще проѣхали двѣ рѣки. Здѣсь ночуемъ. Хорошій двухъэтажный домъ. Кажется, раскольники. Многосемейный домъ: ужинали до пяти мужиковъ бравыхъ, и женщинъ мелькало немало. Я, впрочемъ, не оскорбленъ, ниже видомъ.

Видѣли до седми и болѣе столбовъ телеграфа, разбитыхъ молніею. Два разбиты въ щепы, одинъ разсѣченъ поперекъ; струна лежитъ на землѣ и перешибена, но другая держится.

На этомъ же переѣздѣ, въ 7-мъ часу вечера, я ощутилъ, что у меня за правымъ плечомъ жалобно визжитъ какая-то муха. Я остановилъ лошадей. Слѣзъ, снялъ рясу, мухи нѣтъ. Снялъ подрясникъ и между нимъ на рубахѣ Ѳедоръ снялъ большую муху сѣро-пепельнаго цвѣта, можетъ быть осу или шерстня. Она слетѣла и тотчасъ сѣла на цвѣтокъ; впилась въ него такъ крѣпко, что мы не согнали ея съ него. Я надѣлъ этотъ подрясникъ въ монастырѣ, въ 8 часовъ утра, былъ въ немъ у литургіи, обѣдалъ, простился, поѣхалъ, проѣхалъ почти двѣ станціи, и эта муха 11-ть часовъ сидѣла на плечѣ моемъ жива и не ужалила меня: милостивъ мнѣ Господь! И откуда она въ монастырѣ, въ полузакупоренной келіи. (До меня казначей ни разу не открывалъ оконъ: я открылъ впервыя).

6-е число Іюля. Понедѣльникъ. Св. Сисоя. Іуліаніи княжны.

Всталъ въ 5 часовъ. Злокачественный потъ. Просыпаясь твержу: «*Да неречеши въ сердцы твоемъ: кто взыдетъ на небо.... Близъ ти есть глаголъ, во устѣхъ твоихъ и въ сердцы твоемъ, сирѣчь глаголъ вѣры...* Римл.

1 станція, *Марково*—село. Это уже *Пермская губернія.* 28 верстъ ѣхали 4 часа. Грязь. Дорога-гать самая дурная, полусогнившая. Полотно дороги приподнято, насыпано съ валомъ: дорога - гуща грязи. Колеи неровныя, глубокія ямы и непрестанные толчки. Мы забыли на станціи билетъ нашего проѣзда; ямщикъ ворочался верхомъ, отпрягли лошадь (версты на двѣ). Зацѣпили повозкою за столбъ телеграфа (желая выѣхать съ дороги) и повредили зонтикъ повозки. Встрѣтили телеграфиста, ѣдущаго съ аппаратами для починки поврежденныхъ молніею столбовъ. Направо и налѣво сгорѣлъ лѣсъ нынѣшнею весною, красный, почти строевой. Онъ пропалъ. Былъ густъ и опаленъ сильно,—засохъ. По тротуарамъ дороги появились березы въ два ряда: памятникъ царствованія Александра Павловича; березы, уже настоящее дерево, вѣтвистыя, очень красивыя.

2 станція, *Сугатская*—деревня. Станціонный домъ на манеръ этапа. Здѣсь грязь не глубока, дорога засыпана пескомъ, высыхаетъ, колеи не глубоки. Начинаютъ виднѣться налѣво отдаленныя возвышенія земли,—предтечи Урала.

3 станція, *Пылаево*—деревня. (Нѣсколько деревень небольшихъ, на малыхъ разстояніяхъ, у рѣки. Между ними село, хорошая каменная церковь). Страшная толкотня. Ямщикъ ѣдетъ по колеѣ, а она ямами и наталкивается на деревянную настилку, скрытую подъ пескомъ. Тяжко и намъ; но я боялся за повозку, не расшаталась бы и не разсыпалась бы совершенно. Стали подниматься выше и выше. Встрѣтили партію поселенцевъ и арестантовъ: ихъ везутъ на тройкахъ, по шести, седьмой солдатъ съ саблею. Есть линейки особаго устройства. Видѣлъ линейку покрытую проволочною сѣткою: это тяжкіе преступники. Есть дѣти малыя. Есть, повидимому, цѣлыя семейства: мужъ, жена и дѣти, даже грудныя. У всѣхъ лица мертвенныя. *Точное свѣдѣніе.* Насъ встрѣтили четырнадцать троекъ, въ нихъ сто четырнадцать арестантовъ и поселенцевъ. Съ Мая по Сентябрь ихъ провозятъ ежедневно. Въ Іюнѣ провезено 2800 человѣкъ. Перевозитъ тотъ же содержатель почтъ, по особому условію, отъ Перми до Тюмени (800 верстъ и не больше); все это сказалъ мнѣ умный и обязательный смотритель станціи.

4 станція, *Черемышенская*—большая деревня. Ямщикъ везъ хорошо. Тряска малая. Обогнали огромный обозъ, до 100 возовъ. Къ концу переѣзда настигла гроза. Я посадилъ іеродіакона Іустина къ себѣ въ повозку (онъ сидѣлъ на козлахъ). Подъѣхали къ станціи, вошли въ нее. Расположились ночевать. Выбрали постель, съѣстное, проч. Гроза усилилась. Одинъ ударъ былъ надъ самою головою; были и еще два великіе удара. Минутъ 20 былъ ливень, весьма наводнившій землю.

Станція хорошая. Смотритель и жена его, люди молодые, приняли меня съ глубокимъ уваженіемъ и старались всячески услужить. Они накормили меня чѣмъ-то (кромѣ молока и яицъ). У меня тяжко разстроился животъ.

7-е число Іюля. Вторникъ. Св. Ѳомы Малеина. Евфросины, Евдокіи, супруги князя Димитрія Донскаго.

Всталъ, помолился. Тревожитъ разстройство живота. Послѣ нищихъ, съ коими я подѣлился, подходитъ къ окну Цыганка. Послѣ умоленій о помощи она наговорила мнѣ пророчествъ (какъ это у нихъ обычно). Я вышелъ къ ней, далъ 30 копѣекъ (она мать дѣтямъ) и сказалъ: «Я архіерей. Твои рѣчи выслушивать мнѣ неприлично. Будущее во власти Божіей. Не совѣтую тебѣ пророчествовать и восхищать славу Божію, не будучи послана на сіе отъ Бога». Цыганка умолкла.

Пасмурно. Виситъ дождь. Чувствую и тяжесть въ животѣ. Грущу. Ѣдемъ.

1 станція, *городъ Камышловъ*, при маленькой рѣчкѣ, которая разсѣкаетъ городъ пополамъ. Мѣстность волнистая крупно. Изрядный го-

родъ. Три церкви. Въ воздухѣ паръ отъ дождей. Станціонный домъ на площади противъ красивой часовни, въ память 4 Апрѣля, двухъэтажный. Пью чай съ чернымъ хлѣбомъ въ видахъ исправленія живота.

Прислуга на станціи вѣжливая, уважительная. Лишь сѣлъ я въ повозку, со мною сдѣлалось дурно: открылась рвота. На меня смотрятъ изумленные, окружившіе повозку (узнали, что я архіерей). Какое разительное для меня испытаніе! Смотрѣвшіе на меня могли подумать, что я пьяный и отъ піянства терплю сей срамъ. Сжалось сердце мое. (По всей вѣроятности меня окормилъ вчера услужливый смотритель съ женою. Я ѣлъ насильно, чтобъ ихъ не обидѣть).

2 станція *Паршино*, кажется деревня. Я одѣлся въ лисью рясу: чувствую ознобъ.

3 станція, *Бѣлѣйская*—деревня. Я не выходилъ изъ повозки. Свѣжо. Сѣверный вѣтеръ. И еще нѣсколько деревень на переѣздѣ и село, каменная церковь. Заселеніе густое. Кажется, тутъ раскольники.

Насъ миновала опять партія арестантовъ, на тройкахъ. Далъ рубль. Переѣхали большую рѣку *Пышма* или *Пырма*, по мосту. Вода почти стоячая (можетъ быть, ниже есть мельница). Дорога мягче, ѣдемъ покойнѣе и скорѣе; поднимаемся все выше и выше. Показалась красная глина, полу-дресвяная, полу-каменная (таковъ Уралъ: бѣлый камень съ красно-кирпичнымъ).

Вчерашняя гроза и ливень простерлись и доселѣ.

4 станція, *Бѣлоярское*—село. Каменная церковь. Ѣхалъ бѣдственно. Грубый ямщикъ, за мое слово: «Не умѣешь ѣздить», хотѣлъ вступить со мною въ ссору, свирѣпо взглянувъ на меня и, вызывая, нагло вскрикнулъ: «Нѣтъ, я умѣю!» Я замолчалъ. (Онъ неожиданно ударилъ лошадей и завизжалъ; лошади бросились и заметали насъ грязью. комъ грязи ударилъ мнѣ въ глазъ). Затѣмъ ямщикъ поѣхалъ почти шагомъ. 26 верстъ ѣхали три часа. Каменная колея (появился горный камень). На станціи какой-то расчетъ съ ямщиками и пирушка.

5 станція *Косулино*. Пріѣхали въ 10 часовъ. Темная ночь. Ночуемъ. Дали, спасибо, уединенную комнату. Сегодня я не ѣлъ весь день отъ Камышилова. На ночь поѣлъ хлѣба съ квасомъ. Опять встрѣчные обозы.

Грязь. Ямщикъ ѣдетъ непремѣнно по колеѣ, хотя она страшно разболтана и имѣетъ каменныя ямы. (Усыпаютъ дорогу красною дресвою и камнемъ, которые здѣсь уже въ изобиліи и лежатъ подъ тонкимъ пластомъ бурой земли). Весь день моросилъ мелкій дождь. Грязь увеличилась. Повозка сильно нагибается на лѣвую сторону; боюсь разрушенія ея.

8 число Іюля. Середа Св. Прокопія и Прокопія. Казанскія Божія Матери.

Спалъ не худо. Въ три часа ливень и гроза; молнія (я очень боюсь). Ужасное испытаніе! До шести часовъ опять уснулъ. Во снѣ грезы нечистыя и пугающія гибелію и срамомъ. Просыпаясь твержу: «*Яко*

у Господа милость, и Той избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его. Проплакалъ, помолился, ободрился. Ѣдемъ.

1 станція, *городъ Екатеринбургъ.* Переѣздъ 25 верстъ, но мы ѣхали три часа. Было три дождя на этомъ переѣздѣ, и въ Екатеринбургъ выѣхали въ сущій ливень. Страшная грязь. Верстъ за пять передъ городомъ началась насыпь дороги не щебнемъ, а крупными обломками гранита. (Такъ и въ самомъ Екатеринбургѣ, такъ и по всему Уралу). Ужасная, доселѣ неиспытанная мною въ жизни ѣзда. Лучше нельзя ѣхать, какъ шагомъ и безпрестанно толкаясь.

Лишь въѣхали въ городъ, слышимъ благовѣстъ и звоны въ церквахъ (къ литургіи). Для меня это было весьма чувствительно. Великій день Казанскія Божіей Матери, подъ кровомъ которой я служилъ въ Казани болѣе седми лѣтъ. Мы ѣхали городомъ болѣе двухъ верстъ.

Преосвященный Вассіанъ Екатеринбургскій (Викарій Пермскій) принялъ меня братолюбно. Мнѣ приготовлена особая комната, отлично убранная и уединенная. Преосвященный поѣхалъ въ пріютъ, куда его пригласили служить молебенъ: тамъ исправлялась либо годовщина, либо обновленіе.

Здѣсь я встрѣтилъ архимандрита Гавріила, настоятеля Верхотурскаго монастыря. Онъ благочинный на этой сторонѣ Урала: объѣзжаетъ порученные ему монастыри, мнѣ знакомый. (Когда я былъ ректоромъ въ Вяткѣ, о. Гавріилъ, тогда Григорій Леонтьичъ Любомудровъ, протоіерей, вдовый, былъ профессоромъ церковной исторіи въ Вятской семинаріи). Съ нимъ мы и обѣдали. Говорунъ, постарше меня, но совершенно здравый. Обѣдъ и ужинъ, и сегодня, и завтра, поварскіе, браные, не пышные, но деликатные и весьма довольные.

Преосвященный Вассіанъ весь сѣдой, хотя совершенно здравый и свѣжій силами. Малороссъ, Полтавскій (съ Сѣверо-запада) говоритъ по малороссійски. Живой и смѣлый, наблюдательный и критическій взглядъ. На службѣ онъ не очень счастливъ. Служилъ въ Волыни, въ Петрозаводскѣ, въ Астрахани, въ Черниговѣ (при Филаретѣ), былъ уволенъ и былъ просто настоятелемъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, отсюда недавно взятъ въ епископа. Складъ ума, тенденціи и воззрѣнія Малороссійскіе, не мирные противъ Великороссовъ. Особенно тяжки и рѣзки рѣчи о преосвященномъ Филаретѣ Черниговскомъ. Надо же было, чтобы со столь идіотичнымъ и живымъ Малороссомъ встрѣтился Великорусскій, упорный и надменный (рѣдкость между нами) самообольщенный Филаретъ. Онъ, кажется, и низринулъ преосвященнаго Вассіана изъ учебной службы. По смерти Филарета у него найдено 12,000 рублей. (Немного. Онъ былъ сочинитель. Написалъ много книгъ).

XII. Городъ Екатеринбургъ.

Послѣ обѣда уснулъ. Распорядился починкою повозки (и она здѣсь починена истинно-честно, правильно, разумно. Я доѣхалъ до Перми совершенно покойно, и повозка уцѣлѣла, хотя, какъ увидимъ, этотъ переѣздъ былъ самый ужасный и бѣдственный, по горамъ и спускамъ, по гранитной насыпи и каменистой землѣ).

9 число Іюля. Четвергъ. Св. Панкратія.

Ночь спалъ на чистой и мягкой постелѣ, въ совершенной тишинѣ, на свѣжемъ воздухѣ, сущее блаженство! А однако разстройство живота преслѣдуетъ меня. Утромъ написалъ два письма: въ Красноярскъ и Тобольскъ. Послѣднее нужное (см. 28 Іюня и проч.).

Въ 10 часовъ съ преосвященнымъ поѣхали на обозрѣніе города. Были: а), въ Екатерининскомъ соборѣ, б), въ каѳедральномъ соборѣ. Богатые соборы и вновь еще и еще расширяются и украшаются. Каѳедральный, кажется, двухъэтажный. И стѣны расписаны. Иконостасы новые, подъ золотомъ. Много хрусталей горныхъ и топазовъ. Есть крестъ изъ цѣльнаго желтоватаго топаза. Иконы писаны самою степенною и безъ укоризненною живописью. Въ обоихъ храмахъ стеклось много народа, и благоговѣйно подходили къ благословенію.

Въ городѣ два храма единовѣрческихъ, и оба стоятъ на лучшихъ мѣстахъ города. *Первый* на площади; имѣетъ на фронтонѣ, надъ западнымъ входомъ, надпись: *Съ нами Богъ, разумѣйте языцы*. Единовѣрцы (я ихъ почитаю раскольниками), конечно, сею надписью хотѣли сказать: Мы-де истинные поклонники Богу. А вы, православные, то же, чтó язычники. Я бы не дозволилъ имъ сдѣлать такую надпись. *Вторый*, — въ виду архіерейскаго дома, впереди его. Оба храма огромные.

Мой келейникъ, Ѳедоръ, увлеченный послушниками архіерейскаго дома, былъ въ одной изъ этихъ единовѣрческихъ церквей и сказалъ мнѣ простодушно: «храмъ огромный, великолѣпный, блеститъ золотомъ и серебромъ, но въ немъ такой дурной запахъ, что я не могъ быть долго, будто въ пустынѣ». «Я спросилъ (продолжаетъ Ѳедоръ) тутошняго сторожа, отчего такой дурной запахъ? Тотъ отвѣчалъ: я не чувствую, а можетъ быть отъ кадила». Нѣтъ, это смрадъ духовный (я думаю), смрадъ хулы на церковь Божію, смрадъ своевольствъ и ослушанія и, можетъ быть, смрадъ нравственный и плотской грязи, въ коей валяются, яко свиніи, невѣжествущіе старообрядцы.

Отъ соборовъ мы поѣхали въ женскій монастырь. Великолѣпный монастырь имѣетъ до пяти отдѣльныхъ церквей; двѣ изъ нихъ пространныя, свѣтлыя, сущіе соборы. Все обновлено или ново, сіяетъ. Монастырь называется *Ново-Тихвинскій*, 1-го класса. Игуменія разумная. Сестеръ много. Кругомъ корпусá двухъэтажные. Самъ монастырь имѣетъ версту въ квадратѣ, и около него сады и огороды, ихъ еще такая же верста чрезъ монастырь. Даже, кажется, въ немъ самомъ зародился родникъ, столь обильный чистою и легкою водою, что составляетъ почти рѣчку, которая, протекая по городу, пересѣкаетъ садъ архіерейскаго дома. Въ монастырѣ семъ заводъ дѣланія восковыхъ церковныхъ свѣчей въ широкомъ размѣрѣ. Въ ризницѣ не одна сотня ризъ, и однихъ богатыхъ и новыхъ ризъ до 30—40. Вообще все чисто, въ порядкѣ, убрано. Лица монахинь кроткія, цѣломудренныя, чистыя, довольныя. Радуется сердце быть въ такой общинѣ.

Городъ Екатеринбургъ богатый и красивый. Есть дома грандіозные и изящные: составили бы украшеніе и въ столицѣ. Улицы широкія, есть хорошія площади.

Здѣсь монетная (мѣди) и гранильная фабрики. Управляютъ иностранцы. Ихъ дома и заведенія сущіе дворцы.

Среди города течетъ рѣка *Исеть*, горная съ ребръ Урала, многократно перепруженная. Имѣетъ пруды или озера. Городъ стоитъ на скатѣ къ Востоку. Мостовая изъ кусковъ бѣлѣсаго гранита, довольно безпокойная: нельзя ѣхать скоро, толкаетъ.

Видъ города, съ выѣзда въ Россію, весьма красивый: бѣлый, т. е. каменный городъ.

Власть и богатство у иностранцевъ. Русскіе, работники. Немного самостоятельныхъ. Я не покусился быть на монетномъ дворѣ и въ гранильной: опасался презрѣнія; тамъ одни иностранцы.

Есть однако въ городѣ милліонеры и почти всѣ раскольники. Главные богачи золотопромышленники. Объ одномъ изъ нихъ сказали повѣсть. Онъ просилъ у Государя дозволенія вызолотить крышу своего дома (дѣйствительно богатаго, огромнаго, великолѣпнаго, изящнаго на рѣкѣ Исети). Государь ему отвѣчалъ: «дозволю, но прежде позолоти крыши Екатеринбургскихъ церквей». Богатый задумался. Крышъ на церквахъ не позолотилъ, а оттого и свои крыши остались не золочеными. Дѣтская сказка, но она свидѣтельствуетъ о великомъ богатствѣ купца. Кажется, онъ либо раскольникъ, либо единовѣрецъ (что́ почти тоже). Православные же—работники!

Я былъ въ банѣ у преосвященнаго. Она въ саду у него, у рѣчки (что̀ изъ дѣвича монастыря) и у пруда. Воды изобиліе. Я былъ весь въ пыли и грязи. Особенно голова. Я ее чесалъ несносно. Завелись насѣкомыя. Омылся и сталъ бодръ, веселъ и покоенъ. (Я не мылся съ Красноярска).

Архіерейскій домъ очень хорошій. Строенъ дворяниномъ. Въ два крупныхъ этажа. Каменный. Есть домовая церковь. Довольная площадь, есть службы. Хорошій садъ, примѣрно 40—30 саженъ. Деревья рослыя, благоухающія, лиственныя.

Имѣлъ продолжительныя бесѣды съ преосвященнымъ. Онъ мнѣ между прочимъ разсказалъ нѣсколько событій съ самимъ мною и особенно изъ моей Петербургской жизни и службы у оберъ-прокурора Сѵнода графа Протасова. Удивительно: многое сказано лучше, нежели какъ я понималъ самъ; а еще больше весьма невѣрно.

Преосвященный Вассіанъ смѣлаго ума, широкаго взгляда, склоненъ къ современности, хотя и строго ее цѣнитъ. Его администрація и архіерейская власть въ Екатеринбургѣ и по сю сторону Урала не малая, далеко выше, жизненнѣе и полнѣе моей ничтожной администраціи викарнаго въ Казани и особенно при преосвященномъ Аѳанасіи.

10 число Іюля. Пятница Преподобнаго Антонія Кіевскаго. Коневскія Божія Матери.

Просыпаясь, говорю: *дондеже изведетъ въ побѣду судъ* (Исаіи 53 глава). Душею веселъ и умиленъ, но наводитъ грусть разстройство живота. Преосвященный угощаетъ разнообразными дворянскими кушаніями и изобильно, питіе веселящее.

Вчера вечеромъ игуменія (Магдалина) привезла и подарила мнѣ ящикъ бѣлыхъ восковыхъ свѣчей фунтовъ 20 (спасибо ей; тутъ и носочки мнѣ. Я все привезъ въ Перерву, и доселѣ молюсь при ея свѣчахъ. *15 Октября 1870 года*). Она просила меня обѣдать у нея сегодня. Я далъ слово, хотя преосвященному Вассіану повидимому этого не хотѣлось.

Были, обѣдали, игуменія всячески старалась угодить мнѣ и меня ублажала, конечно, какъ гостя. Но преосвященному Вассіану это было непріятно. Онъ началъ бѣдную игуменію оговаривать. Весьма непріятно было это слышать и видѣть.

Обѣдъ дворянскій, чистый, деликатный.

Каѳедральный протоіерей здѣсь изъ Казанской Духовной Академіи, 1-го курса, человѣкъ солидный. Другой протоіерей, или ключарь, подарилъ мнѣ книжицу, въ коей подробно описано созданіе, расширеніе и украшеніе каѳедральнаго собора.

ПИСЬМО С. Т. АКСАКОВА КЪ ГРАФУ Д. Е. ОСТЕНЪ-САКЕНУ.

Многоуважаемый графъ Дмитрій Ероѳеевичъ.

Я бы самъ былъ у васъ, но я не выѣзжаю и потому не могу лично поблагодарить васъ за ваше обязательное посѣщеніе. Позвольте хоть письменно принести вамъ мою душевную благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявить вамъ все мое глубокое уваженіе къ высокимъ достоинствамъ вашимъ. Преданный и покорнѣйшій слуга Сергѣй Аксаковъ.

Безъ числа.

ДВА ПИСЬМА И. С. АКСАКОВА КЪ ГРАФУ Д. Е. ОСТЕНЪ-САКЕНУ *).

1.

Милостивый государь графъ Дмитрій Ерофеевичъ.

Приношу искреннѣйшую благодарность вашему сіятельству за теплыя дружественныя строки ваши, глубоко тронувшія мое сердце, и спѣшу увѣдомить васъ, что я не получалъ никакого письма отъ г. Менье, а получилъ только рукопись, такъ что былъ поставленъ въ совершенное недоумѣніе: отъ кого она и для чего? По полученіи же письма отъ васъ, многоуважаемый графъ, я немедленно предложилъ редактору Московской газеты *Современныя Извѣстія* напечатать «Невѣдомаго Гостя» въ своемъ изданіи, что́ тотчасъ исполнено, или вѣрнѣе исполняется. По отпечатаніи я немедленно перешлю вашему сіятельству нѣсколько экземпляровъ. Газета эта весьма распространена и весьма сочувственно отнеслась къ нравственному и духовному направленію присланной вами сказки. Сожалѣя, что первое письмо вашего сіятельства не было мною получено, а потому и желаніе ваше не было своевременно исполнено, я пользуюсь случаемъ выразить вамъ, достойнѣйшій человѣкъ и доблестный воинъ, чувства моего глубочайшаго уваженія и искреннѣйшей сердечной преданности.

Иванъ Аксаковъ.

14 Мая 1877 г., Москва.

Примѣчаніе. Къ этому письму была приложена слѣдующая записка И. С. Аксакова.

---

*) Графъ Димитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, извѣстный дѣятель Севастопольской обороны. Изъ сообщаемыхъ писемъ оказывается, что этотъ знаменитый воинъ работалъ и для литературы. *Л. М.* Онъ оставилъ Записки. П. Б.

«Милостивый государь Семенъ Сергѣевичъ! *)

Письмо графа Остенъ-Сакена я получилъ только то, которое вы мнѣ изволили прислать. Прежде сего никакого письма не получалъ, а посылку получилъ, но безъ всякаго увѣдомленія, отъ кого и для чего, почему и ожидалъ извѣщенія. Графу Остенъ-Сакену я буду немедленно отвѣчать. Глубокоуважающій васъ И. Аксаковъ».

12 Мая 1877 г.

2.

Глубокоуважаемый графъ Дмитрій Ерофеевичъ.

Очень сожалѣю, что я не имѣлъ въ рукахъ вашего перваго письма, когда, спѣша исполнить второе письмо ваше, я отдалъ въ печать «Невѣдомаго гостя»... Полагая, что невѣдомый мнѣ авторъ желаетъ только обнародованія своей прекрасной сказки, я не предложилъ редактору газеты *Современныя Извѣстія* никакихъ условій. Она напечатана нумерахъ въ пяти или шести, въ фельетонѣ. Я просилъ редактора выслать вашему сіятельству 10 экземпляровъ. Не только авторъ имѣетъ право перепечатыванія, но если бы ему вздумалось помѣстить ее въ какомъ нибудь журналѣ, онъ могъ бы это сдѣлать безпрепятственно уже потому, что напечатанное въ фельетонѣ газеты никогда не считается вполнѣ напечатаннымъ: не всѣ хранятъ нумера и не всѣ въ состояніи слѣдить за появленіемъ нумеровъ. Но я не знаю, издаются ли еще *Семейные Вечера*; а если нѣтъ,—то въ какомъ бы изъ журналовъ можно было бы помѣстить «Невѣдомаго гостя». Кромѣ *Русскаго Вѣстника*, журнала слишкомъ серьезнаго и важнаго, *всѣ* остальные придерживаются направленія враждебнаго. Покорнѣйше прошу васъ, достопочтеннѣйшій графъ, увѣдомить меня, получили ли вы отъ редакціи *Современныя Извѣстія* 10 экземпляровъ тѣхъ нумеровъ его газеты, гдѣ помѣщенъ «Невѣдомый гость», и сколько именно авторъ этой сказки желалъ бы получить вознагражденія за свое произведеніе. Еще разъ отъ всего сердца благодарю васъ за ваши добрыя, обращенныя ко мнѣ слова и высоко цѣню ваше дружеское расположеніе. Жена моя искренно признательна вамъ за память о ней и свидѣтельствуетъ вамъ глубокое свое уваженіе. Навсегда вамъ преданный и готовый къ услугамъ Иванъ Аксаковъ.

30 Мая 1877 г. Москва.

Примѣч. Вышеприведенныя письма списаны съ подлинниковъ, хранящихся въ имѣніи графа Д. Е. Остенъ-Сакена *Пріютъ* (Херсонск. губ. Елисаветгр. уѣзда) и доставлены намъ *Иваномъ С. Даленко.*

Сообщилъ Левъ Мацѣевичъ.

*) Подгорѣцкій, Московскій почтъ-директоръ.

КАРЛЪ XII-й ВЪ КѢЛЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

Внутреннія междоусобицы, война съ Татарами, недовольство всего народа и (особенно пановъ) правленіемъ короля Польскаго и курфюрста Саксонскаго Августа II, который не исполнялъ обѣщанія не держать въ краѣ 20.000 Саксонцевъ, грабившихъ и опустошавшихъ цѣлыя мѣстности, были первою причиною многихъ бѣдъ, обрушившихся впослѣдствіи на Польшу. Въ это время въ скалистой Швеціи росъ богатырь, военныя доблести котораго занесены золотыми буквами на страницахъ исторіи Скандинавскаго народа. Карлу XII-му едва исполнилось 20 лѣтъ, какъ умеръ его отецъ Карлъ XI-й, и въ эти годы печать генія уже блистала на его челѣ. При первой вѣсти о непріятелѣ, опустошавшемъ его провинціи, молодая рука короля взялась за мечъ, проложившій ему дорогу къ славѣ.

Недовольство народа въ Польшѣ росло. Саксонцы заняли квартиры короннаго войска, своевольничали, производя разныя насилія. Сеймъ 16 Апрѣля 1697 г. выслалъ депутацію къ Августу съ требованіемъ удалить Саксонскія войска; однако требованіе это имѣло послѣдствіемъ только обѣщанія. Не желая лишиться вѣрныхъ ему Нѣмцевъ, Августъ рѣшилъ занять Польскій народъ войною и этимъ оправдать необходимость содержанія чужеземнаго войска въ краѣ. Случай скоро представился. Лифляндія, возвращенная по силѣ Оливскаго договора Швеціи, черезъ своего посланника Паткуля, просила Августа объ освобожденіи ея отъ Шведскаго ига. Примасъ Радзѣіовскій, получившій отъ Лифляндцевъ взятку въ 100 тыс. талеровъ, дѣйствовалъ на Августа въ этомъ направленіи. Король согласился на веденіе войны и возбудилъ этимъ неудовольствіе многихъ пановъ и недовѣріе въ народѣ.

Въ началѣ 1700 г. Карлъ XII узналъ, что Августъ занялъ Лифляндію. Одновременно съ этимъ объявили ему войну Россія и Данія. При такихъ обстоятельствахъ, не прибѣгая ни къ чьей помощи, онъ успѣлъ въ три мѣсяца вооружить свой флотъ, принялъ надъ нимъ

начальство и осадилъ Копенгагенъ. Онъ разбилъ Датчанъ на сушѣ, взялъ съ нихъ дань и заключилъ выгодный договоръ. Затѣмъ онъ устремился на Русскихъ и нанесъ имъ тяжелое пораженіе подъ Нарвой въ Эстляндіи. Послѣ этого, съ 8 тысячнымъ войскомъ онъ обратился противъ третьяго врага, осаждавшаго Ригу. Августъ, не дождавшись Карла, возвратился въ Варшаву, а войско оставилъ подъ начальствомъ генерала Стенау, который при вѣсти о приближеніи Карла расположился на пути его слѣдованія надъ Двиной. Не смотря, однако, на храбрость Саксонцевъ, Стенау былъ разбитъ. Тогда Карлъ рѣшилъ еще сильнѣе наказать Августа и лишить его короны. Онъ объявилъ Рѣчи - Посполитой, что желаетъ жить съ нею въ мирѣ, что рѣшилъ послужить ей безкорыстно противъ угнетателя ея свободы и будетъ помогать ей въ избраніи достойнаго короля. При вооруженной помощи Карлъ возвелъ на Польскій престолъ Познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго, что̀ стоило немало трудовъ и крови. Августъ былъ вынужденъ оставить Варшаву и бѣжать въ Краковъ отъ счастливаго противника, передовые отряды котораго, 22 Мая 1702 г., показались подъ Варшавой. Карлъ остановился на Прагѣ, отстроилъ разрушенный мостъ на Вислѣ и Варшавскій арсеналъ, посѣтилъ Виляновъ, гдѣ съ благоговѣніемъ обошелъ комнаты, осматривая разные предметы и слушая разсказы про освободителя Вѣны отъ Турокъ. Въ Варшавѣ молодой вождь принялъ посольство отъ Рѣчи-Посполитой, состоявшее изъ примаса Радзѣіовскаго, подскарбія князя Рафаила Лещинскаго, Бѣльскаго и др., но на заключеніе мира не согласился. 16 Апрѣля 1702 г. онъ выступилъ съ войскомъ изъ Варшавы, 18 прибылъ въ Тарчинъ [1]), 21-го—въ Новое-Мѣсто надъ Пилицей [2]), 29-го въ Малогощъ [3]), а 30-го въ Кѣльцы, гдѣ занялъ епископскій замокъ и основалъ свою главную квартиру.

Описывая тогдашніе Кѣльцы, Шведскіе хроникеры называютъ его грязнымъ мѣстечкомъ, построеннымъ изъ дерева, а замокъ слабо укрѣпленнымъ.

1 Іюля прибылъ въ Кѣльцы курьеръ съ донесеніемъ о благополучной переправѣ Шведовъ подъ начальствомъ генерала Морни черезъ Вислу подъ Казьмежей. Того же дня Карлъ выѣхалъ навстрѣчу этому корпусу, а на слѣдующій вернулся въ Кѣлецкій замокъ. Цинзендорфъ, посолъ Нѣмецкаго императора, прибылъ въ Кѣльцы и 5 Іюня

[1]) Посадъ Гросцкаго уѣзда Варшав. губ.
[2]) Посадъ Равскаго у. Петроков. г.
[3]) Посадъ Андреевскаго у. Кѣлецкой г.

былъ принятъ Карломъ въ портретной или ауденціальной залѣ. Рѣчь шла о примиреніи враждующихъ сторонъ. Императоръ Фердинандъ II пожелалъ быть посредникомъ между воюющими. Въ этихъ видахъ онъ выслалъ къ Карлу въ Кѣльцы чрезвычайнаго посла Цинзендорфа, а въ Пилзинъ (гдѣ пребывалъ Августъ) Стратмана. Послы, однако, ничего не добились.

Современники такъ описываютъ Карла XII. Это былъ человѣкъ дородный, крѣпкаго мускулистаго сложенія, носилъ коротко остриженные волосы, одѣвался въ грубаго синяго сукна куртку, подпоясанную широкимъ поясомъ; носилъ большія лосинныя перчатки, достигавшія почти до локтя, и сапоги съ длинными голенищами; на шеѣ вмѣсто галстуха онъ завязывалъ толстый черный крепъ; къ боку привѣшивалъ длинную саблю, на которую обыкновенно и опирался, стоя и разговаривая.

Въ то время, какъ Карлъ занималъ Кѣлецкій замокъ, многочисленные Шведскіе отряды шатались въ окрестностяхъ Кѣльцъ, производя грабежи и насилія. Одинъ изъ такихъ отрядовъ былъ введенъ въ засаду въ 7 верстахъ отъ Кѣльцъ въ мѣстности «Словикъ», гдѣ и былъ истребленъ при рѣчкѣ, называемой «Трупенецъ». Названіе это сохранилось въ народѣ до сего времени, а народная легенда гласитъ, что пушки и иные военные снаряды лежатъ и теперь въ руслѣ этой рѣчки.

7 Іюля Карлъ выступилъ изъ Кѣльцъ въ дер. Бильчу [1]) и здѣсь соединился съ прибывшимъ изъ подъ Вислы корпусомъ генерала Морни, а на слѣдующій день Шведскія войска двинулись дальше и расположились между деревнями Кіе, Вержбице и Клишовъ [2]). При вѣсти о приближеніи Карла къ Кракову, Августъ II вернулъ покидавшихъ уже край Саксонцевъ, и съ короннымъ войскомъ и небольшой горстью шляхты (большая часть вначалѣ симпатизировавшихъ ему пановъ оставила его) форсированнымъ маршемъ поспѣшилъ противъ Шведовъ, перешелъ Ниду и расположился въ г. Пинчовѣ, сдѣлавъ его своею главною квартирой. Августъ былъ ловкимъ и стойкимъ вождемъ, его генералы были прекрасно ознакомлены съ военной тактикой, а Саксонцы всегда дрались мужественно, отдаваясь всѣмъ сердцемъ службѣ своему повелителю.

Нетерпѣливый Августъ горѣлъ желаніемъ скорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ, который гордою рукой сбрасывалъ корону съ его го-

---

[1]) Въ 8 в. отъ Кѣльцъ.

[2]) Гмины. Клишовъ Пинчовскаго у.

ловы. 8 Іюля 1702 г. въ годовщину счастливаго перехода Двины), Карлъ вступилъ въ битву. Показанія современныхъ историковъ не согласуются относительно числа войскъ, принимавшихъ участіе въ этой битвѣ; но войска Августа, однако, численностью были сильнѣе, такъ какъ онъ имѣлъ 15.000 Саксонцевъ, 8.000 короннаго войска и 700 чел. шляхты, никакого участія, впрочемъ, въ битвѣ не принимавшей. Шведовъ было отъ 15 до 18 тысячъ.

Шведскій генералъ Морни первый ударилъ на Саксонцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ Флемминга. Ожесточенная битва продолжалась съ 6 ч. утра до 5 пополудни съ перемѣннымъ счастьемъ; наконецъ подъ вечеръ Шведы одолѣли, взяли много плѣнныхъ, забрали всю артиллерію (48 пушекъ), кассу, обозъ, знамена и 200 женщинъ изъ семействъ Саксонскихъ офицеровъ. Что касается числа погибшихъ, то историки въ этомъ также расходятся: потери Шведовъ исчисляютъ въ 1.200 чел., Саксонцевъ же въ 2.000, въ томъ числѣ генерала Марвица. Оба монарха принимали дѣятельное участіе въ этомъ сраженіи, ихъ личнымъ присутствіемъ и мужествомъ усиливали обоюдное ожесточеніе. Разбитый въ битвѣ Августъ съ остатками войска быстро отступилъ къ Кракову, Карлъ же занялъ Пинчовъ, двѣ недѣли отдыхалъ въ немъ, а затѣмъ бросился за Августомъ въ погоню. Въ это же время одинъ изъ Шведскихъ отрядовъ занялъ Корчинскій замокъ [1]), ограбилъ его и сжегъ документы. Въ Олькушскихъ копяхъ [2]) Шведы забрали запасы свинца и свинцовой слюды и наложили на рудокоповъ контрибуцію въ 30 тыс. злотыхъ [3]). Вступивъ въ Краковъ, изъ котораго Августъ долженъ былъ уходить, Карлъ наложилъ на городъ громадную дань.

Это было началомъ второй Шведской войны, въ которой еще много пролито братской крови, Саксонской и Шведской.

Мѣстность, гдѣ произошла блестящая для Шведскаго оружія битва, лежитъ въ Пинчовскомъ уѣздѣ, въ 7 в. отъ г. Пинчова. Вокругъ, на нѣсколько верстъ, тянется лѣсъ, на одномъ концѣ котораго, на высокомъ холму, лежитъ деревня Кіе. Хотя со времени этихъ кровавыхъ событій уже минуло 200 лѣтъ, однако слѣды ихъ остались. Еще недавно намъ показывали мѣсто, гдѣ стояла изба, въ которой въ одинъ и тотъ же день пребывали по очереди: Августъ II, Карлъ XII и Познанскій воевода Станиславъ Лещинскій, впослѣдствіи Польскій король. Въ

---

[1]) Посадъ Корчинъ Стопниц. у.

[2]) Возлѣ г. Олькуша Кѣлец. г.

[3]) Польскій „злотый“ равнялся 15 к.

Клишовской усадьбѣ сохраняется столъ, за которымъ обѣдалъ гордый побѣдитель. Въ мѣстности «Борекъ» существуютъ три кургана, подъ которыми погребены павшіе 9 Іюля 1702 г. бойцы. Крестьяне, при пахотѣ, часто находятъ здѣсь пули, обломки желѣза, а лѣтъ 10 тому назадъ одинъ изъ нихъ вырылъ даже цѣлый стальной панцырь.

Въ память битвы подъ Клишовымъ была выбита медаль, на одной сторонѣ которой изображенъ бюстъ Карла XII съ надписью: «Carolus XII D. G. Rex Sveciae», а на другой, двѣ колонны изъ оружія, на щитахъ гербы Саксоніи, а надъ ними лучезарное солнце, посреди котораго надпись: 9 Iull», а около «Sub binis clara triumphis, anno 1701 ad annum et anno 1702 ad Clisovam».

Выбита была также и другая медаль въ память погибшаго подъ Кіе герцога Голштинъ - Готторпскаго шурина Карла XII-го. Смерть этого герцога *) приписываютъ мужеству и стремительности генерала отъ артиллеріи, Кіевскаго воеводы, Концкаго. Въ старинномъ костелѣ въ д. Кіе есть исполненный на жести портретъ герцога, сохранившійся до сего дня, съ надписью «Occisus A. D. 1702». Въ этомъ же костелѣ, какъ свидѣтельствуетъ опись его, находятся два орната (ризы), сшитые изъ боевыхъ знаменъ.

Н. Ефимовъ.

---

*) Это дѣдъ императора Петра III-го. П. Б.

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ О ДЕКАБРИСТѢ ГРАФѢ ЧЕРНЫШОВѢ.

Считаю своимъ долгомъ исправить неточность, вкравшуюся въ статьи о декабристѣ графѣ З. Г. Чернышовѣ помѣщенныя въ 1 и 2 книжкахъ „Русскаго Архива" нынѣшняго года.

Имѣніе Тагинъ было дано въ приданое графинѣ Софіи Григорьевнѣ Чернышовой, старшей сестрѣ графа Захара Григорьевича Чернышова, вышедшей замужъ за Ивана Гавриловича Кругликова, и поэтому она одна могла располагать этимъ имѣніемъ, и дѣйствительно подарила его, подъ видомъ купли-продажи, своему брату, по возвращеніи его съ Кавказа, такъ какъ сама (противъ воли) сдѣлалась владѣлицею Чернышовскихъ заповѣдныхъ фамильныхъ имѣній Чечерскъ и Ярополецъ (Могилевской и Московской губерній), которыми опальный братъ ея уже владѣть не могъ. Значитъ, не сёстры, какъ сказано въ статьяхъ „Русскаго Архива", могли уступить графу З. Г. Чернышову имѣніе Тагинъ, а только одна его сестра, графиня С. Г. Чернышова - Кругликова (моя мать), что она и сдѣлала. Этимъ же и объясняется почему графъ Захаръ Григорьевичъ, по духовному завѣщанію, оставилъ это имѣніе въ наслѣдство всецѣло младшему сыну именно этой сестры своей, графини Софіи Григорьевны, моему брату, графу Евгенію Ивановичу Чернышову-Кругликову. Для меня, какъ ея сына, это умаленіе достоинства въ поступкѣ моей матери имѣетъ значеніе, а потому я рѣшился, ради возстановленія истины, обратиться къ „Русскому Архиву", въ которомъ появились вышеупомянутыя статьи.

Графъ **И. Чернышовъ-Кругликовъ.**

С.-Петербургъ, 1 Марта 1903.

ПОПРАВКА.

Въ „Русскомъ Архивѣ" 1902 года (III, 145) ошибочно сказано о происхожденіи Ивана Сергѣевича Тургенева. Не онъ, а дальній его родственникъ Александръ Михайловичъ Тургеневъ, по женской линіи, происходилъ отъ неоглашеннаго брака Елисаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1903 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

Приложеніе.

канала, чтò на видъ было очень красиво. Когда всѣ вышли на берегъ, императоръ началъ водить его высочество и всѣхъ прочихъ знатныхъ гостей всюду, какъ по саду, такъ и по домамъ. Мѣсто это въ два года много улучшилось; необыкновенно хороши особенно фонтаны, изобилующіе водою. Для его высочества тотчасъ отведены были въ большомъ домѣ 5 комнатъ, и противъ него столько же для герцогини; но она осталась на своемъ суднѣ. Императоръ и императрица ночевали въ Монплезирѣ. Около вечера приходилъ отъ имени государя гофмаршалъ Олсуфьевъ, чтобъ узнать, не угодно ли герцогу кушать, и приказалъ приготовить для его высочества особый столъ.

14. Рано утромъ, всѣ иностранные министры (за исключеніемъ г. Мардефельда, больного подагрою) пріѣхали въ Петергофъ на Прусской, подаренной императору, яхтѣ, а Голландскій резидентъ привезъ съ собою и жену. Его величество, вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда, всюду самъ ихъ водилъ и послѣ того, уходя, сказалъ имъ, что они на сей разъ видѣли только все поверхностно и что, если имъ будетъ угодно, они могутъ когда-нибудь пріѣхать и разсмотрѣть все въ подробности. Въ нынѣшнемъ году до сихъ поръ никого сюда не пускали, потому что водить вездѣ и показывать императоръ предоставилъ себѣ самому. Въ полдень въ комнатахъ его величества накрыли большой столъ на двадцать приборовъ, за которымъ тайный совѣтникъ Остерманъ былъ хозяиномъ и угощалъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, обоихъ принцевъ и его высочество со свитою. Самый большой залъ также весь уставленъ былъ столами, за которые сѣли всѣ прочія лица, прибывшія сюда съ флотиліею. Императоръ и императрица кушали въ своемъ домѣ. Гдѣ обѣдали Русскіе министры, сенаторы и всѣ дамы, я не могъ узнать; знаю только, что многіе изъ нихъ обѣдали у князя Меншикова. Во время стола у его высочества играла не только вся императорская капелла, но, попеременно съ нею, раздавались и трубы. Послѣ обѣда сюда явился нашъ маленькій пажъ Чернышовъ [1]), который лишь незадолго пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Москвы. Камеръ-пажъ Гольштейнъ пріѣзжалъ отъ имени императрицы узнать, угодно ли будетъ его высочеству ѣхать въ Петербургъ впередъ на другой день, или подождать до послѣ-завтра, когда отправятся всѣ, потому что императоръ предоставлялъ это его благоусмотрѣнію. Присланный говорилъ также, что имѣлъ приказаніе, если герцогъ рѣшится ѣхать впередъ, сказать адмиралу Потемкину [2]), чтобы торншхоутъ его

---

[1]) Одинъ изъ сыновей генералъ-маіора Григорія Петровича Чернышова.

[2]) Этотъ адмиралъ въ спискахъ морскихъ чиновъ того времени, напечатанныхъ у Берха, нигдѣ не упоминается.

высочества былъ заблаговременно выведенъ изъ канала. Но такъ какъ его высочество ни на что не рѣшился, объявивъ, что оставляетъ это на волю императора, и замѣтилъ, что завтра еще довольно будетъ времени для вывода торншхоута изъ канала, то дѣло покамѣстъ ничѣмъ не кончилось. Сдѣланъ ли былъ этотъ вопросъ (который уже прежде передалъ полиціймейстеръ) изъ предположенія, что его высочеству будетъ пріятно скорѣе быть въ С.-Петербургѣ, гдѣ находилось императорское семейство (т. е. принцессы), или по другой какой причинѣ, никто не зналъ.

15. Его высочество, простившись съ императоромъ и императрицею, отправился назадъ въ Петербургъ, и былъ радъ, что наконецъ отдохнетъ послѣ почти постоянныхъ безпокойствъ, продолжавшихся слишкомъ шесть недѣль. Конечно, во все это время не было недостатка въ удовольствіяхъ, и его высочество имѣлъ всѣ удобства, какія только возможны на кораблѣ, но все-таки на водѣ они скоро прискучиваютъ, не говоря уже о томъ, что нелегка была и разлука съ императорскими принцессами, съ которыми онъ нетерпѣливо желалъ скорѣе опять увидѣться. Не помню, помѣстилъ ли я въ моемъ «Дневникѣ» описаніе Кронштадта, а потому скажу здѣсь о немъ нѣсколько словъ. Мѣсто это, гдѣ имѣетъ свое пребываніе прекрасный императорскій флотъ, находится въ 29-ти верстахъ отъ крѣпости С.-Петербурга и застроено отличными каменными строеніями, стоящими противъ гавани. Самыя замѣтныя изъ нихъ домà императора и князя Меншикова. Когда подъѣзжаешь къ Кронштадту со стороны моря, всѣ эти строенія дѣлаютъ очень хорошій видъ. Здѣшняя Русская церковь весьма красива. Позади большихъ каменныхъ дворцовъ тянется вдоль берега Невы*), длинное предмѣстье или слобода, состоящая изъ деревянныхъ домовъ, въ которыхъ живутъ морскіе офицеры, корабельные мастера, вся флотская прислуга и матросы. Есть здѣсь также и Лютеранская церковь, при которой состоитъ теперь Нѣмецкій проповѣдникъ Мюллеръ. Черезъ такъ называемую большую площадь, окруженную съ трехъ сторонъ прекрасными каменными домами которые выстроены всѣ по одному образцу, проходитъ широкій каналъ, имѣющій 40 футовъ глубины. По немъ корабли, требующіе какихъ-нибудь значительныхъ починокъ, проводятся къ устроеннымъ докамъ. По приведеніи сюда кораблей воду спускаютъ, и они могутъ быть исправляемы на сушѣ, какъ бы на штапелѣ. Находящійся прямо противъ города фортъ Кронслотъ воздвигнутъ среди моря и уставленъ множествомъ тяжелыхъ пушекъ для

*) Берхгольцъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать *вдоль морскаго берега* или *по берегу пролива*.

защиты и охраненія гавани съ этой стороны. Оттуда проходъ можетъ быть крѣпко защищаемъ не только съ большой башни, массивно сложенной изъ камня, но и со всѣхъ прочихъ батарей, изобилующихъ пушками, тѣмъ болѣе, что и съ другой стороны, гдѣ находится городъ, проходъ этотъ снабженъ многими большими, страшными батареями. Городъ, какъ говорятъ, положено хорошенько укрѣпить и со стороны твердой земли, что уже и начали приводить въ исполненіе, потому что тамъ ежедневно занято работами по возведенію этихъ укрѣпленій множество народа. Окрестности Кроншдтадта очень пріятны: съ одной стороны простираются берега Финляндіи, а съ другой берега Ингерманландіи, на которыхъ виднѣются Петергофъ, Стрѣльнамыза, Ораніенбаумъ (принадлежащій князю Меншикову) и другіе, меньшіе загородные дворцы.

16. Поутру, Плате былъ посланъ къ ассессору Глюку, чтобы просить освѣдомиться у императорскихъ принцессъ, когда его высочеству можно будетъ имѣть счастіе исполнить порученіе, данное ему императрицею вчера, наканунѣ отъѣзда изъ Петергофа. Глюкъ пришелъ около 12-ти часовъ и просилъ его высочество пожаловать къ принцессамъ въ 4 часа послѣ обѣда. Герцогъ былъ очень привѣтливо принятъ небесно-прекрасными принцессами и оставался у нихъ почти часъ. Онъ выпилъ стаканъ Венгерскаго вина за ихъ здоровье, а онѣ отвѣчали тѣмъ же и выпили по стакану за его. Тотчасъ по возвращеніи нашемъ домой, ко двору пріѣхали два молодые кавалера, а именно сынъ покойнаго фельдмаршала Стейнбока, ротмистръ коннаго лейбъ-регимента, и племянникъ Шведскаго сенатора Вреде, пѣхотный капитанъ, который на сеймѣ сдѣлалъ много въ пользу нашего герцога и, какъ говорятъ, человѣкъ очень дѣльный. Они говорили, что пріѣхали сюда изъ Ревеля на маленькой яхтѣ его высочества, которая привезла изъ Стокгольма въ Ревель дѣвицу Паленъ и нѣкоторыхъ другихъ, и что такъ какъ вѣтеръ перемѣнился на противный, то должны были бросить якорь въ четырехъ веретахъ отъ Петербурга и пріѣхать сюда въ шлюпкѣ. Императоръ, отплывшій въ этотъ день съ флотиліею изъ Петергофа, видѣлъ эту яхту его высочества и всходилъ на нее. Она носитъ имя покойной матери герцога, которая получила ее въ Швеціи вмѣстѣ съ другою яхтою, нѣсколько побольше, когда уѣзжала въ Голштинію. Эта другая яхта перевозила въ нынѣшнемъ году тайную совѣтнику Бассевичъ въ Швецію и вѣроятно также еще воротится сюда. Сегодня мы узнали, что вчера скончался старый кн. Долгоруковъ, сенаторъ и Андреевскій кавалеръ, который заболѣлъ въ Кронслотѣ и потому былъ привезенъ назадъ въ Петербургъ [1]).

[1]) Князь Григорій Ѳедоровичъ, братъ знаменитаго князя Якова и дѣдъ любимца Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукова.

17. Около 12-ти часовъ явились оба молодые офицера и обѣдали у его высочества, къ которому имѣли письма. Тотчасъ послѣ обѣда пріѣхалъ еще одинъ молодой Шведскій офицеръ, по фамиліи Зегбартъ (котораго мы уже видѣли въ Москвѣ и который теперь также прибылъ изъ Швеціи на яхтѣ его высочества) съ письмами отъ т. с. Бассевича. Мы нарядились въ свои матросскіе костюмы, и его высочество отправился съ нами покататься немного на своей яхтѣ, съ которой, при заздравныхъ тостахъ, приказалъ палить изъ нѣсколькихъ пушекъ. Когда императоръ услышалъ эти выстрѣлы, онъ прислалъ сперва Ягужинскаго, а потомъ пріѣхалъ и самъ на нашъ корабль, былъ въ отличномъ расположеніи духа и оставался у его высочества слишкомъ два часа. Плате немедленно озаботился о холодномъ кушаньѣ, при употребленіи котораго много пили и стрѣляли. Такъ какъ наша тридцатилѣтняя яхта внутри была очень красиво обита, то императоръ немало любовался ею и въ особенности дивился ея старости, потому что въ Россіи корабли рѣдко такъ хорошо сохраняются и доживаютъ до этихъ лѣтъ. Его величество совѣтовалъ, поэтому, герцогу еще поисправить ее. При отъѣздѣ его мы всѣ пять разъ прокричали ура, на что онъ отвѣчалъ, а потомъ изъ 6-ти пушекъ сдѣлано было 11 выстрѣловъ. Ягужинскій остался, и никто изъ насъ не воротился домой безъ порядочнаго опьяненія.

18. Находящіеся здѣсь Нѣмецкіе комедіанты хотѣли было, для увеселенія высочайшихъ особъ, дать представленіе, но оно не состоялось по причинѣ дождя. Его высочеству это было непріятно, потому что онъ расчитывалъ на свиданіе съ императорскими принцессами.

19. Его высочество и свита его были приглашены въ этотъ день къ 3-мъ часамъ послѣ обѣда на похороны недавно внезапно умершаго кн. Долгорукова, бывшаго посла въ Польшѣ, а впослѣдствіи сенатора. У герцога обѣдали Шведскій секретарь Дитмаръ, который недавно присланъ былъ сюда изъ Швеціи съ титулами императорскимъ и королевскаго высочества *), и Шведскій капитанъ Стіернгофъ, находившійся здѣсь нѣсколько времени для отправленія изъ Россіи плѣнныхъ, а теперь самъ не имѣвшій права уѣхать, потому что, какъ говорятъ, за нѣкоторыхъ изъ нихъ поручился. Въ половинѣ четвертаго его высочество съ Альфельдомъ, Плате, Штамке, Брюммеромъ и со мною отправился на своей баркѣ въ домъ умершаго, гдѣ мы нашли всѣхъ здѣшнихъ вельможъ и нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ министровъ. Тотчасъ по пріѣздѣ герцогъ пошелъ въ комнату, гдѣ стоялъ покойникъ,

*) Швеція только въ этомъ году окончательно признала Россію Имперіею въ силу Нейштатскаго мирнаго трактата.

еще не закрытый, въ обыкновенномъ красивомъ костюмѣ и въ гробу обитомъ краснымъ бархатомъ и золотымъ галуномъ. Его высочество выразилъ свое соболѣзнованіе обоимъ племянникамъ покойнаго, какъ *траурнымъ* (Trauerleuten), т. е. отставленному за нѣсколько лѣтъ сенатору и Французскому Долгорукову [1]). Въ 5 часовъ пріѣхали въ баркѣ императоръ и императрица, и императоръ казался очень печальнымъ. Когда три похоронные маршала, съ своими длинными жезлами въ рукахъ, провели ихъ величества въ комнату, гдѣ стояло тѣло, государь тотчасъ взялъ свѣчу и освѣтилъ ею лицо покойнаго, чтобы видѣть, очень ли онъ перемѣнился. Императрица также подошла и очень внимательно смотрѣла на покойника. Послѣ того вошло все духовенство, въ своихъ облаченіяхъ, со множествомъ пѣвчихъ. Нѣсколько времени они пѣли, молились и кадили, и затѣмъ опять вышли изъ комнаты. Гробъ только слегка покрыли крышкою и понесли. Впереди шли пѣвчіе и духовенство; но имъ предшествовали еще три офицера: двое съ обоими орденами, какіе имѣлъ покойный, т. е. съ здѣшнимъ и Польскимъ [2]), которые они несли на красныхъ бархатныхъ подушкахъ съ золотыми кистями; третій съ гербомъ покойнаго, утвержденнымъ на древкѣ. Тѣло несли офицеры подъ большимъ балдахиномъ, который держали также офицеры. За нимъ слѣдовали оба *траурные*, потомъ императоръ и его высочество, оба въ черныхъ мантіяхъ, и наконецъ всѣ прочіе по чинамъ, но только немногіе въ мантіяхъ; флёръ же былъ розданъ всѣмъ. Изъ маршаловъ погребенія одинъ шелъ передъ орденами и гербомъ, другой передъ гробомъ, третій передъ *траурными*, и мнѣ кажется, если не ошибаюсь, все это были полковники. Отъ самаго дома до помоста, съ котораго тѣло перенесено было на обитую чернымъ галеру, стояли по обѣимъ сторонамъ солдаты съ факелами, которые вмѣстѣ съ другими слѣдовали до монастыря [3]) и потомъ тамъ шли въ процессіи. Когда гробъ поставили на галеру и отчалили отъ берега, начали медленно палить изъ нѣсколькихъ пушекъ, разставленныхъ недалеко отъ дома, и палили до тѣхъ поръ, пока галера не скрылась совсѣмъ изъ виду; тогда открылась пальба въ крѣпости, и все это продолжалось очень долго. По выходѣ на берегъ мы пошли за императоромъ въ домъ архіепископа, и такъ какъ тѣло прибыло черезъ полтора часа послѣ насъ, то его высочество осмотрѣлъ покамѣстъ новый монастырь, который растетъ со дня на день и все болѣе и болѣе украшается. Когда галера пристала къ берегу,

---

[1]) Князю Михаилу Владимировичу Долгорукову, отставленному въ 1718 году за приверженность къ царевичу Алексѣю Петровичу, и князю Василью Лукичу.

[2]) Андрея Первозваннаго и Бѣлаго Орла.

[3]) Александро-Невскаго.

императоръ, съ его высочествомъ и со всѣми прочими, пошелъ на встрѣчу тѣлу и потомъ съ церемоніею сопровождалъ его въ церковь. Архіепископъ Новгородскій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, также встрѣтилъ его передъ монастырскими воротами и тамъ присоединился къ прочему духовенству. Тѣло поставили въ церкви ногами къ алтарю и крышку опять сняли съ гроба. Сперва пѣли, молились и кадили, а потомъ архіепископъ прочелъ свидѣтельство (Pass), которое должно было положить съ покойникомъ. (Нынѣшніе священники и ученые говорятъ, что бумага эта для только кладется въ гробъ, чтобы потомство, когда вскроетъ его, могло убѣдиться, что лежащій въ немъ былъ крещенъ и умеръ какъ христіанинъ; но старые Русскіе думаютъ объ этомъ совсѣмъ иначе). По окончаніи чтенія архіепископъ перекрестилъ умершаго и всунулъ ему свидѣтельство въ руки, послѣ чего князь Меншиковъ началъ цѣловать покойника, и всѣ прочіе слѣдовали его примѣру, цѣлуя, кто лицо, кто руки. Императоръ послѣ всѣхъ поцѣловалъ усопшаго въ лобъ. Когда и это кончилось, крышку опять наложили на гробъ (въ чемъ помогалъ и самъ императоръ), ордена и гербъ унесли, и тѣло опущено было въ могилу, которая находилась передъ самой церковью. При послѣднемъ дѣйствіи повторились опять пѣніе, молитвы и кажденіе, послѣ которыхъ всѣ присутствовавшіе бросали на гробъ землю. Въ заключеніе всего маршалы просили общество собраться снова въ домѣ покойнаго. Но изъ бывшихъ на погребеніи туда пріѣхало не болѣе половины. Его высочество, узнавъ, что и императоръ хотѣлъ быть тамъ, также поѣхалъ. Было уже около 10-ти часовъ, когда мы воротились въ этотъ домъ; поэтому императоръ пробылъ тамъ не болѣе часа. Часовъ въ одиннадцать все общество разъѣхалось.

20. Г. фонъ-Плате долженъ былъ сдѣлать кое-какія распоряженія по случаю предстоявшаго маскерада, который, какъ говорили, начнется 30-го числа; но достовѣрно это не было еще извѣстно.

21. Такъ какъ въ этотъ день объявлено было, что будетъ представленіе комедіи, и мы часовъ въ 5 узнали, что принцессы уже поѣхали смотрѣть ее, то его высочество не медлилъ и отправился со всѣми нами въ баркѣ до дома Брюса, а оттуда въ каретахъ до мѣста спектакля, на который, кромѣ императорскихъ принцессъ, собралось лишь очень небольшое общество. Хотя до пріѣзда нашего, одно дѣйствіе пьесы подъ названіемъ «Возможность сдѣланная невозможною» (die unmöglich gemachte Möglichkeit) было уже сыграно, однакожъ намъ все-таки досталось увидѣть ее всю сполна, потому что императоръ прислалъ сказать, что онъ пріѣдетъ и чтобъ его подождали. Его величество пріѣхалъ только въ 7 часовъ; но герцогъ тѣмъ не менѣе

провелъ время съ прекрасными принцессами очень пріятно, усердно разговаривая съ ними и сидя, по приглашенію, подлѣ нихъ съ правой стороны. Рядомъ съ ними съ лѣвой стороны сидѣлъ маленькій великій князь съ своею сестрою. Тутъ же были Гессенъ-Гомбургскіе принцы, но ни слова не сказали съ принцессами и потому скучали. Тотчасъ по пріѣздѣ императора началось представленіе, и его величество, сидя между обѣими принцессами, имѣлъ терпѣніе смотрѣть на него почти полтора часа. Между тѣмъ, такъ какъ комедія тянулась очень долго, то, еще до окончанія ея, явился одинъ изъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ гвардіи, котораго императрица прислала, чтобъ проводить принцессъ домой. Поэтому онѣ, по окончаніи собственно комедіи, тотчасъ же уѣхали, не дожидаясь слѣдующей пьесы. Его высочество проводилъ ихъ сперва до кареты, а потомъ до самаго дома. Комедія была очень дурно снабжена актерами. Впрочемъ, къ лучшимъ здѣсь и не привыкли. Представленія больше всего посѣщаются дворомъ, и безъ него актеры умерли бы съ голоду, потому что изъ Русскихъ никто не ходитъ смотрѣть ихъ, а изъ иностранцевъ также бываютъ у нихъ немногіе. Можетъ быть, когда будетъ готовъ новый театръ (Comödienhaus), строющійся, по приказанію императора, въ нашемъ сосѣдствѣ *), иностранцы станутъ и чаще бывать на представленіяхъ, тѣмъ болѣе, что теперешній слишкомъ отдаленъ, а между тѣмъ за самое послѣднее мѣсто надобно все-таки платить 40 копѣекъ. Труппа здѣшнихъ актеровъ состоитъ изъ 10-ти или 11-ти человѣкъ и еще очень плохо снабжена костюмами.

22. Въ 10 часовъ раздались съ крѣпости три пушечныхъ выстрѣла, въ знакъ того, чтобы всѣ яхты, торншхоуты и буеры собрались для встрѣчи у Александроневскаго монастыря Персидскаго посла (который, по пріѣздѣ своемъ, нѣсколько времени прожилъ въ здѣшнемъ сосѣдствѣ за городомъ и теперь долженъ былъ пріѣхать сюда водою изъ Шлюссельбурга); сигналъ для буеровъ, именно флагъ, былъ уже прежде выкинутъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ часъ пополудни показалась вся флотилія, которую его высочество увидѣлъ, когда она подплывала къ Почтовому дому. Лишь только она прошла еще немного далѣе, посла (который съ своею свитою, состоявшею изъ 30-ти слишкомъ человѣкъ, находился на прекрасной Прусской яхтѣ) съ крѣпости привѣтствовали 21-мъ выстрѣломъ, а когда онъ сошелъ съ яхты, она, съ своей стороны, отсалютовала ему 11-ю выстрѣлами. Посолъ этотъ, какъ говорятъ, человѣкъ уже пожилой; но о дѣлахъ его никто ничего не

---

*) Объ этомъ театрѣ нѣтъ свѣдѣній у Рубана, который исчисляетъ только позднѣйшіе „комедіантскіе дома“, бывшіе при императрицѣ Елисаветѣ (стр. 137).

знаетъ, да и о пріѣздѣ его какъ-то мало было слышно. Ему отвели квартиру въ домѣ несчастнаго Шафирова, а аудіенцію, какъ я слышалъ, назначили въ Адмиралтействѣ. Самъ императоръ, хотя и incognito, вмѣстѣ со многими другими знатными господами, ѣздилъ съ флотиліею ему навстрѣчу до монастыря; Прусская же яхта ходила еще далѣе, и какъ скоро посланникъ прибылъ, флотилія снялась съ якорей и проводила его сюда.—Въ этотъ день, утромъ, къ великому сожалѣнію всѣхъ отчаянныхъ пьяницъ, умеръ здѣшній извѣстный князь-паша, бывшій изъ фамиліи Бутурлиныхъ; по мѣсто его, вѣроятно, скоро опять будетъ занято. Г. Измайловъ сообщилъ намъ также, что умеръ и Китайскій императоръ, о чемъ онъ очень жалѣлъ, потому что тотъ, во время его посольства, оказывалъ ему много милостей. Время покажетъ, вступитъ ли послѣ него на престолъ одинъ изъ 22-хъ его сыновей, или будетъ избранъ императоромъ природный Китаецъ.—Такъ какъ графъ Вахтмейстеръ, графъ Стенбокъ и баронъ Вреде нѣсколько разъ изъявляли желаніе принадлежать, во время маскерада, къ группѣ его высочества, чтобы имѣть тѣмъ свободнѣйшій доступъ ко двору (всѣ эти господа изъ очень знатныхъ Шведскихъ фамилій и всячески стараются дѣлать угодное герцогу; особенно послѣдній, Вреде, на минувшемъ сеймѣ въ Швеціи оказалъ ему большія услуги): то его высочество рѣшился принять ихъ въ свою свиту.

23. По просьбѣ нашей мы получили въ этотъ день отъ адмирала Крюйса 20-ти вёсельную шлюпку, въ которой во время маскерада можно будетъ помѣщаться почти всей нашей группѣ.

24. Его высочество узналъ, что на другой день Персидскій посолъ будетъ имѣть аудіенцію у императора и что она назначена въ 8 часовъ утра. Поэтому его высочество легъ раньше спать, чтобы не опоздать на нее.

25. Аудіенція была только въ 12 часовъ, когда императоръ возвратился изъ церкви и съ нѣкоторыми немногими, какъ-то съ великимъ адмираломъ, великимъ канцлеромъ и ген. Ягужинскимъ, пообѣдалъ на своей яхтѣ. Его высочество съ прочими вельможами отправился между тѣмъ въ Сенатъ, гдѣ въ одной изъ залъ поставленъ былъ тронъ, очень красивый, сдѣланный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда здѣсь принимали Польскаго посла. Но стулъ на немъ былъ старомодный (подаренный однимъ изъ Персидскихъ царей еще дѣду императора) и хотя собственно деревянный, однакожъ весь обдѣланный эмальированнымъ серебромъ и изукрашенный множествомъ брилліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Онъ стоялъ на тронѣ не въ срединѣ, а съ правой стороны, такъ что слѣва тамъ удобно помѣщались еще стулъ и маленькій четыреугольный, покрытый краснымъ бархатомъ, столъ, на

который потомъ положена была кредитивная грамота. Около 11-ти часовъ императрица возвратилась изъ церкви и прошла также наверхъ въ Сенатъ, гдѣ изъ смежной съ залою комнаты смотрѣла на аудіенцію сквозь полустеклянную дверь. Его высочество входилъ къ ней туда *съ реверансомъ*, но, къ немалому его огорченію, принцессъ тамъ не было, хотя ея величество окружали многія дамы. Собраніе вообще было очень великолѣпно и блистательно. Императоръ, который видимо скучалъ, сидѣлъ до самаго пріѣзда посла то у императрицы, то въ аудіенцъ-залѣ. Его величество вовсе не любитъ такихъ церемоній и когда, около 12-ти часовъ, ему доложили, что посолъ уже близко, лицо у него раскраснѣлось, и этого было ему совѣстно передъ императрицею *). Онъ не хотѣлъ также всходить на тронъ до тѣхъ поръ, пока посолъ не вступилъ въ ближайшую комнату. Стоявшіе внизу передъ Сенатомъ два баталіона отдали послу честь не просто, а съ барабаннымъ боемъ. Наконецъ императоръ, услышавъ, что посолъ ужъ совсѣмъ близко, взошелъ на тронъ и сталъ посрединѣ его, налѣво отъ стула, съ шляпою подъ мышкой и съ простою палкою въ рукѣ. Кафтанъ на его величествѣ былъ простой, красный, обложенный серебрянымъ галуномъ, но на прекрасной собольей подкладкѣ. Вступивъ въ залу и увидѣвъ императора, посолъ началъ низко кланяться, что и повторялъ, идя впередъ, послѣ каждыхъ двухъ-трехъ шаговъ, пока не остановился близъ трона и началъ говорить. Рѣчь эту, съ писаннаго, прочелъ потомъ еще разъ его переводчикъ, и великій канцлеръ отвѣчалъ на нее отъ имени императора. Отвѣтъ тотъ же переводчикъ передалъ послу, которому затѣмъ поданъ былъ знакъ подойти ближе и поцѣловать императору руку. Онъ сталъ на колѣни на нижней ступени трона, а съ нея проползъ на вторую, и его величество подалъ ему руку для цѣлованія. Со слезами на глазахъ поцѣловавъ руку, онъ послѣ того прижалъ ее сперва къ правому, потомъ къ лѣвому глазу, какъ бы желая отереть ею свои слезы, и эта покорность была очень трогательна. Но еще до цѣлованія руки онъ передалъ свою кредитивную грамоту, держа ее обѣими руками на чемъ-то въ родѣ подушки. Великій канцлеръ принялъ ее и положилъ на столъ, стоявшій на тронѣ по лѣвую сторону отъ императора. Поднявшись опять на ноги, посолъ еще разъ обратился къ государю съ небольшою рѣчью, которую отъ слезъ едва могъ произносить и въ которой старался выразить свое счастіе видѣть его величество и проч. Вообще онъ исполнялъ свое дѣло очень хорошо. Говорилъ, что это четвертое его

*) Въ подлинникѣ: ward er roth im Gesicht, wegen welcher Röthe er sich vor der Kaiserin schämete.

посольство, потому что онъ былъ уже въ Константинополѣ, у великаго Могола и даже въ Китаѣ. Я слышалъ кромѣ того, что онъ и самъ царской крови. Послѣ того какъ императоръ, съ своей стороны, спросилъ о здоровьи шаха, аудіенція кончилась, и посолъ началъ удаляться, пятясь, пока государь былъ у него въ виду, задомъ и почасту кланяясь. Костюмъ на немъ, по обычаю его страны, былъ великолѣпный; но страннымъ показалось мнѣ то, что у него спереди, отъ шеи, висѣли цѣльныя собольи шкурки. За поясомъ у него заткнутъ былъ, съ правой стороны, кинжалъ или что-то въ родѣ ножа. Свита его была весьма немногочисленна, и онъ, вопреки всегдашнему обычаю, не представлялъ никакихъ подарковъ, сказавъ, впрочемъ, въ свое оправданіе, что на дорогѣ его ограбили Татары. Императоръ былъ радъ, что аудіенція кончилась и что наконецъ можно было сойти съ трона, на которомъ онъ сильно потѣлъ и часто, для бодрости, нюхалъ табакъ.

26. Въ 5 часовъ его высочество отправился со всею своею свитою въ императорскій садъ, гдѣ праздновалось рожденіе принцессы Наталіи, которой съ этого дня пошелъ шестой годъ. Онъ нашелъ тамъ уже всю императорскую фамилію и пробылъ сперва долго въ галереѣ у императрицы и принцессъ, но потомъ пошелъ искать императора и увидѣлъ его въ гротѣ. Вскорѣ послѣ насъ пріѣхалъ въ садъ и Персидскій посолъ, который, какъ скоро приблизился къ гроту, опять началъ безпрестанно кланяться передъ императоромъ; но его величество, какъ неохотникъ до церемоній, нѣсколько разъ кричалъ ему, чтобъ онъ подошелъ безъ околичностей, и потомъ самъ показывалъ гротъ, которымъ тотъ немало восхищался. Послѣ онъ имѣлъ честь цѣловать руку императрицѣ, которой еще не видалъ. Подойдя къ ней, по исполненіи разныхъ реверансовъ, онъ сталъ на колѣни и поцѣловалъ ея платье, а когда она протянула ему руку, упалъ опять на колѣни и поцѣловалъ уже руку. Немного спустя, онъ откланялся и былъ угощаемъ въ саду со всею своею свитою. Когда императоръ узналъ, что молодой графъ Стенбокъ въ саду, онъ изъявилъ любопытство видѣть его, потому что зналъ его отца, и его высочество долженъ былъ послать за нимъ. При этомъ же случаѣ и молодой графъ Вахтмейстеръ имѣлъ честь представиться его величеству. Его высочество, какъ скоро узналъ, что императрица встала изъ-за стола, отправился опять къ ней. Императорскимъ принцессамъ въ этотъ день очень хотѣлось танцовать, но по причинѣ непріятной мокрой погоды ничего не могло состояться, почему и все общество разошлось еще до 10-ти часовъ. Разсказывали, что императоръ въ этотъ день рѣшился подарить гр. Дугласу нѣсколько деревень въ мѣстахъ около Казани, взамѣнъ подаренныхъ ему

прежде, которыя получилъ теперь опять двоюродный его братъ, графъ Стенбокъ.

27. Императоръ уѣхалъ сегодня на *) Царицыну мызу (Zaritza Müsa), но вѣроятно завтра будетъ здѣсь, потому что назначены похороны князя-папы.

28. Я былъ посланъ приглашать гостей къ слѣдующему дню, въ который Шведскій посланникъ долженъ былъ имѣть аудіенцію у нашего герцога. Императоръ, возвратившійся сегодня съ Царицыной мызы, провожалъ тѣло князя-папы до могилы. Передъ выносомъ всѣ присутствовавшіе должны были выпить по доброй порціи водки, а что касается до кардиналовъ, то они, безъ всякаго сомнѣнія, по возвращеніи въ домъ покойнаго, обязаны будутъ напиться до-пьяна.

29. Его высочество, по случаю назначенной въ этотъ день церемоніи, надѣлъ новый синій Шведскій кафтанъ, обшитый серебромъ, красный камзолъ и красные штаны. Около 12-ти часовъ начали собираться гости. Прежде всѣхъ пріѣхалъ Датскій посланникъ, чѣмъ герцогъ былъ несказанно доволенъ, потому что ему очень хотѣлось, чтобъ всѣ иностранные министры, и въ особенности Датскій, присутствовали при аудіенціи. Послѣ того прежде Шведскаго посланника пріѣхали и всѣ прочіе вмѣстѣ съ Остерманомъ, молодымъ Головкинымъ, Макаровымъ и нѣкоторыми другими здѣшними. Его высочество на этой аудіенціи отвѣтомъ своимъ заслужилъ большую похвалу отъ всѣхъ присутствовавшихъ, такъ что многіе изъ нихъ, по окончаніи церемоніи, не только толковали о томъ между собою, но и подходили къ самому герцогу съ похвалами и вмѣстѣ съ тѣмъ съ поздравленіями по случаю этого дня. Когда Шведскій посланникъ сказалъ свое привѣтствіе на Шведскомъ языкѣ и затѣмъ передалъ письмо короля, его высочество началъ отвѣчать, на томъ же языкѣ, рѣчью, которую самъ составилъ и которая изумила всѣхъ своею прямотою и откровенностью. При томъ онъ говорилъ такъ громко, что почти всѣ присутствовавшіе могли его слышать; Шведскій же посланникъ, напротивъ, такъ тихо, что не только никто изъ предстоявшихъ, но и самъ герцогъ не могъ его порядочно понять, почему, по окончаніи всего, посланникъ Кампредонъ во всеуслышаніе сказалъ г. Цедекрёйцу, что онъ могъ бы говорить немного погромче, чтобъ дать услышать что-нибудь и другимъ; его же высочеству, напротивъ, онъ сдѣлалъ очень вѣжливый комплиментъ. За столомъ подлѣ его высочества съ правой стороны

---

*) Вѣроятно это *Саарская мыза* (нынѣшнее Царское Село), которая, при раздачѣ земель въ Ингерманландіи въ 1708 году, была подарена Петромъ Великимъ Екатеринѣ I. См. „Описаніе С.-Петербурга. Пушкарева, 1842, ч. IV, стр. 47.

сѣлъ Шведскій посланникъ, а съ лѣвой молодой Головкинъ; всѣ прочіе размѣстились какъ кому пришлось. Но когда явился генералъ-прокуроръ Ягужинскій, пріѣхавшій въ самомъ началѣ обѣда, молодой Головкинъ тотчасъ уступилъ ему свое мѣсто и подвинулся дальше. Такъ какъ во все время обѣда превосходно игралъ оркестръ его высочества, то любители музыки, какъ-то: Ягужинскій, Мардефельдъ и Цедеркрёйцъ, остались у насъ еще нѣсколько часовъ послѣ стола и со вниманіемъ слушали игру музыкантовъ. О рѣчи герцога на Шведскомъ языкѣ замѣчу еще, что она написана была очень хорошо и не заключала въ себѣ ни одного Французскаго слова, какъ напр. baron, или envoyé. Посланникъ въ своей рѣчи хотя и ничего не упомянулъ о государственныхъ сословіяхъ, однакожъ его высочество съ намѣреніемъ не отступилъ отъ своей темы и исполнилъ все это какъ нельзя лучше. Мы узнали въ этотъ день отъ Шведскаго секретаря посольства Дитмара, что нашъ гр. Бонде дѣйствительно прибылъ въ Нарву, чѣмъ его высочество немало былъ удивленъ, потому что хотя и получилъ отъ него нѣсколько писемъ, въ которыхъ онъ высказывалъ желаніе быть поскорѣе здѣсь, однакожъ о дѣйствительномъ его отъѣздѣ еще ничего вѣрнаго не зналъ, да и съ своей стороны не изъявлялъ ему прямого согласія на исполненіе этого желанія. Между тѣмъ пріѣздъ графа все-таки будетъ очень пріятенъ его высочеству. Вѣроятно мы увидимъ его здѣсь завтра.

30. Такъ какъ уже нѣсколько дней носился слухъ, что нынче начнется 8-ми дневный маскерадъ *) въ память заключеннаго въ Нейштатѣ мира, и мы рано поутру видѣли нѣсколько масокъ изъ группы императора, расхаживавшихъ по улицамъ, да кромѣ того, по окончаніи богослуженія, въ крѣпости палили изъ пушекъ: то его высочество отдалъ намъ приказаніе также замаскироваться, хотя ни намъ, никому бы то ни было, не сообщили ни слова о маскерадѣ. Здѣсь обо всемъ надобно освѣдомляться самому. Передъ обѣдомъ, часовъ въ 10, благополучно прибылъ сюда нашъ графъ Бонде, который 20-го Августа отплылъ изъ Стокгольма въ Ревель, а оттуда отправился въ Петербургъ сухимъ путемъ, черезъ Нарву. Тотчасъ послѣ обѣда случайно проходилъ мимо нашего дома г. Ягужинскій, и меня выслали спросить его, точно ли маскерадъ начнется въ этотъ день? Я получилъ отъ него въ отвѣтъ, что всѣмъ маскамъ, какъ скоро послѣдуютъ въ крѣпости три пушечныхъ выстрѣла, назначено собираться по ту сторону рѣки у дома «Четырехъ Фрегатовъ». Поэтому, лишь только раздался сказанный сигналъ (часовъ около 4-хъ), мы поспѣшили собраться въ

*) См. приложеніе.

путь. Группа наша была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: впереди ѣхали на верейкѣ шесть музыкантовъ, одѣтыхъ въ костюмы Римскихъ музыкантовъ; за ними слѣдовало наше суднó, двойная 20-ти-весельная шлюпка, которую мы особо для себя приспособили, устроивъ на ней посрединѣ, надъ мѣстами сидѣнья, красную холщевую палатку, обитую широкимъ серебрянымъ галуномъ. Подъ этой палаткой, въ срединѣ, позади всѣхъ, сидѣлъ его высочество, представляя Римскаго полководца Сципіона Африканскаго, въ великолѣпномъ парчевомъ Римскомъ костюмѣ, кругомъ обложенномъ серебряными галунами, въ каскѣ съ высокимъ перомъ, въ Римскихъ сапогахъ и съ предводительскимъ жезломъ въ рукѣ. Позади его стояли, въ Римскихъ же костюмахъ, оба маленькія пажа Чернышовъ и Бредаль. Далѣе впередъ, по сторонамъ его высочества, сидѣли оба наши Римскіе сенатора, фонъ-Альфельдъ и Негелейнъ. Затѣмъ на слѣдующихъ четырехъ скамьяхъ сидѣло на каждой по два рыцаря (Ritter) и по одному рабу или Негру, который помѣщался между ними, а именно на первой ближайшей къ его высочеству, находились Измайловъ и Плате съ невольникомъ или скованнымъ Негромъ Цёге; на второй—графъ Вахтмейстеръ и Штамке съ Негромъ Тихомъ; на третьей—баронъ Вреде и Брюммеръ съ Фрейне; на четвертой — Стенбокъ и я съ Негромъ Швингомъ. Послѣ того слѣдовали 12 гребцовъ, по два на каждой скамьѣ, также въ Римскихъ костюмахъ и съ большими перьями на каскахъ. Изъ нихъ шесть переднихъ имѣли совершенно новые костюмы, мечи и деревянные высеребрянные топоры, и должны были всюду сопровождать нашу группу; на остальныхъ же шести, обязанныхъ всегда оставаться въ шлюпкѣ, когда мы выходили на берегъ, были старые, которые надѣвала прислуга наша во время послѣдняго маскерада въ Москвѣ. На всѣхъ рыцаряхъ и Арапахъ были также наши старые Московскіе костюмы. Наконецъ, позади возлѣ кормчаго (который тоже былъ одѣтъ по-римски, но отъ матросовъ отличался цвѣтомъ своего пера) стоялъ мундшенкъ Кей, въ костюмѣ погребщика (in einem Kellerhabit), а на переднемъ концѣ судна сидѣлъ гренадеръ, такъ что насъ всѣхъ въ шлюпкѣ было до 30-ти человѣкъ. Но, не смотря на то, 12 гребцовъ подвигали ее впередъ достаточно быстро. Позади насъ шла еще верейка, въ которой сидѣли 4 значконосца (Zeichenträger) и фурьеръ, ходившій, при нашихъ процессіяхъ, передъ матросами. Значконосцевъ представляли прапорщикъ Блехъ, прапорщикъ Реттенбургъ, каммеръ-пажъ Геклау и Петерсенъ; первый изъ нихъ носилъ копье, второй—щитъ, третій—изображеніе города (die Stadt), четвертый—орла. Въ процессіяхъ они ходили за музыкантами, за которыми слѣдовали 6 матросовъ съ топорами, а затѣмъ уже должны были слѣ-

довать его высочество и вся наша группа, въ томъ порядкѣ, какъ мы помѣщались въ шлюпкѣ. По прибытіи къ «Четыремъ Фрегатамъ», мы отправились надлежащею процессіею къ кофейному дому, гдѣ собралось уже большое общество. Когда императоръ сдѣлалъ тамъ маскамъ смотръ, ихъ начали вызывать и разставлять по мѣстамъ, которыя они потомъ должны были занимать въ шествіи, при чемъ мы получили 45-й нумеръ и попали между иностранными министрами, и «безпокойной братіей», въ числѣ которой находился и самъ императоръ, барабанившій вмѣстѣ съ генераломъ Бутурлинымъ и маіоромъ Мамоновымъ. За «безпокойною братіею» слѣдовали дамы, которыя однакожъ на сей разъ были не такъ многочисленны, какъ въ Москвѣ и здѣсь два года тому назадъ. Сдѣлавъ прогулку вокругъ площади и пройдя мимо дома Сената (откуда императорскія принцессы смотрѣли на маскерадъ изъ окна, а Персидскій посолъ съ балкона) мы, всѣ сѣли на свои суда и разъѣзжали до тѣхъ поръ, пока императоръ не спустилъ стараго знаменитаго ботика съ галіота (на которомъ его привезли) на воду, не поднялъ парусовъ и не поплылъ на немъ съ Иваномъ Михайловичемъ (Головинымъ), контръ-адмираломъ Сенявинымъ и оберъ-цейхмейстеромъ Отто. Всѣ маски послѣ того слѣдовали за ними до крѣпости, гдѣ съ ботика сперва сняли мачтовой парусъ и флаги, а потомъ самъ онъ вытащенъ былъ изъ воды и (при 21 пушечномъ выстрѣлѣ въ крѣпости и Адмиралтействѣ) внесенъ солдатами во внутренность крѣпости. Тамъ онъ будетъ и храниться на вѣчныя времена. Во время пушечной пальбы всѣ участвовавшіе въ маскерадѣ огласили воздухъ троекратнымъ *ура*, которое начала провозглашать съ своей барки императрица. По перенесеніи ботика, императоръ перешелъ на барку императрицы, и мы отправились черезъ каналъ, мимо императорскаго лѣтняго дворца (въ которомъ еще разъ видѣли принцессъ у окна), въ садъ Ивана Михайловича, гдѣ пробыли часа два, а потомъ до 12-ти часовъ катались по рѣкѣ и смотрѣли на иллюминацію, которая была особенно эффектна со стороны воды. Она должна была возобновляться каждый вечеръ въ продолженіе всего маскерада.

31. Около 4-хъ часовъ послѣ обѣда его высочество отправился съ своею группою въ садъ императора (куда мы вчера были опять приглашены), и всѣ маски вошли также туда вслѣдъ за нами. До тѣхъ поръ никого не впускали, и онѣ ждали въ галереѣ внѣ сада, потому что императоръ еще спалъ. Когда мы пришли въ садъ, изъ императорской фамиліи тамъ еще никого не было; но тотчасъ послѣ того явились принцессы, а немного спустя и императоръ съ императрицею, почему его высочество имѣлъ удовольствіе разомъ привѣтствовать ихъ всѣхъ. Скоро начались танцы, потому что какъ принцессамъ, такъ и

герцогу очень хотѣлось потанцовать; а какъ музыкѣ императрицы не было приказано явиться, то его высочество велѣлъ привести нашъ маскерадный оркестръ, который исполнилъ свое дѣло отлично. Танцовала въ этотъ разъ только наша группа съ участіемъ лишь генерала Ягужинскаго и, одинъ разъ, полиційместера. Я имѣлъ счастіе танцовать съ принцессой Елисаветой, когда императрица прислала сказать, что пора кончить. Поэтому танцы были оставлены, и императорскія принцессы вскорѣ послѣ ужина ушли изъ сада, откуда его высочество проводилъ ихъ до самаго дома. Это было въ началѣ десятаго часа. Такъ какъ всѣ аллеи были освѣщены многими фонариками, то герцогъ погулялъ нѣсколько времени по саду и потомъ ужъ отправился опять къ императрицѣ, которая скоро позволила ему уѣхать домой, изъ опасенія, что въ саду въ этотъ вечеръ будутъ сильно пить. Она послала также съ нами пажа, чтобъ мы могли выйдти оттуда, потому что никого не велѣно было пропускать.

Сентябрь. 1. Передъ проповѣдью его высочество посылалъ камеръ-пажа Петерсена ко всѣмъ кавалерамъ нашего ордена *) съ письмомъ, въ которомъ просилъ, чтобы мы къ 5-му числу этого мѣсяца сдѣлали себѣ новые и красивые костюмы, при чемъ предлагалъ свою помощь тѣмъ, для которыхъ это окажется затруднительнымъ. Мы должны были расписаться въ прочтеніи сообщеннаго намъ и обѣщать въ точности все исполнить. Около 4-хъ часовъ мы отправились водою къ великому адмиралу, у котораго пробыли часовъ до 8-ми. Его высочество для препровожденія времени гулялъ тамъ по саду, а потомъ пошелъ на минуту въ сосѣдній садъ Кампредона, гдѣ, какъ ему было извѣстно, находились нѣкоторыя дамы, а именно графиня Поссе, генеральша Минихъ съ обѣими своими дочерьми и генералъ - лейтенантша Дюпрешъ (Duprèche). Уходя оттуда, онъ случайно увидѣлся и говорилъ съ дѣвицею Лангенъ, которая съ г. Кампредономъ пріѣхала сюда изъ Москвы. Послѣдній недавно хитростью выманилъ свою жену изъ Швеціи и отослалъ ее во Францію для заключенія въ монастырь. Такъ какъ у великаго адмирала не было ни императора (который чувствовалъ себя несовсѣмъ хорошо), ни императрицы, то и всѣ маски скоро разошлись по домамъ.

2. Около 4-хъ часовъ (послѣ обѣда) поданъ былъ сигналъ къ сбору всѣхъ масокъ во вновь разведенный садъ на острову великаго

---

*) Вѣроятно здѣсь рѣчь объ *орденѣ виноградной кисти*, учрежденномъ въ Маѣ 1722 года, въ Москвѣ. См. Днев. Берхг., часть II.

канцлера [1]), гдѣ мы оставались до 9-ти часовъ, частію гуляя по дорожкамъ, частію сидя въ палаткахъ и проводя время въ разговорахъ. Его высочество большею частію былъ у императрицы, а потомъ довольно долго у императора, который много говорилъ съ Персидскимъ посломъ. Государыня и ея дамы имѣли на сей разъ костюмъ Амазонокъ, очень идущій къ ея величеству. Какой-то толстякъ, Русскій, представлялъ солнце, неся большую, сдѣланную изъ холста и раскрашенную, машину, которая была устроена такъ, что лицо его какъ-разъ приходилось въ самой срединѣ свѣтила, гдѣ прорѣзана была дыра. «Безпокойная братія» нѣсколько разъ, съ пѣснями, проходила съ этимъ господиномъ по саду, а подъ-конецъ онъ взлѣзъ на лѣстницу, обратился лицомъ къ солнцу и говорилъ о немъ длинную рѣчь, чѣмъ немало смѣшилъ все общество. Часовъ въ девять самъ императоръ началъ бить на своемъ барабанѣ отступленіе. Мы узнали въ этотъ день, что князь Валашскій умеръ въ одномъ изъ своихъ помѣстій отъ какой-то такой болѣзни, что если онъ выпивалъ одну бутылку вина, изъ него выходило три или четыре бутылки воды [2]).

3. Хотя около 4-хъ часовъ послѣдовалъ сигналъ собираться всѣмъ на парусныхъ судахъ, потому что вѣтеръ былъ очень сильный, однакожъ его высочество отправился на нашей обыкновенной двойной шлюпкѣ, приказавъ только торншхоутамъ на всякій случай слѣдовать за нами. Но такъ какъ императрица и многіе другіе имѣли барки, то и мы остались въ своей шлюпкѣ и поѣхали со всѣми прочими масками къ князю Меншикову, у дома котораго стояло множество каретъ. Когда все общество вышло на берегъ, государыня и всѣ дамы сѣли въ эти кареты и отправились къ саду князя. Императоръ съ своею «безпокойною братіею» пошелъ туда пѣшкомъ, и всѣ остальные замаскированные сопровождали его. Его величество былъ одѣтъ совершенно какъ католическій кардиналъ, но вечеромъ, въ саду, снялъ этотъ костюмъ и явился опять въ своемъ матросскомъ. На князѣ Меншиковѣ было полное кавалерское одѣяніе ордена Слона, и онъ оставался въ немъ во весь вечеръ, снявъ только мантію. По прибытіи, въ надлежащемъ порядкѣ, въ садъ, каждая группа выбрала себѣ палатку, снабженную въ изобиліи кушаньями и напитками. Такихъ палатокъ разставлено было тамъ множество. Герцогу не хотѣлось ѣсть, и потому онъ сна-

---

[1]) Нынѣшній *Каменный*, который при основаніи Петербурга подаренъ былъ Петромъ великому канцлеру графу Головкину. См. у Рубана, стр. 20.

[2]) Князь Кантемиръ умеръ 21 Августа 1723 года, въ селѣ Дмитровкѣ (въ нынѣшнемъ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губерніи) и похороненъ въ Москвѣ. Умеръ онъ, какъ говоритъ его біографъ, отъ сухотки (Diabetes). См. „Исторію о жизни и дѣлахъ Молдавскаго господаря кн. Кантемира, соч. Беера, М. 1783, стр. 305.

чала долго ходилъ по саду, который очень великъ и имѣетъ много прекрасныхъ аллей. (Оранжерея князя также необыкновенно велика; около нея и вообще въ саду поставлено было болѣе ста человѣкъ солдатъ съ ружьями, для наблюденія за тѣмъ, чтобъ простой народъ не срывалъ фруктовъ). Послѣ его высочество сѣлъ за столъ, который занимали всѣ иностранные и здѣшніе министры, въ томъ числѣ и Персидскій посолъ, и къ которому нѣсколько разъ садился самъ императоръ. Когда императрица встала изъ-за своего стола, его высочество опять началъ ходить взадъ и впередъ, и оставался то у государя, то у государыни, которые оба были въ отличномъ расположеніи духа и необыкновенно милостивы, въ особенности ея величество: она долго разговаривала съ герцогомъ и съ графомъ Бонде, описывая имъ всѣ походы, въ которыхъ находилась сама, а потомъ въ одной изъ аллей, гдѣ все время сидѣла, заставляла пѣть и плясать своихъ маленькихъ людей (карликовъ?), именно бундуриста и весьма искусную танцовщицу; позволяла также какому-то молодому Русскому парню дѣлать передъ собою разнаго рода прыжки и быстрыя движенія. Между тѣмъ намъ, по ея приказанію, подносили одинъ стаканъ вина за другимъ. Около 9-ти часовъ вечера императоръ получилъ съ курьеромъ радостное извѣстіе изъ Персіи, что находящіяся тамъ войска его заняли важный укрѣпленный портъ на Каспійскомъ морѣ, городъ Баку, которымъ его величество уже давно желалъ овладѣть, потому что онъ очень хорошъ и особенно замѣчателенъ по вывозу изъ него нефти. Съ этимъ извѣстіемъ онъ отправился тотчасъ къ императрицѣ и показалъ ей не только полученныя имъ письма, но и приложенный къ нимъ планъ крѣпости. Радость его была тѣмъ болѣе велика, что, по его собственному увѣренію, онъ ничего больше и не желалъ пріобрѣсти отъ Персіи. Ея величество въ честь этого событія поднесла ему стаканъ вина, и тутъ только началась настоящая попойка. Къ 10 часамъ (по увѣренію самого князя Меншикова) было выпито уже болѣе тысячи бутылокъ вина, такъ что въ саду даже и изъ караульныхъ солдатъ почти ни одинъ не остался трезвымъ. Императрица нѣсколько разъ приказывала спрашивать у императора, не пора ли расходиться по домамъ? Наконецъ онъ возвѣстилъ своимъ барабаномъ отступленіе, чему всѣ гости, уже усталые и порядочно пьяные, немало обрадовались. Но это былъ только обманъ: когда императрица, пожелавъ всѣмъ доброй ночи, сѣла въ свою карету, императоръ хотя и сѣлъ туда вмѣстѣ съ нею (что̀ возбудило всеобщее удивленіе, потому что онъ никогда этого не дѣлалъ), однакожъ, не проѣхавъ и ста шаговъ, велѣлъ опять остановиться, и мы увидѣли, что изъ кареты съ одной стороны выходитъ онъ самъ, а съ другой императрица. Послѣ того

часовымъ опять велѣно было никого не выпускать изъ сада, и такъ какъ его величеству вовсе не хотѣлось ѣхать домой и казалось, что общество еще не довольно пьяно, то началась снова попойка. Но государыня, замѣтивъ, что его высочество нашъ герцогъ уже порядочно выпилъ, послала сказать караульнымъ офицерамъ, чтобъ они пропустили его и графа Бонде; потомъ очень милостиво простилась съ его высочествомъ и ушла опять къ императору.

4. Былъ роздыхъ послѣ маскерада, но мы всѣ весь день должны были ходить въ маскахъ.

5. Въ день тезоименитства принцессы Елисаветы, положено было отпраздновать и покореніе города Баку, взятаго 28-го Іюля. Поэтому его высочество, въ 10 часовъ утра, переправился на ту сторону рѣки въ сопровожденіи графа Бонде, Плате и меня, чтобы поздравить съ этимъ днемъ императорскую фамилію при выходѣ ея изъ церкви. Такъ какъ тамъ всѣ были замаскированны, лишь съ надѣтыми поверхъ плащами, то мы также поѣхали въ своихъ костюмахъ и дожидались окончанія обѣдни внѣ церкви. Когда въ крѣпости и Адмиралтействѣ, по случаю настоящаго торжества, началась троекратная пушечная пальба, съ нашей яхты (по отданному за день приказанію) всякій разъ отвѣчали 5-ю выстрѣлами, и, кромѣ того, послѣ перваго раза, на ней стали поперемѣнно развѣваться Русскіе, Шведскіе и Голштинскіе флаги. По окончаніи богослуженія, его высочество имѣлъ счастіе приносить свои поздравленія императору, императрицѣ и обѣимъ принцессамъ и потомъ провожать послѣднихъ до ихъ кареты. Около 4-хъ часовъ, когда послѣдовалъ сигналъ къ сбору масокъ, мы, вмѣстѣ со всѣми прочими, отправились на галерную верфь, гдѣ спущена была со штапеля совершенно вызолоченная яхта, которую назвали, по имени средней принцессы, «Елисаветою». Какъ скоро она благополучно сошла на воду носомъ впередъ (а не кормою, какъ другіе, большіе корабли) и выпалила изъ всѣхъ своихъ пушекъ, императоръ, императрица и знатнѣйшіе изъ присутствовавшихъ немедленно взошли на нее. Тамъ же явился и Персидскій посолъ съ прикомандированнымъ къ нему отъ здѣшняго двора переводчикомъ. Императорскія принцессы находились съ своими дамами на другой яхтѣ, стоявшей противъ вновь-спущенной, почему императоръ сѣлъ въ свою верейку и поплылъ къ нимъ; потомъ посадилъ ихъ обѣихъ съ собою и привезъ на новую яхту, гдѣ средняя, по имени которой названа эта яхта, подносила всѣмъ гостямъ по стакану вина. Наконецъ все общество вышло оттуда и отправилось гурьбою къ почтовому дому. Нашъ герцогъ также поѣхалъ туда, и когда насъ передъ этимъ домомъ разставили какъ слѣдовало, мы всѣ пошли пѣшкомъ въ садъ императрицы,

до котораго, для ея величества и для дамъ, вся дорога выложена была досками. Въ иллюминованной бесѣдкѣ императрицына сада было накрыто нѣсколько столовъ, уставленныхъ холодными кушаньями, и между прочимъ въ залѣ стоялъ большой круглый столъ, за которымъ можно было сидѣть съ обѣихъ сторонъ (т.-е. снаружи и внутри) и который съ одного конца имѣлъ отверстіе для входа въ средину. За нимъ сидѣли всѣ члены императорской фамиліи и знатнѣйшіе кавалеры и дамы. Внутри его стоялъ другой, небольшой столикъ со сластями, за который должны были помѣститься слѣдующія четыре особы, а именно: князь-кесарь съ супругою, теща г. Остермана *), старая княгиня Голицына, какъ аббатисса маскерада, и старшій кардиналъ, какъ викарій покойнаго князя-папы. Его высочество, по обыкновенію, хотѣлъ сѣсть около императора; но императрица знакомъ пригласила его прійти къ ней, и онъ долженъ былъ помѣститься внутри стола, прямо противъ императорскихъ принцессъ, которыя сидѣли возлѣ ея величества съ лѣвой стороны, а герцогиня Мекленбургская и ея сестра съ правой. Не имѣвъ почти никогда этого удовольствія, онъ былъ очень обрадованъ такимъ приглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что, сидя такъ близко отъ принцессъ, можно было постоянно разговаривать съ ними; да и кромѣ того, ея величество была къ нему необыкновенно милостива. Гессенъ-гомбургскіе принцы, всегда слѣдующіе по стопамъ за его высочествомъ, безъ всякаго приглашенія прошли за нимъ и тутъ же сѣли подлѣ него, младшій съ правой, а старшій съ лѣвой стороны. Такъ какъ не было никого, кто бы разрѣзывалъ кушанья для императрицы и принцессъ, то его высочество началъ было самъ разнимать жареную курицу, но ея величество приказала сдѣлать это одному изъ своихъ каммеръ-юнкеровъ. Когда садовница принесла ей всякаго рода фруктовъ, она была такъ милостива, что сама выбрала изъ нихъ лучшіе, положила ихъ на тарелку вмѣстѣ съ букетомъ и подала сперва его высочеству, о потомъ уже раздавала съ нея и другимъ. Первый провозглашенный тостъ былъ въ честь средней принцессы, какъ именинницы, которая должна была встать и сама передать императору стаканъ вина; потомъ слѣдовали тосты за здоровье императора, императрицы, всѣхъ гостей и семейства Ивана Михайловича. За здоровье ея высочества старшей императорской принцессы, герцогини Мекленбургской и ея сестры было выпито въ тишинѣ послѣ того. По выходѣ изъ-за стола сначала всѣ гуляли немного по саду, потомъ нѣсколько времени продолжались танцы, а подъ конецъ всѣ маски, въ положенномъ порядкѣ, отправились въ садъ императора,

*) Des Herrn von Ostermanns Schwiegermutter.

отдѣляющійся отъ сада императрицы только небольшимъ мостикомъ. Его высочество, впрочемъ, сперва, проводилъ императорскихъ принцессъ до ихъ барки. Когда мы пришли въ галерею сада, начался фейерверкъ, состоявшій изъ ракетъ, швермеровъ, огненныхъ колесъ, водяныхъ шаровъ и большого девиза изъ бѣлаго и голубаго огня, съ изображеніемъ покореннаго города Баку и его бомбардированія, и съ надписью, показавшею когда онъ былъ взятъ, именно 28-го Іюля. Кстати замѣчу здѣсь, что курьеръ, адъютантъ генералъ-маіора Матюшкина (командовавшаго войсками въ Персіи и получившаго за взятіе этой крѣпости чинъ генералъ-лейтенанта) пробылъ въ дорогѣ только пять недѣль, именно три недѣли ѣхалъ водою до Астрахани и двѣ сухимъ путемъ отъ Астрахани до Петербурга. Персидскій посолъ смотрѣлъ вмѣстѣ съ другими на этотъ фейерверкъ и показывалъ видъ, что очень восхищается имъ. По окончаніи его, онъ имѣлъ съ императоромъ продолжительный разговоръ наединѣ, которымъ, повидимому, также остался весьма доволенъ.

6. Около 4-хъ часовъ мы опять собрались за рѣкой у дома «Четырехъ Фрегатовъ». Гессенъ-гомбургскіе принцы представили императору машину, присланную ихъ отцомъ и привезенную за нѣсколько дней вмѣстѣ съ багажемъ. Она была сдѣлана изъ кожи и имѣла видъ лодки для перевоза солдатъ черезъ небольшія рѣки. Говорили, что въ ней могутъ помѣщаться 4 гребца и стоять еще около 20-ти человѣкъ. Принцы спускали ее въ присутствіи императора на воду и потомъ вытащили на берегъ, гдѣ она опять была сложена. Такую лодку можетъ свободно перевозить съ мѣста на мѣсто верблюдъ или оселъ, потому что вѣсу въ ней всего на всего только 220 фунтовъ. Подарокъ этотъ былъ не непріятенъ императору. Вскорѣ послѣ того его величество пошелъ къ своему буеру, стоявшему наготовѣ у моста, и переправился на немъ къ почтовому дому, куда поѣхали за нимъ императрица (которая здѣсь въ этотъ день не выходила изъ своей барки) и всѣ маски въ своихъ баркахъ и верейкахъ. Они вышли на берегъ въ одно время съ государеръ, потому что вѣтеръ былъ очень слабъ; а между тѣмъ его величеству все-таки хотѣлось поѣздить по водѣ, чтобы подольше имѣть возможность самому править рулемъ. Какъ скоро мы высадились у почтоваго дома, передніе ряды масокъ уже открыли шествіе, и хотя нашему нумеру слѣдовало идти позади иностранныхъ министровъ и передъ «безпокойной братіей», однакожъ мы вмѣстѣ съ иностранными министрами попали позади послѣдней, такъ что наша группа заключала мужскую половину маскерада. Вслѣдъ за нами шли два полковника въ качествѣ маршаловъ для женской половины, за которыми слѣдовала императрица со всѣми дамами;

но онѣ не шли пѣшкомъ, а ѣхали въ открытыхъ линейкахъ (Wurstwagen), которыхъ было 8 или 10, въ шесть лошадей каждая (двѣ-три линейки, впрочемъ, оставались незанятыми и ѣхали позади порожнякомъ). Въ этомъ порядкѣ мы шли отъ почтоваго дома мимо заборовъ, окружающихъ зимній домъ императора, а потомъ, поворотя влѣво, чрезъ городъ, почти возлѣ всей длинной аллеи [1]), и еще нѣсколько далѣе, черезъ рощу, пока наконецъ не пришли къ президенту юстицъ-коллегіи, Апраксину. Все это составило прогулку версты въ двѣ или три, при чемъ многіе тяжеловѣсные и старые люди таки порядочно понагрѣлись и устали. Въ этотъ разъ въ нашей процессіи нѣкоторые опять ѣхали верхомъ на маленькихъ ослахъ, и кромѣ того, явилось немало новыхъ смѣшныхъ и намъ еще незнакомыхъ масокъ. (Между тѣмъ всѣ зрители единогласно утверждали, что наша группа, какъ на суши, такъ и на водѣ, была самою красивою и эффектною). Войдя съ задней стороны въ садъ Апраксина, всѣ маски раздѣлились тамъ на группы, заняли разставленныя въ разныхъ мѣстахъ палатки и принялись кто за табакъ и вино, кто за кое-какое холодное кушанье. Герцогъ сѣлъ съ иностранными министрами и нѣкоторыми Русскими, къ которымъ присоединился потомъ и князь Меншиковъ, просидѣвшій довольно долго возлѣ его высочества. Когда стало смеркаться, императоръ пробарабанилъ отступленіе, и всѣ отправились опять къ своимъ судамъ. Мы поѣхали въ темнотѣ, съ нѣсколькими на каждомъ суднѣ фонарями, къ дому фельдцейхмейстера Брюса, гдѣ вышли на берегъ, и потомъ процессіей, съ факелами, пошли къ князю-кесарю или князю Ромодановскому. Тамъ намъ всѣмъ тотчасъ поднесли по чаркѣ его адски-крѣпкой, дистиллированной дикой перцовки. Отъ нея, ни подъ какимъ предлогомъ, не избавлялся никто, даже и женщины, и при этомъ угощеніи императоръ самъ долго исправлялъ должность хозяина и, когда очередь дошла до нашей группы, собственноручно подносилъ чарки его высочеству, мнѣ и прапорщику Блекену, при чемъ не только тщательно наблюдалъ, чтобъ на днѣ ничего не оставалось, но и спрашивалъ потомъ каждаго, что̀ онъ такое пилъ? Тотчасъ отвѣчать на этотъ вопросъ было весьма нелегко, потому что водка такъ жгла горло, что почти не давала говорить. Такъ какъ императоръ не пощадилъ и дамъ, то многимъ изъ нихъ пришлось очень плохо отъ этого напитка. Но никому такъ не доставалось, какъ мосьё Ла-Костѣ: его увѣрили, что послѣ того надобно выпить воды, которой его величество тутъ же и приказалъ Василію [2]) принести большой стаканъ, и лишь только онъ,

[1]) Нынѣшняго Невскаго Проспекта.

[2]) Денщику и фавориту своему Василію Петровичу.

это сдѣлалъ, какъ не только почувствовалъ въ горлѣ жженіе, въ десять разъ сильнѣйшее, но и разомъ отдалъ назадъ все, что̀ съѣлъ, можетъ быть, въ продолженіе цѣлаго дня, послѣ чего ужасно ослабѣлъ и началъ кричать, что долженъ умереть. Водка эта не терпитъ ни пива, ни воды, и ее надобно тотчасъ же запивать другою водкою; лучше всего также выпивать ее однимъ глоткомъ, потому что чѣмъ дольше держишь ее во рту, тѣмъ сильнѣе она щипетъ. Императоръ хотя и сѣлъ за столъ съ знатнѣйшими изъ гостей, однакожъ его высочество не рѣшился присоединиться къ нимъ, изъ боязни, что съ ними нужно будетъ пить; кромѣ того у него не было аппетита, почему онъ и оставался поодаль съ другими. Но и тутъ ему все-таки пришлось выпить нѣсколько стакановъ. Нельзя сказать, чтобъ вообще въ этотъ разъ пили сильно; со всѣмъ тѣмъ общество не расходилось почти до 2-хъ часовъ, когда наконецъ императрица удалилась съ своими дамами. Изъ нихъ большая часть была окончательно на-веселѣ, почему мы думали, что подъ конецъ дойдетъ очередь и до мущинъ; но хозяинъ позаботился доставить его высочеству возможность поскорѣе уѣхать. Не смотря на то, намъ удалось это сдѣлать не прежде 3-хъ часовъ пополуночи.

7. Поутру, въ половинѣ одиннадцатаго, еще многіе разгуливали въ маскарадныхъ костюмахъ, потому что «безпокойная братія» и все общество масокъ должны были бѣсноваться у князя-кесаря до поздней ночи и пить до самаго утра. Императоръ, бывшій въ отличномъ расположеніи духа, велѣлъ даже созвать въ садъ всѣхъ своихъ слугъ до послѣдняго поваренка и служанокъ до послѣдней судомойки, чтобъ и ихъ заставить тамъ пить знаменитую водку князя-кесаря (которой порядочный запасъ его величество взялъ съ собою). Часовъ въ семь утра, уходя спать, онъ отдалъ приказаніе, чтобъ все общество не расходилось до 10-ти часовъ и оставалось въ галереѣ внѣ сада, а такъ какъ и до того никого не выпускали, то дурачествамъ тамъ не было конца. Почти всѣ члены «безпокойной братіи» были до крайности утомлены, когда ихъ наконецъ распустили по домамъ; но, не смотря на то, они, говорятъ, получили приказаніе къ двумъ часамъ пополудни снова явиться въ садъ императора. Въ этотъ день утромъ всѣмъ намъ велѣно было маскерадныя наши платья сдать при дворѣ камердинеру Миддельбургу.

8. Не случилось ничего особеннаго.

9. Ко двору въ этотъ день явился одинъ Лифляндскій баронъ, по фамиліи Клотъ, который, по рекомендаціи многихъ знатныхъ Шведовъ, былъ принятъ тайнымъ совѣтникомъ Бассевичемъ какъ бы въ службу его высочества, камеръ-юнкеромъ, но съ условіемъ не получать ника-

кого жалованья до тѣхъ поръ, пока герцогъ не заблагоразсудитъ поручить ему дѣйствительное исправленіе этой должности. Онъ, будучи кавалерійскимъ поручикомъ, много лѣтъ находился здѣсь въ плѣну, а когда послѣ опять пріѣхалъ изъ Швеціи въ Лифляндію, потерялъ отца, почему и долженъ былъ оставаться нѣсколько времени въ этой провинціи. Пріѣзжалъ къ намъ также одинъ изъ императорскихъ кабинетныхъ курьеровъ, которому хотѣлось представиться его высочеству. Онъ объявилъ, что въ тотъ же день отправляется черезъ Финляндію въ Швецію и потому желаетъ узнать, не будетъ ли ему отъ его высочества какихъ-нибудь приказаній. Такъ какъ всѣ письма были уже приготовлены и лежали у Штамке, то герцогъ просилъ его только зайти къ послѣднему и взять ихъ, послѣ чего пожелалъ ему счастливаго пути. При этомъ случаѣ и баронъ Клотъ имѣлъ счастіе видѣть его высочество и представить полученное имъ отъ тайнаго совѣтника Бассевича рекомендательное письмо. Въ этотъ день, утромъ, надобно было яхту нашу, стоявшую прежде на рѣкѣ, перевести въ каналъ и поставить передъ домомъ его высочества, потому что въ прошедшую ночь ее вѣтромъ сорвало съ якорей. Въ тотъ же день мы получили изъ Германіи извѣстіе, что нагруженный для его высочества корабль уже отправился въ путь, при чемъ присланы были и росписи всѣхъ отправленныхъ на немъ припасовъ. Такъ какъ онъ для многихъ изъ нашихъ людей везъ что-нибудь (въ томъ числѣ и для меня немало платьевъ и вещей), да и наши запасы вина совершенно истощились (отчего мы уже давно мало получали хорошихъ напитковъ), то всѣ мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали его прибытія.

Съ 10-го по 13-е не происходило ничего, кромѣ домашнихъ удовольствій, при которыхъ дѣло не обошлось безъ попоекъ и опьяненія.

14. Его высочество присутствовалъ при прощальной аудіенціи Персидскаго посла. Незадолго до пріѣзда послѣдняго, императоръ прошелъ во внутренніе покои къ императрицѣ и тамъ снялъ свой соболій кафтанъ, замѣнивъ его другимъ, по его понятію очень щеголеватымъ, а именно голубымъ съ весьма узкимъ серебрянымъ шитьемъ. Этотъ кафтанъ, по его собственнымъ словамъ, былъ тотъ самый, который онъ надѣвалъ, отправляясь на первое свиданіе съ Французскимъ королемъ *). Тотчасъ послѣ аудіенціи онъ опять снялъ его у императрицы. На аудіенціи посолъ получилъ словесное увѣреніе, что заключенный (съ Персіею) трактатъ будетъ свято исполненъ. Трактатъ этотъ, какъ говорятъ, главнымъ образомъ заключается въ томъ, что императоръ удерживаетъ за собою все, что доселѣ было завоевано имъ

*) Въ 1717 году.

при Каспійскомъ морѣ, и взамѣнъ того обязывается помогать молодому Софи противъ Миривея. Его величество, въ честь посла, приказалъ въ крѣпости палить изъ пушекъ. Генералъ Алларъ, возвратившійся недавно изъ Украйны, гдѣ онъ командуетъ войсками, пріѣзжалъ въ этотъ день съ визитомъ къ его высочеству. Батальйонъ Преображенскаго полка, стоявшій за день передъ тѣмъ въ строю на лугу, противъ дома герцога и одинъ разъ стрѣлявшій изъ ружей, стоялъ опять тамъ и дѣлалъ въ присутствіи Персидскаго посла разныя военныя эволюціи, при которыхъ находился самъ императоръ и на которыя смотрѣли также императорскія принцессы. Когда все это кончилось, его высочество пошелъ съ нами въ домъ, гдѣ стоитъ принадлежавшій ему прежде Готторпскій глобусъ, и такъ какъ онъ еще не видалъ послѣдняго, то садился въ него съ пятерыми изъ насъ, приказывалъ его вертѣть и все въ немъ разсматривалъ.

16. Около полудня мы узнали, что бар. Рённъ, прапорщикъ гвардіи, назначенъ резидентомъ въ Персію, куда ему велѣно ѣхать вслѣдъ за посломъ. Такое назначеніе далеко не изъ пріятныхъ; потому что не знаютъ даже, гдѣ въ Персіи находится Софи, приславшій сюда посольство. Онъ всюду долженъ убѣгать и укрываться отъ преслѣдованій мятежника Миривея (Мири-вейса), который свергъ съ престола его отца и старшаго брата, а его самого хоть сначала и посадилъ на ихъ мѣсто, однакожъ теперь точно такъ же гонитъ. Его высочество былъ въ этотъ день на обѣдѣ у Персидскаго посла. Императоръ также удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ и за столомъ занялъ мѣсто въ самой срединѣ. Подлѣ него, съ правой стороны, сѣлъ нашъ герцогъ, а подлѣ его высочества, съ правой же стороны, помѣстились Гессенъ-Гомбургскіе принцы. Съ лѣвой стороны возлѣ Государя сидѣлъ великій канцлеръ Головкинъ, за которымъ слѣдовали далѣе, какъ пришлося, всѣ иностранные и здѣшніе министры, генералы и прочіе гости. Посолъ, съ своею свитою, во все время обѣда прислуживалъ и постоянно стоялъ за стуломъ императора. Пить вино Персіянамъ хотя и запрещено, однакожъ онъ бралъ его и самъ начиналъ провозглашать всѣ тосты. (Незадолго передъ тѣмъ, когда ему, у великаго канцлера, въ первый разъ поднесли вина, онъ сказалъ, что по закону своему не можетъ пить его, но что изъ благоговѣнія передъ императоромъ забываетъ этотъ законъ и выпьетъ за здоровье его императорскаго величества, что̀ и сдѣлалъ). Первый тостъ, впрочемъ, государь провозгласилъ самъ, и это былъ тостъ за здоровье Персидскаго шаха, сопровождавшійся 13-ю выстрѣлами изъ пушекъ, нарочно поставленныхъ, въ числѣ 14 ти, передъ домомъ для пальбы во время питья за здоровье. Всѣхъ тостовъ въ этотъ разъ было провозглашено девят-

надцать, и всѣ они сопровождались пальбою. Кушанья готовили повара его величества на здѣшній манеръ; но потомъ одинъ изъ Персіянъ (по всѣмъ признакамъ, кухмистеръ) уставилъ весь столъ Персидскими кушаньями, состоявшими большею частію изъ яицъ, крупъ, гороху, рису и изюма, иногда обложенныхъ мясомъ и колбасами. На вкусъ почти всѣ они были очень сладки. Подавали также немного Персидскаго хлѣба, приготовленнаго изъ риса и имѣвшаго форму большихъ круглыхъ и продолговатыхъ, вздутыхъ пироговъ. Всѣ кушанья, какъ Персіянами, такъ и Русскими, вносились на головахъ, и каждое блюдо было покрыто жестянымъ колпакомъ, который снимался прежде, нежели оно ставилось на столъ. Вносились же они такимъ образомъ, какъ говорили, изъ уваженія къ императору. По окончаніи обѣда, уже часовъ въ одиннадцать или въ половинѣ двѣнадцатаго, императоръ, герцогъ и всѣ гости разъѣхались. Посолъ провожалъ ихъ до рѣки, а при прощаньи сдѣлалъ его высочеству очень тонкій комплиментъ и благодарилъ за оказанную ему честь. Герцогъ на этомъ прощаньи разцѣловался съ нимъ, а онъ поцѣловалъ ему руку и потомъ поцѣловался также съ нѣкоторыми изъ нашихъ кавалеровъ. Для описаннаго пиршества всѣ припасы были доставлены изъ кухни и изъ погреба императора, и во все продолженіе его игралъ полный оркестръ императрицы вмѣстѣ съ императорскими трубачами. Зала, гдѣ сидѣли за столомъ, и весь домъ, занимаемый посланникомъ, были прекрасно иллюминованы, а посрединѣ стола, передъ императоромъ стояли двѣ восковыя свѣчи, длиною въ полтора локтя *). Во время обѣда, стоя за стуломъ его высочества, я долго разговаривалъ съ фаворитомъ императора, Васильемъ Петровичемъ, и рѣчь у насъ преимущественно шла о медвѣжьей травлѣ, до которой онъ страстный охотникъ. Говорятъ, у него есть штукъ двадцать превосходнѣйшихъ Англійскихъ доггъ (мордашекъ). Онъ приглашалъ къ себѣ на травлю и его высочество, который обѣщалъ ему непремѣнно пріѣхать. Мы узнали, что въ этотъ день, поутру, состоялось сенатское рѣшеніе, по которому старшій принцъ Гессенъ-Гомбургскій назначается командиромъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, а младшій братъ его получаетъ чинъ гвардіи капитана; но публиковано объ этомъ еще не было.

17. Его высочество послѣ вчерашняго дня былъ немного нездоровъ.

18. Въ 9 часовъ утра, императоръ отправился съ Меншиковымъ, великимъ адмираломъ Апраксинымъ и нѣкоторыми другими въ Кронслотъ, и говорили, что Персидскій посолъ сегодня или завтра поѣдетъ за нимъ со всею флотиліею, потому что его величество хотѣлъ тамъ

---

*) Около аршина съ четвертью.

и въ Петергофѣ самъ ему все показать. Для этой цѣли военный корабль «Александръ» оставили нарочно на рейдѣ неразснащеннымъ и въ полномъ вооруженіи, чтобы дать послу настоящее и вѣрное понятіе о военныхъ корабляхъ. На этомъ же кораблѣ назначено было и угощать его. Мы узнали еще въ этотъ день, что бар. Рённъ не поѣдетъ въ Персію; онъ отозвался и увѣрялъ, что не довольно хорошо знаетъ Русскій языкъ, а потому туда отправляется молодой князь Мещерскій, братъ курьера и поручикъ гвардіи. Его высочество утвердилъ бар. Клота въ должности кам.-юнк., обѣщанной ему т. с. Бассевичемъ, но такъ, чтобъ жалованье онъ получалъ со дня призыва его на дѣйствительную службу, а до тѣхъ поръ пользовался только присвоеннымъ ему званіемъ. Въ этотъ же день въ государственной канцеляріи (Reichs-canzeley), по просьбѣ Шведскаго посланника, арестовали танцмейстера Шульца за то; что онъ разсказывалъ здѣсь за вѣрное, будто въ нынѣшнемъ году, въ Стокгольмѣ, на открытой площади, самъ слышалъ изъ устъ подполк. Сикье, что король Карлъ XII застрѣленъ имъ, тогда какъ извѣстно, что подполковникъ въ то время былъ уже сумасшедшимъ и не выходилъ болѣе изъ своего дома. Что будетъ далѣе съ этимъ человѣкомъ—покажетъ время.

19. Послѣ обѣда капитанъ Штіернгёкъ простился съ его высочествомъ, потому что на другой день собирался ѣхать въ Швецію.

20. Поутру корабль съ припасами для его высочества прибылъ наконецъ изъ Голштиніи.

21. Въ этотъ день г. фонъ-Альфельдъ привелъ ко двору молодого фонъ-Брокдорфа, пріѣхавшаго изъ Голштиніи на кораблѣ, который привезъ наши припасы. Онъ состоялъ во Французской службѣ въ чинѣ поручика, но долженъ былъ оставить ее вслѣдствіе дуэли, и теперь искалъ случая попасть въ службу его высочества, потому что не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни послѣ того какъ отецъ его, у котораго было болѣе 200,000 талеровъ капитала, потерялъ все свое состояніе при устройствѣ плотинъ въ Голштиніи. Его высочеству онъ передалъ привезенныя имъ рекомендательныя письма, въ числѣ которыхъ одно было отъ администратора. Молодой Джонъ (состоящій, по назначенію императора, при Гессенъ-Гомбургскихъ принцахъ) приглашалъ его высочество на послѣ-завтра на свадьбу своей сестры, назначенную въ домѣ генерала Ягужинскаго, гдѣ будетъ и вся императорская фамилія, исключая самого императора, который, по увѣренію Джона, возвратится сюда не прежде, какъ черезъ недѣлю.

22. Въ то время, какъ мы сидѣли еще за столомъ, пріѣхалъ женихъ Принценштіернъ (вступающій въ бракъ съ вдовою умершаго полковника Ягужинскаго) и приглашалъ герцога на завтра на свою свадьбу. Его

высочество обѣщалъ ему пріѣхать. Тотчасъ послѣ обѣда явились еще съ формальнымъ приглашеніемъ на туже свадьбу два шафера, поручикъ гвардіи и флотскій лейтенантъ.

23. Около 4-хъ часовъ его высочество со всѣми нами поѣхалъ на свадьбу въ домъ Ягужинскаго, гдѣ въ это время собралось уже большое общество кавалеровъ и дамъ, между которыми находились и жены здѣшнихъ иностранныхъ министровъ, а именно супруга Шведскаго посланника, графиня Поссе, Голландская резидентша и недавно пріѣхавшая жена императорскаго (Австрійскаго) секретаря посольства. Часовъ въ пять пріѣхала герцогиня Мекленбургская, а въ половинѣ шестаго императрица съ обѣими принцессами. Его высочество сошелъ внизъ и встрѣтилъ ихъ у барки, откуда принцессъ потомъ и повелъ въ домъ. Всѣ дамы также выходили на улицу встрѣчать императрицу. Тотчасъ по прибытіи ея величества, на верху, въ новой, прекрасной и большой залѣ г. Ягужинскаго, началось бракосочетаніе, и когда оно кончилось, всѣ сѣли за столъ, при чемъ его высочество, нашъ герцогъ, помѣстился такъ, что могъ постоянно видѣть императорскую фамилію (которая заняла мѣста въ концѣ дамскаго стола). Возлѣ его высочества, съ правой стороны, сидѣлъ старшій принцъ Гессенскій который на сей разъ явился одинъ, потому что братъ его былъ несовсѣмъ здоровъ, а съ лѣвой недалеко отъ него находилась полковница Кампенгаузенъ, которая сидѣла на ближайшемъ къ нему концѣ дамскаго стола. Свадебной роднею и свадебными чинами были слѣдующія лица: посаженою матерью невѣсты—графиня Матвѣева, посаженою матерью жениха—княгиня Голицына, сестрою невѣсты—архіатерша Блументростъ, сестрою жениха—молодая Строганова, посаженымъ отцомъ невѣсты—князь Долгорукій, братомъ жениха—молодой Головкинъ, братомъ невѣсты—Антонъ Мануиловичъ (Девьеръ), подругами невѣсты—дѣвицы Головкина и Нарышкина, дружкою—женихъ послѣдней, молодой Голицынъ, гвардіи сержантъ, маршаломъ—т. с. Остерманъ, шаферами—8 человѣкъ гвардейскихъ поручиковъ и флотскихъ лейтенантовъ. Послѣ обычнаго введенія подругъ невѣсты и дружки началось провозглашеніе заздравныхъ тостовъ, а какъ скоро столы были вынесены, открылись танцы, которые и продолжались съ половины восьмого до 10-ти часовъ, когда императрица и принцессы удалились. Послѣднихъ его высочество провожалъ до ихъ барки. По отъѣздѣ государыни танцы начались снова и продолжались еще съ часъ; но когда дѣло дошло до послѣдней прогулки въ спальню невѣсты, его высочество и герцогиня Мекленбургская уѣхали. Его высочество въ этотъ день многихъ приглашалъ къ себѣ на завтра къ обѣду.

24. Изъ приглашенныхъ его высочествомъ къ обѣду явилось только 6 человѣкъ, да и изъ тѣхъ бо́льшая часть тотчасъ послѣ стола отправилась къ старой царицѣ, потому что въ этотъ день было рожденіе принцессы Прасковіи, которой теперь пошелъ 30-й годъ. Графъ Бонде и Плате также поѣхали къ ней и нашли тамъ императрицу съ принцессами и большое общество. Его высочество, которому сказали, что изъ императорской фамиліи у царицы никого не будетъ, очень жалѣлъ, что не поѣхалъ туда.

25. Артилерійскій генералъ Гюнтеръ собирался со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ отсюда въ Астрахань. Ему поручено осмотрѣть въ томъ краѣ всѣ крѣпости и, какъ полагаютъ, построить еще нѣсколько новыхъ. Въ этотъ день здѣсь распространился слухъ о смерти молодого Мекленбургскаго Салтыкова [1]). Говорили также, что умеръ и вице-адмиралъ Измаевичъ.

26. Къ намъ пріѣзжалъ секретарь графа Дюкера [2]), присланный сюда для хожденія по дѣлу о притязаніи графа на помѣстье Нейклостеръ, состоящее теперь во владѣніи каммеррата Фика, которому оно было подарено императоромъ. Мы узнали нынче, что въ прошлую ночь умеръ здѣсь флотскій капитанъ Вильстеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ и прекрасно образованный.

27. У его высочества были въ гостяхъ иностранные министры Мардефельдъ, Цедеркрёйцъ и Лефортъ, и полковникъ Кампенгаузенъ.

28. Праздновалась годовщина сраженія съ Лёвенгауптомъ при Лѣсномъ, въ Польшѣ (1708). (Она приходится въ одно число съ праздникомъ св. Михаила, который у Русскихъ бываетъ днемъ прежде нашего). По окончаніи богослуженія торжество началось пушечною пальбою, и хотя ни герцогу, ни иностраннымъ министрамъ ничего о немъ не было сообщено, однакожъ его высочество, узнавъ, что оно будетъ справляться въ саду, въ полдень откушалъ въ своей комнатѣ. Въ 3 часа императоръ и императрица, въ сопровожденіи большей части здѣшнихъ вельможъ, отправились водою въ Адмиралтейство для присутствованія тамъ при спускѣ шнявы [3]). Герцогъ, узнавъ объ этомъ, немедленно поѣхалъ туда же; но шнява была уже спущена на воду. Ее тотчасъ принялись оснащивать и снабжать двумя необходимыми мачтами, парусами и рулями, чтобы имѣть возможность въ тотъ же день плавать на ней, хотя при спускѣ она была еще совершенно безо всего этого. И въ самомъ дѣлѣ черезъ три часа шнява была приве-

---

[1]) О какомъ именно Салтыковѣ говоритъ здѣсь Берхгольцъ—неизвѣстно.

[2]) Шведскаго фельдмаршала.

[3]) Небольшое двухмачтовое судно съ четыреугольными парусами.

дена въ такое состоянiе, что императоръ, императрица, обѣ принцессы, Персидскiй посолъ и многiе другiе могли ѣхать на ней отъ Адмиралтейства до Лѣтняго сада. Во время этого переѣзда изъ крѣпости и Адмиралтейства привѣтствовали ее пушечною пальбою, на которую она, съ своей стороны, отвѣчала нѣсколькими выстрѣлами. Такъ какъ она была очень мала и вмѣстить могла весьма немногихъ, то его высочество, какъ и большая часть вельможъ, оставался въ своей баркѣ и смотрѣлъ съ удивленiемъ на необыкновенную быстроту, съ какою это судно оснащивалось и приводилось въ надлежащiй порядокъ (чѣмъ, вѣроятно, хотѣли доставить удовольствiе Персидскому послу). Императоръ лично трудился при томъ изъ всѣхъ силъ, даже взлѣзалъ на самый верхъ мачты, чтобъ приказать что-то такое работавшимъ тамъ матросамъ. Когда почти все было уже готово, его высочество уѣхалъ впередъ домой, а потомъ отправился съ нами въ садъ императора, гдѣ мы нашли многочисленное общество. Но изъ иностранныхъ министровъ тамъ не было никого, кромѣ Персидскаго посла и Голландскаго резидента. Вскорѣ послѣ его высочества прiѣхала императорская фамилiя, и всѣ сѣли въ длинной открытой галереѣ сада за нѣсколько столовъ. Императрица со всѣми дамами помѣстилась за однимъ, а императоръ съ его высочествомъ и знатнѣйшими кавалерами занялъ другой, стоявшiй рядомъ съ дамскимъ. Гвардiя въ этотъ день стояла на лугу, гдѣ ее угощали водкой, а потому гренадеры должны были явиться во время стола съ своимъ *простымъ*, отъ котораго, по обыкновенiю, не былъ избавленъ никто. Дамы и младшiй принцъ Гессенскiй почувствовали себя послѣ того весьма нехорошо. Послѣднiй даже принужденъ былъ уѣхать домой; но бѣднымъ дамамъ не позволили и этого сдѣлать: онѣ должны были оставаться противъ воли и сверхъ силъ. Великiй адмиралъ, сидѣвшiй рядомъ съ Персидскимъ посломъ, не хотѣлъ допустить, чтобъ и его заставляли пить *простое*, а маiоры гвардiи уже дали было убѣдить себя, но тотъ никакъ не соглашался на такое исключенiе и убѣдительно просилъ, чтобъ и ему дали водки. Получивъ ее, онъ всталъ и сказалъ во всеуслышанiе, что изъ уваженiя и любви къ императору готовъ пить все, что̀ только можно пить; потомъ, пожелавъ еще его величеству всевозможнаго счастiя и благополучiя, осушилъ чашу. Послѣ стола начались танцы, которые продолжались до половины двѣнадцатаго, времени, когда его высочество проводилъ императорскихъ принцессъ до ихъ комнатъ. Въ заключенiе всего Персидскiй посолъ имѣлъ здѣсь прощальную аудiенцiю у императрицы, у которой онъ ставъ на колѣни, поцѣловалъ сперва край платья, а потомъ голую руку. Въ этотъ день я узналъ отъ ея высочества герцогини Мекленбургской, что супругъ ея въ Дёмицѣ дѣйствительно приказалъ отру-

бить голову тайному совѣтнику Вольфрату, чѣмъ она немало была огорчена.

29. Всѣ мы должны были подписать реверсъ касательно нашего тайнаго общества*), который наканунѣ былъ разосланъ къ каждому изъ насъ и по содержанію своему совершенно отличался отъ видѣннаго нами третьяго-дня. По этому случаю въ 7 часовъ вечера собиралось засѣданіе въ залѣ графа Бонде, гдѣ документы были надлежащимъ образомъ представлены, и его высочество говорилъ рѣчь.

30. Послѣ обѣда ко двору являлся маіоръ Шульцъ, который ищетъ случая попасть на службу къ герцогу; но мы подъ благовиднымъ предлогомъ поспѣшили выпроводить его, потому что знали, что его высочество скоро выйдетъ и объ этомъ визитѣ спрашивать не будетъ. Графъ Бонде въ этотъ день началъ опять свое дежурство. Въ истекшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ здѣсь начали прекрасный большой шпицъ на Петропавловской крѣпости покрывать сильно вызолоченными въ огнѣ мѣдными листами; но передъ тѣмъ еще, наверху его поставили летящаго, вызолоченнаго ангела (величиною болѣе, чѣмъ въ ростъ человѣческій), въ рукѣ котораго по вѣтру поворачивается знамя.

Октябрь. 1. Въ полдень Персидскій посолъ осматривалъ Готторпскій глобусъ, стоящій на лугу противъ нашего дома. Посолъ этотъ человѣкъ необыкновенно любознательный и ничего достопримѣчательнаго не оставляетъ здѣсь безъ вниманія, за что̀ императоръ его очень любитъ. Передъ ужиномъ, у Брюммера, его высочество, для шутки, передалъ намъ письмо, въ которомъ требовалъ, чтобъ мы рѣшили большинствомъ голосовъ, ѣхать ли ему также въ Кронслотъ, или оставаться дома, потому что приглашенія участвовать въ этой поѣздкѣ онъ не получалъ. Императоръ собирался туда на другой день на закладку новаго укрѣпленія. Вся здѣшняя знать получила приглашеніе быть наготовѣ, чтобъ слѣдовать за нимъ; назначено даже было ѣхать туда же отъ каждой коллегіи президенту съ двумя ассессорами. Его же высочество, вѣроятно, потому не былъ приглашенъ, что хотѣли предоставить на его волю, ѣхать или не ѣхать. Мы совѣтовали ему ѣхать, тѣмъ болѣе, что въ поѣздкѣ участвовала и императрица. Я узналъ нынче, что похороны капитана Вильстера были вчера и что императоръ также на нихъ присутствовалъ.

2. Назначено было, кому сопровождать его высочество въ Кронслотъ. Для этого выбрали Бонде, Плате, Брюммера, Негелейна и меня Брюммеръ рано поутру былъ посланъ къ г. Ягужинскому, чтобъ уз-

*) Что̀ это было за общество, о которомъ Берхгольцъ нигдѣ ни прежде, ни послѣ не упоминаетъ—неизвѣстно. *И. А.*—Вотъ, по всему вѣроятію, начало масонства въ Россіи. П. Б.

нать отъ него что-нибудь о поѣздкѣ, но не могъ ужъ добиться свиданія съ нимъ. Около 4-хъ часовъ послѣ обѣда раздались три пушечныхъ выстрѣла и поднятъ былъ флагъ буеровъ, какъ сигналъ для сбора послѣднихъ у дома «Четырехъ Фрегатовъ». Такъ какъ его высочество страдалъ сильною головною болью, а вѣтеръ былъ несовсѣмъ благопріятный, да и императоръ намѣревался тотчасъ за городомъ стать на ночь на якоряхъ, то нашъ отъѣздъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня; но все остальное общество, кромѣ насъ, собралось по ту сторону рѣки, и въ 5 часовъ флотилія буеровъ отплыла при пушечной пальбѣ изъ крѣпости и Адмиралтейства. Таже пальба сопровождала яхту «Принцесса Елисавета» и въ особенности новую шняву, которыя также отправлялись въ Кронслотъ.

3. Въ 10 часовъ мы отплыли прямо изъ нашего дома, хотя вѣтеръ былъ почти противный, и, доѣхавъ до конца Васильевскаго острова, гдѣ строится новая галерная гавань, увидѣли еще недалеко впереди всю флотилію, которая простояла въ этой гавани на якорѣ и только недавно вышла въ море. Яхта «Принцесса Елисавета» даже не снималась еще съ якоря, когда мы подошли туда; но и она потомъ тронулась въ путь. Около 7-ми часовъ мы прибыли въ Кронслотъ и остановились на прежней своей квартирѣ, въ которой однакожъ не было никакой мёбели. Коммандоръ Бредаль снабдилъ насъ дюжиною стульевъ и необходимыми дровами.

4. Утромъ, его высочество послалъ графа Бонде къ императрицѣ (которая съ императоромъ въ первый разъ занимала свой новый большой дворецъ) освѣдомиться о здоровьи ея величества. Вскорѣ послѣ того его высочество посѣтили вице-адмиралъ Сиверсъ и контръ-адмиралъ Зандеръ, которые увѣряли, что закладка новаго укрѣпленія послѣдуетъ не прежде, какъ послѣ - завтра; но графу Бонде при дворѣ говорили, что она состоялась бы въ этотъ день, еслибъ погода была хороша. Въ четыре часа послѣ обѣда пріѣзжалъ къ герцогу каммеръюнкеръ императрицы Шепелевъ съ поклономъ отъ ея величества.

5. Графъ Бонде осматривалъ со мною разснащенный флотъ, и капитанъ Делапъ всюду водилъ насъ, въ особенности показывая намъ самый большой изъ кораблей «Фридрихштатъ», на которомъ онъ служитъ лейтенантомъ. Теперь, когда этотъ корабль стоялъ пустой, онъ казался еще вдвое больше. Флотъ состоялъ изъ двадцати слишкомъ линейныхъ кораблей, которые всѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, никакъ не старѣе 8-ми и 9-ти лѣтъ. Офицеры увѣряли, что они такъ превосходно сдѣланы, какъ нигдѣ въ свѣтѣ, и что такого корабля, какъ «Екатерина» (на которомъ въ нынѣшнемъ году лѣтомъ плавалъ императоръ), если разсматривать его со стороны устройства и кра-

соты, даже нѣтъ ни въ Англіи, ни въ другихъ государствахъ. Мы осматривали еще въ военной гавани длинный домъ, въ которомъ зимою всѣ шлюпки, принадлежащія къ флотиліи, сушатся, а къ лѣту вновь окрашиваются. Въ самой гавани, со стороны С.-Петербурга, воздвигаютъ еще нѣсколько новыхъ бастіоновъ, потому что до сихъ поръ эта сторона была огорожена только прямымъ болверкомъ.

6. Въ Воскресенье, поутру, императоръ съ императрицею и со всѣми вельможами былъ въ церкви, а послѣ того всѣмъ назначили собраться въ 2 часа пополудни у князя Меншикова, чтобы оттуда отправиться на мѣсто закладки новаго укрѣпленія. Хотя его высочество намѣревался въ этотъ день держать свой обыкновенный постъ, однакожъ принужденъ былъ отложить его, не зная, будетъ ли при закладкѣ какая нибудь закуска, или предется пить вино на тощій желудокъ; а потому пообѣдалъ вмѣстѣ съ нами и затѣмъ, часа въ три, отправился съ своею свитою къ князю, куда вскорѣ послѣ насъ пожаловалъ и императоръ; но императрица, съ тѣми немногими дамами, которыя находились здѣсь при ней, пріѣхала только около 5-ти часовъ. Между тѣмъ, такъ какъ дождь и сильная буря не утихали, отчего и самое мѣсто, назначенное подъ новое укрѣпленіе, было совершенно затоплено водою, закладка и на сей разъ не состоялась; насъ стали даже увѣрять, что она вовсе будетъ отложена и что мы, если вѣтеръ перемѣнится на попутный, на другой же день отплывемъ обратно въ С.-Петербургъ; потому что императору черезъ нѣсколько дней предстояла поѣздка въ Шлюссельбургъ по случаю приближенія празднества, бывающаго ежегодно въ память покоренія этого мѣста. У князя мы видѣли какъ планъ большой башни, которую предположено устроить надъ главнымъ каналомъ и подъ которой можно будетъ проходить кораблямъ на всѣхъ парусахъ, такъ и планъ доковъ и шлюзовъ, устраиваемыхъ здѣсь для починки кораблей. Ему порученъ главный надзоръ за этими постройками. Вскорѣ послѣ пріѣзда императрицы сѣли обѣдать, и все общество помѣстилось за однимъ столомъ въ большой залѣ князя Меншикова, въ которой одна отдѣлка плафона стоила 500 рублей и на позолоту употреблено 500 червонцевъ. Расписывалъ ее одинъ очень искусный Французскій мастеръ. За столомъ императоръ сидѣлъ въ серединѣ, имѣя съ лѣвой стороны императрицу и дамъ, а съ правой его высочество, обоихъ принцевъ (Гессенскихъ) и прочихъ кавалеровъ. Ихъ величества были необыкновенно милостивы къ нашему герцогу, и государыня объявила ему, что онъ избавляется отъ поѣздки въ Шлюссельбургъ, куда и она не поѣдетъ.

берній, отдадутъ отчетъ Богу за зло, содѣянное ими. Они старались отдѣлить рожденныхъ на Руси и въ Литвѣ среди народа Русскаго, опольшившихся помѣщиковъ отъ Россіи и правительства ея. Они виновны политическому хмелю въ головахъ настоящей генераціи шляхты, владѣющей имѣніями незаслуженно на правахъ Россійскаго дворянства, и, можетъ быть, нѣсколькихъ еще генерацій. Ихъ направленіемъ оживились мечты небывалаго Польскаго величія; въ школахъ преподавалась сказочная исторія Польши и только весьма поверхностныя свѣдѣнія изъ исторіи государства Россійскаго; виршами и поэзіею на Польскомъ языкѣ воспламенялось воображенія молодежи, коей не давали никакого понятія ни о силѣ народа, ни о духѣ правительства Русскихъ; католицизмъ и совершенное невѣдѣніе о церковно-славянскомъ нарѣчіи (поелику латынь замѣняла его въ теченіе многихъ вѣковъ) заградили путь къ усовершенствованію нарѣчія Польскаго, искаженнаго множествомъ иностранныхъ словъ изъ чуждыхъ ему языковъ Запада. Все это вмѣстѣ было и есть такимъ препятствіемъ къ полезному слiянію поколѣній одного и того же начала, что, углубляясь мыслью въ нравственный міръ Славянскій, Поляки кажутся далѣе всѣхъ племенъ онаго отъ господствующей идеи соединенія единоплеменныхъ народовъ.

Поляки кричатъ сквозь слезы, что ихъ 20 милліоновъ. Писали объ этомъ прежде и иностранцы; но ученый Шафарикъ, опредѣливши доказательно девятимилліонную только народность Польскую, содѣлалъ тѣмъ крикъ вопіющимъ въ пустыни.

Теперь исповѣданіе Римское есть тема для жалобъ на утѣсненія. Возвращеніе Уніатовъ къ Православію описывается Поляками какъ насиліе; а если бы они заглянули въ исторію Уніи, то какъ бы назвали отданіе Жидамъ въ аренду церквей православныхъ на Руси, отчужденіе гражданъ отъ всякаго участія въ сеймахъ, мученическія кончины за вѣру представителей народа Русскаго, подпавшаго подъ иго неистовыхъ католиковъ и т. п.

Какъ кто ни говори, а дѣйствительно, страхомъ всякій порядокъ держится. Смѣлъ ли кто вымолвить хотя одно слово, въ господствованіе Французовъ, о смѣшанныхъ бракахъ, когда они могли совершаться даже предъ гражданскими властями? А нынѣ какой нибудь невѣжественный ксендзъ дерзаетъ возставать противу правителей отъ увѣренности, что его не разстрѣляютъ за сопротивленіе уставамъ государственнымъ.

Кодексъ Наполеона введенъ и въ Царство Польское, имъ судятъ и рядятъ въ краю; но поелику онъ отнималъ у духовенства доходы за совершеніе браковъ, то статья эта и перемѣнена на основаніи каноническихъ правъ, столько же нужныхъ теперь, сколько статутъ Вислицкій".

Съ внѣшней стороны книга издана прекрасно, но повидимому не предназначена въ продажу, такъ какъ напечатана лишь въ количествѣ 200 нумерованныхъ экземпляровъ.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1903 года.

(Годъ 41-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1903 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.: годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1902** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.